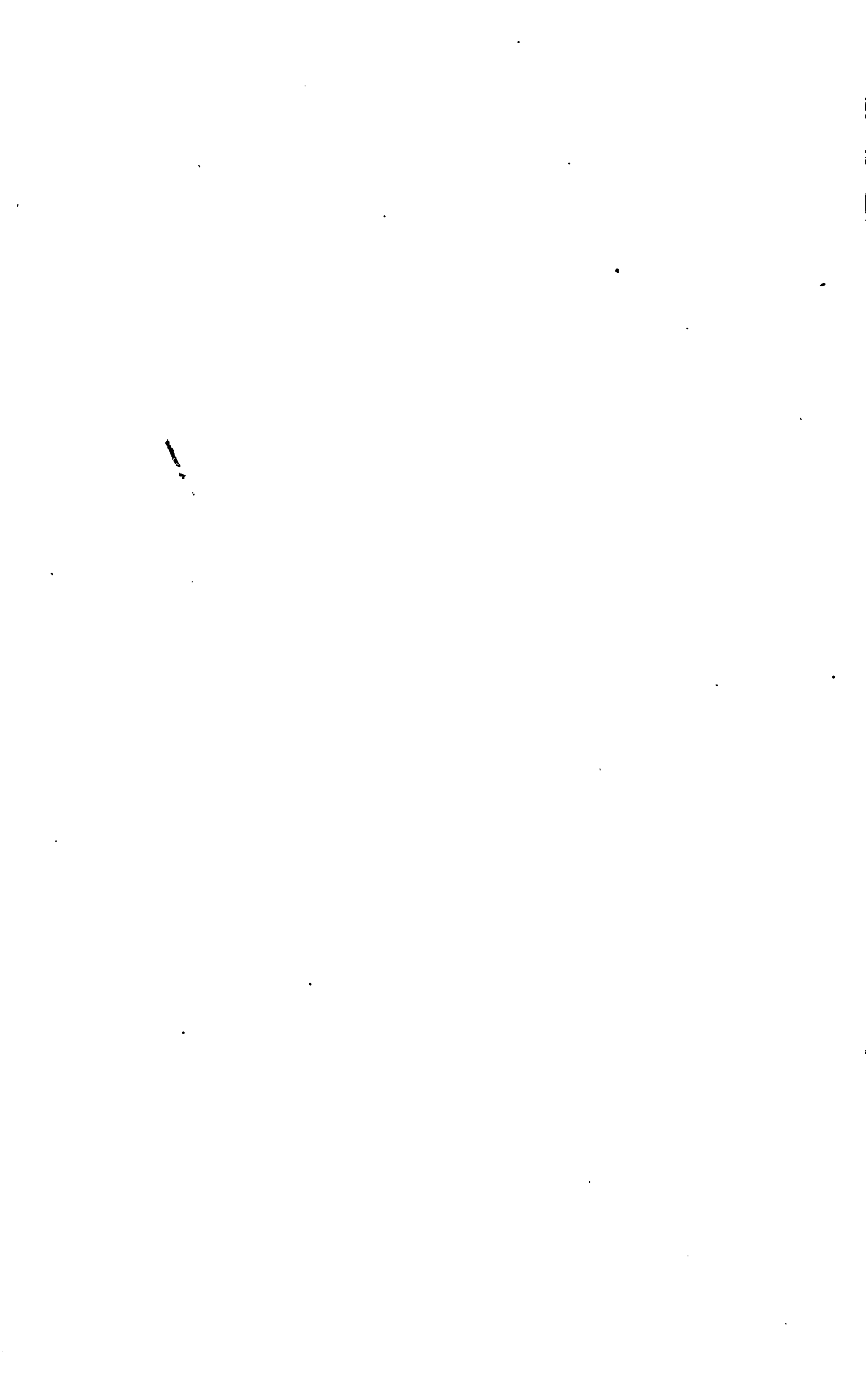

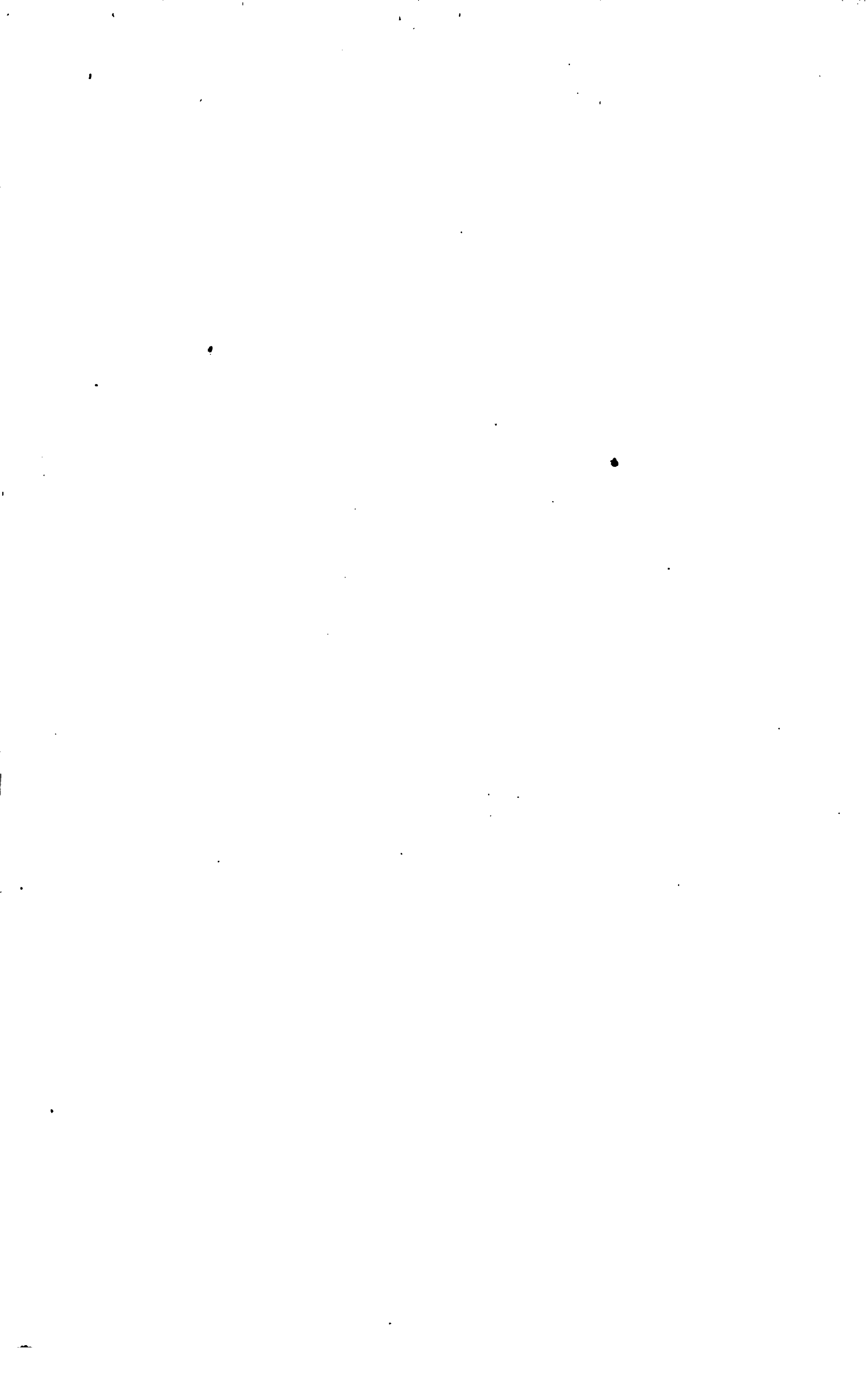

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ТРИДЦАТЬ-ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ III.

ОДЪ LXVIII. — ТОМЪ CDL.—1/14 МАЯ 1904.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-ДВАДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЬ-ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ III

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
Васильевскій Островъ, 5-я линія,
№ 28.

Экспедиція журнала:
Вас. Остр., Академич. переулокъ,
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1904

ИЗЪ ЖИЗНИ

НА

ДАЛЬНЕМЪ ВОСТОКѢ

Іюнь 1900 г.—Мартъ 1903 г.

Южно-Уссурійскій край, Печилійская провинція, Японія и Южная Манчжурія.

---

19 *).

28 января 1901 г., г. Шанхай-Гуань.

Хочу описать вамъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, что мы переиспытали третьяго дня. Весь вечеръ 26-го января мы бесѣдовали на тему о войнѣ. Б. разсказывалъ о своихъ впечатлѣніяхъ подъ Тянцзиномъ, какъ тамъ бывало жарко, и какъ свирѣпѣютъ люди въ бою. Онъ разсказывалъ, какъ командовавшій сводныиъ полкомъ японскій полковникъ собственноручно рубилъ направо и налѣво и затѣмъ хвастался окровавленными кителемъ и манжетами. Все это было бѣлоснѣжно передъ сраженіемъ и покрыто кровью послѣ него. Казаки наносятъ шашкой такіе страшные удары, что просто не вѣрится. Напр., однимъ ударомъ разсѣкаютъ голову до позвоночнаго столба; перерубаютъ человѣка пополамъ, такъ что совершенно отдѣляется верхняя часть туловища отъ нижней! И тому подобныя милыя воспоминанія. Только-что мы разошлись, взволнованные всѣмъ выслушаннымъ,

---

*) См. выше: апр., 433 стр.

и я принялась за письмо, какъ услыхала, что стучатся къ нашему сосѣду И. (онъ временно командуетъ полкомъ, по случаю отъѣзда командира полка) и докладываютъ: „В. в—іе! экстренная бумага отъ начальника отряда“! Почему-то я сразу подумала, что это—извѣстіе о появленіи китайцевъ. Мужъ, конечно, сказалъ: „пустяки“! Но оказалось, дѣйствительно, распоряженіе о томъ, чтобы немедленно отправить взводъ по желѣзной дорогѣ (въ первыя минуты говорили—за десять верстъ), въ помощь осажденнымъ китайцами стрѣлкамъ. Легко представить себѣ переполохъ, который поднялся въ нашей мирной „Бѣлогорской крѣпости“! Черезъ полчаса взводъ былъ уже готовъ и выступилъ на вокзалъ подъ командой К., жена котораго съ нимъ живетъ тутъ же. Назначѐнъ былъ, собственно, С., но онъ былъ на именинахъ въ фортѣ № 7. Вскорѣ, впрочемъ, онъ нагналъ ушедшихъ. О назначеніи С. въ походъ тоже хочу сказать нѣсколько словъ. Какъ разъ въ тотъ же день, 26-го янв., Б. принесъ группу, въ которой снята его жена съ тремя офицерами: Г., Сл. и С. Изъ нихъ двое первые убиты въ настоящую кампанію—невольно приходило въ голову, что очередь за С. Кромѣ того, мы вспомнили, что онъ еще разъ снимался въ группѣ съ двумя другими, тоже нынѣ уже не существующими офицерами. Это были два его пріятеля-артиллериста, оба кончившіе свою молодую жизнь самоубійствомъ. Послѣ того, какъ второй изъ вышеупомянутыхъ офицеровъ поконч[illegible]ъ съ собою, С.,—какъ разсказывалъ все въ тотъ же день, 26-го янв., Б.,—сказалъ: „теперь очередь за мной“! Если я прибавлю, что С.—всеобщій любимецъ, le fils du régiment, какъ его называли въ полку,—вы поймете, почему нервность всѣхъ насъ должна была увеличиться. Была еще одна причина: въ тотъ же день, въ пять часовъ пополудни (бумага начальника отряда была получена въ одиннадцать часовъ вечера), уѣхалъ въ Цвичжоуфу нашъ младшій врачъ, и онъ обязательно долженъ былъ проѣзжать ту станцію, гдѣ, по слухамъ, китайцы осаждали стрѣлковъ. А молодой человѣкъ онъ очень пылкій, страшно здѣсь тоскуетъ, не участвовалъ ни въ одномъ дѣлѣ и все жаждетъ сильныхъ ощущеній. Въ командировку онъ уѣхалъ тоже прямо съ именинъ, вооруженный револьверомъ и шашкой. Передъ отъѣздомъ онъ все твердилъ: „я дешево не отдамъ свою жизнь“, хотя никто и не думалъ тогда, чтобы предстояла какая-нибудь опасность. Снарядивши своихъ, нашъ командующій полкомъ поѣхалъ къ начальнику отряда и вернулся со слѣдующими вѣстями. Нѣсколько дней тому назадъ рота стрѣлковъ, производя рекогносцировку, наткнулась на многочисленную шайку боксе-

ровъ. Произошла стычка; рота потеряла четыре человѣка убитыми, восемь—ранеными; два офицера контужены. 26-го января полкъ отправилъ взводъ съ хоромъ музыки, хоронить покойниковъ, и вотъ тутъ ихъ окружили китайцы (какъ оказалось въ дѣйствительности, дѣло происходило въ ста верстахъ отъ Шанхай-Гуаня), и они присылали телеграмму за телеграммой, прося помощи. Былъ сформированъ отрядъ: рота стрѣлковъ, полусотня казаковъ и двѣ пушки, и все это двинулось на помощь стрѣлкамъ. Кромѣ того, начальникъ отряда разсказалъ, что днемъ къ нему явились два китайца и предупредили, что завтра, т.-е. 27 числа, будетъ нападеніе на Шанхай-Гуань. Положимъ, предполагаемому нападенію на насъ никто не придавалъ особой вѣры. Здѣсь около трехъ тысячъ союзныхъ войскъ; кромѣ того, во всякое время можетъ быть высаженъ дессантъ со стаціонеровъ, такъ что трудно допустить, чтобы китайцы отважились напасть на насъ, тѣмъ болѣе, если принять во вниманіе, какъ они выказали себя въ настоящую кампанію. Но... кто ихъ знаетъ! Можетъ быть, они въ самомъ дѣлѣ собрали большую армію и вдругъ нагрянутъ изъ-за горъ!.. Никто не легъ въ эту ночь раньше двухъ-трехъ часовъ. На слѣдующій день, т.-е. вчера, случилось еще одно маленькое происшествіе. Нижніе чины, уѣхавшіе съ утра за дровами, вернувшись, привезли съ собою боксерскую пику и много очень патроновъ револьверныхъ, а владѣлецъ пики и патроновъ удралъ у нихъ на глазахъ. Это еще ни разу не случалось съ тѣхъ поръ, какъ мы тутъ! Признаюсь, мнѣ стало очень страшно... Такое напряженное состояніе продолжалось часовъ до семи вечера, когда были получены телеграммы о томъ, что весь отрядъ благополучно возвращается домой. Слава Богу! Они вернулись ночью; я не дождалась ихъ возвращенія, но знаю уже, что это была ложная тревога. Рота пѣхоты, дѣйствительно, наткнулась гдѣ-то на китайцевъ и понесла потери. Но что касается дальнѣйшаго, то это было плодомъ... „излишней осторожности" одного ротнаго командира, чтобы не сказать больше...

20.

31 января 1901 г., Шанхай-Гуань.

Разскажу вамъ о смотрѣ, который произвелъ здѣсь союзнымъ войскамъ Вальдерзее. Вѣроятно, вы увидите иллюстрацію этого парада, такъ какъ его снимали фотографы всѣхъ націй. Парадъ былъ блестящій, въ немъ принимали участіе войска семи дер-

жавъ: нѣмцы, англичане, французы, японцы, русскіе, австрійцы и итальянцы. Сначала рѣшали трудный вопросъ, въ какомъ порядкѣ пропускать войска церемоніальнымъ маршемъ. Рѣшено было—въ алфавитномъ порядкѣ, по наименованію государствъ. И такъ они и дефилировали: Deutschland, England, Frankreich, Italien, Japan, Oesterreich, Russland. Наши прошли въ хвостѣ, и хотя казаки лихо промчались передъ командующимъ всѣми союзными войсками и удостоились отъ него „спасибо", но производили „сѣрое" впечатлѣніе, благодаря сѣрому цвѣту своихъ шинелей и отсутствію блеска въ обмундировкѣ. Нѣкоторыя войска очень живописно и красиво одѣты. Напримѣръ, зуавы: у нихъ турецкій костюмъ—широчайшія красивыя шаровары, темно-синія куртки, вышитыя красными шнурами, на головахъ—красивыя фески. Еще лучше красные сипаи. Во-первыхъ, это все рослый народъ, съ темно-бронзовыми лицами и черными курчавыми бородами. Нижняя часть ихъ туалета — темная; зато великолѣпныя ярко-красныя куртки и такіе же тюрбаны такъ и сверкаютъ на солнцѣ и очень идутъ къ лицамъ ихъ типа. Парадъ былъ красивъ и, кромѣ того, внушителенъ, такъ какъ показалъ во-очію, что гарнизонъ Шанхай-Гуаня—порядочная сила.

Недавно мужъ познакомился съ губернаторомъ Шанхай-Гуаня —„фудутуномъ"—и сталъ его просить, чтобы онъ позволилъ мнѣ познакомиться съ его женой,—мнѣ давно уже хотѣлось побывать въ зажиточной, интеллигентной китайской семьѣ, посмотрѣть ихъ бытъ. Представьте себѣ,—ни за что не позволилъ! Домашній бытъ китайца—святая святыхъ, куда онъ не допускаетъ никого чужого, и только въ прошломъ году, въ первый разъ отъ сотворенія міра, китайская императрица принимала европейскихъ дамъ. Сначала „фудутунъ" сказалъ, что нельзя допустить къ его женѣ переводчика-мужчину—нужна женщина. Оказалось, что таковая имѣется: жена одного офицера, говорящая по-китайски. Когда онъ узналъ, что съ этой стороны потерпѣлъ матъ, то сталъ увѣрять, что женѣ его некогда,—она все занята дѣтьми; кромѣ того, жена его грязная, дѣти грязныя и т. п. отговорки. (Послѣ я узнала, что не всѣ китайцы такъ строги въ этомъ отношеніи, и можетъ быть подъ вліяніемъ европейцевъ, или отчасти со страха, допускали русскихъ дамъ къ своимъ женамъ). Мужъ мой устроилъ такъ, чтобы получить приглашеніе на обѣдъ къ „фудутуну"; и можетъ быть и я туда попаду—ужъ очень мнѣ любопытно. Только врядъ ли: женщины у нихъ не въ авантажѣ, хотя *императрица* правитъ страной.

Вчера мы сдѣлали большую прогулку, ѣздили на берегъ моря,

въ международный фортъ № 1. Такъ называется фортъ, въ которомъ всѣ державы, воюющія съ Китаемъ, имѣютъ своихъ представителей. На прекрасномъ и недоступномъ снаружи валу, окружающемъ этотъ фортъ, расположены грозныя пушки—каждая подъ другимъ флагомъ, и онѣ такъ установлены, что еслибы непріятель показался изнутри страны, ихъ можно моментально повернуть въ сторону, обратную отъ моря, и будутъ онѣ „плевать" на несчастныхъ китайцевъ, откуда бы они ни появились. Фортъ этотъ находится верстахъ въ восьми отъ нашего форта, и туда ведутъ прекрасныя дороги, усаженныя аллеями. Вообще вся мѣстность, сколько ни хватаетъ глазъ (а хватаетъ онъ далеко съ возвышенныхъ пунктовъ), въ высшей степени воздѣлана, на каждомъ клочкѣ видна рука человѣка. Передъ зрителемъ, поднявшимся на валъ какого-нибудь форта, вырисовывается Великая китайская стѣна, г. Шанхай-Гуань, масса—я думаю, не менѣе пятнадцати-шестнадцати—фортовъ. А въ промежуткахъ все хутора, и каждая пядь земли великолѣпно воздѣлана. Всѣ хутора и форты соединены дорогами, обсаженными чудными аллеями. Рамкой для картины служитъ съ одной стороны—море, съ другой—горный хребетъ. Къ сожалѣнію люди приложили ко всему видѣнному руки, не только съ цѣлью созидательной, но и съ разрушительною. Аллеи безжалостно вырубаются на топливо, а *всѣ* деревни вокругъ насъ сожжены, и остатки ихъ тоже разбираются союзными войсками на отопленіе. Вообще, отопленіе здѣсь составляетъ очень серьезный вопросъ. Холода порядочные, достигаютъ до $10-12^{0}$ по Цельсію; притомъ здѣсь дуютъ рѣзкіе сѣверовосточные вѣтры; а фанзы, въ которыхъ мы живемъ, устроены такъ, что сквозь стѣны продуваетъ прекраснѣйшимъ образомъ. Не могу понять, какъ китайцы въ нихъ зимуютъ при бумажныхъ окнахъ и при ихъ системѣ отапливать соломой или камышомъ! Итакъ, надо топить, а лѣсу кругомъ нѣтъ. Вотъ и рубятъ аллеи, и забираютъ все, что̀ годится, въ покинутыхъ деревняхъ: мы согрѣваемся мебелью и домами несчастныхъ китайцевъ! Но наконецъ всѣ окрестныя деревни уже окончательно разграблены. Тогда стали командировать нижнихъ чиновъ въ болѣе отдаленные пункты за топливомъ. И хотя нашимъ, напримѣръ, *строжайше* запрещено забираться въ жилыя деревни, они безъ сомнѣнія дѣлаютъ это, тѣмъ болѣе, что жители, при приближеніи европейскихъ войскъ, бѣгутъ, и такимъ образомъ деревни временно являются покинутыми. Это самыя незначительныя изъ жестокостей, которыми сопровождается война. Кончилась эта исторія съ дровами тѣмъ, что къ командиру явилась депутація

китайцевъ съ обѣщаніемъ доставлять топливо, сколько надо будетъ, только бы избавили жителей отъ набѣговъ нижнихъ чиновъ, а то, молъ, „шибко обижаютъ бабушекъ"—китайскихъ женщинъ. Командиръ былъ этому очень радъ. Онъ и раньше готовъ былъ платить за дрова, сколько потребуютъ, но они не соглашались доставлять. А теперь потянулись къ намъ ежедневно караваны осликовъ, и черезъ спину каждаго ослика переброшено по двѣ вязанки мелкихъ дровъ!—Китай и помимо войны страна жестокостей. Здѣсь отрубаютъ человѣку голову такъ же легко, какъ у насъ сажаютъ въ тюрьму. И европейцы тоже находятъ, что съ китайцами иначе поступать нельзя! Въ бытность нашу въ Тянцзинѣ, когда было установлено международное управленіе городомъ, было нѣсколько казней, и каждый разъ головы выставлялись на видное мѣсто для устрашенія. Только тамъ мы ихъ какъ-то ни разу не видали. А здѣсь, при въѣздѣ въ городъ, висятъ въ камышевыхъ клѣткахъ три несчастныя головы, и я уже два раза проѣзжала мимо нихъ. Еслибы, живя въ Европѣ, я увидала это на картинкѣ, то не повѣрила бы, что это правда. Какъ-то странно думать, что въ настоящій вѣкъ выставляются на показъ отрубленныя человѣческія головы! Да, приходится видѣть, слышать, переживать маловѣроятныя вещи!

21.

15 февраля 1901 г., Шанхай-Гуань.

Погода здѣсь стоитъ прелестная, и мы часто предпринимаемъ прогулки, большею частью вдвоемъ съ мужемъ, но иногда въ компаніи. Недалеко отъ нашего форта сипаи устроили великолѣпный скаковой кругъ и часто тамъ упражняются. Желающіе любоваться красивыми лошадьми часто тамъ бываютъ. Ходимъ мы теперь на Великую стѣну, отстоящую отъ насъ на версту разстоянія. Время и желѣзная дорога разрушили ее въ нѣсколькихъ мѣстахъ; по этимъ изуродованнымъ мѣстамъ мы взбираемся на самую стѣну и гуляемъ по гребню ея. Какъ хотите, а это странное чувство—сознавать, что ходишь по Великой Китайской стѣнѣ! Однажды, только-что мы вышли изъ форта, какъ встрѣтили кучку китайцевъ, направлявшихся намъ на встрѣчу. Впереди шелъ человѣкъ высокаго роста съ бѣлымъ флагомъ въ рукѣ; на флагѣ крупными синими буквами было написано порусски: „Полтно" (?). Поровнявшись съ нами, высокій китаецъ торопливо пожалъ каждому изъ насъ руку и началъ что-то гово-

рить взволнованнымъ голосомъ, энергично размахивая руками. Мы, конечно, ничего не понимаемъ. Но кавалеры наши, полагая, судя по надписи на флагѣ, что передъ нами „портной", предложили ему: „приходи, братецъ, завтра къ намъ въ фортъ и тамъ работу получишь". На этомъ и кончилось первое свиданіе. На другой день утромъ, китаецъ, не понявши, конечно, въ свою очередь, что̀ ему было сказано, въ фортъ не явился. Но, зато, только-что мы вышли на нашу обычную послѣобѣденную прогулку, какъ встрѣтили вчерашнюю кучку китайцевъ, и на этотъ разъ всѣ были сильно ажитированы. Опять рукопожатія, опять высокій сталъ излагать свое дѣло, и опять никто ничего не понималъ. Тогда одинъ изъ китайцевъ съ яростью сорвалъ съ себя халатъ, бросилъ его о̀ земь и принялся изъ всей силы колотить его... Мы поняли, что дѣло серьезное. На этотъ разъ китайцу было сказано придти на другой день съ переводчикомъ. Слово „переводчикъ" было понято. Китайцы всѣ одобрительно закивали головами, и на слѣдующее утро явились къ намъ въ фортъ съ переводчикомъ. Оказалось, что высокій китаецъ—это бывшій студентъ пекинскаго университета. Война заставила его покинуть Пекинъ. Недалеко отъ нашего форта онъ пріобрѣлъ небольшую усадьбу и открылъ въ ней школу для мальчиковъ. Но сипаи (англійскія войска изъ Индіи), въ поискахъ за топливомъ, наткнулись на его усадьбу и принялись разорять ее. Онъ защищался, какъ могъ; но мы видѣли по жесту китайца, сорвавшаго съ себя халатъ, каковы были результаты этой защиты. И вотъ бѣдный учитель прибѣгнулъ къ покровительству русскихъ. Командующій нашимъ полкомъ, добрый, милый старикъ, типъ человѣка цѣльнаго, пробившагося въ люди изъ нижнихъ чиновъ, выдалъ нашему китайцу большой русскій флагъ съ надписью, что „китаецъ такой-то находится подъ покровительствомъ русскихъ". Учитель ушелъ, сіяя отъ радости. И дѣйствительно: мы потомъ слышали, что флагъ нашъ подѣйствовалъ,—сипаи перестали его обижать. Что̀ означала надпись „полтно" на его флагѣ—осталось невыясненнымъ.

Монотонную жизнь нашу разнообразятъ фокусники. Вы всѣ, вѣроятно, слышали, что китайцы—чрезвычайно ловкіе фокусники. Ловкость китайскихъ жонглеровъ и фокусниковъ выше всякой похвалы, особенно послѣднихъ. Это тѣмъ болѣе поразительно, что сценой имъ служитъ обыкновенный дворъ, а единственная „обстановка"—это высокій деревянный цилиндръ, изъ котораго фокусникъ вытаскиваетъ весь свой хламъ и который, въ то время, когда онъ показываетъ фокусъ, стоитъ далеко отъ него. Ки-

таецъ разстилаетъ передъ собою прямо на землѣ, долженствующую изображать скатерть, грязную тряпицу; иногда чтобы еще болѣе оттѣнить свою ловкость,—сбрасываетъ съ себя всю одежду, и остается передъ вами въ однихъ невыразимыхъ [1]). Мальчишка, по его приказанію, подаетъ ему изъ цилиндра все необходимое, и при такой незатѣйливой обстановкѣ продѣлываются самые удивительные, сложные фокусы. Особенно меня поразилъ одинъ фокусъ. Намъ была показана обыкновенная фаянсовая чашечка. Чашку эту фокусникъ поставилъ на большую каменную плиту (весь нашъ дворъ сплошь вымощенъ такими квадратными плитами) и прикрылъ своей тряпицей. Всѣ мы ясно различали подъ тряпицей контуры чашки. Китаецъ приподнялъ тряпицу, и мы убѣдились, что чашка подъ нею. Затѣмъ онъ опять покрылъ чашку и ударомъ палки разбилъ ее въ дребезги. Мы слышали звонъ разбиваемой посуды и различали подъ тряпицей черепки, Когда тряпица была приподнята,—все, конечно, исчезло. Но этого мало. Вторично прикрылъ онъ камень тряпицей и, очертивъ палкой небольшой кругъ, сталъ дѣлать видъ, что онъ что-то приподнимаетъ, вытягиваетъ съ усиліемъ. У насъ на глазахъ подъ тряпицей стали вырисовываться контуры чашки, выростающей изъ камня. Чтобы убѣдить насъ, что передъ нами дѣйствительно чашка, фокусникъ постучалъ по ней палочкой. Послышался характерный звонъ. Еще нѣсколько усилій, и чашка была извлечена изъ камня, буквально, и торжественно показана намъ.

Иногда приводятъ дрессированныхъ медвѣдей, которые очень хорошо выдрессированы и понимаютъ, какъ онъ говоритъ, по-русски и по-китайски, такъ какъ вожаки, изъ уваженія къ публикѣ, командуютъ своимъ медвѣдемъ на ломаномъ русскомъ языкѣ...

Въ другихъ фортахъ, расположенныхъ вокругъ Шанхай-Гуаня, поставлены войска союзныхъ державъ. Есть фортъ нѣмецкій, японскій, два форта англійскихъ (сипаи), одинъ или два французскихъ форта и фортъ международный, гдѣ всѣхъ насъ понемногу. Наши офицеры знакомятся понемногу съ иностранцами; главнымъ препятствіемъ для сближенія служитъ незнаніе языковъ. Мало кто изъ нашихъ офицеровъ говоритъ на иностранныхъ языкахъ, а иностранцы и того рѣже—по-русски. Тутъ посредниками служатъ дамы, такъ какъ у насъ онѣ чаще владѣютъ языками, чѣмъ мужчины. Но какъ мало мы ни встрѣ-

---

[1]) Вы удивляетесь, что китаецъ зимой сбрасываетъ съ себя всю одежду, вамъ это кажется невѣроятнымъ, но это—фактъ.

чались съ иностранцами, достаточно было и этого поверхностнаго знакомства, чтобы судить о томъ, что на людей всѣхъ націй одинаково дурно и развращающимъ образомъ дѣйствуетъ война. Понятія спутываются; то, что въ мирное время порицается, является доблестью въ военное время, и люди окончательно перестаютъ отличать добро отъ зла. Врагъ, въ данномъ случаѣ китаецъ—это вовсе не человѣкъ, это нѣчто такое, что не должно вызывать ни состраданія, никакихъ добрыхъ чувствъ. Какъ-то разъ у насъ былъ въ гостяхъ офицеръ-зуавъ. Зашла рѣчь о китайцахъ и я сказала какую-то фразу въ ихъ защиту. Зуавъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня. „Comment, madame, est-ce que vous aimez les clinois?"—спросилъ онъ меня. „Je ne les aime pas,—отвѣчала я ему,—mais je les plains".—„Est-ce qu'on peut plaindre les clinois!"—Ихъ, видите ли, и жалѣть нельзя! Приведу еще отрывокъ изъ разговора съ нѣмецкимъ офицеромъ. Онъ разсказывалъ о казни убійцы Кетелера; разсказывалъ всѣ подробности о томъ, какъ кровь забила фонтаномъ изъ обезглавленнаго трупа и какъ нѣсколько капель этой горячей крови попало и на него, разсказчика. „Und ich blieb kalt dabei", хвастливо прибавилъ этотъ милый молодой человѣкъ. Наши, конечно, не составляютъ исключенія и тоже на каждомъ шагу возмущаютъ меня, высказывая подобные взгляды.

Насколько съ нашей женской, мирной, точки зрѣнія, портятся люди на войнѣ, трудно даже представить себѣ. Могу привести еще два-три примѣра этому. Въ Пекинѣ, говорятъ, былъ одинъ воинъ, который, въ первые дни послѣ взятія Пекина, забавлялся тѣмъ, что, гуляя по городской стѣнѣ, стрѣлялъ во всѣхъ появлявшихся на улицахъ китайцевъ, все равно—стариковъ, женщинъ и дѣтей... Стрѣлялъ, а затѣмъ дѣлалъ зарубки на своемъ ружьѣ, сколько душъ онъ загубилъ... А вотъ еще примѣръ, который мало вяжется не только съ христіанскимъ духомъ, но вообще съ понятіемъ о человѣкѣ. Одинъ молодой человѣкъ утверждалъ, горячо утверждалъ, что всякій человѣкъ въ душѣ—убійца, и что если мы не убиваемъ походя, то это только изъ-за страха наказанія. А на войнѣ, молъ, этого страха нѣтъ, и потому „съ наслажденіемъ" убиваютъ во-всю. Онъ-де самъ лично „зарубилъ шашкою" 35 человѣкъ! И обо всѣхъ этихъ убійствахъ вспоминаютъ съ удовольствіемъ. Единственное исключеніе составляетъ раненый китаецъ, котораго онъ добилъ „изъ состраданія". Вотъ объ этомъ ему непріятно вспоминать. Товарищи его разсказывали, что онъ дѣйствительно какой-то отчаянный, ничего не боится, и что когда „преслѣдуетъ непріятеля", то

въ самомъ дѣлѣ расчищаетъ шашкой улицу. Можетъ быть, онъ и герой. А по моему просто—маніакъ-убійца! Военные подвиги другого господина мнѣ неизвѣстны; но я слыхала, что когда онъ занималъ одну, такъ сказать, административную должность, у него ежедневно происходили экзекуціи, и „меньше 150 я не даю!“—хвасталъ онъ въ присутствіи многихъ. Начальникъ его, какъ говорятъ, самъ человѣкъ мягкій, вѣроятно во всю свою жизнь никого не ударившій, вмѣсто того, чтобы разнести его по заслугамъ, только полустыдливо, полуодобрительно хихикнулъ ему въ отвѣтъ. Такіе примѣры могутъ показаться единичными, исключительными. А что вы скажете, напр., на то, что „разряжали“ револьверъ, подстрѣливая проходящаго мимо китайца? И этакимъ дѣломъ занимались, какъ я слышала, воины всѣхъ странъ. Или, напр., мнѣ разсказывали про одного очень хорошаго офицера, который дѣйствительно геройски велъ себя въ минувшую кампанію, что онъ „пристрѣливалъ“ свою винтовку, цѣлясь и стрѣляя въ убѣгавшихъ китайцевъ. Можетъ быть, здѣсь надо обвинять не того, кто стрѣлялъ, а того, кто разсказывалъ. Но я хотѣла вамъ только показать, до чего путаются понятія въ военное время, до какого цинизма доходятъ люди хотя бы въ своихъ разсказахъ.

Недавно у зуавовъ былъ интересный праздникъ: нѣкоторые изъ ихъ нижнихъ чиновъ получили знакъ отличія св. Георгія, и по этому случаю было устроено франко-русское торжество. Были приглашены наши офицеры и нижніе чины—георгіевскіе кавалеры, а также всѣ фельдфебеля, вахмистры, унтеръ-офицеры и урядники. Говорятъ, все было очень мило устроено; французы, понятно, оказались очень гостепріимными хозяевами, и наши солдаты такъ побратались съ французскими, что всѣ помѣнялись головными уборами, а нѣкоторые и полной обмундировкой, и въ такомъ видѣ они ходили, обнявшись, пѣли другъ другу свои національныя пѣсни и плясали національные танцы. Вообще, солдаты всѣхъ націй прекрасно уживаются между собою, какъ это наглядно можно видѣть въ фортѣ № 1. Тамъ нерѣдко можно встрѣтить группу изъ представителей шести-семи народностей, между ними европейцы, темные сипаи, желтые японцы и даже китайцы (вѣроятно, подрядчики или рабочіе), и всѣ очень мирно и весело играютъ въ какую-нибудь игру, или просто ходятъ обнявшись, желая ближе познакомиться другъ съ другомъ. А ужъ какъ они понимаютъ другъ друга—это ихъ секретъ; но они отлично объясняются между собою. Приходитъ, напр., изъ экспедиціи нашъ отрядъ. Ворота заперты; на стѣнѣ часовой—французъ. Нашъ

солдатикъ, ничто же сумняшеся, кричитъ: „Эй, ты, франецъ, отопри"! И „франецъ" бѣжитъ внизъ, отпираетъ ворота и впускаетъ друзей. А вотъ еще и другая исторійка. Вскорѣ послѣ пріѣзда нашего въ Шанхай-Гуань, намъ нужно было послать вѣстового съ однимъ порученіемъ въ Тянцзинъ. Въ это время желѣзная дорога была уже сдана нѣмцамъ, и мы съ мужемъ сомнѣвались, съумѣетъ ли онъ съ ними объясниться. Но нашъ молодецъ разрѣшилъ недоумѣніе. „Ничего, ваше в—іе,—сказалъ онъ,—германцы говорятъ подходяще". И онъ съѣздилъ и исполнилъ все, чтò нужно было.

Моему мужу удалось познакомиться съ медицинской частью у иностранцевъ. Лучше всѣхъ это дѣло поставлено у нѣмцевъ; за ними слѣдуютъ японцы. Что касается французовъ и англичанъ, то надо думать, что у нихъ, такъ сказать, двѣ медицины—особая для метрополій и особая для колоній. Понятно, что здѣсь, въ Китаѣ, процвѣтаетъ „медицина для колоній", довольно-таки плохого качества.

Въ заключеніе письма, разскажу вамъ о нѣмецкомъ госпиталѣ, который мы посѣтили въ Янцунѣ, по дорогѣ изъ Пекина. Еще по дорогѣ въ Пекинъ мы обратили вниманіе на нѣчто въ родѣ маленькой крѣпости, въ разстояніи около 1/4 версты отъ вокзала въ Янцунѣ. Отъ нѣмецкихъ офицеровъ, ѣхавшихъ съ нами, мы узнали, что это госпиталь, и рѣшили непремѣнно навѣстить его на обратномъ пути. Поѣздъ стоялъ немного больше часа, и мы воспользовались этимъ временемъ для осмотра госпиталя. Главный врачъ, проф. Куттнеръ, любезно взялся все показать намъ. Оказалось, что госпиталь и весь персоналъ его прибылъ въ Янцунъ изъ южной Африки, куда они были командированы „Германскимъ обществомъ Краснаго Креста" въ помощь бурамъ. Госпиталь состоитъ изъ нѣсколькихъ складныхъ картонныхъ бараковъ; на каждый баракъ надѣтъ футляръ изъ камыша, обмазаннаго глиной, и получается постройка, по типу очень похожая на мѣстныя. Все это обнесено довольно высокимъ землянымъ валомъ, по угламъ котораго поставлены пушки. Госпиталь имѣетъ свою охрану и все такъ приспособлено, что онъ можетъ выдержать въ случаѣ нужды осаду. Что касается самаго госпиталя, то онъ выше всякой похвалы. Довольно вамъ сказать, что въ немъ есть, кажется, все, чтò только придумала медицинская наука. Есть зубоврачебный кабинетъ и кабинетъ для глазныхъ болѣзней; есть фотографическій аппаратъ и аппаратъ для изслѣдованія лучами Рентгена; есть и бактеріологическій кабинетъ. О палатахъ для больныхъ, объ операціонной комнатѣ, перевя-

зочной и т. п. я и не говорю. Все это устроено—какъ въ лучшихъ клиникахъ. Въ оградѣ три колодца, изъ нихъ одинъ спеціально для тифозныхъ больныхъ. Для тифозныхъ отведено два барака: одинъ—для больныхъ; другой—для поправляющихся. Въ то время, какъ мы посѣтили госпиталь, было Рождество по западно-европейскому стилю, и поэтому въ каждой палатѣ стояло по небольшой елкѣ съ дешевыми украшеніями. Профессоръ провелъ насъ въ столовую, и мы увидѣли прекрасную комнату, во всю длину которой стоялъ столъ, покрытый бѣлой скатертью. Въ углу—прелестная елка. Полъ покрытъ линолеумомъ. Забыла еще сказать, что въ каждой палатѣ стоятъ за ширмами прекрасный, удобный рукомойникъ и ванна. Побывали мы и въ кухнѣ, и въ помѣщеніи для бѣлья; послѣднему отведена огромная комната, всѣ четыре стѣны которой превращены въ шкапы; шкапы эти наполнены горами бѣлья, связаннаго по полудюжинамъ. Все сіяетъ нѣмецкой чистотой и аккуратностью. Поправляющіеся больные попадались намъ на дворѣ кучками; всѣ они были въ прекрасныхъ теплыхъ курткахъ—подарокъ, который прислала имъ къ Рождеству германская императрица... Главное, что они получили подарокъ этотъ во-время...

22.

25-го февраля 1901 г., Шанхай-Гуань.

Вотъ мы и послѣ „фудутунскаго" обѣда, друзья мои! Постараюсь описать подробно все, насколько съумѣю. Начать съ того, что общее впечатлѣніе было болѣе слабое, чѣмъ мы ожидали. Можетъ быть, оттого, что мы здѣсь понаслушались и насмотрѣлись достаточно китайщины и напередъ уже знали „menu" и какъ это будетъ подаваться.

Когда начальникъ отряда, дней шесть тому назадъ, былъ у насъ въ фортѣ, я ему сказала, что очень желала бы побывать у фудутуна и пообѣдать у него. Дня черезъ два получаю отъ начальника отряда записку о томъ, что фудутунъ выразилъ полное свое согласіе и удовольствіе принять у себя русскихъ дамъ (еще бы!) и угостить ихъ обѣдомъ. Я передала всѣмъ это извѣстіе и спросила, кто желаетъ ѣхать? Нашлось семь желающихъ въ нашемъ фортѣ — четверо мужчинъ и три дамы. Еще черезъ день было получено, по числу особъ, семь визитныхъ карточекъ фудутуна, съ приглашеніемъ къ нему на обѣдъ въ воскресенье, въ двѣнадцать часовъ дня (мы сами заранѣе на-

значили день и часъ). Но кромѣ насъ семерыхъ туда еще должны были пріѣхать: начальникъ отряда, два его помощника и еще одинъ офицеръ съ молоденькой женой. Мы всѣ одновременно подкатили къ крыльцу губернаторскаго дома [1]).

На крыльцѣ насъ встрѣтилъ самъ фудутунъ и его ближайшій помощникъ, полиціймейстеръ, окруженные свитой. Оба были въ парадныхъ костюмахъ, т.-е. поверхъ халатовъ надѣты были еще кофты изъ темнаго шолка, на груди и на спинѣ которыхъ были пришиты расшитые золотомъ и шелками квадратные куски шолковой матеріи. У фудутуна вышитъ какой-то апокриѳическій звѣрь; а у полиціймейстера—птица, нѣчто въ родѣ аиста. На шеяхъ у обоихъ — цѣпи изъ пестрыхъ стеклянныхъ шариковъ; на головахъ—шапки, съ длинными султанами назади. По этимъ султанамъ, по шарикамъ на шапкахъ и по вышивкамъ на груди распознаются чины. Насъ пригласили въ комнату, гдѣ былъ уже накрытъ столъ. Комнаты—тоже фанзы, только порядочной величины; двѣ противоположныя стѣны состоятъ сплошь изъ рѣшетокъ, заклеенныхъ бѣлой бумагой, и только въ центрѣ каждой рамы вставлено по довольно большому стеклу. Въ общемъ, въ комнатѣ четыре стекла, и онѣ даютъ достаточно свѣта. Вмѣсто дверей на косякахъ сверху до низу висятъ тоненькіе тюфячки, которые приподнимаются при входѣ и выходѣ. Обстановка болѣе чѣмъ простая: огромный канъ уложенъ тюфяками простыми, не шолковыми. Говорятъ, это его канцелярія—„ямынь", и она же служитъ ему парадной пріемной. У одной стѣны противъ входа стоитъ нѣчто въ родѣ узенькаго стола и на немъ торчало штукъ десять какихъ-то поблекшихъ флажковъ и были вставлены въ подставку кучи стрѣлъ. Впереди этой декораціи ростетъ въ нѣсколькихъ горшкахъ... зеленый молодой чеснокъ! На стѣнѣ—китайскій ландшафтъ, а по обѣ его стороны — два длинныхъ, красныхъ флага. Къ сожалѣнію, у насъ не было толковаго переводчика, и поэтому многое осталось для насъ неразъясненнымъ. Столъ былъ накрытъ бѣлымъ коленкоромъ вмѣсто скатерти, вѣроятно изъ желанія угодить европейцамъ. Были разставлены приборы: чашки съ блюдечками и около каждой чашки—салфетка, ножъ, вилка и ложка. На столѣ были приготовлены всевозможныя закуски: тоненькими ломтиками нарѣзанная ветчина, маринованная капуста, пастила, засахаренные орѣхи и бобы, виноградъ, груши, яблоки, изюмъ, еще какіе-то неизвѣстные не то

[1]) Этимъ мы сдѣлали, по китайскому этикету, большую невѣжливость, такъ какъ полагается экипажи оставить у воротъ и къ крыльцу идти пѣшкомъ. Но мы тогда еще не знали этихъ тонкостей.

овощи, не то фрукты, очищенные отъ верхней кожицы и красиво уложенные пирамидкой, и самое интересное—черныя яйца. Вы, вѣроятно, слыхали, что китайцы ѣдятъ тухлыя яйца? Приготовляютъ ихъ слѣдующимъ образомъ: яйца заливаютъ известкой и закапываютъ въ землю. Сколько времени они остаются въ землѣ—я не могла добиться: одни говорятъ, что мѣсяцы, другіе —что годъ. Какъ бы то ни было, они превращаются въ темнозеленую слоистую, бархатистую массу. Ихъ нарѣзаютъ хорошенькими, маленькими ломтиками, и они подаются какъ особое лакомство. Мой мужъ съѣлъ цѣлый кусокъ; а я откусила кусочекъ и не могла проглотить его,—должна была выплюнуть, хотя запаха особаго нѣтъ, развѣ чуть-чуть тухлятинкой отдаетъ. Забыла упомянуть вначалѣ, что обѣденный столъ, узкій, длинный, былъ приставленъ узкимъ концомъ къ кану, гдѣ было устроено почетное мѣсто для начальника отряда. Когда онъ предложилъ, не посадить ли туда кого-нибудь изъ дамъ, нашъ хозяинъ-фудутунъ энергично протестовалъ и усадилъ начальника отряда. По обѣ стороны стола шли скамьи, покрытыя грошовыми коврами. Начался обѣдъ. Прежде всего намъ подали по чашкѣ дѣйствительно великолѣпнаго чая и предложили закусить чѣмъ-нибудь сладкимъ. Потомъ начали подавать блюдо за блюдомъ, числомъ около сорока. Чего-чего тутъ не было! Былъ супъ изъ плавниковъ акулы и трепанга! Супъ изъ гнѣздъ ласточекъ, изъ черепахъ, изъ луковицъ лилій. Были какіе-то рыбьи хрящи и всевозможные грибы; отбивныя котлеты изъ разнаго рода мяса; рисъ съ разными соусами къ нему; фаршированная утка, особеннымъ образомъ приготовленная; какая-то непонятная овощь, по вкусу напоминающая каштанъ, отваренная въ жиденькомъ, сладкомъ сиропѣ, и какія-то мучныя блюда. Все подавалось въ перемежку, на нашъ взглядъ безъ всякой системы, и все подавалось каждому отдѣльно—крошечными порціями и въ крошечныхъ чашечкахъ. Китайцамъ подали палочки: но они изъ вѣжливости нѣкоторыя блюда ѣли ложками. Я все пробовала, и нашла нѣкоторыя кушанья, напр. супъ изъ плавниковъ акулы и утку, очень вкусно приготовленными; другія—противныя, напр. всѣ мучныя блюда, безъ соли и безъ сахару. Трепанги по вкусу напоминаютъ грибы, и соусъ изъ-подъ нихъ даже недуренъ. Но я боялась ихъ ѣсть. Кромѣ яствъ были за столомъ и водки, и бессарабскія вина [1].

---

[1]) Напитки были приготовлены исключительно для русскихъ. Китайцамъ почти неизвѣстно употребленіе вина, и только тамъ, гдѣ они приходятъ въ соприкосновеніе съ европейцами, они научаются пить. Впрочемъ, у нихъ тоже есть спиртный напитокъ—отвратительная водка, которую они гонятъ изъ гаоляна. Они пьютъ ее глотками изъ маленькихъ чашечекъ, поменьше столовой ложки и въ подогрѣтомъ видѣ.

За обѣдомъ у насъ велись пріятные, непринужденные разговоры. Фудутунъ усѣлся на канѣ рядомъ съ начальникомъ отряда. Противъ фудутуна, на противоположномъ узкомъ концѣ стола, сидѣлъ полиціймейстеръ и тамъ занималъ гостей. Въ самомъ началѣ обѣда наши хозяева, въ знакъ того, что они находятся въ кругу друзей, сбросили свои парадныя кофты и шапки, и остались въ шолковыхъ халатахъ на мѣху. Головы на половину бритыя и косы, какъ у всѣхъ китайцевъ. Начальникъ отряда и фудутунъ объяснялись другъ другу во взаимныхъ симпатіяхъ. Фудутунъ взялъ мою шляпку и сталъ ее разсматривать. Замѣтивъ на ней голубоватое перо, онъ попросилъ шляпки остальныхъ дамъ. Разумѣется, шляпки оказались различными. Тогда онъ спросилъ, имѣютъ ли у насъ женщины офицерскіе чины? Онъ вѣроятно думалъ, что различіе шляпокъ зависитъ отъ различія въ чинахъ. Затѣмъ онъ не то спросилъ, не то выразилъ удивленіе, какъ это у насъ женщины не боятся бывать въ обществѣ мужчинъ. Ему отвѣтили, что мужчины насъ не обижаютъ; пусть молъ придутъ ихъ дамы, никто ихъ не обидитъ. Мнѣ ужасно хотѣлось проникнуть къ его женѣ, но это оказалось невозможнымъ. Онъ началъ выдумывать, что нѣтъ его жены, уѣхала кудато. При этомъ разговорѣ у него вдругъ сдѣлалось ужасно непривѣтливое лицо. Пришлось прекратить попытку. Затѣмъ мы обратились съ той же просьбой къ полиціймейстеру. У его жены, оказалось, болѣли уже двѣ недѣли зубы—„она толстая съ одной стороны",—пояснилъ онъ намъ жестами, показывая, что у нея, будто бы, флюсъ. Тоже—сочинялъ, конечно. Полиціймейстеръ—очень жизнерадостный, веселый господинъ, и одна изъ нашихъ дамъ просила переводчика передать ему, что онъ очень намъ понравился. Переводчикъ покраснѣлъ, какъ піонъ, и сказалъ, что этого передать нельзя; такъ и не передалъ. Во время обѣда фудутунъ и полиціймейстеръ помѣнялись мѣстами,—оба желая по очереди занимать всѣхъ гостей. Среди обѣда случился слѣдующій пріятный инцидентъ. Прискакалъ казакъ и подалъ начальнику отряда бумагу. Тотъ прочиталъ ее и обратился къ фудутуну со слѣдующей просьбой: сейчасъ пріѣхалъ въ Шанхай-Гуань офицеръ, снимающій, по приказанію главнокомандующаго, виды, типы и сцены. Изъ этихъ снимковъ составится альбомъ для поднесенія Государю. Узнавъ о томъ, что мы пируемъ у фудутуна, офицеръ просилъ разрѣшенія снять нашу группу. Фудутунъ далъ свое согласіе, и послѣ обѣда съ насъ были сняты на дворѣ двѣ группы. Всѣ мы были въ верхнихъ платьяхъ; китайцы — при полномъ нарядѣ. Фономъ служило крыльцо фудутунскаго дома, а боковыми

декораціями—съ одной стороны—парадный паланкинъ фудутуна, а съ другой—аттрибуты его власти, несомые передъ нимъ—разные ножи, пики, алебарды на длинныхъ древкахъ. При снятіи группы не обошлось безъ курьезнаго инцидента. Фудутунъ вообще былъ недоволенъ, когда узналъ, что долженъ сниматься вмѣстѣ съ женщинами (онъ вѣроятно предполагалъ, когда далъ свое согласіе, что женщины сниматься не будутъ); былъ даже моментъ, когда мы думали, что онъ откажется вовсе и вся затѣя не удастся. Но въ концѣ концовъ онъ согласился. Вдругъ онъ замѣтилъ къ своему ужасу, что полиціймейстеръ стоитъ рядомъ съ одной изъ дамъ. Моментально онъ бросился туда, одной рукой схватилъ полиціймейстера, другой — одного изъ нашихъ офицеровъ и перемѣстилъ ихъ, т.-е. офицера поставилъ рядомъ съ дамой, а полиціймейстера—рядомъ съ собою. Офицеръ тихонько отступилъ, нарочно выдвигая полиціймейстера рядомъ съ дамою. Но зоркій фудутунъ замѣтилъ этотъ маневръ и вторично водворилъ порядокъ. Послѣ того, какъ карточки были сняты, публика разъѣхалась. Забыла еще разсказать, что, какъ только мы усѣлись за столъ, фудутунъ попросилъ наши визитныя карточки и, внимательно приглядываясь къ каждому изъ насъ, желая запомнить, кто кому мужъ и жена, записалъ на оборотѣ каждой карточки по-китайски наши имена и фамиліи. За обѣдомъ многіе изъ насъ старались научиться владѣть палочками. Ловче всѣхъ оказался въ этомъ отношеніи мой мужъ, который дошелъ до такого совершенства, что не только захватывалъ палочками куски пищи, но даже зажигалъ спичку, ущемивъ ее между двумя палочками. Еще одно: съ половины обѣда наши китайцы, особенно полиціймейстеръ, принялись рыгать, въ знакъ того, что сытно покушали. Имъ отдѣльно подали кальянъ и по чашечкѣ горячаго чаю. Китай—нашъ антиподъ во всѣхъ отношеніяхъ, хотя мы и живемъ на одномъ полушаріи. У нихъ мужчины носятъ косу, а женщины очень часто лысыя. Женщины гуляютъ съ трубками въ рукахъ, а мужчины—съ вѣерами, и т. д. У насъ чайная чашка ставится на блюдце, а у нихъ прикрывается маленькимъ блюдечкомъ, причемъ, когда они пьютъ чай, то, нажимая пальцемъ, приподнимаютъ немного блюдечко и черезъ образовавшуюся щель втягиваютъ въ себя съ шумомъ чай. А къ концу обѣда оба хозяина улеглись рядышкомъ на канѣ подлѣ начальника отряда (должно быть, рѣшили, что достаточно уже занимали гостей), и когда разговаривали другъ съ другомъ, то фудутунъ поворачивался къ начальнику отряда и ко всей публикѣ такимъ манеромъ, который заставляетъ думать, что или у китайцевъ

знаменитыхъ церемоній нѣтъ, или они насъ считаютъ варварами, все равно не понимающими тонкаго обращенія, и съ которыми, слѣдовательно, церемониться не стоитъ.

23.

25 марта 1901 г., Шанхай-Гуань.

Сообщеніе нашего Шанхай-Гуаня со всѣмъ остальнымъ божьимъ міромъ—самое ужасное. Зимою портъ, хотя онъ и считается не замерзающимъ, покрывался преисправно льдомъ, и пароходы не могли подходить; а когда навигація возобновилась, было объявлено, что пароходъ будетъ приходить каждую недѣлю, будетъ привозить почту, пассажировъ и жизненные продукты. Между тѣмъ, проходятъ 2 — 3 недѣли, а мы парохода не видимъ; когда же онъ, наконецъ, появляется на нашемъ горизонтѣ, то иногда бываетъ такое волненіе, что онъ не можетъ пристать. Иногда онъ приходитъ порожнякомъ, безъ почты. Можете себѣ представить всеобщее разочарованіе! Не лучше обстоитъ дѣло съ телеграммами: ихъ исправно у насъ принимаютъ; деньги за нихъ взимаются, а доходятъ ли онѣ—Аллахъ вѣдаетъ! По крайней мѣрѣ, сами служащіе на телеграфѣ сильно сомнѣваются въ этомъ. Про насъ могу сообщить вамъ новость: мы собираемся на двѣ недѣли въ Японію. Необходимо хоть на время уѣхать отсюда, разсѣяться. Не говоря уже о томъ, что мы живемъ въ хижинѣ, безъ всякаго комфорта, въ пыли, въ тѣснотѣ, но и помимо всего этого чувствуется настоятельная потребность въ новыхъ впечатлѣніяхъ. Итакъ, можетъ быть завтра, можетъ быть послѣ-завтра, а можетъ быть черезъ 3—4 дня (въ зависимости отъ того, когда уйдетъ пароходъ), мы махнемъ въ Артуръ. Тамъ мужъ представится своему начальству, и, если оно разрѣшитъ, поѣдемъ дальше.

24.

31 марта 1901 г., г. Инкоо.

Какъ я писала въ своемъ предъидущемъ письмѣ, мы 29-го выѣхали изъ Шанхай-Гуаня, съ тѣмъ, чтобы пробраться въ Артуръ, а оттуда, если начальство позволитъ, въ Японію. Какъ видите, въ настоящее время мы находимся въ Инкоо, и я намѣрена описать первые три дня нашего путешествія. Изъ Шанхай-Гуаня въ Артуръ 10—12 часовъ ѣзды на пароходѣ, и мы,

разумѣется, разсчитываемъ пробраться туда морскимъ путемъ. Но... всѣ эти дни стояла такая бурная погода, что пароходъ, привезшій огромный грузъ и долженствовавшій принять таковой же въ Шанхай-Гуанѣ, не могъ даже вполнѣ разгрузиться. Въ виду этого обстоятельства, т.-е. неопредѣленности дня отплытія парохода и нежеланія съ нашей стороны грузиться въ бурю, а затѣмъ качаться неопредѣленное число дней на якорѣ, мы рѣшили отправиться по желѣзной дорогѣ. Какъ мы слышали отъ желѣзнодорожныхъ офицеровъ, уже существуетъ непрерывное сообщеніе между Шанхай-Гуанемъ и Артуромъ, и намъ даже было интересно прокатиться, посмотрѣть новыя мѣста. Итакъ, 29 утромъ мы сѣли въ вагонъ и поѣхали. Надо вамъ сказать, что вокзаловъ въ нашемъ смыслѣ здѣсь нѣтъ. Хорошо, если гдѣ-нибудь (какъ, напримѣръ, въ Шанхай-Гуанѣ) попадается навѣсъ и подъ нимъ скамейки. По большей части, самихъ вокзаловъ не существуетъ,—слѣдовательно, нѣтъ ни буфетовъ, ни другихъ полезныхъ учрежденій,—ничего! Вагоны—до Инкоо по крайней мѣрѣ—отвратительны. Это такъ-называемые вагоны второго класса, но они хуже нашего третьяго: небольшія деревянныя скамьи, на которыхъ могутъ сидѣть двое, но улечься нельзя и одному; при томъ пыль и грязь невообразимыя... Ѣдемъ. Въ тотъ же день, въ седьмомъ часу вечера, прибыли мы на станцію Цын-джоу-фу, гдѣ должны были провести ночь, такъ какъ поѣздъ уходитъ дальше только въ 6 час. утра слѣдующаго дня. Какъ выше объяснено, на вокзалѣ негдѣ приткнуться. Мужъ отправился къ начальнику станціи и сталъ просить, чтобы намъ отвели вагонъ на ночь, и, если возможно, такой вагонъ, который войдетъ въ составъ завтрашняго поѣзда. Начальство, какъ водится, сначала поломалось, и затѣмъ указало намъ маленькій вагонъ (служебный). Въ вагонѣ этомъ была большая походная кровать, глубокое мягкое кресло и столъ. Вскорѣ какая-то добрая душа (вѣроятно, тотъ же начальникъ станціи) прислала намъ лампу и приставила солдатика, который долженъ былъ охранять насъ и топить печку. Мы поставили на печку чайникъ съ водой и славно запировали. Ночь прошла очень и очень благополучно. На слѣдующій день, т.-е. 30-го, намъ предстояли три переправы черезъ рѣки, и словоохотливый солдатикъ, прислуживавшій намъ въ вагонѣ, разсказалъ столько ужасовъ про первую изъ нихъ, что на меня напалъ страхъ велій. По его словамъ, тамъ чуть не произошла масса несчастій: и лодки-то опрокидывало, и плоты-то сносило—словомъ, бѣда! Оказалось, что все это было во время ледохода и въ половодье; теперь же рѣчушка настолько мелкая, что ее

переѣзжаютъ въ телѣгахъ, или переходятъ вбродъ пѣшкомъ. Китайцы сбрасываютъ нижнюю часть туалета, верхнюю поднимаютъ до пояса, и въ такомъ видѣ, съ палкою въ рукѣ, шествуютъ черезъ рѣчку, временами погружаясь до пояса, а то все время вода еле доходитъ до колѣнъ. Мы съ мужемъ нашли, что самое подходящее для переправы черезъ рѣку—шаланда (большая лодка); взошли въ нее и прокляли судьбу. Какъ я уже сказала, воды въ рѣчкѣ очень мало (называется рѣчка Да-лен-хэ), и китайцы, одѣтые въ кожаные, мѣхомъ внутрь, штаны, образующіе вмѣстѣ съ тѣмъ сапоги, тянутъ шаланду руками. Ширина рѣки съ полверсты, и на этомъ разстояніи мы три раза садились на мель, при чемъ каждый разъ казалось, что это безнадежно, и что насъ совсѣмъ не сдвинутъ съ мѣста. Между тѣмъ, умные люди переѣзжали рѣку на арбахъ (двухколесныя телѣги), или переходили ее по вышеописанному способу вбродъ. А на томъ берегу стоялъ поѣздъ, дымилъ паровозъ, и мы все время боялись, что онъ свистнетъ и уйдетъ, не дождавшись насъ! Чтò бы мы стали дѣлать цѣлыя сутки на пустынномъ берегу!? Развѣ переправиться обратно?! Къ счастью, мы попали на поѣздъ и покатили къ слѣдующей переправѣ. Происходила эта исторія между 8 и 9 часами утра; а около часу дня мы уже сидѣли въ лодкѣ и благополучно переплывали рѣчку Шан-хайдзе-хэ. Часамъ къ шести вечера поѣздъ подошелъ къ устью полноводной, широкой рѣки Ляо-хэ, на другомъ берегу которой расположенъ Инкоо. Предстояла опять переправа. Въ поѣздѣ намъ объяснили, что нужно подойти къ берегу, взять лодочника-китайца, и онъ перевезетъ насъ на ту сторону. Поѣздъ остановился въ полуверстѣ отъ берега, и мы торопились, желая переправиться зàсвѣтло. У насъ были нѣкоторыя свѣдѣнія объ Инкоо: мы знали, что тамъ есть двѣ англійскихъ гостинницы и одна русская—словомъ, есть, гдѣ пріютиться. Въ поѣздѣ, кромѣ насъ, китайцевъ-пассажировъ и солдатъ, былъ еще одинъ „тузъ“ изъ желѣзнодорожнаго міра со свитой. Но они ѣхали въ спеціальномъ вагонѣ и вообще держали себя такъ по-генеральски, что намъ и въ голову не приходило примкнуть къ нимъ. Вмѣстѣ съ нами подошли къ берегу два солдатика; мой мужъ пригласилъ ихъ къ намъ въ лодку; мы вчетверомъ усѣлись и сказали китайцу: „вези“! Китаецъ завертѣлъ своимъ весломъ-рулемъ и перевезъ насъ на тотъ берегъ. Рѣка эта такъ широка и такъ глубока, что въ нее входятъ океанскіе пароходы и даже броненосцы, и она представляетъ въ высшей степени оживленный видъ. Когда мы пристали къ тому берегу, уже порядочно стемнѣло; но мы

все-таки увидѣли, что это что-то не то. Передъ нами былъ прежде всего отмѣнно-грязный берегъ, а дальше виднѣлось что-то смутное; но не видно было ни очертаній европейскихъ построекъ, ни огней. Мужъ сошелъ на берегъ, чтобы узнать, гдѣ мы находимся, и черезъ нѣкоторое время вернулся со свѣдѣніями, что надо поплыть версты четыре вверхъ по рѣкѣ, миновать всѣ пароходы, и что тамъ только расположенъ европейскій поселокъ. Какъ объяснить все это китайцу-лодочнику? По счастью, съ нами были солдаты, которые отлично умѣютъ объясняться со всѣми иностранцами. Солдатикъ склонилъ голову на бокъ, подложилъ подъ щеку руку, закрылъ глаза и объяснилъ лодочнику, чтобъ онъ везъ насъ туда, „гдѣ русскій капитанъ сыпи-сыпи" [1]). Китаецъ понялъ это, и мы поплыли вверхъ по величественной рѣкѣ, ловко лавируя между огнями многочисленныхъ судовъ. Мы плыли довольно долго. Наконецъ, потянулся рядъ какихъ-то бараковъ, освѣщенныхъ привинченными снаружи фонарями; еще немного— и передъ нами вырисовывались освѣщенныя окна европейскихъ построекъ. Лодки причалили. И здѣсь берегъ былъ очень грязенъ; но было устроено нѣчто въ родѣ примитивной набережной, т.-е. вверхъ по крутому берегу были насыпаны камни, ничѣмъ между собою несвязанные, т.-е. они буквально сыплются изъ-подъ ногъ и теряешь почву подъ собою. Мужъ опять выскочилъ на берегъ и пошелъ справляться, достигнута ли цѣль? Одинъ изъ нашихъ двухъ солдатъ тоже выскочилъ и моментально исчезъ въ темнотѣ. Я съ другимъ солдатомъ осталась въ лодкѣ караулить вещи. Тутъ мнѣ стало жутко. Я сообразила, что лучше было бы мнѣ съ мужемъ пойти и оставить солдатика одного караулить вещи; но дѣло было сдѣлано. Пришлось вооружиться терпѣніемъ и ждать возвращенія мужа изъ рекогносцировки. Ждать пришлось не долго: англійская гостиница оказалась тутъ же на берегу, и въ ней былъ свободный номеръ. Два китайца насилу втянули меня вверхъ по камнямъ, и вскорѣ мы очутились въ чистенькой комнатѣ, ярко освѣщенной лампой. Было около 8-ми часовъ вечера и только-что прозвонили къ обѣду. Мы скоренько умылись, переодѣлись и сошли къ табльдоту. Замѣчательно пріятно было, послѣ двухдневнаго пребыванія въ грязномъ вагонѣ, да и послѣ всей шанхай-гуаньской жизни, очутиться въ уютной европейской обстановкѣ, въ ярко освѣщенной залѣ, среди совершенно незнакомой нарядной публики! Обѣдъ, состоявшій изъ множества невкусныхъ блюдъ, чинно по-

---

1) „Сыпи-сыпи"—на русско-китайскомъ жаргонѣ означаетъ: „спать".

давали ловкіе китайцы-лакеи. Въ заключеніе—фрукты, орѣхи и кофе. Пообѣдали—и спать, съ тѣмъ, чтобы на слѣдующій день, т.-е. сегодня къ 8-ми часамъ утра, быть на вокзалѣ и мчаться дальше, уже безъ переправъ и ночевокъ, въ Артуръ. Въ 6 ч. утра насъ разбудилъ китаецъ; мы встали, напились чаю, расплатились въ гостинницѣ и, узнавъ, что на вокзалъ надо плыть еще версты три вверхъ по рѣкѣ, наняли лодку и поплыли. Погода была отличная, и мы прекрасно шли подъ парусомъ. Громадная рѣка эта Ляо-хэ—и она была бы красива, еслибы не отвратительный цвѣтъ и консистенція ея воды, какъ и всѣхъ китайскихъ рѣкъ, которыя я до сихъ поръ видѣла. Положительно, кажется, что плывешь не по водѣ, а по какой-то непонятной, подозрительной жидкости! Благополучно добрались мы до станціи. „Вокзалъ"—это деревянная площадка, къ которой вплотную былъ придвинутъ маленькій поѣздъ. Поѣздъ состоялъ изъ одного вагона I-го класса (для желѣзнодорожнаго генерала), изъ одного служебнаго, на которомъ было написано: „телеграфъ", и одного вагона IV-го класса, биткомъ набитаго китайцами. Мы спокойно гуляли по платформѣ, въ полной увѣренности, что передъ нами экстренный поѣздъ для генерала, а послѣ его ухода подадутъ пассажирскій, на которомъ мы и уѣдемъ. А справиться не у кого. Гуляли, гуляли мы. Наконецъ, явился какой-то офицеръ. Спрашиваемъ, кто такой? Оказывается, комендантъ станціи. Мы—къ нему съ разспросами, и узнаемъ двѣ поразившія насъ новости. Первая заключалась въ томъ, что онъ получилъ приказаніе о прекращеніи движенія на первые два дня праздника (дѣло происходило наканунѣ Св. X. В.). Сейчасъ уходитъ послѣдній поѣздъ (съ генераломъ), и то онъ пойдетъ только до станціи Вафандянъ и тамъ уже останется. Такъ что, если намъ угодно ѣхать,—пожалуйте въ IV классъ съ китайцами! Вотъ азіатскіе порядки на нашей желѣзной дорогѣ! Идетъ вагонъ I-го класса, въ которомъ поѣдутъ 1—2 человѣка (свита вся вернулась назадъ), и предлагаютъ военному съ дамой чуть не въ скотскій вагонъ! И даже не приходитъ въ голову коменданту посадить насъ въ генеральскій вагонъ! Что было дѣлать? Чѣмъ ѣхать искать приключеній въ Вафандянѣ, мы рѣшили вернуться къ Эдгару (не Поэ) и занять вновь нашъ 39-й номеръ. Лучше прождать здѣсь три дня, чѣмъ валяться нивѣсть гдѣ. Вторая новость была гораздо поразительнѣе. Мы узнали, что въ Мукденѣ, или около него, было большое сраженіе русскихъ съ китайцами, при чемъ убито два нашихъ офицера, ранено шестеро и много убитыхъ и раненыхъ нижнихъ чиновъ. Со времени боя подъ Тянцзиномъ

и Пекиномъ у насъ не было „дѣла“ со столькими потерями. Надо полагать, что китайцы измѣннически напали на русскихъ ночью, или устроили имъ какую-нибудь засаду. Подробности неизвѣстны, за исключеніемъ того, что наши отретировались, укрылись, иначе было бы много хуже... Надо вамъ сказать, что какъ разъ въ это время большой отрядъ былъ уведенъ въ экспедицію, куда-то къ границамъ Кореи; а въ Мукденѣ оставался небольшой гарнизонъ. Извѣстіе это насъ сильно поразило. Вѣдь событіе это можетъ быть очень и очень чревато послѣдствіями! Ближайшимъ послѣдствіемъ для насъ будетъ вѣроятно то, что мужа не пустятъ въ Японію. Какіе тутъ отпуски, когда дѣла осложняются! Но мы все-таки рѣшили пробраться въ Артуръ—надо хоть немного одѣться по лѣтнему,—и все-таки мужъ сдѣлаетъ попытку, попроситъ начальство,—авось, отпустятъ.

Теперь—пару словъ о нашемъ возвращеніи въ гостинницу. Такъ какъ мы очень пріятно и благополучно проплыли изъ гостинницы на вокзалъ, то и не усомнились нисколько въ томъ, что и назадъ будетъ то же. Къ берегу вверхъ по рѣкѣ подплывала подъ парусами лодка; мы ее остановили, снесли туда вещи и усѣлись. Но какъ только пришлось плыть обратно, китаецъ убралъ парусъ и мачту, и тутъ началась слѣдующая комедія. Одинъ изъ лодочниковъ (ихъ на каждой лодкѣ двое) работалъ весломъ, а другой—багромъ: онъ то притягивался къ берегу, то отталкивался отъ него. Такъ мы шли нѣкоторое время, держась самаго берега и не понимая, что̀ это за способъ передвиженія. Наконецъ сообразили. Дѣло въ томъ, что повидимому начинался приливъ и лодочники иначе не могли двигать лодку противъ напора воды. Вообще возвращеніе это было очень мучительное. Сначала, какъ я сказала, китаецъ цѣплялся за берегъ; затѣмъ, когда мы поровнялись съ баржами, шаландами и другими судами, стоявшими у берега, онъ принялся то притягиваться, то отталкиваться отъ судовъ. Онъ съ такой силой забрасывалъ багоръ, что казалось—вотъ-вотъ наша лодочка разлетится въ щепки о шаланду. Но не успѣвали онѣ прикоснуться бортами другъ къ другу, какъ вновь багоръ яростно вонзался въ какую-нибудь часть шаланды, и на сей разъ лодка наша отталкивалась. Когда мы миновали суда и пошелъ опять пустынный берегъ, одинъ изъ двухъ китайцевъ выскочилъ изъ лодки, обвязалъ себя веревкой, другой конецъ которой былъ укрѣпленъ въ лодкѣ, и потянулъ насъ бичевой. Оставшійся въ лодкѣ работалъ весломъ. Тяжело было глядѣть на этого бурлака съ береговъ Ляо-хэ! Ему приходилось то скользить по невозможно илистому грунту, то

взбираться на кручи, гдѣ этого требовали обстоятельства, то перелѣзать черезъ бревна, стѣны и т. п. препятствія... А все это время съ берега дулъ вѣтеръ и засыпалъ намъ глаза пылью... Особое удовольствіе, когда на водѣ васъ засыпаетъ пылью... Такъ шли мы долго. Наконецъ, подошли опять къ судамъ, и тутъ произошелъ интересный пассажъ: впереди насъ шла подъ парусомъ колоссальная барка; нашъ китаецъ подплылъ къ ней сзади, вцѣпился въ нее багромъ, и мы быстро пошли на буксирѣ. Но все на свѣтѣ имѣетъ конецъ. Такъ и наше путешествіе, казавшееся безконечнымъ,—кончилось, и мы вновь очутились въ томъ же номерѣ, который покинули поутру.—Опишу еще, насколько съумѣю, Инкоо-европейскій поселокъ: онъ не великъ и состоитъ изъ двухъ параллельныхъ улицъ, расположенныхъ по линіи берега. Не думаю, чтобы въ немъ было больше ста пятидесяти европейцевъ. (Я не считаю, конечно, расположенныхъ здѣсь сейчасъ русскихъ войскъ). Но вы не повѣрите, какая печать цивилизаціи и комфорта лежитъ здѣсь на всемъ. Возьмемъ хоть нашу гостинницу—все въ ней такъ чисто, прилично, хорошо. Чувствуешь сразу, что ты находишься въ приличномъ домѣ, а не въ вертепѣ, какъ въ большинствѣ россійскихъ гостинницъ на Дальнемъ Востокѣ. Комната прелестная; день строго распредѣленъ: тѣ же breacfast'ы, tiffin'ы, five o'clock'и и dinner'ы, что и въ „Astor House". Да вѣроятно всюду, гдѣ живутъ англичане, то же самое. Набережная очень мило устроена, и, какъ потомъ оказалось, есть отличная деревянная пристань. На набережной разбитъ небольшой скверикъ для дѣтей, и въ немъ — приборы для метеорологическихъ наблюденій. Въ скверѣ этомъ на скамейкахъ сидятъ степенныя нянюшки-манчжурки со своими хитрыми прическами; а около нихъ рѣзвятся нарядныя европейскія дѣти. Далѣе вверхъ по рѣкѣ разбивается что-то въ родѣ общественнаго сада, въ серединѣ котораго копаютъ прудъ. Вездѣ чистота, порядокъ. Нечего объяснять, что 99% жителей—англичане. Есть двѣ церкви: католическая и евангелическая (теперь устроена и третья—православная). При первой—женскій монастырь, и я сегодня въ первый разъ въ жизни увидѣла китаянокъ-монахинь. При второй церкви—прекрасный паркъ, и въ немъ кладбище. Подумайте только, у насъ городокъ съ 150 жителями! Китайцевъ нечего считать: они въ этомъ благоустройствѣ не повинны, да и городъ ихъ расположенъ гдѣ-то отдѣльно отъ европейскаго.—Сегодня мы встрѣтили какого то молодого англичанина („англійца"—какъ говорилъ нашъ спутникъ-солдатикъ) и съ нимъ около десяти-двѣнадцати мальчиковъ школьнаго возраста—вѣроятно, учитель. Все

такъ мило, что просто пріятно видѣть умѣнье людей приспособляться и устроиваться по-человѣчески повсюду, куда ихъ ни заноситъ судьба.—Сегодня же вечеромъ мы узнали, что „дѣло“ между русскими и китайцами происходило верстахъ въ трехстахъ отъ Мукдена, въ отрядѣ генерала Церницкаго, да и потери не такъ велики, какъ намъ говорили утромъ. Это много мѣняетъ обстоятельства, и наши шансы на полученіе отпуска въ Японію увеличиваются.

25.

Средиземное Японское море. Пароходъ „Prinz Heinrich“.
11 апрѣля 1901 г.

Изъ Нагасаки я не писала ни слова. Мы тамъ провели три дня; съ утра до вечера бѣгали, и вечеромъ бывали такъ утомлены, что невозможно было взяться за перо. Одинъ вечеръ провели у гейшъ; но это оказалось очень неинтереснымъ. Интересна только самая обстановка, этотъ какъ бы игрушечный домъ, со своими полами, покрытыми циновками, со своей японской чистотой. Зала большая, безъ всякой мебели, но съ электрическимъ освѣщеніемъ, и въ этомъ пустомъ пространствѣ вертится какое-то маленькое намазанное существо, декламируетъ на непонятномъ языкѣ, визжитъ (понимай: поетъ); а двѣ другія, сидя на полу, играютъ на какомъ-то примитивномъ трехструнномъ инструментѣ и гнусаво что-то поютъ горломъ—у нихъ повидимому совсѣмъ нѣтъ грудныхъ звуковъ. Привелъ насъ въ этотъ домъ, находящійся при главномъ нагасакскомъ храмѣ Ѳеува, нашъ метръ-д'отель, и заявилъ на своемъ ломаномъ французскомъ языкѣ, что это — „la première maison de Nagasaki“, и что „tous les ministères japonais et européens“ здѣсь бываютъ.

Къ сожалѣнію намъ не благопріятствовала погода: два дня было облачно и туманно, и дивная японская природа, конечно, теряла отъ этого обстоятельства. Одинъ только день свѣтило намъ солнышко. Мы воспользовались этимъ и слетали утромъ къ водоемамъ, о которыхъ я писала въ первое мое пребываніе въ Японіи, а послѣ завтрака мы покатили въ Моги—деревушку на берегу моря, замѣчательную живописной дорогой, которая ведетъ въ нее изъ Нагасаки. До половины пути все поднимаешься въ гору, а потомъ идетъ чудный спускъ. Мы ѣхали мимо полей, мимо бамбуковыхъ рощъ... А кругомъ были великолѣпныя, хотя и не очень высокія горы, чудная, сочная зелень и картины одна другой лучше.—Планъ путешествія по Японіи мы себѣ составили

такой: изъ Нагасаки проѣхать красивымъ Средиземнымъ Японскимъ моремъ въ Кобе—тридцать-шесть часовъ; провести день въ Кобе. Затѣмъ, по желѣзной дорогѣ—четырнадцать часовъ—въ Іокогаму, два дня въ Іокогамѣ. Изъ Іокогамы на одинъ-два дня въ Токіо — часъ ѣзды. А оттуда по желѣзной дорогѣ обратно въ Нагасаки. Такимъ образомъ, мы увидимъ страну и съ суши, и съ моря, и на всю экскурсію потребуется около восьми дней времени. Бѣда только, что сегодня опять дождь. Если такъ будетъ продолжаться, мы не увидимъ сказочныхъ видовъ, ради которыхъ и поѣхали моремъ.—Пора сказать вамъ нѣсколько словъ и о пароходѣ. Съ того момента, какъ мы къ нему подъѣхали, онъ началъ меня поражать, и я думала—сюрпризы еще не кончились. Когда я увидѣла его въ первый разъ съ моря, меня поразилъ его грязный видъ. Представьте себѣ, нѣмецкій пароходъ, носящій къ тому такое высокое имя, и съ грязными, заляпанными боками! Затѣмъ меня поразилъ трапъ, но уже совсѣмъ иначе. На всѣхъ русскихъ пароходахъ трапъ такъ устроенъ, что подняться на него почти такъ же трудно, какъ на пекинскую стѣну, и онъ почти такъ же высокъ, какъ стѣны Пекина. Кромѣ того, у поднимающагося кружится голова, потому что подъ ногами у него и съ боку—вода, волнующаяся поверхность моря. На „Принцѣ Генрихѣ" трапъ низенькій, пологій; сбоку перилъ и снизу подъ ступеньками протянута парусина, такъ что воды не видишь, и взбираешься легко и свободно. Затѣмъ поразительна его внутренняя отдѣлка: это просто плавучій дворецъ, отдѣланный съ царской роскошью. Освѣщеніе, конечно, электрическое и очень яркое. Каютъ-компанія дивная; потолокъ и стѣны сплошь отдѣланы медальонами, въ которыхъ вставлены японскія паннò. Чудное піанино подъ цвѣтъ всей отдѣлки комнаты. Имѣется роскошная дамская комната: стѣны и потолокъ расписаны картинами масляными красками; мебель и занавѣски изъ золотистаго шолка. Я сижу за письменнымъ столикомъ въ стилѣ рококо и пишу тебѣ. Сюрпризы на этомъ не кончились. Когда насъ устроили въ каютѣ и мы вышли на палубу, то увидѣли массу публики и еще большее количество разныхъ креселъ, chaise longue'овъ и т. п. пріятныхъ предметовъ. На „Херсонѣ" тоже были chaise-longues, но въ гораздо меньшемъ количествѣ. Мы походили, походили, а затѣмъ усѣлись на двухъ креслахъ. Представьте себѣ нашъ конфузъ, когда къ намъ подошелъ лакей,—правда, уже послѣ того, какъ мы поднялись со своихъ мѣстъ,—и заявилъ намъ: „hier sind nur Privatstühle". Въ переводѣ на русскій языкъ: „на чужой каравай рта не разѣвай". Сѣли мы на пароходъ въ четыре часа дня. Съ якоря онъ снялся въ шесть

часовъ, и все время на палубѣ игралъ оркестръ духовой музыки. А въ половинѣ седьмого уже протрубилъ первый сигналъ къ обѣду. Публика исчезла съ палубы. Мы догадались, что всѣ ушли переодѣваться къ обѣду. На Востокѣ всѣ живутъ на англійскій, вообще великосвѣтскій ладъ; а въ большомъ свѣтѣ изъ каждаго обѣда дѣлаютъ цѣлое празднество. У насъ съ мужемъ не во-что было переодѣваться. На мужѣ былъ его единственный статскій костюмъ, сшитый имъ въ Нагасаки для путешествія; а у меня хотя и есть съ собою другое платье, но такое же скромное, какъ и то, въ которомъ я пріѣхала на пароходъ. Когда мы послѣ второго сигнала сошли въ столовую, меня смутилъ видъ этой нарядной многочисленной толпы — такъ я отвыкла отъ людей! Мужчины—въ смокингахъ и черныхъ сюртукахъ; дамы—въ изысканныхъ туалетахъ. А мы съ мужемъ такіе затрапезные! Мы такъ и думали, что насъ посадятъ за отдѣльный затрапезный столикъ! Но нѣтъ! Къ столу, который намъ указали, подошла очень красивая и не менѣе элегантная пожилая дама; съ ней—молодой человѣкъ японскаго типа. Затѣмъ еще двое какихъ-то господъ неизвѣстной національности, но съ несомнѣнной примѣсью черной или цвѣтной крови. Оркестръ, на этотъ разъ струнный (итакъ, у насъ на пароходѣ два оркестра!) заигралъ; оффиціанты забѣгали съ блюдами; торжество Mahlzeit'а началось.—Нельзя сказать, чтобы нѣмцы вкусно кормили; блюдъ было достаточно, но всѣ какія-то странныя на вкусъ. Зато два сладкихъ блюда, которыя были поданы одно за другимъ,—это chef d'oeuvre поварского искусства! Намъ подали Beerkuchen nach Victoria; это — чудная баба, наполненная всевозможными фруктами, и затѣмъ—орѣховый пломбиръ. А въ заключеніе—апельсины, ананасы au naturel, всевозможныя сласти и кофе.—Каюты, конечно, тоже подходящія ко всей этой роскоши. Спали мы прекрасно; пароходъ идетъ твердо, какъ будто это земной шаръ въ своемъ стихійномъ движеніи (немного сильно сказано!). Но вотъ горе (оканчиваю письмо 12-го апрѣля)—сегодня отвратительная погода: дождь, вѣтеръ, никакихъ красотъ природы не видать.—Приходится довольствоваться наблюденіями надъ публикой. Большинство были американцы и англичане. Попадались французы; были и наши соотечественники, но они всѣ говорили почему-то на иностранныхъ языкахъ. Между нѣмцами мы замѣтили главнаго врача госпиталя въ Янцунѣ (о немъ выше), д-ра Куттнера, со всѣмъ своимъ персоналомъ, врачами и сестрами милосердія. Всѣ они возвращались на родину черезъ Японію и Америку—это была имъ награда отъ Краснаго Креста за ихъ работу въ Китаѣ.

26.

27 апрѣля 1901, г. Нагасаки.

Послѣдній разъ я вамъ писала съ „Принца Генриха“. Съ тѣхъ поръ наши дальнѣйшія похожденія были слѣдующія. Въ Кобе мы пришли ночью; когда мы утромъ проснулись, пароходъ стоялъ уже на якорѣ. Погода наконецъ разгулялась; дождь прекратился, но во все время нашего плаванья было облачно и туманно, и прекрасное Средиземное Японское море пропало для насъ на девять-десятыхъ.

Когда пришлось съѣзжать на берегъ, море до того разволновалось, что оно бросало, какъ щепку, маленькій катеръ, на которомъ мы съѣзжали, и волны перекатывались черезъ палубу, такъ что всѣ пассажиры приняли холодные соленые души. Я, конечно, не преминула воспользоваться этимъ прекраснымъ случаемъ и продѣлала морскую болѣзнь. Къ счастью, переправа наша продолжалась недолго. Вотъ мы на набережной совершенно незнакомаго намъ города, не зная ни слова ни по-японски, ни по-англійски. Но мы имѣли письмо къ одному европейскому коммерсанту, и онъ намъ далъ дальнѣйшія указанія. Началъ накрапывать дождикъ; мы этимъ не смутились, взяли двухъ дженерикшъ и поѣхали на водопадъ. Водопадъ очень близко отъ города; мы пріѣхали туда минутъ черезъ пятнадцать и съ полчаса любовались великолѣпнымъ зрѣлищемъ—дождь тѣмъ временемъ все усиливался. Съ водопада мы поѣхали во французскій монастырь! Вы спросите, какое мы имѣемъ отношеніе къ монастырю? А вотъ какое. Въ немъ воспитывается дочь одного нашего знакомаго врача, и мы дали ему слово, что навѣстимъ ее. Не такъ-то легко было отыскать монастырь, не умѣя говорить по-японски! Наконецъ, монастырь найденъ, и я въ первый разъ увидѣла монахинь-миссіонерокъ,—тѣхъ, дѣятельность которыхъ такъ много способствовала возникновенію безпорядковъ въ Китаѣ. Должна сознаться, что онѣ произвели на насъ съ мужемъ (мы видѣли двухъ) очень пріятное впечатлѣніе. Ясностью, довольствомъ своей судьбой и вѣрой въ дѣло, которое онѣ дѣлаютъ, вѣетъ отъ нихъ! И дѣйствительно, какую силу убѣжденія нужно имѣть, чтобы жить въ чужомъ краю, среди чуждаго народа, и воспитывать и поддерживать сиротъ этого народа! Въ этомъ—главная ихъ задача; онѣ воспитываютъ японскихъ сиротъ-дѣвочекъ (разумѣется, христіанокъ) и затѣмъ пристроиваютъ ихъ. Европейскихъ дѣтей онѣ принимаютъ на вос-

питаніе между прочимъ. Дѣвочка, къ которой мы пріѣхали (въ сущности шестнадцатилѣтняя барышня, но ростомъ и развитіемъ она производитъ впечатлѣніе дѣвочки лѣтъ тринадцати), очень была рада извѣстію о родителяхъ, но, кажется, еще больше—разнообразію, которое внесло въ ея жизнь наше посѣщеніе. Добрая монахиня отпустила ее съ нами; мы поѣхали въ ресторанъ (съ вѣдома монахинь) пообѣдать, а послѣ обѣда отправились подъ проливнымъ дождемъ осматривать храмъ Hiogo (Хіого). Храмъ довольно бѣдный и ничѣмъ особеннымъ не отличается. Мы вошли внутрь сидящаго Будды; осмотрѣли убогій алтарь. Въ садикѣ, окружающемъ идола, интересна модель священной горы Фуджіамы.

Изъ Кобе мы поѣхали въ Іокогаму. Сѣли въ спальный вагонъ I-го класса; а вагоны здѣсь тоже миніатюрны, какъ и люди. „Бой“ (boy—по-англійски—мальчикъ) сейчасъ же принесъ намъ соломенныя туфли, и принялись мы созерцать природу. Къ сожалѣнію дождь не переставалъ. Онъ, вообще, намъ много крови испортилъ за время путешествія по Японіи. Но и то, что̀ мы видѣли сквозь падающій дождь, способно привести въ восхищеніе. Ѣдешь, буквально, по цвѣтущему саду; нѣтъ ни одной пяди пустующей земли; самыя поля такъ обработаны, какъ образцовые питомники. Долины и склоны горъ почти до самыхъ верхушекъ—все засѣяно, начиная отъ риса и чайныхъ деревъ до ржи. И повсюду копошатся маленькіе люди въ большихъ грибообразныхъ шляпахъ. Говорятъ, нѣтъ времени года, когда бы японцы не работали на полѣ, и не только днемъ, но и ночью, при свѣтѣ причудливаго бумажнаго фонаря. Если принять во вниманіе, что всѣ 487 островов, составляющіе Японію, по пространству очень невелики, а жителей 47.000.000, то становится понятнымъ ихъ трудолюбіе и то, почему маленькіе островки, разбросанные по всему Японскому Средиземному морю,—часто величиной не больше нѣсколькихъ квадратныхъ десятинъ и на которыхъ не видно ни одного жилья,—сплошь обработаны: мѣста мало этому энергичному, трудолюбивому народу. А желѣзныя дороги! Сколько препятствій нужно было преодолѣть, чтобы провести полотно дороги! Ты не проѣзжаешь и двухъ верстъ по ровной дорогѣ: все это насыпи, расщелины горъ или туннели; поѣздъ бѣжитъ и ныряетъ изъ туннеля въ туннель. А по сторонамъ—поля, рощи и водопады...

На утро мы пріѣхали въ Іокогаму и остановились въ рекомендованной намъ гостинницѣ—„Privat Hôtel“. Хозяинъ—маленькій, пухленькій, розовый итальянецъ; хозяйка—рослая, полная

француженка. Мы имъ привезли поклонъ отъ ихъ пріятеля, m-r Bay'a, хозяина „Hôtel Belle-Vue“ въ Нагасаки, и насъ радушно приняли (конечно, всѣхъ гостей такъ же радушно принимаютъ). За 3 р. въ сутки съ человѣка полагается: большая, свѣтлая, хорошо обставленная комната съ обширнѣйшей двухъ-мѣстной англійской кроватью и съ полнымъ содержаніемъ: чай или кофе съ хлѣбомъ и масломъ (можно потребовать и холоднаго мяса); въ 12 час.—завтракъ изъ 6—8 блюдъ съ кофе; въ 4 ч.—чай съ хлѣбомъ и масломъ или печеньемъ; въ 7 ч.—обѣдъ еще болѣе обильный, чѣмъ завтракъ. И что̀ всего удивительнѣе: мы, которые въ обыкновенное время почти не ужинаемъ (обѣдъ нашъ состоитъ изъ двухъ блюдъ), мы здѣсь преисправно поѣдали все, что̀ намъ подавали. Итакъ, мы въ Іокогамѣ. Заѣхали мы въ „Privat-Hôtel“ главнымъ образомъ потому, что хозяйка—француженка, слѣдовательно, можно съ нею объясняться и, слѣдовательно, она намъ будетъ служить переводчицей при нашихъ сношеніяхъ съ внѣшнимъ міромъ. Пріѣхали въ субботу утромъ. Цѣлый день дождь лилъ, какъ изъ ведра, такъ что носа нельзя было на улицу высунуть. Въ воскресенье утромъ была чудная погода, и мы по желѣзной дорогѣ—50 минутъ ѣзды—покатили въ Токіо.

Поѣздъ мчался по густо населенной мѣстности. Все время по обѣ стороны дороги мелькали деревни. По случаю японскаго праздника всѣ дома были оригинально разукрашены; на высокихъ мачтахъ висѣли огромныя раскрашенныя бумажныя рыбы. Рыбы эти были свободно подвѣшены на проволокахъ и раскачивались легкимъ вѣтеркомъ, какъ бы плавали въ воздухѣ. Мы замѣтили, что величина и количество рыбъ на домахъ были различны: отъ одной до пяти-шести. Изрѣдка виднѣлись дома и безъ рыбъ. Что̀ за оказія? Позднѣе мы узнали, что тогда былъ праздникъ „мальчиковъ“, и каждая семья вывѣшивала рыбъ по количеству сыновей. Передъ отъѣздомъ изъ Іокогамы хозяйскій сынъ подробно написалъ намъ по-французски и по-японски (латинскими буквами), что̀ слѣдуетъ осмотрѣть въ Токіо, и мы не встрѣтили почти никакихъ затрудненій при объясненіяхъ съ рикшами. Говорю: „почти“, потому что все-таки въ одномъ случаѣ пришлось туго. Когда мы попали въ Ayeno-Parc, гдѣ помѣщаются музеи, зоологическій и ботаническій сады, мы насилу растолковали нашимъ рикшамъ (на помощь было призвано нѣсколько японскихъ городовыхъ, но они тоже ничего не понимали), что намъ нужно въ зоологическій садъ—пришлось изобразить въ лицахъ цѣлый звѣринецъ: лаять, мяукать, блеять

и т. п. А ботаническій садъ такъ они и не поняли, и мы его не видали; а, говорятъ, онъ великолѣпенъ. Мы летали по Токіо съ 10 ч. утра до 5 ч. пополудни. Первымъ дѣломъ взобрались на гору по высочайшей каменной лѣстницѣ; а тамъ еще на высокую башню, откуда открывается видъ на весь городъ. Кто видалъ Москву съ Воробьевыхъ горъ и Пекинъ съ Угольной горы, того видъ Токіо не поразитъ. Городъ расположенъ на ровной мѣстности у моря. Видишь массу крышъ, много зелени— и только. Оттуда мы отправились въ Schieba-temple. Предполагаю, что въ переводѣ на русскій языкъ это храмъ Сиву. Тоже послѣ пекинскихъ храмовъ поразить не можетъ. По истинѣ великолѣпенъ паркъ, его окружающій. Тамъ мы впервые видѣли камеліи величиной съ добрую березу,—и такое дерево все въ цвѣту. Между прочимъ мы открыли третьяго дня въ Нагасаки, въ храмѣ Осуви, еще бо̀льшія камеліи, только онѣ уже отцвѣтали. Уходъ за паркомъ въ храмѣ Сиву и красота его просто поразительны. Но еще поразительнѣе отношеніе японцевъ къ святынѣ: за 20 к. они пускаютъ тебя всюду, только заставляютъ тебя сбрасывать обувь, входить въ чулкахъ. И это не взятка, которую ты даешь сторожу. Нѣтъ, при входѣ въ каждое зданіе храма (а ихъ тамъ достаточно) съ тебя взимаетъ плату духовное лицо. Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Когда мы обошли храмъ, мы были уже порядочно утомлены, да и пора было обѣдать. Здѣсь, на Востокѣ, внѣ опредѣленныхъ часовъ, тебѣ ни въ одномъ ресторанѣ ѣсть не дадутъ. Пообѣдали, а затѣмъ поѣхали въ вышеупомянутый Ayeno-Parc и въ храмъ Азыкиза. Ayeno-Parc—колоссальный паркъ въ центрѣ города—повидимому, любимое мѣсто прогулокъ токійцевъ. Я не берусь судить о немъ во всемъ его объемѣ; но то, что̀ мы видѣли—прелестно и много говоритъ въ пользу того, какъ умѣло японцы соединяютъ полезное съ пріятнымъ. Въ паркѣ масса лужаекъ, прудовъ, тѣнистыхъ аллей. Особенно хороша была одна аллея, длинная и прямая какъ стрѣла, обсаженная по обѣ стороны сливовыми деревьями. Деревья эти плодовъ не приносятъ и разводятся ради прекрасныхъ махровыхъ цвѣтовъ нѣжнаго розоваго цвѣта. Какъ разъ тогда была пора цвѣтенія, и вся аллея была сплошь розовая, безъ единаго зеленаго листка! Великолѣпное зрѣлище!

Въ паркѣ, какъ я уже упоминала, помѣщаются разные музеи, зоологическій и ботаническій сады. Мы попали только въ зоологическій садъ. Онъ пока еще бѣденъ животными; но все въ чудномъ порядкѣ, и видна забота объ его процвѣтаніи: большин-

ство экземпляровъ животныхъ—подарки микадо или разныхъ высокопоставленныхъ японцевъ, изъ извѣстныхъ въ Европѣ, напр., маркиза Ито. Цѣна за входъ въ садъ—2 коп., дѣти—даромъ. И въ этомъ видна забота о томъ, чтобы садъ былъ дѣйствительно доступенъ народу. Вы видите массу отцовъ и матерей со своими ребятами, показывающими и объясняющими дѣтямъ все, что они видятъ.

Храмъ Азыкиза—это уже нѣчто совсѣмъ не передаваемое, своеобразное. Во-первыхъ, мы ѣхали туда по оживленнѣйшимъ улицамъ, кишѣвшимъ народомъ. По обѣимъ сторонамъ тянулись бараки, въ которыхъ шли всевозможнѣйшія представленія, и куда публика зазывалась всевозможнѣйшими рекламами и выкрикиваніями. Массы фокусниковъ, пѣвцовъ и разсказчиковъ занимали толпу направо и налѣво (былъ праздничный день). Продавались всевозможныя игрушки, лакомства и фокусъ-покусы. Отъ гама, шума, музыки въ баракахъ положительно голова шла кругомъ. Въ самомъ храмѣ продолжалась та же суетня, та же торговля, и тутъ же, среди снующей толпы, молящіеся преклоняли колѣни, хлопали въ ладоши для того, чтобы обратить на себя вниманіе божества, и затѣмъ приносили моленья. Помолившись, они бросали къ ногамъ идоловъ мелкую монету, обернутую въ бумажку. Такими монетами въ бѣлыхъ бумажкахъ усѣяны полы храмовъ въ Японіи. Рядомъ съ храмомъ высится колоссальнѣйшая башня, съ которой тоже открывается видъ на весь городъ. Но мы были слишкомъ утомлены, чтобы взбираться на нее. Въ 5 ч. мы отправились на вокзалъ и обратно въ Іокогаму.

Третій и послѣдній день въ Іокогамѣ. Съ утра я отправилась съ хозяйкой за необходимыми покупками; а послѣ завтрака мы объѣхали на настоящемъ извозчикѣ городъ и убѣдились, что европейцы живутъ тоже дѣйствительно какъ въ раю. Каждый домъ—это прелестная вилла, въ чудномъ саду, съ роскошными цвѣтниками спереди! Положительно, мы не видѣли ни одного домика, который не вызывалъ бы желанія пожить немножко въ этой дивной обстановкѣ, среди этой почти тропической зелени. Въ тотъ же день, въ 7 час. вечера, мы уже ѣхали обратно въ Нагасаки. Отъѣздъ нашъ обошелся не безъ курьёза. Намъ въ нашей гостинницѣ сказали, что поѣздъ въ Нагасаки отходитъ въ 6 часовъ. Мы къ этому времени и подогнали нашъ отъѣздъ. Пріѣхали на вокзалъ, купили билетъ и сдали наши вещи носильщику, показавъ ему билетъ, чтобы онъ зналъ, въ какой поѣздъ насъ посадить. Японецъ закивалъ головою и произнесъ обычное у нихъ „he! he“, въ знакъ того, что онъ все понялъ.

Время приближалось къ шести часамъ. Поѣздъ, громыхая, подошелъ къ дебаркадеру. Мы—разыскивать нашего носильщика, и къ нашему удивленію и негодованію видимъ, что онъ таскаетъ вещи другихъ пассажировъ, японцевъ, а на насъ—нуль вниманія. Мы—къ нему: „Намъ вѣдь въ Нагасаки! Понимаешь, въ Нагасаки“! Носильщикъ киваетъ головой, говоритъ свое „he! he!“, но и не думаетъ устроивать насъ въ поѣздъ. Пробовали мы обращаться къ публикѣ, стараясь жестами и видомъ нашихъ билетовъ объяснить, въ чемъ дѣло; но кромѣ сочувственнаго „he! he!“—мы ничего не добились. Заговаривала я и по-французски, и по-нѣмецки—тотъ же результатъ! Съ знаніемъ англійскаго языка можно вездѣ быть понятымъ въ Японіи; но знаніе остальныхъ европейскихъ языковъ тамъ не распространено. Нечего дѣлать. Поѣздъ ушелъ; а мы остались. Черезъ минутъ пять поданъ былъ опять поѣздъ. Опять волненіе съ нашей стороны и спокойное „he! he!“ носильщика. Отошелъ и второй поѣздъ—былъ уже седьмой часъ. Вдругъ, вижу, къ кассѣ приближается какой-то европеецъ. Я къ нему: спрашиваю, говоритъ ли онъ по-французски? Молчаливый поклонъ и отрицательный жестъ головою. „А не говорите ли вы по-нѣмецки?—„О, ja!“ Я попросила его сказать намъ, когда поѣздъ уходитъ въ Нагасаки? Въ 6 ч. 40 м., былъ отвѣтъ. Тогда я поворачиваюсь къ подошедшему мужу и говорю ему: „Слышалъ, господинъ этотъ говоритъ, что поѣздъ уходитъ въ 6 ч. 40 мин.“. Услыхавъ русскую рѣчь, господинъ сказалъ: „Такъ вы русскіе! Это гораздо проще!“—Обрадовались мы этой встрѣчѣ чрезвычайно, и такъ какъ онъ тоже ѣхалъ въ Нагасаки, то рѣшили уже держаться вмѣстѣ. Нашъ новый знакомый оказался зоологомъ, командированнымъ на Востокъ спеціально для изученія рыбъ Тихаго Океана. Онъ говорилъ по-англійски и немного по-японски, уже полгода путешествовалъ по Японіи и поэтому разсказалъ намъ много интереснаго про эту красивую и любопытную страну. У насъ въ Европѣ вообще распространено мнѣніе, что въ Японіи очень легкіе нравы и что тамъ нѣтъ семейныхъ основъ. А вотъ г. X. утверждаетъ, на основаніи личныхъ наблюденій, что это—неправда, что внутри страны нравы строгіе и что испорчено населеніе только портовыхъ городовъ, главнымъ образомъ—Нагасаки, гдѣ надъ развитіемъ японцевъ и особенно японокъ хлопочутъ моряки всѣхъ націй. Также разсказывалъ онъ намъ, какъ распространена грамотность въ странѣ. Но это мы и раньше слыхали и проѣздомъ видали въ самыхъ маленькихъ деревняхъ крошечныхъ мальчиковъ почти безъ одежды и такихъ же крошечныхъ

дѣвочекъ, одѣтыхъ, причесанныхъ и даже раскрашенныхъ, какъ взрослыя японки, съ книжками подъ мышкой, бѣгущими въ школу. Лучшее зданіе въ деревнѣ—это школа, и въ настоящее время населеніе Японіи почти поголовно грамотно.

Билеты наши дѣйствительны десять сутокъ; мы могли бы по дорогѣ осмотрѣть много интереснаго; но мой мужъ торопился, желая пріѣхать къ сроку. И вотъ, мы уже недѣлю въ Нагасаки; а парохода въ наши края все нѣтъ. Уѣдемъ дня черезъ два—три. На обратномъ пути изъ Іокогамы мы видѣли изъ окна вагона, при лунномъ свѣтѣ, снѣжную вершину священной горы Фуджіамы, и дѣйствительно это такое зрѣлище, которое наполняетъ душу религіознымъ трепетомъ. Нельзя передать, до чего эта вершина, мерцающая своимъ снѣгомъ въ лучахъ мѣсяца, красива, величественна и вмѣстѣ съ тѣмъ фантастична. Въ Нагасаки мы не долго отдыхали. На другое уже утро мы поѣхали въ извѣстное вамъ Моги; а оттуда—на пароходъ въ Абамо, деревушку, извѣстную своими горячими щелочными источниками. Абамо тянется лентою по самому берегу моря; а прямо надъ нею высится гора Унзенъ со своими сѣрными источниками. Но обо всемъ этомъ—рѣчь впереди.

W.

ГОРОДЪ и ДЕРЕВНЯ

РАЗСКАЗЪ

изъ современнаго житья-бытья.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Окончаніе.

XIII *).

Глухая, упорная и жестокая вражда Градусова съ Наташей и ея отцомъ Ермолаемъ, достигнувъ высокой степени, вдругъ уступила мѣсто другимъ, болѣе человѣческимъ чувствамъ—у Наташи родился сынъ, съ надеждой и любовью ожидаемый всѣми ими, и вотъ, сливаясь въ этихъ чувствахъ надежды и любви, они всѣ трое невольно, сами того не подозрѣвая, сдѣлались мягче и добрѣе другъ къ другу. Ермолай какъ будто забылъ о томъ, что̀ произошло между нимъ и зятемъ, а Градусовъ все не разставался съ надеждой, что когда-нибудь утомится же его тесть ихъ ненормальными и мучительными отношеніями настолько, что отпуститъ его; а Наташа думала, что мужъ пойметъ, наконецъ, вредъ своихъ „противныхъ думъ, книжекъ и стишковъ" и броситъ все это.

Наступила осень. Кончилась молотьба и затихла спѣшная крестьянская работа, съ недосыпаньемъ, переутомленіемъ и заботами о вёдреномъ днѣ. Молодежь и подростки уѣхали въ городъ, на промыслы. Крестьяне, оставшіеся дома, пока не уста-

---

*) См. выше: апр., 621 стр.

новился зимній путь, отдыхали, только днемъ уходя въ лѣсъ порубить дровъ для зимы.

Бывало, съ наступленіемъ осени Градусовъ всегда чувствовалъ особенный подъемъ духа: тогда мысли съ большей ясностью возникали и роились въ головѣ, душа раскрывалась къ воспріятію новыхъ, неизвѣданныхъ еще впечатлѣній, думъ и образовъ, кружившихся передъ нимъ какъ въ какомъ-то калейдоскопѣ. И, вмѣстѣ съ этимъ, въ немъ возникало страстное желаніе удержать эти мысли и впечатлѣнія, осмыслить ихъ, облечь въ опредѣленныя формы. И ему не то что казалось, нѣтъ, онъ былъ убѣжденъ въ томъ, какъ въ святости Бога, что въ этомъ заключается его высшее призваніе, весь смыслъ его жизни, и что безъ этого ему нечѣмъ и не для чего жить.

Такъ, даже и теперь, онъ былъ не чуждъ этой воспріимчивости и вдохновеній, и чувствовалъ, и сознавалъ, что долженъ былъ сдѣлать въ жизни нѣчто такое, что̀ не можетъ умѣщаться въ рамкахъ вседневной окружающей его жизни. И онъ томился, ожидая, когда придетъ къ нему возможность сдѣлать это и, хоть не надолго, быть „самимъ собой“.

Въ деревню пріѣхали изъ города статистики, и крестьянамъ было объявлено черезъ ихъ сельскихъ старостъ „строжайшее приказаніе явиться въ назначенный день и часъ въ мохоболотное волостное правленіе, для дачи показаній о подробномъ домашнемъ положеніи, равно и о хозяйствѣ“.

Ермолай ходилъ въ правленіе давать статистическія свѣдѣнія, Градусовъ оставался дома. Но и ему хотѣлось посмотрѣть и послушать, какъ производятся статистическія работы—это все-таки вносило свѣжую струю новыхъ впечатлѣній въ однообразную и замкнутую деревенскую жизнь. Онъ пошелъ въ правленіе и дорогой встрѣтился съ Аѳанасіемъ.

— Ну, что̀: какъ тамъ дѣла?—спросилъ онъ.

— Никакъ,—сухо и скептически отвѣчалъ Аѳанасій;—мужики врутъ, статистики записываютъ—больше ничего. Скоро, навѣрное, кончатъ.

— Такъ не сто̀итъ, пожалуй, и идти...—колебался Градусовъ.

— Какъ хочешь, дѣло твое.

— Не пойду.

Онъ вернулся и пошелъ вмѣстѣ съ Аѳанасіемъ.

— Какъ это чудно̀, подумаешь,—говорилъ онъ:—неужели же статистики, ученые и образованные люди, не могутъ догадаться, что работа ихъ пропадаетъ безъ пользы, если имъ приходится

вранье собирать и записывать, — задумчиво говорилъ онъ.—А вѣдь немалыхъ денегъ, поди, стòитъ все это?

Аѳанасій многозначительно улыбнулся.

— Не дураки,—что̀ въ силахъ, то и дѣлаютъ,—сказалъ онъ серьезно.—Это дѣло хорошее—статистика, еслибы только настоящая... Они, братъ, тоже понимаютъ. По статистикѣ все можно вызнать, какъ на ладони.

— Какъ вызнать?

— Какъ?! А ты никогда еще не думалъ объ этомъ! Эхъ, братъ, братъ! А еще писателемъ хочешь быть. Приходило ли тебѣ когда въ умъ, что скотина наша, которая въ хлѣвѣ стоитъ, живетъ богаче насъ съ тобой?

Градусовъ съ недоумѣніемъ поглядѣлъ на него.

— Мнѣ приходилось, — продолжалъ Аѳанасій.—И мужики наши дурачье за то, что боятся всю правду говорить. Пусть бы всю правду узнали: тогда бы и увидѣли, что мы—бѣднѣе скотины.

— Нѣтъ, да какъ же все это? — удивлялся и недоумѣвалъ Градусовъ.

— Вотъ то-то,—говорилъ Аѳанасій, все болѣе и болѣе одушевляясь.—А дѣло ясное, какъ солнышко лѣтомъ.

— Какъ же ты знаешь, а они не знаютъ? — спрашивалъ сильно заинтересованный Градусовъ.

— Такъ, просто. Ты разсчитай: сколько ты проживаешь въ годъ? Хлѣба меньше двухъ четвертей съѣшь,—ну, скажемъ, на десять рублей,—капусты, брюквы, рѣдьки, огурцовъ и прочихъ матеріаловъ, ежели все доподлинно сосчитать, наберется на двадцать рублей; значитъ, всего, вышло, проживаешь тридцать рублей. Такъ. Возьми теперь своего коня. Ты сколько въ зиму сѣна ему скормишь? Двѣсти пудовъ? А сколько оно стоитъ? По двугривенному за пудъ—составится сорокъ рублей. И это въ одну только зиму. Возьмемъ теперь корову. Та съѣстъ сѣна, ежели ей и соломы поддавывать, на половину противъ коня меньше. И опять же на нее расходу больше выйдетъ, чѣмъ на тебя. Теленокъ, или свинья,—и тѣ почти-что наравнѣ съ нами въ продовольствіи живутъ. А вся скотина, ежели ее вкупѣ взять, живетъ богаче, чѣмъ наша семья.

Градусовъ былъ пораженъ этими неожиданными выводами.

— А оно, пожалуй, и вѣрно,—сказалъ онъ, раздумывая.

— Вотъ гдѣ заковыка! — заговорилъ опять Аѳанасій, быстрымъ и горящимъ взглядомъ посмотрѣвъ на него.—Вотъ ты и раскинь умомъ: отъ сотворенія міра сколько времени прошло? Вѣдь не мало, хоть по священной исторіи, хоть по наукамъ

разсчитай—все-же годковъ порядочное количество наберется, и съ самой той поры люди трудятся, наукамъ разнымъ обучаются—порохъ выдумали, звѣзды на небѣ сосчитали и званье именъ имъ наложили, а до самаго сегодняшняго дня не разумѣютъ того, что скотина, которая въ хлѣвѣ стоитъ, живетъ богаче насъ, трудящихся людей... На кой же чортъ, прости, Господи, намъ и наука ихняя послѣ онаго?..

Увлекшись такими разсужденіями, онъ свелъ разговоръ совсѣмъ на другое. Градусовъ все молчалъ и внимательно слушалъ.

— Развѣ я не вѣрно говорю?—спросилъ Аѳанасій.

— Да, все вѣрно.

— Такъ вотъ. Я не вру; я — мужикъ, но малое понятіе имѣю; а ежели бы я учонымъ былъ, я бы, навѣрно, давно гдѣ-нибудь въ сумасшедшемъ домѣ сидѣлъ.

Градусовъ не слышалъ его послѣднихъ словъ—онъ всѣми силами нервовъ вцѣпился въ поразившую его и, какъ ему казалось, великую мысль истинной полезности статистики... Узнать до точки все, чѣмъ живутъ люди, сколько имѣютъ земли, какъ воздѣлываютъ ее, удобряютъ, какіе получаютъ урожаи... Да, это правда, тутъ уже никуда не свернешься — все будетъ видно, какъ на ладони! Никакіе разсказы, повѣсти и стихотворенія этого не объяснятъ! И какъ никто до сихъ поръ до этого не додумался?.. Деревня—эта кормилица государства, родникъ, изъ котораго черпаются жизненные соки, — и до сихъ поръ она, эта деревня, остается не вполнѣ изслѣдованною, непонятною, необъясненною...

Эти мысли вдругъ хлынули на него какимъ-то неудержимымъ потокомъ. Ему уже представлялась ихъ деревня Многосущенская какимъ-то необитаемымъ островомъ на океанѣ, куда время отъ времени подъѣзжаютъ иноземные корабли, чтобы взять съ нея дань, и затѣмъ уѣзжаютъ прочь, не интересуясь узнать, какъ живутъ обитатели этого острова... И въ головѣ Градусова стали быстро слагаться тѣ формы, въ которыхъ было бы можно изобразить жизнь деревни вполнѣ правдиво и понятно.

— А вѣдь это можно бы сдѣлать! — воскликнулъ онъ въ сильномъ возбужденіи.

— Что?—спросилъ Аѳанасій.

— Да вотъ настоящую статистику составить.

— Чего нельзя! Только... трудно. Это такъ съ верха-то глядѣть, такъ и думается легко, а ну-ка, начни все по ниточкѣ разбирать, такъ ой, ой, братъ!

Но Градусовъ не думалъ о затрудненіяхъ. Къ зародившимся

въ немъ мыслямъ присоединилось страстное, непреодолимое желаніе описать жизнь крестьянъ въ деревнѣ Многосущенской во всей ея полнотѣ.

Онъ ничего не сказалъ о томъ Аѳанасію, а, придя домой, тотчасъ же схватилъ карандашъ и бумагу и, уйдя въ другую избу, сталъ придумывать форму, въ которую должны были вылиться его думы. Ему казалось, что еслибы можно было сразу передать все то, что̀ онъ думалъ—сочиненіе было бы готово и вполнѣ закончено: все въ немъ было бы убѣдительно, ясно, просто; оно могло бы просвѣтить умы, смягчить чувства, заставить забиться сердца людей любовью къ своему бѣдному брату-крестьянину...

Но не было подъ руками способа облечь все это въ формы, помимо упорнаго и кропотливаго труда подбиранія словъ и выраженій, труда, къ которому Градусовъ не былъ подготовленъ. Какъ онъ ни принимался за работу, съ чего ни начиналъ, все не удовлетворяло его, казалось, что это дѣлается не такъ. И это мучило его страшно.

Онъ перерылъ всѣ свои книжки, отыскивая въ нихъ что-нибудь такое, что̀ могло бы дать ему указаніе, какъ производятся статистическія работы. Отыскалъ какую-то старую книгу какого-то ученаго агронома „о сельскомъ хозяйствѣ“. Эта книга валялась въ сундукѣ много лѣтъ нечитанною,—теперь Градусовъ прочелъ ее съ жаромъ, какъ не читалъ и стихотворенія любимыхъ поэтовъ. Въ книгѣ давались совѣты, какъ воздѣлывать и удобрять почву, какъ ухаживать за домашними животными, кормить ихъ, и многое другое. И все, что̀ ни читалъ онъ въ этой книгѣ, приводило его къ убѣжденію въ томъ, что у крестьянъ земледѣліе и скотоводство ведутся крайне неправильно.

У него были еще книги Гончарова: „Фрегатъ Паллада“. И эти книги навели его на мысль описывать деревню такъ, какъ Гончаровъ описывалъ Японію. Остановившись на этомъ, онъ пріободрился и началъ писать.

Онъ писалъ мѣсяца два, украдкой, уходя въ пустую избу или на сѣновалъ, и никому не говорилъ о своей работѣ. Эта работа пробудила въ немъ дремавшія духовныя силы, и онъ ожилъ: сталъ веселъ, разговорчивъ, добръ и ласковъ. Ермолаю не нужно было наряжать его на какое-либо дѣло—Градусовъ самъ догадывался, что̀ требовалось дѣлать, и весело, энергично, съ любовью принимался за все. Дѣло горѣло и спорилось въ его рукахъ,—онъ старался поскорѣй окончить домашнія хозяйственныя

работы и освободиться и хоть часокъ удѣлить своимъ новымъ занятіямъ.

Ермолай, глядя, какъ справлялся онъ съ крестьянской работой, одобрительно и весело улыбался, но вдругъ опять становился озабоченнымъ; его начинала тревожить мысль о томъ, что эта необыкновенная прилежность и любовь зятя къ работѣ могутъ быть только временнымъ одушевленіемъ, порывомъ ничѣмъ необъяснимымъ,—что̀ и раньше иногда „находило“ на Градусова.

Наташа тоже недоумѣвала и пытливо вглядывалась въ лицо мужа, стараясь уловить въ немъ объясненіе такого необыкновеннаго подъема духа. Но ничего она не могла прочитать въ его лицѣ: оно изъ смѣлаго и убѣжденнаго вдругъ становилось то озабоченнымъ и унылымъ, какъ будто на него находила тѣнь сомнѣнія и печали; то мгновенно прояснялось, складки на лбу сглаживались, глаза сіяли радостнымъ свѣтомъ; то снова напряженіе мысли клало на него отпечатокъ строгой сосредоточенности, задумчивости, и грусти. Но чаще оно было весело и радостно.

Она пробовала спрашивать его: „отчего онъ словно какъ перемѣнился“? Градусовъ ласково улыбался ей и отвѣчалъ: „такъ, ничего“. Но этими объясненіями Наташа не могла удовлетвориться и любопытство было возбуждено въ ней очень сильно. Она стала украдкой слѣдить за нимъ, когда онъ уходилъ въ другую избу и на сѣновалъ, подсматривать, чѣмъ онъ тамъ занимался,—и увидѣла, что онъ пишетъ... Задумавшись надъ тетрадкой, грызетъ въ зубахъ карандашъ и хмуритъ лобъ, или вдругъ вопьется въ бумагу острымъ взглядомъ и быстро, такъ что руки у него дрожатъ, принимается писать. Что̀ онъ пишетъ?.. Этотъ вопросъ сильно тревожилъ Наташу: „Что̀ какъ опять свои окаянные стишки?.. Не жди тогда добра“!

XIV.

Градусовъ описывалъ нравы и обычаи жителей деревни Многосущенской, ихъ развитіе и просвѣщеніе, способы веденія хозяйства, характеристику жизни отдѣльныхъ семей, и работа шла у него успѣшно. Ему еще хотѣлось составить сборникъ бытовыхъ и обрядовыхъ пѣсенъ. Съ этимъ предметомъ никто его не могъ лучше ознакомить, чѣмъ Нифатъ, любитель пѣсенъ, сказокъ и прибаутокъ.

Нифатъ былъ удивленъ когда Градусовъ обратился къ нему съ просьбой сказать пѣсни, какія онъ зналъ.

— Это ты что̀ же затѣваешь?—строго спросилъ онъ его.

— Ничего, такъ... Мнѣ это нужно записать.

— А мнѣ не нужно, такъ я и не скажу тебѣ. Видно, давно драки у васъ не было съ тестемъ, такъ ты для того хошь? Это, братъ, не лады!

Градусовъ видѣлъ, что старикъ не разскажетъ ему пѣсенъ до тѣхъ поръ, пока не убѣдится въ томъ, что это не будетъ угрожать ихъ семейному спокойствію. И онъ откровенно объяснилъ Нифату, какою онъ задался цѣлью и для чего ему требовались пѣсни.

Нифатъ подумалъ минутъ пять и потомъ сказалъ опасливо и назидательно:

— А не лучше ли тебѣ бросить это, ро̀дный? Смотри!

Градусовъ горячо принялся доказывать ему, что въ этомъ не будетъ вреда, что никто этого не узнаетъ, а когда пріѣдутъ статистики, онъ и покажетъ имъ свою работу; тогда — Богъ знаетъ!—можетъ быть ему еще и заплатятъ за это.

Нифатъ опять подумалъ минутъ десять и, наконецъ, рѣшился исполнить его просьбу.

Эти пѣсни—хороводныя, расхожія, „долевыя“ (тѣ, которыя пѣлись ходя вдоль улицы), свадебныя, похоронные и заговорные стихи—составили чуть не половину того, что̀ было написано Градусовымъ. Иванъ Михайлычъ досталъ ему копію съ уставной грамоты деревни Многосущенской, валявшуюся между разными конторскими дѣлами съ тѣхъ поръ, какъ крестьяне судились съ помѣщикомъ о неправильномъ разграниченіи ихъ надѣльной земли: свѣдѣнія о раскладкѣ податей были взяты изъ конторскихъ книгъ.

Когда Градусовъ закончилъ свою работу, онъ, въ праздничный день, пригласилъ Аѳанасья въ волостное правленіе, сказавъ, что прочтетъ имъ съ Иваномъ Михайлычемъ „о жизни крестьянъ въ селѣ Многосущенскомъ“.

— Что-жъ, это можно,—сказалъ Аѳанасій, встряхнувъ волосами и бросивъ на автора взглядъ въ которомъ выражалось любопытство, сочувствіе и нѣкоторое недовѣріе.

Они собрались втроемъ въ совѣщательной комнатѣ волостного правленія, и Градусовъ принялся читать.

Онъ началъ съ описанія географическаго положенія деревни и достопримѣчательностей мѣстности—кургановъ и сопокъ,—связанныхъ съ изустными преданіями народа. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ описывалъ часовню, стоящую въ полѣ, вдали отъ деревни,

и. близъ нея болото, на мѣстѣ котораго, будто бы, стояла церковь, въ литовское нашествіе провалившаяся сквозь землю, о чемъ и теперь, будто бы, свидѣтельствуетъ звонъ колоколовъ, слышимый подъ землею въ ночь наканунѣ Иванова дня, вышло довольно картинно и съ юморомъ. Иванъ Михайлычъ разсмѣялся, и Аѳанасій улыбнулся одобрительно. Перейдя затѣмъ къ описанію быта, религіозности и суевѣрій, Градусовъ по поводу послѣднихъ выразилъ всю силу горечи, давно накипѣвшей у него на сердцѣ. Изслѣдованіе экономической жизни вышло незаконченнымъ, но въ немъ были затронуты такія детали,—земельные надѣлы, способы земледѣлія, удобреніе, посѣвъ, урожаи, приходорасходныя статьи,—до которыхъ никогда бы не добрался статистикъ, изучающій этотъ предметъ по опросамъ крестьянъ. Этнографическая часть очень удалась: описанія одежды, поговорокъ, пословицъ и пѣсенъ старинныхъ и современныхъ—вышли очень живы.

Только по поводу пѣсенъ, занявшихъ много страницъ, Аѳанасій замѣтилъ, что это имъ и такъ давно надоѣло слышать отъ дѣвокъ и бабъ.

Статья заканчивалась характеристиками жизни отдѣльныхъ семей.

Въ общемъ получалась довольно яркая и полная картина, написанная просто и правдиво, хотя мѣстами и не вполнѣ выдержаннымъ литературнымъ языкомъ.

Градусовъ окончилъ чтеніе. Оно произвело видимо серьезное и хорошее впечатлѣніе на слушавшихъ; Аѳанасій сидѣлъ облокотившись на столъ, нахмурясь и глубоко задумавшись, а Иванъ Михайлычъ одобрительно глядѣлъ на автора, усмѣхаясь и выпуская кверху струи дыма папиросы.

— Ну, все это ладно,—сказалъ Аѳанасій, встряхивая волосами,—а что̀ же теперь ты съ этимъ думаешь дѣлать?

— Что̀ дѣлать?—озабоченно повторилъ Градусовъ.—Не знаю самъ, что̀ дѣлать...

— Въ томъ-то и штука. Надо насчетъ этого какъ-нибудь мозгами раскинуть.

Но Иванъ Михайлычъ неожиданно вывелъ ихъ изъ затрудненія.

— Сдѣлать очень незатруднительно,—сказалъ онъ, продолжая пускать дымъ. И выждавъ, когда слушающіе со вниманіемъ уставились на него, съ важностью продолжалъ:—По моему разсужденію, такъ эту работу отослать по почтѣ въ губернскую земскую управу и попросить, чтобы тамъ ее разсмотрѣли, а потомъ, ежели можно, такъ и отпечатали...

Послѣднія слова Иванъ Михайлычъ произнесъ наобумъ, для

того, чтобы сказать что-нибудь, не подозрѣвая, что выразилъ дѣльную мысль, и побаиваясь, какъ бы не слишкомъ завраться. Но товарищи слушали его внимательно. Польщенный этимъ вниманіемъ, онъ прибавилъ не совсѣмъ увѣренно:

— Они вѣдь, кажись, тамъ свою статистику печатаютъ...

— Да,—согласился Аѳанасій,—и правда: иначе ничего лучше этого не придумаешь.

Градусовъ оживился.

— Но какъ? Кому послать? Прямо въ управу?

— Туда, гдѣ статистикой завѣдуютъ, я думаю, надо посылать,—сказалъ Аѳанасій.

Они, всѣ трое, остановились на этомъ рѣшеніи, довольные тѣмъ, что нашли возможность устранить затрудненіе. Иванъ Михайлычъ тотчасъ же сложилъ рукопись пополамъ и сдѣлалъ конвертъ изъ цѣлаго листа бумаги. Градусовъ написалъ коротенькую записку, въ которой просилъ статистическое отдѣленіе управы увѣдомить его, годится ли его рукопись для напечатанія.

Иванъ Михайлычъ отослалъ пакетъ съ первой почтой.

Градусовъ сталъ съ нетерпѣніемъ и тревогой ждать отвѣта изъ управы, и каждый разъ, какъ приходила почта, освѣдомлялся, нѣтъ ли ему письма. Но письма не было цѣлыхъ три недѣли. Эти три недѣли показались автору безконечными. Вначалѣ онъ, припоминая всѣ мѣста, какія казались ему лучшими въ своей рукописи, все не терялъ надежды въ томъ, что трудъ его можетъ имѣть успѣхъ. Но подъ конецъ разувѣрился и уже рѣшилъ, что онъ пропалъ безъ пользы. Какъ вдругъ пришло ожидаемое письмо:

„Милостивый государь, — писалъ ему завѣдующій статистическимъ отдѣленіемъ управы, — ваша статистическая работа могла бы быть интересна и даже можетъ быть пригодна для напечатанія въ „Статистическомъ Сборникѣ“, издаваемомъ управою, но, къ сожалѣнію, въ этой работѣ недостаетъ нѣкоторыхъ очень существенныхъ данныхъ, безъ которыхъ она теряетъ значеніе. Въ ней нѣтъ бюджетныхъ таблицъ, подробной описи и расцѣнки всего имѣющагося у домохозяевъ, въ отдѣльности, движимаго и недвижимаго имущества—инвентаря, одежды и пр. вещей. Если бы вы могли дополнить этими свѣдѣніями свой трудъ, тогда бы мы съ удовольствіемъ воспользовались имъ“.

Къ письму были приложены печатныя бланки съ указаніями, въ какой формѣ слѣдовало представить дополнительныя свѣдѣнія.

Градусовъ прочиталъ письмо нѣсколько разъ,—и его охватилъ восторгъ, а въ глубинѣ души зазвучалъ тотъ давно не слышанный таинственный голосъ, отъ котораго онъ какъ бы перерождался въ

другого, полнаго жизни и надежды, человѣка. Онъ былъ всѣмъ своимъ существомъ убѣжденъ въ томъ, что у него достанетъ силъ исполнить возлагаемую на него задачу. Только... требовалось сдѣлать это поскорѣй, чтобы не забыли о немъ въ управѣ, и украдкой отъ своихъ, чтобы не узнали, не стали браниться и злиться, и не помѣшали ему.

Онъ уже не удивлялъ Ермолая и Наташу происшедшей въ себѣ перемѣной: съ чего у него явилась бодрость, веселье, ласковость въ обращеніи съ ними и необыкновенная прилежность къ работѣ (не все же человѣку лѣниться,—пора и взяться за умъ), и они не спрашивали его, что̀ съ нимъ случилось, зная, что онъ не скажетъ имъ этого, и только можетъ огорчиться. Да и не все ли равно, отчего произошла перемѣна? Благо ожилъ человѣкъ—и слава Богу! Такое отношеніе ихъ для него было какъ нельзя болѣе благопріятно—къ нему не стали относиться съ подозрѣніемъ, за нимъ не стали слѣдить, и онъ на досугѣ могъ свободно предаваться своимъ занятіямъ.

Черезъ три недѣли онъ окончилъ свой трудъ, переписалъ его набѣло и отослалъ въ управу. А недѣлю спустя получилъ письмо, въ которомъ его увѣдомляли, что работа его принята для напечатанія въ „Статистическомъ Сборникѣ“.

Градусовъ торжествовалъ.

XV.

Казалось, въ жизни его наступила эпоха—сбывались его завѣтныя надежды, и заманчивое призваніе служенія народу живымъ словомъ—уже не мечта: трудъ его цѣнятъ знающіе люди; ему начинаютъ сочувствовать тѣ, кто раньше никогда не сочувствовалъ; вотъ, и Аѳанасій глядѣлъ на него съ уваженіемъ, а Иванъ Михайлычъ уже вычислялъ, сколько придется получить за работу; считая рукописный листъ за печатный, онъ говорилъ: „листовъ вѣдь, пожалуй, до сорока наберется“,—и всѣ въ деревнѣ, узнавъ объ его успѣхѣ, глядѣли на „сочинителя“ какимъ-то особеннымъ взглядомъ пытливости, одобренія и ожиданія! Наташа радовалась, и даже Ермолай сталъ съ нимъ почти ласковъ. Въ одинъ вёдреный день, когда имъ удалось сдѣлать много дѣла, Ермолай, усталый и довольный, сидя за ужиномъ, обратился къ зятю съ вопросомъ:

— А что̀, тутъ статисты-то иногдась ѣздили—что̀ они, порядочно получаютъ за свою работу?

— Не знаю,—коротко отвѣчалъ Градусовъ; ему непріятно было замѣчать въ Ермолаѣ пробужденіе корыстолюбія.

Его короткій отвѣтъ нѣсколько расхолодилъ чувства Ермолая, готоваго поговорить по душѣ, чего съ нимъ не случалось еще въ продолженіе всей ихъ совмѣстной жизни. Старикъ только крякнулъ, погладилъ бороду и принялся солить щи.

Градусову опять сталъ слышаться таинственный голосъ, зовущій на борьбу, голосъ побѣдный и грозный, заглушающій весь шумъ личныхъ, эгоистическихъ житейскихъ дрязгъ и суеты. Охватившее его одушевленіе и вдохновеніе не прошло даромъ,—онъ вновь сталъ писать стихи, и они теперь лились изъ души его такъ легко и свободно, какъ никогда. Явилось желаніе подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своими чувствами, и черезъ недѣлю онъ писалъ Ворсилову длинное письмо, въ которомъ подробно объяснялъ ему о пріѣздѣ въ деревню статистиковъ и о томъ, что̀ навело его на мысль приняться за описаніе деревенской жизни. „Это для меня—великое событіе,—писалъ онъ въ концѣ письма:—я чувствую, что оживаю и возрождаюсь для новой, прекрасной жизни, для жизни души. Жена и тесть узнали о томъ, что моя работа принята, и уже смотрятъ на меня безъ обычной непримиримой враждебности. Имъ, конечно, болѣе всего нравится то, что мнѣ дадутъ денегъ, для нихъ это—все. Въ головѣ моей снова зароились риѳмы, и стихи пишутся такъ легко, какъ никогда еще не писалъ... Посылаю тебѣ нѣсколько стихотвореній, изъ которыхъ одно посвящаю тебѣ.

„Теперь я вполнѣ понялъ,—писалъ Градусовъ далѣе,—что при неудачахъ, которыхъ не въ силахъ переносить, и при жестокой несправедливости людей, человѣкъ ожесточается сердцемъ, грубѣетъ, заглушаетъ свои способности, а отъ этого озлобляется и, въ концѣ концовъ, гибнетъ, какъ злой человѣкъ, не бывъ отъ природы злымъ. Это все для меня стало яснымъ потому, что я на себѣ провѣряю все это. И, Господи, какъ все это прекрасно! Люди не тѣ, природа не та, солнце свѣтитъ болѣе привѣтливо и радостно и все въ тебѣ поетъ гимнъ, торжественный гимнъ Богу, Создателю человѣка, въ которомъ Онъ заключилъ столько хорошаго!..

„Поздравьте меня: у меня недавно родился сынъ... Онъ родился еще въ то тяжелое время, когда мое небо было покрыто тучами и въ душѣ моей царилъ мракъ. Тогда—со стыдомъ теперь признаюсь—я порой не радовался рожденію его,—я смотрѣлъ на жизнь, какъ на роковое испытаніе, въ которомъ человѣкъ всегда бываетъ побѣжденъ, угнетенъ и опозоренъ. Но теперь я раскаяваюсь въ этихъ дурныхъ чувствахъ и часто, глядя на маленькое лицо спящаго и улыбающагося во снѣ сына, думаю

о томъ, какъ я заблуждался, былъ жестокъ и несправедливъ. Нѣтъ, жизнь хороша, если человѣкъ знаетъ, для чего живетъ! Будетъ жить мой ребенокъ,—я постараюсь вложить въ него часть моего теперешняго сознанія—пусть и ему слышатся божественные голоса, одухотворяющіе и призывающіе человѣка къ служенію Богу и ближнимъ"!..

На это письмо Ворсиловъ отвѣтилъ ему, что радуется его успѣху и происшедшей въ немъ перемѣнѣ. Но слегка намекалъ, что въ жизни все измѣнчиво и не слѣдуетъ „выходить изъ себя" ни въ радостяхъ, ни въ горестяхъ. Благодарилъ за стихотворенія и въ особенности за то, которое было посвящено ему,—такъ оно ему нравилось,—и горячо возставалъ въ защиту земскихъ статистиковъ, которые работаютъ для пользы крестьянъ и которыхъ крестьяне не понимаютъ, оказывая имъ недовѣріе.

„Съ Аѳоней за-одно!"—подумалъ Градусовъ, весело улыбаясь.

— Наташа, — говорилъ онъ, какъ-то вечеромъ, въ праздникъ, сидя съ нею у окна на лавкѣ: — вотъ, можетъ быть, я добьюсь и того, что вы не будете относиться ко мнѣ съ недовѣріемъ и враждой, когда убѣдитесь, что работа моя никому не можетъ принести вреда. Боже мой, какъ я жду этого времени!.. Наконецъ, я докажу вамъ, что вы ошиблись, неправильно глядѣли и разсуждали...

Наташа глубоко вздохнула.

— Дай-то Богъ!—сказала она. И задумалась.

— Вѣдь въ человѣкѣ есть духовныя стороны, которыхъ нельзя заглушать и вытравлять,—продолжалъ Градусовъ,—потому что онѣ отличаютъ его отъ скотины; въ нихъ заключена искра Божія, въ нихъ—свѣтъ и радость, и счастье...

— А тебя извѣстятъ?—спросила Наташа.

— Да, мнѣ, навѣрное, напишутъ.

— Какъ-то Богъ дастъ! Хоть бы мы ждали и надѣялись, да не понапрасну... А вотъ я слышала, говорятъ, что мужику не дадутъ ходу въ этихъ дѣлахъ.

— Кто говоритъ?

— Да... кто? и... бабы, вонъ, и мужики говорятъ...

— И ты имъ вѣришь?

— Не вѣрю, а... такъ!

Она снова вздохнула.

XVI.

Не только Градусовъ и его близкіе родные, но и всѣ жители деревни Многосущенской были живо заинтересованы его статистической работой;—всѣ знали, что эта работа будетъ „не ихней чета“, и самолюбію ихъ льстило то, что ее сдѣлалъ не какой-нибудь чиновникъ, а мужикъ, такой же, какъ и они. Это стало общей интересной темой для разговоровъ у мужиковъ и бабъ. Всѣ ждали съ нетерпѣніемъ, что вотъ-вотъ придетъ повѣстка о денежномъ письмѣ.

Но прошелъ мѣсяцъ, другой и третій—повѣстки не было.

Градусовъ зналъ, что принятыя въ печать вещи, даже если ихъ обѣщаютъ напечатать вскорѣ, иногда лежатъ продолжительное время ненапечатанными, и скрѣпя сердце ждалъ довольно терпѣливо. Но когда прошло уже полгода, а извѣстій изъ управы не приходило, онъ сталъ тревожиться. Съ теченіемъ времени и всѣ въ деревнѣ, мало-по-малу, охладѣли къ этому и перестали ждать, рѣшивъ, что, знать, не будетъ толку,—„видно, написалъ-то не совсѣмъ ладно, вотъ разглядѣли—и бракуютъ“. И на Градусова стали глядѣть уже кто съ сожалѣніемъ, кто—съ явной насмѣшкой.

Градусовъ написалъ въ статистическое отдѣленіе управы, прося увѣдомить его о судьбѣ своего произведенія. Черезъ нѣсколько дней получился отвѣтъ.

„Милостивый государь,—писалъ ему кто-то незнакомымъ почеркомъ,—письмо ваше, въ которомъ вы просите увѣдомить о судьбѣ своей работы, передано мнѣ завѣдующимъ статистическимъ отдѣленіемъ черезъ его помощника съ резолюціей о разысканіи и возвращеніи вашей рукописи. Къ сожалѣнію, я никакъ не могъ найти ее, несмотря на то, что перерылъ всѣ бумаги. Дѣло въ томъ, что прежній завѣдующій, принявшій вашу работу, мѣсяцъ тому, долженъ былъ по нѣкоторымъ обстоятельствамъ оставить службу, и на его мѣсто поступилъ другой. Новый завѣдующій повелъ дѣло въ новомъ и совершенно иномъ направленіи, и тѣ работы, которыя были одобрены и приняты для напечатанія, признаны неудобными и подлежащими возвращенію. Я, все-таки, еще поищу вашу рукопись, и если найду ее, то увѣдомлю васъ объ этомъ, или же мы возвратимъ ее вамъ почтою“.

Это письмо было настолько печально, настолько неожиданно, что поразило его какъ громомъ. Это не было пробужденіемъ отъ

сладкаго сна, а страшнымъ сномъ, закрывающимъ отъ него дѣйствительность и облекающимъ ее тяжелою, непроницаемою мглою.

Онъ не помнилъ, какъ вышелъ изъ правленія, и очнулся только тогда, какъ столкнулся на дорогѣ, носомъ къ носу, съ Аѳанасіемъ.

— Что̀ случилось?—спросилъ Аѳанасій, удивленный его убитымъ и растеряннымъ видомъ.

Градусовъ молча передалъ ему письмо изъ статистическаго отдѣленія.

— А-а, вотъ что̀! — задумчиво произнесъ Аѳанасій, прочитавъ письмо.—Да, дѣло плохо. Экое свинство! Ну, да чего отъ нихъ и ждать! Ты куда же теперь?

— Никуда,—отвѣчалъ Градусовъ. И, взявъ отъ него письмо, повернулся, чтобы уходить.—А что̀?—спросилъ онъ потомъ, остановившись и не глядя на Аѳанасія.

— Да такъ...

Аѳанасію было жаль его и хотѣлось чѣмъ-нибудь утѣшить.

— Погоди,—сказалъ онъ,—я въ кабакъ сбѣгаю,—жёнка моя сегодня именинница,—а потомъ ко мнѣ пойдемъ.

Черезъ нѣсколько времени они вдвоемъ сидѣли въ избѣ Аѳанасія за столомъ, передъ кипящимъ самоваромъ и бутылкой водки, и разговаривали. Домна и старуха-мать вышли куда-то, въ деревню, и имъ никто не мѣшалъ. Аѳанасій самъ вскипятилъ самоваръ и досталъ изъ поставца лепешки съ картофельной начинкой, напеченныя именинницей по случаю торжественнаго дня.

— Жаль, — говорилъ Аѳанасій уже не совсѣмъ твердымъ голосомъ, — жаль, что твои труды пропали даромъ. А опять-таки, чорта ли унывать? Нюни распускать не стоитъ, а живи опять такъ, словно и не было ничего... Вотъ—по моему. А мнѣ полюбилось, братъ, въ твоемъ сочиненіи, какъ ты правильно выставилъ, что скотина наша живетъ богаче насъ. Это, братъ, вѣрно, это—куды хошь поди—такъ вѣрно! Это я люблю, потому что правда, да ты и сдѣлалъ имъ заковычку! Хорошо! Только оно, можетъ, имъ и не полюбилось, не по носу табакъ пришелся. За это самое, можетъ, и прекратили...

Онъ вопросительно взглянулъ на Градусова. Но тотъ молчалъ, нахмурившись и глядя въ полъ.

— Вотъ, — продолжалъ Аѳанасій, одушевляясь и проводя рукой по своимъ густымъ, вихрастымъ волосамъ,—вотъ ты и раскинь умомъ: какъ намъ можно надѣяться на людей и на ихнюю помогу?.. Нѣтъ, братъ, надо надѣяться только на себя, да еще на Бога... не то, правильнѣе, на Бога сперва, а потомъ

на себя—больше ни на кого. Кому какое дѣло до насъ?.. Нешто я не вѣрно говорю?..

— Да, вѣрно,—разсѣянно пробормоталъ Градусовъ.

— Я не совру. Я—мужикъ, а понятіе тоже имѣю.

Градусовъ поднялъ на него глаза, криво усмѣхнулся и съ унынiемъ проговорилъ:

— Да, Аѳоня, жизнь, братъ, все переворачиваетъ по своему. И мой кругозоръ теперь вышелъ на-нѣтъ... Думалъ: новые пути, новые горизонты, а, вмѣсто того, какая-то издѣвка!..

Онъ стиснулъ зубы и злобно отвернулся.

— Ахъ, ты опять про это? Ну, понять надо, у кого что болитъ, тотъ про то и говоритъ. Да ты наплюй на нихъ, ну ихъ къ дьяволу совсѣмъ! Пусть они дѣлаютъ свое, а ты свое дѣлай—вотъ! Пиши хорошенько стихи... Отчего ты мнѣ своихъ стиховъ всѣхъ не покажешь?

— Зачѣмъ? Смѣяться?

— Нѣтъ, не смѣяться; я порядочныя стихотворенія даже очень обожаю.

Градусовъ вскочилъ съ лавки и быстро заходилъ по избѣ.

— Чортъ съ ними!—злобно вскрикнулъ онъ.—Я всѣхъ ихъ въ печкѣ сожгу—пусть они пропадутъ!..

Онъ опять сѣлъ на лавку и задумался.

— Зачѣмъ же жечь?—спросилъ Аѳанасій, послѣ минутнаго молчанія.

Градусовъ, не выходя изъ задумчивости, какъ бы про себя, сталъ читать свое стихотвореніе:

Передъ людьми я слезы проливалъ,
Отъ нихъ искалъ себѣ я утѣшенья,—
Но лишь насмѣшки горькія встрѣчалъ
И видѣлъ взгляды злобы и презрѣнья...
Пошелъ я въ лѣсъ, и тамъ печаль свою
Излилъ передъ природой горделивой—
Она не приняла тоску и грусть мою,
Оставшися ко мнѣ бездушно-молчаливой;
Тогда къ себѣ, къ своимъ мечтамъ святымъ,
Пошелъ, успокоенія алкая,—
Ихъ нѣтъ, они исчезли, словно дымъ,
Давно сгубила ихъ моя судьбина злая!..

Чувство состраданія и грусти блеснуло въ сѣрыхъ глазахъ Аѳанасія. Онъ схватилъ Градусова за руку и, крѣпко стиснувъ ее, произнесъ:

— Не дурно...

И они оба замолчали.

— Ты думаешь, что талантъ свой въ землю зарылъ?— ласково спросилъ Аѳанасій.

— А ты какъ думаешь?—отвѣтилъ вопросомъ Градусовъ.

— Какъ? Гмъ... Можетъ, его и не было...

Градусовъ вопросительно посмотрѣлъ на него.

— Не обижайся на меня!—продолжалъ Аѳанасій, снова съ чувствомъ пожавъ его руку.—Я тебѣ скажу притчу одну, а ты послушай. Когда я жилъ въ Питерѣ, у переплетчика, читалъ я тамъ книжку, въ которой про рыцарей и про турниры описано. И есть тамъ одинъ рыцарь-герой, Ричардъ Львиное Сердце— да объ немъ тамъ послѣ поговоримъ!—я къ примѣру хочу ихъ тебѣ выставить. Эти самые рыцари на турниры и на поединки выѣзжали другъ противъ друга: кто кого выбьетъ изъ сѣдла— тотъ и молодецъ, тому честь и слава полагается; а который не выстоитъ—тому срамъ. Вотъ и у насъ въ жизни много на это похоже: выходишь ты въ родѣ какъ на поединокъ; есть у тебя сила—побѣду одержишь и честь и славу получишь, нѣтъ силы— какъ слизнякъ, пропадешь... У тебя, братъ, можетъ и есть талантъ, да силы мало... Силу надо большую, богатырскую!.. Ломоносовъ вѣдь изъ дому бѣжалъ, пѣшкомъ шелъ такую даль, потомъ сколько горя принялъ, пока настоящимъ-то человѣкомъ сталъ! А ты, видно, мелко плаваешь.

Градусовъ враждебно посмотрѣлъ на него.

— А ты: не мелко?

— Я и не лѣзу далеко, я помаленьку иду своимъ чередомъ. Вотъ жёнка дочку и сына родила; скоро, Богъ дастъ, еще одинъ членъ въ семьѣ прибавится; избу новую поставилъ; коня худого на хорошаго смѣнялъ; то одну коровёнку имѣлъ, а теперь двухъ коровъ содержу; подати и повинности исправно плачу... Вотъ въ чемъ вся сила.

— Хороша сила! ха-ха-ха!—раздражительно засмѣялся Градусовъ.—Такая же сила, какъ у лошади и коровы—все одинъ чортъ!

Аѳанасій съ достоинствомъ выпрямился и встряхнулъ головой.

— Ну, что жъ, пусть я состою на свѣтѣ животнымъ. Такъ меня за это осуждать плохо, я въ томъ не виноватъ!

Во время ихъ разговора вошла въ избу Домна. Они, сидя къ двери спиной и увлекшись разговоромъ, не замѣтили, какъ она вошла.

— Ты это что жъ такое дѣлаешь, безстыдникъ?—приступила Домна къ Аѳанасію, держа передъ собой закутаннаго въ полу овчинной шубы ребенка и грозно смотря на мужа.

Аѳанасій даже вздрогнулъ отъ неожиданности. Оглянувъ жену съ ногъ до головы, онъ обратился къ Градусову:

— А мы съ тобой заговорились и забыли...

Домна уложила ребенка въ люльку и снова подошла къ мужу.

— Я тебѣ дамъ, безстыжіе глаза! То говорилъ: „слово благороднаго крестьянина даю, что пить не стану“, а на томѣсто нарѣзался такъ, что и людей не видишь.

— Что жъ, не видимъ—потому, заговорились, а на тебя и не глядимъ... Ты не ври, что я слово давалъ не пить, я говорилъ: *пьянствовать* не стану. Ты, братъ, своей строгостью не-гораздо насъ притѣсняй — въ монастыряхъ и то бываетъ монахамъ льгота, разрѣшеніе вина и елея. Чтò срамишься? Гдѣ намъ веселья искать, какъ не въ кабакѣ?.. Не хочешь? Ну, открой намъ храмъ театральнаго искусства...

— „Открой храмъ“! — презрительно повторила Домна.—А часто ты въ храмъ-то ходишь? Въ Божій храмъ ходить никому не заказано.

— Стой, стой, стой! — протянулъ впередъ себя руку Аѳанасій.—Вороти оглобли—не туда поѣхала! И опять же ты на меня не ври, что я въ Божій храмъ не хожу—я хожу чуть не каждый праздникъ, только нешто когда, по нуждѣ, сапоги кому починить останусь дома. И не ходить въ Божій храмъ нельзя— мы только тѣмъ себя и поддерживаемъ, и безъ Бога пропадемъ, какъ мухи. А я тебѣ говорю про *храмъ театральнаго искусства*! Да, открой намъ его, книжекъ хорошихъ дай,—мы и въ кабакъ не пойдемъ. Это я тебѣ вѣрно говорю, и ты мнѣ повѣрь. А то, куда же намъ идти? Куда?..

Онъ поставилъ этимъ вопросомъ Домну въ затрудненіе.

— Небось, горраздъ на разговоры-то, — пробормотала она, не зная, чѣмъ опровергнуть его доводы.

Потомъ она вдругъ схватила его за плечи и повернула съ такой силой, что онъ чуть не упалъ на полъ.

— А ты, смотри, потише! — говорилъ Аѳанасій, медленно оправляясь: — я тебѣ не сосѣдъ, а законнымъ мужемъ довожусь. Смотри, помни!

— Я помню... Ты-то помни! Чтò ты, домъ, что-ли, разорять хочешь черезъ пьянство? Это вѣдь не долго: вотъ, походи въ кабакъ, такъ и скоро пойдешь, какъ разъ, побирахой ради Христа просить. Это не долго!

— А вѣдь жёнка-то, пожалуй, и правду говоритъ,—съ серьезнымъ видомъ разсудилъ Аѳанасій, обращаясь къ Градусову.— Д-да... А главное дѣло, съ любовью; по голосу слышно, что

жалѣючи и любя. Вотъ, братъ, ты только послушай ее, ничего что она въ родѣ дуры оказываетъ, а иной разъ такое слово тебѣ скажетъ — что̀ какъ въ ухо вдѣнетъ!..

XVII.

Въ волостномъ правленіи былъ назначенъ судъ.

Иванъ Михайлычъ уже сидѣлъ за столомъ и разбиралъ бумаги. Противъ него, по другую сторону стола, стоялъ, облокотившись на рѣшетку, Градусовъ и читалъ про себя какую-то бумагу.

Лицо Градусова было озабоченное; разсѣянность и болѣзненная вялость сказывались во всей его фигурѣ. Сегодня онъ былъ вызванъ на судъ за оскорбленіе своей жены дѣйствіемъ...

Миръ и благоволеніе, недавно посѣтившіе-было ихъ семью, снова оставили ихъ, и снова начались между ними дрязги, ссоры, взаимныя оскорбленія и притѣсненія.

Такъ бываетъ въ горячую, рабочую лѣтнюю пору и въ крестьянской жизни: рожь уже созрѣла на крестьянскихъ нивахъ; сѣнокосъ еще не оконченъ, хотя трава скошена, но не высушена, и уже приспѣло время вспахивать паровое поле и сѣять; нужно бы поскорѣе жать рожь, свозить снопы и молотить, потому что запасы въ засѣкахъ истощились и нечего ѣсть, но—нѣтъ вёдра, и дѣло стоитъ, нельзя за него приняться. Вотъ, выдался погожій денёкъ—и работа закипѣла: и старый, и малый, всѣ спѣшатъ сушить и убирать сѣно, жать, возить снопы, пахать и сѣять. Въ одинъ день работа двинулась такъ скоро, такъ легко и удачно, что всѣ радуются и благодарятъ Бога. На завтра приготовлено работы еще больше,—только бы Господь далъ хорошую погоду. Глядь, съ полуночи подулъ холодный и сердитый вѣтеръ, небо заволокло тучами и полился дождь. Утромъ рано проснулись заботливые работники, но на улицѣ такая буря, какая бываетъ только въ глухую осень. И снова все въ деревнѣ и въ поляхъ пригорюнилось и поникло; опускаются руки работниковъ, готовыхъ потрудиться въ потѣ лица; теряется энергія, радостное настроеніе, и всѣ, вчера еще такіе веселые, добрые, съ отчаяніемъ смотрятъ, какъ гніетъ ихъ добро, и готовы проклинать свою жизнь и судьбу.

И для Градусова былъ такой „погожій“ денёкъ... Но... только денёкъ! Вслѣдъ за этимъ ему было послано такое испытаніе, которое превышало его силы, и жизнь утратила для него смыслъ и интересъ.

Близкіе его досадовали, что не пришлось ему получить денегъ, и что они такъ легко одурачились, повѣривъ въ полезность писательской работы Градусова, работы, изъ-за которой уже было столько огорченій! Наташа съ горькой усмѣшкой говорила своимъ сосѣдямъ, и словно нарочно такъ, чтобы слышалъ Градусовъ: „Писать взялся, а работать не хочетъ (его писаніе не признавалось даже за работу!) какъ слѣдуетъ. А вотъ много получилъ отъ писанія? Безтолковый! Только жизнь нашу загубилъ“! А Ермолай, кряхтя и мыча, говорилъ съ выраженіемъ кровной обиды: „Писанье—дѣло господское; мы еще рыломъ не вышли, чтобы за него браться“!

Въ одну изъ ссоръ, Градусовъ вышелъ изъ себя и толкнулъ Наташу въ грудь такъ сильно, что она упала на полъ. За это она подала на него жалобу въ волостное правленіе, и теперь ихъ будутъ судить.

— Да,—говорилъ Градусовъ, вздыхая и кладя исписанный листъ на столъ,—это ей нищій написалъ—ходилъ тутъ по деревнѣ грамотный, онъ еще гдѣ-то учителемъ въ школѣ грамоты былъ—вотъ и подпись его: „Власъ Виноградовъ“. Охъ! Мнѣ очень тягостно все это видѣть и слышать. Да и прежній приговоръ къ тѣлесному наказанію меня безпокоитъ.

Градусовъ раньше этого былъ приговоренъ волостнымъ судомъ, за оскорбленіе своей жены дѣйствіемъ, къ тѣлесному наказанію, но приговоръ этотъ, благодаря заступничеству Ивана Михайлыча и Нила Гаврилова, больше двухъ мѣсяцевъ оставался не приведеннымъ въ исполненіе, и о немъ почти забыли. Теперь Градусовъ вспомнилъ о немъ.

— Да чего вы боитесь-то? — спокойно и ободряюще взглянулъ на него Иванъ Михайлычъ.—Вамъ особенно бояться тутъ нечего, ваше дѣло не такъ важно. А прежній приговоръ можетъ остаться безъ послѣдствій, потому что Нилъ Гавриловъ мнѣ самъ говорилъ, что васъ напрасно тогда присудили къ розгамъ,—а онъ въ настоящее время уже состоитъ здѣсь предсѣдателемъ суда. Да, къ тому же, это уже и прошло давно...

— Тутъ столько разговоровъ будетъ лишнихъ и перекоровъ, —задумчиво и съ тоской говорилъ Градусовъ.—Я вамъ, Иванъ Михайлычъ, откровенно говорю,—до того все это разстраиваетъ меня и угнетаетъ, что я хожу словно самъ не свой; внутри что-то вотъ сосетъ, сосетъ... Скука! И въ мозгу, иной разъ, какая-то идетъ сумятица. Опротивѣло все, работа изъ рукъ валится.

— Ну, отъ непріятности. Это извѣстно. Ничего, успокойтесь: за старое судить теперь не будутъ, а вновь вы подрались безъ

свидѣтелей. Да и какая это, помилуйте, драка? Что въ грудь-то толкнули?.. Я ваше дѣло впередъ къ разбору назначу. Я даже и не ожидалъ отъ васъ такой слабости, право!

Иванъ Михайлычъ съ удивленіемъ пожалъ плечами и снова принялся за бумаги. Градусовъ поправилъ волосы и улыбнулся болѣзненной улыбкой.

— Понимаете ли вы, что я самъ не свой сталъ, — съ горечью выговорилъ онъ, дѣлая удареніе на словахъ „самъ не свой".—Ослабѣлъ и... озвѣрѣлъ... Да, именно, озвѣрѣлъ: иногда находитъ такое затменіе, что, право, готовъ бы убить самъ себя или того, кто ко мнѣ прикасается. И самъ не радъ тому, потому что прекрасно знаю, насколько все это подло и унизительно. Послѣ—мучусь... Особенно съ тѣхъ поръ, какъ жена пожаловалась въ судъ и здѣсь меня къ тѣлесному наказанію приговорили, не могу преодолѣть къ ней враждебнаго чувства. Даже боюсь, что когда-нибудь не сдержусь и поступлю съ нею нехорошо... Честное слово! Тутъ было-забылся...

Онъ приложилъ руку къ груди, какъ бы желая утишить возникшую тамъ боль, и замолчалъ на минуту. Потомъ продолжалъ, раздражаясь и волнуясь:

— Чортъ знаетъ!.. и теперь, вотъ, разговариваю съ вами, и мнѣ кажется, что я совершаю какое-то подлое дѣло! Ахъ, еслибы кто зналъ—можетъ, я и нездоровъ...

Иванъ Михайлычъ оставилъ бумаги и озабоченно посмотрѣлъ на него.

— Ну, что вы? Этакій видный мужчина! Вѣдь вы и пьете, и ѣдите, все настоящимъ порядкомъ?

— Пью и ѣмъ.

— Вотъ, видите. Успокойтесь. Вотъ, сами ужо убѣдитесь, какъ ваше дѣло хорошо разберется — съ чѣмъ пришла ваша жена, съ тѣмъ и уйдетъ.

— О! какъ все это гнусно! Опять голоса стали слышаться... Но это не тѣ голоса, что слышались раньше,—голоса злобы и мести заглушаютъ ихъ,—говорилъ Градусовъ, какъ бы разсуждая самъ съ собою. — Тѣ голоса было радостно слышать: въ нихъ была вѣра въ свои силы и въ справедливость, надежда на лучшее будущее, а эти мстительные и злобные голоса вселяютъ въ душѣ горечь, отчаяніе и темноту.

Иванъ Михайлычъ, еще никогда не слышавшій отъ него такихъ рѣчей, уставился на него недоумѣвающимъ и тревожнымъ взглядомъ; онъ не въ шутку сталъ побаиваться: не заболѣлъ ли въ самомъ дѣлѣ его пріятель?

— Ахъ, извините, Иванъ Михайлычъ,—спохватился Градусовъ:—я говорю не то, непонятныя для васъ слова. Вы знаете, какъ говорится: „чѣмъ сосудъ полонъ, тѣмъ онъ и проливается".

— Ничего, ничего,—поспѣшилъ успокоить его Иванъ Михайлычъ.

Въ правленіе стали собираться вызванные на судъ свидѣтели,—среди которыхъ былъ Аѳанасій, вызванный по дѣлу Градусова,—истцы и отвѣтчики. Они молча входили, молча молились на образъ, въ углу, молча кланялись въ сторону писаря, не обращавшаго на нихъ рѣшительно никакого вниманія, и такъ же молча садились на скамейкахъ.

Пришелъ предсѣдатель суда, Нилъ Гавриловъ, и съ нимъ судьи: Кузьма Андроновъ, уже начинающій сѣдѣть, небольшого роста, коренастый, съ суровымъ и нѣсколько раздражительнымъ лицомъ мужикъ, и Капитонъ Ивановъ, поджарый, причесанный, съ заискивающимъ и какъ бы заранѣе на все согласнымъ съ начальствомъ видомъ, съ неопредѣленной, мягкой и лукавой усмѣшкой.

Поздоровавшись за руку съ Иваномъ Михайлычемъ, Нилъ Гавриловъ начальническимъ жестомъ положилъ руку на „дѣла", наваленныя на столѣ кучей, и обвелъ своихъ сослуживцевъ-судей серьезнымъ взглядомъ.

— Не надо, ребята, дѣла запускать,—тихо и внушительно сказалъ онъ имъ, — а то меня баринъ иногдась пробиралъ: у васъ, говоритъ, въ судѣ дѣловъ накоплено чортова пропасть.

Онъ подвинулъ стулъ къ столу и сѣлъ. Судьи тоже усѣлись. Комната уже была полна народомъ; запахло овчинами, махоркой и дегтемъ.

Пришла Наташа, одѣтая въ старомъ кафтанишкѣ, берестяныхъ башмакахъ на босу ногу и въ ситцевомъ платкѣ, кое-какъ повязанномъ на головѣ. Она имѣла измученный, унылый и раздраженный видъ. Войдя, она смѣшалась съ толпою, стоявшею въ углу у порога.

Судьи достали изъ кармановъ своихъ широкихъ штановъ бронзовыя медали и навѣсили ихъ себѣ на шеи. Это сдѣлалъ и Нилъ Гавриловъ.

— Перво будемъ, значитъ, дѣло Градусова разбирать,—сказалъ онъ.—Здѣсь Констентинъ Градусовъ?

— Здѣсь,—сказалъ Градусовъ, уже отошедшій отъ стола и стоявшій въ толпѣ по другую сторону рѣшетки, отдѣляющей судей отъ публики.

— Хорошо. Наталья Ермолаева здѣсь?.
— Здѣзь,—раздался отъ порога голосъ Наташи.
Засѣданіе началось.

XVIII.

Вызвавъ всѣхъ свидѣтелей, Нилъ Гавриловъ сказалъ имъ:
— Ну, хорошо. Вы теперь идите вонъ—тамъ, въ сѣняхъ, побудьте, пока позовутъ кого.—Затѣмъ онъ приступилъ къ отобранію показаній истицы и отвѣтчика.
— Наталья Ермолаева и Константинъ Градусовъ, подойдите къ загородкѣ!
Когда тѣ подошли, онъ сдѣлалъ знакъ писарю, и тотъ вычиталъ прошеніе Наташи, жалующейся на мужа за то, что онъ „неправильно и незаслуженно, съ ея стороны, подвергъ въ нетрезвомъ видѣ оскорбленію дѣйствіемъ".
— Ну, хорошо, — сказалъ Нилъ Гавриловъ, когда Иванъ Михайлычъ кончилъ.—Ты, Градусовъ, признаешь себя по прошенью жены виноватымъ?
Градусовъ встрепенулся, какъ пробужденный отъ дремоты, и съ тоской поглядѣлъ на судей.
— Конечно, я не правъ,—сказалъ онъ,—свинства довольно... Но только, господа, подумайте о томъ: вѣдь ежели и на червя наступишь, то и тотъ будетъ кусаться, тѣмъ болѣе человѣкъ, когда его жизнью давитъ...
Нилъ Гавриловъ съ сожалѣніемъ поглядѣлъ на него, какъ бы стыдясь его неловкихъ и непонятныхъ выраженій.
— Намъ надо узнать только то, что касательно къ дракѣ,—дѣловито проговорилъ онъ.—Ну, а ты, Наталья, что̀ скажешь?
— Что̀ мнѣ говорить? Вся деревня знаетъ про то, какъ онъ меня мучитъ. За все я у него виновата: и за то, что ему скушно, и за то, что въ писаньи евономъ удачи нѣтъ—за все онъ меня ненавидитъ. А теперь вотъ уже и бить сталъ...
— Ну, хорошо. Такъ вотъ что̀ я вамъ скажу: по закону, не лучше ли вамъ будетъ помириться? Я вамъ совѣтую. Мало ли что̀ тамъ промежъ себя у васъ вышло, въ домашнемъ дѣлѣ? Все перемелется, авось, обойдется, не даромъ же сказано: „мужъ да жена—одна сатана".
— Я съ своей стороны согласенъ,—сказалъ Градусовъ.
— А ты, Наталья, какъ?
Наташа не вдругъ отвѣтила.
— Богъ съ нимъ, ребенка жалѣючи, я помирюсь съ нимъ,

только бы онъ не мучилъ меня. Вѣдь вотъ вы и то простили ему, когда онъ къ розгамъ-то былъ присужденъ, да онъ отъ этого лучше не сдѣлался.

— А! такъ вотъ ты еще чего хочешь!—съ раздраженіемъ и запальчивостью вскрикнулъ Градусовъ.

— Ш-ш!—остановилъ его Нилъ Гавриловъ.—Такъ какъ же: вы, значитъ, мириться не согласны?

Градусовъ и Наташа молчали. Былъ вычитанъ и подписанъ протоколъ.

— Хорошо. Сторожъ, позови намъ сюда свидѣтеля, Аѳанасья Ѳедотова!

Черезъ нѣсколько времени пришелъ Аѳанасій и сталъ у рѣшетки въ ожиданіи, чтò ему скажутъ.

— Ты чтò можешь сказать насчетъ Градусова и его жены?—спросилъ Нилъ Гавриловъ.

— Это будетъ въ какихъ смыслахъ?

— Насчетъ касательно ихъ дракѣ?

— Насчетъ касательно ихъ дракѣ,—медленно повторилъ его слова Аѳанасій, какъ бы опредѣляя и взвѣшивая про себя ихъ значеніе:—насчетъ этого я ничего не могу сказать, потому что не видалъ, какъ они подрались. Только—наши избы рядомъ—такъ слышалъ, что у нихъ былъ шумъ: онъ бранился, она тоже бранилась и плакала.

— Больше ничего не можешь сказать?

— Ничего. А только скажу по совѣсти: Градусовъ по-свински съ ней обращается; ежели ему не везетъ въ жизни, такъ за это бить жену—несправедливо и безбожно. Такъ по моему разумѣнію. Не знаю, какъ по вашему.

Градусовъ хотѣлъ что-то сказать Аѳанасію, но сдержался и не сказалъ.

Всѣ остальные свидѣтели показали почти то же, что и Аѳанасій: они слышали въ избѣ Ермолая шумъ и плачъ, но не видѣли драки. Судьи пошли въ совѣщательную комнату, и скоро, возвратившись оттуда, Иванъ Михайлычъ вычиталъ постановленіе суда, въ которомъ говорилось, что, „опросивъ свидѣтелей по означенному дѣлу, которые показанія жалобщицы не подтвердили, мохоболотный волостной судъ, на основаніи ст. 17 уг. суд., постановилъ: крестьянки деревни Многосущенской, Натальи Ермолаевой, жалобу оставить безъ послѣдствій“.

Наташа, выслушавъ постановленіе, шатаясь, какъ тяжко больная, подвинулась къ судейскому столу и поглядѣла на судей скорбнымъ, укоряющимъ взглядомъ.

— Такъ тѣмъ-то вы и порѣшили?—громко сказала она голосомъ, заставившимъ всѣхъ вздрогнуть. — Взгляните-ка вы на Бога, какъ вы меня порѣшили? Что̀ жъ это будетъ? гдѣ я стану заступы искать?.. Неужто я понапрасну говорю?.. Какъ бы не горе мое, какъ бы хватало у меня мочи муку износить, не пошла бы я въ судъ...

Она сильно закашлялась, приложивъ руку ко рту, и когда кашель стихъ, отняла руку—на ладони ея остались капли крови.

— На̀, самъ погляди,—протянула она руку къ Нилу Гаврилову:—видишь? Отчего это? Отъ хорошей жисти съ мужемъ!..

И она громко заплакала, закрывъ лицо передникомъ.

Публика на скамейкахъ хранила глубокое молчаніе, съ напряженіемъ наблюдая и ловя слова Наташи. Послышались громкіе вздохи, покашливанья, сморканья. Нѣкоторыя бабы вытирали глаза, влажные отъ слезъ.

— Что жъ на меня-то ты припензію пригоняешь,—развелъ руками Нилъ Гавриловъ: — я не виноватъ, что ты харкаешь кровью! Также и въ томъ не причиненъ, что у тебя свидѣтелей настоящихъ не было. Кто васъ пойметъ, какъ вы тамъ подрались?..

Аѳанасій подошелъ къ Наташѣ и тронулъ ее за руку.

— Ладно, не плачь,—сказалъ онъ ей, —помремъ, такъ на томъ свѣтѣ насъ правильно разсудятъ. Напрасно ты и въ судъ-то ходила — надо было дома какъ-нибудь ладить да другъ другу потрафлять.

— Господи Ты Іисусе!—плача, причитывала Наташа.—Милые мои, да что̀ же это?.. О, я бѣдная, горькая, несчастная!.. Куда я теперь пойду, къ кому припатнусь, къ кому приклоню головушку свою горемычную?.. Что̀ я заведу дѣлать-то?... О-о-о!..

Она, согнувшись, словно придавленная тяжестью непосильнаго горя, шатаясь, вышла изъ комнаты.

Отчаянный, надрывающій душу плачъ Наташи произвелъ на всѣхъ бывшихъ въ конторѣ глубокое впечатлѣніе. Даже всегда разсудительный и самоувѣренный Нилъ Гавриловъ, и тотъ былъ смущенъ. Съ нескрываемымъ неудовольствіемъ онъ сухо сказалъ Градусову:

— Вотъ что̀ я тебѣ скажу: ты остерегись бить жёнку. Вѣдь это—срамъ. Надо дѣлать какъ лучше, ребята; надо по-божьи жить...

Кузьма Андроновъ, строго выглядывавшій на нихъ изъ-подъ нахмуренныхъ сѣдыхъ бровей и все время молчавшій, громко

крякнулъ, поправилъ на груди судейскій знакъ и обратился къ Градусову:

— Да, это надо бы оставить! Вѣдь вотъ какое дѣло, какъ говорится: „Посади свинью за столъ, такъ она и ноги на столъ". Такъ же и тутъ: взяли человѣка къ дѣвкѣ въ хорошій домъ, думали, какъ бы лучше сдѣлать, а, на то мѣсто, вышло не то; Ермоха жилъ—и не слышно было, живетъ ли онъ въ деревнѣ, и на суду, какъ я помню, ни разу не былъ. А теперя только и разговоровъ вездѣ, что вы тамъ не ладите. Это надо оставить!

Градусовъ все время въ нервномъ возбужденіи переминался на мѣстѣ и, склонивъ голову, избѣгалъ глядѣть на людей. Теперь онъ поднялъ глаза на судей и горячо заговорилъ:

— Самъ вижу, что срамъ... Какой же я скверный человѣкъ! О, какъ я самъ себя ненавижу!.. Я заслужилъ, чтобы меня называли скотомъ. Благодарю тебя за то, что хоть и не осудилъ меня, да заставилъ самого себя осудить,—поклонился онъ Нилу Гаврилову. Потомъ поклонился Кузьмѣ Андронову, сказавъ:— Спасибо тебѣ за правду.—Затѣмъ, обратившись къ Аѳанасію, поклонился также и ему:—А тебѣ за то, что выругалъ меня за мое злодѣйство!

Выслушавъ его, Аѳанасій презрительно сжалъ губы.

— Коли не хочешь быть скотомъ, такъ на дѣлѣ это доказывай, а нечего тутъ, передъ народомъ, на показъ себя выставлять,—рѣзко сказалъ онъ.

XIX.

Всѣ собравшіеся по дѣлу Градусова направились къ выходу. Нилъ Гавриловъ уже громко выкликнулъ:—Здѣсь ли Андреянъ Егоровъ и Нестеръ Ефимовъ?

Но въ это время въ комнату быстро вошелъ почтарь и, подойдя къ столу, за рѣшетку, сталъ доставать изъ большой кожаной сумки за плечами корреспонденцію, сказавъ Нилу Гаврилову:

— Тутъ есть отъ земскаго начальника экстренная бумага... письмоводитель передавалъ, такъ сказывалъ, что, говоритъ, „экстренная".

— Хорошо; тамъ ужѐ разберемъ—увидимъ,—отвѣчалъ Нилъ Гавриловъ. И, взявъ отъ почтаря большой пакетъ съ корреспонденціей, передалъ его Ивану Михайлычу.

Иванъ Михайлычъ быстро разорвалъ конвертъ и еще не провѣрилъ корреспонденцію по реестру, какъ ему попалась въ руки бумага, о которой говорилъ почтарь.

— Тутъ бумага есть насчетъ Градусова,—сказалъ онъ Нилу Гаврилову,—съ подписью: „экстренная“.

— А, ну вотъ и ладно, онъ и самъ тутъ на лицо, сейчасъ и узнаемъ, что̀ такое, чѣмъ вдругорядь снарову его въ контору требовать.

Градусовъ направился къ выходу, но, услышавъ ихъ разговоръ, остановился въ дверяхъ. И всѣ, которые выходили съ нимъ, остановились.

Иванъ Михайлычъ сталъ читать про себя бумагу и нахмурился.

— Положимъ,—тихо и многозначительно сказалъ онъ Нилу Гаврилову,—это, пожалуй, лучше бы послѣ разсмотрѣть...

Но Нилъ Гавриловъ не понялъ, или притворился, что не понимаетъ его, и рѣшительно произнесъ:

— Что̀ тамъ „послѣ“? Прочиталъ—и конецъ.

— Какъ угодно,—сказалъ Иванъ Михайлычъ. И сталъ читать бумагу:

„Мохоболотному волостному старшинѣ. До свѣдѣнія моего дошло, что въ волости, состоящей подъ твоимъ вѣдѣніемъ, часто бываютъ такія упущенія, что виновные, приговоренные волостнымъ судомъ къ наказаніямъ, не отбываютъ сихъ наказаній. Приписывая такое отступленіе отъ установленныхъ законовъ твоему невниманію, приказываю тебѣ впредь отъ сего дня лицъ, приговоренныхъ волостнымъ судомъ къ наказаніямъ и взысканіямъ, по необжаловаиіи ими постановленій суда въ узаконенный тридцатидневный срокъ, подвергать вышеупомянутымъ наказаніямъ и взысканіямъ безотлагательно и немедленно. На этотъ разъ дѣлаю тебѣ строгій выговоръ, а впредь за таковыя упущенія ты будешь подвергнутъ аресту“...

На этомъ мѣстѣ Иванъ Михайлычъ запнулся и замолкъ.

— А гдѣ же тутъ сказано насчетъ Градусова? — спросилъ Нилъ Гавриловъ.

Иванъ Михайлычъ снова многозначительно поглядѣлъ на него. Но, не видя въ лицѣ его ничего, кромѣ упрямства и нетерпѣнія, вздохнулъ и продолжалъ читать:

„Приговоръ волостного суда̀, состоявшійся болѣе двухъ мѣсяцевъ тому, о подвергнутіи тѣлесному наказанію, въ размѣрѣ десяти розогъ, крестьянина деревни Многосущенской Константина Богданова, приказываю привести въ немедленное исполненіе, такъ какъ помянутый Богдановъ былъ судимъ за нанесеніе оскорбленія дѣйствіемъ женѣ своей, то, тѣмъ болѣе, долженъ нести соотвѣтствующее винѣ наказаніе, ибо таковое можетъ служить въ примѣръ другимъ“.

Иванъ Михайлычъ кончилъ. Съ минуту всѣ молчали.

— Слышалъ, Констентинъ Богданычъ? — спросилъ Нилъ Гавриловъ.

— Слышалъ,—отвѣчалъ Градусовъ.

— Срокъ прошелъ, жаловаться тебѣ некуды—придется отбыть наказанье.

Градусовъ былъ ошеломленъ бумагой земскаго начальника, какъ ударомъ обуха по головѣ. Онъ понялъ, какая опасность надвигалась на него, и поблѣднѣлъ отъ ужаса, стыда и негодованія.

— Вы хотите меня розгами наказать? Меня?..—съ дрожью въ голосѣ вскрикнулъ онъ.

— Начальство велитъ, — съ оттѣнкомъ сожалѣнія, но спокойно и непреклонно отвѣтилъ Нилъ Гавриловъ.

— Нѣтъ, вы сажайте меня подъ арестъ, морите голодомъ, штрафуйте и заставляйте работать какъ лошадь—на все это я соглашусь, а пороть себя не позволю!

— Да какъ же ты не позволишь, чудакъ-человѣкъ, коли *велѣно*?

— Не позволю! Не дамся; это—подлость!..—кричалъ, горячась и выходя изъ себя, Градусовъ.

— Какъ же быть-то?—шопотомъ сказалъ Капитонъ Ивановъ Нилу Гавриловy:—ежели намъ его не наказать, тогда намъ отъ барина попадетъ.

Нилъ Гавриловъ съ рѣшительнымъ видомъ всталъ изъ-за стола.

— Я вотъ сейчасъ распоряжусь,—сказалъ онъ. И вышелъ.

Черезъ минуту въ комнату вошли: сотскій и двое десятскихъ. Они подошли къ Градусову и окружили его. Сторожъ тоже присоединился къ нимъ. Нилъ Гавриловъ не явился.

— Иди лучше съ доброй воли,—говорилъ сотскій Градусову,—не то силкомъ сведемъ.

Градусовъ отступилъ къ рѣшеткѣ, готовый защищаться.

— Дайте мнѣ ножъ—я лучше самъ себя зарѣжу!—говорилъ онъ наступающимъ на него мужикамъ.—А не то, возьмите по заряженному ружью и стрѣляйте въ меня—я и глазомъ не моргну, а пороть себя не дамъ! Слышите: не дамъ! Не позволю!..

— Не шабарши!—увѣщевательно говорилъ сторожъ:—вѣдь, все одно, никуда теперя не дѣнешься...

— Прочь! Убью того, кто меня тронетъ!..

Сотскій, понявъ, что дальнѣйшія увѣщанія не достигнутъ цѣли, схватилъ Градусова за руку. Съ другой стороны сторожъ

и одинъ десятскій уцѣпились за другую его руку. Градусовъ въ бѣшенствѣ рванулся отъ нихъ на середину комнаты и сбилъ сотскаго съ ногъ. Сторожъ обхватилъ его своими цѣпкими, длинными и мускулистыми руками сзади подъ мышки. Градусовъ дѣлалъ отчаянныя усилія, но не могъ вырваться. Поднявшійся отъ паденія, сотскій схватилъ его за ноги, а двое десятскихъ скрутили ему назадъ руки и, пыхтя и сопя, Градусова вынесли вонъ.

Борьба происходила безъ крика и продолжалась не болѣе трехъ минутъ. Всѣ присутствующіе глядѣли на нее съ необыкновеннымъ любопытствомъ, какъ глядятъ на сцену, при особенно удачномъ исполненіи дѣйствія талантливыми артистами; кто жалѣлъ Градусова и сокрушенно вздыхалъ, видя, что ему придется сдаться; кто съ отвращеніемъ и злобой слѣдилъ за движеніями сотскаго, сторожа и десятскихъ, сгорая желаніемъ надавать имъ тумаковъ. Но всѣ оставались безмолвными, сознавая, что дѣйствіе происходитъ на основаніи закона и его нельзя ни остановить, ни помѣшать ему...

— Здòровъ-здòровъ, а четверо-то, небось, осилили!—сказалъ кто-то въ толпѣ.

XX.

Видя семейный разладъ и несчастіе Градусова, всѣ въ деревнѣ жалѣли о томъ, что пропадаетъ безъ пользы рабочая сила, рушится домъ и хозяйство, но самого Градусова не жалѣли и были увѣрены въ томъ, что онъ находится въ наилучшихъ условіяхъ для того, чтобы жить счастливо, только самъ того не желаетъ. И лишь близкіе родные,—за исключеніемъ, впрочемъ, Ермолая и Наташи,—болѣе знавшіе Градусова и болѣе любившіе его, сострадали ему, понимая, что несчастіе его и зло вытекаютъ не изъ его природныхъ свойствъ, а откуда-то извнѣ, изъ невѣдомыхъ имъ источниковъ.

Больше всѣхъ безпокоилась и терялась въ догадкахъ воспитательница его, Ѳекла. Она, какъ и Наташа, пробовала уговаривать Градусова „образумиться“ и жить по хорошему: больше трудиться, не пить водки и молиться Богу. И такъ же, какъ Наташа, видѣла, что совѣты ея только раздражаютъ Градусова, принося ему не облегченіе, а еще бòльшую печаль.

Отчего все это происходитъ? Кто виноватъ? Какъ быть и чѣмъ помочь?... Вопросы эти требовали немедленнаго разъясненія. И такъ какъ, по ея понятіямъ, явленіе было ненормально, таинственно и несогласно съ естественнымъ положеніемъ вещей,

то приходилось объяснять его вмѣшательствомъ сверхъестественныхъ силъ—ворожбой, колдовствомъ. Она остановилась на томъ, что внукъ ея испорченъ колдовствомъ, и что помочь этому можно не иначе какъ посредствомъ колдовства. Конечно, легко и просто было понять, что нельзя ждать человѣку *добра* отъ *злыхъ* духовъ, помогающихъ въ колдовствѣ. Но этого не приходило ей въ голову.

Знахари и колдуны не переводятся въ деревнѣ, потому что, какъ говорятъ, между ними соблюдается строгое преемство: человѣкъ, имѣющій въ своемъ распоряженіи злыхъ духовъ, не можетъ умереть до тѣхъ поръ, пока не передастъ ихъ кому-нибудь другому.

Въ сосѣдней деревнѣ была такая знахарка-ворожея, сѣдая, беззубая и горбатая старуха, съ пронзительнымъ взглядомъ впалыхъ глазъ, съ грубымъ и рѣзкимъ голосомъ. Къ ней и обратилась Ѳекла съ просьбой поворожить Градусова.

Послѣ экзекуціи Градусовъ пьянствовалъ съ Иваномъ Михайлычемъ и нѣсколько дней не являлся домой. Ермолай, и раньше часто не домогавшій, теперь совсѣмъ слегъ, ничего не ѣлъ, жалуясь, что отъ ѣды ему подкатывается подъ сердце, и только пилъ квасъ и холодную воду, слабѣя съ часу на часъ.

Въ это время Ѳекла привела къ Наташѣ старуху-ворожею.

Позднимъ вечеромъ, онѣ всѣ трое сидѣли за грязнымъ столомъ, безъ скатерти (Наташа, угнетенная горемъ, не слѣдила за чистотой, и теперь въ избѣ у нихъ все было неприбрано и грязно); Ермолай спалъ на печкѣ; Наташа только-что покормила ребенка и уложила въ люльку, покачивая ее за веревку, накинутую петлею на ступню ноги.

— Энто у кого-нибудь подшучòно, больше не чтò,—говорила Ѳекла ворожеѣ. — Испорченъ малецъ, совсѣмъ испорченъ. Такой ли онъ былъ? Господи, бывало, жалостливый-то какой: коня отецъ на работѣ когда ударитъ—и то онъ оговоритъ, скотину, говоритъ, жалѣть надо, а не бить; Христа-ради подашь маленькій кусокъ, говоритъ: „матушка (онъ все меня матушкой называетъ), подай, говоритъ, побольше“. А теперя его и не узнать, словно въ умѣ рѣхнулся и чтò какой оглашенный сталъ. Только когда придешь уговаривать, такъ бѣднится да пеняетъ, что его, вишь, нечеловѣкомъ сдѣлали... Только и словъ, да еще и со слезами иной разъ... Точно мы ему лиходѣи! Испортили его, больше не чтò. Пособи, кормилица, горю великому—поворожи!

Ворожея, нахмуривъ брови, нѣсколько времени молчала, что-то обдумывая. Потомъ обратилась къ Наташѣ:

— Разскажи-ка, молодица, какъ вы съ нимъ жили раньше того, и какъ теперь?

— Раньше онъ все не такой былъ,—отвѣчала Наташа:— часомъ и разговорится, бывало, хоть и тоснулъ, а, бывало, работаетъ и со всѣми ласковый. А вотъ съ той поры, какъ я пожаловалась на него въ контору, да присудили его къ розгамъ, и житья мнѣ отъ него не стало. „Ты, говоритъ, чѣмъ подъ розги меня подводить, такъ лучше бы ядомъ меня отравила"... Потомъ, послѣ того перемежилось тутъ,—старшина за него застоялъ, и его не пороли и забыли всѣ про это,—да у меня вотъ мальчикъ родился—и онъ тогда потише сталъ, какъ будто и ничего. Потомъ писалъ тутъ какую-то статистику и веселый сдѣлался. Ну, думаю: сжалился надо мной Господь. А потомъ сразу овражѣлъ и овражѣлъ, какъ звѣрь лихой сталъ, не то что говорить, а и глядѣть ни на кого не хочетъ. Побилъ меня. Не стерпѣла я, пошла въ судъ. Тамъ присмирѣлъ какъ будто, и помирились мы. Потомъ за старое его выпороли—и съ тѣхъ поръ пьянствуетъ и домой глазъ не кажетъ. Я одна съ груднымъ ребенкомъ теперя; батюшко занемогъ, стало все дѣло. Не придумаю, не придумаю, какъ и быть теперь...

И она заплакала.

— А что онъ говоритъ-то, когда бранится?

— Все говоритъ, что его сгубили.

— Самъ признается,—сказала Ѳекла.

— А чуднова онъ ничего такого не дѣлаетъ?—продолжала спрашивать ворожея.

Наташа отерла передникомъ слезы и съ чувствомъ давно накопившейся и ищущей облегченія боли стала разсказывать.

— Одинъ разъ—въ праздникъ было—мы на огородѣ сѣно сушили, я Ваничкой беременна была, остатнее время ходила. Батюшка—тогда еще здоровъ былъ—поѣхалъ въ поле, за сѣномъ, а меня послалъ въ ригѣ печку поглядѣть. А онъ тогда съ писаремъ съ охоты пришелъ и побранился съ батюшкомъ. Стала я тогда у него выпытывать: объ чемъ онъ печалится. Онъ началъ мнѣ объ какихъ-то книжкахъ говорить, что надо бы намъ учиться, а то мы—какъ темная ночь, ничего не знаемъ. Я ничего въ толкъ не взяла.

Наташа вздохнула. Ворожея, не выходя изъ сосредоточенной задумчивости, внимательно слушала ее.

— И не понять мнѣ его никакъ,—продолжала Наташа,— и никакъ къ нему не примѣниться: то онъ бываетъ и умный, и веселый, то задумается и говорить не хочетъ, то—разсердится

5*

и разбранится, али плакать начнетъ да обиду свою высказывать и глумиться!

— Богъ бы съ нимъ,—сказала Ѳекла,—пусть бы глумился, да какъ бы жилъ-то по людски.

Ворожея все слушала.

— Послѣднее время,—снова заговорила Наташа,—словно нашло на него: приступу нѣтъ; задумавшись, ходилъ сердитый, да, когда одинъ, все стишки-то свои, окаянные, читалъ да шепталъ, словно молитву.

— А ты не знаешь евоныхъ стиховъ?—спросила ворожея.

— Нѣтъ, не знаю. Этые окаянные стихи его и сгубили.

— И что̀ это у него за стихи такіе!—вздохнула Ѳекла.— Ты бы попробовала ихъ въ печкѣ сжечь...

Ворожея строго взглянула на Ѳеклу и рѣзко и серьезно проговорила:

— Нельзя ихъ въ печкѣ жечь!

— Тогда бы онъ сразу меня убилъ,—сказала Наташа:— ему дороже ихъ и въ свѣтѣ нѣтъ ничего.

— Дивное дѣло!—развела руками Ѳекла.

— Дай-ка мнѣ, молодица, чашку съ водой,—сказала ворожея.

Когда Наташа принесла чашку, ворожея долго и очень пристально глядѣла въ воду. Потомъ она взглянула на Наташу и рѣшительно и торжественно произнесла:

— Да, ты испорчена... И онъ испорченъ... Онъ больше тебя испорченъ. А кто испортилъ—того нельзя узнать; вижу только, что большого росту человѣкъ... задомъ къ намъ стоитъ... задумавши стоитъ и словно самъ тому не радъ, что испортилъ...

Она подула въ воду три раза и опять рѣшительно и торжественно проговорила:

— Стань, молодица, на колѣнки, вотъ тутъ.

Наташа опустилась на колѣни на указанное мѣсто. Ворожея подняла чашку надъ ея головой и стала читать про себя какіе-то стихи. Сдѣлавъ все это, она сняла чашку съ головы Наташи и сказала ей:

— Теперича иди, стань къ порогу лицомъ и попей изъ чашки... До трехъ разъ! — съ грубой серьезностью приказала ворожея, когда Наташа, отпивъ изъ чашки одинъ разъ, хотѣла вернуться отъ порога.

Наташа исполнила, что̀ ей велѣли.

— Теперя ладно,—съ видомъ облегченія, успокоительно сказала ворожея. — Ты воду эту, что въ чашкѣ осталась, какъ

нибудь сноровись дать ему въ питьѣ... Не смѣетъ онъ теперя тебя бить. Только ты себя держи кротко и его не задирай!

— Какъ станетъ онъ приставать къ тебѣ,—пояснила Ѳекла,—али хоть ударитъ—изнеси.

— Ладно,—покорно отвѣчала Наташа.

Ворожея, получивъ за труды приготовленный раньше узелокъ съ творогомъ, масломъ и хлѣбомъ, стала прощаться.

— Спасибо тебѣ, кормилица, что постаралась,—говорила Ѳекла, кланяясь ей и провожая ее къ порогу.—А то мы тута совсѣмъ пропадали... Находятся же такіе недобрые люди! что̀ имъ малецъ худого сдѣлалъ? Да и она?.. На кого стали похожи!..

XXI.

— Наталушка!

— Что̀, батюшко?

— Что̀? все еще не пришелъ?

— Нѣтъ, не пришелъ.

— О-охъ!

Такъ разговаривали Наташа съ Ермолаемъ въ воскресенье, на второй день послѣ посѣщенія ворожеи.

Утро было ясное и тихое. Въ такую погоду Ермолай чувствовалъ себя бодрѣе. Но даже и въ этомъ состояніи онъ не могъ слѣзть съ печки безъ посторонней помощи.

— Наталушка, пособи мнѣ, ро̀дная, на кровать сойти.

Наташа стала на лежанку и поддержала его подъ руку. Потомъ уложила въ постель, покрывъ ватнымъ одѣяломъ и овчинною шубой—старикъ все жаловался, что не можетъ согрѣться, а отъ печки очень жгло послѣ того, какъ она только-что протопилась.

— Скотина-то согнана у тебя въ поле?—спросилъ Ермолай.

— Согнана.

— А малецъ-то?

— Спитъ въ зыбкѣ.

— Ну, ладно. Одной-то тебѣ не гораздо сноровно во всюды поспѣвать... Ты, когда отлучиться надо, мальца-то уложи въ зыбку... о-охъ! да почепку мнѣ дай и... я... охъ! по...качаю... А ты, ро̀дная, какъ онъ придетъ, не докучай ему... лишнимъ ра...азговоромъ...

— Ладно.

Старикъ закашлялся и долго натуживался, будучи не въ силахъ отдѣлить мокроту.

— Ты не хочешь ли чего поѣсть?—спросила Наташа.

— Нѣтъ, рòдная; сегодня воскресный день, я... до обѣдни ѣсть не... буду. Ужò—охъ!—тамъ, какъ добрые люди изъ церкви придутъ, такъ... ты... охъ! мнѣ травы дашь попить... Какая теперича, дитятко, моя ѣда? Чего ни возьмешь—все душа... не при...нимаетъ... О-охъ! такъ вотъ подъ ложечкой больно... словно ка...амень какой наваленъ... И говорить долго не могу—дыханья мало...

— Такъ ты и не говори.

— Ладно. Открой занавѣску-то; я на свѣтъ... по-гляжу.

Наташа отдернула отъ кровати занавѣску, и старикъ сталъ задумчивымъ взглядомъ осматривать избу и свѣтлыя полосы солнечныхъ лучей, проникавшихъ въ окошко и ложившихся на лавку и на полъ. Въ его впалыхъ глазахъ была видна грусть. Изъ церкви, въ сосѣднемъ селѣ, доносились къ нему тающіе и медленно замирающіе въ воздухѣ, давно знакомые звуки колокола. И на встрѣчу имъ изъ сердца старика лились также тающіе и замирающіе звуки, прощальные звуки угасающей жизни...

Этотъ день прошелъ, какъ и всѣ дни, когда въ семьѣ были ссоры—медленно и тоскливо. Наташа никуда не выходила и только нянчилась съ ребенкомъ. Когда она кормила его грудью, Ермолай замѣтилъ, какъ нѣсколько крупныхъ слезъ упали на дѣтское одѣяло.

Вечеромъ Ермолай, напившись травы, которую собиралъ и употреблялъ вмѣсто чаю, крѣпко уснулъ. Къ Наташѣ пришла Домна.

— А моего тутъ нѣту, у васъ?—спросила она Наташу.

— Нѣту.

— А вѣдь онъ съ твоимъ былъ сегодня случивши. Я думала, что обое здѣсь. Ужò я своему-то намылю шею. Радъ напиться, благо случай подошелъ, непутёвый! Ну, какъ ты тутъ?—спросила она, мѣняя тонъ изъ суроваго и обличительнаго на ласковый и участливый и садясь на лавку противъ Наташи.

— Да все такъ же,—отвѣчала Наташа, слабо, словно черезъ силу улыбнувшись.

— Все не приходитъ?

— Все не приходитъ.

— Да, плохо дѣло,—вздохнула Домна.

— Чтò мнѣ и будетъ теперь! — съ тоскою заговорила Наташа:—онъ, я знаю, не проститъ мнѣ за то, что его высѣкли...

Она сильно закашлялась сухимъ кашлемъ. Успокоившись, снова заговорила:

— Черезъ него я въ чахотку попала. Не повѣришь, дорогушенька, лягу я спать и заснуть не могу—все во мнѣ болитъ и ноетъ... Связалъ меня ребенокъ: какъ бы не онъ, я по міру пошла бы побираться, по подоконью ради-Христа стала бы просить—и то бы мнѣ легче было, чѣмъ съ нимъ жить.

Домна сострадательно поглядѣла на нее и покачала головой.

— Не говори ты этого, баба! Никуда бы ты отъ него не ушла: вѣдь ты его любишь.

— Любила! Любила и жалѣла, а теперя—нѣтъ. Въ глазахъ бы не видѣла! Только его вотъ и жалко!—кивнула она на сына, лежавшаго у ея груди и пристально, какъ бы съ удивленіемъ глядѣвшаго на нее.—Куды я съ нимъ пойду? Ну, дорогушенька, сама ты подумай: куды я дѣвать его стану?..

— Да. И не дѣло—изъ своего дому уходить,—разсудила Домна.

Онѣ замолчали, озабоченныя невеселыми думами.

— Ну, какъ тутъ: что̀ тутъ вотъ заведешь дѣлать?..—развела руками Домна. — Ты бы хоть уже смолчала, когда онъ пьяный. Охъ, горюшко-бѣда!

Разговоръ ихъ былъ прерванъ приходомъ Градусова и Аѳанасія. Они оба были пьяны.

Войдя въ избу, Градусовъ сталъ среди пола и какимъ-то разсѣяннымъ, дикимъ взглядомъ посмотрѣлъ на Домну и Наташу.

— Да, Аѳоня,—жестко усмѣхаясь, сказалъ онъ:—дьяволъ шутитъ съ человѣкомъ злыя шутки... Погляди, какъ, иной разъ, вѣтеръ гонитъ по дорогѣ пыль или увядшіе листья. Мы говоримъ: пыль летитъ. Да, вѣрно: пыль. Но почему она летитъ? Потому, что ее гонитъ вѣтеръ. Такъ и тутъ: люди опутываютъ другъ друга неправдой и зломъ. Почему? Потому что ихъ дьяволъ толкаетъ. Вѣдь самимъ-то людямъ это не нужно и не полезно? Ну, а дьяволу—тому и нужно, и полезно.

— Да ты брось на другихъ-то все валить,—съ досадою, брезгливо морщась, остановилъ его Аѳанасій.—Вѣдь мы не пыль и не листья, а люди! А можетъ быть, ты и пыль? А коли такъ, я съ тобой тогда и словъ терять не стану, пойду лучше домой спать. Домна, пойдемъ.

— Нѣтъ, постой,—остановилъ его Градусовъ,—отвѣть: у людей есть разумъ?

— Ну?

— Ну, и погляди на того, у кого есть онъ, разумъ-то, какъ онъ съ разумомъ-то со своимъ бросается на людей, какъ волкъ, или подползаетъ, какъ змѣй, посмотри тогда пристально—и

увидишь, какъ изъ-за него дьяволъ выставляетъ свои рожки и харю, и какъ онъ тогда ехидно и ядовито ухмыляется!.. Стòитъ, братъ, поглядѣть. Я видѣлъ и знаю. О, теперь отлично знаю!..

Аѳанасій съ нетерпѣніемъ махнулъ рукой, готовясь высказать рѣзкое возраженіе. Но Домна подошла къ нему и осыпала его цѣлымъ градомъ упрековъ.

— Ты что же это, непутёвый, по кабакамъ все будешь шляться? Пьяницы бездомовные! Только разговоры разговаривать ваше дѣло, а не работать!

Аѳанасій уставился на нее удивленнымъ взглядомъ и внимательно слушалъ, давая возможность высказаться вполнѣ. Когда Домна остановилась, онъ помолчалъ, почесалъ у себя за ухомъ и повернулся къ Градусову.

— А вѣдь все это вѣрно: сегодня надо бы учителю къ сапогамъ подмётки подкинуть, а я съ тобой въ кабакъ ушелъ... Да, бездѣлье—свинство. И ты, братъ,—надо правду сказать,—скотина.

Градусовъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Чтò смотришь? Я тебѣ вѣрно говорю, это ты мнѣ повѣрь. Ну, какого дьявола ты столько дней не работаешь? Вѣдь жрать-то кажинъ день за столъ садишься? Ну, и работай; ты вѣдь не баринъ—даромъ тебя кормить никто не обязанъ!

— Отстань...

Градусовъ въ какомъ-то изнеможеніи опустился на лавку и закрылъ лицо руками. Онъ вдругъ почувствовалъ себя такимъ одинокимъ, такимъ несчастнымъ и виноватымъ, что заплакалъ отъ жалости къ себѣ.

— То-то, вотъ, не Ломоносовы мы, а бабы,—сказалъ Аѳанасій съ пренебреженіемъ и вмѣстѣ съ жалостью глядя на глухо всхлипывавшаго Градусова.—Только и знаемъ, что нюни распускать, а не дѣло дѣлать. Неудачники!

Ребенокъ въ люлькѣ заплакалъ. Наташа стала качать люльку.

— Нишни, нишни, рòдный... А, баю, баю, баю...

Градусовъ поднялъ на нее заплаканные глаза.

— А, по-онима-аю!—протянулъ онъ, съ лицомъ, искаженнымъ злобой. И, вставъ, подошелъ къ Наташѣ.—Такъ это ты сплетни сводишь? Это ты на меня всѣмъ жалуешься да наговариваешь, что я не хочу работать? Змѣя!

Онъ сжалъ кулаки и, казалось, готовился броситься на нее. Домна стала между ними.

— Чтò ты овражѣлъ? Чѣмъ она провинилась?

— Она во всемъ виновата!—злобно кричалъ Градусовъ.—

Это больше никто, какъ она обо мнѣ расписала. Она, проклятая, жизнь мою сгубила, изъ-за нея я не человѣкомъ сталъ!

— А то самъ изъ-за себя,—заступилась Домна.—Поди-ка, мы про тебя не знаемъ? Вѣдь намъ хорошо все извѣстно.

— Не ваше дѣло меня учить!—крикнулъ на нее Градусовъ. Потомъ вдругъ присмирѣлъ, отошелъ отъ нея и заговорилъ тихо, съ выраженіемъ глубокой скорби:—Вамъ ли меня учить? Вѣдь вы ничего не можете понимать, что́ дѣлается въ человѣкѣ... Понимаете ли вы, что она идетъ мнѣ наперекоръ и ненавидитъ меня...

Онъ вдругъ оборвалъ себя, какъ бы сознавъ, что напрасно говоритъ это.

— Ну, вотъ и договорился!—развела руками Домна.—И что́ ты мелешь? Ты и самъ не знаешь, что́ мелешь...

Градусовъ быстро вскочилъ съ лавки и заходилъ по избѣ.

— Проклятіе всѣмъ вамъ! — съ ненавистью и злобой говорилъ онъ. — Если бы я лютую змѣю положилъ на грудь себѣ—она бы не могла уязвить меня такъ, какъ грубое невѣжество моей жены! И никто, никто этого не видитъ, не понимаетъ и не хочетъ знать... Людоѣды, откройте же, наконецъ, свои глаза: вѣдь она меня извела, изъ-за нея я позоръ принялъ, котораго не смыть всю жизнь!..

Онъ сѣлъ на лавку, закрылъ лицо руками и снова началъ всхлипывать.

— Развѣ мало я отъ судьбы своей наказанъ?—говорилъ онъ, плача.—Мнѣ тридцать лѣтъ, а волосы у меня на головѣ посѣдѣли... О, какіе вы дураки! Если бы вы могли понять, какіе вы страшные дураки!..

Опять, быстро вскочивъ съ лавки, онъ подошелъ къ Наташѣ.

— Все бы перенесъ и простилъ, а розогъ—никогда не прощу; я тебя либо удавлю, либо зарѣжу. Клянусь, вотъ икона святая,—протянулъ онъ руку къ божницѣ:—я тебя рѣшу.

Въ словахъ его слышалось нѣчто страшное; въ нихъ сказалась рѣшимость человѣка, способнаго на все.

— А ты, я вижу, совсѣмъ озвѣрѣлъ!—сказалъ ему Аѳанасій.

Градусовъ не отвѣчалъ.

— Онъ очумѣлъ,—сказала Домна, глядя на всѣхъ съ удивленіемъ и испугомъ. Потомъ она принялась урезонивать Градусова: — Безсовѣстный ты человѣкъ. За что́ ты ее рѣшишь? Что́ она тебѣ худого сдѣлала? Если ты людей не стыдишься и не боишься, такъ Бога побойся: вѣдь Богъ-то все видитъ; отъ Него, смотри, никуда не скроешься, и придетъ пора—попомни мое слово—за все тебѣ отольется.

— Пусть отливается.

— Это не резонъ,—вступился Аѳанасій.—Это, братъ, такъ нельзя, несправедливо. Это я тебѣ говорю, и ты мнѣ повѣрь. Что жъ, и вправду: попалась тебѣ жёнка подъ силу, такъ и душить ее надо? Это не манеръ. Надо жалѣть. Ты погляди на нее: что̀ ты съ ней сдѣлалъ?

— Не я сдѣлалъ,—глухо пробормоталъ Градусовъ.

— Такъ кто жъ?

— Чортъ.

— Да ты, братъ, не отвиливай. Мы вѣдь, какъ большіе, все понимаемъ. Что̀ жъ это за порядокъ: она моложе жёнки моей, а ужъ чуть не на ладанъ дышетъ, можно сказать—одной ногой въ гробу стоитъ.

— А я не стою?! Пусть и стоитъ.

Эти слова Градусова заставили Аѳанасія задуматься. Онъ замолчалъ и сталъ чесать у себя за ухомъ.

— Вѣдь онъ совсѣмъ овражѣлъ,—тихо сказала Домна Наташѣ:—я боюсь, какъ бы онъ чего не сдѣлалъ тутъ надъ тобой, когда мы уйдемъ. И глаза у него совсѣмъ помутивши.

— Я знаю, что не быть добру,—отвѣчала Наташа:—та̀къ у меня душа болитъ, та̀къ болитъ! Онъ никогда еще такимъ не былъ. Господи, Господи! чѣмъ я только, грѣшница, Тебя, Создателя, прогнѣвила?.. Да пусть бы меня убивалъ—все одно, мнѣ долго не протянуть—а какъ ребенокъ-то?..

— Да,—вздохнула Домна.—И что̀ ты вотъ тутъ заведешь дѣлать?..

— Бога ты забылъ, вотъ что̀! — сказалъ Аѳанасій Градусову.—Молчишь? Угадалъ, значитъ. Ходилъ ты къ людямъ за жалостью—не приняли; ходилъ въ лѣсъ—тамъ вѣтви молчали. А къ Богу-то и не ходилъ. Вотъ, пошелъ бы къ Нему, было бы дѣло не то; узналъ бы тогда, что „нужно животъ свой положить за другихъ". А то все только тебѣ житье худое, а людямъ—медъ! Только бы тебѣ хорошо было, а другіе—трынъ трава, въ гробъ ихъ надо вколачивать. Нѣтъ, такъ нельзя, это я тебѣ говорю вѣрно. Помнишь, въ чемъ на суду каялся?

Аѳанасій не замѣчалъ того, что напоминаніемъ о судѣ онъ бередилъ его еще свѣжую рану. Градусовъ насмѣшливо захохоталъ и сдержанно-злобно отвѣтилъ:

— Не остановишь! Не остановишь своей проповѣдью, когда жизнь погублена. Ты—дуракъ съ ногъ до головы!

— Нѣтъ, не дуракъ; любя, говорю, это ты мнѣ повѣрь. Ты, вотъ, все благородность свою на показъ выставляешь,—вотъ и

докажи ее: помирись съ жёнкой, работай хорошенько, вотъ. А то ты такъ совсѣмъ озвѣрѣешь.

Онъ всталъ съ лавки и надѣлъ шапку на голову.

— Ну, Домна, пойдемъ спать!

Онъ пошелъ и остановился у порога.

— Такъ ты, смотри же, потише! Не то—нога моя не будетъ у тебя въ домѣ. Вѣдь злое дѣло только задумай,—дьяволъ пособитъ, это ты мнѣ повѣрь. Что хорошаго: сегодня ты ее бьешь, завтра—бранишь, и не даешь никакой льготы? Смотри же.

И онъ вышелъ.

— Я ужо приду сюды,—шепнула Домна Наташѣ, уходя.

XXII.

Когда они ушли и въ концѣ сѣней замерли звуки отъ ихъ шаговъ, въ избѣ стало тихо, уныло и какъ-то пусто. Только на кровати слегка вздыхалъ Ермолай, да ребенокъ тревожно ворочался въ люлькѣ и плакалъ. Наташа укачивала его, приговаривая:—а, баю, баю... Лампа тускло горѣла.

Градусовъ сидѣлъ за столомъ, опустивъ голову на облокоченныя руки, и, казалось, дремалъ.

Но онъ не дремалъ—въ немъ происходила агонія и готовился наступить кризисъ, а послѣ—или медленное и тяжелое выздоровленіе, или еще бо́льшее и окончательное духовное разстройство.

Наконецъ онъ очнулся, поднялъ голову и, глядя въ уголъ, тихо заговорилъ голосомъ, въ которомъ слышались злость, уныніе и тоска.

— Всѣ на меня, и никто за меня. Выходитъ, значитъ, что я одинъ во всемъ виноватъ: я мало работаю, я пьянствую, я домъ разоряю, тестя убилъ и жену до полу-смерти замучилъ... Все—я, и больше никто! Нѣтъ, позвольте: это только одна злая иронія такъ разсуждать! Да-съ!. Не я убиваю... Нѣтъ, не я! Я самъ убитъ... Что съ меня возьмешь? Что меня корить? У меня кровь въ глазахъ стоитъ, голова идетъ кругомъ и все нутро выжгло!.. Оболванятъ, а потомъ и укоряютъ!..

Ребенокъ заплакалъ въ люлькѣ. Вслѣдъ за тѣмъ раздалось тихое и монотонное:—а, баю, баю...

Градусовъ поглядѣлъ на Наташу пристально, какъ будто не узнавалъ ее или хотѣлъ разглядѣть въ ней что-то особенное. И нѣсколько времени онъ не сводилъ съ нея глазъ. Потомъ спросилъ:

— Ты что̀ молчишь?

— А что же мнѣ говорить?—отвѣчала Наташа.

— Что̀! Ты кори мѐня; говори, что, молъ, ты самъ одинъ во всемъ винòватъ.

— Ты не махонькой—самъ должòнъ все понимать.

— „Не махонькой, должòнъ понимать!“—съ глубокимъ отвращеніемъ повторилъ Градусовъ слова ея. Потомъ продолжалъ, быстро раздражаясь и волнуясь:—Я и понимаю то, что вы, проклятые, меня сгубили!—возвысилъ онъ голосъ уже въ сильномъ раздраженіи и гнѣвѣ.—Вотъ это я понимаю!

Наступило молчаніе. Быстро̀ вспыхнувшій гнѣвъ какъ будто затихалъ въ Градусовѣ, и онъ сталъ говорить уже спокойнѣе.

— Зачѣмъ ты за меня шла? Я вѣдь тогда—какъ и теперь, какъ и всегда—былъ одинъ, а васъ двадцать человѣкъ совѣтчиковъ-идіотовъ... Или только за тѣмъ шла, чтобы потомъ мнѣ на зло сдѣлать?

— Охъ, Господи, Господи!—вздохнула Наташа, не зная, что̀ отвѣчать ему.

— Что жъ далѣе? Продолжай!

Наташа молчала.

— Заряды краснорѣчія всѣ вышли... Лучше бы ты никогда и не говорила ни черта̀!—снова раздражаясь, заговорилъ Градусовъ.—Вѣдь это для чего у тебя говорится? Для яду: „Господи, эва, погляди-ка, какъ меня обижаютъ“! Я всѣ твои мысли наизусть знаю, меня не проведешь.

Онъ вышелъ изъ-за стола и сталъ ходить по избѣ.

— Вотъ блаженная-то жизнь гдѣ! Ха-ха! покой и нѣжная тишина... Выматывай жилы на работѣ, а отъ розогъ не избавленъ... О, проклятіе! Легче бы самъ себя задавилъ, только бы не видѣть людской и своей подлости!..

Сѣвъ снова за столъ, онъ досталъ изъ кармана бутылку съ водкою и, поставивъ ее передъ собой, снова задумался.

— Только и утѣхи, что можешь пьянъ, какъ стерва, нарѣзаться...

Ермолай скоро былъ разбуженъ крикомъ Наташи; она кричала:

— Ро̀дный, желанный! не тронь, не губи! Ну, я тебя прошу: ангелочекъ Господній! ноги твои буду мыть и воду пить—только не губи, пожалѣй дѣтей... Ай! засту-пи-итесь!..

Вслѣдъ за этимъ произошла молчаливая, недолгая, но упорная борьба; слышно было, какъ дверь съ шумомъ растворилась и захлопнулась, и борьба продолжалась нѣсколько времени въ сѣняхъ. Затѣмъ все смолкло. И ребенокъ въ люлькѣ не плакалъ.

Сознаніе происходившаго страшнаго несчастія наполнило ужасомъ и горемъ душу Ермолая.

— Чтò вы тамъ?.. Бога вы не боитесь... Чтò вы тамъ за... тѣяли?..—крикнулъ онъ имъ, въ тщетныхъ усиліяхъ подняться съ постели.

Но его слабый, старческій голосъ потонулъ въ отчаянныхъ крикахъ Наташи, и его никто не слышалъ. Съ невѣроятнымъ трудомъ удалось Ермолаю слѣзть съ кровати, и онъ, не въ силахъ будучи подняться на ноги, поползъ на колѣняхъ къ порогу. Тамъ онъ остановился и сталъ стучать кулакомъ въ дверь, крича:

— Эй, вы! чтò вы тамъ затѣяли?.. Идите сюды! Слышите, чтò я вамъ... го-ворю?..

Никто не отозвался на его слабый крикъ. Старикъ прислонился къ косяку двери головой и простоналъ, какъ бы жалуясь кому:

— Молчатъ... Вотъ бы... бѣжать туда—и не могу... Ахъ, и...не могу! силушки нѣтъ... Силушка ты моя, гдѣ ты, моя силушка?!..

И онъ горько заплакалъ.

Черезъ нѣсколько времени въ избу вошелъ Градусовъ. Его трудно было узнать: растрепанные волосы стояли на головѣ дыбомъ, воротъ рубахи былъ разорванъ, на блѣдномъ лицѣ застыло выраженіе какого-то остолбенѣнія, а въ глазахъ—тотъ огонь безумія, который заставляетъ содрогаться сердце человѣка отъ страха и сожалѣнія.

— Гдѣ она? Гдѣ Наталка?..—спрашивалъ Ермолай, хватая Градусова за платье.

Градусовъ смотрѣлъ на него, ничего не сознавая.

— Небось, не много накаркала—языкъ прикусила,—говорилъ онъ, какъ бы разсуждая самъ съ собою. Потомъ схватилъ себя обѣими руками за голову и, сжавъ ее, съ тоской и болью проговорилъ:

— Горитъ! И душа... Ну, что жъ, ничего, слава Богу...

— Разбойникъ, вѣдь ты убилъ ее?..—крикнулъ Ермолай.

Градусовъ какъ будто очнулся отъ его крика и рванулся впередъ, сказавъ:

— Не мѣшай!—Потомъ остановился среди избы и разсѣянно поглядѣлъ кругомъ, опять говоря какъ бы самъ съ собою:—Ну да, ну да... Эка штука! Неудачникъ...

— Господи! видишь ли Ты?!..—простоналъ Ермолай, простирая руки кверху. И онъ, какъ подрѣзанный, упалъ на полъ вверхъ лицомъ, раскинувъ руки; тѣло его стало вытягиваться,

такъ что слышно было, какъ кости хрустѣли въ суставахъ, глаза закатились подъ лобъ—это была предсмертная агонія.

Градусовъ ничего этого не замѣчалъ; онъ стоялъ среди пола и разсѣянно глядѣлъ по сторонамъ.

— Ну да, ну да,—бормоталъ онъ,—на балочкѣ виситъ и глаза вытаращены. Пусть отливается! Н-ни-чего-о!..

Ребенокъ вдругъ громко вскрикнулъ и заплакалъ въ люлькѣ. Градусовъ вздрогнулъ, какъ отъ удара, отъ этого крика, и съ испугомъ отскочилъ въ сторону.

— О, сбѣжать!.. Сбѣжать! Тутъ оболванишься, чертики въ глазахъ заиграютъ. Не остановишь!—крикнулъ онъ, потрясая въ воздухѣ кулакомъ, словно грозясь кому-то.—Не остановишь, жизнь не останавливается, нѣтъ!..

Онъ бросился бѣжать вонъ, но не могъ попасть въ дверь, и нѣсколько времени бѣгалъ по избѣ отъ порога къ окну и отъ окна опять къ порогу, зацѣпляясь по пути за столъ, за тѣло Ермолая и съ испугомъ отскакивая отъ нихъ въ сторону, какъ будто боясь, что его схватятъ.

Наконецъ остановился, прислушиваясь и о чемъ-то задумавшись. Ребенокъ продолжалъ плакать.

Градусовъ осторожно, какъ котъ, когда онъ изъ засады подкрадывается къ мыши, сталъ на цыпочкахъ подходить къ люлькѣ, затаивъ даже дыханіе. Потомъ быстро бросился на люльку и въ одно мгновеніе выхватилъ изъ нея ребенка, подбѣжалъ къ окну, ударилъ въ него локтемъ—половинки рамы распахнулись,—и онъ съ размаха выбросилъ ребенка въ окно.

— Ну, пой! — говорилъ онъ, прислушиваясь. — Тишина, тишина...

Легкій вѣтеръ и сырость ночи хлынули въ растворенное окно, обдавая голову Градусова прохладными волнами. Онъ остановился, прислонившись лбомъ къ косяку окна, и сталъ жадно вдыхать въ себя воздухъ.

На небѣ собирались тучи и закрывали собою мерцающія звѣзды; вѣтеръ усиливался; сталъ накрапывать рѣдкій и крупный дождь, готовясь перейти въ ливень. Небо нахмурилось, какъ бы готовясь плакать надъ чудовищнымъ поступкомъ обезумѣвшаго человѣка...

XXIII.

Наташа, вырвавшись въ сѣняхъ отъ Градусова, бросилась бѣжать къ Аѳанасію и Домнѣ.

Тѣ уже легли спать, погасивъ огонь, и были разбужены сильнымъ стукомъ въ раму окна съ улицы.

— Кто тутъ? — спросила Домна, вскочивъ съ постели и подходя къ окну.

Узнавъ Наташу, она поспѣшно открыла ворота и впустила ее въ избу.

— Знать, что неладное случилось?—спрашивала она, зажигая лампу и съ тревогой глядя на поблѣднѣвшее лицо Наташи.

— Бѣгите скорѣе къ намъ!—отвѣчала Наташа.—Онъ помѣшался...

Аѳанасій, слышавшій, какъ пришла Наташа и при этомъ извѣстіи сразу отрезвившійся, быстро вскочилъ съ постели, схватилъ шапку и, ничего не говоря, выбѣжалъ вонъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, въ сопровожденіи Нифата, Ѳеклы, Романа, Наташи, Домны и нѣсколькихъ мужиковъ-сосѣдей, осторожно открывъ дверь, Аѳанасій входилъ въ избу Ермолая.

Градусовъ все стоялъ у окна, прислонившись къ косяку. Потомъ отошелъ отъ окна и заговорилъ въ тревогѣ:

— Что жъ я? Эка чортъ! Ну, ничего, ничего, хорошо.

Торопливо снявъ съ гвоздя сарафанъ Наташи и накинувъ его себѣ на плечи, онъ пошелъ къ порогу и наткнулся на Аѳанасія.

Холодный воздухъ освѣжилъ его голову настолько, что въ ней какъ будто явилась логическая связь и послѣдовательность впечатлѣній и ощущеній. Онъ съ удивленіемъ остановился передъ Аѳанасіемъ и быстро и радушно заговорилъ:

— А, это вы? Такъ вы что же, господа? Прошу безъ стѣсненія: будьте какъ дома, отъ души радъ, чѣмъ богатъ... Простору много на Божьемъ свѣтѣ... Совѣтъ да любовь! Эка, что же вы раньше-то не приходили!..—съ сожалѣніемъ прибавилъ онъ.

Аѳанасій бросился на него и схватилъ его сзади подъ мышки. Къ нему на помощь подоспѣли другіе мужики. Градусовъ сталъ отчаянно вырываться, крича:

— Не дамся! Это—подло! Пусть подъ арестъ сажаютъ, а сѣчь не позволю!..

Его съ большими усиліями нѣсколько человѣкъ повалили на полъ и связали ему руки полотенцемъ.

— А-а! полонили!—говорилъ Градусовъ, затихая и уже не сопротивляясь.—Въ полонъ взяли, оболванили?.. Хорошо, хорошо,—розги вамъ помогутъ...

Наташа, какъ вошла, тотчасъ бросилась къ люлькѣ. Не найдя

въ ней ребенка, она пронзительно вскрикнула и безъ чувствъ повалилась на полъ.

— Господи, Создатель Многомилостивый!—говорила Домна, бросаясь къ ней и заглядывая въ пустую люльку;—да гдѣ же ребенокъ-то?.. О-о-о! горюшко ты великое!..

— Братцы мои!—съ горестью вскричалъ Романъ, оглядывая мужиковъ: — онъ вѣдь ребенка-то не иначе какъ выкинулъ — вотъ и окошко распахнуто!

Домна бросилась на улицу и принесла убитаго ребенка.

— Эво, и Ермолай тутъ лежитъ никакъ неживой...—объяснялъ кто-то, разсматривая Ермолая.—Да, померши: не дышитъ...

— Всѣхъ перебилъ, разбойникъ. Его убить мало, шкуру съ его съ живого надо содрать.

— Н-ничего, ничего,—говорилъ, между тѣмъ, Градусовъ. И вдругъ началъ всхлипывать и жаловаться.

Онъ снова началъ неистово биться на полу; въ углахъ рта у него показалась пѣна.

Аѳанасій съ глубокой жалостью и тоской глядѣлъ въ его искаженное безуміемъ лицо.

— Бѣгите скорѣе за фершаломъ,—повелительно сказалъ онъ мужикамъ:—пусть сею минутой сюда идетъ—онъ и вправду нездоровъ: вишь, у него пѣна, что у коня, изо рта клубкомъ валитъ. Эхъ!

Но фельдшеръ уже шелъ къ нимъ—онъ былъ въ Многосущенской, у больной жены Вакулы, и ему кто-то сказалъ о происшедшемъ.

— О-о!—сказалъ онъ, входя и глядя на связаннаго и лежащаго на полу Градусова.—Ну, такъ я и зналъ, что это будетъ. Чего же вы стоите? — обратился онъ къ мужикамъ, ощупавъ пульсъ и голову Градусова.—Зовите сотскаго: пусть нарядитъ подводу и въ больницу его отправитъ. Сейчасъ же—у него бѣлая горячка.

— Становому надо-ть сказать, чтобъ тутъ справилъ...—замѣтилъ кто-то изъ мужиковъ.

— Полонили?.. Ха-ха-ха! радуйтесь, дьяволы, о-т-ли-чно!..—кричалъ Градусовъ, дѣлая тщетныя попытки освободиться отъ узъ.

Его хохотъ заставилъ всѣхъ содрогнуться. Аѳанасій поднялъ глаза на божницу и, набожно перекрестясь, проговорилъ:

— Господи, помилуй насъ, грѣшныхъ!

И глаза его стали влажными отъ слезъ.

М. Антоновъ.

МАКЕДОНСКОЕ ДВИЖЕНІЕ
И
БОЛГАРІЯ

Впечатлѣнія туриста.

Было время, когда полагали, что Сербіи суждено сыграть на Балканскомъ полуостровѣ ту же роль, какая выпала Піемонту на Апеннинскомъ. Но послѣ трагической кончины Михаила Обреновича Бѣлградъ въ теченіе многихъ лѣтъ оставался средоточіемъ династической политики, гдѣ превращеніе князя въ короля, его женитьба, разводъ, ссора съ женою, борьба изъ-за сына, безконечные заговоры, политическіе процессы—все это отодвинуло на второй планъ широкія національныя задачи, а тѣмъ временемъ по сосѣдству возникъ и окрѣпъ новый политическій факторъ, привлекшій къ себѣ сочувствіе южныхъ славянъ. Такимъ факторомъ является нынѣ Болгарія; она вліяетъ на всѣ пожеланія македонскаго населенія въ гораздо большей степени, чѣмъ другія государства, находящіяся, повидимому, въ равныхъ условіяхъ: Греція, Сербія, Румынія. Всѣ они, опираясь на племенное сродство съ большей или меньшей частью македонскаго населенія, претендують на нѣкоторую долю добычи, если бы настать благопріятный историческій моментъ, то-есть, если бы такъ или иначе въ Македоніи палъ турецкій режимъ. Но подобныя притязанія совершенно исключаютъ сами другъ друга, и покойный представитель румынской идеи, журналистъ Миха-

леано, убитый, какъ предполагаютъ, не безъ вѣдома главарей македонскаго движенія, держался, напримѣръ, того взгляда, что желательнѣе видѣть Македонію, попрежнему, подъ властью турокъ, чѣмъ допустить ея соединеніе съ Болгаріею. Сербскій король Александръ, никогда не думавшій о македонской свободѣ, совершенно категорически высказался, незадолго до своей насильственной смерти, въ томъ смыслѣ, что Сербія можетъ допустить существенныя перемѣны въ этомъ дѣлѣ, лишь получивъ соотвѣтствующее территоріальное вознагражденіе. Наконецъ, греки явно противодѣйствуютъ нынѣшнему возстанію, опасаясь, что успѣхъ не дастъ имъ ни малѣйшихъ выгодъ. Одна только Болгарія не предъявляетъ, пока, никакихъ требованій и выжидаетъ событій, симпатизируя даже такимъ идеямъ, какъ македонская автономія. Между тѣмъ, болгарское правительство, создавая и поддерживая школы въ обездоленной Македоніи, будило тамъ національное самосознаніе, не жалѣя денежныхъ жертвъ. Оно долго терпѣло откровенную дѣятельность повстанческихъ комитетовъ въ княжествѣ, рискуя нажить большія дипломатическія непріятности, а прошлымъ лѣтомъ территорія Болгаріи фактически обратилась въ опорный пунктъ для повстанцевъ, безъ котораго ихъ операціи не могли бы имѣть и десятой доли того успѣха и той увѣренности, какіе бросались въ глаза даже врагамъ. Въ послѣднемъ случаѣ, какъ всѣ помнятъ, княжество вызвало противъ себя и угрозы великихъ державъ, и протестъ Турціи, едва не приведшій къ вооруженной борьбѣ съ нею. Теперь можно уже подвести итоги прошлогодняго возстанія, такъ какъ македонскій вопросъ несомнѣнно переходитъ въ новый фазисъ. Кромѣ того, нельзя отрицать глубокій, даже чисто эпизодическій интересъ въ отдѣльныхъ моментахъ удивительной борьбы горсти недисциплинированныхъ храбрецовъ съ многотысячной арміею великой державы, и я хотѣлъ бы прежде всего, въ качествѣ очевидца, подчеркнуть отголоски македонскаго движенія, которые, благодаря своей конкретной формѣ, всего менѣе могутъ утомлять вниманіе читателя.

Въ настоящее время Россія вынуждена перенести всю энергію съ ближайшаго на Дальній востокъ, и здѣсь въ Софіи чувствуется новая, не совсѣмъ опредѣлившаяся, группировка силъ и вліяній, тогда какъ въ прошломъ году общее положеніе казалось гораздо болѣе яснымъ. Русская и австрійская дипломатіи, предлагая въ январѣ 1903 г. проектъ максимальныхъ съ ихъ точки зрѣнія реформъ для Македоніи, были въ сентябрѣ вынуждены расширить этотъ максимумъ, а въ промежуткѣ, отдѣлявшемъ оба пред-

ложенія, названныя правительства напоминали Высокой Портѣ, что она имѣетъ право и даже обязана раздавить возстаніе. Такимъ образомъ, поскольку борцы за македонскую свободу отвергали недостаточныя, по ихъ мнѣнію, реформы, имъ приходилось разсчитывать только на себя. Разумѣется, покровительство болгарскихъ правящихъ сферъ, хотя и чисто пассивное, имѣло огромное значеніе, но оно началось только послѣ паденія кабинета Данева, то-есть, въ маѣ прошлаго года. Въ разговорѣ, касавшемся этого предмета, бывшій глава правительства сказалъ мнѣ, что онъ не могъ слишкомъ поощрять шовинизмъ своихъ соотечественниковъ, такъ какъ логическимъ слѣдствіемъ этого шовинизма было бы вооруженное вмѣшательство болгарскаго княжества въ дѣло македонской эмансипаціи. „А мы,—сказалъ господинъ Даневъ,—еще слишкомъ слабы, чтобы освобождать другихъ и воевать съ великой державой, особенно наперекоръ всей Европѣ".

Повторяю,—послѣ паденія цанковистовъ, болгарское правительство перестало мѣшать повстанцамъ, да, въ сущности, не нарушая конституціи, и не могло поступать иначе. Представьте, что люди въ большемъ или меньшемъ числѣ на территоріи княжества приготовляются къ вторженію въ Коссовскій или Адріанопольскій вилайетъ. Эти приготовленія ведутся съ соблюденіемъ соотвѣтствующаго декорума, т.-е. огласка существуетъ ровно настолько, чтобы человѣкъ, расположенный къ возстанію, всегда могъ имѣть надлежащія свѣдѣнія о ходѣ дѣла и принять въ немъ посильное участіе. Между тѣмъ, если бы правительство оффиціально захотѣло констатировать наличность приготовленій, то ему пришлось бы черезъ своихъ агентовъ или наложить руку на тайну переписки гражданъ, или взять подъ свой контроль частныя совѣщанія частныхъ лицъ. Разумѣется, все это было возможно; но, спрашивается, зачѣмъ болгарское правительство стало бы ограничивать политическую свободу въ княжествѣ и хлопотать въ пользу Турціи?

I.—Патріархъ возстанія.

Весною прошлаго года ни общественное мнѣніе, ни даже дипломаты, не имѣли надлежащихъ свѣдѣній о средствахъ, какими располагаетъ македонское возстаніе, и оцѣнивали его значительно ниже, чѣмъ слѣдовало. Ошибка обнаружилась къ концу лѣта, когда движеніе вспыхнуло съ удесятеренною силою; гро-

мадная турецкая армія, находившаяся подъ ружьемъ, частью вдоль болгарской границы, частью внутри вилайетовъ, охваченныхъ мятежомъ, была поспѣшно удвоена, а великія державы съ тревогою обратили свои взоры на несчастный край, въ которомъ турки рѣзали женщинъ и дѣтей, а также жгли десятки селеній, очевидно, своеобразно понявъ слова объ ихъ правѣ и обязанности раздавить мятежъ.

Однако все оказалось тщетнымъ: ни усиленіе арміи, превышавшей въ Адріанопольскомъ вилайетѣ и въ Македоніи триста тысячъ человѣкъ, ни репрессаліи не помогли; возстаніе сохранило свою интенсивность и даже свой объемъ, въ смыслѣ территоріальномъ, до самаго конца, т.-е. до той поры, пока зима не вынудила къ перерыву военныхъ дѣйствій одинаково обѣ стороны.

Въ чемъ же секретъ успѣха, несомнѣнно достигнутаго повстанцами, этою горстью отважныхъ людей, противъ которыхъ были и перуны оффиціальной Европы, и военныя силы всей Оттоманской имперіи? Результаты не ограничивались сферою явленій чисто военныхъ; нѣтъ, угрожающій ростъ возстанія вынудилъ проектъ болѣе широкихъ реформъ для Македоніи и привелъ Болгарію къ готовности — въ случаѣ надобности — также взяться за оружіе.

Отвѣчая на поставленный вопросъ, т.-е., говоря о причинахъ, обусловливавшихъ столь грозный характеръ прошлогодняго движенія, я почти исключительно ограничусь тѣмъ, что̀ видѣлъ и слышалъ самъ.

Оружіе и деньги совершенно необходимы для веденія возстанія, но, разумѣется, главнымъ факторомъ борьбы остается самъ человѣкъ, его психологія. Я и разскажу прежде всего о встрѣчѣ съ воеводами, которые, въ отличіе отъ вождей регулярныхъ армій, могутъ повелѣвать и распоряжаться, опираясь только на свой нравственный авторитетъ, импонирующій подчиненнымъ.

Стояли памятные сентябрьскіе дни: зарево македонскихъ пожаровъ виднѣлось въ Болгаріи; тысячи бѣглецовъ подъ турецкими выстрѣлами устремились чрезъ границу; изъ Софіи былъ посланъ энергичный протестъ въ Константинополь противъ рѣзни беззащитнаго населенія; часть болгарской арміи приведена въ боевую готовность, и я рѣшилъ отправиться въ мѣстность, находящуюся поближе къ театру кровавыхъ событій. На софійскомъ вокзалѣ одинъ изъ моихъ спутниковъ громко читалъ отчетъ о вчерашней бесѣдѣ болгарскаго министра иностранныхъ дѣлъ съ представителемъ Турціи. Текстъ газетнаго отчета заставлялъ усомниться въ его подлинности—до такой степени рѣз-

нимъ казался этотъ обмѣнъ мыслей, особенно если принять во вниманіе, что собесѣдники—дипломаты.

Однако, недѣли черезъ двѣ, министръ сказалъ мнѣ, что его діалогъ съ турецкимъ уполномоченнымъ былъ довольно вѣрно переданъ газетами. Я воспроизведу его здѣсь, полагая, что онъ съ необыкновенной яркостью характеризуетъ то недавнее и очень тревожное время, къ которому относится мое повѣствованіе.

— Господинъ Петровъ, — сказалъ 4 сентября Ферухъ-бей, —ваши военныя приготовленія послѣдняго времени мнѣ кажутся подозрительными.

— Почему? Въ нихъ нѣтъ ничего необыкновеннаго.

— Какъ же нѣтъ? Вы созываете запасъ, высылаете войска на границу... это, по вашему, ничего?

— А вы зачѣмъ согнали столько тысячъ солдатъ? Развѣ въ знакъ миролюбія?

— Наши войска охраняютъ границу.

— Мы высылаемъ свои для того же. Вѣдь вы постоянно претендовали, что мы недостаточно охраняемъ ее.

— Ну нѣтъ, это не такъ. Здѣсь съ нѣкотораго времени дуетъ другой вѣтеръ.

— Monsieur, болгарское правительство сдѣлало все, чтобы сохранить пріятельскія отношенія съ Турціей. Вы потребовали закрытія комитетовъ,—мы исполнили это; вы потребовали, чтобы мы заперли границу—и это исполнили, сторожами вашими стали. А что̀ дѣлаетъ ваше правительство? Не истязаетъ ли оно мирное населеніе вмѣсто того, чтобы преслѣдовать повстанцевъ? Загляните въ Битолійскій вилайетъ! Тамъ убиваютъ женщинъ и дѣтей, оскверняютъ церкви! Слышите ли?—оскверняютъ и грабятъ церкви и училища! Вы не видите, что всѣ возмущены этими дѣйствіями? Вы не читаете газетъ? Нѣтъ, мы не можемъ болѣе оставаться хладнокровными зрителями!...

Затѣмъ дипломаты обмѣнялись нѣсколькими турецкими фразами, причемъ Али-Ферухъ замѣтилъ: „Вы, милый, не спѣшите; все уладимъ, лишь бы потушить возстаніе“. А г. Петровъ возразилъ характерной турецкой поговоркой: „Слова не запрешь въ сумку“; это значило, что обѣща̀ніе, данное на словахъ, не имѣетъ значенія.

— Хорошо,—продолжалъ Али-Ферухъ,—если ваши приготовленія пойдутъ дальше, то вѣдь можетъ произойти столкновеніе на границѣ, а это поставитъ въ затруднительное положеніе турецкое населеніе Болгаріи.

— Чего недостаетъ турецкому населенію здѣсь? — возра-

зилъ г. Петровъ. — Развѣ мы не поддерживаемъ мусульманскія школы и мечети? Развѣ турки не избираются тутъ въ депутаты? Чего имъ еще нужно? А если вамъ ихъ ужъ очень жалко, то заберите ихъ и отправьте въ Царьградъ... Нѣтъ, повторяю, мы не въ силахъ уже противостоять общественному теченію и крайне сожалѣемъ, что ваши въ Царьградѣ не понимаютъ, насколько дурно они поступаютъ, глядя на дѣло сквозь пальцы. Впрочемъ, довольно: поговоримъ объ этомъ послѣ. Теперь уже часъ, пора обѣдать!...

Итакъ, стороны не скрывали ни своихъ опасеній, ни взаимныхъ чувствъ. Дипломатическій тонъ уступилъ мѣсто болѣе откровенной рѣчи. Кругомъ все какъ нельзя болѣе напоминало о серьезности момента. Спѣшные военные заказы дѣлались правительствомъ на свой страхъ, въ надеждѣ, что народное собраніе одобритъ эти мѣры. Резервисты призывались подъ знамена, и многіе изъ нихъ спѣшили къ своимъ полкамъ съ тѣмъ же поѣздомъ, который увозилъ меня изъ Софіи.

Проѣхавъ нѣсколько станцій, я пересѣлъ въ экипажъ и направился въ Кюстендиль, находящійся вблизи македонской границы. Все доказывало, что частная иниціатива и распоряженія правительства находятся въ полной гармоніи: около небольшого города Радомира гарцовало нѣсколько эскадроновъ кавалеріи; дальше въ горахъ саперы стояли лагеремъ, создавая дѣйствительно неприступную позицію, которая неминуемо задержала бы турокъ; въ томъ мѣстѣ, у селенія Коневицы, высокія горы преграждаютъ путь, оставляя лишь узкое глубокое ущелье, по дну котораго идетъ шоссе. Перекрестный огонь баттарей, поставленныхъ по обѣимъ сторонамъ на высотахъ, можетъ истребить или задержать любую армію.

Черезъ нѣсколько минутъ моему взору открывается живописная долина, покрытая рощами пирамидальнаго тополя, садами, виноградниками, плантаціями табаку, кукурузы, перца. Плодородная почва этой долины, защищенной горами отъ вѣтровъ, даетъ въ изобиліи и хлѣбъ, и овощи, и фрукты. Но взоръ не долго отдыхаетъ на зелени садовъ и пестрыхъ поляхъ: густыя колонны пѣхоты, выведенныя для ученія, напоминаютъ путнику о кровавыхъ событіяхъ, разыгрывающихся по ту сторону границы и готовыхъ перекинуться въ этотъ земной рай. Всѣ разговоры, всѣ помыслы населенія сводятся къ одному. Несмотря на сентябрь, молодежь собирается въ горы, отдаетъ себя въ распоряженіе испытанныхъ вождей и, образуя отряды или четы разной величины, отъ нѣсколькихъ человѣкъ до нѣсколькихъ сотенъ, спѣшитъ черезъ гра-

ницу, чтобы перевѣдаться съ турецкими войсками, буквально наводнившими ближайшія мѣстности. Кто не идетъ самъ, тотъ принимаетъ горячее участіе въ пріисканіи денежныхъ средствъ или запасаетъ для четниковъ обувь, оружіе, продовольствіе. При такомъ поголовномъ увлеченіи, при этой всеобщей симпатіи населенія къ возстанію и повстанцамъ, что̀ могло сдѣлать правительство, еслибы оно и желало превратить болгаръ въ постороннихъ свидѣтелей ада, какой клокоталъ по ту сторону рубежа? Впрочемъ, въ сентябрѣ и правительственная иниціатива, выразившаяся въ мобилизаціи нѣкоторыхъ полковъ, и хлопоты частныхъ людей, какъ бы вели къ одной и той же цѣли.

Усталый, запыленный, подъѣхалъ я къ гостинницѣ и спросилъ комнату для ночлега. Нѣсколько посѣтителей, присутствовавшихъ при разговорѣ съ хозяиномъ, услышавъ мою фамилію, приблизились съ вопросомъ, не я ли читалъ на-дняхъ лекцію въ Софіи, и не могу ли прочесть что-нибудь въ ихъ городѣ, разумѣется, въ пользу македонцевъ?

Организаторскій талантъ болгаръ поразителенъ; могъ ли я противостоять этой быстротѣ дѣйствій, этой непосредственности? Ранѣе, чѣмъ новые знакомцы обмѣнялись со мной рукопожатіями, мы уже условились насчетъ темы. Такъ прошли первыя двѣ минуты послѣ пріѣзда въ Кюстендиль; еще не дойдя до своей комнаты, я уже попалъ въ зависимость отъ общаго настроенія...

Когда черезъ полчаса, переодѣвшись, я возвращался въ общій залъ, на столахъ лежали афиши о моей завтрашней лекціи. Подобная поспѣшность можетъ озадачить непривычнаго человѣка; правда, благодаря политической свободѣ, не нужно просить разрѣшенія ни для публичнаго чтенія, ни для печатанія афишъ; не нужно представлять текстъ на чей-нибудь просмотръ, и, все-таки, надо быть болгарами, чтобы въ тридцать минутъ найти помѣщеніе для предстоящаго собранія, составить объявленіе, отпечатать его и даже приступить къ распространенію.

Наблюдательный человѣкъ могъ запастись въ Кюстендилѣ богатыми впечатлѣніями: на каждомъ шагу встрѣчались четники, только-что побывавшіе въ огнѣ и возвратившіеся въ Болгарію, чтобы залечить свои раны или на̀скоро отдохнуть и привести въ порядокъ вооруженіе.

Надо замѣтить, что неравенство силъ, необходимость дѣлать переходы по ночамъ и ежеминутно быть готовыми къ битвѣ, часто недостатокъ пищи и воды, все это утомляло самыхъ здоровыхъ людей и дѣлало хотя бы короткій отдыхъ неизбѣжнымъ. Вотъ почему повстанческіе отряды постоянно двигались въ двухъ

направленіяхъ: одни возвращались загорѣлые, прокопченные пороховымъ дымомъ, нервно возбужденные, благодаря только-что пережитымъ опасностямъ; другіе — шли имъ на смѣну, жадно ловя всѣ свѣдѣнія о послѣднихъ битвахъ и расположеніи непріятельскихъ силъ.

Гостинницы были наполнены пріѣзжими, такъ или иначе имѣющими отношеніе къ возстанію. Оба кюстендильскіе фотографа спѣшно изготовляли сотни снимковъ, изображавшихъ четниковъ отдѣльно и группами; часто портретъ, не имѣющій никакого значенія сегодня, черезъ недѣлю становился особенно дорогъ населенію и требовался нарасхватъ, когда приходила роковая вѣсть, что оригинала уже нѣтъ въ живыхъ. Кузнецы выковывали въ своихъ открытыхъ мастерскихъ желѣзныя пластинки съ острыми шипами, необходимыя для каждаго воина въ гористой мѣстности. Эти пластинки прикрѣпляются къ подошвѣ при переходѣ по крутизнамъ.

Люди, пользовавшіеся особымъ довѣріемъ согражданъ, являлись какъ бы центрами, вокругъ которыхъ кипѣла наиболѣе важная работа. Здѣсь фабриковались бомбы, распредѣлялось наличное оружіе, полученное обыкновенно контрабанднымъ путемъ изъ-за границы.

Рекомендательныя письма давали мнѣ возможность взглянуть на самыя интимныя стороны предпріятія; хотя въ общемъ таинственность въ то время, о которомъ я говорю, почти отсутствовала среди повстанцевъ. Зачѣмъ прятаться, когда, съ одной стороны, почти все населеніе желаетъ имъ успѣха, а съ другой —даже правительство готово направить оружіе противъ турокъ?

Главное мѣсто среди моихъ кюстендильскихъ воспоминаній занимаетъ бесѣда съ однимъ вождемъ движенія. Почему же она такъ взволновала меня? Скупой на слова, Марко Соколичко щедро лилъ свою кровь, работая болѣе четверти вѣка надъ освобожденіемъ славянъ Балканскаго полуострова. Ознакомившись съ содержаніемъ нѣскольких строкъ, которыя я посвящаю этому человѣку, пусть читатели скажутъ, не является ли онъ однимъ изъ самыхъ типическихъ представителей многолѣтней борьбы между двумя расами. Престарѣлый Марко, близко принимая къ сердцу успѣхи возстанія, постоянно появлялся тамъ, гдѣ нуженъ его совѣтъ, гдѣ необходима его помощь. Его можно было встрѣтить въ горахъ при обученіи молодыхъ четниковъ, на днѣ глубокихъ овраговъ во время производства опытовъ со взрывчатыми веществами, въ лагерѣ или сборномъ пунктѣ передъ опаснымъ переходомъ черезъ турецкую границу; даже домой онъ являлся

для новыхъ хлопотъ или распоряженій, имѣвшихъ въ виду все то же македонское возстаніе.

Придя къ нему рано утромъ, я засталъ во дворѣ нѣсколькихъ воеводъ, среди которыхъ былъ и г. Пушкаревъ, уже пользовавшійся громкой извѣстностью, благодаря отважному походу, совершенному имъ въ іюлѣ и августѣ.

Хозяинъ повелъ меня въ пріемную, просторную, скромно обставленную комнату, убранство которой какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало сюжету, интересовавшему насъ обоихъ. Прежде всего бросались въ глаза боевые доспѣхи, висѣвшіе по стѣнамъ. Еще до русско-турецкой войны, Марко, въ то время молодой человѣкъ, водилъ юнаковъ въ бой съ турками; но эта шашка, этотъ пистолетъ, были грозны для врага двадцать-пять лѣтъ тому назадъ,—теперь же они составляютъ только реликвіи, такъ какъ македонскіе четники въ смыслѣ совершенства оружія стоятъ на высотѣ новѣйшихъ изобрѣтеній, пользуясь скорострѣльнымъ манлихеромъ и ручными бомбами. Послѣднія даже составляютъ новинку, пущенную въ ходъ при подобныхъ обстоятельствахъ чуть ли не впервые.

Мой собесѣдникъ коротко отвѣчаетъ на вопросы о прежнихъ битвахъ и показываетъ слѣды двухъ огнестрѣльныхъ ранъ, полученныхъ имъ нѣкогда въ голову. Но вотъ я прошу позволенія осмотрѣть большой альбомъ, лежащій тутъ же на столѣ, и старикъ становится гораздо общительнѣе; да можетъ ли быть иначе? Вѣдь мы разсматриваемъ портреты людей, сражавшихся за свободу славянъ; для Марко это не историческія имена, нѣтъ, —каждая фотографія заставляетъ его трепетать подъ наплывомъ самыхъ бурныхъ воспоминаній. Рѣчь идетъ о товарищахъ,—они и разсказчикъ сражались рядомъ, плечомъ къ плечу. Почти каждая коротенькая характеристика кончается аккордомъ, отъ котораго сжимается сердце. „Этотъ,—съ волненіемъ говоритъ мой собесѣдникъ,—прострѣленъ четырьмя пулями; а вонъ тотъ при мнѣ поднятъ на штыки". „Замученъ въ казематѣ, въ Малой Азіи",—коротко замѣчаетъ онъ далѣе, понижая голосъ. Но иногда, правда рѣдко, въ его отвѣтахъ слышатся какъ бы радостныя, торжествующія ноты: „Живъ!—восклицаетъ онъ;—теперь бьется подъ Разлогомъ".

Гость потрясенъ не менѣе хозяина. Послѣ нѣкоторой паузы, я спрашиваю: „Гдѣ сынъ?"—„Тамъ",—отвѣчаетъ Марко, кивая въ сторону македонской границы. „А Владиміръ, — говорю я почти шопотомъ,—здѣсь убитъ?" Тѣнь пробѣжала по лицу старика... Послѣ короткаго колебанія, онъ почти схватилъ меня за

плечо и сказалъ: „Пойдемъ!“ Во дворѣ по прежнему дожидались воеводы; ни слова не говоря, Соколичко провелъ меня мимо нихъ, къ узенькой насыпи, шагахъ въ пятнадцати отъ дома; мы взошли на нее и нѣкоторое время молчали, не находя нужныхъ словъ. Вѣдь катастрофа случилась такъ недавно... отецъ стоялъ на могилѣ сына... Потомъ онъ прерывающимся голосомъ сказалъ: „Вотъ здѣсь... былъ еще домъ... Видишь, теперь ничего не осталось“... И помолчавъ съ минуту, продолжалъ: „Отъ нихъ тоже ничего не осталось. Нашли потомъ ногу, руку... а чьи — неизвѣстно“.

Я понималъ эту отрывочную рѣчь, такъ какъ уже слышалъ, что 12-го іюня, т.-е. менѣе чѣмъ за три мѣсяца до нашей бесѣды, страшный взрывъ уничтожилъ домъ, въ которомъ находился Владиміръ Соколичко съ нѣсколькими товарищами. Очевидно, они изготовляли динамитъ, и какая-нибудь неосторожность погубила всѣхъ. Неподалеку отъ мѣста происшествія остался глубокій изъянъ въ каменной стѣнѣ. Старикъ указалъ мнѣ на него, говоря о страшной силѣ взрыва.

Итакъ, одинъ изъ его сыновей совсѣмъ недавно погибъ, работая на пользу возстанія. Что же сдѣлалъ отецъ съ другимъ, *послѣднимъ* сыномъ? Онъ отпустилъ его биться съ турками. Никогда не забуду тона, которымъ воевода сказалъ мнѣ: „А когда убьютъ и этого, я самъ пойду“. Слова были тихи, беззвучны и какъ-то сухи; можно было подслушать въ нихъ угрозу врагу, стонъ изъязвленнаго родительскаго сердца; чувствовалась полная гармонія между словами и всей долгой жизнью человѣка, не жалѣвшаго ни своей крови, ни дѣтей, ради достиженія завѣтной цѣли.

Много написано о македонскомъ возстаніи оффиціальныхъ бумагъ и газетныхъ статей; иногда совсѣмъ некстати упоминалось о какихъ-то подстрекателяхъ, о какихъ-то проискахъ, которыми вызвано движеніе; бесѣдуя со старымъ Марко, я отъ души пожалѣлъ, что подлѣ не стоятъ иные публицисты, иные дипломаты. Быть можетъ, немногія, простыя, скромныя, но твердыя рѣчи этого человѣка послужили бы для нихъ камертономъ при оцѣнкѣ истинныхъ причинъ, управляющихъ македонскимъ движеніемъ. „Подстрекатели“, „происки“,—что могутъ сдѣлать они съ такимъ человѣкомъ? Какая агитація въ состояніи подстрекнуть его? Какая репрессалія его удержитъ?..

II.—Повстанческій лагерь.

Черезъ сутки послѣ пріѣзда въ Кюстендиль, я узналъ, что большая чета сосредоточена въ ближайшихъ горахъ и готовится войти въ Македонію передъ разсвѣтомъ. Въ моемъ распоряженіи была ночь, составлявшая промежутокъ между двумя лекціями. Пригласивъ съ собой военнаго врача, владѣющаго русскимъ языкомъ, и одного студента Высшаго болгарскаго училища, я отправился на границу въ экипажѣ, такъ какъ путь шелъ по довольно удобному, хотя и крутому шоссе, нѣкогда построенному турками въ стратегическихъ цѣляхъ. Мои спутники все время обмѣнивались со встрѣчными крестьянами коротенькими фразами, изъ которыхъ было ясно, что всѣ знаютъ о мѣстѣ нахожденія четы. Въ большинствѣ случаевъ, намъ совѣтовали торопиться, если хотимъ застать ее.

Было уже совсѣмъ темно, когда кучеръ объявилъ, что мы находимся „на разстояніи одной пули" отъ турецкихъ пикетовъ, и указалъ кнутомъ линію пограничныхъ огней. Черезъ нѣсколько минутъ мы свернули съ шоссе, услышали голоса многихъ людей и наконецъ остановились среди густой вооруженной толпы. Это былъ повстанческій лагерь. Ранѣе, чѣмъ я успѣлъ выйти изъ экипажа, четники уже знали, что къ нимъ пріѣхалъ русскій корреспондентъ, и на встрѣчу потянулись десятки рукъ для дружескаго пожатія. При суровой обстановкѣ этой временной стоянки въ горахъ, на выстрѣлъ отъ врага, нельзя было ожидать пріема, обставленнаго сколько-нибудь комфортабельно; но самое широкое гостепріимство и мужественная откровенность моихъ хозяевъ придавали необычайную прелесть только-что завязавшемуся знакомству. Если формулировать впечатлѣніе, произведенное на меня этими людьми, то прежде всего надо подчеркнуть ихъ удивительную разносторонность. Мы обыкновенно привыкли встрѣчать физическую силу и выносливость рядомъ съ нѣкоторой духовной огрубѣлостью, и наоборотъ, люди развитые, интеллектуально сильные, чаще всего въ наше время оказываются очень нервными, хилыми, неприспособленными къ грубымъ формамъ борьбы. Здѣсь же я видѣлъ нѣчто совсѣмъ иное: кругомъ были интеллигентные люди, поражавшіе своей выносливостью.

Рядомъ со мной сидѣлъ воевода Протогеровъ, замертво вынесенный изъ сраженія всего пять мѣсяцевъ тому назадъ; въ апрѣлѣ пуля пронизала его грудь, тогда же онъ получилъ огне-

стрѣльныя раны въ обѣ ноги, а теперь, въ сентябрѣ, находится снова въ повстанческомъ лагерѣ, исправляя должность, такъ сказать, начальника штаба. Разумѣется, капитанъ Протогеровъ не совсѣмъ оправился, но по прежнему идетъ на встрѣчу опасностямъ; его скромность поразительна: по поводу полученныхъ ранъ, воевода съ улыбкой замѣчаетъ: „турецкія пули гуманны". Въ самомъ дѣлѣ, благодаря малому калибру и страшной силѣ маузеровскихъ ружей, свинецъ пронизываетъ человѣка, не раздробляя костей; поэтому часто выздоровленіе возможно.

Я уже зналъ изъ газетъ и устныхъ разсказовъ о весеннемъ походѣ Протогерова: съ четой въ шестьдесятъ человѣкъ онъ наткнулся на большой турецкій отрядъ и былъ вынужденъ принять сраженіе, не имѣя на своей сторонѣ даже превосходства позицій. Въ результатѣ сорокъ-пять повстанцевъ, т.-е. семьдесятъ-пять процентовъ изъ его четы, легли на мѣстѣ, а самъ предводитель, безъ признаковъ жизни, унесенъ оставшимися храбрецами въ безопасное убѣжище. При цанковистскомъ министерствѣ Данева онъ былъ арестованъ, но не надолго. Разсказывая мнѣ объ этомъ арестѣ и упоминая о постоянныхъ симпатіяхъ болгарскаго народа къ дѣлу македонской независимости, Протогеровъ замѣтилъ: „Это объясняется фатальнымъ историческимъ закономъ, въ силу котораго правительство обыкновенно бываетъ представителемъ меньшинства, а не большинства своего народа". Дѣйствительно, не говоря уже о прессѣ и общественномъ мнѣніи, которыя единодушно видятъ въ капитанѣ Протогеровѣ героя, даже офицеры болгарской арміи устроили ему банкетъ, а высшее правительство не придумало ничего лучшаго, какъ арестовать общаго любимца.

Тутъ же, въ кружкѣ воеводъ, я встрѣтилъ и Ковачева, всего день назадъ вернувшагося изъ Македоніи, гдѣ онъ бился съ непріятелемъ въ окрестностяхъ Кратова, но, благодаря прекрасной позиціи, не имѣлъ никакого урона, тогда какъ турокъ при этомъ легло не мало.

Мнѣ были извѣстны подробности похода, потому что еще наканунѣ я встрѣтилъ нѣсколькихъ арестованныхъ повстанцевъ изъ авангарда Ковачева; обезоруженные на границѣ, они подъ жандармскимъ конвоемъ препровождались въ Софію. „Но, —спроситъ читатель,—какъ могло случиться, что болгарское правительство угрожало туркамъ своей мобилизаціей, и въ то же самое время обезоруживало и арестовывало четниковъ"? На это я отвѣчу двумя соображеніями: во-первыхъ, пограничныя власти могли дѣйствовать въ данномъ случаѣ по инерціи, въ силу преж-

нихъ инструкцій, а во-вторыхъ, арестъ являлся какой-то фикціей: четники шли подъ конвоемъ очень весело и сказали мнѣ, что ровно ничего не имѣютъ противъ подобнаго „лишенія свободы“, такъ какъ нуждаются въ отдыхѣ и охотно поживутъ въ какомъ-нибудь болгарскомъ городѣ.

Впрочемъ, на этой встрѣчѣ стòитъ остановиться. Мой экипажъ медленно двигался по дну ущелья, когда изъ-за поворота показалась довольно своеобразная процессія: четники шагали въ сопровожденіи конныхъ жандармовъ; послѣдніе охотно остановились и дали плѣнникамъ возможность разсказать мнѣ подробности боя подъ Кратовомъ, которыя черезъ день обошли всѣ мѣстныя газеты. Жандармы не только терпѣливо, но даже съ живымъ интересомъ слушали разсказъ, не представлявшій для нихъ ничего новаго.

Вовсе не рискуя ошибиться, я могу сказать, что арестанты и конвой были воодушевлены одними и тѣми же чувствами; стража съ завистью глядѣла на своихъ плѣнниковъ и гордилась ими. Почти всѣ болгары тяготѣли къ македонскому возстанію, но одни не задумывались бросить свои семьи, службу, занятія, а другіе, питая тѣ же симпатіи, остались дома и сохранили прежнее общественное положеніе. Болѣе искренніе, самоотверженные и безкорыстные идутъ пѣшкомъ, въ лохмотьяхъ, а тѣ, что помалодушнѣе, поосторожнѣе,—сидятъ на коняхъ, одѣты въ опрятные мундиры и конвоируютъ своихъ единомышленниковъ. По этому поводу г. Протогеровъ опять могъ бы сказать, что таковъ обыкновенный законъ исторіи.

Относительно битвы подъ Кратовомъ четники утверждали: „ни одинъ изъ нашихъ товарищей не убитъ“; между тѣмъ нѣсколькихъ человѣкъ все-таки не хватало при возвращеніи четы въ Болгарію, и въ первую минуту никто не умѣлъ объяснить это обстоятельство, къ которому я еще возвращусь ниже.

Для посторонняго наблюдателя наша группа могла представлять много оригинальнаго: въ центрѣ—фаэтонъ съ сидящимъ въ немъ корреспондентомъ, кругомъ—оживленно жестикулирующіе арестанты, а среди нихъ возвышаются на своихъ лошадяхъ жандармы, наэлектризованные повѣствованіемъ.

Когда, на исходѣ слѣдующаго дня, воевода Ковачевъ сталъ разсказывать о своемъ походѣ, я имѣлъ возможность провѣрить свѣдѣнія, полученныя наканунѣ отъ его соратниковъ, и былъ удивленъ, что всѣ перипетіи боя запечатлѣлись въ памяти этихъ людей въ совершенно одинаковомъ видѣ; между тѣмъ, среди треска гранатъ и клубовъ порохового дыма было такъ легко со-

ставить себѣ ошибочное понятіе о подробностяхъ битвы и ея результатахъ.

Сидя на какихъ-то деревянныхъ обрубкахъ, замѣнявшихъ мебель среди повстанческаго лагеря, мы оживленно бесѣдовали, и когда я спросилъ Ковачева, сколько же человѣкъ изъ его отряда погибло, онъ съ жаромъ отвѣтилъ: „Никакихъ потерь у меня не было; при возвращеніи не хватало нѣсколькихъ душъ, но это только отсталые; сейчасъ получено извѣстіе, что всѣ они здоровы и внѣ опасности".

Воеводы и четники охотно отвѣчали на всѣ мои вопросы, терпѣливо давая свѣдѣнія о своихъ рессурсахъ и вооруженіи. Они подарили мнѣ нѣсколько характерныхъ предметовъ, которые я черезъ мѣсяцъ демонстрировалъ на лекціяхъ въ западной Европѣ, въ томъ числѣ неначиненныя бомбы. Вездѣсущій Марко Соколичко былъ уже тутъ и сказалъ: „Хочешь, начинимъ ихъ и завтра утромъ попробуемъ"? Эти бомбы двухъ типовъ въ сущности различаются только размѣромъ; большія—кубическія—вѣсятъ фунтовъ десять; малыя—по формѣ напоминаютъ апельсинъ. Тѣ и другія имѣютъ по два отверстія, изъ которыхъ одно служитъ для наполненія снаряда взрывчатымъ составомъ; оно завинчивается металлической пробкой около полувершка въ діаметрѣ; другое — въ десятеро меньше — пропускаетъ только фитиль; онъ укорачивается четникомъ въ зависимости отъ разстоянія, отдѣляющаго его отъ врага. Нужно бросить бомбу съ такимъ разсчетомъ, чтобы фитиль догоралъ, когда снарядъ долетитъ до цѣли. При малѣйшемъ навыкѣ это легко достигается. По безопасности въ пути, простотѣ своего устройства и разрушительной силѣ, такія бомбы незамѣнимы въ партизанской войнѣ; ихъ просто бросаютъ рукой. Четники, какъ извѣстно, не имѣли и не могли имѣть пушекъ, но каждый изъ нихъ несъ въ своемъ ранцѣ по двѣ ручныхъ бомбы. Коротко-ствольныя манлихеровскія ружья, а также гирлянды патроновъ у пояса и на груди дополняли вооруженіе. Воеводы говорили мнѣ съ горечью, что подъ давленіемъ Австріи и Россіи приняты строгія пограничныя мѣры, благодаря которымъ ружье, стоющее сорокъ франковъ, обходится иногда болѣе ста,—полученіе предметовъ, необходимыхъ для возстанія, происходитъ контрабанднымъ путемъ, что̀ удвоиваетъ и утроиваетъ ихъ стоимость.

Для многихъ войнъ легче найти добровольцевъ, чѣмъ потребныя деньги. Откуда же брали македонскіе повстанцы сотни тысячъ и даже милліоны, израсходованные ими въ прошломъ

году? Они не могли заключить заемъ и вообще единовременно получить крупную сумму; капиталъ составлялся изъ маленькихъ пожертвованій, въ которыхъ, однако, участвовали народныя массы, какъ въ Болгаріи, такъ равно и въ Македоніи. Если вспомнить, какъ конспиративно и, слѣдовательно, безконтрольно собирались деньги, то невольно удивишься, что онѣ доходили по назначенію. Желая разобраться въ размѣрахъ предпріятія, я спросилъ воеводъ: „Сколько *вашихъ* теперь подъ ружьемъ?"—Капитанъ Протогеровъ въ раздумьи отвѣтилъ: „Уяснить это, даже приблизительно, очень трудно. Учитель, который сегодня преподаетъ въ школѣ, вчера пользовался каникулярнымъ временемъ и бился съ турками; тамъ, за горой, земледѣлецъ обрабатываетъ свою пашню, а черезъ недѣлю возьметъ ружье и превратится въ повстанца. Въ моментъ наибольшаго напряженія мы располагаемъ силами, которыя колеблются отъ двадцати до тридцати тысячъ человѣкъ".

Лагерь опирался на постройку, составлявшую нѣчто среднее между навѣсомъ и избой. Тамъ можно было укрыться отъ осенняго вѣтра, задувавшаго огонь; это помѣщеніе занималъ какъ бы маркитантъ или фуражиръ. Онъ изготовлялъ на низенькомъ очагѣ огромные хлѣбы для похода и жарилъ баранину. Я просилъ у моихъ новыхъ знакомыхъ позволенія угостить ихъ ужиномъ; но мнѣ твердо, хотя и деликатно, возразили: „Здѣсь вы сами гость".

Вскорѣ появилось угощеніе: сыръ, мясо, даже вино. Начались тосты за Россію, за независимость Македоніи, за представителей печати. Во время ужина очень страстно обсуждались самые сложные политическіе вопросы; молодой человѣкъ, сидѣвшій въ сторонѣ, замѣтилъ: „Пока мы опирались на право, т.-е. на 23 ст. берлинскаго трактата, Европа не хотѣла насъ знать,—мы завоевали ея вниманіе, только обратившись къ оружію". Услышавъ эти слова, необузданный Марко далъ волю своему негодованію. Онъ, не щадящій для македонскаго возстанія ни себя, ни сыновей, не можетъ и не хочетъ понять холодности и своекорыстія дипломатіи, странной забывчивости иныхъ органовъ печати. Почему салоникскіе взрывы вызвали негодованіе оффиціальной Европы, а непрекращающіяся пытки въ турецкихъ казематахъ, постоянныя преслѣдованія христіанскаго населенія, истязанія женщинъ и дѣтей, не встрѣчаютъ никакого активнаго протеста со стороны лицемѣрнаго общества цивилизованныхъ странъ? Вотъ вопросъ, для Марко неразрѣшимый.

Среди ужинающихъ находился и воевода Ганчевъ. Онъ, собственно, былъ героемъ дня, такъ какъ подъ его предводитель-

ствомъ выступалъ отрядъ, стоявшій лагеремъ; авангардъ, съ воеводой Атанасовымъ во главѣ, тронулся еще до моего пріѣзда. Ганчевъ говорилъ мало; онъ былъ видимо погруженъ въ свои мысли и заботы о подчиненныхъ. Изъ нихъ только человѣкъ двадцать находились съ нами подъ крышей, остальные же расположились на открытомъ воздухѣ, гдѣ было уже довольно свѣжо. Правда, каждый четникъ имѣлъ суконные панталоны и такую же куртку, но шинелей хватало далеко не всѣмъ. Одна мысль смущала меня: многіе ли изъ этихъ людей останутся въ живыхъ къ слѣдующему дню? Кто-то довольно неожиданно поставилъ тотъ же вопросъ вслухъ, чтò не только не подѣйствовало на присутствующихъ удручающимъ образомъ, а напротивъ, еще больше оживило бесѣду! Почти всѣ побывали уже въ битвахъ и не разъ переходили границу подъ непріятельскимъ огнемъ. Начались воспоминанія и предположенія насчетъ ближайшаго будущаго: чета, включая отрядъ Атанасова и арьергардъ, находившійся на лицо, подъ начальствомъ Ганчева, превышала 300 человѣкъ. Переходъ начнется въ ночномъ мракѣ, люди поползутъ поодиночкѣ гуськомъ, а если неожиданный трескъ или шорохъ выдастъ ихъ присутствіе, то турецкая пальба при подобныхъ обстоятельствахъ рѣдко бываетъ опасна; въ темнотѣ выстрѣлы дѣлаются на авось; самое главное—не останавливаться, а, пользуясь замѣшательствомъ врага, ползти дальше и дальше. Развѣ нѣсколько отчаянныхъ смѣльчаковъ, разсыпавшись между турецкими постами, станутъ отвѣчать на пальбу и маскировать движеніе отряда, но и они поспѣшатъ присоединиться къ своимъ, а изъ турецкихъ караульныхъ домиковъ, взбудораженныхъ неожиданной тревогой, еще долго будутъ раздаваться выстрѣлы среди глубокаго мрака. Что же касается до настоящихъ сраженій, то они вызываются или неожиданной встрѣчей съ врагомъ, или происходятъ въ позиціяхъ, избранныхъ четниками, необыкновенно удобныхъ для обороны. Неожиданныя встрѣчи опасны для повстанцевъ и кончаются ихъ разгромомъ, благодаря всегдашнему численному перевѣсу турокъ, какъ мы видѣли на примѣрѣ Протогерова, чета котораго въ шестьдесятъ человѣкъ боролась противъ врага въ двадцать разъ сильнѣйшаго. Но совсѣмъ другое дѣло битвы второго рода: пользуясь превосходными проводниками, повстанцы рѣдко попадаютъ въ просакъ; мѣстные жители, знающіе каждый камень, каждый кустъ, ведутъ ихъ ночью, обходя непріятельскіе аванпосты. Надо помнить, что вся Македонія изрѣзана горами, и нѣтъ ничего легче, какъ расположиться утромъ на роздыхъ въ болѣе или

менѣе неприступной позиціи. Нѣкоторыя горныя вершины такъ отвѣсны и такъ скалисты, что повстанцы неохотно покидаютъ ихъ, приговаривая: „здѣсь можно биться противъ цѣлой арміи“.

Иногда турки, выслѣдившіе врага, даютъ знать сосѣднимъ гарнизонамъ, и двѣ-три тысячи солдатъ спѣшатъ къ вершинѣ, гдѣ укрылись пятьдесятъ или сто четниковъ. Послѣдніе уже увѣдомлены поселянами о предстоящей аттакѣ, потому что самые спѣшные сборы войска все-таки требуютъ нѣкотораго времени. Къ тому же турки, пускающіе по временамъ въ ходъ и артиллерію, не могутъ идти по тѣмъ кратчайшимъ и въ высшей степени неудобнымъ тропинкамъ, по которымъ пробирается гонецъ. Какъ только чета получаетъ извѣстіе о приближеніи врага, она наскоро сооружаетъ ложементы, устроиваясь за скалами, непремѣнно на горѣ, откуда удобно наблюдать за всѣмъ, что происходитъ въ окрестностяхъ. Являются массы турокъ и начинаютъ учащенную пальбу изъ своихъ чудесныхъ маузеровскихъ ружей; но пули шлепаютъ о скалы, никому не вредя. Четники не отвѣчаютъ на выстрѣлы, пока врагъ не подойдетъ ближе. Иногда къ свисту турецкихъ пуль присоединяется и трескъ лопающихся гранатъ; турецкая горная артиллерія, говоря вообще, стрѣляетъ мѣтко, но она безсильна противъ скалъ, составляющихъ надежное прикрытіе. Раздраженные безцѣльной пальбой, турки рѣшаютъ идти въ аттаку; это—самый серьезный моментъ боя, и, пользуясь численнымъ перевѣсомъ, они могли бы добраться до вершины, несмотря на неизбѣжный уронъ въ людяхъ; но всякая храбрость имѣетъ свой предѣлъ. Представьте себѣ турецкихъ солдатъ, поднимающихся по крутизнамъ; вверху врагъ, незримый, но стрѣляющій изъ-за камней почти навѣрняка,—у каждаго повстанца въ рукахъ тоже скорострѣльное и дальнобойное манлихеровское ружье, а въ запасѣ—сотни патроновъ; онъ подпускаетъ турокъ довольно близко и уже затѣмъ отвѣчаетъ на ихъ залпы; но такъ какъ аттакующіе не имѣютъ прикрытія, то въ ихъ рядахъ начинается замѣтная убыль. Однако, несмотря на мѣткій огонь четниковъ, аттака послѣ нѣкотораго замѣшательства продолжается; тутъ настаетъ очередь бомбъ и фугасовъ, о которыхъ я забылъ упомянуть. Готовясь къ битвѣ, повстанцы зарываютъ въ землю по нѣскольку килограммовъ динамита въ такихъ мѣстахъ, по которымъ неизбѣжно долженъ направиться врагъ, идущій въ аттаку; сверху наваливается груда камней, но они не бросаются въ глаза, такъ какъ горы на каждомъ шагу усѣяны ими. Отъ зарытаго динамита къ вершинѣ горы идетъ проволока, теряющаяся въ обожженной солнцемъ

травѣ. Электрическая батарея, проволока и динамитъ имѣются при каждомъ отрядѣ. Легко догадаться объ эффектѣ взрыва: турки идутъ густой колонной, подбадривая другъ друга подъ непріятельскими выстрѣлами; вдругъ раздается трескъ, десятки людей низвергнуты, осыпаны камнями; нѣсколько ручныхъ бомбъ, брошенныхъ сверху, еще увеличиваютъ панику; тщетно начальство приказываетъ повторить сигналъ „въ аттаку", —солдаты быстро бѣгутъ внизъ и возобновляютъ безцѣльную пальбу. При подобныхъ условіяхъ вовсе не слѣдуетъ удивляться, что среди убитыхъ, на нѣсколько десятковъ турокъ, приходился лишь одинъ „комитъ".

Наибольшая опасность для повстанцевъ заключается обыкновенно въ недостаткѣ воды и страшномъ изнуреніи отъ солнечнаго припека.

Наступаетъ вечеръ, сраженіе кончено; но внизу врагъ неумолимый и сильный; несмотря на его численность, однако, онъ не можетъ вполнѣ окружить осажденныхъ; горные кряжи, пропасти, скалы, составляютъ препятствіе, одолѣть которое можетъ только отчаяніе. Именно такія мѣста избираются для отступленія; но иногда турки стерегутъ добычу и тамъ. Четники готовы къ встрѣчѣ: каждый держитъ въ рукахъ бомбу и постарается какой бы то ни было цѣной проложить себѣ дорогу.

„Бываютъ минуты, — со смѣхомъ говорилъ мнѣ одинъ учитель, вернувшійся изъ похода,—когда мы избѣгаемъ встрѣчи съ турками, а они еще усерднѣе уклоняются отъ встрѣчи съ нами".— Это, главнымъ образомъ, относится къ ночнымъ операціямъ: среди мрака, подъ дождемъ, динамитный взрывъ или неожиданный залпъ смущаетъ самыхъ отважныхъ. Отступленіе четы затрудняется ранеными, которыхъ приходится нести по горамъ и оврагамъ; убитыхъ же обыкновенно оставляютъ на мѣстѣ.

Въ лагерѣ еще долго раздавались боевыя воспоминанія людей, которые снова собрались идти на встрѣчу опасностямъ не въ силу велѣнія закона, не ради жажды отличій, а единственно изъ сочувствія къ угнетенному народу. Ими несомнѣнно руководило благородное негодованіе и глубоко возмущенное чувство справедливости. Берлинскій трактатъ искусственно разрѣзалъ этнографическій организмъ на двѣ части и поставилъ ихъ въ столь различныя политическія условія. Здѣсь — свободная, конституціонная Болгарія, тамъ—страна населенная тоже главнымъ образомъ болгарами, но болгарами подневольными; съ одной стороны —свобода печати, всеобщее избирательное право, съ другой— полнѣйшее политическое рабство съ его спутниками. Говорятъ,

что исторія имѣетъ свою логику; въ этомъ начинаешь сомнѣваться, находясь на македонской границѣ. Почему она, эта граница, прошла здѣсь, а не пятью верстами дальше, когда прилегающіе къ ней поселки по племенному составу, этнографическимъ свойствамъ, религіознымъ вѣрованіямъ населенія ничѣмъ не отличаются отъ находящихся по сю сторону? Но кто отвѣтитъ на это? Никогда не забуду той горечи, съ которой одинъ эмигрантъ или, по мѣстной терминологіи, „бѣженецъ“, говорилъ, указывая на село, стоявшее у самаго рубежа: „Поглядите,— тамъ болгары и здѣсь болгары“... Да, этотъ отрывокъ мысли не нуждался въ комментаріяхъ; тамъ, на разстояніи ста шаговъ отъ насъ, болгарка, робко пробиравшаяся за водой къ одному изъ притоковъ Струмы, испуганно попятилась при видѣ низама, а здѣсь кучка солдатъ, смѣнившаяся съ караула, читала оппозиціонныя газеты.

Было уже поздно, когда я простился съ воеводами и четниками, снова спрашивая себя,—всѣ ли они останутся въ живыхъ къ слѣдующему ужину?

Черезъ четверть часа, впереди нашего экипажа, на крутомъ спускѣ сверкнулъ огонекъ; оказалось, что Марко держитъ въ рукахъ карманный электрическій фонарь. Докторъ толкнулъ меня локтемъ и шопотомъ сказалъ: „Онъ хочетъ посвѣтить, чтобы мы не свернули себѣ шею, или даетъ какіе-то сигналы; но во всякомъ случаѣ хорошо, что онъ здѣсь“.

Ночь была темна; отвѣсныя стѣны ущелья, по которому мы спускались, глядѣли мрачно!...

III.—Десница и шуйца болгарскаго правительства.

Кромѣ рекомендательныхъ писемъ, благодаря которымъ можно было безпрепятственно наблюдать повстанческую дѣятельность вдоль македонской границы, у меня было нѣчто въ родѣ открытаго листа, выданнаго министромъ внутреннихъ дѣлъ; въ то тревожное время подобный документъ могъ казаться не лишнимъ,—однако, я убѣдился, что полный порядокъ царилъ повсюду, и „охранную грамоту“ вовсе не пришлось пускать въ ходъ.

Иронизируя надъ правительствомъ, даже по поводу существующей въ странѣ безопасности, представители оппозиціи говорили: „Еще бы! у стамбулистовъ рука тяжела“; между тѣмъ это былъ несомнѣнно „медовый мѣсяцъ“ возродившейся стамбуловщины.

Въ концѣ августа, разговаривая съ самымъ активнымъ членомъ правительства, г. Петковымъ, я спросилъ его,—насколько вѣрны предсказанія оппозиціи насчетъ грядущихъ мѣръ для обузданія печати. Г. Петковъ возразилъ, что слухъ неоснователенъ: политическая свобода въ княжествѣ и, въ частности, печать не потерпятъ ни малѣйшаго ущерба. Онъ уполномочилъ меня огласить эти завѣренія въ русскихъ газетахъ,—что̀ я тогда же и сдѣлалъ.

Г. Петковъ—типичный стамбуловистъ; въ молодости, подобно Стамбулову, онъ сражался за свободу Болгаріи и на войнѣ лишился руки; затѣмъ былъ виднымъ государственнымъ дѣятелемъ, а послѣ 18 мая 1894 г. превратился въ журналиста, какъ и его другъ, эксъ-диктаторъ. Ихъ карьера шла параллельно и едва не закончилась одновременно: когда въ іюнѣ 1895 г. на Раковской улицѣ подлѣ „Union Club" убійцы напали на Стамбулова, рядомъ съ нимъ въ фаэтонѣ сидѣлъ Петковъ. — Теперь, послѣ девятилѣтняго промежутка, послѣдній опять призванъ къ государственной дѣятельности. Что̀ же это за дѣятельность? Настоящій кабинетъ часто заставлялъ говорить о себѣ иностранную печать. Постараюсь показать его плюсы и минусы, на основаніи конкретныхъ примѣровъ или несомнѣнныхъ данныхъ, попутно иллюстрирующихъ мѣстные конституціонные порядки. Что касается до недостатковъ здѣшняго правительства, то они обыкновенно у всѣхъ на виду, такъ какъ, благодаря полной свободѣ печати и экспансивности писателей, министры каждый день третируются оппозиціонной прессой какъ преступники. Иногда имъ вмѣняются въ вину такія злодѣянія, которыя даже по словамъ самого обличителя еще не совершились, но „непремѣнно" будутъ совершены такимъ-то государственнымъ человѣкомъ.

Если къ голосу здѣшней печати прислушается туристъ, привыкшій къ сдержанности англійскихъ газетъ, то онъ непремѣнно спроситъ: „Почему же всѣ министры не на висѣлицѣ?"—Столбцы изданій испещрены каррикатурами и статьями, говорящими объ убійствахъ и кражахъ, совершаемыхъ правительствомъ.

Оглядываясь на послѣднее полугодіе, слѣдуетъ признать, что главными моментами партійной борьбы являлись: вотированіе секретныхъ фондовъ, военныя приготовленія, парламентскіе выборы, демонстративный выходъ оппозиціи изъ народнаго собранія и принятіе закона, ограждающаго князя отъ нападокъ печати. Секретные фонды были вотированы собраніемъ въ распоряженіе нѣкоторыхъ вѣдомствъ, въ томъ числѣ 200.000 франковъ министерству внутреннихъ дѣлъ. Такъ какъ въ Болгаріи анархистовъ нѣтъ,

а обѣ соціалистическія фракціи занимаются мирной культурной работой, то невольно спрашиваешь себя, какое назначеніе имѣютъ эти деньги? Ни на болгарской границѣ, ни внутри княжества не видно претендента, который угрожалъ бы династіи; поэтому естественно возникаетъ предположеніе, что упомянутая сумма, весьма значительная для маленькаго государства, будетъ истрачена на созданіе оффиціозной прессы; но въ настоящемъ бюджетномъ году новыхъ органовъ соотвѣтствующаго типа не появляется, и я невольно вспоминаю сказанныя министромъ народнаго просвѣщенія, профессоромъ Шишмановымъ, слова, что секретный фондъ министерства внутреннихъ дѣлъ будетъ истраченъ на патріотическія и государственныя цѣли. Правда, г. Шишмановъ вовсе не заинтересованъ въ этомъ вопросѣ; онъ въ данномъ случаѣ свидѣтель, показанію котораго слѣдовало бы довѣрять. Однако, съ другой стороны, зачѣмъ же дѣлать большую тайну изъ такого явленія, которое принадлежитъ къ сферѣ государственныхъ и патріотическихъ?

По поводу безотчетныхъ фондовъ слѣдуетъ замѣтить, что секретомъ они могутъ оставаться частности, но самая цѣль, ради которой дѣлается ассигновка, должна быть ясна законодателю. Въ данномъ случаѣ это правило не соблюдено. Ближайшее будущее покажетъ намъ, была ли права въ своихъ нападкахъ по этому пункту оппозиція, или ассигновка дѣйствительно получила цѣлесообразное назначеніе.

Другой вопросъ, обсуждавшійся очень страстно и въ печати, и въ народномъ собраніи, касался военныхъ приготовленій. Чтобы лучше разобраться въ немъ, необходимо бросить взглядъ на программу послѣдняго правительства. Стамбуловисты, оставаясь вѣрны своимъ традиціямъ, неизбѣжно должны были толкнуть княжество на путь болѣе самостоятельной внѣшней политики вообще и по отношенію къ Македоніи въ частности.

Одинъ изъ интеллигентнѣйшихъ людей Болгаріи, публицистъ и критикъ, между прочимъ большой знатокъ русской литературы, г. Миларовъ, сказалъ мнѣ по поводу програмы нынѣшняго кабинета: „Ранѣе чѣмъ думать о мебели, надо имѣть домъ; вы видите въ нашей странѣ демократовъ, соціалистовъ, либераловъ, народниковъ; я не отрицаю за ними права стремиться къ осуществленію тѣхъ или иныхъ идеаловъ; но прежде чѣмъ прилагать свои политическіе принципы къ жизни данной страны, слѣдуетъ позаботиться о самостоятельности, о независимости этой страны или, какъ я сказалъ,—обезпечить за собой свободное пользованіе домомъ, а затѣмъ уже заняться меблировкой. Тепе-

решнее правительство именно этимъ и озабочено". Такой отзывъ г. Миларова имѣетъ тѣмъ бо́льшее право на вниманіе, что его родной братъ былъ казненъ во время Стамбуловской диктатуры.

Настоящій кабинетъ, призванный къ власти въ маѣ прошлаго года, поддерживая хорошія отношенія съ сосѣдями, далъ, однако, полный просторъ патріотическому воодушевленію тѣхъ болгаръ, которые рѣшили съ оружіемъ въ рукахъ помогать своимъ македонскимъ братьямъ. Правительство не мѣшало движенію, а въ сентябрѣ даже само произвело частичную мобилизацію, чтобы остановить турецкія жестокости. Такъ какъ зима, прекративъ борьбу, не принесла съ собой разрѣшенія македонскаго вопроса, то пришлось сдѣлать солидныя военныя приготовленія, успѣхъ которыхъ замѣтно облегчаетъ задачи болгарской дипломатіи въ ту минуту, когда я пишу эти строки.

Правда, соглашеніе еще не подписано, но на турецкое упрямство сильнѣе, чѣмъ послы великихъ державъ въ Константинополѣ, вліяютъ два фактора: готовность болгарской арміи къ войнѣ и кадръ превосходныхъ застрѣльщиковъ, въ лицѣ повстанцевъ, временно притихшихъ, чтобы не мѣшать переговорамъ.

Въ теченіе зимы я много разъ бесѣдовалъ съ министромъ-президентомъ, генераломъ Петровымъ, и убѣдился въ полной послѣдовательности и твердости правительства по самому трудному и важному вопросу иностранной политики. Г-нъ Петровъ зорко слѣдилъ за перипетіями македонской тяжбы и по временамъ сообщалъ мнѣ поразительныя по своей обстоятельности свѣдѣнія объ экономическомъ и юридическомъ положеніи турецкихъ христіанъ. Онъ всегда можетъ безошибочно сказать, какъ великъ размѣръ податного бремени, какое лежитъ, напримѣръ, на земледѣльцахъ Коссовскаго вилайета, фактически превращенныхъ въ рабовъ, или въ какихъ условіяхъ находятся политическіе заключенные гдѣ-нибудь въ Сересѣ, Діарбекирѣ. Большая освѣдомленность министра и неослабное вниманіе къ этимъ вопросамъ дали ему возможность сразу взять по отношенію къ нимъ вполнѣ вѣрный тонъ. Его требованія, предъявленныя къ туркамъ еще осенью, заключались въ полной амнистіи для всѣхъ участниковъ возстанія, проведеніи реформъ въ предѣлахъ мюрцштегской программы и водвореніи бѣглецовъ на ихъ пепелищахъ съ нѣкоторой денежной поддержкой Порты. Добившись согласія турокъ на эти требованія, Болгарія сдѣлала теперь только одну добавку, справедливость которой очевидна: она требуетъ распространенія реформъ, предположенныхъ для трехъ вилайетовъ:—

Коссовскаго, Монастырскаго, Салоникскаго, также и на Адріанопольскій, о которомъ въ Мюрцштегѣ не было рѣчи.

Для горячихъ головъ, желающихъ немедленнаго изгнанія турокъ изъ Европы и автономіи христіанскихъ провинцій въ нынѣшней Турціи, дезидераты болгарскаго министра иностранныхъ дѣлъ покажутся слишкомъ скромными, но серьезный политикъ не можетъ не признать, что за послѣдній годъ македонскій вопросъ сдѣлалъ большой шагъ въ сторону своего благопріятнаго разрѣшенія, и настойчивость софійскаго правительства сыграла въ этомъ случаѣ видную роль. Разумѣется, самая искусная дипломатія безсильна, если ей не на что опереться; вотъ почему военныя приготовленія и благоразумные переговоры должны были идти рядомъ.

Много говорилось о насиліяхъ, допущенныхъ при послѣднихъ выборахъ въ народное собраніе 19 ноября прошлаго года; они предсказывались заранѣе, ихъ предполагали, на нихъ надѣялись. Вызвать безпорядки было очень выгодно для оппозиціи; это значило скомпрометтировать министерство. Послѣднее поняло опасность, хотя ни въ какомъ случаѣ не могло предотвратить столкновенія, вошедшія здѣсь въ обычай, благодаря страстности политической борьбы. Надо замѣтить, что этотъ разъ даже оппозиція не говорила о фальсификаціи бюллетеней; слѣдовательно, насилія могли бы привести лишь къ неявкѣ запуганныхъ избирателей. Но цифры, однако, опровергли подобное предположеніе, такъ какъ голосующихъ оказалось болѣе обыкновеннаго. Наконецъ, самымъ главнымъ показателемъ народныхъ симпатій явилась столица; здѣсь избиратели интеллигентнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было; малѣйшее давленіе отсутствовало, что̀ удостовѣрено многими корреспондентами, подобно мнѣ, наблюдавшими выборы, и... болѣе двухъ третей голосовъ подано за правительство.

Въ чемъ же причина этого успѣха? Предъидущій кабинетъ г. Данева, явно руссофильскій, подчинявшійся внѣшнимъ вліяніямъ, противодѣйствовавшій македонскому движенію, потерялъ всякій кредитъ. Когда же осенью, при стамбуловистскомъ министерствѣ, Россія и Австрія вошли съ требованіемъ болѣе широкихъ реформъ для Македоніи, чѣмъ тѣ, которыя предполагались въ началѣ года при руссофилахъ, преимущества политики нынѣшнихъ министровъ выступили еще осязательнѣе. Какъ бы ни было, оппозиція получила лишь около четверти всѣхъ мѣстъ въ народномъ собраніи, и ошибка большинства, допущенная въ началѣ декабря, давала прекрасный случай вновь провѣрить пульсъ

народныхъ симпатій. Объ этомъ эпизодѣ стóитъ разсказать подробнѣе.

Во время обсужденія военныхъ ассигновокъ одинъ изъ ораторовъ оппозиціи сталъ высказываться такъ пространно, что это раздражило правительственную партію. Послѣдняя припомнила, какъ единодушно вотируются расходы на вооруженія французами, а главное, рѣчь касалась очень щекотливаго, съ точки зрѣнія международной политики, предмета: правительству не хотѣлось открывать карты передъ Европой, говорить во всеуслышаніе о своихъ планахъ и надеждахъ. Ктó-то предложилъ закрыть пренія; оппозиція возразила, что это нарушало бы парламентскій регламентъ, такъ какъ въ преніяхъ по данному вопросу участвовало лишь три оратора вмѣсто семи,—минимумъ, опредѣленный уставомъ. Тогда министръ юстиціи, г. Геннадіевъ, бросилъ замѣчаніе, съ формальной стороны собственно правильное, но несправедливое по существу: онъ напомнилъ, что воля собранія является его регламентомъ, и большинство постановило закрыть пренія. Послѣ этого оппозиція бурно покинула залъ.

Инцидентъ произвелъ впечатлѣніе въ Европѣ, тѣмъ болѣе, что депутатъ, Дмитрій Христовъ, позволившій себѣ ругательство по адресу собранія, былъ побитъ. Нашъ телеграфъ сгустилъ краски и, допустивъ ошибку имени, сообщилъ, что побитъ Христосъ. Если безпристрастно разобрать поведеніе сторонъ, то нельзя не упрекнуть большинство за принятую имъ мѣру: оппозиція лишь постольку имѣетъ смыслъ, поскольку она вольна участвовать въ дебатахъ; повліять же на судьбу обсуждаемыхъ предложеній и законовъ путемъ голосованія она безсильна.

Итакъ, закрывая пренія, правительственная партія лишила меньшинство собранія всякаго raison d'être, но это меньшинство, не давая времени поправить ошибку, своимъ уходомъ не оказало никакой услуги избирателямъ: критика исчезла изъ стѣнъ законодательной палаты, работа пошла черезчуръ быстро, а народъ не шевельнулъ пальцемъ въ защиту правъ оппозиціи; да и сами депутаты не сдѣлали ни одного серьезнаго шага, который придалъ бы нѣкоторую колоритность ихъ протесту; они не организовали никакихъ демонстрацій, митинговъ, не создали сильнаго антиправительственнаго движенія въ странѣ и ограничились нѣсколькими ворчливыми статьями въ газетахъ.

Достойно вниманія, что въ то же самое время былъ очень замѣтенъ протестъ, заявленный народомъ по другому спеціальному поводу, а именно вслѣдствіе налога на водку. Это лучше всего доказываетъ, что оппозиція, въ ея нынѣшнемъ видѣ, не

имѣетъ за собой сколько-нибудь значительной части населенія; она является штабомъ безъ арміи. Не остановивъ парламентскую машину своимъ уходомъ, депутаты меньшинства почти въ полномъ составѣ вернулись черезъ мѣсяцъ въ собраніе. Я помню эту минуту и сардоническія улыбки министровъ. Правда, въ тотъ памятный январьскій день предстояло обсужденіе законопроекта, ограничивающаго свободу печати, т.-е. ставящаго главу государства и его родню внѣ газетныхъ нападокъ.

Само собою разумѣется, пресса была задѣта за живое направленнымъ противъ нея законопроектомъ и ежедневно осыпала князя и министровъ всевозможными ругательствами. О князѣ Фердинандѣ говорили какъ о человѣкѣ, заслуживающемъ презрѣнія, называли его иностранцемъ, жаднымъ до болгарскихъ денегъ, упрекали въ томъ, что ради династическихъ выгодъ Орлеанскаго дома онъ сдѣлалъ невыгодные для Болгаріи заказы французскимъ заводамъ и умышленно переплатилъ на патронахъ. Мало того,—газеты прямо говорили, что ограниченіе права нападать на князя въ печати должно привести къ покушеніямъ противъ его жизни. Еще задолго до внесенія законопроекта, одна оппозиціонная газета („Софійскія Вѣдомости") помѣстила статью, переполненную бранью противъ главы государства, и многозначительно добавляла, что Стамбуловъ тоже пытался обуздать печать, но передъ смертью увидѣлъ отрѣзанными тѣ самыя руки, которыми посягалъ на ея свободу. Нельзя отрицать того, что болгарская пресса въ своихъ нападкахъ доходила до всевозможныхъ крайностей, но стоило ли изъ-за нихъ создавать исключительный законъ? Наканунѣ парламентскихъ дебатовъ по этому вопросу я отправился къ автору законопроекта, министру юстиціи Геннадіеву, а затѣмъ и къ министру-президенту, желая выяснить важность причинъ, вызвавшихъ непопулярныя мѣры. Я говорилъ имъ: „Свобода печати,—это благо, которое нѣкоторые народы, напримѣръ французы, завоевали упорной борьбой нѣсколькихъ поколѣній; болгарамъ она свалилась какъ съ неба. Завтра вы собираетесь нанести этой свободѣ несомнѣнный ударъ; между тѣмъ она понадобится вамъ же самимъ, когда изъ членовъ правительства вы вновь обратитесь въ вожаковъ оппозиціи". Министры отвѣчали, что законъ, ограждающій личность князя отъ насмѣшекъ и ругательствъ, не будетъ ограничивать свободу печати, такъ какъ авторы сохраняютъ право критиковать всѣхъ отвѣтственныхъ дѣятелей государственнаго управленія, не исключая и министровъ. Свобода сужденій, свобода нападокъ, сохраняется въ полномъ объемѣ; запрещаются только оскорбленія и

клевета по адресу одного лица, неотвѣтственнаго въ силу конституціи, а также противъ его семьи.

Я забылъ сказать, что оппозиціонная пресса между прочимъ упрекала членовъ правительства за то, что они въ свое время, занимаясь журналистикой, употребляли пріемы, которые съ ихъ теперешней точки зрѣнія оказываются наказуемыми; напримѣръ, министръ юстиціи, Геннадіевъ, обрушивался въ печати даже на „бабу Клементину“, т.-е. на престарѣлую мать князя Фердинанда, а министръ внутреннихъ дѣлъ, Петковъ, называлъ главу государства—убійцей Стамбулова. Я лично не провѣрялъ цитатъ въ газетахъ за соотвѣтствующіе годы, но не имѣю основанія сомнѣваться въ ихъ подлинности, такъ какъ возраженій на этотъ счетъ не дѣлалось. Помню только, что самъ г. Петковъ съ парламентской трибуны чрезвычайно просто отнесся къ подобнымъ напоминаніямъ: „Тогда я былъ молодъ, а теперь у меня сѣдая голова,—поумнѣлъ“. Надо сознаться—хронологія не на сторонѣ оратора, такъ какъ въ данномъ случаѣ эпоха, которую онъ называлъ „молодостью“, отдѣлена отъ „сѣдыхъ волосъ“ слишкомъ недостаточнымъ промежуткомъ времени.

Январьскія пренія въ народномъ собраніи при обсужденіи законопроекта были чрезвычайно бурны, но безцѣльны, такъ какъ сплоченное правительственное большинство въ теченіе всей сессіи держалось очень стойко. Подъ страхомъ многолѣтняго тюремнаго заключенія и большого штрафа запрещены клеветы, оскорбленія и насмѣшки въ печати, по скольку они направлены противъ главы государства и его семейства. Разбирательство по этимъ дѣламъ происходитъ безъ присяжныхъ, и судебное засѣданіе назначается не позже, какъ черезъ семь дней послѣ поступленія дѣла въ судъ. Мнѣ скажутъ: отрѣзана только маленькая вѣточка отъ тѣнистаго дерева политической свободы. Да, это правда, но маленькая вѣточка все-таки отрѣзана! Понятія объ оскорбленіи, насмѣшкахъ и даже клеветѣ очень растяжимы и допускаютъ разныя толкованія. Угроза новаго закона привела къ тому, что печать перестала вовсе обсуждать дѣйствія князя, являющагося, однако, весьма активнымъ факторомъ политической жизни.

Н. Кулябко-Корецкій.

София.
Мартъ 1904.

НЕ-СУДЬБА!...

РАЗСКАЗЪ.

I.

Николай Никитичъ Егорьевскій, молодой, но уже довольно извѣстный профессоръ одного изъ нашихъ университетовъ, давалъ какъ-то обѣдъ близкимъ друзьямъ.

Всѣ приглашенные были между собою короткіе пріятели, и потому за столомъ шелъ самый непринужденный разговоръ.

Говорили о только-что открытомъ тогда радіѣ и супругахъ Кюрэ, о „великомъ" Эдиссонѣ и другихъ современныхъ ученыхъ и изобрѣтателяхъ, и наконецъ перешли къ тѣмъ многочисленнымъ „погибающимъ талантамъ", которые не съумѣли во-время подмѣтить своего истиннаго призванія и размѣнялись на мелкую монету.

Каждый изъ гостей, оказывалось, зналъ одного или нѣсколькихъ такихъ неудачниковъ, и разсказы—одинъ другого любопытнѣе—посыпались въ изобиліи.

Вспомнили какого-то дьякона Ивана, обладавшаго недюжинными способностями къ живописи и промѣнявшаго ихъ на церковную службу; припомнили мелочного торговца съ поразительнымъ по силѣ и красотѣ голосомъ, попавшаго вмѣсто сцены за грязный прилавокъ; не забытъ былъ и настоятель приморскаго монастыря,—„инженеръ по природѣ",—просто и остроумно запрудившій бурливую горную рѣчку на удивленье ученымъ строителямъ.

Всѣ искренно изумлялись, какъ такіе талантливые люди не

могли своевременно понять своихъ дарованій и стать на настоящую дорогу.

— А по-моему, тутъ всему виною наше россійское разгильдяйство,—замѣтилъ господинъ желчной наружности, сидѣвшій насупротивъ хозяина.

Николай Никитичъ чуть замѣтно поморщился, отодвинулъ тарелку и, аккуратно вытеревъ усы, сказалъ:

— Помилуйте! При чемъ тутъ разгильдяйство? Мало ли какія обстоятельства бываютъ въ жизни, которыя отклоняютъ насъ отъ намѣченнаго пути. За доказательствами ходить не далеко. Я самъ, напримѣръ, въ юности готовился совсѣмъ къ другой профессіи и нашелъ свое призваніе, если хотите, совершенно случайно. Такъ, по крайней мѣрѣ, утверждаетъ моя матушка, которая и до сихъ поръ глубоко убѣждена, что я лечу больныхъ единственно лишь потому, что мнѣ „не судьба" заняться чѣмъ-либо инымъ.

— Полноте, Николай Никитичъ! Вы шутите,—запротестовали присутствующіе:—вы такой преданный наукѣ профессоръ, такой вѣрящій въ медицину хирургъ, и вдругъ сдѣлались врачомъ случайно?! Позвольте вамъ не повѣрить.

— А между тѣмъ, друзья мои, я сказалъ вамъ сущую правду. И еслибы вы знали исторію моей предшествующей жизни, вы сами подтвердили бы, что я ни іоты не прибавилъ для краснаго словца.

— Господа! Идея!—вскричалъ молоденькій ассистентъ Николая Никитича, очень любившій витіеватыя фразы:—Въ виду окончанія обѣда, будемъ просить любезнаго амфитріона продолжить наше удовольствіе изложеніемъ своей біографіи.

— Просимъ, просимъ!—дружно отозвались обѣдавшіе.—Пожалуйста, Николай Никитичъ! разскажите! Это, навѣрное, очень интересно.

Егорьевскій криво усмѣхнулся.

— Да, конечно, интересно. Только не дай Богъ никому этого пережить.

Онъ на минуту примолкъ и задумался.

По выразительному, подвижному лицу его заходили грустныя тѣни; межъ красивыхъ черныхъ бровей глубоко залегла рѣзкая морщина; кроткіе синіе глазки засверкали недобрымъ огонькомъ; углы крупнаго, но правильно очерченнаго рта страдальчески опустились книзу.

Видно было, что не сладкія воспоминанія пробуждаются въ профессорѣ, всегда спокойномъ и благодушномъ.

Собравшись съ мыслями, Николай Петровичъ налилъ себѣ въ стаканъ воды и заговорилъ слегка взволнованнымъ голосомъ.

II.

— Я, господа, сынъ простого сельскаго священника одной изъ захолустныхъ губерній.

Всѣ мои предки—и по отцу, и по матери—принадлежали исключительно къ духовному званію.

Въ нашей семьѣ до сихъ поръ хранится, какъ святыня, старинный пергаментный свитокъ, на которомъ записана вся наша родословная, начиная съ конца пятнадцатаго вѣка.

Во главѣ этого списка, подъ затѣйливою заставкою, зачертанъ крупнымъ „полууставомъ“ нѣкій попъ Тимоѳей, Ивановъ сынъ, служившій „Шелонской пятины у церкви святого Егорья, что на Красномъ Куту“.

По мѣсту службы этого пращура мы и получили, вѣроятно, прозвище Егорьевскихъ.

Изъ десяти сыновей попа Тимоѳея двое были архимандритами, трое—діаконами, четыре—іереями, и только одинъ сплоховалъ и остался пономаремъ въ родномъ своемъ Красномъ Куту.

Слѣдующіе родоначальники нашей фамиліи, вплоть до моего отца, неизмѣнно носили пресвитерскій или діаконскій санъ.

Старшій и единственный братъ мой Костя, окончивъ курсъ въ духовной академіи, также облекся въ рясу и состоитъ протоіереемъ при одной изъ столичныхъ церквей.

И на меня, съ первыхъ же дней рожденія, вся родня смотрѣла какъ на будущую духовную персону.

Чуть, бывало, раскапризничаешься или заплачешь, сейчасъ тебя и начинаютъ утѣшать.

— Полно, Коленька! полно, миленькій! Успокойся! Вотъ, дастъ Богъ, выростешь, станешь попомъ и дѣлай, что̀ хочешь. А теперь не кричи, не тревожь папочку: у него голова болитъ.

Подъ вліяніемъ такихъ наставленій, я и самъ мало-по-малу проникался убѣжденіемъ, что, придя въ возрастъ, непремѣнно вступлю въ число служителей церкви, и съ удовольствіемъ уже мечталъ о томъ, какъ одѣну широкіе рукава, отрощу длинные волосы и буду величаться „батюшкою“.

Сказать по правдѣ, меня влекли къ этому не однѣ семейныя традиціи, которыхъ, разумѣется, я тогда еще и не понималъ, но и личные вкусы, и наклонности.

Я, напримѣръ, страстно любилъ тогда всякія церковныя церемоніи и обряды.

Стòитъ, бывало, сторожу Изоту ударить въ колоколъ, какъ я уже стремглавъ бѣгу къ отцу и, умильно заглядывая въ глаза, спрашиваю:

— Папочка! Можно и мнѣ съ вами пойти?

А наканунѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней я обходилъ обыкновенно всѣхъ домашнихъ и убѣдительно просилъ разбудить меня къ заутренѣ.

Особенно настойчиво приставалъ я съ этими просьбами къ тетѣ Сашѣ, старой дѣвѣ, великой постницѣ и богомолкѣ.

— Да вѣдь рано вставать, Коленька, надо,—всякій разъ пробуетъ она отговориться:—ты лучше поспи!

Но я зналъ слабую струнку тети Саши. Обоймешь ее ручонкой, притиснешься щекой къ щекѣ и начнешь шептать:

— Тетечка! Миленькая! Хорошенькая! разбуди, пожалуйста! Хочешь, я передъ тобой на колѣнки стану?

— Ну, ну, дурачокъ! къ чему это?—тихонько усмѣхнется она своей доброй улыбкой:—разбужу и такъ, коли ужъ очень желаешь.

И съ пяти до восьми лѣтъ я не проспалъ ни одного утренняго богослуженія.

Въ церкви я проходилъ всегда въ алтарь и становился съ правой стороны, у несгораемаго денежнаго ящика, на которомъ можно было посидѣть, когда устанешь.

Садился я, впрочемъ, очень рѣдко: только во время каѳизмъ, перваго часа и апостола, т.-е. тогда, когда присаживался и отецъ.

За дѣйствіями послѣдняго я слѣдилъ вообще очень внимательно и во всемъ старался подражать.

Отецъ преклонитъ колѣна предъ престоломъ, и я припадаю лицомъ къ полу и высматриваю изъ-подъ руки, скоро ли онъ окончитъ молитву и начнетъ подниматься?

Отецъ читаетъ поминанья, и я вполголоса поминаю „о здравіи и спасеніи“ папочку, мамочку, братца Костю, дядю Васю, тетю Сашу, тетю Дашу, и такъ какъ мой помянникъ оказывается значительно короче, то, подумавъ, включаешь, бывало, въ него и своихъ четвероногихъ друзей: собачку Бобочку и кошку Муху.

— Зачѣмъ же ты звѣрей-то поминаешь?—спросилъ меня однажды отецъ, услышавъ послѣднія имена.

— А какъ же, папочка?—отвѣчалъ я:—ты самъ вѣдь го-

ворилъ намъ съ Костей, что и у животныхъ душа есть. Надо, значитъ, и за нихъ Богу молиться.

Помню, съ какимъ удивленіемъ и вмѣстѣ восторгомъ взглянулъ на меня отецъ.

— Ну, молись, молись, глупёнышъ!—погладилъ онъ меня по головѣ и прибавилъ про себя:—можетъ быть, ты и правъ,—кто знаетъ? Ты, Господи, многое утаилъ еси отъ премудрыхъ и разумныхъ и явилъ младенцамъ.

Любимой забавой моей была игра „въ обѣдню".

Въ старомъ, заброшенномъ омшаникѣ я устроилъ цѣлую церковь. Опрокинутый вверхъ дномъ ящичекъ изображалъ престолъ; истрепанный и закапанный воскомъ часословъ шелъ за евангеліе; крестъ былъ связанъ изъ лучинокъ, а ризу замѣняла поношенная шаль тети Саши.

Накинувъ на плечи это убогое облаченіе, я произносилъ нараспѣвъ обычный возгласъ.

Костя, исполнявшій всегда обязанности псаломщика, звонкимъ дискантомъ выводилъ:

— А-минь.

Далѣе шли всевозможныя прошенія, которыя я тутъ же бойко импровизировалъ, не стѣсняясь особенно содержаніемъ и заботясь лишь о томъ, чтобы на концѣ стояло: „Господу помолимся", или „у Господа просимъ".

„Вѣрую", „Достойно", „Отче нашъ" и другія знакомыя молитвы мы пѣли вмѣстѣ и довольно вѣрно.

Отслуживъ одну обѣдню, принимались тотчасъ же за вторую, третью и совершали ихъ иногда до десяти подъ-рядъ.

— Тебѣ бы, Николашка, на городское кладбище поступить,—шутилъ иногда отецъ:—большія бы ты, братецъ мой, деньги нажилъ.

Въ осенніе и зимніе дни, когда въ омшаникѣ играть уже холодно, я забирался въ жарко-натопленную комнатку тети Саши и, усѣвшись на лежанкѣ, съ упоеніемъ слушалъ разныя „житія" и „сказанія", которыхъ у набожной дѣвицы былъ неисчерпаемый запасъ.

Разсказы смѣнялись обыкновенно пѣніемъ.

Тетя Саша очень любила всякіе „каноны" и „стихиры" и знала церковное осмогласіе не хуже заправскаго дьячка.

— А, нутка, Коленька, давай на первый гласъ,—скажетъ, бывало, она и начинаетъ пріятнымъ голоскомъ: „Вече-ерні-я на-ши мо-ли-ит-вы".

Сначала мы поемъ съ нею вдвоемъ; потомъ приходитъ Костя,

который уже готовится въ духовное училище и по утрамъ занимается съ отцомъ; наконецъ, появляется и самъ папочка съ дешевенькой скрипкой подъ мышкой, и у насъ составляется цѣлый хоръ.

Не только родные, но и всѣ мѣстные клирошане смотрѣли на меня какъ на будущаго духовнаго отца.

Молодой, щеголеватый дьяконъ Калина Васильичъ, большой балагуръ и насмѣшникъ, снисходительно величалъ меня „попёнкомъ".

А старый псаломщикъ Львовичъ, поступившій на службу еще при крѣпостномъ правѣ и считавшій грѣхомъ замѣнить пиджакомъ свой подрясникъ и остричь сѣдую косицу, совершенно серьезно называлъ меня „батей" и „отцомъ Николаемъ".

Встрѣчаясь со мною, онъ поспѣшно сдергивалъ съ головы порыжѣлую плюшевую шляпёнку, помнившую, по словамъ дьякона, нашествіе Батыя, и, складывая руки ковшичкомъ, скороговоркой отчеканивалъ:

— Именемъ Господнимъ благослови, отче!

Впрочемъ, Львовичъ выкидывалъ и болѣе чудныя штуки.

Однажды онъ попросилъ отца отслужить панихиду на могилкѣ покойной жены, которую звалъ страннымъ именемъ: „Пятиалтынный".

— Двадцать лѣтъ сегодня, отче, какъ скончался мой „Пятиалтынный",—счелъ долгомъ пояснить старикъ.

Отецъ накинулъ ряску и тотчасъ же пошелъ на кладбище, а я, по обычаю, увязался за ними.

По дорогѣ кто-то остановилъ отца, и я одинъ пришелъ къ невысокому зеленому бугорку, подъ которымъ непробуднымъ сномъ спала старая дьячиха.

Львовичъ уже ожидалъ насъ, помахивая дымящимся кадиломъ.

— Ну, что жъ, отецъ Николай, начинай, что ли!—пошутилъ старикъ.

Нисколько не смущаясь, я смѣло провозгласилъ:

— Благословенъ Богъ нашъ всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ.

— Аминь,—шутливо откликнулся дьячокъ.

— Гласъ осмый—аллилуіа,—увѣреннымъ голосомъ продолжалъ я, стараясь подражать отцу.

Львовичъ встрепенулся, какъ старый боевой конь, при звукѣ трубы, и, совершенно забывая, что „служитъ" съ мальчуганомъ, задребезжалъ старческимъ козелкомъ:

— Аллилуіа, аллилуіа, ал-ли-лу-і-а!

Панихида пошла гладко. Спѣли ужъ и „Молитву пролію ко Господу“, и „Со святыми упокой“, и „Надгробное рыданіе“.

При пѣніи „Вѣчной памяти“ Львовичъ расчувствовался, всхлипнулъ и поклонился въ землю, и тутъ только замѣтилъ, что отецъ стоитъ сзади и беззвучно смѣется.

Послѣ этого приключенія женская половина нашего семейства окончательно рѣшила, что мнѣ ужъ ни подъ какимъ видомъ не миновать теперь священнаго сана.

Вскорѣ произошло одно событіе,—въ сущности пустяшное,—которое, однако, истолковали какъ пророческое предуказаніе на мою будущность.

Отецъ получилъ какъ-то изъ консисторіи пакетъ, адресованный на имя священника „Николая“ Егорьевскаго.

Тутъ, очевидно, была простая описка канцеляриста, перемѣшавшаго имена Никиты и Николая, но мои мистически-настроенныя родственницы усмотрѣли въ ней таинственное, сверхъестественное откровеніе.

Подъ живымъ впечатлѣніемъ всѣхъ этихъ „пророчествъ“ и „предзнаменованій“, я и самъ, наконецъ, сталъ вѣрить, что мнѣ придется идти той же дорогой, которой уже нѣсколько вѣковъ брели мои предки.

Судьба, однако́, готовила для меня иное.

III.

Мой отецъ и въ настоящее время былъ бы замѣчательнымъ человѣкомъ, а сорокъ лѣтъ назадъ представлялъ собою положительную рѣдкость.

Скромный семинаристъ по образованію, онъ живо интересовался наукою и зорко слѣдилъ за всѣми новыми теченіями въ области мысли и знанія.

Стѣны его крошечнаго кабинетика сверху до низу украшены были самодѣльными полочками, сплошь заваленными книгами и брошюрами.

Книги были страстью отца. Онъ тратилъ на нихъ все, что̀ могъ урвать изъ скуднаго заработка, часто отказывая себѣ даже въ самомъ необходимомъ.

И зато какихъ только книгъ онъ не пріобрѣталъ!

Въ его библіотекѣ стояли рядомъ творенія святыхъ отцовъ и модные тогда трактаты Шлейермахера; церковная исторія Евсевія кесарійскаго и „Vie de Jésus“ Ренана; аскетическія пи-

санія Исаака Сирина и физіологическіе очерки Бюхнера и Молешота; тутъ же были проповѣди московскаго Филарета...

И, судя по многочисленнымъ замѣткамъ на поляхъ и особыхъ листахъ, вплетенныхъ между страницами, все это было весьма внимательно прочитано и продумано.

Книги, семья и церковь были единственными радостями отца.

Привыкшій къ тишинѣ кабинета, онъ избѣгалъ знакомствъ и посѣщалъ сосѣдей только въ случаяхъ самой крайней необходимости.

Какъ человѣку высоко-развитому, съ широкими, гуманными взглядами, ему трудно было сблизиться съ другими священнослужителями, умственный и нравственный уровень которыхъ мало возвышался надъ ихъ крестьянскою паствой. Ему противны были ихъ вѣчныя дрязги между собою, споры и ссоры изъ-за грошей, низкопоклонство и заискиванье предъ власть-имущими, жалобы на бѣдность и аккуратное въ то же время накопленіе капитальцевъ въ банкахъ и ссудо-сберегательныхъ кассахъ.

Не сходился отецъ и съ мѣстнымъ дворянствомъ. Чванство, узкая сословная партійность, полнѣйшее невѣжество, вынесенное изъ военныхъ и „привилегированныхъ" учебныхъ заведеній, были ему не пò-сердцу...

Одинъ лишь человѣкъ съумѣлъ заслужить довѣріе и дружбу моего родителя. Это былъ небогатый землевладѣлецъ Николай Николаевичъ Переверзевъ, помилованный и возвращенный на родину,—одинъ изъ декабристовъ.

Переверзевъ обучался тоже въ военной школѣ, но позже попалъ въ кружокъ университетской молодежи и, благодаря этому, не сдѣлался совсѣмъ „бурбономъ".

Обвиненный въ сношеніяхъ съ декабристами, онъ былъ разжалованъ и сосланъ въ одну изъ отдаленнѣйшихъ мѣстностей Сибири, гдѣ пробылъ слишкомъ тридцать лѣтъ. Здѣсь онъ столкнулся съ другими интеллигентными ссыльными, и они помогли ему докончить образованіе.

Также какъ и отецъ,—Николай Николаевичъ много читалъ, интересовался вопросами общественной и политической жизни и горой стоялъ за бѣдный народъ, который любилъ и зналъ въ совершенствѣ.

Переверзевъ жилъ всего въ полуверстѣ отъ нашего дома, и потому обыкновенно дня не проходило, чтобы онъ насъ не навѣстилъ. Чуть только свалитъ жаръ, ужъ и видишь вдали сгорбленную фигурку Николая Николаевича, который тихонько бре-

деть къ намъ своей странной шмыгающей походкой... Взойдя въ комнату, онъ привѣтливо здоровался, отпускалъ какую-нибудь шуточку и уходилъ съ отцомъ въ кабинетъ, гдѣ подолгу шла ихъ тихая бесѣда.

— Да ужъ вы тамъ не спите ли? — смѣется иногда матушка:—хоть покричали, поспорили бы, что-ли. А то васъ и слыхомъ не слыхать.

Не понимая истинныхъ причинъ обособленности отца, окрестное духовенство считало его гордецомъ и, конечно, мстило ему за это, какъ могло и умѣло.

Сталкиваться со своими собратьями было для отца истиннымъ наказаніемъ. Всякій разъ, когда приходилось ему появляться среди сослуживцевъ, его встрѣчали колкостями, насмѣшками, а порой и прямо грубою бранью.

Особенно отличался въ этомъ отношеніи благочинный отецъ Алексѣй Лебединскій.

До болѣзненности самолюбивый, Лебединскій требовалъ, чтобы его слово было закономъ для всего подчиненнаго духовенства.

— Я сказалъ, значитъ, и разсуждать не о чемъ, — говаривалъ онъ.

Умѣя снисходить къ человѣческимъ слабостямъ, отецъ добродушно относился къ этой претензіи благочиннаго, и въ личныхъ своихъ дѣлахъ никогда не возражалъ ему. Но стоило только затронуть интересы церкви, какъ отецъ горячо возставалъ на ихъ защиту.

И здѣсь онъ былъ строгъ и неумолимъ.

Еще въ самомъ началѣ своей службы, при первомъ же пріѣздѣ Лебединскаго для ревизіи церкви, отецъ заявилъ, что находитъ обременительнымъ для церковной кассы платить ему по двадцати-пяти рублей прогоновъ за пятиверстное разстояніе, какъ дѣлали его предшественники.

Благочинный убѣждалъ, грозилъ, но отецъ оставался непреклоннымъ и уплатилъ лишь то, что̀ слѣдовало по таксѣ.

Этимъ онъ нажилъ въ лицѣ отца Алексѣя непримиримаго врага.

При встрѣчахъ съ отцомъ, Лебединскій всегда издѣвался надъ нимъ, а за глаза просто ругалъ и, повидимому, чистосердечно называлъ его безпокойнымъ человѣкомъ...

Одна изъ такихъ встрѣчъ, оказавшая огромное вліяніе на всю мою послѣдующую жизнь, живо сохранилась въ моей памяти, хотя съ тѣхъ поръ прошло уже больше четверти вѣка.

IV.

Мнѣ только-что исполнилось восемь лѣтъ. Въ самый день моего рожденія отецъ получилъ отъ благочиннаго „увѣдомленіе", что на другой день въ нашемъ домѣ должно собраться все окружное духовенство, „для обсужденія нѣкоторыхъ, весьма важныхъ вопросовъ".

По установившемуся обычаю, подобныя собранія происходили поочередно у всѣхъ священниковъ, и отецъ, скрѣпя сердце, сталъ готовиться къ принятію незваныхъ гостей.

Въ сущности онъ не прочь былъ видѣть у себя сотоварищей, но его тяготили нѣкоторыя ихъ привычки, бывшія ему не по душѣ.

— Имъ весело, а у меня послѣ нихъ недѣлю голова болитъ,—говорилъ онъ.

Принялъ онъ гостей, однако, вѣжливо и въ изобиліи приготовилъ для нихъ любимыя яства и напитки.

Іереи и діаконы собрались къ назначенному часу очень аккуратно и первымъ дѣломъ сѣли закусить.

Застучали ножи и вилки, зазвенѣли рюмки и стаканы, послышались разныя застольныя прибаутки.

Подкрѣпившись вплотную, отцы перешли въ гостиную и приступили къ очереднымъ дѣламъ.

Засѣданіе открылъ отецъ Алексѣй.

Откашлявшись, онъ надѣлъ очки и, тяжело переводя духъ, прочелъ „секретный" консисторскій указъ, которымъ предлагалось духовенству обратить особое вниманіе на расколъ, „доселѣ нимало не ослабѣвающій", и изыскать „наиболѣе цѣлесообразныя мѣры къ обращенію заблуждающихся".

Окончивъ чтеніе, благочинный бережно сложилъ указъ и, отеревъ пестрымъ платкомъ вспотѣвшій лобъ, спросилъ:

— Ну, какъ же, отцы и братіе, что̀ теперь будемъ дѣлать?

Всѣ молчали.

Одни дипломатично выжидали, что̀ скажетъ самъ отецъ-благочинный; для другихъ—расколъ былъ доходъ, и они замкнули уста свои сознательно; третьи,—особенно усердно налегшіе на завтракъ,—ни о чемъ не въ состояніи были размышлять...

Для отца вопросъ о раскольникахъ не имѣлъ прямого значенія: среди его прихожанъ давно уже не было „заблуждающихся", и потому онъ тоже молчалъ.

Такъ продолжалось нѣсколько минутъ.

Наконецъ, благочинный нашелъ своевременнымъ нарушить общее. безмолвіе.

Поправивъ на груди ленточку, онъ разгладилъ широкую бороду и заговорилъ наставительнымъ тономъ:

— По моему разумѣнію, надо намъ, отцы, просить поддержки отъ свѣтскихъ властей. Чѣмъ мы можемъ бороться съ раскольниками? Убѣжденьями? Словомъ? Да развѣ ихъ проймешь какимъ-нибудь словомъ? Тутъ плеть да палка нужны. Вотъ встарину, бывало, ихъ живо въ единовѣріе обращали: начнутъ на морозцѣ холодной водой поливать,—и готово. Цѣлые монастыри такъ присоединялись. А нынѣ вездѣ мягкости пошли. Ну, расколъ и не ослабѣваетъ.

Дипломатичные батюшки согласились безъ возраженій; интересаны, которымъ такой выходъ былъ даже на руку, охотно къ нимъ примкнули, и тотчасъ же составлено было „постановленіе", въ указанномъ благочиннымъ духѣ.

Отецъ не проронилъ ни слова. Только когда пришла его очередь подписываться къ акту, онъ отложилъ перо въ сторону и, грустно вздохнувъ, сказалъ:

— Ахъ, отцы, отцы! Хорошо мы тутъ придумали, да ладно ли будетъ? Вспомните-ка, что̀ говорилъ петербургскій митрополитъ Григорій: „полицейскія мѣры—не ваши". Не строгостями, а искренней любовью и лаской должны мы привлекать къ себѣ сердца. Вотъ нашъ прямой и законный путь. А съ расколомъ бороться не хитро: дайте надлежащее образованіе нашему темному, невѣжественному народу да удовлетворите нѣкоторыя справедливыя его требованія, и всѣ эти поповцы и ѳедосѣевцы безъ слѣда исчезнутъ сами собою.

Не успѣлъ еще отецъ закончить своей маленькой, но прочувствованной рѣчи, какъ произошло нѣчто такое, чего я и сейчасъ не могу вспомнить безъ содроганія.

— Хорошо тебѣ такъ разсуждать,—закричали одни,—какъ у тебя раскольниковъ нѣтъ! А ты въ нашей шкурѣ побудь!

— Ишь ты, просвѣтитель какой нашелся!—возглашали другіе:—мало у насъ дѣла, такъ еще обученье себѣ навяжи! Небось, намъ жалованья-то за это не прибавятъ.

А благочинный, раздраженный неожиданнымъ противорѣчіемъ, изо всей силы стучалъ кулакомъ по столу и кричалъ громче всѣхъ:

— Супротивничать хочешь?! Ну, да не на таковскаго напалъ: я тебя живо въ бараній рогъ согну. Подписывайся безъ разговоровъ, или сейчасъ же поѣду и, кому слѣдуетъ, доложу, съ кѣмъ ты дружишь да какія книжки читаешь.

Бѣдный мой отецъ, до крови закусивши губы, трясущейся рукой подписалъ ненавистную ему бумагу.

Кое-какъ проводивъ гостей, отецъ скрылся въ кабинетѣ и не вышелъ ни къ чаю, ни къ ужину.

Я нѣсколько разъ заглядывалъ къ нему и постоянно заставалъ въ одномъ и томъ же положеніи: онъ сидѣлъ, откинувшись на спинку кресла, и крѣпко сжималъ руками запрокинутую назадъ голову.

А въ ту же ночь я былъ разбуженъ страшными, истерическими рыданіями, доносившимися изъ спальни отца.

— Зачѣмъ же ты подписывался, если это такъ волнуетъ тебя?—спрашивала мать, тщетно стараясь его успокоить.

— А ты?.. а дѣти?.. — прерывающимся голосомъ прошепталъ отецъ и зарыдалъ еще безутѣшнѣе.

А я, напуганный до послѣднихъ предѣловъ, забился съ головой подъ одѣяло и крѣпко затыкалъ пальцами уши, чтобы не слышать плача отца.

И тутъ-то вотъ впервые промелькнула въ моей дѣтской головёнкѣ мысль, которая потомъ такъ часто ко мнѣ возвращалась. Я думалъ:

„Когда я буду большой, я ни за что, ни за что не пойду въ батюшки“...

V.

Осенью Костю отвезли въ духовное училище, а черезъ годъ поступилъ туда и я.

Не имѣя никого знакомыхъ, мы все время проводили въ стѣнахъ заведенія и только на два лѣтнихъ мѣсяца возвращались опять къ родному очагу.

Вырвавшись на волю, мы,—какъ бѣглые изъ тюрьмы,—спѣшили упиться недолгой свободой. Цѣлыми днями пропадали мы изъ дома. Собирали ягоды, грибы, ловили рыбу, катались на лодкѣ, до изнеможенія играли съ крестьянскими ребятами въ городки и приходили домой только ѣсть, пить и спать.

Матушка частенько принималась брюзжать, что мы стали какіе-то холодные, и полчаса не хотимъ посидѣть съ родителями, но отецъ тотчасъ же останавливалъ ее.

— Полно, полно, Анюта! — говорилъ онъ: — дѣти десять мѣсяцевъ сидѣли взаперти; нужно же имъ отдышаться и набраться силъ. Пусть гуляютъ на здоровье!

И мы, разумѣется, пользовались этимъ разрѣшеніемъ со всѣмъ эгоизмомъ молодости, и среди веселыхъ утѣхъ не замѣтили, какъ надъ головой отца собралась новая гроза.

Я былъ уже въ третьемъ классѣ, когда неожиданно скончался нашъ епархіальный владыка.

Это былъ добродушный, симпатичнѣйшій старичокъ, котораго положительно все духовенство обожало и въ шутку звало „тятей".

На мѣсто его вскорѣ присланъ былъ новый преосвященный,— человѣкъ, повидимому, тоже не злой, но черезчуръ торопливый и безъ мѣры довѣрчивый къ своимъ приближеннымъ.

Раньше онъ былъ викаріемъ при одной изъ самыхъ богатыхъ архіерейскихъ каѳедръ и потому плохо зналъ счетъ деньгамъ. Это-то обстоятельство и причинило массу непріятностей многимъ изъ его подчиненныхъ, въ томъ числѣ и моему родителю.

Пріѣхавъ къ намъ, новый владыка сразу же приступилъ къ сооруженію трехъ громадныхъ зданій: свѣчного завода, женскаго училища и богадельни для престарѣлаго духовенства.

Все это, конечно, было безусловно полезно и необходимо, но стоило страшно дорого, такъ что въ концѣ-концовъ для покрытія расходовъ пришлось прибѣгнуть къ налогу на церковные капиталы.

Созвали епархіальный съѣздъ и, по предложенію архіерея, отчислили на окончаніе построекъ пятнадцать процентовъ со всѣхъ запасныхъ церковныхъ суммъ, не имѣющихъ особеннаго назначенія.

У отца хранилось при церкви всего около двухъ тысячъ рублей, которые онъ скапливалъ годами, мечтая обновить на нихъ свой ветхій уже храмъ. Къ сожалѣнію, нигдѣ о такомъ предназначеніи этихъ денегъ записано не было, и отцу предложили отчислить триста рублей на общеепархіальныя нужды.

Отецъ сталъ доказывать, что этотъ капиталъ не подлежитъ обложенію, что его уже разрѣшено израсходовать на ремонтъ церкви, но все было напрасно: благочинный, воспользовавшись довѣрчивостью архіерея, представилъ дѣло такъ, что отца обвинили въ неподчиненіи законнымъ распоряженіямъ властей и оштрафовали на двадцать-пять рублей, безъ внесенія, однако, въ послужной списокъ.

Чтобы сдѣлать ударъ еще больнѣе, Лебединскій прислалъ извѣщеніе объ этомъ какъ разъ въ день именинъ матери.

Мы сидѣли за обѣденнымъ столомъ, когда отцу подали толстый казенный пакетъ за красной сургучной печатью.

Извинившись предъ Переверзевымъ, который въ этотъ день

всегда обѣдалъ у насъ, отецъ нетерпѣливо разорвалъ конвертъ и быстро пробѣжалъ глазами мелкоисписанную бумагу.

И я видѣлъ, какъ съ послѣднею строкою сѣдѣющая голова отца опустилась на грудь и по худымъ, изможденнымъ щекамъ покатились жгучія слезы незаслуженной обиды.

— Полноте, батюшка, успокойтесь!—попробовалъ утѣшить его Переверзевъ:—стоитъ ли волноваться изъ-за такихъ пустяковъ? Деньги,—если позволите,—внесу за васъ я, а на представленіе къ наградамъ и дальнѣйшую службу вашу штрафъ этотъ не можетъ имѣть никакого вліянія: онъ вѣдь не впишется въ вашъ формуляръ.

— Ахъ, дорогой мой Николай Николаичъ!—отвѣчалъ отецъ:— да развѣ я о томъ скорблю? Ужъ вы-то должны меня знать. Неужели же вы думаете, что я хоть сколько-нибудь могу интересоваться тѣмъ, чѣмъ прикрыта моя голова?.. Я, слава Богу, выше еще этого. И денегъ мнѣ не жаль,—что̀ деньги! Обидно мнѣ за тѣхъ, которыхъ такъ ловко опутываютъ разные проходимцы, стоящіе между ними и нами. Мнѣ больно, что даже среди насъ,—служителей Высшей Правды и Любви,—трудно теперь найти безпристрастіе и справедливость. Вотъ что̀ гнететъ меня и возмущаетъ до слезъ.

Обѣдъ былъ испорченъ. Всѣ вышли изъ-за стола и разбрелись по своимъ угламъ. Костя отправился съ книгой на сѣновалъ, а я забрался въ глухой уголокъ нашего сада и, сидя подъ старой, развѣсистой липой, думалъ опять свою прежнюю думу:

„Когда я буду большой, я ни за что, ни за что не пойду въ батюшки“!...

VI.

Я учился превосходно. Всѣ четыре года, проведенные въ духовномъ училищѣ, я шелъ неизмѣнно первымъ ученикомъ и получилъ массу книгъ, похвальныхъ листовъ и тому подобнаго, безъ чего не могла обойтись тогдашняя педагогика.

Костя уступалъ мнѣ немногимъ.

Окончивъ ученье въ училищѣ, мы блестяще перешли въ семинарію и тамъ продолжали заниматься съ тѣмъ же успѣхомъ.

Среди семинарскихъ преподавателей было въ то время нѣсколько недюжинныхъ педагоговъ.

На первомъ планѣ стоялъ Григорій Михайлычъ Петровичъ, преподававшій теорію словесности и исторію литературы.

Невзрачной наружности, полуслѣпой, не напечатавшій самъ ни строчки, Петровичъ съумѣлъ, однако, такъ развить въ своихъ ученикахъ литературный вкусъ и способность владѣть перомъ, что многіе изъ нихъ стали впослѣдствіи въ ряды русскихъ литераторовъ и публицистовъ.

Къ сожалѣнію, Григорій Михайлычъ былъ нрава нѣсколько суроваго и мало доступенъ для насъ, какъ человѣкъ. Молодежь слегка побаивалась его и льнула больше къ другому преподавателю, Порфирію Антоновичу Воскресенскому, обучавшему насъ церковному пѣнію и музыкѣ.

Воскресенскій былъ кумиромъ семинаристовъ.

Почтенный старичокъ, съ длинными снѣжно-бѣлыми волосами, всегда гладко выбритый, онъ смотрѣлъ на насъ какъ на товарищей, держался очень просто, шутилъ, а въ рекреаціонное время любилъ иногда вмѣшаться и въ наши игры.

Начальство смотрѣло на него, кажется, какъ на юродиваго, но семинаристы любили его безъ памяти. Отъ Порфирія Антоновича у нихъ не было тайнъ. Ему говорили многое такое, что̀ скрывалось даже отъ близкихъ друзей.

И Порфирій Антоновичъ умѣло пользовался этимъ довѣріемъ. Онъ хранилъ наши секреты свято, но, зная ихъ, незамѣтно руководилъ и оберегалъ любившую его молодежь.

Порфирій Антоновичъ обязанъ былъ учить насъ церковному пѣнію и начальнымъ основаніямъ музыки, но, какъ истинный артистъ, занимался этими предметами очень мало. Подобно Петровичу, онъ стремился главнымъ образомъ къ тому, чтобы развить въ своихъ ученикахъ музыкальный вкусъ и надлежаще поставить слухъ и голоса. Поэтому-то на его урокахъ, вмѣсто монотонныхъ „знаменныхъ“ и „столповыхъ“ распѣвовъ, частенько раздавалась какая-нибудь арія...

Поступивъ въ семинарію, мы съ Костей тоже увлеклись этимъ старымъ артистомъ и подъ его вліяніемъ съ жаромъ стали заниматься пѣніемъ.

У Кости были уже задатки чуднаго баса, у меня образовывался недурной тенорокъ.

Мы съ любовью собирали всякія вокальныя пьесы, собственноручно переписывали ихъ и въ результатѣ составили очень порядочную нотную библіотеку.

Мы берегли ее, какъ зѣницу ока, и, отправляясь на каникулы, повезли, конечно, съ собой.

Въ первый же вечеръ мы спѣли отцу наши лучшіе нумера и услышали отъ него нѣсколько такихъ замѣчаній, которыя

сразу показали намъ, что отецъ—очень тонкій и знающій цѣнитель и любитъ пѣніе не меньше насъ.

Тогда мы принялись пѣть каждый день, и искренно радовались, что можемъ доставить хоть маленькое удовольствіе нашему милому, доброму, славному отцу.

Всѣ мы были веселы, довольны и никакъ не предполагали, что наше невинное занятіе принесетъ отцу такія непріятности, при воспоминаніи о которыхъ у меня и сейчасъ начинаетъ подниматься желчь.

VII.

Однажды отецъ послалъ Костю въ уѣздный городъ, чтобы получить небольшое жалованье, шедшее причту изъ казны, да кстати и отвезти какой-то важный документъ исправнику.

До города было всего пятнадцать верстъ, но Костя не возвращался очень долго.

Матушка начала безпокоиться и уже совѣтовала отцу послать нарочнаго на встрѣчу брату, какъ подскакалъ наконецъ и самъ виновникъ передряги, съ огромнымъ сверткомъ на лукѣ сѣдла.

Оказалось, что скромный, вѣжливый Костя очень понравился исправнику и приглашенъ былъ у него отобѣдать.

За столомъ онъ познакомился съ дочерями хозяина,—милыми, простодушными барышнями, которыя тоже увлекались пѣніемъ и имѣли громадный выборъ пьесъ.

Костя, разумѣется, не въ силахъ былъ уѣхать, пока не пересмотрѣлъ всѣхъ нотъ, и нѣкоторыя изъ нихъ,—съ разрѣшенія любезныхъ хозяекъ,—привезъ домой для переписки.

Несмотря на поздній часъ, мы сразу же принялись разбирать привезенный свертокъ и вскорѣ натолкнулись на чудное тріо Глинки, котораго еще не было въ нашемъ собраніи.

— Ахъ, какъ жаль, что нѣтъ у насъ третьяго голоса!—съ сожалѣніемъ вскричали мы:—вотъ сейчасъ бы и исполнили эту дивную вещицу.

Огорченіе наше, очевидно, было столь велико и такъ ярко написано на лицахъ, что отецъ усмѣхнулся и сказалъ:

— Ну, ну, не волнуйтесь попустому! Такъ и быть: давайте, ужъ я попробую спѣть среднюю партію.

Мы страшно обрадовались и чисто по-дѣтски кинулись обнимать отца.

Съ первой же поры дѣло пошло какъ нельзя лучше. Отецъ

свободно пѣлъ съ листа и къ тому же еще въ трудныхъ мѣстахъ умѣлъ ловко поддержать и направить и насъ.

Мы исполнили одну пьеску, другую, третью... и такъ разлакомились, что съ той поры каждый вечеръ стали приглашать отца спѣть что-нибудь съ нами.

Онъ не отказывался. Видно было, что ему и самому пріятно было соединять свой голосъ съ нашими и упиваться гармоничными звуками.

Недѣли три устраивали мы ежедневно такіе импровизированные концерты, какъ вдругъ въ одинъ воскресный вечеръ отецъ наотрѣзъ отказался пѣть.

Мы, конечно, были этимъ поражены и приступили къ нему съ разспросами.

Отецъ долго отмалчивался, но потомъ сдался на наши неотступныя просьбы и повѣдалъ слѣдующее:

Утромъ, послѣ обѣдни, подошла къ нему мѣстная помѣщица, генеральша Пушкарева, большая ханжа и сплетница, и очень ясно намекнула, что пастырю церкви Христовой не совсѣмъ-то прилично распѣвать модные романсы съ молодыми семинаристами.

— Жаль мнѣ огорчать васъ,—закончилъ отецъ,—но дѣлать нечего. Она—женщина съ огромными связями и много можетъ причинить вреда и мнѣ, и вамъ. Пойте ужъ одни!

Мы, разумѣется, пѣть перестали. Отецъ не напоминалъ намъ ни словомъ и только грустно-грустно смотрѣлъ на насъ по вечерамъ.

И я не въ силахъ былъ выдержать этого взгляда. Еле сдерживая слезы, я цѣлыми часами думалъ:

„Когда я буду большой, я ни за что, ни за что не пойду въ батюшки"!...

VIII.

Прошло еще два долгихъ года.

Я былъ въ четвертомъ классѣ, гдѣ заканчивалось тогда изученіе общеобразовательныхъ предметовъ; Костя слушалъ уже богословіе.

Въ это время родитель нашъ сталъ довольно часто прихварывать. Онъ, собственно, ни на что не жаловался, но у всѣхъ на глазахъ таялъ, какъ свѣча.

Не бывши никогда полнымъ, онъ исхудалъ до прозрачности, совсѣмъ почти не могъ ѣсть и сдѣлался до крайности слабосильнымъ. По ночамъ его мучили обильные поты, къ которымъ

присоединялось иногда нестерпимое колотье въ боку. Временами изъ горла показывалась свѣтлая, алая кровь.

Отецъ пользовался у мѣстныхъ врачей, но видимаго улучшенія не замѣчалось. Тогда, по настойчивымъ просьбамъ матери, онъ рѣшилъ посовѣтоваться со своимъ двоюроднымъ братомъ,— извѣстнымъ профессоромъ-терапевтомъ,—занимавшимъ каѳедру въ университетѣ того же города, гдѣ помѣщалась и наша семинарія.

Предупрежденные письмомъ, мы встрѣтили отца на вокзалѣ и были жестоко поражены тою страшной перемѣной, которая произошла въ немъ за какихъ-нибудь два мѣсяца нашей разлуки.

Отецъ замѣтилъ произведенное на насъ впечатлѣніе и слабо усмѣхнулся.

— Испугались?—сказалъ онъ.—Напрасно, друзья! Дѣло обычное. Всѣмъ намъ предстоитъ исполнить роковой законъ: „земля еси и въ землю отыдеши". Особенно бояться смерти нечего. Врядъ ли за гробомъ будетъ хуже, чѣмъ здѣсь.

— А наказаніе за грѣхи, папочка?—робко спросилъ Костя, только-что прошедшій въ догматикѣ отдѣлъ о мздовоздаяніи.

— Ахъ, ты, богословъ мой милый!—ласково потрепалъ его по плечу отецъ.—Ну, что̀ мы съ тобою можемъ знать здѣсь объ этомъ? Вѣдь все, что̀ мы читаемъ въ книгахъ, написано людьми и примѣнительно къ нашимъ человѣческимъ понятіямъ. А такъ ли посмотритъ на это нашъ будущій Судія—кто можетъ это сказать? Моисей и пророки рисовали Творца строгимъ и грознымъ, а пришелъ Онъ на землю и оказался Любовью совершенной, вонъ изгоняющей страхъ. И я вѣрю, что эта воплощенная, совершеннѣйшая Любовь все съумѣетъ понять и простить.

Отецъ предполагалъ прямо съ вокзала проѣхать къ дядѣ, но мы, видя его утомленіе, стали усердно просить сначала отдохнуть немножко у насъ. Онъ согласился, и Костя повезъ его въ нашу тѣсную каморку, которую мы снимали у стараго заштатнаго дьякона, а я отправился къ дядѣ, чтобы предупредить его о пріѣздѣ отца.

— Ты, смотри, дождись меня тамъ!—крикнулъ мнѣ въ догонку отецъ.—Вмѣстѣ поѣдемъ назадъ. Я нынче что-то боюсь безъ провожатыхъ.

IX.

У дяди я засталъ довольно многочисленное общество: это былъ его „день".

Обширная, богато обставленная гостиная была переполнена. Мундиры различныхъ вѣдомствъ и простые черные сюртуки перемѣшивались съ изящными туалетами молодыхъ и старыхъ дамъ.

Рѣдко бывая въ такихъ собраніяхъ, я нѣсколько сконфузился и, передавъ, что̀ слѣдовало, дядѣ, сѣлъ въ сторонку и съ любопытствомъ сталъ прислушиваться къ разговору.

А послушать здѣсь дѣйствительно было что̀. Дядя не терпѣлъ пустой салонной болтовни, и въ его присутствіи говорили всегда о предметахъ, имѣющихъ болѣе или менѣе общественный интересъ.

Никто, однако, этимъ не тяготился, и даже очень молоденькія барышни щебетали безъ умолку.

Я вдоволь уже наслушался всякихъ литературныхъ, научныхъ и политическихъ новостей, когда раздался наконецъ звонокъ, и въ комнатѣ появилась скромная фигура моего отца.

Всѣ какъ-то сразу съёжились и притихли.

Дядя представилъ отца кое-кому. Между прочимъ онъ подвелъ его къ толстому, гладко выбритому господину, въ щегольской черной визиткѣ.

— Пасторъ Эдельштейнъ, мой сотрудникъ по здѣшней нѣмецкой больницѣ,—отрекомендовалъ дядя.

Эдельштейнъ граціозно расшаркался.

Поговоривъ нѣсколько минутъ, дядя извинился и ушелъ съ отцомъ въ кабинетъ.

Не успѣли закрыться за ними двери, какъ въ гостиной опять загудѣла оживленная болтовня.

— Скажите, пожалуйста, почему вы замолчали, когда вошелъ батюшка? — спросилъ я свою сосѣдку, бойкую барышню лѣтъ двадцати.

Та вскинула на меня удивленные глаза.

— Помилуйте,—съ глубокимъ убѣжденіемъ въ голосѣ отвѣчала она: — да развѣ можно при нашихъ батюшкахъ о чемъ-нибудь говорить? Всѣ они малокультурные, отсталые, тяжелые. Еще какъ разъ на дерзость налетишь, а то и „до свѣдѣнія“ доведутъ.

— Какъ же вы при пасторѣ-то говорите? Онъ вѣдь такой же служитель Бога.

— Ну, нѣтъ. Батюшки—это совсѣмъ не то, а пасторъ—человѣкъ, какъ и всѣ! Видите, онъ даже и по наружности не отличается отъ насъ: такъ же одѣтъ, такъ же причесанъ, вездѣ бываетъ, гдѣ и мы. Это—свой человѣкъ.

— Но, можетъ быть, иной батюшка-то втрое образованнѣе и либеральнѣе вашего пастора?

— Очень можетъ быть. Однако при видѣ извѣстнаго мундира лучше быть поосторожнѣе.

Въ это время Эдельштейнъ поднялся и сталъ прощаться.

— Ахъ, вы уже покидаете насъ?—раздались восклицанія.— А я только-что хотѣлъ спросить вашего совѣта о моемъ концертѣ: вы — такой тонкій знатокъ въ этихъ дѣлахъ.

— Ахъ, какъ жаль, что вы спѣшите! Мнѣ очень бы нужно поговорить съ вами о нашихъ бѣдныхъ. Скажите, гдѣ мы можемъ увидѣться?

А пасторъ, самодовольно улыбаясь, раскланивался во всѣ стороны, цѣловалъ ручки дамъ и скрылся въ передней, сопровождаемый почти всѣми гостями.

Чрезъ нѣсколько времени вышелъ и отецъ и, отдавши общій поклонъ, тихо направился къ выходу.

И только я да дядя провожали его.

И мнѣ до боли стало жаль моего умнаго, честнаго, развитого отца.

„Чѣмъ виноватъ ты, бѣдняга,—думалось мнѣ,—что тебѣ нельзя точно также слиться съ твоей паствой? Вѣдь это было бы такъ естественно. Недаромъ еще великій знатокъ человѣческой души, апостолъ Павелъ, приглашая людей подражать Иліи, прежде всего подчеркнулъ, что этотъ пророкъ былъ человѣкъ „подобострастный намъ“.

И съ новой силой забродила во мнѣ старая мысль:

„Когда я буду большой, я ни за что, ни за что не пойду въ батюшки“!...

X.

Черезъ полгода нашъ отецъ умеръ.

Сколько горя, сколько мукъ душевныхъ и тѣлесныхъ пришлось испытать тогда и нашей несчастной матери!

Ее поспѣшили выселить изъ собственнаго дома, утверждая, что онъ церковный и долженъ быть переданъ замѣстителю отца.

У нея отобрали крошечный садикъ, разведенный руками еще нашего прадѣда и составлявшій для нея послѣдній источникъ средствъ къ существованію.

Лебединскій, перенесшій на нее свое нерасположеніе къ отцу, доносилъ о ней всякія небылицы начальству, и добился того, что ее—„за сварливый характеръ и неуваженіе къ благо-

чинному"—лишили даже ничтожнаго пособія изъ средствъ епархіальнаго попечительства.

Бѣдная женщина почти ослѣпла отъ непрестанныхъ слезъ и близка была къ душевной болѣзни. Ее спасла только твердая, живая вѣра, въ которой находила она силу переносить и свою тяжкую нужду, и всѣ эти незаслуженныя обиды и оскорбленія.

Въ нашемъ обширномъ сельскомъ храмѣ не было, кажется, ни одной, даже самой маленькой, иконы, передъ которой не плакала бы обездоленная вдова, прося себѣ помощи и заступленія.

И я видѣлъ все это, невыразимо страдалъ за мать и ничѣмъ не могъ ей помочь.

И тутъ я окончательно рѣшилъ:

„Нѣтъ, я ни за что, ни за что не пойду въ батюшки"!...

XI.

И я не пошелъ.

Понемногу сталъ я склонять матушку разрѣшить мнѣ поступить въ университетъ.

Несмотря ни на что, несчастная, измученная женщина сначала и слышать ничего не хотѣла: для нея, рожденной, выросшей и состарѣвшейся въ духовной средѣ, не было другого свѣта въ окошкѣ, какъ свой кружокъ.

Но я не унывалъ, и мало-по-малу моя добрая старушка сдалась на мои неотступныя просьбы.

Всплакнувъ въ послѣдній разъ, она перекрестила меня, поцѣловала и сказала:

— Ну, Господь съ тобой! Иди, куда хочешь! Видно, не-судьба быть тебѣ въ рясѣ!

Я, конечно, воспользоваться разрѣшеніемъ не замедлилъ. Чуть ли не на другой же день я покинулъ семинарію, выдержалъ экзаменъ на аттестатъ зрѣлости и поступилъ въ университетъ.

Я еще не чувствовалъ тогда особеннаго влеченія къ наукѣ Гиппократа, и медицинскій факультетъ выбралъ по совѣту дяди.

— Ужъ если не хотѣлъ быть врачомъ душъ, такъ учись лечить тѣло,—сказалъ мнѣ дядюшка и, плутовато подмигнувъ, прибавилъ:—оно, пожалуй, и поинтереснѣй будетъ, чѣмъ ваши тамъ гомилетики да патристики.

Я послушался дяди, и очень скоро увлекся своимъ предметомъ.

Особенно понравилась мнѣ хирургія,—эта медицина будущаго, и я—говорю, не рисуясь,—полюбилъ ее со страстью.

Я сталъ прилежнѣе заниматься ею, и тутъ вотъ ясно почувствовалъ, что нашелъ наконецъ истинное свое призваніе.

XII.

Университетскіе годы промчались быстро.

Я окончилъ курсъ cum eximia laude и былъ оставленъ при университетѣ, гдѣ позже получилъ и каѳедру.

И вотъ я—докторъ, профессоръ.

Я—человѣкъ совершенно свободный: вожу знакомство, съ кѣмъ хочу; читаю, что̀ мнѣ нравится; до сихъ поръ пою аріи; въ обществѣ меня не чураются...

Однимъ словомъ, я чувствую себя счастливымъ, и всегда благодарю судьбу, что она столкнула меня съ пути моихъ предковъ...

Николай Никитичъ замо́лкъ, поникъ головою и вновь посмотрѣлъ на гостей своимъ прежнимъ, ласкающимъ взглядомъ...

М. Ѳ. Лубинскій.

И. С. ТУРГЕНЕВЪ

и

КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ

I.

И. С. Тургеневъ принадлежалъ къ тѣмъ избранникамъ, которые, по его же словамъ, „говоря намъ о добротѣ и нравственности, о человѣческомъ достоинствѣ и чести, собственною жизнью подтверждали истину своихъ словъ“ [1]). Эта гармонія между проповѣдью и дѣломъ, чувствомъ и его проявленіемъ съ особенной яркостью выступаетъ у Тургенева въ его отношеніяхъ къ крестьянскому вопросу, къ мужику-земледѣльцу.

Еще до первой своей поѣздки за границу (1838 г.) Иванъ Сергѣевичъ вдоволь насмотрѣлся на крутые и жестокіе порядки, царившіе въ имѣніяхъ его матери. Уже тогда, по его признанію, сложилась у него ненависть къ крѣпостному праву. „Она,—писалъ онъ,—между прочимъ была причиной тому, что я, возросшій среди побоевъ и истязаній, не осквернилъ руки своей ни однимъ ударомъ,—но до „Записокъ Охотника“ было далеко. Я былъ просто мальчикъ—чуть не дитя“ [2]). Несмотря, однако, на молодость и безпомощность передъ неукротимымъ самовластіемъ своей матери, Варвары Петровны, которую онъ, къ тому же, любилъ еще непоколебленной дѣтской любовью, Иванъ Сергѣе-

[1]) Отзывъ Тургенева о Грановскомъ.
[2]) Первое собраніе писемъ, стр. 233.

вичъ однимъ своимъ присутствіемъ дѣйствовалъ на деспотизмъ помѣщицы смягчающимъ образомъ. Очевидецъ разсказываетъ, какъ „доброта его (Тургенева) иногда и безъ всякой борьбы подчиняла волю даже и Варвары Петровны. При немъ она была совсѣмъ иная, и потому въ его присутствіи все отдыхало, все жило. Его рѣдкихъ посѣщеній ждали, какъ блага. При немъ мать не только не измышляла какой-нибудь вины за кѣмъ-либо, но даже и къ настоящей винѣ относилась снисходительнѣе; она добродушествовала какъ бы ради того, чтобы замѣтить выраженіе удовольствія на лицѣ сына".

Какъ и когда впервые зародилась у Тургенева мысль о несправедливости окружавшихъ порядковъ, мы можемъ судить по разсказу его „Пунинъ и Бабуринъ", полному автобіографическихъ подробностей. Сцена прощанія двѣнадцатилѣтняго мальчика съ изгоняемыми „филантропами изъ разночинцевъ", очевидно, имѣла мѣсто въ дѣйствительности: „Уже сидя въ тарантасѣ, Бабуринъ обратился, наконецъ, ко мнѣ и, нѣсколько смягчивъ обычную строгость своего лица, промолвилъ: „Урокъ вамъ, молодой господинъ: помните нынѣшнее происшествіе и, когда выростете, постарайтесь прекратить таковыя несправедливости. Сердце у васъ доброе, характеръ пока еще неиспорченный... Смотрите, берегитесь: этакъ вѣдь нельзя"! Сквозь слезы, обильно струившіяся по моему носу, по губамъ, по подбородку, я пролепеталъ, что буду... буду помнить, что обѣщаюсь... сдѣлаю... непремѣнно... непремѣнно"...

За время своего берлинскаго студенчества (1838 — 1840) Иванъ Сергѣевичъ осмыслилъ свою вражду къ крѣпостному праву, внесъ въ нее элементъ сознательности. Но значеніе этого факта не слѣдуетъ, однако, преувеличивать. Крестьянскій вопросъ въ Пруссіи въ то время далеко еще не былъ разрѣшенъ мало-мальски удовлетворительно: вотчинная юстиція и полиція помѣщиковъ оставались неприкосновенными, о какихъ-либо выкупныхъ учрежденіяхъ не было и рѣчи; обезземеленіе крестьянъ шло ускореннымъ ходомъ. Да и вообще всѣми этими вопросами нѣмецкіе образованные кружки почти не интересовались. Берлинскій университетъ конца тридцатыхъ годовъ стоялъ слишкомъ далеко отъ политической жизни, а если иногда и затрогивалъ ее, то обыкновенно не сходя съ почвы строгаго консерватизма. Ивану Сергѣевичу приходилось поэтому касаться крестьянскаго вопроса лишь въ бесѣдахъ со своими соотечественниками—Невѣровымъ, Станкевичемъ и Грановскимъ, да и то рѣдко. Недаромъ одинъ изъ его товарищей по берлинскому университету, баронъ І. Ф.,

писалъ позднѣе: „Я не слыхалъ, чтобы онъ (Тургеневъ) когда-либо высказывалъ (въ то время) горячія надежды или желанія по поводу отмѣны крѣпостного права, какъ многіе нынѣ утверждаютъ“ [1]). Несомнѣнно, однако, что изъ Берлина Иванъ Сергѣевичъ вернулся сознательнымъ противникомъ крестьянской неволи, и до „Записокъ Охотника“ было уже недалеко.

Годы (1841—1846), проведенные Тургеневымъ на родинѣ до второй его поѣздки за границу, были временемъ наибольшаго интереса правительства императора Николая I къ судьбѣ земледѣльческаго населенія, были періодомъ „секретныхъ комитетовъ“, обсуждавшихъ положеніе крѣпостныхъ. Изъ шести комитетовъ Николаевскаго царствованія на эти годы пришлось четыре, изъ которыхъ первый и послѣдній (второй и пятый по общему счету) подняли вопросъ о крѣпостномъ правѣ во всемъ его объемѣ. За это время былъ изданъ и рядъ указовъ, смягчавшихъ участь владѣльческихъ крестьянъ: въ 1841 г. воспрещено продавать крѣпостныхъ людей отдѣльно отъ семействъ, а въ 1843 г. — безъ земли. Въ 1842 г. (2 апрѣля) обнародованъ былъ указъ объ „обязанныхъ крестьянахъ“; въ 1844 г.—указъ, облегчавшій отпускъ на волю дворовыхъ. Всѣ эти мѣропріятія, особенно законъ 2 апрѣля 1842 г., волновали не одинъ помѣщичій классъ и обсуждались, хотя и осторожно, въ кружкѣ Бѣлинскаго, члены котораго были, къ тому же, хорошо освѣдомлены о планахъ и толкахъ правительственныхъ лицъ по крестьянскому вопросу, чтò видно, напримѣръ, изъ декабрьскаго письма Бѣлинскаго къ Анненкову, 1847 г. [2]). Тургеневъ, разумѣется, не былъ въ сторонѣ отъ подобныхъ дружескихъ бесѣдъ, тѣмъ болѣе, что еще въ концѣ 1842 года, при опредѣленіи своемъ на службу въ особенную канцелярію министра внутреннихъ дѣлъ, подалъ записку на девятнадцати страницахъ, подъ названіемъ: „Нѣсколько замѣчаній о русскомъ хозяйствѣ и о русскомъ крестьянинѣ“ [3]).

Если до поѣздки своей въ Берлинъ Иванъ Сергѣевичъ относился къ фактамъ крѣпостного права пассивно, хотя тогда еще питалъ къ нимъ враждебность, то, по возвращеніи на родину, онъ выступилъ противъ нихъ уже въ качествѣ активнаго борца. Борьба эта продолжалась вплоть до 1861 года, но въ ней необходимо различать два періода: первый — до смерти матери (1850 г.) и второй—до манифеста 19 февраля; послѣдній—съ

[1]) „Русская Старина“, 1884, кн. 5, стр. 393.

[2]) „Анненковъ и его друзья“, 599 и слѣд.

[3]) Записку эту видѣлъ П. И. Бартеневъ у С. В. Лазаревскаго. Къ сожалѣнію, содержаніе ея остается неизвѣстнымъ. См. „Русскій Архивъ“, 1894, II, 547.

значительно лучшими результатами. Въ первый періодъ, онъ, какъ писатель, нападъ на крѣпостное право „Записками Охотника", а какъ помѣщикъ всякими способами старался сдерживать жестокій деспотизмъ своей матери. Столкновенія съ Варварой Петровной повели лишь къ разрыву между ними. Иванъ Сергѣевичъ не имѣлъ юридическаго права распоряжаться судьбою Тургеневскихъ крестьянъ, такъ какъ помѣстья принадлежали Варварѣ Петровнѣ и перешли къ ней отъ Лутовиновыхъ. „Отецъ мой былъ человѣкъ бѣдный,—писалъ впослѣдствіи Иванъ Сергѣевичъ, — онъ оставилъ всего 130 душъ, разстроенныхъ и не дававшихъ дохода, а насъ было трое братьевъ. Имѣніе моего отца слилось съ имѣніями моей матери, женщины своевольной и властолюбивой, которая одна давала намъ—а иногда и отнимала у насъ — средства къ жизни. Ни ей, ни намъ въ голову не приходило, что это ничтожное имѣніе (я говорю про отцовское)—не ея. Я прожилъ три года (1847—1850) за границей, не получая отъ нея ни копѣйки,—и все-таки не подумалъ потребовать свое наслѣдство; впрочемъ, это наслѣдство—за выдѣломъ того, что̀ слѣдовало моей матери, какъ вдовѣ, и того, что̀ приходилось на долю братьямъ,—немногимъ бы превысило нуль" [1]).

Гораздо успѣшнѣе была борьба Тургенева съ крѣпостными порядками на почвѣ литературной. „Записки Охотника", особенно тѣ изъ нихъ, которыя были написаны въ 1847 году, не прошли незамѣченными для публики. Однако, желаемое впечатлѣніе эти разсказы произвели только тогда, когда они были изданы отдѣльной книгой; то-есть, въ сущности, настоящій успѣхъ и литературнаго протеста Тургенева надо искать во второй изъ указанныхъ періодовъ активной борьбы его съ главнымъ „врагомъ" своимъ. Впечатлѣніе, произведенное „Записками Охотника" на всѣ слои образованнаго общества, было значительно, хотя изданіе и раскупалось довольно медленно; графиня Ростопчина сказала Чаадаеву: „Voilà un livre incendiaire". П. В. Анненковъ сообщаетъ, что онъ зналъ „вельможу очень образованнаго и гуманнаго, не мало способствовавшаго и облегченію узъ нашей печати, который до конца своей жизни думалъ, что успѣхомъ своей книги Тургеневъ обязанъ французской манерѣ возбужденія одного сословія противъ другого" [2]). И. С. Аксаковъ писалъ въ октябрѣ 1852 г. Ивану Сергѣевичу: „Я самъ перечитываю теперь „Записки Охотника" (въ отдѣльномъ изданіи), и не понимаю,

---

[1]) Первое собр. пис., 233—234.

[2]) „Вѣстникъ Европы", 1884, кн. 2, стр. 465.

какимъ образомъ Львовъ рѣшился пропустить ихъ. Это стройный рядъ нападеній, цѣлый батальный огонь противъ помѣщичьяго быта". Отставка цензора Львова, послѣдовавшая вскорѣ послѣ выхода отдѣльнымъ изданіемъ „Записокъ Охотника", долгое время объяснялась, несмотря на опроверженія, его снисходительностью къ книгѣ Тургенева [1]. Многіе до сихъ поръ думаютъ, будто отдѣльное изданіе „Записокъ Охотника" было даже главной причиной ареста и ссылки Ивана Сергѣевича. Дѣло въ дѣйствительности обстояло иначе. Тургеневъ былъ посаженъ подъ арестъ 16-го апрѣля 1852 года, а 6-го іюня онъ писалъ Аксакову уже изъ мѣста ссылки: „Мои „Записки Охотника" совсѣмъ готовы, и билетъ на ихъ выпускъ выданъ; однако, мы съ Кетчеромъ рѣшились подождать" [2] (изданіе было подарено авторомъ нуждавшемуся тогда Кетчеру). Эти строки ясно показываютъ, что ни отдѣльное изданіе, ни первое появленіе разсказовъ на протяженіи трехъ лѣтъ не могли вызвать ареста и ссылки Тургенева. Настоящая причина указана самимъ Иваномъ Сергѣевичемъ въ его воспоминаніяхъ о Гоголѣ.

Благотворное вліяніе „Записокъ Охотника" на императора Александра II надо считать несомнѣннымъ, но и здѣсь фактъ передается обыкновенно не совсѣмъ правильно. Съ легкой руки коротенькой выписки „Историческаго Вѣстника" (1883, № 11, стр. 457) изъ „Холмско-Варшавскаго Епархіальнаго Листка" Тургеневу приписываютъ слѣдующее свидѣтельство: будто императоръ лично сказалъ Ивану Сергѣевичу, что „съ тѣхъ поръ, какъ онъ, государь, прочелъ „Записки Охотника", его ни на минуту не оставляла мысль о необходимости освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости". Выписанное мѣсто не вызвало сомнѣній даже у спеціалиста по исторіи крестьянскаго вопроса, В. И. Семевскаго. Но здѣсь мы имѣемъ дѣло просто съ неправильной передачей словъ Тургенева. Гонкуръ въ своемъ дневникѣ подъ 2-мъ марта 1872 г. записалъ это свидѣтельство Ивана Сергѣевича въ иной, уже, конечно, болѣе правильной редакціи: „Императоръ Александръ *велѣлъ сказать* мнѣ, что моя книга была *одним изъ главныхъ* двигателей его рѣшенія" („L'Empereur Alexandre m'a fait dire que la lecture de mon livre a été un des grands motifs de sa détermination" [3]).

Послѣ выхода отдѣльнаго изданія „Записокъ Охотника" по-

[1]) См. въ „Русскомъ Архивѣ" 1879 (№ 11, стр. 389) письмо Хомякова къ Ю. Самарину отъ 1 сент. 1852 г.

[2]) „Вѣстникъ Европы", 1894, янв., стр. 334.

[3]) „Journal des Goncourt", V, 24.

явились разсказы: „Муму“, „Постоялый дворъ“ и „Собственная господская контора“, еще сильнѣе нападавшіе на помѣщичій бытъ. Но эти очерки имѣли менѣе распространенія въ публикѣ, а потому и дѣйствіе ихъ не могло сравняться со впечатлѣніемъ отъ „Записокъ Охотника“, которыя въ 1859 году вышли вторымъ (отдѣльнымъ) изданіемъ, а въ 1860 году — третьимъ (въ собраніи сочиненій).

На сколько успѣшна была борьба съ крѣпостнымъ правомъ въ области художественнаго творчества за десятилѣтіе, предшествовавшее крестьянской реформѣ, на столько же плодотворна она была для Тургенева и на чисто практической почвѣ. Въ 1850 году умерла его мать, и Иванъ Сергѣевичъ сдѣлался полновластнымъ хозяиномъ значительныхъ земель, доставшихся ему послѣ Варвары Петровны и послѣ раздѣла съ братомъ. „Безъ сомнѣнія,—пишетъ В. И. Семевскій,—не малый матеріалъ для бичеванія съ разныхъ сторонъ крѣпостного права доставило Тургеневу жестокое отношеніе его родителей къ своимъ крѣпостнымъ. Въ концѣ 1850 года эти крѣпостные вздохнули свободнѣе: мать Тургенева, наконецъ, умерла, и Иванъ Сергѣевичъ, вернувшись изъ-за границы въ доставшееся ему вмѣстѣ со старшимъ братомъ Николаемъ родовое имѣніе, немедленно отпустилъ всѣхъ своихъ дворовыхъ на волю и перевелъ на оброкъ пожелавшихъ этого крестьянъ. Но все-таки его крестьяне тогда не были освобождены изъ крѣпостного состоянія, какъ то можно было ожидать отъ человѣка, давшаго „аннибаловскую клятву“ противъ крѣпостного права; быть можетъ, Тургеневъ предполагалъ, что безъ его защиты они сдѣлаются добычею алчности мѣстной администраціи: не даромъ эту мысль онъ влагаетъ въ уста одного изъ героевъ его разсказа „Хорь и Калинычъ“; но возможно и то, что, желая поскорѣе вновь уѣхать за границу, онъ пугался тѣхъ ужасныхъ проволочекъ, съ которыми совершалось освобожденіе крестьянъ цѣлыми вотчинами, т.-е. переходъ ихъ въ свободные хлѣбопашцы“ [1]). Второе предположеніе В. И. Семевскаго мы должны отвергнуть на основаніи письма Тургенева къ П. Віардо отъ 1-го (13) мая 1852 года. Сообщая ей о своемъ арестѣ и высылкѣ въ деревню, Иванъ Сергѣевичъ писалъ, что теперь ему „надо окончательно проститься со всякой надеждой поѣхать за границу. Впрочемъ,—продолжаетъ онъ,—я никогда не обманывалъ себя на этотъ счетъ: оставляя васъ, я хорошо зналъ, что разстаюсь надолго, если не навсегда“. Пер-

---

[1]) „Крестьянскій вопросъ въ Россіи“, II, 292—293.

все же дѣйствительно вѣрное предположенiе В. И. Семевскаго можно подтвердить и другими фактами. Тургеневу былъ, напримѣръ, извѣстенъ результатъ освобожденiя крестьянъ села Бѣломута Н. П. Огаревымъ. Отпустивъ въ сороковыхъ годахъ своихъ крѣпостныхъ на волю, поэтъ-эмигрантъ поставилъ ихъ въ худшее положенiе, чѣмъ они были до того [1]). По справедливому замѣчанiю профессора Градовскаго, въ то до-реформенное время благополучiе государственныхъ крестьянъ было ничтожно по сравненiю съ участью большинства крѣпостныхъ [2]), и послѣднiе, выигрывая при оставленiи помѣщика зауряднаго, теряли, выходя изъ-подъ власти образованнаго и сердечнаго. „Аннибаловская клятва“ поэтому могла заставить освободить своихъ крестьянъ при убѣжденiи въ безрезультатности этой мѣры въ то время развѣ только формалиста или человѣка, трусливо пасующаго передъ недоброжелательной кличкой. Къ счастью, Тургеневъ заботился болѣе о своихъ крѣпостныхъ, чѣмъ о прiобрѣтенiи популярности, и его крестьянамъ жилось поэтому лучше, чѣмъ освобожденнымъ по закону 1803 или 1842 годовъ. Даже враждебно настроенный противъ Ивана Сергѣевича его бывшiй дворовый, Ѳ. Б—нъ, въ своихъ воспоминанiяхъ о немъ, помѣщенныхъ въ журналѣ Каткова, такъ свидѣтельствуетъ объ отношенiи крѣпостныхъ къ Тургеневу: „Крестьяне называли его „хорошимъ бариномъ“, „добрымъ бариномъ“, „батюшкой“, выражаясь иногда: „Гуторятъ люди, что нашъ-то слѣпой (Иванъ Сергѣевичъ не разставался съ pince-nez) прiѣхалъ и ужъ ушелъ съ Дьянкой на поваранкѣ“... „Что, вы довольны моимъ управляющимъ?“—обыкновенно спрашивалъ Иванъ Сергѣевичъ своихъ крестьянъ, когда прiѣзжалъ въ Спасское и созывалъ „сходку“, „мiръ“ крестьянъ. „Очень довольны, батюшка ты нашъ, Иванъ Сергѣевичъ“, —отвѣчали каждый разъ мужики... „Вонъ, нашъ батюшка, слѣпой-то, съ ружьемъ и съ Дьянкой по нашему овсу зашагалъ!.. Знать въ Пришнiй ай на Сѣчки за зайцами тянетъ“.—„Чаво въ Пришнiй, ихъ и по овсу не мало, только стрѣляй!“—замѣчалъ другой“ [3]). А В. П. Боткинъ любилъ разсказывать про него слѣдующiй характерный анекдотъ: „Ѣдетъ онъ (Тургеневъ), однажды, въ *своемъ* экипажѣ, на *своихъ* лошадяхъ изъ Спасскаго къ сосѣду и спѣшитъ. На козлахъ у него сидитъ *свой* кучеръ и *свой* лакей, крѣпостные. Ѣхали, ѣхали, долго ли, ко-

[1]) См. „Анненковъ и его друзья“, стр. 114—115 и „Крестьянскiй вопросъ“ Семевскаго, II, 227—231.

[2]) „Русское государственное право“, I, 253—254.

[3]) „Русскiй Вѣстникъ“, 1885, кн. I, стр. 361—362.

ротко ли, вдругъ перестали „спѣшить",—стали. Иванъ Сергѣевичъ думаетъ — нужно оправить сбрую: нѣтъ, никто не слѣзаетъ къ лошадямъ, или тамъ по надобности. Подождалъ онъ, подождалъ, смотритъ—играютъ въ карты, да!.. кучеръ и лакей играютъ въ карты... Что же онъ? Прикрикнулъ? Или хоть сказалъ что-нибудь?—Нѣтъ, онъ забился въ уголъ коляски и сидитъ, молчитъ. А тѣ играютъ. Когда кончили, тогда и поѣхали. —Правда, Иванъ Сергѣевичъ?—заключилъ Боткинъ, развеселясь къ концу своего разсказа. — Пошелъ наговоры плести!—защищался Тургеневъ,—самъ выдумалъ, теперь и радъ.—Нѣтъ, *ты*, ты самъ, не мнѣ одному, *признавался*!—опять закипалъ Боткинъ, напирая на каждое слово и каждое слово подчеркивая взмахомъ пенснэ" [1]).

Что же касается враговъ великаго писателя, то мало ли чего не говорили они при жизни Ивана Сергѣевича, пока даже крупные факты его біографіи были извѣстны очень немногимъ. Разсказывали, напримѣръ, что онъ не исполнилъ духовнаго завѣщанія своей матери, по которому всѣ крестьяне, будто бы, отпускались на волю; что онъ одно время держалъ у себя насильно крѣпостную любовницу, въ чемъ г-жа Бичеръ-Стоу публично его изобличила, и т. д. Послѣднюю сплетню Иванъ Сергѣевичъ вложилъ даже въ уста Суханчиковой („Дымъ"): „Я про Тентелеева (Тургенева) еще лучше анекдотъ знаю. Онъ, какъ всѣмъ извѣстно, былъ ужаснѣйшій тиранъ со своими людьми, хотя тоже выдавалъ себя за эманципатора. Вотъ онъ разъ въ Парижѣ сидитъ у знакомыхъ, и вдругъ входитъ мадамъ Бичеръ-Стоу,—ну, вы знаете, Хижина дяди Тома. Тентелеевъ человѣкъ ужасно чванливый, сталъ просить хозяина представить его; но та, какъ только услыхала его фамилію: „Какъ?"—говоритъ:— „смѣть знакомиться съ авторомъ Дяди Тома?" Да хлопъ его по щекѣ!—„Вонъ!"—говоритъ,—„сейчасъ!"—И что же вы думаете? Тентелеевъ взялъ шляпу, да поджавши хвостъ и улизнулъ.— Ну, это, мнѣ кажется, преувеличено, — замѣтилъ Бамбаевъ.— „Вонъ!"—она ему точно сказала, это фактъ; но пощечины она ему не дала. — Дала пощечину, дала пощечину!—съ судорожнымъ напряженіемъ повторила Суханчикова:—я не стану пустяковъ говорить".

---

[1]) „Русскій Вѣстникъ" 1890, VII, 16.

II.

Будучи убѣжденъ, что серьезныя улучшенія въ крестьянскомъ быту могутъ быть созданы только правительственными реформами, а не усиліями отдѣльныхъ личностей, Тургеневъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ открытаго почина со стороны верховной власти, чтобы примкнуть къ освободительному движенію, насколько позволятъ обстоятельства. Рескриптъ 20 ноября 1857 года на имя генералъ-губернатора Назимова, съ котораго начинаютъ обыкновенно оффиціальную исторію освобожденія крестьянъ, сдѣлался извѣстенъ Ивану Сергѣевичу одновременно съ циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ 24 ноября объ открытіи губернскихъ комитетовъ и съ рескриптомъ о томъ же петербургскому дворянству 8 декабря 1857 года. Всѣ эти распоряженія дошли до Тургенева въ концѣ того же 1857 года. Иванъ Сергѣевичъ тогда жилъ въ Римѣ, гдѣ въ то время находились и кн. В. А. Черкасскій, В. П. Боткинъ, гр. Н. Я. Ростовцевъ, Смирнова, кн. Д. Оболенскій и другіе. „Первыя вѣсти о намѣреніи правительства освободить крестьянъ застали насъ въ Римѣ,—писалъ позднѣе Тургеневъ:—и мы, подъ вліяніемъ этихъ вѣстей, устроили сходки, на которыхъ обсуждались всѣ стороны жизненнаго вопроса, произносили рѣчи—особеннымъ краснорѣчіемъ отличался кн. Черкасскій". Проживавшая тогда въ „Вѣчномъ городѣ" великая княгиня Елена Павловна, при своей общительности и отзывчивости, особенно много содѣйствовала этимъ сходкамъ и преніямъ, тѣмъ болѣе, что она сама занята была въ то время вопросомъ объ освобожденіи и устройствѣ крестьянъ въ полтавскомъ своемъ имѣніи Карловкѣ. „Великая княгиня—единственный здѣсь источникъ всякихъ журналовъ русскихъ,—писалъ въ январѣ 1858 года изъ Рима кн. Черкасскій,—и я также пользуюсь ея крохами, но все-таки этого мало, газеты нѣтъ ни одной, а о посольствѣ нашемъ и толковать нечего: оно считаетъ излишнимъ получать хоть одну печатную русскую строчку. Присутствіе здѣсь великой княгини полезно еще въ томъ отношеніи, что, по крайней мѣрѣ, замѣняетъ безпрестанно и скоро получаемыми ею изъ Петербурга извѣстіями политическій отдѣлъ русскихъ газетъ, и вмѣстѣ даетъ возможность судить о томъ, какъ смотрятъ на все теперь совершающееся въ высшихъ оффиціальныхъ кругахъ Петербурга. Ко мнѣ она до сихъ поръ любезна до крайности, и во всѣхъ своихъ разговорахъ съ русскими стоитъ горою за освобожденіе крестьянъ и *притомъ съ землею*".

Въ январѣ 1858 года великой княгинѣ былъ представленъ и Тургеневъ. О своихъ встрѣчахъ съ нею Иванъ Сергѣевичъ такъ писалъ Анненкову ($^{19}/_{31}$ января): „Изъ нихъ (новыхъ знакомствъ) упомяну великую княгиню Елену Павловну, съ которой я уже имѣлъ нѣсколько длинныхъ разговоровъ. Она—женщина умная, очень любопытствующая и умѣющая разспрашивать и не стѣснять; на концѣ каждаго ея слова сидитъ какъ бы штопоръ— и она все пробки изъ васъ таскаетъ: оно лестно, но подъ конецъ немного утомительно".

Настроеніе русскаго кружка, взволнованнаго радостной вѣстью, особенно ярко отражается въ слѣдующихъ строкахъ письма В. П. Боткина къ Фету изъ Италіи: „Духъ захватываетъ, когда думаешь о томъ, какое великое дѣло дѣлается теперь въ Россіи. Съ тѣхъ поръ, какъ я прочелъ въ „Nord" рескриптъ и распоряженіе о комитетахъ,—въ занятіяхъ моихъ произошелъ рѣшительный переломъ,—уже ни о чемъ другомъ не думается и не читается, и постоянно переносишься мыслью въ Россію. Да, и даже вѣчная красота Рима не устояла въ душѣ, когда заговорило въ ней чувство своей родины". Тургеневъ вполнѣ раздѣлялъ это радостное настроеніе, что̀ однако не заставляло его смотрѣть только на однѣ свѣтлыя стороны начавшагося движенія. Въ письмѣ къ Герцену отъ 7 января (нов. ст.) 1858 г. онъ сообщалъ между прочимъ: „Въ Россіи готовятся весьма серьезныя вещи. Два рескрипта и третій о томъ же Игнатьеву произвели въ нашемъ дворянствѣ тревогу неслыханную, подъ наружной готовностью скрывается самое тупое упорство и страхъ и скаредная скупость; но уже теперь назадъ пойти нельзя—le vin est tiré—il faut le boire". Эта темная струя замѣчалась даже въ маленькомъ кружкѣ русскихъ, собравшихся вокругъ великой княгини. По крайней мѣрѣ, въ январьскомъ письмѣ кн. Черкасскаго къ Кошелеву, изъ котораго мы сдѣлали выписку, находимъ и слѣдующія строки: „Вообще же нельзя сказать, чтобы мысль эта (объ освобожденіи крестьянъ *съ землей*) нравилась здѣсь всѣмъ нашимъ соотечественникамъ. На дняхъ О. (кн. Д. Оболенскій?), говорятъ, написалъ большое письмо молодой императрицѣ, гдѣ указываетъ ей на мнимыя опасности начинающагося преобразованія, достаточно, по его мнѣнію, раскрывающіяся изъ радости либеральной партіи! Вотъ какіе у насъ премудрые государственные люди, и какъ они становятся дальновидны, какъ скоро начинаютъ бояться за свои доходы"... Если съ одной стороны такія свѣдѣнія имѣлись о дворянахъ, враждебно настроенныхъ противъ крестьянской реформы, то съ другой стороны не

совсѣмъ успокоительныя извѣстія приходили къ Ивану Сергѣевичу и о той части землевладѣльцевъ, которые отнеслись вполнѣ сочувственно къ планамъ правительства. „Несмотря на искреннее желаніе почти всѣхъ порядочныхъ людей, переломъ засталъ насъ совершенно врасплохъ, — писалъ С. Т. Аксаковъ 20 декабря 1858 г. Тургеневу изъ Москвы,—у насъ ничего нѣтъ готоваго: ни мѣстныхъ свѣдѣній, ни статистическихъ описаній, ни экономическихъ плановъ, никакихъ предварительныхъ трудовъ, и что̀ всего хуже—нѣтъ согласія между собою. Корабль тронулся, и у насъ закружилась голова. Мы не только не столковались между собою, но мы еще и не думали о дѣлѣ серьезно. Письменное и еще болѣе изустное слово имѣютъ теперь большое значеніе; теперь надобно говорить направо и налѣво, объяснять трудный и запутанный предметъ и по возможности упрощать его пониманіе“ [1]).

Выходомъ изъ всѣхъ этихъ затрудненій представлялось Ивану Сергѣевичу самое широкое гласное обсужденіе поднятаго правительствомъ вопроса. Девятаго января (ст. ст.) Тургеневъ и прочелъ въ русскомъ кружкѣ записку, горячо доказывавшую необходимость основанія особаго журнала, который не менѣе любого учрежденія могъ бы помогать верховной власти въ намѣченныхъ реформахъ. Въ этомъ журналѣ должны быть сосредоточены всѣ указы и распоряженія правительства по крестьянскому вопросу съ одной стороны, а съ другой—свободное обсужденіе всѣхъ сторонъ реформы въ видѣ ли научныхъ статей, или въ видѣ простыхъ справокъ, корреспонденцій и проч. Названіе журнала должно бы быть самое простое, напримѣръ: „Хозяйственный указатель“. О судьбѣ своей записки Иванъ Сергѣевичъ передавалъ потомъ: „Если я не ошибаюсь, кн. Черкасскій взялъ ее съ собою съ намѣреніемъ представить ее на разсмотрѣніе предержащихъ властей; но все это найдено было „рановременнымъ“, какъ выражались въ ту эпоху“. Въ настоящее время можно, однако, сказать съ достовѣрностью, что проектированный журналъ, еслибъ получилъ оффиціально-руководящую роль, не поспѣвалъ бы за ходомъ работъ и, конечно, скорѣе затягивалъ бы ихъ, чѣмъ ускорялъ. Въ самомъ дѣлѣ, уже первая мысль о подобномъ журналѣ повлекла за собою совѣтъ „Записки“ отложить созывъ губернскихъ комитетовъ на полгода. Но въ это время русскимъ кружкомъ, ютившимся около великой

---

[1]) „Русское Обозрѣніе“ 1894, № 12, стр. 595.

княгини Елены Павловны, отрицательная сторона проекта не могла быть замѣчена, и онъ одобрилъ записку Тургенева [1]).

Съ выѣздомъ изъ Рима кончились попытки Ивана Сергѣевича повліять непосредственно на ходъ реформы. Въ слѣдующіе годы онъ является передъ нами лишь чуткимъ и интереснымъ наблюдателемъ отдѣльныхъ характерныхъ фактовъ великаго движенія. Въ активной же роли онъ выступаетъ только въ своихъ имѣніяхъ. Изъ Италіи Тургеневъ выѣхалъ въ серединѣ марта (ст. ст.), побывалъ въ Вѣнѣ, въ Парижѣ; въ началѣ іюня пріѣхалъ въ Петербургъ, а недѣли черезъ двѣ—въ Спасское. Во время недолгаго своего пребыванія въ Парижѣ Иванъ Сергѣевичъ несомнѣнно дѣлился своими радостями и тревогами по поводу наступавшей реформы съ Николаемъ Ивановичемъ Тургеневымъ. Послѣдній, такъ долго и такъ нетерпѣливо ожидавшій освобожденія крестьянъ, подъ вліяніемъ правительственныхъ указовъ конца 1857 г., прервалъ свое десятилѣтнее литературное молчаніе и работалъ въ это время надъ брошюрой „Пора!“. Въ ней онъ доказывалъ неудобство переходныхъ, подготовительныхъ мѣръ, необходимость и выгодность мѣръ быстрыхъ и рѣшительныхъ, невозможность выкупа ни правительствомъ, ни самими крестьянами, и предлагалъ безвозмездную уступку имъ небольшихъ надѣловъ. По вопросу о „переходномъ“ времени Иванъ Сергѣевичъ вполнѣ соглашался съ знаменитымъ изгнанникомъ, но въ дѣлѣ крестьянскаго выкупа онъ съ нимъ расходился.

Ко времени пріѣзда Тургенева на родину тамъ уже были открыты почти всѣ губернскіе комитеты. Девятаго іюля 1858 года Иванъ Сергѣевичъ писалъ кн. Черкасскому: „На другой же день послѣ моего пріѣзда (въ Спасское) я поскакалъ въ Орелъ, въ надеждѣ застать тамъ комитетскіе выборы, но они уже были кончены—весьма скверно, какъ оно и слѣдовало ожидать: благородное дворянство выбрало людей самыхъ озлобленно-отсталыхъ,—и едва-ли не единственнымъ представителемъ прогресса въ орловскомъ комитетѣ, какъ и въ другихъ комитетахъ, будетъ лицо, назначенное правительствомъ, а именно Ржевскій. Въ странное время мы живемъ. Слышанныя мною въ Орлѣ и другихъ мѣстахъ слова и мнѣнія представляютъ мало отраднаго; впрочемъ, qui vivra—verra!“ [2]). Но въ это время, какъ и въ слѣдующее, 1859 года, проведенное Тургеневымъ въ Спасскомъ

---

[1]) Записка Тургенева напечатана въ сентябрьской книжкѣ „Русской Старины“ за 1883 годъ.

[2]) „Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго“, I, кн. 1, стр. 127, прим.

же, онъ наблюдалъ не за одними помѣщиками. Въ равной степени Иванъ Сергѣевичъ интересовался и настроеніемъ крѣпостныхъ наканунѣ реформы. „Крестьяне передъ разлукой съ „господами“, — писалъ онъ Аксакову 22 октября 1859 года,—становятся, какъ говорится у насъ, казаками—и тащутъ съ господъ все, что могутъ: хлѣбъ, лѣсъ, скотъ и т. д. Я это вполнѣ понимаю,—но на первое время въ нашихъ мѣстахъ исчезнутъ лѣса, которые всѣ продаютъ теперь съ остервенѣніемъ,—ничего: лѣсъ выростетъ—и уже не кое-гдѣ и не кое-какъ, а по указаніямъ науки“ [1]). Въ „Отцахъ и дѣтяхъ“ свои наблюденія надъ крестьянами и помѣщиками за лѣто 1859 года (время дѣйствія романа) Тургеневъ изобразилъ въ слѣдующей невеселой картинкѣ: „А между тѣмъ жизнь не слишкомъ красиво складывалась въ Марьинѣ, и бѣдному Николаю Петровичу приходилось плохо. Хлопоты по фермѣ росли съ каждымъ днемъ—хлопоты безотрадныя, безтолковыя. Возня съ наемными работниками становилась невыносимою. Одни требовали расчета или прибавки, другіе уходили, забравши задатокъ; лошади заболѣвали; сбруя горѣла, какъ на огнѣ; работы исполнялись небрежно; выписанная изъ Москвы молотильная машина оказалась негодною по своей тяжести; другую съ перваго разу испортили; половина скотнаго двора сгорѣла, оттого что слѣпая старуха изъ дворовыхъ въ вѣтряную погоду пошла съ головешкой окуривать свою корову... правда, по увѣренію той же старухи, вся бѣда произошла оттого, что барину вздумалось заводить какіе-то небывалые сыры и молочные скопы. Управляющій вдругъ облѣнился и даже началъ толстѣть, какъ толстѣетъ всякій русскій человѣкъ, попавшій на „вольные хлѣба“. Завидя издали Николая Петровича, онъ, чтобы заявить свое рвеніе, бросалъ щепкой въ пробѣгавшаго мимо поросенка или грозился полунагому мальчишкѣ, а впрочемъ больше спалъ. Посаженные на оброкъ мужики не взносили денегъ въ срокъ, крали лѣсъ; почти каждую ночь сторожа ловили, а иногда съ бою забирали крестьянскихъ лошадей на лугахъ „фермы“. Николай Петровичъ опредѣлилъ-было денежный штрафъ за потраву, но дѣло обыкновенно кончалось тѣмъ, что, постоявъ день или два на господскомъ кормѣ, лошади возвращались къ своимъ владѣльцамъ. Къ довершенію всего мужики начали между собою ссориться: братья требовали раздѣла, жены ихъ не могли ужиться въ одномъ домѣ; внезапно закипала драка, и все вдругъ поднималось на ноги, какъ по командѣ, все сбѣгалось передъ

[1]) „Новое Время“ 1900, № 8626.

крылечко конторы, лѣзло къ барину, часто съ избитыми рожами, въ пьяномъ видѣ, и требовало суда и расправы; возникалъ шумъ, вопль, бабій хныкающій визгъ вперемежку съ мужской бранью. Нужно было разбирать враждующія стороны, кричать самому до хрипоты, зная напередъ, что къ правильному рѣшенію все-таки придти невозможно. Не хватало рукъ для жатвы: сосѣдній однодворецъ, съ самымъ благообразнымъ лицомъ, порядился доставить жнецовъ по два рубля съ десятины и надулъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ; свои бабы заламывали цѣны неслыханныя, а хлѣбъ, между тѣмъ, осыпался, а тутъ съ косьбой не совладѣли, а тутъ Опекунскій Совѣтъ грозится и требуетъ немедленной и безнедоимочной уплаты процентовъ...—Силъ моихъ нѣтъ!— не разъ съ отчаяніемъ восклицалъ Николай Петровичъ. — Самому драться невозможно, посылать за становымъ—не позволяютъ принципы, а безъ страха наказанія ничего не подѣлаешь! — Du calme, du calme, — замѣчалъ на это Павелъ Петровичъ, а самъ мурлыкалъ, хмурился и подергивалъ усы". При оцѣнкѣ этого мѣста романа необходимо, однако, имѣть въ виду, что авторъ до нѣкоторой степени характеризуетъ здѣсь порядки Спасскаго, которое находилось тогда подъ недобросовѣстнымъ управленіемъ дяди его—Николая Николаевича Тургенева. Послѣдній часто старался взваливать собственные грѣшки на крестьянъ, и эти махинаціи дяди-управляющаго сдѣлались ясными племяннику лишь нѣсколько лѣтъ спустя. Тѣмъ не менѣе, хозяйство въ Спасскомъ носило много чертъ типичныхъ для той переходной эпохи, и эти особенности не скрылись отъ наблюденій Ивана Сергѣевича.

Славный 1861 годъ засталъ Тургенева въ Парижѣ, гдѣ авторъ „Записокъ Охотника" былъ въ тѣсномъ общеніи съ тѣми изъ русскихъ, которые зорко слѣдили за событіями на родинѣ (Н. И. Тургеневъ, кн. Волконскій—декабристъ, кн. Н. И. Трубецкой, графиня де-Сиркуръ и др.). Незамѣнимымъ въ дѣлѣ сообщенія новостей былъ, однако, для Ивана Сергѣевича П. В. Анненковъ, проживавшій тогда въ Петербургѣ. Послѣднему онъ писалъ 15 (27) февраля: „Когда мое письмо къ вамъ дойдетъ, вѣроятно, уже великій указъ,—указъ, ставящій царя на такую высокую и прекрасную ступень, выйдетъ. О, еслибы вы имѣли благую мысль извѣстить меня объ этомъ телеграммой. Но во всякомъ случаѣ я твердо надѣюсь, что вы найдете время описать мнѣ вашимъ энциклопедически-панорамическимъ перомъ состояніе города Питера наканунѣ этого великаго дня и въ самый день. Я ужасно на себя досадую, что я раньше не попросилъ

васъ о телеграммѣ. Но я еще утѣшаю себя надеждою, что вы сами догадаетесь". Получивъ отъ Анненкова просимую телеграмму, Иванъ Сергѣевичъ писалъ ему 6 (18) марта: „Спасибо за депешу, отъ которой у насъ у всѣхъ головы кругомъ пошли. Но, къ сожалѣнію, ничего положительно неизвѣстно объ *условіяхъ* новаго Положенія. Толки ходятъ разные. Ради Бога, пишите мнѣ, что̀ и какъ у васъ все это происходитъ. Вѣроятно я теперь раньше вернусь въ Петербургъ, чѣмъ предполагалъ... Сюда прислалъ кто-то напечатанный экземпляръ Положенія, но его никакъ поймать невозможно. Теперь болѣе чѣмъ когда-либо надѣюсь на вашу дружбу и жду отъ васъ писемъ... Передайте всѣ ваши впечатлѣнія—все это теперь вдвойнѣ дорого. Здѣсь русскіе бѣсятся: хороши представители нашего народа! Дай Богъ здоровья Государю. Судя по тому, что̀ здѣсь говорится, мы бы никогда ничего путнаго не дождались. Бѣшенство безсилья отвратительно, но еще болѣе смѣшно... Не могу ни о чемъ другомъ писать. Я весь превратился въ ожиданіе". Получивъ же подробное описаніе первыхъ дней послѣ объявленія манифеста, въ которомъ Анненковъ особенно подчеркивалъ спокойствіе и тишину, съ которой былъ принятъ манифестъ, отсутствіе бурныхъ восторговъ и патріотическихъ движеній, Тургеневъ писалъ въ отвѣтъ (3 (15) апрѣля): „Съ нѣкоторыхъ поръ народы какъ будто дали себѣ слово удивлять современниковъ и наблюдателей—и русскій народъ, и въ этомъ отношеніи, едва-ли не перещеголялъ всѣхъ своихъ сверстниковъ. Да, удивилъ онъ насъ, хотя, подумавъ и приглядѣвшись,—увидишь, что нечему было удивляться; это всегда случается послѣ такъ называемыхъ необыкновенныхъ событій и доказываетъ только нашу близорукость. Сдѣлайте божескую милость, продолжайте извѣщать насъ о состояніи умовъ въ Россіи. Здѣсь господа русскіе путешественники очень взволнованы и толкуютъ о томъ, что ихъ ограбили (изъ Положенія рѣшительно не видать, какимъ образомъ ихъ грабятъ!), но принимаютъ мѣры къ устроенію своихъ дѣлъ. Вѣроятно, въ нынѣшнемъ же году превратится въ Россіи барщинная работа. Въ прошлое воскресенье мы затѣяли благодарственный молебенъ въ здѣшней церкви—и священникъ Васильевъ произнесъ намъ очень умную и трогательную рѣчь, отъ которой мы всплакнули. (NB. Много ушло изъ церкви до молебна). Передо мной стоялъ Н. И. Тургеневъ—и тоже утиралъ слезы; для него это было въ родѣ: „нынѣ отпущаеши раба Твоего"... Тутъ же находился старикъ Волконскій (декабристъ). „Дожили до этого

великаго дня"—было въ умѣ и на устахъ у каждаго. Сгораю жаждою быть въ Россіи".

Всѣми наблюденіями, всѣми получаемыми новостями по крестьянскому вопросу Тургеневъ спѣшилъ дѣлиться съ Герценомъ, который передавалъ ихъ читателямъ своего журнала. Слѣдующее письмо Ивана Сергѣевича, напримѣръ, вошло почти дословно въ № 94 „Колокола" („15-го марта. Послѣднія извѣстія"): „Вчера получены здѣсь (т.-е. въ Парижѣ) письма отъ разныхъ оффиціальныхъ лицъ (Головнина и др.) объ окончаніи крестьянскаго вопроса. *Главныя основанія* редакціонной коммиссіи приняты; переходное время будетъ продолжаться два года (а не 9 и не 6), надѣлъ остается весь, съ правомъ выкупа. Плантаторы въ Петербургѣ и здѣсь въ ярости неизъяснимой: здѣсь они кричатъ, что проектъ не либеральный, сбивчивый и т. д. Мнѣ обѣщали доставить сегодня одинъ уже отпечатанный экземпляръ Положенія, который прислали изъ Петербурга. Спишу главные пункты и пошлю тебѣ. Манифестъ (написанный Филаретомъ) выйдетъ въ то воскресенье, т.-е. черезъ 9 дней. Государю приходилось по инымъ пунктамъ быть въ меньшинствѣ 9 человѣкъ противъ 37. Самыми либеральными людьми въ этомъ дѣлѣ оказались: Константинъ Николаевичъ, Блудовъ, Ланской, Бахтинъ и Чевкинъ. Выбивается медаль со словомъ: *благодарю* и съ вензелемъ Государя, которая будетъ раздана отъ имени Государя всѣмъ членамъ коммиссій, комитетамъ и т. д. Воображаю, какъ иные ее примутъ. Плантаторы потому такъ взбеленились, что въ послѣднее время распространились слухи о принятіи Гагаринскаго проекта, т.-е. $^1/_4$ надѣла и т. д. Впрочемъ, говорятъ, и въ печатномъ экземплярѣ это находится въ примѣчаніи, comme une chose facultative". „Посылаю тебѣ копію съ письма Анненкова",—читаемъ въ другомъ посланіи Тургенева къ Герцену,—„писаннаго на другой день великаго дня, т.-е. 6-го марта. Оно, ты увидишь, любопытно. До сихъ поръ телеграммы (печатныя и частныя) единогласно говорятъ о совершенной тишинѣ, съ которой принятъ манифестъ во всей Россіи. Что̀-то будетъ дальше? Самъ манифестъ явнымъ образомъ написанъ былъ по-французски и переведенъ на неуклюжій русскій языкъ какимъ-нибудь нѣмцемъ. Вотъ фраза въ родѣ: „благодѣтельно устроять"... „добрыя патріархальныя условія", которыхъ ни одинъ русскій мужикъ не пойметъ. Но самое дѣло онъ раскуситъ, и дѣло это устроено, по мѣрѣ возможности, порядочно".

Къ себѣ въ деревню Тургеневу удалось попасть только 9-го мая. Само собой разумѣется, что здѣсь онъ еще съ большимъ

вниманіемъ прислушивался и присматривался къ окружающему, ко всякимъ новымъ теченіямъ и фактамъ. Свои наблюденія Иванъ Сергѣевичъ такъ изложилъ въ письмѣ къ Анненкову отъ 10-го іюля 1861 года: „Это дѣло (крестьянское) ростетъ, ширится, движется во весь просторъ россійской жизни, принимая формы бо̀льшею частію безобразныя. И хотѣть теперь сдѣлать ему какой-нибудь нужный résumé—было бы безуміемъ, даже предвидѣть задолго ничего нельзя. Мы всѣ окружены этими волнами, и онѣ несутъ насъ. Пока можно только сказать, что здѣсь все тихо, волости учреждены, и сельскіе старосты введены, а мужички поняли одно,—что ихъ бить нельзя и что барская властъ вообще послаблена, вслѣдствіе чего должно „не забывать себя"; мелкопомѣстные дворяне вопятъ, а исправники стегаютъ ежедневно, но понемногу. Общая картина, при предстоящемъ худомъ урожаѣ, не изъ самыхъ красивыхъ, но бываетъ и хуже. На оброкъ крестьяне не идутъ, и на новыя свои власти смотрятъ странными глазами... но въ работникахъ пока нѣтъ недостатка, а это главное". Полонскому же онъ писалъ 14-го іюля: „Крестьянскія дѣла ничего себѣ, впередъ пока подвигаются плохо, но и назадъ нейдутъ. Надо вооружиться терпѣніемъ и выжидать. Все-таки это дѣло громадное—и то, что̀ уже сдѣлано и осталось, составляетъ полный переворотъ въ русской жизни, который оцѣнятъ только наши потомки". Какъ чувствовали себя въ то время лучшіе изъ помѣщиковъ, Тургеневъ изобразилъ намъ позднѣе въ слѣдующихъ строкахъ своего „Дыма": „Хозяйничанье въ Россіи невеселое, слишкомъ многимъ извѣстное дѣло; мы не станемъ распространяться о томъ, какъ солоно оно показалось Литвинову. О преобразованіяхъ и нововведеніяхъ, разумѣется, не могло быть и рѣчи; примѣненіе пріобрѣтенныхъ за границею свѣдѣній отодвинулось на неопредѣленное время; нужда заставляла перебиваться со дня на день, соглашаться на всякія уступки—и вещественныя, и нравственныя. Новое принималось плохо, старое всякую силу потеряло; неумѣлый сталкивался съ недобросовѣстнымъ; весь поколебленный бытъ ходилъ ходуномъ, какъ трясина болотная, и только одно великое слово: „свобода" носилось какъ Божій духъ надъ водами. Терпѣніе требовалось прежде всего, и терпѣніе не страдательное, а дѣятельное, настойчивое, не безъ сноровки, не безъ хитрости подчасъ"...

Что же касается устройства собственно Тургеневскихъ крестьянъ, то объ этомъ можемъ судить изъ слѣдующихъ мѣстъ его переписки. Восемнадцатаго іюля 1858 года Иванъ Сергѣевичъ писалъ П. Віардо изъ Спасскаго: „Съ осени я отпускаю

ихъ (крестьянъ) на оброкъ, т.-е. уступаю имъ половину земли за ежегодную поземельную подать, а самъ буду нанимать рабочихъ для обработки моей земли. Это будетъ только переходное состояніе, въ ожиданіи рѣшенія коммиссій, такъ какъ пока нельзя еще сдѣлать ничего окончательнаго". И. С. Аксакову писалъ 22-го окт. 1859 года: „Съ крестьянами я почти вездѣ благополучно размежевался, оставивъ, разумѣется, старое количество земель, переселилъ ихъ—съ ихъ согласія—и съ нынѣшней зимы они всѣ поступаютъ на оброкъ по 3 рубля серебромъ съ десятины". Переселены были петровскіе и ивановскіе крестьяне частію въ Голоплеки и Кальну, частію въ слободку Никольскую. Въ 1860 году, несмотря на противодѣйствія дядиуправляющаго, Ивану Сергѣевичу удалось посадить на оброкъ спасскихъ и каленскихъ мужиковъ; крестьяне другихъ имѣній упирались. Дѣло обстояло такъ даже и въ слѣдующемъ, 1861 году. „Съ моими крестьянами дѣло идетъ пока хорошо",—писалъ Тургеневъ Полонскому 21-го мая 1861 года: „потому что я имъ сдѣлалъ всѣ возможныя уступки,—но затрудненія предвидятся впереди. Многіе не хотятъ идти на оброкъ,—а безъ оброка выкупъ (а вѣдь это главная цѣль)—невозможенъ". „Этого факта, что мужики не захотятъ идти съ барщины на оброкъ, никто не предвидѣлъ, а между тѣмъ онъ повсемѣстный",—писалъ Иванъ Сергѣевичъ 14-го іюня 1861 г. Колбасину. Анненкову онъ тогда же описывалъ эти обстоятельства подробнѣе: „Объясняемся съ мужиками, которые изъявили мнѣ свое благоволеніе: мои уступки доходятъ почти до подлости. Но вы знаете сами (и вѣроятно въ деревнѣ узнаете еще лучше), что̀ за птица русскій мужикъ: надѣяться на него въ дѣлѣ выкупа—безуміе. Они даже на оброкъ не переходятъ, чтобы, во-первыхъ, не „обвязаться"; во-вторыхъ, не лишить себя возможности прескверно справлять трехдневную барщину. Всякіе доводы теперь безсильны. Вы имъ сто разъ докажете, что на барщинѣ они теряютъ сто на сто; они вамъ все-таки отвѣтятъ, что „несогласны-молъ". Оброчные даже завидуютъ барщиннымъ, что вотъ имъ вышла льгота, а намъ—нѣтъ. Къ счастію, здѣсь въ Спасскомъ мужики съ прошлаго года на оброкѣ". Не дожидаясь, пока во всѣхъ его помѣстьяхъ совершится переходъ съ барщины на оброкъ, Тургеневъ велъ дѣло дальше въ главномъ своемъ имѣніи, и 5-го марта 1862 года сообщалъ Фету: „Спасскіе крестьяне удостоили, наконецъ, подписать уставную грамоту, въ которой я имъ сдѣлалъ всяческія уступки. Будемъ надѣяться, что и остальные меня, какъ говорится въ старинныхъ челобитняхъ, „пожалуютъ,

смилуются"! Въ концѣ концовъ уступки Ивана Сергѣевича выразились въ томъ, что онъ „при выкупѣ вездѣ уступилъ пятую часть и въ главномъ имѣніи не взялъ ничего за усадебную землю, что̀ составляло крупную сумму". Надѣлъ у его крестьянъ явился въ размѣрѣ 3 1/2 десятинъ на душу [1]). Мало этого, Тургеневъ рѣдкій годъ не дарилъ своимъ бывшимъ крѣпостнымъ десятины лѣса на постройки и ремонтъ избъ. Въ 1880 году онъ пожертвовалъ имъ двѣ десятины. И каково же было огорченіе добраго помѣщика, когда онъ узналъ, что въ этотъ разъ крестьяне лѣсъ продали, а деньги пропили!

Недаромъ послѣ смерти Ивана Сергѣевича среди спасскихъ мужиковъ долго держалось убѣжденіе, что бывшій ихъ владѣлецъ завѣщалъ имъ весь свой лѣсъ.

Что же касается отпущенныхъ еще въ 1850 г. дворовыхъ, то Тургеневъ и ихъ снабдилъ землей, тогда какъ извѣстно, что они при полученіи свободы (за ничтожнымъ исключеніемъ) не могли требовать участія въ пользованіи полевымъ надѣломъ. Усадьбы ихъ „совсѣмъ иного фасона, не крестьянскія", выстроились цѣлой улицей сейчасъ же за господскимъ садомъ. Вообще, какъ бы вознаграждая дворовыхъ за обиды, выпавшія на ихъ долю при жизни Варвары Петровны, Иванъ Сергѣевичъ сильно разбаловалъ ихъ. Сознавалъ онъ это не менѣе, чѣмъ его знакомые и друзья; зналъ онъ и то, что бывшіе дворовые въ большинствѣ случаевъ вовсе не являлись хорошими или достойными людьми. „При существовавшихъ во время покойницы матушки и Николая Николаевича (дяди) порядкахъ удержаться вполнѣ честному человѣку было невозможно",—писалъ Тургеневъ управляющему Кишинскому 9-го (21-го) декабря 1867 г., который часто жаловался Ивану Сергѣевичу на „дворовую язву" Спасскаго. И все-же, по своему мягкосердечію и добротѣ, Тургеневъ рѣдко отказывалъ въ той или другой просьбѣ бывшимъ своимъ „подданнымъ", вообще отличавшимся порядочной назойливостью. Досадой на эту послѣднюю, а вовсе не изнѣженностью избалованнаго барина звучатъ просьбы его къ тому же Кишинскому, чтобы его, Ивана Сергѣевича, „пребываніе въ Спасскомъ не было отравлено кувырканіемъ въ ноги, мольбами" и т. п.

---

[1]) Перв. собр. пис., 234; Воспоминанія Полонскаго, „Нива" 1884, стр. 186.

III.

Послѣ освобожденія крестьянъ Тургеневъ настойчивѣе, чѣмъ до того, ставилъ идеаломъ для образованнаго класса не крупные перевороты, а неторопливую, постепенную, но упорную работу на пользу меньшей братіи. Эти взгляды высказывалъ онъ и въ письмахъ и въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ,— въ „Нови" преимущественно. „Пора у насъ въ Россіи бросить мысль о „сдвиганіи горъ съ мѣста", о крупныхъ, громкихъ и красивыхъ результатахъ",—писалъ Иванъ Сергѣевичъ А. П. Ф—ой въ 1875 г.: „болѣе чѣмъ когда-либо и гдѣ-либо слѣдуетъ у насъ удовлетворяться малымъ, назначить себѣ тѣсный кругъ дѣйствій"... „Народная жизнь переживаетъ воспитательный періодъ внутренняго хорового развитія, разложенія и сложенія; ей нужны помощники—не вожди, и лишь только тогда, когда этотъ періодъ кончится, снова появятся крупныя, оригинальныя личности". „Для предстоящей общественной дѣятельности не нужно ни особенныхъ талантовъ, ни даже особеннаго ума, ничего крупнаго, выдающагося, слишкомъ индивидуальнаго; нужно трудолюбіе, терпѣніе; нужно умѣть жертвовать собою безъ всякаго блеску и треску,—нужно умѣть смириться и не гнушаться мелкой и темной и даже жизненной работы; я беру слово „жизненный" въ смыслѣ простоты, безхитростности, terre à terre'а. Что̀ можетъ быть, напримѣръ, жизненнѣе учить мужика грамотѣ, помогать ему, заводить больницы и т. д.? На что тутъ таланты и даже ученость? Нужно одно сердце, способное жертвовать своимъ эгоизмомъ,—тутъ даже о призваніи говорить нельзя... Чувство долга, славное чувство патріотизма въ истинномъ смыслѣ этого слова—вотъ все, что̀ нужно" [1]).

Такой именно программы заставляетъ Иванъ Сергѣевичъ держаться и своего Соломина въ „Нови". Припомнимъ разговоръ послѣдняго съ Маріанной:—„Да, позвольте, Маріанна... Какъ же вы себѣ это представляете: *начать*? Не баррикады же строить со знаменемъ наверху—да: ура! за республику!—это же и не женское дѣло. А вотъ вы сегодня какую-нибудь Лукерью чему-нибудь доброму научите; и трудно вамъ это будетъ, потому что не легко понимаетъ Лукерья, и васъ чуждается, да еще воображаетъ, что ей совсѣмъ не нужно то, чему вы ее учить собираетесь;—а недѣли черезъ двѣ или три вы съ другой Лукерьей

---

[1]) „Перв. собр. пис.", 242, 243, 254.

поучитесь; а пока—ребеночка вы помоете, или азбуку ему покажете, или больному лѣкарство дадите... вотъ вамъ и начало.
—Да вѣдь это сестры милосердія дѣлаютъ, Василій Ѳедотычъ! Для чего же мнѣ тогда... все это?—Маріанна указала на себя и вокругъ себя неопредѣленнымъ движеніемъ руки.—Я о другомъ мечтала.

— Вамъ хотѣлось собой пожертвовать?

Глаза у Маріанны заблистали.—Да... да... да!

— А Неждановъ?

Маріанна пожала плечомъ.

— Что̀ Неждановъ! Мы пойдемъ вмѣстѣ... или я пойду одна.

Соломинъ пристально посмотрѣлъ на Маріанну.

— Знаете что̀, Маріанна... Вы извините неприличность выраженія... но по моему: шелудивому мальчику волосы расчесать—жертва, и большая жертва, на которую не многіе способны".

Требованіе громкихъ и рѣшительныхъ мѣропріятій, особенно въ то время, когда народъ и образованное общество еще не успѣли оглядѣться въ новомъ своемъ положеніи, обнаруживало, по мнѣнію Тургенева, не желаніе дѣйствовать, а наоборотъ—лѣнь, не прогрессирующую мысль, а невѣжество и застой. Устами Паклина Иванъ Сергѣевичъ даетъ въ концѣ концовъ такой отзывъ о Соломинѣ: „Онъ не внезапный исцѣлитель общественныхъ ранъ.

— Потому вѣдь мы, русскіе, какой народъ? Мы все ждемъ: вотъ-молъ придетъ что-нибудь или кто-нибудь и разомъ насъ излѣчитъ, всѣ наши раны заживитъ, выдернетъ всѣ наши недуги, какъ больной зубъ. Кто будетъ этотъ чародѣй? — Дарвинизмъ? Деревня? Архипъ Перепентьевъ? Заграничная война? Что угодно! только, батюшка, рви зубъ!!—Это все лѣность, вялость, недомысліе!—А Соломинъ не такой: нѣтъ,—онъ зубовъ не дергаетъ—онъ молодецъ"!

Е. М. Гаршинъ въ своихъ воспоминаніяхъ объ Иванѣ Сергѣевичѣ между прочимъ пишетъ: „Изъ ближайшихъ сосѣдей онъ (Тургеневъ) былъ очень расположенъ къ сосѣдкѣ своей Е. М. Я—ной, которую называлъ замѣчательной русской женщиной, и все собирался повезти насъ къ ней, чтобы показать, какія бываютъ настоящія русскія женщины. Впослѣдствіи я познакомился съ г-жею Я. главнымъ образомъ потому, что меня интересовалъ взглядъ Ивана Сергѣевича на женщинъ и женскій вопросъ. Г-жа Я., одинокая женщина средняго состоянія, вотъ уже лѣтъ десять посвящаетъ свои силы самой скромной дѣятельности на пользу своихъ крестьянъ. Ею устроена образцовая школа, орга-

низована медицинская помощь, а главное, ея исключительными стараніями, при противодѣйствіи мѣстнаго дворянства, устроено ссудо-сберегательное товарищество, глубоко пустившее свои корни среди мѣстнаго населенія. И вотъ, въ этомъ скромномъ уголкѣ Россіи, на небольшомъ районѣ, „сѣется разумное, доброе, вѣчное“, безъ того треска, какимъ пріобрѣли такую печальную извѣстность бароны Корфы [1]). Помѣщица, названная Гаршинымъ одними иниціалами—Елизавета Мардаріевна Якушкина, жившая въ пяти верстахъ отъ Спасскаго по шоссе въ Чернь—неоднократно упоминается въ письмахъ Ивана Сергѣевича и всегда съ самыми сочувственными отзывами. Какъ видно, Е. М. Якушкина вполнѣ отвѣчала идеаламъ Тургенева и героя его „Нови“—Соломина.

Подобную работу на пользу крестьянъ настойчиво стремился производить Тургеневъ и у себя,—до 1861 г. главнымъ образомъ по добротѣ и отзывчивости своей, а послѣ 1861 г.—и въ силу сознанной, какъ бы политической необходимости или гражданскаго долга. Мы остановимся поэтому нѣсколько подробнѣе на заботахъ Тургенева объ устройствѣ медицинской помощи крестьянамъ, о богадельнѣ и о школѣ въ Спасскомъ, пользуясь преимущественно неизданными письмами Ивана Сергѣевича къ его управляющему Кишинскому (хранятся въ Императорской Публичной Библіотекѣ).

Еще въ письмѣ Тургенева къ Аксаковымъ отъ 23 апрѣля 1853 г. мы читаемъ: „Крестьяне къ счастью получили довѣренность къ моей *больницѣ*—и тотчасъ являются, какъ только дурно себя чувствуютъ“. Бывшаго домашняго врача (изъ дворовыхъ) своей матери П. Т. Кудряшова, сопровождавшаго Ивана Сергѣевича въ Берлинъ, Тургеневъ всячески понуждалъ къ врачебной практикѣ среди крестьянъ. Выписывалъ для него медицинскіе журналы, лекарства и проч. Къ сожалѣнію, Кудряшовъ отличался порядочной лѣнью и не безвыѣздно проживалъ въ Спасскомъ. „Вполнѣ одобряю вашу мысль вывезти изъ Москвы медикаменты для больныхъ крестьянъ и сосѣдей“, писалъ Иванъ Сергѣевичъ Кишинскому 18-го февраля (2 марта) 1869 года: „только Порфирій (Кудряшовъ) ихъ въ порядкѣ едва ли будетъ содержать—безъ нѣкотораго надзора“. Въ письмѣ отъ 25-го марта (6 апрѣля) 1873 г. Тургеневъ благодаритъ управляющаго „за устройство больницы“ въ Спасскомъ. Е. М. Гаршинъ свидѣтельствуетъ, что въ послѣдніе годы жизни Ивана Сергѣевича (въ-

---

[1]) „Историч. Вѣстн.“ 1883, т. XIV, стр. 394.

роятно 1882 и 1883) въ Спасское былъ приглашенъ военный врачъ изъ г. Мценска, который еженедѣльно пріѣзжалъ туда, давалъ совѣты и снабжалъ больныхъ лекарствами изъ нарочно устроенной при богадѣльнѣ аптеки.

Объ учрежденіи богадельни Тургеневъ сталъ серьезно заботиться еще въ концѣ шестидесятыхъ годовъ; въ 1872 году она была открыта недалеко отъ церкви, на мѣстѣ бывшей „земской избы“. Къ первоначальнымъ расходамъ Ивану Сергѣевичу удалось привлечь своего брата Николая, который, несмотря на всю свою скупость, пожертвовалъ на это 1.000 рублей. Двѣ вакансіи изъ шести, существовавшихъ въ богадельнѣ, замѣщались поэтому Николаемъ Сергѣевичемъ. Кромѣ того Тургеневъ выдавалъ ежемѣсячно содержаніе деньгами или припасами нѣсколькимъ изъ неспособныхъ къ работѣ крестьянъ и дворовыхъ, проживавшимъ внѣ богадельни на селѣ. Средній размѣръ ежемѣсячной выдачи равнялся: 2-мъ пудамъ муки, 15 фунт. крупъ, 15 фунт. мяса, 2 фунт. соли и 2 фунтамъ конопляннаго масла на человѣка. Интересная вѣдомость такимъ пенсіонерамъ, утвержденная подписью Ивана Сергѣевича, была напечатана въ „Орловскомъ Вѣстникѣ“ (1897, № 85). Изъ сравненія ея съ данными писемъ Тургенева къ Кишинскому видно, что эти пенсіонеры были первыми кандидатами на открывавшіяся вакансіи въ богадельню. Бѣдняковъ, получавшихъ указанное мѣсячное содержаніе, числилось, какъ до открытія богадельни, такъ и послѣ того—отъ 10 до 15 человѣкъ. Сюда не входили, конечно, тѣ пенсіонеры изъ „интеллигентныхъ“, которые жили не въ Спасскомъ и получали довольно крупныя денежныя пособія.

Всего болѣе, однако, доставляла заботъ Тургеневу сельская школа. Мать его Варвара Петровна была болѣе чѣмъ равнодушна къ грамотности крестьянъ, но изъ чванства основала у себя училище, въ которомъ обучали, впрочемъ, главнымъ образомъ нотному пѣнію мальчиковъ для церковнаго хора. Школа эта держалась на подневольномъ трудѣ дворовыхъ людей суровой барыни — и немедленно рухнула послѣ ея смерти, вслѣдствіе отпуска дворовыхъ на волю и отвращенія новаго владѣльца ко всякимъ насильственнымъ мѣрамъ. Но основать школу на новыхъ началахъ не скоро удалось Ивану Сергѣевичу. Онъ почти до 1870 года ограничивался лишь отдѣльными попытками придти на помощь тому или другому изъ своихъ крестьянъ, случайно обнаруживавшихъ охоту учиться. Да и въ этихъ случаяхъ онъ встрѣчалъ препятствія со стороны своего дяди управляющаго, который не стѣснялся иной разъ, конечно тайно отъ своего пле-

мянника, не платить за ученье, гдѣ это требовалось [1]). Лишь съ перемѣной управленія въ Спасскомъ, гдѣ Николая Николаевича замѣнилъ Кишинскій, осуществилось давнишнее желаніе Ивана Сергѣевича основать у себя школу для крестьянъ. Въ 1869 г. выстроено было новое зданіе училища „иждивеніемъ", какъ сказано въ запискахъ священника Спасской церкви, „коллежскаго секретаря Ив. Тургенева". Въ 1870 г. въ ней было двадцать-семь мальчиковъ и одна дѣвочка изъ Спасскаго и три мальчика изъ другихъ деревень [2]). Заботы о школѣ Тургенева можно видѣть изъ слѣдующихъ мѣстъ названной уже переписки его съ Кишинскимъ: „Что касается до Спасскаго сельскаго училища, за учрежденіе котораго васъ благодарю",—писалъ Иванъ Сергѣевичъ 2 (14) февраля 1870 года,—„то предоставляю на совершенное ваше благоусмотрѣніе, передать ли это училище или нѣтъ въ вѣдѣніе земства. 150 руб. сер. я въ годъ могу удѣлить на содержаніе, и, конечно, мнѣ было бы весьма желательно, чтобы это заведеніе дѣйствительно процвѣтало, по вашему выраженію, а не лопнуло бы, какъ множество подобныхъ заведеній на Руси".—„То, что вы пишете мнѣ о Спасской школѣ, мало меня радуетъ. Этого нельзя такъ оставить... Я готовъ опредѣлить 200 руб. въ годъ жалованья дѣльному учителю или учительницѣ, если таковая найдется. Поручаю вамъ похлопотать объ этомъ... Невозможно допустить, чтобы въ моемъ имѣніи, въ имѣніи человѣка, который обязанъ всѣмъ своимъ значеніемъ перу—существовала плохая и неудовлетворительная школа. Теперь же такъ много развелось хорошихъ руководствъ, азбукъ и т. д., что придерживаться старинной, столь неудачной и безплодной системы—грѣшно" (17 (29) декабря 1871 г.).—„Одобряю всѣ ваши распоряженія насчетъ школы и разрѣшаю вамъ выписать всѣ нужныя вамъ книги и прочія школьныя потребности.—Повторяю: школа въ Спасскомъ не должна быть только подобіемъ школы, надлежитъ поставить ее на высокую точку. Надѣюсь, что вашъ выборъ окажется хорошъ, хотя я побаиваюсь недоучившихся студентовъ. Познаній у нихъ хватитъ,—но характеръ—вотъ бѣда!" (12-го (24) января 1872 г.).—„Радуюсь тому, что вы нашли порядочнаго преподавателя для школы; дай Богъ, чтобы его не сманили, или чтобы онъ самъ не запилъ!" (15-го (27) октября 1872 г.).—„Что касается школы, то совѣтую съ твердостью продолжать начатое дѣло; если въ ней

---

[1]) См. „Русск. Вѣстн." 1885, кн. 1, стр. 368.

[2]) „Историч. Вѣстн." 1894, февраль, 422.

даже меньше учениковъ—но эти хорошо учатся, то я въ этомъ вижу положительный успѣхъ. Вы можете прибавить жалованья учителю, если вы имъ довольны, и если это удержитъ его на мѣстѣ" (5-го (17) января 1873 г.).— „Жаль мнѣ, что школа потеряла хорошаго учителя; будемъ надѣяться, что новый до нѣкоторой степени его замѣнитъ" (23-го января (4 февраля) 1873 г.).— „Извѣстія, сообщенныя вами о школѣ, меня радуютъ; если от. діаконъ окажется усерднымъ и дѣльнымъ преподавателемъ, то уполномочиваю васъ поощрять его разными льготами и пособіями отъ моего имени" (20-го декабря (ст. ст.) 1873 г.).— „Вамъ на мѣстѣ лучше судить, слѣдуетъ ли передать нашу школу въ вѣдѣніе земства. Десятину дать не мудрено,—главное, какіе будутъ результаты? Уполномочиваю васъ поступать по вашему благоусмотрѣнію" (3-го (15) марта 1874 г.).— „Посылаю вамъ доставленное мнѣ, далеко не лестное, описаніе Спасской школы и тамошней методы преподаванія (правда, оно относится къ прошлому году). Появилась эта статья въ журналѣ „Школьная Жизнь". Примите это къ свѣдѣнію. Мнѣ особенно непріятно узнать, что въ школѣ, находящейся въ моемъ имѣніи, употребляются тѣлесныя наказанія" [1]) (2-го (14) мая 1874 г.).— „Явитесь къ Салаеву и представьте ему списокъ нужныхъ для школы книгъ. Онъ вамъ ихъ выдастъ и внесетъ это на мой счетъ" (30-го іюня (ст. ст.) 1874 г.).— „Разрѣшаю вамъ покрыть желѣзомъ крышу школы" (14-го (26) сентября 1875 г.).— „Что сдѣлалось съ умнымъ мальчикомъ Никитой, котораго я видѣлъ третьяго года въ школѣ и который такіе дѣлалъ успѣхи? Живъ ли онъ и продолжаетъ ли хорошо учиться? И какъ идетъ вообще школа?" (26-го февраля (ст. ст.) 1866 г.).— „Мнѣ пріятно слышать, что Никита Герасимовъ продолжаетъ хорошо учиться и вести себя: прошу наблюдать за нимъ и оказывать ему всякое вспомоществованіе" (22-го марта (ст. ст.) 1876 г.).

Своихъ заботъ о спасскомъ училищѣ Иванъ Сергѣевичъ не прекращалъ до самой кончины. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ онъ нашелъ для него хорошую учительницу, въ лицѣ Е. Я. Григорьевой, которой выдавалось ежемѣсячно 35 руб. изъ спасской конторы; кромѣ того, священникъ за преподаваніе Закона Божія получалъ особо 7 руб. въ мѣсяцъ. Въ 1880 году Тургеневъ серьезно задумалъ передать школу духовному вѣдомству, обезпечивъ ее денежнымъ вкладомъ и отрѣзавъ въ пользу ея четыре

[1]) Въ „Школьной Жизни" ни за 1873 г., ни за 1874 г.—ничего нѣтъ о спасскомъ училищѣ. Не ошибочно ли названъ журналъ?

десятины около Варнавинскаго пруда; осуществленію этой мысли помѣшали, однако, болѣзнь и смерть Ивана Сергѣевича. Но даже мучимый своей тяжкой предсмертной болѣзнью, окончательно приковавшей его къ постели, онъ писалъ своимъ крестьянамъ 4-го сентября 1882 г.: „Жалѣю, что ваши дѣти мало посѣщаютъ школу. Помните, что въ наше время безграмотный человѣкъ—то же, что слѣпой или безрукій".

Доброта и любовь къ крестьянамъ сказывались у Тургенева не въ однѣхъ заботахъ о ихъ нуждахъ. Онъ не прочь былъ иногда и побаловать ихъ веселымъ праздникомъ. Помня старый русскій помѣщичій обычай, Иванъ Сергѣевичъ любилъ—въ иной пріѣздъ свой въ Спасское — собрать передъ террасой толпу крестьянъ и крестьянокъ, полюбоваться ихъ хороводами, послушать ихъ пѣсни. При этомъ имъ предлагалось угощеніе, крестьянкамъ же сверхъ того—различные подарки: платки, ленты и т. п.

„Пріѣзжайте посмотрѣть,
Какъ умѣетъ русскій Bauer
Кушать, пить, плясать и пѣть!
Въ будущее воскресенье,
Въ Спасскомъ всѣмъ на удивленье
Будетъ заданъ дивный пиръ,—
Потѣшайся, Мценскій міръ!"

Такъ, напримѣръ, шутливо писалъ Фету Иванъ Сергѣевичъ 8 іюня 1870 года—„Вчера вечеромъ, съ вашимъ письмомъ въ карманѣ",—писалъ Тургеневъ Флоберу изъ Спасскаго 23 іюня 1876 года,—я сидѣлъ на крыльцѣ моей веранды, а передо мной находилось около шестидесяти крестьянокъ; почти всѣ онѣ были одѣты въ красное, и всѣ очень некрасивыя (за исключеніемъ одной, только-что вышедшей замужъ, лѣтъ шестнадцати,—она хворала лихорадкой и была поразительно похожа на Сикстинскую Мадонну въ Дрезденѣ). Онѣ плясали, какъ сурки или медвѣдицы, и пѣли рѣзкими, грубыми, но *вѣрными* голосами. Это былъ маленькій праздникъ, устроить который онѣ меня просили, что̀ было, впрочемъ, очень легко: два ведра водки, пирожки, орѣхи—вотъ и все. Пока онѣ плясали, я смотрѣлъ на нихъ, и мнѣ было страшно грустно. Маленькую Мадонну зовутъ Маріей, какъ тому и слѣдуетъ быть". Но всего лучше описалъ подобный праздникъ Я. П. Полонскій, наблюдавшій его лѣтомъ 1881 года, когда гостилъ у Тургенева въ Спасскомъ:

„Черезъ нѣсколько дней состоялся деревенскій праздникъ. Жена моя должна была ѣхать въ Мценскъ для закупки лентъ,

бусъ, платковъ, серегъ и т. п. Управляющій поѣхалъ за виномъ, пряниками, орѣхами, леденцами и проч. лакомствами.

„Къ 7 часамъ вечера толпа уже стояла передъ террасой: мужики безъ шапокъ, бабы и дѣвки нарядныя и пестрыя, какъ раскрашенныя картинки, кое-гдѣ позолоченныя сусальнымъ золотомъ. Начались пѣсни и пляски. Въ пѣніи мужики не принимали никакого участія, они поочередно подходили къ ведру или чану съ водкой, черпали ее стеклянной кружечкой и, запрокидывая голову, выпивали. Только одинъ, пришлый мужикъ, въ красной рубашкѣ, и пѣлъ, и плясалъ, и кланялся, и подмигивалъ, и присвистывалъ. Помню—онъ спѣлъ какую-то сатирическую веселую пѣсню на господъ, и очень сожалѣю, что не записалъ ее. На террасѣ гостей было мало, было только семейство арендатора Щепкина и управляющій имѣніемъ сынъ его Н. А. съ супругой.

„Лакомство раздавалось тоже поочередно,—мальчишки подставляли свои шапки, старухи—платки, бабы и дѣвки—фартуки.

„Раздавая картинки и азбуки, закупленныя мною въ Питерѣ, я былъ удивленъ, какъ нашлось много на нихъ охотниковъ, даже дѣвочки полѣзли на террасу съ протянутыми руками.

— А ты будешь учиться грамотѣ?—спросилъ я одну изъ дѣвочекъ—лѣтъ одиннадцати.

— Ни!—она замотала головой, жестомъ давъ мнѣ понять, что ни за что на свѣтѣ!—и отошла. Зачѣмъ же ей была нужна азбука?

„За мужиками къ водкѣ подходили бабы и дѣвки, за ними дѣти, начиная съ 5-лѣтняго возраста, если еще не моложе. Сами матери подводили ихъ.

„Чѣмъ же кончился праздникъ?

„Ропотомъ крестьянъ, что вина было мало—всего только два чана (сколько въ нихъ было ведеръ—не помню). Они просили послать еще за виномъ. Управляющій сталъ ихъ стыдить и уговаривать. „И радъ бы,—говорилъ онъ,—Иванъ Сергѣевичъ послать за виномъ, да куда? Въ Мценскъ далеко, а кабакъ, сами знаете, сгорѣлъ. Куда же мы за виномъ пошлемъ?

„Къ 10 часамъ вечера все уже было тихо. Нѣсколько пьяныхъ ночевали въ саду, подъ кустами, въ куртинахъ. Тѣмъ все и кончилось.

„Ивана Сергѣевича больше всего занималъ типъ пришлаго мужика въ красной рубашкѣ, черноволосаго, съ живыми, быстрыми маленькими глазами, веселаго прилипалы, плясуна и любезника.

— Ты что думаешь?—говорилъ мнѣ о немъ Тургеневъ:—въ случаѣ какого-нибудь безпорядка, бунта или грабежа, онъ былъ бы всѣхъ безпощаднѣе, былъ бы одинъ изъ первыхъ, даромъ что онъ такъ юлилъ да кланялся. Ему очень хотѣлось, чтобъ ты далъ ему рубль или хоть двугривенный; а между тѣмъ, слышалъ, какую онъ про барскія причуды пѣсню пѣлъ? Это, братъ, типъ!

„Я спросилъ Тургенева, зачѣмъ онъ не приказалъ мужикамъ надѣть шапки?

— Нельзя,—сказалъ Тургеневъ.—Вѣрь ты мнѣ, что нельзя! я народъ этотъ знаю, меня же осмѣютъ и осудятъ. Не принято это у нихъ. Другое дѣло, если бы они эти шапки надѣли сами, тогда и я былъ бы радъ. И то уже меня радуетъ,—говорилъ онъ въ другой разъ, сидя съ нами въ коляскѣ, когда мы катались,—что поклонъ мужицкій сталъ уже далеко не тотъ поклонъ, какимъ онъ былъ при моей матери. Сейчасъ видно, что кланяются добровольно—дескать, почтеніе оказываемъ; а тогда отъ каждаго поклона такъ и разило рабскимъ страхомъ и подобострастіемъ. Видно, Ѳедотъ—да не тотъ!“ [1])

Недоброжелатели Тургенева, въ родѣ Фета, готовы были видѣть въ такихъ праздникахъ одно странное удовольствіе „спаивать толпу до положенія скота“. Но говорившіе такъ умалчивали, конечно, о постоянной борьбѣ Ивана Сергѣевича съ кабакомъ. „Подъ его (Тургенева) вліяніемъ,—пишетъ Е. М. Гаршинъ,—спасскіе крестьяне давно уже составили приговоръ о неимѣніи у себя кабака. Тогда нашелся одинъ предпріимчивый отставной унтеръ-офицеръ, который у сосѣднихъ крестьянъ князя Меньшикова снялъ въ аренду клочокъ земли, подходящей къ самому въѣзду въ село Спасское. Здѣсь, на основаніи приговора Меньшиковскихъ крестьянъ, онъ и выстроилъ свой кабакъ. Тогда была придумана другая комбинація: при въѣздѣ въ Спасское на иждивеніе Ивана Сергѣевича выстроена часовня въ память покойнаго императора Александра II, и по открытіи часовни возбуждено было ходатайство о закрытіи кабака, находящагося на незаконномъ разстояніи отъ часовни“. Послѣ этото предпріимчивый унтеръ-офицеръ долженъ былъ продавать водку уже потихоньку и съ предосторожностями. На постройку часовни Тургеневъ потратилъ 600 руб. и поставилъ въ ней прекрасной работы образъ св. Александра Невскаго, писанный на цинковой доскѣ художникомъ Фартусовымъ, ученикомъ профессора Соро-

[1]) „Нива“ 1884, стр. 67.

кина. Лампада передъ этой иконой была пожертвована стариннымъ пріятелемъ Ивана Сергѣевича—И. И. Масловымъ.

IV.

Крестьянскій бытъ, крестьянская среда никогда не были главнымъ предметомъ наблюденій Ивана Сергѣевича, что нисколько, конечно, не противорѣчило его „аннибаловской клятвѣ". Особенно незначительную роль въ его творчествѣ сталъ играть послѣ 1861 г. *свободный* крестьянинъ. Представивъ нѣсколько прекрасныхъ типовъ дореформенной мужицкой среды, преимущественно, впрочемъ, дворовыхъ людей, Тургеневъ не далъ намъ ни одного изъ времени позднѣйшаго. Пробѣломъ это обстоятельство могло бы явиться лишь въ „Нови". Но Иванъ Сергѣевичъ весьма искусно ограничилъ задачи своего романа, чѣмъ и избѣгнулъ риска изобразить то, съ чѣмъ знакомъ былъ, по его признанію, недостаточно хорошо. „Что же касается изображенія крестьянъ (въ „Нови"),—писалъ онъ Кавелину 17 (29) декабря 1876 года,—то тутъ съ моей стороны была нѣкоторая преднамѣренность. Такъ какъ мой романъ не могъ захватить и ихъ (по двумъ причинамъ: во-первыхъ, вышло бы слишкомъ широко, и я бы выпустилъ нити изъ рукъ; во-вторыхъ, я не довольно тѣсно и близко знаю ихъ теперь, чтобы быть въ состояніи уловить то еще неясное и неопредѣленное, которое двигается въ ихъ внутренностяхъ), то мнѣ осталось только представить ту ихъ жесткую и терпкую сторону, которою они соприкасаются съ Неждановыми, Маркеловыми и т. д. Быть можетъ, мнѣ бы слѣдовало рѣзче обозначить фигуру Павла, Соломинскаго фактотума, будущаго дѣятеля, но это слишкомъ крупный типъ—онъ станетъ со временемъ (не подъ моимъ, конечно, перомъ—я для этого слишкомъ старъ и слишкомъ долго живу внѣ Россіи) центральной фигурой новаго романа. Пока я едва назначилъ его контуры" [1]).

„Жесткую и терпкую сторону" крестьянства Иванъ Сергѣевичъ хорошо зналъ по себѣ, хотя натыкался на нее, конечно, при другихъ условіяхъ, чѣмъ молодые радикалы „Нови". Онъ разсказывалъ, напримѣръ, какъ тульскіе мужики ругали помѣщика Ш—на за то, что онъ у себя на сараяхъ поставилъ остроконечныя, высокія крыши (чтобъ снѣгъ зимой не держался на нихъ, а скатывался). „Бога въ томъ нѣтъ,—ворчали мужики:—

---

[1]) „Русск. Мысль" 1892 г., кн. 10, стр. 8.

кто такія крыши строитъ... убить его мало... Чортовы эти крыши — вотъ что̀!"

„— А какъ же,—спросилъ по этому поводу Полонскій Тургенева: — выносятъ они и паровыя молотилки, и вѣялки?

— Они видятъ ихъ несомнѣнную пользу и, главное, приглядѣлись къ нимъ; но за то, — продолжалъ Тургеневъ,—какъ же они и торжествуютъ и радуются, если машина сломается,—радостному говору и толкамъ конца нѣтъ. Напротивъ, если все идетъ хорошо и безъ всякихъ остановокъ—имъ скучно, они хмурятся и какъ бы недовольны".

Кромѣ того, спасскіе крестьяне слишкомъ часто и слишкомъ грубо злоупотребляли добротой своего барина, чтобы „терпкость и жесткость" ихъ не давала себя чувствовать Ивану Сергѣевичу. „Однажды, — разсказываетъ Полонскій, — пришли ему сказать, что спасскіе мужики пригнали къ нему въ садъ цѣлый табунъ лошадей (и я видѣлъ самъ, какъ паслись эти лошади на куртинахъ между деревьями). Тургеневу было это не особенно пріятно, онъ подошелъ ко мнѣ и говоритъ: — Велѣлъ я садовнику и сторожу табунъ этотъ выгнать, и что же, ты думаешь, отвѣчали ему мужики?—Попробуй кто-нибудь выгнать—мы за это и морду свернемъ!

— Вотъ ты тутъ и дѣйствуй!—разставя руки, произнесъ Тургеневъ".

Но эта крестьянская диковатость представлялась Ивану Сергѣевичу въ соединеніи съ нѣкоторыми своеобразно-гуманными чертами. Вотъ почему многимъ пришлось слышать отъ него шутливую импровизацію, записанную тѣмъ же Полонскимъ: „Помню, какъ въ одно прекрасное утро онъ (Тургеневъ), посмѣиваясь, передалъ мнѣ воображаемую имъ сцену, какая, будто бы, ожидаетъ насъ у него въ деревнѣ:—Будемъ мы,—говорилъ онъ,— сидѣть поутру на балконѣ и преспокойно пить чай, и вдругъ увидимъ, что къ балкону, отъ церкви—по саду приближается толпа спасскихъ мужичковъ. Всѣ, по обыкновенію, снимаютъ шапки, кланяются, и на мой вопросъ: ну, братцы, что вамъ нужно?

— Ужъ ты на насъ не прогнѣвайся, батюшка, не посѣтуй!—отвѣчаютъ.—Баринъ ты добрый, и оченно мы тобой довольны, а все-таки, хошь не хошь, а придется тебя, да ужъ кстати вотъ и его (указывая на меня) повѣсить.—Какъ?!—Да такъ ужъ, указъ такой вышелъ, батюшка! А мы ужъ и веревочку припасли... Да ты помолись... Что жъ! Мы вѣдь не злодѣи какіе-нибудь... тоже, чай, люди-человѣки... Можемъ и повременить маленько"...

Не будучи въ состоянiи съ достаточной опредѣленностью уловить то, еще неясное и новое, чтò стало слагаться въ глубинѣ крестьянской жизни послѣ 1861 г., и разъяснить эти явленiя другимъ, Тургеневъ не могъ не замѣтить и не могъ не скорбѣть о такихъ крупныхъ фактахъ новой жизни, какъ быстрое развитiе кулачества и среди крестьянъ, и среди помѣщиковъ. Въ одинъ изъ послѣднихъ своихъ прiѣздовъ на родину Иванъ Сергѣевичъ разсказывалъ въ Петербургѣ собравшимся его послушать молодымъ русскимъ литераторамъ: „Вотъ явленiе, съ которымъ просто необходимо считаться и не оставлять его безъ вниманiя. Скоро не будетъ, кажется, деревни безъ кулака. Плодятся они, положительно, какъ грибы и чортъ знаетъ чтò дѣлаютъ. Этò какiе-то разбойники. Я думаю написать разсказъ объ одномъ такомъ артистѣ, котораго такъ и назову—„Всемогущiй Житкинъ". Это, видите ли, сосѣдъ бывшихъ нашихъ крестьянъ. Онъ не только ихъ эксплуатируетъ, не только беретъ съ нихъ разные поборы и чуть ли не каждый день загоняетъ ихъ скотъ и беретъ штрафы, но захватываетъ даже у нихъ землю, переноситъ межи и переставляетъ столбы. Представьте, какую штуку выкинулъ: жаловались мнѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ крестьяне, что онъ у нихъ землю захватилъ. Я сказалъ имъ: захватилъ, такъ жалуйтесь суду.—„Да жаловаться-то,—говорятъ,—нельзя; ужъ жаловались, да ничего не выходитъ, потому что по плану-то по его выходитъ. А на самомъ-то дѣлѣ по нашему должно быть". Чтò, думаю, за чепуха такая? Послалъ въ контору, велѣлъ принести планъ, поѣхалъ съ нимъ на мѣсто и увидѣлъ, что все какъ слѣдуетъ, т.-е. границы въ натурѣ совпадаютъ съ планомъ. Очевидно, крестьяне неправы. Такъ и сказалъ имъ. А они между тѣмъ все свое твердятъ и каждый годъ мнѣ повторяютъ одно и то же: захватилъ да захватилъ. Ну, думаю, это обыкновенная исторiя: мужику какъ втемяшется чтò въ голову, такъ не скоро оттуда выйдетъ. Однако, представьте, чтò вышло: въ позапрошломъ году разбирали у меня въ кладовыхъ и на чердакахъ всякiй хламъ и старыя бумаги, и нашли старый планъ имѣнiя, гдѣ обозначены сосѣднiя границы и земля, отведенная потомъ крестьянамъ. Сталъ я сличать этотъ планъ съ новымъ и убѣдился, что они не сходятся. Велѣлъ запречь дрожки и поѣхалъ на мѣсто: оказалось, что межа, дѣйствительно, перенесена, и что крестьяне правы. Просто руками развелъ и окончательно сталъ въ тупикъ, какъ это могло случиться. Ахъ, какая тутъ досада меня взяла! Между тѣмъ, увидѣвъ, что я прiѣхалъ опять съ планомъ и что-то смотрю, пришли и мужики, цѣлая огромная толпа, пришелъ и

Житкинъ, и какая-было вышла непріятная исторія: услышавъ, что правда не на его, а на ихъ сторонѣ, они напустились на него и стали самымъ невозможнымъ образомъ ругаться; онъ сначала попробовалъ-было отругиваться, но потомъ видитъ,—дѣло плохо, видитъ, что негодованіе ростетъ и становится все единодушнѣе и единодушнѣе, видитъ, что его окружаютъ... Былъ одинъ моментъ, когда и мнѣ показалось, что вотъ еще одно какое-нибудь слово, одна какая-нибудь капля, и всѣ набросятся на него и растерзаютъ въ клочки. Признаться, перетрусилъ я; попаду, думаю, въ кашу, пожалуй еще подстрекателемъ сдѣлаютъ: я вѣдь планъ разыскалъ и пріѣхалъ съ нимъ; я сказалъ, что онъ не правъ, и т. д. Но тутъ меня внезапно осѣнила мысль, которая дала дѣлу совершенно неожиданный оборотъ. Вдругъ я протискался впередъ и просто не своимъ голосомъ закричалъ на Житкина: „Я тебѣ, мерзавецъ, за это задамъ! Въ острогъ засажу, въ каторгу сошлю, въ кандалы закую!"—Смотрю, всѣ примолкли, возбужденіе въ толпѣ утихаетъ, видятъ, что защита есть, что самъ баринъ, а слѣдовательно и начальство за дѣло берутся.—„Вотъ, погоди, говорятъ, будетъ тебѣ на орѣхи, вражій сынъ, узнаешь кузькину мать!"—Точно камень у меня съ души свалился: слава Богу, думаю, благополучно все кончилось. И за нихъ вѣдь боялся: случись что-нибудь, отвѣчали бы, не пошутили бы съ ними. Дальше. Пообѣщавъ наказать Житкина, я дѣйствительно думалъ не оставлять этого дѣла такъ и что-нибудь сдѣлать; просилъ всѣхъ, кого только можно было, обратить на это вниманіе; говорилъ при случаѣ даже губернатору, котораго хорошо знаю; всѣ обѣщали, но не тутъ-то было: по крайней мѣрѣ, въ прошломъ году ничего еще не было сдѣлано и все оставалось по старому. Вотъ интересно, что̀ въ нынѣшнемъ году найду. Очень возможно, что и до сихъ поръ ничего не сдѣлано. Просто удивительно, какими путями такіе господа устроиваютъ и обдѣлываютъ свои дѣла: чтобы межу перенести и одинъ планъ замѣнить другимъ, надо похлопотать да похлопотать, и втихомолку вѣдь этого тоже нельзя сдѣлать, объ этомъ, вѣроятно, если не всѣ, то многіе знали или слышали. Затѣмъ тотъ фактъ какъ вамъ нравится, что я, крупный мѣстный землевладѣлецъ, человѣкъ со связями и знакомствами, ничего не могу сдѣлать въ данномъ случаѣ, не могу добиться никакого толку. Увѣренъ вѣдь, что и губернаторъ на моей сторонѣ и желалъ бы также, чтобы дѣло рѣшилось въ пользу крестьянъ, но и онъ, оказывается, не все можетъ сдѣлать!—Такія дѣла обдѣлываются черезъ всю эту канцелярскую многочисленную

уѣздную мелюзгу, а съ нею въ тѣсной связи, конечно, и губернская мелюзга; вотъ и идутъ отписки да переписки, справки да заключенія, а губернаторъ тѣмъ временемъ ждетъ-ждетъ да и забудетъ. Во многихъ случаяхъ только этого и было нужно. Но лучше всѣхъ самъ этотъ Житкинъ: представьте, въ прошломъ году ѣду я по желѣзной дорогѣ, вдругъ онъ на одной изъ станцій откуда-то взялся, влетаетъ въ вагонъ и валится въ ноги: „Сдѣлайте божескую милость, не погубите, вѣкъ буду Бога молить" и т. д. Вы, можетъ быть, подумаете, что онъ отказывается отъ захваченной земли и проситъ только, чтобы наказанья ему никакого не было? Нѣтъ онъ проситъ только, чтобы я отказался отъ дѣла и оставилъ его, какъ оно есть. Понимаете, кланяется, а въ то же время свое дѣло дѣлаетъ, зацѣпилъ зубами, и не можетъ разжать пасть-то" [1]).

„Крѣпостное право,—говорилъ Тургеневъ въ другой разъ,— мы побѣдили, т.-е. уничтожили зависимость лица отъ лица, Петра отъ Семена, но крѣпостное право въ другомъ видѣ еще осталось. Крестьянинъ находится въ полной зависимости отъ кулака, будь то помѣщикъ или мужикъ; онъ дѣлается его вещью. Еслибы я былъ помоложе, я и съ беллетристической стороны напалъ бы на этого врага". Дѣйствительно, „напасть на этого врага" Ивану Сергѣевичу удалось, изображая лишь помѣщичью среду въ „Нови". Блестящій камеръ-юнкеръ Калламѣйцевъ выведенъ авторомъ, именно, какъ типъ барина-ростовщика, который къ тому же „былъ тѣмъ безчеловѣчнѣе въ своихъ требованіяхъ, что лично съ крестьянами дѣла никогда не имѣлъ—не допускать же ихъ въ свой раздушенный европейскій кабинетъ!—а вѣдался съ ними черезъ приказчика".

Но если на художественной почвѣ Тургеневъ послѣ 1861 г. затрогивалъ крестьянина рѣже и меньше, чѣмъ до этого времени, то съ теоретической, такъ сказать, стороны ему пришлось заниматься имъ болѣе послѣ манифеста 19 февраля.

Въ 1847 году у насъ былъ вновь поднятъ вопросъ, поставленный еще при Екатеринѣ II (Болтинъ) о крестьянской поземельной общинѣ или „мірѣ", какъ называли ее крестьяне съ ея передѣлами и круговою порукой. Именно Гакстгаузенъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи о Россіи выставилъ положеніе, что на Руси нѣтъ и не можетъ быть пролетаріата, пока существуетъ община. Мысль эта подробно развивалась затѣмъ Чернышевскимъ, Кавелинымъ и Герценомъ. Но особенно настойчиво защищали

---

[1]) „Историч. Вѣстн." 1890, февр. 269—271.

ее славянофилы, которые поставили ее даже въ одну изъ основъ своего міровоззрѣнія. Ю. Самаринъ писалъ, что „общинное начало есть основа, грунтъ всей русской исторіи, прошедшей, настоящей и будущей“. Хомяковъ связывалъ съ нею и „артель“, какъ общину промышленную.

И. С. Тургеневъ съ самаго начала отнесся ко всему этому довольно сдержанно, впослѣдствіи же сталъ по отношенію къ вопросу объ общинѣ въ ряды ея открытыхъ противниковъ. Въ 1856 году онъ писалъ С. Т. Аксакову: „Съ Константиномъ Сергѣевичемъ (Аксаковымъ), я боюсь, мы никогда не сойдемся. Онъ въ „мірѣ“ видитъ какое-то всеобщее лѣкарство, панацею, альфу и омегу русской жизни; а я, признавая его особенность и свойственность — если можно такъ выразиться — Россіи, все-таки вижу въ немъ одну лишь первоначальную, основную почву — но не болѣе какъ почву, форму, *на* которой строится, а не *въ* которую выливается государство. Дерево безъ корней быть не можетъ; но Константинъ Сергѣевичъ, мнѣ кажется, желалъ бы видѣть корни на вѣтвяхъ. Право личности имъ, что̀ ни говори, уничтожается—а я за это право сражаюсь до сихъ поръ и буду сражаться до конца“. Въ 1859 году, наканунѣ реформы, онъ писалъ И. С. Аксакову: „О мірѣ, объ общинѣ, о мірской отвѣтственности въ нашихъ околодкахъ никто слышать не хочетъ: я почти убѣждаюсь, что это надо будетъ наложить на крестьянъ въ видѣ административной и финансовой мѣры: само собою они не согласятся, т.-е. они дорожатъ міромъ только съ юридической точки зрѣнія—какъ *самосудствомъ*, если можно такъ выразиться, но никакъ не иначе“.

Послѣ освобожденія крестьянъ, когда общинное владѣніе съ круговой порукой было закрѣплено закономъ, Тургеневъ сталъ рѣшительнымъ противникомъ этихъ порядковъ. „Изъ того факта, что вы хотите заключить контракты только съ міромъ,—писалъ онъ Фету 29 ноября 1869 г., — а не съ отдѣльными лицами, выводите слѣдствіе, что община и круговая порука—вещи прелестныя... Да кто же сомнѣвается въ томъ, что община и круговая порука *очень выгодны для помѣщика*, для власти, для другого, однимъ словомъ; но выгодны ли онѣ для самихъ *субъектовъ*? Вотъ въ чемъ вопросъ! Оказывается, что больно невыгодны, да такъ, что, разоряя крестьянъ и мѣшая всякому развитію хозяйства, становятся уже невыгодными и для *другихъ*“. Черезъ мѣсяцъ Иванъ Сергѣевичъ писалъ тому же корреспонденту: „Ни на волосъ не вѣрю ни въ общину, ни въ тотъ паръ, который,

по вашему, такъ необходимъ. Знаю только, что всѣ эти хваленыя особенности нашей жизни нисколько не свойственны исключительно намъ; и что все это можно до послѣдней іоты найти въ настоящемъ или прошедшемъ той Европы, отъ которой вы такъ судорожно отпираетесь. Община существуетъ у арабовъ (отчего они мерли съ голоду, а кабилы, у которыхъ ея нѣтъ, не мерли). Паръ, круговая порука—все это было и есть въ Англіи, въ Германіи большею частію было, потому что отмѣнено". Столь же отрицательно отнесся Иванъ Сергѣевичъ и къ „артели", которую славянофилы такъ тѣсно связывали съ общиной и считали коренной русской особенностью. Въ 1867 году онъ писалъ Герцену по поводу „придуманныхъ господами и навязанныхъ народу совершенно чуждыхъ ему демократическихъ соціальныхъ тенденцій въ родѣ общины и артели". „Отъ общины Россія не знаетъ, какъ отчураться, а что до артели,—я никогда не забуду выраженіе лица, съ которымъ мнѣ сказалъ въ нынѣшнемъ году одинъ мѣщанинъ: „кто артели не знавалъ, не знаетъ петли". Не дай Богъ, чтобъ безчеловѣчно-эксплуататорскія начала, на которыхъ дѣйствуютъ наши артели, когда-нибудь примѣнились въ болѣе широкихъ размѣрахъ! „Намъ въ артель его не надыть: человѣкъ онъ, хоша не воръ, безденежный и поручителевъ за себя не имѣетъ, да и здоровьемъ ненадеженъ—на кой его намъ лядъ!" Эти слова можно услыхать сплошь да рядомъ: далеко, какъ изволишь видѣть, до fraternité или хоть до Шульце-Деличевской ассоціаціи". Вообще, Ивана Сергѣевича сердила и волновала теорія, которая изъ общины и артели желала вывести начала общежитія и нравственности, могущія обновить и русскіе образованные слои, и весь строй европейской жизни. Эта теорія исключительной миссіи русскаго мужика въ дѣлѣ излеченія человѣчества отъ вѣковыхъ его недостатковъ сердила Ивана Сергѣевича и своей неопредѣленностью, и началами косности, заключающимися въ ней. Она предполагала въ сущности передачу культуры не отъ образованнаго класса крестьянской средѣ, а наоборотъ — требовала, чтобы люди, прошедшіе европейскую школу, обратились за наукой къ мужику, нетронутому цивилизаціей. Свои возраженія на эту теорію Тургеневъ подробно излагалъ въ письмахъ къ Герцену: „Роль образованнаго класса въ Россіи, — писалъ онъ 8 октября 1862 года,—быть передавателемъ цивилизаціи народу съ тѣмъ, чтобы онъ самъ уже рѣшилъ, что̀ ему отвергать или принимать; это въ сущности скромная роль, хотя въ ней подвизались Петръ Великій и Ломоносовъ,

хотя ее приводитъ въ дѣйствіе революція [1]), эта роль, по моему, еще не кончена. Вы же, господа, напротивъ, нѣмецкимъ процессомъ мышленія (какъ славянофилы) абстрагируя изъ едва понятой и понятной субстанціи народа тѣ принципы, на которыхъ вы предполагаете, что онъ построитъ свою жизнь, кружитесь въ туманѣ и, что̀ всего важнѣе, въ сущности отрекаетесь отъ революціи,—потому что народъ, передъ которымъ вы преклоняетесь, консерваторъ par excellence и даже носитъ въ себѣ зародыши такой буржуазіи въ дубленомъ тулупѣ, теплой и грязной избѣ, съ вѣчно-набитымъ до изжоги брюхомъ и отвращеніемъ ко всякой гражданской отвѣтственности и самодѣятельности, что̀ далеко оставитъ за собой всѣ мѣтко-вѣрныя черты, которыми ты изобразилъ западную буржуазію въ своихъ письмахъ. Далеко нечего ходить—посмотри на нашихъ купцовъ... Приходится вамъ пріискивать другую троицу, чѣмъ найденная вами: „земство, артель и община", или сознаться, что тотъ особый строй, который придается государственнымъ и общественнымъ формамъ усиліями русскаго народа, еще не настолько выяснился, чтобы мы, люди рефлексіи, подвели его подъ категоріи. А не то предстоитъ опасность—то низвергаться передъ народомъ, то коверкать его, то называть его убѣжденія святыми и высокими, то клеймить ихъ несчастными и безумными, какъ это сдѣлалъ чуть не на одной страницѣ Бакунинъ въ своей послѣдней брошюрѣ". Черезъ мѣсяцъ Тургеневъ писалъ Герцену по тому же вопросу: „Врагъ мистицизма и абсолютизма, ты мистически преклоняешься передъ русскимъ тулупомъ и въ немъ-то видишь великую благодать и новизну и оригинальность будущихъ общественныхъ формъ—das Absolute, однимъ словомъ,—то самое Absolute, надъ которымъ ты такъ смѣешься въ философіи. Всѣ твои идолы разбиты, а безъ идола жить нельзя,—такъ давай воздвигать алтарь этому новому невѣдомому богу, благо о немъ почти ничего неизвѣстно—и опять можно молиться и вѣрить, и ждать. Богъ этотъ дѣлаетъ совсѣмъ не то, что̀ вы отъ него ждете,—это, по вашему, временно, случайно, насильно привито ему внѣшней властью; богъ вашъ любитъ до обожанія то, что̀ вы ненавидите, и ненавидитъ то, что̀ вы любите; богъ принимаетъ именно то, что̀ вы за него отвергаете; вы отворачиваете глаза, затыкаете уши и съ экстазомъ, свойственнымъ всѣмъ скептикамъ, которымъ скепти-

[1]) Слову „революція" Иванъ Сергѣевичъ придаетъ въ письмахъ къ Герцену тотъ же самый смыслъ, какой предоставляетъ ему и въ своихъ воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ (изд. „Нивы", т. XII, стр. 38)—смыслъ „науки, прогресса, гуманности, цивилизаціи", а не *насильственнаго* переворота.

цизмъ надоѣлъ, съ этимъ специфическимъ, ультра-фанатическимъ экстазомъ, твердите о „весенней свѣжести, о благодатныхъ буряхъ и т. д.“. Исторія, филологія, статистика—вамъ все ни по чемъ; ни по чемъ вамъ факты, хотя бы, напримѣръ, тотъ несомнѣнный фактъ, что мы, русскіе, принадлежимъ и по языку, и по породѣ къ европейской семьѣ, „genus Europaeum“, и, слѣдовательно, по самымъ неизмѣннымъ законамъ физіологіи должны идти по той же дорогѣ. Я не слыхалъ еще объ уткѣ, которая, принадлежа къ породѣ утокъ, дышала бы жабрами, какъ рыба“.

Отголоски этой горячей отповѣди Тургенева мы находимъ позднѣе въ рѣчахъ Потугина („Дымъ“): „...Постойте, потерпите: все будетъ. А почему будетъ, позвольте полюбопытствовать? А потому, что мы, молъ, образованные люди,—дрянь; но народъ... о, это великій народъ! Видите этотъ армякъ? вотъ откуда все пойдетъ. Всѣ другіе идолы разрушены; будемте же вѣрить въ армякъ. Ну, а коли армякъ выдастъ? Нѣтъ, онъ не выдастъ, прочтите Кохановскую, и очи въ потолоки! Право, если бъ я былъ живописцемъ, вотъ бы я какую картину написалъ: образованный человѣкъ стоитъ передъ мужикомъ и кланяется ему низко: „вылечи, молъ, меня, батюшка-мужичокъ, я пропадаю отъ болѣсти“; а мужикъ, въ свою очередь, низко. кланяется образованному человѣку: „научи, молъ, меня батюшка-баринъ, я пропадаю отъ темноты“. Ну. и, разумѣется, оба ни съ мѣста“.

Но для лучшаго воспроизведенія истинныхъ взглядовъ Ивана Сергѣевича по затронутому вопросу необходимо имѣть въ виду слѣдующій разговоръ (1878 г.) автора „Дыма“, записанный дословно однимъ изъ собесѣдниковъ. „—Я ненавижу славянофиловъ,—сказалъ Иванъ Сергѣевичъ,—они всѣхъ губили, кто приходилъ съ ними въ соприкосновеніе, и Кохановскую, и Гоголя... Я ихъ ненавижу за то, что они, въ сущности, вовсе не русскіе люди, а нѣмцы больше самихъ нѣмцевъ... во-первыхъ, они систематики, а систематичность чужда русскому человѣку.

— А вотъ они такъ васъ западникомъ ругаютъ, говорятъ, что вы потому и въ „нѣметчинѣ“ живете, что Россію не любите!..

— Что за вздоръ! Нѣтъ, вы слушайте: славянофилы создали себѣ идею о русскомъ человѣкѣ и подгоняютъ всю русскую жизнь подъ эту идею... Для нихъ русскій человѣкъ и западный человѣкъ составляютъ двѣ противоположности... А какая въ сущности между нами разница? Мы—вѣтви одного и того же родословнаго индо-европейскаго дерева. Одна вѣтвь выросла въ одну сторону, другая въ другую; а славянофилы считаютъ, что нѣтъ, что мы два разныхъ дерева, и что если въ данномъ слу-

чаѣ европеецъ поступитъ такъ, то русскій, только въ силу того, что онъ русскій, долженъ поступать наоборотъ. Кто говоритъ,— конечно, мы во многомъ отличаемся отъ западно-европейскихъ народовъ... Возьмите хоть то, что̀ вы говорили объ индивидуализмѣ,—я согласенъ съ вами: русскій гораздо меньше индивидуалистъ, чѣмъ западный европеецъ. Сравните даже и грамматическія формы: что̀ можетъ быть индивидуальнѣе французскаго глагола? И что̀ можетъ быть шире и болѣе обще глагола русскаго? И нравственность у насъ другая, у насъ больше общественнаго чувства, развившагося на почвѣ русской общины...

— Ну, она отчасти силой была навязана крестьянству,— перебилъ X.—Смотрите, какъ теперь дѣлается въ Россіи. Все подѣлилось въ крестьянствѣ, все стремится устроиться на почвѣ естественной семьи, т.-е. состоящей изъ мужа, жены и ихъ дѣтей...

— Такъ, такъ, я самъ знаю это, самъ видѣлъ прелюбопытные случаи дѣлежа. Мнѣ разъ посовѣтовали взглянуть на одну семью, гдѣ два брата, имѣвшіе одинъ только жалкій домишко и дворъ съ огородомъ, все это раздѣлили на двѣ части и даже избу перегородили простымъ огороднымъ плетнемъ. Вмѣсто одной печи они поставили двѣ, и это все-таки не мѣшало ругаться невѣсткѣ и свекрови—одинъ братъ былъ вдовъ, и у него хозяйствомъ заправляла мать. Но не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что русскій человѣкъ дѣйствительно нравственнѣе западнаго и чувство правды у него сильнѣе. Однажды Меримѐ сказалъ мнѣ вещь, которую я никогда не забуду,—онъ сказалъ, что „русское искусство черезъ правду дойдетъ до красоты“ [1])...

Въ самомъ дѣлѣ, Иванъ Сергѣевичъ не столько отрицалъ тѣ качества русскаго человѣка, на какія ссылалось славянофильство, сколько отвергалъ выводы изъ нихъ, дѣлаемые послѣднимъ. Онъ не столько указывалъ на превосходство западныхъ народовъ, переработанныхъ культурой, сколько настаивалъ на тѣхъ прекрасныхъ результатахъ, которые получатся отъ насажденія образованія среди русскихъ народныхъ массъ. А въ своей полемикѣ съ славянофилами и Герценомъ онъ является передъ нами не столько человѣкомъ глубоко и всесторонне образованнымъ, какимъ онъ несомнѣнно былъ, сколько патріотомъ, для котораго благополучіе родины дороже личныхъ благъ и собственнаго спокойствія.

Только при такихъ условіяхъ Тургеневъ могъ раскрыть въ

---

[1]) „Сѣверный Вѣстникъ“, 1887, кн. 3, стр. 53.

русскомъ крестьянинѣ „человѣка" своими „Записками Охотника"; только при этой любви онъ могъ обезсмертить въ поэтическихъ образахъ тѣ высокія нравственныя качества простого земледѣльца, какія глубоко насъ трогаютъ въ его стихотвореніяхъ въ прозѣ: „Два богача" или „Повѣсить его!"

Велико было у Ивана Сергѣевича пониманіе русскаго мужика и его нуждъ, много онъ подмѣтилъ за нимъ характерныхъ особенностей; но и Тургеневъ, этотъ чуткій психологъ, при всемъ своемъ художественномъ дарованіи, нерѣдко останавливался въ недоумѣніи передъ крестьянской жизнью. „Русскій народъ—самый странный и самый удивительный народъ во всемъ мірѣ",—писалъ онъ въ 1852 году, приготовивъ къ отдѣльному изданію свои „Записки Охотника". Ту же мысль высказывалъ онъ и на закатѣ своей дѣятельности:

„Изжелта-сѣрый, сверху рыхлый, исподнизу твердый скрипучій песокъ... песокъ безъ конца, куда ни взглянешь! И надъ этой песчаной пустыней, надъ этимъ моремъ мертваго праха, высится громадная голова египетскаго сфинкса.

„Что хотятъ сказать эти крупныя, выпяченныя губы, эти неподвижно расширенныя, вздернутыя ноздри—и эти глаза, эти длинные полу-сонные, полу-внимательные глаза подъ двойной дугой высокихъ бровей? А что-то хотятъ сказать они! Они даже говорятъ—но одинъ лишь Эдипъ умѣетъ разрѣшить загадку и понять ихъ безмолвную рѣчь.

„Ба! Да я узнаю эти черты... въ нихъ уже нѣтъ ничего египетскаго. Бѣлый, низкій лобъ, выдающіяся скулы, носъ короткій и прямой, красивый бѣлозубый ротъ, мягкій усъ и бородка курчавая—и эти широко разставленные небольшіе глаза... а на головѣ шапка волосъ, разсѣченная проборомъ... Да это ты, Карпъ, Сидоръ, Семенъ, ярославскій, рязанскій мужичокъ, соотчичъ мой, русская косточка! Давно ли попалъ ты въ сфинксы?

„Или ты тоже что-то хочешь сказать? Да; и ты тоже сфинксъ. И глаза твои—эти безцвѣтные, но глубокіе глаза—говорятъ тоже. И такъ же безмолвны и загадочны ихъ рѣчи.

„Только гдѣ твой Эдипъ?

„Увы! не довольно надѣть мурмолку, чтобы сдѣлаться твоимъ Эдипомъ, о, всероссійскій сфинксъ!"

Н. Гутьяръ.

ВЪ СТАРЫХЪ
ИТАЛЬЯНСКИХЪ РЕСПУБЛИКАХЪ

Путевые очерки и замѣтки *).

I. — „Bononia—docet“.

Вѣжливость—далеко не дружба, но тѣмъ не менѣе это преполезное и препріятное изобрѣтеніе цивилизаціи, въ высокой степени помогающее сношеніямъ съ людьми и обоюдно выгодное имъ.

Конечно, мы могли бы выѣхать изъ своей гостинницы и устроиться въ желѣзнодорожномъ поѣздѣ и безъ особыхъ услугъ хозяина нашего отеля, но нельзя не признать, что эти услуги мѣстныхъ людей иностранцу, попавшему въ обстановку, ему мало знакомую, въ сильной мѣрѣ успокаиваютъ и облегчаютъ его. Хозяинъ каждой европейской гостинницы непремѣнно придетъ дружелюбно проститься съ вами, непремѣнно освѣдомится, имѣете ли вы въ виду удобную гостинницу въ томъ городѣ, куда отправляетесь, и дастъ вамъ туда рекомендательную карточку; мало того, онъ пошлетъ съ вами на вокзалъ или на пароходъ человѣка, который устроитъ вамъ багажъ, размѣняетъ вамъ деньги, предъявитъ, гдѣ слѣдуетъ, ваши билеты. А Herr Bauer, сверхъ всего прочаго,—какъ дѣлали, впрочемъ, потомъ и многіе другіе хозяева итальянскихъ гостинницъ,—еще принесъ намъ на память о нашемъ пребываніи у него хорошенькіе альбомчики съ видами Ве-

*) Изъ бумагъ покойнаго автора. — *Ред.*

неціи, гдѣ на первомъ планѣ была, разумѣется, изображена во всѣхъ видахъ и со всѣхъ сторонъ его комфортабельная „Grand' Hôtel d'Italie", а на концѣ, въ видѣ закуски, собственная маститая фигура ея великобородаго владѣльца. Очень удобная и вмѣстѣ приличная реклама, вѣрно разсчитанная на психологію человѣчества.

Ну, какъ, въ самомъ дѣлѣ, не порекомендовать такого галантнаго хозяина, такую привѣтливую гостинницу, своимъ знакомымъ, отправляющимся за границу,—какъ обойти такое милое мѣстопребываніе при собственномъ своемъ вторичномъ посѣщеніи той же Венеціи?

Денёкъ насталъ сѣренькій, но удивительно мягкій; хотя еще нашъ мартъ, а уже съ шести часовъ утра всѣ окна домовъ отворены настежь, чтобы согрѣть комнаты свѣжимъ воздухомъ. Опять по милому Canale Grande, мимо прелестныхъ дворцовъ изъ мраморнаго кружева, которые хотѣлось бы навсегда унести съ собою въ сердцѣ... Изъ Венеціи уѣзжаешь съ чувствомъ искренней жалости. И народъ ея кажется теперь какимъ-то удивительно красивымъ и живописнымъ, женщины—въ особенности. Правда, венеціанки всегда считались самыми красивыми изо всѣхъ итальянокъ. Все это типы Тиціана и Веронеза—съ жгучими, смѣлыми глазами, съ кокетливо сбитою вверхъ копною черныхъ волосъ, жгутомъ завязанныхъ на макушкѣ, свѣжія, здоровыя, сильныя, чуждыя, повидимому, всякой мечтательности и сантиментализма, а бодро и откровенно пользующіяся жизнью... Рыжихъ и блондинокъ, какъ на полотнахъ Тиціана, почти здѣсь не видишь, а все черныя какъ смоль. Невольно повѣришь разсказамъ старыхъ писателей, что бѣлокурыя Венеры венеціанскихъ патриціевъ, съ которыхъ Тиціанъ писалъ свои портреты, красили свои волосы въ русый и льняной цвѣтъ, по тогдашней аристократической модѣ, чтобы выдѣляться изъ толпы черноволосыхъ красавицъ плебса.

За Местрэ—одна безконечная зеленая равнина, влажная и сочная, какъ заливной лугъ. Копнешь на поларшина—и уже выступаетъ вода. Оттого тутъ каналы, канавы, прудки на каждомъ шагу. Полей собственно нѣтъ, деревень настоящихъ нѣтъ; во всѣ стороны, куда ни глянешь, сплошная населенная мѣстность, фермы, хуторки, аллеи шелковицъ, разлинеивающія на тѣсныя полосы и клѣтки, словно листъ бумаги, всю низменную равнину. А гдѣ только скучатся вмѣстѣ нѣсколько домиковъ, сейчасъ же

и поднимается изъ ихъ середины островерхій минаретъ готической колоколенки. Клеверъ, люцерна, пшеница стелются густыми зелеными коврами, уже полуаршинной высоты. Дома и садики горятъ голубыми гроздьями глициніи, сіяютъ бѣлымъ снѣгомъ и нѣжнымъ розовымъ пухомъ цвѣтущихъ миндалей, персиковъ и вишень... Сельскіе домики здѣсь совсѣмъ простые, одни—подъ крутыми соломенными крышами, другіе—подъ черепицею. У всѣхъ трубы придѣланы сбоку строенія, прямо отъ земли, словно башни у крѣпостной стѣны... Земля тутъ сѣро-желтая, илистая отъ постоянныхъ разливовъ водъ, необыкновенно плодородная, подобно нашему среднеазіатскому желтозему, или такъ-называемому лёсу. Пашутъ ее здѣсь плугами очень глубоко, вершковъ на восемь, двумя и тремя парами воловъ. Несешься въ вагонѣ съ стеклянными стѣнками, настежь теперь открытыми, и кажется, что никакъ не выѣдешь изъ сплошного зеленаго сада.

Проѣхали городокъ Ponte del Brenta, гдѣ переправились черезъ чистую, многоводную Бренту—рѣку венеціанскихъ виллъ.

Тутъ что̀ ни шагъ, то историческій городъ, одинъ важнѣе, одинъ любопытнѣе другого. Но останавливаться въ каждомъ изъ нихъ—нужно посвятить Италіи не два мѣсяца, а нѣсколько лѣтъ.

Вотъ и Падуа,—Патавіумъ римлянъ,—старая родина Тита Ливія, котораго гробницу, едва ли не апокрифическую, показываютъ до сихъ поръ. Мало того, здѣсь даже покажутъ гробницу троянца Антенора, брата Пріама, миѳическаго основателя всѣхъ древнѣйшихъ итальянскихъ городовъ. Падуа смотритъ своими тѣсно скученными куполами и колокольнями, своими узкими улицами въ аркадахъ—нѣсколько по-восточному. Когда-то важный центръ европейской учености, славившійся съ самаго XIII-го столѣтія своимъ университетомъ, колыбель одной изъ лучшихъ и самыхъ раннихъ школъ итальянскаго художества, вождями которой были Джіотто, Донателло и другіе отцы живописи и скульптуры; до XV-го вѣка независимая республика, боровшаяся съ Венеціею и Вероною,—теперь она превратилась въ тихій провинціальный городокъ, куда стекаются богомольцы-католики въ знаменитый древній монастырь Антонія Падуанскаго, этого популярнѣйшаго святого сѣверной Италіи, да любители художествъ заѣзжаютъ полюбоваться на работы Сансовино и Донателло, на фрески Джіотто, Мантенья и Тиціана.

Въ Падуѣ жилъ нѣкогда и Данте, другъ Джіотто, такъ мало похожій грозными, потрясающими образами своей „Божествен-

ной Комедіи“ на умильные и кроткіе лики Джіоттовыхъ картинъ.

Всего въ десяти километрахъ отъ Падуи—мѣстечко Абано, гдѣ собственно и считается мѣсторожденіе Тита-Ливія. Равнина здѣсь перерѣзывается совершенно случайною цѣпью невысокихъ, но очень красивыхъ Эвганейскихъ горъ, вулканическаго характера.

На скатахъ, на вершинахъ ихъ—живописные зàмки, виллы, деревеньки... У селенія Батальи, на такъ-называемомъ холмѣ св. Елены, эффектно высится огромный старинный зàмокъ, въ видѣ крѣпости, графа Вимпфена, окруженный густымъ паркомъ.

Тутъ и теплыя минеральныя воды, извѣстныя еще римлянамъ, куда съѣзжаются теперь не только итальянцы, но и иностранцы; особенно славится пещера въ горѣ, наполненная горячими парами.

На каждой порядочной станціи намъ предлагаютъ корзины съ готовымъ завтракомъ; за небольшую цѣну вы получаете разныя закуски, вино, фрукты, которые можете спокойно уничтожать, не выходя изъ своего вагона. Вся эта гористая мѣстность необыкновенно красива и разнообразна, такъ что не налюбуешься на нее.

Сейчасъ же за Батальей, слѣва надъ дорогою, на вершинѣ коническаго холма, другой картинный зàмокъ одного изъ австрійскихъ эрцгерцоговъ. А дальше, на скатахъ Эвганейскихъ горъ, мѣстечко Арка-дель-Монте, гдѣ умеръ въ XIV-мъ вѣкѣ поэтъ Петрарка, гдѣ находится его гробница и даже уцѣлѣлъ старинный домъ его...

Романтическія развалины стараго зàмка, принадлежавшаго патріарху Венеціи, и многочисленные остатки былыхъ укрѣпленій вѣнчаютъ и холмы Эвганейскихъ горъ у станціи Монселиче, гдѣ пейзажъ дѣлается просто восхитительнымъ. Самъ городокъ Монселиче осыпалъ своими старинными домиками подошву и склоны горы, по которой взбѣгаютъ зигзагами къ вершинѣ, словно ряды черныхъ монаховъ, аллеи кипарисовъ; зубчатыя стѣны огромнаго аббатства тоже живописно лѣпятся по кручамъ горы...

Приближаясь къ рѣкѣ Эчи, эта прелестная горная цѣпь вдругъ разомъ исчезаетъ, словно декорація театра, провалившаяся сквозь землю.

Къ Ровиго тянется опять та же, пропитанная влагою, перерѣзанная сѣтью каналовъ, плодородная низина. Въ Ровиго—

остановка и общій завтракъ. Нарѣзаютъ вамъ куски говядины, накладываютъ холодную вареную спаржу безъ подливки, подаютъ черный кофе безъ сливокъ. Молока, сливокъ итальянецъ, повидимому, не терпитъ. Вино—вотъ его молоко. Итальянскія станціи значительно меньше, проще и неудобнѣе нашихъ русскихъ, но и публика пользуется зато ими гораздо менѣе, чѣмъ у насъ.

Рѣку По мы переѣхали очень скоро послѣ переѣзда Эчи, сейчасъ же за Ровиго. Рѣка эта, очень широкая, многоводная и чистая, течетъ въ ровныхъ зеленыхъ берегахъ, какъ и ея сосѣдка Эчъ, повидимому, вовсе не размывая ихъ. Много фабричныхъ трубъ дымится на берегу рѣки у Ponte Lagoscuro. Рѣка По служила долгое время пограничнымъ рубежомъ между венеціанскими владѣніями и папскою Романьею. Переѣхавъ ее, мы уже находились въ предѣлахъ бывшей Папской области.

На нашемъ пути опять знаменитый старинный городъ Феррара—„Forum alieni“ римлянъ, тоже когда-то самостоятельный, тоже прославленный своими художниками и государственными людьми, нѣкогда блестящая резиденція фамиліи д'Эсте, просвѣщенной покровительницы поэзіи и художествъ, ведшей свой родъ еще отъ нашествія лонгобардовъ; въ то время Феррара съ своими ста тысячью жителей гремѣла торговлею и богатствомъ; Аріосто и Тассо находили дружелюбный пріютъ въ дворцахъ феррарскихъ герцоговъ; Тиціанъ рисовалъ здѣсь свои портреты; золотые дукаты здѣсь щедро сыпались за безцѣнныя полотна Рафаэля и Леонардо да-Винчи. Въ свободомыслящей Феррарѣ находилъ убѣжище гонимый церковью Кальвинъ; Лукреція Борджіа, ставшая женою Альфонса д'Эсте, устроивала здѣсь свои шумныя оргіи, и здѣсь же протекла злополучная повѣсть любви Леоноры д'Эсте къ злополучному Торквато Тассо.

Въ Феррарѣ до сихъ поръ сохраняется скромный домикъ Аріосто, съ латинскою надписью его сочиненія, который онъ самъ построилъ и въ которомъ умеръ, и даже домъ его предковъ, гдѣ родился поэтъ.

Маццалино, Гарофало, Доссо-Досэи, если и не образовали здѣсь вполнѣ самобытной школы искусства, то все-таки выдвинули своими произведеніями достаточно ярко мѣстныя особенности феррарскихъ художниковъ, больше всего вдохновлявшихся могучими представителями современной имъ венеціанской школы...

А теперь Феррара еще скромнѣе и безлюднѣе Падуи; дворцы ея въ развалинахъ, широкія улицы ея пусты.

Громадный старый зàмокъ герцоговъ д'Эсте съ своими четырьмя массивными башнями страннаго вида поднимается среди

тѣсноты городскихъ домовъ какимъ-то темнымъ допотопнымъ чудовищемъ, полный внутри темницъ и застѣнковъ; въ одномъ изъ нихъ была обезглавлена ревнивымъ мужемъ прославленная поэмою Байрона Паризина Малатеста, жена маркграфа феррарскаго Николая, вмѣстѣ съ своимъ любовникомъ и пасынкомъ Гуго, незаконнымъ сыномъ Николая... Теперь въ этомъ историческомъ замкѣ, разрисованномъ Доссо-Досэи и Тиціаномъ, помѣщается городская префектура и разныя правительственныя учрежденія.

Древній соборъ Феррары, считающій свои года еще съ начала XII-го столѣтія, съ своею красивою кампаниллой, безъ кровли, какъ всѣ здѣшнія колокольни, поддерживаетъ старую художественную славу Феррары и прекраснымъ фасадомъ своимъ, и прекрасными картинами Гверчино, Гарофало и Франчіа...

Зеленая, гладкая какъ ладонь равнина, усѣянная рядами молодыхъ итальянскихъ тополей и хозяйственными хуторками крестьянъ, продолжаетъ тянуться за Феррарою вплоть до Болоньи. Когда подъѣзжаешь къ Болоньѣ, эти ряды обращаются въ цѣлые легіоны, которыми равнина перекрещена во всѣхъ направленіяхъ, какъ петлями громадной сѣти. Но самъ городъ Болонья—стоитъ у входа въ Апеннинскія предгорья и необыкновенно живописно расположенъ по ихъ скатамъ и долинкамъ.

Я представить себѣ не могъ, чтобы этотъ все-таки, какъ мнѣ казалось, не особенно важный городъ недавней Папской области былъ до такой степени богатъ, красивъ и интересенъ...

Путешествуя по этой необыкновенной странѣ, право, не перестаешь изумляться, откуда это могла почерпнуть она столько генія и смѣлой воли, столько непоколебимой вѣры и въ свои силы—создать себѣ прекрасную, полную содержанія жизнь, и въ свое право—пользоваться этою прекрасною, разумною жизнью... Каждый городокъ Италіи, каждое ея мѣстечко полны какого-нибудь историческаго или художественнаго интереса. Здѣсь шага не сдѣлаешь, чтобы не натолкнуться на какое-нибудь славное имя, на гробницу или родину какой-нибудь знаменитости литературной, политической, артистической, на мѣсто великой битвы или великаго гражданскаго событія... Незначительный, повидимому, городъ, соотвѣтствующій нашему губернскому или даже уѣздному, оказывается вдругъ обладателемъ цѣлыхъ драгоцѣнныхъ галерей живописи и скульптуры, рѣдкихъ библіотекъ, художественныхъ храмовъ, дворцовъ, фонтановъ и монументовъ...

Можно сказать съ полнымъ правомъ, что въ Италіи каждый

шагъ путешественника касается какой-нибудь святыни своего рода, что по этой странѣ-музею нужно двигаться съ благоговѣйною осторожностью и глубокимъ вниманіемъ, какъ въ какомъ-нибудь славномъ храмѣ, наполненномъ священными реликвіями.

Болонья, засѣвшая у порога Апеннинъ, на древней римской „Via Emiliana“, у перекрестка множества большихъ дорогъ, сходящихся здѣсь со всѣхъ сторонъ: изъ Анконы и Бриндизи, изъ Венеціи и Вероны, изъ Милана и Генуи, изъ Флоренціи и Рима,— изстари сдѣлалась важнымъ стратегическимъ и отчасти торговымъ пунктомъ, естественнымъ посредникомъ между городами и областями итальянскаго сѣвера и юга, востока и запада. Этимъ отчасти объясняется былая широкая слава ея стараго университета, нѣкогда средоточія европейской учености, привлекавшаго къ себѣ любознательную молодежь изъ всѣхъ государствъ тогдашней Европы. Это же выгодное географическое положеніе помогло Болоньѣ раньше многихъ другихъ городовъ Италіи отбиться отъ феодальной зависимости и замѣнить уже съ самаго начала XII-го вѣка свободно выбраннымъ муниципалитетомъ унизительную и разорительную власть надъ городскою общиною насильниковъ-синьоровъ.

Мы остановились, по рекомендаціи своего венеціанскаго хозяина, въ прекрасно устроенной, хотя и порядочно дорогой, „Grand Hôtel Brun“, гдѣ за одну, правда, большую и удобную комнату внизу съ насъ назначили по 12 лиръ (4 р. 50 к.) въ день. Къ нашему несчастію, долго собиравшійся дождь сталъ лить не на шутку, такъ что пришлось разъѣзжать по городу въ закрытомъ фіакрѣ, хотя въ хорошую погоду многія ближайшія мѣстности можно бы было посѣтить пѣшкомъ, знакомясь гораздо лучше съ общимъ видомъ города и съ наружностью его замѣчательныхъ зданій.

Дождь далъ намъ отличный случай наглядно убѣдиться, до какой степени справедлива репутація Болоньи, какъ самаго опрятнаго и чистенькаго города Италіи. Ея улицы и тротуары вымощены до того идеально несокрушимыми кубами какого-то чрезвычайно крѣпкаго камня, что производятъ впечатлѣніе сплошного гладкаго паркета; колеса экипажей здѣсь не прыгаютъ, словно по порогамъ, какъ это бываетъ обыкновенно на мостовыхъ нашихъ губернскихъ городовъ и даже матушки-Москвы, гдѣ острыя ребра грубо разбитыхъ молотомъ каменныхъ осколковъ перетираютъ, будто гигантскимъ терпугомъ, желѣзныя шины, подковы и подошвы сапогъ,—а скользятъ плавно и безшумно,

будто по льду. Пѣшеходу даже и въ дождь негдѣ хлебнуть сапогами водицы, а калошахъ здѣсь смѣшно и вспомнить. Надо сказать еще, что домà Болоньи устроены очень своеобразно: подъ каждымъ изъ нихъ тянется вдоль передняго фасада широкій портикъ на сквозныхъ аркахъ, такъ что болонскія главныя улицы обращаются черезъ это въ безконечныя крытыя галереи, открытыя только съ наружной стороны. Эти сплошныя аркады, въ которыхъ постоянно движется народная толпа и подъ которыми расположены довольно богатые магазины города, придаютъ Болоньѣ оригинальный и живописный видъ, а въ то же время укрываютъ пѣшеходовъ отъ дождя и солнечнаго зноя почти на всемъ протяженіи наиболѣе посѣщаемыхъ улицъ и площадей, много способствуя этимъ внѣшней чистотѣ города.

Но привычка болонцевъ къ опрятности и чистотѣ особенно наглядно высказалась въ той по истинѣ трогательной заботливости о своемъ экипажѣ и своихъ лошадяхъ, которую проявлялъ при малѣйшей остановкѣ нашъ весьма презентабельный возница, державшій себя съ удивительнымъ чувствомъ собственнаго достоинства, какъ истинный свободный гражданинъ свободной Италіи. Одѣтый самъ въ свѣжій непромокаемый плащъ и непромокаемую шляпу, съ очень приличнымъ couvre-pieds на колѣняхъ,—онъ и лошадей своихъ тщательно укрывалъ отъ дождя клеенкою и теплыми толстыми попонами красиваго узора, по нѣскольку разъ отиралъ полотенцемъ ихъ ноги и морды, педантически счищалъ съ своей кареты малѣйшіе брызги грязи.

Послѣ мы видѣли и въ деревняхъ около Болоньи такое же заботливое ухаживаніе крестьянъ за лошадьми и повозками своими, чтò не мало бы удивило нашего русскаго мужичка и извозчика...

Въ Болоньѣ,—какъ и во всѣхъ историческихъ городахъ Италіи,—на каждомъ шагу какое-нибудь славное имя, чей-нибудь знаменательный памятникъ. Вотъ мы остановились на площади Гальвани съ его мраморною статуею по серединѣ; вотъ проѣзжаемъ мимо дома Галилея, еще болѣе знаменитаго учителя человѣчества; повернули въ сторону — мы на площади Мальпигія, у его бронзоваго памятника. Вотъ домъ, гдѣ жилъ и который строилъ для себя Россини; вотъ улица Мадзини, увѣковѣчившая имя славнаго итальянскаго патріота; вообще, памяти итальянскаго освобожденія посвящено особенно много площадей, улицъ, монументовъ Болоньи. Тутъ вы встрѣтите и Via del' Independenza, и Piazza del' otto Agosto (8-го августа, когда возстав-

шіе болонцы изгнали въ 1848 г. австрійскія войска изъ стѣнъ своего города), и Via Marsala, и Piazza di 20 Settembre,—дня провозглашенія Болоньей своего присоединенія къ итальянскому королевству—и уже, конечно, Piazza Vittore Emmanuele, и Via Garibaldi, и садъ Кавура, и памятники имъ всѣмъ тремъ, безъ чего не обходится теперь ни одинъ городъ Италіи. Въ честь Мадзини, Мингетти и другихъ патріотовъ итальянскаго освобожденія—тоже воздвигнуты памятники благодарными болонцами.

Въ громадныхъ, почти пустыхъ залахъ Palazzo Municipale, къ которымъ вы поднимаетесь по замѣчательно удобной и оригинальной бѣломраморной лѣстницѣ, безъ ступеней, работы славнаго Браманте,—на огромныхъ мраморныхъ доскахъ, висящихъ по стѣнамъ, вы можете прочесть драгоцѣнные для Болоньи историческіе документы—подлинныя прокламаціи, съ помощью которыхъ въ дни итальянскаго объединенія король сардинскій Викторъ-Эммануилъ и его тогдашній союзникъ императоръ французовъ Наполеонъ III-й подняли возстаніе въ Болонской области, принадлежавшей тогда папѣ.

А внизу, подъ арками двора того же муниципальнаго дворца, вывѣшены такія же тяжеловѣсныя мраморныя скрижали съ начертаннымъ на нихъ золотыми литерами торжественнымъ постановленіемъ болонскихъ гражданъ о ихъ присоединеніи къ итальянскому королевству. Одна изъ улицъ посвящена болонскому Козьмѣ Минину своего рода,—герою священнику Уго Басси, который первый поднялъ народъ противъ австрійцевъ въ 1849 г. и былъ тогда же разстрѣлянъ ими. Тутъ и памятникъ этому популярному итальянскому патріоту. А въ особомъ отдѣлѣ—„Museo Civico“, носящемъ названіе „Rissorgimento“, или музея „Воспоминаній“, изображена вся кровавая трагедія его подвиговъ и хранятся уцѣлѣвшія отъ него вещи.

Это уваженіе народа къ героямъ своей исторіи, увѣковѣченное въ художественныхъ памятникахъ, въ названіяхъ зданій и улицъ, переживающихъ столѣтія, и свойственное только дѣйствительно культурному обществу,—въ старинныхъ итальянскихъ городахъ бросается особенно въ глаза и возбуждаетъ глубокое сочувствіе.

Кстати о „Museo Civico“. Посѣщеніе его очень интересно даже въ такой странѣ, кишащей всѣмъ интереснымъ, какъ Италія. Особенно стóитъ вниманія его замѣчательное собраніе лигурійскихъ, умбрійскихъ и этрусскихъ древностей, подобное которому вы едва ли гдѣ встрѣтите. Болонья не даромъ считается основанною еще умбрійцами или, по крайней мѣрѣ, этру-

скими, задолго до Р. Хр. Тутъ не только рѣдкая коллекція чудныхъ, отлично сохранившихся вазъ и другихъ сосудовъ, но и древнія лигурійскія, этрусскія могилы, вынутыя цѣликомъ, во всей ненарушимой первобытной формѣ, съ множествомъ костяковъ и украшавшихъ ихъ когда-то бронзовыхъ уборовъ и орудій. Иные изъ этихъ костяковъ, педантически сохранившіе то самое положеніе, въ которомъ они были погребены, уже до того срослись съ землею и до того стали похожи на землю, что ихъ съ трудомъ отличаешь отъ спекшейся вокругъ нихъ темнокоричневой почвы.

Умбрійцы не хоронили, какъ лигурійцы и этруски, а сжигали прахъ своихъ покойниковъ, и въ окрестностяхъ Болоньи, этой древней умбрійской Фельзины,—найдено было безчисленное множество глиняныхъ погребальныхъ урнъ съ остатками жженыхъ костей и пепла. Всѣ они выставлены въ музеѣ вмѣстѣ съ всевозможными предметами домашняго быта умбрійцевъ,—веретенами, прялками, бронзовыми булавками, пряжками и проч. Этруски же успѣли достичь такой степени культуры, что ихъ произведенія, вазы, канделябры, хрустальные флаконы, погребальныя стеллы, не уступаютъ по красотѣ и искусству лучшимъ греческимъ образцамъ. Вообще, это богатѣйшее собраніе даетъ прекрасное понятіе о многихъ сторонахъ быта этихъ мало намъ извѣстныхъ племенъ, однихъ изъ древнѣйшихъ всельниковъ Италіи и Европы, сравнительно съ которыми римляне, начинающіе свою исторію за восемь вѣковъ до Р. Х., являются новыми пришельцами...

Въ „Rissorgimento“ собраны всевозможныя реликвіи войны за независимость Италіи, портреты и бюсты ея дѣятелей, ихъ вещи, одежды, оружіе. Тутъ и шапка Гарибальди, и драгоцѣнные царскіе уборы Мюрата, и дивный портретъ Виктора-Эммануила, работы художника Тивалли, подарокъ короля Гумберта, до того поразительно рельефный, что онъ какъ статуя выдѣляется изъ рамы, вводя зрителя просто въ иллюзію.

Выходя изъ „Museo Civico“, необходимо полюбоваться на великолѣпный фонтанъ Нептуна, работы знаменитаго Джіованни Болонскаго, украшенный художественною бронзовою группою морского бога, дельфиновъ и нереидъ... Это одна изъ гордостей болонцевъ, которую они прежде всего показываютъ иностранцу.

Нельзя пропустить въ Болоньѣ и ея *архигимназіи*, нѣкогда славнаго университета ея, одного изъ старѣйшихъ и плодотворнѣйшихъ разсадниковъ науки въ Европѣ, возникшаго еще среди тьмы среднихъ вѣковъ, съ XII-го вѣка, а по нѣкоторымъ дан-

нымъ существовавшаго въ видѣ высшей школы еще съ V-го вѣка, теперь же обращеннаго въ колоссальную публичную библіотеку. Архигимназія по счастью сохранила въ неприкосновенности многія характерныя черты древняго университета. Обширный квадратный дворъ его, обнесенный кругомъ двухъ-ярусными арками широкихъ и высокихъ галерей, подобно всѣмъ стариннымъ дворамъ итальянскихъ дворцовъ, — остался совсѣмъ въ томъ видѣ, какимъ онъ былъ въ цвѣтущія времена университета, когда въ стѣны его тысячами стремились жаждавшіе знанія юноши изо всѣхъ странъ и народовъ міра.

Болонскій университетъ въ XII-мъ и XIII-мъ вѣкахъ особенно славился своимъ римскимъ правомъ; знаменитыхъ его глоссаторовъ и стекалась слушать молодежь, посвящавшая себя юриспруденціи.

Въ эти годы въ немъ часто насчитывалось до 5.000 и даже до 10.000 студентовъ разныхъ національностей, и эта ученая слава ея университета до того сдѣлалась характерною для Болоньи, что въ вѣка своей республиканской свободы, потерянной только въ XVI-мъ вѣкѣ, — она чеканила на монетахъ своихъ вмѣсто городского герба горделивый девизъ: „Bononia — docet“ (Болонья—учитъ).

Въ высшей степени оригинальную и живописную картину, подобную которой вы нигдѣ не увидите,—представляютъ собою безконечныя галереи; стѣны и потолки ихъ сплошь покрыты ярко-пестрыми мраморными и каменными арматурами, гербами, медальонами, фресками, миріадами именъ и фамилій бывшихъ въ университетѣ въ теченіе стольких вѣковъ высокихъ покровителей, знаменитыхъ профессоровъ и студентовъ всѣхъ націй свѣта, когда-нибудь здѣсь обучавшихся. Вы долго не можете оторвать глазъ отъ этихъ своеобразныхъ родословныхъ таблицъ своего рода, отъ этихъ полныхъ красоты и внутренняго смысла изящныхъ арабесковъ, одѣвающихъ словно драгоцѣнными гобеленами потолки и стѣны упраздненнаго святилища науки.

Поднимаетесь по огромной, широчайшей лѣстницѣ внутрь зданія и попадаете въ цѣлый лабиринтъ залъ, уставленныхъ и по серединѣ, и по стѣнамъ длинными столами съ безчисленнымъ множествомъ, стоящихъ на нихъ сплошными рядами, книгъ и коробокъ въ формѣ книги. Въ коробкахъ этихъ помѣщаются по нѣскольку брошюръ, посвященныхъ вопросамъ той науки, для которой отведена зала. Однѣхъ печатныхъ книгъ, не считая безчисленныхъ рукописей, тутъ 200.000 томовъ, кромѣ 170.000 томовъ, хранящихся въ новомъ зданіи университета. Пользованіе

ними въ такомъ видѣ, когда они стоятъ открыто на столахъ, а не въ шкафахъ, гораздо удобнѣе, хотя зато требуется педантическая чистота, чтобы книги не пострадали отъ пыли. И въ залахъ этихъ всѣ стѣны сплошь покрыты гербами, щитами, медальонами, портретами, бюстами, безчисленными надписями; французы въ этихъ надписяхъ величаются еще галлами, русскіе и поляки — сарматами, какъ привыкли считать ихъ ученые мужи среднихъ вѣковъ. Надъ дверями каждой залы врѣзана черная мраморная доска съ латинскою надписью, обозначающею спеціальность того отдѣла библіотеки, который здѣсь помѣщается. Доски эти занимаютъ то самое мѣсто, гдѣ въ старину была каѳедра профессора, возвѣщавшаго съ высоты ея свои научныя истины многочисленнымъ слушателямъ, возсѣдавшимъ противъ нихъ на цѣломъ амфитеатрѣ скамей. Одна изъ залъ носитъ названіе знаменитаго полиглотта, Іосифа Меццофанти, возведеннаго въ кардиналы за свои изумительныя свѣдѣнія папою Григоріемъ XVI, знавшаго при концѣ своей жизни сорокъ-два языка и преподававшаго въ болонскомъ университетѣ въ первой половинѣ XIX-го вѣка (онъ умеръ въ 1849 г.). Бюстъ его до сихъ поръ украшаетъ эту залу.

Но самая интересная изъ всѣхъ аудиторій—бывшій анатомическій театръ, совсѣмъ нетронутый реставраторами зданія и сохранившій поэтому во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ свою высокохарактерную средневѣковую физіономію. Тутъ ужъ нѣтъ ни столовъ, ни библіотеки. Вся зала одѣта по стѣнамъ и потолку обшивкою изъ полированнаго дерева, въ медальонахъ и нишахъ котораго стоятъ и висятъ сверху художественно вырѣзанные изъ кипариса статуи и бюсты прославленныхъ врачей и хирурговъ. Иппократъ и другіе врачи древности стоятъ по стѣнамъ безмолвными внимательными слушателями изумительныхъ открытій новой для нихъ науки. Гальвани здѣсь показывалъ въ 1789 г. свои первые опыты съ гальванизмомъ. Тутъ Модини, создатель анатоміи, первый училъ тайнамъ человѣческаго строенія на вскрытіи человѣческаго тѣла, Мальпигій открывалъ кровяные шарики, и Варолій производилъ свои глубокія изслѣдованія мозга; тутъ стоитъ деревянная фигура и остроумнаго изобрѣтателя искусственныхъ носовъ, съ носомъ въ рукѣ, и того ученаго, кто первый открылъ клапаны въ сердцѣ и артеріяхъ; тутъ и великіе окулисты, и великіе физики. Надъ каѳедрою—деревянный балдахинъ на двухъ большихъ деревянныхъ моделяхъ анатомическаго человѣка безъ кожи, вмѣсто колоннъ. Деревянныя скамейки высятся амфитеатромъ другъ надъ другомъ. Скамей

этихъ немного; поэтому въ былыя времена профессора и студенты ежечасно чередовались въ этой аудиторіи.

Нельзя не отмѣтить, что болонскій университетъ не только первый сталъ изучать римское право и первый положилъ основаніе современной физіологіи и медицинѣ анатомическими вскрытіями, но еще и первый же,—за много вѣковъ до современнаго намъ „феминистскаго" движенія къ уравненію правъ женщинъ,—открылъ свободный доступъ женщинѣ къ профессорской каѳедрѣ, и первый увѣнчалъ женщинъ докторскими дипломами. Лаура Басси преподавала здѣсь математику и физику, Манцолина—анатомію, а Клотильда Тамброни, уже въ нашемъ XIX-мъ вѣкѣ, читала здѣсь лекціи греческаго языка. Между прочимъ, одна изъ первыхъ женщинъ-профессоровъ Болоньи, Новелла д'Андреа, жившая еще въ XIV-мъ вѣкѣ, въ явное противорѣчіе ходячему мнѣнію, будто ученыя женщины всегда очень некрасивы,—была, напротивъ того, такъ хороша собою, что вынуждена была читать лекціи, сидя за занавѣсомъ, чтобы не развлекать своею красотою пылкое итальянское студенчество.

Анатомическая аудиторія—это святая святыхъ стараго университета. Ее посѣщаютъ европейскія медицинскія и не-медицинскія знаменитости, занося въ особую почетную книгу свои имена. Мы прочли среди этихъ безчисленныхъ именъ и имя недавно умершаго Вирхова. Въ 1888 году болонскій университетъ, донынѣ существующій въ другомъ зданіи, вблизи Пинакотеки, торжественно праздновалъ шестисотлѣтіе своего существованія, и тогда въ старыя аудиторіи архигимназіи съѣхались вмѣстѣ съ членами итальянской королевской фамиліи и итальянской выдающейся аристократіи врачи, ученые и депутаты отъ университетовъ и ученыхъ обществъ со всего міра. Всѣ эти представители міровой науки были одѣты въ средневѣковые костюмы своей профессіи и громадною блестящею процессіею двинулись изъ стѣнъ нынѣшняго университета въ древній Archigymnasio. Память объ этомъ историческомъ праздникѣ науки записана золотыми буквами на мраморной доскѣ, въ одной изъ наружныхъ галерей архигимназіи.

Мы покинули это маститое учрежденіе съ самымъ отраднымъ впечатлѣніемъ. Нужно питать искреннее благоговѣніе къ святынѣ знанія, чтобы съ такимъ вниманіемъ и такими жертвами поддерживать и охранять этотъ былой храмъ ея...

Безмолвно стоящія въ его залахъ миріады, повидимому, мертвыхъ книгъ, въ сущности заключаютъ въ себѣ болѣе жизни, чѣмъ сама текущая жизнь будничнаго люда, ибо въ нихъ вопло-

тились и увѣковѣчились, переходя неудержимо отъ одного поколѣнія къ другому, вліяя на нихъ съ могуществомъ живой силы, —идеи, знанія, труды цѣлой жизни самыхъ мудрыхъ и самыхъ благородныхъ умовъ всѣхъ протекшихъ столѣтій...

Но, съ другой стороны, дѣлается какъ-то жутко даже глядѣть на этотъ необозримый потопъ чернилъ и печатной бумаги, на эту неизслѣдимую пучину мыслей и фактовъ, наполняющихъ хотя бы одну только комнату изъ этого безконечнаго ряда залъ! А вѣдь такихъ библіотекъ, какъ въ Болоньѣ или Ватиканѣ, такихъ архивовъ, какъ въ Венеціи — сколько въ однихъ только городахъ маленькой Италіи, не говоря уже о цѣлой Европѣ! Какія человѣческія силы, память какихъ Меццофанти одолѣютъ эту подавляющую массу книжнаго матеріала, разростающагося съ каждымъ годомъ съ сказочною быстротою, сколько лѣтъ короткой человѣческой жизни нужно убить на эту безнадежную борьбу съ печатною буквою, чтобы удовлетворить ненасытимой жаждѣ человѣка къ знанію?

Болонья чрезвычайно богата,—какъ и всѣ, впрочемъ, старые города Италіи, — старинными храмами. Тутъ ихъ цѣлыхъ сто-тридцать, чуть не московскіе „сорокъ-сороковъ“. Разумѣется, интересно посмотрѣть только самые замѣчательные. Мы остановились поэтому всего на трехъ.

Церковь св. Петронія,—патрона Болоньи,—поражаетъ своею колоссальностью даже и послѣ громадныхъ храмовъ Венеціи. Кажется, наши, русскіе, такъ называемые большіе храмы могли бы здѣсь не только стать съ крестами и крышами, но и лечь во всю свою длину по нѣскольку разомъ. А между тѣмъ это еще совсѣмъ неоконченное зданіе, достроенное только на половину предполагавшейся длины, на треть задуманной ширины. Оно строилось три вѣка, съ конца XIV-го до половины XVII-го, и съ тѣхъ поръ остановилось. У итальянцевъ крѣпко вкоренился вкусъ ко всему грандіозному, къ громаднымъ размѣрамъ всего, что только они создаютъ; они притомъ и удивительные мастера на это. Несомнѣнно, что въ этой чертѣ ихъ характера сказалось ихъ кровное и историческое родство съ художественнымъ геніемъ Рима, съ его страстью ко всему колоссальному. Св. Петроній весь полонъ чудныхъ мраморовъ, гробницъ, статуй, знаменитыхъ картинъ, знаменитыхъ именъ... Однѣхъ капеллъ, украшенныхъ всевозможными богатствами скульптуры, архитектуры и живописи — тутъ двадцать-двѣ! Тутъ покоится сестра Наполеона I-го, Элиза Баччіокки, бывшая великая герцогиня Тоскан-

ская, съ дѣтьми и мужемъ; тутъ папа Климентъ VII короновалъ въ 1530 г. Карла V-го, послѣдняго императора Германіи, получившаго свою корону изъ папскихъ рукъ.

Великолѣпный балдахинъ изъ дивнаго рѣзного мрамора на четырехъ такихъ же колоннахъ, когда-то украшавшихъ главныя ворота города, осѣняетъ до сихъ поръ мѣсто этого историческаго событія. Надъ входными дверями храма помѣщалась въ прежнее время бронзовая статуя папы Юлія II-го, съ ключомъ отъ рая въ одной рукѣ, съ мечомъ—въ другой, работы Микель-Анжело. Этотъ великій художникъ-гражданинъ два раза спасался въ Болонью, и въ горестныя для него минуты, когда Медичисы чужеземною силою овладѣли Флоренціей, и позднѣе, послѣ тайнаго бѣгства изъ Рима, гдѣ его свободолюбивый духъ не хотѣлъ уступить требованію папы Юлія II-го—расписать фресками его Сикстинскую капеллу. Папа примирился съ нимъ уже въ Болоньѣ, и статуя его была залогомъ этого примиренія. Но болонцы, ненавидѣвшіе Юлія, какъ покусителя на ихъ свободу, дѣйствительно присоединившаго въ скоромъ времени Болонью къ папскимъ владѣніямъ,—сорвали съ фасада своего храма папскую статую, изломали въ куски это художественное произведеніе великаго скульптора, а бронзу продали герцогу Феррарскому, вылившему изъ нея пушку, прозванную въ честь папы „Il Giuliano“.

Но въ соборѣ св. Петронія есть и научная рѣдкость, очень характерная для Болоньи, которая отразила свою ученую репутацію даже на церковной святынѣ. Черезъ всю громадную длину храма, отъ входа его до абсиды алтаря протянулась мраморная, слегка скривленная тесьма земного меридіана, математически точно раздѣленная по своей длинѣ мѣдною проволокою. На мраморныхъ краяхъ начертаны разныя астрономическія данныя, относящіяся къ меридіану, а наверху, въ куполѣ собора, продѣлано крошечное отверстіе, черезъ которое лучъ солнца падаетъ на мѣдную линію меридіана какъ разъ въ двѣнадцать часовъ дня. Меридіанъ этотъ былъ устроенъ въ XVIII-мъ вѣкѣ извѣстнымъ астрономомъ Кассини; длина его равняется $^1/_{600000}$ земной окружности. На стѣнѣ виситъ мраморная доска, на которой начертаны всѣ математическіе разсчеты для опредѣленія меридіана и вычисленія угла эклиптики...

И внутри храма св. Петронія, и на его наружныхъ стѣнахъ вывѣшены оригинальныя афиши, которыя нельзя читать безъ улыбки: объявляется объ „indulgenzia plenaria et perpetua“, ко-

торую можно получить здѣсь на условіяхъ, умалчиваемыхъ въ афишѣ.

Другая замѣчательная церковь Болоньи—св. Доминика. Она значительно меньше Петронія, но древнѣе ея на два вѣка, и въ ней сохраняются такія историческія и религіозныя реликвіи, какъ гробница св. Доминика, основателя ордена доминиканцевъ, этихъ преторіанцевъ папскаго престола, его надежнѣйшаго оплота, не остановившагося въ своемъ рвеніи на защиту церковнаго деспотизма передъ кострами и пытками инквизиціи.

Гробница св. Доминика — великолѣпный саркофагъ, весь сотканный изъ бѣломраморныхъ фигуръ тончайшей рѣзьбы, гдѣ Христосъ, Богоматерь, святые, ангелы составляютъ изъ себя одинъ тѣсно-сплетенный священный сонмъ, поддерживающій такой же изящный, такой же сквозной и фигурный бѣломраморный куполъ. Этотъ чудный ковчегъ, заключившій въ себѣ останки святого инока—chef d'oeuvre знаменитаго возродителя итальянской скульптуры въ XIII-мъ вѣкѣ, Николы Пизанскаго, котораго художественными работами мы любовались послѣ въ Пизѣ и другихъ городахъ Италіи, а двѣ изъ статуй ковчега принадлежатъ рѣзцу самого Микель-Анжело. Мы не пытались посмотрѣть на мощи св. Доминика, но одинъ французскій путешественникъ XVIII-го вѣка увѣряетъ, будто доступъ къ нимъ сопряженъ съ невозможно затруднительными процедурами. Въ его время, по крайней мѣрѣ, мощи эти показывались не иначе, какъ въ присутствіи полнаго собранія сената Болоньи и съ швейцарской гвардіей подъ ружьемъ.

Въ церкви этой погребенъ и знаменитый живописецъ Гвидо-Рени, талантливѣйшій и симпатичнѣйшій изъ всѣхъ художниковъ болонской школы. Большая мраморная доска съ надписью на стѣнѣ и мраморная плита въ полу, прибитая золочеными гвоздями,—указываютъ мѣсто и время его погребенія. Превосходная картина Гвидо-Рени—принятіе въ рай св. Доминика,—помѣщена надъ престоломъ той капеллы, гдѣ его могила.

Еще одна историческая гробница нашла себѣ мѣсто въ древнихъ стѣнахъ церкви св. Доминика,—злополучнаго сардинскаго короля Энціо. Энціо былъ побочный сынъ императора Фридриха Барбароссы и во время несчастнаго похода императора въ Италію былъ взятъ болонцами въ плѣнъ въ битвѣ при Фоссальтѣ. Цѣлыхъ двадцать-два года, до самой смерти своей, мучился бѣдный развѣнчанный король въ своемъ заточеніи, въ такъ-называемомъ „дворцѣ Подесты", который до сихъ поръ уцѣлѣлъ на

площади Виктора-Эммануила противъ „Palazzo Municipale", и только самоотверженная романтическая любовь къ нему молодой итальянской красавицы Лючіи Вендагони услаждала его тяжкій четверть-вѣковый плѣнъ...

Монахи въ черно-бѣлыхъ одеждахъ, являющіеся сюда на дежурство изъ монастыря доминиканцевъ, показываютъ вамъ рѣдкости храма и служатъ, по желанію богомольцевъ-католиковъ, молебны своему святому патрону.

Мы посѣтили еще древнѣйшую церковь Болоньи — св. Стефана, которая основана, какъ увѣряютъ, въ V-мъ вѣкѣ христіанской эры и считаетъ поэтому уже XV-е столѣтіе своего существованія. На ея мѣстѣ стояло языческое капище Изиды, которое и было передѣлано въ христіанскій храмъ св. Стефана —въ сущности агломератъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ храмовъ, соединенныхъ въ одну лавру своего рода; въ немъ есть цѣнныя картины старинныхъ мастеровъ, есть интересныя древнія гробницы и надписи. Въ первой круглой базиликѣ не совсѣмъ удачное подражаніе іерусалимской часовнѣ Гроба Господня, а одинъ изъ двориковъ съ портиками носитъ названіе „атріума Пилата".

Въ церквахъ Болоньи, въ нѣкоторыхъ дворцахъ ея, и особенно въ ея Пинакотекѣ,—или академіи изящныхъ искусствъ,— можно ознакомиться самымъ обстоятельнымъ образомъ съ представителями той вѣтви ломбардской школы живописи, которая съ полнымъ правомъ выдѣлилась въ особую болонскую школу. Эта школа такъ называемыхъ „эклектиковъ", имѣвшая своими предшественниками первыхъ болонскихъ художниковъ—Франчіа и Иммолу, въ сущности начинается только въ концѣ XV-го и началѣ XVI-го вѣка съ Людовика Караччи, который ввелъ очень строгое изученіе твореній знаменитыхъ мастеровъ и пріучилъ своихъ послѣдователей усвоивать все хорошее у художниковъ самыхъ разнообразныхъ направленій. Это лишило болонскую школу оригинальности, но зато обогатило множествомъ прекрасныхъ живописцевъ и прекрасныхъ картинъ. Августинъ и Аннибалъ Караччи, близкіе родственники Людовика, Доминико Цампіери, больше извѣстный въ исторіи искусствъ подъ именемъ Доминикино, Гверчино, Микель-Анжело Караваджіо, Альбано и, наконецъ, Гвидо-Рени,—вотъ тотъ роскошный букетъ первостепенныхъ художниковъ болонской школы, которыми гордится не только сама Болонья, но и вся Италія, и весь просвѣщенный міръ, не считая множества другихъ, менѣе славныхъ. Бо-

лонская Пинакотека полна работъ этихъ художниковъ, но всѣ ихъ заслоняетъ собою Рафаэлева „св. Цецилія", съ которой даровитѣйшіе художники Болоньи, братья Караччи, Гвидо-Рени и др., много разъ пытались снимать копіи, но ни разу не достигли даже приблизительной красоты оригинала. Разсказываютъ преданіе, будто Рафаэль написалъ свою картину по просьбѣ старика Франчіа, и будто Франчіа, считавшій себя до тѣхъ поръ лучшимъ живописцемъ,—умеръ отъ огорченія при видѣ такого недостижимаго для него искусства. Для болонской школы картина Рафаэля послужила однимъ изъ поучительнѣйшихъ образцовъ, которому тщательно старались подражать и братья Караччи, и ихъ ученики, воспитавшіеся такимъ образомъ на художественныхъ идеалахъ Рафаэля.

Если отъ церкви св. Стефана вернуться по очень длинной и очень прямой улицѣ св. Стефана къ тѣсной старинной площади Piazza di Porta Ravegnana, застроенной самыми характерными средневѣковыми зданіями, то вы очутитесь у самаго подножія знаменитыхъ падающихъ башенъ Болоньи—Торри-Азинелли Гаризенда, прозванныхъ такъ по имени ихъ старинныхъ строителей. Башнямъ этимъ теперь около восьмисотъ лѣтъ, но онѣ все еще стоятъ, какъ стояли въ дни крестовыхъ походовъ, кланяясь родному городу одна въ одну, другая въ другую сторону. Красоты въ нихъ нѣтъ ровно никакой: Азинелли—тонкая, безконечно длинная каменная каланча, саженъ въ пятьдесятъ высоты, отклонившаяся всего аршина на два отъ своего вертикала; Гаризенда —гораздо толще и осадистѣе, но зато и вдвое короче своей сосѣдки; наклонъ ея уже значительно больше, аршинъ до пяти. Издали кажется, что это—колоссальная супружеская пара, низенькій толстякъ-мужъ и рядомъ съ нимъ сухопарая, долговязая жена. Любители не стѣсняются одолѣть около 450 ступеней, чтобы вскарабкаться на верхнюю площадку Азинелли и полюбоваться оттуда на далекія окрестности Болоньи до самыхъ Альпъ. Но мы пожалѣли своихъ ногъ и ограничились наружнымъ знакомствомъ съ этими оригинальными каменными близнецами, построенными невѣдомо для чего,—можетъ быть, просто изъ хвастовства своимъ архитекторскимъ искусствомъ. И однако, башни эти изстари пользовались славою, какъ чудо свѣта своего рода, и даже Данте въ своемъ „Адѣ" сравниваетъ нагнувшагося къ нему титана Антея—съ падающей башней Гаризендой, надъ вершиной которой проносится облако...

По дорогѣ къ этимъ знаменитымъ Due torri, на углу улицъ и св. Стефана и Кастильоне, мы любовались на прекрасно реставрированный въ своемъ подлинномъ средневѣковомъ видѣ, оригинальный фасадъ такъ называемой „Loggia dei Mercanti“, или „Mercanzia“,—по нашему, коммерческой палаты,—построенной въ XIII-мъ вѣкѣ,—весь изъ краснаго мрамора, съ золочеными статуями въ нишахъ, съ медальонами характернаго стиля.

Такія старинные палаццо бывшихъ нобилей Болоньи еще нерѣдко попадаются на ея улицахъ, и многіе изъ нихъ въ высшей степени интересны для любителей средневѣковыхъ памятниковъ.

II.—Итальянскія Аѳины.

Мы нарочно выѣхали изъ Болоньи съ дневнымъ поѣздомъ, чтобы не потерять интересныхъ видовъ Апеннинскихъ горъ, которыя приходится пересѣкать по дорогѣ во Флоренцію. Болонья сама приткнута къ предгорьямъ, и ея ближайшія окрестности живописны въ высшей степени. Особенно картинно вырисовывается на вершинѣ сосѣднихъ зеленыхъ горъ Гуардія маленькій монастырь св. Луки, соединенный съ Болоньею крытымъ ходомъ для паломниковъ чуть ли не въ добрую версту длиною, съ многими сотнями красивыхъ арокъ и десятками капеллъ. Въ монастырѣ этомъ хранится издревле чтимая икона Божіей Матери, приписываемая кисти евангелиста Луки и привезенная изъ Константинополя еще въ XII-мъ вѣкѣ. Ежегодно въ субботу передъ праздникомъ Вознесенія икону эту приносятъ торжественною процессіею въ Болонью, сначала въ каѳедральный соборъ св. Петра, потомъ, черезъ три дня, въ храмъ св. Петронія, послѣ чего архіепископъ благословляетъ ею народъ на главной площади города и относитъ древнюю икону съ такою же помпою, сопровождаемый всѣмъ духовенствомъ Болоньи и толпою народа, обратно въ ея загородный монастырь.

Подлинность этой иконы евангелиста Луки, разумѣется, весьма сомнительна.

„Il y en a plus de cent en Italie; mais on soutient, que celle-ci est la bonne“,—замѣчаетъ по ея поводу скептическій французскій путешественникъ XVIII-го вѣка.

Въ Болоньѣ, какъ мнѣ разсказывали мѣстные жители, происходитъ, кромѣ этого, еще другой, въ высшей степени симпатичный и своеобразный праздникъ, называемый „l'addobo“ (по-русски, *убранство дома*). Каждый приходъ города въ одно изъ

воскресеній іюня мѣсяца черезъ каждыя десять лѣтъ празднуетъ приходскій юбилей своего рода; по этому случаю домовладѣльцы заново ремонтируютъ свои дома, а всѣ достаточные люди одѣваютъ на свой счетъ съ головы до ногъ по нѣскольку десятковъ бѣдныхъ дѣтишекъ, кто 30, кто 50, кто 60 человѣкъ. Улицы прихода убираются цвѣтами и коврами, и разодѣтая бѣднота участвуетъ въ торжественной процессіи, двигающейся по этимъ улицамъ. Такъ какъ эти юбилеи празднуются ежегодно цѣлыми десятками при 130-ти церквахъ Болоньи, то увѣряютъ, будто этому доброму обычаю Болонья во многомъ обязана тою репутаціею самаго опрятнаго города Италіи, которою она заслуженно пользуется.

Поѣздъ нашъ несется по берегу рѣки Рено, въ равнинѣ которой стоитъ Болонья. Съ обѣихъ сторонъ пути и впереди насъ — живописныя предгорья Апеннинъ, усѣянныя башнями церквей, фермами, садами; полчища итальянскихъ тополей на каждомъ шагу, но еще больше наголо обрубленныхъ шелковицъ, правильными квадратами и аллеями которыхъ обсажены здѣсь поля. Лѣсовъ нѣтъ даже по горамъ, одни только низкорослые кустики; поэтому и тутъ жители вынуждены отапливаться вѣтвями шелковицъ. Крестьянскіе дома смотрятъ очень почтенно: почти всѣ сплошь каменные, въ три этажа и большіе, какъ у нѣмцевъ, хотя кажутся далеко не такими чистоплотными. Рено въ этихъ мѣстахъ—совсѣмъ горная бурливая рѣка, заваленная гальками и камнями, хотя ниже она течетъ къ морю, какъ и ея сосѣдка По и Эчъ, очень медленно по совершенно плоской низинѣ... Вездѣ—прочныя, повидимому, вѣка тому назадъ построенныя каменныя арки мостовъ не только подъ полотномъ желѣзной дороги, но и по всѣмъ боковымъ сельскимъ дорогамъ. Рѣка Рено съ довольно громкимъ историческимъ именемъ: на одномъ изъ островковъ ея, вблизи Болоньи, былъ заключенъ, почти два тысячелѣтія тому назадъ, пресловутый тріумвиратъ между Октавіемъ, Антоніемъ и Лепидомъ, подѣлившими между собою всемірныя владѣнія Рима.

Въ Марцаботто—на горахъ—прелестная вилла Арія въ видѣ средневѣковаго замка съ башнями, весело вырѣзающаяся на темномъ фонѣ сосноваго парка. Тутъ было древнее гнѣздо этрусскаго племени, и въ открытомъ здѣсь некрополѣ, также какъ въ развалинахъ былого города, найдено множество интересныхъ вещей, которыя мы видѣли въ „Museo Civico".

Предгорья кончились, и мы прорѣзаемъ теперь насквозь самую

толщу Апеннинскаго хребта. Хотя объ этихъ горахъ старый французскій путешественникъ, котораго слова мы только-что привели выше,. отзывается съ весьма пренебрежительною шутливостью, какъ о „de bons petits diables d'Apennins d'un commerce fort aisé“, но тѣмъ не менѣе мы почти не вылѣзаемъ изъ туннелей, которые слѣдуютъ другъ за другомъ съ быстротою мысли... И когда удается пронестись хотя четверть часа по открытому полотну дороги, то справа и слѣва открываются такія живописныя ущелія, тѣснины, глубокія долины, забравшіяся на кручи деревеньки, что дѣлается досадно, зачѣмъ это поминутно задвигается отъ насъ какою-то непроницаемою черною доскою эта окружающая насъ восхитительная декорація.

Въ Праккіо мы забрались наконецъ на самую высшую точку перевала, 618 метровъ надъ моремъ, и начинаемъ понемногу спускаться внизъ; туннели и тутъ не даютъ опомниться глазу ежеминутнымъ чередованіемъ своимъ; наконецъ, послѣ самаго длиннаго изъ всѣхъ подземнаго корридора въ двѣ съ половиной тысячи метровъ, поѣздъ нашъ вылетаетъ въ долину рѣки Омброны и по громадному двухъ-ярусному віадуку спускается къ деревнѣ Корбецци...

Водораздѣлъ между бассейномъ Адріатики и Лигурійскаго моря нами пройденъ; Омброна течетъ уже на югъ, въ волны Арно, въ цвѣтущія равнины Тосканы. Эти равнины разстилаются теперь у нашихъ ногъ, еще болѣе оживленныя, заселенныя, еще болѣе радующія душу, чѣмъ оставшіяся позади насъ равнины Эмиліи. Пистойя съ своими картинными группами кипарисовъ, съ бѣленькими домиками и садами своей роскошной долины, съ масличными деревьями, усыпающими всѣ ея холмы,—видна намъ глубоко внизу, какъ передовой сторожъ Тосканы. Ужъ и небо надъ нею кажется совсѣмъ не тѣмъ,—глубже, синѣе, теплѣе; уже и воздухъ дышетъ намъ на встрѣчу какимъ-то особенно бодрящимъ мягкимъ дыханьемъ, принесеннымъ отъ жаркихъ береговъ Сициліи и Туниса...

Вокзалъ Пистойи—въ самомъ городѣ. Изъ какого-то сосѣдняго женскаго монастыря къ намъ въ поѣздъ нагрянула тутъ цѣлая толпа монахинь въ громадныхъ уродливыхъ бѣлыхъ капорахъ,—словно головы ихъ завернуты въ большіе листы писчей бумаги,—съ тяжелыми длинными четками, висящими у пояса по самыя щиколки. Всѣ онѣ были какъ на подборъ одна безобразнѣе другой, разрушая въ фантазіи путешественника всякое представленіе о красотѣ итальянскихъ инокинь, такъ соблазнявшей многихъ черезчуръ впечатлительныхъ воспѣвателей Италіи.

Пистойя ведетъ торговлю лучшимъ въ Италіи оливковымъ масломъ, и вся поэтому окружена по холмамъ лѣсами масличныхъ деревьевъ... Эта прибыльная торговля, вмѣстѣ съ оружейными фабриками, изстари славившимися во всей Италіи,—въ Пистойѣ между прочимъ изобрѣтенъ по преданію и пистолетъ,—создала благосостояніе города, замѣтное даже снаружи. Но чистота здѣсь, къ сожалѣнію, далеко не болонская. Пистойя всегда считалась маленькою Флоренціею своего рода по той роли, какую она играла въ исторіи итальянскаго искусства въ эпоху возрожденія. Но она была извѣстна подъ именемъ Pistoria еще въ римскія времена; между прочимъ, вблизи нея былъ разбитъ въ сраженіи и убитъ извѣстный заговорщикъ Катилина, прославленный рѣчью Цицерона.

За Пистойей страна представляетъ собою одинъ обширный цвѣтущій и зеленѣющій паркъ, густо заселенный по холмамъ виллами и деревеньками. Здѣсь уже начинаются виноградники; фруктовыя деревья залиты пышнымъ цвѣтомъ, хлѣба совсѣмъ высокіе, почти готовые къ уборкѣ.

Хорошенькій городъ Прато всего въ 15-ти верстахъ отъ Флоренціи и можетъ считаться его пригородомъ.

Мы почти не замѣтили, какъ поѣздъ нашъ остановился у вокзала этой недолговременной столицы возсоединеннаго итальянскаго королевства.

Итальянскія Аѳины сказываются путешественнику не въ однихъ только музеяхъ своихъ, не на однѣхъ только страницахъ своихъ лѣтописей. Художественный и литературный городъ виденъ даже на площадяхъ и улицахъ.

Чтобы скорѣе познакомиться съ подлинною историческою Флоренціею, окунуться поглубже въ золотой вѣкъ Медичисовъ,—отправляются прежде всего на Piazza della Signoria.

Вы окружены тутъ и средними вѣками, и эпохою „Возрожденія". Передъ вами громадная масса Palazzo Vecchio,—этого дворца-цитадели, этого надежнаго осаднаго двора властителей города, случайныхъ и постоянныхъ, — за несокрушимыми стѣнами котораго изъ грубо обдѣланныхъ каменныхъ глыбъ да въ высокой башнѣ, господствующей надъ цѣлымъ городомъ, можно было отбиваться и отъ мятежной черни, и отъ врывавшихся въ городъ наемныхъ ландскнехтовъ какой-нибудь враждебной сосѣдки-республики. Этотъ дворецъ-крѣпость,—своего рода капитолій старой флорентійской республики, потомъ резиденція ея роскошнаго правителя Козимы Медичи, еще позднѣе—кратко-

временное мѣстопребываніе парламента объединенной Италіи, а теперь—скромное Municipio, то-есть, городская дума разжалованной эксъ-столицы Флоренціи. Palazzo Vecchio составляетъ почти одно съ примыкающимъ къ нему Palazzo degli Uffizi, тоже когда-то занятымъ городскимъ управленіемъ Флоренціи, а теперь обращеннымъ въ одну изъ знаменитѣйшихъ въ мірѣ картинныхъ галерей.

Въ томъ же тѣсномъ сосѣдствѣ съ Старымъ Дворцомъ—и Loggia dei Lanzi, полная колоссальныхъ произведеній скульптуры, въ прежнія времена обычная торжественная трибуна, съ которой въ подобающихъ случаяхъ правительство города объявляло свои распоряженія или важныя политическія и военныя новости толпѣ гражданъ, собиравшихся передъ нею на площади Синьоріи... На этой же площади и старинный фонтанъ Нептуна работы Амманати, и конная бронзовая статуя Козимы Медичи еще болѣе знаменитаго Іоанна Болонскаго, и нѣсколько характерныхъ домовъ XV и XVI вѣковъ.

Словомъ, Piazza della Signoria съ окружающею ее мѣстностью—чистѣйшій отрывокъ Флоренціи Медичи. Ложа Ланци или копья,—получившая свое названіе отъ копейщиковъ (ланцкнехтовъ) перваго Медичиса,—поражаетъ своимъ истинно римскимъ величіемъ и художественною красотою. Ея глубокій и просторный альковъ, открытый на площадь и сходящій къ ней широкимъ рядомъ ступеней, населенъ цѣлымъ полчищемъ чудныхъ бѣломраморныхъ группъ, эффектно вырѣзающихъ свои изящныя очертанія на темномъ фонѣ ложи. Все это—или драгоцѣнные антики, или произведенія великихъ художниковъ „Возрожденія": тутъ похищеніе сабинокъ и Гекторъ, убивающій Центавра, Іоанна Болонскаго; тутъ Персей съ головой Медузы, Бенвенуто Челини; тутъ Юдифь съ Олоферномъ, Донателло, и много другихъ.

Кажется, ни одинъ другой городъ Италіи никогда не выставлялъ такого драгоцѣннаго скульптурнаго собранія на улицу, на постоянное лицезрѣніе толпы...

Но эта общедоступная скульптура, ежедневно невольно воспитывающая и радующая глазъ народа-художника, наполняетъ и дворъ, и портики Стараго Дворца, и разные сады и площади Флоренціи.

Привычка, унаслѣдованная итальянскими подестами и муниципіями, можетъ быть, еще отъ Рима, услаждать безпокойную и ревнивую толпу своихъ гражданъ всякими зрѣлищами,—ухаживать за ея избирательными голосами и за ея слишкомъ измѣн-

чивымъ расположеніемъ, повидимому, невольно обращала усилія и средства богатыхъ людей и правителей старыхъ итальянскихъ городовъ на созиданіе всѣмъ доступныхъ и для всѣхъ необходимыхъ общественныхъ сооруженій, полныхъ вкуса и роскоши, на устройство улицъ, набережныхъ, мостовъ, музеевъ, галерей, театровъ, фонтановъ, храмовъ...

Этотъ глубоко демократическій складъ жизни старыхъ городовъ Италіи, несмотря на тонкіе аристократическіе вкусы ея нобилей, сказывается очень наглядно въ памятникахъ ея былыхъ вѣковъ и, можетъ быть, нигдѣ такъ не осязателенъ, какъ во Флоренціи,—гдѣ даже сама государственная власть и сама правящая аристократія—были не чѣмъ инымъ, какъ богатымъ, просвѣщеннымъ и предпріимчивымъ купечествомъ, династіями счастливыхъ банкировъ и фабрикантовъ...

Поднимемся по грубымъ каменнымъ лѣстницамъ Palazzo Vecchio въ этотъ историческій капитолій флорентинской республики и пробѣжимъ хотя самыя характерныя изъ его палатъ, полныхъ и вещественными, и невещественными воспоминаніями протекшихъ вѣковъ.

Нигдѣ не сосредоточено ихъ столько, какъ въ роскошной „залѣ пятисотъ“,—этой громадной площади, вымощенной мраморною мозаикою, прикрытой драгоцѣнными фресками въ рамкахъ золотыхъ орнаментовъ, обставленной кругомъ статуями и полотнами знаменитыхъ мастеровъ Возрожденія, обвѣшанной старинными гобеленами художественной работы. Это также по всей справедливости и „зала Медичи“, потому что она—созданіе Медичи и посвящена ихъ прославленію. Мраморные представители этой талантливой и славной фамиліи въ безмолвномъ величіи стоятъ вдоль стѣнъ бывшей „Залы Совѣта“, гдѣ при жизни ихъ происходило столько важныхъ событій. Тутъ и Козима, и Лаврентій Медичи, и Левъ X, съ которымъ фамилія Медичисовъ возсѣла на папскій престолъ, и который оставался на этомъ престолѣ тѣмъ же великолѣпнымъ покровителемъ искусствъ, тѣмъ же поклонникомъ изящества и роскоши, какими были и его свѣтскіе сродники, властововавшіе во Флоренціи.

Какъ разъ напротивъ статуи Льва X, въ спокойной важности сидящаго на своемъ папскомъ тронѣ,—на другомъ концѣ залы стоитъ страстная фигура Іеронима Савонаролы, съ огнемъ даже въ каменныхъ глазахъ, съ воспаленными мраморными устами, изъ которыхъ, кажется, польются сейчасъ горькіе потоки обли-

ченія и укора современному ему вѣку языческой красоты и языческаго сладострастія,—верховными вождями котораго были тѣ самые папы и прелаты римской куріи, которые сожгли на кострѣ, какъ еретика и врага церкви, этого запоздавшаго наивнаго проповѣдника средневѣковаго аскетизма...

Первый парламентъ объединеннаго итальянскаго королевства собирался также въ этихъ залахъ, пока Римъ не вросъ еще въ тѣло Италіи, и Флоренція оставалась ея временною столицею. Живой голосъ Кавуровъ и Риказоли, новѣйшихъ обличителей папской неправды, новѣйшихъ бойцовъ за спасеніе итальянскихъ народовъ,—раздавался здѣсь вмѣсто безмолвныхъ рѣчей мраморнаго монаха.

Фрески, золото, картины, медальоны, статуи — и во всѣхъ другихъ многочисленныхъ палатахъ Стараго Дворца. „Зала Синдиковъ", гдѣ до сихъ поръ засѣдаетъ городское управленіе Флоренціи, вся обдѣлана изящною деревянною рѣзьбою изъ темнаго орѣха подъ стать такимъ же столамъ и сѣдалищамъ.

Тутъ вы можете посѣтить и аппартаменты Льва X-го, и залу другого папы изъ фамиліи Медичи—Климента VII-го, и комнату Козимы I-го, и комнату Лоренцо Великолѣпнаго...

Но чтобы познакомиться съ истинными художественными сокровищами Флоренціи, ради которыхъ ее посѣщаетъ весь Старый и Новый свѣтъ,—отправляйтесь въ Palazzo degli Uffizi,—и, конечно, не одинъ разъ, а сколько можете, три, пять, десять разъ... И чѣмъ чаще будете видѣть ихъ, тѣмъ больше будете ими восторгаться, тѣмъ вѣрнѣе и лучше поймете ихъ...

Дворецъ Уффици—это безконечные корридоры, охватывающіе съ трехъ сторонъ старую узкую улицу, — это одна сплошная галерея несравненнаго художественнаго великолѣпія, гдѣ не знаешь, на что̀ смотрѣть, чѣмъ восхищаться,—дивными ли плафонами, расписанными фресками знаменитыхъ художниковъ, стѣнами ли, увѣшанными первостепенными созданіями величайшихъ мастеровъ, бѣломраморными ли легіонами античныхъ статуй, или полотнами, неоцѣнимыми ни на какія деньги...

Даже не останавливаясь нигдѣ, не всматриваясь пристально въ сокровища искусствъ, въ такомъ обиліи наполняющія эти ряды залъ, а только бѣгло проходя эту интереснѣйшую изъ знаменитыхъ галерей міра,—вы охвачены невольнымъ восторгомъ

отъ общаго чарующаго впечатлѣнія этихъ глядящихъ на васъ отовсюду—сверху, спереди, сзади, съ боковъ—чудныхъ образовъ, чудныхъ красокъ, чудныхъ группъ... Вы словно плывете въ радостныхъ глубинахъ спокойнаго и яснаго художественнаго моря, охватившаго васъ совсѣмъ съ головою, — и забываете на эти счастливыя минуты весь остальной міръ съ его суетою и грязью...

Драгоцѣннѣйшіе алмазы итальянской живописи сосредоточены главнымъ образомъ въ такъ называемой „Трибунѣ", восьмиугольной ротондѣ, составляющей своего рода художественный центръ всей галереи. Но множество шедёвровъ художниковъ „Возрожденія" разсѣяны и въ сосѣднихъ съ нею залахъ, озаглавленныхъ на вывѣскахъ Scuola Toscana, Scuola Italiana, Scuola Veneziana...

Во Флоренцію пріѣзжають, разумѣется, знакомиться не съ голландскою и не съ нѣмецкою живописью, которымъ также посвящены здѣсь нѣсколько залъ, а только съ итальянскою и особенно, конечно, съ флорентійскою или тосканскою. Въ этомъ отношеніи нигдѣ, кромѣ развѣ Ватиканскаго музея, не найдется столько первостепенныхъ образцовъ, какъ въ галереѣ Уффици. Здѣсь вы увидите самыхъ характерныхъ Ботичелли, Гирландайо, Массачіо, Филиппа Липпи, Беато Анжелико, Фра Бартоломео, а вмѣстѣ съ тѣмъ и единственныя созданія Рафаэля, Леонардо да Винчи, Тиціана, Корреджіо, Гверчино, Доменикино, Павла Веронеза, Гвидо Рени и всѣхъ главныхъ звѣздъ итальянской живописи. Въ многочисленныхъ залахъ той же галереи разставлены съ мудрою умѣренностью и драгоцѣннѣйшіе скульптурные антики—въ родѣ знаменитой Венеры Медицейской или 12 статуй Ніобидовъ, приписываемыхъ Скопасу и Праксителю. Но врожденный римскій геній флорентинцевъ не удовлетворился, повидимому, даже громадными размѣрами и великолѣпіемъ обстановки галереи Уффици. Ему потребовался еще болѣе широкій размахъ, еще болѣе колоссальное художественное собраніе,—и вотъ онъ связалъ въ одну по истинѣ необозримую картинную и скульптурную выставку залы Уффици съ залами галереи дворца Питти, перебросивъ для этого къ нему отъ дворца Уффици черезъ всю ширину рѣки Арно, поверхъ крышъ золотыхъ и мозаиковыхъ магазиновъ ponte Vecchio, длиннѣйшій крытый корридоръ, тоже сплошь увѣшанный картинами и портретами старинныхъ мастеровъ...

Въ музеѣ дворца Питти собраны, можно сказать, сливки

всѣхъ художественныхъ сокровищъ Флоренціи; тамъ почти исключительно только избраннѣйшія творенія великихъ мастеровъ Италіи, такъ что галерея Питти среди всѣхъ флорентійскихъ художественныхъ собраній можетъ по справедливости занимать то же первенствующее мѣсто, какое занимаетъ „Трибуна" въ галереѣ Уффици,—только это „трибуна" огромныхъ размѣровъ, занимающая десятки залъ.

Роскошь и художественный вкусъ въ орнаментаціи слегка сводистыхъ потолковъ галереи Питти еще поразительнѣе, чѣмъ въ Уффици. Нельзя оторвать глазъ отъ чудныхъ фресковъ широкаго свободнаго размаха и жизнерадостныхъ колеровъ, посвященныхъ то греческой миѳологіи, то исторіи живописи; все это работа такихъ знаменитыхъ мастеровъ, какъ Саботелли, Пьедро Кортоне и имъ подобные. Каждая комната здѣсь приковываетъ къ себѣ надолго и просто-таки не выпускаетъ васъ отъ себя, потому что жадно хочется вглядѣться во все, все унести въ своемъ восхищенномъ сердцѣ и сохранить на всегдашнія времена, какъ драгоцѣннѣйшее воспоминаніе и какъ ни съ чѣмъ несравнимое наслажденіе; хочется досыта насмотрѣться и на эти мастерскіе фрески, и на чудные скульптурные антики, стоящіе по серединѣ залъ и бо́льшею частью дающіе имъ названіе, и на великія творенія великихъ живописцевъ, и даже на эти артистически вырѣзанные золотые орнаменты, на эти изящныя мраморныя мозаики, мраморныя стѣны, мраморную мебель...

Однѣхъ картинъ Рафаэля первостепеннаго достоинства въ Питти цѣлыхъ двѣнадцать; тутъ его Юлій II-й и Левъ X-й, тутъ его знаменитая Madonna della Seggiola и Madonna del Grandduca, тутъ его Форнарина. Такія же знаменитыя вещи и другихъ художественныхъ знаменитостей Италіи окружаютъ эти Рафаэлевы шедёвры.

Флорентійскую школу можно безъ преувеличенія считать центральнымъ ядромъ итальянскаго искусства. Если Римъ былъ всегда въ глубинѣ итальянской души политическимъ и народнымъ центромъ Италіи, даже въ эпохи величайшей раздробленности и обособленности итальянскихъ государствъ, то Флоренція въ теченіе многихъ вѣковъ была, безспорно, тѣмъ умственнымъ и художественнымъ очагомъ Италіи, въ которомъ вырабатывался тонкій и многосторонній геній этого народа-артиста, народа-поэта, народа-эпикурейца.

Недаромъ Данте, — этотъ міровой представитель поэтическаго генія Италіи,—этотъ Гомеръ мистическихъ легендъ сред-

нихъ вѣковъ,—былъ флорентинцемъ; недаромъ въ той же Флоренціи жизнерадостный Боккаччіо своими правдивыми и забавными мѣткими разсказами прочищалъ путь сквозь дебри риторики и схоластики нарождавшемуся реализму литературы; недаромъ изъ Флоренціи же раздался изъ устъ Галилея неподкупный голосъ новой науки, смѣло разрушавшій суевѣрія схоластическихъ догматиковъ.

Въ силу этого господствующаго и обобщающаго духовнаго значенія своего, среди раздробленныхъ мѣстностей родной Италіи, флорентинцы сдѣлали мало-по-малу свой языкъ, свои нравы, свой бытъ, свои взгляды на жизнь, литературу, искусство—языкомъ, нравами, убѣжденіями и привычками всѣхъ образованныхъ итальянцевъ.

„Если вы встрѣчаете гдѣ-нибудь итальянца, обладающаго умомъ и знаніемъ, вы можете биться объ закладъ, что это—флорентинецъ",—выражался объ этомъ народѣ одинъ очень наблюдательный путешественникъ старыхъ временъ.

Флоренцію иностранцы изстари величали на разные лады „pays d'inspiration", „sol poétique", „terre, si fertile en génies de tout genre" и т. п., и даже само государство флорентійское удостоивалось въ устахъ просвѣщенныхъ людей такого завиднаго титула, какъ „gli felicissimi stati" (счастливѣйшее государство). Всѣ признавали тонкій вкусъ флорентинцевъ, ихъ остроуміе и просвѣщенность сужденій, ихъ изящество манеръ, мягкость и ласковую общительность ихъ характера... Такъ что Флоренція безмолвнымъ согласіемъ всѣхъ итальянцевъ незамѣтно сдѣлалась своего рода законодательницею въ вопросахъ литературы, художествъ и житейскихъ обычаевъ.

Нисколько не расположенный и совершенно неспособный къ военнымъ подвигамъ, къ грубой и упорной борьбѣ, къ широкимъ политическимъ планамъ, этотъ „благородный городъ", эта „дочь Рима", какъ ее называли старые историки,—былъ рѣшительно не похожъ на своего могущественнаго предка, былъ противоположенъ ему во всѣхъ своихъ органическихъ свойствахъ, стремленіяхъ и вкусахъ. Скорѣе это были новыя Аѳины, роскошная республика мирныхъ гражданъ, друзей красоты, спокойствія и жизненнаго комфорта, людей мысли и фантазіи, направляющихъ всю свою дѣятельность, всю гибкость духа своего на безкровныя завоеванія торговли, промышленности, науки и искусствъ.

Во Флоренціи раньше, чѣмъ въ другихъ городахъ Италіи, широко развились и распространили свои товары по всему тогда-

шнему свѣту фабрики шолковыхъ, льняныхъ, шерстяныхъ и всякихъ другихъ тканей, фабрики зеркалъ, бумаги, драгоцѣнныхъ вещей; банки Флоренціи работали въ такихъ далекихъ и мало еще доступныхъ тогда странахъ, какъ Испанія, Шотландія, Сирія и даже наша родная Московія; всѣ французскія деньги, по признанію французскихъ хроникеровъ прежнихъ временъ, проходили черезъ флорентійскіе банки. Одна только фамилія Медичи имѣла въ Европѣ до шестнадцати банковъ.

Эти мирныя и выгодныя занятія создали Флоренціи не только достатокъ, но и богатство; а такъ какъ богатство это пріобрѣталось торговою предпріимчивостью и промышленнымъ искусствомъ, а не силою меча, какъ въ былыя времена, то это коммерческое направленіе общественной жизни невольно выдвигало впередъ все больше и больше дѣятельныхъ и ловкихъ гражданъ и въ то же время чувствительно подрывало значеніе родовитыхъ нобилей стараго рыцарства, чуждавшихся трудовой дѣятельности и постепенно бѣднѣвшихъ.

Кромѣ того, демократическій складъ общественной жизни, унаслѣдованный отъ Рима, продолжалъ крѣпко держаться въ городскихъ общинахъ Италіи и во Флоренціи въ особенности. Благодаря всѣмъ этимъ условіямъ, среди вольнаго и достаточнаго населенія Флоренціи, главнымъ образомъ, конечно, среди ея первенствующихъ фамилій,—рано почувствовалась потребность устроивать свой ежедневный бытъ по возможности красиво, роскошно и изящно, и наполнять свой досугъ не только матеріальными удовольствіями, но и тонкими наслажденіями духа...

Преданія древняго Рима и пересаженнаго имъ въ Италію греческаго искусства,—никогда окончательно не замирали въ народахъ Италіи, несмотря на многовѣковую схоластическую тьму среднихъ вѣковъ, и итальянецъ гораздо болѣе, чѣмъ всѣ другіе европейцы, оставался язычникомъ даже по многимъ своимъ вкусамъ и привычкамъ и въ тѣ аскетическіе вѣка. Естественно, что и страстная потребность возвращенія къ покинутымъ художественнымъ и литературнымъ преданіямъ античнаго міра, неутолимая жажда широкой, свободной и свѣтлой жизненности въ дѣлахъ и мысляхъ послѣ пригнетеннаго застоя и насильственнаго плѣненія духа въ средневѣковомъ мракѣ,—пробудились раньше всего въ Италіи, а изъ итальянскихъ городовъ раньше всѣхъ въ умственномъ центрѣ ея—Флоренціи, которая поэтому болѣе другихъ мѣстностей Италіи послужила великому дѣлу возрожденія наукъ и искусствъ, положившему начало новому европейскому просвѣщенію и новой европейской исторіи. Во Фло-

ренціи это безсознательное сначала движеніе умовъ въ области искусства началось еще съ конца XIII-го вѣка, когда Чимабуэ и еще болѣе знаменитый ученикъ его, пастушенокъ Джіотто,— положили первое начало новой школы живописи. XIV-й вѣкъ былъ эпохою рѣшительнаго перехода отъ старыхъ неподвижныхъ формъ живописи, напоминавшихъ безжизненный стиль византійскихъ иконъ, къ формамъ болѣе живымъ и реальнымъ. А уже съ начала XV-го вѣка волна художественнаго возрожденія стала свободно разливаться по Италіи, исходя изъ Флоренціи, какъ изъ горячо бьющагося сердца; къ исходу этого вѣка, къ первой половинѣ XVI-го, новорожденная школа искусства цвѣла во Флоренціи и во всей Италіи самыми пышными и драгоцѣнными цвѣтами своими, которые составили величайшую славу Италіи, которые стали привлекать въ нее со всѣхъ сторонъ свѣта тысячи любопытныхъ путешественниковъ и поклонниковъ искусства, которые и до сихъ поръ свѣтятъ цивилизованному міру, какъ вѣнецъ художественности, какъ звѣзды недосягаемой поэтической яркости и высоты...

Массачіо, Филиппо Липпи, Фра Анжело въ первой половинѣ XV-го вѣка, Ботичелли, Гирландайо, Поллауйоло и Вероккіо—во второй—и, наконецъ, три титана живописи—Леонардо да Винчи, Рафаэль и Микель-Анжело въ началѣ XVI-го вѣка — вотъ та чудная группа художниковъ, твореніями которой создалась и воцарилась во всей Италіи, во всемъ просвѣщенномъ мірѣ, флорентійская живопись. Хотя Леонардо принадлежалъ, собственно, къ ломбардской школѣ, а Рафаэль—къ умбрійской, но оба они работали такъ много во Флоренціи и находились подъ такимъ сильнымъ вліяніемъ художественныхъ теченій, господствовавшихъ во Флоренціи, что ихъ невозможно отдѣлить отъ художественной семьи чистыхъ флорентійцевъ.

Параллельно съ живописью и даже нѣсколько ранѣе ея, возрождающая струя античныхъ преданій и пробудившаяся жажда жизненности—проникли въ скульптуру и архитектуру, для которыхъ погибшій античный міръ оставилъ гораздо болѣе обильное и прочное наслѣдство, чѣмъ для живописи, въ развалинахъ храмовъ, дворцовъ, фонтановъ, въ мраморныхъ статуяхъ, барельефахъ, саркофагахъ, вазахъ и множествѣ разнообразныхъ предметовъ домашняго и общественнаго быта. Николай Пизано въ XIII столѣтіи первый начинаетъ подражать античнымъ образцамъ. А уже въ XV-мъ столѣтіи цѣлый рядъ великихъ мастеровъ архитектуры и скульптуры, Брунеллески, Гиберти, Донателло создаютъ самостоятельный стиль для зданій и скульптур-

ныхъ изваяній, весь проникнутый стремленіемъ къ античной красотѣ и простотѣ, но уже оживленный новою, болѣе подвижною и разнообразною жизнью.

Брунеллески проводилъ цѣлые мѣсяцы въ Римѣ, тщательно срисовывая фасады и отдѣльныя подробности знаменитыхъ римскихъ памятниковъ, измѣряя съ математическою точностью размѣры ихъ и пропорціи частей. Донателло, вдохновитель Микель-Анжело, еще болѣе могучаго генія скульптуры, чѣмъ онъ,— съ такою же страстною ревностью копировалъ античные барельефы и статуи, Гиберти тратилъ свое состояніе на выписку изъ Греціи скульптурныхъ обломковъ древнегреческихъ художниковъ, головъ, торсовъ, античныхъ вазъ и сосудовъ, чтобы всегда имѣть подъ рукою въ своей студіи эти несравнимые ни съ чѣмъ идеальные образцы красоты и вкуса... Въ XVI-мъ вѣкѣ Браманте, подобно Рафаэлю въ живописи, увѣнчиваетъ своими чудными созданіями развитіе новой итальянской архитектуры,— такъ называемаго стиля „Возрожденія“ (Renaissance).

Замѣчательно, что у всѣхъ знаменитыхъ художниковъ тѣхъ временъ жило въ душѣ неудержимое стремленіе къ универсальности; очень многіе изъ нихъ были въ одно и то же время и живописцами, и скульпторами, и архитекторами, и мастерами золотыхъ, серебряныхъ и бронзовыхъ издѣлій... Таковъ былъ Микель-Анжело, таковъ былъ Вероккіо, Бенвенуто Челлини, не говоря уже о Леонардо да-Винчи,—этомъ геніальномъ энциклопедистѣ, который оставилъ по себѣ славу не только живописца, но и поэта, математика, натуралиста и политика...

Но если старая флорентійская живопись заставляетъ смотрѣть на себя съ такимъ вполнѣ заслуженнымъ уваженіемъ съ исторической точки зрѣнія, въ смыслѣ признанія огромнаго значенія ея раннихъ художниковъ въ постепенномъ развитіи живописи до предѣловъ, которыхъ она достигла въ наше время, то путешественникъ, мало интересующійся этою, такъ сказать, аналитическою стороною художественныхъ произведеній и не подготовленный предварительнымъ изученіемъ исторіи искусствъ къ оцѣнкѣ условныхъ и только сравнительныхъ достоинствъ въ работѣ старыхъ мастеровъ,—будетъ жестоко разочарованъ, очутившись передъ картинами многихъ изъ старыхъ художниковъ, признаваемыхъ знаменитыми общимъ мнѣніемъ знатоковъ дѣла и оцѣниваемыхъ богатыми любителями Европы и Америки дороже, чѣмъ на вѣсъ золота.

Многія изъ картинъ этихъ Чимабуэ, Джіотто, Фра Анжело, Массачіо,—имена которыхъ, знакомыя по книгамъ съ юноше-

скихъ лѣтъ, внушаютъ намъ инстинктивное благоговѣніе,—часто могутъ показаться подобному наблюдателю довольно неумѣлыми и мало понятными дѣтскими опытами, на которыя онъ не захочетъ потратить какого-нибудь получаса вниманія и времени, и которыя онъ не согласится даже близко поставить съ самымъ обыкновеннымъ порядочнымъ живописцемъ современности, умѣющимъ изображать вполнѣ реально и ярко сцены и предметы, для насъ интересные и понятные. И это неудивительно, если вспомнить, сквозь какія антихудожественныя дебри должны были мучительно пробиваться эти первые, часто геніальные и всегда энергическіе и самоотверженные бойцы за неясно еще мерцавшіе передъ ними идеалы красоты, правды и жизненности, достигнутые впослѣдствіи болѣе счастливыми преемниками ихъ. Какой-нибудь Чимабуэ, первый рѣшившійся разорвать опутывавшія искусство мертвящія сѣти средневѣковыхъ преданій, первый осмѣлившійся рисовать свои фигуры съ живого человѣка, а не съ типиковъ, догматически узаконенныхъ схоластическою традиціею,—хотя еще не могъ сразу придать этимъ фигурамъ полной свободы и жизненности, рисовалъ ихъ еще слишкомъ деревянными и связанными, но уже сравнительно съ совсѣмъ мертвенными изображеніями предшествовавшихъ ему живописцевъ—его образы должны были казаться современникамъ и новыми, и оживленными. Иначе понять нельзя, почему они возбуждали тогда неудержимый восторгъ и похвалы самыхъ просвѣщенныхъ тогдашнихъ людей, почему вся Флоренція, старая и молодая, мужчины и женщины, бѣжали толпами въ его студію любоваться нарисованною имъ Мадонною, тащили туда даже царственныхъ гостей своихъ и потомъ переносили эту картину въ церковь S.-Maria Novella всѣмъ народомъ, съ трубными звуками, въ торжественной процессіи, будто какую-нибудь національную святыню.

Впрочемъ, не только картины мастеровъ переходнаго періода передъ „Возрожденіемъ“, слишкомъ явно носящія на себѣ слѣды тяжелой борьбы съ средневѣковыми взглядами на живопись, картины, такъ сказать, дѣтскаго возраста итальянскаго художества, но даже и прославленныя произведенія самыхъ геніальныхъ художниковъ блестящей эпохи „Возрожденія“, при всѣхъ колоссальныхъ художественныхъ достоинствахъ своихъ,—можетъ быть, до сихъ поръ не достигнутыхъ ни однимъ изъ знаменитыхъ живописцевъ новаго времени,—все-таки во многихъ отношеніяхъ не въ силахъ удовлетворить современнаго цѣнителя

и также требуютъ въ извѣстной степени исторической точки зрѣнія на нихъ.

Просвѣщенный человѣкъ нашего времени требуетъ не только предметовъ живописи, сообразныхъ съ его міровоззрѣніемъ и его духовными стремленіями, но и извѣстныхъ пріемовъ въ самой обработкѣ этого предмета на почвѣ научной правдивости, исторической, этнографической и біографической характеристики. Темы, въ свое время плѣнявшія тогдашнее образованное общество, искренно казавшіяся всѣмъ и возвышенными, и важными, и интересными, которымъ, по общему мнѣнію современниковъ, только и подобало посвящать силы талантливыхъ художниковъ,— въ нашъ реальный и далеко не религіозный, а ужъ тѣмъ менѣе мистическій вѣкъ — оставляютъ холодною и часто недоумѣвающею душу современнаго наблюдателя, тѣмъ болѣе, что эти внутренно чуждые ему и уже плохо понимаемые имъ сюжеты въ изображеніи старыхъ мастеровъ являются передъ нимъ въ обстановкѣ, которой не въ силахъ допустить его логика и его чувство дѣйствительности, воспитанныя совсѣмъ въ другихъ умственныхъ дисциплинахъ, чѣмъ художественная фантазія живописцевъ „Возрожденія".

Поэтому людямъ нашего времени, когда они стоятъ передъ картинами великихъ мастеровъ XV и XVI вѣка, невольно приходится переноситься мыслью въ прошлые вѣка, погружаться воображеніемъ въ духовную природу людей былого времени, былыхъ идеаловъ и вѣрованій, и съ ихъ точки зрѣнія стараться постигнуть величіе и глубину творенія художника. Помимо же этого въ подобныхъ картинахъ современному человѣку остается наслаждаться геніальною художественною техникою, изумительнымъ знаніемъ анатоміи тѣла, движеній и группировки фигуръ, искусной комбинаціи тѣней и красокъ и, наконецъ, мастерскимъ воплощеніемъ въ человѣческомъ образѣ красоты, кротости, любви, вообще всѣхъ тонкихъ и глубокихъ чувствъ, на которыя способна душа человѣка...

Но такое все-таки одностороннее впечатлѣніе и такая все-таки рефлективная оцѣнка художественнаго произведенія не могутъ сравниться по силѣ своей съ непосредственнымъ и полнымъ наслажденіемъ, вызываемымъ въ насъ какимъ-нибудь прекраснымъ художественнымъ произведеніемъ современности, говорящимъ въ одно и то же время и вашему уму, и вашему сердцу, и вашимъ нравственнымъ потребностямъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ радующимъ глазъ вашъ красотою линій и красокъ и глубокою жизненностью изображенія, доводящею до иллюзіи...

Вотъ почему такъ абсолютно хороши, можно сказать, безпорочны—кажутся намъ портреты великихъ мастеровъ XV, XVI, XVII вѣка, и тѣ картины ихъ, которыя по простотѣ замысла приближаются къ портретамъ,—всѣ эти Мадонны Рафаэля и Мурильо, Христы и Іоанны Крестители какого-нибудь Гвидо или Дель-Сарто, Венеры, Флоры, Данаи Тиціановъ и Вандиковъ...

Дворецъ Питти—на другомъ берегу Арно, но не у рѣки, а въ гущѣ городскихъ кварталовъ. Къ нему удобнѣе всего пройти черезъ характерный ponte Vecchio, сплошь застроенный, какъ венеціанскій Ріальто, который, впрочемъ, вчетверо короче его, рядами лавокъ съ характернымъ флорентинскимъ товаромъ, который съ такимъ увлеченіемъ и въ такомъ обиліи увозятъ отсюда безчисленные европейскіе и американскіе туристы: тутъ всякія мозаики, камеи, кораллы, камни, золотыя и серебряныя мелкія украшенія, но большею частью изрядно базарной работы. Ponte Vecchio, „Старый мостъ"—такой же несокрушимой прочности, какъ и всѣ многочисленные мосты, перекинутые черезъ Арно, и сразу всѣ видные намъ; онъ перешагнулъ широкую рѣку всего только тремя каменными арками, такими же плоскими, какъ и въ Ріальто, а между тѣмъ свободно поддерживающими не только цѣлую улицу домовъ, загромождающую полотно моста, но и перекинутую по ихъ крышамъ картинную галерею, ведущую изъ Уффици въ Питти.

Набережная лѣваго берега Арно очень красива и характерна. Она даже нѣсколько напоминаетъ Canale Grande Венеціи своимъ безконечнымъ рядомъ шести-, семи- и восьмиэтажныхъ домовъ, съ потускнѣвшею и облѣзлою отъ сырости многоцвѣтною краскою ихъ сплошныхъ стѣнъ, поднимающихся прямо отъ лона водъ...

Черезъ улицу Гвиччіардини, гдѣ намъ показывали не только домъ этого знаменитаго итальянскаго историка, но и домъ еще болѣе знаменитаго Николы Маккіавелли, оба, впрочемъ, ничѣмъ теперь не замѣчательные и, очевидно, совершенно обновленные, мы обыкновенно проѣзжали и проходили къ площади, гдѣ высится на довольно крутомъ холмѣ, подпертомъ могучими каменными террассами и контрфорсами, по царскому господствуя надъ окружающими его кварталами, величественная черная громада дворца Питти. Это одинъ изъ самыхъ характерныхъ образчиковъ архитектуры эпохи „Возрожденія", притомъ довольно ранняго періода ея, потому что постройка была начата первымъ

владѣльцемъ дворца, сеньоромъ Питти, еще въ половинѣ XV-го вѣка. Фамилія Питти по богатству и знатности своей соперничала съ фамиліей Медичи на жизнь и смерть и спорила съ нею за власть; представителю ея хотѣлось постройкою дворца затмить все, что̀ строили до него во Флоренціи, и привлечь къ себѣ этимъ художественнымъ подвигомъ симпатіи гражданъ города-художника... Но Медичи разрушили заговоры соперниковъ, и дворецъ оставался недоконченнымъ, пока не перешелъ въ собственность Медичисовъ. Дворецъ этотъ—созданіе знаменитаго Брунеллески, отца архитектуры „Возрожденія". Стиль его строгъ и простъ до суровости. Это столько же дворецъ, сколько и крѣпость, и, пожалуй, тюрьма. Громадныя глыбы чернаго камня, едва только отесанныя, сохраняющія на себѣ всю первобытную грубость и шероховатость скалы, изъ которой ихъ вырубили, сложены вмѣстѣ въ несокрушимую циклопическую кладку, отдѣльные суставы которой выпираютъ своими горбушками наружу, будто каменная чешуя какого-нибудь допотопнаго чудовища. Только тяжелыя желѣзныя кольца, на которыхъ можно удержать большой корабль во время бури, да чугунныя львиныя морды,—подъ стать и цвѣтомъ, и грубостью этимъ чернымъ камнямъ,—разсѣяны кое-гдѣ по простѣнкамъ нижняго яруса... На этомъ массивномъ основаніи поднимаются въ серединѣ еще два яруса, верхній у̀же нижняго, съ такими же рѣдкими окнами и ребристыми выступами оконныхъ арокъ, такіе же простые и суровые, чуждые всякихъ мелочныхъ украшеній, прекрасные одною только гармоніей и красотой своихъ пропорцій. Но въ ровень съ нижнимъ этажемъ поворачиваютъ отъ него подъ прямыми углами два огромныя одноярусныя крыла, плоская крыша которыхъ обращена въ обширныя террассы, и въ которыхъ помѣщаются военные караулы и службы дворца, такъ какъ во дворцѣ Питти всегда проживаетъ, во время своихъ пріѣздовъ во Флоренцію, итальянскій король. Все вмѣстѣ—дворецъ съ своимъ длиннѣйшимъ фасадомъ и его боковые флигеля—составляютъ громадную цитадель своего рода, надежно укрѣпившуюся на вершинѣ возвышенности. Этотъ характеръ построекъ нагляднѣе всего напоминаетъ намъ жестокія и безпокойныя времена, когда потомство средневѣковаго рыцарства, привыкшаго жить мечомъ и насиліемъ, и еще не успѣвшаго смягчить свой воинственный духъ привычками мирной цивилизаціи, насажденной послѣдующими вѣками, продолжало вести свои безконечныя междоусобныя распри и наполняло улицы городовъ стукомъ оружія и громомъ выстрѣ-

ловъ, превращая свои палаццо въ осадные дворы, а свою челядь въ боевую дружину.

Дино Компанья, современникъ Данте, оставилъ послѣ себя любопытную лѣтопись всѣхъ кровавыхъ столкновеній, мятежей, пожаровъ, уличныхъ битвъ, которыхъ онъ былъ живымъ свидѣтелемъ въ стѣнахъ Флоренціи и ея ближайшихъ окрестностяхъ... По его разсчету, приводимому въ извѣстной книгѣ Тэна, одна только благородная фамилія Буондельмонте, въ союзѣ съ 42 другими фамиліями флорентійскихъ нобилей, вела въ XIII-мъ вѣкѣ 33 года сряду ожесточенную войну съ враждебною фамиліею Уберти и 22-мя фамиліями ея сторонниковъ; крестьяне, жившіе въ феодальной зависимости на земляхъ этихъ нобилей, вооружались ими и вторгались насильно въ городъ, баррикады строились на улицахъ и площадяхъ, стрѣляли другъ въ друга изъ домовъ и башенъ, и когда одна сторона побѣждала другую, то побѣдители сравнивали съ лицомъ земли дворцы и зàмки своихъ противниковъ. 36-ть дворцовъ, принадлежавшихъ побѣжденнымъ, были такимъ образомъ уничтожены партіею Буондельмонте, по свидѣтельству Компаньи. Побѣжденныхъ противниковъ, конечно, изгоняли, и они бродили тогда мѣсяцы и годы по окрестнымъ городамъ и государствамъ, подыскивая союзниковъ и поджидая случая напасть на своихъ побѣдителей и отплатить имъ тою же монетою. Личная расправа шпагою и кинжаломъ была въ тѣ времена такою же обычною вещью, какъ простая перебранка. Кто выходилъ ночью безъ вооруженной челяди, могъ легко не дойти туда, куда направлялся, попавъ въ засаду къ наемнымъ убійцамъ, составлявшимъ изъ себя въ тѣ времена почти узаконенный ремесленный цехъ.

И однако, на дворцы-крѣпости, подобные Питти и Palazzo Vecchio, владѣльцы ихъ не жалѣли расходовъ. При всей суровой скромности ихъ фасадовъ и наружныхъ украшеній, они отдѣлывались внутри часто съ непомѣрною роскошью и наполнялись художественными сокровищами всякаго рода. Внутренніе дворы этихъ палаццо, по традиціямъ, унаслѣдованнымъ отъ древняго Рима, да и по самымъ условіямъ итальянскаго климата, заставляющаго искать тѣни и прохлады въ бóльшую часть года, также устроивались гораздо роскошнѣе и красивѣе, чѣмъ наружные фасады дворцовъ. Это было своего рода интимное мѣсто домашней жизни,—atrium античнаго міра, куда не заглядывалъ враждебный глазъ, и гдѣ нерѣдко проводились на воздухѣ цѣлые жаркіе дни. Оттого въ этихъ дворахъ, обнесенныхъ кругомъ высокими стѣнами дворца, глубоко запрятанныхъ отъ лучей

солнца, воздвигались со всѣхъ сторонъ изящныя арки, колоннады, портики, галереи, била освѣжающая струя фонтановъ, цвѣли деревья и кусты, бѣлѣли въ ихъ зелени статуи и вазы...

Дворикъ въ палаццо Питти совершенно отвѣчаетъ этому общему типу и радуетъ глазъ необыкновенною стройностью и красотою своихъ трехъ-ярусныхъ мраморныхъ колоннадъ, обходящихъ кругомъ всѣ три этажа дворца. Тутъ на лицо всѣ главные типы колоннъ: строгія дорическія внизу, выше ихъ—граціозныя іоническія, еще выше—коринѳскія въ своихъ роскошныхъ кудрявыхъ капителяхъ. Мраморныя статуи безмолвно глядятъ изъ-подъ этихъ тѣнистыхъ портиковъ, а назади, противъ входа, глубокій темный гротъ, среди бассейна котораго бьетъ живописный фонтанъ...

Садъ дворца Питти, такъ называемый Боболи, стоитъ того, чтобы побродить въ немъ яснымъ весеннимъ утромъ или въ румяный солнечный закатъ. Величавые какъ сенаторы, придворные лакеи въ ливреяхъ охраняютъ входъ въ садъ и въ картинную галерею, но ужъ безъ малѣйшей сенаторской важности получаютъ отъ васъ серебряную лиру, въ качествѣ „buona mana“, вручаютъ вамъ печатное „permisso“ и отворяютъ вамъ желанную дверь...

Одна изъ характерныхъ рѣдкостей Боболи—большой гротъ изъ туфа, въ мистической темнотѣ котораго сидятъ по угламъ четыре титаническія бронзовыя фигуры, созданныя мрачною фантазіею Микель-Анжело для надгробнаго памятника одного изъ папъ. Тутъ же цѣлое населеніе такихъ же громадныхъ и такихъ же черныхъ фигуръ, искусно вырѣзанныхъ изъ туфа, нептуны, тритоны, пастухи и пастушки... Вообще, въ саду не мало разставлено въ подходящихъ мѣстахъ статуй Бандинелли, Іоанна Болонскаго и др. хорошихъ художниковъ, не считая цѣлой аллеи статуй, ведущей наверхъ, къ огромной мраморной женщинѣ съ колосьями въ рукахъ, изображающей статую Изобилія.

Мы съ истиннымъ наслажденіемъ бродили съ женою по непроницаемо тѣнистымъ аллеямъ сада, спрятаннымъ въ сплошныхъ зеленыхъ стѣнахъ и сводахъ густо сплетшейся и гладко подстриженной древесной поросли, изъ нишъ которой выглядывали въ разныхъ мѣстахъ бѣлыя статуи,—между прудками, островками и фонтанами, живописно раскинутыми среди чащъ сада и украшенными бронзовыми и мраморными группами знаменитыхъ скульпторовъ. Не спѣша, поднимались мы наверхъ по пологимъ мягкимъ дорожкамъ и не спѣша любовались съ вершины холма, увѣнчаннаго статуею Изобилія, распростертымъ у ногъ нашихъ

дворцомъ и широкою панорамою города съ его историческими соборами, кампаниллами и старыми палаццо нобилей; всѣ живописныя окрестности Флоренціи и даже снѣгомъ покрытыя вершины Апеннинъ видны оттуда какъ на прекрасной картинѣ...

Флорентійскій соборъ—Duomo, или какъ гласитъ его полный титулъ, La cattedrale di S.-Maria del Fiore,—одно изъ самыхъ оригинальныхъ и вмѣстѣ чудныхъ созданій итальянскаго зодчества. Эта трудно вообразимая громада, захватившая подъ себя цѣлую площадь, несмотря на свою огромную высоту, длину, ширину, кажется граціозно легкою и обворожительно прелестною. Вся она словно расписана со всѣхъ сторонъ какою-то ярко-веселою и пестрою мозаикою бѣлыхъ, зеленыхъ, желтыхъ, коричневыхъ мраморныхъ плитокъ, облицовывающихъ сверху до низу ея колоссальныя стѣны. Ея готическій по замыслу стиль потонулъ въ обиліи этихъ свѣтлыхъ украшеній, вызванныхъ жизнерадостнымъ чувствомъ народа, живущаго подъ голубымъ небомъ юга, подъ дружелюбными лучами южнаго солнца, въ странѣ золотыхъ лимоновъ и зеленыхъ лавровъ, въ тѣсномъ общеніи съ вѣчно подвижнымъ и бодрящимъ теплымъ моремъ...

Великолѣпный лицевой порталъ и двойныя стрѣльчатыя арки громадныхъ оконъ сохранили, правда, характерныя черты готики, но онѣ до того заслонены мраморною скульптурою фигуръ, золотою мозаикою наружныхъ картинъ, тончайшею артистическою рѣзьбою карнизовъ и оконныхъ выступовъ, превосходящею изяществомъ и разнообразіемъ своихъ замысловатыхъ узоровъ самое пылкое воображеніе, что въ цѣломъ вы видите передъ собою совсѣмъ оригинальное и чисто итальянское художественное сооруженіе, только заимствовавшее у готики нѣкоторыя ея архитектурныя подробности, но рѣшительно не напоминающее своею общею физіономіею и производимымъ на зрителя впечатлѣніемъ ни св. Стефана въ Вѣнѣ, ни кёльнскаго, ни фрейбургскаго соборовъ...

Соборъ Санта-Марія дель Фіоре („св. Маріи Цвѣтовъ")—изъ самыхъ старѣйшихъ зданій Флоренціи; съ конца XIII-го вѣка до нашихъ дней онъ не переставалъ достроиваться и перестроиваться. Его прелестный фасадъ построенъ—хотя и по строгимъ стариннымъ образцамъ итальянской готики—всего только 15 лѣтъ тому назадъ. Надъ соборомъ этимъ работалъ еще Джіотто, а его удивительный куполъ соорудилъ, побѣдивъ многочисленныхъ соперниковъ по конкурсу, знаменитый Брунеллески, кото-

раго гробницу съ мраморною статуею художника, изваянною его ученикомъ, мы видѣли въ этомъ соборѣ... Въ немъ особенно много статуй Донателло, Гиберти и даже есть не вполнѣ оконченная статуя Микель-Анжело; какъ всѣ вообще древніе соборы Италіи, флорентійскій Duomo—тотъ же музей скульптуры, живописи, бронзоваго литья, характерной старинной утвари, такъ что ими приходится дополнять осмотръ художественныхъ галерей.

Колокольня собора стоитъ отдѣльно отъ него, хотя и въ ближайшемъ сосѣдствѣ. Это твореніе Джіотто, оконченное, однако, другимъ художникомъ,—того же маститаго возраста и той же поразительной красоты, какъ и соборъ.

Кампанилла эта—четырехугольный минаретъ своего рода, съ плоскою крышею, словно ее нарочно обрѣзали наверху. Она очень высока и изумительно стройна. Всѣ ея стороны сверкаютъ такими же разноцвѣтными и яркими красками мраморовъ, какъ и стѣны Duomo. Двойныя граціозныя арки готическихъ оконъ въ ея семи ярусахъ окружены самыми изящными карнизами, барельефами, статуями Донателло и др. извѣстныхъ скульпторовъ, —и вообще она смотритъ не зданіемъ, а скорѣе какою-то драгоцѣнною художественною вещицею громадныхъ размѣровъ, которую хотѣлось бы спрятать подъ стеклянный колпакъ и не позволять дотрогиваться до нея рукамъ профановъ...

Впрочемъ, сообразительные флорентинцы отчасти выполнили это мое пожеланіе, потому что весь знаменитый соборъ ихъ окруженъ за нѣсколько аршинъ отъ своихъ стѣнъ желѣзною оградою, не дающею возможности проходящимъ мимо него касаться драгоцѣнныхъ украшеній его стѣнъ...

Баптистерія—какъ разъ напротивъ собора. Она въ обычной формѣ всѣхъ старинныхъ итальянскихъ баптистерій, то-есть, совсѣмъ круглая каменная коробка, напоминающая скорѣе кибитку кочевниковъ, чѣмъ архитектуру такого народа-артиста, какъ итальянцы. Многіе восхищаются этой архитектурной формой, заимствованной, какъ увѣряютъ, у древнихъ римлянъ, и даже великій Данте воспѣвалъ флорентійскую баптистерію, когда она еще была каѳедральнымъ соборомъ родного ему города, величая ее „mio bello S.-Giovanni“!

По моему же, это—изрядное безвкусіе и прозаичность; ни въ одномъ изъ памятниковъ древняго Рима, которые мнѣ случалось видѣть въ Италіи, Сициліи, Испаніи или Франціи, я не встрѣчалъ ничего подобнаго такимъ неграціознымъ зданіямъ. Одна только тонко артистическая чеканка громадныхъ бронзовыхъ две-

рей баптистеріи, обращенныхъ въ цѣлыя полотна скульптурныхъ барельефовъ, заслуживаетъ любопытства туристовъ. Это—замѣчательная работа знаменитыхъ мастеровъ XIV-го и XV-го вѣковъ. Особенною славою пользуется одна изъ дверей работы Гиберти, изобразившаго въ бронзѣ поразительно живую иллюстрацію къ разсказамъ Библіи. Микель-Анжело, самъ великій мастеръ скульптурныхъ работъ, выражался о двери Гиберти, что она достойна быть дверью рая.

Баптистерія гораздо старше годами даже собора съ его колокольней, такъ какъ постройка ея началась еще въ развалъ среднихъ вѣковъ, въ 1100-мъ году... Внутри баптистеріи—ничего особенно интереснаго, сравнительно съ другими храмами. Опять статуя Донателло на гробѣ папы, да очень древнія мозаики, которыя трудно разсмотрѣть въ полутьмѣ храма, прикрытаго довольно смѣлымъ круглымъ куполомъ. Этотъ куполъ одинъ придаетъ сколько-нибудь красоты слишкомъ неизящному кольцу каменныхъ стѣнъ баптистеріи.

Нельзя пропустить „Національнаго Музея“ Флоренціи, если вы хотите ближе ознакомиться не только съ художественными сокровищами итальянскихъ Аѳинъ, но и съ характерными памятниками ея стариннаго республиканскаго быта.

Во Флоренціи, кромѣ Palazzo Vecchio, Уффици и Питти, уцѣлѣло много очень типическихъ частныхъ дворцовъ старыхъ флорентійскихъ нобилей во всемъ первобытномъ архитектурномъ видѣ своемъ, такъ что по ихъ фасадамъ, дворикамъ, портикамъ, лѣстницамъ современные архитекторы лучше всего могутъ изучать своеобразный стиль итальянской эпохи „Возрожденія“. Почти въ каждомъ изъ этихъ историческихъ дворцовъ можно видѣть какую-нибудь галерею картинъ или скульптуры, библіотеку рѣдкихъ изданій, интересное собраніе старинныхъ японскихъ издѣлій, этрусскихъ древностей, гобеленовъ, или что-нибудь подобное. Это обиліе всевозможныхъ научныхъ, художественныхъ, историческихъ коллекцій, принадлежащихъ частнымъ лицамъ,—эта встрѣча, можно сказать, на каждомъ шагу замѣчательныхъ памятниковъ искусства и общественной жизни разныхъ вѣковъ—обращаютъ Флоренцію въ сплошной музей своего рода, въ которомъ нужно прожить цѣлые годы, чтобы хорошенько ознакомиться съ его богатѣйшимъ содержаніемъ. А богатство это говоритъ краснорѣчивѣе всякихъ разсужденій о просвѣщенныхъ вкусахъ и художественныхъ талантахъ не только

бывшихъ основателей и теперешнихъ владѣтелей всѣхъ этихъ эстетическихъ и научныхъ сокровищъ, но и самого народа, для котораго эти сокровища имѣютъ такую привлекательность и который такъ умѣетъ цѣнить ихъ. Нужно быть дѣйствительно народомъ-артистомъ, чтобы создать и поддерживать подобный громадный городъ-музей, чтобы населить десятки улицъ и площадей замѣчательными созданіями архитектуры, чтобы наполнить каждую изъ многаго множества церквей, каждый изъ безчисленныхъ старинныхъ дворцовъ—несчетнымъ числомъ драгоцѣннѣйшихъ картинъ, статуй, гробницъ, фресковъ, связанныхъ съ самыми знаменитыми именами въ лѣтописяхъ европейскаго искусства.

Мы брали на часы покойную извозчичью коляску и заставляли своихъ развязныхъ автомэдонтовъ, отлично знакомыхъ съ замѣчательностями родного города, провозить насъ по всѣмъ улицамъ, гдѣ можно было полюбоваться на самые характерные изъ старинныхъ храмовъ, дворцовъ и домовъ. Видѣли мы такимъ образомъ при въѣздѣ въ улицу Terme и древній домъ „Capitani de la parte Guelfa", уже однимъ названіемъ своимъ переносящій фантазію въ далекіе вѣка борьбы Гвельфовъ и Гибеллиновъ, въ дни Фридриха Барбароссы и „народныхъ капитановъ"; видѣли у церкви С.-Микеля еще болѣе типическій домъ „чесателей шерсти", украшенный горельефами барана, цехового герба этихъ средневѣковыхъ ремесленниковъ; видѣли построенный Брунеллески и разукрашенный Донателло бывшій палаццо Пацци; налюбовались на знаменитый нѣкогда палаццо Медичи, теперь извѣстный подъ именемъ палаццо Риккарди, построенный въ XV-мъ вѣкѣ извѣстнымъ художникомъ Микелоццо и купленный въ настоящее время итальянскимъ правительствомъ, какъ важный памятникъ національной исторіи; въ немъ дѣйствительно родился и жилъ, и гремѣлъ на всю Европу роскошью и блескомъ своего двора одинъ изъ славнѣйшихъ Медичисовъ—Лаврентій Великолѣпный, а послѣ него—цѣлый рядъ его потомковъ. Другой дворецъ, посвященный памяти того же щедраго покровителя искусствъ,—Casino Mediceo, работы Буонталензи, обращенный въ настоящее время въ судебную палату,—былъ построенъ въ извѣстныхъ садахъ Лаврентія Медичи, наполненныхъ имъ всевозможными художественными произведеніями, не умѣщавшимися въ его дворцахъ, которыя впослѣдствіи были перенесены въ галереи Уффици. Въ этихъ садахъ, на ихъ античныхъ памятникахъ, воспитали свой талантъ Леонардо да-Винчи и Микель-Анжело, и цѣлая плеяда художниковъ ихъ времени. Но самый характер-

ный представитель итальянской эпохи „Возрожденія“ и выработаннаго ею такъ называемаго „деревенскаго стиля“ (style rustique)—это палаццо Строцци, построенный въ XV-мъ вѣкѣ однимъ изъ могучихъ соперниковъ Медичи—Филиппомъ Строцци. Главный фасадъ его выходитъ на одну изъ лучшихъ улицъ Флоренціи—Tornabuoni, и въ немъ уже не одинъ нижній этажъ, какъ во дворцѣ Питти и другихъ, а всѣ три яруса выпячиваютъ наружу грубо отесанныя горбушки своихъ массивныхъ камней, а тяжелыя кованныя кольца, висящія на этихъ камняхъ, подставки для факеловъ, оригинальные угловые фонари и великолѣпная скульптура карниза—считаются прекраснѣйшими образцами художественныхъ работъ того времени...

Кромѣ богатыхъ палаццо, во Флоренціи уцѣлѣли и болѣе скромные, но въ своемъ родѣ еще болѣе любопытные старинные дома.

Намъ показали тамъ и домъ Dante,—„in questa casa degli Alighieri nacque il divino poeta“, какъ надписано на вставленной въ стѣну мраморной плиткѣ, и casa Buonarotti, въ которой устроено небольшое собраніе рисунковъ и картинъ, между прочимъ и самого Микель-Анжело, изъ первой юношеской эпохи его жизни... Въ домѣ же Данте, передѣланномъ впрочемъ за̀ново,—только небольшая библіотека съ нѣкоторыми книгами и вещами, принадлежавшими поэту.

„Національный Музей“, о которомъ я началъ говорить, помѣщается также въ одномъ изъ прекрасно сохранившихся и очень характерныхъ по типу своему старинныхъ палаццо,—именно въ такъ-называемомъ il Bargello, *„дворцѣ подесты“*,—главнаго правителя города во времена республики. Это—одно изъ самыхъ древнихъ зданій Флоренціи, построенное еще въ XIII-мъ вѣкѣ. Поэтому онъ естественно смотритъ укрѣпленнымъ за̀мкомъ своего рода. Снаружи это тотъ же обычный style rustique, съ выпуклыми, какъ щиты черепахи, глыбами чернаго камня, суроваго прозаическаго вида. Вхо̀дите подъ громадные полутемные своды нижняго этажа—тамъ цѣлый арсеналъ старинныхъ латъ, шлемовъ, сѣкиръ, палашей, щитовъ и всякаго рыцарскаго оружія. Средневѣковые кондотьери могли расположить въ этихъ необъятныхъ залахъ цѣлый отрядъ своихъ копейщиковъ и стрѣлковъ и защищаться недѣли и мѣсяцы отъ осаждающей толпы. Но пройдите черезъ эти залы внутрь двора,—и вы въ изящной обстановкѣ двухъ-ярусныхъ римскихъ портиковъ, установленныхъ

мастерскими скульптурными произведеніями Микель-Анжело, Бандинелли, Джіованни Болонскаго, украшенныхъ по стѣнамъ гербами и арматурами старинныхъ синьоровъ, былыхъ владѣтелей палаццо или союзниковъ ихъ въ непрерывныхъ междоусобицахъ.

Строго-типичная для тѣхъ временъ, массивная каменная лѣстница со львами, напоминающая красныя крыльца старинныхъ московскихъ дворцовъ, для которыхъ она, быть можетъ, и служила вдохновляющимъ образцомъ въ рукахъ итальянскихъ художниковъ, вызванныхъ въ Россію московскими государями, подобно какому-нибудь Аристотелю Фіоравенти,—и такія же типичныя, полныя стиля, окна дорисовываютъ вашему глазу характерную архитектурную физіономію этого историческаго дворика. Въ комнатахъ музея—обоихъ его ярусахъ—большое художественное и историческое богатство: статуи Микель-Анжело, Вероккіо, Бенвенуто Челлини, Джіованни Болонскаго, барельефы Брунеллески и Гиберти, цѣлая зала скульптуръ Донателло, медали, вазы, множество превосходныхъ флорентійскихъ гобеленовъ, рѣзные мраморы, чудные фаянсы и фарфоры, тончайшія работы изъ слоновой кости изумительнаго изящества.

Дворцы и храмы Флоренціи—такіе же художественные и историческіе музеи, какъ ея галереи и академіи. Нужно очень долго прожить въ этомъ очагѣ итальянскаго искусства, чтобы успѣть познакомиться со всѣми ея характерными и любопытными памятниками художественной старины, и такимъ образомъ составить себѣ полное представленіе о всѣхъ сокровищахъ архитектуры, скульптуры и живописи, которыми обладаетъ этотъ артистическій городъ. Мы не имѣли для этого достаточно времени, да въ наше намѣреніе и не входило такое спеціальное изученіе итальянской эпохи „Возрожденія". Поэтому мы волей-неволей ограничивались осмотромъ самыхъ выдающихся дворцовъ и храмовъ итальянскихъ Аѳинъ.

Въ церкви св. Аннунціаты, громадной высоты, громаднаго простора, какъ всѣ старинные храмы Италіи, и, какъ всѣ эти храмы, ослѣпляющей глазъ роскошью своихъ раззолоченныхъ орнаментовъ, своими мраморами, фресками и картинами, захватившими цѣлыя стѣны, мы заинтересовались чрезвычайно богатою и высоко чтимою населеніемъ капеллою, которая пылала, какъ раскаленная пещь вавилонская, огнями безчисленныхъ огромныхъ лампадъ изъ чистаго серебра, серебрянымъ драгоцѣннымъ престоломъ, серебряными канделябрами и всякимъ другимъ се-

ребрянымъ и золотымъ убранствомъ своимъ. Даже въ іерусалимской часовнѣ Гроба Господня я не видалъ такого обилія лампадъ и такого богатства ихъ. Все это—былыя жертвы роскошныхъ Медичи. Богомольцы благоговѣйными толпами входили и выходили изъ этой часовни, гдѣ находится почитаемый чудотворнымъ образъ Благовѣщенія Пресвятой Дѣвы, написанный alfresco на запрестольной стѣнѣ. Въ церкви шла служба, пѣлъ стройный хоръ, величаво гудѣлъ, медленно раскатываясь подъ высокими сводами, полнозвучный органъ. Этотъ Благовѣщенскій храмъ особенно замѣчателенъ картинами Перуджино и Андреа Дель-Сарто. Передъ входомъ въ храмъ цѣлая стеклянная галерея по правую сторону входнаго портика занята картинами Дель-Сарто, исполненными обычной прелести его рисунка и колера...

Но еще больше заняла насъ церковь Св. Креста, по-итальянски—Санта-Кроче. Она кажется еще громаднѣе Аннунціаты. Это—усыпальница флорентійскихъ славныхъ людей, Пантеонъ своего рода. Тутъ вы увидите гробницы Данте, Галилея, Микель-Анжело, Альфіери, Маккіавелли и многихъ другихъ великихъ именъ исторіи. Данте погребенъ не здѣсь, а въ Равеннѣ, куда онъ былъ изгнанъ; но Флоренція все-таки воздвигла великолѣпный кенотафъ своему великому поэту, къ которому она была такъ неблагодарна; „Onorate l'altissimo poeta"—какъ гласитъ надпись этого кенотафа. Геніальный пѣвецъ ада и рая сидитъ, задумавшись, надъ своимъ мраморнымъ саркофагомъ, погруженный въ поэтическія видѣнія; ниже—три прекрасныя женскія статуи, изображающія искусства, благоговѣйно окружаютъ его гробъ... Не мудрено, что мраморный поэтъ такъ глубоко задумался. И мнѣ кажется, что онъ задумался не столько надъ своею великою поэмою,—этимъ пережившимъ вѣка вдохновеннымъ судомъ поэта-моралиста надъ своими современниками и предшественниками, надъ ихъ страстями и заблужденіями, ихъ добродѣтелью и злодѣйствами,—сколько надъ своею собственною, дѣйствительно трагическою участью. Этотъ уроженецъ гуманной и изящной Флоренціи, съ дѣтства обогащенный самыми разносторонними знаніями и проведшій свою молодость въ университетахъ Болоньи, Парижа, Вероны, напитавшійся, какъ молокомъ матери, Виргиліемъ и Аристотелемъ, честно и искусно служившій своей родинѣ, какъ выдающійся дипломатъ, въ безчисленныхъ посольствахъ ко всевозможнымъ дворамъ Италіи,—былъ безжалостно изгнанъ неблагодарными гражданами изъ родного города за случайный неуспѣхъ своего римскаго посольства 1302 года и обложенъ крупнымъ денежнымъ взысканіемъ, въ конецъ разорившимъ

его. Съ тѣхъ поръ началась для несчастнаго поэта-изгнанника долголѣтняя эпоха скитанія и бѣдствій. Изъ Рима въ Сіену, изъ Сіены въ Падую, изъ Падуи въ Верону, изъ Вероны въ Равенну переходилъ по очереди безпомощный скиталецъ, нигдѣ не успѣвая устроиться сколько-нибудь прочно, испытывая во всей силѣ оскорбительную горечь чужого куска и чужого крова.

„Ты познаешь, что нѣтъ пищи горше
Чужого хлѣба, нѣтъ пути тяжеле
Подъема и спуска съ чужихъ лѣстницъ“,

—съ горечью говоритъ Данте въ 17-й пѣснѣ своего „Рая“.

Семейная жизнь этого восторженнаго поклонника идеальной любви очень рано окончилась такимъ же глубокимъ разочарованіемъ, какъ и его общественная дѣятельность: судьба послала ему въ жены Джемму ди-Донати,—настоящую Ксантиппу своего рода,—которая до того отравляла ему существованіе, что онъ вынужденъ былъ навсегда разстаться съ нею, несмотря на то, что она родила ему пятерыхъ сыновей.

Хотя Данте не падалъ духомъ въ своемъ изгнаніи и энергически продолжалъ писать свою поэму и изучать классиковъ, занимался даже музыкою и живописью, математикой, естествознаніемъ, но тѣмъ не менѣе грустныя обстоятельства его жизни всецѣло отразились на мрачномъ и суровомъ характерѣ его поэзіи и вполнѣ объясняютъ,—даже помимо его природной восторженности и глубокой религіозности духа его,—беззавѣтное погруженіе его поэтической мечты въ міръ мистическихъ грёзъ... „Божественная Комедія“ была почти вся написана имъ въ эпоху изгнанія, во всевозможныхъ уголкахъ Италіи, и только семь первыхъ пѣсенъ ея сложились въ болѣе счастливые дни его флорентійской жизни. Вотъ отчего чуть не каждый городъ Италіи претендуетъ теперь на то, будто великій поэтъ въ немъ именно создавалъ свое великое произведеніе. Послѣднимъ убѣжищемъ и мѣстомъ вѣчнаго успокоенія поэта-скитальца была Равенна, гдѣ благородный Гвидо де-Полента, племянникъ той самой Франчески ди-Римини, чувственную любовь которой въ такихъ яркихъ краскахъ изобразилъ Данте въ V-й пѣснѣ своего „Ада“, съ почестью принялъ изгнанника и даже поручилъ ему посольство къ венеціанскому сенату. Но гордые венеціанскіе синьоры не захотѣли вступать въ сношенія съ опороченнымъ нищенствующимъ дипломатомъ, и онъ возвратился въ Равенну, смертельно оскорбленный этимъ публично оказаннымъ ему презрѣніемъ. Этотъ послѣдній нравственный ударъ свелъ его въ могилу. Онъ умеръ

никѣмъ не замѣченный, никѣмъ не признанный, какъ бродяга-нищій. Только много лѣтъ спустя послѣ его смерти, соотечественники его стали сознавать мало-по-малу высоту его генія и огромное художественное и гуманное значеніе оставленнаго имъ труда... Его первымъ горячимъ и краснорѣчивымъ адвокатомъ явился Боккаччіо, можно сказать, посвятившій себя пропагандѣ литературныхъ заслугъ Данте и необыкновенныхъ достоинствъ его поэмы.

Данте, конечно, мало интересенъ и даже мало понятенъ въ наше время,—до того чуждо современнымъ людямъ его міровоззрѣніе. Онъ еще почти весь принадлежитъ среднимъ вѣкамъ, стоя на рубежѣ между ними и первою зарею эпохи „Возрожденія". Одинъ изъ талантливыхъ англійскихъ критиковъ очень удачно примѣнилъ къ нему выразительные стихи Мильтона:

„Прекраснѣйшая изъ звѣздъ, послѣдняя въ шествіи ночи, если только ты не принадлежишь скорѣе къ разсвѣту; вѣрный залогъ дня, ты вѣнчаешь улыбающееся утро своимъ свѣтлымъ кольцомъ".

„Божественная Комедія" Данте дѣйствительно явилась своего рода первымъ лучемъ разсвѣта послѣ долгой ночной тьмы средневѣковой схоластики. Данте первый изъ итальянскихъ писателей осмѣлился писать на итальянскомъ языкѣ. До него только одинъ латинскій языкъ считался достойнымъ науки и поэзіи, и никому въ голову не приходило, чтобы обыденный языкъ гостиныхъ и базаровъ, языкъ невѣжественной толпы,—былъ способенъ выразить высокія мысли и тонкія чувства и могъ замѣнить собою языкъ Цицерона и Виргилія. Данте открылъ этотъ драгоцѣнный отечественный родникъ и направилъ его въ широкое русло поэтическаго творчества. Онъ явился такимъ образомъ не только творцомъ перваго великаго поэтическаго произведенія итальянской литературы во времена едва не варварскія, но и творцомъ итальянскаго литературнаго языка среди повальнаго господства мертвыхъ формъ латинской рѣчи. Въ этомъ—его неувядаемая историческая слава. Но и какъ художникъ слова Данте обладалъ могучею, можно сказать, огненною силою воображенія и яркою до выпуклости выразительностью и сжатою мѣткостью своихъ описаній. Въ своей великой поэмѣ, названной имъ „Божественною Комедіею",—онъ воплотилъ въ трепещущіе жизнью образы всю средневѣковую космогонію католичества, наивно мѣшавшую незабытые еще, вполнѣ живописные миѳы языческаго Рима съ младенчески-трогательными представленіями христіанской схоластики. Страстная искренность вѣры Данте проникаетъ какимъ-то

горячимъ пламенемъ всѣ фантастическія картины его „Чистилища", „Ада" и „Рая", и даже невѣрующаго человѣка заставляетъ смотрѣть на нихъ какъ на что-то дѣйствительное и возможное,—съ такимъ непоколебимымъ убѣжденіемъ и такою чисто земною опредѣленностью нарисованы имъ эти въ сущности крайне-странные, почерпнутые изъ загробныхъ грёзъ, эпизоды его поэмы. Уже одна загадочная фигура его Беатриче,—не то земной красавицы, переселившейся въ райскія сферы, не то безплотнаго небожителя, не то аллегоріи самой божественной любви,—осѣняющая и согрѣвающая, какъ живительный лучъ солнца, печальныя странствованія поэта по мытарствамъ не-здѣшняго міра, навѣянныя на его меланхолическую душу горькимъ земнымъ скитальничествомъ,—наглядно показываетъ, до какой нераспутываемой поэтической иллюзіи, до какихъ сновидѣній на яву, искренно смѣшивавшихъ дѣйствительность съ грёзами, доходила и доводила своихъ читателей фантазія поэта.

Беатриче, какъ извѣстно, была прелестный застѣнчивый ребенокъ, дочь Фолько Портинари, которой былъ всего восьмой годъ, когда въ нее влюбился девятилѣтній Данте, увидѣвъ ее на майскомъ праздникѣ. Хотя красавица-дѣвочка умерла очень рано, и хотя Данте видалъ ее всего два раза въ своей жизни,—онъ сдѣлалъ ее, по обычаямъ рыцарей и трубадуровъ своего времени, царицею своего сердца, писалъ въ ея честь трогательныя юношескія сонаты и всю жизнь носилъ въ своей душѣ ея дѣвственный образъ, какъ идеалъ небесной любви, очищавшей его отъ чувственныхъ помысловъ,—что, впрочемъ, не мѣшало впечатлительному поэту, въ минуты болѣе житейскаго настроенія, ухаживать за многими дамами вполнѣ земныхъ наклонностей и писать имъ также сонеты.

Другая, стоящая подъ тѣми же сводами, гробница, тоже съ великимъ именемъ своего рода, хотя такъ же мало похожимъ на пѣвца мистическихъ видѣній, какъ Мефистофель на Франциска Ассизскаго, — наводитъ посѣтителя на тѣ же неутѣшительныя мысли о грубой неблагодарности людей, благоговѣйно преклоняющихся передъ памятью своихъ избранныхъ умовъ, а въ теченіе ихъ жизни преслѣдующихъ ихъ клеветами, оковами, изгнаніемъ. Гробница эта—Николы Маккіавелли. Tanto nomini nullum par elogium"—начертана на ней поздняя похвала потомства...

Рѣдко какое имя навлекало на себя столько обвиненій, проклятій и ненависти... Имя это въ теченіе не одного вѣка и далеко не одного народа считалось синонимомъ чуть не самого

злого духа, такъ что одинъ англійскій поэтъ остроумно доказывалъ въ своихъ стихахъ, будто лукавый *Никъ* (уменьшительное имя Николы Маккіавелли) далъ свое имя чорту (old Nick, по народному выраженію англичанъ). До того возмущала совѣсть людей—въ томъ числѣ даже такихъ, которыхъ поступки вполнѣ гармонировали съ принципами Маккіавелли,—циническая откровенность его политическихъ и правительственныхъ ученій, допускавшихъ и одобрявшихъ самыя безнравственныя и даже преступныя средства для достиженія государственныхъ цѣлей, для созданія сильной власти и обузданія ея враговъ.

Только позднѣйшіе безпристрастные изслѣдователи жизни и сочиненій Маккіавели перестали въ немъ видѣть родоначальника и насадителя зла среди безгрѣшнаго человѣчества; они съумѣли оцѣнить въ этомъ замѣчательномъ гражданинѣ Флоренціи—страстнаго патріота и искреннѣйшаго республиканца, который составлялъ свое знаменитое руководство государямъ, какъ править государствомъ, въ то самое время, какъ его истязали тюремными оковами и пытками за дѣло народной свободы. Этотъ „секретарь флорентійскаго совѣта Десяти“, искусно отстаивавшій столько разъ интересы своей вольной родины передъ римскимъ папою и парижскимъ дворомъ, дипломатъ до мозга костей, и вмѣстѣ глубочайшій знатокъ души человѣческой,—жилъ, къ своему несчастію, уже въ вѣка разложенія родной республики, когда выродившіеся, бездарные потомки славныхъ Медичисовъ возвратились послѣ изгнанія въ ненавидѣвшую ихъ Флоренцію не по призванію своего народа, а на копьяхъ враговъ Италіи, которымъ они продали интересы ея, и которой свободу они подавили съ ихъ помощью.

Патріотическое сердце Маккіавелли терзалось внутренними муками при видѣ владычества жестокихъ и грубыхъ чужеземцевъ, ворвавшихся силою меча въ просвѣщенную и изнѣженную родину его, мирно предававшуюся въ своихъ изящныхъ городахъ искусствамъ, наукамъ, торговлѣ и эпикурейскимъ наслажденіямъ, терявшую способность мужественной борьбы съ врагомъ открытою силою и давно уже выставлявшую на свою защиту, вмѣсто арміи патріотически одушевленныхъ гражданъ, только ненадежныя шайки корыстныхъ наемныхъ кондотьери. И вотъ онъ, съ юности воспитанный въ интригахъ, подкупахъ и тайныхъ козняхъ дипломатіи маленькой республики при могущественныхъ дворахъ, проникнутый общею заразою нравственнаго и религіознаго индифферентизма, царившею тогда не только во дворцахъ Флоренціи, но и на престолѣ папъ, — стремится выработать единственно

возможное, по его понятію, при существовавшихъ обстоятельствахъ, надежное орудіе для борьбы съ чужеземными притѣснителями, для возстановленія свободной Италіи.

Сильная власть правителя, достигнутая какими бы то ни было средствами, созданіе постояннаго войска, безропотно послушнаго вождю изъ гражданъ земли,—все то, однимъ словомъ, чего недоставало тогдашнимъ мелкимъ итальянскимъ республикамъ, уничтожавшимъ свои силы въ вѣчныхъ усобицахъ другъ съ другомъ и борьбѣ партій, малодушно отдавшимъ въ чуждыя руки наемниковъ святое дѣло защиты отечества,—все то, что погубило на его глазахъ судьбу его родины и чѣмъ были сильны ея враги,—казались ему единственными вѣрными средствами извлечь Италію изъ ея глубокаго политическаго униженія, изгнать изъ нея чужеземныхъ тирановъ, спасти отъ ихъ алчности и невѣжества богатство и цивилизацію своей родины. Ради этой великой патріотической цѣли Маккіавелли считалъ необходимымъ жертвовать всѣмъ, пренебрегать всякими нравственными принципами, противопоставлять систему всевозможнаго коварства и обмана врагу, опирающемуся на грубую силу, недостававшую его отечеству. И если авторъ „Il Principe“ горько ошибался въ этомъ, то ошибался во всякомъ случаѣ съ самою глубокою искренностью, съ самою непоколебимою вѣрою въ спасительность своего ученія для блага его родины...

Но непонятый пламенный патріотъ за свою беззавѣтную любовь къ этой родинѣ заплатилъ современникамъ нищетою, темницею и пытками, а потомству—всесвѣтнымъ презрѣніемъ и ненавистью... Для Италіи это, впрочемъ, не новость. Въ одной только Флоренціи та же скорбная, а для иныхъ и болѣе жестокая, участь постигла Данте, Микель Анжело, Галилея, Савонароллу...

Кромѣ многочисленныхъ саркофаговъ и статуй, въ С.-Кроче художники приходятъ изучать замѣчательные фрески Джіотто лучшей эпохи его искусства, и нѣкоторыхъ учениковъ его, какъ Таддео Гадди и другіе. Бывшій францисканскій монастырь, къ которому принадлежалъ прежде соборъ С.-Кроче и который непосредственно примыкаетъ къ нему, построенъ знаменитымъ Брунеллески, и вообще тутъ на каждомъ шагу вы встрѣчаете какое-нибудь славное имя, какое-нибудь знаменитое произведеніе эпохи „Возрожденія“. Несмотря, однако, на свой характеръ некрополя и на свою громадность, С.-Кроче, какъ и другіе флорентійскіе храмы, смотритъ гораздо веселѣе, колоритнѣе, изящнѣе и легче,

чѣмъ мрачные храмы Венеціи. Даже бѣломраморныя плиты его половъ помогаютъ этому общему свѣтлому впечатлѣнію. Памяти Данте посвящена и площадь передъ С.-Кроче, гдѣ высится его величественный мраморный памятникъ работы Пацци, воздвигнутый на средства соединенной Италіи въ шестисотлѣтнюю годовщину со дня рожденія поэта...

Евгеній Марковъ.

ВРАЖДЕБНАЯ СИЛА

РОМАНЪ.

— John-Antoine Nau. „Force ennemie". Roman (couronné par l'Académie Goncourt). Paris, 1904.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I *).

У меня вѣроятно опять начался бредъ, смѣнившійся затѣмъ періодомъ прострацiи. Просыпаюсь я въ постели, плотно укутанный одѣяломъ; я не одинъ. У моей постели сидитъ Леонардъ; онъ чиститъ при мерцающемъ свѣтѣ свѣчки большую шляпу—котелокъ блѣдно-сѣраго, почти бѣлаго цвѣта, похожую на куполъ мечети. Въ комнатѣ сильно пахнетъ бензиномъ. Служитель исполняетъ свою работу необычайно усердно; онъ похожъ на прилежнаго ученика, готовящаго какой-нибудь глупѣйшій школьный урокъ, и, глядя на его глупо-самодовольное и сосредоточенное лицо, съ прищуренными глазами и высунутымъ кончикомъ языка, мнѣ хочется расхохотаться.

Но я вдругъ вспоминаю о моемъ глупомъ поведеніи, и у меня холодѣетъ на сердцѣ. Хорошо же я воспользовался расположеніемъ доктора Фруана! Въ тотъ самый моментъ, когда онъ началъ вѣрить въ мое полное выздоровленіе, мною овладѣлъ мой безсмысленный бредъ, и я началъ серію моихъ новыхъ выходокъ. Какое идіотство! Развѣ нельзя было ощущать въ себѣ этотъ

---

*) См. выше: апрѣль, стр. 712.

неожиданный приступъ безумія, внутренно страдать и ужасаться, не дѣлая глупостей и не утрачивая способности скрывать то, что̀ чувствуешь?

Но всегда такъ бываетъ. Я убѣдился въ этомъ и по наблюденіямъ доктора Маня, и по своимъ собственнымъ. Тѣ, которые сохранили еще способность разсуждать и страдаютъ только возвращающимися припадками умопомѣшательства, ясно сознаютъ, что собираются сдѣлать нѣчто непоправимое, всѣми силами сдерживаются... и все-же видятъ сами, что дѣлаютъ глупость, слышатъ, что сказали то, что̀ не слѣдуетъ. Они не властны надъ собой—они становятся жертвами той „враждебной силы“, о которой говорилъ Мабиръ.

Мнѣ мучительно хочется узнать, какое впечатлѣніе я произвелъ на доктора Фруана. Я кашляю, ворочаюсь въ постели, откидываю съ намѣренной рѣзкостью одѣяло, которое меня душитъ, и стараюсь всячески обратить на себя вниманіе служителя. Наконецъ, я зову его—не очень громкимъ голосомъ:

— Леонардъ!

Служитель, который осторожно проводитъ шерстяной тряпочкой, пропитанной бензиномъ, по бѣлесоватому фетровому „куполу“, бормочетъ что-то себѣ подъ носъ и поворачивается ко мнѣ.

— Леонардъ, что̀ сказалъ докторъ Фруанъ? Послѣ такого припадка, онъ навѣрное считаетъ меня окончательно сумасшедшимъ.

— Да нѣтъ же, нѣтъ. Онъ сказалъ, что вы слишкомъ взволновались и что у васъ была какая-то... люсинація, что-ли?.. но что это недолго продолжалось; онъ сказалъ, что она была слишкомъ ужъ бурная (онъ, прочемъ, употребилъ другое слово—„феломенальная“), чтобы надолго укрѣпиться въ вашемъ мозгу. Сказалъ онъ также, что никогда самъ не наблюдалъ такихъ припадковъ,—только читалъ о нихъ. Но онъ былъ увѣренъ, что вы скоро успокоитесь, такъ что я завтра смогу отправиться по дѣламъ службы, и всякій другой служитель, напримѣръ Франсуа, сможетъ замѣнить меня на время моего отсутствія. Вотъ почему я „полирую“ свою шляпу.

Докторъ Фруанъ, къ сожалѣнію, ошибся; если это была галлюцинація, то, во всякомъ случаѣ, я еще въ ея власти. Я совершенно ясно чувствую, что „внутренно“ я уже не одинъ. Какъ это объяснить, не говоря нелѣпостей? Я ощущаю чье-то нестерпимое присутствіе во мнѣ даже тогда, когда это *существо* не такъ сильно мучитъ меня, какъ во время визита доктора Фруана. *Оно*, повидимому, укротилось за эти нѣсколько часовъ,

но теперь *оно* опять разговариваетъ со мной. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы *оно* говорило—у него нѣтъ голоса, но оно *внушаетъ* мнѣ слова иногда довольно... странныя, которыя выражаютъ его желанія... Въ этотъ моментъ, я ясно понимаю его *приказаніе*, переданное мнѣ приблизительно въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

— Да спроси же ты этого идіота, куда его посылаютъ.

Я машинально спрашиваю служителя:

— Куда же это вы собираетесь, Леонардъ?

— Мнѣ приказано „доставить" мать Шарлемэня; я вѣдь зналъ, что дѣло кончится этимъ.

— Значитъ, вы ѣдете въ Капи?

— Нѣтъ. Бѣдняжка повздорила съ сосѣдями, которые довольно безжалостно поколотили ее. Она съ перепугу удрала пѣшкомъ въ Вильевиль, гдѣ у нея живетъ какой-то родственникъ. Явилась она туда чуть ли не въ одной рубашкѣ—вся юбка была изодрана въ клочки. У родственника своего она стала такъ буянить, что онъ сейчасъ же написалъ сюда, чтобъ ее забрали; привезти ее сюда самъ онъ не рѣшается.

— Когда же вы ѣдете?

— Завтра, въ пять часовъ утра. Ну, вотъ, моя шляпа и вычищена! Теперь уже скоро полночь. Вамъ навѣрное хочется спать, и мнѣ также. Спокойной ночи! Я приведу вамъ Франсуа передъ отъѣздомъ, чтобы подлѣ васъ былъ кто-нибудь, если вамъ что̀ понадобится. Не оставить ли вамъ также свѣчку?

— Нѣтъ, спасибо. Спокойной ночи, Леонардъ.

Онъ боится оставить меня одного; онъ не знаетъ, что я и такъ не одинъ. Я бы, можетъ быть, предпочелъ иное общество, но приходится довольствоваться тѣмъ, что̀ имѣешь.

Напрасно я отказался отъ свѣчки. Мнѣ вдругъ кажется, что въ освѣщенной комнатѣ было бы не такъ жутко, какъ среди глубокаго мрака, окутавшаго меня съ уходомъ служителя. Но чего я собственно боюсь?.. Я знаю—я боюсь *того*, кто во мнѣ, и кто, быть можетъ, опять заговоритъ со мной.

Дѣйствительно, закрывъ глаза, я тотчасъ же вижу „внутри себя" нѣчто отвратительное—неописуемое, неопредѣленное, но отвратительное. И это вторгнувшееся въ меня существо опять „внушаетъ" мнѣ слова и фразы:

— Ты очень удивленъ, не правда ли? Для тебя это новость, чтобы въ человѣкѣ что-то жило, какъ въ червивомъ яблокѣ? Недурно ты это сказалъ! Я увѣренъ, что ты принимаешь меня

за чорта и будешь просить, чтобы меня изгнали заклинаніями. Жалкій ты дуракъ! Этимъ вѣдь меня не выживешь.

Я мысленно спрашиваю его:

— Кто же ты такой, и что̀ ты во мнѣ дѣлаешь?

— Я это тебѣ объясню, когда ты будешь въ состояніи слушать меня со вниманіемъ. Поймешь ли ты меня—это еще вопросъ. Но сегодня ты усталъ и боленъ. Спи — иначе ты, чего добраго, вздумаешь страдать. Меня это, конечно, мало трогаетъ, —что̀ мнѣ за дѣло до того, хорошо ли ты себя чувствуешь, или нѣтъ. Но ты мнѣ будешь надоѣдать глупыми жалобами, и что̀ самое непріятное, — твои страданія могутъ сообщиться и мнѣ. Вѣдь у насъ съ тобой одна нервная система на двоихъ.

— Ты мнѣ будешь мѣшать спать. Я чувствую, что ты мнѣ врагъ, и ты меня стѣсняешь.

— Ты меня считаешь врагомъ, потому что я говорю съ тобой такъ, какъ ты этого заслуживаешь. Но ты ошибаешься. Я не имѣю основанія быть тебѣ врагомъ,—вѣдь ты мнѣ нуженъ. Спи, я не буду вмѣшиваться въ твои сны. Они меня мало интересуютъ.

Какъ спокойно и разсудительно заговорилъ вдругъ этотъ... духъ, которымъ я... одержимъ! Его можно было бы принять за почтеннаго профессора—скажемъ, за профессора психіатріи, производящаго опыты надъ больнымъ. Одно его интересуетъ, другое — не интересуетъ; я нуженъ — очевидно, какъ научный матеріалъ — этому безтѣлесному джентльмэну, который гоститъ во мнѣ и слишкомъ безцеремонно ведетъ себя.

Онъ прерываетъ мои размышленія:

— Довольно. Можешь ломать себѣ голову когда-нибудь въ другой день, или въ другую ночь, а теперь спи; сегодня, все равно, кромѣ глупостей ничего не надумаешь. Если ты полагаешь, что мнѣ интересно тебя слушать, то ошибаешься. Въ эту минуту у тебя самый дурацкій мозгъ, какой себѣ можно представить.

Не долго же *онъ* говорилъ приличнымъ тономъ. Теперь онъ снова грубитъ. Но, во всякомъ случаѣ, я уже не чувствую страха. Пугавшій меня образъ расплывается въ легкую дымку, почти свѣтлую среди мрака. Я уже не вижу зеленыхъ и красныхъ сіяній, которыя были, по всей вѣроятности, взглядами... призрака, видными только мнѣ одному. *Ему* надоѣло созерцать то, что̀ происходитъ въ моемъ мозгу, и онъ угомонился. Теперь я смогу заснуть.

...Но вдругъ раздается страшный шумъ среди темной ночи,

насыщенной электрическими токами. Адскій ревъ несется откуда-то по близости,—можетъ быть,—ну, да, навѣрное,—изъ женскаго отдѣленія! Я слышу возгласы невообразимаго отчаянія, страшные крики, за которыми слѣдуютъ визги; какія-то рычанія и мяуканія пробуравливаютъ мнѣ уши и даже кости, проникаютъ въ мозгъ. Они то затихаютъ, то возобновляются еще съ большей силой, еще болѣе отчаянные и мучительные. У меня сердце разрывается на части; я покрываюсь холоднымъ пòтомъ, члены мои цѣпенѣютъ и зубы стучатъ, какъ въ лихорадкѣ — я чувствую, что скоро тоже начну рычать... Но вдругъ раскрывается отверстіе въ стѣнѣ—то, черезъ которое я увидѣлъ въ первый разъ Леонарда. Полоса желтаго цвѣта съ красноватыми пятнами заливаетъ стѣну противъ меня, и я слышу голосъ служителя, звучащій очень спокойно и очень отчетливо среди зловѣщаго шума:

— Не пугайтесь,—это кричатъ больныя въ женскомъ отдѣленіи; онѣ чувствуютъ приближеніе грозы. Не будь у меня заказана карета на завтра утромъ, шляпѣ моей не сдобровать бы. Страшный будетъ ливень!

— Я самъ отлично зналъ, Леонардъ, что крики эти несутся изъ женскаго отдѣленія, и я даже, кажется, узналъ среди нестройныхъ визговъ одинъ болѣе нѣжный, болѣе красивый голосъ, чѣмъ другіе, но въ то же время еще болѣе неистовый и ужасный... голосъ очаровательной „принцесы“. Конечно, послѣ этого я больше не смогу заснуть въ эту ночь: и она тоже воетъ!

— Всѣ онѣ воютъ!—сообщаетъ, какъ бы въ утѣшеніе мнѣ, *существо, вселившееся въ меня*. — Знаю я ее, твою красавицу!

— Животное!

— Не ругайся! Я вѣдь ее знаю только такой, какой она изображена въ твоемъ мозгу — самыми идеальными красками; другихъ свѣдѣній у меня о ней нѣтъ.

— Послушай, ужъ если ты возобновилъ бесѣду безъ всякой просьбы съ моей стороны, то сдѣлай одолженіе и объясни, почему ты надоѣдаешь именно мнѣ, а не кому-либо другому своими глупыми шутками. Я очень бы хотѣлъ знать, кто ты такой и откуда ты явился. Скажи мнѣ это въ нѣсколькихъ словахъ, потому что я сегодня туго понимаю.

— Ну, да, испугъ, который ты только-что испыталъ, не сдѣлалъ тебя болѣе понятливымъ,—напротивъ того!

— Скажешь ли ты мнѣ, наконецъ, кто ты?

— Я тебѣ повторяю, что ты ничего не поймешь... Но такъ какъ ты настаиваешь, то я тебѣ прочту лекцію... самую краткую. Тебѣ нужно отдохнуть — это и въ моихъ интересахъ,—вѣдь я

тебѣ ужъ сказалъ, что всѣ страданія твоего дряннаго организма могутъ отразиться и на мнѣ.

— Казалось бы, такъ просто оставить въ покоѣ мой дрянной организмъ!

— Я не совсѣмъ по доброй волѣ... почтилъ тебя моимъ присутствіемъ. У меня не было выбора... Такъ ты требуешь объясненій?

— Конечно, я только этого и жду.

— Такъ слушай же: я буду очень кратокъ. Впослѣдствіи я прибавлю еще разныя подробности, а теперь ограничусь изложеніемъ самой сущности.

— Начинай же скорѣе!

— Хорошо. Ты, быть можетъ, самъ знаешь, что твоя, сдѣланная изъ грязи, планета—не единственное обитаемое небесное тѣло. Есть болѣе совершенные міры—ихъ довольно много; есть и низшіе—ихъ число почти безконечно. Есть болѣе счастливые и болѣе несчастные. Но все это устроено не по человѣческимъ, т.-е. земнымъ представленіямъ. Вотъ, напримѣръ, Ткукра—звѣзда, или вѣрнѣе, планета, на которой я жилъ, зависитъ отъ „солнечной системы" краснаго свѣтила, называемаго у васъ „Альдебараномъ" (ну, да, ты называешь ее Альдебараномъ—я это ясно вижу въ тебѣ, такъ же, какъ вижу, какое дурацкое у тебя о ней представленіе!); она населена существами, до нѣкоторой степени схожими съ обитателями земли. И хотя въ общемъ обитатели нашей планеты умнѣе и развитѣе, чѣмъ вы, жители земли, но они—если судить по вашимъ понятіямъ—болѣе злы, такъ какъ условія жизни у насъ болѣе тяжелыя, первобытныя и дикія. Напримѣръ, многіе изъ насъ обладаютъ даромъ ясновидѣнія, но не врожденнымъ, а достигнутымъ настойчивостью воли, обращенной на точное изученіе будущаго—по крайней мѣрѣ, на время нашего заключенія на Ткукрѣ; но зато намъ невозможно оградить себя отъ суровости климата и обезпечить себя достаточной пищей; это удается намъ только изрѣдка, въ страшныя минуты, о которыхъ я разскажу тебѣ, когда ты болѣе привыкнешь ко мнѣ,—вѣдь и такъ ты не съ особеннымъ восторгомъ раздѣляешь со мною свое тѣло. Какъ бы то ни было, хотя я и не имѣю права причислять себя къ самымъ выдающимся умамъ моей планеты, все-же я былъ достаточно образованъ (ты поймешь, какъ трудно быть образованнымъ въ нашемъ смыслѣ, когда ознакомишься съ жизнью тѣхъ, которые были моими ближними) и умѣлъ проникать взоромъ въ далекіе міры. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я боялся будущаго, уготовленнаго мнѣ Создателемъ; онъ вѣдь могъ бы

обречь меня на еще болѣе тяжелое, хотя и высшее въ духовномъ отношеніи существованіе. Поэтому я рѣшился завладѣть или хоть украсть на время немного временного, относительнаго, но все-же непосредственнаго счастья...

Я имѣлъ телепатическія свѣдѣнія о Землѣ... Можно было, конечно, избрать какой-нибудь болѣе прекрасный и совершенный міръ, но я опасался, что тамъ не потерпятъ моего присутствія... Въ высшихъ мірахъ—души или слишкомъ ясныя и сильныя, или жестокія и грубыя. Я рѣшилъ поэтому переселиться на Землю. Послѣ огромныхъ усилій и изысканій, мнѣ удалось освободить мое „астральное тѣло", говоря словами вашихъ маговъ, и умчаться по эѳиру, оставивъ мою инертную матеріальную оболочку во власти леденящихъ сѣверныхъ вѣтровъ на жесткой, безплодной почвѣ моей звѣзды. Пусть завладѣетъ ею какой-нибудь духъ изъ еще болѣе печальнаго и страшнаго міра! Можетъ быть, онъ въ ней будетъ меньше страдать, чѣмъ въ своей прежней оболочкѣ, оставшейся на еще болѣе суровой звѣздѣ. Вотъ первое доброе пожеланіе обитателя Ткукры.

Попавъ на Землю, или, вѣрнѣе, витая въ атмосферѣ вашей планеты, я довольно долго искалъ того, за чѣмъ явился, т.-е. тѣла, которое я могъ бы украсть,—ну, да, украсть: я вѣдь предпочелъ бы владѣть безраздѣльно какимъ-нибудь человѣческимъ организмомъ, въ который я могъ бы проникнуть, воспользовавшись обморокомъ собственника или добровольной отлучкой его души изъ тѣла; такъ поступаютъ обыкновенно низшіе духи. Къ несчастію, кромѣ тѣлесныхъ оболочекъ нѣсколькихъ могущественныхъ браминовъ или западныхъ маговъ, которые очень быстро изгнали бы меня, вернувшись въ тѣло, я не могъ найти болѣе или менѣе сносное пустующее обиталище; мнѣ попадалась все какая-то дрянь. Я выражаюсь грубо, но вѣрно. Не могъ же я вселиться въ какую-нибудь истеричную старуху, безкровную, вѣчно стонущую, продолжающую жить только по привычкѣ или изъ упрямства,—или въ невропата, тѣло котораго—инструментъ для всевозможныхъ страданій,—или же въ больного, котораго не сегодня—завтра похоронятъ?

Мнѣ пришлось, такимъ образомъ, рѣшиться на раздѣлъ... и вотъ, на всей землѣ, отъ сѣвернаго полюса и до южнаго, я не могъ найти, даже у сумасшедшихъ, менѣе энергичную, болѣе безвольную и „тряпичную" душу, чѣмъ твоя...

— Ты льстишь мнѣ, но преувеличиваешь...

— Только отчасти... Я, быть можетъ, не такъ долго искалъ, какъ говорю теперь. Но вѣдь по слабости духа ты вполнѣ удо-

влетворялъ моимъ требованіямъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ я видѣлъ, что физически ты вовсе не слабосильный. У тебя больное воображеніе, но тѣломъ ты нисколько не боленъ (кстати сказать, какое это миленькое торгашеское выраженіе!—я взялъ его изъ магазиновъ твоего мозга). Ты, кажется, славный малый, и мы, навѣрное, отлично уживемся. Къ тому же ты такъ податливъ, такъ вялъ (не даромъ фамилія твоя Veuly, вялый), что я охотно буду обращаться съ тобой болѣе мягко, чѣмъ обращался бы со всякимъ другимъ. Но довольно на сегодня. Ты знаешь теперь, кто я, откуда я явился и почему я „нанялъ у тебя комнату". Могу еще прибавить для твоего успокоенія, что я постараюсь съѣхать отъ тебя, какъ только найду болѣе подходящее обиталище. Я хочу изучить земную жизнь и какъ можно полнѣе насладиться ею—такъ что квартира, которую я занимаю у тебя, только временная. Вотъ, видишь, отчаяваться тебѣ нечего!.. Ахъ, да, ты еще не знаешь моего имени—могу ли сказать его тебѣ?.. Да, могу—вотъ его „звуковые элементы" въ музыкальномъ отдѣленіи твоего мозга: мое имя Кмогунъ. Я уже сказалъ тебѣ, что моя планета находится въ системѣ Альдебарана, что она невидима для земныхъ телескоповъ и что она называется Ткуврой. А теперь—спокойной ночи!

Какъ это ни странно, но я смогъ заснуть, несмотря на рѣзкіе крики, которые потрясали стѣны женскаго отдѣленія и превращали его въ огромную клѣтку, откуда несется ревъ среди ночного мрака. Страшный концертъ длился долго — у меня осталось впечатлѣніе, что зловѣщая какофонія мучила меня и во снѣ.

Подъ утро, когда комната наполнилась сизымъ предразсвѣтнымъ свѣтомъ, ко мнѣ вошелъ Леонардъ и привелъ ко мнѣ Франсуа, которому временно порученъ надзоръ за мной.

II.

Вопреки предвѣстіямъ вчерашней грозы, въ семь часовъ утра погода такая ясная, воздухъ такой золотисто-голубой, что мнѣ хочется пойти въ садъ.

Я пройду мимо оконъ моей „принцессы": если мнѣ удастся сказать ей нѣсколько словъ сейчасъ же, у меня будетъ радостно на душѣ во время всей прогулки; если же не удастся, то на-

дежда повидать ее на возвратномъ пути придастъ еще больше красоты въ моихъ глазахъ зелени, цвѣтамъ, аллеямъ большого сада и полямъ, огражденнымъ стѣнами.

Все, что̀ я испыталъ ночью, мнѣ, вѣроятно, приснилось. Не существуетъ никакого Кмогуна изъ Ткукры; въ женскомъ отдѣленіи никто не кричалъ,—а если нѣсколько очень больныхъ женщинъ и вздумали устроить концертъ (увы, это несомнѣнно—у меня еще раздаются въ ушахъ ихъ нечеловѣческіе крики!), то *она*, по крайней мѣрѣ, не кричала вмѣстѣ съ ними. Я просто былъ болѣе возбужденъ, чѣмъ обыкновенно, и самъ пугалъ себя разными ужасами. Какъ можно дойти до такого безумія! Выдумать какого-то Кмогуна изъ Ткукры—какая фантазія! Я ужъ сталъ открывать какія-то новыя планеты—положительно мнѣ слѣдуетъ прописать души—все это достойно Леверье́ изъ буйнаго отдѣленія. Непостижимо, право!

— Ничего тутъ нѣтъ непостижимаго,—спокойно отвѣчаетъ Кмогунъ, и я убѣждаюсь, что у него есть какой-то особый „духовный голосъ“, то грозный, то спокойный.—Ничего тутъ нѣтъ непостижимаго: вѣдь я дѣйствительно твой покорный жилецъ, и очень радъ, что мы можемъ поздравить себя съ прекраснымъ состояніемъ здоровья нашего тѣла. Какое счастье, не правда ли, что намъ нѣтъ надобности говорить другъ другу: „какъ поживаете?“—какъ это принято при встрѣчахъ даже на Ткукрѣ!

Я долженъ признаться, что чувствую въ эту минуту только глубокое отчаяніе, несмотря на искренность моихъ республиканскихъ убѣжденій. Отнынѣ за мною будетъ постоянно шпіонить это существо, совершенно мнѣ чуждое,—можетъ быть, во всѣхъ отношеніяхъ опасное. Я уже никогда не смогу „уйти въ себя“—я и тамъ не буду одинокъ! У меня отнято послѣднее убѣжище, которое есть у всякаго измученнаго каторжника, у битой собаки. Вѣчно кто-то будетъ подлѣ меня, даже если я буду умирать отъ муки. О, еслибы я могъ избавиться отъ присутствія Кмогуна изъ Ткукры—хотя бы на нѣсколько часовъ или хоть на нѣсколько минутъ!

— Это очень легко,—отвѣчаетъ мнѣ тотъ же Кмогунъ.— Хочешь „выйти изъ себя“ на время? Я тебѣ съ удовольствіемъ помогу это сдѣлать—сто̀итъ тебѣ только пожелать. У тебя теперь не *одно* убѣжище, а сколько угодно—все можетъ служить тебѣ убѣжищемъ—пожелай только покинуть твою оболочку. Ты, конечно, понимаешь, что, овладѣвъ съ такимъ трудомъ секретомъ отдѣленія астральнаго тѣла отъ внѣшней оболочки, я ужъ постарался не забыть, какъ это дѣлается,—я не глупъ... Ты мо-

жешь покинуть „пришельца изъ Ткукры“, навѣстить твою принцессу и оставаться подлѣ нея, сколько тебѣ вздумается. А когда захочешь вернуться въ „темницу твоей плоти“, я приму тебя очень любезно. По зрѣломъ обсужденіи, я рѣшилъ не поступать какъ хищникъ. Я предпочитаю оставить уголокъ жилища законному владѣльцу, потому что иначе онъ можетъ отравить мнѣ существованіе, вѣчно летая надо мною и хныча: „я хочу вернуться въ мой домъ, верни мнѣ мою квартиру!“ У меня не было бы ни минуты покоя. Можешь поэтому отлучиться безъ всякой боязни; когда захочешь вернуться; я буду болѣе вѣжливъ и предупредителенъ, чѣмъ многіе швейцары, и не заставлю тебя „ждать у подъѣзда“.

Мой Кмогунъ сдѣлалъ положительно невѣроятные успѣхи для такого короткаго времени; онъ прочелъ много главъ о житейскомъ обиходѣ въ моемъ мозгу: онъ даже освѣдомленъ относительно швейцаровъ. Но дѣло не въ этомъ... Оказывается, что я могу провести нѣсколько часовъ подлѣ моей принцессы, не возбуждая недовольства надзирательницъ,—вѣдь я буду невидимкой для всѣхъ, кромѣ индійскихъ маговъ. Но что если Кмогунъ обманетъ меня, если, не взирая на всѣ мои настоянія, онъ не впуститъ меня обратно въ мое тѣло, и мнѣ придется вѣчно скитаться въ пространствѣ? Ну, да это не бѣда,—онъ мнѣ до того надоѣлъ, что, *кажется*, я охотно уступлю ему свое мѣсто навсегда. Я зато буду постоянно витать около моей принцессы, близость которой несравненно пріятнѣе. Я осуществлю даже такимъ образомъ мечту многихъ влюбленныхъ... Мнѣ пришлось перенести такъ много страданій въ послѣднее время, и душевныя муки такъ измѣнили меня, что моя страсть кажется мнѣ теперь совершенно платонической, идеальной—и тѣмъ болѣе наполняетъ мнѣ душу блаженствомъ. Воображаю, какъ смѣялись бы надо мной сочинители пикантныхъ разсказовъ въ „Жиль-Блазѣ“, еслибы узнали о моихъ чувствахъ!..

. . . .

Какъ бы то ни было, я твердо заявляю Кмогуну:

— Я очень хотѣлъ бы освободиться на нѣсколько часовъ.

— Не хитри,—я вѣдь отлично знаю, что̀ у тебя на умѣ! Ты меня обижаешь своимъ недовѣріемъ, но я прощаю тебѣ. Повѣрь мнѣ, милый мой,—ты вернешься скорѣе, чѣмъ самъ предполагаешь. У тебя не такая рѣшительная душа, какъ у меня. Во всякомъ случаѣ, я буду всецѣло къ твоимъ услугамъ, когда ты вздумаешь вернуться. Хочешь сейчасъ же отправиться въ путь? Хорошо. Самое лучшее средство освободить духъ, это

сильно пожелать разстаться съ тѣлесной оболочкой. Конечно, нужно *умѣть желать*,—я не могу объяснить тебѣ, какъ это дѣлается: есть существа, которые сами вырабатываютъ въ себѣ эту способность; но тебѣ это не по силамъ. Придется мнѣ дѣйствовать за тебя—и очень энергично. Однако, ты можешь хоть отчасти облегчить мнѣ трудъ, пользуясь тѣмъ небольшимъ количествомъ воли, которое у тебя есть: подумай о какомъ-нибудь мѣстѣ, скажемъ—о томъ домѣ противъ насъ, гдѣ помѣщается женское отдѣленіе, и сильно пожелай перенестись туда.

Это я могу сдѣлать безъ всякаго труда—всѣ мои мечты летятъ туда.

Но что̀ это я вдругъ почувствовалъ?.. постыдный, сокрушительный, безграничный страхъ?.. или бѣшеную радость?.. или какую-то блаженную смертельную муку? Что̀ сдѣлалъ со мною этотъ Кмогунъ? Я самъ не знаю, но мнѣ кажется, что я умираю... И вдругъ я—прыгнулъ? или взлетѣлъ?—уже надъ садомъ. Нѣтъ, я не прыгнулъ и не взлетѣлъ; у меня нѣтъ тѣла, но я продолжаю видѣть и слышать, какъ прежде.

Почти въ ту же секунду я вижу мою „принцессу". Она лежитъ въ постели, глаза у нея закатились подъ лобъ, нѣжная окраска щекъ стала еще блѣднѣе—совсѣмъ цвѣта чайной розы; ея ровные, бѣлые зубы покрыты и плотно сжаты; посинѣвшія губы искажены страшной судорогой. Она все-таки прекрасна, но производитъ страшное впечатлѣніе. Докторъ Фруанъ и одна изъ служительницъ разговариваютъ, стоя у ея изголовья:

— Ахъ, господинъ докторъ, вѣдь вы знаете, она всегда въ такомъ состояніи послѣ того, какъ кричитъ ночью. Другія сейчасъ же приходятъ въ себя; въ два часа ночи онѣ ревѣли, какъ грѣшницы въ аду, а утромъ—не будь я Селестиной Буфаръ, если это не правда—онѣ уже улыбались, лица у нихъ были свѣжія и завтракали онѣ всѣ съ аппетитомъ. А у мадамъ Летелье припадки такіе сильные, что она цѣлый день потомъ еще не можетъ очнуться. И вѣдь не то, чтобы она волновалась сильнѣе другихъ; она даже меньше кричитъ, чѣмъ ея подруги, но ужъ, правда, какъ закричитъ, то прямо ужасъ беретъ! Крики у нея острые какъ кинжалъ, и они точно пилой по спинѣ рѣжутъ.

— Какъ музыка Обера!—говоритъ знакомый мнѣ баритонъ, и я вдругъ вижу милѣйшаго Бидома, сидящаго на креслѣ. Его заслоняла до этой минуты могучая спина Селестины Буфаръ (кто эта Селестина Буфаръ?—ея имя упоминалъ, кажется, поджигатель Озу, разсказывая о похотливомъ больномъ и о бесѣдкѣ Б.).

Наконецъ-то мнѣ удается видѣть доктора Фруана сильно разсерженнымъ!

— Господинъ Бидомъ,—восклицаетъ онъ совершенно измѣнившимся голосомъ,—я бы попросилъ васъ удержаться отъ неумѣстныхъ шутокъ. Вы глупы и непристойны!

— Это все, что̀ вы желали мнѣ сказать?—насмѣшливо отвѣчаетъ психіатръ въ высокихъ сапогахъ.

— Извольте сейчасъ же уйти отсюда; вы мнѣ больше не нужны!

Повинуясь приказанію директора, Бидомъ направляется къ двери верхомъ на хлыстѣ и звеня шпорами.

— Что̀ это у васъ на ногахъ? Вы съ ума сошли?—кричитъ докторъ Фруанъ.

Бидомъ произноситъ грубое ругательство... но очень тихо, такъ что докторъ можетъ сдѣлать видъ, что ничего не слышалъ. Онъ продолжаетъ оглядывать своего помощника.

— Да вы еще хлыстъ себѣ завели и скачете на немъ верхомъ, какъ на лошади,—вы вѣрно пьяны?! Придти въ комнату больной играть въ лошадки! Я теперь буду знать, съ кѣмъ имѣю дѣло. Идите ко мнѣ въ кабинетъ и ждите меня тамъ... Или нѣтъ, пойдите, выспитесь. Потомъ мы съ вами потолкуемъ.

Какъ это я очутился свидѣтелемъ этой сцены? Она, очевидно, очень смущаетъ почтенную Селестину Буфаръ, которая стонетъ нѣжнымъ контральто: „Такъ скандально вести себя въ заведеніи доктора Фруана! До чего это доведетъ! Какое неслыханное безобразіе!“... Какъ это я могъ слѣдить за этимъ нелѣпымъ разговоромъ въ ту минуту, когда меня исключительно безпокоитъ состояніе женщины, которую я люблю?

Она стала еще блѣднѣе; глаза ея глядятъ дикимъ взоромъ, носъ вытягивается и кончикъ его становится мертвенно блѣднымъ; ротъ искривляется гримасой. Какой ужасъ! Она можетъ показаться безобразной... всѣмъ, кромѣ меня, конечно. Директоръ наклоняется къ ней, приподнимаетъ ей голову и кладетъ ее выше на подушки, даетъ ей нюхать соли, а Селестина Буфаръ растираетъ ей руки. Она просыпается и оглядывается вокругъ себя. Глаза ея все еще имѣютъ блуждающій видъ, и все лицо подернуто судорогой; она совершенно не похожа на себя.

— Да что̀ же это съ нею, докторъ? Бѣдненькая мадамъ Ирена совсѣмъ измѣнилась!—восклицаетъ Селестина Буфаръ.—Какое несчастіе!

— Замолчите!—сухо отвѣчаетъ докторъ Фруанъ.—Къ вечеру она приметъ свой нормальный видъ.

Но уже поздно: Ирена (благодаря Селестинѣ, я знаю теперь имя моей „принцессы") услыхала слова служительницы, и глаза ея полны слезъ. Она схватываетъ маленькое зеркальце со столика у кровати, и съ ужасомъ глядится въ него.

— Господи, какимъ я стала уродомъ! Я не хочу, чтобы меня видѣли такой. Зачѣмъ вы такъ пристально глядите на меня?— я хочу спрятаться отъ всѣхъ. Боже! главное, чтобы... тотъ, кто явился спасти меня... чтобы онъ не увидалъ меня теперь!.. онъ бы меня разлюбилъ. А вѣдь онъ—мой единственный другъ... единственный. Молю васъ, уйдите!

— Ее лучше оставить теперь одну,—соглашается докторъ Фруанъ.

Въ виду ея словъ (о комъ она говорила?—я ли этотъ другъ и избавитель, или же она создала въ воображеніи образъ фантастическаго рыцаря, и видитъ его всюду?—но объ этомъ теперь не время думать...), было бы жестоко глядѣть на ея горе—даже безъ ея вѣдома. Лучше я вернусь къ ней потомъ, когда она вполнѣ оправится.

И въ то время, какъ служительница, слѣдуя за докторомъ, открываетъ и закрываетъ дверь, я спокойно удаляюсь черезъ стѣну: вещественныхъ преградъ теперь для меня нѣтъ. Я несусь, отдаваясь волѣ случая... и вотъ я уже далеко отъ Васто. Такая безграничная свобода смущаетъ меня—я не знаю, какъ ею воспользоваться.

Я чувствую, однако, что если бы мнѣ не было такъ грустно, еслибы я обладалъ малѣйшей „духовной" энергіей, я бы могъ легко перенестись въ невообразимо короткое время въ тѣ прекрасныя страны, куда меня всегда влекло, могъ бы пронестись надъ ослѣпительно синимъ океаномъ, направляясь къ бухтамъ, окаймленнымъ пальмами и цвѣтущими лѣсами. Но я поглощенъ страданіями Ирены, и думаю только о томъ, что̀ можетъ меня *мысленно* приблизить къ ней. Я поэтому не особенно удивленъ, когда оказывается, что я несусь—въ воздухѣ—по дорогѣ въ приморскій городокъ Вильевиль, куда Леонардъ отправился сегодня утромъ за матерью моей бѣдной „принцессы".

Я несусь то медленно, то быстро—какъ хочу,—и хотя у меня нѣтъ о̀рлановъ чувствъ, я все-же вижу и слышу болѣе ясно, чѣмъ прежде, и болѣе остро наслаждаюсь ароматомъ луговъ и изгородей, чѣмъ вчера, когда я былъ плѣнникомъ моего тѣла.

Леонардъ вѣроятно отправился по старой дорогѣ, самой короткой—вотъ этой. Дѣйствительно, въ тотъ моментъ, когда я

собираюсь *обогнать* какую-то старую извозчичью карету, запряженную изнуренной лошадью и съ пьянымъ кучеромъ на козлахъ, изъ окна кареты высовывается величественное лицо хорошо знакомаго мнѣ служителя. Леонардъ, повидимому, чѣмъ-то взбѣшонъ; онъ весь побагровѣлъ, какъ заходящее солнце, и неистово ругается. Выпаливъ достаточное количество проклятій и „сильныхъ словечекъ“, онъ начинаетъ наконецъ говорить болѣе связно, и я узнаю причину его гнѣва.

— И какъ я вспомню, что я самъ же пошелъ вчера за тобой, старый ты пьяница, за тобой и за твоей клячей,—я готовъ бы и тебя, и себя послать пасти свиней! Докторъ Фруанъ сказалъ мнѣ: „Возьмите нашъ экипажъ“, а я ему отвѣтилъ:—Нѣтъ, я привыкъ къ Робидору и его каретѣ. Во всемъ Васто нѣтъ болѣе удобной кареты для перевозки больныхъ.—И хорошъ же оказался этотъ Робидоръ! Является въ пять часовъ утра уже пьяный - распьяный.—Я понимаю, что можно выпить лишнюю рюмку подъ вечеръ, но въ пять часовъ утра!.. Одна оглобля у него сломанная, и онъ ее перевязываетъ веревкой... вѣдь чуть не вывалилъ меня въ грязь! А проклятая кляча едва ноги передвигаетъ, такъ что мы по полуверстѣ въ часъ ѣдемъ. Ахъ, ты, чортовъ сынъ!

Робидоръ совершенно невозмутимо слушаетъ ругань Леонарда. Только одинъ разъ, когда Леонардъ замолкаетъ на минуту, чтобы отдышаться, онъ кротко возражаетъ:—Отвяжись ты отъ меня, Леонардъ, Христа ради! Я тебя видалъ куда болѣе пьянымъ, чѣмъ я,—однако не ругалъ тебя.

Леонардъ наконецъ умолкаетъ, усаживается обратно въ карету, и начинаетъ чистить свою шляпу рукавомъ куртки; онъ осторожно плюетъ на маленькое пятнышко, котораго раньше не замѣтилъ, и третъ это мѣсто. Потомъ онъ вынимаетъ изъ кармана газету, завертываетъ въ нее шляпу, открываетъ свой клеенчатый чемоданъ, вынимаетъ оттуда маленькую фуражку, надѣваетъ ее на голову и начинаетъ говорить самъ съ собой.

— Съ такой шляпой нужно бережно обходиться. Она можетъ выдержать два - три часа пыльной дороги, но не цѣлыхъ полъ-дня... Я ее надѣну, когда мы будемъ подъѣзжать къ Вильевилю, но незачѣмъ трепать ее въ колымагѣ Робидора, въ которой навѣрное даже обивка не вычищена. Передъ кѣмъ мнѣ здѣсь щеголять въ моей шляпѣ? Не франтить же мнѣ передъ оконными стеклами и спиной кучера!

Медленное покачиваніе кареты убаюкиваетъ Леонарда, и онъ вскорѣ засыпаетъ.

Проходитъ около часа времени. Кучеръ тоже спитъ, отвѣшивая поклоны своей отяжелѣвшей головой крупу лошади. Дорога, сначала пустынная, усаженная съ обѣихъ сторонъ тѣнистыми большими деревьями, теперь оживляется видомъ сѣренькихъ хижинъ. Старая кляча, предоставленная своей волѣ, узнаетъ запахъ знакомыхъ конюшенъ и нѣсколько ускоряетъ ходъ, хотя все-таки не слишкомъ торопится. Сѣрые домики смѣняются видными кирпичными зданіями съ темносиними крышами—виллами зажиточныхъ рентьеровъ. Вдругъ лошадь перестаетъ стучать копытами по шоссейной дорогѣ; она останавливается передъ возомъ съ сѣномъ, заграждающимъ ей путь, и медленно начинаетъ завтракать. Жирный кучеръ просыпается, съ трудомъ спускается съ козелъ, просовываетъ руку черезъ дверцы кареты, довольно безцеремонно расталкиваетъ Леонарда и кричитъ:

— Эй, ты, старый надсмотрщикъ надъ каторжниками, просыпайся! Вотъ ратуша.—Леонардъ третъ себѣ глаза, вынимаетъ свою шляпу и надѣваетъ ее, а Робидоръ продолжаетъ въ это время говорить безпристрастнымъ тономъ посторонняго наблюдателя:

— Много я видѣлъ лошадей на своемъ вѣку, но съ Бико ни одна не можетъ сравниться. Эта каналья всегда приблизительно знаетъ, куда ѣдутъ. Правда, иногда ей заграждаютъ путь проклятые ломовики, но другая лошадь полѣзла бы на тротуаръ, а она—никогда. Она видитъ, что заѣзжій дворъ въ пятнадцати шагахъ, и думаетъ про себя: „Нечего выкидывать штуки, когда, все равно, и перевести духъ не успѣешь, какъ уже будешь на мѣстѣ. А пока, если мнѣ тутъ попался салатъ, то я кстати подкрѣплю свои силы“.

— Ахъ, чертовская лошадь!—восклицаетъ Леонардъ:—да она, кажется, въ своего хозяина уродилась.

Робидоръ, повидимому, польщенъ замѣчаніемъ Леонарда и еще болѣе доволенъ, услыхавъ дальнѣйшія распоряженія служителя.

— Послушай,—говоритъ Леонардъ, — распряги свою колымагу и поставь лошадь въ конюшню къ Анжу Постэлю. Я только на минуту зайду къ мэру, узнать, гдѣ живетъ родственникъ старухи Шарлемэнь; это, кажется, гдѣ-то здѣсь по близости. Я пойду сказать ему, чтобы онъ собралъ вещи своей кузины и одѣлъ ее поприличнѣе къ тому времени, когда я пріѣду за ней, т.-е. часамъ къ тремъ. Раньше твоя кляча навѣрное не сможетъ двинуться въ обратный путь, — она совсѣмъ выбилась изъ силъ. Минутъ черезъ двадцать, много черезъ полчаса я тоже приду къ Анжу Постэлю. Если ты протрезвишься къ тому

времени, мы выпьемъ по рюмочкѣ, потомъ закусимъ и выпьемъ кофе, выкуримъ по сигаркѣ и опять пропустимъ по рюмочкѣ водки — если ты сразу не охмелѣешь. Потомъ заберемъ нашу старуху и двинемъ обратно въ казармы къ Фруану. Къ девяти часамъ вечера мы, надѣюсь, доѣдемъ. Всякая другая лошадь, если ей еще нѣтъ сорока лѣтъ, довезла бы насъ въ три часа, ну, а твоей понадобится на это вдвое больше времени—вѣдь на ней одна кожа да кости. Накорми ее хоть вдоволь овсомъ—на счетъ Фруана.

Въ мэрію Леонарду не приходится заходить. Выйдя изъ кареты, онъ сейчасъ же встрѣчаетъ самого мэра, слонообразнаго крестьянина съ сизымъ носомъ, волосатыми ноздрями и такимъ плутовскимъ взглядомъ, что, казалось бы, трудно сохранять всегда такое выраженіе глазъ. Леонардъ останавливаетъ его, разсказываетъ ему о своемъ дѣлѣ и узнаетъ нужный ему адресъ:— „вотъ тамъ, передъ самой большой навозной кучей, у входа въ доки". Онъ направляется къ указанному мѣсту и стучитъ въ дверь грязнаго, но претенціознаго съ виду дома. Молодая, толстощекая служанка, совершенно безъ всякихъ претензій, но еще болѣе грязная, чѣмъ домъ, открываетъ ему и заявляетъ довольно грубымъ тономъ, что ему „повезло", потому что господинъ Фредерикъ какъ разъ только-что вернулся домой. „Насъ" немедленно ведутъ къ хозяину дома, старому „деревенскому барину", хилому, косоглазому, имѣющему очень растерянный видъ; онъ одѣтъ „охотникомъ", какихъ изображаютъ на каррикатурахъ.

Столовая этого господина, замѣняющая и гостиную, увѣшана множествомъ ружей всевозможныхъ образцовъ, а также ягдташами и пороховницами. Собственникъ этого охотничьяго музея совершенно не имѣетъ воинственнаго вида. Ему за семьдесятъ лѣтъ, но у него безбородое жалкое лицо провинившагося мальчика: его косые глаза похожи на глаза мертваго кролика; губы дрожатъ, когда онъ говоритъ—съ претензіями на изящество рѣчи, но довольно неправильно; рѣдкіе волосы, торчащіе какъ солома на тощей землѣ, какъ будто стали дыбомъ отъ страха.

— Вы пришли избавить меня отъ моей кузины,—говоритъ онъ со вздохомъ.—Это опасная особа и, къ сожалѣнію, кажется, очень сомнительной нравственности. Та отрасль нашей семьи, къ которой она принадлежитъ, живетъ въ Кани, и не такъ хорошо воспитана, какъ мы, получившіе образованіе въ Вильевилѣ. Вотъ почему она такъ отвратительно ведетъ себя и дѣлаетъ такъ мало чести своимъ родственникамъ. Докторъ-акушеръ нашего

округа долженъ былъ всячески укрощать ее третьяго дня. Да, милостивый государь, эта женщина—Тамерланъ въ юбкѣ...

Леонардъ прерываетъ его, проситъ собрать вещи больной и заявляетъ о часѣ отъѣзда.

— Какъ, вы пріѣдете за нею не раньше трехъ часовъ?— какъ это непріятно! Я надѣялся сдать вамъ ее на руки сейчасъ же, и сдѣлалъ бы это безъ малѣйшаго огорченія. До трехъ часовъ вѣдь она еще успѣетъ нѣсколько разъ „пуститься въ плясъ"—въ буквальномъ смыслѣ слова,—расколотить мою мебель и избить меня самого,—она уже мнѣ этимъ грозила.

— Служитель объясняетъ ему положеніе дѣлъ: изнуренная лошадь, кучеръ, который едва оправился отъ „прилива крови къ головѣ", невозможность нанять карету въ самомъ Вильевилѣ...

— Ну, да, я васъ понимаю,—отвѣчаетъ „охотникъ" съ отчаяніемъ въ голосѣ,—но мнѣ-то каково терпѣть такъ долго? Я не смогу спокойно вздохнуть, пока эта одержимая бѣсомъ особа не скроется за горизонтомъ. Не можете ли вы, по крайней мѣрѣ, провести время до отъѣзда у меня въ домѣ? Я уже выбился изъ силъ. Посмотрите, я, старикъ, который никогда никого не убивалъ, кромѣ безобидныхъ животныхъ, долженъ носить за поясомъ револьверъ!

Дѣйствительно, на плоскомъ животѣ старика сверкаетъ никкелевая оправа „бульдога", и онъ продолжаетъ говорить пониженнымъ, сконфуженнымъ голосомъ:

— И знаете, почему это я со вчерашняго вечера хожу съ револьверомъ? Эта сумасшедшая женщина... Мнѣ, право, стыдно сказать... стала преслѣдовать меня своими ухаживаніями.

Старый Немвродъ весь дрожитъ при одномъ воспоминаніи.

— Я не могу остаться у васъ—меня кучеръ ждетъ къ обѣду у Анжу Постэля.

— Ну, что же дѣлать,—грустно отвѣчаетъ старикъ.—Приведите его пообѣдать сюда. Это лишній расходъ... но я не разорюсь отъ одного раза.

Леонардъ сейчасъ же отправляется за Робидоромъ, который въ ожиданіи его выпилъ немногимъ болѣе двухъ рюмокъ, но вторая выпивка явно отрезвила его отъ первой. О, благодѣтельная гомеопатія!

— Это не приходило мнѣ въ голову,—бормочетъ служитель,— но, очевидно, въ этомъ-то и было все дѣло. Робидоръ былъ пьянъ, но недостаточно.

Толстый кучеръ дѣлаетъ честь обѣду—аппетитъ у него чудовищный. Трое обѣдающихъ очень довольны другъ другомъ и

мирно бесѣдуютъ, причемъ всѣ трое говорятъ вмѣстѣ—каждый о своемъ. Фредерикъ разсказываетъ о коварствѣ зайцевъ, не уважающихъ даже самыхъ умѣлыхъ стрѣлковъ; Леонардъ въ это время говоритъ о продѣлкахъ упрямыхъ и хитрыхъ больныхъ. Что касается Робидора, то онъ все толкуетъ о лошадиномъ пометѣ, который, по его долголѣтнему опыту, помогаетъ распознавать характеръ и особенности каждой лошади. Начиная со второго блюда, хозяинъ въ восторгѣ отъ своихъ гостей; за дессертомъ же устанавливается такая полная гармонія, что всѣ трое какъ бы говорятъ хоромъ. Наконецъ подаютъ кофе. Хозяинъ откупориваетъ бутылку коньяку, и веселье въ полномъ ходу, такъ какъ каждаго чрезвычайно занимаютъ его собственные разсказы. Но въ эту минуту происходитъ „инцидентъ"—точно въ палатѣ депутатовъ или въ сенатѣ. Дверь въ столовую полуотврывается, и изъ-за нея показывается худое старческое лицо, все въ морщинахъ, темно-коричневаго цвѣта и съ необычайно блестящими черными глазами; мнѣ лицо это не кажется совершенно незнакомымъ. Никто изъ обѣдающихъ не замѣчаетъ этого появленія, и голова исчезаетъ; но черезъ минуту дверь снова раскрывается, и въ комнату входитъ невообразимо тощая старуха; на ея жалкомъ тѣлѣ болтается грязная юбка и засаленная черная кофта.

Хозяинъ поднимаетъ глаза и вскрикиваетъ:

— Ай, вотъ кузина!

Старуха (такъ вотъ какова эта страшная тигрица!) робко дѣлаетъ нѣсколько шаговъ и говоритъ жалобнымъ голосомъ:

— Мнѣ тоже ѣсть хочется, а мнѣ ничего не даютъ!

Фредерикъ весь зеленѣетъ въ лицѣ, и кричитъ такимъ голосомъ, точно его рѣжутъ:

— Робертина! Идите скорѣе сюда на помощь этимъ господамъ!

Служанка прибѣгаетъ изъ кухни; Леонардъ и кучеръ уже поднялись съ мѣста. Я ожидаю, что при видѣ людей, которые собираются схватить ее, старуха начнетъ бѣсноваться,—но она только кротко повторяетъ:

— Я тоже хочу ѣсть!

Служанка насмѣшливо хохочетъ.

— Какъ вамъ не стыдно такъ трусить! Вовсе она ужъ не такая бѣшеная. Я уведу ее въ кухню и дамъ ей поѣсть.

— Не смѣйте ей давать моего обѣда!—стонетъ Фредерикъ.— Она обжора, и съѣстъ все, что у меня есть, мнѣ ничего не останется на ужинъ. Подогрѣйте ей вчерашній картофель и кусочекъ супного мяса—ничего больше. Сумасшедшая старуха съ такимъ аппетитомъ—сущее разореніе.

Робертина беретъ за руку старуху, которая плачетъ, но сейчасъ же успокоивается, когда служанка обѣщаетъ ей вкусно накормить ее.

— Вѣдь вы понимаете,—продолжаетъ Фредерикъ,—что я не могу кормить на серебрѣ и на золотѣ сумасшедшую старуху, у которой теперь уже нѣтъ ни гроша за душой. Въ прежнее-то время у нея были большія средства. Но неумѣнье вести дѣла, дурное поведеніе, сумасшествіе, а можетъ быть и пьянство—все это съѣло почти весь капиталъ. Опекунъ этой сумасшедшей семьи—онъ нотаріусъ—слишкомъ сентименталенъ и настаиваетъ на томъ, чтобы состоящіе подъ его опекой жили какъ родственники министровъ у доктора Фруана. А всѣ эти отдѣльныя комнаты и укрѣпляющія средства стоютъ очень дорого. Я увѣренъ, что траты превышаютъ доходы съ капитала. Вчера я купилъ для старухи Шарлемэнь два платья у Робертины—ношенныя, но еще хорошія; она ихъ одѣвала въ дни большой уборки. Я заплатилъ цѣлыхъ десять франковъ за оба платья—это вѣдь не малыя деньги. Какъ знать, вернутъ ли мнѣ ихъ?

— Такъ изъ чего же будетъ состоять ея гардеробъ?—съ любопытствомъ спросилъ Леонардъ.

— Изъ рубашки съ аккуратно наложенными заплатами и одного платья Робертины—второе сегодня на ней.

— Ну, да все равно. Докторъ Фруанъ потребуетъ все нужное отъ опекуна.

— Я на это и разсчитываю. Нельзя же мнѣ разоряться на нее! Мои деньги плохо помѣщены и даютъ очень мало дохода... Я даже изъ экономіи не хочу жениться,—такъ что вы сами понимаете...

Когда всѣ кончили пить коньякъ, Фредерикъ снова плотно закупориваетъ бутылку, смотритъ, сколько еще осталось въ ней, и дѣлаетъ помѣтку маленькимъ алмазомъ. Потомъ онъ запираетъ бутылку на ключъ въ шкафъ, и я слышу, какъ онъ бормочетъ:

— Теперешніе замки ни къ чорту не годятся.

Скоро уже три часа. Робидоръ отправляется къ Анжу Постэлю запрягать лошадь. Робертина приноситъ „вещи“ старушки Шарлемэнь, которая начинаетъ обнаруживать безпокойство...

— Нѣтъ ли у нея шляпы, или платка?—спрашиваетъ Леонардъ.—Мы попадемъ въ Васто уже вечеромъ, и она продрогнетъ.

— Я припоминаю, что у нея есть платокъ,—отвѣчаетъ Фредерикъ.—Можно будетъ надѣть ей его на голову, если станетъ слишкомъ прохладно.

Проходитъ минутъ десять, и Робидоръ возвращается; онъ

обмоталъ себѣ кнутъ вокругъ шеи и объявляетъ, что лошадь уже запряжена.

Робертина надѣваетъ старухѣ Шарлемэнь на голову какую-то черную шерстяную тряпку, на которой множество стеариновыхъ пятенъ. Леонардъ изящнымъ жестомъ предлагаетъ руку больной. Она вскрикиваетъ и требуетъ, чтобъ ей сказали, куда ее повезутъ.

— Мы поѣдемъ кататься въ каретѣ,—говоритъ служитель сладкимъ голосомъ.

— Я не поѣду съ незнакомыми господами,—протестуетъ сумасшедшая.—Въ каретахъ бываютъ трапы, и туда бросаютъ такихъ старухъ, какъ я. Я лучше пойду глядѣть на жестяныхъ птичекъ на крышѣ чердака; ихъ пѣніе—точно игра на гармоникѣ.

— Туда-то мы и отправимся въ каретѣ, по винтовой дорогѣ, которая поднимается вверхъ,—лебезитъ Леонардъ.

— А вы меня не обманываете?

Успокоившись, старуха дѣлаетъ нѣсколько шаговъ; Робертина говоритъ: „до свиданья", хлопнувъ ее раза два по спинѣ въ знакъ дружбы. Фредерикъ облегченно вздыхаетъ. Но бѣдная старуха вдругъ оборачивается и рыдаетъ, какъ бы охваченная предчувствіемъ.

— Что же ты не поцѣлуешь меня на прощанье, Фредерикъ? Вѣдь, можетъ быть, я вернусь... не скоро.

— Ну, вотъ, опять ей взбрели въ голову эти глупости, опять она пристаетъ ко мнѣ!—кричитъ Фредерикъ.—Не подпускайте ее! Взгляните на нее,—какая она развалина для своихъ шестидесяти лѣтъ. Я знаю красивыхъ женщинъ этого возраста, которыхъ можно принять за молодыхъ дѣвушекъ; а ей на видъ лѣтъ девяносто, и она еще пристаетъ къ мужчинамъ зрѣлаго возраста. Стыдитесь, Эвлалія!.. Нѣтъ, я васъ не поцѣлую. Это навело бы васъ на непристойныя мысли.

— Непристойныя мысли! — восклицаетъ несчастная женщина.—И не грѣхъ вамъ это говорить! Да вѣдь я люблю только завитыхъ барашковъ и голубей.

Скромность Фредерика, видно, очень ужъ пугливая. Съ чего онъ взялъ, что эта жалкая старуха можетъ быть опасна для его добродѣтели? Особенной пылкости я въ ней не замѣчаю. Робертина, повидимому, раздѣляетъ мое мнѣніе. Она что-то бормочетъ возмущеннымъ голосомъ, и я слышу только отдѣльныя слова:

— Вотъ выдумалъ! Это она-то пристаетъ?.. бѣдная высохшая старуха!.. Самъ-то хорошъ... больше боится старухъ, чѣмъ молодыхъ... старый козелъ!

Но, вотъ, *мы* на улицѣ. Леонардъ подходитъ къ каретѣ и со-

бирается помочь старухѣ Шарлемэнь сѣсть въ нее, какъ вдругъ она вырывается у него изъ рукъ, отскакиваетъ въ сторону и бѣжитъ изо всѣхъ силъ по направленію къ морю. Робидоръ и Леонардъ бѣгутъ ее догонять, и къ нимъ вскорѣ присоединяется Фредерикъ, захвативши предварительно хлыстъ. У старухи еще сильныя ноги, и трое мужчинъ, бросившихся слѣдомъ за ней, не могутъ ее догнать. Но она имѣетъ неосторожность кинуться на молъ. Оттуда ей некуда бѣжать. Напрасно она кружится, бѣжитъ изъ стороны въ сторону,—Леонардъ ее уже настигаетъ; тогда ей приходитъ въ голову неудачная мысль—броситься въ воду. Я вижу, какъ она прыгнула, и думаю, что она погибла. Но мы—она и я—не приняли въ разсчетъ ряда барокъ, стоящихъ вдоль мола. Два рыбака, занятыхъ отвязываніемъ стараго паруса, обернулись, услышавъ шумъ, и буквально подхватываютъ ее на лету.

Ее выносятъ на молъ; Леонардъ и Робидоръ берутъ ее на руки, относятъ въ карету, кладутъ ее туда, какъ пакетъ, и карета трогается.

Немного промокшая, несмотря на ловкость спасшихъ ее рыбаковъ, старуха Шарлемэнь кажется еще болѣе худой и длинной въ прилипающемъ къ ногамъ платьѣ. Издали я замѣчаю Фредерика, запыхавшагося, но торжествующаго; онъ радостно потираетъ себѣ руки, а Робертина грозитъ ему кулакомъ.

Сумасшедшая старуха плачетъ, и послѣ нѣсколькихъ минутъ прострацiи начинаетъ „бѣсноваться", по выраженію служителя:

— Куда меня везутъ, куда меня везутъ?—кричитъ она, вырываясь изъ рукъ Леонарда, который ее крѣпко держитъ. Наконецъ, этому вербовщику для лечебницы Фруана приходитъ въ голову счастливая мысль, на которую ему слѣдовало бы напасть раньше:

— Да я вамъ охотно скажу, куда мы ѣдемъ—къ вашимъ сыновьямъ и къ вашей дочери, которые живутъ у знакомыхъ.

— Почему же вы мнѣ этого раньше не сказали?—восклицаетъ старуха.—А я вѣдь боялась, что меня увозятъ переодѣтые жандармы, потому что я украла кусочекъ колбасы у Фредерика, когда у меня были рѣзи въ желудкѣ отъ голода. Я вѣдь знаю, какъ поступаютъ съ воровками. Имъ кладутъ раскаленное желѣзо подъ мышки и вырываютъ волосы щипцами...

— Такъ, значитъ, вашъ кузенъ морилъ васъ голодомъ?

— Онъ хорошій человѣкъ, но онъ не любитъ обжоръ. Онъ мнѣ самъ это сказалъ. Я поэтому молчала, когда онъ мнѣ да-

валъ только крошечные кусочки сухого хлѣба, и только шарила по угламъ, не найдется ли чего-либо. Робертина рада была бы мнѣ дать что-нибудь, но онъ все запиралъ на ключъ,—нѣтъ, впрочемъ, не все: я вѣдь нашла колбасу подъ кухоннымъ столомъ—совсѣмъ маленькій кусочекъ, и уже протухлый, а потомъ еще нашла высохшій кусокъ сала, рядомъ съ парой сапогъ въ сараѣ, и еще половину копченой селедки въ саду около курятника. Но все-таки я обворовала его, бѣднаго Фредерика, и это грѣхъ!'

Обратное путешествіе очень тяжело. Погода, такая ясная и теплая днемъ, начинаетъ портиться часамъ къ пяти. Идетъ дождь, и Леонардъ опять завертываетъ свою шляпу въ газету. Теперь лѣто, но все-же острый холодъ (я не чувствую его, а скорѣе догадываюсь, что стало холоднѣе) проникаетъ черезъ щели въ карету: карета эта старая, почти развалившаяся, дверцы не плотно закрываются, верхъ навѣрное весь потрескался. Старуха Шарлемэнь дрожитъ въ своемъ невысохшемъ платьѣ, а Леонардъ очень не въ духѣ. Съ наступленіемъ ночи становится еще хуже. Деревья, мелькающія передъ окнами, принимаютъ чудовищные образы, пугающіе старуху; дождь протекаетъ въ карету; тяжелыя холодныя капли падаютъ на лобъ и на руки бѣдной сумасшедшей, которая кричитъ отъ ужаса. Великолѣпная шляпа Леонарда уже не въ безопасности, потому что на газету тоже попадаютъ крупные брызги дождя. Леонардъ снова начинаетъ ругаться, а старуха опять рыдаетъ. Мелькающіе отъ времени до времени красные огоньки и лай собакъ свидѣтельствуютъ о проѣздѣ черезъ деревни. Робидоръ, освѣженный дождемъ, рѣшается поторопить немного свою лошадь, и карета подпрыгиваетъ, какъ лодка въ сильную бурю.

Наконецъ, часовъ въ восемь съ половиной, мы пріѣзжаемъ въ Васто, и карета останавливается передъ рѣшеткой. Кучеръ слѣзаетъ съ козелъ и звонитъ; ворота открываются, и коляска въѣзжаетъ въ широкую, усыпанную пескомъ аллею.

Робидоръ и Леонардъ высаживаютъ старуху Шарлемэнь изъ кареты и, поддерживая ее съ обѣихъ сторонъ, вводятъ ее въ домъ, выказывая при этомъ служебное рвеніе городовыхъ, поймавшихъ мелкаго воришку; на нихъ дѣйствуетъ близость директорскаго кабинета. У нихъ надуваются жилы на лбу, они грозно поводятъ глазами и тяжело дышатъ, какъ бы выбиваясь изъ силъ; съ такимъ видомъ они тащатъ свою опасную арестантку, ошеломленную ихъ внезапной яростью, въ кабинетъ директора. Докторъ Фруанъ, давно уже привыкшій къ этимъ комедіямъ, пожимаетъ плечами.

— Оставьте въ покоѣ эту бѣдную женщину, Леонардъ, а то вѣдь можно подумать, что вы дѣйствительно грубо съ ней обращаетесь; это вовсе не входитъ въ ту роль, которую вы играете теперь — очень хорошо, слишкомъ даже хорошо. Вотъ вамъ, Робидоръ, то, что̀ вамъ слѣдуетъ; можете идти домой.

Толстый кучеръ выходитъ, отвѣсивъ учтивый поклонъ.

Около доктора Фруана стоитъ Бидомъ, но совсѣмъ измѣнившійся —безъ высокихъ сапогъ и хлыста, серьезный, учтивый, только нѣсколько слишкомъ торжественный. Голосъ у него еще болѣе гортанный и звучитъ еще болѣе настойчиво, чѣмъ обыкновенно, когда онъ разспрашиваетъ Леонарда о замѣченныхъ имъ признакахъ помѣшательства старухи, но онъ въ высшей степени вѣжливъ съ самой больной. Докторъ Фруанъ, очевидно, очень доволенъ своимъ помощникомъ и смотритъ на него отеческимъ окомъ.

— Правда, что я увижу теперь моихъ дѣтей?—спрашиваетъ сумасшедшая.

— Боже мой, сударыня!—лебезитъ Бидомъ:—я долженъ вамъ замѣтить, что сегодня уже слишкомъ поздно для свиданія съ ними. Но завтра, съ самаго утра, я буду имѣть честь и удовольствіе привести ихъ въ вашу комнату. Я вѣдь понимаю нетерпѣніе матери!

Когда докторъ Фруанъ заканчиваетъ свой разговоръ съ больной, успокоивъ и даже развеселивъ ее, и въ то же время незамѣтно разспросивъ ее объ ея болѣзни, Бидомъ въ высшей степени галантно обхватываетъ за талію новую пансіонерку и уводитъ ее, говоря, что ей приготовлена комната, гдѣ ей будетъ очень удобно и пріятно.

Но, исполнивъ свою миссію и передавъ больную въ руки одной изъ сидѣлокъ, Бидомъ сбрасываетъ маску любезности. Встрѣтивъ въ корридорѣ главную надзирательницу, онъ приводитъ ее въ ужасъ разсказами о страшныхъ—конечно, совершенно выдуманныхъ — выходкахъ больной, изображая кузину Фредерика какимъ-то чудовищемъ, соединяющимъ въ себѣ кровожадность дагомейской амазонки съ развращенностью жрицы финикійскаго Ваала. Затѣмъ онъ прибавляетъ:

— Нужно ее усмирить, унять ея страсти. Очищайте ей какъ можно чаще желудокъ, и если она будетъ продолжать буйствовать, давайте ей рвотныя средства, держите ее впроголодь, а затѣмъ пустите въ ходъ души и смирительную рубашку—это самое дѣйствительное средство.

Напуганная надзирательница съ большой опаской входитъ

въ комнату буйной больной и застаетъ ее уже въ постели; она спокойно слѣдитъ глазами за сидѣлкой, сильной и рослой женщиной, которая раскладываетъ для просушки мокрыя лохмотья старухи.

Осмѣлюсь ли я проникнуть теперь въ ту комнату, изъ которой я сегодня утромъ поспѣшилъ исчезнуть? Да, я хочу видѣть *ее*, прежде чѣмъ вернуться къ отвратительному Кмогуну, въ принадлежавшее мнѣ прежде безраздѣльно тѣло.

Ирена дремлетъ при розоватомъ свѣтѣ маленькой лампы. Она снова сдѣлалась прекрасной, болѣе прекрасной, чѣмъ когда-либо. Селестина Буфаръ сидитъ у ея изголовья съ шитьемъ въ рукахъ, и прерываетъ отъ времени до времени свою работу, чтобы прочесть лежащее передъ нею на столикѣ письмо; оно написано на довольно грязной бумагѣ и украшено картинкой, изображающей голубя, который держитъ въ клювѣ красное сердце. Потомъ она вдругъ вздыхаетъ и говоритъ:

— Потѣшный онъ, право, этотъ Паплоре! (это—имя одного изъ служителей). Какія онъ пишетъ непристойныя вещи! Но какой онъ красавчикъ! И письмо-то какое нѣжное, хотя и очень зазорное. Онъ самъ точно совѣстится своей пылкости.

И такой безстыдной женщинѣ порученъ уходъ за Иреной!

Но она спитъ, ничего не зная ни о грязныхъ помыслахъ своей сидѣлки, ни о томъ, какъ провела этотъ день ея несчастная мать, заключенная въ одномъ съ нею домѣ.

Возможны ли поцѣлуи для безплотныхъ существъ? Мнѣ кажется, что—да, какъ это ни странно, потому что я упоенъ *ея* блѣдно-розовой щекой и чувствую нѣжность ея бархатной кожи. Я долго, долго наслаждаюсь этимъ прикосновеніемъ, котораго она не могла бы подозрѣвать, даже еслибы проснулась, и забываю о моемъ покинутомъ тѣлѣ и о мрачномъ духѣ, спустившемся съ далекой звѣзды головокружительными путями ледяныхъ міровыхъ пространствъ.

Селестина Буфаръ идетъ спать, унося съ собой свѣтъ. Я не вижу болѣе мою очаровательную принцессу, но я вдыхаю ея близость. И только уже подъ утро какой-то инстинктъ, болѣе сильный, чѣмъ моя воля и моя страсть, овладѣваетъ мною и требуетъ, чтобы я подумалъ о Кмогунѣ и о другой половинѣ моего существа, о земной оболочкѣ, покинутой на долгіе часы... И все-же мнѣ очень тяжело покинуть Ирену, не подозрѣвающую о моемъ присутствіи.

Все, что̀ происходитъ со мной, совершенно непонятно. Почему сила, которая руководитъ мною, заставляетъ меня прибли-

зиться къ несчастной матери моей принцессы? Я вижу ее спящей, успокоенной нѣсколькими часами отдыха на мягкой постели, несравненно болѣе удобной, чѣмъ койка, на которой она спала нѣсколько ночей въ домѣ своего чудовищно-скупого кузена; разгладившіяся морщины и почти счастливое, озаренное надеждой лицо старухи представляютъ теперь несомнѣнно большое—мучительное для меня—сходство съ очаровательной Иреной.

III.

Я опять въ моей комнатѣ, куда вернулся совершенно безсознательно, и вижу, что Леонардъ, опустившись въ изнеможеніи на стулъ, глядитъ, вытаращивъ отъ ужаса глаза, на дѣйствительно отталкивающее лицо человѣка лежащаго па постели. Это лицо—мое. Оно темно-фіолетоваго, почти черного цвѣта—очевидно, отъ бѣшенства. Я понимаю ужасъ Леонарда. Я никогда не былъ красивъ; можно даже сказать, что я уродливъ, но никогда въ чертахъ моего лица не было ничего отталкивающаго. А между тѣмъ голова, которая лежитъ на моей подушкѣ, положительно вызываетъ отвращеніе, ненависть и страхъ; носъ, и такъ очень неправильной формы, теперь весь распухъ; мутножелтые глаза еще болѣе уродливы, потому что они сверкаютъ то краснымъ, то зеленымъ свѣтомъ. Ротъ открытъ, и на губахъ пѣна; изъ губъ просовывается распухшій языкъ. Я, дѣйствительно, ужасенъ.

Что̀ это надѣлалъ „во мнѣ“ проклятый Кмогунъ? Я не могу рѣшиться вернуться въ мое тѣло.

Сторожъ Франсуа, болѣе освоившійся, чѣмъ Леонардъ, съ этимъ чудовищнымъ выраженіемъ моего лица, все-же чувствуетъ себя очень не по себѣ, и говоритъ голосомъ еще болѣе глухимъ, чѣмъ обыкновенно:

— Вотъ уже болѣе десяти часовъ, какъ онъ въ такомъ состояніи. Утромъ онъ былъ спокойнѣе и дремалъ. Но ему, кажется, хотѣлось что-то сказать въ то время, какъ вошелъ сюда докторъ Бидомъ; онъ не могъ ничего выговорить и, разсердившись, впалъ вотъ въ это состояніе. Докторъ Фруанъ говоритъ, что языкъ у него не парализованъ, и что такой случай никогда не наблюдался. Вѣрь послѣ этого въ ихъ медицину! Я-то не вѣрю даже ни ясновидящимъ, ни пастухамъ, которые умѣютъ „заговаривать“. Хирургъ—другое дѣло; онъ видитъ, въ чемъ дѣло, и рѣжетъ то, что̀ не годится. Все, что̀ снаружи,

видно для глазъ, или даже если есть какая-нибудь опухоль внутри, то ее инструментами можно ощупать; но никогда я не повѣрю, чтобы докторъ могъ знать, чтò дѣлается внутри,—видѣть внутренности. Нѣтъ у нихъ такихъ очковъ. И все, чтò болтаютъ про лучи Рентгена,—по моему, глупыя выдумки.

Вотъ и приговоръ надъ медициной!

Но Леонардъ не слушаетъ его теоретическихъ разсужденій и требуетъ подробностей о больномъ.

— Вѣдь ничего подобнаго съ нимъ не бывало, — говоритъ онъ.—Онъ всегда говорилъ свободно, какъ фонографъ. Очень жаль, что нельзя взыскать издержки съ неучей, которые калѣчатъ чужихъ больныхъ!

Франсуа готовъ вспылить. Я догадываюсь о томъ, чтò произошло, и чувствую, что пора вмѣшаться, чтобы предупредить ссору между этими почтенными членами медицинскаго персонала.

Поборовъ свой ужасъ, я приближаюсь къ моему тѣлу, и вдругъ меня пугаетъ мысль, что я никакъ не съумѣю снова войти въ него. Но обитатель Ткукры, вѣроятно, догадался о моемъ возвращеніи: я, буквально, впитанъ моимъ непригляднымъ тѣломъ, далеко не похорошѣвшимъ отъ присутствія Кмогуна. Я *чувствую* его слова:

— Наконецъ-то ты вернулся! Я вѣдь не могъ говорить. Я не видѣлъ ничего *написаннаго* или *нарисованнаго*, какъ хочешь, въ твоемъ проклятомъ мозгу: ты все унесъ съ собой. Я теперь тебя не отпущу раньше, чѣмъ не изучу и не запомню слова и представленія, нужныя для земной жизни,—не научусь ихъ *рисовать* и *писать*... самъ для себя. Мнѣ хотѣлось наговорить дерзостей этому буйному Бидому и идіоту Франсуа... и ничего не выходило. Я помнилъ только слова, употребительныя у насъ на Ткукрѣ; были у меня какія-то смутныя воспоминанія звуковъ твоего языка и смысла ихъ, но когда я пытался пользоваться тѣмъ, чтò, какъ мнѣ казалось, я вполнѣ усвоилъ—все исчезало. Я могъ пользоваться твоей гортанью только для того, чтобы издавать бѣшеные стоны... Я задыхался.

Но я его не слушаю: я слышу, что Леонардъ и Франсуа начинаютъ обзывать другъ друга бранными словами, и если я не вмѣшаюсь, они навѣрное черезъ минуту подерутся.

Я говорю очень громко, холоднымъ тономъ, который всегда на минуту останавливаетъ самыхъ воинственно настроенныхъ людей, въ особенности если они не ожидали, что ихъ остановятъ.

— Это еще чтò такое?—говорю я.—Вы собираетесь драться

изъ-за того, что я утратилъ способность говорить. Это пустяки! У меня былъ нервный припадокъ,—правда, очень мучительный, но теперь онъ прошелъ. Надѣюсь, Леонардъ, что вы успокоитесь, узнавъ, что никто не виноватъ въ этомъ припадкѣ—ни Франсуа, ни кто-либо другой. Дайте мнѣ поѣсть, я умираю съ голоду, а потомъ отправляйтесь, куда знаете; я желаю отдохнуть, не видя никого подлѣ себя.

Оба врага разглядываютъ меня изумленные, ошеломленные—какъ мнѣ потомъ сказалъ мой служитель. Они расходятся, все еще показывая кулаки другъ другу, чтобы не казаться слишкомъ уступчивыми, и бормочутъ неразборчивыя угрозы, гнѣвно и задорно тряся подбородкомъ въ предупрежденіе противнику, чтобы это было „въ послѣдній разъ",—иначе „мы, молъ, посмотримъ, что̀ будетъ"...

Когда *мы* (обитатель Ткукры и я) позавтракали, и Леонардъ пошелъ изливать передъ другими свой неулегшійся гнѣвъ и презрѣніе, которое онъ чувствуетъ къ Франсуа,—вселившійся въ меня непрошенный гость требуетъ, чтобы я отнесся съ сочувствіемъ къ страданіямъ, которыя онъ переносилъ цѣлый день.

— Да, много я испыталъ непріятностей! Я былъ голоденъ и страдалъ отъ жажды (эти ощущенія слишкомъ хорошо извѣстны и на Ткукрѣ) и не могъ потребовать пищи. Кромѣ того, меня мучилъ этотъ негодный паяцъ, котораго ты называешь Бидомомъ. Вотъ онъ-то навѣрное сумасшедшій. Въ сравненіи съ нимъ, ты мнѣ кажешься вполнѣ разсудительнымъ. Повѣришь ли, что онъ подвергалъ меня самъ всяческимъ пыткамъ,—можетъ быть, потому, что я ему не отвѣчалъ. Я не понималъ его словъ, но я почти увѣренъ, что его выводило изъ себя именно мое молчаніе. При помощи Франсуа, который держалъ меня, онъ насильно открывалъ мнѣ ротъ, хотѣлъ схватить мой языкъ, который, конечно, ускользалъ изъ его пальцевъ; это мнѣ причиняло большую боль. Впрочемъ, я его за это укусилъ изо всѣхъ силъ. Послѣ того онъ схватилъ меня за волосы и за бороду, сталъ сильно трясти, и потомъ еще сталъ раздвигать мнѣ насильно челюсти. Видя, что это ни къ чему не ведетъ, онъ велѣлъ снести меня куда-то далеко отсюда, въ большую пустую комнату, и тамъ меня бросили, по его приказанію, въ бассейнъ ледяной воды. Потомъ мнѣ направили прямо въ ротъ сильную струю воды; у меня еще до сихъ поръ зубы дрожатъ. Ахъ, негодяй! *мы* ему отомстимъ, не правда ли?

Бѣдный Кмогунъ! Его, дѣйствительно, сильно истязали въ *моемъ тѣлѣ*. Я чувствую еще мучительныя боли въ головѣ; у

меня ноютъ челюсти и сильный приступъ лихорадки то леденитъ, то проливаетъ огонь въ мою кровь.

— Кмогунъ, мы, быть можетъ, будемъ отомщены скорѣе, нежели ты думаешь. Этотъ разбойникъ Бидомъ уже поплатился за свои гнусности!

Кмогунъ, очевидно, въ восторгѣ. Онъ говоритъ уже не на своемъ „внутреннемъ" языкѣ, а громко кричитъ *моимъ* голосомъ:

— Браво! Враждебная сила! Враждебная сила!

И онъ тоже знаетъ о враждебной силѣ, подобно Мабиру и мнѣ? Ну, да, конечно, онъ *прочиталъ* — можно ли такъ выразиться?—эти два слова въ моемъ бѣдномъ мозгу, гдѣ, по моемъ возвращеніи, снова изображено знаками—или образами, или звуками—я уже не знаю, какъ выразиться—то, что я видѣлъ, слышалъ, думалъ въ моей жизни.

Кмогунъ продолжалъ:

— Я очень радъ твоему возвращенію. Ты мнѣ настолько полезенъ, что я, положительно, чувствую къ тебѣ искреннюю привязанность. Я обѣщаю тебѣ не побуждать тебя къ поступкамъ, въ которыхъ тебѣ приходилось бы раскаяваться; если же это все-таки случится, то, значитъ, мой ужасный прежній нравъ толкаетъ меня на это съ дикой и неудержимой силой.

Хорошо утѣшеніе!

— Не безпокойся заранѣе. Я чувствую къ тебѣ благодарность и буду стараться сдерживать себя.

Это еще страшнѣе, чѣмъ все остальное! Отнынѣ я буду нести отвѣтственность за всѣ ужасы, которые Кмогунъ можетъ совершить подъ вліяніемъ своего прежняго и теперешняго злого характера. Я даже на минуту радъ, что меня считаютъ несчастнымъ умалишеннымъ, неотвѣтственнымъ за свои поступки. Моя эгоистическая трусливая радость, однако, недолго длится; вѣдь если этотъ злосчастный непрошенный гость во мнѣ сдѣлаетъ меня *активнымъ* свидѣтелемъ гнусностей, отъ которыхъ могутъ пострадать тѣ, кого я люблю, Ирена, мои друзья или ни въ чемъ неповинные чужіе люди, или даже мои враги,—каково будетъ мое отчаяніе! Я, конечно, буду сопротивляться ему,—но, увы, сопротивляться какъ сумасшедшій, у котораго бываютъ припадки бѣшенства.

Отнынѣ я буду жить въ постоянномъ ужасѣ! Ахъ, Кмогунъ, къ чему мнѣ твоя дружба, если она не можетъ навсегда помѣшать тебѣ пользоваться мною для удовлетворенія твоихъ инстинктовъ разбойника съ Ткукры, обитателя низшаго міра,—ибо что бы ты ни говорилъ, а твоя планета — низшая!

Почему ты не попытался воплотиться въ какого-нибудь земного властителя? Вѣдь среди нихъ есть люди очень слабые, несмотря на власть, которую признаютъ за ними и которою они злоупотребляютъ. Ты бы могъ также избрать какого-нибудь дикаря изъ Новой-Гвинеи, какого-нибудь предводителя туареговъ, баши-бузука или вообще какого-нибудь воина. Но почему же ты избралъ именно меня, а не какого-нибудь несчастнаго стихотворца, неудавшагося барда въ родѣ Освальда-Норберта-Нижо (блимъ-блумъ, механика!), члена клуба философовъ и моего товарища по заключенію—меня, неудачника въ стольких профессіяхъ, чья заслуга только въ полной безвредности? Согласись, что твой выборъ совершенно непонятенъ, о, обитатель Ткукры!

— Я вѣдь ужъ тебѣ сознался,—говоритъ Кмогунъ въ отвѣтъ на мое собственно только лирическое обращеніе къ нему,—что нѣсколько прихвастнулъ, говоря о своихъ долгихъ и терпѣливыхъ исканіяхъ, предшествовавшихъ найму угла у тебя (хорошъ „наемъ угла"! какія очаровательныя выраженія Кмогунъ выискиваетъ въ моемъ „складѣ краснорѣчія"!).—Я торопился, и ты былъ первой слабовольной душой, которую я встрѣтилъ.

— Но, несчастный, какъ ты не сообразилъ, что тѣло, въ которое ты вселился, не свободно, что я сижу взаперти въ лечебницѣ Фруана, о которой ты имѣешь теперь представленіе, пострадавъ отъ обращенія Бидома, и усвоивъ себѣ все, что я самъ знаю,—вѣдь ты читаешь въ моемъ мозгу, какъ въ раскрытой книгѣ. Понимаешь ли ты, что если я не уйду отсюда, то изъ всего земного міра, который ты хотѣлъ изучить, ты познакомишься только съ жизнью въ сумасшедшемъ домѣ, а во всемъ остальномъ долженъ будешь полагаться на мои свѣдѣнія и представленія?

— Какъ же я могъ знать это, явившись изъ міра, не имѣющаго ничего общаго съ этимъ? И къ тому же, говоря откровенно, я жилъ прежде въ такихъ ужасныхъ условіяхъ, что моя теперешняя жизнь мнѣ кажется сравнительно очень пріятной.

— Значитъ, пріемы психіатра Бидома?...

— Я вѣдь уже меньше страдаю отъ нихъ съ тѣхъ поръ, какъ ты раздѣляешь со мной страданія *нашей* нервной системы. Еслибы ты побывалъ на Ткукрѣ, ты тоже мирился бы со многимъ. Знаешь ли, теперь мы уже достаточно *подружились*, чтобы я могъ разсказать тебѣ о моей жизни на этой проклятой планетѣ. Къ тому же, еслибы я даже и не разсказывалъ, то *мои* воспоминанія помимо моей воли отпечатлѣлись бы въ *нашей* головѣ, и ты рисковалъ бы стать еще болѣе сумасшедшимъ, чѣмъ

теперь. Ты бы не понималъ страшныхъ образовъ, возникшихъ въ твоемъ мозгу, и считалъ бы ихъ бредомъ, ставшимъ еще болѣе неизлечимымъ.

Дѣйствительно, со времени моего „возвращенія", мнѣ грезятся какія-то странныя картины природы и непонятныя, очень неясныя сцены. Я уже началъ безпокоиться, опасаясь приближенія новаго припадка... безумія.

— Я тебѣ разскажу самое главное,—продолжаетъ Кмогунъ. —Послѣ моего объясненія *остальное* уже не такъ будетъ пугать тебя, когда ты *увидишь* все это. Ты будешь знать, въ чемъ дѣло, и не будешь удивляться... Къ тому же я чувствую потребность поговорить о моей ужасной прошлой жизни.

— Хорошо, скажи мнѣ что-нибудь о твоей планетѣ.

— Это красная звѣзда, блескъ которой я видѣлъ въ послѣдній разъ, пролетая по міровому пространству, въ тотъ моментъ, когда Земля, куда я направлялся, казалась издали еще маленькимъ шарикомъ, не бо́льшимъ, чѣмъ колесцо на шпорахъ очаровательнаго Бидома. Эта звѣзда — хаосъ скалъ кроваваго цвѣта. Кое-гдѣ, среди совершенно отвѣсныхъ горъ, разстилаются обитаемыя долины — черныя, съ кровавыми стѣнами, и небо надъ ними въ разные часы то черное какъ уголь, то мѣдно-красное. Жизнь обитателей этихъ долинъ такова, что ты оцѣпенѣлъ бы отъ ужаса, еслибы побывалъ тамъ: въ этихъ скалистыхъ пустыняхъ, окруженныхъ стѣнами неприступныхъ горъ, толпится— безъ жилищъ, безъ крова, бичуемые рѣжущими ледяными вѣтрами — множество существъ, подобныхъ мнѣ, какимъ я былъ тогда...

— Они очень непохожи на обитателей Земли?

— Нѣтъ, напротивъ того, они очень на нихъ похожи, но при этомъ уродливы, отвратительны, чудовищны. Они косматы какъ звѣри, кожа у нихъ цвѣта грязи и крови, когти острые какъ кинжалы и загнутые—приспособленные для раздиранія враговъ, а глаза вылѣзаютъ изъ орбитъ, налиты кровью, дикіе, выражающіе то трусливый страхъ, то торжествующую жестокость. Обитаемыя части Ткукры иногда такъ переполнены живыми существами, что въ узкихъ долинахъ тѣламъ негдѣ лечь отдохнуть. Цѣлыми днями и цѣлыми ночами они стоятъ, сжатые вплотную другъ подлѣ друга. Кости однихъ вдавливаются въ тощее тѣло другихъ,—черезъ нѣсколько времени начинаетъ литься кровь. Тогда обезумѣвшіе обитатели Ткукры дѣлаютъ страшное усиліе, освобождаютъ руки и начинаютъ разрывать другъ друга когтями; тысячи труповъ покрываютъ землю и такъ быстро раз-

лагаются, что по прошествіи немногихъ часовъ превращаются въ какую-то жидкую грязь. Менѣе чѣмъ черезъ день послѣ бойни, изъ „органической грязи“ появляются толпы новыхъ существъ, подобныхъ убитымъ, но болѣе слабыхъ. Полчища *сильныхъ*, оставшихся въ живыхъ, бросаются на нихъ, и пожираютъ ихъ; опьяненіе кровью таково, что вся звѣзда какъ бы воетъ отъ ужаса въ міровомъ пространствѣ. Но все-таки часть „новорожденныхъ“ спасается отъ уничтоженія, начинаетъ страшно быстро крѣпнуть и рости—и все начинается сначала. Рожденные въ такихъ условіяхъ обитатели Ткукры—безполыя существа. Любви они не знаютъ, а живутъ только убійствомъ своихъ ближнихъ и чужды всякихъ чувствъ, кромѣ ненависти и страха. Самое ужасное —то, что въ прежнемъ своемъ существованіи—до своего паденія, какимъ является ихъ жизнь на Ткукрѣ,—они знали счастье раздѣленной привязанности, которое уже недостижимо для нихъ на планетѣ, покрытой грязью и кровью. И смутное воспоминаніе о былой радости ихъ страшно терзаетъ... Что же, довольно съ тебя этихъ свѣдѣній?

— О, да, довольно... Я уже ясно вижу всѣ ужасы Ткукры, какъ ты и предсказалъ мнѣ.

Я не могу сомкнуть глазъ цѣлую ночь—все вижу передъ собой страшную звѣзду, о которой я не хочу больше говорить, но которую я такъ же хорошо знаю, какъ еслибы самъ былъ какимъ-нибудь Кмогуномъ, съ когтями, похожими на загнутые кинжалы, съ дикими глазами, сверкающими красными и зелеными огнями...

IV.

Я провожу шесть мѣсяцевъ въ мрачной прострацiи, слегка оживляясь только въ тѣ рѣдкіе дни, когда Кмогунъ безмолвствуетъ во мнѣ. Нѣсколько разъ я надѣялся,—или, вѣрнѣе, хотѣлъ надѣяться, — что я избавился отъ обитателя Ткукры... или отъ моего безумія; это бывало тогда, когда Кмогунъ отправлялся самъ изучать — *психически* — какія-нибудь подробности земной жизни. Но черезъ сутки, много черезъ двое сутокъ, ненавистный *другъ* снова оказывался во мнѣ, не предупредивъ меня о своемъ возвращеніи.

Я страшно худѣю и все болѣе и болѣе слабѣю. Я не въ силахъ переносить этого двойного несчастія—жизни въ сумасшедшемъ домѣ и сообщества пришельца изъ Ткукры—это слишкомъ много для больного, нервнаго человѣка.

Отъ Кмогуна я не могу избавиться—это ясно; такъ я сдѣлаю, по крайней мѣрѣ, попытку убѣжать изъ лечебницы доктора Фруана. Со мной тамъ все время обращались довольно мягко (я нарочно не говорю теперь о Бидомѣ,—о немъ еще рѣчь впереди), и я пользовался сравнительной свободой. Я зналъ тамъ—увы, слишкомъ недолго!—очаровательную женщину, которая плѣняла такого жалкаго больного, какъ я, даже своимъ безуміемъ; я могъ бы чувствовать себя почти счастливымъ въ своемъ несчастіи. Но страшныя ночи, когда раздавались отчаянные крики заключенныхъ женщинъ, и мучительныя сцены, которыя я наблюдалъ въ разныхъ отдѣленіяхъ лечебницы, видя, какъ люди превращаются иногда въ какихъ-то страшныхъ звѣрей, а затѣмъ, отъѣздъ Ирены—по моей винѣ, хотя я не знаю, дѣйствительно ли *я* въ этомъ виноватъ,—все это заставило меня возненавидѣть Васто.

Я изучилъ множество плановъ бѣгства и остановился теперь на самомъ простомъ.

Но прежде чѣмъ говорить объ этомъ, я долженъ вернуться нѣсколько назадъ и разсказать (воспоминанія эти мучительны, но мнѣ иногда отрадно терзать самого себя!) о посѣщеніи кузена Рофьé, о сценахъ, предшествовавшихъ исчезновенію моей „принцессы“, и о нѣкоторыхъ превращеніяхъ Бидома.

Эльзеаръ Рофьé собирался посѣтить меня въ первый понедѣльникъ послѣ моего *пробужденія* въ лечебницѣ, но является онъ только черезъ шесть недѣль. Онъ входитъ въ мою комнату, не предупредивъ о своемъ приходѣ; это съ его стороны очень предусмотрительно; знай я, что онъ придетъ, я бы ощетинился и приготовилъ ему непріятную встрѣчу.

Я сразу вижу, что онъ не похудѣлъ отъ заботъ обо мнѣ, и что онъ по прежнему имѣетъ цвѣтущій и *стоически*-вѣжливый видъ: въ его любезности есть именно нѣчто стоическое; онъ не мягокъ отъ природы, а прежде всего—„человѣкъ долга“, „человѣкъ съ характеромъ“. У него не бываетъ никакихъ порывовъ. Онъ „милъ“, когда хочетъ быть таковымъ, но это съ его стороны уступка. Его любезность всегда разсчитанная, — онъ не расточаетъ напрасно своей привѣтливости, а проявляетъ ее на время, по мѣрѣ надобности. Онъ расплачивается иногда этой монетой, но знаетъ ей цѣну, и знаетъ, когда именно она нужна.

На этотъ разъ онъ подходитъ ко мнѣ съ протянутой рукой и со снисходительной, серьезной менторской улыбкой, поводя темными усами, нѣсколько болѣе свѣтлыми, однако, чѣмъ его борода. Его полное, румяное—не слишкомъ—лицо составляетъ довольно красивый контрастъ съ „изящной“ блѣдностью его пра-

вильно очерченной лысины. Блескъ его темно-голубыхъ, выражающихъ нѣсколько напряженную искренность, глазъ напоминаетъ блескъ нѣкоторыхъ искусственныхъ цвѣтовъ. Онъ говоритъ глубокимъ и гармоничнымъ декламаторскимъ голосомъ:

— Такъ вотъ гдѣ намъ приходится повидаться съ тобой, бѣдный мой Филиппъ! Не особенно это веселое мѣсто, но жизнь, которую ты здѣсь ведешь, оказываетъ на тебя самое благотворное вліяніе—состояніе твоего здоровья, какъ мнѣ сказали, очень улучшилось. Къ сожалѣнію, ты очень нуждался въ уединеніи. Въ нашемъ благоустроенномъ обществѣ, гдѣ противовѣсомъ свободы служитъ непреклонная справедливость, каждый долженъ занимать то мѣсто, которое онъ заслуживаетъ, по крайней мѣрѣ, въ данный моментъ, и мужественно переносить нѣкоторыя тяжкія, но неизбѣжныя испытанія. Какого ты мнѣнія о заведеніи, въ которомъ ты — я клянусь тебѣ въ этомъ — не останешься ни однимъ днемъ болѣе, чѣмъ это нужно для тебя?

— Я нахожу его великолѣпнымъ, очаровательнымъ. Я хочу остаться здѣсь навсегда.

Въ его слишкомъ искреннемъ взглядѣ свѣтится легкое безпокойство. Но я продолжаю:

— Ты, конечно, очень опечаленъ тѣмъ, что я здѣсь очутился, и я хотѣлъ бы утѣшить тебя... Но вѣдь ты самъ рѣшилъ причинить себѣ эту непріятность, заперевъ меня сюда, не щадя своихъ чувствъ...

— Другъ мой, я заботился только о твоемъ благѣ—теперь, какъ и всегда.

— Развѣ нельзя было лечить меня инымъ способомъ?

— Нѣтъ.

— Я былъ опасенъ для другихъ?

— Ты знаешь, что я по принципу никогда не преувеличиваю. Ты былъ опасенъ только для себя самого.

Онъ говоритъ это не совсѣмъ твердо. Онъ что-то скрываетъ отъ меня—и, навѣрное, не изъ деликатности. Я вѣдь его хорошо знаю; онъ всегда очень тактиченъ и добросовѣстенъ,—это и сказывается теперь въ его словахъ,—но у него есть, очевидно, какая-то затаенная мысль, которая его мучитъ,—онъ даже перестаетъ на минуту „уничтожать" меня нестерпимымъ блескомъ своихъ ослѣпительно искреннихъ глазъ. Теперь у него такой взглядъ, какъ у стараго клефта, который съ угрозой глядитъ на застигнутаго имъ туриста, не желающаго вспомнить имя и адресъ своего банкира.

— Ты развѣ не помнишь нашу послѣднюю поѣздку въ

Діэппъ, и то, что̀ происходило въ теченіе недѣли до этой поѣздки?—спрашиваетъ онъ настойчивымъ голосомъ, напоминающимъ голосъ Бидома.—Неужели ты не припоминаешь ни одной подробности твоего поведенія, которая могла бы обезпокоить меня, заставить меня принять быстрыя мѣры, чтобы защитить тебя противъ тебя же самого?

— Я ничего не помню, кромѣ маленькой ссоры съ тобой, и, кажется, ты самъ же вызвалъ ее. Мы пили много шампанскаго за завтракомъ, и ты самъ, несмотря на твою обычную воздержность,—по крайней мѣрѣ, на людяхъ—подпаивалъ меня въ казино крѣпкими напитками. На этомъ основаніи, очевидно, ты и составилъ мнѣ здѣсь репутацію пьяницы.

Онъ, кажется, непріятно пораженъ моей рѣзкостью, но какъ будто бы чувствуетъ нѣкоторое облегченіе при моихъ словахъ. Онъ, очевидно, боится, что я скажу нѣчто другое—но что̀ же именно? Глаза его становятся снова сверхъестественно ясными и выражаютъ снисходительную укоризну:

— Никакой репутаціи я тебѣ не составлялъ. Ты, вѣроятно, самъ объ этомъ позаботился... (Это здѣсь-то, въ лечебницѣ, гдѣ ничего не даютъ, кромѣ разбавленнаго водой краснаго вина!)... Я тебѣ сотню разъ говорилъ, что ты слишкомъ много пьешь, и что ты повредишь себѣ этимъ. Но дѣло не въ томъ. Больше ты ничего не вспоминаешь?

— Ахъ, да, конечно!—Я вспоминаю, что за нѣсколько дней до моего поступленія сюда мой кузенъ и его жена были со мной въ казино, и что къ намъ подошла старая разряженная женщина, имѣвшая видъ... бывшей дамы легкаго поведенія. Не обращая вниманія на присутствіе „законной супруги“, она схватила обѣ руки Рофье́ и стала говорить ему растроганнымъ голосомъ о 1892 годѣ и о домѣ подъ нумеромъ 455 на rue de Moscou. Кузенъ Эльзеаръ принялъ величественный видъ, грубо оттолкнулъ перезрѣлую красавицу и, растерявшись, несмотря на свою обычную невозмутимость, обратился къ ней со слѣдующими словами:

— Какъ вамъ не стыдно приставать къ... женатому человѣку? 1892 годъ—какъ разъ годъ моей женитьбы. Я васъ не знаю. Я съ вами никогда не былъ знакомъ... И *вы мнѣ сами обѣщали*...

Онъ не могъ продолжать, слишкомъ поздно понявъ глупость своихъ словъ, и старая кокотка отошла съ разсерженнымъ и гордымъ видомъ, осыпавъ предварительно несчастнаго Эльзеара потокомъ оскорбительныхъ эпитетовъ. Рофье́ имѣлъ очень скон-

фуженный и жалкій видъ весь этотъ вечеръ, а жена его, вопреки своей обычной корректности, смѣялась надъ нимъ и не переставала дѣлать намеки на его „бурную молодость“ и на „знойный климатъ rue de Moscou“.

Такъ какъ она заразила и меня своей глупой веселостью, ища у меня поддержки для своихъ шутокъ, то Эльзеаръ—очень влюбленный въ приданое своей жены—перенесъ свой гнѣвъ на меня, и пронизывалъ меня яростными взглядами.

Я начинаю смѣяться, вспоминая объ этомъ вечерѣ.

— Чего ты смѣешься?—спрашиваетъ Рофье́, выходя изъ себя.

— Не сердись! Я вспомнилъ старую кокотку въ казино.

— Нѣтъ, нѣтъ!—сердито говоритъ Эльзеаръ, — ты вспоминаешь о чемъ-то другомъ, дающемъ тебѣ право смѣяться на мой счетъ,—на мой счетъ, какъ всегда!

— Что̀ это значитъ? Кажется, теперь тебя слѣдуетъ запереть въ сумасшедшій домъ? Ты безумствуешь. Что̀ ты себѣ вообразилъ?

Всегда на его счетъ! Это выраженіе очень невѣрное. Хотя я далеко не такъ богатъ, какъ онъ, но всегда такъ случалось, что онъ бралъ деньги у меня—и никогда ихъ не возвращалъ. Я же не посягалъ на его собственность, и мнѣ никогда не приходило въ голову желать... его вола, его осла... и его жену... его жену менѣе всего. Странно, что именно въ ту минуту, когда я вспоминаю объ этой непріятной особѣ съ ея несносными комичными гримасами, Эльзеаръ говоритъ мнѣ о ней—и, Боже, въ какомъ тонѣ! Можно подумать, что мой обходительный кузенъ вообразилъ себя судебнымъ слѣдователемъ, собирающимся уличить необычайно хитраго преступника.

— Тебѣ, можетъ быть, будетъ пріятно узнать, говоритъ онъ, растягивая слова,—что моя жена очень безпокоится о твоемъ здоровьи.

Онъ глядитъ мнѣ въ глаза съ невыносимой настойчивостью. Если бы я писалъ фельетонный романъ, я сказалъ бы, что „онъ пронизываетъ меня своимъ взглядомъ“... Я тщетно стараюсь понять, въ чемъ я могъ бы оказаться виновнымъ, какую низость я совершилъ — моя совѣсть упорно молчитъ... Неужели же... нѣтъ, это ужъ слишкомъ глупо!... неужели Эльзеаръ вообразилъ, что я питаю „преступныя желанія“ относительно его жены, и что въ этомъ состоитъ мое безуміе?... Это было бы дѣйствительно ужасно! Если у него возникли подобныя подозрѣнія,—слѣдовало настоять, чтобы меня помѣстили въ буйное отдѣленіе; Эльзеаръ

еще слишкомъ великодушенъ! Но нѣтъ, я клевещу на него, я считаю его еще бо̀льшимъ дуракомъ, чѣмъ онъ на самомъ дѣлѣ.

Однако, онъ, кажется, думаетъ, что я смущенъ, что я чувствую угрызенія совѣсти, — взглядъ его становится все болѣе „молніеноснымъ“ и „мстительнымъ“. Въ миломъ же я очутился положеніи! Онъ широко раскрываетъ ротъ и произноситъ трагическимъ голосомъ:

— *Она* здѣсь!

Онъ не прибавляетъ: „трепещи, я все знаю“, но, повидимому, онъ увѣренъ, что я упаду при этихъ словахъ „закрывъ лицо руками“. Когда же я съ искреннимъ равнодушіемъ отвѣчаю:— „да?“—гнѣвъ его стихаетъ; онъ даже какъ будто нѣсколько разочарованъ: онъ доволенъ, что подозрѣнія его не оправдались, но ему жаль, что его слова не произвели ожидаемаго эффекта.

Успокаивается онъ, однако, не надолго. Онъ знаетъ, можетъ быть по личному опыту, что „гнусные совратители“ способны искусно притворяться. Поэтому онъ еще болѣе трагическимъ голосомъ объявляетъ мнѣ, что *приведетъ ее ко мнѣ*. Онъ желаетъ, чтобы мы встрѣтились, — очевидно, онъ рѣшилъ устроить очную ставку.

Рофье̂ болѣе низокъ, чѣмъ даже я предполагалъ; онъ считаетъ меня вполнѣ здоровымъ, и не знаетъ, что я самъ иногда сомнѣваюсь въ этомъ. Онъ не рѣшился привести меня сюда, не напоивъ меня предварительно крѣпкими винами и ликерами, и потому только отважился навѣстить меня въ первые дни моего пребыванія здѣсь, что его увѣдомили о моей прострацiи, наступившей послѣ буйнаго припадка, вызваннаго, по его мнѣнію, гнѣвомъ. Онъ рискнулъ явиться, боясь, что его въ противномъ случаѣ обвинятъ въ безсердечіи,—и его успокоивала къ тому же увѣренность, что я не могу шевельнуть ни рукой, ни ногой. А съ тѣхъ поръ онъ ни разу не пріѣзжалъ — извѣстія о моемъ здоровьи казались ему слишкомъ хорошими. Онъ боялся, что силы мои возстановлены, и что мнѣ можетъ придти въ голову желаніе воспользоваться ими и отколотить его по заслугамъ. Но его слишкомъ мучила ревность,—онъ хотѣлъ вывѣдать правду, и для этого необходимо было съѣздить въ Васто. Ревность! Не высокаго же онъ мнѣнія о моемъ эстетическомъ чутьѣ! Однако, дѣйствительно, его жена съ нѣкотораго времени стала очень дружелюбно ко мнѣ относиться. А я даже не обращалъ на это вниманія до сихъ поръ—какая черствая неблагодарность!—Впрочемъ, совѣсть меня за это вовсе не мучаетъ.

Да, бѣдный Отелло-Рофье̂ очень страдалъ отъ ревности. Что̀,

если бы его жена увлеклась мною и довела бы дѣло до развода? Вѣдь я бы сдѣлался тогда законнымъ обладателемъ не только ея сомнительной красоты, но и прекрасной коллекціи банковыхъ билетовъ, облигацій и другихъ очаровательныхъ бумагъ, незабвенныхъ для того, кто держалъ ихъ когда-нибудь въ рукахъ, и потеря которыхъ можетъ навсегда омрачить сердце здравомыслящаго человѣка... Вѣдь въ подобномъ случаѣ я вышелъ бы тріумфаторомъ изъ лечебницы доктора Фруана и лишилъ бы всѣхъ земныхъ утѣхъ несчастнаго Эльзеара. Ему оставалось бы плакать всю жизнь, ничего не имѣя, кромѣ жалкой ренты тысячъ въ тридцать франковъ, т.-е., доходовъ съ его мукомоленъ и земельныхъ участковъ. Нѣтъ, чтобы избѣжать подобной нищеты, онъ готовъ былъ отважиться на тяжелую борьбу и на мученичество. И въ сущности чѣмъ онъ рисковалъ, явившись „позондировать" меня, прежде чѣмъ устроить очную ставку между мной и моей „сообщницей"? Тѣмъ, что я брошусь на него съ кулаками и вытолкаю? Особеннаго вреда я не успѣлъ бы ему причинить,—дверь полуоткрыта и за нею поставлены сторожа.

Эльзеаръ выходитъ изъ моей комнаты, сильно жестикулируя,—хотя онъ обыкновенно врагъ всякой несдержанности, всякой экспансивности! Черезъ пять минутъ онъ возвращается, ведя за собой высокую, худощавую женщину,—молодую, но совсѣмъ некрасивую. У нея очень свѣтлые, блѣдно-желтые волосы, водянисто-голубые глаза и лицо восковой куклы,—въ родѣ тѣхъ, которыя выставляются въ витринахъ модистокъ. Она, очевидно, считаетъ себя красивой, изящной и поэтичной, хотя выраженіе смущенной стыдливости, съ которымъ она входитъ ко мнѣ, придаетъ ей крайне антипатичный видъ. Рауля Рофьé, урожденная Фромажъ,—дочь торговца гуано, нажившаго милліонное состояніе, и провинціальной актрисы; она получила очень своеобразное воспитаніе. Родившись въ провинціи, она до девятнадцати лѣтъ посѣщала пансіонъ для молодыхъ дѣвицъ и брала частные уроки у преподавательницъ, имѣвшихъ довольно смутное представленіе объ истинномъ изяществѣ манеръ. Когда отецъ Раули перенесъ свою торговлю „искусственнымъ гуано" въ Парижъ, считая, что для его коммерческихъ способностей нужна болѣе широкая арена, чѣмъ провинціальный городъ, Рауля завершила свое образованіе въ учебномъ заведеніи какой-то румынской княжны, бывшей пѣвицы, освистанной на разныхъ европейскихъ сценахъ. Въ этомъ образцовомъ институтѣ, гдѣ воспитанницамъ преподавалась только „салонная философія", „свѣтскія манеры" и „бонтонная корректность", и безъ того чопорная Рауля окончательно преврати-

лась въ какую-то заводную игрушку. Нельзя было видѣть ее, не чувствуя—смотря по характеру—или глупый восторгъ, или нестерпимое желаніе поколотить ее.

Она кончила „институтъ Барбареско" съ отличіемъ, написавъ замѣчательное сочиненіе о „замаскированной искренности"; она получила еще отдѣльныя награды за блестяще выдержанный экзаменъ по—„жестамъ отстраненія" и по „любезности къ низшимъ".

У румынской княжны она научилась также говорить особымъ тономъ, немилосердно растягивая слова, чѣмъ, будто бы, достигалась особая звучность голоса. Такое произношеніе—особенно растягиваніе гласныхъ—признавалось въ „институтѣ Барбареско" верхомъ изящества, и Рауля достигла въ этомъ отношеніи такого совершенства, что ея „бонтонную" рѣчь трудно понять.

Войдя въ мою комнату, достойная ученица румынской пѣвицы стыдливо краснѣетъ и обращается ко мнѣ со слѣдующей фразой:

— Вы не мо-ожете себѣ пре-едста-авить, до-оро-огой ку-узенъ, какъ мнѣ грустно ви-идѣть ва-съ въ этомъ обра-азцо-овомъ, но столь мра-ачномъ за-аведе-еніи докто-ора Фруа-ана!

Эльзеаръ свирѣпо смотритъ на насъ, и я понимаю его чувства. Онъ не довѣряетъ Раули. Можетъ быть, эта кукла краснѣетъ теперь только оттого, что ей не дали времени сдѣлать надлежащій туалетъ, и что она явилась ко мнѣ въ слегка смятомъ платьѣ, въ желтыхъ ботинкахъ для гулянья по морскому берегу и въ шляпѣ, не соотвѣтствующей ея костюму. Но голосъ ея не дрогнулъ, когда она произнесла свою маленькую рѣчь, тщательно отчеканивая каждое слово и растягивая всѣ гласныя.

Что касается меня, то мое равнодушіе почти доходитъ до грубости. Я отвѣчаю очень холодно:

— Благодарю васъ, кузина, за то, что вы безпокоились обо мнѣ,—но здѣсь вовсе не такъ мрачно, какъ вамъ кажется. У меня здѣсь очень пріятное общество.

Не сошелъ ли я дѣйствительно *хоть отчасти* съ ума, живя въ этой обстановкѣ? Это вѣдь было бы очень на руку добрѣйшему Эльзеару. Но что, если я *притворяюсь?*

Эльзеаръ хочетъ прежде всего вывѣдать, нѣтъ ли между нами тайнаго соглашенія, и рѣшаетъ подвергнуть насъ испытанію—очень наивному.

— Однако,—говоритъ онъ,—почему вы такъ не по родственному холодно встрѣтились? Вы даже не протянули другъ другу руки.

Онъ хочетъ очевидно насъ „поймать". Нерѣшительность или слишкомъ большая готовность повиноваться ему, слишкомъ долгое или слишкомъ короткое пожатіе рукъ, слишкомъ крѣпкое или слишкомъ слабое, „выдастъ" ему наше соглашеніе, если оно есть. Но нашъ shake-hands ничего не выдаетъ—мы очень корректно пожимаемъ другъ другу руки—совсѣмъ такъ, какъ полагается при нашей степени родства. Однако Рофье видимо не вполнѣ успокоился,—у него какой-то растерянный и очень глупый видъ.

Вскорѣ, однако, въ его помутнѣвшихъ глазахъ снова сверкаютъ огоньки проснувшейся энергіи. Онъ становится прямо противъ меня, засовываетъ руки въ карманы, поднимаетъ плечи и, откинувъ голову, смотритъ на меня съ вызывающимъ видомъ: онъ, видимо, затѣялъ крупную игру.

— Я вижу, милый мой,—говоритъ онъ,—что ты дѣйствительно поправился. Докторъ Фруанъ не ошибся. Тебѣ навѣрное хотѣлось бы уѣхать отсюда, и мнѣ было бы совѣстно оставлять тебя безъ всякой надобности въ подобномъ мѣстѣ. Но ты все-таки нуждаешься въ уходѣ. Каковы бы ни были чувства, которыя ты испыталъ, все-же ты много страдалъ, и полное одиночество принесло бы тебѣ вредъ. Я поэтому придумалъ планъ, слѣдуя которому ты сможешь пользоваться полной свободой,—конечно, не сейчасъ, такъ какъ тебѣ нужно еще окончательно поправиться,—и будешь окруженъ заботами преданнаго тебѣ человѣка. Я уже говорилъ объ этомъ съ одной особой,—отъ которой зависитъ выполненіе моего проекта. Ты знаешь, что Жанна Штольцъ, которая вышла замужъ за Фердинанда Лакоста, овдовѣла болѣе года тому назадъ, и ты знаешь также, какой у этой женщины странный и симпатичный характеръ; къ тому же она, какъ тебѣ извѣстно, красива и богата.

Эльзеаръ произноситъ конецъ этой фразы умиленнымъ голосомъ.

— Ты помнишь, вѣроятно, что она согласилась выйти замужъ за Лакоста, который былъ сущей обезьяной съ виду и характеромъ похожъ былъ на пьянаго медвѣдя,—только въ виду разсказовъ о немъ одного изъ его друзей. Онъ открылъ по секрету Жаннѣ, что Фердинандъ страдаетъ какой-то мучительной хронической болѣзнью, такъ что женщина, которая согласилась бы стать его женой, должна была бы исполнять постоянно обязанности сидѣлки. Она пришла въ восторгъ отъ такой перспективы, и благодаря ея попеченіямъ Лакостъ прожилъ еще пять лѣтъ—къ величайшему изумленію всѣхъ, кто его зналъ. Она не только

идеальная сестра милосердія, но питаетъ особую нѣжность къ больнымъ. Она способна чувствовать любовь только въ промежуткахъ между припарками и микстурами. Для тебя ей придется нѣсколько измѣнить программу, потому что ты не нуждаешься въ припаркахъ, но тебѣ нужно будетъ давать разныя успокоительныя капли, слѣдить за діэтой и т. д.,—а она это обожаетъ.

Боже, въ какихъ изящныхъ выраженіяхъ онъ все это изложилъ!

А вѣдь я когда-то былъ влюбленъ въ Жанну Лакостъ, или, вѣрнѣе, въ Жанну Штольцъ. Не дурно все это придумалъ толстякъ Рофье́. Если бы не было на свѣтѣ моей „принцессы“ съ ея личикомъ цвѣта блѣдныхъ гіацинтовъ, я бы пожалуй соблазнился проектомъ кузена. Но почему не принять предложеніе Эльзеара съ тѣмъ, чтобы потомъ сказать всю правду Жаннѣ; она вѣдь добрая, и навѣрное будетъ содѣйствовать освобожденію бѣдной Ирены и поможетъ мнѣ вылечить ее.

А Рофье́, который, очевидно, упряталъ меня сюда только изъ ревности, навѣрное сейчасъ же увезетъ меня отсюда, если будетъ увѣренъ, что мои мысли заняты не его женой, а другой женщиной,—въ особенности если эта женщина богата, не скупа и готова будетъ при случаѣ ссудить „новаго кузена“ нужными средствами для какого-нибудь промышленнаго или земледѣльческаго предпріятія. Эльзеаръ вѣдь не только владѣлецъ крупныхъ мукомоленъ, но также земельный собственникъ и агрономъ. И когда онъ предпринимаетъ какое-нибудь рискованное дѣло, то по врожденной осторожности предпочитаетъ не пользоваться своимъ капиталомъ и деньгами своей жены, а старается получить кредитъ у довѣрчивыхъ людей, которыхъ легко урезонить въ случаѣ неудачныхъ операцій.

Я могу быть свободнымъ—быть можетъ, уже завтра! Я рѣшаю въ виду этого тотчасъ же изъявить свое согласіе,—позволивъ себѣ лишь слегка поиронизоровать въ отместку за дѣйствительно возмутительное поведеніе Рофье́. Я исполняю мое невинное желаніе маленькой мести и говорю съ нѣкоторой язвительностью:

— Однако, ты не брезгаешь никакими промыслами: ты вотъ даже устроиваешь выгодные браки—и не только денежные, а и лекарственные!—Но моя стрѣла не попадаетъ въ цѣль. Я не успѣваю договорить своей фразы, какъ входитъ Леонардъ съ докладомъ о томъ, что сейчасъ придетъ докторъ Фруанъ. Рофье́ перестаетъ меня слушать; онъ оправляетъ манжеты, проводитъ рукой по бородѣ, вынимаетъ изъ кармана маленькій гребешокъ

и устроиваетъ себѣ передъ зеркаломъ искусную прическу, придающую ему видъ „почтеннаго агронома“. Рауля пользуется тѣмъ, что ея мужъ отвернулся отъ меня, и шепчетъ мнѣ на ухо быстро, но очень внятно слѣдующее:

— Откажитесь! Тутъ устроивается шантажъ. Онъ угрозами заставилъ Жанну Лакостъ согласиться на его планъ. Онъ разсчитываетъ на ея деньги, зная, что у васъ слабый характеръ... Онъ что-то знаетъ про нее, и пользуется этимъ... я вамъ потомъ разскажу, въ чемъ тутъ дѣло.

Вся моя радость сразу исчезаетъ. Значитъ, мнѣ придется еще долго жить въ заключеніи, если я не могу освободиться иначе, какъ участвуя въ гнусной интригѣ Рофье́ противъ женщины, которую я когда-то любилъ.

Когда Эльзеаръ снова оборачивается въ нашу сторону, кончивъ охорашиваться, онъ видитъ насъ въ почтительномъ разстояніи другъ отъ друга. Онъ снова возвращается къ своему проекту и спрашиваетъ меня еще не вполнѣ торжествующимъ тономъ:

— Какого же ты мнѣнія о моемъ проектѣ? Не правда ли, онъ очень соблазнителенъ? Ты вѣдь его одобряешь?

Я отвѣчаю ему съ искреннимъ огорченіемъ:

— Милый Эльзеаръ, я не чувствую никакого желанія вступать въ бракъ — даже съ такой очаровательной сестрой милосердія.

Рауля глядитъ на меня, и Рофье́ замѣчаетъ ея взглядъ. Въ немъ выражается не влюбленность, а нѣчто худшее. Въ блѣдныхъ глазахъ корректной дамы сверкаетъ задоръ, котораго я въ ней никогда до сихъ поръ не замѣчалъ,—это циничный взглядъ развращенной женщины. Мужъ Раули блѣднѣетъ отъ бѣшенства, ноздри его надуваются. Наступаетъ нѣсколько секундъ мучительнаго молчанія. Наконецъ, Рофье́ опять въ состояніи говорить и произноситъ трагически-декламаторскимъ тономъ:

— Надѣньте перчатки, Рауля, надѣньте перчатки, говорю я вамъ. Пора идти домой,—уже поздно. Мы поговоримъ съ докторомъ Фруаномъ у него въ кабинетѣ. До свиданія, Вели. Идемъ же, Рауля,—пойдете ли вы, наконецъ?

Мой кузенъ всегда говоритъ своей женѣ „вы“,—какъ это принято у герцоговъ и у инженеровъ въ романахъ изъ свѣтской жизни. Но какъ разъ въ ту минуту, когда Эльзеаръ въ послѣдній разъ дѣлаетъ по направленію ко мнѣ жестъ, который можетъ одинаково обозначать: „до свиданія, коварный другъ!“—какъ и

„мы еще поговоримъ съ тобой, негодяй!“—въ комнату входитъ докторъ.

У Фруана, какъ всегда, добродушное и простое выраженіе лица дѣйствительно искреннихъ людей; выраженіе это очень отлично отъ смѣлаго взгляда негодяевъ, которые, какъ, напримѣръ, Эльзеаръ, притворяются искренними. Глаза доктора не искрятся мнимой честностью, въ обращеніи его нѣтъ экспансивности и рѣзкости, которую притворщики выдаютъ за простодушную сердечность. Во взглядѣ его свѣтится дѣйствительная доброта и нѣкоторая грусть добрыхъ людей, которымъ противно притворство лицемѣровъ.

Я сразу вижу, что Эльзеаръ ему не симпатиченъ. Раулю онъ привѣтствуетъ короткимъ вѣжливымъ поклономъ, въ которомъ нѣтъ ничего заискивающаго—поклономъ истинно свободнаго человѣка.

— Ну, что же, вы побесѣдовали съ вашимъ кузеномъ?—говоритъ онъ мягко, но безъ всякой излишней любезности, „честному“ Эльзеару.—Какъ вы его находите?

Къ глубокому моему изумленію, сверкающіе голубые глаза мукомола омрачаются, и все его лицо выражаетъ „скорбь сильнаго человѣка“:

— Да что я могу сказать, докторъ! По моему, онъ очень, очень плохъ!

Рауля, кажется, въ ужасѣ отъ его безстыдства, но не рѣшается ничего сказать.

— Вы меня очень удивляете,—возражаетъ докторъ.—Сегодня утромъ онъ былъ спокойнѣе, чѣмъ когда-либо, и я нашелъ несомнѣнное улучшеніе въ его здоровьи.

— Можетъ быть, но вѣдь васъ не было здѣсь во время нашей бесѣды. Я рѣдко замѣчалъ въ немъ такую нервность. Онъ нуждается въ очень бдительномъ уходѣ...

— Въ этомъ отношеніи вы можете быть совершенно спокойны. Но странно, что мое присутствіе сразу вылечиваетъ его отъ нервнаго возбужденія. Я вѣдь не магъ и не гипнотизеръ—къ сожалѣнію!

Докторъ Фруанъ разсматриваетъ лицо Эльзеара съ вниманіемъ и интересомъ художника, который старается разгадать характеръ своей модели. На лицѣ Рофьé маска ослѣпительной искренности, которая, кажется, начинаетъ все болѣе и болѣе не нравиться доктору.

— Что это значитъ?—говоритъ Фруанъ, обращаясь на этотъ разъ ко мнѣ.—Неужели вы были раздражительны и возбуждены

въ разговорѣ съ вашимъ кузеномъ? Мнѣ вѣдь казалось, что вы такъ спокойны.

Я замѣчаю, что его вдругъ охватило какое-то безпокойство. Онъ хмуритъ брови, и щеки его слегка дрожатъ отъ нервнаго тика.

— Скажите мнѣ, пожалуйста, совершенно откровенно,—продолжаетъ онъ,—не испытывали ли вы сегодня того болѣзненнаго страха—вы вѣдь знаете, о чемъ я говорю,—того страха, о которомъ вы уже давно ничего мнѣ не говорили, несмотря на всѣ мои разспросы... Вы вѣдь понимаете меня?

Я вижу, что онъ намекаетъ на мой первый крикъ:—„кто-то вселился въ меня!"—но не хочетъ говорить яснѣе въ присутствіи Эльзеара, чтобы не „дать оружія противъ меня" моему кузену. Какъ онъ благороденъ!

Къ счастью, Кмогунъ на этотъ разъ не проявляетъ ничѣмъ своего присутствія, и я могу отвѣтить съ полнымъ спокойствіемъ:

— Нѣтъ, я ничего подобнаго не испытываю. Вѣдь тогда я пережилъ тяжелое потрясеніе и говорилъ, не отдавая себѣ отчета въ своихъ словахъ.

— Ну, и отлично,—я очень радъ! Вы говорите теперь вовсе не какъ нервно-больной,—восклицаетъ докторъ съ такой доброй, счастливой улыбкой, что меня мучитъ совѣсть за мое притворство,—хотя и невольное.

— Во всякомъ случаѣ,—настаиваетъ нѣсколько сухо Эльзеаръ, —я полагаю, что теперь его болѣе, чѣмъ когда-либо, слѣдуетъ лечить. *Я вѣдь хочу, чтобы онъ выздоровѣлъ*!

— Знаете ли,—отвѣчаетъ безъ всякаго раздраженія докторъ,—я уже тридцать-пять лѣтъ занимаюсь... нервными болѣзнями, и увѣряю васъ, что мнѣ можно довѣрить всякаго паціента, не опасаясь никакихъ неосторожностей съ моей стороны. Я не имѣю никакихъ причинъ затягивать леченіе какого бы то ни было больного; напротивъ того, въ моихъ интересахъ—выписать его какъ можно скорѣе. И въ настоящемъ случаѣ я заявляю вамъ, что вашъ кузенъ уже почти-что совершенно поправился.

— Да вѣдь мой мужъ ни на минуту не сомнѣвается въ вашей „о-опытноо-ости" и вашей „ко-омпетентности", до-окторъ,—говоритъ нѣжнымъ сопрано Рауля, чтобы поправить неловкость поведенія Рофье;—на меня она нѣсколько косится съ той минуты, когда я не отвѣтилъ на ея заигрывающій взглядъ.—Онъ именно хотѣлъ сказать, что разсчитываетъ на васъ, и надѣется, что вы вполнѣ вылечите нашего кузена, который еще разстроенъ,—о-очень разстроенъ!

И оба они удаляются, поклонившись доктору и очень холодно пожавъ мнѣ руку.

Не будь здѣсь доктора Фруана, мнѣ пришлось бы обойтись и безъ этого знака вниманія. Они принудили себя къ полулюбезности со мной только съ цѣлью выказать передъ свидѣтелемъ свою благородную привязанность къ родственнику, который дѣлаетъ имъ такъ мало чести.

Проводивъ ихъ, докторъ возвращается въ мою комнату. Сначала онъ ничего не говоритъ, а только озабоченно покачиваетъ головой, дѣлаетъ презрительную гримасу и погружается въ глубокое раздумье. Затѣмъ онъ вдругъ задаетъ мнѣ неожиданный вопросъ:

— Рофьё и его жена—ваши единственные родственники?

— Нѣтъ, у меня есть еще братъ, который живетъ... иногда... въ Парижѣ.

— Вотъ это хорошо! Но почему вы мнѣ этого раньше не сказали? Мнѣ бы слѣдовало имѣть дѣло съ нимъ, а не съ вашимъ кузеномъ. Дайте мнѣ его адресъ, я ему напишу,—и надѣйтесь на то, что все кончится благополучно.

Да, я буду надѣяться. Къ несчастію, какъ я и сказалъ доктору, братъ часто путешествуетъ, съ женой или одинъ... по Египту, по Индіи. Гдѣ онъ теперь—въ Парижѣ? или въ Мадурѣ? Когда онъ получитъ письмо доктора? А если бы Рауля не сообщила мнѣ свой секретъ—а не солгала ли она?—я бы навѣрное былъ уже завтра на свободѣ.

Я провожу очень грустный вечеръ, и меня только нѣсколько развлекаетъ Леонардъ разсказомъ о любовныхъ похожденіяхъ одной сидѣлки, которая, какъ это ни мало вѣроятно, влюблена въ Бидома—въ очаровательнаго Бидома! А ночью меня снова мучитъ Кмогунъ, который требуетъ, чтобы я попытался убѣжать изъ лечебницы, угрожая, въ случаѣ неповиновенія ему, *надѣлать мнѣ хлопотъ*.

V.

Въ теченіе нѣсколькихъ слѣдующихъ недѣль ужасный Кмогунъ не даетъ мнѣ ни минуты покоя. Этотъ дикарь съ Ткукры очень усовершенствовался въ искусствѣ мучить меня, и я объявляю ему однажды ночью, что я уже выбился изъ силъ, и готовъ ему повиноваться. Пусть *насъ* поймаютъ, пусть служителя *насъ* поколотятъ, пусть *насъ* подвергаютъ потомъ всякимъ униженіямъ! Я не хочу больше слышать этотъ злой *голосъ*, кото-

рый толкаетъ меня на самыя опасныя выходки, на бунтъ и даже на гнусныя безумныя продѣлки, которыя могутъ привести къ тому, что я попаду въ буйное отдѣленіе.

Вѣдь заставилъ же меня Кмогунъ разъ *плясать, ставши на руки*, въ присутствіи Леонарда, который самъ не зналъ, какъ ему поступить—молчать ли о моей выходкѣ, изъ дружбы ко мнѣ, или исполнить служебный долгъ и разсказать доктору о моемъ поведеніи.

Въ другой разъ я *долженъ* былъ по волѣ Кмогуна и совершенно противъ моего собственнаго желанія воспользоваться краткой отлучкой служителя, оставившаго мою дверь незапертой, и пробраться въ знаменитую бесѣдку въ глубинѣ сада. Тамъ я засталъ ужасную, высокую и худощавую сидѣлку Олимпію Шинью, бывшую возлюбленную Бидома, и, по капризу Кмогуна, обошелся съ нею болѣе чѣмъ любезно, не вызвавъ протеста съ ея стороны. Кмогунъ былъ въ восторгѣ, а я былъ очень недоволенъ, тѣмъ болѣе, что очень немолодая, некрасивая сидѣлка мнѣ совершенно не нравилась. А въ другой разъ (я не упоминаю о многихъ мелкихъ „шуткахъ“ Кмогуна) я очутился, самъ не знаю какъ, около двухъ часовъ дня чуть не въ рубашкѣ въ пріемной. Тамъ, къ счастью, была въ это время только одна посѣтительница, младшая изъ сестеръ Мортбраншъ, довольно хорошенькая женщина лѣтъ тридцати, очень строгой нравственности; я сталъ объясняться ей въ любви въ очень грубыхъ и слишкомъ откровенныхъ выраженіяхъ. Меня выручилъ прибѣжавшій вслѣдъ за мной Леонардъ; онъ сталъ умолять на колѣняхъ дѣвицу Мортбраншъ, чтобы она не губила его и не разсказала директору о случившемся. Ему удалось растрогать и разсмѣшить ее, и она сказала, что не сердится на бѣднаго больного.

Но Кмогунъ угрожаетъ, что заставитъ меня продѣлать мои непристойныя выходки въ присутствіи самого доктора Фруана или кого-нибудь, кто не постѣснится донести на меня директору,— и я увѣренъ, что онъ исполнитъ свою угрозу.

Однажды ночью, измученный отвратительными картинами, которыя онъ разстилалъ передъ моими глазами, увѣряя, что это—зрѣлище моихъ будущихъ продѣлокъ, и что не пройдетъ недѣли, какъ я исполню всю „программу“, я, наконецъ, сдаюсь и говорю:

— Хорошо. Довольно мучить меня! Я согласенъ на побѣгъ. Но вѣдь знаешь—если насъ поймаютъ, намъ плохо придется.

— Идемъ!—спокойно отвѣчаетъ Кмогунъ.

Этотъ выходецъ съ Ткукры былъ, вѣроятно, слесаремъ или громилой въ одномъ изъ своихъ прежнихъ существованій, и вліяніе его на мой больной духъ и на мое тѣло таково, что я, при всей моей обычной неловкости, безшумно разбиваю первымъ попавшимся инструментомъ четыре огромныхъ замка и отпираю шесть засововъ.

Вотъ мы уже въ саду, гдѣ, къ несчастью, совершенно темно.

— Чего ты дрожишь?—ворчитъ Кмогунъ:—вѣдь всѣ теперь уже спятъ.

Нѣтъ, не всѣ. Я различаю во мракѣ какую-то толстую фигуру, которая приближается къ намъ. Мнѣ она кажется знакомой. Ужъ не Селестина ли это Буфаръ? Я недолго пребываю въ неизвѣстности:

— Это вы, Луэдэнъ?—произноситъ незабвенный контральтовый голосъ толстой сидѣлки (Луэдэнъ—одинъ изъ служителей буйнаго отдѣленія, бывшій зуавъ, который занимался потомъ дрессировкой обезьянъ, а затѣмъ служилъ еще тюремщикомъ).— Долго же приходится мнѣ поджидать васъ! Вотъ ужъ двадцать минутъ, какъ я здѣсь прогуливаюсь... Ахъ, нѣтъ, это не онъ, это не его борода!—вскрикиваетъ она, схвативъ меня за мою жидкую бородку (у Луэдэна длинная, густая борода). — Но кто же этотъ воръ, который гуляетъ ночью по нашему саду? Какъ, это господинъ Вели изъ „отдѣльнаго флигеля“! Вотъ не ожидала! Леонардъ не особенно строгъ, если выпускаетъ васъ въ такой часъ!

Вдругъ она начинаетъ хихикать.

— Можетъ быть, у васъ какія-нибудь особыя намѣренія, которыя заставляютъ васъ выходить изъ дому ночью... За кѣмъ это вы ухаживаете? Мнѣ вы можете сказать,—я вѣдь на этотъ счетъ снисходительна.

Я въ очень непріятномъ положеніи. Что̀ я могу сказать этой противной женщинѣ? Кмогунъ настойчиво шепчетъ мнѣ:

— Нужно подружиться съ нею на время... Потомъ мы какъ-нибудь избавимся отъ нея. Предоставь мнѣ это!

Я хочу возразить ему, что боюсь его вмѣшательства... но онъ не даетъ мнѣ времени договорить. Къ моему величайшему изумленію, я произношу какія-то слова грубымъ голосомъ, хотя мнѣ кажется, что я даже не открылъ рта. Я слышу, какъ я говорю:

— Эй, послушай, голубушка, нѣтъ ли у тебя коньяку?

— Неужели это вы говорите со мной такимъ тономъ? Вы всегда такъ „приличны“,—даже немножко горды. Но мнѣ это

нравится. Конечно, у меня найдется коньякъ—не много, а такъ, съ полбутылочки,—я держу его у себя въ комнатѣ, на случай, если нужно привести въ чувство какую-нибудь больную. Пойдемте ко мнѣ, я вамъ рюмочку дамъ.

Она уводитъ меня къ себѣ, безстыдно заигрывая со мной по пути, и я самъ, къ величайшему моему изумленію, позволяю себѣ безцеремонно ухаживать за этой отвратительной толстой сидѣлкой,—такъ что она даже кокетливо грозитъ мнѣ не дать коньяку, если я буду такъ „неприлично вести себя". Въ комнатѣ у Селестины оказывается цѣлая коллекція бутылокъ, и мы предаемся непомѣрному пьянству, прерываемому нѣжностями, которыя мнѣ глубоко противны. Я пораженъ метаморфозой, которая произошла во мнѣ отъ присутствія Кмогуна,—я никогда не отличался такой пылкостью прежде. Циничныя нѣжныя слова грубой Селестины мнѣ противны, но я отвѣчаю ей въ тонъ, то-есть, собственно, не я все это говорю, а неистовствующій во мнѣ Кмогунъ. Наконецъ, послѣ обильныхъ возліяній, Селестина сваливается совершенно пьяная и засыпаетъ глубокимъ сномъ, переставъ унижать меня своими нѣжными эпитетами. Кмогунъ достигъ своей цѣли.

— А теперь бѣжимъ скорѣе!—приказываетъ онъ мнѣ.

Какое счастье, что надзоръ за больными—такой плохой въ заведеніи Фруана! Не то бы насъ уже давно успѣли поймать. Вѣдь мы оставили дверь полуоткрытой...

Вдругъ я чувствую невыразимый ужасъ и едва сдерживаюсь отъ крика. Я замѣчаю въ стѣнѣ такое же отверстіе, какъ у меня въ комнатѣ. Я зналъ, что Селестина—сидѣлка Ирены, но—по глупости—не представлялъ себѣ, что она спитъ рядомъ съ ея комнатой, какъ Леонардъ—рядомъ съ моей. Это кажется мнѣ святотатствомъ. Чистые сны и голубыя грезы моей „принцессы" рядомъ съ пьянымъ храпомъ и грязными кошмарами отвратительной Селестины — какой это ужасъ! Ихъ отдѣляетъ одна только стѣна,—и я предавался уродливому разгулу рядомъ съ комнатой Ирены! Но, можетъ быть, я ошибся... можетъ быть, тутъ рядомъ—комната какой-нибудь другой сидѣлки. Я знаю, что это почти немыслимо, но хочу убѣдиться, и такъ поглощенъ этимъ желаніемъ, что забываю о Кмогунѣ и осторожно открываю задвижку отверстія...

Боже! Въ той комнатѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, дѣйствительно—Ирена... Но еще бо́льшій ужасъ охватываетъ меня, когда я слышу голосъ ревущаго во мнѣ Кмогуна:

— Веди меня къ ней!.. Вѣдь ты только о ней и думаешь. Такъ вотъ какова принцесса, образъ которой я видѣлъ въ *моей* головѣ! До чего она прекраснѣе, чѣмъ ея отраженіе, ослабленное сѣростью твоей безвольной души. Скорѣе бѣжимъ къ ней!

Я сопротивляюсь всѣми силами его неистовству. Напрасно Кмогунъ грозитъ мнѣ тѣмъ, что заставитъ меня такъ кричать, что сбѣгутся всѣ сидѣлки, — я не хочу ему уступить, я не уступлю ему!

Но, къ полному моему ужасу, я замѣчаю, что мое тѣло больше повинуется моему врагу, чѣмъ мнѣ. Несмотря на все мое бѣшенство, я сознаю, что мое тѣло увлекаетъ меня къ Иренѣ,—оно порабощаетъ мою душу, превращаетъ ее въ душу какого-то обитателя Ткукры.

Моя „принцесса“ не представляется мнѣ теперь въ блескѣ своей идеальной красоты, а возбуждаетъ во мнѣ нечистые помыслы. Я уже ничѣмъ не могу побороть желанія Кмогуна, овладѣвшаго мною. Я думаю только объ одномъ—о томъ, какъ бы намъ достать ключъ и войти въ ея комнату. Ключъ мы находимъ въ карманѣ спящей сидѣлки, открываемъ дверь въ сосѣднюю комнату и входимъ туда.

О, прекрасная Ирена! Я подхожу къ ней, бормоча отвратительныя слова, безстыдно разглядываю ее, такъ мирно спящую,—и перестаю бороться противъ Кмогуна... Ирена просыпается, съ ужасомъ видитъ стоящаго подлѣ нея человѣка—и узнаетъ меня.

— Какъ, это вы?—кричитъ она.—Неужели вы способны на такую низость? Вы!..

Но я не обращаю вниманія на ея слова... мною овладѣлъ Кмогунъ. Она кричитъ изо всѣхъ силъ...

Я слышу уже нѣсколько секундъ шумъ шаговъ въ корридорѣ, но не обращаю на это вниманія. Я борюсь съ Иреной... но въ это время что-то сжимаетъ мнѣ шею, какъ клещами. Меня схватываютъ, трясутъ... я хочу сопротивляться, но напрасно. Главный смотритель Дорнеменъ, рослый силачъ, держитъ меня одной рукой и не даетъ мнѣ пошевелиться. Около него стоитъ мадамъ Робинé, смотрительница женскаго отдѣленія, и оба они препираются. Дорнеменъ громко говоритъ, что Бидомъ былъ правъ, утверждая, что меня нужно держать въ строгости, а мадамъ Робинé урезониваетъ его, говоря, что я вѣдь не преступникъ, а несчастный больной. Дорнеменъ все-таки грозитъ посадить меня сейчасъ же въ отдѣльную камеру, а на слѣдующій день „полечить“ меня дýшами.

Мы снова проходимъ черезъ дворъ—Кмогунъ и я—болѣе быстрымъ шагомъ, чѣмъ когда шли одни. Дорнеменъ не позволяетъ мнѣ остановиться ни на минуту, чтобы перевести дыханіе. Меня приводятъ въ какой-то мрачный казематъ и запираютъ туда. Вокругъ меня полный мракъ. Я ощупью касаюсь обитыхъ чѣмъ-то мягкимъ стѣнъ моего крошечнаго помѣщенія, затѣмъ нахожу жесткую постель безъ тюфяка и безъ одѣяла, сажусь на нее и предаюсь самымъ мрачнымъ мыслямъ.

Съ франц. З. В.

ЖОРЖЪ-ЗАНДЪ

и

НАПОЛЕОНЪ III

По неизданнымъ документамъ *).

„Повѣрьте, милостивая государыня, что названіе друга есть лучшій титулъ, какой вы только можете дать мнѣ, такъ какъ это показывало бы, что мы другъ другу близки, и этимъ гордился бы я... Не хочу потерять и ту частичку симпатіи, которую вы подарили мнѣ. Я дорожу ею, какъ священникъ дорожитъ лампадой, горящей передъ престоломъ, какъ дорожатъ талисманомъ, приносящимъ счастье“...

Все это писалъ, обращаясь къ Жоржъ Зандъ, не кто-нибудь изъ ея беррійскихъ или республиканскихъ друзей,—такъ писалъ извѣстный узникъ, заключенный тогда въ крѣпости Гамъ, который въ то время стремился не къ одной личной славѣ и власти, но, повидимому, мечталъ и о томъ, чтобы во Франціи восторжествовало такое правительство, которое позаботилось бы о благѣ большинства. Онъ не былъ еще только и исключительно мелкимъ честолюбцемъ, какимъ его позже изображали въ брошюрахъ, какъ „Napoléon le Petit“ или „Histoire d'un crime“; впрочемъ, въ исторіи онъ остается и до сихъ поръ личностью далеко еще не

---

*) Глава изъ второй части приготовляемой къ печати книги: *„Жоржъ-Зандъ, ея жизнь и произведенія“*, откуда въ нашемъ журналѣ помѣщена была также одна изъ главъ первой части, именно: „Жоржъ-Зандъ и ея біографы“ (май, 1894 г.).—*Ред.*

разгаданною, сложною и полною странныхъ противорѣчій. При болѣе близкомъ знакомствѣ съ его идеями и стремленіями, при умѣніи и желаніи отдѣлять недостатки и пороки окружавшихъ его людей отъ личныхъ его слабостей и непослѣдовательности, Наполеонъ III оказывается непонятымъ и резонирующимъ мечтателемъ, подпавшимъ подъ вліяніе имъ же самимъ вызванныхъ къ жизни обстоятельствъ, а иногда—наивнымъ утопистомъ. Въ складѣ его ума и въ его натурѣ могли быть и симпатичныя, привлекательныя черты,—особенно привлекательныя для такой романтической оптимистки и ничѣмъ не поколебленной идеалистки чистой воды, какою была Жоржъ-Зандъ; именно, эти самыя высокія и глубочайшія качества ея души неотразимо привлекали къ себѣ того, кого не даромъ называли „сновидцемъ наяву". Понмартенъ утверждаетъ даже, что въ этихъ двухъ натурахъ было что-то родственное и сходное [1]). Намъ кажется преувеличеннымъ такое его утвержденіе, но мы отчасти понимаемъ то, что̀ вызвало въ Понмартенѣ такое заключеніе: въ обѣихъ этихъ натурахъ была въ складѣ ума несомнѣнно нѣкоторая доля мечтательной утопичности и туманности. Познакомились Жоржъ-Зандъ и Луи-Наполеонъ, повидимому, еще слишкомъ за десять лѣтъ до паденія іюльской монархіи, въ салонѣ графини Мерленъ (Merlin), той интересной креолки, воспоминаніямъ которой Жоржъ-Зандъ еще въ 1836 году посвятила въ высшей степени сочувственную статью. Въ салонѣ графини Мерленъ собирались литераторы, дипломаты, художники, но всего болѣе „недовольные" правительствомъ Луи-Филиппа, фрондировавшіе, конспирировавшіе или просто ораторствовавшіе, въ томъ числѣ и молодой принцъ Луи-Наполеонъ Бонапартъ, который вскорѣ, за активное участіе въ заговорѣ противъ „буржуазнаго" короля, долженъ былъ предаться вынужденному отдыху въ крѣпости Гамъ, гдѣ онъ просидѣлъ, какъ извѣстно, цѣлыхъ шесть лѣтъ, пока не бѣжалъ, переодѣвшись въ платье рабочаго, по имени Баденге́ (вслѣдствіе чего самого Наполеона III впослѣдствіи часто обозначали кличкой „Баденге́"). Свой невольный досугъ принцъ посвятилъ серьезному чтенію и занятію соціальными науками,—и плодомъ этихъ занятій и размышленій явилось нѣсколько политико-историческихъ сочиненій, каковы, напр.: „Idées Napoléoniennes", вышедшія въ 1839 г., а также извѣстная брошюра, надѣлавшая много шума во Франціи и озаглавленная: „Sur l'extinction du paupérisme" („Объ уничтоженіи пауперизма").

---

[1]) A. de Pontmartin: „Nouveaux Samedis". Paris, 1877. 18-me série: 11 Nov. 1877.

Луи Бланъ, тогда только что основавшій свою новую газету „Реформу“ и познакомившійся съ Жоржъ-Зандъ, посвятилъ въ своей „Histoire de X ans“ нѣсколько страницъ молодому принцу, котораго лично посѣтилъ въ его заточеніи; личность и взгляды этого потомка всемірнаго владыки, мечтавшаго объ уничтоженіи пролетаріата, не могли не заинтересовать того, кто провозгласилъ „организацію труда“. Жоржъ-Зандъ, такъ горячо привѣтствовавшая тогда идеи Луи Блана въ своихъ статьяхъ и всегда, какъ извѣстно, болѣе всего увлекавшаяся соціальными вопросами и утопіями, сулившими счастье „классу самому бѣдному и самому многочисленному“,—тѣмъ съ бо̀льшимъ интересомъ прочла характеристику принца, перепечатанную въ ея беррійской газетѣ „Eclaireur de l'Indre“ [1]); „этотъ молодой человѣкъ“ только-что прислалъ и ей отдѣльный оттискъ своей брошюры.

Она тотчасъ поблагодарила принца письмомъ, помѣченнымъ 26 ноября 1844 года и хотя не разъ уже появлявшимся въ печати, но почти неизвѣстнымъ публикѣ, тѣмъ болѣе, что оно встрѣчалось по большей части въ изданіяхъ либо спеціальныхъ, либо давно забытыхъ:

„Принцъ! Я должна благодарить васъ за ту лестную память, которой вы почтили меня, приславъ мнѣ, съ нѣсколькими собственноручными словами, которыя драгоцѣнны для меня, вашъ благородный и замѣчательный трудъ объ „Уничтоженіи пауперизма“. Отъ всей души я рада высказать вамъ, съ какимъ серьезнымъ интересомъ я изучала вашъ проектъ. Особенно поражена была я вѣрною оцѣнкою нашихъ бѣдъ и великодушнымъ желаніемъ найти противъ нихъ лекарство. Что касается до того, чтобы какъ слѣдуетъ оцѣнить средства къ его осуществленію, я не въ силахъ сдѣлать того, и къ тому же нѣкоторыми идеями, я убѣждена, вы, въ случаѣ нужды, легко поступитесь. Относительно же примѣненія идей, можетъ быть, надо принимать активное участіе въ этихъ дѣлахъ, чтобы знать, не ошибаетесь ли вы, и роль благороднаго ума состоитъ въ томъ, чтобы совершенствовать свои планы по мѣрѣ исполненія ихъ.

„Но исполненіе—въ какія руки грядущее отдастъ его? Можетъ быть, неприлично и непочтительно поднимать этотъ вопросъ, говоря съ вами, но можетъ быть также, что сильная симпатія даетъ мнѣ на это право. Мы, демократическія души, можетъ быть, предпочитали бы быть покоренными вами болѣе, чѣмъ кѣмъ бы то

[1]) См. письмо Жоржъ-Зандъ къ Луи Блану отъ ноября 1844 („Correspondance“, т. II, стр. 324—327).

ни было; но вѣдь, тѣмъ не менѣе, мы были бы покорены... иные скажутъ: избавлены! Я не знаю, имѣетъ ли ваше несчастье льстецовъ, но знаю, что оно заслуживаетъ имѣть друзей. Повѣрьте, что великодушнымъ сердцамъ требуется болѣе отваги, чтобы говорить вамъ правду нынѣ, чѣмъ то нужно было бы, еслибы вы восторжествовали. Это ужъ наша привычка, насъ, демократовъ, мѣряться съ власть имущими, и это намъ ничего не стóитъ, какова бы ни была опасность; но передъ плѣннымъ героемъ и скованнымъ воиномъ мы не храбры; поставьте же намъ въ нѣкоторую заслугу, вы, который понимаете эти вещи, что мы хотимъ защититься отъ обольщенія, которое производятъ на насъ вашъ характеръ, вашъ умъ и ваше положеніе, и что мы осмѣливаемся говорить вамъ правду, ибо никогда мы не признáемъ иного владыки, кромѣ народа, и власть всѣхъ всегда намъ будетъ казаться несóвмѣстимой съ властью одного человѣка. Нѣтъ никакого чуда, никакого воплощенія народнаго генія въ одномъ! И вы знали это; вы, можетъ быть, знали это, когда шли къ намъ,—а мы, еслибъ ужъ необходимо было намъ быть покоренными, мы бы предпочли всякой другой побѣдѣ—побѣду, похожую на избавленіе. Намъ нужно было бы видѣть васъ въ дѣлахъ, а вы не знали, что люди, долгое время обманываемые и угнетенные, не пробуждаются въ одинъ день довѣрія. Чистота вашихъ намѣреній была бы роковымъ образомъ непонята, и вы не могли бы жить посреди насъ, не поборовшись съ нами и не подчинивъ насъ. Такова непреложность законовъ, которые увлекаютъ Францію къ ея цѣли; вы, нашъ избранникъ, вы были призваны вырвать насъ у тираніи [1]. Увы, вы должны страдать при этой мысли столько же, какъ мы страдаемъ, разсматривая и высказывая ее, ибо вы были достойны родиться въ такія времена, когда ваши рѣдкія качества могли бы составить вашу славу и ваше счастье.

„Но есть слава иная, чѣмъ слава меча, иное могущество, чѣмъ сила фактовъ. Вы знаете это теперь, когда спокойствіе несчастья вернуло вамъ всю вашу мудрость, все ваше природное величіе, и вы мечтаете, какъ говорятъ, лишь о томъ, чтобы быть французскимъ гражданиномъ; эта роль достаточно великая для умѣющаго понять ее; ваши занятія и ваши писанія доказываютъ, что мы имѣли бы въ васъ великаго гражданина, если злоба борьбы могла бы потухнуть, и если царство свободы когда-

[1] Въ корреспонденціи это слово замѣнено словами: *„освободить насъ отъ ординарнаго человѣка, чтобы не сказать хуже“*.

либо вернется и излечитъ людей отъ ихъ подозрительности и недовѣрія. Вы видите, насколько законы войны все еще суровы и неумолимы, вы, который мужественно выступили противъ нихъ и еще мужественнѣе ихъ претерпѣваете. Они кажутся намъ отвратительными болѣе, чѣмъ когда-либо, когда видишь жертвою ихъ человѣка, подобнаго вамъ. Итакъ, въ этомъ ваша новая слава, въ этомъ будетъ ваше истинное величіе. Страшное и великолѣпное имя, которое вы носите, не было бы достаточно, чтобы побѣдить насъ. Мы одновременно и измельчали, и выросли со времени дней дивнаго опьяненія, данныхъ намъ *имъ*; *его* блестящее царствованіе уже не отъ міра сего, и наслѣдникъ его имени, склонясь надъ книгами, трогательно размышляетъ о судьбѣ пролетаріевъ. Да, именно въ этомъ—ваша слава; это здоровая пища, которая не испортитъ святой юностью и высокой прямоты вашей души, какъ это сдѣлало бы, можетъ быть, пользованіе властью, нежелательное вамъ самому. Въ этомъ была бы и сердечная связь между вами и республиканскими сердцами, которыя Франція нынѣ насчитываетъ милліонами.

„Что касается меня лично, я не знаю подозрѣній, и еслибы это зависѣло отъ меня, то, прочитавъ васъ, я бы повѣрила вашимъ обѣщаніямъ, и открыла бы темницу, чтобы вы вышли, и объятія, чтобы принять васъ.

„Но, увы! не утѣшайтесь иллюзіями! Вокругъ меня, всѣ тѣ, которые мечтаютъ о лучшихъ дняхъ, безпокойны и мрачны; вы побѣдите ихъ лишь идеями, добродѣтелью, демократическими чувствами, ученіемъ о равенствѣ. У васъ грустные досуги, но вы умѣете извлекать изъ нихъ пользу.

„Говорите же намъ почаще объ освобожденіи и избавленіи, благородный узникъ! Народъ, какъ и вы, въ оковахъ. Нынѣ Наполеонъ—тотъ, кто олицетворяетъ горе народное, какъ тотъ олицетворялъ его славу. Примите, принцъ, выраженіе моего почтительнаго чувства.—Жоржъ-Зандъ".

Наполеонъ отвѣтилъ на это письмо столь же экспансивнымъ письмомъ, отъ 14 декабря,—и вотъ между ногапской отшельницей и гамскимъ узникомъ завязалась дружеская переписка, касавшаяся главнымъ образомъ принципіальныхъ вопросовъ и злобы дня—политики, — насколько можно судить по сохранившимся письмамъ Наполеона III, относящимся къ 1845 г. (три изъ нихъ напечатаны въ „Фигаро" 1897).

„Фортъ Гамъ, 24 января 1845.

„Милостивая государыня! Повѣрьте, если въ глазахъ публики я дорожу своимъ титуломъ принца, то это только потому, что этотъ

титулъ всегда оспаривался у меня и людьми, и правительствами, которыя смотрятъ на французскую революцію какъ на нѣчто случайное, и на все, что̀ народомъ утверждено съ 1789 по 1815 г., какъ на незаконное. Пока во Франціи будутъ принцы, я не разорву своего метрическаго свидѣтельства, но я съ удовольствіемъ сотру все мое прошлое въ тотъ день, когда страна будетъ признавать однихъ лишь гражданъ.

„Одно выраженіе вашего письма заставляетъ меня опасаться, что вы дурно поняли то чувство, которое одушевляло меня, когда я вамъ писалъ. Вы дѣлаете надъ собою легкое насиліе,—говорите вы. Если я писалъ вамъ съ увлеченіемъ, съ жаромъ, то это было не изъ разсчета привлечь васъ, но изъ энтузіазма. Я выразилъ безъ обиняковъ и безъ всякой задней мысли мою горячую симпатію къ женщинѣ, славной своимъ геніемъ и благородствомъ своей души. Еслибы я видѣлъ въ ней лишь главу партіи, я бы написалъ ей холодно, ледянымъ стилемъ политики.

„Когда бы я былъ настолько счастливъ, что могъ бы повидать васъ, я бы высказалъ вамъ все, что̀ я думаю, все, что̀ я чувствую, и еслибы вы и не одобрили всѣхъ моихъ убѣжденій, —вы, по крайней мѣрѣ, отдали бы справедливость моей искренности. Я хочу свободы, даже власти, но я предпочелъ бы умереть въ тюрьмѣ, чѣмъ быть обязаннымъ своимъ возвышеніемъ лжи. Я не республиканецъ, потому что считаю республику нынѣ, при существованіи монархической Европы и при раздѣленіи партій,— невозможною. Но я отъ всего сердца желаю водворенія какого бы то ни было правительства, которое постаралось бы ввести во Франціи демократическія учрежденія, которое заботилось бы о благосостояніи большинства и которое помогло бы восторжествовать свободѣ, добродѣтели и справедливости.

„Но всякій день также я теряю часть своихъ упованій, такъ какъ съ каждымъ днемъ голова Франціи становится площе, желудокъ ея увеличивается, а сердце съуживается.

„Вы разрѣшите мнѣ всегда называть васъ „madame“. Этотъ титулъ, по-французски, совершенно приличенъ, ибо онъ и нѣженъ, и почтителенъ въ одно и то же время. Онъ и очень демократиченъ, потому что имъ всѣхъ зовутъ, и онъ общій, не будучи вульгарнымъ. Потому-то мнѣ болѣе всего и приличествуетъ употреблять его, когда я пишу вамъ.

„Примите новое выраженіе моей почтительной симпатіи. — Луи Наполеонъ“.

„Фортъ Гамъ, 2 апрѣля 1845.

„М. Г., ваше послѣднее письмо точно говорило мнѣ: „Я все

дала вамъ, что могла, не просите болѣе, у меня есть свои бѣдные". Однако, я еще разъ прихожу попросить у васъ милостыни, такъ какъ знаю, что въ вашемъ сердцѣ неистощимыя богатства, которыми вы можете облегчить всякое бѣдствіе. Что мужчины несправедливы по отношенію ко мнѣ, даже безжалостны, несмотря на мое положеніе,—это меня ничуть не удивляетъ. Мужчины рождены для войны, а война по большей части груба и несправедлива. Но вы, у которой всѣ качества мужчины, безъ его недостатковъ, вы не можете быть несправедливы ко мнѣ, приписывать мнѣ пороки, которыхъ у меня нѣтъ, читать мои произведенія съ чувствомъ прокурора, который старается подыскать поводы для возбужденія процесса за убѣжденія.

„Словомъ, вы не можете осудить меня, потому что тогда вамъ самой пришлось бы и изобрѣсти преступленіе, и присудить къ наказанію. Съ тѣхъ поръ, какъ вы прочли мои писанія, вы не вѣрите болѣе,—говорите вы,—моей любви къ равенству. Я не могу повѣрить, чтобы вы серьезно могли открыть въ сказанномъ мною что-либо, что было бы противнымъ общему принципу равенства. Что я понимаю подъ этимъ словомъ не то же, что вы, это возможно, ибо нѣтъ двухъ людей, которые придавали бы одно и то же значеніе одному и тому же принципу; то, что эти великія слова: „равенство" и „свобода", соединяютъ всѣхъ подъ своимъ знаменемъ, и происходитъ оттого, что всякій толкуетъ ихъ по своему; еслибы они имѣли лишь одно узкое значеніе, они никого не соединяли бы.

„Но разниться въ толкованіи вовсе не значитъ не признавать святости самого догмата. Наоборотъ.

„Если вы соблаговолите быть искренной со мною, то вы сознаетесь, что вы ухватились за этотъ предлогъ, чтобы дать мнѣ отставку. Когда вы были въ провинціи одна со своими мыслями и собственными впечатлѣніями, мой голосъ тронулъ васъ; вы оцѣняли его съ тѣмъ женскимъ чувствомъ, которое никогда не обманываетъ, и вѣрили, что мои слова дышали любовью къ добру и исходили отъ глубокаго убѣжденія; такъ вы и писали мнѣ, и такое доказательство симпатіи съ вашей стороны навѣки останется начертаннымъ въ моемъ сердцѣ. Но вы пріѣхали въ Парижъ, и тамъ вы нашли людей, которые постарались удержать ту руку, которую вы протягивали мнѣ. Они сказали вамъ: „Мы разсѣяны, раздѣлены, намъ угрожаютъ всѣ силы власти, вся тяжесть старыхъ понятій и старыхъ интересовъ, ненависть и зависть всей Европы. Не тамъ опасность,—врагъ не въ Тюльери, а въ Гамѣ. Мы должны сплотиться не противъ соединеннаго могущества ко-

ролей, притѣснителей народовъ и располагающихъ всѣми средствами обширныхъ государствъ, но противъ одного изъ нашихъ братьевъ",—а онъ, заключенный и покинутый всѣми, вмѣсто всякой защиты имѣетъ лишь свое имя и поддержкой—лишь свою совѣсть. И вы, несмотря на ваше доброе сердце, вашъ высокій умъ, вы послѣдовали за общимъ теченіемъ, и, будучи окружены реальными врагами, вы нападаете теперь на призракъ, и призракъ этотъ—я. Вотъ что̀ огорчаетъ меня, какъ человѣка, вотъ о чемъ я сожалѣю, какъ гражданинъ, ибо, повѣрьте мнѣ, союзъ всѣхъ голубыхъ едва будетъ достаточенъ для того, чтобы отразить *чисто-бѣлыхъ* и *грязно-бѣлыхъ*, окружающихъ насъ.

„Тѣмъ не менѣе, я вовсе не хочу заниматься сегодня съ вами политикой; я непремѣнно хочу оправдаться, обвинивъ васъ въ пристрастной партійности. Я очень дорожу уваженіемъ людей, но особенно я дорожу вашимъ уваженіемъ. Я хочу, чтобы вы судили обо мнѣ, каковъ я есть, а не каковымъ меня дѣлаютъ въ вашихъ глазахъ. Наконецъ, я не хочу потерять ту частичку симпатіи, которую вы мнѣ подарили. Я дорожу ею, какъ священникъ дорожитъ лампадой, которая горитъ передъ алтаремъ, какъ дорожатъ талисманомъ, приносящимъ счастье.

„Примите, м. г., мои жалобы благосклонно и вѣрьте моимъ почтительнымъ чувствамъ.—Луи Наполеонъ".

20 іюня 1845.

„М. Г. Пользуюсь случаемъ и предлогомъ, чтобы писать вамъ. Случай—это возвращеніе въ Парижъ г-на и г-жи Корню̀ [1]), двухъ изъ самыхъ старинныхъ моихъ друзей, которые согласились доставить это письмо вамъ; предлогъ же—это посылка предисловія къ труду, которому, къ сожалѣнію, не суждено возбудить вашъ интересъ. Вы были такъ добры ко мнѣ, что не нужно прибѣгать къ предлогу, чтобы написать вамъ. Тѣмъ не менѣе, это мнѣ удобнѣе, и я менѣе боюсь быть назойливымъ. Въ вашемъ послѣднемъ письмѣ была фраза, которая заслуживала цѣлый томъ благодарностей съ моей стороны,—это та, въ которой вы выражаете сожалѣніе, что не можете пріѣхать повидать меня. Я былъ очень тронутъ этимъ сожалѣніемъ, такъ какъ оно указываетъ на желаніе, которымъ я очень горжусь. Но какъ бы то ни было, такъ какъ я не могу приблизиться къ вамъ, то я очень счастливъ, что г-жа Гортензія Корню̀ благоволитъ

[1]) Г-жа Гортензія Корню—молочная сестра и лучшій другъ Наполеона III во дни его несчастія, впослѣдствіи же откровенный критикъ и порицательница его системы, но всегда вѣрная своей сестринской привязанности къ своему названному брату.

передать вамъ выраженіе моихъ чувствъ, ибо это особа, которая всего лучше знаетъ меня, а значитъ, и лучше всего объяснитъ вамъ мои недостатки и достоинства.

„Тѣмъ не менѣе, я ей посовѣтую не слишкомъ уже напирать на мои недостатки. Люди, какъ и картины, должны быть показываемы въ должномъ имъ и хорошемъ свѣтѣ.

„Вы, можетъ быть, найдете, что эти слова доказываютъ нѣкоторое самомнѣніе. Прошу, усмотрите въ нихъ лишь одно желаніе быть оцѣненнымъ вами и заслужить ваше одобреніе и симпатіи, которыя вы мнѣ дарите такъ милостиво.

„Вы предлагаете мнѣ поговорить о философіи. Я не силенъ въ этомъ дѣлѣ теоретически, можетъ быть именно потому, что я ежедневно занимаюсь ею на дѣлѣ. Тѣмъ не менѣе, въ вашемъ послѣднемъ письмѣ есть такое вѣрное выраженіе, что я хочу остановиться на немъ, чтобы объяснить его въ другомъ смыслѣ, чѣмъ вы. „Я взываю, говорите вы, къ знанію границъ"... Въ томъ-то и дѣло, что это и есть истинное практическое знаніе. Очевидно, что я не подразумѣваю подъ этими словами науку о верстовыхъ дорожныхъ столбахъ; ее такъ хорошо примѣняютъ нынѣ на практикѣ, что лучше и требовать нельзя; но я подразумѣваю подъ знаніемъ границъ—искусство, заключающееся въ томъ, чтобы среди пространства проложить себѣ дорогу, опредѣлить то, что̀ до сихъ поръ было неопредѣленно, отмѣтить тотъ переходъ, который отдѣляетъ великое отъ смѣшного, словомъ, дать тѣло и душу тому, что̀ было безжизненно и безсильно.

„Наконецъ, я зову наукой о границахъ не ту науку бога Терминуса, которая въ мелочномъ духѣ самозащиты учитъ насъ окружаться канавами и рвами, но то знаніе пастуха, который оберегаетъ и кормитъ свое стадо, дѣлаетъ плодородной землю, на которой живетъ, а потомъ, какъ только его дѣло окончено на одномъ мѣстѣ, идетъ дальше, раздвигая постепенно границы предъ собою, и даетъ интересный примѣръ порядка въ движеніи, прочности въ прогрессѣ, метода и полезности въ завоеваніяхъ.

„А въ мірѣ нравственномъ, какъ и въ мірѣ политическомъ,—необходимо знать точку, гдѣ кончается свобода и начинается распущенность, гдѣ кончается власть и начинается произволъ; или же изучить, гдѣ мужество переходитъ въ отвагу, нѣжность—въ слабость и любовь къ добру—въ безуміе,—все это, безъ сомнѣнія, составляетъ самый полный курсъ философіи. Итакъ, наука о границахъ есть самое истинное знаніе человѣческаго рода. И по этому-то и я теперь замѣчаю, что моя бумага, какъ и ваше терпѣніе, имѣютъ предѣлы, за которые я не хочу перейти.

„Ограничиваюсь тѣмъ, что вновь приношу вамъ, м. г., увѣренія въ моихъ чувствахъ почтительной симпатіи.—Луи Наполеонъ".

Были ли друзья Жоржъ-Зандъ, о враждебномъ вліяніи которыхъ упоминаетъ молодой принцъ, дѣйствительно правы въ своемъ недовѣріи къ нему, или была права она, принимая за чистую монету увѣренія его въ любви къ народу и въ мечтахъ о благѣ „большинства",—теперь трудно сказать это. Правда, съ одной стороны, coup d'état и послѣдовавшій за нимъ такъ называемый „наполеоновскій режимъ" являются какъ будто категорическимъ отрицаніемъ искренности народолюбивыхъ теорій гамскаго узника, но если судить объ искренности добрыхъ намѣреній различныхъ молодыхъ принцевъ по позднѣйшимъ событіямъ, то тогда придется отрицать чуть не у всѣхъ историческихъ лицъ всѣ добрыя начинанія или идеалистическія стремленія. Но, тѣмъ не менѣе, было бы несправедливо заподозрить искренность нѣсколько утопичныхъ, но несомнѣнно гуманныхъ и демократическихъ теорій автора „Extinction du paupérisme", на основаніи дѣятельности гг. Морнй, Персиньй, Руэра и С°. Республиканскіе друзья Жоржъ-Зандъ судили именно такъ. Жоржъ-Зандъ съ самаго начала говорила правду въ лицо титулованному корреспонденту, критиковала его теоріи, но тѣмъ не менѣе не заподозрила нисколько ни откровенности его, ни того, что основная точка отправленія у него и у ея республиканскихъ друзей была одна и та же: благо большинства, благо народныхъ массъ, провозглашеніе забытаго принципа великой революціи: воли народной, выражаемой всеобщей подачею голосовъ.

Извѣстно, что Жоржъ-Зандъ кореннымъ образомъ расходилась и разошлась съ дѣятелями 1848 г., особенно съ членами временного правительства, когда увидѣла, что для нихъ форма важнѣе существа дѣла, любовь къ парламентаризму—важнѣе любви къ народу, а заботы о партійныхъ интересахъ, объ интересахъ небольшой группы—сильнѣе истинной заботы о счастьѣ, довольствѣ и правахъ громадной народной массы. Для Жоржъ-Зандъ соціализмъ всегда былъ важнѣе политики, а въ политикѣ она, главнымъ образомъ, стремилась къ тому, что̀ считала истинно-демократическимъ режимомъ: право каждаго гражданина высказывать свое мнѣніе, избирать своихъ представителей, т.-е. именно только-что упомянутую всеобщую подачу голосовъ—suffrage universel.

И вотъ, въ первый же разъ, когда французскимъ гражда-

намъ было предоставлено это право—оказалось, что „гласъ народа" произнесъ имя того, съ кѣмъ Жоржъ-Зандъ дружески полемизировала, пока онъ былъ плѣнникомъ Луи-Филиппа, и кто являлся для громаднаго большинства французскаго народа спасителемъ отъ раздиравшихъ Францію внутреннихъ междоусобій. Республиканцы, друзья Жоржъ-Зандъ, удивились. Она же отвѣчала имъ въ статьѣ, озаглавленной „Sur le général Cavaignac" („La Réforme", 22 дек. 1848 г.), появившейся впослѣдствіи отдѣльной брошюрой подъ заглавіемъ: „Le peuple et le Président", и наконецъ, перепечатанной въ собраніи сочиненій, въ томѣ: „Questions politiques et sociales", подъ заглавіемъ: „A propos de l'élection de Louis-Napoléon à la présidence de la République"— слѣдующими словами:

„Что доказываетъ это огромное большинство голосовъ въ пользу той изъ всѣхъ партій, которая менѣе всего представляетъ республику? Въ первую минуту отвѣтъ кажется такимъ: большинство французовъ не-республиканцы; и безъ сомнѣнія реакціонная партія воспользуется этимъ соображеніемъ. А тогда реакція ошибется по существу дѣла: народъ, несмотря ни на что—республиканецъ, и не такъ-то легко, какъ думаютъ, будетъ отнять у него его власть. Народъ не политикъ,—вотъ что̀ надо признать, и чему не надо удивляться... Народъ склоненъ къ соціализму, исходная точка котораго — сознаніе своего права и нужды. Уже давно мы согласны съ тѣмъ, что соціализмъ не можетъ обходиться безъ политики, а политика безъ соціализма. Думать иначе—это хотѣть раздѣлить душу и тѣло, волю и дѣйствіе. Изъ-за того, что она была политическою, а не соціальною, умѣренная республика дошла до того, что народъ остался недоволенъ ею. Изъ-за того, что народъ соціалистиченъ, а не политиченъ, онъ пришелъ къ тому, что затронулъ неосторожнымъ выборомъ самый принципъ своей власти. Немного терпѣнія! Черезъ немного времени народъ будетъ политикомъ и соціалистомъ, и республикѣ придется въ свою очередь быть и тѣмъ, и другимъ. Я мало безпокоюсь о личномъ составѣ правительства, или, по крайней мѣрѣ, гораздо менѣе, чѣмъ о великомъ симптомѣ народнаго мнѣнія. Люди достигаютъ власти и тотчасъ же падаютъ... Это — второстепенныя превратности въ исторіи демократіи. Но исторія отнынѣ измѣнитъ свой характеръ. Она не будетъ болѣе лишь разсказомъ о подвигахъ и дѣяніяхъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ, она будетъ главнымъ образомъ изученіемъ стремленій, впечатлѣній и проявленій массъ. То, что̀ случилось—крупный фактъ, великій урокъ"...

По мнѣнію Жоржъ-Зандъ, ген. Кавеньякъ, въ сущности честный человѣкъ; бывъ лишь орудіемъ въ рукахъ „безсердечнаго собранія" и буржуазіи, онъ поплатился невольно за это: народъ выбралъ Луи-Наполеона „изъ ненависти къ Кавеньяку", какъ высказали Ледрю-Роллену пролетаріи-соціалисты въ большихъ центрахъ.

...„Въ деревняхъ,—говоритъ Жоржъ-Зандъ,—большая масса пролетаріевъ-земледѣльцевъ сдѣлала то же, не отдавая себѣ въ томъ отчета. Они отомстили буржуазной республикѣ, которая обманула ихъ прекрасными обѣщаніями и не нашла иного спасенія, какъ только въ налогѣ на бѣдняковъ... Отвергнувъ любимца собранія, народъ протестовалъ не противъ республики, которая ему нужна, а противъ той республики, какую ему устроило собраніе. Повѣрьте, что великою привлекательностью Луи Бонапарта является то, что онъ ничего не сдѣлалъ еще во время буржуазной республики.

„Обаяніе имени составляетъ кое-что, но крестьянинъ положителенъ даже и тогда, когда онъ романтиченъ. Пусть избранникъ его поразитъ его новымъ налогомъ, и вы увидите, послужитъ ли ему на что-нибудь его имя. Что до насъ касается, мы должны серьезно разсмотрѣть этотъ неожиданный актъ народной власти и не позволять себѣ предаваться отчаянію и безнадежности... Намъ теперь не много надо заниматься политикой, разъ властитель (народъ) хочетъ дѣйствовать одинъ. Но мы обязаны просвѣтить его идеями, чтобы онъ мало-по-малу узналъ, какъ приводить въ исполненіе свои желанія. Что до меня касается, то я не чувствую никакой досады противъ народа, даже когда онъ, повидимому, выноситъ временное рѣшеніе этой революціи, совсѣмъ противоположное моимъ желаніямъ. Изъ всѣхъ людей, изъ всѣхъ политическихъ партій, которыя на моихъ глазахъ смѣнялись въ теченіе сорока лѣтъ, я, сознаюсь, не могла ни къ кому исключительно привязаться; всегда внѣ всякихъ партій стояло сборное и отвлеченное существо—*народъ*, которому одному я могла неограниченно посвятить себя. Такъ пусть же онъ дѣлаетъ глупости,—я сдѣлаю для него въ глубинѣ души то, что̀ политики дѣлаютъ въ своихъ дѣяніяхъ для своей партіи: я беру на себя отвѣтственность за его глупости и приму на себя его ошибки"...

Событія 1849—51 годовъ и печальная роль, которую въ нихъ сыгралъ „избранникъ народа", слишкомъ хорошо извѣстны для того, чтобы здѣсь пересказывать ихъ вновь. Мы остановимся лишь на томъ впечатлѣніи, которое они произвели лично

на Жоржъ-Зандъ. Мы уже знаемъ, что, извѣрившаяся въ республику и во внезапное пришествіе золотого вѣка, и доведенная до унынія разочарованіемъ въ своихъ недавнихъ друзьяхъ, въ торжествѣ *права*, на мѣстѣ котораго воздвиглась пока лишь *сила*,—Жоржъ-Зандъ попыталась забыться въ виду грубой дѣйствительности, усиленно занявшись искусствомъ, погрузившись въ него. Но это были совсѣмъ не „деревенскія повѣсти“, которыя въ этомъ мѣстѣ біографіи Жоржъ-Зандъ обязательно подносятся всѣми критиками и біографами,—мы уже знаемъ, что всѣ онѣ написаны *до* 1849 г. Нѣтъ, это былъ тотъ родъ искусства, въ которомъ она только-что пожала новые лавры, и въ 1848 и въ 1849 г., своими пьесами: „Le roi attend“ и „François le Champi“, представленными въ „Одеонѣ“ 2-го ноября 1849 года. Успѣхъ этихъ пьесъ заставилъ Жоржъ-Зандъ вновь обратиться къ драматическому искусству, которое она совсѣмъ-было оставила послѣ того, какъ первая драма ея, „Козима“, потерпѣла фіаско въ 1840 г.; въ 1850 и 1851 гг. одна за другою появились на сценахъ театровъ „Porte St.-Martin“, „Gaîté“ и „Gymnase“ ея пьесы: „Claudie“, „Molière“, „Mariage de Victorine“. И вотъ, когда въ ноябрѣ 1851 года Жоржъ-Зандъ пріѣхала въ Парижъ, чтобы слѣдить за репетиціями этой послѣдней пьесы, первое представленіе которой состоялось 26 ноября 1851 года, то она была такъ занята репетиціями, актерами, передѣлкою сценъ и первыми представленіями, что событіе 2-го декабря обрушилось для нея почти неожиданно.

Въ числѣ бумагъ, оставшихся послѣ Жоржъ-Зандъ, сохранился пакетъ съ надписью: „Journal de 1851“, въ которомъ, на маленькихъ листочкахъ, Жоржъ-Зандъ заносила свои впечатлѣнія съ 26 ноября по 13 декабря этого года. По нѣкоторымъ даннымъ можно заключить, что все написанное подъ числами: „Среда, 26 ноября“, „Четвергъ, 27“, „Пятница, 28“ и т. д., вплоть до ночи съ 3 на 4 декабря, написано заднимъ числомъ именно этою ночью—со среды 3-го на четвергъ 4-го декабря. О послѣднихъ же дняхъ *до* событія она написала на другой день *послѣ* того, какъ это событіе уже произошло; а потому, почти несомнѣнно, оно отбросило нѣкоторое освѣщеніе на прошедшіе уже дни, или подчеркнуло такія подробности, которыя остались бы неотмѣченными и даже незамѣченными, еслибы дневникъ писался дѣйствительно день за день: 26, 27, и т. д. Есть также нѣкоторое основаніе предположить, что Жоржъ-Зандъ не безъ „задней“ мысли отмѣчаетъ свою болѣзнь, а также и то, что еще 30-го она „была у Клотильды, у m-me Бургоенъ и не

помню еще у кого", вѣроятно у своей кузины m-me Виллетаръ, мужъ которой служилъ въ министерствѣ изящныхъ искусствъ и повидимому своими связями вскорѣ не мало помогъ Жоржъ-Зандъ, и у той самой m-me Бургоенъ, черезъ которую Жоржъ-Зандъ еще въ 1835 году познакомилась съ всесильнымъ, при только-что водворившемся режимѣ г. де-Персиньи. Этими, какъ бы незначащими, строками Жоржъ-Зандъ однимъ говоритъ: „вотъ кто мои хорошіе знакомые; значитъ, я была всегда въ близкихъ сношеніяхъ съ лицами, принадлежащими къ партіи Елисейскаго дворца"; а другимъ: „если я впослѣдствіи обратилась за протекціей для друзей-республиканцевъ къ этимъ лицамъ, то только потому, что и *до* торжества ихъ партіи они были моими добрыми знакомыми". Такія и нѣкоторыя другія подробности заставляютъ предполагать нѣкоторую мысль, руководившую писательницей при составленіи и сохраненіи этого дневника, внезапно начинающагося за недѣлю до событія и прерывающагося черезъ 10 дней послѣ того. Но, какъ бы то ни было, этотъ дневникъ чрезвычайно интересенъ, такъ какъ въ немъ, какъ въ зеркалѣ, отразились настроенія Жоржъ-Зандъ за эти двѣ съ половиной недѣли: сначала полная беззаботность, потомъ недоумѣніе, затѣмъ смутная тревога, отчаяніе—и мрачная покорность судьбѣ. Мы приводимъ этотъ дневникъ частью подлинными словами Жоржъ-Зандъ, частью лишь передаемъ вкратцѣ содержаніе этихъ страницъ.

„*Среда, 26 ноября.* — Первое представленіе „Викторины". Успѣхъ. Я была очень спокойна и равнодушна. Судила о пьесѣ по-своему, изъ ложи Монваля. Была у Розы Шери [1]). Анна стала на колѣни передо мною"...

Она отмѣчаетъ затѣмъ, кого она видѣла въ своей ложѣ въ этотъ вечеръ.

„*Четвергъ, 27.* Я ѣздила къ Нини... [2]) Покупки. Второе представленіе „Викторины" въ бенуарѣ противъ сцены. Боль въ печени. Видѣла Понсара и Гетцеля" [3]).

„*Пятница, 28.*—Очень плохая ночь. Ѣздила къ Соланжъ

---

[1]) Роза Шери играла ingénues въ „Gymnase". Въ „Викторинѣ" она исполняла главную роль.

[2]) Маленькая дочь Соланжъ (Соланжъ—дочь Ж.-З.), вслѣдствіе несогласій между родителями, окончившихся вскорѣ разводомъ, была отдана въ пансіонъ, гдѣ она, спустя немного времени, и умерла. Жоржъ-Зандъ обожала свою внучку.

[3]) Понсаръ—извѣстный драматическій писатель и поэтъ. Жюль Гетцель—писавшій подъ псевдонимомъ *Сталя*, издатель, пріятель Жоржъ-Зандъ, республиканецъ, вскорѣ долженъ былъ бѣжать въ Бельгію, одновременно съ другими противниками наполеоновскаго режима.

и гр. д'Орсэ. Обѣдъ у Полины. Оттуда въ „Gymnase". Полный успѣхъ.

„*Суббота, 29.*—Вечеромъ ходила смотрѣть „Миньону" въ „Варьетэ" и „Hortense de Cerney" въ „Водевилѣ".

„*Воскресенье, 30.*—Была у Клотильды, у m-me Бургоенъ и еще не помню, у кого. Играла въ домино у камина съ Мансо.

„*Понедѣльникъ, 1 декабря.* — Дѣлала покупки съ Мансо. Была у г. Шеннарда. Этотъ превосходный человѣкъ добродушно умираетъ въ своемъ креслѣ. Онъ уходитъ съ чисто англійскимъ приличіемъ... Завтракала одна съ Биньгѐ (Эм. Араго), который шутя сказалъ: „Если президентъ не сдѣлаетъ вскорѣ coup d'état, то, значитъ, онъ ничего не смыслитъ" (il n'entend pas son affaire). Была у Делакруа. Вечеромъ была въ циркѣ съ Соланжъ и Мансо, смотрѣли „Четыре страны свѣта"... Я довезла до дому свою дочь, въ улицу Вертъ, № 26. Проѣзжая мимо Елисейскаго дворца, Соланжъ (по поводу ковровъ) спросила: „Развѣ уже завтра его объявятъ императоромъ?" Было 1 часъ ночи. Во дворцѣ все было тихо и темно. Мы возвратились, я и Мансо, по аллеѣ Марбежъ, за садомъ Елисейскаго дворца. Та же темнота, то же молчаніе, та же пустынность. „Еще не завтра",—сказала я, смѣясь, и такъ какъ я устала, то крѣпко спала всю ночь".

„*Вторникъ, 2 декабря.*—При моемъ пробужденіи я ничего не поняла. Поняла лишь при чтеніи... За завтракомъ видѣла папашу Эженя. Онъ былъ очень взволнованъ и плакалъ; потомъ Рошери, который тоже не много болѣе моего понималъ. Потомъ была у Lovely (жена Эм. Араго). Она была болѣе взволнована, чѣмъ я. У нея была m-me Карно. Въ теченіе дня стали доходить разные слухи о томъ и другомъ... Всѣ газеты захвачены. Лишь двѣ увѣряютъ, что все обстоитъ благополучно.

„Была у своей портнихи. Обѣдъ у Томà. Потомъ въ театрѣ „Gymnase". На бульварахъ толпа, а вездѣ тишина. Говорятъ, что Наполеонъ гуляетъ пѣшкомъ, и народъ, а не войско привѣтствовало его криками. Объ этомъ,—прибавляетъ Жоржъ-Зандъ,—никогда не узнаютъ правды, ибо ни одна газета не смѣетъ сказать, что̀ и какъ кто видѣлъ. Въ „Gymnase" было всего 300 чел. Роза Шери плачетъ объ успѣхѣ, потонувшемъ среди событій. Она играла передъ пустыми креслами".

Въ теченіе 1 акта Жоржъ-Зандъ бесѣдовала съ Бокажемъ. „Онъ испуганъ теперь, а наканунѣ онъ желалъ событій... Онъ ненавидитъ народъ и соціалистовъ". Но Жоржъ-Зандъ съ нимъ не спорила, а лишь наблюдала за нимъ, такъ какъ, по ея сло-

вамъ, она теперь совершенно измѣнила свой способъ говорить съ людьми: „Я запретила себѣ споръ и предписала вниманіе и наблюденіе. Теперь болѣе не слѣдуетъ поучать, не предвидя; надо знать, надо понимать. Надо видѣть фактъ, изучать реальныхъ людей и не стѣснять ихъ систематическимъ противорѣчіемъ. Иначе судишь о нихъ вкривь и вкось, или же говоришь отвлеченностями. Я теперь такъ владѣю собою, что ничто болѣе не возмущаетъ меня. Я смотрю на духъ реакціи какъ на слѣпую судьбу, которую надо побѣдить временемъ и терпѣніемъ. О, люди, вы будете ломать, но не обратите въ свои убѣжденія, до тѣхъ поръ, пока страсть будетъ говорить, не слушая"...

Слова чрезвычайно знаменательныя и доказывающія, что уроки исторіи не прошли даромъ для Жоржъ-Зандъ, и что она изъ недавно еще такой наивной и прямолинейной утопистки, по-дѣтски односторонней и по-дѣтски же нетерпимой проповѣдницы—выросла въ объективную, разносторонне-понимающую и критически тонкую наблюдательницу.

Бокажъ, по словамъ ея, предсказывалъ, что если Наполеону не удастся, то „ужъ ничего не будетъ, кромѣ la rouge", т.-е. отчаянной коммуны, и закончилъ возгласомъ: „Soyez cléments"— „Будьте милосердны".

И въ то время, когда они такъ бесѣдовали съ Бокажемъ, вдругъ на улицѣ послышался шумъ и гвалтъ. Когда она возвращалась домой, было, однако, все спокойно.

Вернувшись, она сѣла читать „Исторію Италіи" Кино.

„Это прекрасно, но какъ плохо читается, когда все время прислушиваешься къ страннымъ и зловѣщимъ ночнымъ звукамъ. Ничего! Мертвая тишина, тишина слабоумія или страха. Ты не двигаешься, старый Жакъ?! Ты правъ. Твой часъ не пришелъ. Вотъ ты упалъ, упалъ такъ низко, какъ только возможно. Теперь время подумать о твоемъ будущемъ, которое все въ этомъ словѣ: „Будь милосердъ".

„*Среда, 3 декабря.*—Вотъ я, какъ и вчера, въ ночь съ 3 на 4, у своего камина. Чѣмъ же я это заслужила? Потому ли это, что я много работала? А всѣ тѣ, кто работаетъ въ холодѣ и нищетѣ, въ слезахъ?"

Она припоминаетъ, какъ провела весь день: завтракала у Тома. „Говорятъ о схваткѣ въ предмѣстьѣ Сентъ-Антуанъ. Какіе-то тревожные слухи ходятъ. Дядя Поля зашелъ ко мнѣ съ Понсаромъ. Не знаю, что сказать о второмъ. Съ февраля онъ мнѣ кажется человѣкомъ формы безъ содержанія. Первый угнетенъ болѣзнью и горемъ. Онъ самъ не свой сегодня.

Потомъ была у Софи, которая ничего не знаетъ о своемъ мужѣ со вчерашняго дня. Потомъ у Изоры, тоже безпокоящейся о своихъ, хотя она и знаетъ, гдѣ они. Потомъ—у Полины, которая спокойна, какъ геній"... „Очень грустно,—замѣчаетъ Жоржъ-Зандъ,—что не знаешь, гдѣ увидишь друзей, и не смѣешь даже спросить ихъ женъ, гдѣ они. Напр., о Биксіо говорятъ, что онъ самъ отдался въ плѣнъ, послѣ того, какъ его выпустили. Жена сама его уговаривала; она тверда, какъ скала. Софи взволнована, но мужественна усиліемъ воли. Лёвли (Араго) показалась мнѣ слабой, но покорной. Изора труслива и безсердечна. Полинѣ нечего бояться за себя, ни за всѣхъ окружающихъ ее. Въ опасности она была бы безстрашна. Но въ ней глубокій эгоизмъ высочайшаго артиста, эгоизмъ безобидный и смѣлый, который окажетъ, не колеблясь, помощь и покровительство, эгоизмъ законный и все-таки странный, который печется о своей охранѣ со спокойной и ревнивой заботой. Такъ, напр., сегодня она была невидима для мужчинъ и принимала лишь женщинъ. „Почему?"—спросила я ее. „Потому что женщины ничего не знаютъ и приходятъ сюда съ тупыми и подлыми страхами. Ну, а это мнѣ все равно. Мужчины приносятъ ложныя извѣстія и осыпаютъ меня вопросами. Это меня даромъ только утомляетъ и волнуетъ. Черезъ часъ я узнаю, что они сами не знаютъ, что̀ говорятъ, и что я страдала понапрасну. Ну, а я хочу охранить себя отъ страданій, никому не нужныхъ".

Жоржъ-Зандъ удивляется предъ этимъ инстинктомъ самосохраненія *звѣзды* и прибавляетъ съ горечью: „А я растеряла свой жаръ, ибо не умѣла уберечь себя отъ ненужныхъ страданій".

Уѣзжая съ Мансо, она увидѣла и Луи Віардо, и опять услыхала неопредѣленно-тревожные слухи о Бедо и о многихъ другихъ, — словомъ, именно тѣ волнующія и недостовѣрныя извѣстія, которыхъ боялась Полина Віардо. „О, дни ужаса и тревоги, сколько вы продлитесь!"—восклицаетъ она, очевидно уже вполнѣ подавленная въ тотъ день трагической, мрачной неизвѣстностью, проникавшей всю атмосферу.

„Обѣдала у Тома̀ съ Мансо и Соланжъ, которая черезъ все проходитъ съ безпечностью холоднаго сердца и живого ума... Созданіе сильное, но неполное... Опять слухи о томъ, что у Бастиліи происходятъ схватки. Потомъ видѣла Делакруа. Онъ ничего не знаетъ и смѣется.

„Ему все—все равно. Счастливые художники! Они, какъ дѣти, не понимаютъ. Ходила встрѣчать Мориса. Онъ не пріѣхалъ. Были у Бастиліи. Тамъ все тихо, какъ и вездѣ. Соланжъ уѣхала

домой въ своей каретѣ. Лебланъ прислалъ въ 10 час. сказать мнѣ, что борьба начинается. Онъ видѣлъ убитыхъ старика и женщину въ rue St. Nicolas... Сегодня недовольство и ужасъ смѣнили сомнѣніе и столбнякъ. День близокъ. Что-то онъ освѣтитъ?! О, старый Жакъ, не шевелись! Время твое не пришло!

„*Четвергъ, 4-го декабря.* Ни Морисъ, ни Ламберъ не могутъ уѣхать. Письмо ничего не объясняетъ". Она боится. А Мансо ее уговариваетъ уѣхать, и она обѣщаетъ ему, хотя уѣхать трудно, такъ какъ каретамъ, какъ говорятъ, запрещено ѣздить, а пѣшкомъ идти до вокзала она не въ силахъ. Но Майеръ пріѣхалъ подъ ея окно, какъ и всегда, и говоритъ, что повезетъ ее *куда угодно.*—„Куда? Всѣ мои друзья спрятаны или странствуютъ, и я не знаю, есть ли хоть одинъ, который могъ бы дѣйствовать, какъ я ему посовѣтовала бы. Все-таки видѣли во время завтрака отца Евгеніи... Опять ходятъ слухи всевозможные... Я имъ всѣмъ не пишу, ибо каждую минуту можно ждать ареста или обыска, и боишься компрометтировать кого-нибудь, да и ничего точнаго неизвѣстно.

„Ужасный декретъ ген. Сентъ-Арно. А все-таки народъ спокоенъ, если у меня свѣдѣнія вѣрныя. Попытки построить баррикады сдѣланы „филантропами" 1848 г... А вездѣ просто безцѣльныя сборища. Послала Майера за чемоданомъ къ одному живописцу, товарищу Мориса). Не шпіонъ ли Майеръ? Я ему подала руку, чтобы поблагодарить за услугу, а онъ тотчасъ спросилъ меня, въ Парижѣ ли Л(едрю) Р(олленъ). Надо всѣхъ опасаться въ эти тяжелыя времена. Подъ окно пріѣхалъ отрядъ, охранять лавку оружейника. Они имѣютъ право насъ убить. Въ 3 часа уѣзжаемъ. Мансо идетъ за мыломъ. Лавки закрываютъ. Лебланъ сводитъ мои счеты. Я укладываюсь. Мансо возвращается. На улицахъ волненіе. Выстрѣлы. Видѣли баррикады въ улицѣ Сенъ-Мартена. Проходятъ войска. Имъ народъ кричитъ: „Да здравствуетъ армія, да падетъ тиранъ". Офицеръ командуетъ: —Portez armes!"

Майеръ возвращается. Жоржъ-Зандъ съ нимъ расплачивается, чтобы онъ могъ уѣхать. Черезъ часъ онъ исчезаетъ. Кто его услалъ? Мансо не пускаетъ Жоржъ-Зандъ подходить къ окну, такъ какъ все зависитъ отъ прихоти перваго попавшагося жандарма.

„*5 часовъ.* Опять войска. Проходятъ разные прохожіе, и всякій по своему судитъ о событіяхъ. Потомъ тишина. Лебланъ нашелъ карету, соглашающуюся ѣхать. Приходитъ ко мнѣ Соланжъ. Маленькую Нини оставили у Тома̀. Это капитанъ д'А. любезно

предупредилъ Соланжъ, что я уѣзжаю, и сказалъ ей отъ моего имени, чтобъ она поскорѣе пришла, если хочетъ уѣхать со мною. Она добралась съ мужемъ, дѣвочкой и сундукомъ до Тома̀, а далѣе кучеръ отказался ѣхать хоть за 1.000 фр. Мы возьмемъ Нини". Прощаются съ Тома̀ и уѣзжаютъ на желѣзную дорогу.

Жоржъ-Зандъ говоритъ, что еслибы была мужчиной, то осталась бы, но женщина обязана защищать своихъ дѣтей. Да и не пришло еще время ни ея, ни стараго Жака.... Съ горемъ и отчаяніемъ она прощается съ Парижемъ.

Она обѣдаетъ съ Соланжъ въ „Arc-en-ciel", мѣстномъ кабачкѣ. „Говорятъ, что будто бы произошло сраженіе. Спросить у когонибудь, правда ли это—боятся; вездѣ шпіоны". На дебаркадерѣ смѣются, но уѣзжаютъ съ отчаяніемъ. „Вездѣ на станціи солдаты. Но паспортовъ у насъ не спрашиваютъ; значитъ ли это, что за нами слѣдятъ невидимые шпіоны, или же радуются, что всѣ, кто хочетъ удалиться отъ очага борьбы, уѣзжаютъ".

Затѣмъ Жоржъ-Зандъ описываетъ дорогу: мало-по-малу, по мѣрѣ удаленія отъ Парижа, обыватели ничего не знаютъ о событіяхъ въ Парижѣ. Проѣзжаютъ Орлеанъ, Віерзонъ, Иссуденъ, Шатору̀. Въ Шатору̀ видѣли брата Роллина—священника.

„*5-го декабря рано утромъ.* Пріѣзжаемъ въ Ноганъ, разбитыя и окоченѣлыя. Находимъ Мориса и Ламбера живыми и здоровыми и успокоиваемся. Край спокоенъ. Подавленность (compression) полагается по росписанію. Префекты потомъ разойдутся во всю, но пока дѣйствуютъ еще довольно робко. Можетъ быть, coup d'état не удался! Еще не настало время имъ говорить во весь голосъ. Оно придетъ. Терпѣніе!"

„*Суббота, 6-го декабря.* Мрачное спокойствіе... никакихъ извѣстій. Газета „Pays", кажется, уже болѣе не выходитъ. Лебланъ пишетъ, что въ четвергъ была серьезная стычка. Говорятъ, что много убитыхъ. Л. и съ нимъ еще 20 лицъ въ Иссудёнѣ арестованы, какъ говорятъ, за то, что не пускали рабочихъ идти въ виноградники. Одна женщина изъ Иссудёна, которую я видѣла сегодня, видѣла, какъ онъ проѣзжалъ въ каретѣ между двухъ жандармовъ, державшихъ пистолеты. Говорятъ, что ихъ высылаютъ изъ страны. Боятся, убиваютъ, насилуютъ, забираютъ, угрожаютъ. Провела день, убирая все въ своей комнатѣ, и сводила счеты. Стараемся не падать духомъ, такъ какъ не слѣдуетъ, и стараемся подвинтить Мориса. Писала друзьямъ и стараемся стороною узнать обо всѣхъ. Лунная ночь. Холодно. Деревенская тишина. Даже не вѣрится, что гдѣ-то буря.

„*7-го и 8-го декабря.* Нѣтъ извѣстій отъ моихъ друзей. Рус-

скіе порядки введены, и спокойствіе царствуетъ въ Парижѣ, какъ въ Варшавѣ. Газета „La Patrie“ издается на жаргонѣ городовыхъ“... Жоржъ-Зандъ не вѣритъ болѣе въ братство арміи и народа послѣ „іюньскихъ дней“, говоритъ затѣмъ о враждѣ буржуазіи къ народу и прибавляетъ, что въ сущности эта буржуазія и народъ должны были бы дѣйствовать за-одно противъ общаго врага.

„*13-го декабря.* Нигдѣ нѣтъ болѣе жизни при такомъ террорѣ. Это невыносимо въ XIX-мъ вѣкѣ... Еще чувствительнѣе отсутствіе свободы печати. „Pays“ выходитъ, но все, что̀ она говоритъ намъ въ утѣшеніе, жалостливо и фальшиво. „Presse“ выходитъ безъ Жирардена. Газета осиротѣла безъ него. Онъ ушелъ по убѣжденію; хотя оно часто мѣняется, но всегда искренно,—про него говорятъ, что онъ „безъ принциповъ“, между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ какъ разъ обратное“.

Въ это самое время случилось то, чего Жоржъ-Зандъ такъ опасалась: „Жакъ поднялся въ провинціи; буржуазія и армія его давятъ“.

По этому поводу она распространяется о значеніи для нея имени—Жакъ: „Жакъ-Бономъ“—„Жакъ Шекспира“, что̀ называется „Жакеріей“ реакціонными газетами. Красный флагъ будетъ не всегда, а „вернутся когда-либо и къ старому французскому знамени, когда пройдутъ бури“... „Даже Наполеонъ III могъ бы отвратить все это, несмотря на свой проступокъ, но онъ—такая же жертва своей судьбы, какъ и Наполеонъ I, который погибъ гибелью парвеню,—самой худшей изъ судебъ“.

Въ это время, гроза, пронесшаяся надъ Франціей, поразила и большинство беррійскихъ и парижскихъ друзей Жоржъ-Зандъ. Чуть не ежедневно до нея стали доходить слухи объ арестахъ, высылкахъ, заключеніи въ тюрьму или въ крѣпость то одного, то другого изъ близкихъ ей или знакомыхъ лицъ. Адвокаты, нотаріусы, доктора̀ и типографы, винодѣлы и фермеры, ремесленники и депутаты, философы и полубезграмотные рабочіе и даже патеры—искупали такъ или иначе свою принадлежность къ побѣжденной партіи. Паника и уныніе господствовали во всѣхъ почти дружескихъ Жоржъ-Зандъ семьяхъ: кюре Ліотаръ, Флёри и Франкёръ скрывались; Леберъ, Люкъ, Дезажъ и г-жа Роланъ были приговорены къ ссылкѣ въ Африку или Кайену; Окантъ, Перигуа, Фульберъ Мартенъ, Александръ Ламберъ, Люмѐ заключены въ тюрьму; Шарлю Леру и Греппо—грозила высылка, Дюффаресъ, Бори, Гетцель, Пьеръ Леру, Луи Бланъ, Бакунинъ, Ледрю-Ролленъ, Мюллеръ—высланы или сами бѣжали кто въ

Англію, кто въ Бельгію. Потомъ до нея стали доходить слухи о томъ, что и самой ей грозитъ заключеніе въ тюрьму, высылка за границу, ссылка въ Кайену или даже смертная казнь, за ея участіе въ событіяхъ 1848 г. и сношеніяхъ съ радикалами. Вотъ что̀ она пишетъ своему родственнику, гр. де-Вильнёву, объ участи котораго она очень безпокоилась въ 1848 г., и который тогда полагалъ, что она чуть ли не состоитъ на жалованьи у временного правительства и получаетъ золотыя горы, а теперь, въ свою очередь, опасался, какъ бы Жоржъ-Зандъ не пропутешествовала въ Кайену или Ламбессу вмѣстѣ со своими единомышленниками:

„Меня могутъ увезти и выслать. Я не хочу бѣжать, дабы не возбудить несправедливыхъ подозрѣній. За эти три года, я могу поклясться предъ Богомъ, что, не отказываясь отъ своей утопіи, которая, что̀ вы знаете, вполнѣ христіанская и кроткая, какъ мои всѣ наклонности, я пальцемъ о палецъ не ударила противъ оффиціальнаго міра. Я все время проводила въ занятіяхъ искусствомъ и въ стараніяхъ вернуть на путь разума, терпѣнія и кротости тѣ экзальтированные умы, съ которыми встрѣчалась. Тѣхъ, кого я обратила,—караютъ и убиваютъ, и мнѣ самой, которую многіе обзывали умѣренной и аристократкой, мнѣ тоже угрожаютъ и притѣсняютъ меня. Я ни на что̀ не жалуюсь, я грущу, но не злюсь; все это для меня—воля Божія, и я принимаю на себя всѣ послѣдствія оказаннаго мною мужества“...

Въ другомъ письмѣ она опять ему пишетъ:

...„Я не была въ сношеніяхъ съ принцемъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ убѣжалъ изъ Гама. Ему болѣе не нужны были мои письма для развлеченія и утѣшенія. Чѣмъ болѣе онъ становился богатымъ и могущественнымъ лицомъ, тѣмъ болѣе я отъ него отдалялась, но я не нападала на него, не поносила его. Когда меня просили напечатать его письма,—которыя доказали бы нѣкоторую перемѣну въ его обращеніи съ людьми,—я сожгла ихъ [1]). Я не хочу ни протекцій, ни мѣстъ для своихъ, и сынъ мой, который ничего не хотѣлъ получить отъ республики, нынѣ хочетъ лишь одного: чтобъ ему оставили его мать. Итакъ, я написала принцу, прося его объ аудіенціи, во время которой я ему изложу

[1]) Позволительно усомниться въ точности этого послѣдняго показанія, такъ какъ мы знаемъ, что совершенно то же самое Жоржъ-Зандъ отвѣтила Полю Мюссе, когда онъ долженъ былъ пріѣхать за письмами брата и не пріѣхалъ, а впослѣдствіи оказалось, что письма не сожжены. Dayot, напечатавшій три вышеприведенныя письма Наполеона къ Жоржъ-Зандъ, прямо говоритъ, что эта корреспонденція современемъ будетъ напечатана.

свой образъ дѣйствій и спрошу его откровенно, хочетъ ли онъ меня изгнать. Если это будетъ высылка — это моя смерть. Я опасно больна печенью, и не вынесу переѣзда моремъ... Если меня приговорятъ къ смерти,—меня, самое безобидное существо на свѣтѣ по своимъ словамъ, мыслямъ и дѣламъ, меня, которая всегда воевала лишь съ идеями,—меня, которая всевозможныя услуги оказывала своимъ политическимъ недругамъ,—я покорюсь и научу своихъ дѣтей мужеству"...

Вскорѣ Жоржъ-Зандъ убѣдилась что ей лично ничто не грозитъ, но кругомъ нея было столько горя, она видѣла и слышала ежедневно разсказы о столькихъ несчастіяхъ, о такихъ несправедливостяхъ, преслѣдованіяхъ и жестокостяхъ, что не могла довольствоваться собственною безопасностью и спокойно сидѣть въ Ноганѣ. 31-го декабря, она написала Персиньи, съ цѣлью заступиться за мэра своей общины, г. Олара, а затѣмъ, заручившись оффиціальнымъ разрѣшеніемъ пріѣхать въ Парижъ, сама отправилась туда въ двадцатыхъ числахъ января.

Вотъ письмо ея отъ 22-го января къ Дюверне:

„Я ѣду въ Парижъ, убѣдившись въ тѣхъ намѣреніяхъ, которыя могутъ имѣться на мой счетъ. Они успокоительны; мнѣ даже прислали пропускъ, подписанный Мопà. Я тебѣ не напишу о главной цѣли моего путешествія; я тебѣ о ней скажу, если увижу тебя до того или по возвращеніи. Но ты можешь ее угадать. Если мнѣ не удастся, то я ничего и не испорчу, и исполню за свой страхъ и совѣсть свой долгъ. Я въ затрудненіи и безпокойствѣ относительно акціи въ 6.000 франковъ".

Далѣе Жоржъ-Зандъ говоритъ о разныхъ комбинаціяхъ, къ которымъ слѣдуетъ прибѣгнуть,—если ее вышлютъ, или если ей придется для своихъ „переговоровъ" долго пробыть въ Парижѣ,—для того чтобы удовлетворить ссудившаго ей эту сумму тестя Дюверне. А занимала она эту сумму, какъ явствуетъ изъ сохранившихся въ бумагахъ Жоржъ-Зандъ писемъ къ ней политическихъ изгнанниковъ изъ Брюсселя,—съ цѣлью помочь этими деньгами имъ и главнымъ образомъ Флери и его семьѣ.

Цѣлью ея поѣздки въ Парижъ, о которой Дюверне слѣдовало догадаться, было не только желаніе узнать, грозитъ ли ей что-нибудь за ея сношенія съ республиканцами, — какъ она о томъ пишетъ Вильневу, — но также, и даже всего болѣе, желаніе попытаться повидать своего бывшаго гамскаго корреспондента, и если не *остановить* его на томъ пути, на который толкали его разные приспѣшники въ родѣ „Эженя Ругона", спѣшившіе удить рыбу въ мутной водѣ и сдѣлать свою карьеру,—

то хоть удержать его отъ *мщенія* всѣмъ противившимся его диктатурѣ.

„Я не знала,—пишетъ она своему кузену де Вильневу,—какъ принцъ отнесется ко мнѣ, въ какомъ настроеніи я его найду. Я рѣшилась прямо и откровенно написать ему. Онъ мнѣ отвѣтилъ по городской почтѣ собственноручно, и вчера я отправилась къ нему. Онъ протянулъ мнѣ обѣ руки и выслушалъ съ большимъ волненіемъ и симпатіей все, что я ему разсказала, о всѣхъ тѣхъ личныхъ мщеніяхъ, для которыхъ его политика служитъ предлогомъ въ моей провинціи. Онъ просилъ меня, чтобы я его просила обо всемъ, чего я хочу для моихъ друзей, бывшихъ жертвами этихъ несправедливостей; онъ выразилъ величайшее уваженіе къ моему характеру, хотя я ему и сказала, что я все та же республиканка, какую онъ зналъ прежде, и что я никогда не измѣнюсь. Я не хотѣла надоѣдать ему подробностями; я просто ходатайствовала у него объ амнистіи. Послѣ этого я отправилась къ министру внутреннихъ дѣлъ, котораго я нѣкогда принимала у себя, когда онъ участвовалъ въ заговорахъ въ пользу принца. Я была также точно принята и добилась освобожденія нѣсколькихъ изъ моихъ друзей, въ ожиданіи лучшаго. Вы видите, что я не была ни безумной, ни преступной, когда хотѣла оградить себя, чтобы спасти другихъ, и что вовсе не нужно сотворить подлость, отрекшись отъ своихъ убѣжденій, для того, чтобы умные люди отнеслись къ вамъ съ уваженіемъ. Министръ сказалъ мнѣ, что мой префектъ—*скотина и животное*"...

Отправляясь на это первое свиданіе съ Наполеономъ, боясь, что на словахъ и отъ волненія она будетъ недостаточно убѣдительной и что-нибудь забудетъ сказать, Жоржъ-Зандъ заранѣе написала письмо и немедленно вслѣдъ за аудіенціей послала его, желая еще сильнѣе своимъ краснорѣчивымъ перомъ „пробудить добрыя чувства" въ томъ, кто и тогда казался ей избранникомъ рока, позже—чуть ли не жертвой обстоятельствъ, но во всякомъ случаѣ далеко не тѣмъ мелодраматическимъ злодѣемъ въ черномъ плащѣ, какимъ его представляли окружавшіе Жоржъ-Зандъ республиканскіе трибуны. Письмо это напечатано въ III-мъ томѣ „Корреспонденціи":

„Принцъ! Я просила васъ объ аудіенціи, но такъ какъ вы обременены великими трудами и громадными интересами, то я имѣю мало надежды на то, что моя просьба будетъ исполнена. Да даже еслибы такъ и было, то моя природная робость, мои физическія страданія и страхъ надоѣсть вамъ вѣроятно не по-

зволили бы мнѣ свободно высказать вамъ, что заставило меня оставить мое убѣжище и мое страдальческое ложе.

„Итакъ я запасаюсь письмомъ; если у меня не хватитъ смѣлости и голоса, то я буду умолять васъ хоть прочесть мои просьбы и мое прощаніе.

„Я не г-жа Сталь. У меня нѣтъ ни ея генія, ни честолюбія, съ которыми она боролась противъ соединенныхъ силъ генія и могущества. Въ идущемъ къ вамъ на встрѣчу сердцѣ моемъ, болѣе робкомъ и болѣе разбитомъ, нѣтъ ни преднамѣренности, ни жестокости, ни скрытой враждебности, ибо если бы и было что-либо подобное, то я добровольно изгнала бы себя изъ вашей близости и не умоляла бы васъ выслушать меня. И тѣмъ не менѣе я пришла къ вамъ съ цѣлью сдѣлать шагъ, очень смѣлый съ моей стороны, но я дѣлаю его съ чувствомъ такого полнаго самоотреченія, что если вы и не будете тронуты, вы все-таки не будете, можетъ быть, и оскорблены этимъ. Вы знали меня гордою моей совѣстью и самосознаніемъ,—никогда не гордилась я ничѣмъ инымъ; но теперь моя совѣсть велитъ мнѣ смириться, и если бы надо было мнѣ взять на себя всѣ униженія, всѣ мученія, я бы сдѣлала это съ радостью, увѣренная, что не потеряю вашего уваженія изъ-за этого женскаго самопожертвованія, которое мужчины всегда поймутъ и никогда не станутъ презирать.

„Принцъ, семья моя разсѣяна и развѣяна на всѣ четыре стороны. Друзья моего дѣтства и старости, всѣ бывшіе моими братьями и пріемными дѣтьми, либо въ тюрьмахъ, либо въ изгнаніи; ваша строгость обрушилась на всѣхъ, кто самъ принялъ, кто согласился принять и кто несетъ прозвище республиканцевъ-соціалистовъ.

„Принцъ, вы слишкомъ хорошо знаете, какъ я уважаю общепринятыя приличія (les convenances humaines), чтобы опасаться, что я теперь, предъ вами, являюсь защитникомъ соціализма такого, какъ его толкуютъ съ извѣстныхъ точекъ зрѣнія...

„Я васъ всегда считала за соціалистическаго генія, и 2-го декабря, послѣ минутнаго оцѣпенѣнія, при видѣ этого послѣдняго клочка республиканскаго общества, попираемаго ногами побѣды, моимъ первымъ возгласомъ было: „О, Барбесъ, вотъ владычество всеоправдывающей цѣли! Я не соглашалась признать его даже изъ твоихъ суровыхъ устъ; но вотъ Богъ поддерживаетъ твое мнѣніе и предписываетъ это владычество Франціи, какъ послѣднюю надежду на спасеніе, среди смѣшенія понятій и всеобщей духовной порчи. Я не чувствую себя въ силахъ сдѣлаться

провозгласительницей его, но я такъ преисполнена святого довѣрія, что считала бы преступленіемъ, если бы среди этого всеобщаго привѣтственнаго клика прокричала упрекъ небу, націи, тому человѣку, котораго Богъ посылаетъ, а народъ признаетъ". Но, принцъ, то, что̀ я говорила сама себѣ и что̀ говорила и писала всѣмъ моимъ,—для васъ не имѣетъ значенія... вамъ важно знать вотъ что̀: что не одна я въ моемъ толкѣ приняла ваше пришествіе съ покорностью обязательной предъ логикой Провидѣнія; что много, очень много противниковъ всеоправдывающей цѣли сочли своимъ долгомъ замолчать или принять его, переносить его или надѣяться.

„Среди того забвенія, въ которое, какъ я полагала, слѣдовало ради васъ погрузить ваши воспоминанія, можетъ быть, всплыветъ остатокъ, къ которому я могу все еще воззвать: то уваженіе, которое вы оказывали моему характеру, и которое, надѣюсь, я съ тѣхъ поръ оправдала своей сдержанностью и молчаніемъ. Если вы не признаете во мнѣ того, что̀ называется моими убѣжденіями,—выраженіе очень смутное, для того чтобы изобразить умственныя грезы или размышленія совѣсти,—тѣмъ не менѣе я увѣрена, что вы не сожалѣете, что повѣрили прямотѣ и безкорыстію моего сердца. Итакъ, я взываю къ этому довѣрію, которое было для меня отрадно, которое было такъ же отрадно для васъ въ часы вашихъ одинокихъ мечтаній, такъ какъ мы счастливы, когда вѣримъ, и, можетъ быть, вы нынѣ жалѣете о своей гамской тюрьмѣ, гдѣ вы еще не могли знать людей такими, каковы они на самомъ дѣлѣ. Итакъ, я осмѣливаюсь сказать вамъ: повѣрьте мнѣ, принцъ,—отнимите отъ меня свое расположеніе, если хотите, но повѣрьте мнѣ—ваша вооруженная рука, разбивъ открытое сопротивленіе, въ эту минуту, поражаетъ, посредствомъ цѣлой массы предварительныхъ арестовъ, внутреннія безобидныя сопротивленія, которыя ждутъ лишь дня спокойствія для того, чтобы дать себя покорить нравственно, и повѣрьте, принцъ... это самая здоровая и нравственная часть изъ побѣжденныхъ партій... И этихъ-то безпокоятъ, сажаютъ въ тюрьму съ позорящимъ обвиненіемъ — таковы подлинныя выраженія приказовъ къ арестованію — „въ томъ, что они своихъ согражданъ возбуждали къ совершенію преступленій". Одни были изумлены, поражены такимъ невѣроятнымъ обвиненіемъ; другіе сами отдаются подъ стражу, прося, чтобы ихъ публично оправдали. Но на чемъ же остановятся строгости? Ежедневно во время волненій и злобы совершаются роковыя ошибки; я не хочу назвать ни единой, не хочу жаловаться ни на какой частный случай, еще

менѣе—устанавливать раздѣленіе на невинныхъ и виновныхъ; я поднимаюсь выше, и, перенося свои личныя страданія, я приношу къ вашимъ стопамъ всѣ тѣ страданія, которыя находятъ отзвукъ въ моемъ сердцѣ, и которыя всеобщи. И я говорю вамъ: тюрьмы и ссылки вернутъ къ вамъ жизненныя силы для Франціи; вы хотите этого, вы, конечно, захотите этого, вы *лишь пока* не хотите этого. Тутъ васъ останавливаетъ фактическая, политическая причина: вы полагаете, что ужасъ и отчаяніе должны царить нѣкоторое время надъ побѣжденными, и вы позволяетъ разить, закрывая свое лицо руками. Принцъ, я не позволю себѣ спорить съ вами о политическомъ вопросѣ, это было бы смѣшно съ моей стороны, но изъ глубины моего невѣдѣнія и безсилія, изъ глубины сердца, истекающаго кровью, и съ глазами, полными слезъ, я взываю къ вамъ.

„Довольно, довольно, побѣдитель! пощади сильныхъ, какъ и слабыхъ, пощади плачущихъ женщинъ, какъ и неплачущихъ мужчинъ, будь кротокъ и человѣченъ, разъ ты этого желаешь! Это нужно столькимъ невиннымъ и несчастнымъ существамъ! Ахъ, принцъ, слово „высылка за море“, эта таинственная кара, это вѣчное изгнаніе подъ чужимъ небомъ,—оно не вашего изобрѣтенія; еслибы вы знали, какъ оно ошеломляетъ самыхъ спокойныхъ и самыхъ равнодушныхъ людей. Изгнаніе изъ отечества, не повлечетъ ли оно повальнаго безумія эмиграціи, которое вы должны будете сдерживать? А предварительное заключеніе, куда бросаютъ больныхъ, умирающихъ, гдѣ теперь узники тѣснятся на соломѣ, въ смрадномъ воздухѣ и все-таки окоченѣлые отъ холода? А безпокойство матерей и дочерей, которыя ничего не понимаютъ въ государственныхъ дѣлахъ; а изумленіе мирныхъ рабочихъ, крестьянъ, которые говорятъ: „Развѣ сажаютъ въ тюрьмы людей, которые не убивали и не крали? Значитъ, и мы всѣ попадемъ? А мы вѣдь были очень довольны, когда подавали голосъ за него!“

„Ахъ, принцъ, мой дорогой, прежній принцъ, послушайтесь того человѣка, который сидитъ въ васъ, который и *есть вы*, и который никогда не сможетъ довести себя до того, чтобы дойти до мечтательнаго состоянія. Конечно, политика совершаетъ великія вещи, но лишь сердце совершаетъ чудеса. Послушайтесь вашего сердца, оно уже обливается кровью...

„Вы хотѣли олицетворить собою Францію, вы взяли на себя ея судьбы—и вотъ вы отвѣтственны передъ Богомъ за ея душу, болѣе чѣмъ за ея тѣло. Вы могли сдѣлать это, вы одинъ и можете это сдѣлать; я давно это предвидѣла, была въ этомъ увѣ-

рена и вамъ самимъ это предсказала, когда немногіе во Франціи вѣрили этому. Люди, которымъ я тогда говорила это, отвѣчали мнѣ: „Тѣмъ хуже для насъ! мы не можемъ ему въ этомъ помогать, и если онъ сдѣлаетъ благо, мы не будемъ имѣть ни чести, ни удовольствія способствовать этому. Все равно,—прибавляли они—лишь бы благо совершилось, пусть потомъ этотъ человѣкъ прославится". Изъ тѣхъ, кто мнѣ говорилъ это, принцъ, и кто еще готовъ сказать это же,—съ нѣкоторыми изъ нихъ отъ вашего имени нынѣ обращаются какъ съ врагами или подозрительными личностями.

„Есть, конечно, и другіе, менѣе покорные, можетъ быть есть и менѣе безкорыстные, вѣроятно и раздраженные, которые, если бы они увидѣли, какъ я въ эту минуту умоляю васъ о пощадѣ, отреклись бы отъ меня довольно жестко. Не все ли равно вамъ: вѣдь вы можете милосердіемъ стать выше всего! не все ли равно и мнѣ, когда хочу изъ преданности унизиться за всѣхъ другихъ! Именно этимъ-то вы болѣе всего и отомстили бы, если бы вы ихъ заставили принять жизнь и свободу, вмѣсто того, чтобы позволить имъ провозгласить себя мучениками за идею.

„Развѣ тѣ, кто погибнутъ въ Кайенѣ, или во время переѣзда туда, не оставятъ имени въ исторіи, съ какой бы точки зрѣнія на нихъ ни смотрѣли? Если бы, послѣ того какъ вы ихъ вернете, не изъ жалости, а въ силу вашей воли, они сдѣлались бы опасными (эти три или четыре тысячи, какъ говорятъ)—для избранника пяти милліоновъ, то кто тогда осудитъ вашу логику, если вы захотите сдѣлаться безсильнымъ? По крайней мѣрѣ, въ этотъ промежутокъ отдыха отъ страданій, дарованный вами, вы могли бы узнать людей, которые любятъ народъ настолько, чтобы уничтожиться предъ выраженіемъ его довѣрія и воли.

„Амнистію, какъ можно скорѣе амнистію, принцъ! Если вы меня не послушаете, не все ли мнѣ равно, что я сдѣлала послѣднее усиліе передъ смертью? Но мнѣ кажется, что я не буду неправа передъ Богомъ, что я не унижу въ себѣ человѣческую свободу и, въ особенности, что я не лишусь правъ на ваше уваженіе, которымъ я дорожу гораздо болѣе, чѣмъ днями спокойствія и спокойной кончиной. Принцъ, я могла бы убѣжать заграницу, когда былъ изданъ приказъ о моемъ арестованіи,—вѣдь всегда можно убѣжать. Я могла бы напечатать это письмо въ качествѣ документа, чтобы доставить вамъ враговъ, если бы оно даже не было прочтено вами. Но что̀ бы ни случилось, я этого не сдѣлаю. Для меня есть священныя вещи, и, испрашивая у

васъ свиданія, отправляясь къ вамъ съ надеждою и довѣріемъ, я должна была, чтобы быть честной и довольной самой собою, сжечь за собою свои корабли и совершенно отдаться во власть вашего милосердія.—Жоржъ-Зандъ".

Свиданіе и разговоръ съ Наполеономъ, повидимому, произвели хорошее впечатлѣніе на автора этого письма; она повѣрила искренности его добрыхъ намѣреній, какъ то можно видѣть изъ нѣсколькихъ писемъ ея къ друзьямъ, которыя мы ниже приведемъ въ извлеченіи,—и послѣ этого уже смѣло принялась хлопотать за кого только могла изъ пострадавшихъ республиканцевъ. Вслѣдъ за первымъ свиданіемъ съ Наполеономъ она побывала у Персиньи; это произошло, вѣроятно, между 22 и 31 января. Затѣмъ она нѣсколько разъ обращалась письменно то лично къ нему, то къ шефу его канцеляріи; затѣмъ написала Наполеону еще нѣсколько писемъ и нѣсколько разъ просила его объ аудіенціи. Всѣ ея рѣчи и письма представляютъ изъ себя краснорѣчивыя доказательства желанія помочь, умѣнія убѣдительно и трогательно просить—съ откровенностью и искренностью, не позволявшими ей не сознаваться и за себя, и за своихъ друзей, что ни она, ни они не отказываются ни отъ одного изъ своихъ убѣжденій, что они по существу враги Наполеона и его политики.

„Я дѣйствую, я всюду бѣгаю,—пишетъ она Дюверне 30-го января;—все идетъ хорошо. Меня приняли какъ нельзя лучше, а эта дама только и дѣлаетъ, что жметъ мнѣ руки. Завтра я постараюсь устроить дѣло. Галлъ (Флери) и другіе тамошніе не одобряютъ меня, запрещаютъ мнѣ называть ихъ. Какіе они глупые; они опасаются какой-нибудь глупости съ моей стороны! Но, чортъ возьми, пусть они говорятъ за себя! Есть много другихъ, которые не будутъ недовольны вернуться спать въ свою постель,—напр., хоть бы виноградарь. Мнѣ некогда писать вамъ ни о чемъ больше,—скажу только, что здоровье мое лучше, что пьесу мою („Les vacances de Pandolphe") приняли съ распростертыми объятіями, что днемъ я бѣгаю, а по ночамъ работаю, что видѣла Евгенія, что онъ мнѣ кажется милымъ и умнымъ, что я васъ обнимаю и люблю. Ни слова о моихъ хлопотахъ!"...

Въ бумагахъ Жоржъ-Зандъ сохранился слѣдующій чрезвычайно интересный отвѣтъ, написанный секретаремъ де-Персиньи, Кавé, отъ имени министра:

„Парижъ, 1-го февраля 1852 г.

„М. г.! Г. де-Персиньи, тронутый (sensible) любезнымъ и

добрымъ письмомъ, которое вы соблаговолили ему написать 31-го декабря, поручилъ мнѣ поблагодарить васъ и имѣть честь сказать вамъ, что вашъ мэръ будетъ принятъ, какъ онъ того заслуживаетъ, а что касается до ходатайствъ, которыя вы сдѣлали раньше въ пользу нѣкоторыхъ заключенныхъ, то бумаги ихъ потерялись, что̀ здѣсь иногда случается"...

Очень интересно сопоставить это письмо съ сохранившимся въ бумагахъ Жоржъ-Зандъ письмомъ ноганскаго мэра, г. Ф. Олара (Aulard), къ ней. Называя Жоржъ-Зандъ „милостивая государыня и дражайшая благодѣтельница",—разумѣется, за ея хлопоты о немъ,—Оларъ разсказываетъ, какъ онъ былъ у префекта, и какъ тотъ былъ, что называется, въ дикомъ бѣшенствѣ и просто поразилъ Олара, разразившись сначала цѣлымъ потокомъ самой неприличной брани по адресу всѣхъ ла-шатрскихъ республиканцевъ и друзей Жоржъ-Зандъ, всѣхъ вообще и каждаго въ отдѣльности обозвавъ грубѣйшими ругательствами, а затѣмъ сказалъ: „Это навѣрное вслѣдствіе вашего свиданія съ г. Кавѐ я получилъ отъ него письмо", и т. д., и т. д. Префектъ не съумѣлъ скрыть своей досады, и тѣмъ самымъ показалъ, что хлопоты Жоржъ-Зандъ и за Олара, и за ея друзей, не были ему безъизвѣстны и несомнѣнно имѣли свое дѣйствіе. Заключаетъ свое письмо Оларъ, однако, печальнымъ сообщеніемъ, что въ Шатору [1]) „прощеніе неизвѣстно" и что даже невинныхъ стараются „запятнать", а потому одна надежда—это „на хлопоты, ея, Жоржъ-Зандъ, у президента. Оларъ выражаетъ желаніе всегда помогать ей въ ея помощи и благодѣяніяхъ и наконецъ, прося передать поклоны Морису, Мансо и Ламберу, сообщаетъ, что „вся прислуга въ зàмкѣ въ порядкѣ и кланяется своей доброй госпожѣ". Очевидно, что Мансо и Морисъ были вмѣстѣ съ Жоржъ-Зандъ въ Парижѣ,—и дѣйствительно, съ января по апрѣль не сохранилось ни одного письма Жоржъ-Зандъ къ сыну.

Вслѣдъ затѣмъ Жоржъ-Зандъ написала уже не лично Персиньи, а правителю его канцеляріи, г. Теофилю де-Монто.

„Парижъ, 1-го февраля 1852.

„М. Г.! Будьте такъ любезны, напомните г. де-Персиньи, что я просила его объ освобожденіи лицъ, арестованныхъ или преслѣдуемыхъ въ Ла-Шатрѣ. Ихъ трое: г. Флерѝ, бывшій депутатъ—онъ въ отсутствіи; г. Перигуà и Эмиль Окантъ—въ

---

[1]) Шатору—префектура департамента Эндры, гдѣ лежатъ городокъ Ла-Шонтъ и имѣніе Жоржъ-Зандъ—Ноганъ.

заключенія. Я прошу о прекращеніи начатаго противъ нихъ слѣдствія, и я прошу этого, какъ акта правосудія, такъ какъ могу отвѣчать своею головою за этихъ трехъ лицъ, они ни въ чемъ не подтверждаютъ высказанныхъ противъ нихъ подозрѣній. Я называла ему еще Лебера, нотаріуса, болѣе компрометтированнаго и виновнаго, какъ гласитъ обвинительный актъ, въ томъ, что онъ собралъ обывателей своей общины съ цѣлью взбунтовать ихъ. Я могу отвѣчать и за намѣренія г. Лебера, человѣка порядка, науки и высокой нравственности. Онъ рѣшился воспрепятствовать насиліямъ и своимъ вліяніемъ и твердостью оберечь собственность и личную безопасность лицъ, которымъ угрожало возстаніе, объявившееся въ сосѣднихъ общинахъ. Еслибы я была на его мѣстѣ, я бы сдѣлала то же самое, а я весьма мало сочувствую крестьянскимъ возстаніямъ.

„Вотъ о чемъ я просила у г. министра, не какъ о милости отъ правительства, которую мои друзья не уполномочили меня принять, а какъ объ актѣ правосудія, нравственную необходимость котораго можетъ засвидѣтельствовать моя совѣсть. Но что до меня касается, то если я должна принять этотъ актъ политическаго правосудія, какъ личную милость г. де-Персиньи,—о! я вполнѣ готова и отъ всей души буду лично ему признательна, такъ же, какъ и вамъ, м. г.,—вы, я увѣрена, захотите присоединить свой голосъ къ моему.

„Счастливая тѣмъ, что обязана его довѣрію къ моему слову освобожденіемъ моихъ ближайшихъ сосѣдей, я тѣмъ не менѣе не отказываюсь отъ защиты предъ нимъ дѣла всего моего департамента. Съ этою-то цѣлью я и позволила себѣ безпокоить его своими рѣчами, всегда очень запутанными и неловкими. Попросите его, м. г., вспомнить, что среди моего обычнаго сумбура (gâchis) я поставила ему вопросъ, на который онъ отвѣтилъ какъ сердечный и умный человѣкъ: „Преслѣдуете вы за мысли?“ — „Конечно, нѣтъ!“

„Но между многочисленными узниками, заключенными въ Шатору и въ Иссудёнѣ, нѣкоторые, можетъ быть, и думали взяться за оружіе, чтобы защитить собраніе. Не знаю, очень ли заслуживало оно этого, но какъ бы то ни было, это было искреннимъ убѣжденіемъ съ ихъ стороны, и такъ какъ это было до того, что Франція внушительнымъ образомъ высказалась за абсолютную власть, то правительство могло посмотрѣть на это какъ на то, что придется вести жаркую борьбу, а не какъ на преступленіе, которое надо хладнокровно карать. Борьба окончена: правительство, по мѣрѣ того, какъ оно получитъ свѣдѣнія

о томъ, что произошло во Франціи съ декабрьскихъ дней, съ отвращеніемъ отнесется къ личнымъ мщеніямъ, которымъ политика послужила предлогомъ, и признаетъ, что если оно ихъ не остановитъ, оно потеряно въ общественномъ мнѣніи. Оно признаетъ также, что тамъ, гдѣ производились эти мщенія, у нихъ была двоякая цѣль—удовлетворить старинную ненависть и сдѣлать невозможнымъ правительство, которое они предаютъ, притворяясь, что служатъ ему. Я никого не назову г. де-Персиньи, но онъ получитъ свѣдѣнія и увидитъ самъ.

„Между тѣмъ, г. министръ сказалъ мнѣ, что онъ не караетъ мысли, и я отмѣчаю для памяти это доброе слово, которое отнимаетъ у меня все то колебаніе, съ которымъ я обратилась къ нему. Я не умѣю сомнѣваться въ добромъ словѣ, и въ такой увѣренности я и говорю ему, что никто не виновенъ въ департаментѣ Эндры. Естественнымъ образомъ посвященная—благодаря моимъ убѣжденіямъ и довѣрію, оказываемому мнѣ,—во всѣ дѣйствія республиканцевъ, я знаю, что собирались *въ небольшомъ числѣ*, что совѣщались, что ждали извѣстій изъ Парижа, и что, получивъ такое извѣстіе о томъ, что народъ добровольно отказался дѣйствовать,—всякій молча отправился восвояси. Я знаю, что, уѣхавъ изъ Парижа среди битвы, я пріѣхала, чтобы сказать своимъ друзьямъ: „Народъ признаетъ—и мы должны признать". Я не ожидала, что заднимъ числомъ и сознательно черезъ пятнадцать дней ихъ арестуютъ, и съ ними вмѣстѣ и ла-шатрцевъ, которые не были ни на какомъ собраніи, ожидая моего возвращенія, чтобы узнать истину.

„Еслибы это было не такъ, я бы не покинула своего пріюта, гдѣ меня никто не безпокоилъ, и моей литературной работы, которую я люблю и которая меня занимаетъ болѣе, чѣмъ политика,—для того, чтобы пріѣхать и разсказать г. президенту и его министру вѣроломную и подлую сказку. Я бы въ молчаніи сидѣла въ своемъ углу, говоря себѣ, что война есть война, и что тотъ, кто идетъ въ битву, долженъ покоряться смерти или плѣну. Но въ присутствіи такихъ вопіющихъ несправедливостей моя совѣсть возмутилась, я спросила себя, честно ли говорить себѣ: „Тѣмъ лучше, что реакція отвратительна, тѣмъ лучше, что правительство преступно,—его тѣмъ болѣе будутъ ненавидѣть и тѣмъ легче его ниспровергнуть". Нѣтъ, такое разсужденіе меня ужасаетъ, и если оно политично, такъ, значитъ, я ничего въ политикѣ не понимаю и не рождена на то, чтобы когда-либо въ ней что-нибудь понять... Нѣтъ, невозможно радоваться этому и въ своемъ углу аплодировать этому. Желая, чтобы наши политическіе про-

тивники были менѣе виновны относительно насъ, я думаю, что я болѣе чѣмъ когда-либо республиканка и соціалистка.

„Г. де-Персиньи, которому поручено благородное дѣло исправлять ошибки, утѣшать, умиротворять, и счастливый, что это ему поручено, какъ я увѣрена, оцѣнитъ мое чувство и не захочетъ, чтобы его имя, имя того принца, которому онъ посвятилъ свою жизнь, были знаменемъ, которымъ легитимисты и орлеанисты (не говоря о честолюбцахъ, которые принадлежатъ ко всякимъ правительствамъ) пользовались, чтобы запугивать провинцію наглымъ торжествомъ самыхъ дурныхъ страстей.

„Вотъ моя защитительная рѣчь, м. г.; я—такой неопытный адвокатъ, и опасеніе наскучить и надоѣсть такъ велико, что я не смѣю прямо адресовать ее г. министру. Но такъ какъ это первый разъ,—я надѣюсь, и послѣдній,—что я безпокою васъ, м. г., то я прошу васъ сдѣлать милость, резюмировавъ эту рѣчь, представить ее ему. Она будетъ яснѣе и убѣдительнѣе въ вашихъ устахъ.

„Кто знаетъ, не смогу ли я когда-нибудь оказать вамъ по совѣсти и отъ всего сердца подобную же услугу.

„Судьбы и волны измѣнчивы. Я много часовъ провела, въ мартѣ и апрѣлѣ 1848 г., въ томъ кабинетѣ, гдѣ г. де-Персиньи сдѣлалъ мнѣ честь принимать меня. Я бывала тамъ, чтобы дѣлать для той партіи, которая насъ побѣдила, то, что я сегодня дѣлаю для той, которая гибнетъ. Я часто тамъ ходатайствовала и просила не о томъ, чтобы открыть темницы—онѣ были пусты,—а для того, чтобы сохранить пріобрѣтенныя положенія, чтобы смягчить упорныя, но ненужныя противодѣйствія, чтобы защитить интересы не тѣхъ, кому угрожали, а кто боялся. Я тамъ просила и получила многія милостыни для лицъ, которыя на меня клеветали и преслѣдовали меня. Меня не тяготитъ мой долгъ, который прежде всего заключается, какъ мнѣ кажется, въ томъ, чтобы просить сильныхъ за слабыхъ, побѣдителей за побѣжденныхъ, каковы бы они ни были и къ какому бы лагерю я сама ни принадлежала... Жоржъ-Зандъ".

„Его высочеству принцу Жерому-Наполеону.

„Парижъ 2 февраля 1852 г.

„Графъ д'Орсэ, который добръ и всегда думаетъ, что бы такого пріятнаго объявить своимъ друзьямъ, сказалъ мнѣ сегодня, что вы симпатизируете, почти-что питаете дружескія чувства ко мнѣ.

„Ничто не можетъ быть для меня отраднѣе; независимо отъ

того, что я ему только-что передъ тѣмъ сказала, что я питаю къ вамъ совершенно такія же чувства, но я чую въ васъ искренняго и преданнаго помощника для тѣхъ, кто страдаетъ отъ ужаснаго толкованія, даваемаго нѣкоторыми чиновниками намѣреніямъ правительства. Я надѣюсь, что вы сможете добиться исправленія многихъ ошибокъ, многихъ несправедливостей, и знаю, что вы хотите этого. О, Боже, какъ мало сердецъ нынче! У васъ оно есть, и вы имъ подѣлитесь съ тѣми, у кого его не хватаетъ.

„Вы сегодня пріѣзжали, когда я была у графа д'Орсэ; онъ мнѣ объявилъ о вашемъ визитѣ; я поскорѣе вернулась—слишкомъ поздно. Вы пообѣщали вернуться около шести часовъ, но вы не могли вернуться. Я вдвойнѣ огорчена—и за себя, и за своихъ бѣдныхъ эндрскихъ узниковъ, которыхъ я такъ хотѣла бы, чтобы вы спасли. Г. д'Орсэ сказалъ мнѣ, что вы можете это сдѣлать, что вы имѣете вліяніе на г. де-Персиньй. Я должна сказать, что г. де-Персиньй былъ очень добръ ко мнѣ и предложилъ мнѣ частнымъ образомъ помиловать тѣхъ изъ моихъ друзей, которыхъ я захочу ему назвать. Г. президентъ сказалъ мнѣ то же самое. Мои друзья мнѣ такъ строго запретили называть ихъ, что я должна была отказаться отъ милости г. президента.

„Такъ какъ г. де-Персиньй, съ которымъ я чувствовала себя свободнѣе, сталъ настаивать, и сегодня приказалъ написать мнѣ объ этомъ, то я полагаю, что могу, никого не компрометтируя, принять его доброе желаніе, какъ лично до меня относящееся. Если это унизительно для кого-нибудь, то, значитъ, только мнѣ, и я это *униженіе* принимаю безъ ложнаго тщеславія, т.-е. съ чувствомъ искренней признательности, безъ которой, мнѣ кажется, я была бы безчестной. Итакъ, я написала нѣсколько именъ, и я разсчитываю на исполненіе обѣщанія; но цѣлью моею было получить полную амнистію для всѣхъ заключенныхъ и обвиненныхъ въ департаментѣ Эндры. Это тѣмъ легче, что тамъ не было ни малѣйшаго возстанія, что всѣ эти аресты—предварительные и что ни одного приговора еще не произнесено. Значитъ, надо только открыть темницы, согласно съ министерскимъ циркуляромъ, всѣмъ тѣмъ, кто мало скомпрометтированъ, и направить дѣло къ превращенію или прекратить всякое преслѣдованіе противъ тѣхъ, кто немного болѣе находится подъ подозрѣніемъ. Словечко министра къ префекту все это рѣшило бы... Г. де-Персиньй не могъ обѣщать этого мнѣ, но вы могли бы испросить это болѣе настойчиво и, конечно, достигли бы цѣли.

Мнѣ не надо говорить, что мое сердце будетъ проникнуто признательностью и дружескимъ чувствомъ (affection)"...

Одновременно Жоржъ-Зандъ вновь написала Наполеону III:

„Парижъ 3 февраля 1852.

„Во время нашего свиданія, когда смущеніе и волненіе заставили меня быть болѣе многорѣчивой, чѣмъ мнѣ того хотѣлось, я услышала отъ васъ добрыя слова, которыя не забываются. Вы соблаговолили мнѣ сказать: „Просите меня о какой угодно личной милости".

„Я имѣла честь отвѣтить вамъ, что я не уполномочена никѣмъ умолять васъ о пощадѣ. Я никого не видѣла въ Парижѣ, вамъ я сдѣлала первый визитъ"...

Упомянувъ затѣмъ вновь о томъ, что въ ея провинціи не было виновныхъ въ дѣйствіяхъ противъ принца и что она была покойна за своихъ земляковъ, и прежде не вѣрила, чтобы могли преслѣдовать за мысли, а послѣ разговора съ принцемъ и окончательно въ этомъ убѣдилась, она продолжаетъ:

„Но если я льщу себя надеждой, что легко добьюсь отпуска людей, до которыхъ не коснулось никакое рѣшеніе, то я не безъ страха за тѣхъ, объ участи которыхъ въ иномъ мѣстѣ уже постановленъ строгій приговоръ. Я видѣла сегодня двухъ изъ нихъ, которые, какъ я знаю, вполнѣ невиновны. Я нашла ихъ совершенно покорными своей судьбѣ и повѣрившими,—благодаря той чрезвычайной системѣ, которую вы только-что пресѣкли,—повѣрившими въ такую безобразно-уродливую вещь, что будто ихъ караютъ за ихъ принципы, а не за поступки. Я горячо оспаривала такое предположеніе, которое мнѣ больно было слышать послѣ того, что я слышала отъ васъ. Я повторяла, что вѣрю въ васъ и что чувство личности незнакомо сердцу человѣка, который проникнутъ, какъ вы, сознаніемъ своего призванія, высоко стоящаго надъ страстями и враждою мелкой политики. Я сказала, что пойду просить васъ объ ихъ помилованіи или измѣненіи ихъ наказанія. Они сначала сказали: „нѣтъ"; а послѣ сказали: „да", когда увидѣли мою увѣренность. Они разрѣшили мнѣ воспользоваться тѣмъ великодушнымъ предложеніемъ, которое вы мнѣ сдѣлали и которое мнѣ было такъ больно отвергнуть.

„Но вы не стали бы уважать ихъ обоихъ, еслибы я вамъ сказала, что они откажутся отъ своихъ принциповъ, что они отвергнутъ свои чувства. Они всегда были и будутъ чуждыми

заговорамъ, тайнымъ обществамъ, а абсолютная форма вашего правительства не можетъ не заставить васъ не бояться болѣе публичнаго высказыванія ученій, которыхъ вы не потерпѣли бы. Я беру на себя долгъ признательности; вы знаете, что она будетъ у меня глубокой и искренней...

„Принцъ, я помню, что писала вамъ въ Гамъ, а именно, что разъ вы будете императоромъ—въ этотъ день вы обо мнѣ болѣе не услышите. Вотъ, вы стоите въ восемь милліоновъ разъ выше, чѣмъ императоръ Германіи... и все-таки я умоляю васъ. Сдѣлайте такъ, чтобы я гордилась тѣмъ, что не сдержала слова.

„Можетъ быть, въ ваши нынѣшнія намѣренія не входитъ, чтобы всѣ знали, что вы мнѣ, соціалистской писательницѣ, даровали измѣненіе наказанія двухъ соціалистовъ. Если это такъ,—довѣрьтесь моей чести, моему молчанію. Я никому не повѣряю содержаніе этого письма и довольствуюсь тѣмъ, что буду гордиться вашими милостями въ глубинѣ своего сердца, я никогда не скажу о счастливомъ ихъ результатѣ, если такова будетъ ваша воля. — Жоржъ-Зандъ.

„PS. Если вы не отвергнете моей просьбы, благоволите приказать сообщить мнѣ о времени, которое вы мнѣ подарите, чтобы я могла придти назвать вамъ тѣ два лица, которыя интересуютъ меня".

Влад. Каренинъ.

Такъ возвращайся въ ту обитель,
Гдѣ жилъ и умеръ твой родитель,
Гдѣ все ты знаешь наизусть,
Гдѣ словно въ морѣ
Утонетъ горе
И смоетъ грусть!

Владиміръ Марковъ.

8 апрѣля 1904 г.

„ЖЕЛТАЯ ОПАСНОСТЬ"

ОЧЕРКЪ.

Окончаніе *).

II.

Въ нашихъ отношеніяхъ съ Китаемъ было столь же мало послѣдовательности и системы, какъ и въ отношеніяхъ съ Японіею. Слѣдуя примѣру другихъ державъ, русская дипломатія удѣляла слишкомъ много вниманія вопросамъ иностранной торговли. Когда былъ подписанъ тянь-цзинскій договоръ 1858 года, то оказалось, что въ немъ предусмотрѣны международные коммерческіе интересы, имѣющіе существенное значеніе для англичанъ и американцевъ, а забыты потребности сухопутной русско-китайской торговли. „Не имѣя торговаго флота,—говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ историковъ нашей дипломатіи на Дальнемъ Востокѣ, — Россія не могла извлечь фактическихъ выгодъ изъ дарованныхъ договоромъ правъ, которыми въ сильной степени воспользовались англичане, французы и американцы. Сибиряки громко жаловались, что нашъ уполномоченный (графъ Путятинъ), заключая договоръ, слишкомъ увлекся солидарностью европейскихъ интересовъ и совершенно упустилъ изъ виду, что огромное протяженіе нашей сухопутной съ Китаемъ границы обязывало его предъявить требованія совсѣмъ особыя". Поэтому, еще до ратификаціи договора, возбужденъ былъ вопросъ о прибавленіи къ

*) См. выше: апрѣль, стр. 762.

нему нѣсколькихъ дополнительныхъ статей, которыя „закрѣпили бы за Россіей права сухопутной торговли, дарованныя ей еще прежними договорами и о которыхъ совершенно умалчивалъ послѣдній". Между тѣмъ русскій уполномоченный, вполнѣ довольный заключеннымъ трактатомъ, думалъ еще облагодѣтельствовать Китай предложеніемъ важныхъ услугъ по военной части; онъ обѣщалъ отъ имени Россіи доставить въ распоряженіе китайскаго правительства пятьдесятъ пушекъ и десять тысячъ нарѣзныхъ ружей новѣйшаго образца, при достаточномъ количествѣ инструкторовъ для обученія китайскихъ войскъ. Къ счастью, въ Пекинѣ отнеслись къ этому щедрому предложенію равнодушно, а потомъ отклонили его безъ всякихъ церемоній; пришлось остановить въ пути транспортъ изъ 380 подводъ, съ орудіями и ружьями Ижовскихъ заводовъ, дошедшій уже до Верхнеудинска. Орудія, которыми предполагалось вооружить форты Таку, получили болѣе цѣлесообразное назначеніе, оставшись въ предѣлахъ Россіи; огнестрѣльное ручное оружіе, предназначенное для китайцевъ, передано сибирскимъ баталіонамъ, имѣвшимъ до того времени одни гладкоствольныя, большею частью кремневыя ружья; сумма въ пятьсотъ тысячъ рублей, ассигнованная на организацію военнаго дѣла въ Китаѣ, сохранилась въ русскомъ казначействѣ [1]).

Услужливость нашихъ представителей, точно также какъ и требовательность, одинаково вызывала въ китайцахъ недовѣріе и вражду. Къ сожалѣнію,—какъ замѣчаетъ А. Я. Максимовъ,—наша дипломатія при переговорахъ съ Китаемъ очень часто выговаривала для русскихъ купцовъ такія права и преимущества, которыми должны тяготиться китайцы, а Россія большею частью не можетъ воспользоваться ими надлежащимъ образомъ. „Напримѣръ, договоръ 1881 года открываетъ на бумагѣ почти весь Китай для русской торговли, отчасти даже безпошлинной; но, спрашивается, сколько товаровъ и какіе именно могли мы отправлять туда, когда среднеазіатская и сибирская желѣзныя дороги не были еще готовы, а наша промышленность находилась въ такомъ зачаточномъ состояніи, что далеко не удовлетворяла всѣхъ потребностей собственнаго внутренняго рынка. Въ данномъ случаѣ составители договора 1881 года увлеклись, повидимому, подражательностью западно-европейской торговой политикѣ, — подражательностью, несоразмѣрною съ нашими налич-

[1]) Баронъ А. Буксгевденъ. Русскій Китай. Очерки дипломатическихъ сношеній Россіи съ Китаемъ. Портъ-Артуръ, 1902, стр. 4—10.

ными торгово-промышленными средствами". Наша неумѣлость въ сношеніяхъ съ Китаемъ, по мнѣнію г. Максимова, основывается главнымъ образомъ на незнакомствѣ съ характеромъ китайцевъ. „Со словомъ „китаецъ" въ воображеніи большинства связывается понятіе о существѣ слабомъ, апатично-сонливомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ тихомъ и безотвѣтномъ. Между тѣмъ китайцы далеко не таковы, какими ихъ представляютъ себѣ значительная часть русскаго общества и почти всѣ русскіе дипломаты. Надо помнить, что это врагъ серьезный, настойчивый, терпѣливый, энергичный и ловкій,—вмѣстѣ съ тѣмъ врагъ въ высшей степени хитрый, двуличный, притомъ злой и злопамятный". Нѣкоторымъ западно-европейскимъ державамъ „крайне желательно истощеніе Россіи и отвлеченіе ея вниманія на Дальній Востокъ"; но мы должны дорожить сохраненіемъ мира съ Китаемъ, такъ какъ въ территоріальныхъ пріобрѣтеніяхъ на счетъ китайской имперіи мы не нуждаемся. По разнымъ причинамъ „въ Китаѣ уже давно замѣчается глухое неудовольствіе противъ Россіи, которое разразилось бы кровопролитной, упорной войной въ самомъ непродолжительномъ времени, еслибы японско-китайская распря изъ-за Кореи не отдалила этой войны, благодаря полному успѣху всѣхъ японскихъ военныхъ дѣйствій, какъ сухопутныхъ, такъ и морскихъ" [1]). Столкновеніе между Китаемъ и Японіею не исключало позднѣйшаго молчаливаго примиренія для совмѣстныхъ дѣйствій противъ Россіи. Китай былъ раздраженъ противъ японцевъ и выразилъ свои чувства въ любопытномъ оффиціальномъ документѣ, гдѣ отведено много мѣста жалобамъ на коварство противника, на его чрезмѣрную подготовленность къ войнѣ и неуваженіе къ международному праву цивилизованныхъ державъ. „Всѣ государства согласны, — говорилось въ манифестѣ богдыхана въ отвѣтъ на японское объявленіе войны отъ 1-го августа 1894 года,—что оккупація Кореи, произведенная японскими войсками, несправедлива. На увѣщанія вернуться и мирно обсудить дѣло японцы выказали себя задорными и дѣйствовали, не взирая на приличія и все прибавляя войскъ. Среди народа корейскаго и китайскихъ купцовъ появилась увеличивавшаяся съ каждымъ днемъ паника, вслѣдствіе чего мы прибавили войскъ для ихъ охраны, какъ вдругъ на полдорогѣ внезапно явилось много японскихъ кораблей, которые, пользуясь нашею неподготовленностью, открыли огонь на морѣ и нанесли вредъ нашимъ войскамъ, что по истинѣ не могло быть предвидѣно нами. Такимъ образомъ,

[1]) А. Я. Максимовъ. Наши задачи на Тихомъ океанѣ. Спб., 1894. Стр. 24—39.

Японія поступила вопреки договору и вопреки международному праву, и въ настоящее время сама начинаетъ враждебныя дѣйствія, подвергая себя суду всѣхъ государствъ. Мы съ своей стороны объявляемъ всей вселенной, что мы вели это дѣло совершенно согласно правиламъ человѣколюбія, японцы же поступили вполнѣ несправедливо" [1]). Общественное мнѣніе чужихъ государствъ, къ которому впервые взывалъ „сынъ Неба", не оправдало ни самоувѣренности, ни неподготовленности Китая; сами китайцы, получивъ тяжеловѣсный уронъ отъ японцевъ, прониклись къ нимъ великимъ уваженіемъ и стали смотрѣть на нихъ, какъ на будущихъ своихъ учителей и союзниковъ. Этому чувству родственной симпатіи не помѣшало и участіе Японіи въ коллективныхъ военныхъ мѣрахъ противъ Китая въ 1900—1901 гг.

Единство расы несомнѣнно сближаетъ китайцевъ съ японцами, несмотря на ихъ старую взаимную вражду. Обоимъ народамъ свойственны нѣкоторыя общія черты характера, сказывающіяся во всемъ ихъ міросозерцаніи, въ ихъ основныхъ національныхъ идеяхъ и стремленіяхъ. Китайцы, какъ и японцы, не цѣнятъ и не уважаютъ человѣческой личности; оттого и жизнь, своя и чужая, не представляетъ для нихъ самостоятельной цѣнности. Съ этимъ связана та поразительная для европейца жестокость, какую обнаруживаютъ въ разныхъ случаяхъ культурныя азіатскія націи. Во время народнаго возстанія противъ манчжурской династіи въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ истреблялись въ Китаѣ цѣлыя массы населенія; въ одномъ городѣ Нинся вырѣзано было до трехсотъ тысячъ китайцевъ. Губернаторы провинцій доносили пекинскому двору, что города разрушены, земель некому обработывать, и что во многихъ округахъ почти не осталось жителей вслѣдствіе принятыхъ суровыхъ мѣръ укрощенія. „О востокѣ нельзя судить по нашимъ нравамъ и понятіямъ,—говоритъ извѣстный синологъ, В. П. Васильевъ:— тамъ не дорожатъ жизнью. Мы знаемъ изъ исторіи Китая, что въ древнія времена изъ тридцати-сорока милліоновъ жителей не разъ оставалось менѣе десяти. Монголы вырѣзывали цѣлые города съ милліонами укрывавшихся за ихъ стѣнами городскихъ и сельскихъ обывателей. Въ прошломъ (XVIII) столѣтіи манчжуры вырѣзали поголовно всѣхъ дзюнгаръ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Азіатецъ изнѣженъ и трусливъ, но когда онъ одержитъ верхъ, онъ будетъ плавать въ крови". Японцы въ былое время также славились своею кровожадностью; между прочимъ, когда

[1]) Корея и японо-китайское столкновеніе. Д. Покотилова. Спб., 1895. Стр. 51—53.

они очистили Корею въ концѣ шестнадцатаго вѣка, они увезли съ собою въ видѣ трофеевъ десятки тысячъ ушей павшихъ корейцевъ; эти уши, по словамъ г. Покотилова, были погребены подъ особымъ памятникомъ, который до сихъ поръ существуетъ въ городѣ Кіото. Равнодушіе къ жизни выражается у японцевъ и въ сохранившемся до недавняго времени обычаѣ „харакири“— торжественнаго обряда самоубійства, выполняемаго при извѣстной обстановкѣ, въ присутствіи близкихъ друзей и родныхъ; говорятъ, что многіе японскіе офицеры покончили съ собою такимъ традиціоннымъ способомъ послѣ вынужденнаго отказа Японіи отъ занятой уже ею части Ляодунскаго полуострова съ крѣпостью Портъ-Артуромъ, въ 1895 году. Японцы по крайней мѣрѣ сознательно избѣгаютъ ненужныхъ жестокостей, чтобы не повредить своей репутаціи въ глазахъ образованныхъ иностранныхъ народовъ; но китайцы свободны отъ такого рода соображеній. Передъ послѣднею японско-китайской войною главнокомандующій японской арміи заявлялъ въ прокламаціи къ своимъ войскамъ: „Врагъ имѣетъ характеръ жестокій и свирѣпый; если въ предстоящихъ битвахъ вы будете имѣть несчастье сдѣлаться его плѣнниками, онъ безъ сомнѣнія подвергнетъ васъ ужаснымъ мученіямъ, болѣе страшнымъ, чѣмъ смерть, и послѣ этого онъ заставитъ васъ умереть самымъ варварскимъ и безчеловѣчнымъ образомъ. Остерегайтесь поэтому сдаваться въ плѣнъ, какъ ни опасно будетъ ваше положеніе въ бою; не отступайте передъ смертью“ [1]). При вступленіи въ Портъ-Артуръ, какъ сообщаетъ поручикъ I. Ржевускій,—японцы нашли страшно изуродованные трупы своихъ товарищей, взятыхъ въ плѣнъ; въ перепискѣ одного китайскаго генерала было найдено приказаніе, въ которомъ онъ обѣщалъ своимъ людямъ награду за храбрость, если они будутъ ему доставлять японскія головы, руки и ноги [2]). По свидѣтельству одного изъ тогдашнихъ уполномоченныхъ японскаго Краснаго Креста, японскіе солдаты, попавшіе въ плѣнъ къ китайцамъ, не только оставлялись безъ всякой помощи, но еще подвергались избіеніямъ и самымъ жестокимъ истязаніямъ. Въ Китаѣ принято наказывать смертью всевозможныя преступленія, не различая важныхъ и дѣйствительныхъ отъ мелкихъ и мнимыхъ или даже фантастическихъ: такъ, по правиламъ, утвержденнымъ въ 1890 году для китайскаго флота, „за присвоеніе себѣ чужихъ заслугъ, слѣдуетъ отсѣченіе головы“; „кто по звуку барабана

---

[1]) Général H. Frey. L'armée chinoise. Paris, 1904. Стр. 121.

[2]) Японско-китайская война 1894—1895 гг. Спб., 1896, стр. 51—52.

не двинется впередъ или по сигналу гонгомъ *не отступитъ своевременно*,—подлежитъ обезглавленію"; „если солдатъ заболѣетъ въ пути, то ближайшіе начальники должны его освидѣтельствовать и принять мѣры къ излеченію; въ противномъ случаѣ они подлежатъ наказанію втыканіемъ стрѣлы въ ухо; солдату же, притворяющемуся больнымъ, отсѣкаютъ голову"; „кто станетъ увѣрять, что видѣлъ во снѣ чорта, и будетъ соблазнять этимъ предзнаменованіемъ другихъ, тотъ подлежитъ смертной казни" и т. п. [1]). Такого рода постановленія не всегда, конечно, примѣняются на практикѣ; едва ли китайскія власти имѣли бы даже возможность снимать головы всѣмъ, присвоившимъ себѣ чужія заслуги или видѣвшимъ во снѣ чорта и разсказывающимъ объ этомъ другимъ: примѣненіе карательныхъ мѣръ къ отдѣльнымъ лицамъ въ Китаѣ зависитъ исключительно отъ произвола мѣстныхъ начальниковъ. Китай не знаетъ правосудія въ европейскомъ смыслѣ этого слова: всякій китаецъ, попавшій въ руки властей по какому-либо обвиненію или доносу, можетъ быть обезглавленъ, какъ преступникъ, и никто не считаетъ нужнымъ провѣрять степень виновности заподозрѣннаго и осужденнаго, ибо человѣческая личность сама по себѣ не имѣетъ никакого значенія въ Китаѣ. Въ Японіи личная отвѣтственность каждаго обставлена уже извѣстными гарантіями, въ силу новыхъ судебныхъ порядковъ, заимствованныхъ изъ-за границы вмѣстѣ съ другими продуктами западной цивилизаціи; но традиціонный въ Европѣ принципъ уваженія къ человѣческой личности совершенно чуждъ народамъ монгольской расы, и это обстоятельство рѣзко отличаетъ азіатское міросозерцаніе отъ западно-европейскаго.

Китайская культура имѣетъ своихъ поклонниковъ и хвалителей въ иностранной литературѣ; недавно еще въ Берлинѣ вышла въ свѣтъ книга г. Г. фонъ Самсона-Гиммельстьерна, подробно доказывающая нравственное превосходство Китая предъ Европою [2]). Г. фонъ Самсонъ-Гиммельстьерна видитъ „желтую опасность" именно въ томъ, что вся европейская цивилизація съ ея фальшивою системою морали можетъ оказаться несостоятельною при встрѣчѣ съ болѣе древнею, глубоко-нравственною китайскою культурою. Китайцы безусловно преданы исключительно мирному труду; основы ихъ семейнаго быта прочно сливаются съ старинными религіозными вѣрованіями и обычаями; замѣчательная воздержность въ образѣ жизни, стремленіе къ

---

[1]) Д. В. Путята. Китай. Спб., 1895, стр. 217.

[2]) Die Gelbe Gefahr als Moralproblem, von H. von Samson-Himmelstjerna. Berlin, 1902.

спокойному существованію, крайняя скромность потребностей и привычекъ, упорное трудолюбіе—все это даетъ китайцамъ огромныя преимущества передъ европейцами въ области промышленнаго и торговаго соперничества. Японія и Индія съ начала восьмидесятыхъ годовъ постепенно вытѣсняли англійскіе продукты съ восточно-азіатскихъ рынковъ, а теперь мало-по-малу сами уступаютъ мѣсто возростающей китайской производительности; со временемъ Китай можетъ совершенно устранить интересы европейской предпріимчивости въ восточной Азіи, и въ этомъ прежде всего заключается хозяйственная, экономическая сторона „желтой опасности". Въ одно десятилѣтіе, съ 1881 по 1891 г., вывозъ хлопчатобумажныхъ издѣлій изъ Японіи увеличился на 137 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, тогда какъ вывозъ тѣхъ же товаровъ изъ Англіи уменьшился на 19½ милліоновъ; крупнѣйшія хлопчатобумажныя фабрики Ланкашира терпѣли значительные убытки, между тѣмъ какъ 37 фабрикъ этого рода въ предѣлахъ одного японскаго округа давали свыше 15% дивиденда. Въ Сингапуръ ввезено было въ 1891 году англійскихъ зонтиковъ на 115½ тысячъ долларовъ, а японскихъ—только на 1.655 долларовъ,—шведскихъ спичекъ изъ Англіи на 120 тыс. долларовъ, а изъ Японіи на 31 тысячу; три года спустя, въ 1893 г., цифры были уже совсѣмъ другія: англійскихъ зонтиковъ привезено только на 2.115 долларовъ, японскихъ же—на 268.600; спичекъ изъ Англіи —на двѣ тысячи, а изъ Японіи—на 451 тысячу долларовъ. Теперь въ свою очередь китайцы начинаютъ успѣшно конкуррировать съ японцами, благодаря необычайной дешевизнѣ рабочихъ рукъ въ Китаѣ, а въ результатѣ страдаетъ крупная западно-европейская промышленность, все болѣе лишающаяся обширнаго восточно-азіатскаго рынка. Другая сторона „желтой опасности"—политическая: европейскія націи неизбѣжно потеряютъ свое значеніе и вліяніе въ восточной Азіи по мѣрѣ промышленнаго роста Китая; развитіе туземнаго національнаго самосознанія приведетъ къ тому, что эта часть азіатскаго материка уйдетъ изъ-подъ опеки западной Европы. Наконецъ, третій и самый важный элементъ— нравственный: нѣтъ другого способа, кромѣ обновленія европейской практической морали и политики, для того, чтобы предотвратить или ограничить опасность, идущую съ далекаго Востока.

Просвѣщенныя европейскія государства показали азіатскимъ народамъ печальную изнанку своей мнимо-христіанской культуры; они дѣйствовали круто и безцеремонно, пользуясь превосходствомъ своего вооруженія, для пріобрѣтенія чужихъ земель или незаконныхъ матеріальныхъ выгодъ; и въ то же время, по мо-

тивамъ взаимнаго соперничества, предлагали туземнымъ правительствамъ свои услуги по преобразованію войскъ и снабженію ихъ усовершенствованнымъ оружіемъ. Еслибы не внѣшнія вліянія, то китайцы до сихъ поръ употребляли бы изобрѣтенный ими же порохъ не иначе, какъ только для празднествъ; только христіане, какъ справедливо замѣчаетъ г. Г. фонъ Самсонъ-Гиммельстьерна, научили ихъ употреблять порохъ для огнестрѣльнаго оружія. Первые христіанскіе миссіонеры въ Китаѣ, въ противность своему апостольскому назначенію, ознакомили китайцевъ съ артиллерійскимъ дѣломъ и устроили имъ пушечные заводы; впослѣдствіи англичане, нѣмцы, французы поочередно доставляли Китаю оружіе и старались улучшить военную организацію страны, въ смутной надеждѣ, что эти военныя силы будутъ пущены въ ходъ противъ одной изъ тѣхъ европейскихъ державъ, къ которымъ данная національность относится враждебно или недовѣрчиво. Въ 1859 году, какъ мы упоминали выше, русскіе дипломаты посылали китайцамъ оружіе и инструкторовъ, чтобы усилить сопротивленіе Китая противъ англичанъ и французовъ; позднѣе англичане вооружали Китай противъ Россіи, нѣмцы снабжали его пушками противъ англичанъ или французовъ, и всѣ вмѣстѣ усердно заботились объ увеличеніи военныхъ средствъ Китая для борьбы противъ европейцевъ вообще. Современная японская армія организована главнымъ образомъ французами, и теперь она испытываетъ свою силу въ войнѣ съ союзниками Франціи. Передовые азіатскіе народы охотно усвоивали техническія орудія и пріемы европейской цивилизаціи, но не могли проникнуться уваженіемъ къ нравственнымъ принципамъ этой мнимо-христіанской цивилизаціи, превратившей самую религію въ орудіе грубаго насилія и корыстолюбія.

По мнѣнію г. фонъ Самсона-Гиммельстьерна, китайскій народъ гораздо выше и даровитѣе японскаго въ области отвлеченной мысли и культурнаго творчества. Японцы заимствовали всѣ свои религіозно-нравственныя идеи у китайцевъ; первые зачатки просвѣщенія они получили отъ буддистскихъ миссіонеровъ, а дальнѣйшее развитіе японской образованности было уже почти всецѣло дѣломъ китайскихъ истолкователей Конфуція. Китайцы самостоятельно дошли до многихъ научно-техническихъ изобрѣтеній и приспособленій, которыя только въ позднѣйшую эпоху стали извѣстны въ Европѣ; китайская земледѣльческая техника, съ ея замѣчательною системою орошенія, можетъ понынѣ служить образцомъ для европейскихъ націй и особенно для Россіи. Китайцы ничѣмъ не обязаны иностранцамъ и привыкли смотрѣть

на нихъ какъ на „варваровъ", вдохновляемыхъ исключительно побужденіями матеріальной выгоды; японцы, напротивъ, брали изъ-за границы все, что̀ казалось имъ полезнымъ, и устроивали свои учрежденія и порядки, свои образовательныя средства, свою науку и технику по западно-европейскимъ примѣрамъ и указаніямъ, избѣгая лишь непосредственнаго практическаго вліянія иноземцевъ въ предѣлахъ самой Японіи. Китайцы отличаются добросовѣстностью въ своихъ частныхъ сношеніяхъ и дѣлахъ, терпимостью къ чужимъ взглядамъ и обычаямъ, осторожною солидностью въ коммерческихъ и промышленныхъ предпріятіяхъ, честностью и аккуратностью въ торговлѣ,—тогда какъ японцы большею частью легкомысленны и перемѣнчивы, склонны къ фанатическимъ увлеченіямъ, неразборчивы въ выборѣ средствъ, ненадежны въ исполненіи принятыхъ на себя обязательствъ и не считаются достойными довѣрія въ качествѣ коммерсантовъ, за немногими отдѣльными исключеніями. Японцы не знають другихъ цѣлей и идеаловъ, кромѣ чисто-матеріальныхъ; въ погонѣ за успѣхомъ они выдвигаются, какъ исполнительные и смѣлые практики,—между тѣмъ какъ китайцы остаются пассивными и сентиментальными доктринерами, хранителями унаслѣдованныхъ традицій и воззрѣній.

„Надобно знать китайскую литературу,—говоритъ В. П. Васильевъ,—чтобы видѣть, какъ много китайцы разработали общечеловѣческіе вопросы, углублялись въ смыслъ каждой буквы тѣхъ книгъ, которыя ихъ затрогиваютъ. Гуманность, правда, порядокъ, развитіе умственныхъ силъ, честность,—вотъ самые существенные вопросы китайскихъ теорій. Еслибы дѣло заключалось только въ принципахъ, то Китай могъ бы преспокойно игнорировать западное просвѣщеніе, потому что имѣлъ въ своемъ распоряженіи болѣе двухъ тысячъ лѣтъ, въ которыя свободно на просторѣ обдумывалъ, что̀ ему пригодно и что̀ основано на правахъ человѣческихъ, на требованіяхъ здраваго смысла". Бѣда именно въ томъ, что „Китай черезчуръ много занимается разработкой своихъ принциповъ, носясь въ заоблачныхъ пространствахъ и не желая ниспуститься на землю, чтобы осмотрѣться среди дѣйствительныхъ потребностей. Витая въ космополитическихъ идеяхъ,—такъ какъ онъ долго воображалъ себя единственной просвѣщенной націей,—онъ забылъ, что у него есть народъ, къ которому заявляютъ требованія другіе народы. Что̀ можетъ быть, напримѣръ, правильнѣе и возвышеннѣе китайскихъ взглядовъ на науку! Во всемъ остальномъ мірѣ нѣтъ въ принципѣ такого глубокаго къ ней уваженія. По китайскимъ поня-

тіямъ только одной наукой и должно управляться государство. И дѣйствительно, мы знаемъ, что въ Китаѣ ни аристократическое происхожденіе, ни капиталъ, ни общественное положеніе и вліяніе не даютъ права на занятіе государственныхъ и правительственныхъ должностей. Только докторская степень по строгому экзамену открываетъ путь къ занятію самой первой низшей ступени въ іерархической лѣстницѣ чиновъ. Но и эти экзамены—совсѣмъ не то, что наши; у насъ нужно только знать данные предметы; въ Китаѣ не рѣдкость, что на провинціальные экзамены, которые еще не даютъ докторской степени, являются до пятнадцати тысячъ экзаменующихся; всѣ они могутъ твердо и хорошо знать все, что̀ требуется знать; но этого еще недостаточно; только одна, двѣ сотни, опредѣленное заранѣе по штату количество, получаютъ степень провинціальнаго баккалавра, съ которой онъ можетъ уже явиться въ столицу для полученія докторской степени. Тутъ опять та-же процедура; изъ двадцати тысячъ экзаменующихся выбираютъ всего только сотни. Слѣдовательно, всѣ эти правительственные чиновники—цвѣтъ учености, ученые изъ ученыхъ" [1]). Но предметомъ изученія и экзамена служатъ лишь классическія книги, составленныя до Рождества Христова и не имѣющія никакого отношенія къ современнымъ наукамъ. Преодолѣніе трудностей, заключающихся въ разбросанности и безсвязности изучаемыхъ книгъ, считается лучшимъ средствомъ къ развитію талантовъ; мало того, полагаютъ, что такое изученіе воспитываетъ характеръ и сердце. „Экзамены состоятъ въ составленіи наизусть, безъ всякихъ пособій, сочиненій на заданныя темы изъ текста классическихъ книгъ. Экзаменующійся, конечно, погибъ, если только онъ не припомнитъ этого текста и обязательныхъ къ нему комментаріевъ. Это, конечно, дѣло памяти, равно какъ дѣломъ памяти будетъ и безошибочное письмо. Но правильность и красота слога, удовлетвореніе обязательнымъ размѣрамъ сочиненія,—чтобы оно не было ни очень коротко, ни очень многословно,—это уже показываетъ будто степень нравственнаго воспитанія, присутствія генія. Дѣйствительно, экзаменующійся отправляется передъ экзаменами молиться богу хрій, и сочиненія первыхъ докторовъ, читаемыя на расхватъ во всей имперіи, считаются чуть не наравнѣ съ вдохновеннымъ откровеніемъ. И выходитъ, что эти китайскіе геніи не только не изучали ариѳметики, физики, естественной исторіи, но они не знаютъ систематически даже соб-

[1]) „Открытіе Китая" и другія статьи академика В. П. Васильева. Спб., 1900 стр. 148 и слѣд.

ственной исторіи, географіи и литературы своего языка". Правительство же видитъ источникъ своей слабости въ развращеніи нравовъ, въ упадкѣ уваженія къ древней мудрости, и потому прилагаетъ всѣ заботы къ увеличенію экзаменаціонныхъ строгостей.

Въ теоріи, по своимъ принципамъ, китайское правленіе— едва ли не самое образцовое: „въ правители выбираются самыя даровитыя, самыя образованныя личности;—можетъ ли въ народѣ явиться протестъ противъ такого порядка?" Народъ и правительство сходятся во взглядахъ; это порождаетъ довѣріе въ однихъ, увѣренность въ другихъ. Вслѣдствіе этого,—продолжаетъ В. П. Васильевъ,—нигдѣ, какъ въ Китаѣ, правительство не выступаетъ съ такой откровенностью предъ народомъ, и съ своей стороны нигдѣ правительство такъ не доступно народу. Всякій обиженный, не добившись удовлетворенія въ провинціи, спѣшитъ въ столицу, и нѣтъ прошенія, котораго богдыханъ не велѣлъ бы разобрать,—о чемъ и публикуется во всеобщее свѣдѣніе. Въ Китаѣ нѣтъ цензуры, и всѣ повременныя изданія, памфлеты и книги выходятъ въ свѣтъ безъ всякаго просмотра; разъ случился даже такой фактъ: появилось сочиненіе, направленное противъ владычества манчжурской династіи, и самъ богдыханъ отвѣтилъ на это книгою, заключавшею въ себѣ надлежащія опроверженія и оправданія. Всякому служащему, а въ важныхъ случаяхъ и всякому подданному дано право обращаться къ богдыхану съ представленіями о тѣхъ мѣрахъ, которыя слѣдовало бы принять для пользы государства. Богдыханъ всегда отдаетъ такія представленія на разсмотрѣніе высшихъ чиновъ; какъ самый проектъ, такъ и отвѣтъ на него всегда печатаются. Рѣдко,—и то если представленіе было ужъ черезчуръ вздорно,—богдыханъ прикажетъ бросить автору его бумагу-проектъ въ лицо;— другого наказанія не полагается.

Въ Китаѣ существуетъ оффиціальное право контроля за дѣятельностью всѣхъ министерствъ и учрежденій. Особые цензоры, а также другія должностныя лица, могутъ возражать противъ распоряженій правительства, критиковать и осуждать ихъ, доносить о злоупотребленіяхъ и продѣлкахъ представителей власти; цензоры вмѣшиваются даже въ частную жизнь богдыхана. Когда малолѣтнему предмѣстнику нынѣшняго императора назначили учителя, то цензоръ тотчасъ же указалъ, что этотъ ученый не годится для роли наставника, будучи чрезмѣрно льстивымъ царедворцемъ. Одинъ академикъ обращалъ вниманіе на то, что императрица-регентша стала мало заниматься государственными дѣлами. Богдыханъ не считаетъ себя отвѣтственнымъ за утвержденіе какой-

либо мѣры, оказавшейся вредною,—отвѣчають только совѣтники, и потому указаніе на этотъ вредъ не разсматривается какъ посягательство на авторитетъ власти, а напротивъ, признается полезнымъ для государства. Богдыханъ не задумается предать суду вліятельнаго сановника или даже своего провинившагося родственника. „И все это дѣлается гласно,—ничто не скрывается отъ публики" [1]).

Мѣстное самоуправленіе въ Китаѣ, по увѣренію его хвалителей, ограничиваетъ произволъ администраціи даже въ выборѣ должностныхъ лицъ; городская или сельская община, узнавъ о назначеніи въ свою мѣстность какого-нибудь неподходящаго или нежелательнаго для жителей мандарина, можетъ заблаговременно представить „вѣжливый протестъ" вице-королю, и если этотъ протестъ не уваженъ начальствомъ, то населеніе прибѣгаетъ къ весьма оригинальной процедурѣ, имѣющей за себя силу стародавняго національнаго обычая. Къ назначенному дню прибытія непріятнаго мандарина устроивается въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города изящный шатеръ, гдѣ мѣстные почетные обыватели въ праздничныхъ одѣяніяхъ ожидаютъ новаго чиновника. Его встрѣчаютъ съ полнымъ соблюденіемъ китайскихъ церемоній и просятъ принять приготовленное для него угощеніе въ палаткѣ; затѣмъ ему вѣжливо предлагаютъ сѣсть въ стоящій тутъ же удобный паланкинъ, который долженъ доставить его, въ сопровожденіи конвоя, обратно въ главный городъ провинціи или въ столицу, съ почтительнѣйшимъ увѣдомленіемъ, что присланный чиновникъ неугоденъ населенію. Такъ же точно поступаютъ съ мандариномъ, который удерживается въ должности, несмотря на просьбы объ его отозваніи, обращенныя къ вице-королю; въ квартиру или канцелярію даннаго чиновника является депутація изъ почетныхъ лицъ, съ покорнѣйшей просьбою занять мѣсто въ поджидающемъ его паланкинѣ и отправиться въ путешествіе для представленія высшему начальству. Если чиновникъ не поддается дѣлаемымъ ему внушеніямъ, то въ городѣ начинается нѣчто въ родѣ обструкціи: всѣ лавки закрываются, торговля прекращается, подвозъ съѣстныхъ припасовъ пріостанавливается, и между обѣими сторонами ведутся переговоры, которые обыкновенно кончаются отступленіемъ чиновника. Иногда отвергнутый мандаринъ пытается отстоять свою власть употребленіемъ вооруженной силы; но даже въ случаѣ удачи онъ не можетъ уже оставаться на мѣстѣ и поневолѣ удаляется подъ какимъ-нибудь

[1]) В. П. Васильевъ, тамъ же, стр. 152—154.

благовиднымъ предлогомъ. Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда вице-король открыто дѣйствуетъ противъ воли мѣстнаго населенія и насильственно оставляетъ зловреднаго мандарина въ должности, народный протестъ выражается въ болѣе трагическихъ формахъ: самые зажиточные и уважаемые граждане города или мѣстечка поочередно приносятъ себя въ жертву ненавистному сатрапу и становятся мучениками своего гражданскаго долга; наконецъ, народъ теряетъ терпѣніе, и поднимается мѣстное возстаніе съ цѣлью покончить съ дурными порядками мѣстнаго управленія. Если послѣднее находитъ поддержку въ центральномъ правительствѣ, то возстаніе разростается и можетъ принять характеръ борьбы противъ власти богдыхана и его династіи, во имя исконныхъ національныхъ началъ, освященныхъ конфуціанскою мудростью и обязательныхъ для самого „сына Неба“ [1]).

Житейская мораль Конфуція давала Китаю твердыя основы разумной общественной жизни за пятьсотъ лѣтъ до Рождества Христова, и эти основы во многихъ отношеніяхъ остаются еще до сихъ поръ слишкомъ высокими для передовыхъ народовъ Европы. По ученію Конфуція, хорошее и справедливое правленіе есть вѣрнѣйшій путь къ завоеваніямъ, такъ какъ оно побуждаетъ другіе народы желать присоединенія къ счастливой странѣ, пользующейся благами прочнаго внутренняго мира и благосостоянія. „Миръ, даже лишенный славы, важнѣе и выше самой блестящей побѣды“... „Еслибы хорошіе люди управляли страною въ теченіе одного столѣтія, они искоренили бы зло и сдѣлали бы излишними карательныя мѣры“... „Кто дѣйствуетъ на лошадь только бичомъ, тотъ погубитъ свой возъ“... „Выслушивать жалобы и разбирать процессы не трудно; но надо сдѣлать такъ, чтобы жалобъ не было“... „Если ты подчиняешь народъ законамъ и сдерживаешь его наказаніями, то онъ избѣгаетъ ихъ дѣйствія и не чувствуетъ стыда; если же ты руководишь народомъ посредствомъ добродѣтели и направляешь его добрыми нравами, то онъ имѣетъ стыдъ и исправляется“... Приводя эти и подобныя имъ изреченія Конфуція, хвалители Китая предполагаютъ ихъ достаточными для обезпеченія счастья народа; г. Г. фонъ Самсонъ-Гиммельстьерна наполнилъ большую книгу разсужденіями о великихъ нравственныхъ и политическихъ преимуществахъ китайской націи передъ европейскими, на основаніи выводовъ изъ хорошихъ сентенцій китайскихъ моралистовъ. Китай не знаетъ женскаго вопроса, потому что женщины были всегда добро-

[1]) H. von Samson-Himmelstjerna, стр. 79—80.

дѣтельны и пользовались уваженіемъ и равноправностью въ Китаѣ; онѣ имѣютъ доступъ къ разнымъ свободнымъ профессіямъ, занимаются литературою и наукою, выдвигаютъ изъ своей среды популярныхъ врачей и встрѣчаются даже въ полицейской службѣ. Китай не знаетъ соціальнаго вопроса, потому что рабочіе довольствуются малымъ и не видятъ или не понимаютъ привилегій хозяевъ и капиталистовъ; притомъ въ Китаѣ неизвѣстно пьянство, отражающееся обыкновенно столь плачевно не только на положеніи рабочихъ и крестьянъ, но и на судьбѣ женской половины населенія. Дѣло народнаго образованія процвѣтаетъ въ Китаѣ, такъ какъ оно находится не въ рукахъ чиновниковъ, а въ завѣдываніи семействъ и общинъ, безъ всякаго контроля администраціи; нѣтъ такого китайца, который не умѣлъ бы свободно читать и писать, насколько это необходимо для веденія семейныхъ реестровъ, и который не зналъ бы главныхъ правилъ національной морали и философіи. Однимъ словомъ, Китай имѣетъ всѣ данныя къ тому, чтобы быть однимъ изъ самыхъ культурныхъ, цвѣтущихъ и могущественныхъ государствъ міра.

Что̀ же мы видимъ въ дѣйствительности? Болѣе гнилого, ничтожнаго и безсильнаго государственнаго организма, чѣмъ Китай, нельзя себѣ представить: все тамъ продажно и фальшиво, и вся жизнь многомилліоннаго трудящагося китайскаго населенія есть только жалкое прозябаніе среди грязи и безправія, при отсутствіи элементарныхъ признаковъ и условій внѣшней культуры, при ужасающей санитарной обстановкѣ, подъ властью грубѣйшихъ первобытныхъ суевѣрій. Китайскіе правители и сановники откровенно расхищаютъ казну и методически грабятъ населеніе, подъ прикрытіемъ исконныхъ національныхъ началъ чиновничьяго самовластія; всякое подобіе общественной критики и протеста приравнивается къ бунту и часто карается смертью безъ суда. Богдыханъ въ теоріи всемогущъ, но на практикѣ онъ всецѣло зависитъ отъ совѣтниковъ, самый выборъ которыхъ диктуется ему окружающими; нынѣшній „сынъ Неба" пробовалъ приблизить къ себѣ благожелательнаго реформатора Канъ-ю-вея, но вынужденъ былъ отказаться отъ своей мысли и не могъ даже заступиться за своего бывшаго совѣтника, который едва спасся отъ ярости властвующихъ лицъ, найдя убѣжище на иностранномъ кораблѣ. Въ принципѣ всякій китайскій подданный можетъ обращаться къ богдыхану съ жалобами на злоупотребленія и съ проектами полезныхъ государственныхъ преобразованій; но на практикѣ ничто не гарантируетъ такого жалобщика или вольнодумца отъ смертной казни. Правители провинцій и губернаторы

располагають всею полнотою власти, въ качествѣ уполномоченныхъ богдыхана; имъ одинаково подчинены и административныя, и судебныя учрежденія, и мѣстные финансы, и военныя силы; они рѣшаютъ дѣла и произносятъ приговоры, не исключая и смертныхъ, безъ всякихъ ограниченій, безъ стѣснительныхъ законныхъ и судейскихъ нормъ. Состоящіе при губернаторѣ канцелярскія должностныя лица не получаютъ казеннаго жалованья, а живутъ добровольными подношеніями тяжущихся и вообще обывателей. Когда цензорами поднятъ былъ вопросъ о неудобствѣ этой системы вымогательствъ, то центральное правительство постановило резолюцію: „это вполнѣ въ порядкѣ вещей, чтобы поддерживался страхъ народа передъ властями“. Цензоры могутъ иногда высказывать правду, но подъ непремѣннымъ условіемъ самоубійства по первому намеку свыше. Противъ насилія и неправды примѣняется съ успѣхомъ только одно старинное средство: потерпѣвшій вѣшается передъ дверью обидчика, чтобы навлечь на него непріятности судебнаго дознанія и преслѣдованія [1]).

Въ Китаѣ нѣтъ настоящаго суда, нѣтъ законности, нѣтъ установленныхъ предѣловъ для государственной и административной власти. Китайскіе губернаторы „все могутъ“; они облечены всѣми правами и полномочіями, о какихъ только мечтаютъ у насъ князь Мещерскій и г. Грингмутъ, и никакой общественный контроль не стѣсняетъ свободнаго распоряженія государственнымъ и народнымъ достояніемъ. Оттого нигдѣ въ мірѣ казнокрадство не доведено до такой степени совершенства, какъ въ Китаѣ, — при самомъ строгомъ, конечно, соблюденіи всевозможныхъ формальностей казеннаго счетоводства. Одинъ генералъ, въ союзѣ съ вице-королемъ провинціи, долго получалъ изъ казначейства денежныя суммы на содержаніе сорокатысячной арміи, существовавшей только на бумагѣ. При попыткахъ организаціи военныхъ силъ, предпринятыхъ Лихунчаномъ, происходили анекдоты, остававшіеся какъ бы неизвѣстными именно тѣмъ, кого они ближе всего касались. При оффиціальномъ осмотрѣ крѣпостей оказывалось все въ исправности: въ одномъ фортѣ находилось двѣ тысячи хорошо вооруженныхъ солдатъ; но пока инспекторъ завтракалъ, ихъ переводили въ другой фортъ, потомъ въ третій, и эти двѣ тысячи человѣкъ считались за шесть тысячъ. Въ складѣ артиллерійскихъ снарядовъ лежали сверху настоящія бомбы, а подъ ними — картонныя, оклеенныя соотвѣтственнымъ образомъ. Изъ двухъ бочекъ пороха чиновникъ дѣлалъ двѣнадцать, и люди

---

[1]) H. von Samson-Himmelstjerna, стр. 155—166; удивительно, что даже въ этихъ судейскихъ беззаконіяхъ авторъ находитъ матеріалъ для восхваленія Китая.

удивлялись, что порохъ вовсе не дѣйствуетъ. Самъ Лихунчанъ нажилъ огромное состояніе при помощи такого рода искусныхъ оборотовъ; близкій родственникъ его, губернаторъ Тянь-цзиня, купилъ триста тысячъ забракованныхъ и негодныхъ ружей по два таэля за штуку, поставивъ ихъ на счетъ правительству въ цѣнѣ по девяти таэлей, и такимъ способомъ безъ всякаго труда и риска „заработалъ" около пяти милліоновъ рублей. Еслибы кто-нибудь вздумалъ разоблачить эту продѣлку, то погубилъ бы только самого себя, а не всесильнаго казнокрада, облеченнаго высочайшимъ довѣріемъ богдыхана. Во время войны съ Японіей „цѣлые отряды пѣхоты не могли быть употребляемы для стрѣльбы вслѣдствіе того, что не имѣли подходящихъ патроновъ къ своимъ ружьямъ, или же вслѣдствіе того, что въ нихъ вмѣсто зарядовъ была глина. Японцы находили также гранаты, снаряженныя глиной. Послѣ взятія Вей-хай-вея, японцы нашли въ пескѣ десять новыхъ тяжелыхъ крупповскихъ орудій, которыя вслѣдствіе неумѣнья и недостатка денегъ (т.-е. ненадлежащаго распредѣленія ихъ по карманамъ участниковъ) не могли быть установлены для употребленія и лежали на томъ мѣстѣ, гдѣ были выгружены на берегъ" [1]). Сами члены царствующей манчжурской династіи опасались снабжать китайскую армію хорошимъ оружіемъ, въ виду возможности военнаго возстанія или переворота; знаменитые боксеры, герои „большого кулака", находившіеся подъ тайнымъ покровительствомъ принца Туана и вдовствующей императрицы, были вооружены только палками, пиками и заржавленными саблями, чтобы не сдѣлаться опасными для правительства. Прогнившій насквозь, фальшивый, вѣроломный, бездушно-жестокій, продажный политическій режимъ извратилъ и обезсилилъ китайскую націю, осудивъ ее на ничтожество, и потребовались бы колоссальныя усилія цѣлаго ряда энергическихъ, истинно просвѣщенныхъ реформаторовъ, чтобы вывести Китай на новый путь, — если только обновленіе еще возможно для Китая.

Итакъ, съ одной стороны — богато одаренный китайскій народъ, создавшій высокую самобытную культуру, доведенъ до жалкаго, безсильнаго прозябанія, а съ другой—родственный ему, сравнительно небольшой, менѣе способный японскій народъ, пережившій столь же тяжелую многовѣковую исторію, быстро поднялся до поразительныхъ успѣховъ сознательнаго политическаго развитія и могущества. Чѣмъ же объясняется эта разница въ

[1]) Général H. Frey. L'armée chinoise, Paris, 1904, стр. 117 и др.; I. Ржевускій, Японско-китайская война, стр. 74, и др.

судьбѣ обѣихъ родственныхъ и во многомъ сходныхъ между собою народностей? Исключительно лишь свойствами правительственнаго строя и правительственной системы Китая и Японіи. Китай въ полной мѣрѣ осуществилъ идеалъ административнаго всевластія, народнаго безправія и молчанія, оффиціальнаго самодовольства и всеобщей закоснѣлости мнимыхъ національныхъ традицій, — идеалъ, столь настойчиво предлагаемый намъ въ образецъ нашею лже-патріотическою печатью, съ „Гражданиномъ" и „Московскими Вѣдомостями" во главѣ. Японія, съ конца шестидесятыхъ годовъ, послѣдовала другимъ примѣрамъ и сразу выдвинулась на степень первоклассной великой державы Дальняго Востока; она открыла свободный просторъ всѣмъ полезнымъ качествамъ и способностямъ своего народа, поставила интересы и выгоды государства впереди интересовъ и удобствъ правительственныхъ дѣятелей, подчинила администрацію общественному контролю и критикѣ, дала сильный толчокъ самостоятельному умственному движенію въ странѣ, внесла свѣжій духъ бодрости и энергіи въ затхлую нѣкогда атмосферу узко-національной жизни. Японцы отреклись отъ китайскихъ политическихъ понятій и привычекъ, перестали заботиться объ усиленіи власти своихъ губернаторовъ, создавать проекты возврата къ феодально-крѣпостнической старинѣ; они не задаются цѣлью ставить препоны народному и общественному развитію, не думаютъ объ искусственномъ поддержаніи народнаго невѣжества, не мечтаютъ о сокращеніи числа общедоступныхъ школъ, читаленъ и книгъ, не усматриваютъ опасности для государства въ каждомъ свободно выраженномъ оппозиціонномъ мнѣніи и не смѣшиваютъ самовластія отдѣльныхъ сановниковъ съ высшимъ и неприкосновеннымъ авторитетомъ верховной власти. Результаты бросаются теперь въ глаза самимъ китайцамъ.

„Желтая опасность" не страшна Европѣ, пока Китай пребываетъ въ современномъ положеніи застоя, внутренней дряблости и разлада; она не будетъ страшна ей и въ случаѣ возрожденія Китая подъ новымъ благотворнымъ національнымъ или иноземно-европейскимъ режимомъ, если европейцы станутъ твердо уклоняться отъ завоевательныхъ соблазновъ и соблюдать принципы терпимости и уваженія къ правамъ, интересамъ и обычаямъ сосѣднихъ азіатскихъ народовъ. Несравненно болѣе серьезна другая опасность, заключающаяся въ собственныхъ грѣхахъ и болѣзняхъ Европы...

Л. Слонимскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I

Какъ не скорбѣть за эти жертвы боя,
За эти ужасы случайностей войны,
Гдѣ гибнутъ родины безмолвные сыны,
Сраженные измѣнчивой судьбою?!..

Какъ не болѣть за пролитую кровь,
Какъ не рыдать на этой страшной тризнѣ,
Гдѣ гордо говоритъ законъ ослѣпшей жизни,
Гдѣ идеальная схоронена любовь?!..

Но вѣришь ты—геройская побѣда
И сила новая, и слава, можетъ быть,
Заставятъ снова насъ надолго позабыть
Печаль войны, какъ страхъ ночного бреда!

Но вѣрю я—настанетъ вѣкъ иной,
Кровавыхъ войнъ онъ ужаснется слѣду,
И онъ одержитъ вѣчную побѣду
Не на войнѣ, но надъ войной!

II.

ВЪ ДѢТСКОЙ.

Тихо, тихо я пою:
Баю, баюшки-баю!
Но родимый мой не спитъ,
Разметался на кроваткѣ...
Свѣтъ дрожащій отъ лампадки
Тѣнью ночи перевитъ...
Шумъ усталый, гулъ далекій
Лживой жизни городской
Не смутилъ ли твой покой
Дѣтски-ясный и глубокій?..
Призракъ, можетъ быть, судьбы
Вдругъ пронесся надъ тобою
Съ окровавленной рукою
Жесткимъ терніемъ борьбы?
Спи, мой свѣтикъ чернобровый,
Не всесильно жизни зло!
Ты найдешь любви тепло
И въ зимѣ судьбы суровой...
Море жизни—широко,
Сочетанья въ немъ такъ странны...
Улыбнешься ты легко
Средь тяжелыхъ слезъ, нежданно
Вспомнивъ пѣсенку мою:
Баю, баюшки-баю!

Пав. Гайдевуровъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 мая 1904.

Вновь учрежденные совѣтъ и главное управленіе по дѣламъ мѣстнаго хозяйства. — Мѣстные дѣятели, какъ члены совѣта.—Функціи совѣта. — Законъ о ходатайствахъ уѣздныхъ земскихъ собраній. — Замѣчательный указъ сената. — Школы и предводитель дворянства. — Продовольственное дѣло. — Новый управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія.

22 марта с. г., Высочайше утверждено Положеніе о новыхъ учрежденіяхъ, вводимыхъ въ составъ министерства внутреннихъ дѣлъ—совѣтѣ и главномъ управленіи по дѣламъ мѣстнаго хозяйства. Главное управленіе по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, замѣняя собою департаменты хозяйственный и отчасти медицинскій (въ остальныхъ своихъ частяхъ уступающій мѣсто вновь образуемому управленію главнаго врачебнаго инспектора министерства внутреннихъ дѣлъ), состоитъ изъ канцеляріи и пяти отдѣловъ: земскаго хозяйства, городского хозяйства, народнаго здравія и общественнаго призрѣнія, дорожнаго, страхованія и противопожарныхъ мѣръ. Этимъ отдѣламъ соотвѣтствуютъ *особыя присутствія* въ составѣ совѣта по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, съ тою только разницею, что дѣла хозяйства земскаго и городского соединены въ одномъ особомъ присутствіи. *Общее присутствіе* совѣта состоитъ, подъ предсѣдательствомъ министра внутреннихъ дѣлъ, изъ начальника главнаго управленія по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, его помощника, управляющихъ отдѣлами главнаго управленія, непремѣннаго члена совѣта, главнаго врачебнаго инспектора, членовъ отъ министерствъ финансовъ и земледѣлія (по одному отъ того и другого), губернаторовъ по назначенію министра внутреннихъ дѣлъ и членовъ изъ мѣстныхъ дѣятелей, въ числѣ отъ двѣнадцати до пятнадцати. Эти послѣдніе приглашаются министромъ внутреннихъ дѣлъ изъ числа предводителей дворянства, предсѣдателей и членовъ земскихъ управъ и управъ по дѣламъ земскаго хозяйства, городскихъ головъ, ихъ товарищей, членовъ городскихъ управъ и земскихъ и го-

родскихъ гласныхъ, и утверждаются въ званіи членовъ совѣта Высочайшею властью, срокомъ на три года. Въ общее присутствіе совѣта призываются еще: 1) по дѣламъ вѣдомствъ, не имѣющихъ постоянныхъ представителей въ совѣтѣ—уполномоченные отъ этихъ вѣдомствъ, 2) по смѣтнымъ вопросамъ—членъ отъ государственнаго контроля, и 3) по дѣламъ, касающимся врачебной и санитарной части—предсѣдатель медицинскаго совѣта и два члена этого совѣта, по его избранію. Въ составъ особыхъ присутствій совѣта входятъ, по общему правилу, только должностныя лица; но въ засѣданія совѣта какъ по общему, такъ и по особымъ присутствіямъ, могутъ, по усмотрѣнію предсѣдателя, быть приглашаемы всѣ тѣ, отъ кого можно ожидать полезныхъ указаній. Общее присутствіе совѣта по дѣламъ мѣстнаго хозяйства собирается ежегодно, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ и въ сроки, имъ назначаемые. На разсмотрѣніе совѣта по общему его присутствію вносятся: 1) предположенія объ изданіи новыхъ законовъ, инструкцій и общихъ распоряженій, а также о дополненіи, измѣненіи и отмѣнѣ дѣйствующихъ законовъ, инструкцій и распоряженій по предметамъ хозяйственныхъ пользъ и нуждъ населенія, подвѣдомственнымъ министерству внутреннихъ дѣлъ и отнесеннымъ къ обязанностямъ главнаго управленія по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, и 2) всѣ тѣ вопросы и дѣла, къ указаннымъ выше предметамъ относящіеся, въ томъ числѣ ходатайства земскихъ, городскихъ и иныхъ учрежденій, по которымъ министръ внутреннихъ дѣлъ признаетъ необходимымъ имѣть заключеніе совѣта. Всѣ дѣла въ совѣтѣ рѣшатся простымъ большинствомъ присутствующихъ. По всѣмъ дѣламъ, по которымъ требовались заключенія общаго присутствія совѣта, журналы послѣдняго прилагаются къ представленіямъ, вносимымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ въ высшія государственныя установленія.

Таковы главныя черты новаго закона. Его радостно встрѣтили нѣкоторые органы печати, принадлежащіе скорѣе къ сторонникамъ, чѣмъ къ противникамъ самоуправленія. Указывается на то, что вновь вводимыя учрежденія призваны замѣнить собою „существовавшіе ранѣе департаменты бюрократическаго строя“, а участіе мѣстныхъ людей предположено „сдѣлать не только внѣшнимъ“; выражается надежда, что право *выбирать* представителей въ центральное учрежденіе не предоставлено земствамъ и городамъ только *пока*, т.-е. лишь на первое время, да и приглашенными министерствомъ окажутся лица „наиболѣе соотвѣтствующія желаніямъ общества“ (напримѣръ—внесенныя земскими собраніями и городскими думами въ составленные ad hoc кандидатскіе списки). Для такихъ розовыхъ ожиданій мы не видимъ, въ настоящую минуту, достаточной причины. Крайне незначитель-

нымъ, прежде всего, кажется намъ число мѣстныхъ дѣятелей, входящихъ въ составъ совѣта по дѣламъ мѣстнаго хозяйства. Группъ, къ которымъ они будутъ принадлежать, насчитывается не менѣе шести (предводители дворянства—земскія управы—управы по дѣламъ земскаго хозяйства—городскія управы—земскіе гласные — городскіе гласные), если и не отдѣлять губернскихъ предводителей отъ уѣздныхъ, губернскихъ земскихъ управъ—отъ уѣздныхъ, предсѣдателей земскихъ управъ—отъ членовъ, городскихъ головъ—отъ членовъ городскихъ управъ. На каждую группу—если мѣстныхъ дѣятелей будетъ въ совѣтѣ двѣнадцать,—придется, такимъ образомъ, только по *два* представителя. Немногимъ больше окажется ихъ и въ такомъ случаѣ, если число членовъ совѣта изъ среды мѣстныхъ дѣятелей будетъ доведено до максимума, т.-е. до пятнадцати. Понятно, что при такихъ цифрахъ о сколько-нибудь полномъ представительствѣ многоразличныхъ интересовъ разныхъ общественныхъ союзовъ, разныхъ частей Россіи не можетъ быть и рѣчи. Прибавимъ къ этому, что наряду съ *выборными* лицами могутъ быть приглашаемы въ совѣтъ и назначенныя (предводители дворянства западныхъ губерній, члены управъ по дѣламъ земскаго хозяйства, а также назначенные, въ виду несостоявшихся или неутвержденныхъ выборовъ, предсѣдатели и члены земскихъ и городскихъ управъ)... Въ активъ новаго закона ставится сравнительная продолжительность срока, на который приглашаются мѣстные дѣятели. Правда, она до извѣстной степени гарантируетъ ихъ самостоятельность (говоримъ: *до извѣстной степени*, потому что у насъ вообще нѣтъ неотъемлемыхъ правъ и безусловно прочныхъ положеній)—но, съ другой стороны, она надолго оставляетъ безъ представительства въ совѣтѣ тѣ мѣстности, отъ которыхъ не будетъ приглашенъ никто ни на первое, ни на ближайшія затѣмъ трехлѣтія... Невыгоднымъ для мѣстныхъ дѣятелей является, далѣе, численное отношеніе ихъ къ другимъ членамъ совѣта. Если даже число первыхъ сразу будетъ доведено до пятнадцати, должностныхъ лицъ въ составѣ совѣта все-таки будетъ не меньше (къ двѣнадцати, названнымъ въ законѣ, слѣдуетъ присоединить еще назначенныхъ министромъ губернаторовъ—вѣроятно трехъ, а можетъ быть и больше,—и, въ большинствѣ случаевъ, членовъ отъ разныхъ вѣдомствъ, не имѣющихъ постоянныхъ представителей въ совѣтѣ). Даже при численномъ равенствѣ обоихъ элементовъ перевѣсъ почти всегда будетъ на сторонѣ должностныхъ лицъ, легче подчиняющихся дисциплинѣ; но за ними легко можетъ оказаться и большинство (если, напримѣръ, губернаторовъ будетъ приглашено въ совѣтъ болѣе трехъ, или мѣстныхъ дѣятелей—менѣе пятнадцати).

Говоря, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ [1]), о проектѣ, теперь ставшемъ закономъ, мы напомнили, что мысль о совѣтѣ, составленномъ отчасти изъ должностныхъ лицъ, отчасти изъ мѣстныхъ дѣятелей, была заявлена еще въ 1890-мъ году, вслѣдъ за обнародованіемъ новаго земскаго положенія, профессоромъ Н. М. Коркуновымъ. Онъ предлагалъ образовать особый совѣтъ по земскимъ дѣламъ изъ десяти (не считая предсѣдателя—министра внутреннихъ дѣлъ) представителей администраціи и десяти выбранныхъ губернскими собраніями представителей земства; губерніи с.-петербургская и московская должны были быть представлены въ совѣтѣ постоянно, а остальныя тридцать-двѣ земскія губерніи—раздѣлены на четыре равныя группы, такъ чтобы въ теченіе каждаго трехлѣтія были представлены по очереди, кромѣ столичныхъ, восемь губерній [2]). Слабою стороной этого проекта, сравнительно съ новымъ закономъ, было то́, что совѣтъ по земскимъ дѣламъ долженъ былъ замѣнить собою, въ данной сферѣ, комитетъ министровъ (за исключеніемъ случаевъ разногласія между большинствомъ совѣта и однимъ изъ министровъ); но за то земскіе члены совѣта были бы дѣйствительными уполномоченными земства, и всѣ земскія губерніи были бы, по очереди, представлены въ совѣтѣ. Замѣтимъ еще, что еслибы мысль проф. Коркунова была приведена въ исполненіе, то рядомъ съ совѣтомъ по земскимъ дѣламъ неизбѣжно сталъ бы совѣтъ по дѣламъ городскимъ; не было бы, поэтому, того раздробленія вліянія между земскими и городскими дѣятелями, какого слѣдуетъ ожидать въ совѣтѣ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства. Мѣстный элементъ будетъ представленъ здѣсь, въ добавокъ, не только земскими и городскими дѣятелями, но и предводителями дворянства, а также членами новыхъ, земскихъ лишь по имени учрежденій западнаго края. Все это вмѣстѣ взятое заставляетъ насъ опасаться, что работа мѣстныхъ дѣятелей въ вновь созданномъ совѣтѣ окажется, въ большинствѣ случаевъ, совершенно безплодной. Можно будетъ сказать, что въ подготовкѣ той или другой мѣры участвовали представители мѣстнаго самоуправленія—но на самомъ дѣлѣ это участіе будетъ имѣть именно „внѣшній", болѣе декоративный, чѣмъ реальный характеръ. Не видимъ мы и основанія для надежды, что приглашаемы въ совѣтъ будутъ именно тѣ мѣстные дѣятели, которые „наиболѣе соотвѣтствуютъ желаніямъ общества". О „кандидатскихъ спискахъ", куда вносились бы такія лица, въ законѣ не говорится ни слова—а ввести ихъ въ повсемѣстное употребленіе и сдѣлать руководство ими обязательнымъ для администраціи могъ бы только законъ. Не имѣли бы они

[1]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 12 „Вѣстника Европы" за 1903 г.

[2]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ №№ 2 и 3 „Вѣстника Европы" за 1891 г.

существеннаго значенія и потому, что отъ усмотрѣнія министра зависитъ всецѣло распредѣленіе мѣстныхъ дѣятелей между группами, перечисленными въ законѣ: еслибы, напримѣръ, въ кандидатскіе списки, составленные земскими собраніями, были внесены преимущественно personae minus gratae для администраціи, ничто не мѣшало бы призвать мѣстныхъ дѣятелей не изъ числа земскихъ гласныхъ. Самымъ простымъ и единственнымъ надежнымъ способомъ ввести въ составъ совѣта людей, „наиболѣе соотвѣтствующихъ желаніямъ общества", представляется обращеніе къ выборному началу, съ такимъ увеличеніемъ числа членовъ изъ среды мѣстныхъ дѣятелей, которое позволило бы привлечь въ совѣтъ представителей многихъ земскихъ собраній и городскихъ думъ. Убѣжденіе, что отъ имени общественныхъ учрежденій, а слѣдовательно и стоящаго за ними населенія, могутъ говорить только свободно выбранныя ими лица, выразилось еще недавно въ цѣломъ рядѣ земскихъ ходатайствъ. Широко распространенное, оно становится все болѣе и болѣе прочнымъ и глубокимъ.

Отъ состава общаго присутствія совѣта по дѣламъ мѣстнаго хозяйства переходимъ къ его функціямъ. Здѣсь мы замѣчаемъ, прежде всего, довольно существенную разницу между первоначальнымъ проектомъ и окончательнымъ текстомъ закона. Законопроектъ требовалъ внесенія въ общее присутствіе совѣта ходатайствъ земскихъ и городскихъ учрежденій, касающихся принятія общихъ мѣръ въ области мѣстнаго хозяйства; по закону 22-го марта, въ общее присутствіе вносятся лишь тѣ ходатайства, по которымъ министръ внутреннихъ дѣлъ признаетъ необходимымъ имѣть заключеніе совѣта. Утрачена, такимъ образомъ, та хоть и небольшая, но все-же не совсѣмъ ничтожная гарантія, которую представляло бы обсужденіе совѣтомъ *всѣхъ* ходатайствъ, относящихся къ *общимъ* вопросамъ мѣстнаго хозяйства. Намъ кажется, что эту гарантію—въ виду новаго закона о ходатайствахъ уѣздныхъ земскихъ собраній, который мы разсмотримъ ниже,—слѣдовало бы сохранить по меньшей мѣрѣ для ходатайствъ, возбуждаемыхъ губернскими земскими собраніями. Отъ усмотрѣнія министра зависитъ и внесеніе въ общее присутствіе совѣта другихъ дѣлъ, относящихся къ мѣстному хозяйству, за однимъ лишь исключеніемъ: вопросы законодательнаго характера обязательно, повидимому [1]), подлежатъ разсмотрѣнію общаго присутствія. Вся масса текущихъ дѣлъ, поступающихъ въ министерство изъ земскихъ собраній и городскихъ думъ, предоставляется вѣдѣнію особыхъ присутствій, въ постоянный составъ которыхъ входятъ, какъ мы видѣли,

---

[1]) Говоримъ: *повидимому*—потому, что обязательность не установлена закономъ положительно и прямо, а можетъ только быть выведена изъ сравненія пун. 1 и 2 ст. 14-ой.

одни лишь должностныя лица; усиленіе его свѣдущими людьми (кругъ которыхъ отнюдь не ограниченъ мѣстными дѣятелями) зависитъ исключительно отъ предсѣдателя. Для насъ, поэтому, непонятно, почему газета, мнѣніе которой приведено нами выше, противополагаетъ всѣ учрежденія, созданныя закономъ 22-го марта, „раньше существовавшимъ департаментамъ бюрократическаго строя". Отъ перемѣны названій не измѣняется существо дѣла. Главное управленіе по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, управленіе главнаго врачебнаго инспектора—такія же составныя части „бюрократическаго строя", какими были упраздняемые департаменты хозяйственный и медицинскій. Бюрократическими слѣдуетъ считать и особыя присутствія совѣта по дѣламъ мѣстнаго хозяйства. Только въ общемъ присутствіи совѣта бюрократическій элементъ нѣсколько смягченъ участіемъ мѣстныхъ дѣятелей, изъ которыхъ, впрочемъ, далеко не всѣ свободны отъ всякой прикосновенности къ бюрократическимъ сферамъ.

Между обоими видами административныхъ учрежденій—старымъ и новымъ—есть, безъ сомнѣнія, не маловажная разница: но она заключается не въ томъ, въ чемъ ее усматриваетъ оптимистически настроенная газета. Это—разница не въ типѣ, а въ степени: главное управленіе—тотъ же департаментъ, но поставленный одною ступенью выше. По закону 22-го марта, начальникъ главнаго управленія по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, состоя по ввѣренной ему части ближайшимъ помощникомъ министра внутреннихъ дѣлъ, замѣняетъ министра въ высшихъ государственныхъ установленіяхъ на основаніяхъ, для товарищей министровъ опредѣленныхъ, и разрѣшаетъ многія дѣла, предоставленныя вѣдѣнію министра. Другими словами, онъ подходитъ гораздо ближе къ товарищу министра, чѣмъ къ директору департамента [1]). Повышаются, соотвѣтственно, и управляющіе отдѣлами, на которые раздѣляется главное управленіе по дѣламъ мѣстнаго хозяйства; законъ прямо говоритъ, что каждый изъ нихъ завѣдуетъ ввѣренною ему частью на основаніяхъ, опредѣленныхъ для директоровъ департаментовъ. Мы имѣли уже случай замѣтить, что названію учрежденія всегда болѣе или менѣе соотвѣтствуетъ дѣйствительное его значеніе, объему правъ—способъ пользованія ими. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что *главному управленію* по дѣламъ мѣстнаго хозяйства роль хозяйственнаго *департамента* покажется недостаточно крупной и важной, и оно постарается создать для себя цѣлый рядъ новыхъ функцій, въ ущербъ самостоятельности земскаго и городского самоуправленія. Децентрализаціи управленія, поставленной на очередь, такія новообра-

---

[1]) Съ небольшими оговорками то же самое можно сказать о главномъ врачебномъ инспекторѣ.

зованія, какъ созданныя закономъ 22-го марта, благопріятствовать не могутъ.

За послѣднюю четверть вѣка кругъ дѣйствій министерства внутреннихъ дѣлъ расширился чрезвычайно. Отъ упраздненнаго третьяго отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи оно унаслѣдовало дѣла государственной полиціи; отъ министерства юстиціи получило массу судебныхъ дѣлъ; отъ земства взяло непосредственное завѣдываніе народнымъ продовольствіемъ; земское положеніе 1890-го и городовое положеніе 1892-го года умножили до безконечности пункты соприкосновенія его съ мѣстными хозяйственными учрежденіями; въ его составъ опять включено управленіе почтъ и телеграфовъ; усложнились и раздвинулись, наконецъ, цѣлыя области, издавна ему подвѣдомственныя (переселеніе, страхованіе, охрана дворянскихъ интересовъ). Отсюда, съ одной стороны, увеличеніе числа должностей (земскій отдѣлъ, напримѣръ, выросъ болѣе чѣмъ вдвое, хотя и освободился отъ нѣкоторыхъ прежде лежавшихъ на немъ обязанностей), съ другой—образованіе новыхъ установленій, достигшее кульминаціоннаго пункта въ законѣ 22-го марта. Намъ кажется, что правильнѣе было бы облегчить тяжесть задачи, возложенной на министра внутреннихъ дѣлъ—задачи, непосильной для одного лица, каковы бы ни были его способности и силы. Достигнуть этого можно было бы не столько созданіемъ новыхъ министерствъ или главныхъ управленій, сколько болѣе нормальнымъ распредѣленіемъ дѣлъ между имѣющимися уже министерствами (напримѣръ, сосредоточеніемъ *всей* судебной части въ вѣдомствѣ министерства юстиціи) и, въ особенности, расширеніемъ компетенціи и правъ мѣстныхъ органовъ самоуправленія.

Нѣсколько раньше, чѣмъ положеніе о главномъ управленіи по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, утвержденъ (2-го февраля) законъ, предоставляющій уѣзднымъ земскимъ собраніямъ право возбуждать ходатайства о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ *непосредственно* передъ правительствомъ, не проводя ихъ предварительно, какъ это дѣлается теперь, черезъ губернское земское собраніе. Въ нашей печати этотъ законъ вызвалъ съ одной стороны ни на чемъ не основанное ликованіе, съ другой—столь же мало основательныя опасенія. Не слѣдуетъ, прежде всего, упускать изъ виду, что онъ представляетъ собою только возстановленіе порядка, созданнаго въ 1864-мъ и отмѣненнаго въ 1890-мъ году. Уже это одно устраняетъ возможность думать, что онъ направленъ къ умаленію правъ губернскаго земства. Преобладающею чертой перваго земскаго положенія было довѣріе къ земскимъ учрежденіямъ, какъ губернскимъ, такъ и уѣзднымъ; преобладающею

чертою пересмотрѣннаго положенія является, наоборотъ, недовѣріе и къ тѣмъ, и къ другимъ — и къ губернскимъ, пожалуй, даже въ еще бо̀льшей степени, чѣмъ къ уѣзднымъ. Отсюда ясно, что въ вопросѣ о томъ, кому должно принадлежать право возбужденія ходатайствъ, законодатель ни въ 1864-мъ, ни въ 1890-мъ году не руководился соображеніями политическаго свойства: сначала болѣе удобнымъ казалось распространеніе права на всѣ собранія, потомъ—пріуроченіе его къ однимъ губернскимъ. Трудъ администраціи—такъ думали, очевидно, составители положенія 1890-го года—долженъ уменьшиться соразмѣрно съ уменьшеніемъ числа учрежденій, уполномоченныхъ на заявленіе ходатайствъ. Опытъ скоро доказалъ ошибочность такого взгляда: къ ходатайствамъ, затрогивавшимъ только интересы одного уѣзда, губернскія собранія относились обыкновенно съ чисто формальной точки зрѣнія и, не пополняя ихъ никакими новыми данными, направляли ихъ дальше въ томъ же, часто неразработанномъ видѣ, въ какомъ они поступали изъ уѣздныхъ собраній. Когда такихъ фактовъ накопилось довольно много, министерство внутреннихъ дѣлъ, во второй половинѣ минувшаго десятилѣтія, обратилось къ губернскимъ собраніямъ съ вопросомъ, не слѣдуетъ ли, по ихъ мнѣнію, возвратить уѣзднымъ земскимъ собраніямъ право непосредственнаго возбужденія ходатайствъ. Въ томъ же обращеніи были намѣчены и нѣкоторыя другія (теперь уже осуществившіяся) перемѣны въ земскомъ положеніи, безспорно составлявшія шагъ впередъ, а не назадъ (напр. включеніе предсѣдателей уѣздныхъ земскихъ управъ, de jure, въ число губернскихъ гласныхъ, предоставленіе земскимъ собраніямъ избирать, изъ среды членовъ управы, замѣстителя предсѣдателя). Въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ предположеніе, касавшееся права ходатайства, не встрѣтило, сколько намъ извѣстно, особенно сильныхъ возраженій; нѣкоторыя собранія (напр. с.-петербургское) прямо высказались въ его пользу. И это вполнѣ понятно: въ огромномъ большинствѣ случаевъ ходатайства уѣздныхъ земскихъ собраній касаются нуждъ *мѣстныхъ* въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова (напр. назначенія правительственной субсидіи на больницы, мосты, дороги, открытія учебнаго заведенія, сложенія или разсрочки долга). Ходатайства болѣе общаго характера исходятъ отъ уѣздныхъ земскихъ собраній очень рѣдко; фактически ихъ иниціатива почти всегда принадлежитъ губернскимъ земствамъ. Такого положенія дѣлъ не измѣняетъ и новый законъ: къ вѣдомству уѣздныхъ земскихъ собраній онъ относитъ представленіе ходатайствъ, относящихся *исключительно* къ мѣстнымъ пользамъ и нуждамъ уѣзда. Если уѣздное земское собраніе найдетъ необходимымъ возбудить вопросъ болѣе общій, оно можетъ и теперь обратиться къ губернскому собранію; законъ 2-го февраля

этому ни прямо, ни косвенно не мѣшаетъ. Видѣть въ немъ ослабленіе губернскаго земства нельзя уже потому, что правительство всегда имѣло возможность удовлетворить ходатайство уѣзднаго земства, хотя бы и не поддержанное губернскимъ: журналы уѣздныхъ собраній не только не составляютъ тайны, но обязательно представляются губернатору, отъ котораго — и отъ стоящихъ надъ нимъ учрежденій — всегда зависѣло использовать такъ или иначе всѣ заключающіяся въ нихъ данныя и указанія. Пожалѣть можно развѣ о томъ, что уѣзднымъ земскимъ собраніямъ не вмѣнено въ обязанность сообщать губернскому, *для свѣдѣнія*, о всѣхъ возбуждаемыхъ непосредственно ими ходатайствахъ. При такомъ порядкѣ губернскому земству легче было бы слѣдить за предначертаніями уѣздныхъ земствъ, поддерживая ихъ, если осуществленіе ихъ можетъ оказаться полезнымъ не для одного только уѣзда, представляя противъ нихъ возраженія, если они идутъ въ разрѣзъ съ интересами сосѣднихъ уѣздовъ или всей губерніи. Существеннаго значенія, однако, указанный нами пробѣлъ закона не имѣетъ, потому что съ ходатайствами уѣздныхъ земствъ губернское земство можетъ знакомиться прямо по журналамъ уѣздныхъ земскихъ собраній. Промежутокъ времени между сессіями уѣздными и губернскою такъ не великъ (два-три мѣсяца), что замѣчанія губернскаго земства по поводу уѣздныхъ ходатайствъ только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ могутъ оказаться запоздалыми.

Недавно въ нашей печати происходилъ большой споръ о правомѣрности и цѣлесообразности обращенія земскихъ начальныхъ школъ, по рѣшенію земскаго собранія, въ церковно-приходскія школы духовнаго вѣдомства. Когда замолкли послѣдніе отголоски этого спора, въ газетахъ появился чрезвычайно важный указъ правит. сената по аналогичному вопросу. Чернское (тульской губерніи) уѣздное земское собраніе, въ октябрѣ 1897-го года, опредѣлило передать начальныя школы, содержимыя на средства земства, въ епархіальное вѣдомство, съ субсидіей по 6.000 р. въ годъ. Постановленіе это было обжаловано уѣзднымъ предводителемъ дворянства и директоромъ народныхъ училищъ тульской губ. губернскому по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствію, оставившему жалобы ихъ безъ послѣдствій, въ виду того, что закономъ не воспрещена передача школъ, содержимыхъ земствомъ, въ епархіальное вѣдомство. По жалобѣ предводителя дворянства и директора училищъ дѣло перешло въ сенатъ. Сенатъ нашелъ, что земскія учрежденія не лишены права прекращать ассигнованія на предметы своего хозяйства, въ томъ числѣ и на содержаніе школъ, а потому постановленіе земскаго собранія, насколько оно касалось прекращенія

ассигновки на земскія школы и назначенія пособія церк.-приходскимъ школамъ, не выходитъ изъ предѣловъ предоставленной земскому собранію власти; но самая передача земскихъ школъ въ епарх. вѣдомство, въ виду ст. ст. 3477, 3478 и 3487 уст. учр. учебн. зав. (св. зак. т. XI ч. 1, изд. 1893 года), могла состояться лишь по предварительномъ сношеніи съ уѣзднымъ училищнымъ совѣтомъ. Въ настоящемъ случаѣ постановленіе зем. собранія о передачѣ земскихъ школъ въ епарх. вѣдомство было сообщено уѣздною управою епархіальному учил. совѣту безъ увѣдомленія о томъ уѣзднаго учил. совѣта. Независимо отъ сего, усматривая, что многія изъ начальныхъ училищъ чернскаго уѣзда содержатся не исключительно на земскія средства, но на спеціально пожертвованные капиталы или на совмѣстныя средства земства и частныхъ лицъ, что отопленіе и освѣщеніе нѣкоторыхъ школъ лежитъ на обязанности сельскихъ обществъ, что на многія изъ школъ сдѣланы частными лицами единовременные взносы, и принимая во вниманіе, что на основаніи ст. 936 зак. гражд. (т. X ч. 1 св. зак. изд. 1887 г.), если употребленіе пожертвованныхъ для опредѣленной надобности имуществъ и капиталовъ, сообразно указанному жертвователемъ назначенію, сдѣлается, по измѣнившимся условіямъ, невозможнымъ, то симъ имуществамъ и капиталамъ можетъ быть дано другое назначеніе не иначе, какъ по истребованіи согласія жертвователя, сенатъ призналъ, что передача въ епарх. вѣдомство тѣхъ школъ, которыя содержались чернскимъ земствомъ при помощи пожертвованій частныхъ лицъ и обществъ, могла бы состояться лишь по испрошеніи согласія всѣхъ означенныхъ лицъ и обществъ. Между тѣмъ, согласія этого не только не было въ настоящемъ случаѣ испрошено, но нѣкоторые изъ жертвователей прямо и категорически высказали протестъ свой противъ передачи содержимыхъ при ихъ посредствѣ училищъ въ епарх. вѣдомство, причемъ непринесеніе ими жалобы по настоящему дѣлу въ прав. сенатъ отнюдь не можетъ быть разсматриваемо какъ послѣдующее согласіе ихъ на исполненіе постановленія земства и въ достаточной мѣрѣ оправдывается тѣмъ, что и помимо ихъ жалобы настоящее дѣло вошло на разсмотрѣніе прав. сената. Исходя изъ этихъ мотивовъ, сенатъ отмѣнилъ, какъ лишенное законнаго основанія, постановленіе тульскаго губ. по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія, которымъ было оставлено въ силѣ постановленіе чернскаго уѣзднаго земскаго собранія, и поручилъ присутствію постановить новое опредѣленіе. Такое опредѣленіе, судя по газетнымъ извѣстіямъ, теперь уже состоялось, и чернскому уѣздному земскому собранію предстоитъ новое обсужденіе вопроса, столь опрометчиво имъ разрѣшеннаго. Нетрудно замѣтить, что многія изъ соображеній, которыми руководился сенатъ, примѣнимы всецѣло къ не-

давнему постановленію тверского уѣзднаго земскаго собранія, вступившаго—при обстановкѣ, подробно изображенной въ одной изъ нашихъ прошлогоднихъ хроникъ,—на тотъ же путь, которымъ шло чернское земство. Подобно чернскому, тверское уѣздное собраніе упустило изъ виду, что въ содержаніи многихъ земскихъ школъ участвуютъ сельскія общества, безъ согласія которыхъ не можетъ быть произведена рѣзкая перемѣна въ положеніи школъ; подобно чернскому, оно наложило руку и на такія школы, которыя не имъ устроены; подобно чернскому, оно постановило свое рѣшеніе безъ предварительнаго сношенія съ уѣзднымъ училищнымъ совѣтомъ. Нельзя не пожалѣть, что въ то время не былъ еще извѣстенъ указъ сената по чернскому дѣлу: онъ остановилъ бы, быть можетъ, походъ тверского уѣзднаго земскаго собранія противъ земскихъ школъ или, по меньшей мѣрѣ, внесъ бы въ образъ дѣйствій собранія нѣсколько бо́льшую сдержанность и осторожность. Новую силу нашли бы въ немъ нѣкоторые изъ доводовъ, противопоставленныхъ тверскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ рѣшенію тверского уѣзднаго земства.

Слѣдуетъ ли ожидать, что указъ сената по чернскому дѣлу приведетъ къ отмѣнѣ постановленія тверского уѣзднаго земскаго собранія? Увѣренности въ этомъ мы не имѣемъ. Въ чернскомъ уѣздѣ и тульской губерніи встрѣтилась такая счастливая комбинація обстоятельствъ, на повтореніе которой въ тверскихъ губерніи и уѣздѣ разсчитывать нельзя. Постановленіе чернскаго уѣзднаго собранія было опротестовано какъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, такъ и директоромъ народныхъ училищъ тульской губерніи. Тверской уѣздный предводитель дворянства не будетъ, конечно, возражать противъ мѣры, за которую онъ подалъ голосъ въ собраніи; очень мало вѣроятенъ, въ настоящую минуту, и протестъ директора народныхъ училищъ. Выборной губернской земской управы, которая могла бы вступиться за нарушенныя права губернскаго земства [1]), въ тверской губерніи теперь, какъ извѣстно, нѣтъ. Сельскія общества не могутъ подать жалобы безъ согласія земскихъ начальниковъ, о которомъ въ тверскомъ уѣздѣ нечего и думать. Возможнымъ остается только вмѣшательство частныхъ лицъ, принимавшихъ участіе въ содержаніи земскихъ школъ тверского уѣзда. Есть ли такія лица и какъ они относятся къ постановленію тверского уѣзднаго земскаго собранія—этого мы не знаемъ... Нельзя, по этому поводу, не повторить много разъ высказанной нами мысли о необходимости болѣе быстраго движенія спорныхъ вопросовъ земскаго и городского дѣла, восходящихъ на разсмотрѣніе прав. сената.

---

[1]) Въ числѣ школъ, которыя тверское уѣздное земское собраніе предположило передать въ вѣдѣніе духовенства, есть двѣ, возведенныя на средства тверского губернскаго земства.

Между постановленіемъ черскаго уѣзднаго земскаго собранія и указомъ сената, повлекшимъ за собою его отмѣну, прошло болѣе *шести* лѣтъ. Понятно, насколько такая медленность затрудняетъ исправленіе ошибокъ, вызывающихъ обращеніе къ сенату. Отъ чего она зависитъ —намъ съ точностью неизвѣстно. Быть можетъ, она коренится въ той процедурѣ, которая предшествуетъ внесенію дѣла въ сенатъ; быть можетъ, въ самомъ сенатѣ дѣла накопляются въ такомъ количествѣ, при которомъ невозможно болѣе скорое ихъ разрѣшеніе. Срокъ, въ продолженіе котораго министръ внутреннихъ дѣлъ обязанъ представить въ сенатъ, вмѣстѣ съ дѣломъ, и свое заключеніе, установленъ ст. 89-ою полож. о земск. учрежд. для тѣхъ случаевъ, когда жалоба на губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе приносится губернской земской управой, по уполномочію губернскаго земскаго собранія; но для представленія въ сенатъ какъ самыхъ жалобъ, приносимыхъ частными лицами, обществами и установленіями, такъ и заключеній министра по этимъ жалобамъ, ст. 131-ая положенія никакого срока не опредѣляетъ. Отсюда возможность медленности, которую легко было бы устранить распространеніемъ на случаи, предусмотрѣнные ст. 131-ою, правила о срокѣ, содержащагося въ ст. 89-ой. Что касается до ускоренія сенатскаго производства, то оно могло бы быть достигнуто образованіемъ, при первомъ департаментѣ сената, особаго присутствія исключительно для разсмотрѣнія земскихъ и городскихъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ сенату. Въ составъ присутствія можно было бы ввести, кромѣ нѣсколькихъ сенаторовъ перваго департамента, одного или двухъ сенаторовъ гражданскаго кассаціоннаго департамента, какъ юристовъ, привыкшихъ къ толкованію законовъ—и, что̀ еще важнѣе, нѣсколькихъ представителей отъ земскихъ собраній и городскихъ думъ, выбираемыхъ тѣми и другими, по очереди, на короткій (напр. годовой) срокъ. Такое присутствіе, не обремененное другими занятіями, могло бы внести въ производство земскихъ и городскихъ дѣлъ быстроту, именно здѣсь особенно желательную, а въ рѣшеніе ихъ—бо̀льшую систематичность и бо̀льшую близость къ требованіямъ жизни.

Къ многочисленнымъ и разнообразнымъ препятствіямъ, встрѣчаемымъ земствомъ въ развитіи и распространеніи народнаго образованія, въ послѣднее время прибавилось еще одно. На основаніи положенія 1874 года начальныя народныя училища учреждаются земствомъ, городскими и сельскими обществами и частными лицами, съ предварительнаго разрѣшенія инспектора народныхъ училищъ и съ согласія предсѣдателя уѣзднаго училищнаго совѣта (т.-е., по общему правилу, уѣзднаго предводителя дворянства). До сихъ поръ намъ не случалось

слышать, чтобы одно изъ должностныхъ лицъ, поименованныхъ въ этомъ законѣ, налагало свое veto на постановленіе земскаго собранія объ открытіи новыхъ начальныхъ школъ. Предполагалось, очевидно, что согласіе предводителя, какъ и разрѣшеніе инспектора, имѣетъ, въ подобныхъ случаяхъ, чисто формальное значеніе. Правильность выбора мѣста для школы обезпечивается близостью земства къ населенію, знакомствомъ его съ мѣстными условіями; правильность функціонированія школы—допущеніемъ преподавателя не иначе, какъ съ вѣдома и разрѣшенія инспекціи, и властнымъ надзоромъ училищнаго совѣта. Бо́льшую важность согласіе предводителя и инспектора пріобрѣтало только тогда, когда учредителемъ школы оказывалось частное лицо или сельское общество; здѣсь скорѣе могла проявиться опека, тяготѣющая въ Россіи надъ личной и общественной иниціативой. До крайности удивило насъ, поэтому, сообщеніе крестецкаго (новгородской губерніи) корреспондента „Русскихъ Вѣдомостей“ (№ 94) о несогласіи мѣстнаго предводителя дворянства на открытіе, въ силу постановленія уѣзднаго земскаго собранія, шести новыхъ земскихъ школъ. Образъ дѣйствій предводителя мотивированъ стѣсненностью средствъ земскихъ плательщиковъ и войною. Первый мотивъ, по словамъ корреспондента, не подтвержденъ въ бумагѣ предводителя никакими данными. Смѣта крестецкаго земства хотя и составлена съ превышеніемъ трехпроцентной нормы, но утверждена губернскимъ по земскимъ дѣламъ присутствіемъ. Какое отношеніе имѣютъ къ открытію школъ военныя дѣйствія—также не выяснено предводителемъ... Для насъ совершенно ясно, что крестецкій предводитель принялъ на себя роль, земскимъ положеніемъ (1890-го года) и закономъ о предѣльномъ обложеніи предоставленную губернатору,—и только губернатору. Губернатору принадлежитъ право останавливать исполненіе постановленій земскаго собранія, если онъ находитъ ихъ не соотвѣтствующими общимъ государственнымъ пользамъ и нуждамъ, или явно нарушающими интересы мѣстнаго населенія; отъ него же зависитъ и предъявленіе возраженій противъ увеличенія смѣты свыше трехпроцентной нормы. Въ данномъ случаѣ новгородскій губернаторъ не сдѣлалъ, повидимому, ни того, ни другого; иными словами, онъ призналъ открытіе шести новыхъ школъ и сопряженное съ нимъ возвышеніе земской смѣты не нарушающимъ ни государственныхъ, ни мѣстныхъ интересовъ. Возможно ли, затѣмъ, противодѣйствіе предводителя, мотивируемое, съ одной стороны, „стѣсненностью средствъ земскихъ плательщиковъ“, т.-е. мѣстными интересами, съ другой—обстоятельствами военнаго времени, т.-е. интересами государства? Развѣ законъ имѣлъ въ виду созданіе, въ лицѣ предводителя, какъ бы второго губернатора и, слѣдовательно, раздвоеніе власти, съ неизбѣжно вытекающими

изъ него противорѣчіями?... Ненормальность роли, разыгранной крестецкимъ предводителемъ, сдѣлается еще болѣе очевидной, если принять во вниманіе, что на отказъ предводителя въ разрѣшеніи открыть училище можно, по закону, жаловаться губернскому училищному совѣту. Итакъ, губернскій училищный совѣтъ будетъ опредѣлять состояніе платежныхъ средствъ населенія, взвѣшивать вліяніе, оказываемое на нихъ войною? Онъ будетъ исполнять ту функцію, которую, по отношенію къ губернатору, исполняетъ сначала губернское земское собраніе, потомъ министръ или министры, наконецъ—комитетъ министровъ или государственный совѣтъ? Не явная ли это несообразность, прямо указывающая на коренную ошибку въ образѣ дѣйствій предводителя? Какъ предсѣдатель уѣзднаго училищнаго совѣта, предводитель можетъ руководствоваться только соображеніями техническаго и педагогическаго свойства, въ оцѣнкѣ которыхъ компетентенъ и губернскій училищный совѣтъ. Нужно надѣяться, что порядокъ, нарушенный предводительскимъ veto, будетъ возстановленъ и новая опасность, грозящая многострадальной земской школѣ, будетъ устранена въ самомъ началѣ.

Все чаще и чаще стали повторяться случаи неутвержденія должностныхъ лицъ, выбранныхъ земскими собраніями и городскими думами. Въ тихвинскомъ, напримѣръ, уѣздѣ (новгородской губерніи) не утверждены, въ теченіе сравнительно короткаго времени, предсѣдатель и два члена уѣздной земской управы, предсѣдатель вольнаго пожарнаго общества, товарищъ директора городского общественнаго банка и три избиравшіеся одинъ за другимъ кандидата на должность распорядителя общественнаго ломбарда. „О причинахъ неутвержденія"—говоритъ тихвинскій корреспондентъ „Новаго Времени" (№ 10097)—„избирателямъ не было никакого сообщенія. Въ настоящее время всѣ вышеназванныя должности, послѣ немалаго труда, наконецъ замѣщены, при чемъ, за отсутствіемъ подходящихъ кандидатовъ, приходилось намѣчать и упрашивать баллотироваться нерѣдко такихъ лицъ, которыя до тѣхъ поръ вовсе не имѣли намѣренія занимать какія-либо общественныя должности по выборамъ". Итакъ, вмѣсто излюбленныхъ мѣстнымъ обществомъ людей, на дѣлѣ доказавшихъ свою готовность и способность работать для общаго дѣла [1]), тихвинскому земскому и городскому самоуправленію приходится обращаться къ лицамъ, о которыхъ прежде никто не думалъ и которыя сами не предназначали себя для общественной дѣятельности! Въ какой степени

[1]) Бывшій предсѣдатель тихвинской уѣздной земской управы занималъ эту должность шесть трехлѣтій сряду и состоитъ въ настоящее время новгородскимъ губернскимъ гласнымъ.

выпрошенная, непривычная работа можетъ замѣнить добровольную, веденную во всеоружіи опыта и знанія—это понятно само собою... Всегда грозящая опасность неутвержденія неизбѣжно должна уменьшить и безъ того небольшое число лицъ, посвящающихъ себя, на мѣстахъ, тяжелой и неблагодарной выборной службѣ. Праву неутвержденія, какъ всякой дискреціонной власти, свойственно стремленіе къ постоянному расширенію своихъ предѣловъ. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что первоначально оно было установлено лишь въ видѣ охраны противъ такъ называемой политической неблагонадежности; теперь оно примѣняется къ гораздо бо́льшему кругу лицъ, въ составъ котораго входятъ иногда всѣ непользующіеся расположеніемъ мѣстной администраціи. Отсюда вытекаетъ то тамъ, то тутъ такое ограниченіе выборнаго начала, отъ котораго только одинъ шагъ до фактическаго его упраздненія. Само собою разумѣется, что существенной перемѣной къ лучшему была бы, въ этомъ отношеніи, только совершенная отмѣна дискреціонной власти— но не безполезнымъ палліативомъ было бы оглашеніе причинъ, вызвавшихъ неутвержденіе. Неутвержденное лицо получило бы, такимъ образомъ, возможность опровергнуть взводимыя на него обвиненіи или подозрѣнія, вся сила которыхъ зависитъ иногда отъ окружающей ихъ тайны.

Еслибы вниманіе общества не было поглощено войною, ему пришлось бы, можетъ быть, остановиться на тяжелой нуждѣ, испытываемой нѣкоторыми мѣстностями вслѣдствіе недорода. Вотъ, напримѣръ, что̀ пишутъ въ нижегородскихъ газетахъ: „въ селѣ Вазьянахъ, арзамасскаго уѣзда, нуждающіяся семьи получили пособіе за четыре мѣсяца по одному пуду на ѣдока въ мѣсяцъ. За февраль мѣсяцъ получили только по четыре фунта на ѣдока. Ссуды этой не хватаетъ, и идетъ продажа за безцѣнокъ послѣдняго, необходимаго скота. Въ деревнѣ Михайловкѣ, того же уѣзда, крестьяне терпятъ страшную нужду въ хлѣбѣ и кормахъ. У крестьянъ дер. Потемкина, семеновскаго уѣзда, въ прошломъ году почти не уродилось ни озимаго, ни ярового хлѣба; въ деревнѣ крайняя нужда“. Читая такія сообщенія, нельзя не вспомнить, что продовольственный вопросъ, регулированный въ 1900-мъ году только временными правилами, все еще ждетъ окончательнаго рѣшенія. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, оно подготовляется въ оффиціальныхъ сферахъ. По словамъ „Саратовскаго Дневника“, начальникъ саратовской губерніи увѣдомилъ губернскую земскую управу, что соображенія, приведенныя губернскимъ земскимъ собраніемъ въ подкрѣпленіе ходатайства о возвращеніи продовольственнаго дѣла въ вѣдѣніе земства, будутъ приняты во вниманіе при предстоящемъ пе-

ресмотрѣ нынѣ дѣйствующаго продовольственнаго закона. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" сообщаются даже свѣдѣнія о содержаніи законопроекта, составленнаго, будто бы, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Главныя его черты, если вѣрить газетѣ, слѣдующія: при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ учреждается продовольственный совѣтъ, съ участіемъ представителей отъ министерства финансовъ, министерства земледѣлія, государственнаго контроля и общества Краснаго Креста. Сельскіе общественные и губернскіе продовольственные капиталы перечисляются въ спеціальныя средства министерства внутреннихъ дѣлъ и пополняются ежегодными отчисленіями изъ государственнаго казначейства. Нужды сельскихъ обывателей устанавливаются приговорами сельскихъ сходовъ, провѣряемыми земскимъ начальникомъ при участіи домохозяевъ, не нуждающихся въ ссудѣ и заслуживающихъ довѣрія. Въ семнадцати губерніяхъ, всего чаще, и всего больше, какъ показалъ опытъ, страдающихъ отъ неурожая, предполагается устроить сѣть зернохранилищъ, завѣдываніе которыми и выдача ссудъ ввѣряются мѣстнымъ земскимъ учрежденіямъ. Сборъ общественныхъ продовольственныхъ запасовъ въ мѣстностяхъ, снабженныхъ зернохранилищами, прекращается; въ общественные амбары засыпаются, осенью, только сѣмена для ярового посѣва, весною возвращаемыя каждому домохозяину. — Полнѣйшаго сочувствія заслуживаетъ, съ нашей точки зрѣнія, проектируемое пополненіе продовольственныхъ капиталовъ изъ средствъ государственнаго казначейства, равносильное признанію продовольственнаго дѣла не сословнымъ, а общегосударственнымъ и общенароднымъ. Перемѣной къ лучшему будетъ, безспорно, и расширеніе роли земскихъ учрежденій. Едва ли, однако, оно можетъ коснуться только половины земскихъ губерній; едва ли также земство, уполномоченное выдавать ссуды изъ зернохранилищъ, можетъ быть лишено участія въ распредѣленіи ихъ между нуждающимися. Именно въ этой послѣдней области земство рѣшительно незамѣнимо, какъ потому, что земскіе дѣятели (если прибавить къ членамъ управы и гласныхъ) лучше знакомы съ нуждами населенія, чѣмъ земскіе начальники, такъ и потому, что приглашаемые земствомъ продовольственные попечители надежнѣе призванныхъ земскимъ начальникомъ „домохозяевъ, не нуждающихся въ ссудѣ и заслуживающихъ довѣрія"... Всесторонняя оцѣнка законопроекта сдѣлается, впрочемъ, возможной только тогда, когда будетъ обнародованъ полный текстъ его.

Постъ министра народнаго просвѣщенія, остававшійся вакантнымъ почти три мѣсяца, замѣщенъ генералъ-лейтенантомъ В. Г. Глазовымъ,

занимавшимъ, въ послѣднее время, должность начальника Николаевской академіи генеральнаго штаба. Преждевременны были бы теперь какія бы то ни было догадки о послѣдствіяхъ этого назначенія. Прежняя дѣятельность В. Г. Глазова не ставила его лицомъ къ лицу съ вопросами, разрѣшеніе которыхъ предстоитъ, въ ближайшемъ будущемъ, министерству народнаго просвѣщенія; нѣтъ, поэтому, прочныхъ основаній для сужденія о томъ, какъ отнесется къ нимъ новый министръ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію только одно: крайняя трудность задачи, усложненной быстро слѣдовавшими одна за другою перемѣнами въ составѣ и направленіи министерства, а также войною, затрудняющею столь необходимое увеличеніе расходовъ на народное образованіе. Еще менѣе умѣстными, чѣмъ попытки заглянуть въ будущее, кажутся намъ экскурсіи въ ближайшее прошлое, ничѣмъ не защищенное отъ нападеній. „Пора",—восклицаетъ газета, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ разыгрывающая роль полицейской стражи,—„пора изгнать мракъ невѣжества изъ нашихъ мнимо-научныхъ школъ... Пора показать, что дѣло народнаго просвѣщенія не есть публичная арена, на которую можетъ вторгнуться всякій, неся туда все, что ему заблагоразсудится, гдѣ нерѣдко не столько хлопочутъ о томъ, чтобы научить истинѣ и добру, сколько о томъ, чтобы пріобрѣсти дешевую популярность"... Пора было бы, скажемъ мы, отказаться отъ привычки чернить, искажать побужденія противниковъ—особенно противниковъ, сошедшихъ со сцены; пора было бы понять, что защита мнѣній, не обрѣтающихся въ авантажѣ, можетъ быть внушена мотивами, не имѣющими ничего общаго съ исканіемъ „дешевой популярности"... „Мнимо-научны" наши школы лишь въ той мѣрѣ, въ какой ими владѣетъ рутина, столь дорогая газетнымъ псевдо-охранителямъ.

Особенную важность, въ виду назначенія новаго министра народнаго просвѣщенія, пріобрѣтаетъ Высочайшая резолюція на всеподданнѣйшемъ адресѣ харьковскаго дворянства, по поводу выраженныхъ въ томъ адресѣ опасеній, что съ преобразованіемъ мѣстнаго управленія дворянство, призванное Державной Волей своихъ Государей стоять на стражѣ народнаго образованія, можетъ утратить прежнее въ этомъ отношеніи значеніе. 9-го апрѣля Государю Императору благоугодно было Собственноручно начертать: *„Высказанныя въ адресѣ опасенія ни на чемъ не основаны. Народной школѣ слѣдуетъ быть подъ дѣятельнымъ руководствомъ Государственной власти, но лучшіе мѣстные люди, съ дворянствомъ во главѣ, должны по прежнему сохранить о ней сердечное попеченіе"*.

ПРЕДПОЛАГАЕМАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА.

Письмо въ Редакцію.

Съ мѣсяцъ тому назадъ, мнѣ довелось дважды присутствовать въ Петербургѣ при очень интересномъ обсужденіи предполагаемой крестьянской реформы. Какъ въ критикѣ, такъ и въ защитѣ программы, выработанной, по этому вопросу, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, меня удивило то малое значеніе, которое придавалось ораторами настоящему экономическому положенію сельскаго населенія, а слѣдовательно и крестьянства. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось получить самой программы, а также вѣроятно существующей при ней объяснительной записки. Возвратясь въ деревню и наталкиваясь, чуть не ежедневно, на крестьянскую нужду, во мнѣ все сильнѣе росло желаніе высказаться, тѣмъ болѣе, что обычная весенняя распутица представляла къ тому необходимый досугъ... Всякая реформа—это измѣненіе, а крестьянская организація имѣетъ и свои весьма существенныя хорошія стороны. Кореннымъ образомъ измѣнять ее, при настоящемъ неудовлетворительномъ экономическомъ положеніи сельскаго населенія, врядъ ли полезно и своевременно. Помочь же этой организаціи въ ея дѣятельности весьма необходимо. Не критиковать неизвѣстную мнѣ программу собираюсь я, а высказать только, вкратцѣ, кое-какіе выводы изъ двадцатилѣтняго опыта моихъ сношеній съ крестьянствомъ и его учрежденіями.

При самомъ введеніи крестьянскихъ учрежденій, согласно Положенію 1861 г., одинъ законъ былъ нарушенъ и нарушеніе его вошло въ обычай. Согласно 113 ст. Общ. Пол., „волостные и сельскіе писари назначаются, по усмотрѣнію общества,—либо по выбору, либо по найму". Съ самаго начала волостные писаря назначались мировыми посредниками, а за ихъ упраздненіемъ—уѣздными предводителями, если они были дѣятельны, а то—непремѣнными членами уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій; нынѣ—земскими начальниками. Нерѣдко нарушеніе облекалось въ приличную форму. Писалось волостному правленію:—предлагаю-молъ назначить такого-то. Коллегіальность самого правленія (статьи 87, 88, 89 и 90 того же Полож.) врядъ ли когда-либо постоянно существовала; впрочемъ, въ самомъ Положеніи предоставлена такая власть старшинѣ, при которой коллегія не имѣетъ значенія. Въ концѣ 89 ст. сказано: „Старшина по

всѣмъ другимъ дѣламъ его вѣдомства только совѣтуется съ правленіемъ, но распоряжается по своему усмотрѣнію, подъ личной своею отвѣтственностью". Требуемая этой статьей коллегія ограничивалась рѣшеніемъ: 1) расхода волостныхъ суммъ, 2) продажи крестьянскаго имущества по взысканіямъ, и 3) опредѣленія и увольненія волостныхъ должностныхъ лицъ, служащихъ по найму. Нынѣ коллегія почти не собирается. Настоящее волостное правленіе состоитъ изъ двухъ лицъ: старшины и писаря. Въ деревнѣ сложилось убѣжденіе, что направленіе крестьянской жизни всецѣло въ рукахъ того или тѣхъ, которые назначаютъ волостныхъ писарей. Не всегда и не вездѣ старшины слѣпо повинуются писарямъ, и между ними встрѣчаются люди дѣльные и самостоятельные; во всякомъ случаѣ они пока избираются волостнымъ сходомъ, и дай Богъ, чтобы этотъ порядокъ сохранился. Очень важенъ по существу вопросъ: нужно ли направлять крестьянскую жизнь?—разумѣется, не касаясь контроля надъ крестьянскими учрежденіями, который, такъ или иначе, необходимъ надъ всякими учрежденіями, имѣющими опредѣленный кругъ дѣятельности.

Въ 64 ст. Общ. Полож. 1861 г. сельскому старостѣ предоставлялось право за маловажные проступки подвѣдомственныхъ ему лицъ подвергать виновныхъ: назначенію на общественныя работы до *двухъ* дней или денежному взысканію въ пользу мірскихъ суммъ, до одного рубля, или аресту не долѣе двухъ дней. Причемъ прибавлено: „Кто считаетъ себя неправильно подвергнутымъ взысканію, тотъ можетъ, въ *семидневный срокъ*, принести жалобу мировому посреднику". По 86 ст. того же Полож. упомянутое право старосты предоставлено и старшинѣ. На основаніи 2 п. 32 ст. Положенія о мир. поср., „мировой посредникъ присуждаетъ лицъ податного состоянія къ общественнымъ работамъ до шести дней или аресту до семи дней, либо къ наказанію розгами до двадцати ударовъ". На основаніи 125 ст. Общ. Полож. „волостные старшины, помощники ихъ и сельскіе старосты, за маловажные проступки по должности, подвергаются, по распоряженію мирового посредника, замѣчаніямъ, выговорамъ, денежному штрафу до пяти рублей или аресту до семи дней".

Очевидно, эти мѣры, дающія право лицамъ налагать наказанія, имѣли временный характеръ. Необходимо вспомнить то время, когда осуществлялась великая реформа, всѣ тѣ опасенія, которыя внушало ея введеніе, и дореформенные суды, которые никоимъ образомъ не могли содѣйствовать этой реформѣ. Дѣйствительность не подтвердила общественныхъ опасеній, предшествовавшихъ реформѣ, но нельзя сказать, чтобы они были лишены основанія. Переломъ сельской жизни былъ настолько широкъ и глубокъ, что правильное его введеніе представляло серьезныя трудности, и, пожалуй, предоставленіе близкимъ, не-

посредственнымъ дѣятелямъ по этой реформѣ, и особенно въ началѣ ея примѣненія, единоличныхъ карательныхъ правъ, вызывалось необходимостью. Сельская жизнь восприняла свое преобразованіе и мало-по-малу вошла въ нормальную, вполнѣ опредѣленную колею, и, казалось бы, уже не было надобности въ особыхъ, исключительныхъ мѣрахъ для ея направленія. Однако, внѣсудебныя, административныя мѣры взысканія сохранились, но съ теченіемъ времени нѣсколько измѣнились. По Положенію 12 іюля 1889 г., право административной кары было предоставлено земскимъ начальникамъ въ другой формѣ, чѣмъ мировымъ посредникамъ. Въ 61 ст. Полож. 1889 г. 12 іюля сказано: „Въ случаѣ неисполненія законныхъ распоряженій или требованій земскаго начальника лицами, подвѣдомственными крестьянскому общественному управленію, онъ имѣетъ право подвергать виновнаго, *безъ всякаго формальнаго производства*, аресту на время не свыше трехъ дней, или денежному взысканію, не свыше шести рублей“. Съ перваго взгляда эта статья является какъ будто излишней. Съ 1864 г. существуетъ и до сихъ поръ находится въ общемъ примѣненіи 29 ст. Уст. о наказ., по которой „за неисполненіе законныхъ распоряженій, требованій или постановленій правительственныхъ и полицейскихъ властей, а равно земскихъ и общественныхъ учрежденій, когда симъ уставомъ не опредѣлено за то иного наказанія, виновные подвергаются денежному взысканію не свыше пятнадцати рублей“. По опредѣляемому наказанію разница между обѣими статьями только та, что, при одинаковой наказуемости въ 61-й введенъ арестъ, и это скорѣе выгодно подлежащему наказанію только крестьянству. При его настоящемъ экономическомъ положеніи, крестьянину выгоднѣе просидѣть три дня подъ арестомъ, чѣмъ заплатить шесть рублей. Разница же громадная во внѣсудебномъ опредѣленіи наказанія безъ всякаго формальнаго производства. Очевидно, только исключительныя причины могли изъять цѣлое многочисленное сословіе изъ общей юрисдикціи и изъ общихъ судебныхъ формъ. Дѣйствительно, институтъ земскихъ начальниковъ былъ вызванъ для борьбы съ упадкомъ благосостоянія сельскаго населенія, принявшимъ въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія острую форму. Это ясно видно изъ Именного указа правительствующему сенату отъ 12 іюля 1889 г. Въ началѣ его сказано: „Въ постоянномъ попеченіи о благѣ Нашего отечества, Мы обратили вниманіе на затрудненія, представляющіяся правильному развитію благосостоянія въ средѣ сельскихъ жителей Имперіи. Одна изъ главныхъ причинъ этого неблагопріятнаго явленія заключается въ отсутствіи близкой къ народу твердой правительственной власти, которая соединяла бы въ себѣ попечительство надъ сельскими обывателями съ заботами по завершенію крестьянскаго дѣла и съ обязанностями

по охраненію благочинія, общественнаго порядка, безопасности и правъ частныхъ лицъ въ сельскихъ мѣстностяхъ".

Земскіе начальники широко пользовались 61-й статьей Положенія о нихъ, и это доказывается многими разъясненіями правительствующаго сената и циркулярами министерствъ. Для примѣра укажу только на указы 2-го деп. правит. сената 24 января 1897 года, №№ 414 и 419: „Земскій начальникъ не въ правѣ ни указывать чинамъ схода, какое они должны подавать мнѣніе, ни привлекать ихъ къ отвѣтственности по 61 ст. Полож. о земск. нач. за подачу голоса, несогласнаго съ его, земскаго начальника, указаніями".

Положеніе 12 іюля 1889 г., во всей своей полнотѣ, примѣняется вотъ уже почти пятнадцать лѣтъ,—однако, благосостояніе сельскаго населенія не только не развивается правильно, а все болѣе падаетъ самымъ нагляднымъ образомъ, и населеніе все болѣе требуетъ правительственной помощи и вниманія. Послѣднее доказывается Высочайше учрежденнымъ Особымъ совѣщаніемъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Будемъ надѣяться, что тѣ, которые занимаются и живутъ этой промышленностью, получатъ возможность извлекать изъ нея вѣрное благосостояніе, хотя бы умѣренное.

По совѣсти, можемъ ли мы принципіально и рѣшительно отречься отъ Положенія о земскихъ начальникахъ? Да, эта попытка новымъ порядкомъ административныхъ отношеній бороться съ экономическимъ явленіемъ оказалась безспорно неудачною, но самая основная идея этой борьбы жива и по сіе время. Въ насъ, русскихъ людяхъ, крѣпко живетъ изреченіе древняго лѣтописца: „земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ". Недостатка нынѣ въ порядкахъ нѣтъ и существующихъ, и предлагаемыхъ; мы и споримъ только о нихъ; а обиліе земли все болѣе слабѣетъ. Между тѣмъ, сельское населеніе, при своей феноменальной выносливости, прилаживается ко всякимъ порядкамъ. Пока пишу, окружающее меня мѣстное населеніе благословляетъ земскаго начальника.

1903 годъ былъ тяжелый въ нашей мѣстности. Вполнѣ неурожайнымъ назвать его нельзя, но почти всѣ яровые хлѣба сильно пострадали отъ засухи; рожь была хороша, но въ самую ея уборку буря выхлестала бо̀льшую часть зерна. Рожь, сжатая до бури, дала не менѣе 75 пудовъ съ десятины, а послѣ бури—не болѣе 25 пудовъ. Нынѣшняя весна затянулась; о выгонѣ даже овецъ въ поле и думать нельзя; для ѣды человѣку и посыпки скотинѣ ржаной муки у большинства нѣтъ; надвигалось истинное бѣдствіе. Въ виду того, земскій начальникъ разрѣшилъ выдачу хлѣба изъ запасного магазина (это право ему предоставлено), чѣмъ устранилась длинная процедура разрѣшеній. Населеніе ободрилось, и Свѣтлый праздникъ прошелъ истинно свѣтло для него.

Съ тѣхъ поръ какъ правительство взяло въ свои руки заботу о продовольствіи сельскаго населенія, дѣятельность земскихъ начальниковъ значительно усилилась и осложнилась преимущественно по письменной части, и эта дѣятельность потребовала еще бóльшей работы въ подвѣдомственныхъ имъ крестьянскихъ учрежденіяхъ. Зданія запасныхъ магазиновъ всюду улучшились; засыпка ихъ зерномъ и выдача его вполнѣ упорядочены. Обѣ эти операціи производятся въ большей части запаса почти ежегодно. Средній крестьянинъ при среднемъ урожаѣ,—если не имѣетъ посторонняго значительнаго заработка,—нуждается для своего прокормленія во всемъ хлѣбѣ, полученномъ съ его надѣла. Вполнѣ естественно—весной онъ проситъ о возвратѣ того зерна, которое онъ засыпалъ осенью. Помимо письменнаго труда начальства, тутъ пересыпка зерна и развозъ его представляютъ не малый расходъ, который врядъ ли производителенъ. Отвергать пользу и даже необходимость запасныхъ магазиновъ, при настоящемъ обѣднѣніи сельскаго населенія, было бы крайне рискованнымъ. До сихъ поръ само это обѣднѣніе еще не признано неизбѣжнымъ фактомъ, съ которымъ надлежитъ примириться. Напротивъ, многократно и разнообразно были доказаны и выяснены причины этого экономическаго явленія. Устраненіе этихъ причинъ является дѣломъ гораздо болѣе производительнымъ, чѣмъ упорядоченіе ихъ послѣдствій, требующее не малыхъ расходовъ.

Земскіе начальники играютъ видную роль при настоящемъ порядкѣ взысканія окладныхъ сборовъ съ крестьянства. Нельзя не замѣтить, что прежде это взысканіе производилось полиціей, и оно приняло очень рѣзкія и крутыя формы всюду. Для уѣздной полиціи успѣшное взысканіе окладныхъ сборовъ было жизненнымъ вопросомъ: дѣло идетъ удачно—похвала, награда; неуспѣшно — выговоръ, замѣчаніе и, пожалуй, отчисленіе отъ должности. Въ назначенные сроки съѣзжались осенью въ уѣздный городъ старшины и старосты, и многіе изъ нихъ не возвращались домой, а попадали въ „холодную",—такъ называлось арестное помѣщеніе при полиціи. Впрочемъ, это названіе „холодная" безусловно вѣрно. Она запиралась на ночь, и бывали случаи, что тулупы старостъ примерзали къ нечистотамъ, образовавшимся за ночь. Сельскія общества—разумѣется, негласно—уплачивали своимъ старостамъ изрядныя суточныя за отсидку въ „холодной". Помимо того, нерѣдко земскіе сборы и страховые платежи зачислялись въ казенные, и вслѣдствіе этого по послѣднимъ образовались недоимки, разобрать которыя до сихъ поръ не только трудно, но невозможно. Теперь взысканіе податей производится мягче и правильнѣе податными инспекторами, составъ которыхъ увеличенъ. Это ихъ спеціальное дѣло, которое только выигрываетъ отъ содѣйствія земскихъ начальниковъ.

Вездѣ взысканіе прямыхъ налоговъ обставлено принудительными мѣрами, но у насъ по такимъ налогамъ всякаго рода отсрочки и разсрочки гораздо болѣе доступны, чѣмъ въ западной Европѣ. Тѣмъ не менѣе, недоимки по нимъ у насъ ростутъ и достигаютъ значительныхъ размѣровъ, несмотря на прежнюю строгость и настоящую реформу ихъ взиманія. Очевидно, дѣло не въ порядкѣ взиманія прямыхъ налоговъ съ сельскаго населенія, а въ его платежной способности.

Теперь, какъ и въ концѣ пятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, много говорятъ объ общинѣ, но съ точки зрѣнія сельско-хозяйственной. Ее упрекаютъ, что она препятствуетъ улучшенію сельско-хозяйственной техники, и видятъ возможность такого улучшенія только при подворномъ, отрубномъ владѣніи крестьянствомъ землей на правѣ полной собственности. Прежде всего позволю себѣ спросить: частное землевладѣніе представляетъ ли у насъ коренное различіе въ полеводствѣ съ крестьянскимъ? Правда, часто, отнюдь не всегда, земля въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ обработывается лучше и даетъ лучшій урожай, но система полеводства, именно въ хлѣбородномъ центрѣ, за крайне рѣдкими исключеніями, одна и та же у крестьянъ и у частныхъ владѣльцевъ: все одно и то же трехполье. Для улучшенія техники въ каждой промышленности, какъ и въ сельско-хозяйственной, требуются не только единовременныя затраты, но еще болѣе прямая вѣрная ихъ выгодность. Объ единовременныхъ серьезныхъ затратахъ на сельское хозяйство при оскудѣніи, задолженности всякаго рода и жизни впроголодь сельскаго населенія нашего центра и разговора быть не можетъ; еще менѣе — объ обезпеченіи выгодности такихъ затратъ. Для чернозема дѣйствительность выработала очень суровый законъ: при неурожаѣ обязателенъ голодъ; при урожаѣ—продажа за безцѣнокъ произведеній земли. Это—крайности, допускающія, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, комбинаціи въ ту или другую сторону довольно разнообразныя. На нашемъ сѣверо-западѣ и въ привислянскихъ губерніяхъ, мнѣ достовѣрно извѣстно, существуютъ крестьянскія товарищества для покупки минеральныхъ туковъ. Это, безспорно, очень серьезное указаніе, что полевая культура достигла тамъ высокаго уровня. Дѣйствительно, она выше, чѣмъ на нашемъ черноземѣ, но не отъ того, что въ той мѣстности преобладаетъ подворное крестьянское землевладѣніе, а отъ того, что близость сухопутной нашей границы и балтійскихъ портовъ даетъ выгодный сбытъ сельско-хозяйственныхъ произведеній, и тѣмъ обезпечиваетъ выгодность затратъ на полеводство.

Указываютъ на черезполосность крестьянской земли, какъ на препятствіе къ улучшенію полеводства. Въ принципѣ, дѣйствительно, это—

серьезное препятствіе, но черезполосность отнюдь не присуща крестьянской землѣ, и если гдѣ искусственно введена, то на весьма разумныхъ основаніяхъ. Сельскій сходъ—идеально равномѣрный распредѣлитель земли между своими однообщественниками по ея производительности, вслѣдствіе ея качества и удобства ея обработки. Положимъ, душа, т.-е. единица обложенія, представляетъ собою десятину въ каждомъ изъ трехъ полей; владѣлецъ ея рѣдко получаетъ полностью эту десятину, потому что рѣдко вся надѣльная земля однородна по качеству и никогда одинаково не расположена отъ жилья. Вслѣдствіе того, десятина дѣлится, скажемъ, на три части (бываетъ и на шесть). Владѣлецъ получаетъ одну треть десятины лучшей и ближайшей земли, другую—средней по качеству и отдаленности и, наконецъ, остальную треть—въ самомъ отдаленномъ углу. Всѣ три поля крестьянской земли бо́льшею частью имѣютъ удлиненную форму, такъ какъ для удобства пастбища поля расположены вѣеромъ отъ центра, жилья. Я даю только понятіе о распредѣленіи надѣльной земли, каковое преимущественно зависитъ отъ мѣстныхъ условій. Достаточно сказать, что бываютъ жалобы на неправильное снятіе души обществомъ съ такого-то; но я никогда не слыхалъ жалобъ на неправильное распредѣленіе обществомъ земли по душамъ. Если при настоящихъ общихъ тяжелыхъ экономическихъ условіяхъ сельскій сходъ умѣетъ правильно использовать надѣльную землю, то при благопріятныхъ, навѣрное, онъ легко съумѣетъ ввести то пользованіе ею, которое требуется для наибольшей ея производительности.

Нельзя себѣ представить какое бы то ни было селеніе,—крупное или мелкое, безразлично,—безъ общественной организаціи. Общіе интересы и нужды, вытекающіе изъ сожительства въ опредѣленномъ мѣстѣ, могутъ быть удовлетворены только по взаимному общему соглашенію. Какіе бы законы ни существовали для селенія, но самое ихъ исполненіе требуетъ также соглашенія между собою жителей даннаго селенія. Является неизбѣжность самоуправленія такой сельской единицы, независимо отъ порядка владѣнія и пользованія принадлежащею этой единицѣ землею. Такое самоуправленіе имѣетъ чисто административный характеръ, и оно именно поручалось попечительству земскихъ начальниковъ. Ожидалось, что они, внеся стройный порядокъ въ жизнь сельскихъ обществъ, а также въ дѣятельность сельскихъ сходовъ, тѣмъ самымъ поднимутъ уровень экономическаго положенія крестьянства. Относительно правильнаго развитія благосостоянія сельскаго населенія, результатъ дѣятельности земскихъ начальниковъ извѣстенъ; что же касается до дѣятельности сельскихъ выборныхъ властей, то, дѣйствительно, она пріобрѣла нѣкоторую наружную дисциплинарную выправку. Очень можетъ быть, что это—послѣдствіе примѣненія 62 ст.

Полож. о земск. нач., по которой земскій начальникъ имѣетъ право подвергать должностныхъ лицъ сельскаго и волостного управленій, за маловажные проступки по должности, также *безъ формальнаго производства*, „одному изъ слѣдующихъ взысканій: замѣчанію, выговору, денежному взысканію не свыше пяти рублей, или аресту на время семи дней".—Въ порядкѣ подчиненности начальство должно быть облечено нѣкоторой властью, но разъ дѣло доходитъ до штрафа и ареста,—никакой нѣтъ причины въ нашей спокойной и безропотно послушной деревнѣ прибѣгать къ дискреціонной власти внѣ обычнаго судебнаго порядка. Крестьянство обыкновенно рисуютъ темнымъ и невѣжественнымъ, и потому якобы съ нимъ культурные пріемы непригодны, а требуется рѣзкость и грубость. Прежде всего, часто употребляемый аргументъ крестьянской темноты и невѣжества, положительно,—крайне запоздалый, и употребленіе его все болѣе должно быть осторожное. Образованіе съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ проникаетъ все шире и глубже въ деревню не однимъ только оффиціальнымъ путемъ школы, но еще болѣе—постояннымъ возростающимъ облегченіемъ путей и способовъ сообщенія. Духовная эволюція, если такъ можно выразиться, идетъ несознательно, но неуклонно въ крестьянствѣ. Если даже признать его и нынѣ темнымъ и невѣжественнымъ, то тогда администраціи слѣдуетъ еще болѣе щеголять законностью и не опускаться къ такому административному матеріалу, а стараться поднять его до себя. Законность, эта самая вѣрная основа всякой общественности, легко усвоивается крестьянствомъ. Я въ этомъ вполнѣ убѣдился изъ двадцатилѣтней практики по предсѣдательству воинскаго присутствія. Прежде привыкшій къ произволу, проситель, при подачѣ просьбы о льготѣ по семейному положенію, считалъ своей обязанностью пожалостнѣе просить пожалѣть. Постоянное разъясненіе основаній такого рода льготъ почти вполнѣ избавило отъ неосновательныхъ просьбъ о льготахъ. Виновато ли крестьянство, что въ немъ крѣпко было убѣжденіе, что начальство все можетъ, если захочетъ?!

Внутренняя общинная жизнь въ сельскихъ обществахъ нынѣ скорѣе окрѣпла. Передъ судомъ нерѣдко возникаютъ и рѣшаются дѣла общественниковъ со своими обществами и самихъ обществъ между собою. Также нерѣдко, при судебномъ разбирательствѣ такого рода дѣлъ, эта внутренняя жизнь частично выясняется, каковое выясненіе не мало помогаетъ правильному рѣшенію дѣла. Судъ—наилучшая гарантія охраненія законныхъ интересовъ какъ частныхъ лицъ, такъ и обществъ.

Вопросъ: „сохранить ли общину, или уничтожить ее"—для всякаго близко стоящаго къ деревнѣ разрѣшается просто и легко. Искусственно не слѣдуетъ дѣлать ни того, ни другого. Необходимо предоставить самой общинѣ примѣняться къ тѣмъ измѣненіямъ, которыя

выработываетъ сама жизнь въ своемъ теченіи и развитіи. Нельзя не замѣтить, что при настоящемъ экономическомъ положеніи сельскаго населенія многія шероховатости жизни и дѣятельности сельскихъ обществъ происходятъ отъ этого положенія. Несомнѣнно, при улучшеніи быта крестьянства эта жизнь станетъ дѣятельнѣе, а дѣятельность плодотворнѣе.

Въ № 45 „Петербургскихъ Вѣдомостей“ отъ 15 февраля 1903 года, въ статьѣ „Въ ожиданіи реформъ“, я выяснилъ значительное увеличеніе труда и расходовъ на книги и бланки волостныхъ правленій вслѣдствіе введенныхъ правительствомъ новыхъ порядковъ отчетности по взысканію окладныхъ сборовъ и по продовольствію. Не я первый указалъ въ печати непосильность для этихъ учрежденій той массы занятій, мало-по-малу на нихъ возложенныхъ. До сихъ поръ, однако, ни малѣйшей помощи не оказано ни волостнымъ правленіямъ, ни крестьянству, ихъ содержащему. Очень можетъ быть, что дѣйствительность не подтверждаетъ указаній, встрѣчаемыхъ въ печати. Это пожалуй вѣрно. Въ сущности, ревизіи волостныхъ правленій представителями администраціи имѣютъ всегда только двоякій результатъ: волостной писарь или увольняется, или хвалится и получаетъ въ надлежащій срокъ, въ закономъ указанной постепенности, опредѣленную награду. Волостной сходъ ежегодно, бо̀льшею частью безропотно, хотя не безъ сожалѣнія, ассигнуетъ требуемую, повышенную сумму на канцелярію волостного правленія. Дѣло идетъ само собою и настолько удачно, что полагаемыхъ ежегодно на каждый уѣздъ наградъ часто бываетъ недостаточно, чтобы украсить всѣхъ волостныхъ писарей, заслужившихъ таковыя. Очевидно, одно изъ двухъ: или заявленія печати о непосильности труда волостныхъ правленій невѣрны, или эта непосильность недостаточно выяснена.

Въ 85 ст. Общ. Пол. о кр. 1861 г. сказано: „Волостной старшина обязанъ исполнять безпрекословно всѣ законныя требованія мирового посредника, судебнаго слѣдователя, мѣстной полиціи и всѣхъ установленныхъ властей, по предметамъ ихъ вѣдомствъ“. Вотъ древній источникъ постепенно образовавшейся массы письменныхъ требованій и такихъ же исполненій, коими нынѣ обременены волостныя правленія. Работа по исполненію такихъ требованій—чисто случайная, и размѣръ ея могъ бы быть опредѣленъ только на основаніи точныхъ статистическихъ данныхъ, но ихъ нѣтъ, и потому объ этой работѣ я упоминаю, такъ сказать, къ свѣдѣнію. Къ счастью, существуетъ вполнѣ убѣдительное доказательство о непосильности постоянныхъ занятій волостныхъ правленій.

Въ 90 ст. Пол. о кр. 1861 г. сказано: „Дѣла въ волостномъ правленіи производятся словесно. Въ заведенную при волостномъ пра-

вленіи книгу приказовъ вписываются: 1) приказанія старшины и 2) рѣшенія правленія". Далѣе, въ 91 ст.: „При волостномъ правленіи, кромѣ книги, упомянутой въ предъидущей статьѣ, ведутся: 1) книга приговоровъ волостного схода; 2) книга рѣшеній волостныхъ и третейскихъ судовъ и 3) книга сдѣлокъ и договоровъ". Итакъ, по дѣлопроизводству первичнаго волостного правленія требовалось всего четыре книги. Въ настоящее время ихъ *шестьдесятъ-шесть*!! Эту цифру должно, однако, значительно сократить.

Семь книгъ сельскихъ обществъ по отчетности окладныхъ сборовъ и по продовольствію могутъ быть съ нѣкоторой натяжкой исключены, такъ какъ онѣ временно ведутся волостнымъ правленіемъ въ виду неподготовленности и малограмотности сельскихъ писарей. Надо надѣяться, что съ улучшеніемъ общаго экономическаго положенія сельскія общества найдутъ возможность нанимать въ сельскіе писари болѣе дорогихъ, но и болѣе свѣдущихъ людей. Тоже могутъ быть исключены четыре книги по веденію дѣлъ вспомогательныхъ и сберегательныхъ кассъ, такъ какъ таковыя кассы существуютъ въ нашемъ уѣздѣ только въ трехъ (Мокшанская, Лунинская и Сумароковская) волостяхъ. Подлежатъ еще исключенію шесть полицейскихъ метрическихъ книгъ для записи раскольниковъ, въ виду того, что матеріалъ для такихъ книгъ не вездѣ гласно существуетъ. Наконецъ, значатся еще четыре книги, но онѣ не вездѣ требуются администраціей, а именно: 1) книга для записи иногороднихъ лицъ, 2) книга для записи присталого скота; 3) книга для записи пропавшаго скота, и 4) книга для записи сиротъ, ихъ имущества и капиталовъ. Вслѣдствіе исключенія этихъ двадцати-одной книги, останется весьма приличная цифра сорока-пяти! Вотъ ихъ списокъ:

По дѣлопроизводству волостного правленія.

1) Книга для записи входящихъ бумагъ.
2) „ „ „ исходящихъ „
3) „ „ „ мірскихъ волостныхъ суммъ.
4) „ „ „ квитанціонная къ ней.
5) „ „ „ училищныхъ суммъ.
6) „ „ „ квитанціонная къ ней.
7) „ „ „ мірского капитала.
8) „ „ „ квитанціонная къ ней.
9) „ „ „ партикулярныхъ суммъ съ квитанціями.
10) „ „ „ отпускаемыхъ изъ казначейства паспортныхъ книжекъ и бланковъ.
11) „ „ „ гербовыхъ марокъ.
12) „ „ „ почтовыхъ повѣстокъ на страховую корреспонденцію.

13) Книга для записи рѣшеній волостныхъ правленій и приказаній старшины.
14) " " " постановленій о лицахъ, подвергнутыхъ взысканіямъ старшиной.
15) " " " сдѣлокъ и договоровъ.
16) " " " приговоровъ волостного схода.
17) " " " сельскихъ сходовъ.
18) " " " окладныхъ сборовъ.
19) " " " прихода и расхода общественнаго хлѣба.
20) " " " ссудъ, выданныхъ изъ губернскаго продовольственнаго капитала.
21) " " " ссудъ, выданныхъ изъ общаго по имперіи капитала и казны.
22) " " " заявленій о замѣченныхъ въ призывныхъ спискахъ пропускахъ и ошибкахъ и распоряженій по нимъ волостного правленія.
23) " " " лицъ, содержащихся подъ арестомъ.
24) " " " торговыхъ и промысловыхъ документовъ.
25) " " " поступившихъ въ казначейство за счетъ вол. правленія депозитовъ.
26) Договорная книга, часть первая, на записку выданныхъ договорныхъ листовъ.
27) Договорная книга, часть вторая, на внесеніе заключенныхъ договоровъ по договорнымъ листамъ на сельск.-хоз. работы.
28) Штрафная книга.
29) Разносная книга.
30) Книга страховая, подворная вѣдомость по обязательному страхованію крестьянскихъ построекъ отъ огня.
31) Квитанціонная книга по дополнительному (къ обязательному) страхованію крестьянскихъ построекъ.
32) Настольный паспортный реестръ.
33) Паспортный алфавитъ.
34) Книга на записку рѣшеній судебныхъ мѣстъ и лицъ, подлежащихъ исполненію.
35) Книга-подворный семейный списокъ.
36) Алфавитъ запасныхъ нижнихъ чиновъ.
37) Книга на записку временно отлучившихся нижнихъ чиновъ.
38) Книга на записку временно проживающихъ нижнихъ чиновъ.
39) Книга на записку замѣчаній, дѣлаемыхъ при ревизіи чиновниковъ мин. вн. дѣлъ.
40) Опись книгамъ и дѣламъ.

По волостному суду:

41) Настольный реестръ суда.

42) Книга справокъ о судимости.

43) Алфавитъ лицъ, осужденныхъ волостными судами за кражи, мошенничество и присвоеніе найденнаго.

44) Книга на записку входящихъ бумагъ.

45) „ „ „ исходящихъ „

Если мы къ этому перечню прибавимъ срочныя вѣдомости, подаваемыя волостными правленіями по взысканію окладныхъ сборовъ въ двухъ экземплярахъ (податному инспектору и земскому начальнику) и по продовольствію въ одномъ экз. (земскому начальнику), мы получимъ точное основаніе для сужденія о настоящемъ ужасающемъ размѣрѣ труда этихъ учрежденій.

Несомнѣнно, изъ перечисленныхъ книгъ не мало такихъ, которыя,—какъ, напримѣръ, разносная книга,—не требуютъ сколько-нибудь серьезнаго труда; зато, есть и такія, веденіемъ которыхъ не ограничивается трудъ волостныхъ правленій по нимъ. Веденіе, напримѣръ, посемейнаго списка по волости—трудъ весьма серьезный и отвѣтственный, потому что на немъ основанъ призывъ новобранцевъ уѣзда, а въ самомъ призывѣ волостное правленіе играетъ выдающуюся роль. Въ февралѣ составляются имъ призывные списки, которые въ концѣ марта или началѣ апрѣля читаются волостнымъ старшиною и волостнымъ писаремъ въ каждомъ сельскомъ обществѣ волости, тѣмъ на мѣстѣ и провѣряются. Объ этой провѣркѣ составляется приговоръ въ удостовѣреніе правильности внесенія въ списокъ лицъ, подлежащихъ призыву. Въ началѣ мая призывной списокъ, при старшинѣ и писарѣ, свѣряется уѣзднымъ воинскимъ присутствіемъ съ посемейнымъ спискомъ и назначаются льготы по семейному положенію, которыя должны быть объявлены обществамъ волостнымъ правленіемъ. Наконецъ, съ 15 октября происходитъ призывъ, который въ общемъ отнимаетъ не менѣе недѣли отъ волостного правленія настолько, что оно въ это время рѣшительно ничѣмъ другимъ заняться не можетъ. Возьмемъ еще обязательное и дополнительное къ нему страхованіе крестьянскихъ построекъ отъ огня, трудъ по которымъ не ограничивается однимъ веденіемъ книгъ. Много времени уходитъ при составленіи страховыхъ документовъ по дополнительному страхованію и по изслѣдованію, а также удостовѣренію пожарныхъ убытковъ. Я бы могъ представить еще нѣсколько подобныхъ примѣровъ, но, полагаю, сказаннаго въ дополненіе къ перечисленію книгъ волостного правленія вполнѣ достаточно, чтобы показать и доказать непосильность труда этого учрежденія при настоящемъ составѣ его канцеляріи.

Нельзя не сказать, что дѣятельность высшаго представителя кре-

стьянскаго самоуправленія, т.-е. волостного правленія, служитъ преимущественно и, пожалуй, исключительно крестьянству. Въ упомянутомъ нами призывѣ новобранцевъ оно хлопочетъ о лицахъ своей волости; тоже и по учету запасныхъ нижнихъ чиновъ и ополченцевъ. Наконецъ, изъ списка книгъ только одна—сдѣлокъ и договоровъ—и еще, съ натяжкой, двѣ о рабочихъ книжкахъ могутъ касаться и постороннихъ крестьянству лицъ. Строго, логически нельзя не признать, что учрежденіе, служащее такому-то сословію, имъ же должно быть содержимо и оплачено. Будетъ ли это, однако, справедливо?

Въ земледѣльческихъ губерніяхъ деревенское населеніе почти исключительно крестьянское. Въ этомъ отношеніи нашъ мокшанскій уѣздъ вполнѣ вѣрно можетъ быть разсматриваемъ какъ типичный, и призывъ новобранцевъ это съ полной ясностью доказываетъ. Въ немъ призывный списокъ мѣщанъ,—по размѣру никогда не превышающій списка средней волости,—подписанъ городскимъ головой, который, безспорно,—представитель городского самоуправленія. Что же касается до списка разночинцевъ, то онъ ничтоженъ всегда по размѣру. Врядъ ли можно спорить, что сельское населеніе у насъ исключительно,—пожалуй, почти исключительно крестьянское, и потому крестьянское самоуправленіе—истинный представитель русской деревни. Жизнь выработала изъ высшаго выраженія этого самоуправленія—изъ волостного правленія—мѣстную, зачаточную, основную, административную единицу, которая до нѣкоторой степени несетъ государству службу. Въ сущности, что̀ же требуется?—помочь въ содержаніи этой единицы и тѣмъ уменьшить волостной сборъ, весьма чувствительный для захудалаго крестьянства. Помощь эта дастъ возможность волостному писарю вести не спѣша, а съ полнымъ вниманіемъ свое многотрудное дѣло, отъ чего дѣло, безспорно, выиграетъ.

Въ апрѣльской книгѣ „Вѣстника Европы" 1903 г., въ статьѣ: „Нужды сельско-хозяйственной промышленности", я довольно подробно говорилъ о волостномъ судѣ, и не хотѣлось бы повторять сказаннаго. Къ сожалѣнію, въ печати все чаще встрѣчаются нападки на это крайне необходимое дополненіе къ крестьянскому самоуправленію, а потому коснусь и здѣсь волостного суда. Не стану опровергать всѣхъ предложеній уничтоженія этого суда или такихъ его измѣненій, которыя равнозначащи уничтоженію, а замѣчу только, что прежде чѣмъ ломать учрежденіе, дѣйствующее болѣе сорока лѣтъ, которое улучшилось и улучшается, надо тщательно его изучить. Прогрессъ— не въ ломкѣ. По-моему, волостной судъ, такой, какъ онъ есть,—незамѣнимъ по своей доступности; а всюду, гдѣ апелляціонная надъ нимъ инстанція исполняетъ свои обязанности,—онъ безупреченъ.

Я только-что говорилъ о нѣкоторомъ облегченіи захудалаго на-

шего крестьянства во взимаемомъ съ него волостномъ сборѣ; говорить о большемъ такомъ облегченіи нынѣ, въ то трудное время, которое переживаетъ наша родина, несвоевременно, да и напрасно. Но никакого, полагаю, препятствія нѣтъ къ тому, чтобы возбудить нынѣ вопросъ объ освобожденіи крестьянства отъ административныхъ взысканій, только для него одного сохраненныхъ. Какая надобность, при нормальномъ теченіи жизни въ тихой, спокойной, послушной деревнѣ, предоставлять личную карательную власть старостамъ, старшинамъ и даже гг. земскимъ начальникамъ, когда существуетъ и всюду примѣняется 29 ст. Уст. о нак.? Только при исключительныхъ обстоятельствахъ всюду и всегда принимаются и исключительныя мѣры.

Согласно 676 ст. IX Т. Св. Зак. изд. 1899 г., „сельскіе обыватели пользуются личными правами вообще природнымъ Россійскимъ обывателямъ предоставленными". Далѣе, по 677 ст. того же IX Т., „сельскіе обыватели не могутъ быть подвергаемы никакому наказанію, иначе, какъ по судебному приговору, или по законному распоряженію поставленныхъ надъ ними правительственныхъ и общественныхъ властей". Мнѣ кажется, именно крестьянство, при своемъ обычномъ послушаніи властямъ, заслужило, чтобы въ этой 677 статьѣ вторая ея часть, начинающаяся со слова *„или"*, была исключена. Въ настоящее серьезное испытаніе, которое переживаетъ Россія, крестьянское сословіе показало себя не хуже другихъ, а въ нѣкоторомъ отношеніи, пожалуй, лучше. Жертвы, которыя оно принесло, приноситъ и, навѣрное, будетъ приносить,—правда, скромное, но уже никакъ не отъ избытка. За что̀ же надъ нимъ однимъ тяготѣетъ постыдное тѣлесное наказаніе?!

Административное крестьянское самоуправленіе прекрасно уживается съ мѣстнымъ хозяйственнымъ земскимъ самоуправленіемъ. Связь эта, несомнѣнно, еще болѣе окрѣпнетъ, если участіе крестьянства въ земствѣ будетъ по выбору, а не по назначенію, какъ теперь. Въ земледѣльческихъ губерніяхъ плохое экономическое положеніе деревни отражается на дѣятельности обоихъ самоуправленій. Весьма желательно, чтобы это положеніе улучшилось и совокупная дѣятельность земства и крестьянства сдѣлалась болѣе плодотворною, а тѣмъ самымъ и общеполезною.

Кн. Дм. Друцкой-Сокольнинскій.

Апрѣль 1904 г.
с. Знаменское.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 мая 1904.

Морская война на Дальнемъ Востокѣ.—Гибель „Петропавловска".—Трагическія ошибки и столкновенія.—Спорный вопросъ о броненосцахъ.—Полемика о мнимыхъ демонстраціяхъ въ Вѣнѣ.—Циркулярная нота по поводу толковъ о посредничествѣ.—Ошибочныя параллели.—Англо-французское соглашеніе и франко-итальянская дружба.

Неудачи нашего тихоокеанскаго флота бросаютъ печальный свѣтъ на современныя техническія условія морской войны. Оказывается, что не только личная отвага и мужество офицеровъ и команды, но и признанное всѣми искусство и талантливость начальника не обезпечиваютъ отъ внезапныхъ катастрофъ, имѣющихъ чисто-стихійный характеръ. Огромный корабль, закованный въ броню, вполнѣ удобно устроенный для жилья нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, снабженный всѣми необходимыми запасами, военными снарядами и крупнѣйшими смертоносными орудіями, опрокидывается вдругъ и погибаетъ вмѣстѣ съ массою людей, не давая имъ даже подумать о спасеніи,—и это происходитъ не во время боя, а какъ-то совершенно неожиданно, при маневрированіи на рейдѣ. Жутко читать подробности о великой трагедіи, разыгравшейся близъ Портъ-Артура утромъ 31 марта (12 апрѣля). Одинъ изъ сильнѣйшихъ нашихъ броненосцевъ, „Петропавловскъ", считавшійся наиболѣе надежнымъ помѣщеніемъ для морского штаба тихоокеанскаго флота и для командующаго имъ адмирала С. О. Макарова, потонулъ такъ быстро и легко, какъ будто это была утлая ладья среди волнъ морскихъ. Катастрофа заняла не болѣе двухъ минутъ! Вотъ какъ описываетъ ее очевидецъ, корреспондентъ „Новаго Времени", художникъ Кравченко, въ телеграммѣ изъ Ляояна, отъ 1 апрѣля:

„Японская эскадра остановилась далеко, верстахъ въ восемнадцати отъ берега. Наша эскадра, имѣя во главѣ „Петропавловскъ", прошла рейдъ и стала строиться въ боевую линію. Поднятъ сигналъ командующаго флотомъ: миноносцамъ войти во внутреннюю гавань. „Петропавловскъ" медленно подвигался впередъ. Было тихо, все молчало и ждали начала боя и приближенія непріятельской эскадры. Идя малымъ ходомъ, „Петропавловскъ" былъ на линіи Электрическаго утеса. Миноносцы входили въ гавань. Вдругъ въ носовой части праваго борта „Петропавловска" поднялся бѣлый столбъ, прозвучалъ двойной глухой выстрѣлъ и весь „Петропавловскъ" покрылся клубами оран-

жево-бураго дыма. Въ бинокль было видно паденіе многихъ предметовъ сверху, сломанная стеньга носовой мачты, языки пламени. „Петропавловскъ“ сталъ медленно погружаться носомъ, сваливаясь на правый бортъ. Вотъ ужъ не видно совсѣмъ носовой части, вотъ погружается передняя мачта, видна боевая рубка, до половины залиты трубы, скрылись и онѣ, точно падая. Погружается кормовая мачта, башня съ орудіями, наконецъ корма, и виденъ медленно вращающійся лѣвый винтъ, фигуры скользящихъ по борту людей, языки пламени,—послѣдняя вспышка и все кончено. „Петропавловска“ нѣтъ. Спущенныя съ „Гайдамака“ шлюпки направились къ мѣсту несчастія. Было девять часовъ сорокъ минутъ утра“.

Вслѣдъ затѣмъ другой броненосецъ, „Побѣда“, при перестроеніи эскадры, наткнулся на мину своимъ правымъ бортомъ, накренился, но продолжалъ путь и вошелъ въ гавань. „Ночью, предшествовавшей выходу эскадры,—какъ сообщаетъ оффиціальная телеграмма намѣстника, отъ 8 апрѣля,—были замѣчены вдали на рейдѣ огоньки и силуэты судовъ, причемъ командующій флотомъ лично наблюдалъ до утра за всѣмъ происходившимъ съ дежурнаго крейсера „Діана“, стоявшаго на наружномъ рейдѣ, и съѣхалъ съ него въ четыре часа утра“. Донесеніе японскаго адмирала, обнародованное нѣсколькими днями раньше, категорически утверждаетъ, что во время ночной экспедиціи миноносцевъ съ миннымъ транспортомъ „Коріо-мару“ противъ Портъ-Артура, „несмотря на свѣтъ русскихъ прожекторовъ, японскимъ судамъ удалось разбросать въ разныхъ мѣстахъ мины“, и что утромъ слѣдующаго дня на одну изъ этихъ минъ наскочилъ большой линейный корабль, типа „Петропавловскъ“, и затонулъ; „второе большое судно было, повидимому, выведено изъ строя, но за смятеніемъ, возникшимъ среди русскихъ судовъ, нельзя было узнать поврежденный корабль“. Съ нашей стороны также ставились мины противъ японцевъ, но безъ замѣтнаго практическаго успѣха, какъ видно изъ дальнѣйшаго заявленія адмирала Того: „Мы открыли три мины, поставленныя русскими, и уничтожили ихъ; японскій флотъ маневрировалъ, не понеся поврежденій среди непріятельскихъ минъ“. Къ несчастію, до сихъ поръ наши мины чаще причиняли вредъ намъ самимъ, чѣмъ японцамъ; такъ, отъ нашихъ собственныхъ минъ погибъ минный транспортъ „Енисей“, пострадалъ крейсеръ „Бояринъ“, и недавно еще взорвана была собственной миной паровая шлюпка съ лейтенантомъ Пеллемъ и двадцатью нижними чинами; оттого и гибель „Петропавловска“ въ первую минуту приписывалась многими нечаянно задѣтой русской минѣ,—что̀ было бы ужъ слишкомъ невѣроятно. Не слѣдовало ли отсюда заключить, что употребленіе взрывчатыхъ снарядовъ должно имѣть свои предѣлы и условія, помимо которыхъ оно становится для морскихъ силъ опаснѣйшей формой само-

убійства? Точно такъ же и въ активныхъ предпріятіяхъ нашихъ моряковъ преобладаетъ духъ смѣлаго самоотверженія, въ противоположность разсчетливой осторожности японцевъ; миноносцы храбро отдѣляются отъ своихъ отрядовъ и дѣйствуютъ въ одиночку, причемъ иногда и гибнутъ геройскою смертью, безъ пользы для дѣла. Такъ погибъ „Стерегущій", окруженный пятью японскими крейсерами и сражавшійся съ отчаяннымъ мужествомъ, которому отдаютъ справедливость корреспонденты англійскихъ газетъ; въ роковую ночь на 31 марта былъ потопленъ миноносецъ „Страшный", отдѣлившійся отъ другихъ и впавшій въ истинно-трагическую ошибку: встрѣтивъ нѣсколько идущихъ японскихъ миноносцевъ, онъ принялъ ихъ въ темнотѣ за свои, сдѣлалъ имъ опознательный сигналъ и пошелъ совмѣстно съ ними, но съ разсвѣтомъ былъ узнанъ непріятелемъ. На выручку двинулся крейсеръ „Баянъ", но слишкомъ поздно; подойдя къ мѣсту боя, онъ успѣлъ только спасти пять человѣкъ, плававшихъ на поверхности. Объ этой грустной исторіи сообщаетъ по телеграфу художникъ Кравченко:

„Въ ночь на 31 марта, въ сильный вѣтеръ, восемь нашихъ миноносцевъ ушли на развѣдки. Ночь была темная, дулъ порывистый вѣтеръ. Прожекторы пытливо освѣщали рейдъ во всѣхъ направленіяхъ. Въ одиннадцать часовъ слышно было въ морѣ семь выстрѣловъ. Ничего не видно. На разсвѣтѣ замѣтили шесть миноносцевъ, вытянувшихся въ линію, которые стрѣляли. Одинъ на полныхъ парахъ шелъ въ гавань; другой, крайній, сильно парилъ и шелъ медленно. Разстояніе миноносцевъ отъ берега верстъ восемь. Различить нашихъ трудно; видны были только выстрѣлы и паденіе снарядовъ въ воду. Парившій миноносецъ все время продолжалъ стрѣлять. Четыре среднихъ стали стягиваться и сосредоточили огонь на этомъ парившемъ миноносцѣ. Довольно мѣткій огонь послѣдняго держалъ ихъ на разстояніи. Сообщили сигнальной станціи, что это нашъ „Страшный" держится противъ четырехъ японскихъ. Четыре японца обошли его полукругомъ, открыли жестокій огонь, и весь покрытый паромъ „Страшный" не переставалъ отвѣчать, надвигаясь на закрывавшій ему путь непріятельскій миноносецъ, обошелъ его съ кормы и далъ по немъ выстрѣлъ. „Баянъ" снимается съ якоря внѣшняго рейда и выходитъ въ море. Японцы собираются кучей и даютъ залпъ. Вѣроятно пустили мину. „Страшный" даетъ послѣдній залпъ и быстро тонетъ. На мѣстѣ, гдѣ онъ былъ, только облачко пара. Японскіе миноносцы полнымъ ходомъ уходятъ въ море".

Гибель „Петропавловска" была уже не просто военною неудачею, а несчастьемъ; такъ отнеслись къ событію во всемъ культурномъ мірѣ, и всеобщія выраженія сочувствія и соболѣзнованія раздавались даже въ несочувствующей намъ Англіи. Нельзя было не оплакивать даровитаго и энергическаго адмирала, извѣстнаго своими крупными научно-техническими трудами и съумѣвшаго сразу вдохнуть новую жизнь въ

дѣятельность нашего тихоокеанскаго флота; великою всеобщей потерей была смерть находившагося на броненосцѣ художника В. В. Верещагина, знаменитаго обличителя обычныхъ ужасовъ войны. Покойный С. О. Макаровъ былъ убѣжденнымъ противникомъ крупныхъ, неповоротливыхъ броненосцевъ, въ родѣ „Петропавловска", и тотчасъ по прибытіи въ Портъ-Артуръ поднялъ свой адмиральскій флагъ на одномъ изъ болѣе подвижныхъ и быстроходныхъ судовъ—на крейсерѣ „Аскольдъ"; къ сожалѣнію, онъ впослѣдствіи уступилъ протестамъ и совѣтамъ консерваторовъ морского дѣла и сдѣлался жертвою своей уступчивости. В. В. Верещагинъ пріобрѣлъ всемірную славу своими картинами изъ Средней Азіи, яркими изображеніями выдающихся и характерныхъ эпизодовъ русско-турецкой войны и блестящею попыткою возсозданія эпопеи 1812 года; онъ отправился на Дальній Востокъ для дальнѣйшаго художественнаго творчества, въ духѣ той же пропаганды возвышенныхъ идей мира, и впервые вступилъ на адмиральскій корабль, надѣясь быть свидѣтелемъ эффектнаго морского боя, съ неизбѣжнымъ рискомъ и для себя лично,—но нашелъ безвременную кончину въ такой моментъ, когда всего менѣе можно было ожидать катастрофы. Теперь уже оффиціально установлены обстоятельства, при которыхъ совершилось несчастье:

„Произведенное особою комиссіею—говорится въ телеграммѣ намѣстника отъ 17 апрѣля,—разслѣдованіе причинъ крушенія броненосца „Петропавловскъ" выяснило, что броненосецъ коснулся, безъ сомнѣнія, мины, поставленной непріятелемъ въ предѣлахъ обычнаго маневрированія флота, при его выходахъ на рейдъ, на встрѣчу непріятеля. Послѣдствіемъ взрыва такой мины подъ носовыми аппаратами и погребами „Петропавловска", по мнѣнію спеціалистовъ, были послѣдовательные взрывы отъ детонаціи пироксилина въ судовыхъ минахъ и въ 12-дюймовыхъ снарядахъ, воспламененіе и взрывъ пороховыхъ и патронныхъ погребовъ и взрывъ цилиндрическихъ котловъ; всѣ эти взрывы наблюдались въ теченіе двухъ минутъ, послѣ которыхъ объятый пламенемъ броненосецъ скрылся подъ водою".

Изъ этого сообщенія можно видѣть, что, во-первыхъ, нѣтъ положительныхъ средствъ предупредить установку пагубныхъ непріятельскихъ минъ въ районѣ обычныхъ движеній флота, и что, во-вторыхъ, нѣтъ точнаго способа удаленія возможныхъ минъ и провѣрки безопасности рейда,—ибо всѣ необходимыя мѣры предосторожности были, конечно, приняты и не могли быть упущены изъ виду такимъ опытнымъ начальникомъ, какъ С. О. Макаровъ. Если же надзоръ за ночными экспедиціями японскихъ миноносцевъ оказался бы недостаточнымъ и не достигающимъ цѣли по винѣ второстепенныхъ исполнителей, то этотъ фактъ прежде всего обратилъ бы на себя вниманіе упомянутой коммиссіи и послужилъ бы важнѣйшимъ предметомъ ея

разслѣдованія; привлеченные къ дѣлу специалисты не преминули бы также заняться вопросомъ объ упущеніяхъ и недосмотрахъ при обязательной очисткѣ фарватера отъ непріятельскихъ минъ, еслибы въ данномъ случаѣ обнаружились такія упущенія. Остается сдѣлать только одинъ выводъ: современные крупные броненосцы, нагруженные массою сильнѣйшихъ взрывчатыхъ веществъ и снарядовъ, представляютъ собою самодвижущіеся колоссальные аппараты для взрыва и никакъ не могутъ считаться надежнымъ помѣщеніемъ для многочисленнаго военнаго персонала, призваннаго къ серьезной и продолжительной работѣ. Когда въ самомъ началѣ войны выведены были изъ строя лучшіе броненосцы нашего тихоокеанскаго флота — „Цесаревичъ", „Ретвизанъ", „Паллада", —то это объяснялось лишь вѣроломнымъ преждевременнымъ нападеніемъ непріятеля; но относительно „Петропавловска" и „Побѣды" нельзя ссылаться на что-либо подобное, и поневолѣ приходится заключить, что большіе, глубоко сидящіе въ водѣ броненосные корабли наиболѣе подвержены риску внезапнаго повреждения или гибели. Зачѣмъ же строить эти морскія чудовища, если они такъ легко дѣлаются безпомощными калѣками и проваливаются въ воду отъ одного мѣткаго удара подводной мины?

Замѣчательно, что въ настоящей войнѣ наиболѣе прославились и пріобрѣли особенную популярность два корабля другого типа, быстроходные, отлично управляемые крейсеры „Новикъ" и „Баянъ", всегда выступающіе впередъ и дѣйствующіе съ неустрашимою смѣлостью и энергіею, но въ то же время и съ надлежащею разсчетливостью. „Новикъ" и „Баянъ"—это какъ будто живыя, характерныя индивидуальности, внушающія уваженіе даже врагамъ; во всемъ мірѣ извѣстны имена этихъ судовъ, и около нихъ складываются уже легенды. Въ оффиціальныхъ японскихъ донесеніяхъ, при описаніи дѣйствій миноносныхъ флотилій, неоднократно встрѣчаются фразы: „въ это время на горизонтѣ показался „Новикъ", и миноносцы должны были удалиться", или: „началъ приближаться „Баянъ", и потому надо было уйти". Корреспондентъ лондонскаго „Times", крейсирующій въ морѣ между Портъ-Артуромъ и Вей-хай-веемъ на собственномъ пароходѣ своей газеты—„Haimun", съ особымъ интересомъ сообщаетъ о томъ, какъ его встрѣтилъ и остановилъ въ морѣ четырехтрубный русскій крейсеръ, оказавшійся „Баяномъ", въ тридцати миляхъ отъ Портъ-Артура; и пока прибывшіе на шлюпкѣ русскіе офицеры осматривали англійское судно съ его аппаратомъ безпроволочнаго телеграфа системы Де-Фореста, корреспондентъ дѣлалъ свои наблюденія надъ „Баяномъ" и его командой; „это — пишетъ онъ — прекрасный корабль, и находившіеся на немъ люди имѣли бодрый, хорошій видъ; „Баянъ" плаваетъ подъ адмиральскимъ флагомъ, и присутствіе его здѣсь въ

открытомъ морѣ показываетъ, что японцы не въ состояніи блокировать Портъ-Артуръ". Одного имени „Баяна" или „Новика" достаточно для того, чтобы вызвать опредѣленное представленіе, симпатичное для однихъ, внушительное и серьезное для другихъ; японцы издали узнаютъ эти суда и при встрѣчѣ съ ними знаютъ, съ кѣмъ имѣютъ дѣло;—а могущественные броненосцы пріобрѣтаютъ извѣстность только послѣ того, какъ нечаянно наткнутся на мину. „Цесаревичъ", „Ретвизанъ", „Паллада", „Побѣда" ознаменовали себя внезапнымъ полученіемъ крупныхъ подводныхъ пробоинъ, причемъ „Ретвизану" удалось позднѣе отличиться потопленіемъ японскихъ брандеровъ именно благодаря своему положенію на мели близъ входа въ Портъ-Артурскую гавань. „Петропавловскъ" прославился только своею гибелью; „Пересвѣтъ", „Полтава", „Севастополь" ничѣмъ еще не выдвинулись и не опредѣлили своихъ физіономій. Каждый изъ этихъ броненосцевъ стоилъ около десяти или болѣе милліоновъ рублей, и ни одинъ изъ нихъ, за исключеніемъ развѣ „Ретвизана", не успѣлъ оказать столько существенныхъ услугъ, какъ „Новикъ" и „Баянъ". Еслибы всѣ корабли тихоокеанскаго флота принадлежали къ типу подобныхъ крейсеровъ и управлялись съ тѣмъ же искусствомъ, то вѣроятно было бы гораздо менѣе неудачъ и печальныхъ случайностей въ нашей морской войнѣ съ Японіею. Можно высоко цѣнить геройское самоотверженіе „Варяга" и „Корейца"; но намъ болѣе нравится активная слава „Новика" и „Баяна".

Отзывы западно-европейской печати о трагической судьбѣ адмирала Макарова и его штаба отличались вообще искренностью тона, и нигдѣ не замѣчался по этому поводу какой бы то ни было оттѣнокъ злорадства; даже японскіе патріоты вели себя прилично. Многіе были поэтому удивлены появленіемъ частной газетной телеграммы изъ Вѣны о восторгѣ какихъ-то японофильскихъ австрійскихъ кружковъ при извѣстіи о гибели „Петропавловска"; передъ телеграфнымъ кіоскомъ одной изъ вѣнскихъ газетъ прохожіе, будто бы, обнимались отъ радости и оглашали улицу кликами въ честь Японіи. Такъ какъ въ депешѣ упоминалось спеціально о вѣнскихъ обывателяхъ „еврейскаго происхожденія", то источникъ и цѣль этой неудачной выдумки были довольно ясны. Въ органѣ австро-венгерскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, газетѣ „Fremdenblatt", было впослѣдствіи напечатано категорическое опроверженіе приведенной телеграммы. „Въ Вѣнѣ—говоритъ газета—никому ничего неизвѣстно о подобной отвратительной демонстраціи, которая, еслибы происходила въ дѣйствительности, несомнѣнно была бы осуждена самимъ возмущеннымъ населеніемъ. Помимо того, путемъ оффиціальнаго разслѣдованія уста-

новлено, что въ дѣйствительности ничего подобнаго не происходил
и что поэтому упомянутое извѣстіе, о которомъ узнали лишь тепер
основано на чистѣйшемъ вымыслѣ. Подтверждая это, мы можемъ в
сказать лишь наше сожалѣніе по поводу подобной мистификаціи, п
щенной въ ходъ корреспондентомъ русской газеты, что едва ли удоб
при наличности дружественныхъ и полныхъ довѣрія отношеній, сущ
ствующихъ между Австро-Венгріею и Россіею. Сообщеніе это непр
стительнымъ образомъ ввело въ заблужденіе русскихъ читателей н
счетъ настоящаго настроенія вѣнскаго населенія, среди котораго ук
занное трагическое событіе вызвало искреннѣйшее участіе". Каз
лось бы, что фактическая часть этого оффиціознаго заявленія не м
жетъ подлежать никакому спору. Если „въ Вѣнѣ никому ничего н
извѣстно о подобной отвратительной демонстраціи" и если оффиціал
нымъ разслѣдованіемъ удостовѣрено, что „въ дѣйствительности н
чего подобнаго не происходило", то, очевидно, этимъ вопросъ исче
панъ. Между тѣмъ газета, сообщившая эту ложную или ошибочну
вѣнскую телеграмму, хочетъ увѣрить читателей, что въ Вѣнѣ мог
происходить гдѣ-нибудь уличная демонстрація, не замѣченная никѣм
и оставшаяся неизвѣстною полицейскимъ властямъ, но усмотрѣнн
лишь проницательнымъ русскимъ корреспондентомъ, который пр
томъ умѣетъ сразу опредѣлять „еврейское происхожденіе" вѣнских
обывателей по внѣшнему ихъ виду. Газета полагаетъ, что сообщен
ея сотрудника заслуживаетъ довѣрія и должно считаться основател
нымъ; правда, онъ даже приблизительно не указалъ, въ какомъ мѣст
Вѣны собиралась толпа съ ликующими возгласами въ честь Япон
и въ какихъ именно кружкахъ выражались восторженныя японск
чувства; но все-таки свѣдѣнія корреспондента достовѣрны, пото
что они вытекаютъ изъ программы антисемитизма. Газетѣ кажет
даже непонятнымъ, почему австрійскій министерскій органъ „взял
на себя защиту вѣнскихъ японофиловъ еврейскаго происхожденія",-
какъ будто вѣнскіе обыватели какого бы то ни было происхожден
не принадлежатъ къ числу австрійцевъ, которыхъ можетъ брать по
свою защиту австрійская дипломатія въ виду взведенныхъ на них
небылицъ. Наконецъ газета рѣшительно не понимаетъ, „какимъ обр
зомъ демонстрація какой-то небольшой толпы вѣнскихъ крикуно
можетъ повліять на добрыя отношенія между Россіею и Австріею",-
хотя вѣнскій оффиціозъ говоритъ только, что едва ли удобно д
русскаго корреспондента пускать въ ходъ подобныя лживыя извѣст
при наличности дружественныхъ отношеній между Австро-Венгріе
и Россіею. Австро-Венгрія, конечно, не отвѣчаетъ за всякую тол
вѣнскихъ крикуновъ; но еслибы толпа публично заявляла что-нибу
непріятное или враждебное противъ иностраннаго государства,

она непремѣнно была бы остановлена полицейскою властью; бездѣйствіе же послѣдней при демонстраціяхъ такого рода могло бы въ самомъ дѣлѣ повредить отношеніямъ съ чужими націями. Какъ бы то ни было, большая и весьма распространенная русская газета упорно пыталась припутать мелкій антисемитизмъ къ крупнымъ событіямъ настоящей войны,—причемъ вступала въ ненужный и безтактный споръ противъ категорическихъ оффиціозныхъ опроверженій вѣнскаго кабинета относительно фактовъ, происходившихъ, будто бы, въ Вѣнѣ. Та же газета недавно еще утверждала, что вся вообще японская война придумана или подстроена евреями, которыхъ пока не существуетъ въ Японіи;—вѣроятно, подобныя соображенія и догадки заключаютъ въ себѣ нѣчто утѣшительное для умовъ, наклонныхъ къ злобному фантазерству. Насколько эта мелочная антисемитическая травля уживается съ громкими проявленіями патріотизма и нравственнаго подъема,—объ этомъ нѣтъ надобности и говорить.

Въ патріотическихъ порывахъ у насъ не чувствуется недостатка; они тѣмъ сильнѣе и искреннѣе, чѣмъ менѣе заявляютъ о себѣ; они высказываются иногда въ наивныхъ и трогательныхъ формахъ, которыя, къ сожалѣнію, проходятъ незамѣченными среди фальшивыхъ изліяній аферистовъ печатнаго слова. Общественное и народное мнѣніе приковано къ кровавымъ дѣламъ Дальняго Востока; многіе задаются вопросомъ о томъ, какъ и чѣмъ окончится тяжелая война, едва только начинающаяся на сушѣ послѣ трехмѣсячныхъ приготовленій и сборовъ. Нѣкоторые публицисты возбудили мысль о посредничествѣ Англіи или какой-либо другой державы послѣ первой рѣшительной побѣды русской арміи въ Манчжуріи или Кореѣ; другіе пускали уже въ ходъ готовыя извѣстія о мирныхъ проектахъ вмѣшательства или дружественныхъ добрыхъ услугъ со стороны англійскаго короля, независимо отъ дальнѣйшаго хода дѣлъ на театрѣ войны. Несмотря на явную неправдоподобность предположеній и слуховъ послѣдней категоріи, они почему-то возбуждали замѣтную тревогу въ нѣкоторой части русскаго общества, привыкшей объяснять всѣ неудачи нашей прошлой политики коварнымъ вмѣшательствомъ иностранныхъ друзей и недруговъ, въ родѣ князя Бисмарка. По поводу этихъ преждевременныхъ и отчасти наивныхъ опасеній былъ разосланъ и напечатанъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" слѣдующій циркуляръ министра иностранныхъ дѣлъ къ россійскимъ представителямъ за границею, отъ 14 апрѣля 1904 г.:

„Иностранною печатью за послѣднее время настойчиво распространяются слухи о возникшихъ въ средѣ нѣкоторыхъ европейскихъ пра-

вительствъ намѣреніяхъ оказать мирное посредничество для скорѣйшаго окончанія русско-японскаго столкновенія. Полученныя телеграммы сообщаютъ даже, будто въ этомъ смыслѣ уже сдѣланы предложенія Императорскому правительству.

„Вы уполномочены самымъ категорическимъ образомъ опровергнуть это извѣстіе.

„Россія не желала войны; ею сдѣлано было въ предѣлахъ возможности все, чтобы мирнымъ путемъ разрѣшить возникшія на Дальнемъ Востокѣ осложненія. Но послѣ вѣроломнаго нападенія Японіи, вынудившаго Россію взяться за оружіе, никакое мирное посредничество, очевидно, не можетъ имѣть успѣха.

„Равнымъ образомъ Императорское правительство не допуститъ и вмѣшательства какой бы то ни было державы въ непосредственные переговоры, которые послѣдуютъ между Россіею и Японіею по окончаніи военныхъ дѣйствій для опредѣленія условій мира.

„Вышеизложенное сообщается вамъ для свѣдѣнія и руководства".

Твердый тонъ этого правительственнаго сообщенія заранѣе исключаетъ возможность какого бы то ни было посредничества другихъ державъ даже послѣ побѣды русскихъ войскъ надъ японскими: война будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока сама Японія не попроситъ мира, или пока мы не достигнемъ вполнѣ намѣченныхъ политическихъ цѣлей на Дальнемъ Востокѣ. Наша дипломатія, конечно, выработала или выработаетъ точную програму тѣхъ требованій, которыя должны быть предъявлены токійскому правительству въ случаѣ неминуемаго окончательнаго торжества русскаго оружія; къ несчастью только, эти требованія едва-ли могутъ быть очень существенны для Россіи въ виду особыхъ обстоятельствъ и соображеній, указанныхъ нами въ прошломъ обозрѣніи. Вспоминая послѣднюю русско-турецкую войну и завершившій ее злополучный берлинскій конгрессъ, наша публика естественно опасается повторенія прежнихъ ошибокъ и въ настоящемъ конфликтѣ нашемъ съ Японіею. Публика въ этомъ случаѣ ошибалась вдвойнѣ: во-первыхъ, участіе Европы въ устройствѣ балканскихъ дѣлъ было предусмотрѣно формальными международными трактатами и не могло быть произвольно устранено нами; извращеніе же результатовъ нашихъ тяжелыхъ усилій было уже дѣломъ нашей собственной кабинетной политики, лишенной ясныхъ основъ, вдохновляемой случайными вліяніями, и потому перемѣнчивой, колеблющейся и неопредѣленной. Во-вторыхъ, между теперешнею войною и русско-турецкою кампаніею 1877—78 годовъ нѣтъ ничего общаго по мотивамъ и цѣлямъ, и наши политическія задачи на Дальнемъ Востокѣ имѣютъ совсѣмъ другой характеръ, чѣмъ на Востокѣ ближнемъ. Мы дѣйствовали противъ Турціи послѣ ряда неудавшихся коллективныхъ мѣръ и соглашеній великихъ державъ; сама война

была начата какъ бы въ силу полномочія отъ всей Европы. Прежде чѣмъ выступать противъ турокъ, Россія старалась заручиться предварительнымъ согласіемъ Австро-Венгріи, и ради этого заранѣе отдала въ ея распоряженіе тѣ славянскія земли, которыя именно и начали самоотверженную борьбу противъ турецкаго ига; Боснія и Герцеговина, судьба которыхъ такъ сильно волновала русское общество, были обѣщаны австрійцамъ секретною рейхштадтскою конвенціею 1876 года. Заключеніе этой конвенціи,—имѣвшей какъ бы видъ предательства относительно злосчастныхъ славянскихъ областей, взывавшихъ къ намъ о помощи, — состоялось безъ вѣдома Бисмарка и скрывалось отъ него нашими придворными дипломатами; когда же онъ узналъ объ этихъ поразительныхъ добровольныхъ уступкахъ въ пользу Австріи, онъ долженъ былъ заключить, по здравому смыслу, что вѣроятно Россія имѣетъ въ виду на этотъ разъ добраться до Константинополя и утвердиться въ немъ во что бы то ни стало. Бисмаркъ даже обижался этою скрытностью русскаго правительства, что̀ и высказываетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ". Впослѣдствіи оказалось, что у насъ никакихъ сознательныхъ плановъ и разсчетовъ не было, и что вся наша тогдашняя политика была сцѣпленіемъ непредвидѣнныхъ случайностей и скачковъ. Мы остановились передъ Константинополемъ по первому слову Англіи, безпричинно оттолкнули отъ себя Сербію, Черногорію и Румынію при выработкѣ предварительныхъ условій мира, сами просили Бисмарка устроить конгрессъ въ Берлинѣ и удивляли Европу своею небрежностью въ охранѣ и распредѣленіи достигнутыхъ политическихъ выгодъ, рядомъ съ заботливымъ вниманіемъ къ интересамъ Австріи и другихъ державъ. Потомъ наши патріоты съ дешовымъ паѳосомъ обвиняли во всемъ Бисмарка, какъ иностраннаго дѣятеля, не огражденнаго цензурою отъ русской критики. Между тѣмъ историческія задачи Россіи относительно Турціи не возбуждали никакихъ сомнѣній въ русскомъ обществѣ, были просты до очевидности и понимались болѣе или менѣе одинаково всѣми партіями и элементами общественнаго мнѣнія, представляя собою какъ бы обязательное наслѣдіе вѣковъ. Въ результатѣ же вышло, что разорительная, кровопролитная и долгая война велась нами неизвѣстно ради чего—не то для созданія враждебнаго намъ болгарскаго княжества, не то для передачи Босніи и Герцеговины вѣнскому кабинету, не то для доставленія англичанамъ острова Кипра. Это рѣзкое несоотвѣтствіе между принесенными жертвами и сдѣланными изъ нихъ смутными практическими выводами было главнымъ источникомъ глубокаго внутренняго разочарованія и недовольства, охватившаго русское общество съ конца семидесятыхъ годовъ. Русско-турецкая освободительная война, вызванная общественнымъ

движеніемъ на почвѣ національныхъ историческихъ традицій и интересовъ, окончилась неудачно въ политическомъ отношеніи, благодаря сохранившимся остаткамъ тѣхъ общихъ условій, которыя въ свое время привели къ севастопольскому погрому; этими условіями широко воспользовались и иностранные кабинеты, при прямомъ или косвенномъ участіи русскихъ представителей, озабоченныхъ скорѣйшимъ заключеніемъ мира. Въ новѣйшемъ нашемъ дипломатическомъ спорѣ съ Японіею общество играло вполнѣ пассивную роль; никто не могъ опредѣлить, какія цѣли нужно преслѣдовать въ Манчжуріи и въ Кореѣ, какое значеніе имѣютъ для насъ лѣсныя концессіи на корейскомъ берегу рѣки Ялу, и почему корейскій вопросъ, въ связи съ манчжурскимъ, такъ сильно волновалъ японскую націю и ея правителей. Никакія историческія традиціи и никакіе національные интересы не толкали насъ на путь усиленной предпріимчивости въ дѣлахъ Дальняго Востока; мы ничего не имѣли противъ Японіи, и наше правительство до послѣдней минуты искренно стремилось сохранить съ нею мирныя отношенія.

Война возникла неожиданно, по односторонней и произвольной иниціативѣ японцевъ; намъ она едва ли можетъ принести пользу, даже въ случаѣ полной побѣды на сушѣ и на морѣ. Что̀ можемъ мы взять съ непріятельской страны, кромѣ развѣ обязательства уплатить денежную контрибуцію? Въ достиженіи какихъ цѣлей и плановъ относительно Японіи могли бы помѣшать намъ постороннія державы по окончаніи войны? Такихъ плановъ и цѣлей мы не знаемъ, и едва ли знаютъ о нихъ что-либо дипломаты; но всѣмъ хорошо извѣстно, что сосѣдскія отношенія съ честолюбивою и предпріимчивою Японіею останутся для насъ неизбѣжными и въ будущемъ. Вытѣсненіе турокъ изъ Европы, т.-е. уничтоженіе турецкаго владычества надъ балканскими народностями и надъ самимъ Константинополемъ, не выходитъ изъ круга желательныхъ и осуществимыхъ политическихъ предпріятій; японцы же никуда не могутъ быть вытѣснены изъ своей Японіи. Что касается Кореи, то очищеніе ея отъ японскихъ войскъ нисколько не уменьшило бы тяготѣнія къ ней избытка японской народной массы и не предотвратило бы постепеннаго мирнаго занятія этой фиктивной имперіи японцами; а еслибы мы рѣшились взять на себя заботу объ охранѣ независимости и неприкосновенности корейскаго государства, то постоянно подготовлялся бы матеріалъ для безплодныхъ столкновеній, изъ которыхъ не видно было бы правильнаго выхода. Повторяемъ,—къ настоящей войнѣ совершенно непримѣнимы соображенія, имѣвшія силу во время русско-турецкой кампаніи и оставленныя тогда безъ вниманія нашею дипломатіею.

Приведенный выше циркуляръ нашего министра иностранныхъ

дѣлъ показываетъ, что вопросъ о посредничествѣ имѣетъ еще другія стороны, требовавшія категорическаго отрицательнаго разрѣшенія его въ принципѣ, независимо отъ будущаго хода войны. Теперь по крайней мѣрѣ прекратятся газетные толки и слухи о такомъ предметѣ, который неизбѣжно служилъ бы постояннымъ источникомъ псевдо-дипломатическаго сочинительства и прожектерства;—это тоже представляетъ свои удобства. Будемъ надѣяться, что война не слишкомъ затянется и придетъ къ благополучному окончанію помимо всякаго постороннаго посредничества.

Обнародованный въ Парижѣ и Лондонѣ текстъ англо-французской конвенціи, подписанной 8 апрѣля, долженъ быть признанъ однимъ изъ важнѣйшихъ актовъ международнаго права за послѣдніе годы, не только по своему непосредственному содержанію, но и по проникающему его духу и по вытекающимъ изъ него послѣдствіямъ. Окончательное заключеніе конвенціи состоялось въ Лондонѣ между спеціально уполномоченными представителями обѣихъ странъ—британскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, маркизомъ Лансдоуномъ, и посланникомъ французской республики при британскомъ дворѣ, Полемъ Камбономъ. Къ тексту конвенціи приложены двѣ совмѣстныя деклараціи, —одна объ Египтѣ и Марокко, другая—о Сіамѣ, Мадагаскарѣ и Ново-Гебридскихъ островахъ,—и проектъ декрета отъ имени египетскаго хедива о новыхъ правилахъ относительно организаціи египетскаго долга. Конвенція точно разрѣшаетъ спорные вопросы, касающіеся пограничныхъ колоніальныхъ владѣній и старинныхъ правъ французовъ и англичанъ въ разныхъ частяхъ свѣта. Франція отказывается отъ нѣкоторыхъ историческихъ привилегій по рыбной ловлѣ у береговъ Новой Земли, въ Сѣверной Америкѣ, но взамѣнъ пріобрѣтаетъ очень цѣнныя для нея земельныя приращенія въ Гамбіи, Гвинеѣ и Суданѣ. Египту дается возможность расходовать на свои нужды всѣ излишки государственныхъ доходовъ, сверхъ необходимаго обезпеченія правильной уплаты внѣшняго египетскаго долга, и за эту важную для Англіи уступку Франція получаетъ преимущественное право дѣйствовать и упрочивать свое вліяніе въ предѣлахъ Марокко. Въ Сіамѣ разграничиваются сферы политическаго преобладанія обѣихъ державъ, и устраняются также многочисленные поводы къ пререканіямъ въ центральной Африкѣ и на Мадагаскарѣ. Этимъ подготовляется почва для дѣйствительнаго предупрежденія конфликтовъ, которые въ былое время такъ часто разстроивали взаимныя отношенія между двумя великими передовыми націями западной Европы.

Параллельно съ англо-французскимъ соглашеніемъ обращаетъ на себя вниманіе необыкновенный энтузіазмъ, съ какимъ Италія привѣтствуетъ Францію по случаю прибытія французскаго президента въ Римъ. Эти восторженныя проявленія франко-итальянской дружбы ярко свидѣтельствуютъ объ упадкѣ чисто-внѣшнихъ искусственныхъ международныхъ комбинацій, которымъ придавалъ такое исключительное значеніе князь Бисмаркъ. Тройственный союзъ еще формально существуетъ, и въ центрѣ его сохраняетъ свой нервенствующій постъ Германія; но рядомъ устанавливаются болѣе реальныя, близкія и живыя національныя связи, способствующія фактическому разложенію старой группировки великихъ державъ. Италія все сильнѣе сближается съ Франціею; недавно онѣ заключили между собою трактаты о третейскомъ судѣ и о рабочемъ вопросѣ. Передовые либеральные элементы итальянскаго народа выражаютъ горячее сочувствіе тѣмъ энергическимъ усиліямъ, которыя употребляются французскимъ правительствомъ для противодѣйствія владычеству католическаго монашества и духовенства надъ умами значительной части населенія; отъ этого же вѣкового зла страдаетъ и Италія, но она не имѣетъ возможности бороться съ нимъ такъ настойчиво и послѣдовательно, какъ французы. Франко-итальянское сближеніе не особенно радуетъ консервативныхъ германскихъ патріотовъ, но оно должно вызывать безусловное сочувствіе среди искреннихъ приверженцевъ прочнаго международнаго мира въ Европѣ и въ томъ числѣ среди нѣмцевъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 мая 1904.

I.

— Записки княгини Маріи Николаевны Волконской, съ предисловіемъ и приложеніями издателя князя М. С. Волконскаго. — Mémoires de la princesse Marie Wolkonsky, etc. Спб. 1904.

Историческая давность — въ области исторической литературы— наступаетъ у насъ очень поздно. Извѣстно, что до недавняго времени даже сама государственная исторія многіе десятки, даже до сотни лѣтъ, оставалась закрыта для научнаго изслѣдованія и книжнаго изложенія. Какъ прежняя цензура не допускала никакихъ сужденій о предметахъ государственной жизни въ настоящемъ, такъ она распространяла это запрещеніе и на времена давнопрошедшія: исторія казалась правительственнымъ распоряженіемъ, котораго не могла касаться критика, своего рода канцелярской тайной. Въ 1850-хъ годахъ дошло до того, что изъ историческаго изложенія были совсѣмъ исключены смутныя времена, какъ напр. эпоха междуцарствія!—Исторія новѣйшая долго бывала или совсѣмъ невозможна, или возможна только въ видѣ оффиціальной реляціи.

Такое же цензурное недовѣріе тяготѣло и на другой исторической литературѣ—исторіи общественной и личной, литературѣ воспоминаній, мемуаровъ, писемъ и т. п. Только съ „эпохи реформъ" и въ этомъ отношеніи начинается благотворная перемѣна къ лучшему: возникаетъ мало-по-малу историческая литература, въ настоящее время уже чрезвычайно обширная, посвященная по преимуществу новѣйшему времени, XVIII-му и XIX-му вѣку, литература историческихъ изслѣдованій и разсказовъ, мемуаровъ, переписки и т. д.; предпринимается наконецъ разслѣдованіе и изданіе цѣлыхъ архивовъ...

Не нужно много объяснять, какъ важно это обогащеніе истори-

ческой литературы для подъема цѣлаго образовательнаго уровня литературы и общества. Сознательное отношеніе къ прошедшему можетъ самымъ благотворнымъ образомъ содѣйствовать и правильному уразумѣнію настоящаго; можетъ установить правильную оцѣнку явленій и дѣятелей этого прошлаго въ отношеніи ихъ къ общему теченію національной и общественной жизни, отличить въ нихъ добро и зло, пользу и вредъ для основного интереса исторической жизни, т.-е. общаго блага.

Въ этой литературѣ воскресающихъ, такъ сказать, историческихъ произведеній, „Записки" княгини Волконской должны занять одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ. Съ тѣхъ поръ, какъ возвращены были изъ ссылки „декабристы", дожившіе до амнистіи пятидесятыхъ годовъ, и стали появляться въ литературѣ біографіи и воспоминанія, имя княгини Волконской пользовалось уже большой и почетной извѣстностью. Дочь знаменитаго подвижника 1812 года, генерала Раевскаго, она въ 1826, совсѣмъ молодой женщиной, послѣдовала, даже противъ желанія отца, за мужемъ въ сибирскую ссылку и прожила тамъ все время изгнанія: актъ самоотверженія, высоко оцѣненный современниками и, какъ легенда, между дальнѣйшими поколѣніями. Теперь, эта легенда, съ ея фактическими подробностями, стала доступна читающему міру въ ея „Запискахъ".

Эти „Записки" до сихъ поръ оставались только семейнымъ достояніемъ. Въ предисловіи издателя разсказано, послѣ какихъ долгихъ колебаній онъ рѣшился наконецъ на ихъ напечатаніе.

„Въ виду желанія автора, чтобы „Записки" не выходили за предѣлы семьи, будетъ понятно каждому чувство колебанія, мучившее меня въ этомъ случаѣ при желаніи, съ одной стороны, остаться вѣрнымъ дорогой для меня волѣ, а съ другой, не оставить подъ спудомъ разсказъ, имѣющій, по моему мнѣнію, цѣну не для одной семьи, а для общества и, быть можетъ, для исторіи того времени". Нѣкогда, исторія того времени считалась тайною, и каждая строка о немъ была запрещаема, — вѣроятно подъ вліяніемъ этого обстоятельства княгиня Волконская и выражала свое желаніе; но это обстоятельство теперь не существуетъ, и тѣ времена вошли въ достояніе исторіи. „При жизни,—продолжаетъ кн. М. С. Волконскій, — мать не читала мнѣ своихъ „Записокъ", но не разъ говорила, что смущаетъ ее то, что она откровенно разсказываетъ о мѣрахъ, предпринимавшихся ея отцомъ и братомъ съ цѣлью помѣшать ей слѣдовать за мужемъ въ Сибирь. Она боготворила отца и любила брата до конца своей жизни: понятно ея смущеніе. Но, понятно, съ другой стороны, и чувство, руководившее ея семьею. Разлука съ нею предстояла на всю жизнь, и впереди было одно неизвѣстное: что представляли изъ себя рудники,

въ которые она ѣхала? какая готовилась ей тамъ жизнь? гдѣ и какой пріютъ ожидалъ ее, какое обхожденіе съ нею мѣстныхъ властей? Сама Сибирь того времени не была теперешнею: сообщенія были затруднительны, почта получалась въ Забайкальѣ разъ въ мѣсяцъ и шла отъ Петербурга около восьми недѣль, о Нерчинскихъ заводахъ и поселеніяхъ разсказывались ужасы. Въ такихъ обстоятельствахъ эта ссылка представлялась семьѣ медленною смертью. Но всѣхъ тѣхъ, кого касается эта часть воспоминаній, наиболѣе тяжелая для автора, давно нѣтъ на свѣтѣ, нѣтъ уже и второго, нѣтъ и третьяго поколѣнія... Другая причина высказанному моей матерью желанію, это —ея собственная скромность, всегда и во всемъ проявлявшаяся, нежеланіе, чтобы ею занимались и о ней говорили... Чувство скромности составляетъ ея собственность, но мнѣ, полагаю, принадлежитъ право послѣ того, что прошло съ тѣхъ поръ около полувѣка, отнестись къ вопросу иначе, не оскорбляя тѣмъ священной для меня памяти. Найдутся люди, которые обвинятъ меня, но найдутся, надѣюсь, и такіе, которые оправдаютъ мое рѣшеніе".

Мы безъ всякихъ колебаній присоединились бы къ послѣднимъ: рѣшеніе князя М. С. Волконскаго должно вызывать, по нашему мнѣнію, самое полное сочувствіе. Это опять—вопросъ о „нарушеніи воли". Самъ издатель совершенно правильно объяснилъ обстоятельства, въ которыхъ образовалось желаніе княгини М. Н. Волконской ограничить доступность своихъ записокъ тѣсными предѣлами семьи. Опасенія относительно своевременности извѣстій, ею сообщаемыхъ, давно миновали, когда цѣлая эпоха стала далекимъ прошлымъ и когда ея исторія множество разъ была пересказана по другимъ источникамъ; съ этой внѣшней исторической стороны устраняется, такимъ образомъ, всякая тѣнь нескромности, и „Записки" пріобрѣтутъ только великую цѣну достовѣрнаго указанія фактовъ. И это послѣднее тѣмъ болѣе важно, что между прочимъ пошли въ ходъ и совсѣмъ невѣрныя толкованія событій, какъ примѣры тому указываетъ издатель въ своемъ предисловіи. Далѣе, содержаніе и характеръ „Записокъ" таковы, что не могутъ имѣть мѣста и какія-нибудь сомнѣнія близкихъ о нарушеніи скромности автора „Записокъ": ихъ содержаніе и характеръ таковы, что читателямъ несомнѣнно сообщится только высокое уваженіе къ личности автора... Съ другой стороны, для близкихъ его являлся бы важный нравственный долгъ сохранить для самого общества память замѣчательнаго лица, котораго трудный жизненный путь не былъ только чисто личною судьбою, а напротивъ былъ связанъ съ исторіей самого общества, и общество дѣйствительно уже давно, съ самаго совершенія трагическихъ событій, съ участіемъ слѣдило за судьбою „декабристовъ", „въ мрачныхъ пропастяхъ земли"

и тѣхъ героическихъ женщинъ, которыя рѣшили раздѣлить тяжкія испытанія своихъ мужей, и черезъ десятки лѣтъ съ теплымъ сочувствіемъ и уваженіемъ встрѣтило—уцѣлѣвшихъ и возвратившихся послѣ амнистіи...

Не будемъ излагать содержанія „Записокъ". Онѣ безъ сомнѣнія привлекутъ многихъ читателей. Довольно сказать, что это—правдивый разсказъ о тяжкихъ, иногда страшныхъ, испытаніяхъ, разсказъ простой, безъискусственный, и который тѣмъ самымъ производитъ особенно сильное впечатлѣніе. Издатель прибавилъ къ тексту „Записокъ" многочисленныя историческія примѣчанія, и въ цѣломъ книга является драгоцѣннымъ вкладомъ въ исторію нашего прошлаго вѣка. Текстъ сопровождается также любопытными иллюстраціями—портретами, видами мѣстностей, планами.

Изъ предисловія издателя позволимъ себѣ сдѣлать одно извлеченіе, очень любопытное въ историко-литературномъ отношеніи. Однимъ изъ примѣровъ того живого интереса, съ какимъ наше общество относилось къ возвращеннымъ „декабристамъ", были извѣстныя стихотворенія Некрасова: Русскія женщины" (княгиня Трубецкая и княгиня Волконская). Не будемъ касаться вопроса о чисто художественныхъ качествахъ этихъ стихотвореній. Противники поэзіи Некрасова,—которыхъ было не мало въ разныхъ лагеряхъ,—осуждали и эти стихотворенія, повторяя обвиненія въ придуманности темы (нельзя же было не выбрать, т.-е. придумать, темы, на которой хочетъ остановиться писатель), но на этотъ разъ мы имѣемъ свидѣтельство прямо очевидца, которое можетъ самымъ враждебнымъ обвинителямъ указать, съ какой глубокой искренностью писались эти стихотворенія. Основной мотивъ ясенъ: искало выраженія то теплое сочувствіе, съ которымъ русское общество встрѣчало возвращенныхъ изъ долгой ссылки и какимъ оно особенно чтило „русскихъ женщинъ", подававшихъ высокій примѣръ самоотверженія. Некрасовъ „придумалъ" сдѣлать этотъ подвигъ самоотверженія предметомъ поэмы.

Кн. М. С. Волконскій разсказываетъ въ своемъ предисловіи:

„Считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ объ отношеніи печати къ добровольнымъ изгнанницамъ и, прежде всего, остановиться на поэмѣ Некрасова: „Русскія женщины", въ виду чрезвычайной близости ея къ „Запискамъ" княгини Волконской.

„Съ Некрасовымъ я былъ знакомъ долгіе годы. Насъ сблизила любовь моя къ поэзіи и частыя зимнія охоты, во время которыхъ мы много бесѣдовали, причемъ я, однакоже, обходилъ разговоры о сосланныхъ въ Сибирь, не желая, чтобъ они проскользнули несвоевременно въ печать. Однажды, встрѣтивъ меня въ театрѣ, Некрасовъ сказалъ мнѣ, что написалъ поэму: „Княгиня Е. И. Трубецкая", и про-

силъ меня ее прочесть и сдѣлать свои замѣчанія. Я ему отвѣтилъ, что нахожусь въ самыхъ тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ съ семьею Трубецкихъ и что, если впослѣдствіи найдутся въ поэмѣ мѣста, для семьи непріятныя, то, зная, что поэма была предварительно сообщена мнѣ, Трубецкіе могутъ меня, весьма основательно, подвергнуть укору; поэтому я готовъ сообщить свои замѣчанія въ томъ лишь случаѣ, если авторъ ихъ приметъ. Получивъ на это утвердительный отвѣтъ Николая Алексѣевича, а на другой день и самую поэму въ корректурномъ еще видѣ, я тотчасъ ее прочелъ и свезъ автору съ своими замѣтками, касавшимися, преимущественно, характеровъ описываемыхъ лицъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, для красоты мысли и стиха, онъ измѣнилъ характеръ этой высокодобродѣтельной и кроткой сердцемъ женщины, на что я и обратилъ его вниманіе. Многія замѣчанія онъ принялъ, но отъ нѣкоторыхъ отказался и, между прочимъ, отказался выпустить четырехстишіе, въ которомъ княгиня бросаетъ кускомъ грязи въ только-что покинутое ею высшее петербургское общество, къ которому принадлежали ея родные и близкіе друзья, и къ которому она, въ дѣйствительности, стремилась душою изъ далекой ссылки до конца своихъ дней...

„Поэма имѣла громадный успѣхъ, и Некрасовъ задумалъ другую. Разъ онъ, пріѣхавъ ко мнѣ, сказалъ, что пишетъ о моей матери, и просилъ меня дать ему ея „Записки“, о существованіи которыхъ ему было извѣстно; отъ этого я отказался наотрѣзъ, такъ какъ не сообщалъ до тѣхъ поръ этихъ „Записокъ“ никому, даже людямъ, мнѣ наиболѣе близкимъ. „Ну, такъ прочтите мнѣ ихъ“,—сказалъ онъ мнѣ. Я отказался и отъ этого. Тогда онъ сталъ меня убѣждать, говоря, что данныхъ о княгинѣ Волконской у него гораздо меньше, чѣмъ было о княгинѣ Трубецкой, что образъ ея выйдетъ искаженнымъ, невѣрными явятся и факты, и что мнѣ первому это будетъ непріятно и тяжело, а опроверженіе будетъ для меня затруднительно. При этомъ онъ давалъ мнѣ слово принять всѣ мои замѣчанія и не выпускать поэмы безъ моего согласія на всѣ ея подробности. Я просилъ дать мнѣ нѣсколько дней на размышленіе, еще разъ перечелъ „Записки“ моей матери и, въ концѣ концовъ, согласился, несмотря на то, что мнѣ была крайне непріятна мысль о появленіи поэмы весьма интимнаго характера и основанной на разсказѣ, который въ то время я не предполагалъ предавать печати.

„Некрасовъ по-французски не зналъ, по крайней мѣрѣ настолько, чтобы понимать текстъ при чтеніи, и я долженъ былъ читать, переводя по-русски, причемъ онъ дѣлалъ замѣтки карандашомъ въ принесенной имъ тетради. Въ три вечера чтеніе было закончено. Вспоминаю, какъ при этомъ Николай Алексѣевичъ по нѣскольку разъ въ

вечеръ вскакивалъ и съ словами: „Довольно, не могу", бѣжалъ къ камину, садился къ нему и, схватясь руками за голову, плакалъ, какъ ребенокъ. Тутъ я видѣлъ, насколько нашъ поэтъ жилъ нервами, и какое мѣсто они должны были занимать въ его творчествѣ.

„Когда поэма была кончена, онъ принялъ мои замѣчанія и просилъ лишь оставить ему сцену встрѣчи княгини Волконской съ мужемъ не въ тюрьмѣ, какъ изложено въ „Запискахъ", а въ шахтѣ. „Не все ли вамъ равно, съ кѣмъ встрѣтилась тамъ княгиня: съ мужемъ ли или съ дядею Давыдовымъ; они оба работали подъ землею, а эта встрѣча такъ красиво у меня выходитъ". Я уступилъ, но, уѣзжая изъ Петербурга, просилъ выслать мнѣ, для просмотра, еще послѣднюю корректуру. Поэтъ этого не исполнилъ, и я получилъ отъ него при письмѣ, полномъ извиненій, поэму уже выпущенную... Этимъ объясняется то, что въ поэмѣ проскользнуло нѣсколько выраженій, не отвѣчающихъ характеру воспѣтой имъ женщины".

Далѣе, кн. Волконскій указываетъ весьма грубыя ошибки виконта де-Вогюэ, который, говоря объ этихъ поэмахъ Некрасова, признаетъ за ними не малую трогательность и эффектность, но прибавляетъ: „читатель будетъ мною недоволенъ, если я его предварю, что эти красивыя видѣнія (скорѣе выдумки, fictions) не имѣютъ ничего общаго (!) съ холодной дѣйствительностью. Эта послѣдняя въ томъ видѣ, въ какомъ она передана мнѣ лицами, пережившими эту эпоху (?), далека отъ мелодрамы". По словамъ де-Вогюэ, эта жизнь въ ссылкѣ была вовсе не такъ тяжела, что „эти дамы (жены декабристовъ) нашли вновь на берегахъ Лены роскошь элегантной жизни (!) и свѣтскихъ удовольствій (?), къ которымъ онѣ были пріучены". Де-Вогюэ прибавляетъ, что кому случалось встрѣчаться съ возвращенными декабристами, тѣ слышали разсказы объ ихъ изгнаніи, „которые вовсе не согласовались съ эпизодами, *измышленными* Некрасовымъ". Де-Вогюэ упоминаетъ, что къ декабрьскимъ ссыльнымъ приставленъ былъ царемъ особый генералъ, „Липранди", съ приказаніемъ „ничего не жалѣть для смягченія ихъ участи"...

Кн. Волконскій недоумѣваетъ, отъ какихъ лицъ, „переживщихъ эту эпоху", де-Вогюэ могъ слышать подобныя вещи,—„но не подлежитъ сомнѣнію, что въ четырехъ... краткихъ періодахъ заключается пять извращеній именъ и событій". И прямыми фактическими данными кн. Волконской доказываетъ эти извращенія и—фальшивость обвиненій, взведенныхъ имъ на „измышленія" Некрасова. Очевидно, что де-Вогюэ, хотя имѣлъ возможность (зная, напр., русскій языкъ и проживъ нѣкоторое время въ Россіи) ближе познакомиться съ событіями нашей исторіи, на этотъ разъ не выдѣлился изъ общаго уровня иностранцевъ, пишущихъ о Россіи, „изучивъ" ее съ пятаго на деся-

тое... Замѣтимъ, между прочимъ, что генерала „Липранди“ онъ повидимому смѣшалъ съ генераломъ Лепарскимъ, которому порученъ былъ надзоръ за декабристами.

Повторимъ въ заключеніе, что въ изданіи „Записокъ“ кн. М. Н. Волконской наша литература получаетъ по истинѣ драгоцѣнное пріобрѣтеніе.—А. П.

II.

— Прялка тумановъ. Посмертные разсказы Жоржа Роденбаха. Переводъ М. Веселовской со вступительной статьей Юрія Веселовскаго. Второе изданіе. М. 1904.

Не припоминаемъ, былъ ли Жоржъ Роденбахъ извѣстенъ русскимъ читателямъ до настоящаго труда гг. Веселовскихъ (кромѣ названной здѣсь книжки они издали также другіе разсказы этого писателя). Во вступительной статьѣ г. Юрій Веселовскій знакомитъ читателя съ личностью Роденбаха. Въ Люксембургскомъ музеѣ, въ Парижѣ, находится характерный портретъ писателя—повторенный на заглавномъ листѣ русскаго перевода. „Съ этого портрета на васъ смотрятъ задумчивые, грустные, почти страдальческіе глаза, вполнѣ гармонирующіе съ продолговатымъ, изможденнымъ лицомъ и нѣсколько ввалившимися блѣдными щеками. На заднемъ планѣ, за окномъ, у котораго стоитъ незнакомецъ, виднѣется древній городъ, съ готическими зданіями, высокими колокольнями и каменнымъ мостомъ, перекинутымъ черезъ безжизненный, полу-заснувшій каналъ. Этотъ одинокій, задумчивый и страдающій мечтатель, изображенный Дюрмеромъ (художникомъ) на фонѣ сумрачнаго средневѣкового города,—одинъ изъ *наиболѣе даровитыхъ* поэтовъ нашего времени, у котораго *было что сказать* людямъ, который до конца своей жизни твердо вѣрилъ въ то, что лишь поэтическія мечты и чары искусства могутъ скрасить безотрадную жизнь какъ *золотые сны*. Это—Жоржъ Роденбахъ, выходецъ изъ стараго Брюгге, „мертваго города“, гдѣ, по его собственному выраженію, тѣнь древнихъ башенъ и колоколенъ заставляетъ блѣднѣть и вянуть красоту, пѣвецъ безмолвія, меланхоліи и одиночества... „Грустны мои пѣсни, какъ осенніе дни“... Не ждите отъ Роденбаха бодрыхъ, жизнерадостныхъ произведеній, прославленія любви, страсти, веселья или призыва къ энергичной, неутомимой дѣятельности! У каждаго поэта есть своя особая сфера и свое особое дарованіе! Натура писателя, создавшаго „Царство молчанія“, „Отраженія родного неба“, „Bruges la Morte“, „Le Carillonneur“, могла отличаться только склонностью къ меланхоліи, задумчивости, самоанализу, отчасти и мистицизму“. Только въ самыхъ раннихъ его про-

изведеніяхъ, „о которыхъ впослѣдствіи онъ не любилъ даже вспоминать“, бывало иногда болѣе свѣтлое настроеніе; но затѣмъ, послѣ столкновеній съ дѣйствительностью, послѣ жизненныхъ неудачъ, разочарованій, болѣзней, его взглядъ на жизнь становится все болѣе пессимистическимъ. „И вся та скорбь, которая разлита въ мірѣ,—говоритъ г. Веселовскій,—которая чувствуется и въ завываніи вѣтра, и въ колокольномъ звонѣ, и въ шелестѣ осеннихъ листьевъ, гонимыхъ вѣтромъ, и въ вечернемъ сумракѣ, окутывающемъ землю, становилась ему все понятнѣе и ближе“. Авторъ находитъ, что самымъ подходящимъ эпиграфомъ къ сочиненіямъ Роденбаха была бы фраза въ одномъ изъ его разсказовъ: „Ахъ, какъ жизнь печальна!... *какъ все печально*!“ Но скорбь Роденбаха носила чисто внутренній, личный характеръ: „вы не найдете у него стихотвореній, написанныхъ на злобу дня, гражданскихъ мотивовъ, тенденціозной лирики“ (это противоположеніе намъ кажется страннымъ: зачѣмъ бы Роденбаху быть „тенденціознымъ“ лирикомъ или увлекаться „злобой дня“? Можно бы только желать, чтобы его поэтическій взглядъ былъ хоть нѣсколько шире и яснѣе, и не былъ такъ однообразенъ). „Но всѣ тѣ, кто томился безысходною тоскою, испытывалъ неудовлетворенность жизнью, задумывался надъ тайною Смерти или оплакивалъ разбитыя мечты, всегда найдутъ откликъ своимъ ощущеніямъ и невзгодамъ въ меланхолическихъ стихахъ поэта“.

Приводя примѣры изъ произведеній Роденбаха, которые могутъ характеризовать настроеніе этого писателя, г. Веселовскій указываетъ въ особенности нѣкоторые, важныя въ этомъ отношеніи и отражающіе его „взглядъ на призваніе поэта и на *новѣйшія теченія* въ области литературы и искусства, однимъ изъ піонеровъ которыхъ былъ онъ самъ“. „Въ нихъ проводится та мысль, что поэтъ долженъ стоять въ сторонѣ (?) отъ житейской суеты, не смѣшиваясь съ толпой, которая никогда не пойметъ его (?),—долженъ примыкать къ тонко чувствующему и отзывчивому меньшинству, поддерживать въ своей душѣ пламя идеализма“.,.

„Въ этомъ представленіи о поэтѣ, какъ человѣкѣ, стоящемъ какъ бы (?) внѣ общества, равнодушномъ ко всему суетному (?), низменному, слишкомъ *земному* (!!), вылился весь Роденбахъ. Онъ самъ также всю жизнь занималъ обособленное положеніе, не участвуя въ борьбѣ партій и литературныхъ школъ, стремясь, прежде всего, быть искреннимъ и самобытнымъ, всецѣло погруженный въ свои думы и поэтическія грезы... точно уединенный, неприступный утесъ, часто окутанный густымъ туманомъ,—передъ которымъ раскинулась клокочущая морская бездна, но до котораго не долетаютъ брызги волнъ, разбивающихся о скалы“...

Такъ идеализованъ, т.-е. нѣсколько прикрашенъ, поэтъ, который

вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ собою „піонера новѣйшихъ теченій“ въ области литературы и искусства.

Признаемся, для насъ этотъ піонеръ кажется мало привлекательнымъ. Какъ личный поэтъ, онъ, конечно, имѣетъ полное право на свою „особую сферу“, но эта сфера—крайне ограниченная, исключительная и—скучная. Дарованіе его, безъ сомнѣнія, не особенно сильное, и въ немъ бросается въ глаза не свободная оригинальность, а именно болѣзненная односторонность. Поэтъ—человѣкъ съ разстроенными нервами, почти мономанъ; можетъ быть, это въ личной жизни очень несчастный человѣкъ,—и здѣсь не было бы мѣста литературной критикѣ. Но въ немъ указываютъ „піонера“... Его поэтическая теорія („поэтъ *долженъ* стоять въ сторонѣ отъ житейской суеты“ и пр.) приводитъ въ недоумѣніе: если онъ хочетъ считать себя внѣ „житейской суеты“, внѣ „толпы“ и т. п., его мѣсто въ ѳиваидской пустынѣ, въ монастырѣ,—иные скажутъ: въ лечебницѣ,—и жизнь, общество, имъ отвергаемые, могутъ также остаться равнодушными къ произведеніямъ, съ которыми *онъ* однако къ нимъ обращается. Это—добровольный отщепенецъ, обществу совсѣмъ ненужный. Нѣкогда поэтъ считался избранникомъ общества, даже цѣлаго народа; это былъ „вѣщій“, отъ него ждали вѣщаго слова; онъ говорилъ это слово и становился великимъ представителемъ, учителемъ своего народа, а затѣмъ черезъ цѣлые вѣка оставался предметомъ его поклоненія и гордости. И это поклоненіе и гордость совершенно основательны. Избранный умъ и поэтическій геній народа былъ съ нимъ тѣсно связанъ, *зналъ* его жизнь (а новѣйшій „піонеръ“ и знать ея не можетъ, когда отъ нея отворачивается) послужилъ ему своимъ геніемъ, создалъ ему высокіе идеалы... Нынѣшній „піонеръ“ не хочетъ знать своего общества, „суеты“, „толпы“ и т. д.,—но въ этомъ обществѣ и толпѣ бьется живой пульсъ, возникаютъ и борются національныя стремленія. Для нѣсколько серьезнаго ума и сердца было бы цѣлью, страстно искомой, —понять въ смутныхъ, противорѣчивыхъ, иногда бурныхъ проявленіяхъ этой „суеты“ глубокія органическія движенія, освѣтить для общества нравственные идеалы, почувствованные поэтически настроенными умомъ и душой,—нынѣшніе „піонеры“ не желаютъ ничего этого знать. Трудно понять, какое же они хотѣли бы поддерживать „пламя *идеализма*“? Какой „идеализмъ“ возможенъ, въ здравомъ смыслѣ, внѣ общенія съ людьми, которое и совершается въ обществѣ?

Возьмемъ два-три примѣра изъ твореній Роденбаха.

Первый разсказъ въ „Прялкѣ тумановъ“ называется „Разлука съ старымъ жилищемъ“,—говоря проще: перемѣна квартиры. Въ обыкновенной житейской практикѣ, перемѣна квартиры есть довольно скучная вещь, соединяющаяся съ нарушеніемъ на нѣкоторое время

домашнихъ привычекъ, съ потерей времени на мелкія хлопоты, и т. д. Иногда, это—вещь очень пріятная, когда человѣкъ, вдругъ или постепенно разбогатѣвши, вмѣсто дешевой, и конечно плохой, квартиры можетъ занять квартиру гораздо лучше и удобнѣе. Иногда, это вещь очень прискорбная, когда происходитъ наоборотъ. Иногда, это вещь абсолютно необходимая, когда домъ, гдѣ вы живете, требуетъ капитальнаго ремонта, а иначе — развалится и задавитъ васъ своими руинами, и т. д.

Неизвѣстно, какая изъ подобныхъ причинъ заставила перемѣнить квартиру Роденбаха,—но для него это событіе, до банальности обыкновенное, стало цѣлой трагической и мистической исторіей.

...„Тѣ, кто часто мѣняетъ квартиру, привыкаютъ къ этому, не испытываютъ этой грусти разлуки и прощанія... У нихъ не было времени привязаться къ мѣсту! Я же жилъ тамъ въ продолженіе десяти лѣтъ... Казалось, извѣстная часть моей жизни должна была исчезнуть и потонуть въ Вѣчности. Сколько воспоминаній, точно поблекшія гирлянды, окружаютъ эти стѣны! Сколько юныхъ иллюзій постепенно утратило здѣсь свою прелесть, подобно тому, какъ потускнѣла позолота на мебели въ гостиной! А лица тѣхъ людей, которые смотрѣлись когда-то въ эти зеркала, теперь уже умершихъ или отсутствующихъ", и т. д.

При отъѣздѣ авторъ перебираетъ старыя письма и бумаги, и они, конечно, дали еще болѣе матеріала для—непремѣнно печальныхъ—воспоминаній, чѣмъ зеркала̀.

На бѣду, въ домѣ на другой сторонѣ улицы умерла дѣвочка, которую авторъ видывалъ; для похоронъ пріѣхалъ фургонъ изъ бюро,—и параллель переѣзда съ квартиры и смерти являлась готовой. „Да, смерть—это перемѣна жилища, перемѣна жилища—подобіе смерти!" Въ эту ночь ему спалось дурно, и во снѣ привидѣлось, что къ дому, гдѣ жила дѣвочка, подъѣхали перевозчики мебели, а къ его квартирѣ—фургоны изъ бюро похоронныхъ процессій... Убѣжденіе, что переѣздъ съ квартиры очень похожъ на смерть, было полное,—хотя письма, бумаги и зеркала̀ должны были также переѣхать, сохраниться и для другой квартиры. Впечатлѣніе читателя—скука.

Слѣдующій разсказъ прямо называется „Любовь и смерть".

Въ кружкѣ пріятелей, настроенныхъ въ подобномъ style moderne, толковали, между прочимъ, на любопытную тему „изъ загадочныхъ сферъ душевной жизни", что „Любовь и Смерть составляютъ какъ бы одно существо". Приводились примѣры, какъ они близко встрѣчались иногда въ жизни. Нашелся одинъ изъ собесѣдниковъ, который, повидимому, не совсѣмъ раздѣлялъ эту декадентскую премудрость и придерживался простого здраваго смысла. Ему, кажется, показалось

нѣсколько дико заключеніе, что „никто не любилъ горячо свою возлюбленную, если, хоть одну минуту (!), не мечталъ умереть вмѣстѣ съ ней"... Роденбахъ, конечно, осудилъ этого скептика, какъ человѣка отсталого. „Въ дѣйствительности, этотъ старый писатель былъ слишкомъ большимъ поклонникомъ XVIII-го вѣка (!), чтобы понять эти трагическіе пароксизмы страсти". Но совсѣмъ напрасно было ссылаться здѣсь на XVIII-й вѣкъ: такъ же можно было оставаться въ предѣлахъ здраваго смысла и въ XVII, и въ XIX, даже въ XX столѣтіи.

Остановимся, наконецъ, еще на одномъ очень странномъ разсказѣ: „Точно волшебная сказка". Эта форма „сказки" есть вещь гораздо болѣе трудная, чѣмъ многіе объ этомъ думаютъ. Сказка есть литературная форма, очень давно пережитая. Чтобы сдѣлать ее достаточно интересной въ настоящую минуту, нужно, кажется, одно изъ двухъ: или сохранить въ ней извѣстную степень условной традиціи, именно извѣстной степени вѣры въ чудесное, которою пользовалась сполна старинная подлинная сказка, или—владѣть очень сильнымъ талантомъ, чтобы обойтись безъ этой условности традиціонной и создать новую, которая въ ту же силу способна была бы овладѣть читателемъ, сильно возбудивъ его фантазію. Такой талантъ былъ у Гофмана, и такого не было по настоящему даже у прославленнаго Андерсена, —не говоря о другихъ новѣйшихъ сказочникахъ. У Роденбаха этого таланта совсѣмъ нѣтъ,—такъ намъ, по крайней мѣрѣ, кажется.

Въ его сказкѣ изображены приключенія Музы. По его взгляду, который мы выше указывали, истинной поэзіи (и конечно, представительницѣ ея Музѣ)—не найти пониманія въ массѣ, въ „толпѣ": ее можетъ понять только особенный избранникъ. Такъ оно въ сказкѣ и выходитъ. Но прежде всего, эта „Муза" есть сама—существо миѳическое или сказочное; она имѣетъ свои, временемъ освященныя, можетъ быть не совсѣмъ ясныя, черты, но во всякомъ случаѣ черты возвышеннаго характера: для Гомера, это—богиня, и съ тѣхъ поръ она—представительница поэзіи: къ ней взываютъ поэты, она даритъ имъ вдохновеніе, она поддерживаетъ ихъ въ тяжелыхъ испытаніяхъ ихъ творческой дѣятельности. Таково привычное представленіе о „Музѣ". Для Роденбаха, въ его высокомѣрномъ представленіи о поэзіи и „толпѣ", Муза есть также символическая представительница искусства. Какъ же онъ изображаетъ ее въ своемъ разсказѣ?

Правда, въ новѣйшее время даже гораздо болѣе крупные, чѣмъ Муза, боги и богини Греціи очень упали въ своемъ авторитетѣ и очутились въ опереткѣ Оффенбаха. Нашъ „піонеръ" вовсе не думалъ глумиться надъ ней; напротивъ, онъ хотѣлъ бы тронуть насъ ея угнетеннымъ положеніемъ среди бездушной и тупой „толпы"—и дѣлаетъ еще хуже, чѣмъ Оффенбахъ. Эту „богиню" онъ превратилъ въ жалкую попрошайку.

„Муза блуждала по шумному городу; ее окружала стая бѣлыхъ лебедей (?)... Несчастныхъ птицъ, сохранившихъ свою гордую осанку, мучили ихъ крылья... Вокругъ не было ни капли воды для облегченія страданій лебедей! Не было большой рѣки, освѣжающей городъ и предоставляющей широкій просторъ воздуху. Не было даже мелкой рѣчки или маленькаго озера, гдѣ лебеди могли бы получить хоть нѣкоторую иллюзію настоящаго плаванія, приняться снова за то, что̀ является ихъ *естественною* жизнью и *нормальнымъ* (?) состояніемъ.

„Они медленно плелись по твердой мостовой... Крылья ихъ подернулись пылью, а ихъ пухъ запачкался... Муза заставляла ихъ итти все дальше впередъ въ надеждѣ, наконецъ, до наступленія вечера найти спасительную воду. Чтобы побудить ихъ къ этому, она держала въ рукахъ кусочекъ тростника, сдѣлавшійся безполезнымъ, но въ былыя времена служившій ей свирѣлью съ божественными звуками. Теперь же пѣніе было скрыто въ немъ какъ въ футлярѣ...

„Муза страдала, какъ отъ мученій ея лебедей, такъ и отъ своихъ собственныхъ мукъ. Она шла какъ нищенка. Она была бѣдна... вся въ лохмотьяхъ. Никто не догадывался объ ея возвышенной душѣ, какъ бы приговоренной къ изгнанію въ такую тяжкую пору. Толпа, видя ее, смѣялась надъ ней, шутила... Глупыя шутки обрушивались точно камни на бѣлоснѣжныя крылья (?) ея впечатлительныхъ лебедей (?). Прохожіе предполагали, что они убѣжали изъ какого-нибудь ярмарочнаго балагана“...

Когда съ Олимпа Юпитеръ попалъ даже въ оперетку, Оффенбахъ счелъ нужнымъ сохранить за нимъ его олимпійскіе аттрибуты, и когда нужно, онъ распоряжался, чтобы загремѣлъ громъ; Роденбахъ совершенно изуродовалъ классическую музу: у древнихъ, фантазія которыхъ создавала музу-богиню, едва-ли была мысль, что эта богиня будетъ—не очень умная особа (потому что было не особенно умно таскать за собой какихъ-то лебедей въ большой, шумный городъ, который вовсе на нихъ не разсчитывалъ, вооружиться тростниковой дудочкой, и т. п.; да и зачѣмъ ей нужны лебеди?).

Мы, конечно, имѣемъ дѣло съ „символомъ“. Нельзя сказать, чтобы новѣйшіе „символы“ вообще были удачны; у Роденбаха символъ дошелъ до настоящей нелѣпости.

„Муза“, наконецъ, встрѣтила то, чего искала (обыкновенно *ее* ищутъ; здѣсь *она* разыскиваетъ своихъ поклонниковъ).

„На одной изъ пустынныхъ улицъ къ Музѣ съ ея изнуренными лебедями подошелъ *красивый* юноша, уже давно слѣдовавшій за ней,— съ той самой минуты, какъ она перешла изъ предмѣстья въ городъ... Онъ былъ *блѣденъ*. Его *длинные волосы* развѣвались на воздухѣ. Онъ

смотрѣлъ на нее своими *большими, лихорадочными глазами*. Онъ ей сказалъ:

— Вы прекрасны. Я хочу любить васъ. (!)

— Любить меня? Но я такъ бѣдна,—я могу доставить вамъ навсегда только такую же нищету.

— У васъ волосы, какъ у королевы (!)... это—ваша золотая корона.

— Вы—дитя,—отвѣчала Муза.—Что мы будемъ дѣлать, если полюбимъ другъ друга? Умремъ вмѣстѣ, не такъ ли? У меня и безъ того много горя съ моими лебедями... (!)

— Я тоже буду любить ихъ...

— Но кто же вы?

— Я—поэтъ!

„Муза, терявшая силы и надежду, была растрогана. Она поняла, что этотъ юноша, по крайней мѣрѣ, любитъ ее глубоко. Его глаза ласково смотрѣли на нее.

— Пойдемъ со мной,—сказалъ юноша...

„Муза послѣдовала за нимъ"...

Само собою разумѣется, что этотъ шаблонный поэтъ (красивый, съ блѣднымъ лицомъ, развѣвающимися волосами) жилъ на шаблонномъ чердакѣ.

„...Муза послѣдовала за нимъ въ высокій, мрачный домъ, гдѣ они оба поднялись по твердымъ ступенямъ лѣстницы и вошли въ бѣдную комнату, подъ самой крышей... Юноша трепеталъ отъ любви, тревоги и ожиданія"...

На чердакѣ произошли удивительныя вещи,—конечно, произошло торжество поэзіи въ видѣ совершенной („волшебной") чепухи, и „піонеръ" новѣйшаго искусства въѣхалъ въ настоящую порнографію (во вкусѣ Леонида Андреева), разумѣется, „символическую", но тѣмъ не менѣе несомнѣнно безсмысленную.

„Онъ (поэтъ) сдѣлался нетерпѣливымъ... прикоснулся къ ея лохмотьямъ. Открылась чудная шейка. Тогда онъ позналъ *всю* тайну ея искусства. Муза научила его ритму своимъ равномѣрнымъ дыханіемъ, похожимъ на плескъ моря и мерцаніе звѣздъ (!), а полное сходство двухъ чудныхъ розъ ея груди внушило ему мысль о точныхъ риемахъ (!)... Она отдала ему все свое тѣло (!). Одежды (лохмотья?) падали одна за другой... Да, на этотъ разъ ее любили, любили для нея самой! Это былъ благородный порывъ бѣднаго поэта, жаждущаго только поцѣлуевъ Музы. Лебеди вокругъ нихъ волновались, словно чего-то ожидая (!)... Тогда свершилось чудо... Въ то время, какъ Муза, наконецъ, осталась нагой (!), уступая искренней любви поэта, изъ одеждъ (лохмотьевъ?) у ея ногъ создалась бѣлая, все болѣе и болѣе тонкая

пелена... затѣмъ она обратилась въ нѣжныя, тихія струйки... Вскорѣ по комнатѣ разлилась свѣтлая и быстро текущая вода (куда текущая?—конечно, къ нижнимъ жильцамъ дома)... Лебеди оживились, начали плавать, и ихъ возвышенный трепетъ наполнилъ тишину серебряными звуками... Чудо любви!.. Муза отдалась юношѣ, поклонявшемуся ей. Она ликовала отъ радости: „Я знала, что мы будемъ спасены. Не надо было убивать моихъ божественныхъ птицъ, чтобы отдать ихъ пухъ торговцу-искусителю, или заставить ихъ опуститься до того, чтобы смѣшаться съ другими птицами на озерѣ около замка... Всегда можно встрѣтить въ городѣ благороднаго поэта, который полюбитъ меня настолько чистою и безкорыстною любовью, чтобы чудо свершилось, моя одежда превратилась въ тихія волны,—чтобы мои лебеди не умерли, ихъ родъ продолжался вѣчно, и поэзія осталась безсмертной“.

Рѣдко случается встрѣчать такую нескладицу, и намъ кажется, что въ характеристикѣ писателя, сдѣланной во вступительной статьѣ, нѣкоторыя черты не совершенно точны. Талантъ Роденбаха не весьма крупный и очень монотонный; тонъ его разсказовъ (особенно они вращаются на любви и—смерти) исходитъ отъ меланхоліи, несомнѣнно болѣзненной, и вѣроятно даже не „всѣ тѣ, кто испытывалъ неудовлетворенность жизнью“ (такихъ людей, вѣроятно, надо считать не тысячами, а сотнями тысячъ), „задумывался надъ тайною смерти“ и т. д., будутъ увлекаться произведеніями Роденбаха: содержаніе его разсказовъ для этого слишкомъ скудно. Люди неудовлетворенные и „задумывающіеся о тайнѣ смерти“ будутъ искать отвѣта на свои тревоги (предполагая людей литературно образованныхъ) или въ самой жизни (въ протестѣ или резигнаціи), или въ религіи, въ наукѣ, наконецъ, въ литературныхъ твореніяхъ пессимизма, болѣе серьезныхъ, чѣмъ Роденбахъ. Нѣсколько значительному таланту не подобаетъ ни шаблонность нѣкоторыхъ изображеній, ни натянутость нѣкоторыхъ его выдумокъ, которыя мы видѣли въ „сказкѣ“.

Натянутость, совсѣмъ неизящная, и въ самомъ заглавіи книги: „Прялка тумановъ“. „Этимъ заглавіемъ,—говоритъ г. Веселовскій,—Роденбахъ, по всей вѣроятности (?), хотѣлъ обозначить частую смѣну туманныхъ образовъ, проносившихся передъ его умственнымъ взоромъ, подобно тому, какъ колесо прялки разматываетъ одну нитку за другою своимъ быстрымъ движеніемъ“. Однимъ словомъ—опять претензія, передъ которой нѣсколько недоумѣваетъ даже благорасположенный комментаторъ.—Менѣе благорасположенные говорятъ: отчего не быть „прялкѣ тумановъ“, когда существуютъ „сапоги въ смятку“. — Р.

III.

— Статистика выхода рабочихъ за границу съ 1900 по 1903 г., причины его и вліяніе на благосостояніе сельскаго населенія въ краѣ. Труды варшавскаго статистическаго комитета. Вып. XIX. Варшава, 1904.

Труды молодого еще варшавскаго статистическаго комитета, во главѣ котораго стоитъ профессоръ варшавскаго университета, Г. Θ. Симоненко, по ихъ живости и интересу выдѣляются среди другихъ оффиціальныхъ мѣстныхъ изданій. Съ самаго своего основанія, тринадцать лѣтъ назадъ, варшавскій статистическій комитетъ обратилъ, между прочимъ, вниманіе на проявившееся среди польскаго населенія стремленіе къ эмиграціи въ Америку и къ отходу на заработки за границу. Онъ занялся изслѣдованіемъ этихъ явленій, и результаты своихъ изысканій относительно эмиграціи и отхода польскихъ крестьянъ въ Америку опубликовалъ въ выпускѣ V, а относительно отхода на заработки въ Германію—въ выпускѣ XIX своихъ трудовъ, составляющемъ предметъ настоящей замѣтки. Въ этомъ выпускѣ помѣщены погминныя таблицы о числѣ рабочихъ, временно отлучавшихся въ Германію въ 1890, 1900 и 1901 гг. и о времени ихъ отлучки, о заработной платѣ въ Германіи и на мѣстѣ, и о суммахъ, приносимыхъ отхожими рабочими на родину. Пользуясь этими данными, равно какъ и многими другими свѣдѣніями о крестьянскомъ хозяйствѣ, собранными комитетомъ въ теченіе тринадцатилѣтняго своего существованія, какъ-то: статистическими свѣдѣніями о мелкомъ и крупномъ землевладѣніи, о количествѣ польскихъ крестьянъ безземельныхъ, безлошадныхъ и безкоровныхъ, объ арендной платѣ за пахатныя земли и т. п., проф. Симоненко составилъ живой очеркъ изучаемаго явленія, въ которомъ по возможности выясняетъ причины и послѣдствія быстро развившагося отхода польскихъ крестьянъ на заработки въ Германію.

Германія представляетъ, впрочемъ, не единственное иностранное государство, привлекающее польскихъ рабочихъ. Послѣдніе направляются еще на заработки въ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, Англію, Данію. Въ Германію идетъ, однако, бо̀льшая часть рабочихъ, а именно, до полутораста тысячъ, тогда какъ въ Соединенные Штаты вмѣстѣ съ Англіей отправляется повидимому не болѣе 5 тысячъ рабочихъ въ годъ. Отходъ на заработки въ Америку —несмотря на незначительное число уходящихъ—играетъ немаловажную роль въ экономическомъ быту польскихъ крестьянъ, потому что, благодаря высокому вознагражденію за трудъ, рабочіе приносятъ

оттуда довольно крупныя суммы. Оставаясь тамъ годъ, два и три, они возвращаются затѣмъ назадъ съ чистой выручкой до 800 р. на человѣка.

Отходъ за границу польскихъ крестьянъ ростетъ очень быстро; десять лѣтъ тому назадъ варшавскій статистическій комитетъ опредѣлялъ число уходящихъ въ семнадцать тысячъ; теперь ихъ можетъ быть въ десять разъ больше. Преобладаніе отхода въ Германію объясняется близостью этой страны и условіями для пріема пришлыхъ земледѣльческихъ рабочихъ, создавшимися благодаря широкому развитію тамъ въ послѣдніе годы индустріи. Свободное сельское населеніе Пруссіи бросилось на высокіе заработки въ фабрично-заводской промышленности, а на ихъ мѣсто для лѣтнихъ работъ стали приходить крестьяне изъ Галиціи и Польши. Нѣкоторые изъ пришлыхъ рабочихъ основались въ Пруссіи навсегда, и констатированный послѣдней переписью фактъ убыли въ восточныхъ прусскихъ провинціяхъ числа протестантовъ и возростанія числа католиковъ такъ напугалъ нѣмецкое правительство призракомъ ополяченія края, что оно стало-было принимать мѣры, стѣсняющія приливъ иностранныхъ рабочихъ въ Германію. Противъ этого, однако, возстали крупные землевладѣльцы, доказывавшіе правительству, что сильный подъемъ въ послѣднее время германской сельско-хозяйственной промышленности былъ возможенъ только благодаря притоку рабочихъ изъ-за границы, и что съ польскими рабочими имъ гораздо легче обходиться, нежели съ нѣмецкими. „Они констатируютъ необыкновенную услужливость польскаго рабочаго, кроткій характеръ, быструю понятливость, постоянно свѣтлое настроеніе духа и довольство своимъ положеніемъ. Не отрицая наклонности польскаго рабочаго къ пьянству, они отмѣчаютъ, что даже и во хмелю онъ не измѣняетъ своему мягкому національному характеру, не бушуетъ, не дерется, а скорѣе бросается на шею всякому встрѣчному съ заявленіями о своей любви. Въ этомъ отношеніи онъ представляетъ рѣзкій контрастъ съ буйнымъ характеромъ нѣмецкаго рабочаго, который при всякой лишней рюмкѣ лѣзетъ драться и ломитъ чѣмъ попало всякаго, кто попадется ему подъ руку“ (стр. 11—12). Дѣло здѣсь, впрочемъ, не въ разницѣ только національнаго характера поляка и нѣмца. Не малую роль въ большой пригодности для прусскаго помѣщика польскаго рабочаго, а не нѣмецкаго, играетъ тотъ фактъ, что нѣмецкій сельскій батракъ находитъ у своего хозяина болѣе низкую заработную плату и худшія условія существованія, нежели тѣ, какія онъ могъ бы имѣть на фабрикѣ, и потому не можетъ быть особенно доволенъ своимъ положеніемъ, между тѣмъ какъ польскій крестьянинъ, нанявшійся къ нѣмецкому помѣщику, во всѣхъ отношеніяхъ перешелъ къ лучшему отъ

худшаго и не можетъ поэтому не благословлять судьбу. Заработную плату онъ тамъ получаетъ въ 1½—2 раза высшую, нежели на родинѣ, пищевое довольствіе (судя по стоимости отпускаемыхъ харчей) тоже въ 1½ раза лучше и обильнѣе; помѣщеніе, отводимое рабочимъ для жилья, насколько можно судить по отзывамъ нѣмецкихъ и польскихъ писателей,—гораздо лучше тѣхъ, какія получаютъ сельскіе батраки у землевладѣльцевъ Царства Польскаго. Эти свѣдѣнія о содержаніи польскихъ рабочихъ въ Германіи не соотвѣтствуютъ другимъ сообщеніямъ по этому предмету, основаннымъ, впрочемъ, повидимому, на случайныхъ свѣдѣніяхъ. Вмѣсто высокихъ, напр., зданій съ электрическимъ освѣщеніемъ, отдѣльныхъ для мужчинъ и женщинъ, отводимыхъ, согласно проф. Симоненко, для польскихъ рабочихъ,—въ книгѣ г. Орлова „Хозяйственное положеніе и платежныя средства крестьянъ губерній Царства Польскаго“ фигурируютъ „бараки, гораздо худшіе по гигіеническимъ условіямъ, чѣмъ хлѣвы, въ которыхъ помѣщики держатъ племенной скотъ“, и женщины въ нихъ спятъ въ повалку съ мужчинами, а о пищѣ, даваемой рабочимъ, одинъ прусскій помѣщикъ, будто бы, выразился, „что хорошій кормъ онъ имѣетъ для коровъ и свиней и не станетъ портить его на рабочихъ“. Но хорошо должно быть содержаніе, получаемое польскими батраками на родинѣ, если они такъ охотно идутъ къ прусскому помѣщику! Такъ или иначе, но они во всякомъ случаѣ имѣютъ за границей высшую заработную плату и приносятъ домой по 50—70 руб. съ сельско-хозяйственныхъ работъ и до 100 р.—съ фабрично-заводскихъ.

Г. Симоненко придаетъ очень важное, очевидно преувеличенное, значеніе факту заработковъ польскихъ крестьянъ за границей: „Уровень потребностей и зажиточности крестьянскаго населенія, принимающаго участіе въ выходѣ за границу, поднялся до неузнаваемости“,—пишетъ онъ въ предисловіи къ своему труду.—„Край пробудился къ новой жизни, о которой нельзя было мечтать лѣтъ пятнадцать тому назадъ“ (стр. V). Признакъ пробужденія авторъ усматриваетъ въ томъ, что побывавшіе въ Германіи крестьяне перестаютъ ходить босыми, облачаются въ пиджаки, пальто, „блузки“ и платья, заводятъ крахмальные воротнички, корсеты, часы, украшаютъ стѣны своихъ хатъ зеркальцами и картинками, начинаютъ пить чай и кофе, а вмѣсто простой водки угощаются смѣсью сѣрнаго эѳира со спиртомъ. Очень интересно узнать, что на крайней нашей западной границѣ внѣшнія формы матеріальной европейской культуры начинаютъ распространяться среди крестьянъ лишь въ самые послѣдніе годы. Но на этомъ врядъ-ли умѣстно основывать положеніе о пробужденіи края къ новой жизни. Гораздо важнѣе сообщаемыя авторомъ прямыя свидѣтельства возростанія, благодаря прямому и косвенному вліянію заграничнаго

отхода, матеріальныхъ средствъ польскихъ крестьянъ подъ вліяніемъ заграничныхъ заработковъ. Объ этомъ возростаніи свидѣтельствуетъ прежде всего сумма сбереженій, приносимыхъ отхожими промышленниками на родину, опредѣляемая приблизительно въ 10 милл. рублей въ годъ. Сбереженія эти крестьяне стараются помѣстить въ земельную собственность. Немногимъ, впрочемъ, удается это, и въ калишской, напр., губерніи, отличающейся наибольшимъ развитіемъ заграничнаго отхода, въ теченіе четырехъ послѣднихъ лѣтъ крестьянами было пріобрѣтено 43 тысячи десятинъ помѣщичьей земли. Другимъ существеннымъ результатомъ заграничнаго отхода польскихъ крестьянъ является поднятіе цѣны сельско-хозяйственнаго труда въ самой Польшѣ и улучшеніе условій содержанія здѣсь сельскихъ батраковъ. Доказательства послѣдняго факта будутъ приведены въ одномъ изъ слѣдующихъ выпусковъ трудовъ варшавскаго статистическаго комитета; что же касается повышенія заработной платы, то изъ свѣдѣній, находящихся въ разсматриваемомъ нами изданіи, видно, что въ губерніяхъ съ наибольшимъ развитіемъ отхода, съ 1890 по 1900 г., она возвысилась на 6 — 70%. Въ калишской губерніи, на которую падаетъ половина всего числа отхожихъ рабочихъ, заработная плата сельскихъ рабочихъ поднялась на 70%; въ плоцкой губерніи, слѣдующей за нею по развитію отхода, вознагражденіе рабочихъ увеличилось на 45%; въ ломжинской же губерніи, по развитію отхода занимающей третье мѣсто, заработная плата увеличилась всего на 6%. Изъ губерній съ болѣе слабымъ развитіемъ заграничнаго отхода значительное возвышеніе заработной платы сельскихъ рабочихъ (на 24%) имѣло мѣсто въ варшавской и петроковской, отличающихся, какъ извѣстно, широкимъ распространеніемъ фабричной промышленности.

На этомъ мы закончимъ свою замѣтку о послѣднемъ выпускѣ трудовъ варшавскаго статистическаго комитета и выразимъ въ заключеніе пожеланіе скорѣйшаго опубликованія другихъ матеріаловъ о польскомъ краѣ, которые помогли бы намъ ближе ознакомиться съ этимъ мало, въ сущности, извѣстнымъ уголкомъ нашего обширнаго отечества. Сравнительное изученіе экономическаго состоянія Польши и коренныхъ русскихъ губерній пролило бы, вѣроятно, свѣтъ на многіе темные вопросы нашего быта. Нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не пожалѣть, что труды варшавскаго статистическаго комитета мало обращаются даже среди экономистовъ. Провинціальнымъ изданіямъ слѣдовало бы принимать нѣкоторыя мѣры для того, чтобы дать о себѣ знать публикѣ.—В. В.

IV.

— Къ свѣту. Научно-литературный сборникъ подъ редакціей Ек. П. Лѣтковой и Ѳ. Д. Батюшкова. Спб. 1904.

Симпатичная цѣль сборника объединила въ этомъ изданіи рядъ выдающихся именъ и дала русской читающей публикѣ книгу глубокаго и разнообразнаго интереса. Мысль объ этомъ сборникѣ возникла годъ тому назадъ, въ связи съ предстоявшимъ празднованіемъ двадцатипятилѣтія петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ, причемъ чистая прибыль отъ продажи его была предназначена на образованіе особой юбилейной стипендіи. „Нѣкоторыя статьи Сборника, — говорится въ предисловіи,—были спеціально выполнены по просьбѣ редакціи, и такъ какъ выдвигался, при его изданіи, общій девизъ—„за справедливость", то представилось бы вполнѣ одновременное нарушеніе справедливости въ томъ, чтобы лишить — для благотворительной цѣли — заработка тѣхъ, которые живутъ литературнымъ трудомъ исключительно. Въ виду этого, въ основу изданія принята идея коопераціи, съ предоставленіемъ каждому желающему получить за свой трудъ вознагражденіе. Однако, огромное большинство сотрудниковъ отказалось отъ гонорара, принося его въ даръ тому дѣлу, которому они горячо сочувствуютъ. Одно лицо, пожелавшее остаться неизвѣстнымъ, предложило двѣ тысячи рублей авансомъ на покрытіе части расходовъ по изданію съ тѣмъ, чтобы деньги ему были возвращены лишь по распродажѣ Сборника".

Чрезвычайно трудно передать вкратцѣ содержаніе Сборника: статьи по женскому вопросу перемежаются въ немъ съ историко-литературными этюдами, научныя статьи—съ беллетристическими очерками и стихотвореніями. Многія изъ лучшихъ литературныхъ силъ откликнулись на призывъ. Проф. В. П. Бузескулъ посвятилъ статью характеристикѣ женскаго вопроса въ древней Греціи, гдѣ женское движеніе выразилось не только въ отрѣшеніи отъ прописной морали, въ провозглашеніи права свободной любви, но и въ стремленіи къ общественной и политической дѣятельности, къ высшему умственному развитію, поднимая на высшую ступень положеніе женщины въ домѣ, въ семьѣ, какъ жены и матери. Интересна статья Е. Ю. Лозинскаго о настоящемъ и будущемъ женскаго движенія, въ связи съ проблемой цѣломудрія и задачами материнства. Остановившись на нѣсколькихъ новѣйшихъ работахъ, посвященныхъ женскому вопросу, авторъ усматриваетъ, подъ внѣшнимъ покровомъ мелкихъ и медленно текущихъ событій, совершающійся въ наши дни глубокій внутренній процессъ

переустройства даже наиболѣе скрытыхъ и интимныхъ областей современной общественной и, въ частности, семейной жизни. „Вырожденіе и возрожденіе семьи,—говоритъ авторъ въ концѣ своей работы, —два одновременныхъ процесса, болѣзненныхъ и тяжелыхъ, влекущихъ за собою цѣлый рядъ отвратительнѣйшихъ, нравственныхъ безобразій и неизмѣримую массу мучительнѣйшихъ личныхъ страданій, но въ то же время ведущихъ насъ—роковымъ образомъ, неудержимо —на встрѣчу болѣе справедливому и разумному будущему. Настоящее кажется мрачнымъ и безпросвѣтнымъ лишь тѣмъ, кто растерялся въ крайне сложномъ и мутномъ хаосѣ современной жизни, кто не видитъ, такъ сказать, изъ-за деревьевъ лѣсу, т.-е. изъ-за индивидуальныхъ страданій, паденій и ошибокъ—поступательнаго движенія всего общества. Самое сознаніе своего паденія есть уже симптомъ грядущаго выздоровленія. Надо лишь ждать такого выздоровленія менѣе отъ морализирующихъ знахарей, предлагающихъ палліативныя средства, и болѣе отъ улучшенія общихъ условій жизни какъ женщины, такъ и мужчины".

С. А. Русова приводитъ на память историческіе образы малорусской женщины XVI и XVII в., уже пользовавшейся въ эту наиболѣе яркую эпоху національной жизни Украйны широкою самостоятельностью и сравнительной независимостью. Изъ-за нѣсколькихъ отрицательныхъ образовъ выступаютъ свѣтлыя личности первыхъ насадительницъ національнаго народнаго просвѣщенія, поддержавшихъ духовную жизнь украинскаго народа въ самые трудные моменты его исторической жизни. Г-жа Русова заканчиваетъ свою статью задушевнымъ обращеніемъ къ малорусскимъ женщинамъ, слушательницамъ, указывая на образы женщинъ-просвѣтительницъ далекаго прошлаго, „несшихъ родному народу всегда святые идеалы знанія и національной школы". — „На современныхъ намъ малорусскихъ женщинахъ, толпами наполняющихъ всѣ аудиторіи высшихъ курсовъ, на нашихъ современныхъ беззавѣтныхъ носительницахъ лучшихъ идеаловъ науки и жизни, лежитъ великій долгъ донести эти идеалы до самой той массы обезличеннаго, придавленнаго тяжелыми условіями существованія населенія того самаго Полѣсья, Приднѣпровья и Черноморья"...

Духомъ бодраго идеализма проникнуты воспоминанія женщины-врача перваго выпуска А. Н. Шабановой: „Изъ первыхъ лѣтъ женскаго медицинскаго образованія въ Россіи". „Испытанныя невзгоды только укрѣпили стремленіе русской женщины къ медицинскому образованію, и оно можетъ считаться теперь вполнѣ упроченнымъ, вылившись въ форму женскаго медицинскаго института, призваннаго, какъ полноправное государственное учрежденіе, служить одному изъ наиболѣе существенныхъ факторовъ общественнаго прогресса". Такова

заключительная мысль статьи. Съ интересомъ читается и статья Ф. Ю. Левинсонъ-Лессинга—„О главнѣйшихъ факторахъ женскаго движенія". Женское движеніе, по формулировкѣ автора, можетъ быть сведено къ одной общей цѣли: стремленію къ гражданскому, интеллектуальному и экономическому освобожденію. Формы, въ которыхъ выражалось это стремленіе въ разныхъ странахъ и въ разныя эпохи, до чрезвычайности разнообразны, но побудительныя причины женскаго движенія, въ ихъ обобщенномъ видѣ, могутъ быть сведены къ тремъ основнымъ факторамъ: во-первыхъ, прежде всего къ идеалистическому стремленію къ справедливости и пробужденію самосознанія у женщинъ, во-вторыхъ,—къ жаждѣ знанія и, въ-третьихъ, наконецъ,—къ экономическимъ затрудненіямъ. Останавливаясь на примѣрахъ того, какъ женское движеніе къ образованію встрѣчало и въ значительной степени встрѣчаетъ и теперь противодѣйствіе со стороны самихъ женщинъ, авторъ справедливо усматриваетъ въ этомъ препятствіе болѣе сильное, чѣмъ въ тѣхъ случаяхъ, когда оно идетъ со стороны мужчинъ. „Сопротивленіе, — говоритъ онъ, — которое женское движеніе встрѣчаетъ въ самихъ женщинахъ, двоякаго рода: пассивное и активное. Большинство женщинъ еще не прониклось сознаніемъ важности и истиннаго смысла женскаго движенія,—оно мирится со своимъ положеніемъ и не видитъ въ немъ ничего ненормальнаго. Только подъемъ уровня развитія женщинъ можетъ сдѣлать этотъ пассивный элементъ болѣе воспріимчивымъ. Только поднятіе уровня образованія для женщинъ и распространеніе среди нихъ при помощи литературы, лекцій и инымъ путемъ свѣдѣній о нуждахъ женской половины человѣческаго рода, о задачахъ женскаго движенія и о достигнутыхъ имъ въ разныхъ странахъ успѣхахъ можетъ побороть эту апатію и вызвать къ жизни дремлющія по невѣдѣнію силы. Другая часть женщинъ представляетъ активный элементъ противодѣйствія прогрессистскимъ стремленіямъ передовыхъ женщинъ и стремленію работницъ къ улучшенію своего положенія. Здѣсь, въ еще бо̀льшей мѣрѣ, играетъ роль неразвитость и невѣжество. Неразвитый, невѣжественный человѣкъ не понимаетъ необходимости образованія, духовныхъ потребностей, комфорта для людей одного съ нимъ или низшаго общественнаго положенія. Мало того, у него является недовѣрчивое и враждебное отношеніе къ тому, кто выдѣляется надъ нимъ и надъ большинствомъ своей среды. Тѣ женщины, которымъ въ силу привычки и недостаточнаго умственнаго развитія кажется, что медицина, юриспруденція, вообще научныя знанія имъ недоступны, относятся съ недовѣріемъ и враждебностью къ тѣмъ женщинамъ, которыя получили соотвѣтствующее спеціальное образованіе и ищутъ ему примѣненія. Какъ часто приходится видѣть, напримѣръ, отрицательное отношеніе къ женщи-

намъ-врачамъ именно со стороны женщинъ. Въ исторіи женскаго вопроса можно найти не мало примѣровъ *активнаго* противодѣйствія женскому движенію".

Памяти русскихъ женщинъ, А. В. Потаниной и В. А. Ераковой-Даниловой, посвящаютъ благодарныя воспоминанія С. Ѳ. Ольденбургъ и А. Ѳ. Кони. Ек. П. Лѣткова вспоминаетъ знакомство свое съ И. С. Тургеневымъ, этимъ „поэтомъ и рыцаремъ" женщины, въ дни Пушкинской годовщины въ Москвѣ. Воспоминанія эти рисуютъ Тургенева горячимъ поборникомъ женскаго образованія и соціальной справедливости и вмѣстѣ съ тѣмъ передаютъ нѣсколько характерныхъ моментовъ изъ пережитыхъ обществомъ въ эти памятные дни настроеній.

Въ статьѣ Ѳ. Д. Батюшкова: „Метерлинкъ и Глѣбъ Успенскій", оба писателя сошлись въ пониманіи справедливости, какъ психологическаго элемента, глубоко субъективнаго въ своей основѣ, нормальныя проявленія котораго совершаются лишь при условіи самоотреченія, отказа личности отъ самой себя. Авторъ освобождаетъ доктрину отъ глубоко различныхъ у обоихъ писателей ея конкретныхъ выраженій и слишкомъ, можетъ быть, поднимаетъ вопросъ на высоту философскаго обобщенія. „Такъ же, какъ и Метерлинкъ, Гл. Успенскій отстаивалъ, не прибѣгая лишь къ этому термину, именно „психологическую справедливость", которая должна прежде всего выражаться въ согласіи со *своей* совѣстью каждаго человѣка. Разладъ съ самимъ собою, въ которомъ Метерлинкъ видитъ одно изъ самыхъ пагубныхъ состояній нашего сознанія, Успенскій остроумно называлъ „больною совѣстью" и не побоялся довести свой тезисъ до конца: онъ смѣло отдавалъ предпочтеніе даже неправильнымъ, съ общей точки зрѣнія, поступкамъ, лишь бы они вытекали изъ внутренняго убѣжденія. Это, по его мнѣнію, все-таки лучше, чѣмъ та расшатанность, въ которую впадаетъ человѣкъ, когда, желая дѣйствовать „по совѣсти", онъ не имѣетъ достаточной крѣпости, чтобы опираться на внутреннее чувство, и подчиняется внѣшнимъ вліяніямъ". Этотъ субъективный элементъ, обусловливающій органическую цѣлостность личности, является, конечно, лишь однимъ изъ моментовъ эволюціи общаго сознанія человѣка въ установленіи значенія истины и справедливости; среди различныхъ фактовъ, въ которыхъ выражается эта эволюція, авторъ подчеркиваетъ то частное обстоятельство, что и прежнее порабощеніе женщины, и ея новѣйшая эмансипація являются лишь эпизодами въ общей исторіи эволюціи идеи справедливости въ человѣческомъ сознаніи.

Изъ другихъ статей останавливаютъ на себѣ вниманіе статьи: Н. К. Михайловскаго—„Драмы Ренана"; Н. Н. Бекетова—„Наука и нравственность"; Е. В. Балобановой — „Маркиза де Рамбулье и ея время"; О. М. Петерсонъ—„Сельма Лагерлёфъ"; М. И. Ростовцева—

„Замѣтка о результатахъ высшаго женскаго образованія въ Италіи"; Евг. В. Тарле—„О Томасѣ Карлейлѣ"; В. Каренина—„Объ „Орасѣ"—Жоржъ Сандъ"; П. Е. Щеголева—„О „русскихъ женщинахъ" Некрасова, въ связи съ вопросомъ о юридическихъ правахъ женъ декабристовъ".

Изъ беллетристическихъ произведеній находимъ здѣсь хватающій за душу разсказъ В. Г. Короленко изъ сибирскаго быта. Авторъ извлекъ „изъ записной книжки" воспоминаніе о типичной сибирской дѣятельности одного изъ мѣстныхъ „администраторовъ-феодаловъ", засѣдателя, на отвѣтственности котораго находится, по его словамъ, „цѣлое, такъ сказать, государство"... Разсказъ написанъ со свойственной В. Г. Короленкѣ задушевностью и простотой. Другіе разсказы принадлежатъ: П. Д. Боборыкину („Ожерелье"), О. А. Шапиръ („Отливъ"), А. А. Луговому („Въ конкѣ"), А. И. Куприни („Вечерній гость"), Л. Я. Гуревичъ („Неотправленное письмо"), В. А. Ераковой-Даниловой („Первая любовь"), С. С. Юшкевичу („Гувернантка").

П. И. Вейнбергъ, въ стихотвореніи „Молодость", посвящаетъ восторженный гимнъ молодымъ силамъ, воплощающимъ въ себѣ надежду на лучшее будущее нашей родины:

„Молодость! Все въ этомъ словѣ!
Молодость - жизни весна:
Мощь, красоту и веселье—
Все воплощаетъ она.
    Молодость въ сумракѣ міра
    Яркою свѣтитъ звѣздой;
    Откликъ страданью и скорби
    Только въ душѣ молодой.
Пусть упадаютъ на тѣло
Пагубнымъ гнетомъ года,
Лишь бы душа человѣка
Вѣчно была молода;
    Лишь бы она сохраняла
    Чудную силу свою,
    Съ правдой и свѣтомъ въ союзѣ,
    Съ кривдой и тьмою въ бою;
Лишь бы она не слабѣла
Въ этой великой борьбѣ,—
Рано иль поздно побѣда...
Молодость! Слава тебѣ!"

Стихотвореніе О. Н. Чюминой („Ковыль") удачно символизируетъ нѣкоторыя изъ переживаемыхъ русскимъ обществомъ настроеній; оно все проникнуто накипѣвшей болью ожиданія и сдавленной силы. Въ концѣ своего стихотворенія поэтъ восклицаетъ:

„О, скоро-ль молній яркій лучъ
Прорѣжетъ небеса,
И дождь падетъ изъ темныхъ тучъ
На землю, какъ роса?
Гроза весенняя, разсѣй
Мертвящій, тяжкій гнетъ:
Пускай природа грудью всей
Свободнѣе вздохнетъ.
Пусть смоетъ влагой дождевой
Удушливую пыль,
И вновь изъ праха головой
Поднимется ковыль!“

Кромѣ упомянутыхъ, сборникъ предлагаетъ еще стихотворенія гг. Allegro, Бальмонта, Ватсонъ, Галиной, Маковскаго, П. Я. Ѳедорова.

Въ литературномъ отношеніи сборникъ вышелъ чрезвычайно удачнымъ, чего, однако, нельзя сказать о приложенныхъ къ нему рисункахъ, исполненныхъ мало удовлетворительно. Это, конечно, не мѣшаетъ пожелать симпатичной книгѣ полнаго успѣха.

V.

— **Майковъ, П. М. Иванъ Ивановичъ Бецкой. Опытъ его біографіи. Спб. 1904.**

Обширный трудъ П. М. Майкова восполняетъ серьезный пробѣлъ въ нашей литературѣ; не было до сихъ поръ труда, въ которомъ была бы сдѣлана попытка представить полный очеркъ жизни и дѣятельности Бецкаго, имя котораго занимаетъ столь почетное мѣсто въ исторіи нашего просвѣщенія. Если дѣятельность Бецкаго по Воспитательному дому и Академіи художествъ могла считаться разработанною въ общихъ чертахъ, то почти совершенно оставлялись въ тѣни его труды по коммерческому училищу, по воспитательному обществу благородныхъ дѣвицъ, по сухопутному кадетскому корпусу, преобразованному по плану Бецкаго (съ допущеніемъ мѣщанскихъ дѣтей), по канцеляріи строеній и т. д. Полная біографія этого благороднаго дѣятеля появляется въ настоящемъ изданіи впервые и кстати совпадаетъ съ истекшимъ въ недавнее время двухсотлѣтіемъ со дня его рожденія.

Трудъ П. М. Майкова представляетъ собой образецъ строго объективнаго и фактическаго изысканія. Значительное количество архивнаго матеріала, въ связи съ привлеченными къ дѣлу обширной спеціальной и общей литературой, выводятъ настоящій трудъ изъ

рамокъ только біографическаго повѣствованія и дѣлаютъ его цѣннымъ при изученіи исторіи нашего просвѣщенія съ общихъ точекъ зрѣнія. „При самомъ изложеніи я старался,—говоритъ г. Майковъ,—по возможности ближе держаться правила одного изъ иностранныхъ уставовъ уголовнаго судопроизводства, если не ошибаюсь—бельгійскаго, по которому свидѣтели, вызываемые въ судъ, для дачи показаній передъ присяжными засѣдателями, по уголовнымъ дѣламъ, даютъ торжественное обѣщаніе de dire la vérité, toute la vérité, rien que la vérité! Присяжные же, на основаніи означенныхъ свидѣтельскихъ показаній, составивъ себѣ представленіе о привлеченномъ къ суду лицѣ, рѣшаютъ вопросъ, виновато ли оно въ совершеніи приписываемаго ему дѣйствія или нѣтъ. Мнѣ казалось, что подобнаго рода обѣщанія долженъ придерживаться и составитель біографическаго изслѣдованія о томъ или другомъ лицѣ, такъ какъ на основаніи такого изслѣдованія (имѣющаго во многомъ значеніе свидѣтельскаго показанія) у читателя (подобно тому, какъ у присяжныхъ засѣдателей на судѣ) слагается и понятіе о лицѣ, являющемся предметомъ біографіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ оцѣнка его личности и дѣятельности. Очевидно, чѣмъ обстоятельнѣе и многочисленнѣе сообщаемые факты, чѣмъ полнѣе передаютъ читателю все достовѣрное о лицѣ, являющемся предметомъ біографіи, чѣмъ менѣе они отступаютъ отъ истины вообще, тѣмъ точнѣе можетъ быть и правильнѣе сужденіе читателя объ этомъ лицѣ".

Такая постановка вопроса грѣшитъ нѣкоторой односторонностью, такъ какъ въ идеальную задачу біографа входитъ не только полный подборъ фактическихъ данныхъ, но и синтезъ впечатлѣній, полученныхъ отъ ихъ изученія, въ цѣльномъ и живомъ ѻбразѣ, въ портретѣ.

Слабѣе оказалась, благодаря этому, другая сторона книги—общая характеристика просвѣтительныхъ идей эпохи, въ связи съ западнымъ вліяніемъ на русское общество. Но такъ какъ авторъ заключилъ свое изслѣдованіе въ строго опредѣленныя рамки, то это обстоятельство не можетъ быть поставлено ему въ вину. Общую оцѣнку общественно-педагогическихъ стремленій Бецкаго авторъ сводитъ къ слѣдующимъ пяти положеніямъ: „1) что воспитывать дѣтей необходимо чуть ли не съ рожденія,—что̀ не отрицается и теперь; 2) что учить и воспитывать необходимо всѣхъ безъ розгъ и слезъ, не прибѣгая къ суровымъ мѣрамъ, что обходиться съ дѣтьми нужно ласково, чтобы не пріучить ихъ къ суровости. Никто не станетъ отрицать, что и въ настоящее время примѣняются или стараются о примѣненіи тѣхъ же самыхъ пріемовъ воспитанія; 3) что необходимо обращать вниманіе и заботиться о физическомъ развитіи дѣтей. Это также въ настоящее время является одною изъ задачъ воспитанія; 4) что безусловно нужно учить лицъ женскаго пола. Едва ли надо указывать, что это и въ

настоящее время признается, хотя еще далеко не всѣми; 5) воспитаніемъ Бецкой хотѣлъ произвести людей, способныхъ „служить отечеству дѣлами рукъ своихъ, въ различныхъ искусствахъ и ремеслахъ, сдѣлать, чтобы сами по себѣ полезны были для пропитанія своего, основавъ жизнь свою способомъ твердымъ и прибыточнымъ для себя и для потомства“. Другими словами, Бецкой хотѣлъ сдѣлать полезныхъ граждакъ, т.-е. то же самое, чего стремятся достигнуть воспитаніемъ и въ наше время“.

Позади текста слѣдуютъ обширныя документальныя приложенія и въ высшей степени полезный указатель личныхъ именъ съ краткими біографическими и пояснительными свѣдѣніями.

VI.

— Главные дѣятели освобожденія крестьянъ. Подъ редакціей С. А. Венгерова. Изд. Брокгаузъ-Ефронъ. Спб. 1903.

Мысль—дать рядъ очерковъ о главныхъ дѣятеляхъ освобожденія крестьянъ—должна быть сочтена чрезвычайно удачной. Эпоха освобожденія крестьянъ уже отошла въ исторію; память о главнѣйшихъ дѣятеляхъ начала туманиться въ сознаніи потомства; самый фактъ крѣпостного права, сдѣлавшись историческимъ, едва ли не перестаетъ уже пониматься въ той его недавней еще конкретной жизненности, которая до послѣдняго времени служила принципіальной точкой отправленія при рѣшеніи очередныхъ общественныхъ вопросовъ. Поэтому мысль—воскресить, хотя бы и въ неполныхъ образахъ, черты дѣятелей, чьи имена неразрывно связываются съ эпохой освобожденія, заслуживаетъ глубокаго сочувствія, какъ актъ исторической справедливости и, вмѣстѣ, выраженіе благодарной памяти потомства.

Въ этой „Галлереѣ русскихъ дѣятелей“ читатель не найдетъ многихъ именъ, съ которыми онъ привыкъ связывать представленіе о самоотверженномъ подвигѣ на почвѣ борьбы за общественные идеалы. Читатель, надо думать, не отнесетъ отсутствія этихъ именъ къ случайному или капризному выбору редакціи, а припишетъ вѣроятному дѣйствію тѣхъ же причинъ, которыя дѣлаютъ пока невозможнымъ построеніе полной исторіи связаннаго съ реформой освободительнаго движенія. Но и при этой неполнотѣ лежащая передъ нами книга глубоко интересна и поучительна. Цѣлый рядъ сильныхъ характеровъ и умовъ, яркихъ талантовъ и пламенѣющихъ любовью къ родинѣ горячихъ сердецъ проходитъ передъ читателемъ въ сжатыхъ и мѣстами живо и ярко написанныхъ очеркахъ. Первые очерки посвящены

тѣмъ непосредственнымъ дѣятелямъ, которые соединили глубокое пониманіе совершавшагося при ихъ участіи акта съ огромной силою власти: императору Александру II (очеркъ А. А. Кизеветтера), великому князю Константину Николаевичу (очеркъ Н. П. Павлова-Сильванскаго), великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ (очеркъ А. Ѳ. Кони). Затѣмъ слѣдуютъ дѣятели: Н. А. Милютинъ (очеркъ А. И. Браудо), Я. И. Ростовцевъ (очеркъ Е. А. Егорова), А. Н. Радищевъ (очеркъ В. Е. Якушкина), Н. И. Тургеневъ (очеркъ В. И. Семевскаго), кн. В. А. Черкасскій (очеркъ А. Ѳ. Кони), Ю. Ѳ. Самаринъ (очеркъ А. А. Корнилова), К. Д. Кавелинъ (очеркъ Л. З. Слонимскаго), А. И. Герценъ (очеркъ А. К. Бороздина), Н. А. Некрасовъ (очеркъ К. К. Арсеньева), Д. В. Григоровичъ (очеркъ С. А. Венгерова), И. С. Тургеневъ (очеркъ С. А. Венгерова).

Въ предисловіи такъ опредѣляется значеніе литературы въ распространеніи освободительныхъ идей: „Около 1846—47 гг., точно по какому-то уговору, появляется рядъ произведеній, проникнутыхъ самымъ горячимъ участіемъ къ закрѣпощенному народу. Первенствующее мѣсто въ ряду этихъ произведеній занимаютъ стихотворенія на народныя темы Некрасова, „Антонъ Горемыка“ Григоровича, „Записки Охотника“ Тургенева. Эта литературная пропаганда производитъ потрясающее впечатлѣніе на читающую публику, и теперь уже передъ нами новый знаменательнѣйшій фазисъ идеи освобожденія. Она проникла въ самыя обширныя сферы общества; она считаетъ своихъ приверженцевъ уже не десятками или даже сотнями, а тысячами. Государственные акты совершаются „хладнымъ разсудкомъ“, но подготовляетъ ихъ всегда чувство. Законодательный актъ 19-го февраля только скрѣпилъ то, что̀ родилось въ сердцѣ читателей Григоровича, Тургенева и Некрасова. Слезы, пролитыя надъ „Антономъ Горемыкою“, фактически сыграли самую рѣшающую роль въ подготовленіи реформы, а умиленіе, охватившее всѣхъ при созерцаніи трогательныхъ фигуръ, нарисованныхъ Тургеневымъ, было убѣдительнѣе всякихъ цифръ и государственныхъ соображеній“.

Портреты дѣятелей, которымъ посвящены очерки, исполнены въ общемъ вполнѣ удовлетворительно, особенно съ фотогравюръ и фототипій въ первой половинѣ книги. Напечатана она аккуратно и съ внѣшней стороны производитъ симпатичное впечатлѣніе.

VII.

— **Акифьевъ, И. На далекій сѣверъ. Изъ дневника кругосвѣтнаго путешествія.** Спб. 1904.

Какъ сказано въ заглавіи, книга представляетъ рядъ бѣглыхъ замѣтокъ изъ дневника кругосвѣтнаго путешествія. Авторъ, въ качествѣ врача небольшой экспедиціи, отправился черезъ Америку на Чукотскій полуостровъ. Экспедиція была снаряжена англо-русской торговой компаніей съ цѣлью найти золотыя розсыпи на дальнемъ сѣверо-востокѣ. Года за два до экспедиціи, состоявшейся въ 1900 году, прошелъ слухъ о замѣчательной золотой находкѣ на берегу Аляски, около мыса Номъ; отсюда возникло предположеніе: нѣтъ ли золота на близкомъ Чукотскомъ Носу.

Рѣшили, что гораздо удобнѣе и вдвое быстрѣе можно попасть съ одного конца Россіи на другой, проѣхавъ чрезъ Европу и Америку, переплывъ два океана. Мы не будемъ слѣдить за авторомъ въ его путешествіи, хотя въ дѣловитомъ разсказѣ есть не мало замѣчаній, любопытныхъ для русскаго читателя и въ особенности туриста, но остановимся на посѣщеніи принадлежащихъ Россіи береговъ Чукотскаго полуострова. Въ этомъ отношеніи наблюденія г. Акифьева не лишены извѣстнаго значенія, тѣмъ болѣе, что Чукотскій Носъ не служитъ особенно привлекательной цѣлью для нашихъ путешественниковъ. Замѣчанія г. Акифьева лишній разъ подтверждаютъ то, не разъ появлявшееся въ печати, мнѣніе, что фактическими хозяевами этихъ обширныхъ береговъ являются не русскіе, но американцы. Первое, что̀ увидали русскіе путешественники въ бухтѣ Провидѣнія, было подозрительное судно подъ трехцвѣтнымъ русскимъ флагомъ, со страннымъ названіемъ „Progress" и съ иностранной администраціей. Общее впечатлѣніе — заброшенность края, отсутствіе заботы о населеніи, беззащитность. Узнавъ о врачебной профессіи автора, чукчи толпами являлись къ нему, прося лекарства. Г. Акифьевъ осмотрѣлъ ихъ и не нашелъ ни одного здороваго. У большинства болѣли глаза, всѣ безъ исключенія кашляли, у многихъ — какіе-то лишаи, струпья на кожѣ, покрытой слоемъ жира и грязи. Къ русскимъ чукчи относились довѣрчиво и добродушно, особенно когда видѣли, какія чудеса оказывали карболка и борный вазелинъ. Наглядно убѣждаясь въ пользѣ опрятности, чукчи сами стали мыть себѣ лица и просили мыла. По этому поводу авторъ выражаетъ вѣроятность, что, будь у нихъ передъ глазами хорошій примѣръ, они переняли бы многое, но бѣда въ томъ, что этихъ примѣровъ имъ не откуда взять.

„Русскіе ихъ почти совсѣмъ не посѣщаютъ, разъ въ нѣсколько лѣтъ, а американцы пріѣзжаютъ только для торговли. Одинъ изъ пришедшихъ чукчей, который себя считаетъ старшиной этого селенія, жаловался и вполнѣ основательно на то, что русскіе ихъ забыли.

„— Мы знаемъ, что у насъ, чукчей,—говорилъ онъ,—и у васъ, русскихъ—одинъ царь. Но вы къ намъ не ѣздите, а американцы привозятъ намъ и муку, и ружья, и табакъ. Что̀ бы мы дѣлали безъ ружей? Американцевъ мы больше знаемъ и понимаемъ ихъ языкъ, а русскаго совсѣмъ не знаемъ.

„И онъ безусловно правъ. Надо бы было завести, хоть на подобіе Американскихъ Штатовъ, таможенные крейсера, которые бы ежегодно объѣзжали наши восточные берега. Много у насъ въ Россіи забытыхъ, медвѣжьихъ угловъ, но Чукотскій полуостровъ, кажется, самый несчастный изъ нихъ“.

Путешествіе не обошлось безъ различныхъ злоключеній. Между прочимъ имъ пришлось испытать арестъ въ городкѣ Номѣ (Аляска) въ качествѣ пиратовъ. Въ мѣстной газетѣ, совсѣмъ по-американски, появилась статья о томъ, какъ „тридцать русскихъ свирѣпыхъ казаковъ взяты въ плѣнъ семью храбрыми американцами“. Черезъ нѣсколько дней плѣнниковъ, однако, рѣшили отпустить и они направились къ русскимъ берегамъ, съ горькимъ сознаніемъ, что на сѣверѣ фактически не существуетъ ни русскаго престижа, ни охраны береговъ и русскихъ интересовъ. Иное дѣло Соединенные Штаты: тамъ и военныя суда, и таможенныя, геодезическія и зоологическія,—„вотъ это охрана“.

Г. Акифьевъ не говоритъ ничего новаго. Онъ только подтверждаетъ то, что̀ извѣстно уже съ давнихъ поръ. Очевидно, что мѣры, которыя русское правительство начало принимать сравнительно съ недавняго времени, слишкомъ недостаточны для фактическаго и заботливаго управленія краемъ, и дѣло продолжаетъ оставаться въ томъ же положеніи. Надо надѣяться, однако, что переживаемыя нами событія на Дальнемъ Востокѣ привлекутъ вниманіе подлежащихъ сферъ и на Богомъ обиженный крайній сѣверъ.

Для параллели приведемъ изъ той же книги маленькую „идиллію нравовъ“. Путешественники пріѣзжаютъ въ Петропавловскъ, и здѣсь, послѣ волненій по поводу американской наглости и подозрительности, попадаютъ въ милую обстановку россійской безпечности и простоты.

„Насколько тиха и патріархально-проста здѣсь жизнь,—разсказываетъ авторъ,—достаточно показываютъ слѣдующіе факты:

„На Никольской горѣ находится пороховой погребъ. Это еще остатокъ прежняго величія Петропавловска, когда онъ еще былъ военнымъ портомъ. У погреба, въ которомъ едва ли хранится что-нибудь,

стоитъ часовой казакъ безъ всякаго оружія. Я былъ свидѣтелемъ такого разговора. Къ казаку идетъ баба.

— Иванъ, иди обѣдать!

„Казакъ топчется на мѣстѣ: и ѣсть ему очень хочется, и смѣниться не съ кѣмъ. Вдругъ замѣчаетъ идущаго по берегу другого казака.

— Григорьицъ! а Григо-орь-и-ицъ!—кричитъ онъ.

— Цево тебѣ?—откликается тотъ (они не произносятъ шипящихъ).

— Иди, постой за меня, я обѣдать пойду.

— У меня щи остынутъ,—отвѣчаетъ тотъ и проходитъ.

— И у меня щи остынутъ!—заключаетъ часовой и отправляется обѣдать.

„Послѣ обѣда я видѣлъ, какъ онъ сладко отдыхалъ на солнышкѣ передъ пороховымъ погребомъ, а рядомъ сидѣла баба и что-то шила.

„Еще картинка. Иду я мимо дома, гдѣ помѣщается полицейское правленіе и холодная, и живетъ помощникъ окружного начальника, и вижу, какъ часовой казакъ, на этотъ разъ въ формѣ и даже съ шашкой, прозвонилъ въ колоколъ двѣнадцать часовъ и пошелъ потихоньку домой обѣдать. Самъ онъ маленькій, какой-то тихій, застѣнчивый, и такъ къ нему нейдетъ его большая казачья шашка.

„Мы поздоровались и разговорились.

— Ишь, какая у тебя здоровая шашка!—говорю я,—покажи-ка мнѣ. Онъ протягиваетъ ее мнѣ вмѣстѣ съ ножнами.

— А ты вынь ее!

— Да она сто-то не вынимаетца! — удивленно и нѣсколько смущенно отвѣтилъ воинъ. Тогда мы вдвоемъ взялись тянуть ее, я за рукоятку, онъ за ножны, но такъ и не могли вынуть. Очевидно, много, много лѣтъ не приходило въ голову вынимать ее".

Книга иллюстрирована многочисленными рисунками въ текстѣ, отпечатанными, впрочемъ, не особенно удачно.

VIII.

— Носиловъ, К. Д. У вогуловъ. Очерки и наброски. Съ 41 рисункомъ въ текстѣ. [Спб.]. 1904.

— Вл. Львовъ. Русская Лапландія и русскіе лопари. Географическій и этнографическій очеркъ. М. 1903.

Книга открывается общей характеристикой вогуловъ, населяющихъ непривѣтную сторону подъ восточнымъ склономъ сѣвернаго Урала у низовьевъ Оби.

„Еще недавно воинственный, бодрый, знавшій, какъ топить, добывать изъ рудъ Урала желѣзо, мѣдь, серебро, имѣвшій торговыя сно-

шенія съ сосѣдями, войны,—народъ этотъ теперь совсѣмъ упалъ, совсѣмъ превратился въ первобытнаго дикаря и такъ далеко ушелъ отъ нашествія цивилизаціи въ свои непроходимые лѣса, такъ забился въ глушь своей тайги, такъ изолировался, что, кажется, уже больше не покажется на міровой сценѣ, а, тихо вымирая, сойдетъ вовсе съ лица нашей планеты. Откуда онъ пришелъ въ эту тайгу, какія великія передвиженія народовъ его выдвинули сюда, онъ не говоритъ, онъ забылъ даже свое недавнее прошлое; но его типичныя черты,—хотя вогулы уже слились давно съ монгольскими племенами, заимствовали отъ нихъ обычаи, вѣрованія,—еще до сихъ поръ напоминаютъ югъ, другое солнце: кудрявые, черные волосы, римскій профиль лица, тонкій, выдающійся носъ, благородное, открытое лицо, осанка, смуглый цвѣтъ лица, горячій смѣлый взглядъ,—ясно говорятъ, что не здѣсь ихъ родина, что они только втиснуты сюда необходимостью, историческими событіями, передвиженіями въ великой Азіи народовъ.

„Такія лица скорѣе напоминаютъ венгерца, цыгана, болгарина, чѣмъ остяка, типъ котораго все болѣе и болѣе начинаетъ преобладать, благодаря кровосмѣшенію.

„Сжатые сосѣдями, загнанные въ глушь лѣсовъ, они стараются всѣми силами отстаивать свою самобытность, для нихъ чуждо все на свѣтѣ, имъ не нужна ни цивилизація, которую они презираютъ, ни сосѣди, въ которыхъ они извѣрились, и, живя весь свой вѣкъ среди природы своей новой родины, они берутъ отъ нея то, что̀ она можетъ дать имъ въ своихъ непроходимыхъ, въ полномъ смыслѣ слова дѣвственныхъ лѣсахъ, въ своихъ рѣкахъ, озерахъ. Но даже и тутъ они пользуются ею только для поддержанія своей жизни, словно познавъ всю тщету богатства, торговыхъ сношеній, всю безцѣльность своего существованія на земномъ шарѣ“.

Въ живыхъ очеркахъ авторъ переноситъ читателя въ этотъ край, гдѣ и природа, и формы быта, и духовный міръ—все далекое, своеобразное, непохожее на то, что̀ окружаетъ насъ. Въ первомъ изъ очерковъ авторъ знакомитъ съ однимъ изъ своихъ пріятелей-вогуловъ, который ввелъ его въ среду таинственности, составляющей наиболѣе существенную черту вогульскаго міросозерцанія. Это былъ настоящій поэтъ: пѣлъ обо всемъ, что̀ было передъ его глазами, что̀ трогало его дѣтскую душу, боялся своихъ безобразныхъ боговъ, таившихся въ лѣсахъ, и весь жилъ предчувствіями. „Онъ жилъ, весь углубившись въ тайники своей дѣтской души, по движеніямъ которой онъ узнавалъ: ждетъ ли его горе, неудача, ждетъ ли его разочарованіе, успѣхъ. Онъ не разъ говорилъ мнѣ объ этомъ и даже удивлялся, какъ это и я не чувствую того же, не могу знать хотя бы недалекое будущее.

— Ты развѣ не слышишь?—спрашиваетъ онъ.

— Нѣтъ,—скажу ему въ отвѣтъ.

— Зажми глаза и слушай,—скажетъ онъ.

„Зажмешь глаза и слушаешь.

— Да гдѣ слышишь ты?—спросишь его.

— Да тутъ, въ сердцѣ, вездѣ,—скажетъ онъ.

„Онъ даже жалѣлъ меня по этому случаю.

— Откуда же ты знаешь это, научилъ, что-ли, кто тебя? – спросишь его.

— Нѣтъ, самъ... такъ... когда, выросъ, сталъ охотиться... ну, и узналъ,—скажетъ.

„И только. Никакіе вопросы тутъ больше ничего не разъяснятъ, и я такъ и зналъ, что онъ слышитъ, предчувствуетъ".

Передъ читателемъ встаетъ образъ типичнаго и милаго дикаря отдаленнаго сѣвера, какихъ становится все меньше и меньше...

Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ талантливо, но безпритязательно разсказываетъ, какъ живутъ вогулы, какова ихъ трудовая и праздничная жизнь, ихъ занятія, обычаи и нравы. Чрезвычайно занимательны и разсказы автора о своихъ путешествіяхъ по сѣверу, въ нѣкоторыхъ случаяхъ затруднительныхъ и опасныхъ. Передавая свои впечатлѣнія, авторъ не дѣлаетъ изъ своей книги ученаго трактата, имѣя въ виду, повидимому, дать занимательную и полезную книгу о краѣ мало извѣстномъ, но глубоко интересномъ во многихъ отношеніяхъ, особенно въ бытовомъ. Патріархальная жизнь вогуловъ въ послѣднія десятилѣтія оживилась, благодаря наплыву русскихъ промышленниковъ, но это оживленіе дорого обошлось бѣднымъ дикарямъ. Сопоставленіе картинъ стараго и новѣйшаго вогульскаго быта наводитъ автора на грустное размышленіе.

Съ вогулами повторилось то же, что̀ съ массою другихъ инородцевъ: отъ столкновенія съ русской промысловою цивилизаціею они значительно пострадали. „Пароходство, наплывъ русскихъ, зырянъ, бойкая торговля, масса новаго для вогула, соблазнъ—вызвали въ дикарѣ только жажду къ жизни, а не къ дѣятельности. Ситецъ вмѣсто своего холста изъ волокна крапивы, сукно вмѣсто налимьей кожи, оленины, разнообразныхъ шкуръ; сапоги, бродни вмѣсто оленьихъ пимовъ и сапогъ изъ той же оленьей шкуры; чай, вино, бѣлый хлѣбъ, когда прежде они обходились почти вовсе безъ хлѣба, употребляя мясо и рыбу, все это потребовало отъ дикаря средствъ и средствъ. Бѣдный край, безсиліе—не могли дать этого; дикарь бросился на легкую наживу: обмѣнъ того, что̀ для него самого нужно, необходимо; поднявшіяся цѣны на его продукты отъ прилива лишняго десятка-двухъ торгашей окончательно сбили его съ толку, и онъ оставилъ свою семью съ голодомъ, безъ одежды, но зато съ водкой, весельемъ и

развратомъ. И такъ какъ водный путь, пароходство, собственно говоря, не дали имъ работы, а только одну возможность купить, обмѣнить, продать свой промыселъ, то они только нанесли имъ одинъ убытокъ экономическій, а не пользу, познакомивъ съ тѣмъ чего они не знали или прежде требовали мало, благодаря отсутствію соблазна, необходимости. Широкій кредитъ, открытый торговлей Сибирякова, ихъ окончательно соблазнилъ, и теперь уже они сами не въ состояніи отвыкнуть отъ того, что̀ стало ихъ потребностью жизни, а средствъ все меньше и меньше, между тѣмъ какъ долги выростаютъ въ громадныя для нихъ цифры. Мнѣ разсказывали, что вогулы одной рѣки Сосьвы уже должны г. Сибирякову не одинъ десятокъ тысячъ рублей, когда все ихъ имущество, вмѣстѣ взятое, не стоитъ и десяти тысячъ, когда они всѣ, вмѣстѣ взятые, не въ состояніи заплатить своими промыслами и пяти тысячъ въ годъ безъ ущерба для собственнаго своего существованія и хозяйства".

Книга г. Носилова является существеннымъ вкладомъ въ нашу литературу объ инородцахъ. Современному положенію послѣднихъ посвящается такъ мало обстоятельныхъ работъ, что нельзя не признать желательнымъ даже такихъ небольшихъ популярныхъ очерковъ, какимъ является очеркъ г. Вл. Львова: „Русская Лапландія и русскіе лопари". Книжечка г. Львова—компилятивнаго характера, составлена на основаніи только русскихъ источниковъ. Бѣглыми, но отчетливыми чертами сдѣлана характеристика природы, среди которой живутъ русскіе лопари, отличительныхъ признаковъ ихъ внутренняго и внѣшняго быта, семейной и общественной организаціи, религіозныхъ представленій и т. д. Текстъ снабженъ картой русской Лапландіи и многочисленными рисунками бытового характера.

Среди приводимыхъ свѣдѣній встрѣчаются не вполнѣ точныя. Говоря о богатствѣ лапландскихъ рѣкъ и озеръ рыбою, особенно семгой и сигами, авторъ замѣчаетъ, что „ею кормится вся Лапландія уже нѣсколько вѣковъ". Это замѣчаніе было бы не лишено значенія, еслибы авторъ предварительно отмѣтилъ оленеводство, какъ важнѣйшую отрасль лопарскаго промысла и питанія, при которой рыбная пища является только подспорьемъ. Не вполнѣ точно относитъ авторъ названіе „фильмановъ" къ русскимъ оленеводамъ; такъ называютъ, обыкновенно, норвежскихъ лопарей, безъ явнаго отношенія ихъ къ оленеводству. Наконецъ, при описаніи лопарской избы не отмѣчена та часть ея („арнсой"), занятая обыкновенно посудою, куда не допускаются женщины. Черта эта чрезвычайно характерна для взгляда лопаря на женщину, положеніе которой, вообще, довольно высоко въ лопарскомъ быту.—Евг. Л.

Въ теченіе апрѣля мѣсяца, въ Редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Алабинъ, Т.—Картины изъ жизни государства Аѳинскаго въ V в. до Р. Х. М. 904. Ц. 25 к.

Арефа, Н. И.—Руководство для чиновъ уѣздной полицейской стражи и конно-полицейскихъ командъ, съ приложеніемъ вопросовъ для испытанія желающихъ поступить на должности урядниковъ и стражниковъ. Спб. 904. Ц. 1 р. 50 к.

Барсуковъ, Алдръ.—Родъ Шереметевыхъ. Книга VIII. Спб. 904.

——— Родословіе Шереметевыхъ. Изд. 2-е, исправл. и дополн. по 1 янв. 904 г. Спб. 904.

Богдановъ, А. — Эмпиріомонизмъ. Статьи по философіи. М. 904. Ц. 80 к.

——— Изъ психологіи общества. Статьи 1901—1904 г.г. Спб. 904. Ц. 80 к.

Боірова, Евг.—Персія и персы. М. 903. Ц. 20 к.

Божеряновъ, И. Н. — Иллюстрированная исторія русскаго театра XIX-го вѣка. Т. I, вып. 3. Спб. 904. Ц. по подпискѣ за 8 вып., съ 350 портр. артистовъ—12 р.

Брабинъ, Н., и *Бѣляевъ*, И.—Указатель племенныхъ именъ къ статьѣ Н. И. Аристова: „Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и свѣдѣнія о ихъ численности". Изд. п. р. проф. П. Меліоранскаго. Спб. 903.

Бутлеровъ, А. М. — Какъ водить пчелъ. 6-е изд. Съ 23 рис. Спб. 904. Цѣна 10 коп.

Бухарова, Зоя.—Стихотворенія. Спб. 903.

Бѣжецкій, А. Н.—Ольгинъ день. Ком. въ 3 д. Спб. 904. Ц. 1 р.

Бѣлавенецъ, Митр. Ив. — Глиновѣдѣніе: Кирпичное производство—Планъ кирпичнаго завода. Спб. 904. Ц. 10 к.

——— Обработка глины. — Вымораживаніе глины и отмучиваніе глины. Спб. 904. Ц. 10 к.

Виндельбандъ, В., проф. — Прелюдіи. Философскія статьи и рѣчи. Перев. съ нѣм. С. Франкъ. Спб. 904. Ц. 1 р. 50 к.

Генкель, А.—Тридцать простѣйшихъ опытовъ по физіологіи растеній. Изд. Общеобразоват. курсовъ. Спб. 904. Ц. 30 к.

Гете, В.—Фаустъ, траг. Перев. въ прозѣ П. Вейнберга. Спб. 904. Ц. 2 р.

Гиллерсонъ, А. И.—Защитительныя рѣчи по дѣламъ уголовнымъ. Спб. 904. Ц. 1 р. 25 к.

Гливенко, А.—„Gil Blas de Santillane", Лесажа, и его историческое значеніе. Кіевъ. 904.

Греефъ, де, Гильомъ.—Соціальная экономія, предметъ ея, методъ, исторія. Перев. съ рукописи Л. Закъ. М. 904. Ц. 1 р.

Гриммъ, Д. Д.—Курсъ римскаго права. Т. I, вып. 1-ый: Введеніе; Ученіе объ основныхъ правовыхъ понятіяхъ. Спб. 904. Ц. 1 р. 25 к.

Девіеръ, гр. А. А., и *Бредовъ*, В. Р.—Сводъ постановленій о горнопромышленности. Т. II. Спб. 904.

Де-Морсье, А.—Права женщины. Вопросы соціальнаго воспитанія. Съ франц. Эльтъ. Спб. 904. Ц. 50 к.

Демченко, Г. В. — Къ вопросу объ участіи земскихъ добрыхъ людей въ древне-русскихъ судахъ. Кіевъ. 903.

Дю-Киръ, И.—Маленькія Сирены. Очерки и разсказы. Спб. 903. Ц. 2 р.

Зеленинъ, Д.—Кама и Вятка. Путеводитель, съ иллюстраціями. Юрьевъ. 904. Ц. 80 к.

Зомбартъ, Вернеръ. — Современный капитализмъ. Т. I, вып. 2: Генезисъ капитализма. Съ нѣм. п. р. М. Курчинскаго. М. 904. Ц. 1 р.

Іерингъ, фонъ, Р.—Борьба и Право. Съ нѣм. Спб. 904. (Международная Библіотека, № 36). Ц. 15 к.

Ивановъ, Ив.—Вопросы молодости. Спб. 904. Ц. 90 к.

Ивановичъ, И. Д.—Борцы и мученики за свободу Болгаріи. М. 904. Цѣна 60 коп.

Ивановскій, И. И.—Объ антропологическомъ составѣ населенія Россіи. М. 904. Ц. 3 р.

Иноземцева, Анна.—Іосифъ Метцль. Посмертныя записки. Н.-Новг. 904. Цѣна 15 коп.

Калантаръ, Ав., и *Максимовъ*, В.—Сельско-хозяйственныя постройки. Вып. II: Амбаръ, сарай, рига и овинъ, баня, ледникъ и погребъ. Съ 55 рис. Спб. 903. Ц. 40 к. (Библ. Земледѣльца, № 13).

Карповъ, Н. Н.—Штрихи и блики, этюды, очерки, разсказы и стихотворенія. Спб. 904. Ц. 1 р. 25 к.

Карѣевъ, Н.—Письма къ учащейся молодежи о самообразованіи. Изд. 8-е.

Кейльгакъ, К.—Практическая геологія. Методы изслѣдованія и пріемы работъ въ области геологіи, минералогіи и палеонтологіи. Съ нѣм. перев. А. Скринниковъ, п. р. В. Амалицкаго. Т. I, съ 177 рис. и черт. М. 904. Ц. 2 р. 25 к.

Кони, А. Ѳ.—Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ. Біографическій очеркъ. Съ портретомъ, 4 факсимиле, видомъ его могилы и 72 рис. Е. П. Самокишъ-Судковской. 3-ье изд., дополненное. Спб. 904. Ц. 3 р.

Купенъ, Анри.—Причудливыя животныя. Перев. ж.-вр. Е. Бургафтъ. Съ 311 рис. въ текстѣ. Спб. 904. Изд. А. Ф. Мутса.

Л. Г.—Иностранная критика о Горькомъ. Сборникъ статей. М. 904. Цѣна 1 р. 50 к.

Мережковскій, Д.—Любовь сильнѣе смерти. Итальянская новелла XV-го вѣка. 2-е изд. Спб. 904. Ц. 1 р. 25 к.

Мирбо, Окт.—Разсказы. Предисловіе Б. А. Витмера. Спб. 904. Ц. 1 р.

Моръ, Томасъ.—Утопія. Перев. съ латин. А. Генкель, при участіи Н. Макшеевой, съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ. Спб. 903. Ц. 90 к.

Никитинъ, А. Ф., санит. вр.—Очеркъ санитарно-экономическаго положенія грузчиковъ на Волгѣ. Спб. 904.

Никоновъ, Б. П.—Голосъ сердца. Стихотворенія. Спб. 904. Ц. 1 р.

Нитти, Франческо. — Основныя начала финансовой науки. Съ итальянской рукописи перев. И. Шрейдеръ, п. р. А. Свирщевскаго, съ предислов. А. Чупрова. М. 904. Ц. 3 р.

Носиловъ, К. Д. — У Вогуловъ. Очерки и наброски. Съ 41 рис. Спб. 904. Ц. 1 р. 50 к.

Озеровъ, И. Х., проф.—Очерки экономической и финансовой жизни Россіи и Запада. Сборникъ статей. Вып. II. М. 904.

Писаренко, К.—Коринь, народня драма въ V діяхъ. Харьк. 904. Ц. 35 к.

Ребакина, М.—Наша война съ Японіею. Въ книжкѣ помѣщена схематическая карта Россійской Имперіи и театра военныхъ дѣйствій. Од. 904. Ц. 5 к.

Розовъ-Цвѣтковъ, В.—По ту сторону „Пояса міра". Этнографическіе очерки и разсказы. М. 904. Ц. 1 р.

Рокотковъ, Александръ.—Разсказы и Пѣсни о жизни. Т. I. М. 903. Ц. 40 к.

Свѣтловъ, В. Я.—Всѣ цвѣта радуги. Спб. 904. Ц. 1 р. 50 к.

Семеновъ, С. Т.—Крестьянскіе разсказы. Съ предисловіемъ гр. Л. Н. Толстого. М. 904. Ц. 90 к.

Сергѣевичъ, В.—Русская Правда въ четырехъ редакціяхъ. По спискамъ Археографическому, Троицкому и кн. Оболенскаго, съ дополненіями и варіантами изъ другихъ списковъ. Спб. 904. Ц. 40 к.

Сикорскій, И. А., проф. — Характеристика черной, желтой и бѣлой расъ въ связи съ вопросами русско-японской войны. Кіевъ. 904.

Скальковскій, К.—Маленькая хрестоматія для взрослыхъ. Спб. 904.

Соколовъ, А.—Краткая Всеобщая географія. Курсъ повторительный. Ч. I: Общія обозрѣнія по географической морфологіи и физической географіи. Сравненіе Европы съ другими частями свѣта. Изд. 2-е, исправл. и дополн. 9 картами. Спб. 904. Ц. 50 к.

Спенсеръ, Гербертъ.—Введеніе въ философію, въ краткомъ изложеніи Н. М. Любомудрова. Ковровъ. 904. Ц. 40 к.

Стукаличъ, В. К.—Бѣлоруссія и Литва. Очерки изъ исторіи городовъ въ Бѣлоруссіи. Витеб. 904.

Танонъ, Э.—Эволюція права и общественное сознаніе. Перев. бар. А. П. Фитингофъ. Спб. 904. Ц. 1 р.

Толстой, гр. Левъ, великій писатель земли русской въ портретахъ, гравюрахъ, медаляхъ, живописи, скульптурѣ, каррикатурахъ и т. д. Изданіе Товарищества М. О. Вольфъ. Спб. 904.

Тулуповъ, Н., и *Шестаковъ*, П.—Для народнаго учителя. Вып. 2: Просвѣтительныя учрежденія при народныхъ училищахъ. (Новыя правила о книжныхъ складахъ, народныхъ библіотекахъ и народн. чтен. при начальн. народн. училищахъ и т. д.) М. 904. Ц. 5 к.

Уорнеръ, У.—Неотложное дѣло. Спб. 904. Ц. 1 р. 25 к.

Франко, Иванъ.—Зборныкъ творивъ. Т. I и II. Кыивъ. 903. Ц. по 65 к.

Хавкина, Л. Б.—Библіотеки, ихъ организація и техника. Съ 32 рис. и 40 табл. Спб. 904. Ц. 3 р.

——— Народное образованіе въ Японіи. М. 904. Ц. 35 к.

Хотымскій, П.—На новомъ мѣстѣ. Разск. М. 904. Ц. 25 к.

Членовъ, М. А.—Великое зло (о венерическихъ болѣзняхъ). Общедоступное изложеніе. Спб. 904. Ц. 1 р. 20 к.

Чуносовъ, М.—Критическія статьи. Спб. 904. Ц. 30 к.

Шереметевъ, гр. Павелъ.—Памяти Б. Н. Чичерина. М. 904. Ц. 25 к.

Шереметевъ, гр. С. Д.—Отъ Углича къ морю Студеному. Спб. 904.

Шишловъ, И. Н. — Перепись дѣтей школьнаго возраста г. Томска. П. р. М. Н. Соболева. Томскъ, 904.

Шумковъ, И. В. — 1) Посадка арбузовъ и приготовленіе арбузнаго меда. 2) Многосѣмянная тыква, какъ масличное и кормовое растеніе. 3) Костеръ безостый. Ц. за три брош.—1 р. 20 к. Самара. 904.

Н. Т. Юринъ, Н.—Крестьянскія сельско-хозяйственныя общества (Народная Сельско-Хозяйственная Библіотека Саратовскаго Губернскаго Земства, вып. 1). Сарат. 904. Ц. 15 к.

Энгельгардтъ, Н.—Очеркъ исторіи русской цензуры, въ связи съ развитіемъ печати. (1703—1903 г.г.). Спб. 904. Ц. 1 р. 75 к.

Armaschewsky, P.—Allgemeine Geologische Karte von Russland. Blatt 46

Uebersicht der geologischen Gebilde mit besonderer Rücksicht auf die Entstehung des Loess. Спб. 904.

Ducrocq, Georges.—Pauvre et Douce Corée. Par. 904.

— Геологическія изслѣдованія въ золотоносныхъ областяхъ Сибири. Вып. IV: Амурско-Приморскій золотоносный районъ. Съ 5 карт. Спб. 904.

— Дешевая Библіотека. № 359 и 360: Русскіе поэты (Карманная Христоматія). Составилъ Петръ Вейнбергъ. Т. I и II. Спб. 904. Ц. за оба тома 40 к.

— Живописецъ. Художественный Сборникъ. № 2. Изд. I. Ясинскаго. Спб. 904. 124 картины въ годъ. Два раза въ годъ, съ пересыл. и прилож.—2 р. 40 к.

— Извѣстія Спб. Біологической Лабораторіи. Подъ редакціей П. Лесгафта. Т. VII, вып. 2. Спб. 904. Подп. ц. 3 р.

— Изданія Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія: 1) Псковскій Печерскій монастырь въ 1586 г. 2) Воспоминанія А. Я. Булгакова о 12-мъ годѣ и вечернихъ бесѣдахъ у графа Ѳ. В. Растопчина. 3) Изъ бумагъ гр. Ю. А. Головкина, Документы о посольствѣ гр. Головкина въ Китай. Спб. 904. 4) Выписки изъ писемъ Ив. Ал. Мальцева къ С. А. Соболевскому, съ предисл. и примѣч. Н. П. Барсукова. Спб. 904. 5) Имп. Александръ II въ Карданахѣ, въ 1888 г. Спб. 904.

— Краткій обзоръ дѣятельности Рижской городской Управы за 1903 г. Рига. 904.

— „Къ свѣту". Научно-литературный Сборникъ, п. р. Ек. П. Лѣтковой и Ѳ. Д. Батюшкова. Изд. Комитета Общества доставленія средствъ Спб. Высшимъ женскимъ курсамъ. Съ иллюстраціями и приложеніемъ снимковъ съ картинъ художниковъ: В. Маковскаго, И. Рѣпина и мн. др. Спб. 904. Ц. 4 р.

— Лиговская народная безплатная Библіотека-Читальня. Отчетъ Библіотеки, въ имѣніи С. И. Никифорова, въ Лиговѣ. Спб. уѣзда, за 1903 г. Съ 14 рис. Спб. 904.

— Лѣтнія колоніи московскихъ городскихъ начальныхъ училищъ. Отчетъ 1903 года. М. 904.

— Общество русскихъ врачей: № 2. О дурной болѣзни, Н. Сперанскаго, съ 8 рис. Ц. 4 к.—№ 5. О заразныхъ или прилипчивыхъ болѣзняхъ, съ 6 рис., врача Пемброка. М. 903. Ц. 10 к.—№ 3. Сибирская язва, Д. Дорфа, съ 4 рис. Цѣна 3 коп.

— Отчетъ Комитета о 3-мъ очередномъ присужденіи премій, учрежденныхъ Харьковскимъ Земельнымъ Банкомъ въ память 25-лѣтія царствованія Имп. Александра II при Имп. Харьк. Университетѣ, съ приложеніемъ рецензій А. Ефименко, Н. Мигулина и Л. Яснопольскаго. Харьк. 904.

— Почтово-телеграфная Статистика за 1902 годъ. Съ краткимъ обзоромъ дѣятельности почтово-телеграфнаго вѣдомства за тотъ же годъ. Спб. 904.

— Протоколы засѣданій восточнаго и западнаго районныхъ совѣщаній учащихъ въ школахъ Сибирской желѣзной дороги по вопросамъ о выборѣ однообразныхъ учебниковъ для всѣхъ школъ Сибирской жел. дороги. Томскъ. 903.

— Рецензіи народныхъ изданій по медицинѣ и гигіенѣ. Труды Коммиссіи по распространенію гигіеническихъ знаній въ народѣ. Вып. II. М. 904.

— Русская Муза. Собраніе лучшихъ оригинальныхъ и переводныхъ стихотвореній русскихъ поэтовъ XIX вѣка. Состав. П. Я. Спб. 904. Ц. 1 р. 75 к.

— Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества. Т. 117: Бумаги Кабинета министровъ имп. Анны Іоанновны. 1731—1740 гг. Т. 118: Политическая переписка имп. Екатерины II. 1772—1773 гг. Спб. 904. Ц. по 3 р.

— Сборникъ отчетовъ и докладовъ врачей санитарнаго надзора на р.р. Волгѣ и Камѣ и на Маріинской системѣ за 1903 годъ. Спб. 904. Ц. 1 р.

— Сборникъ Учено-Литературнаго Общества при Имп. Юрьевскомъ университетѣ. Т. VII. Юр. 904. Ц. 2 р.

— „Со всѣхъ полей". Вып. 1: На морскомъ пескѣ—Деревенская драма—Учительница. Съ англ. А. Гаррикъ. М. 904. Ц. 40 к.

— Справочникъ по устройству медицинскихъ народныхъ чтеній. М. 904.

— Труды Варшавскаго Статистическаго Комитета для 10 губ. Ц. Польскаго. Вып. XIX: Статистика выхода рабочихъ за границу съ 1900 по 1903 г. причины его и вліяніе на благосостояніе сельскаго населенія въ краѣ. Варш. 903.

— Труды XII съѣзда уральскихъ горнопромышленниковъ, 15—22 января 1904 г. въ Екатеринбургѣ. Екатеринб. 904.

— Труды Юридическаго Общества при Имп. Харьков. Университетѣ. Т. I. Харьк. 904.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

L. Grapallo. Autori italiani d'oggi. Стр. 449. Torino, 1903 (Casa editrice nazionale).

Въ книгѣ Л. Грапалло собраны обстоятельные критическіе очерки о пяти наиболѣе выдающихся представителяхъ современной итальянской литературы: о Фогаццаро, Д'Аннунціо, Матильдѣ Серао, Джіованни Верга и Джероламо Роветта. Каждый изъ нихъ представляетъ отдѣльное литературное теченіе, къ которому примыкаетъ группа менѣе значительныхъ писателей, и, какъ Л. Грапалло говоритъ въ заключительной главѣ своей книги, по результатамъ, достигнутымъ каждымъ изъ главарей, можно судить и о начинаніяхъ его послѣдователей. Фогаццаро создалъ философско-соціальный романъ въ Италіи, и по его слѣдамъ идутъ Бутти и другіе, развивая основные принципы его ученія. Точно также Б. Роберта и Капуана—представители бытового романа, созданнаго Верга и т. д. Въ общемъ, обстоятельные критическіе очерки, собранные въ книгѣ Л. Грапалло, даютъ ясное представленіе объ идейныхъ теченіяхъ современной Италіи, поскольку они отразились въ литературѣ. Авторъ книги „Autori italiani d'oggi" —что̀ особенно цѣнно—не зараженъ шовинизмомъ и не славословитъ безъ ограниченій писателей, составляющихъ славу современной Италіи. Напротивъ того, онъ безпристрастно обсуждаетъ недостатки писателей, слишкомъ увлеченныхъ проводимыми ими идеями и впадающихъ поэтому иногда въ крайность и теоретичность. Указывая на недостатки Фогаццаро, Д'Аннунціо и др., Л. Грапалло не умаляетъ, однако, ихъ значеніе и силу ихъ таланта, и показываетъ, какого высокаго развитія достигла современная итальянская литература въ творчествѣ этихъ лучшихъ ея представителей.

Первый очеркъ въ книгѣ Грапалло посвященъ Антоніо Фогаццаро, который хорошо извѣстенъ европейской публикѣ по его переведеннымъ почти на всѣ языки романамъ. Фогаццаро уже не молодъ; онъ родился въ Виченцѣ въ 1842 г. и былъ ученикомъ извѣстнаго аббата Занелла, одного изъ борцовъ католическаго движенія, стремившагося соединить торжество католической церкви съ развитіемъ соціальнаго прогресса, и создать новую Италію—конфедерацію подъ президентствомъ папы, защитника соціальнаго прогресса. Этого рода

либеральный католицизмъ отразился и на творчествѣ Фогаццаро. О немъ много писали въ Италіи, и очень живое представленіе даетъ о немъ извѣстный итальянскій драматургъ Джіакоза, рисуя его въ слѣдующихъ словахъ: „Фогаццаро воплощаетъ въ себѣ лучшія качества провинціальной аристократіи. Онъ ведетъ широкій образъ жизни, но безъ внѣшней роскоши; будучи очень тонкимъ наблюдателемъ, онъ ясно видитъ и понимаетъ окружающихъ его людей, присматривается къ мельчайшимъ фактамъ дѣйствительности, причемъ ему, однако, чужды мелкія чувства. Онъ любитъ тишину, и слава, окружающая его имя, не заставила его покинуть уединеніе, въ которомъ онъ предается своимъ мыслямъ. Онъ любитъ старые дома, старые предметы, старыя пословицы, любитъ сочность провинціальныхъ нарѣчій. Но, будучи пламеннымъ искателемъ живой истины, онъ отрывается временами отъ спокойныхъ привычекъ провинціальной жизни, чтобы слѣдить за самыми смѣлыми движеніями современной мысли. Вся жизнь Фогаццаро выражаетъ мягкость и доброту сильнаго человѣка. Испытавъ въ жизни тяжелое горе, онъ перенесъ его съ удивительной ясностью и простотой". — Такимъ же тихимъ мудрецомъ, живущимъ въ общеніи съ природой и въ то же время волнующимся идейными движеніями современности, соціальными и религіозными вопросами, изображаетъ его и Уго Ойетти, авторъ извѣстной книги „Alla scoperta dei letterati", посѣтившій Фогаццаро въ его живописномъ домѣ въ Seghe di Velo.

Въ своемъ очеркѣ о Фогаццаро Л. Грапалло выясняетъ главнымъ образомъ религіозно-философскія воззрѣнія Фогаццаро, отразившіяся на его творчествѣ. За предѣлами Италіи Фогаццаро извѣстенъ почти исключительно какъ романистъ, но на его родинѣ его цѣнятъ также какъ очень вдумчиваго лирика, а также теоретика-философа. Грапалло поэтому и начинаетъ свой очеркъ съ разсмотрѣнія двухъ философскихъ книгъ Фогаццаро: „Discorsi" и „Ascensioni Umane"; онѣ составлены отчасти изъ его лекцій, прочитанныхъ въ разныхъ городахъ Италіи, отчасти же изъ отдѣльныхъ статей. Въ этихъ книгахъ Фогаццаро является до нѣкоторой степени поборникомъ католицизма, но стремится согласовать его принципы съ научнымъ прогрессомъ. Онъ ищетъ примиренія между ученіемъ св. Августина и эволюціонизмомъ Дарвина, понимаетъ христіанство не чисто догматически, а какъ болѣе широкій спиритуализмъ, и горячо превозноситъ своего учителя, аббата Занелла, въ которомъ особенно высоко ставитъ нравственную сторону его ученія и его личности. Фогаццаро—прямой послѣдователь итальянскаго философа Росмини и примыкаетъ къ его стремленіямъ объединить науку и богословіе. Въ другихъ статьяхъ Фогаццаро излагаетъ свою спиритуалистическую теорію любви, а

также выступаетъ въ защиту оккультизма, какъ проявленія врожденнаго человѣку стремленія познать тайну бытія. Онъ придаетъ слишкомъ много значенія результатамъ, будто бы достигнутымъ оккультизмомъ, и фабула нѣкоторыхъ его произведеній построена на таинственномъ общеніи съ міромъ невидимымъ и съ умершими,—что сильно нарушаетъ жизненную и художественную правду этихъ романовъ и повѣстей. Въ общемъ, теоретическія воззрѣнія Фогаццаро не имѣютъ, какъ это признаетъ и авторъ очерка, значенія сами по себѣ. Но они интересны для выясненія художественнаго творчества Фогаццаро, указывая на его искреннее и постоянное тяготѣніе къ религіознымъ вопросамъ. При этомъ, хотя онъ и объявляетъ себя догматическимъ католикомъ, религіозность Фогаццаро сводится къ широкому идеализму, къ проповѣди любви, основанной исключительно на единеніи душъ въ общемъ подвигѣ самопожертвованія во имя нравственнаго долга. Увлеченіе философіей Росмини отразилось на психологическомъ содержаніи романовъ Фогаццаро. Росмини не признаетъ объективной сущности явленій, а считаетъ ихъ только созданіями субъективнаго разума и воли. Въ области психологіи эта теорія уничтожаетъ роковой характеръ чувствъ и страстей; если чувство вызвано не реальной сущностью того, кого любятъ, а актомъ воли любящаго, то оно и уничтожается, когда воля познаетъ болѣе высокую цѣль. Эту отвлеченную теорію Фогаццаро проводитъ въ своихъ психологическихъ романахъ; онъ ставитъ своихъ героевъ выше фатализма страстей, надъ которыми они торжествуютъ силой познающаго, высоко настроеннаго духа. Въ результатѣ получается нѣкоторое преобладаніе разсудочности надъ непосредственностью душевной жизни, но благородство неустаннаго стремленія къ болѣе высокимъ задачамъ духа вноситъ глубокій паѳосъ въ переживанія героевъ Фогаццаро.

Лучшій и наиболѣе знаменитый романъ Фогаццаро—„Даніеле Кортисъ“. Въ немъ психологія героевъ подчинена ихъ отвлеченному пониманію нравственнаго долга; но это не лишаетъ ихъ человѣчности, потому что они не дѣйствуютъ холодно и разсудочно, а глубоко страдаютъ. Фогаццаро изображаетъ то внутреннее пониманіе двухъ любящихъ душъ, при которомъ нѣтъ надобности убѣждать другъ друга въ необходимости жертвъ, нѣтъ борьбы двухъ эгоизмовъ, а есть согласное дѣйствіе, основанное на полной увѣренности другъ въ другѣ, на незыблемости сильнаго чувства. Герой романа, Даніель Кортисъ—политическій дѣятель, и жизнь его посвящена осуществленію политической программы, соотвѣтствующей убѣжденіямъ самого автора. Кортисъ стоитъ во главѣ парламентской партіи, стремящейся къ объединенію церкви и государства во имя соціальнаго прогресса,

который, по убѣжденію этой партіи, соотвѣтствуетъ принципамъ католической церкви. Но политическая жизнь Кортиса осложняется личными переживаніями—любовью къ его кузинѣ Еленѣ. Она—жена сенатора Санта Джуліа, циничнаго негодяя, за котораго вышла замужъ необдуманно, только для того, чтобы вырваться изъ тяжелой домашней обстановки. Елена тоже любитъ Даніеля, но любовь ихъ становится неустанной борьбой противъ чувства во имя нравственнаго долга. Единеніе ихъ такъ велико, и любовь ихъ настолько сильна своей духовностью, что имъ нѣтъ надобности объясняться, доказывать другъ другу свою привязанность. Они только поддерживаютъ другъ друга въ необходимости самопожертвованія. Мужъ Елены требуетъ, чтобы семья жены уплатила его долги, угрожая въ противномъ случаѣ увезти Елену въ свое далекое помѣстье. Елена противится уплатѣ долговъ, и добровольно уѣзжаетъ въ изгнаніе—съ молчаливаго согласія Даніеля, который ее не удерживаетъ, понявъ мотивы ея поступка. Она цѣлый годъ живетъ вдали отъ Кортиса, глубоко страдая; борьба ея противъ самой себя сказывается въ томъ, что она обмѣнивается лишь рѣдкими незначительными письмами съ Даніелемъ и старается отдалить его отъ себя своей холодностью. Кортисъ въ свою очередь терпитъ нравственныя муки, спасая мужа Елены отъ самоубійства. Презирая Санта-Джуліа, онъ спасаетъ его именно потому, что его смерть была бы избавленіемъ для него и Елены. Но онъ, какъ и Елена, безконечно терзается, насилуя свои чувства, и заболѣваетъ отъ душевнаго напряженія. Достоинство романа Фогаццаро—въ томъ, что герои его не разсудочны при всемъ преобладаніи идейности въ своихъ поступкахъ,—страданія ихъ глубоко человѣчны. Кортису удается еще разъ свидѣться съ Еленой; она пріѣзжаетъ съ разрѣшенія мужа навѣстить его, — платя дорогой цѣной за эту послѣднюю радость, т.-е. соглашаясь уѣхать со своимъ мужемъ навсегда въ Америку. Даніель не противится этому, а напротивъ того, поддерживаетъ мужество Елены, говоря, чтобы она искала опоры въ молитвѣ. Она уѣзжаетъ, твердо вѣря въ неразрывность духовной связи съ любимымъ человѣкомъ; оба они продолжаютъ жить, черпая силу въ своемъ религіозномъ чувствѣ и въ сознаніи своей духовной близости, которую ничто не можетъ уничтожить. Кортисъ продолжаетъ свое общественное дѣло,—его идеализмъ вѣчно ставитъ себѣ все болѣе и болѣе высокія задачи, и побѣда надъ страстью укрѣпляетъ его духъ. Такимъ образомъ, Фогаццаро находитъ психологическое подтвержденіе ученія Росмини объ объективности любви, т.-е. о томъ, что любовь относится не къ предмету любви, а къ идеѣ, составляющей его, и можетъ быть поэтому побѣждена стремленіемъ къ болѣе высокой идеѣ. Даніель Кортисъ представленъ именно такимъ идеали-

стомъ, ставящимъ себѣ все болѣе и болѣе высокія цѣли, вѣчно живущимъ мечтами и чувствующимъ глубокое несоотвѣтствіе между дѣйствительностью и идеаломъ. Это заставляетъ его еще сильнѣе страдать въ жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ придаетъ ему энергію и стойкость въ преслѣдованіи своихъ высокихъ цѣлей.

Въ двухъ другихъ романахъ Фогаццаро, „Il piccolo mondo antico“ и „Il piccolo mondo moderno“, на первомъ планѣ—тоже вопросы религіозныхъ убѣжденій, отъ которыхъ зависятъ содержаніе чувствъ и отношенія между людьми. Фогаццаро доказываетъ, изображая психологію своихъ героевъ, что одна только любовь не связываетъ людей, если у нихъ нѣтъ единенія въ духѣ, а также утверждаетъ, что содержаніе дѣйствительности обусловливается тѣмъ, что вкладываетъ въ нее творящій духъ человѣка. Оба эти романа съ представленными въ нихъ типами пассивныхъ идеалистовъ и дѣятельныхъ натуръ, рисуютъ вмѣстѣ съ тѣмъ очень живо бытъ Италіи,—времени борьбы съ Австріей въ первомъ изъ двухъ романовъ и болѣе близкаго намъ времени во второмъ. Изъ другихъ романовъ Фогаццаро, Грапалло разбираетъ „Il mistero dell' Poeta“,—тоже проникнутый мистическимъ настроеніемъ, но менѣе связанный съ ученіемъ Росмини. Въ немъ изображена любовь, которая доказываетъ своей интенсивностью, что предметъ любви реаленъ самъ по себѣ, а не созданъ идеей, вложенной въ него. Другой, самый ранній романъ Фогаццаро, „Malombro“, мелодраматиченъ и очень далекъ отъ жизненной правды, будучи основанъ на гипотезѣ переселенія душъ. Онъ интересенъ, однако, для характеристики Фогаццаро, который въ своемъ тяготѣніи къ спиритуализму, увлекся на время и болѣе чѣмъ сомнительными теоріями оккультистовъ.

Л. Грапалло останавливается также на разборѣ лирики Фогаццаро, проникнутой тѣми же религіозными настроеніями и крайнимъ идеализмомъ, какъ его романы и повѣсти. Лучшая поэма Фогаццаро, „Миранда“, символизируетъ любовь поэта къ вѣчно недостижимому идеалу: Миранду покидаетъ ея возлюбленный; наивная гордость и безсознательная жестокость эгоизма Анри противопоставляются чистой, беззавѣтной и самоотверженной любви Миранды. Когда Анри возвращается къ ней, понявъ суетность его другихъ увлеченій, она его прощаетъ, но уже не можетъ дать ему счастье; она умираетъ отъ пережитыхъ ею страданій. Мистическое настроеніе Фогаццаро отражается и въ другихъ лирическихъ сборникахъ, въ особенности въ „Valsolda“, гдѣ нѣжныя описанія природы сливаются съ чувствами поэта; въ одномъ изъ стихотвореній поэтъ описываетъ утесъ, на которомъ онъ хотѣлъ бы быть похороненнымъ; тамъ надъ его могилой будутъ носиться бури и облака и будетъ звучать вѣчная скорбная

пѣснь вѣтровъ. Это стихотвореніе заканчивается граціозно-шутливымъ обращеніемъ къ „дамѣ сердца"; проѣзжая по озеру мимо утеса, на которомъ онъ будетъ похороненъ, она увидитъ рѣющія надъ его могилой облака, и, быть можетъ, скажетъ: „онъ всегда былъ въ облакахъ".

Переходя отъ идеалистическаго, проникнутаго глубокимъ религіознымъ чувствомъ творчества Фогаццаро къ эстету Д'Аннунціо, Л. Грапалло указываетъ главнымъ образомъ на мастерство его стиха, на богатство оттѣнковъ въ его описаніяхъ природы; анализируя внутреннее содержаніе его лирики, онъ показываетъ, до какой степени Д'Аннунціо язычникъ въ своей любви къ прекраснымъ формамъ. Признавая необычайную виртуозность и красочность стиховъ Д'Аннунціо, критикъ, однако, отмѣчаетъ ихъ искусственность и холодность. Говоря о романахъ и повѣстяхъ Д'Аннунціо, Л. Грапалло слишкомъ мало говоритъ о воспріимчивости Д'Аннунціо къ вліяніямъ другихъ писателей. Несомнѣнно, что почти въ каждомъ романѣ Д'Аннунціо можно прослѣдить чье-либо вліяніе; „Джіованни Епископо" навѣянъ Достоевскимъ и состоитъ въ анализѣ болѣзненныхъ „надрывовъ". Романы „Piacere" и „Innocente"—совершенно въ духѣ психологическихъ романовъ Бурже, и свѣтскій герой „Piacere" съ его интеллектуализмомъ сильно напоминаетъ „паризіанизмъ" умствующихъ дэнди Бурже. Въ новѣйшихъ символическихъ романахъ Д'Аннунціо, въ „Vergine delle Rocche", въ „Fuoco", чувствуется тяготѣніе къ философіи Ницше, причемъ культъ „сверхъ-человѣка" доведенъ до нѣсколько даже наивнаго, нефилософскаго—и фатовскаго—самообожанія. Мистицизма, искренняго обожествленія жизни и тяготѣнія къ тайной истинѣ бытія у Д'Аннунціо нѣтъ. Онъ только эстетъ, упивающійся своей собственной виртуозностью. Ницшеанства Д'Аннунціо Л. Грапалло касается, говоря о его туманномъ романѣ „Vergine delle Rocche". Въ немъ герой поочередно вызываетъ любовь въ сердцахъ трехъ дѣвушекъ, сестеръ, живущихъ въ своей виллѣ, въ горахъ. Мать дѣвушекъ—сумасшедшая. Онѣ принадлежатъ къ старинному сициліанскому роду, также какъ и герой романа,—молодой аристократъ; онъ тяготится демократизаціей современнаго Рима, и потому спасается въ уединеніи своего помѣстья, гдѣ и знакомится съ тремя сестрами, „дѣвами горъ". Одна изъ нихъ живетъ „эстетическими ощущеніями", упивается искусственнымъ ароматомъ духовъ; другая, нѣжное существо „не отъ міра сего", мечтаетъ о монастырѣ; третья, здоровая духомъ, энергичная и самоотверженная, является нравственной опорой всей семьи. Клаудіо Кантельми увлекаетъ сначала двухъ старшихъ сестеръ, а потомъ, разрушая надежды обѣихъ на земное счастье, презрѣвъ любовь, которую зажегъ въ каждой изъ нихъ поочередно, хочетъ избрать подругой жизни здо-

ровую, мощную духомъ и благородную третью сестру. Въ ней онъ видитъ достойную будущую мать своего сына, героя, продолжателя его знатнаго рода. Этимъ онъ знаменуетъ свой культъ „Uebermensch“'а, грядущаго идеальнаго человѣка, который долженъ соединить въ себѣ достоинства стараго аристократическаго рода со всѣми условіями дальнѣйшаго совершенствованія. Но идеалъ Ницше съуженъ у Д'Аннунціо аристократическими предразсудками, — ницшевское духовное избранничество сводится у него къ сословному, и это обезцвѣчиваетъ идею романа. Въ самомъ изложеніи его много художественныхъ красотъ,—но также много искуственности и напыщенности. Грапалло отмѣчаетъ такую же искусственность въ послѣднемъ романѣ Д'Аннунціо, „Fuoco“, тоже ницшеанскомъ, построенномъ на гордомъ самообожаніи сильнаго человѣка, но чрезвычайно риторичномъ и производящемъ отталкивающее впечатлѣніе гиперболичностью образовъ и психологическихъ тонкостей. Грапалло признаетъ, что борьба двухъ страстныхъ натуръ, двухъ сильныхъ индивидуальностей, каковы герой и героиня, изображена въ романѣ съ большой силой и несомнѣнной художественностью, но очень рѣзко осуждаетъ утрировку, въ какую постоянно впадаетъ Д'Аннунціо, описывая ощущенія „избранныхъ натуръ“. Грапалло разбираетъ и драмы Д'Аннунціо, останавливаясь болѣе подробно на „Мертвомъ городѣ“ и „Джіокондѣ“; онъ находитъ слишкомъ произвольнымъ объединеніе современности съ античнымъ міромъ въ „Мертвомъ городѣ“, также какъ и подчиненіе современныхъ людей законамъ греческаго фатализма. Въ остальныхъ драмахъ критикъ отмѣчаетъ ихъ основную идею—преклоненіе предъ красотой, считая ее основой всего творчества Д'Аннунціо. Это совершенно вѣрная формула. Д'Аннунціо—поэтъ любви и красоты, понимаемой имъ чисто язычески, какъ преклоненіе передъ матеріальными формами, за которыми онъ ничего не видитъ. Онъ художественно воспроизводитъ всѣ оттѣнки ощущеній, связанныхъ съ чувствами любви и съ наслажденіемъ красотой, но его эстетизмъ лишенъ глубокаго идейнаго содержанія, и потому риториченъ и туманенъ.

Другіе очерки въ книгѣ Грапалло посвящены извѣстной неаполитанской романисткѣ, Матильдѣ Серао, итальянскому представителю „verisme“'а, Джіованни Верга, автору знаменитой „Cavalleria Rusticana“, и Джероламо Роветта. Критикъ подробно и обстоятельно разсматриваетъ ихъ произведенія, и вѣрно формулируетъ какъ ихъ недостатки, такъ и ихъ положительное литературное значеніе.

II.

Marcelle Tinayre. „La Vie Amoureuse de François Barbazanges". Стр. 327. Paris, 1904 (Calmann Levy, éditeurs).

Марсель Тинэръ—авторъ нѣсколькихъ романовъ, изъ которыхъ „Hellé", увѣнчанный Французской академіей, и въ особенности „La Maison du Péché", создали романисткѣ большую литературную извѣстность. Новый ея романъ, „La Vie Amoureuse de François Barbazanges", обнаруживаетъ тоже истинно художественный талантъ автора. Романъ этотъ—историческій; въ немъ описываются бытъ и чувства людей конца XVII вѣка, жителей французскаго горнаго городка Тюля, славившагося своими кружевницами, своимъ благочестіемъ и ученостью своихъ прелатовъ и высшаго буржуазнаго общества. Историчность романа, однако, совершенно своеобразная, не отвлекающая читателя отъ современности повѣствованіемъ о мертвой старинѣ; напротивъ того, онъ воспроизводитъ близкое и родственное нашимъ современнымъ чувствованіямъ въ художественныхъ рамкахъ забытаго прошлаго. Новый романъ Марсель Тинэръ написанъ въ духѣ историческихъ повѣстей Анатоля Франса, „La Rôtisserie de la Reine Pedauque", „Les Opinions de Jérome Coignard" и др. Какъ Франсъ переносилъ дѣйствіе въ XVIII-й вѣкъ, чтобы устами улыбающихся аббатовъ того времени, благочестивыхъ, но многогрѣшныхъ, ярче выразить свою скептически примирительную философію жизни, такъ и Марсель Тинэръ избрала провинціальную жизнь XVII вѣка во Франціи, чтобы въ образѣ юноши, увлекающагося пасторальными романами д'Юрфе и Маделэны де Скюдери, изобразить нѣжную душу, жаждущую идеальной любви, презирающую грубую чувственность, живущую мечтами и готовую отдать жизнь за краткій мигъ высшаго счастья. Было бы странно перенести такого юношу-идеалиста въ современную Францію, въ Парижъ нашихъ дней, съ его извращенной культурностью, отразившейся въ изощренномъ эротизмѣ новѣйшихъ французскихъ писателей и въ адюльтерныхъ романахъ Бурже и комп. А между тѣмъ потребность душевнаго очищенія, воскресенія „правъ души" чувствуется и въ извращенномъ Парижѣ,—чувствуется, быть можетъ, сильнѣе, чѣмъ когда-либо, какъ протестъ противъ слишкомъ грубой, удручающей дѣйствительности. Приписывать „идеальныя чувства" теперешнимъ, испорченнымъ растлѣвающей blague'ой, французамъ было бы романтической фальшью,—и потому о такихъ чувствахъ можно говорить теперь только съ улыбкой, какъ о чемъ-то далекомъ, пережитомъ, но, быть можетъ, таящемъ въ себѣ

зерно истины. Вотъ почему авторъ „Vie Amoureuse de François Barbazanges“ избралъ XVII вѣкъ для фабулы своего романа; онъ изобразилъ далекій отъ Парижа провинціальный городъ, гдѣ еще въ концѣ вѣка сохранились переживанія литературныхъ модъ отеля Рамбулье, процвѣтавшія въ Парижѣ въ серединѣ XVII столѣтія, гдѣ чиновныя дамы въ обществѣ галантныхъ аббатовъ и мѣстныхъ beaux esprits упивались чтеніемъ „Астреи“, изученіемъ „pays du Tendre“ и выспренно чувствительной перепиской со своими платоническими воздыхателями, умиравшими отъ любви — только въ письмахъ. Въ этихъ чувствахъ и вкусахъ онѣ воспитывали и своихъ дѣтей, и что̀ можетъ дать такое воспитаніе—показано на примѣрѣ юноши Франсуа Барбазанжа. Духовная атмосфера, окружающая его, проникнута искусственной чувствительностью; пастушескія чувства и галантный любовный пылъ всѣхъ этихъ буржуа и ихъ дамъ—напускные; всѣ они въ душѣ холодны и любятъ только говорить въ салонахъ красивыя — въ тогдашнемъ вкусѣ—слова, очень усердно занимаясь въ остальное время своими мелкими житейскими интересами. Но въ душѣ чистаго, идеально настроеннаго юноши отражается только то, что̀ могло бы быть истиннаго въ этой проповѣди возвышенной духовной жизни, если бы эта проповѣдь была искренна. Вся условность притворной красивости чувствъ не существуетъ для него — онъ ея не замѣчаетъ. Такимъ образомъ исторія идеальнаго юноши разсказана въ томъ тонѣ, который дѣлаетъ ее понятной и близкой современному читателю. Авторъ отдаетъ дань современной трезвости ума и заставляетъ насъ относиться съ улыбкой къ притворной чувствительности провинціальныхъ précieuses и ихъ кавалеровъ, но въ то же время, на фонѣ общей фальши, выступаютъ чувства героя романа, переживающаго въ дѣйствительности то, о чемъ только говорятъ въ салонахъ другіе; его идеализмъ уже не кажется намъ смѣшнымъ, несмотря на нѣкоторую приторность его добродѣтели,—она составляетъ отпечатокъ эпохи,—а увлекаетъ насъ своею нѣжностью и своимъ искреннимъ паѳосомъ. Мы чувствуемъ, что при всей преувеличенности своихъ требованій отъ любви, при всемъ своемъ крайнемъ романтизмѣ, Франсуа Барбазанжъ, недоступный для вульгарныхъ соблазновъ, болѣе правъ, чѣмъ умствующіе современные французы въ своей погонѣ за грубыми или изысканными ощущеніями, которыя волнуютъ нервы и погружаютъ душу въ непробудный сонъ. Чтобы преподать этотъ урокъ, авторъ романа переноситъ насъ въ эпоху вѣры въ гороскопы, въ колдовство, въ разныя чудеса. Этимъ усиливается для насъ нереальность психологіи героя романа; онъ трактуется какъ поэтичная фигура далекаго прошлаго, возможная только въ свое наивное время,—но изъ историческихъ рамокъ на насъ надвигаются чувства близкія и желанныя

намъ; то, что для дѣйствующихъ лицъ романа объясняется вліяніемъ небесныхъ свѣтилъ, чарами колдуновъ, связью дѣйствительности съ вѣщими снами, понимается нами психологически, какъ переживанія чистой, проникнутой высокими желаніями души.

Фонъ, на которомъ вырисовывается жизнь героя, сдѣланъ въ романѣ чрезвычайно художественно; въ немъ изображенъ бытъ всѣхъ слоевъ общества въ маленькомъ французскомъ городѣ Тюлѣ въ концѣ XVII-го вѣка. Живописные бѣдные кварталы съ узкими улицами-лѣстницами, грязные, мрачные дома, гдѣ ютится рабочее населеніе, жизнь лавочниковъ и ремесленниковъ, въ особенности веселыхъ и легкомысленныхъ кружевницъ, затѣмъ жизнь буржуазной среды, фигура доктора, вѣрящаго въ свои первобытныя снадобья и занятаго заботами о своей многочисленной семьѣ, семейная жизнь члена городского совѣта, соединяющаго практичность администратора съ мечтательностью и суевѣріемъ астролога, нравы провинціальнаго литературнаго салона, ученые и галантные аббаты,—все это создаетъ любопытныя, очень живо изображенныя рамки, въ которыхъ развертывается дѣйствіе романа. Среди дѣйствующихъ лицъ попадаются историческія имена, прикрѣпляющія повѣствованіе къ опредѣленной исторической эпохѣ. Мѣстный епископъ, о которомъ много говорится въ романѣ,—извѣстный проповѣдникъ Маскаронъ; крестный отецъ героя, Балюзъ—братъ извѣстнаго въ то время парижскаго ученаго, Этьена Балюза, который тоже появляется въ романѣ; нѣкоторое отношеніе къ событіямъ имѣетъ и знаменитая мадемуазель де-Скюдери, романами которой зачитывается мать героя, передающая свои литературные вкусы и сыну. Самъ герой романа, Франсуа Барбазанжъ, и его семья, конечно—вымышленныя лица, но вполнѣ въ духѣ своего времени. Фабула романа состоитъ въ исторіи жизни юноши Франсуа, который до двадцати лѣтъ живетъ мечтами объ идеальной любви,—а въ двадцать лѣтъ трагически умираетъ, познавъ единый мигъ истиннаго счастья. Его рожденіе составляетъ радостное событіе въ жизни уже сорокалѣтняго совѣтника Барбазанжа, долго ожидавшаго появленія продолжателя своего рода. Въ молодости совѣтникъ Барбазанжъ былъ мечтателемъ, и даже написалъ латинскую оду въ честь Пресвятой Дѣвы, для „Jeux de la Vierge“; потомъ онъ остепенился, сталъ почтеннымъ администраторомъ, занятымъ городскими дѣлами, и очень равнодушно относится къ тому, что происходитъ въ литературномъ салонѣ его жены, мечтательной „жеманницы“, которая, однако, соединяетъ литературные капризы съ большой домовитостью и умѣлыми заботами о мужѣ и семьѣ. Совѣтникъ Барбазанжъ не вполнѣ однако, отдается практической дѣятельности, и увлекается, кромѣ того, изученіемъ звѣздъ. Поэтому, вечеромъ того дня, когда у него рож-

дается сынъ, онъ запирается въ своей обсерваторіи, изучаетъ положеніе небесныхъ свѣтилъ, и ставитъ гороскопъ новорожденному. Гороскопъ этотъ преисполняетъ его душу тревогой. Оказывается, что на жизнь Франсуа будутъ имѣть вліяніе два свѣтила: Венера и Сатурнъ; и изъ ихъ положенія въ день его рожденія отецъ новорожденнаго заключаетъ, что любовь будетъ играть большую роль въ жизни его сына, что онъ будетъ привлекать женскія сердца, но что ему грозитъ гибель отъ любви,—Сатурнъ будетъ становиться на пути Венеры. Онъ записываетъ этотъ гороскопъ въ семейную хронику, заканчивая свою запись молитвой о томъ, чтобы сынъ его выросъ добродѣтельнымъ, благочестивымъ христіаниномъ и не поддавался соблазнамъ.

Франсуа выростаетъ изнѣженнымъ, избалованнымъ семьею ребенкомъ, на котораго съ дѣтства обращены восторженные взгляды всѣхъ окружающихъ. Гороскопъ отца оправдывается очень рано, и Франсуа приходится еще ребенкомъ испытывать неудобство вліянія Венеры; его подруги, дочери мѣстнаго врача, ссорятся изъ-за обладанія его дружбой, и въ этихъ ссорахъ ему же достается среди возникающихъ изъ-за него дракъ. Онъ ростетъ одинокимъ ребенкомъ, избѣгаетъ общества другихъ дѣтей, любитъ только сказки старой няни, и его воображеніе населяетъ весь домъ сказочными существами. Мать тоже развиваетъ въ немъ наклонность къ мечтательности; когда приходитъ пора учить мальчика грамотѣ, она, чтобы пріохотить его къ чтенію, начинаетъ читать съ нимъ знаменитую въ то время „Астрею" д'Юрфе. Мальчикъ увлекается пасторальнымъ романомъ, перестаетъ думать о сказочныхъ чудесахъ и проникается мечтами о возвышенныхъ чувствахъ. Это тѣмъ болѣе удаляетъ его отъ дѣйствительности; поступивъ въ школу, онъ равнодушенъ къ обычнымъ занятіямъ, а также презрительно сторонится общества дѣвочекъ-подростковъ, которыя любятъ дразнить слишкомъ скромнаго мальчика. Отецъ огорченъ отсутствіемъ всякаго мальчишества въ сынѣ, и боится, какъ бы его не испортило слишкомъ изнѣженное воспитаніе. Когда Франсуа подростаетъ, у него является товарищъ, совершенно не похожій на него—въ домѣ родителей Франсуа поселяется молодой Пьеръ Бруссоль, ученикъ мѣстной іезуитской школы, сынъ нотаріуса изъ другого города, здоровый, веселый юноша, воспитывавшійся въ деревнѣ и склонный пользоваться всѣми удовольствіями жизни. Франсуа очень друженъ съ Пьеромъ, но не раздѣляетъ его вкусовъ. То, что̀ Пьеръ разсказываетъ ему о своихъ любовныхъ похожденіяхъ съ краснощекими крестьянками, вселяетъ въ Франсуа только брезгливое чувство. Онъ полонъ мечтаній о какой-то небесной любви, и потому совершенно нечувствителенъ къ пошлымъ соблазнамъ. Напрасно съ нимъ кокет-

ничаетъ задорная кружевница Марго la Chabrette, работающая въ мастерской м-ль Кораденъ,—прямо противъ оконъ Франсуа. Онъ не обращаетъ вниманія ни на ея насмѣшки надъ его скромностью, ни на ея влюбленные взгляды. А между тѣмъ, именно благодаря этой Марго, Франсуа узнаетъ, какова истинная любовь. Въ лицѣ Марго изображена своего рода „дама съ камеліями",—только другой эпохи и другой среды, чѣмъ знаменитая героиня Дюма. Марго выросла въ ужасающей нищетѣ, въ средѣ, гдѣ нѣтъ даже представленія о чистотѣ нравовъ, въ обществѣ безпутныхъ мальчишекъ, и почти ребенкомъ стала вести развратную жизнь. Въ шестнадцать лѣтъ она пользуется самой печальной репутаціей въ городѣ; ее держатъ въ мастерской только потому, что она очень искусная работница. Всѣ знаютъ объ ея связи съ грубымъ пьяницей-мастеровымъ и о томъ, что и помимо его она не отказываетъ въ своей любви и другимъ изъ молодыхъ людей своей среды. Но Марго перерождается подъ вліяніемъ загорѣвшейся въ ней любви къ Франсуа. Онъ безконечно далекъ отъ нея, она даже съ нимъ ни разу не говорила, а только любовалась имъ издали; но онъ возбуждаетъ въ ней невѣдомыя чувства. Когда она попадаетъ въ домъ его матери по порученію своей хозяйки и слышитъ за дверью салона галантные разговоры о любви, ей кажется смѣшнымъ, что люди съ такимъ краснорѣчіемъ разсуждаютъ о томъ, что̀ для нея совершенно обыденно и далеко не возвышенно. Уставши ждать у дверей, она входитъ въ сосѣднюю комнату, изъ которой доносились взволновавшіе ее звуки лютни, и тамъ застаетъ уснувшаго съ лютней въ рукахъ Франсуа. Она долго глядитъ на него, и потомъ неслышно уходитъ, совершенно преображенная, понявъ, что любовь—нѣчто совершенно иное, чѣмъ то, что̀ она знала до сихъ поръ. Она впадаетъ въ глубокую меланхолію, но продолжаетъ жить попрежнему, боясь признаться себѣ самой въ овладѣвшемъ ею чувствѣ. Но тайна ея вскорѣ открывается. За Марго начинаетъ ухаживать изъ каприза товарищъ Франсуа, Пьеръ, и она рада его обществу только потому, что онъ—другъ Франсуа. Но, къ удивленію Пьера, она не сдается на его ухаживанія, чѣмъ еще болѣе разжигаетъ его чувство. Послѣ долгихъ свиданій, только раздражающихъ Пьера, Марго требуетъ, чтобы онъ явился къ ней въ костюмѣ Франсуа, и говоритъ, что тогда она ни въ чемъ ему не откажетъ. Пьеръ исполняетъ ея странный капризъ, съ вѣдома Франсуа, недоумѣвающаго и презирающаго распутную Марго. Но, изъ невольно вырвавшихся у Марго словъ, Пьеръ узнаетъ тайну ея любви, силой одолѣваетъ ея сопротивленіе, а уходя отъ нея, насмѣхается надъ ней и грозитъ выдать ея тайну Франсуа. На слѣдующій день Марго вытаскиваютъ изъ рѣки. Франсуа узнаетъ трогательную исторію ея любви; онъ потрясенъ ею, приходитъ къ уми-

рающей Марго и говоритъ ей, что любитъ ее. Она умираетъ счастливая, и этимъ открываетъ Франсуа величіе истинной любви, для которой и смерть не страшна. Франсуа очень холодно отстранялъ всѣхъ соблазнявшихъ его вульгарныхъ кокетокъ и слыветъ за недоступнаго, холоднаго красавца,—но любовь падшей дѣвушки, преображенной глубокимъ чувствомъ, трогаетъ его сердце, и ея смерть для него—катастрофа. На ея могилѣ онъ думаетъ о ней съ нѣжностью и даетъ обѣтъ любить въ жизни такъ же беззавѣтно и сильно, какъ она. Когда онъ возвращается съ кладбища, въ него попадаетъ камень, брошенный возлюбленнымъ Марго,—и этимъ подтверждается гороскопъ его отца: Сатурнъ становится на пути Венеры. Озабоченный грустью Франсуа послѣ смерти Марго, а также его приключеніемъ съ камнемъ, слегка его ранившимъ, отецъ отправляетъ его и Пьера путешествовать, чтобы обогатиться новыми впечатлѣніями. Онъ, между прочимъ, даетъ ему рекомендацію къ маркизѣ Комбарейль, къ которой онъ долженъ зайти по пути, но въ зàмкѣ маркизы и завершается роковая судьба Франсуа. Тамъ онъ встрѣчаетъ идеальную красавицу, которая ему снилась прежде во снѣ. Его отговариваютъ отъ посѣщенія зàмка, разсказываютъ всякіе ужасы; говорятъ, что молодая женщина, жена полоумнаго сына маркизы, околдована отвергнутымъ ею чародѣемъ барономъ, и что всякій, кто полюбитъ ее и добьется ея взаимности,—осужденъ на гибель. Всѣ эти чары, конечно, существуютъ только въ воображеніи суевѣрныхъ крестьянъ,—въ дѣйствительности же отвергнутый женихъ прекрасной Ипполиты—только очень мстительный и ревнивый человѣкъ. Встрѣтивъ Франсуа, отправляющагося въ зàмокъ, онъ убѣждаетъ его не идти туда. Но Франсуа не боится опасностей и идетъ на встрѣчу любви и гибели. Онъ и Ипполита понимаютъ другъ друга безъ словъ,—и ночью, когда Франсуа остается одинъ въ отведенной ему комнатѣ, къ нему, при свѣтѣ луны, является—можетъ быть во снѣ, а можетъ быть въ дѣйствительности—та, которую онъ сразу полюбилъ, и счастье, о которомъ онъ мечталъ всю жизнь, осуществляется. На возвратномъ пути изъ зàмка, когда онъ едва успѣваетъ разсказать своему другу о случившемся, изъ-за деревьевъ раздается выстрѣлъ, и Франсуа падаетъ мертвымъ. Сатурнъ пресѣкъ путь Венерѣ, и хотя Франсуа возвращается въ зàмокъ Ипполиты, какъ онъ ей свято обѣщалъ,—но уже мертвымъ. Туда приносятъ его трупъ.

На этомъ заканчивается трагическая исторія любви Франсуа Барбазанжа,—исторія неустаннаго преслѣдованія идеала, достиженіе котораго даетъ мигъ счастья—и смерть. Красота этой жизни передана въ романѣ съ большой красотой и истиннымъ паѳосомъ.—З. В.

ЗАМѢТКА.

По вопросу объ упрощеніи русскаго правописанія *).

Въ засѣданіи орѳографической коммисіи, академикъ Ф. Ф. Фортунатовъ представилъ отъ имени II-го Отдѣленія Академіи Наукъ докладъ объ упрощеніи русскаго правописанія; изъ этого доклада видно, что Отдѣленіе, повидимому, весьма широко понимаетъ въ данномъ случаѣ терминъ: „упрощеніе", подводя подъ него не только детальныя поправки въ существующемъ правописаніи, но и измѣненія въ самой его системѣ. Дѣйствительно, оно допускаетъ возможность устраненія изъ нашей азбуки цѣлаго ряда буквъ, притомъ не только второстепенныхъ, какъ *ѳ*, *і*, но и основныхъ, характерныхъ для нашей традиціонной графики, какъ *ъ*, *ѣ*... Легко видѣть, что, при устраненіи послѣднихъ, наше правописаніе значительно передвинулось бы отъ системы исторической къ фонетической.

Между тѣмъ и опытъ другихъ народовъ, и прямая очевидность убѣждаютъ, что подобныя радикальныя реформы не всегда бываютъ осуществимы. Въ жизни литературныхъ языковъ, особенно большихъ и вѣковыхъ, письменность слишкомъ тѣсно сливается со строемъ и составомъ даннаго языка, чтобы возможно было въ любой историческій моментъ разобщить ихъ, не задѣвая при этомъ ни грамматики, ни лексикона, ни разнообразныхъ культурныхъ соотношеній языка въ средѣ прочихъ факторовъ народной образованности.

Вотъ почему мы и видимъ въ исторіи всѣхъ образованныхъ языковъ чрезвычайную устойчивость системъ графики, нерѣдко переживающихъ самый языкъ, какъ это случилось съ греческимъ и латинскимъ языками. То же наблюдается въ письменности большихъ языковъ современнаго Запада, особенно французскаго, англійскаго и нѣмецкаго; ихъ орѳографическая традиція не подвергалась рѣзкимъ измѣненіямъ на протяженіи длиннаго ряда вѣковъ.

И у славянъ имѣются вѣковыя орѳографическія системы: напр., чешская и польская восходятъ къ началу XV в. Если онѣ и измѣнялись за это время нѣсколько, то скорѣе процессомъ медленнаго, такъ сказать, вывѣтриванія формъ, чѣмъ радикальною реформою, въ родѣ той, какая, повидимому, замышляется нынѣ.

*) Мнѣніе, высказанное авторомъ въ засѣданіи орѳографической коммиссіи при II-мъ Отдѣленіи Академіи Наукъ, 12 апрѣля 1904 г.

Нѣкоторое исключенiе въ этомъ отношенiи представляетъ у славянъ письменность сербская, а на Западѣ—испанская и отчасти итальянская, допустившiя въ началѣ XVIII в. довольно существенное передвиженiе отъ ороографiи исторической къ фонетической. Но это совпало съ новымъ перiодомъ исторiи у помянутыхъ народностей, послѣ кризисовъ, пережитыхъ ими въ предшествовавшую эпоху.

У насъ возможно было говорить о подобномъ кризисѣ и началѣ новой эпохи не позже начала XVIII вѣка. Но тогда, впрочемъ, и произведено было Петромъ Великимъ нѣкоторое измѣненiе въ системѣ графики, а Ломоносовымъ—въ ороографiи, причемъ, однако, у насъ весьма бережно относились къ литературной традицiи, восходящей ко временамъ Кирилло-Меоодiевскимъ. Подъ перомъ Ломоносова сохранилась прежняя историческая система нашего правописанiя, приблизительно въ томъ видѣ, какъ она была установлена въ русской редакцiи церковно-славянскихъ книгъ. Этимъ обезпечена была связь новорусской письменности не только съ прежними ея перiодами, но и съ языкомъ нашей церкви, необходимость изученiя котораго такъ настойчиво внушалъ Ломоносовъ въ рѣчи: „О пользѣ церковныхъ книгъ“.

Тотъ же эволюцiонный характеръ носятъ и позднѣйшiя измѣненiя нашей ороографiи, главными дѣятелями которыхъ явились наши поэты, беллетристы, публицисты, и за ними, на второмъ планѣ,—грамматисты и лексикографы.

Возникали, правда, и у насъ изрѣдка проекты болѣе радикальнаго измѣненiя нашей графики и ороографiи, во имя то теорiи, то практики, напр., въ статьяхъ Тредьяковскаго, Кадинскаго, Кеневича. Но они не могли осилить здраваго консерватизма жизни русскаго языка и мощнаго размаха нашей литературы, по ея исконной исторической орбитѣ.

Если же все это было такъ, то какое основанiе для радикальнаго измѣненiя нашей ороографiи можетъ быть приведено нынѣ, когда наша литература не стоитъ уже ни въ началѣ своего развитiя, ни въ моментѣ какого-нибудь кризиса, который бы оправдывалъ подобную реформу? Можно смѣло утверждать, что въ настоящее время никакому авторитету не удастся задержать маховое колесо русской письменности, чтобы дать ей другое, упростительное направленiе. Французская Академiя Наукъ возникла уже очень давно и является учрежденiемъ вполнѣ нацiональнымъ; однако, и тамъ никому не приходило на мысль устанавливать для французской письменности новыя правила или системы. Она ограничивалась регистрированiемъ или сводомъ въ своихъ грамматикахъ и лексиконахъ того, что̀ развито жизнью, выработано писателями и принято обычаемъ. Подобными за-

дачами должна была бы, кажется, ограничиться и наша коммиссія, вмѣсто того, чтобы браться за непосильную задачу—проложить новое ложе для безбрежнаго моря русской литературы, хотя бы въ одномъ лишь орѳографическомъ отношеніи.

Но еще болѣе несбыточною представляется надежда совершить это руками школьниковъ. Прежде всего мы считаемъ крайне спорнымъ самое право производить въ школѣ эксперименты подобнаго рода. Школа учреждается не для провѣрки тѣхъ или иныхъ научно-педагогическихъ гипотезъ и проектовъ, а для воспитанія и образованія молодежи путемъ преподаванія ей опредѣленныхъ наукъ или искусствъ, достаточно уже разработанныхъ, провѣренныхъ на опытѣ и имѣющихъ отношеніе къ цѣлямъ общечеловѣческаго и народнаго развитія. Въ частности, на нашу школу ложится и обязанность ознакомить учениковъ съ русскимъ языкомъ и письмомъ, въ отношеніяхъ теоретическомъ и практическомъ. Нужды нѣтъ, что при этомъ могутъ встрѣтиться трудности, между прочимъ и орѳографическія: если такія трудности, о какихъ наша орѳографія не имѣетъ и понятія, побѣждаются въ нѣмецкой, французской, англійской, даже китайской, то почему бы эта задача была не по силамъ школѣ русской? Вѣдь и въ другихъ наукахъ есть свои трудности; однако никому не пришло еще въ голову для облегченія, напр., географіи уничтожить нѣсколько рѣкъ, или въ астрономіи—нѣсколько созвѣздій, а въ химіи—нѣсколько элементовъ...

Въ случаѣ необходимости, можно и въ грамматикѣ ограничить размѣръ требованій, положимъ, по орѳографіи; но заставлять людей образованныхъ писать безграмотно, въ интересѣ недоучекъ,—значило бы сбиваться въ какое-то, своего рода, декадентство, измѣняя стилю строгому, академическому.

Чтобы оцѣнить всю несообразность замѣны нашей нынѣшней Ломоносовской системы орѳографіи какою-нибудь новою, стòитъ лишь представить себѣ положеніе будущаго учителя-реформатора, когда онъ придетъ въ классъ, положимъ, съ сочиненіями Пушкина, грамматикой Востокова, словаремъ Академіи Наукъ въ одной рукѣ, и проектомъ новаго правописанія — въ другой, и скажетъ ученикамъ: „вы должны теперь забыть и Ломоносова, и Пушкина, и Востокова и всю русскую литературу, а держаться и въ школѣ, и въ жизни вотъ этого проекта".

Во всякомъ случаѣ, не педагогично дѣлать школьниковъ тараномъ для пробиванія бреши въ системѣ общепринятыхъ формъ письменности.

Если должна была бы совершиться подобная реформа, то пусть это совершится согласно съ предложеніемъ академика Фортунатова,

а именно, чтобы носителями ея были члены настоящей коммиссіи, а за ними ихъ послѣдователи и продолжатели. Еслибы имъ удалось въ своихъ сочиненіяхъ ввести эту систему въ практику письменности и установить ее на мѣстѣ традиціонной системы, такъ что возникла бы со временемъ цѣлая новая литература, которая затмила бы собою литературу Пушкинскую, то тогда, и только тогда, могла бы зайти рѣчь о допущеніи новой системы въ школѣ.

Всякій же другой способъ навязыванія новой системы школѣ былъ бы актомъ ничѣмъ не оправдываемаго насилія, не имѣющимъ для себя прецедентовъ въ исторіи образованныхъ странъ, за изъятіемъ развѣ Австріи, которая недавно административнымъ актомъ замѣнила въ червонорусскихъ школахъ орѳографію историческую—фонетическою. Но она руководилась при этомъ соображеніями не научными и не педагогическими. Во всѣхъ же прочихъ странахъ, въ дѣлахъ этого рода, всегда держались здраваго принципа: quieta non movere [1]).

А. С. Будиловичъ.

12 апрѣля 1904.

---

[1]) Раздѣляемъ вполнѣ мнѣніе почтеннаго профессора, а именно, что настоящій проектируемый въ школахъ experimentum in anima vili—былъ бы, можетъ быть, и хорошъ, еслибы не опоздалъ лѣтъ на полтораста или на двѣсти: лучшая и самая правильная орѳографія въ нашу эпоху—та, на которой написаны произведенія нашихъ классиковъ, начиная съ Пушкина и кончая гр. Л. Н. Толстымъ. Впрочемъ, въ этой области вообще невозможны никакія перемѣны или отмѣны по какой бы то ни было командѣ, а частичныя измѣненія въ орѳографіи у насъ совершались и до настоящаго времени, и впредь будутъ совершаться, не ожидая никакихъ постановленій или предписаній, а потому мы остаемся при убѣжденіи, что рѣшеніе, къ какому бы ни пришла субкоммиссія по вопросамъ орѳографіи, не составляетъ еще мнѣнія Академіи Наукъ, для которой работа субкоммиссіи будетъ имѣть значеніе, мы полагаемъ, не болѣе, какъ матеріала, на ряду съ тѣмъ, что̀ будетъ въ это же время высказано и въ печати; конечно, и это мнѣніе никакъ не можетъ имѣть характера обязательности. Кто близко знакомъ съ класснымъ обученіемъ въ начальной школѣ, тотъ хорошо знаетъ, что вовсе не буква *ѣ* составляетъ при этомъ затрудненіе—она усвоивается преимущественно зрительнымъ путемъ, путемъ чтенія; болѣе затруднительно — объяснять въ этомъ возрастѣ учащемуся необходимость въ словѣ выговаривать, напримѣръ, *в*, а писать *г* (второво—второго), или: *а*, а писать о (каторый—который); въ письмѣ учащихся *ѣ* подаетъ поводъ къ небольшому проценту ошибокъ, и въ начальныхъ училищахъ, въ глазахъ сколько-нибудь разумныхъ педагоговъ, вовсе не имѣетъ рѣшающаго значенія для оцѣнки успѣховъ учащихся.—*Ред.*

НУЖНЫ ЛИ ЭКЗАМЕНЫ ВЪ НАЧАЛЬНЫХЪ УЧИЛИЩАХЪ?

Недавно состоялось весьма важное постановленіе столичнаго городского Училищнаго Совѣта, вполнѣ одобренное и здѣшнимъ Губернскимъ Училищнымъ Совѣтомъ. Принимая во вниманіе предметы учебнаго курса въ начальныхъ училищахъ (чтеніе, письмо, счетъ и краткій катихизисъ, съ свящ. исторіей), а также весьма ранній возрастъ обучающихся въ нихъ (отъ 7½ до 11—12 л.), городской Училищный Совѣтъ отмѣнилъ оффиціальное производство такъ-называемыхъ „выпускныхъ" экзаменовъ, предоставивъ попечителямъ училищъ [1]) выдавать учившимся удостовѣренія въ томъ, что они обучались съ успѣхомъ;—при этомъ они могутъ основываться на полученныхъ ими годовыхъ отмѣткахъ, съ правомъ повѣрять эти отмѣтки, преимущественно письменнымъ способомъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда представится то необходимымъ.

До послѣдняго времени, обыкновенно май мѣсяцъ въ начальныхъ училищахъ терялся собственно для ученія дѣтей, да и все послѣднее полугодіе учащими посвящалось преимущественно подготовленію старшихъ къ экзамену, причемъ среднее и младшее отдѣленія, естественно, оставались въ тѣни; на экзаменѣ же приходилось убѣждаться въ томъ, въ чемъ и учащій, и попечитель, и законоучитель, были убѣждены, зная очень хорошо, безъ всякаго экзамена, успѣхи каждаго изъ дѣтей. „Положеніе о начальныхъ училищахъ 1874 года" вовсе и не упоминаетъ потому ни о какихъ выпускныхъ экзаменахъ въ начальныхъ училищахъ. Но такъ какъ успѣшное обученіе въ нихъ вышеупомянутымъ предметамъ даетъ право на льготу по отбыванію воинской повинности исключительно однимъ мальчикамъ, достигшимъ 11-лѣтняго возраста, то потому для желающихъ получить такую льготу открываются публичные экзамены въ маѣ и въ сентябрѣ при городскомъ Училищномъ Совѣтѣ; вмѣстѣ съ малолѣтними экзаменуются тогда и взрослые: въ маѣ—обучавшіеся въ воскресныхъ школахъ, а въ сентябрѣ—всѣ тѣ изъ дѣтей и взрослыхъ, которые не могли почему-либо держать экзаменъ въ маѣ. Эти экзамены съ ихъ спеціальною цѣлью, вовсе не преслѣдуемою начальными училищами, никакъ не могутъ быть названы выпускными въ томъ смыслѣ, въ какомъ называются такіе экзамены въ среднихъ и высшихъ школахъ, а потому для тѣхъ учащихся въ

[1]) Попечители начальныхъ училищъ состоятъ членами городскихъ Училищныхъ Совѣтовъ по дѣламъ своихъ училищъ. Ст. 13 Полож. о начальн. учил. 1874 года.

начальныхъ училищахъ, которые не имѣютъ надобности въ льготѣ по отбыванію воинской повинности, нѣтъ надобности и въ экзаменахъ.

Одновременно съ тѣмъ постановленіемъ городского Училищнаго Совѣта, въ послѣдней книжкѣ „Журнала Мин. народнаго просвѣщенія“ (апрѣль, стр. 62—68) появилась небольшая статья г. В. Латышева, на которую можно было бы не обращать вниманія, еслибы она была помѣщена не въ оффиціальномъ органѣ. Статья носитъ заглавіе: „Экзамены въ начальной школѣ“.

„Въ начальныхъ школахъ экзаменъ — увѣряетъ г. Латышевъ— торжественное событіе, почти праздникъ, котораго съ нетерпѣніемъ ожидаютъ; ученики бываютъ искренно огорчены и недовольны, если ихъ мало спрашиваютъ, недовольны бываютъ и учащіе“; можно подумать, что авторъ, говоря такъ, пародируетъ извѣстное изреченіе у нашего сатирика М. Е. Салтыкова: „карась любитъ, чтобы его жарили въ сметанѣ“. Главная польза отъ экзаменовъ въ начальныхъ училищахъ, по мнѣнію г. Латышева, состоитъ въ томъ, что „только на экзаменѣ учащіе встрѣчаются со своимъ начальствомъ; у инспекторовъ въ районахъ такъ много школъ, что при короткомъ учебномъ годѣ (25 учебн. недѣль) они не успѣваютъ и по одному разу побывать въ каждой школѣ (очень печальное для „начальства“ признаніе!!)... Объ успѣхахъ школы всѣ судятъ по большей части по экзамену. При такихъ условіяхъ экзаменъ, понятно, долженъ *волновать* учащихъ“... Авторъ, повидимому, и забылъ, что, по его же увѣренію, учащіе недовольны, если экзаменаторъ мало спрашиваетъ. „Во всякомъ случаѣ, экзамены въ начальной школѣ,—продолжаетъ авторъ, не дѣлая различія между сельскими и городскими школами,—составляютъ наиболѣе доступную и потому самую важную форму контроля за ходомъ собственно учебнаго дѣла; а во всякомъ дѣлѣ контроль—гигіена (?!) дѣла“... И вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ тутъ же признаётъ, что эта „гигіена“ можетъ быть хуже всякой заразы: „экзамены могутъ—заявляетъ онъ же—тяжело ложиться какъ на школу, такъ и на учащихъ—въ зависимости отъ экзаменаторовъ“, къ числу которыхъ необходимо отнести не только попечителя школы, но также и инспекторовъ, а иногда и директоровъ народныхъ училищъ. Какимъ же образомъ исправить эту бѣду: съ одной стороны, экзаменъ въ начальныхъ училищахъ необходимъ, потому что, по выраженію автора, онъ служитъ какою-то „гигіеною“ школьнаго дѣла, а съ другой—онъ „тяжело ложится на школу“? По мнѣнію г. Латышева, можно выйти изъ такого затруднительнаго положенія, соблюдая въ точности § 14 правилъ: „Экзаменъ ведутъ учащіе, а не предсѣдатель“. Зачѣмъ же тогда этотъ предсѣдатель, осужденный на молчаніе? — г. Латышевъ оставляетъ этотъ вопросъ безъ отвѣта, но мы понимаемъ, почему онъ рекомендуетъ предсѣдателю молчаніе: г-ну

Латышеву будто извѣстно, что „члены училищныхъ совѣтовъ (предсѣдательствующіе на экзаменахъ на льготу) обыкновенно даже мало знакомы со школьнымъ дѣломъ, заняты другими своими дѣлами и по бо́льшей части въ школахъ только и бываютъ на экзаменахъ". Такимъ образомъ, по словамъ того же г. Латышева выходитъ, что экзаменъ въ начальныхъ школахъ едва ли окажется, во множествѣ случаевъ, „гигіеною" школьнаго дѣла,—наоборотъ. Впрочемъ, г. Латышеву уже не въ первый разъ приходится выражать крайне оригинальныя, чтобъ не сказать хуже, мысли по вопросамъ начальнаго обученія. Лѣтъ семь, восемь тому назадъ, когда городская Дума рѣшила приступить къ постройкѣ домовъ для помѣщенія въ нихъ училищъ съ соединенными классами, на 600 и до 1.000 учащихся, этотъ же самый г. Латышевъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы помѣшать этому дѣлу; пользуясь оффиціальнымъ званіемъ директора училищъ, онъ разсчитывалъ тогда повредить доброму начинанію; но педагогическій авторитетъ его, къ счастью для начальной школы, оказался слишкомъ ничтожнымъ для того; надобно думать, что и новая экскурсія г. Латышева въ область педагогіи окажется не болѣе удачною.—М. М.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 мая 1904.

Противоположность общественныхъ теченій.—Дворянство и земство въ борьбѣ съ послѣдствіями войны.—Инцидентъ въ московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства.—Крупицы правды, находимыя въ кучахъ неправды.—Своеобразная проповѣдь строгости.—Спорный вопросъ.—А. И. Поповицкій и Е. А. Осиповъ †.

Никогда, кажется, глубокая противоположность между теченіями, существующими въ русскомъ обществѣ, не проявлялась такъ ярко, какъ въ послѣднее время. Съ одной стороны усиливается жажда самостоятельности, свободы въ критикѣ и въ дѣйствіи; съ другой стороны, растетъ враждебное отношеніе ко всякому порыву, ко всякой попыткѣ идти своимъ путемъ, говорить не по шаблону. Что̀ можетъ, повидимому, быть законнѣе желанія бороться съ послѣдствіями войны не только матеріальными пожертвованіями, но и личнымъ трудомъ? Когда жертвователемъ является учрежденіе, что̀ можетъ быть естественнѣе участія его, черезъ своихъ представителей, въ устройствѣ помощи больнымъ, раненымъ, семействамъ убитыхъ? Кому или чему можетъ повредить общая работа на общее дѣло? Чѣмъ больше работниковъ, тѣмъ крупнѣе могутъ быть результаты; чѣмъ правильнѣе раздѣлены исполненіе и контроль, тѣмъ менѣе вѣроятны злоупотребленія и ошибки. Да, все это безспорно для непредубѣжденнаго взгляда—но этого не хотятъ знать добровольцы литературной полиціи, всюду вносящіе ядъ подозрѣнія и недовѣрія. Одной изъ самыхъ постыдныхъ страницъ въ исторіи нашей „охранительной" печати останется травля, поднятая ею по поводу „обособленныхъ" организацій, общедворянской и общеземской. Въ передовыхъ статьяхъ „Московскихъ Вѣдомостей", въ „Дневникахъ" „Гражданина" полился на нихъ цѣлый дождь прямыхъ и косвенныхъ обвиненій. Пущены были въ ходъ такія словечки, какъ „земскій соборикъ", „всеземщина", „земскія мистеріи"; сочинена была цѣлая программа, исполненіемъ которой задались, будто бы, иниціаторы общеземскаго дѣла; не было пощажено даже дворянство, насколько оно пошло необычной дорогой. Рядомъ съ инсинуаціями попадались доводы дѣлового или, лучше сказать, мнимо-дѣлового свойства; но и они носили на себѣ печать предвзятой мысли, проводимой съ полнѣйшимъ пренебреженіемъ къ истинѣ. Приведемъ этому одинъ примѣръ, достаточно характерный. Исполнительный о̀рганъ общей земской организаціи, какъ сказано въ его отчетѣ, „командируетъ на мѣста уполномоченныхъ, въ помощь

которымъ земства, сохраняющія свою индивидуальность, избираютъ уполномоченныхъ для завѣдыванія открытыми ими учрежденіями. *Уполномоченные земства имѣютъ непосредственныя сношенія съ уполномоченными Краснаго Креста*". Совершенно ясно, что подчеркнутыя нами слова относятся одинаково ко *всѣмъ* земскимъ уполномоченнымъ, т.-е. какъ къ представителямъ центральной организаціи, такъ и къ представителямъ „земствъ, сохраняющихъ свою индивидуальность"; между тѣмъ „Московскія Вѣдомости" (№ 94) выводятъ изъ нихъ прямо противоположное заключеніе, утверждая, что послѣдніе будутъ имѣть возможность сноситься съ Краснымъ Крестомъ не иначе, какъ черезъ посредство первыхъ!

Что общеземская организація вовсе не претендуетъ на единовластіе, вовсе не имѣетъ въ виду замѣнить собою отдѣльныя земства—это видно изъ приведенной нами цитаты, предусматривающей возможность „сохраненія индивидуальности" земствъ, примкнувшихъ къ организаціи. И такихъ земствъ, повидимому, не мало. Къ ихъ числу принадлежитъ, напримѣръ, воронежское губ. земство. Коммиссія, выбранная чрезвычайнымъ губернскимъ земскимъ собраніемъ, рѣшила сформировать два этапно-врачебныхъ отряда, по 25 кроватей въ каждомъ; личный составъ отрядовъ (по два врача, по двѣ фельдшерицы, по четыре сестры милосердія и по семи санитаровъ) избирается коммиссіей; она же назначаетъ и уполномоченнаго, стоящаго во главѣ отряда (въ первомъ отрядѣ, который будетъ готовъ къ 5-му мая, это званіе предоставлено мѣстной землевладѣлицѣ А. Н. Антаевой, сопровождавшей, въ 1890 г., партію переселенцевъ воронежской губерніи). При губернской управѣ устраивается складъ вещей, необходимыхъ для отрядовъ. Самостоятельностью своею, такимъ образомъ, воронежское губернское земство не поступилось нисколько—но это не помѣшало двумъ его представителямъ (предсѣдателю и члену губернской управы) принять участіе въ московскихъ совѣщаніяхъ. Болѣе разумнаго, болѣе практичнаго способа дѣйствій нельзя себѣ и представить: онъ совмѣщаетъ въ себѣ, насколько это возможно, удобства самостоятельности съ выгодами добровольнаго единенія. „Сохраняя свою индивидуальность", каждое земство можетъ, притомъ, употребить часть собранныхъ имъ средствъ на какое-нибудь особое, мѣстное дѣло. С.-петербургское губернское земство, напримѣръ, присоединилось къ общеземской организаціи, со взносомъ въ пятьдесятъ тысячъ рублей, но ассигновало еще раньше сто тысячъ рублей на обезпеченіе семействъ воиновъ (преимущественно—уроженцевъ с.-петербургской губерніи). Аналогичныя ассигновки сдѣланы и многими другими земствами. Общеземская организація отнюдь не исключаетъ образованія мѣстныхъ земскихъ санаторій, больницъ и другихъ по-

добныхъ учрежденій—или использованія ихъ, если они уже существуютъ,—для пострадавшихъ на войнѣ. На цѣлесообразность этого вида помощи, подчеркнутую нами, мѣсяцъ тому назадъ, по поводу постановленія московскаго уѣзднаго земства, указываетъ съ большою убѣдительностью земскій гласный таврической губерніи В. К. Винбергъ, въ открытомъ письмѣ, напечатанномъ въ № 93 „Русскихъ Вѣдомостей". Повторяемъ еще разъ: чѣмъ меньше города и земства будутъ стѣснены въ выборѣ формъ и средствъ помощи, тѣмъ лучше можетъ быть поставлено дѣло первостепенной важности, одинаково дорогое для отдѣльныхъ лицъ и для общественныхъ учрежденій... Злобнымъ навѣтамъ реакціонныхъ газетъ, старающихся заподозрить и затормазить общественную самодѣятельность, можно, къ счастью, противопоставить такой фактъ, какъ только-что появившаяся въ печати депеша генерала Куропаткина на имя московскаго губернскаго предводителя дворянства (стоящаго во главѣ общедворянской организаціи). „Придаю особенное значеніе"—говоритъ командующій маньчжурской арміей—„помощи общественными организаціями въ расквартировкѣ больныхъ и раненыхъ изъ передовыхъ линій въ тылу арміи. Прошу разрѣшить дворянскимъ уполномоченнымъ осуществить эти мѣропріятія". Въ виду этой телеграммы, дворянская исполнительная коммиссія разрѣшила уполномоченнымъ дворянства на Дальнемъ Востокѣ закупку на мѣстахъ лошадей для перевозки больныхъ и раненыхъ.

Отъ систематическихъ перетолкованій только одинъ шагъ до сочинительства — и этотъ шагъ, безъ всякихъ колебаній, сдѣланъ „Гражданиномъ". Въ „Дневникахъ" кн. Мещерскаго два раза было повторено категорическое утвержденіе, что въ одинъ изъ санитарныхъ дворянскихъ отрядовъ была принята сестрою милосердія, вопреки уставу Краснаго Креста, еврейка, послѣ чего всѣмъ сестрамъ отряда было приказано снять свое форменное одѣяніе, съ имѣющимся на немъ знакомъ Краснаго Креста. Въ № 29 „Гражданина" появилось опроверженіе предсѣдателя исполнительной коммиссіи дворянскаго отряда, кн. Трубецкого (московскаго губ. предводителя дворянства), удостовѣрившее, что всѣ безъ исключенія члены отряда обязаны носить знакъ Краснаго Креста, что никакого распоряженія, несогласнаго съ этимъ правиломъ, дѣлаемо не было, и что списки лицъ, входящихъ въ составъ отряда, утверждаются главною исполнительною коммиссіею Краснаго Креста; „если, посему, кто-либо былъ включенъ въ списки несогласно съ дѣйствующимъ уставомъ Краснаго Креста, то такое лицо не подлежало бы утвержденію и не могло бы отправиться на Дальній Востокъ". Напечатавъ это опроверженіе— къ чему онъ былъ обязанъ за силою цензурнаго устава,—редакторъ „Гражданина" прибавилъ къ нему слѣдующее замѣчаніе: „Итакъ, не

только опровергнуть слухъ [1]), но *фактъ сталъ невозможенъ*. Чего же лучшаго желать"? Вмѣсто сознанія въ неосторожномъ, по меньшей мѣрѣ, отступленіи отъ истины, получалась, такимъ образомъ, новая инсинуація: довольно ясно указывалось на то, что фактъ былъ близокъ къ осуществленію и не получилъ его лишь благодаря бдительности доблестнаго „гражданина". Этимъ, однако, кн. Мещерскій не удовольствовался: въ слѣдующемъ (30-мъ) № „Гражданина" онъ старается доказать, что опровержение въ части, относящейся къ еврейкѣ, „изъ-за которой сыръ-боръ загорѣлся", ничего, въ сущности, не опровергаетъ; видно только, что еврейки нѣтъ въ составѣ отряда, а почему—это остается неизвѣстнымъ. Намъ кажется, что центръ тяжести вопроса вовсе не тамъ, куда теперь пытается перенести его кн. Мещерскій. Если въ дворянскій отрядъ и предполагалось принять еврейку, чему помѣшало лишь veto Краснаго Креста, то въ этомъ нѣтъ рѣшительно ничего компрометирующаго управленіе дворянскимъ отрядомъ: оно могло находить, что участіе въ добромъ дѣлѣ должно быть открыто для лицъ всѣхъ исповѣданій—а Красный Крестъ, основываясь на своемъ уставѣ, могъ придти къ противоположному заключенію. Болѣе чѣмъ страннымъ было бы только распоряженіе, изъ-за одного лица измѣняющее традиціонную, всѣми уважаемую форму—и именно на это распоряженіе и ополчился съ особеннымъ жаромъ „Гражданинъ", признающій теперь, что оно вовсе не существовало. Полнѣйшая его невѣроятность была очевидна съ самаго начала. Знакъ Краснаго Креста, какъ символъ благоволенія и мира, выставляется и на японскихъ лазаретахъ; его безъ всякихъ неудобствъ и затрудненій могла бы носить еврейка, посвятившая себя дѣлу ухода за ранеными и больными... Невольно возникаетъ предположеніе, что въ основаніи шума, буквально изъ ничего поднятаго „Гражданиномъ", лежалъ разсчетъ на старое правило: calomniez, calomniez, il en restera toujours quelque chose.

Мишенью для отравленныхъ стрѣлъ, всегда имѣющихся на готовѣ въ нѣкоторыхъ газетныхъ колчанахъ, служатъ не только учрежденія, но и лица. Въ особенномъ изобиліи онѣ сыплются на „земскаго мистагога", „мистагога-мистификатора", „лидера прогрессивнаго земства", „президента всеземской лиги"—Д. Н. Шипова. Не меньше ненавистенъ нашимъ обскурантамъ и М. А. Стаховичъ, отправляющійся на театръ военныхъ дѣйствій въ качествѣ одного изъ представителей общедворянской организаціи. Противъ него предпринимается новый походъ, нескрываемой цѣлью котораго служитъ удаленіе г. Стаховича

[1]) На самомъ дѣлѣ, какъ мы видѣли выше, въ прежнихъ „Дневникахъ" кн. Мещерскаго говорилось не о *слухѣ*, а о несомнѣнно совершившемся событіи.

отъ занимаемой имъ должности (орловскаго губернскаго предводителя дворянства). Въ одномъ изъ русскихъ заграничныхъ журналовъ появилась недавно статья г. Стаховича, съ оговоркой редактора, что она печатается *безъ согласія автора*. Кн. Мещерскій отказывается вѣрить этой оговоркѣ и пишетъ цѣлый обвинительный актъ, смѣло утверждая, что статья напечатана въ „Освобожденіи“ съ вѣдома и по желанію г. Стаховича, являющагося, такимъ образомъ, сотрудникомъ революціоннаго изданія и участникомъ допущеннаго его редакціею обмана. Отступая, на этотъ разъ, отъ принятаго имъ обычая отвѣчать на выходки „Гражданина“ только молчаливымъ презрѣніемъ, г. Стаховичъ—какъ видно изъ напечатаннаго имъ письма—намѣренъ возбудить противъ кн. Мещерскаго судебное преслѣдованіе за клевету. Кн. Мещерскому это кажется страннымъ: г. Стаховичу, по его мнѣнію, стоило бы только дать „слово дворянина“, что онъ статью въ „Освобожденіе“ ни лично, ни черезъ другого не посылалъ—и кн. Мещерскій напечаталъ бы это опроверженіе, съ сознаніемъ въ своей ошибкѣ. Редакторъ „Гражданина“ не хочетъ или не можетъ понять, что обращаться къ нему съ какими бы то ни было объясненіями г. Стаховичу не позволяло чувство собственнаго достоинства. Утверждая, что г. Стаховичъ „не опровергаетъ факта сообщенія имъ статьи въ „Освобожденіе“, кн. Мещерскій не хочетъ или не можетъ понять, что такимъ опроверженіемъ является самое обращеніе г. Стаховича къ суду: вѣдь дѣяніемъ несогласнымъ съ правилами чести, ложное обвиненіе въ которомъ на юридическомъ языкѣ именуется клеветою, можетъ быть, въ настоящемъ случаѣ, не что иное, какъ именно сокрытіе г. Стаховичемъ согласія, даннаго имъ, будто бы, на напечатаніе статьи въ „Освобожденіи“ [1]).

Намъ могутъ замѣтить, что не стоитъ останавливаться такъ долго на выходкахъ газеты, умственное и нравственное убожество которой

---

[1]) Какимъ образомъ статья г. Стаховича могла попасть, помимо его воли и безъ его вѣдома, въ редакцію „Освобожденія“—это объяснено вполнѣ удовлетворительно г. А. С—нымъ, въ № 95 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“. Мы узнаемъ изъ его словъ, что статья была предложена сначала редакціи этой газеты, отказавшейся напечатать ее „не страха ради цензуры, а потому, что въ концѣ статьи были нападки слишкомъ частнаго, можетъ быть личнаго свойства, на орловскую администрацію. Не желая измѣнять этихъ мѣстъ и нѣсколькихъ общихъ разсужденій, г. Стаховичъ передалъ статью редакціи „Права“, которая ее сначала напечатала, но потомъ получила запрещеніе публиковать нумеръ, вѣроятно въ виду именно этихъ нападокъ. Если принять въ соображеніе, что по рукамъ ходили и списки этой статьи, и нѣсколько пробныхъ нумеровъ „Права“, которыхъ редакція не успѣла задержать, то гдѣ же гарантія, что списокъ не могъ попасть въ руки редактора „Освобожденія“, который всегда пользуется подобными матеріалами, пересылаемыми ему добровольными корреспондентами“?

слишкомъ хорошо извѣстно. Мы отвѣтили бы на это, что видимъ въ „Гражданинѣ", какъ и въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", отраженіе широко распространенныхъ и далеко не безсильныхъ взглядовъ, задерживающихъ и извращающихъ общественное развитіе. Съ особенною ясностью ихъ вліяніе обнаруживается въ личныхъ вопросахъ. Подобно тому, какъ капли, непрерывно падая одна за другою, пробиваютъ камень, постоянно повторяемые навѣты сѣютъ предубѣжденіе и недовѣріе, грозя закрыть для тѣхъ, противъ кого они направлены, безъ того уже нелегкій у насъ доступъ къ общественной дѣятельности. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить, какія имена, въ послѣднее время, встрѣчались всего чаще въ нашихъ газетныхъ listes des suspects. За именами—и это, конечно, еще важнѣе—стоятъ цѣлыя направленія, цѣлыя сферы публичной жизни. Очень характерно, съ этой точки зрѣнія, отношеніе реакціонной прессы къ новому редактору „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей". Въ „Гражданинѣ" не прекращаются, съ нѣкоторыхъ поръ, самыя грубыя нападенія на г. Столыпина, „кувыркающагося одновременно передъ господиномъ Струве и передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ", на „Столыпинскую труппу", комизмъ которой напоминаетъ „балаганнаго дѣда"; констатируется даже, неизвѣстно—на основаніи какихъ данныхъ, быстрое уменьшеніе числа читателей „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей". Посмотримъ, не найдется ли этому объясненія на страницахъ газеты, редактируемой г. Столыпинымъ.

„Наше время"—читаемъ мы въ одной изъ недавнихъ передовыхъ статей „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" (№ 94), — „важное и захватывающее время дружной и любовной созидательной работы. Нынѣ не считаются, къ счастію, преступленіемъ мысли о Думѣ—*Думѣ* чрезъ большое *Д*, по недавнему ходкому обозначенію [1]),—которая подъ покровительствомъ закона приняла бы участіе въ огромной работѣ правительства въ нашей великой странѣ. Нынѣ, къ счастью, не считается преступленіемъ гласное обсужденіе возможности правительственнаго учрежденія такой Думы, подведенія фундамента широкаго самоуправленія подъ зданіе самодержавія на благо Россіи". Правильно ли опредѣлено въ этихъ словахъ настроеніе оффиціальныхъ сферъ—мы не знаемъ; но въ глазахъ „Гражданика" преступность извѣстныхъ мыслей остается, во всякомъ случаѣ, неизмѣнной [2]). Съ „преступникомъ", по морали кн. Мещерскаго, церемониться нечего; нѣтъ надобности даже въ соблюденіи самыхъ элементарныхъ приличій.

---

[1]) Это „обозначеніе" принадлежитъ, какъ извѣстно, „Гражданину".

[2]) Въ этомъ отношеніи, какъ и почти во всемъ остальномъ, рука объ руку съ „Гражданиномъ" идутъ „Московскія Вѣдомости", отказывающіяся вѣрить, чтобы вопросъ о Думѣ (съ большимъ *Д*) получилъ въ нашей печати права гражданства.

Такова разгадка тона, въ которомъ ведется „Гражданиномъ“ полемика съ „С.-Петербургскими Вѣдомостями“. А между тѣмъ, къ прежнимъ „преступленіямъ“ газеты г. Столыпина присоединяются новыя. Въ „Замѣткахъ“ г. А. С—на (№ 98) высказывается убѣжденіе, что конституція—horribile dictu!—имѣетъ не только отрицательныя, но и положительныя стороны. „Условіемъ не только счастливой жизни“—восклицаетъ авторъ, — „но жизни вообще, какъ противоположенія смерти, должна быть наибольшая доступная людямъ свобода“. Правда, вслѣдъ затѣмъ онъ разлагаетъ *свободу* на *свободы*, между которыми установляетъ извѣстную очередь. „Наиболѣе истово“ жизнь Россіи могла бы, по его мнѣнію, „совершенствоваться въ слѣдующемъ порядкѣ: раскрѣпощеніе духовное (т.-е. свобода совѣсти), раскрѣпощеніе умственное (свобода мысли и слова, народное просвѣщеніе), экономическій прогрессъ и, какъ сопутствующее обстоятельство, вытекающее изъ этихъ условій—политическое благоустройство, которое должно создаться безъ боли и ломки, почти незамѣтнымъ образомъ“. Постепенность доведена въ этой программѣ до своего крайняго выраженія. Если бы нашей задачей былъ разборъ ея по существу, намъ нетрудно было бы показать, что, слишкомъ заботясь о практичности, она именно потому становится непрактичной: обособленность реформъ—плохая гарантія ихъ успѣха. Теперь для насъ достаточно установить, что какъ бы сдержанно, какъ бы умѣренно ни было стремленіе впередъ, газетные фанатики застоя не хотятъ видѣть въ немъ ничего иного, кромѣ преступнаго „потрясенія основъ“. Они ничему не научились и ничего не забыли: для нихъ Россія—все та же спящая, безмолвная, пассивная страна, какою она была—или казалась—полвѣка тому назадъ. Ихъ эгоистическій квіетизмъ дѣлаетъ ихъ намѣренно слѣпыми къ самымъ яснымъ указаніямъ жизни.

До чего доходитъ реакціонная печать въ своемъ полицейскомъ рвеніи—объ этомъ можно судить по слѣдующимъ фактамъ, избираемымъ нами изъ числа многихъ. Въ Москвѣ состоялось недавно совѣщаніе представителей четырнадцати земскихъ губерній по вопросу о совмѣстной закупкѣ предметовъ, необходимыхъ для сельскаго хозяйства. Что можетъ быть естественнѣе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, безобиднѣе такого обмѣна мыслей, происходившаго совершенно открыто и обѣщающаго значительное сбереженіе земскихъ средствъ? А между тѣмъ, вотъ „благосклонное“ замѣчаніе, вызываемое имъ на страницахъ „Московскихъ Вѣдомостей“ (№ 105): „*областная* говорильня, въ ожиданіи говорильни *общероссійской*, уже de facto существуетъ. Будетъ ли она существовать и de jure“?... Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій московскаго сельско-хозяйственнаго общества прои-

зошло столкновеніе между президентомъ общества кн. Щербатовымъ и нѣсколькими членами, требовавшими, на основаніи устава, немедленнаго обсужденія одного дѣла. Президентъ сначала заявилъ, что не можетъ исполнить этого требованія, но потомъ поставилъ на баллотировку вопросъ о томъ, угодно ли собранію отложить обсужденіе дѣла до слѣдующаго засѣданія. Большинство высказалось противъ отсрочки, но президентъ все-таки отказался перейти къ слушанію дѣла, въ виду чего одинъ изъ членовъ общества предложилъ выразить кн. Щербатову порицаніе. Баллотировка этого предложенія не была допущена, и засѣданіе было закрыто, при чемъ кн. Щербатовъ заявилъ, что слагаетъ съ себя званіе президента. Въ какой степени корректно держали себя обѣ стороны—объ этомъ мы судить не беремся: несомнѣнно для насъ только одно—что, однажды допустивъ баллотировку, предсѣдатель былъ уже обязанъ подчиниться ея результату. Какъ бы то ни было, никакого принципіальнаго значенія инцидентъ 9-го апрѣля, очевидно, не имѣлъ. Не такъ взглянула на него газета г. Грингмута, посвятившая ему громовую статью г. Spectator'а: „Общественные безобразники". Къ отвѣту привлекаются здѣсь не тѣ или другіе члены общества сельскаго хозяйства, а всѣ вообще представители „либеральнаго прогресса", отожествляемые съ пресловутымъ „третьимъ элементомъ". Г. Spectator'у вторитъ кн. Мещерскій, напоминающій, по этому поводу, прошумѣвшія въ свое время (почти полвѣка тому назадъ) слова Е. И. Ламанскаго: „мы не созрѣли". Съ перваго взгляда трудно понять, при чемъ тутъ „третій элементъ", подъ именемъ котораго разумѣются, обыкновенно, интеллигентные люди, приглашаемые на службу земскими и городскими управами. Вѣдь еслибы и можно было утверждать, что статистики, техники, врачи, педагоги присвоиваютъ себѣ непринадлежащую имъ роль въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи, то и въ такомъ случаѣ не было бы никакихъ основаній распространять это утвержденіе на ученыя общества, въ которыхъ всѣ члены равны между собою. При ближайшемъ разсмотрѣніи, однако, умыселъ газеты оказывается довольно яснымъ. Нужно раздувать, per fas et nefas, недовѣріе къ интеллигенціи; нужно пользоваться каждымъ удобнымъ и неудобнымъ случаемъ, чтобы дискредитировать выборное начало и общественную самодѣятельность. Г. Spectator прямо раскрываетъ карты, провозглашая „необходимость освободить ученыя и техническія общества отъ вредныхъ паразитовъ", способныхъ заговорить, по поводу любого спеціальнаго вопроса, о правовомъ порядкѣ. Во что, при такомъ „освобожденіи", обратятся ученыя и техническія общества, во что обойдется система ограниченій, распространенная и на пополненіе обществъ новыми членами, и на кругъ обсуждаемыхъ обще-

ствами вопросовъ — до этого г. Spectator'у нѣтъ, конечно, никакого дѣла.

По истинѣ чудовищную форму толки о зловредности „третьяго элемента“ принимаютъ въ слѣдующихъ словахъ „Гражданина“: „теперь почти въ каждой губерніи земство представляетъ картину отдѣлившагося отъ государственнаго правительства штата, въ которомъ полнѣйшій произволъ и олигархическій деспотизмъ земства заключаются въ всемогуществѣ губернскаго земства, основанномъ на полномъ закрѣпощеніи и атрофіи уѣзднаго земства. Въ этомъ всемогуществѣ губернскаго земства не земство составляетъ ту силу, которая образовала изъ него штатъ россійской федераціи, а цѣлая толпа такъ называемыхъ ученыхъ пролетаріатовъ (пролетаріевъ?), разсѣвшихся по разнымъ комитетамъ и бюро, которыхъ основной принципъ дѣятельности—одинаково игнорировать правительство и народныя нужды въ Россіи. Эта налетѣвшая на губерніи саранча до такой степени ихъ заѣла, что даже въ тверской губерніи вамъ говорятъ, что гласные землевладѣльцы, столь экстра-либеральные, какъ Петрункевичъ, уже отодвинуты на задній планъ и признаны слишкомъ консервативными сравнительно съ тѣми пришельцами и піонерами демократизма, которые, подъ названіемъ третьяго элемента, подчинили своей тиранніи не только уѣздное, но и само губернское земство. Теперь въ губерніи говорятъ о безсиліи губернскаго предводителя дворянства, какъ предсѣдателя губернскаго земскаго собранія, о безсиліи земскихъ гласныхъ, о безсиліи губернской земской управы, но зато говорятъ о всемогуществѣ статистика-семинариста такого-то, техника-семинариста такого-то, начальника бюро народнаго образованія такого-то... Губернское земство ухитрилось за эти послѣднія сорокъ лѣтъ возстановить въ полной силѣ крѣпостное состояніе, коему одинаково закабалены и дворянинъ-землевладѣлецъ, и крестьянинъ-землевладѣлецъ, и уѣздное земство, а за послѣдніе годы оно само, въ лицѣ тѣхъ своихъ гласныхъ, которые хотѣли бы быть полезны русскому народу“. Это уже не преувеличенія— это просто горячечный бредъ, въ самомъ себѣ носящій свое лучшее опроверженіе. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, доказывать серьезно, что уѣздныя земства не порабощены губернскимъ, что „атрофированы“ они лишь настолько, насколько имъ не хватаетъ средствъ для исполненія ихъ задачи, что въ попыткахъ возстановить крѣпостничество меньше всего повинны земства и земскіе работники. Мы хотимъ только спросить, когда же „Гражданинъ“ и его единомышленники подтвердятъ хотя бы одинъ изъ своихъ анти-земскихъ тезисовъ, хотя бы однимъ *достовѣрнымъ* фактомъ? Пускай намъ назовутъ хотя бы одно уѣздное земство, обезсиленное по винѣ губернской земской опеки. хотя бы одно губернское земство, отдавшееся во власть своихъ бюро,

хотя бы одного „всемогущаго“ представителя третьяго элемента!.. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что при нѣсколько большемъ развитіи гласности немыслимы были бы такія страницы, какъ только-что заимствованная нами изъ „Гражданина“. Сплошь и рядомъ русское общество узнаетъ о подозрѣніяхъ, но ничего не слышитъ о томъ, насколько они подтвердились—или не подтвердились...

Стараясь соблюдать безпристрастіе, мы нерѣдко отмѣчали то, чтò находили симпатичнымъ въ враждебныхъ намъ газетахъ. Вѣрные обычаю, мы хотимъ и на этотъ разъ отдать справедливость „Гражданину“. „До меня доходятъ изъ провинціальной глуши“—говоритъ, въ одномъ изъ своихъ „Дневниковъ“, князь Мещерскій—„письма, изъ которыхъ можно заключить, что вопросъ о пожертвованіяхъ на войну въ деревнѣ стоитъ неладно. Неладъ начинается съ той поры, когда земскій начальникъ является въ деревнѣ для сбора пожертвованій. Съ этой минуты, очевидно [1]), пожертвованіе перестаетъ быть добровольнымъ, а превращается въ удобный для земскаго начальника поводъ выслужиться передъ начальствомъ посредствомъ насильственнаго сбора крестьянскихъ приношеній. Еще болѣе неладнымъ является вопросъ о пожертвованіяхъ въ деревнѣ, когда появится уѣздный исправникъ съ приказаніями старшинѣ, да, кстати, и уряднику сбирать съ крестьянъ пожертвованія. Крестьянинъ даетъ царю и отечеству самое свое дорогое—своихъ дѣтей—для составленія милліонной арміи; забывать это во время войны нельзя, какъ право на освобожденіе отъ такихъ добровольныхъ пожертвованій, какъ тѣ, за сборы которыхъ принимаются земскіе начальники и уѣздные исправники. Мнѣ кажется, что и тѣ, и другіе, и всякіе другіе представители власти должны получить приказаніе никакихъ сборовъ пожертвованій въ деревняхъ не предпринимать“. Съ кн. Мещерскимъ, думается намъ, согласятся, въ данномъ случаѣ, всѣ его обычные противники. Заслугой его слѣдуетъ считать и то, что онъ не замалчиваетъ доходящія до него тревожныя вѣсти. „Санитарное состояніе Харбина“—читаемъ мы въ „Дневникѣ“ отъ 17-го апрѣля—„такъ безъисходно, что слѣдуетъ опасаться появленія всякихъ видовъ инфекціонныхъ болѣзней“. Нужно надѣяться, что эти слова, если они подтвердятся, не пройдутъ безслѣдно, равно какъ и слѣдующія за ними: „На мѣстѣ военныхъ дѣйствій, можно считать до 30 тысячъ католиковъ въ нашихъ войскахъ; а между тѣмъ, на все это количество нижнихъ чиновъ военное начальство

[1]) Редакторъ „Гражданина“ вѣроятно не замѣчаетъ, какимъ осужденіемъ звучитъ это слово для излюбленнаго имъ института земскихъ начальниковъ.

не дозволяетъ имѣть больше одного священника. И раненые, и больные, и умирающіе будутъ въ лазаретѣ лишены утѣшенія своей церкви только потому, что они католики"!

Когда писатель, въ продолженіе многихъ лѣтъ, имѣлъ обширную аудиторію, относившуюся къ нему съ довѣріемъ и уваженіемъ, однажды пріобрѣтенное имъ вліяніе, по закону инерціи, не сразу теряетъ свою силу, хотя бы онъ и перешелъ на другую дорогу, ведущую къ другимъ цѣлямъ. Между читателями „Новаго Времени" немало, быть можетъ, найдется такихъ, которые все еще видятъ въ г. Меньшиковѣ симпатичнаго сотрудника покойной „Недѣли". Нельзя, поэтому, обходить молчаніемъ тѣ „Письма къ ближнимъ", которыя особенно рѣзко расходятся съ прошлою дѣятельностью автора. Таково, между прочимъ, письмо, написанное по поводу перемѣны въ управленіи министерствомъ народнаго просвѣщенія и озаглавленное: „Побольше строгости". Спѣшимъ отмѣтить, что строгость, которой желаетъ г. Меньшиковъ—„не жестокая строгость старыхъ временъ, не свирѣпое насиліе, не розги и побои; система звѣрства испытана и оказалась слабой". Рѣчь идетъ о *культурной* строгости; *побольше строгости*—„это значитъ побольше вниманія къ голосу общества, побольше уваженія къ печати". Каковъ, однако, практическій выводъ изъ этихъ прекрасныхъ предпосылокъ? А вотъ какой: „поднять школу не трудно, недостаетъ только рѣшимости. Студенческіе безпорядки—прямое слѣдствіе крайней слабости учебной полиціи. Есть учебныя сферы, гдѣ не бываетъ безпорядковъ. Въ женскихъ институтахъ, гдѣ дѣйствительно слѣдятъ за хорошимъ поведеніемъ, давно знаютъ секретъ послѣдняго: дѣвочки никогда не остаются однѣ. Классныя дамы, облеченныя властью, присутствуютъ и въ классахъ, и въ рекреаціонныхъ залахъ, и въ дортуарахъ. Еслибы мы искренно хотѣли видѣть и мальчиковъ хорошо воспитанными, мы не оставляли бы ихъ безъ строгаго надзора. Воспитатели не должны быть призраками, которыхъ видятъ то тамъ, то здѣсь. Ихъ штатъ долженъ быть утроенъ, если нужно—удесятеренъ, хотя я совершенно не понимаю, зачѣмъ отъ нихъ требуютъ образовательный цензъ. Нравственный цензъ—да, онъ необходимъ,—но старый дядька изъ унтеръ-офицеровъ, подъ надзоромъ инспектора, былъ бы надежнѣе молоденькаго дипломированнаго воспитателя, который немного старше выпускныхъ гимназистовъ... На всѣхъ урокахъ и перемѣнахъ должны присутствовать болѣе скромные и болѣе строгіе надзиратели, и если авторитетъ ихъ будетъ поддержанъ, школа быстро выздоровѣетъ отъ психопатіи, ее одолѣвшей".

Сославшись на извѣстные изъ литературы типы благодѣтельныхъ

нянекъ и дядекъ, г. Меньшиковъ продолжаетъ: „Еслибы отъ меня зависѣло, я или совсѣмъ отмѣнилъ бы воинскую повинность, или ввелъ бы ее въ старшіе классы гимназій. Два послѣдніе года военной выправки и дисциплины, не ослабляя курса, могли бы сократить дальнѣйшее пребываніе въ строю и ввести въ воспитаніе образованныхъ людей черту порядка". Принципъ: „не спускать глазъ съ молодежи" г. Меньшиковъ предлагаетъ провести и въ академическія аудиторіи. „Полиція тайная должна быть замѣнена явной. Еслибы тѣ же педеля, нынѣ запуганные и тонущіе въ толпѣ студентовъ, были облечены полицейской властью, еслибы они сидѣли на ученыхъ лекціяхъ, то насколько и профессора, и слушатели были бы обезпеченнѣе въ своей работѣ"!... Первое впечатлѣніе, производимое всѣми этими предложеніями—рѣшительно комическое. Смѣшно заключеніе отъ женскихъ институтовъ, т.-е. заведеній строго закрытыхъ, къ средней мужской школѣ, въ которой громадное большинство учащихся и при удесятеренномъ штатѣ воспитателей значительно бо̀льшую часть дня будетъ проводить внѣ всякаго школьнаго контроля. Смѣшно приравненіе къ классным дамамъ „старыхъ дядекъ изъ унтеръ-офицеровъ"; смѣшно ожиданіе, что такой дядька, приставленный къ цѣлымъ десяткамъ постоянно смѣняющихся школьниковъ, будетъ имѣть что-нибудь общее съ Савельичемъ, вся привязанность котораго сосредоточивалась на одномъ выросшемъ подъ его любящимъ надзоромъ барчукѣ. Смѣшно предположеніе, что авторитетъ педелей возрастетъ отъ перемѣщенія ихъ изъ корридоровъ въ аудиторіи. За смѣшнымъ виднѣется, однако, многое несмѣшное. Печально, что въ наше время опять пускается въ ходъ принципъ „неспусканія глазъ", годный—и то едва ли—только для гаремовъ и для тюремъ; печально, что воскресаетъ вѣра въ спасительность непрерывнаго надзора, воспитывающаго или лицемѣровъ, или озлобленныхъ враговъ порядка; печально, что для безконечно труднаго и сложнаго дѣла школьной реформы рекомендуются чисто внѣшнія средства, не заслуживающія даже названія палліативовъ. Не говоримъ уже объ афоризмахъ, которыми пестритъ статья г. Меньшикова—афоризмахъ въ родѣ слѣдующихъ: „одна лишь военная школа приготовляетъ къ государственному служенію"... „Замыслы государственные возникаютъ и въ мирныхъ сословіяхъ, но осуществлять ихъ приходится преимущественно военному"... „Во всѣхъ странахъ люди, прошедшіе курсъ военной службы, выгодно отличаются отъ мирныхъ обывателей"... „Институтъ поединка, какъ онъ ни жестокъ, *подобно смертной казни* служитъ трагической координатой поведенія". Противъ такой мудрости возраженія излишни: достаточно взглянуть на нее—и пройти мимо.

Въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“ напечатано на дняхъ слѣдующее отношеніе департамента министерства народнаго просвѣщенія отъ 19 ноября 1903-го года на имя попечителя московскаго учебнаго округа: „Ваше превосходительство обратились въ департаментъ за разъясненіемъ вопроса о томъ, могутъ ли старообрядцы австрійскаго толка занимать должности начальнаго учителя, и какія права предоставлены въ указанномъ отношеніи единовѣрцамъ. Вслѣдствіе сего, департаментъ имѣетъ честь увѣдомить, что, по силѣ Высочайшаго повелѣнія отъ 28 ноября 1839 г. (сборн. постановленій по мин. нар. просв., т. II, отд. I, изд. 2-е, 1875 г.), раскольникамъ не должны быть выдаваемы отъ учебныхъ мѣстъ и начальствъ свидѣтельства на право обученія дѣтей, а посему и назначеніе старообрядцевъ австрійскаго толка на учительскія должности представляется невозможнымъ. Что же касается единовѣрцевъ, то касательно сихъ лицъ никакихъ ограничительныхъ распоряженій относительно правъ ихъ на педагогическую дѣятельность не было издаваемо“. Мы позволяемъ себѣ усомниться въ томъ, чтобы столь важный вопросъ могъ быть разрѣшенъ на основаніи Высочайшаго повелѣнія, состоявшагося шестьдесятъ пять лѣтъ тому назадъ и не вошедшаго, повидимому, въ сводъ законовъ, послѣ того, какъ законъ 3-го мая 1883-го года отмѣнилъ множество ограниченій, тяготѣвшихъ надъ раскольниками. Еще раньше въ Положеніе о начальныхъ училищахъ, Высочайше утвержденное 25-го мая 1874-го года, не было включено запрещеніе раскольникамъ занимать должность начальнаго учителя (см. ст. 3486 т. XI ч. I, изд. 1893 г.). Въ виду того, что законъ Божій, на основаніи ст. 3484 того же тома, можетъ быть преподаваемъ въ начальныхъ школахъ только приходскимъ священникомъ или особымъ законоучителемъ, съ утвержденія епархіальнаго начальства, нѣтъ, повидимому, никакихъ препятствій допускать къ преподаванію остальныхъ предметовъ раскольника, удовлетворяющаго общимъ требованіямъ закона. Особенно важнымъ это представляется для мѣстностей, гдѣ преобладаетъ раскольническое населеніе.

Скончавшійся недавно А. И. Поповицкій принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ писателей, которые пользуются симпатіей всѣхъ литературныхъ партій. Его дѣятельности была отдана справедливость въ некрологахъ, помѣщенныхъ въ òрганахъ самыхъ различныхъ направленій. Характеризуя его, какъ редактора „Церковно-Общественнаго Вѣстника“ (выходившаго съ 1874-го до 1886-го года), „Московскія Вѣдомости“ признаютъ, что этотъ журналъ, „настаивая на улучшеніи быта сельскаго духовенства, на поднятіи его умственнаго и нравственнаго уровня, на сближеніи его съ другими классами насе-

ГРАФИНЯ АЛЕКСАНДРА АНДРЕЕВНА

ТОЛСТАЯ

Личныя впечатлѣнія и воспоминанія.

Посвящается памяти—покойной.

Марта 31-го с. г. скончалась старѣйшая изъ камеръ-фрейлинъ Двора, графиня Александра Андреевна Толстая; она родилась 17-го іюля 1817 года и была назначена фрейлиной ко Двору въ 1846 году — такимъ образомъ, она состояла въ этомъ званіи въ теченіе 58 лѣтъ, за время четырехъ царствованій. Покойная графиня была, по своему выдающемуся уму, по своему положенію при Дворѣ и заслугамъ, личностью въ высшей степени замѣчательною и исключительною. Эта исключительность состояла, во-первыхъ, въ томъ, что она была единственною фрейлиной Двора императора Николая I, остававшеюся въ живыхъ; а во-вторыхъ, въ особой довѣренности, которую оказывалъ ей императоръ Александръ III; заслуги ея заключались въ тѣхъ трудахъ, которые несла покойная съ 1866 по 1874 годъ, въ качествѣ наставницы и воспитательницы, при великой княжнѣ Маріи Александровнѣ, впослѣдствіи герцогини Кобургской, единственной дочери императора Александра Николаевича. Но это—ея оффиціальная, придворная служба, которою, однако, далеко не исчерпывается долгая жизнь покойной, наполненная цѣлымъ рядомъ *иныхъ* трудовъ и *иныхъ* дѣлъ, которые и снискали ей величайшія симпатіи и уваженіе всѣхъ, кто имѣлъ возможность знать ее лично.

Прежде всего, считаю необходимымъ объяснить, въ короткихъ словахъ,—какъ произошла моя встрѣча съ графиней А. А. Толстой, давшая мнѣ возможность узнать ее довольно близко и ознакомиться съ тѣми матеріалами, которыми отчасти я и пользуюсь при составленіи настоящаго очерка. Мое знакомство съ нею было непродолжительное: началось оно лишь шесть лѣтъ тому назадъ—по слѣдующему поводу. Въ маѣ 1898 года, вышла моя книга „Хива", гдѣ былъ подробно описанъ неудачный зимній походъ въ Хиву гр. В. А. Перовскаго, въ 1839 году, а также и первое посольство въ Хиву, состоявшееся въ 1841 году. По выходѣ книги, я составилъ для типографіи списокъ, кому слѣдовало ее послать и, между прочимъ, просилъ доставить одинъ экземпляръ графинѣ С. К. Перовской, вдовѣ генералъ-адъютанта графа Б. А. Перовскаго, который приходился роднымъ братомъ Василію Алексѣевичу, начальнику хивинской экспедиціи. Въ скорости, я получилъ письмо отъ графини С. К., гдѣ она благодарила за книгу и просила послать ее также и гр. А. А. Толстой, родственницѣ гр. Перовскаго, въ Зимній дворецъ. Я исполнилъ это—и на другой же день получилъ отъ покойной графини очень любезное письмо, въ которомъ она благодарила меня, выражала желаніе видѣться со мной и приглашала посѣтить ее, обѣщая, между прочимъ, „познакомить меня съ матеріалами, которые, навѣрное, покажутся мнѣ интересными". Когда я потомъ къ ней пріѣхалъ, то встрѣтилъ съ ея стороны очень радушный и добрый пріемъ.

Графиня А. А. занимала бель-этажъ такъ-называемаго Эрмитажнаго дворца (между Зимнимъ дворцомъ и Эрмитажемъ), и ея гостиная и кабинетъ очень походили на маленькое отдѣленіе портретной галереи: такъ много было въ нихъ развѣшено и разставлено различныхъ портретовъ разной величины и исполненія—старинныхъ дагеротипныхъ, писанныхъ масляными красками, акварельныхъ и фотографическихъ. Большинство портретовъ было снято съ нашихъ государей и императрицъ, а также и съ другихъ членовъ императорской фамиліи; почти всѣ портреты имѣли, внизу, собственноручныя подписи. Моему первому посѣщенію никто тогда не помѣшалъ, графиня сама меня удерживала, и я пробылъ у нея болѣе часа. Затѣмъ, по ея приглашенію, я сталъ бывать у нея. Послѣ первыхъ же моихъ посѣщеній, я убѣдился, что предо мною—была живая лѣтопись трехъ минувшихъ царствованій и, въ то же время, краткая исторія если не русской литературы, то нѣкоторыхъ нашихъ литераторовъ, самыхъ выдающихся и талантливыхъ, начиная съ Пушкина и Жуковскаго

и кончая Тургеневымъ, Гончаровымъ, гр. А. Толстымъ, Достоевскимъ и ея двоюроднымъ племянникомъ гр. Л. Н. Толстымъ, съ которыми покойная графиня была знакома лично. Первая ея встрѣча съ Пушкинымъ произошла въ Москвѣ, въ 1826 году, когда графинѣ было всего девять лѣтъ. Вотъ ея разсказъ объ этой встрѣчѣ съ „властителемъ думъ" тогдашняго русскаго образованнаго общества.

„Къ осени 1826 года, семья наша переѣхала изъ своего имѣнія въ орловской губерніи въ Москву, гдѣ въ августѣ должна была происходить коронація императора Николая Павловича. Когда отецъ мой узналъ, что Пушкинъ, вызванный государемъ изъ своей ссылки въ сел. Михайловскомъ, находится въ Москвѣ, то пожелалъ имѣть его своимъ гостемъ. Теперь я уже не могу припомнить, кто именно привезъ поэта въ нашъ домъ... Въ моей памяти сохранился лишь первый вечеръ, когда Пушкинъ былъ у насъ. Устроены были танцы—подъ фортепіано,—и вотъ, протанцовавъ съ нѣсколькими взрослыми барышнями, бывшими у насъ на вечерѣ, Пушкинъ пригласилъ затѣмъ и меня, какъ дочь хозяина дома; мнѣ было въ то время только девять лѣтъ. Надо вамъ сказать, что я до 16-ти лѣтъ росла чрезвычайно медленно, такъ что въ это время походила, скорѣе, на шести-лѣтнюю дѣвочку. На бѣду, на мнѣ были надѣты въ этотъ вечеръ новенькіе розовые башмачки, которые очень жали мнѣ ноги. И вотъ, когда я стала танцовать съ Пушкинымъ, то дѣлала очень маленькіе шаги и pà и не поспѣвала за своимъ быстро танцующимъ кавалеромъ. Онъ наклонился ко мнѣ и сдѣлалъ замѣчаніе за медленность... Этого было достаточно: отъ его замѣчанія, а также и отъ боли, причиняемой узкой обувью, я горько расплакалась"...

Какъ много, вообще, видѣла и знала графиня,—ея увлекательные разсказы и воспоминанія обнимали собою цѣлыхъ три четверти минувшаго столѣтія, начиная съ 1826 года!.. Ко Двору она попала въ 1846 году, когда была назначена фрейлиной къ великой княжнѣ Маріи Николаевнѣ, и захватила такимъ образомъ еще девять лѣтъ царствованія Николая Павловича. Съ этого времени и до 1866 года, то-есть, въ теченіе двадцати лѣтъ, она жила въ Маріинскомъ дворцѣ, гдѣ встрѣчалась и знакомилась со многими выдающимися профессорами петербургскаго университета того времени — преподавателями наукъ дѣтямъ великой княгини: покойному Николаю Максимиліановичу и Маріи Максиміліановнѣ, нынѣ принцессѣ Баденской; у младшей же дочери великой княгини, у Евгеніи Максимиліановны, воспитательницей была старшая сестра графини, Елизавета Андреевна. Въ началѣ

1866 года, попавъ въ наставницы-воспитательницы къ великой княжнѣ Маріи Александровнѣ, она переѣхала въ Зимній дворецъ, смѣнивъ при великой княжнѣ А. Ѳ. Тютчеву, дочь поэта, вышедшую въ это время замужъ за И. С. Аксакова. По окончаніи воспитанія великой княжны, графиня Толстая была удостоена особаго рескрипта государя и была принята въ число дамъ императорскаго ордена св. великомученицы Екатерины. Это было въ 1874 году. Съ того времени, въ теченіе цѣлыхъ тридцати лѣтъ, графиня продолжала жить въ томъ же Зимнемъ дворцѣ, пользуясь особымъ вниманіемъ со стороны всѣхъ членовъ императорской фамиліи, навѣщавшихъ ее лично и оказывавшихъ ей свое расположеніе. Особенно благоволили къ ней покойный государь Александръ Александровичъ и императрица Марія Ѳедоровна, посѣтившая графиню и въ самое послѣднее время ея болѣзни,—когда графиня А. А. уже не въ силахъ была даже привстать съ дивана, на которомъ сидѣла—для привѣтствія своей высокой посѣтительницы.

Въ литературныхъ воспоминаніяхъ и разсказахъ покойной графини главную роль игралъ ея родственникъ, графъ Л. Н. Толстой, — и этимъ родствомъ она, видимо, отчасти гордилась. Ея постоянная, дружеская переписка и личныя встрѣчи съ нимъ начались, собственно, съ 1857 года, со времени его выхода въ отставку изъ военной службы и проживанія за границей въ Веве, гдѣ одновременно тогда жила и графиня. Въ зиму съ 1898 на 1899 годъ, когда графиня попросила меня помочь ей разобрать хранившуюся у нея, въ массѣ, переписку [1]) со многими изъ русскихъ литераторовъ, — оказалось, что самое бо̀льшее количество писемъ было отъ Л. Н. Толстого. По ея желанію, письма эти были распредѣлены на три части: на письма, имѣющія совершенно частный, семейный характеръ, на письма, содержащія въ себѣ высокій общественный и литературный интересъ, и, наконецъ, были письма, которыя, пока, не могли поде-

[1]) Между прочимъ, въ одномъ изъ писемъ Жуковскаго я встрѣтилъ его шуточное стихотвореніе „Ѳаддей Паукъ", которое, съ разрѣшенія графини, и было напечатано потомъ въ апрѣльской книгѣ „Историческаго Вѣстника" за 1901 годъ, къ пятидесятилѣтію со дня смерти поэта, какъ его автографъ. Къ крайнему сожалѣнію, очень многія изъ писемъ Л. Н. къ графинѣ Толстой исчезли безвозвратно,—и именно тѣ письма, гдѣ онъ горячо спорилъ съ нею по поводу религіи и „своей вѣры": часть писемъ гр. А. А. уничтожила сама, а остальныя она дала, для прочтенія, Достоевскому, всего за пять дней до его смерти, и эти письма, по всей вѣроятности, пропали безслѣдно; по крайней мѣрѣ графиня уже не получила ихъ обратно.

жать оглашенію. Письма второй категоріи были переданы графинею, въ началѣ минувшаго года (передъ ея отъѣздомъ за границу для леченія), въ Академію Наукъ—вмѣстѣ съ ея „Записками“. Записки эти—очень небольшія, около трехъ печатныхъ листовъ—были составлены при слѣдующихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ и на мою долю выпала небольшая роль. Это случилось такъ.

Въ началѣ 1899 года, когда кончилась разборка литературной переписки графини, я сталъ записывать, въ отрывочныхъ фразахъ и выраженіяхъ, ея интереснѣйшіе разсказы, дѣлая это, иногда, и въ ея личномъ присутствіи, бо̀льшею же частью, по возвращеніи отъ нея къ себѣ на квартиру, въ тотъ же вечеръ. Затѣмъ, я рѣшился уговаривать графиню, чтобы она *сама* принялась за составленіе своихъ литературныхъ воспоминаній—по тѣмъ отрывочнымъ коротенькимъ замѣткамъ „для памяти“, которыя — я зналъ — у нея имѣлись, и въ которыхъ никто, кромѣ ея, разобраться не могъ бы. Но тутъ явилось два главныхъ препятствія: во-первыхъ, необычайная скромность самой графини, которая избѣгала всякой помпы и рекламъ о себѣ; а во-вторыхъ, она ссылалась на то, что для нея писать по-русски нѣсколько труднѣе, чѣмъ на французскомъ языкѣ, на которомъ у нея были уже давно закончены „воспоминанія“, имѣвшія эпизодическій характеръ и описывавшія отдѣльныя, выдающіяся событія, совершавшіяся за время четырехъ царствованій, преимущественно въ сферѣ Двора и дворца. Первое ея опасеніе было разсѣяно появившимися въ то время записками гр. Головиной, не убоявшейся писать о самой себѣ въ своихъ интереснѣйшихъ воспоминаніяхъ; а второе препятствіе было устранено тѣмъ, что графиня обязала меня „держать редакцію и корректуру“ ея записокъ, которыя и стала, по мѣрѣ ихъ написанія и прочтенія мнѣ вслухъ, передавать мнѣ. Послѣднюю главу этихъ любопытныхъ и интересныхъ записокъ я получилъ отъ нея при слѣдующемъ письмѣ, отъ 29 мая 1899 года.

...„Сейчасъ поставила послѣднюю точку къ своимъ „Воспоминаніямъ“ и спѣшу сообщить вамъ свою радость. Какъ я до этого добралась, сама не понимаю: все время была больна, и теперь еще пишу съ завязанной рукой. И болятъ глаза... Посылаю вамъ этотъ неопрятный и далеко не совсѣмъ выработанный манускриптъ и радуюсь заранѣе, что вы облечете его въ лучшую одежду — нравственно и наружно. Кромѣ французскаго моего письма, все переписано въ черновыхъ мною же, и я вижу теперь, что никто кромѣ меня и не могъ сдѣлать это какъ слѣдуетъ, потому что я одна могла поправлять, убавлять и прибавлять ad

libitum. Окончательная редакція, разумѣется, принадлежитъ вамъ, —какъ и вашему поощренію и одобренію принадлежитъ весь этотъ трудъ".

Въ вознагражденіе за мои труды, покойная графиня А. А. подарила мнѣ тѣ нѣсколько писемъ гр. Л. Н. Толстого, которыя она, по ихъ содержанію, не нашла возможнымъ включить въ число писемъ, переданныхъ въ Академію Наукъ.

Въ архивѣ покойной Александры Андреевны мнѣ довелось встрѣтить, кромѣ писемъ литературныхъ, и множество другихъ; между прочимъ, она передала мнѣ пачку писемъ графа В. А. Перовскаго къ ней, къ А. Я. Булгакову, бывшему московскимъ почтъ-директоромъ, и къ архіепископу Евсевію. Разбирая, потомъ, эти письма, я замѣтилъ, что на многихъ сдѣланы были кѣмъ-то отмѣтки синимъ карандашомъ—и на поляхъ, и въ текстѣ,—въ формѣ ковычекъ, подчеркиваній и вопросительныхъ знаковъ, какъ будто кто собирался дѣлать изъ нихъ выписки. Я спросилъ объ этомъ графиню—и узналъ, что отмѣтки эти сдѣланы рукою Л. Н. Толстого, которому, по его просьбѣ, всѣ эти письма были высланы въ 1878 году, когда Л. Н., задумавъ писать романъ „Декабристы", изучалъ „то время" и, между прочимъ, остановился на крупной фигурѣ двадцатыхъ годовъ—на В. А. Перовскомъ. Потомъ, разбирая письма къ графинѣ Л. Н. Толстого, я нашелъ и его два письма, относящіяся къ этому дѣлу. Вотъ небольшія выписки изъ этихъ интересныхъ писемъ 1878 года.

Въ первомъ письмѣ Л. Н. пишетъ: „У меня давно бродитъ въ головѣ планъ сочиненія, мѣстомъ котораго долженъ быть Оренбургскій край, а время—Перовскаго. Теперь, я привезъ изъ Москвы цѣлую кучу матеріаловъ для этого. Все, что касается В. А. Перовскаго, мнѣ ужасно интересно,—и долженъ вамъ сказать, что это лицо, какъ историческое лицо и характеръ, мнѣ очень симпатично. Что̀ бы сказали вы и его родные? и дадите ли вы и его родные мнѣ бумагъ и писемъ, съ увѣренностью, что никто, кромѣ меня, ихъ читать не будетъ?"... и пр. Графиня А. А. поспѣшила отвѣтить Л. Н. Толстому въ желаемомъ для него смыслѣ,—и вскорѣ получила отъ него второе письмо, въ которомъ онъ, между прочимъ, писалъ: „Очень-очень вамъ благодаренъ за ваше обѣщаніе дать мнѣ всѣ свѣдѣнія о Перовскомъ"... „Личность его вы совершенно вѣрно опредѣляете à grands traits;—такимъ и я представляю его себѣ; и такая фигура—одна, напоминающая картину. Біографія его была бы груба; но съ дру-

гими, противоположными ему, тонкими, мелкой работы, нѣжными характерами, какъ, напримѣръ, Жуковскій, котораго вы, кажется, хорошо знали, а главное, *съ декабристами,*—эта крупная фигура, составляющая тѣнь (оттѣнокъ) къ Николаю Павловичу, самой крупной и à grands traits фигуры,—выражаетъ вполнѣ *то время*". ......„Я теперь весь погруженъ въ чтеніе изъ времени двадцатыхъ годовъ,—и не могу вамъ выразить то наслажденіе, которое я испытываю, воображая себѣ это время. Странно и пріятно думать, что то время, которое я помню — тридцатые годы—уже исторія!.... Такъ и видишь, что колебаніе фигуръ на этой картинѣ прекращается—и все останавливается въ торжественномъ покоѣ истины и красоты......

„Молюсь Богу, чтобы онъ позволилъ мнѣ сдѣлать, хоть приблизительно, то, что̀ я хочу. Дѣло это для меня такъ важно, что какъ вы ни способны понимать *все*, вы не можете представить—до какой степени это важно: такъ важно, какъ важна для васъ ваша вѣра; и еще важнѣе,—мнѣ бы хотѣлось сказать; но—важнѣе ничего не можетъ быть. И оно—то самое и есть" [1])....

Я намѣренно привожу выписку изъ этого письма, такъ какъ оно подтверждаетъ, отчасти, тѣ интересныя литературныя знакомства, которыя имѣла графиня, а главное—взглядъ гр. Толстого на умъ покойной А. А., „способной понимать все"... Извѣстно, что „Декабристы" такъ и не были написаны,—кромѣ эпизодическихъ, очень незначительныхъ отрывковъ.

Переписка между покойной А. А. и гр. Толстымъ продолжалась почти сорокъ лѣтъ. Въ ней были антракты и перерывы, происходившіе иногда отъ случайныхъ причинъ, а иногда и отъ охлажденій между ними—по большей части непродолжительныхъ. Еще въ 1865 году, три года спустя послѣ женитьбы, гр. Л. Н. Толстой писалъ графинѣ А. А., между прочимъ, слѣдующее: „Я — счастливый мужъ и отецъ, не имѣющій ни передъ кѣмъ тайны и никакого желанія, кромѣ того, чтобы все шло по прежнему. Васъ я люблю меньше, чѣмъ прежде, но все-таки достаточно для того, чтобы вы не оставляли меня,—все-таки больше всѣхъ людей (а какъ ихъ много было!), съ которыми я встрѣчался въ жизни". Позже и по другому поводу, Л. Н. писалъ графинѣ: „Хотя мы и воображаемъ, что сердимся другъ на друга, но я знаю, что мы не перестанемъ любить другъ друга,—и чув-

[1]) Подлинникъ этого письма—у меня, въ числѣ другихъ писемъ Л. Н. Толстого, о которыхъ я упоминалъ выше. Полный же текстъ этого интереснѣйшаго и довольно длиннаго письма имѣется въ Академіи Наукъ, въ точномъ спискѣ другихъ писемъ этого писателя.

ствую это за себя". Писано это было уже въ 1886 году; а въ письмѣ, написанномъ годомъ ранѣе, именно въ 1885 году, можно было ясно видѣть и причину, изъ-за чего эти близкіе между собою люди могли „сердиться" другъ на друга: „Надѣюсь,—писалъ Л. Н., —что вамъ не непріятно будетъ возобновленіе общенія со мной. Только, пожалуйста, *не обращайте* меня въ христіанскую вѣру. Я думаю, у васъ много друзей необращенныхъ, или „оглашенныхъ",—причислите меня къ нимъ по-старому"... Но графиня, будучи очень религіозной женщиной и глубоко вѣрующей, не воздержалась все-таки, чтобы не попытаться „обратить" своего друга и родственника,—и эта попытка, сдѣланная ею въ 1897 году, въ послѣдній пріѣздъ Л. Н. Толстого въ Петербургъ, и послужила поводомъ къ окончательному разрыву; по крайней мѣрѣ, лично они уже болѣе не видѣлись, равно какъ и переписка ихъ между собою прекратилась,—хотя графиня и продолжала по прежнему сноситься съ нѣкоторыми членами семьи Л. Н. Послѣднее письмо отъ него она неожиданно получила въ январѣ этого года, всего за два мѣсяца до своей смерти, но уже не могла отвѣчать на него. Письмо это нѣсколько ее взволновало, въ особенности одна фраза, гдѣ говорилось: „мы идемъ съ вами *къ одной* и той же цѣли, хотя и разными дорогами"...

— Совсѣмъ не одна и та же цѣль у насъ,—говорила графиня.—Напротивъ: цѣли наши, въ дѣлѣ церкви и религіи, діаметрально противоположны...

О своемъ послѣднемъ свиданіи съ Л. Н. покойная графиня передавала слѣдующее:

„Въ 1897 году, Левъ Николаевичъ пріѣзжалъ въ Петербургъ для прощанія съ Чертковыми, которымъ было учтиво предложено „прогуляться по Европѣ"—за нхъ подговоры духоборовъ къ выселенію изъ России... Графъ Л. Н. пріѣзжалъ съ женою; они часто бывали у меня и все шло прекрасно, исключая послѣдняго вечера, проведеннаго нами у Е. Н. Шостакъ, гдѣ Л. Н. сталъ горячо доказывать, что каждый разумный человѣкъ можетъ спасать себя *самъ*, и что ему, напримѣръ, для собственнаго спасенія, *никого* не нужно, и многое другое... Я сильно была огорчена, слушая эти разсужденія моего заблуждающагося друга, провела безсонную ночь и много передумала... Я знала, что онъ непремѣнно зайдетъ ко мнѣ утромъ, проститься,—и рѣшила сдѣлать послѣднюю попытку, чтобы противостать его невѣрію. Онъ, дѣйствительно, пришелъ ко мнѣ; но—едва только я успѣла, послѣ первыхъ привѣтствій, коснуться нашего вчерашняго разговора,

какъ онъ вдругъ вскочилъ съ мѣста, лицо его передернулось и исказилось гнѣвомъ и вся напускная кротость исчезла.

„— Позвольте мнѣ сказать вамъ, бабушка [1]), что все это я знаю лучше васъ: я глубоко изучилъ эти вопросы—и своимъ вѣрованіямъ отдалъ жизнь и счастіе... А вы думаете, что можете меня чему-нибудь научить!.. Учите тѣхъ, кто нуждается въ этомъ—вблизи васъ...

„Рѣчь его была очень длинна... Успокоившись немного, онъ холодно простился со мной—и съ тѣхъ поръ мы больше не видались. Я поняла, что онъ сталъ для меня потерянъ навсегда и что онъ въ моемъ домѣ болѣе не будетъ“...

Желая дать болѣе полную характеристику дружескихъ, чисто-родственныхъ, взаимныхъ отношеній графини Александры Андреевны и Л. Н. Толстого, я нахожу возможнымъ передать здѣсь нѣсколько эпизодическихъ разсказовъ объ этомъ самой графини, записанныхъ мною съ ея словъ, а потомъ введенныхъ ею и въ свои „Воспоминанія“.

Графиня А. А. не помнила Л. Н. въ его дѣтствѣ, такъ какъ она жила въ Петербургѣ, а онъ учился въ Москвѣ и Казани, а потомъ служилъ на Кавказѣ. Она стала встрѣчаться съ нимъ лишь въ концѣ 1855 года, когда онъ пріѣхалъ въ Москву изъ крымской арміи, изъ Севастополя. Графиня была въ то время въ Москвѣ, гдѣ они и стали видѣться въ домѣ одного изъ своихъ родственниковъ. Болѣе частыя встрѣчи ихъ стали происходить, какъ я уже упоминалъ, въ Швейцаріи, въ Веве, въ мартѣ 1857 года. Графиня жила тамъ съ великой княгиней Маріей Николаевной. При графинѣ А. А. сплотилось небольшое общество мужчинъ и дамъ высшаго русскаго общества, находившихся въ то время также въ Веве; графиня была, по всѣмъ правамъ, центромъ этого общества,—и вотъ въ это-то время къ нему присоединился и Л. Н. Толстой. Общество это отправлялось иногда въ коротенькія путешествія—въ горы и по озеру, въ Женеву и пр., и въ одно изъ этихъ путешествій, въ Люцернѣ, произошелъ слѣдующій интересный случай. Однажды, вечеромъ, когда довольно многочисленное общество путешественниковъ, состоявшее изъ всевозможныхъ европейскихъ національностей, и преимуще-

[1]) Графиня А. А. приходилась Льву Ник. Толстому двоюродной теткой; но онъ звалъ ее обыкновенно—и лично, и въ письмахъ—бабушкой: „Для имени „тетушки“, вы слишкомъ молоды“, говорилъ онъ ей въ 1857 году, когда начались его близкія родственныя отношенія къ графинѣ, во время проживанія ихъ за границей.

ственно изъ англичанъ, сидѣло на балконѣ одной изъ лучшихъ гостинницъ за обѣдомъ, къ балкону подошелъ одинъ изъ странствующихъ артистовъ, старикъ, и сталъ играть на скрипкѣ. Игралъ онъ очень хорошо, и публика слушала его съ видимымъ наслажденіемъ; но когда онъ кончилъ и, снявъ шляпу, протянулъ ее въ сторону публики для полученія вознагражденія за свою игру, то всѣ отвернулись въ сторону, и бѣдный музыкантъ не получилъ ничего. Л. Н. Толстой, находившійся среди публики, быстро всталъ съ своего мѣста, спустился съ балкона внизъ, подошелъ къ музыканту, взялъ его подъ руку, взошелъ съ нимъ вмѣстѣ обратно на балконъ, усадилъ его рядомъ съ собою и приказалъ подать имъ обоимъ ужинъ... Находившіеся на балконѣ чопорные англичане съ своими дамами окаменѣли отъ изумленія"...

А вотъ второй разсказъ графини—изъ времени того же ея заграничнаго путешествія и относящійся также къ Л. Н. Толстому:

„Мы переѣхали во Франкфуртъ. Однажды у меня въ гостяхъ сидѣлъ принцъ Александръ Гессенскій съ супругой. Вдругъ, отворяется дверь гостиной и появляется Л. Н. въ самомъ странномъ костюмѣ, напоминающемъ тѣ, въ которыхъ изображаютъ на картинахъ испанскихъ разбойниковъ. Я такъ и ахнула отъ изумленія... Л. Н. остался видимо недоволенъ моими гостями и въ скорости ушелъ.

„— Qui est donc ce singulier personnage? — спросили мои гости съ удивленіемъ.

„— Mais c'est Léon Tolstoy.

„— Ah, mon Dieu, pourquoi ne l'avez-vous pas nommé? Après avoir lu ses admirables écrits nous mourrions d'envie de le voir,—упрекнули они меня.

„Уже и въ это время его литературная извѣстность была прочно установлена, — благодаря, главнымъ образомъ, конечно, его „Дѣтству и отрочеству" и его „Севастопольскимъ разсказамъ", появившимся, тогда же, на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ".

Девять лѣтъ спустя, въ 1866 году, Левъ Николаевичъ сильно заинтересовалъ, однажды, какъ писатель, и нашихъ великихъ князей... Это произошло въ подмосковномъ царскомъ имѣніи Ильинскомъ, гдѣ, лѣтомъ того года, жила семья императора Александра Александровича; тамъ же, при своей воспитанницѣ, великой княжнѣ Маріи Александровнѣ, находилась и графиня Александра Андреевна. Пріѣздъ Л. Н. былъ неожиданъ. Когда

великая княжна и ея, тогда маленькіе, братья, великіе князья Сергѣй и Павелъ Александровичи, узнали, что у графини сидитъ Л. Н., то непремѣнно пожелали увидѣть его; но такъ какъ они были очень застѣнчивы и не рѣшались нарушить принятый этикетъ, то-есть, прямо войти въ ту комнату, гдѣ онъ сидѣлъ съ А. А., то ограничивались лишь тѣмъ, что заглядывали, какъ бы нечаянно, въ окна и въ двери... Наблюдаемаго ими писателя это очень забавляло...

Въ „Запискахъ“ покойной А. А. знакомство ея съ Л. Н. Толстымъ и ихъ родственныя и дружескія сношенія разсказываются въ хронологическомъ порядкѣ, съ первыхъ встрѣчъ, въ 1855 году. Здѣсь же, въ моемъ краткомъ очеркѣ, позволю себѣ нѣкоторыя отступленія отъ этого порядка, придерживаясь постепенности тѣхъ замѣтокъ, которыя я иногда дѣлалъ—послѣ моихъ бесѣдъ съ покойной и ея разсказовъ.

Бо̀льшая часть пріѣздовъ Л. Н. Толстого въ Петербургъ, въ особенности за послѣднія пятнадцать лѣтъ, разсчитывалась на свиданія съ графиней по дѣламъ болѣе или менѣе важнымъ, заключавшимся въ различныхъ ходатайствахъ за людей, ему знакомыхъ, а иногда о прощеніи разныхъ политическихъ преступниковъ, или же о возможномъ смягченіи ихъ участи. Случалось, въ большинствѣ, такъ: Л. Н. обращался къ графинѣ съ своимъ ходатайствомъ письменно; если долго не было отвѣта, или же отвѣтъ былъ неопредѣленный, безъ рѣшительнаго, однако, отказа, и Л. Н. замѣчалъ, что дѣло лишь откладывается въ дальній ящикъ,—тогда онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ самъ, расчитывая, прежде всего, конечно, на безконечно доброе сердце графини и на ея вліятельное положеніе при Дворѣ. Объ этомъ ея „вліяніи“ Л. Н. упоминаетъ и самъ, не разъ, даже и въ своихъ письмахъ къ ней. Вотъ начало одного такого письма (1873 г.):

„Очень-очень благодарю, дорогой другъ Alexandrine, за письмо ваше и за ходатайство о Б—овѣ. Онъ былъ у меня, когда я получилъ ваше письмо,—и вы бы порадовались, увидавъ покраснѣвшее отъ волненія и радости его доброе сѣдое лицо, когда я сообщилъ ему то, что̀ до него (и сына) касается...

„Вѣрно, я написалъ не то, что̀ хотѣлъ, если вышло такъ глупо и смѣшно. А я хотѣлъ сказать серьезное—и пріятное вамъ: то, что̀ ему сказали въ Петербургѣ,—что вы, именно *вы*, дѣлаете много добра своимъ вліяніемъ. Когда онъ мнѣ сказалъ это, я былъ радъ, и хотѣлось вамъ сказа̀ть“...

Далѣе, письмо это имѣетъ чисто-литературное значеніе, мало

относящееся къ настоящей статьѣ—о гр. А. А. Толстой—и, къ тому же, не можетъ быть, по нѣкоторымъ причинамъ, оглашено. Несравненно бо̀льшій интересъ представляютъ другія письма того же писателя, въ которыхъ Л. Н. пробуждаетъ тѣ же „чувства добрыя“ въ покойной графинѣ, прося ея ходатайствъ.

Вотъ, напримѣръ, отрывки изъ письма изъ Москвы 1885 года:

„...Дѣло мое столько же, или еще меньше, чѣмъ ваше. Я здѣсь столкнулся съ старухой Армфельдъ, былъ у нея, разспрашивалъ про ея дочь, смотрѣлъ на ея горе,—и она разсказала мнѣ, что просилась жить подлѣ своей дочери, на Карѣ, но ей отказали, и что она хочетъ просить объ этомъ Государыню. Я одобрилъ этотъ планъ; мнѣ кажется, что еслибы затронуть Императрицу, могъ бы быть успѣхъ. И вотъ, она прислала мнѣ черновую просьбу........

„Потомъ мнѣ посовѣтовали обратиться къ е. в. Евгеніи Максимиліановнѣ. Эта мысль меня обрадовала. Впечатлѣніе, оставшееся у меня объ Е. М., такое хорошее, милое, простое и человѣческое,—и все, что̀ я слышалъ и слышу о ней, все такъ подтверждаетъ это впечатлѣніе, что мы рѣшили просить ее, чтобы она передала прошеніе Императрицѣ. А чтобы просить ее, надо чрезъ васъ.........

„Если возможно, просить перевести ея дочь въ какую-нибудь болѣе близкую каторжную тюрьму; если же этого нельзя, то позволить матери пріѣхать въ Кару и жить около тюрьмы... Надѣюсь, что вы испытаете не непріятное чувство при полученіи этого письма и что вамъ не непріятно будетъ помочь матери, очень жалкой“.............

А вотъ другое такое же письмо изъ Ясной-Поляны, относящееся, повидимому, къ 1883 году [1]):

„Я не отвѣчалъ вамъ долго, дорогой другъ, отъ того, что былъ эти дни въ Москвѣ и измучился, какъ всегда, отъ городской, *ужасной* для меня суеты.

„Я не такъ понимаю, какъ вы, слово *крестъ*, который мы несемъ. Если Богу угодно будетъ то, что̀ я задумываю,—вы про-

[1]) Говорю—„повидимому“,—потому, что на своихъ письмахъ Л. Н. никогда не выставлялъ года и числа, а также и мѣста, откуда отправлялъ ихъ, — и, во время разборки мною этихъ писемъ, въ присутствіи гр. А. А., она сама и выставляла *примѣрный*, подходящій по смыслу и содержанію письма, годъ, припоминая, главнымъ образомъ, событія, о которыхъ шла въ нихъ рѣчь. Эти письма составляли въ этомъ отношеніи совершенную противоположность письмамъ къ графинѣ И. А. Гончарова, гдѣ все обстояло въ полномъ общепринятомъ порядкѣ при перепискѣ, какъ и на письмахъ же къ ней фонъ-Бисмарка, за время нахожденія его посланникомъ въ Петербургѣ.

чтёте; на словахъ, тоже, къ слову сказать можно, но писать (зачеркнуто—„не хочу") нельзя. Скажу только, что „Возьми крестъ свой и иди за мной" — это *одно* нераздѣльное слово. „Возьми крестъ свой" — отдѣльно не имѣетъ, по моему, смыслу, потому что крестъ брать и не брать не въ нашей волѣ: онъ лежитъ на насъ; только не надо нести ничего лишняго—все то, что̀ не крестъ. И нести крестъ надо не·куда-нибудь, а за Христомъ, то-есть, исполняя его законъ любви къ Богу и ближнему. Вашъ крестъ—Дворъ, мой—работа мысли—скверная, горделивая, полная соблазновъ... Но—будетъ!...

„У меня двѣ просьбы къ вамъ, то-есть, черезъ васъ къ Государю и Императрицѣ. Не бойтесь! надѣюсь, что просьбы такъ легки, что вамъ не придется мнѣ отказать. Просьба къ Императрицѣ даже такова, что я увѣренъ, что она будетъ благодарна вамъ. Просьба черезъ нее къ Государю—за трехъ стариковъ, раскольничьихъ архіереевъ (одному 90 лѣтъ, двумъ—около 60, четвертый—умеръ въ заточеніи), которые 23 года сидятъ въ заточеніи въ Суздальскомъ монастырѣ. Имена ихъ: Кононъ, Геннадій, Аркадій.

„Когда я узналъ про нихъ, я не хотѣлъ вѣрить, какъ и вы, вѣрно, не повѣрите, что четыре старика сидятъ за свои религіозныя убѣжденія въ тяжеломъ заключеніи 23 года... Вы знаете лучше меня—можно или нѣтъ просить за нихъ и освободить ихъ. А какъ бы хорошо было освободить ихъ въ эти дни!.. [1]) Мнѣ кажется, что нашей доброй Императрицѣ такъ идетъ ходатайство за такихъ людей.

„Другая моя просьба къ вамъ, чтобы мнѣ были открыты архивы секретныхъ дѣлъ временъ Петра I, Анны Іоанновны и Елизаветы. Я былъ въ Москвѣ преимущественно для работъ по архивамъ (теперь уже не декабристы, а 18-ый вѣкъ—начало его—интересуютъ меня), и мнѣ сказали, что безъ Высочайшаго разрѣшенія мнѣ не откроютъ архивовъ секретныхъ, а въ нихъ все меня интересующее: самозванцы, разбойники, раскольники... Ка̀къ получить это разрѣшеніе? Если вамъ не скучно, не трудно, не неудобно, то помогите мнѣ, научите меня; если же хоть немножко почему-нибудь непріятно,—пожалуйста, ничего не дѣлайте и простите меня за мою indiscrétion...

„Ка̀къ вы живете и чувствуете? Ваши письма всегда мнѣ радостны. Чѣмъ старше, тѣмъ сильнѣе чувствуешь старую дружбу.

---

[1]) Графиня Александра Андреевна помнила, что письмо было получено ею въ концѣ великаго поста, на страстной недѣлѣ.

Дай Богъ вамъ всего лучшаго! Цѣлую вашу руку. У насъ, слава Богу, все благополучно. Соня благодаритъ васъ за любовь и платитъ тѣмъ же.

„Вашъ Л. Толстой".

Изъ писемъ этихъ можно видѣть, съ какими симпатичными дѣлами обращался Левъ Николаевичъ и съ какою родственною любовью и дружбою относился онъ къ покойной графинѣ. Изъ его обширной переписки можно было убѣдиться, какъ спѣшилъ онъ всегда подѣлиться съ А. А. своими радостями и каждымъ своимъ горемъ. Вотъ, напр., начало поэтическаго и жизнерадостнаго его письма къ графинѣ, относящееся къ 1858 году, то-есть, къ тому времени, когда авторъ письма не былъ семейнымъ человѣкомъ и ощущалъ, поэтому, особую потребность подѣлиться радостями жизни именно съ такимъ человѣкомъ, который въ силахъ былъ понять эту его радость:

„Бабушка! Весна!..

„Отлично жить на свѣтѣ хорошимъ людямъ; даже и такимъ, какъ я, хорошо бываетъ. Въ природѣ, въ воздухѣ, во всемъ—надежда, будущность—и прелестная будущность... Иногда ошибешься—и думаешь, что не одну природу ждетъ будущность и счастье, а и тебя тоже,—и хорошо бываетъ. Я теперь въ *такомъ* состояніи, и съ свойственнымъ мнѣ эгоизмомъ тороплюсь писать вамъ о предметахъ только для меня интересныхъ. Я очень хорошо знаю, когда обсужу здраво, что я старая, померзлая и еще подъ соусомъ сваренная картофелина; но весна такъ дѣйствуетъ на меня, что я иногда застаю себя въ полномъ разгарѣ мечтаній о томъ, что я—растеніе, которое распустилось вотъ только теперь, вмѣстѣ съ другими, и станетъ просто, спокойно и радостно рости на свѣтѣ божіемъ. По этому случаю, къ этому времени идетъ такая внутренняя переборка, очищеніе и порядокъ, какой никто, не испытавшій этого чувства, не можетъ себѣ представить. Все старое—прочь! всѣ условія свѣта, всю лѣнь, весь эгоизмъ, всѣ пороки, всѣ запутанныя, неясныя привязанности, всѣ сожалѣнія, даже раскаянія—все прочь!.. Дайте мѣсто необыкновенному цвѣтку, который надуваетъ почки и выростаетъ вмѣстѣ съ весной!"... И т. д... Это письмо довольно длинное и столь же интересное. Оно интересно еще и по своему концу, въ которомъ Л. Н. выражаетъ слѣдующую просьбу: „Прощайте, милая бабушка! не сердитесь на меня за этотъ вздоръ и отвѣтьте умное и пропитанное добротой—и христіанскою добротой!—словечко. Я давно хотѣлъ написать вамъ, что вамъ

удобнѣе писать по-французски, а мнѣ женская мысль понятнѣе по-французски".

Въ другомъ письмѣ Л. Н. пишетъ покойной графинѣ: „Милый другъ Alexandrine, какой я счастливый человѣкъ, что у меня есть такіе друзья, какъ вы!.." и пр. Открывъ свою яснополянскую школу, а потомъ выпустивъ въ свѣтъ свою знаменитую „Азбуку", Л. Н. спѣшитъ объяснить графинѣ основную причину и цѣль его труда: „Я хочу,—говоритъ онъ,—образованія для народа только для того, чтобы спасти тонущихъ (въ темнотѣ) Пушкиныхъ, Остроградскихъ, Филаретовъ, Ломоносовыхъ"... Позднѣе, когда онъ сдѣлался семьяниномъ, онъ сталъ имѣть иногда иныя просьбы и благодарности: „Вѣрьте,—пишетъ Л. Н. въ одномъ изъ своихъ писемъ 1876 года,—что я словами не могу выразить, какъ я вамъ благодаренъ за всѣ ваши заботы и переданныя вами слова (С. П.) Боткина. Я и Боткина полюбилъ за это. Онъ славный долженъ быть человѣкъ". Рѣчь идетъ о здоровьи супруги Л. Н., графини Софьи Андреевны.

Даже и изъ имѣющихся налицо и сохранившихся писемъ Л. Н. къ графинѣ можно легко убѣдиться, какъ были иногда важны и серьезны услуги покойной А. А., и какъ необходимы.

„Если у васъ есть грѣхи, дорогой другъ Alexandrine, то они, вѣроятно, вамъ простятся—за то добро, которое вы мнѣ сдѣлали",—писалъ ей Л. Н. Толстой въ 1886 году. И съ этой стороны, память о графинѣ Александрѣ Андреевнѣ Толстой должна быть особенно дорога для почитателей Л. Н.,—равно какъ и въ исторіи русской литературы сохранится, несомнѣнно, память объ этомъ „лучшемъ изъ друзей" Льва Николаевича, сопутствовавшемъ ему на этомъ жизненномъ пути въ теченіе почти полувѣка, — и сохранится, конечно, помимо даже тѣхъ интереснѣйшихъ „записокъ" и „дневниковъ", которые оставлены графинею послѣ смерти и которые, къ сожалѣнію, не скоро еще могутъ быть оглашены. И только *тогда* русская читающая публика узнаетъ, между, прочимъ и о той неоцѣненной услугѣ, которая была оказана графинею А. А.—Льву Николаевичу—за время нахожденія на постѣ министра внутреннихъ дѣлъ графа Д. А. Толстого...

Въ одномъ мѣстѣ своихъ „Записокъ" покойная графиня такъ характеризуетъ свою „дружбу" съ Л. Н.: „Наша чистая, простая дружба торжественно опровергала общепринятое мнѣніе насчетъ невозможности *дружбы* между мужчиной и женщиной. Мы стояли на какой-то особенной почвѣ, и, могу сказать совершенно правдиво, заботились главное о томъ, что

можетъ облагородить жизнь,—конечно, *каждый съ своей* точки зрѣнія. Льву случалось упрекать меня въ томъ, что я не впускаю его въ тайникъ своего сердца и не повѣряю ему того, чтò лично меня занимало; но это дѣлалось съ моей стороны безъ разсчета или намѣренія: его натура была настолько сильнѣе и интереснѣе моей, что все вниманіе невольно сосредоточивалось на немъ, а я была лишь второстепеннымъ лицомъ, donnant la replique. Какъ уже было сказано, религія была главнымъ предметомъ нашихъ разговоровъ"...

Вотъ какъ скромно покойная графиня А. А. опредѣляла свою роль въ выпавшей на ея долю „дружбѣ" съ Л. Н. Толстымъ. „Религія", оказывается, была главнымъ предметомъ ихъ „разговоровъ" и темою ихъ переписки. Религія же—прибавимъ отъ себя—послужила впослѣдствіи и причиною ихъ размолвки и окончательнаго разрыва,—о чемъ и было говорено выше. Та же „религія" привлекала ихъ иногда къ себѣ обоихъ вмѣстѣ, заставляя присутствовать, такъ сказать, на нейтральной почвѣ. Такъ, во время своихъ пріѣздовъ въ Петербургъ, Л. Н. посѣщалъ публичныя лекціи покойнаго Владиміра Соловьева и приглашалъ на эти лекціи и графиню. Она не упоминаетъ объ этомъ ни слова въ своихъ „Запискахъ"; но вотъ коротенькое письмо Л. Н—ича къ ней, найденное мною въ архивѣ писемъ: „Я вспомнилъ, что нынче лекція Соловьёва и лекція, какъ мнѣ говорили, самая важная, и я ѣду на нее. Мнѣ помнится, что вы хотѣли послушать его. Не поѣдете ли вы? Это происходитъ въ зданіи Соляного Городка. Записку эту передастъ мой меньшій шуринъ. Если вамъ нужно чтò отвѣтить, отвѣтьте на словахъ.

„Вашъ Л. Толстой".

Не мéньшимъ интересомъ отличались разсказы покойной графини и о частной жизни гр. Л. Н—ича,—то-есть, собственно, о тѣхъ переполохахъ, которые иногда учиняли ему мѣстныя власти въ тихой деревенской жизни нашего писателя въ Ясной-Полянѣ. Я позволю себѣ привести здѣсь два такихъ разсказа.

Первый разсказъ—о томъ, какой переполохъ случился въ домѣ Л. Н. Толстого въ Ясной-Полянѣ въ іюлѣ 1862 года, когда онъ находился въ самарской губерніи, для леченія кумысомъ, оставивъ, незадолго передъ тѣмъ, должность мирового посредника.

Къ дому подъѣхало, ночью, нѣсколько троекъ, въ экипажахъ и телѣгахъ, съ жандармами и мѣстными полицейскими чинов-

никами, оцѣпили домъ, подняли всѣхъ на ноги, всѣхъ арестовали—и приступили къ самому тщательному обыску, вскрывая письменные столы, взламывая замки въ конторкахъ, перерывая всѣ книги въ шкапѣ, всѣ вещи въ подвалѣ, въ кладовыхъ, въ кабинетѣ, и пр. За отсутствіемъ Л. Н., тогда еще неженатаго, въ домѣ находились его тетушка и родная сестра, Марья Николаевна; послѣдняя спала въ кабинетѣ Л. Н.; ее грубо разбудилъ частный приставъ (изъ Тулы) Кобеляцкій и, не выпуская изъ кабинета, приказалъ одѣться и находиться тутъ же до конца обыска... Жандармскій полковникъ Дурново, крапивенскій уѣздный исправникъ и мѣстный становой хозяйничали въ физическомъ кабинетѣ Л. Н., въ школѣ, въ типографіи и другихъ комнатахъ дома, разставивъ вездѣ часовыхъ, объявивъ всѣхъ арестованными и не позволяя обыскиваемымъ лицамъ не только имѣть между собою какое-либо сообщеніе, но даже и переходить изъ одной комнаты въ другую... Жандармскіе и полицейскіе нижніе чины были вооружены, ругались, шумѣли, распоряжались въ домѣ какъ хозяева, требовали себѣ ѣсть, а лошадямъ корму,—словомъ, вели себя какъ въ непріятельскомъ городѣ, только-что взятомъ съ боя, послѣ упорнаго сопротивленія... Они при этомъ не предъявили никому никакой бумаги или распоряженія, на основаніи котораго они явились для обыска. Легко, конечно, представить себѣ происшедшій испугъ дамъ и всѣхъ служащихъ. Престарѣлая тетушка Л. Н., не спавшая ночью, первая услышала шумъ подъѣхавшихъ экипажей и, вообразивъ, что это возвратился съ кумыса Л. Н., вышла на крыльцо дома, чтобы встрѣтить его, но, увидѣвъ недобрыхъ гостей, упала безъ чувствъ и долго потомъ хворала...

Слѣдуетъ сказать, что въ это время, въ 1862 году, школа въ Ясной-Полянѣ уже существовала; лѣтомъ дѣти, конечно, учились меньше, чѣмъ зимою, но все-таки нѣкоторыя изъ нихъ продолжали ученье; а потому, помощники Л. Н., человѣкъ десять приглашенныхъ имъ студентовъ, проживали въ ясно-полянскомъ домѣ и при школѣ. Типографія же имѣлась въ Ясной-Полянѣ для педагогической газеты того же названія, объ изданіи которой шли хлопоты. И вотъ, слѣдуетъ полагать, что всѣ эти „прецеденты“, вмѣстѣ взятые,—и школа, и типографія, и десятокъ студентовъ,—и возбудили чьи-то подозрѣнія, повлекшія за собою обыскъ... А какъ масло въ огонь къ этимъ подозрѣніямъ была подлита та страшная ненависть, которую передъ этимъ возбудилъ противу себя Л. Н. Толстой въ средѣ мѣстныхъ дворянъ, по должности посредника.

Въ это время Герценъ и его „Колоколъ“ были въ средѣ интеллигентнаго русскаго общества очень популярны и считались преступными и опасными въ глазахъ III-го отдѣленія;— и вотъ, кто-то, должно быть, донесъ, что Ясная-Поляна имѣетъ сношеніе съ Лондономъ, такъ какъ господа обыскивавшіе особенно усердно искали нумеровъ „Колокола“ и прочитывали *всѣ* письма, какія только извлекали изъ ящиковъ письменнаго стола въ кабинетѣ Л. Н—ича, и, между прочимъ, такія, которыхъ *никто* въ жизни не долженъ былъ читать и знать. Мало того: изъ Ясной-Поляны всѣ эти непрошенные гости поѣхали въ другое имѣніе Л. Н., находящееся по сосѣдству, въ его деревню Чернскую,—и тамъ, вскрывъ письменный столъ, прочитали всѣ бумаги его умершаго брата, которыми Л. Н. дорожилъ какъ святынею. Затѣмъ, вернулись въ Ясную-Поляну, успокоили дамъ и студентовъ, что и тамъ, въ Чернской, ничего подозрительнаго не нашли, прочитали всѣмъ нравоученія, чтобы они и впредь вели себя также добропорядочно, потребовали для себя обѣдъ— и уѣхали. Передавая объ этомъ оскорбительномъ событіи графинѣ А. А. Толстой, Л. Н. добавлялъ: „Я часто говорю себѣ: какое огромное счастіе, что меня не было дома!—Ежели бы я былъ, то теперь, навѣрно бы, уже судился какъ убійца“. Эту рѣзкую фразу Л. Н—ича, сказанную 42 года тому назадъ, легко объяснить себѣ, если припомнить всѣ оскорбительныя перипетіи, которымъ подверглись самыя близкія къ нему въ то время лица—его родная тетушка и родная сестра. Достаточно сказать, что частный приставъ города Тулы Кобеляцкій позволилъ выйти изъ кабинета въ гостиную и позволилъ лечь спать сестрѣ Льва Н—ича только тогда, когда перечиталъ вслухъ, въ ея и двухъ жандармовъ присутствіи, *всѣ* тѣ интимныя письма, о которыхъ упоминалось выше, а также дневникъ и все то, что писалъ—и тщательно хранилъ отъ всѣхъ—самъ Л. Н., съ 16-ти-лѣтняго своего возраста...

Яснополянскій хозяинъ не пожелалъ оставить безнаказаннымъ такое тяжкое, нанесенное ему безъ всякаго повода, оскорбленіе, эту ненужную, относительно его, жестокость, заставившую его уѣхать съ кумыса, не долечившись до конца. Онъ обратился, тотчасъ же по полученіи извѣстія о бывшемъ у него въ домѣ погромѣ, къ покойной графинѣ А. А. и просилъ ее сообщить всѣ обстоятельства дѣла тѣмъ лицамъ, власть имущимъ, которыя его хорошо знали и на заступничество которыхъ онъ могъ разсчитывать,—графу Б. А. Перовскому, гр. Н. Д. Блудовой и др.; главное, Л. Н. просилъ не о наказаніи своихъ оскорбителей, а

лишь о возстановленіи своего добраго имени въ глазахъ окружающихъ его крестьянъ и объ огражденіи себя отъ подобныхъ событій на будущее время: „Дѣла этого оставить я никакъ не хочу и *не могу*,—писалъ онъ:—Вся моя дѣятельность, въ которой я нашелъ счастіе и успокоеніе, испорчена. Тетенька отъ испуга такъ больна, что вѣроятно не встанетъ. Народъ смотритъ на меня уже не какъ на честнаго человѣка—мнѣніе, которое я заслуживалъ годами,—а какъ на преступника, поджигателя, или дѣлателя фальшивой монеты, который только по плутоватости увернулся...

— „Что, братъ? попался!.. Будетъ тебѣ толковать намъ о честности, справедливости,—самого чуть не заковали“.

„О помѣщикахъ—что и говорить: это стонъ восторга. Напишите мнѣ, пожалуйста, поскорѣе, посовѣтовавшись съ Перовскимъ или Алексѣемъ Толстымъ, или съ кѣмъ хотите,—какъ мнѣ написать и какъ передать письмо Государю? Выхода мнѣ нѣтъ другого—какъ получить такое же гласное удовлетвореніе, какъ и оскорбленіе (поправить дѣло уже невозможно), или экспатріироваться, на что я твердо рѣшился. Къ Герцену я не поѣду; Герценъ самъ по себѣ—и я самъ по себѣ. Я и прятаться не стану, а громко объявлю, что продаю имѣніе, чтобы уѣхать изъ Россіи, гдѣ нельзя узнать минутой впередъ, что тебя ожидаетъ“...

Письмо это очень длинно, на восьми большихъ страницахъ. Въ концѣ, сообщая о томъ, что жандармскій полковникъ, уѣзжая, пригрозилъ новымъ обыскомъ, пока не найдутъ „ежели что спрятано“,—Л. Н. добавляетъ: „У меня въ комнатѣ заряжены пистолеты, и я жду, чѣмъ все это разрѣшится“...

Вторая необыкновенная исторія, случившаяся съ Л. Н. въ его Ясной-Полянѣ, была не столь возмутительна и тяжела и имѣла отчасти траги-комическій характеръ. Произошла она восемь лѣтъ спустя послѣ вышеразсказанной исторіи, когда Л. Н. былъ уже женатъ, имѣлъ дѣтей и получилъ громкую литературную извѣстность, благодаря оконченному, за годъ передъ тѣмъ, роману „Война и миръ“. И вотъ, въ это-то самое время, два „мальчика“ (такъ называлъ Л. Н. судебнаго слѣдователя и товарища прокурора—по ихъ возрасту) съумѣли отравить его тогдашнее существованіе. Вотъ начало его письма къ графинѣ Толстой объ этомъ происшествіи.

„Любезный другъ Alexandrine,—вы одна изъ тѣхъ людей,

которые всѣмъ существомъ своимъ говорятъ: „Я хочу раздѣлить съ тобою твои горести, а ты со мною—раздѣли свои радости“,— и я, вотъ, всегда разсказывающій вамъ о своемъ счастьѣ, теперь ищу вашего сочувствія въ моемъ горѣ. Нежданно, негаданно на меня обрушилось событіе, измѣнившее всю мою жизнь“...

А это „событіе“ заключалось въ слѣдующемъ. Лѣтомъ 1870 года, въ то время, когда Л. Н. ѣздилъ въ свое самарское имѣніе, быкъ, пасшійся въ общественномъ стадѣ и принадлежавшій ему, забодалъ на смерть человѣка. Понятная вещь, что если и былъ кто-нибудь виноватъ въ этомъ прискорбномъ событіи, то, скорѣе всего, приказчикъ имѣнія, или, вѣрнѣе, пастухъ, не досмотрѣвшій за быкомъ, а ужъ никакъ не владѣлецъ имѣнія, который, во-первыхъ, никакимъ хозяйствомъ давно уже не занимался, а во-вторыхъ, находился въ это время отъ мѣста происшествія за тысячу верстъ. Но судебный слѣдователь— какой-то совсѣмъ малоумный юноша—рѣшилъ иначе: онъ выждалъ возвращенія Л. Н—ича изъ Самары, пріѣхалъ въ Ясную-Поляну на слѣдствіе и подвергъ его формальному допросу—въ качествѣ обвиняемаго въ неосторожномъ убійствѣ... Прежде всего, этотъ „мальчикъ“ составилъ рядъ вопросныхъ пунктовъ, на которые и потребовалъ отъ нашего писателя точныхъ и подробныхъ отвѣтовъ: законный ли онъ сынъ своихъ родителей, бываетъ ли у св. причастія, что̀ побудило его къ преступленію? и проч... Отобравъ по всѣмъ этимъ вопросамъ должные отвѣты, „мальчикъ“ потребовалъ отъ Л. Н—ича подписку, что онъ никуда не выѣдетъ изъ Ясной-Поляны до окончанія дѣла—„по обвиненію его въ явно противозаконныхъ дѣйствіяхъ, отъ которыхъ произошла смерть человѣка“... Левъ Николаевичъ, прежде чѣмъ дать подписку о невыѣздѣ, послалъ нарочнаго въ Тулу, къ товарищу прокурора (котораго не зналъ, но на котораго указалъ ему судебный слѣдователь, какъ на чина юстиціи, къ которому будетъ направлено „дѣло“),—спрашивая: долженъ ли онъ исполнить требованіе судебнаго слѣдователя, которое онъ, съ своей стороны, находитъ неправильнымъ? На бѣду, этотъ „товарищъ“ оказался, по возрасту своему—и, очевидно, по уму,—тоже „мальчикомъ“: онъ отвѣтилъ Л. Н—ичу, что если онъ не дастъ подписки, требуемой слѣдователемъ, то его придется посадить въ острогъ...

Представьте себѣ весь ужасъ Л. Н. Толстого: его, ни въ чемъ не повиннаго человѣка, привлекаютъ къ слѣдствію и суду, угрожаютъ острогомъ и обязываютъ подпиской о невыѣздѣ изъ деревни!.. Подписку эту, конечно, онъ спѣшитъ дать,—и въ это

время узнаетъ, что по предположеніямъ второго „мальчика“, товарища-прокурора, ему предстоитъ, навѣрное, „острогъ на четыре мѣсяца“,—такъ какъ дѣло будетъ рѣшаться безъ участія присяжныхъ засѣдателей... А въ это самое время, то-есть, пока тянулось дѣло, онъ получаетъ повѣстку суда, приглашающую его явиться въ окружный судъ, на уголовную сессію, въ качествѣ присяжнаго засѣдателя... Л. Н—ичъ обращается письмомъ къ предсѣдателю суда, спрашиваетъ—какъ быть, такъ какъ онъ не имѣетъ права выѣхать изъ своего имѣнія? Предсѣдатель отвѣчаетъ, что онъ будетъ правъ, если не пріѣдетъ. Л. Н. сообщаетъ суду, что не будетъ. На судѣ, однако, произошло вотъ что. Товарищъ прокурора сообщилъ суду, публично, полученное имъ отъ Л. Н—ича формальное заявленіе, что онъ на судъ не прибудетъ—и по его, товарища прокурора, мнѣнію, Л. Н., какъ обвиняемый въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 1466 Уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, и не можетъ быть присяжнымъ. Судъ, однако, не соглашается съ мнѣніемъ прокурора, подвергаетъ Л. Н. штрафу, за неявку, въ размѣрѣ 225 рублей, и требуетъ, чтобы онъ явился. Дѣлать нечего, ѣдетъ Л. Н. на сессію суда и представляетъ въ свое оправданіе письмо предсѣдателя суда, въ которомъ говорилось, что онъ „будетъ юридически правъ, если не явится“... Всѣмъ „мальчикамъ“ и взрослымъ чинамъ суда представляется неожиданное удовольствіе—видѣть графа Толстого, выслушивать его объясненіе и „забавляться“ имъ... И все это по произволу какого-то малоумнаго „мальчика“, называемаго судебнымъ слѣдователемъ!.. „Страшно подумать—пишетъ Л. Н—ичъ къ графинѣ Толстой въ своемъ письмѣ по этому новоду,—страшно вспомнить о всѣхъ мерзостяхъ, которыя мнѣ дѣлали, дѣлаютъ и будутъ дѣлать... Съ сѣдою бородой, шестью дѣтьми и съ сознаніемъ полезной и трудовой жизни, съ твердой увѣренностью, что я не виноватъ, съ презрѣніемъ, котораго я не могу не имѣть къ новымъ судамъ, сколько я ихъ видѣлъ, съ однимъ желаніемъ, чтобы меня оставили въ покоѣ, какъ я всѣхъ оставляю въ покоѣ... Невыносимо жить въ Россіи—со страхомъ, что каждый мальчикъ, которому лицо мое не понравилось, можетъ заставить меня сидѣть на лавкѣ передъ судомъ, а потомъ въ острогѣ“...

Вся эта непріятная исторія кончилась тѣмъ, что Л. Н. былъ освобожденъ по этому дѣлу отъ суда и слѣдствія, а всю отвѣтственность взвалили на его управляющаго, котораго эти „мальчики“ и привлекли къ дѣлу въ качествѣ обвиняемаго... Относительно же Л. Н., было признано, что слѣдователь привлекъ его

къ дѣлу „по ошибкѣ“, что подписка о невыѣздѣ была взята, тоже, „ошибочно“, равно какъ и самый штрафъ былъ наложенъ „по ошибкѣ же“... Впослѣдствіи оказалось, что и управляющій имѣніемъ былъ привлеченъ къ дѣлу зря, и оно было, въ концѣ концовъ, прекращено,—подъ большой шумъ, поднятый газетами того времени. Всего досаднѣе, что въ это самое время Л. Н., только-что окончивъ свою „Азбуку“, началъ-было писать „Анну Каренину“... Къ счастію еще, что дѣло кончилось такъ—сознаніемъ суда въ своей сплошной „ошибкѣ“. Будь оно окончено иначе,—едва ли бы тогда былъ написанъ и вышеназванный романъ,—и это было бы, несомнѣнно, невознаградимою утратою для русской литературы. Левъ Н—ичъ твердо рѣшилъ, въ случаѣ осужденія, поступить такъ, какъ онъ чуть не поступилъ ранѣе, въ 1862 году—то-есть, „уѣхать отъ того безобразнаго моря самоувѣренной пошлости, развратной праздности и лжи, которая со всѣхъ сторонъ затопляетъ тотъ крошечный островокъ честной и трудовой жизни, который,—писалъ онъ,—я себѣ устроилъ. И уѣхать въ Англію, потому что только тамъ свобода личности обезпечена для независимой и тихой жизни“.

Это экспатрированіе, какъ извѣстно, не состоялось. Впослѣдствіи, двадцать лѣтъ спустя послѣ разсказанной исторіи, покойной графинѣ Александрѣ Андреевнѣ довелось оказать своему племяннику еще одну серьезную услугу—это былъ пріемъ императоромъ Александромъ Александровичемъ графини Софьи Андреевны Толстой, супруги Л. Н—ича. Объ этомъ пріемѣ покойная А. А. въ своемъ „Дневникѣ“ писала: „Жена Л. Н. пріѣзжала въ Петербургъ съ рѣшительнымъ намѣреніемъ добиться свиданія съ Государемъ, чтобы пожаловаться на московскую цензуру, причинявшую Толстому и его семьѣ непріятности и убытки. Императоръ принялъ графиню С. А. весьма любезно, представилъ ее Императрицѣ, долго бесѣдовалъ съ ней и далъ, затѣмъ, согласіе на всѣ ея желанія. Къ сожалѣнію, это доброе расположеніе Государя скоро прошло—по слѣдующему поводу: Государь разрѣшилъ, между прочимъ, печатаніе „Крейцеровой Сонаты“ въ собраніи сочиненій гр. Толстого, но отнюдь не отдѣльной книжкой; и вдругъ, неизвѣстно по чьей винѣ, и, конечно, помимо, граф. Софьи Андреевны, эта „Соната“ появилась въ отдѣльной продажѣ. Враги поспѣшили доложить объ этомъ Государю,—и когда я рѣшилась-было защищать Толстыхъ, то было поздно: Государь не далъ мнѣ и докончить объясненія и разразился на ихъ счетъ довольно жёсткими словами. Впрочемъ, онъ никогда и послѣ не мстилъ имъ за это; я же ужасно жалѣла,

что обоюдное доброе впечатлѣніе было испорчено навсегда. Отличительная черта характера Государя Александра III была неумолимая ненависть къ обману; самъ онъ былъ правдивъ, comme un diamant sans paille".

На этомъ я и нахожу возможнымъ закончить настоящій очеркъ, опредѣляющій, *главнымъ образомъ*, отношенія покойной графини къ Л. Н. Толстому. Что же касается ея дружескихъ сношеній съ Гончаровымъ, Тургеневымъ и А. Толстымъ, равно какъ и ея знакомства, хотя и кратковременнаго, съ Достоевскимъ, я надѣюсь посвятить этому, впослѣдствіи, отдѣльную статью, пользуясь интереснѣйшими разсказами покойной А. А. объ этихъ ея знакомствахъ, а отчасти и имѣющимися у меня матеріалами.

О самой графинѣ я считаю необходимымъ сказать еще вотъ что. Нельзя не выразить искренняго сожалѣнія, что ея „Запискамъ", въ особенности тѣмъ, что писаны на французскомъ языкѣ, долго еще не суждено будетъ появиться на божій свѣтъ, и едва ли срокъ ихъ появленія будетъ короче того, который выпалъ на долю записокъ гр. Головиной, появившихся въ печати (въ Россіи) почти сто лѣтъ спустя—по минованіи событій, въ нихъ описанныхъ. „Записки" графини А. А. Толстой захватываютъ собою несравненно большее пространство времени, такъ какъ на ея долю выпало быть свидѣтельницей жизни Двора при *четырехъ* царствованіяхъ, начиная съ 1846 и кончая восемью годами нынѣшняго царствованія. Ея несомнѣнныя преимущества предъ гр. Головиной заключаются еще, во-первыхъ, въ ея замѣчательномъ умѣ и обширномъ, всестороннемъ образованіи: не даромъ же ей было ввѣрено воспитаніе единственной дочери императора Александра II. Во-вторыхъ, ея преимущество состоитъ въ болѣе широкомъ кругозорѣ ея наблюденій: кромѣ Двора, она вращалась еще и въ средѣ лучшихъ литературныхъ силъ минувшаго вѣка. Она до конца жизни сохраняла свой свѣтлый умъ и продолжала интересоваться каждымъ выдающимся явленіемъ умственной жизни въ Россіи, каждою новою и почему-либо замѣчательною книгою. Помню, разъ, вечеромъ, — это было въ февралѣ 1900 г.,—въ ея гостиной, я прочелъ ей прекрасное стихотвореніе „Три зари", написанное А. С. Ермоловымъ ко дню столѣтія со времени рожденія Пушкина [1]. Графиня очень по-

[1]) Это стихотвореніе появилось тогда въ газетахъ въ крайне искаженномъ видѣ, а въ окончательной редакціи нигдѣ послѣ не было помѣщено. Экземпляръ, полученный графинею, былъ исправленъ самимъ авторомъ.

желала имѣть у себя эту поэтическую вещь,—и я поспѣшилъ предложить ей имѣвшійся у меня печатный экземпляръ; но она, узнавъ, что этотъ экземпляръ у меня—единственный, отказалась принять его и выразила желаніе, чтобы я попросилъ автора удѣлить и ей одинъ экземпляръ этого стихотворенія. Желаніе графини было исполнено, и она поспѣшила благодарить Алексѣя Сергѣевича—въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ.

При всемъ своемъ мягкомъ характерѣ и безконечно добромъ сердцѣ, покойная А. А. не могла переносить лишь двухъ вещей: современнаго невѣрія съ его новѣйшимъ „евангеліемъ" и новою „вѣрою" и, вообще, великосвѣтскихъ сектъ и чудачествъ. Она была сильно возмущена и оскорблена въ глубинѣ своихъ вѣрованій, когда прочитывала нѣкоторыя мѣста въ послѣдней повѣсти своего давняго друга... Второе, чего она не могла выносить, это—модной, босяческой литературы, со всѣмъ ея цинизмомъ и пошлостью. Къ декадентамъ она относилась болѣе снисходительно и смѣялась, иногда, до слезъ, читая ихъ полоумные стихи и прозаическія произведенія—въ цитатахъ В. П. Буренина. Она была глубоко религіозною женщиной и строгою хранительницей изящнаго наслѣдія и традицій былого времени, не дозволяя никому и никогда глумиться, или иронизировать, въ ея присутствіи, надъ ея вѣрою и надъ сокровищницей ума и талантовъ минувшаго вѣка, три четверти котораго прошли на ея глазахъ. Она была—можно смѣло сказать—одною изъ блестящихъ русскихъ женщинъ девятнадцатаго столѣтія.

Скончалась графиня Толстая 87-ми лѣтъ, переживъ всѣхъ своихъ близкихъ родныхъ, но сохранивъ до конца жизни множество друзей. Между ними была одна ея сверстница, Е. Н. Шостакъ, которая участвовала, вмѣстѣ съ Л. Н. Толстымъ, въ 1857 году, въ упомянутомъ выше путешествіи по Швейцаріи, цѣлою компаніей, съ графинею А. А. во главѣ. Кромѣ г-жи Шостакъ и гр. Толстого, ближайшими лицами къ покойной графинѣ, за послѣднее время, были: ея родственницы А. Н. Каменская и А. Г. Зеньковичъ, крестница ея Е. А. Масальская-Сурина, гр. В. Б. Перовская, гр. А. Е. Комаровская, М. В. Бельгардъ, кн. М. М. Дондукова-Корсакова, князь К. А. Горчаковъ, М. Н. Галкинъ-Врасскій, семья Л. Н. Толстого (младшая дочь котораго, Александра Львовна, была крестницей графини и названа ея именемъ), и многіе другіе. Позволяю себѣ упомянуть и о тѣхъ теплыхъ симпатіяхъ, которыми пользовалась покойная со стороны многихъ особъ императорской фамиліи,—главнымъ образомъ, со стороны ихъ высочествъ: бывшей своей

воспитанницы, герцогини М. А. Кобургской, и принцессы Евгеніи Максимиліановны—бывшей воспитанницы ея сестры, Елизаветы Андреевны.

Незадолго до своей смерти, графиня Александра Андреевна, страдавшая въ послѣдніе годы глазами, говорила, вздыхая, Е. А. Масальской:

— „Какъ жаль мнѣ того времени, которое я напрасно потратила на пріемы!.. Ахъ, если бы я знала, что мнѣ измѣнятъ мои глаза, я давнымъ-давно принялась бы за свои „Записки", —и онѣ были бы много полнѣе"!...

Ив. Захарьинъ (Якунинъ).

20 апрѣля 1904 г.

ИЗЪ ЖИЗНИ
НА
ДАЛЬНЕМЪ ВОСТОКѢ

Іюнь 1900 г.—Мартъ 1903 г.

Южно-Уссурійскій край, Печилійская провинція, Японія и Южная Манчжурія.

Окончаніе.

27 *).

30-го мая 1901 г., Шанхай-Гуань.

Изъ Іокогамы въ Нагасаки немного болѣе двухъ сутокъ пути. Первыя сутки въ нашемъ поѣздѣ имѣлся буфетъ, въ которомъ приготовлялись кушанья по-европейски. Но на другой день оказалось совсѣмъ не то. Вагонъ съ буфетомъ отцѣпили, а на станціяхъ, кромѣ очень плохого кофе и еще худшаго японскаго чая, ничего нельзя было достать. Японская публика устроивалась очень удобно: на каждой станціи мальчишки выкрикиваютъ что-то, и оказалось, они продаютъ снѣдь. Такъ какъ голодъ—не свой братъ, и кромѣ того, нашъ знакомый зоологъ увѣрилъ насъ, что японская кухня очень и очень не дурна, то мы и рѣшились попробовать. За 15 коп. мы получили двѣ чистенькія коробочки изъ

---

*) См. выше: май, стр. 5.

лыка, величиной и видомъ напоминавшія наши коробочки съ конфектами. Въ одной изъ коробочекъ былъ прекрасный рисъ, сваренный на пару безъ соли и безъ сахара, а въ другой были кусочки всякой всячины. Здѣсь было и мясо, и какая-то мелкая копченая рыба, въ родѣ шпротовъ, и креветки, и крошечные осьминоги, и какія-то растительные кусочки (вѣроятно, бамбукъ—въ Японіи и Китаѣ ѣдятъ молоденькіе побѣги бамбука), и какое-то тѣсто... И все, все это сварено или зажарено въ сахарѣ! Представьте себѣ мясо и копченую рыбу въ сахарѣ! А тутъ еще осьминоги и прочая морская снѣдь! Къ завтраку полагается еще—за тѣ же 15 коп.—пара палочекъ (вмѣсто ножа и вилки), бумажная салфетка и одна зубочистка. Все это сложено въ аккуратненькій длинненькій конвертъ и связано вмѣстѣ съ коробочками. Разумѣется, мы съѣли только одинъ дѣйствительно прекрасный, но, увы, безъ всякаго вкуса, рисъ, и разумѣется,—этого было слишкомъ мало для двоихъ въ теченіе сутокъ.

Ночью того же дня мы очутились на пароходѣ, который перевезъ насъ (по тому же желѣзнодорожному билету) съ острова Нипона на островъ Кіу-Сіу, на которомъ находится Нагасаки. На пароходѣ былъ европейскій буфетъ, и мы себя вознаградили за постъ въ теченіе дня.

Въ Нагасаки мой мужъ совершенно случайно познакомился съ однимъ изъ видныхъ мѣстныхъ врачей, и тотъ пригласилъ его посмотрѣть Пастеровскую станцію и медицинскую школу. Въ Японіи два университета—въ Токіо, и другой—не помню хорошенько—въ Осокѣ или Кіото. Но, помимо университетовъ, въ Японіи имѣются пять высшихъ медицинскихъ школъ, выпускающихъ врачей, и одну изъ нихъ въ Нагасаки мы могли осмотрѣть, благодаря любезности д-ра Сикурая. Самъ докторъ — господинъ лѣтъ сорока, съ замѣтной просѣдью, маленькаго роста, какъ всѣ японцы, но съ очень пріятнымъ, почти красивымъ лицомъ. По моему, это самый красивый японецъ, изъ всѣхъ, которыхъ я видѣла. Говорилъ онъ по-англійски и очень плохо по-нѣмецки. Онъ—преподаватель акушерства и гинекологіи въ школѣ. Школа помѣщается за городомъ, въ нѣсколькихъ, очень бѣдныхъ флигеляхъ и, видно, существуетъ на мѣдные гроши. Но при ней прекрасныя по результатамъ, хотя тоже очень бѣдно обставленныя клиники. Ея кабинеты и лабораторіи болѣе, чѣмъ скромны, но, тѣмъ не менѣе, она выпускаетъ дѣльныхъ врачей, и въ то время, когда мы ее осматривали, въ ней обучалось до 400 юношей. Самъ докторъ—прекрасный акушеръ и операторъ, и мой мужъ видѣлъ результаты его операцій, которые не посрамили бы любой

европейской клиники. Должна еще прибавить, что всюду царитъ истинно японская чистота, которая не уступитъ нѣмецкой или голландской. Тутъ же, при школѣ, Пастеровская станція, и у насъ на глазахъ дѣлали массу прививокъ, между прочимъ, огромному французскому солдату изъ Пекина, укушенному еще зимою бѣшеной собакой, и товарищъ котораго недавно погибъ отъ укушенія тою же собакою.

Чтобы закончить настоящее письмо, разскажу еще вамъ про нашу поѣздку въ Абамо и въ Узенъ. Объ Абамо, впрочемъ, много разсказывать нечего. Деревушка эта славится горячими щелочными и солеными источниками. Говорятъ, туда стекается много больныхъ каждое лѣто; но когда мы тамъ были—конецъ апрѣля—сезонъ только начинался, и поэтому больныхъ было еще немного. Для европейцевъ — масса русскихъ изъ Уссурійскаго края и западно-европейцевъ, служащихъ на Дальнемъ Востокѣ—имѣются двѣ вполнѣ приличныя гостинницы. Полный пансіонъ можно имѣть за 90 руб. въ мѣсяцъ; а что значитъ полный пансіонъ въ Японіи—вы уже имѣете понятіе. Японцамъ жизнь тамъ обходится гораздо дешевле, такъ какъ тамъ есть нѣсколько японскихъ гостинницъ, приноровленныхъ къ скромнымъ вкусамъ сыновъ страны Восходящаго Солнца. Тамъ же мы видѣли оригинальное зрѣлище—японскую баню. Баня эта помѣщается въ домикѣ, выходящемъ прямо на улицу, причемъ передняя стѣна домика—рѣшетчатая. Такая же перегородка, низкая, но глухая, раздѣляетъ домикъ на двѣ половины. Въ каждой половинѣ стоитъ по огромной ваннѣ, вмѣщающей разомъ по нѣскольку человѣкъ, и вотъ тутъ-то, на глазахъ у проходящей публики и другъ у друга, моются въ одномъ отдѣленіи мужчины, въ другомъ—женщины! Моющіеся въ разныхъ отдѣленіяхъ разговариваютъ между собою и вообще держатъ себя такъ, какъ будто ничего особеннаго нѣтъ во всемъ этомъ. Мужчины, для того, чтобы имъ просторнѣе было одѣваться, выскакиваютъ въ костюмахъ Адама на улицу и тутъ же обматываютъ себя поясомъ и совершаютъ весь свой нехитрый туалетъ.

Мы переночевали въ Абамо и на слѣдующее утро сидѣли уже въ носилкахъ—каждаго изъ насъ несли на плечахъ четверо сильныхъ носильщиковъ, и мы поднимались въ гору, въ Унзенъ. Дорога туда очень красива; поднимаешься все выше и выше, и каждый разъ открывается все болѣе обширный видъ. Зато растительность становится все бѣднѣе; внизу ростутъ финиковыя пальмы, а наверху — „ель, сосна да мохъ сѣдой“. Далеко отъ сѣрныхъ источниковъ вы уже узнаете ихъ: носильщики указали

намъ на пары, поднимающіеся надъ ними. Когда мы подвинулись еще ближе, то различали уже запахъ сѣроводорода. Но вотъ мы на мѣстѣ. Сейчасъ проводникъ—и въ путь-дорогу! Проводникъ привелъ насъ прямо къ гейзеру. Положимъ, мы и сами нашли бы къ нему дорогу по шуму, который онъ производитъ, и по удушливому запаху, который, чѣмъ ближе, тѣмъ сильнѣе. Но безъ проводника мы бы навѣрное попали въ большую бѣду. Представьте себѣ, что, идя къ гейзеру, надо отлично знать всѣ тропинки—иначе вы рискуете обжечь себѣ ноги и даже „провалиться сквозь землю". Почва подъ вашими ногами мягкая, осѣдающая, горячая, а немного въ сторону—и температура невыносимо влажная для человѣка. Въ разныхъ мѣстахъ на поверхности земли, то тутъ, то тамъ, что-то бурлитъ и кипитъ—это крошечные ключи, пробивающіе себѣ дорогу. Все вмѣстѣ производитъ впечатлѣніе, какъ будто геологическая формація здѣсь еще не закончилась, находится im Werden и заставляетъ подумывать о могущихъ быть изверженіяхъ и землетрясеніяхъ. Самъ гейзеръ—величественный фонтанъ, бьющій прямо изъ земли на нѣсколько саженей вверхъ. Температура его очень высока,—помнится, намъ говорили 80⁰ по Цельсію. Густыя облака пара окружаютъ его и запахъ, сначала почти невыносимый, понемногу перестаетъ почти на васъ дѣйствовать.

28.

2-го августа 1901 г., Ляоянъ.

Мѣшала мнѣ писать вамъ чисто-физическая причина — это тропическая жара, которую мы здѣсь испытываемъ. Съ утра до вечера и съ вечера до утра мы изнываемъ и обливаемся пòтомъ. Я говорю—съ вечера до утра, потому что ночи тоже невыносимо душныя: температура не опускается ниже 22^0, а сплошь и рядомъ ртуть стоитъ на $26 — 27^0$ въ теченіе цѣлой ночи! Собственно, температура еще не слишкомъ высока. Самая высокая температура, какую я наблюдала, была 48^0 по Цельсію—около 39^0 по Реомюру—на солнцѣ. Это, само по себѣ взятое, еще не такъ много. Но бѣда въ томъ, что здѣсь страшная масса испареній. Въ настоящее время, въ южной Манчжуріи—такъ называемый періодъ дождей; дожди — да какіе! чисто тропическіе!—льютъ по двое, по трое сутокъ безпрерывно; затѣмъ прекращается дождь на день-два и опять сначала! И такъ тянется уже шесть недѣль. Говорятъ, придется потерпѣть еще недѣли двѣ.

Даже *во время* дождя температура не падаетъ, и мы чувствуемъ себя постоянно какъ въ банѣ, на верхнемъ полкѣ. Можете себѣ представить, каково ощущеньице, когда дождь прекращается и яркое солнышко начинаетъ припекать и извлекать пары изъ грѣшной земли! Ночью, какъ я уже говорила, тоже передышки нѣтъ. И хотя у насъ устроенъ душъ, который мы принимаемъ два-три раза въ сутки, какъ только дождь позволяетъ подойти къ нему,—но все-же мы изныкаемъ и пропадаемъ отъ жары. Вслѣдствіе чудовищной сырости развилась масса всякой дряни. Мухоловки—отвратительныя, быстро бѣгающія насѣкомыя; медвѣдки летаютъ въ невѣроятномъ количествѣ и отравляютъ намъ каждый ужинъ. И что̀ всего хуже—здѣсь масса скорпіоновъ, и было уже нѣсколько случаевъ ужаленія скорпіонами; къ счастью, всѣ случаи кончились благополучно. У насъ въ квартирѣ убили трехъ скорпіоновъ, а четвертаго — на порогѣ! Вслѣдствіе дождей у насъ размыло много крышъ, повалило много стѣнъ и вообще много разрушеній въ усадьбѣ, которую мы—т.-е. полкъ—занимаемъ. Но это еще пустяки; а вотъ что̀ серьезно: дождями и половодіемъ разрушило полотно желѣзной дороги, почти уничтожило всѣ пути сообщенія, и вотъ уже три недѣли, какъ мы сидимъ безъ писемъ, безъ газетъ, безъ многихъ продуктовъ, которыхъ въ Ляоянѣ достать нельзя. И когда будетъ возстановлено сообщеніе съ Артуромъ, когда уйдетъ настоящее мое письмо—Аллахъ вѣдаетъ!

29.

8 августа 1901 г., Ляоянъ.

Китайцы, зная прекрасно свой климатъ, приспособили свою жизнь такъ, что въ дождливый періодъ имъ никуда и ничего не нужно. До этого времени тянется въ городъ масса обозовъ, и все для нихъ нужное припасается въ потребномъ количествѣ. Затѣмъ, во время дождей, подвозъ прекращается; но они ни въ чемъ не терпятъ нужды, такъ какъ запасы сдѣланы. Мы же, будучи знакомы съ мѣстными условіями только въ теоріи и владѣя желѣзной дорогой, и не подумали о дождливомъ періодѣ,—и за то наказаны. Всѣмъ, кого дожди застигли въ дорогѣ, пришлось болѣе или менѣе побѣдствовать. Случалось такъ, что поѣздъ дней восемь—десять не могъ уйти съ какой-нибудь несчастной, маленькой станціи! Иногда размытыми оказывались мосты, и болѣе смѣлые пассажиры переѣзжали бурную рѣку въ лодкахъ, а на томъ берегу ждалъ поѣздъ до слѣдующаго препятствія, и т. д. А вотъ приключеніе совсѣмъ въ духѣ Жюля

Верна. Однажды, вечеромъ, сидѣли мы въ небольшой компаніи и пили чай. Вдругъ къ полиціймейстеру (теперь въ каждомъ манчжурскомъ городѣ, занятомъ русскими войсками, имѣется полиціймейстеръ изъ офицеровъ) подходятъ два китайца и, опустившись на одно колѣно, передаютъ ему бутылку. Бутылка оказалась плотно запечатанной. Когда горлышко было отбито, изъ нея вынуты были два письма на русскомъ и англійскомъ языкахъ. Въ русскомъ письмѣ значилось, приблизительно, слѣдующее: „Я, полковникъ генеральнаго штаба З. и американскій сенаторъ (не помню его фамиліи) находимся въ критическомъ положеніи. Застигнутые наводненіемъ, мы искали спасенія на холмѣ. Теперь насъ со всѣхъ сторонъ окружаетъ вода, и если добрые люди не придутъ на помощь, намъ можетъ быть очень скверно". Затѣмъ — указаніе мѣстности, гдѣ ихъ слѣдуетъ искать. Въ англійскомъ письмѣ то же самое писалъ американецъ на случай, еслибы письмо попало въ руки англичанину.

Полковникъ З. былъ посланъ для топографическихъ съёмокъ, а американскій сенаторъ возвращался изъ Петербурга, гдѣ онъ былъ очень обласканъ. Онъ имѣлъ открытый листъ, и хотѣлъ изучить подробно строящуюся черезъ Манчжурію желѣзную дорогу. Случай, какъ видите, ему поблагопріятствовалъ—онъ изучилъ все въ подробностяхъ. Съ З. онъ встрѣтился случайно.

Сейчасъ же полиціймейстеръ послалъ къ тифанчуану (начальнику уѣзда), и тотъ снарядилъ лодки и опытныхъ людей для спасенія погибающихъ. На другой день они были разысканы.

30.

11 августа 1901 г., Ляоянъ.

7-го мая вернулись мы изъ Японіи въ Шанхай-Гуань. Мы не предупреждали о нашемъ пріѣздѣ; поэтому на вокзалѣ никто насъ не встрѣтилъ, лошадей не было, и мы пошли пѣшкомъ въ нашъ фортъ. Зато, когда мы пришли въ фортъ, то встрѣтили самый горячій пріемъ. Еще по пути туда намъ попались на встрѣчу два—три офицера, приготовлявшіеся къ скачкамъ (о нихъ —ниже), и они насъ очень радостно привѣтствовали.

7-го мая мы пріѣхали, а 10-го были скачки и вечеръ въ собраніи N—скаго пѣхотнаго полка, во время котораго у насъ на глазахъ случилось убійство...

Съ десяти часовъ были назначены скачки офицерскія, а послѣ— обильный холодный завтракъ тутъ же, на скаковомъ кругу, съ возліяніями и съ многочисленными тостами въ честь офицеровъ,

взявшихъ призы. Выпито было изрядно. На скачкахъ произошелъ слѣдующій инцидентъ, но уже послѣ того, какъ мы съ мужемъ ушли домой,—я разсказываю по слухамъ. Нашъ офицеръ Л. и адъютантъ начальника отряда З. вздумали мѣряться силами. Л. вообще любилъ выпить и былъ тогда уже зѣло пьянъ. З., говорятъ, былъ трезвъ. Побѣдителемъ оказался З. Тогда Л., гордящійся своей силой и имѣвшій старые счеты съ З. [1]), сталъ кричать, что подло въ борьбѣ подставлять ножку (по свидѣтельству очевидцевъ, З. ноги не подставлялъ, а Л. споткнулся о скамейку), вытащилъ изъ кармана всегда при немъ имѣвшійся заряженный револьверъ и направилъ его на З. Тутъ вмѣшалась публика,—помѣшали расправѣ и даже помирили ихъ, заставили чокнуться. Со скачекъ публика разъѣхалась и разошлась въ разныя стороны. Въ пять часовъ, послѣ обѣда, были назначены солдатскія игры въ этомъ же полку. Мы съ мужемъ туда не поѣхали, желая отдохнуть передъ вечеромъ. Но большинство публики, въ томъ числѣ Л. и З., тамъ были. Публика опять немного подпила, и разсказываютъ, что оба противника враждебно другъ на друга посматривали и оба старались держаться поближе къ нашему командиру, боясь остаться съ глазу на глазъ (безъ старшаго) другъ съ другомъ. Л. шумѣлъ, безобразничалъ, велъ себя какъ пьяный. З. съ игръ пріѣхалъ въ нашъ фортъ № 4. (Л. жилъ въ фортѣ № 7) и былъ въ размягченно-сентиментальномъ настроеніи духа. Онъ разсказывалъ, что скоро къ нему должна пріѣхать жена; что она, по всѣмъ вѣроятіямъ, выѣхала уже моремъ изъ Одессы. Должна была она пріѣхать раньше, но ее задержало въ Россіи семейное несчастье—самоубійство брата. Братъ ея—бывшій студентъ П.,—сданный, за участіе въ безпорядкахъ, въ солдаты. О его самоубійствѣ были корреспонденціи въ газетахъ. Мы всѣ вмѣстѣ поужинали у насъ въ столовой (у насъ до сихъ поръ общая офицерская столовая) и всѣ вмѣстѣ отправились въ полкъ.

Вечеръ былъ у нихъ устроенъ очень мило. Квадратный дворикъ, весь вымощенный большими каменными плитами, былъ превращенъ въ танцовальную залу. Дворикъ этотъ со всѣхъ четырехъ сторонъ окаймленъ домами, которые всѣ были ярко освѣ-

---

[1]) Они поссорились еще въ Пекинѣ, при первой же встрѣчѣ; но затѣмъ помирились. З. бывалъ у Л., и въ роковой для него день, 10-го мая, пріѣхалъ на скаковой кругъ верхомъ, вмѣстѣ съ хорошенькой женой Л., что̀, конечно, послѣднему—отчаянному ревнивцу—не понравилось. Самъ же Л., который былъ однимъ изъ распорядителей скачекъ и устроителей завтрака для публики, былъ на кругу съ пяти часовъ утра.

щены. Кромѣ того, на уровнѣ крышъ были протянуты проволоки, и на нихъ висѣли разноцвѣтные китайскіе фонарики. Въ одномъ изъ домиковъ, прямо противъ входа, была устроена столовая—въ обыкновенное время это полковая церковь. Какъ видите, совершенно по-американски. Въ эту столовую ведетъ нѣсколько каменныхъ ступенекъ, и вотъ тутъ-то, на этихъ ступенькахъ, разыгралась трагедія. Л. запретилъ своей супругѣ танцовать съ З., и не только съ нимъ, но и vis-à-vis его. З. счелъ себя оскорбленнымъ и пошелъ съ заявленіемъ къ нашему командиру. „Такъ, молъ, и такъ: Л. нашей пустой ссорѣ изъ-за единоборства придаетъ оскорбительный для меня, какъ для семейнаго человѣка, характеръ, запрещаетъ женѣ своей танцовать со мной и vis-à-vis меня. Разрѣшите завтра утромъ пріѣхать съ товарищемъ для объясненій". Полковникъ разрѣшилъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сейчасъ же призвалъ Л. и приказалъ ему уѣхать съ вечера. Тотъ отвѣтилъ: „слушаюсь"; но вмѣсто того, чтобы уѣхать, подошелъ къ З., стоявшему въ толпѣ офицеровъ на ступенькахъ, ведущихъ въ столовую, и назвалъ его подлецомъ. З. размахнулся и ударилъ его; тогда Л. выхватилъ револьверъ и выстрѣлилъ въ З... Все это произошло такъ быстро, что никто не успѣлъ опомниться. З. схватился обѣими руками за сердце и вбѣжалъ въ столовую со словами: „Убитъ! меня убили!"—Такъ какъ крови еще не было на его бѣломъ кителѣ, и въ столовой, изъ-за музыки, не разслышали выстрѣла, то бывшая тамъ публика подумала, что З. шутитъ. Онъ между тѣмъ, смертельно блѣдный, опустился на скамейку. Сзади къ нему подошелъ полковникъ Ж., взялъ его за плечи и, шутя, спросилъ: „Кто васъ убилъ?"—„Л. меня убилъ",—отвѣтилъ З., падая на скамью. Тутъ у него изъ раны и изъ горла хлынула кровь, и онъ сейчасъ же скончался.

Въ моментъ убійства я была на дворѣ, шагахъ въ пятнадцати отъ той группы, гдѣ и случилось несчастье. Внезапно раздался звукъ выстрѣла, и одновременно надъ головами вышеописанной группы загорѣлся фонарикъ. Многіе подумали, что загорѣлся съ такимъ трескомъ фонарь. Меня сейчасъ же охватило предчувствіе чего-то недобраго, хотя въ тотъ моментъ я еще понятія не имѣла о дурныхъ отношеніяхъ между Л. и З. Но за m-me Л. ухаживалъ другой офицеръ, и такъ какъ Л. пользовался славой бѣшенаго ревнивца, то я и подумала, что онъ выстрѣлилъ въ того, другого. Черезъ нѣсколько секундъ раздались крики: „доктора! доктора!" — А музыка продолжаетъ наигрывать веселый вальсъ!.. Еще черезъ нѣсколько секундъ вышли изъ столовой

врачи и объявили, что З. убитъ на-поваль. Л. сейчасъ арестовали. Можете себѣ представить ужасъ, который охватилъ всѣхъ присутствовавшихъ! Первая мысль, которая явилась у всѣхъ,— уѣхать! Но не легко было привести ее въ исполненіе. Ночь темная, хоть глазъ выколи. Приказано было заложить всѣ имѣвшіеся налицо экипажи и приготовить факелы. Пока шли всѣ эти приготовленія, пронесли на носилкахъ изъ столовой черезъ танцовальный залъ тѣло З., который сейчасъ только былъ веселъ, танцовалъ, шутилъ! Грустное впечатлѣніе произвелъ видъ этого тяжело лежавшаго на носилкахъ мертваго тѣла! Покойному было всего лѣтъ двадцать-семь—двадцать-восемь. Его убійца— человѣкъ лѣтъ тридцати-трехъ—тридцати-пяти.

Экипажей долго не подавали—по случаю полкового праздника всѣ солдаты были, вѣроятно, выпивши. А мы все ходили и ходили по двору, охваченные тяжелымъ чувствомъ въ ожиданіи, когда можно будетъ уѣхать. Но такъ какъ время шло, публика не разъѣзжалась, а ужинъ былъ готовъ, то офицеры этого полка, какъ гостепріимные хозяева, стали приглашать гостей къ столу. Кровь вымыли, и усѣлись мы въ той самой комнатѣ, откуда только-что былъ вынесенъ трупъ. Правда, мы съ мужемъ сѣли у самой двери и улизнули, какъ только услыхали, что экипажи поданы. Правда и то, что всѣ вообще плохо поужинали...

Пріѣхалъ слѣдователь; допросилъ массу офицеровъ, и вотъ, мѣсяца два тому назадъ, состоялся въ Артурѣ военно-полевой судъ, который, послѣ разныхъ смягченій, приговорилъ Л. къ заключенію на два года восемь мѣсяцевъ въ крѣпости, съ исключеніемъ со службы... Интересно еще совпаденіе обстоятельствъ. Въ то время, какъ разбиралось дѣло, прибыла въ Артуръ ничего не подозрѣвавшая жена З. Можно себѣ представить ея пріѣздъ и состояніе духа, тѣмъ болѣе, что все-таки смутная молва гласила, что онъ убитъ изъ-за женщины!

Конечно,—еще долго спустя послѣ убійства у насъ только и разговоровъ было, что объ этомъ событіи. И такъ въ этихъ разговорахъ прошло время до отъѣзда изъ Шанхай-Гуаня.

31.

1 сентября 1901 г., г. Ляоянъ.

Отъ Шанхай-Гуаня до Ляояна верстъ четыреста, и мы были въ пути пять сутокъ, только на шестыя прибыли въ Ляоянъ. Здѣсь мы живемъ въ самомъ центрѣ китайскаго города, занимаемъ

большую усадьбу и кругомъ насъ живутъ китайцы. Что касается насъ лично, то квартира у насъ хорошая, конечно, примѣнительно въ мѣсту, гдѣ мы находимся. У насъ двѣ большихъ комнаты, съ двумя окнами въ каждой, и кромѣ того отдѣльно комната для вѣстовыхъ. Мы оклеили квартиру свѣжими обоями, и комнаты имѣютъ такой уютный видъ, что почти каждый, входя къ намъ въ первый разъ, замѣчаетъ: „Да у васъ очень мило! У васъ пахнетъ Европой!“ и т. п.

Въ своемъ письмѣ къ Х., отъ 4-го августа, я жаловалась на жару и на сырость. Теперь этого нѣтъ: стоитъ роскошная погода — теплые, но не слишкомъ жаркіе дни и восхитительныя ночи. Это—хорошія стороны нашей стоянки, но есть и дурныя... А больше всего насъ изводитъ слухи! То говорятъ, что мы здѣсь зимовать будемъ; то, что насъ уведутъ въ Уссурійскій край; то мы идемъ большой экскурсіей въ Монголію; то вообще уходимъ куда-то изъ Ляояна... И надъ всѣмъ этимъ—общій слухъ, что дамъ скоро выселятъ отсюда...

Хотѣла еще разсказать кое-что о здѣшнихъ нравахъ. Казнятъ людей китайскія власти направо и налѣво, какъ пить даютъ. Напр., сидимъ мы въ общей столовой за обѣдомъ, вдругъ является переводчикъ-китаецъ и приглашаетъ присутствующихъ отъ имени тифанчуана (начальникъ уѣзда) на казнь! Послѣ этого было еще нѣсколько казней. Говорятъ, что тифанчуанъ въ силу своей должности (а онъ птица не изъ крупныхъ) имѣетъ право казнить ежедневно четырнадцать человѣкъ! „Китайски земля люди много!“ —какъ говорятъ китайцы.

Намедни произошла слѣдующая исторія. Дня три тому назадъ принесли во дворъ командира батареи три отрубленныя головы. Ихъ несли два человѣка на шестѣ; двѣ головы были связаны косами и перекинуты черезъ палку; а изъ косы третьей головы сдѣлана была петля и она была надѣта на ту же палку. Ихъ сбросили къ ногамъ подошедшей жены командира батареи, которая, будучи очень близорукой, не разглядѣла, что̀ принесли!.. Ведутъ преступниковъ на казнь съ большой помпой, съ музыкой, со знаменами! Живя въ центрѣ китайскаго города, намъ пришлось раза два-три столкнуться съ преступниками, которыхъ вели на казнь. Никогда не забуду я первой изъ этихъ встрѣчъ! Мы вышли погулять въ самомъ беззаботномъ настроеніи духа; но едва только свернули на главную улицу, какъ мы очутились среди такой густой толпы народа, что принуждены были двигаться вмѣстѣ съ толпой. Китайцы были возбуждены, что-то громко говорили, куда-то стремились... Оказалось, всѣ стремились на встрѣчу

хунхузамъ, ведомымъ на казнь. Ихъ было человѣкъ десять, и сидѣли они въ нѣсколькихъ телѣгахъ, крѣпко связанные веревками, и кромѣ того, каждаго хунхуза держало еще человѣкъ пять-шесть. Говорятъ, держатъ ихъ такимъ образомъ добровольцы изъ публики, которымъ это доставляетъ особенное удовольствіе, и не только взрослые, но даже дѣти! И мы видѣли двухъ-трехъ мальчишекъ на телѣгахъ, но не поняли, въ чемъ ихъ роль. Я, признаться, пренаивно думала, что это сыновья сопровождаютъ своихъ отцовъ на смерть. За спиной каждаго преступника привязано по огромной бумажной стрѣлѣ, на перѣ которой что-то написано, надо думать—преступленіе, за которое онъ несетъ такую ужасную кару... Ѣхавшій въ первой телѣгѣ хунхузъ былъ почему-то привязанъ стоя къ столбу, а надъ головой его выдавалась стрѣла съ надписью... Онъ былъ прямо сѣрый отъ ужаса, глаза были неестественно расширены, и онъ, казалось, на половину былъ уже мертвъ... Но не таковы были остальные. Тѣ, напротивъ, были сильно возбуждены: они что-то кричали, пѣли, декламировали и при этомъ видимо обращались къ толпѣ, тѣснившейся вплотную вокругъ нихъ. Ужасенъ былъ этотъ крикъ людей, которыхъ вели на смерть! Особенно памятенъ мнѣ одинъ хунхузъ съ краснымъ лицомъ. Онъ особенно убѣдительно и громко говорилъ что-то толпѣ и даже пытался жестикулировать связанными руками... Замѣтивъ насъ, онъ подмигнулъ въ нашу сторону и опять что-то сказалъ. Сколько я потомъ ни разспрашивала нашего переводчика,—такъ и не могла отъ него добиться толкомъ, чтò говорили хунхузы народу... Слова хунхузовъ были заглушены трубами, барабанами, вообще музыкой. Кажется, всѣ наличныя китайскія войска Ляояна сопровождали съ развернутыми знаменами этотъ печальный кортежъ. Сзади несли красный паланкинъ тифанчуана, и самъ онъ, въ красномъ плащѣ и съ краснымъ капюшономъ на головѣ, со своимъ безстрастнымъ, какъ у идола, лицомъ, казался живымъ олицетвореніемъ смертной казни, проливаемой крови...

Мы, конечно, ни разу не видали смертной казни, но много слышали о ней. Въ различныхъ провинціяхъ она совершается по различному. Есть мѣста, между прочимъ у насъ въ Ляоянѣ, гдѣ преступнику сносятъ голову однимъ ударомъ ножа. Въ другихъ пунктахъ отдѣляютъ голову отъ туловища нѣсколькими ударами, а иногда и отпиливаютъ ее...

Вообще, по части разныхъ жестокостей китайцы—большіе мастера. Говорятъ, у нихъ не казнятъ человѣка безъ собственнаго его признанія; а для того, чтобы вынудить то употребляютъ, разумѣется, пытки. Человѣку, у котораго вынудили сознаніе вины,

кладутъ печати на большіе пальцы. Вообще, правосудіе у нихъ нераздѣльно съ пытками. Говорю все это на основаніи того, чтò слышала...

Въ квалификаціи казней у нихъ тоже большая утонченность. Самая распространенная казнь, это—обезглавленіе. Затѣмъ слышала еще про слѣдующій варварскій способъ лишенія жизни. Преступника помѣщаютъ въ высокую, узкую клѣтку, причемъ голова его остается наружу, вдѣтая въ отверстіе потолка клѣтки. Такъ какъ клѣтка значительно выше человѣческаго роста, то преступника ставятъ предварительно на кирпичи. Затѣмъ, когда голова его хорошо закрѣплена въ своемъ кольцѣ, кирпичи изъ-подъ ногъ постепенно вытаскиваются, и несчастный повисаетъ всею тяжестью тѣла на своей головѣ... Для того, чтобы онъ не слишкомъ кричалъ, ему предварительно вырѣзываютъ языкъ... Клѣтка съ преступникомъ выставляется на показъ народу, и онъ умираетъ такимъ образомъ въ теченіе двухъ-трехъ дней. Я знаю одну даму, которая случайно наткнулась у дома судьи на такую картину. Я, къ счастью, этого не видѣла, но видѣла пустую клѣтку, и у меня есть фотографическій снимокъ съ нея. Существуетъ еще видъ казни, такъ называемой „лейче“,—это когда живого человѣка разрѣзываютъ на множество частей. Полагается это возмездіе за убійство отца или матери.

Мнѣ кажется, вотъ на чтò должны были бы европейскія правительства и въ частности миссіонеры обратить свое вниманіе. И можно съ увѣренностью сказать, что они заслужили бы вѣчную благодарность китайскаго народа. Но нѣтъ, это называется вмѣшиваться „во внутреннія дѣла“ Китая, на это мы не имѣемъ права. А отнимать у нихъ территорію за территоріей, диктовать имъ выгодныя для насъ условія,—это внѣшняя политика, на это имѣетъ право каждый. И вотъ, гуманные христіане-европейцы бѣгутъ толпами, вмѣстѣ съ варварами язычниками-китайцами, на зрѣлище всевозможныхъ казней. Бѣгутъ съ фотографическимъ аппаратомъ, снимаютъ эти картины, и я знаю, напр., одного субъекта (человѣкомъ я его назвать не могу), который заставилъ палача стоять съ поднятымъ ножомъ надъ своей жертвой, пока онъ не махнетъ ему рукою; ему, видите ли, хотѣлось снять тотъ моментъ, когда голова отдѣляется отъ туловища! Но такъ какъ дѣло не ладилось, онъ долго не находилъ фокуса, то несчастная жертва стояла на колѣняхъ съ ножомъ, занесеннымъ надъ ея шеей, пока ему наконецъ удалось найти фокусъ!..

Та же оглушительная музыка и, кажется, тѣ же мотивы сопровождаютъ человѣка, когда онъ и при естественныхъ усло-

віяхъ отправляется на тотъ свѣтъ. Я говорю о китайскихъ похоронахъ. Собственно, похоронъ отъ A до Z я не видала, такъ какъ это процедура продолжительная, и чѣмъ знатнѣе покойникъ, тѣмъ больше моленій, и тѣмъ дольше остается онъ у себя дома,— говорятъ, до года и даже дольше! Гробы у нихъ монументальные, изъ толстѣйшихъ досокъ; кромѣ того, они вымазаны внутри канифолью и еще чѣмъ-то, такъ что даже запаха снаружи не ощущается. Опишу то, что̀ мы слышали и видѣли. Покойника одѣваютъ въ лучшее платье, кладутъ въ гробъ, который плотно задѣлываютъ и ставятъ въ особо выстроенный изъ цыновокъ огромный шатеръ. Тамъ же стоятъ всевозможныя яства. А въ другомъ отдѣленіи того же шатра устроиваютъ нѣчто въ родѣ алтаря, передъ которымъ ближайшіе родственники покойнаго приносятъ моленія. Мы подошли и сейчасъ были впущены въ шатеръ. Прямо противъ алтаря были поставлены скамьи для публики. Направо помѣщался, съ позволенія сказать, оркестръ музыки, который заставилъ сильно страдать наши барабанныя перепонки. Налѣво—группа китайцевъ, большихъ и малыхъ, вѣроятно, дальнихъ родственниковъ и слугъ, такъ какъ головы ихъ были повязаны въ знакъ траура бѣлыми платками. Ближайшіе родственники были одѣты въ бѣлое съ головы до ногъ и помѣщались на полу, на цыновкѣ, возлѣ самаго алтаря. Особенно странно былъ одѣтъ сынъ. Я долго не могла различить, кто это— мужчина или женщина. На немъ былъ, какъ и на прочихъ, бѣлый балахонъ; кромѣ того, въ косу вплетена толстѣйшая веревка; на головѣ какой-то фантастическій, невѣроятный, тоже бѣлый уборъ, отъ котораго опускалась на лицо бѣлая вуаль, какъ фата у невѣсты; а по бокамъ лица—четыре бѣлыхъ помпона. Онъ поминутно клалъ земные поклоны, при чемъ въ знакъ печали самъ не поднимался и не опускался, а его поддерживали съ двухъ сторонъ подъ руки. Съ кончика носа у него, бѣднаго, капалъ потъ, такъ какъ было невыносимо жарко. Остальные родственники тоже клали земные поклоны и искоса поглядывали на нашу группу. Около родственниковъ, на отдѣльныхъ табуретахъ, сидѣли почетные гости въ парадныхъ одеждахъ; особенно интересны были въ ихъ костюмахъ воротники, à la Medici, съ сильно изрѣзанными краями. Они тоже подошли по одному къ алтарю и совершили моленіе, во время котораго что-то (кажется, какую-то бумажку) жгли на маленькомъ жертвенникѣ сбоку. Въ этомъ же шатрѣ помѣщались слѣдующія интересныя вещи: игрушечный, но все-таки довольно большой паланкинъ, также игрушечныя, но большія лошади, мулы и чело-

вѣческія фигуры. Это—необходимые слуги и животныя покойнаго, которые сжигаются на его могилѣ. Въ паланкинѣ, по понятіямъ китайцевъ, душа умершаго сопровождаетъ тѣло его до могилы. Душу эту изображаютъ въ видѣ небольшой дощечки съ именемъ покойнаго, и послѣ похоронъ ее приносятъ домой и водворяютъ въ крошечной каменной кумирнѣ, которая имѣется почти въ каждой усадьбѣ, или въ домашней божницѣ. Кромѣ того, сжигаютъ еще надъ могилой надгробный памятникъ: огромную черепаху (символъ вѣчности), на спинѣ которой высится большая плита, вышиною сажени въ двѣ, на которой изложена вся жизнь покойнаго. Все это сдѣлано изъ гаоляна и оклеено бумагой подъ цвѣтъ камня. Иногда варьируются предметы, которые изготовляются по случаю смерти. Напр., разъ мы видѣли, какъ у входа въ шатеръ съ покойникомъ высились двѣ гигантскія, уродливыя фигуры, вѣроятно съ цѣлью устрашенія злыхъ духовъ, чтобы они не могли овладѣть душой покойнаго. Въ другой разъ мы видѣли маленькія кумирни, дома, груды матерій, чайные приборы (все опять-таки изъ бумаги),—словомъ, все, что покойникъ употреблялъ при жизни, то дается ему и на томъ свѣтѣ, чтобы онъ ни въ чемъ не терпѣлъ нужды. Разъ я видѣла—кромѣ паланкина и лошадей, несли еще большую бумажную лодку съ гребцами. Все это сжигается наканунѣ похоронъ и носится съ большой помпой: эти фигуры сопровождаются музыкой, хоругвями и родственниками покойнаго въ бѣлыхъ одеждахъ. Самый выносъ тѣла совершается у нихъ по большей части очень рано утромъ; гробъ несутъ съ трескомъ, съ шумомъ, чтобы пугать злыхъ духовъ. Съ этой же цѣлью по пути слѣдованія процессіи жгутъ маленькія ракеты. Сопровождаетъ гробъ очень много народу, и богатые нанимаютъ плакальщицъ, которыя сидятъ въ бѣлыхъ одеждахъ въ паланкинахъ или телѣжкахъ и голосятъ во всю мочь. Недавно мнѣ довелось видѣть выносъ тѣла въ десять часовъ утра, и я хочу разсказать объ оригинальности обряда, который я наблюдала. Умершая была женщина. Монументальный раскрашенный гробъ стоялъ уже на носилкахъ, подъ краснымъ балдахиномъ, ко всѣмъ четыремъ столбамъ котораго было прикрѣплено по женской фигурѣ—прислужницы. Впереди гроба уже выстроилась процессія съ разными фигурами. Изъ воротъ вышелъ мужчина—вѣроятно мужъ покойной—въ глубокомъ траурѣ, т.-е. во всемъ бѣломъ, съ веревкой, вплетенной въ косу. Онъ сталъ на колѣни, лицомъ ко гробу, и передъ нимъ поставили глиняную чашку съ золой (прахомъ). Онъ уставился глазами въ чашку. Довольно долго простоялъ онъ такъ, пока налаживалось

шествіе. Затѣмъ, когда стали поднимать посредствомъ сложной системы рычаговъ тяжелый гробъ, мужъ поднялъ чашку съ прахомъ въ уровень своей головы, и въ моментъ, когда гробъ тронулся съ мѣста, онъ выронилъ изъ рукъ чашку, и она разбилась въ дребезги. Затѣмъ онъ поднялся на ноги и пошелъ за гробомъ. Тотчасъ же выѣхала изъ воротъ телѣга, на которой сидѣли четыре закутанныя въ бѣлое женщины, съ остроконечными бѣлыми же капюшонами на головахъ. Фигуры закачались и заголосили. По обѣ стороны дороги принялись сжигать шутихи и пистоны; шествіе тронулось.

Гробъ ставятъ на землю и оставляютъ его стоять довольно долго на поверхности земли. Гробъ не закапываютъ, какъ у насъ, а засыпаютъ землей въ день, который назначаютъ для этого предсказатели и духовенство. При этомъ принимается во вниманіе созвѣздіе, подъ которымъ покойникъ родился, день его рожденія, день рожденія и смерти его родителей и т. д.

Видѣли мы еще церемонію поднесенія почетнаго зонтика. Надо вамъ знать, что китайцы, желая угодить русскимъ, подносятъ почти каждому вліятельному русскому такъ называемый почетный зонтикъ. Зонтики эти подносятся и китайскимъ власть имущимъ лицамъ, и такой зонтикъ носятъ передъ паланкиномъ „особы“. Вообще, китайцы ужасно любятъ помпу. Каждый китаецъ, который только въ состояніи, выѣзжаетъ въ сопровожденіи, по крайней мѣрѣ, двухъ всадниковъ, одного спереди и одного сзади. Нечего и говорить, что чѣмъ богаче китаецъ, тѣмъ бóльшая свита его окружаетъ. А выѣздъ каждаго чиновника—это уже цѣлая процессія. Пѣшіе и конные солдаты и полицейскіе, трубы, алебарды, сѣкиры, знамена и —у кого есть— почетный зонтикъ, затѣмъ слѣдуетъ особа въ носилкахъ, и шествіе замыкаетъ нѣсколько всадниковъ. Итакъ, нашему командиру поднесли почетный зонтикъ. Во дворъ принесли тифанчуана; за нимъ шли представители селъ и деревень; масса голоногихъ мальчишекъ и большихъ болвановъ несла разные значки и знамена; уже знакомый вамъ оркестръ гудѣлъ тѣ же мотивы, что и на похоронахъ, и при пышныхъ рѣчахъ передали командиру громадный красный зонтикъ, на которомъ въ два ряда, въ видѣ бахромы, висѣли ленточки съ массой надписей и комплиментовъ. Комплименты всѣ очень цвѣтистые, въ родѣ того, что онъ, полковникъ П., спасъ городъ отъ чумы и всяческихъ бѣдствій; что наводненіе при немъ не смѣетъ угрожать жителямъ; что подъ его управленіемъ живется хорошо и большимъ, и малымъ, и т. п.

32.

3-го апрѣля 1902 г., Ляоянъ.

Купеческое общество г. Мукдена поднесло генералу Д., въ благодарность за его гуманное управленіе городомъ, почетный зонтикъ, при слѣдующемъ адресѣ, написанномъ на кускѣ красной шолковой матеріи, окаймленной вышитыми полосами:

„Слава мудрому правителю великаго россійскаго государства мукденскому губернатору До. Чья душа свѣтла какъ небо и обширна какъ земля? Чей умъ великъ какъ гора и спокоенъ какъ море? Чей духъ возросъ изъ сѣдой старины въ теченіе тысячелѣтій? Кто прилетѣлъ изъ поднебесья живымъ олицетвореніемъ Будды на Ляо-Дунъ? Это нашъ губернаторъ До, который, управляя нѣсколько мѣсяцевъ, возвратилъ своимъ жезломъ жизнь десяткамъ тысячъ людей. Онъ укрощалъ грабежи, будто останавливалъ волненіе океана. Онъ превратилъ лѣсъ разбойничьихъ ножей въ садъ цвѣтущихъ лотосовъ. Когда онъ явился въ Мукденъ, воцарилось такое спокойствіе, что даже птицамъ нечего было бояться. Какъ фазанъ гибнетъ въ когтяхъ орла, такъ жестокость падала передъ его взглядомъ. Онъ вывѣсилъ флагъ съ изображеніемъ слона [1]) и приглашалъ несчастное населеніе вернуться. Населеніе, стонавшее какъ голодные вороны, стало пѣть пѣсни. По его мановенію совершалось добро и гибло зло. Управляя городомъ шесть мѣсяцевъ, онъ сдѣлалъ столько добра, сколько воды въ океанѣ, и даровалъ милости столько, сколько брызгъ въ водопадѣ. Не зная, чѣмъ выразить свою благодарность, населеніе изъ глубины своей простой души составило пѣсню, которая будетъ сохраняться потомствомъ на вѣки.

„Вотъ эта пѣсня!

„Онъ великъ, какъ гора,
И нѣженъ, какъ ручей!
Онъ—счастье для отчизны,
Великъ день его рожденія!
Онъ—герой нашего вѣка,
Онъ блистательно награжденъ
И награжденъ онъ по заслугамъ.
Онъ преданъ родинѣ, какъ вѣрный лукъ—
Рука храбраго воина
Внезапно появившись въ предѣлахъ Ляо-Дуна,
Онъ утвердилъ здѣсь свой флагъ.

---

[1]) Слонъ—эмблема спокойствія и твердости.

Онъ—защита народа,
Твердая, какъ Великая Стѣна.
Для него нѣтъ разницы между своимъ и чужимъ,
И слава его гремитъ повсюду.
Имя его прекрасно, какъ музыка;
Подвиги его подобны солнцу и звѣздамъ.
Возьмемъ шолкъ и напишемъ
На немъ его подвиги
На память потомству.

„Почтительное подношеніе отъ мукденскаго купеческаго общества, въ царствованіе Гуань-Сюня.“

33.

28-го февраля 1903 г., г. Фынхуанченъ.

Вчера, гуляя, мы наткнулись на уличнаго врачевателя. Передъ нами былъ человѣкъ скорѣе корейскаго, чѣмъ китайскаго типа. Онъ сидѣлъ у большого лотка, а его окружала толпа народа. Около лотка, въ большой металлической чашкѣ, тлѣли, покрытые слоемъ золы, уголья. Подошелъ парнишка лѣтъ шестнадцати и, очевидно, пожаловался на головную боль. Тогда нашъ докторъ взялъ два небольшихъ кружочка чистой бѣлой бумаги, намазалъ ихъ какимъ-то чернымъ снадобьемъ, въ родѣ смолы, предварительно разогрѣвъ его надъ угольями, и приклеилъ къ обоимъ вискамъ паціента. Послѣдній удалился, уплативъ нѣсколько кешъ (кеша или чохъ = $^1/_{10}$ коп.). Китайцы, повидимому, любятъ лечиться; на это указываетъ существованіе массы аптекъ и часто встрѣчающіяся на улицахъ физіономіи, носящія слѣды леченія въ видѣ багрово-синихъ круглыхъ пятенъ и подтековъ, происходящихъ, очевидно, отъ прикладыванія мазей въ родѣ той, какъ мы сейчасъ видѣли. А изъ чего они приготовляютъ свои лекарства! У врача, къ которому мы подошли, должно быть, въ видѣ рекламы были разложены на лоткѣ всевозможные диковинные предметы, въ большинствѣ случаевъ служащіе, очевидно, для приготовленія лекарствъ. Тутъ были собачьи черепа и кости; огромная высушенная жаба и небольшая, тоже высушенная черепаха; сушеныя змѣи, скалопендры, скорпіоны! Тутъ же на столѣ лежало нѣсколько книгъ (вѣроятно, для того, чтобы внушить больше уваженія толпѣ); мой мужъ сталъ перелистывать одну изъ нихъ; оказалось, судя по рисункамъ,—ботаника. Тамъ же лежали „наборы инструментовъ“, состоящіе исключительно изъ копьевидныхъ иголокъ разной величины. Какъ еще раньше мой

мужъ слышалъ отъ другого китайскаго врача въ Ляоянѣ, чуть ли не универсальнымъ средствомъ считаются у нихъ уколы въ разныя части тѣла. Такъ, напр., если женщина не можетъ родить, то, чтобы помочь ей въ этомъ, ей дѣлаютъ уколы въ мизинцы рукъ и ногъ! Повидимому, хирургія у нихъ совсѣмъ не существуетъ (хотя они охотно соглашаются на операціи у европейскихъ врачей); зато внутреннихъ и наружныхъ средствъ—пропасть. Интересно посмотрѣть, какъ отпускаютъ лекарства въ китайской аптекѣ. Чего-чего тутъ нѣтъ! Мужъ насчиталъ разъ 17 ингредіентовъ, входившихъ, по рецепту врача, въ составъ одного лекарства (настоя)! Большую роль играетъ, какъ вы уже видѣли, всевозможное высушенное звѣрьё. Я разъ видѣла, какъ заворачивали въ бумажку огромныхъ личинокъ какого-то неизвѣстнаго мнѣ насѣкомаго...

Давно уже я хотѣла описать вамъ, какъ китайцы празднуютъ свой новый годъ. Онъ совпадаетъ, приблизительно, съ началомъ нашего года; по крайней мѣрѣ, въ тѣ три года, что мы въ Китаѣ, они всегда начинали празднованіе новаго года въ первое новолуніе нашего января мѣсяца. Продолжаются у нихъ празднества цѣлый мѣсяцъ до рожденія второй луны. Начинается съ того, что въ первый день новаго года (или наканунѣ—никакъ не могла этого добиться) первый сановникъ каждаго города, а въ Пекинѣ—самъ богдыханъ, окруженный свитой, лично проводитъ плугомъ борозду въ полѣ. Очень трогателенъ этотъ обычай освященія труда властями. Я слышала, что въ былыя времена, въ этотъ же день, императрица, окруженная придворными дамами, разматывала нѣсколько коконовъ шолку, т.-е. тоже принимала участіе въ этой трогательной, полной смысла церемоніи. Все населеніе города дѣятельно участвуетъ въ празднованіи новаго года. Еще задолго до наступленія праздника, значительно оживляется торговля; всѣ спѣшатъ запастись провизіей, нарядами, дѣтскими игрушками. Но больше всего распродаются всевозможныя картины и картинки (соотвѣтствующія нашимъ лубочнымъ, но изящнѣе ихъ выполненныя), которыми китайцы такъ охотно украшаютъ свои дома. Также въ большомъ ходу длинныя полосы цвѣтной бумаги, преимущественно красной, съ надписями черными или золотыми буквами,—вѣроятно, всевозможныя изреченія. Эти полосы и другія, тоже бумажныя, вырѣзанныя въ видѣ тонкихъ кружевъ, наклеиваются въ большомъ количествѣ на стѣны и столбы кумиренъ, частныхъ домовъ и магазиновъ. Къ празднику всѣ улицы пестрѣютъ этими бумажками, флажками, которыя иногда перекидываются гирляндами съ

одной стороны улицы на другую, и картинами. Къ этому же времени каждый домохозяинъ обязательно подновляетъ изображенія злого и добраго духовъ, имѣющіяся на воротахъ каждаго дома. Затѣмъ торговля и всѣ ремесла на нѣсколько дней совершенно прекращаются и жители предаются мирному веселью. Вы не встрѣтите на улицѣ ни пьянства, ни безчинства. Всѣ въ нарядныхъ платьяхъ спѣшатъ обмѣниваться визитами (вотъ откуда обычай визитовъ!). Болѣе или менѣе состоятельные люди въ телѣжкахъ, или паланкинахъ, а попроще—пѣшкомъ, но всѣ знакомые навѣщаютъ другъ друга, при чемъ непремѣнно имѣютъ при себѣ книжку-футляръ съ визитными карточками. Визитныя карточки — полоски красной бумаги, около вершка шириною, около трехъ-четырехъ вершковъ длиною; фамилія написана черными буквами. Китаецъ, когда желаетъ нанести вамъ визитъ, посылаетъ предварительно свою карточку со слугой и съ предупрежденіемъ, что онъ будетъ тогда-то. Такъ они поступаютъ въ сношеніяхъ съ европейцами, и, повидимому, это обычай чиновнаго класса. Каковы обычаи визитовъ у остального населенія, я не могла себѣ выяснить. Знаю только, что они *всѣ* имѣютъ визитныя карточки и первые дни новаго года такъ и снуютъ по улицамъ изъ дома въ домъ. Женщины, болѣе обыкновеннаго накрашенныя и очень нарядно одѣтыя, тоже разгуливаютъ со слугами въ своихъ фудутункахъ [1]) и тоже разсылаютъ визитныя карточки. На улицахъ, въ баракахъ и въ передвижныхъ постройкахъ показываются панорамы,—говорятъ, подъ часъ очень неприличныя. Устроивается масса шествій и маскарадовъ, въ высшей степени оригинальныхъ и интересныхъ. Напр., собирается большая компанія на ходуляхъ. Всѣ они одѣты въ пестрые, повидимому, историческіе костюмы и всей толпой, съ музыкой, съ барабанами, ходятъ по улицамъ и заходятъ во дворы, гдѣ даютъ мимическія представленія, поражая своей ловкостью—не забудьте—на ходуляхъ!

Второе любимое развлеченіе у китайцевъ—это процессіи со львами и драконами. Шьются маскарадные костюмы, долженствующіе изображать львовъ, но не настоящихъ, а нѣсколько фантастическихъ, на китайскій образецъ. Четыре человѣка, большею частью подростки, по-двое, залѣзаютъ въ каждый костюмъ и начинается игра двухъ львовъ. Удивительно, до чего они согласуютъ свои движенія и до чего вѣрно подражаютъ движе-

---

[1]) Такъ называютъ русскіе китайскій выѣздной экипажъ—крытую, двухколесную телѣжку.

ніямъ животнаго. Они встряхиваютъ гривой, открываютъ и закрываютъ пасть, чешутся задней лапой, до иллюзіи подражая льву. Еще интереснѣе драконъ. Приготовляется изъ бумажной, раскрашенной матеріи колоссальный драконъ съ разукрашенной золотыми рогами и тому подобными аттрибутами головой. Тѣло дракона растянуто и надѣто на короткія палки, которыя держатъ въ рукахъ мальчишки. Процессіи съ дракономъ, опять-таки съ музыкой, шумомъ и гамомъ, и ночью—что̀ особенно красиво, при свѣтѣ фантастическихъ фонарей—ходятъ по домамъ и даютъ во дворахъ представленія. Колоссальный драконъ, отъ сорока до шестидесяти футовъ длиной, освѣщенный изнутри свѣчами, движется и извивается, какъ настоящій, живой змѣй-горынычъ, и старается поймать красный шаръ, долженствующій изображать солнце, который носятъ передъ его мордой и схватить который ему никогда не удается. Я полагаю, что это—символическое изображеніе борьбы между зимой и лѣтомъ. Драконъ—зима; красный шаръ—лѣто или солнце, которое зима не можетъ проглотить. Не могу передать впечатлѣнія, которое произвелъ на меня въ первый разъ видъ дракона, ночью, при фантастическомъ освѣщеніи фонарей! Положительно, казалось, что сказки, читанныя въ дѣтствѣ, воплотились въ о̀бразы, и что вы видите, ощущаете ихъ! И не я одна, всѣ были въ такомъ же настроеніи; это видно было по выраженію лицъ и по восторгу, который вызвало это зрѣлище. Даже люди, ничего не признающіе въ Китаѣ, и тѣ остались довольны и нашли, что это очень красиво. Видѣла я также прелестную процессію дѣтей. До двухсотъ дѣтей были выстроены попарно. Каждый изъ нихъ входилъ, такъ сказать, въ фонарь, изображавшій собою что-нибудь. Тутъ были всевозможные овощи, цвѣты и вазы для цвѣтовъ, рыбы, раки, черепахи и разныя насѣкомыя. Но красивѣе всего были бабочки. Къ каждому дѣтскому плечику было привязано по свѣтящемуся, красиво разрисованному крылу бабочки. Дѣти ритмически шевелили плечами, и на ихъ спинкахъ шевелились крылышки. Это было такъ красиво, такъ мило, что, поставленное въ балетѣ на какой-нибудь большой сценѣ, навѣрное вызвало бы восторгъ публики. И вся эта огромная процессія медленно двигалась по невѣроятно грязнымъ улицамъ китайской части Портъ-Артура; а въ заключеніе несли гигантскаго извивающагося дракона.

Недѣли двѣ продолжаются эти увеселенія. Къ концу второй недѣли они начинаютъ постепенно прекращаться, уступая мѣсто другому циклу развлеченій. Наступаетъ пора иллюминацій и фейерверковъ. Обыкновенно на китайскихъ улицахъ нѣтъ ника-

кого освѣщенія (я говорю о тѣхъ городахъ, которые я видѣла). Съ наступленіемъ темноты, жители наглухо запираются, и ночью вы не встрѣтите на улицѣ даже собаки,—которыхъ, кстати сказать, масса въ китайскихъ городахъ,—не только человѣка. А тутъ—двери настежь, улицы освѣщены разноцвѣтными, самыхъ причудливыхъ формъ, „китайскими" фонарями; во многихъ домахъ слышится музыка... То тутъ, то тамъ съ трескомъ взрываются петарды или взлетаетъ ракета. И чѣмъ ближе къ концу мѣсяца, тѣмъ больше этихъ петардъ и ракетъ. Послѣдніе два-три вечера ихъ выпускаютъ такое множество, что оглушительная трескотня стоитъ на улицахъ, иногда почти всю ночь напролетъ. Въ послѣдній вечеръ сжигается блестящій фейерверкъ. Что китайцы—прекрасные пиротехники, это давно извѣстно въ Европѣ. Но вотъ что̀ неизвѣстно или, по крайней мѣрѣ, что̀ мы съ изумленіемъ узнали,—это то, что у нихъ существуетъ нѣчто въ родѣ нашей рождественской елки. Усадьба, въ которой мы живемъ, выходитъ на одну изъ городскихъ площадей. На этой же площади помѣщается одна изъ наиболѣе посѣщаемыхъ кумиренъ, передъ которой былъ сожженъ фейерверкъ нѣсколько дней тому назадъ, въ послѣдній день новаго года. Къ столбамъ передъ кумирней были высоко привязаны двѣ небольшія ели, сплошь увѣшанныя разными пиротехническими кунстштюками. По окончаніи въ полномъ смыслѣ блестящаго фейерверка на площади, была зажжена пороховая нить сначала на одной елкѣ. Огоньки быстро побѣжали по вѣтвямъ, и скоро вся елка свѣтилась, какъ будто освѣщенная крошечными электрическими лампочками. Въ то же время съ ея вѣтокъ взлетали на воздухъ ракеты, римскія свѣчи и другія мелкія хорошенькія фигуры. Наконецъ, очередь дошла до верхушки; оттуда поднялся цѣлый снопъ красиваго огня. Вѣтки продолжали свѣтиться, и все это прелестное явленіе продолжалось минутъ десять. Какъ только погасла первая елка, зажгли вторую, составлявшую копію первой съ небольшими варіантами. Такъ какъ она была немного поменьше, то сгорѣла скорѣе; площадь погрузилась въ мракъ, и огромная толпа китайцевъ стала расходиться, мигая своими причудливыми фонарями.

Въ заключеніе письма, передамъ вамъ еще содержаніе одного весьма замѣчательнаго циркуляра китайскаго правительства. Въ прошломъ году, зимою, было лунное затмѣніе. Незадолго до затмѣнія, всѣ европейскія посольства въ Пекинѣ, въ томъ числѣ и наше, получили бумагу слѣдующаго содержанія: „Такъ какъ небесная собака собирается проглотить луну, то министерство

церемоній получило предписаніе помѣшать этому злодѣйству. Поэтому приказано: бить въ барабаны и бубны, стрѣлять, пускать петарды и ракеты, словомъ—стараться шумомъ напугать небесную собаку. Европейскія посольства приглашаются не пугаться шума и не думать, что происходитъ опять возстаніе. Это только будетъ исполняться приказаніе министерства церемоній съ цѣлью помѣшать покушенію небесной собаки".

34.

15 марта 1903 г., Фынхуанченъ.

Какъ это ни можетъ показаться парадоксальнымъ съ перваго взгляда, но настоящая война, несмотря на жестокости, которыми она сопровождалась съ обѣихъ сторонъ, еще разъ показала, что братство между народами—не химера, и что еслибы не было подстрекательства, навѣрное люди всѣхъ націй прекрасно бы уживались другъ съ другомъ. Примѣромъ тому можетъ служить фортъ № 1 въ Шанхай-Гуани, гдѣ мирно и дружно жили солдаты семи или восьми державъ. Я, помнится, уже какъ-то писала вамъ объ этомъ. Но еще болѣе разительнымъ примѣромъ служатъ русско-китайскія отношенія, которыя мы наблюдаемъ уже около трехъ лѣтъ. Несмотря на положеніе побѣдителей и побѣжденныхъ, русскіе и китайцы братски живутъ рядомъ. Я уже не говорю о томъ, что власти китайскія и начальствующія лица русскія бываютъ другъ у друга, угощаютъ другъ друга обѣдами, обмѣниваются подарками и т. п. Тутъ, конечно, играетъ бо́льшую роль политика, чѣмъ дружба. Но въ отношеніяхъ нижнихъ чиновъ и китайцевъ нѣтъ никакой политики, и отношенія эти чисто-братскія. Со стороны русскихъ братскія чувства выражаются главнымъ образомъ въ отношеніи къ дѣтямъ. Всюду, гдѣ стоятъ русскіе солдаты или казаки, около нихъ кормятся и ютятся массы китайчатъ. Китайчата эти оказываютъ разныя услуги, и за это ихъ кормятъ, дарятъ деньги, а потомъ и дружатъ, и играютъ съ ними въ русскія игры, въ лапту, въ городки, какъ бы играли съ подростками на своей родинѣ. Но этого мало. Кажется, не было части войска, гдѣ бы не было пріемышей-китайчатъ. Дѣти эти, въ громадномъ большинствѣ случаевъ круглыя сироты, бывали разбираемы нижними чинами, и послѣдніе замѣчательно хорошо относились къ своимъ пріемышамъ. Они ихъ мыли, одѣвали (непремѣнно въ форму той части, къ которой сами принадлежали), няньчились съ маленькими и ла-

скали, какъ своихъ родныхъ дѣтей. Трогательную картину представлялъ какой-нибудь казакъ или солдатъ съ маленькимъ китайченкомъ на рукахъ: онъ нѣжитъ и ласкаетъ ребенка, отца котораго онъ, можетъ быть, самъ убилъ! Такова сложность человѣческой натуры! Однажды я разговорилась съ двумя такими мальчиками, спрашивала, какъ имъ живется. „Сашка [1]) хорошо живетъ“, — со вздохомъ сказалъ одинъ изъ нихъ. — „Чѣмъ же Сашкѣ живется лучше, чѣмъ тебѣ?“ — спросила я его. — „Сашку тятька шибко любитъ“. Сашка—карапузъ лѣтъ пяти-шести, и понятно, что его пріемный отецъ беретъ его на руки и ласкаетъ. А мальчикъ, который мнѣ разсказывалъ про хорошее Сашкино житье, былъ уже „парень“ лѣтъ десяти—одиннадцати, и, конечно, его „тятька“ уже не балуетъ такъ, какъ Сашкинъ „тятька“ своего малыша.

Со стороны китайцевъ я могу привести нѣсколько трогательныхъ примѣровъ хорошаго, человѣческаго отношенія къ своимъ побѣдителямъ. Дѣло происходило въ глухой манчжурской степи, на этапномъ пунктѣ, гдѣ былъ медицинскій пріемный покой, врачъ и фельдшеръ. Фельдшеръ отпросился погулять въ ближайшій городокъ или деревню. Докторъ отпустилъ его съ тѣмъ, чтобы къ тремъ часамъ онъ вернулся обратно. Но вотъ три часа, четыре, пять, шесть—фельдшера нѣтъ. Докторомъ овладѣла страшная тревога. А тутъ—зима, вьюга, темень страшная, людей же на этапѣ мало; нельзя разослать ихъ на поиски за пропавшимъ. Около полуночи послышался топотъ приближающейся толпы. Врачъ, который, конечно, не спалъ отъ безпокойства, вышелъ съ фонаремъ на встрѣчу. Чтò же оказалось? Толпа китайцевъ принесла безчувственно пьянаго фельдшера, котораго они нашли спящимъ гдѣ-то въ канавѣ!

Вспомнишь при этомъ, какъ поступали высокоцивилизованные французы съ высокоцивилизованными нѣмцами и обратно въ 1870 году! Параллель напрашивается невольно!..

Или вотъ еще примѣръ. Артельщикъ, имѣя на рукахъ четыреста рублей, исчезъ изъ своей части. Проходитъ день, другой, третій—его нѣтъ. Надо уже доносить во всѣ инстанціи о томъ, что человѣкъ пропалъ безъ вѣсти. Къ концу третьихъ сутокъ онъ является. Оказывается слѣдующая исторія: онъ напился китайской водки, сули. А это такой напитокъ, который на непривычнаго дѣйствуетъ какъ дурманъ. Напившійся сули, положительно, сходитъ съ ума на нѣкоторое время. Такъ и нашъ

---

[1]) Первымъ дѣломъ, конечно, давали китайчатамъ русскія имена.

артельщикъ; онъ потерялъ сознаніе и пошелъ, куда глаза глядятъ. Очнулся онъ въ ста-пятидесяти верстахъ отъ того города, гдѣ расположена была его часть. Къ счастью, это было на желѣзной дорогѣ; онъ сѣлъ на поѣздъ и пріѣхалъ.

Разскажу вамъ еще одну исторійку въ такомъ же родѣ. Русскій отрядъ возвращался изъ какой-то экспедиціи. Послѣ одного изъ приваловъ приказано было раздѣлиться на три колонны и каждой идти къ своей части. Всѣ поѣли, отдохнули и двинулись—каждая колонна своей дорогой. Обыкновенно на мѣстахъ приваловъ послѣдними остаются вѣстовые, которымъ приходится убирать палатки, провизію и посуду. Такъ случилось и на этотъ разъ. Вѣстовой офицера, который передавалъ мнѣ этотъ случай, остался на мѣстѣ привала; на слѣдующій привалъ онъ не догналъ своей колонны и такъ и исчезъ. Когда они пришли на мѣсто постоянной стоянки, офицеръ донесъ о пропажѣ безъ вѣсти своего вѣстового, и понемногу все это предалось забвенію. Прошло три недѣли. Однажды фельдфебель прибѣгаетъ къ офицеру и, сіяя отъ удовольствія, докладываетъ: „Вѣстовой явился, ваше б-діе!“—„Какъ явился?“—„Да такъ пришелъ, вотъ онъ!“ За фельдфебелемъ виднѣлся тоже улыбавшійся, сильно загорѣвшій вѣстовой, который разсказалъ слѣдующее: когда отрядъ, раздѣлившись на колонны, ушелъ съ послѣдняго привала, онъ, вѣстовой, ошибся направленіемъ и пустился догонять чужую колонну. Въ ошибкѣ своей онъ убѣдился только вечеромъ, когда догналъ колонну на бивуакѣ. Тогда, ничто же сумняшеся, онъ отправился *одинъ* разыскивать свою часть. Китайцы, въ попутныхъ деревняхъ, вездѣ давали ему пріютъ, кормили его и указывали, куда прошли солдаты. Но такъ какъ, понятно, они путали части войскъ и, кромѣ того, онъ часто сбивался съ пути, то и проплуталъ три недѣли, пока благополучно прибылъ къ своему полку.

Слѣдующіе два случая мнѣ передавалъ врачъ охранной стражи, и они произвели на меня глубокое впечатлѣніе. Однажды докторъ услыхалъ шумъ и возбужденіе толпы. Вышелъ онъ на улицу и слышитъ, какъ кричатъ: „Хунхуза, хунхуза привели“! Видитъ докторъ—тащатъ какого-то китайца. Когда его подвели поближе, показалось подозрительнымъ его лицо. Сдернули съ него шапку; оказалось—косы нѣтъ и волосы посвѣтлѣе, чѣмъ полагается имъ быть у китайца. Словомъ, послѣ двухъ-трехъ минутъ внимательнаго осмотра, къ мнимому хунхузу обратились уже по-русски: „Ты кто такой?“—Тотъ помолчалъ нѣкоторое время, затѣмъ упалъ на колѣни и у него вырвалось: „Виноватъ, ваше в-діе!“—„Ну,

разсказывай, кто ты и почему въ такомъ видѣ?"—И бѣдняга разсказалъ свою удивительную повѣсть. Онъ—уроженецъ Западной Сибири. Его сдали въ солдаты въ военное время и стали усиленно готовить въ строй. Ему рѣшительно не понравились педагогическіе пріемы, которыми внушалась ему премудрость, и онъ рѣшилъ уйти. Ушелъ въ солдатскомъ платьѣ и съ винтовкой на плечѣ. Въ первой китайской деревнѣ, въ которой онъ ночевалъ, онъ продалъ свою винтовку, такъ какъ рѣшилъ, что солдатомъ онъ больше не будетъ. Такъ, проѣдая деньги, вырученныя за проданное ружье, шелъ онъ изъ деревни въ деревню, пока не рѣшилъ наняться къ какому-нибудь китайцу въ работники. Онъ попалъ къ доброму человѣку, и черезъ короткое время „хозяинъ и работникъ" убѣдились, что очень довольны другъ другомъ. „Вижу я,—наивно разсказывалъ бѣглецъ,—что люди добрые, работою живутъ, меня не обижаютъ. Ну, и я для нихъ стараюсь". Сталъ онъ понемногу понимать языкъ окружавшихъ его. Черезъ нѣкоторое время китаецъ и говоритъ ему: „Зачѣмъ тебѣ твое платье? Тебя въ немъ сразу узнать можно. Одѣнься по нашему—и будешь совсѣмъ какъ китаецъ". Онъ согласился, что, оно правда,—въ его положеніи удобнѣе походить на китайца, чѣмъ на русскаго, и облачился въ ихъ платье. Прошло еще нѣкоторое время; еще ближе присмотрѣлись другъ къ другу новые друзья, и вотъ хозяинъ говоритъ своему работнику: „Ты, что̀ же, намѣренъ вернуться къ русскимъ?"—„Боже сохрани!—отвѣчалъ ему дезертиръ:—вѣдь меня тамъ ожидаетъ судъ и наказаніе!"—„Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же тебѣ быть вѣчно работникомъ? Нравится тебѣ моя дочка? Я тебѣ дамъ ее въ жены. Женись на ней и, давай, построимъ тебѣ фанзу" [1]). А ему, дѣйствительно, приглянулась хозяйская дочка. Вотъ построили они фанзу, сыграли свадьбу—и нашъ солдатикъ зажилъ совсѣмъ членомъ китайской семьи. Отецъ жены далъ ему денегъ на лошадь; онъ отправился ее покупать, показался подозрительнымъ солдатамъ на посту, былъ пойманъ и вотъ стоялъ теперь передъ русскими офицерами и откровенно разсказывалъ свою повѣсть. „И что̀ теперь дѣлаетъ и думаетъ моя бѣдная жена—ума не приложу!"—горестно закончилъ онъ свой разсказъ.

Еще интересна и тоже въ своемъ родѣ романтична слѣдующая исторія. Солдатъ охранной стражи напился пьянымъ и сталъ ломиться въ домъ къ одному китайцу, конечно, не съ доброй цѣлью. Изъ первыхъ воротъ солдатъ вышибъ старика, защищавшаго собою входъ въ свой домъ, и направился дальше.

---

[1]) Фанза—хижина, домъ китайца.

Но китаецъ успѣлъ забѣжать впереди его и крѣпко взялся обѣими руками за входъ во второй дворъ; при этомъ онъ повернулся къ пьяному спиной, надѣясь, что въ такой позѣ крѣпче устоитъ на ногахъ. И дѣйствительно, солдатъ, сколько ни старался, не могъ его вышибить. Тогда, потерявъ терпѣніе, онъ всадилъ ему зарядъ въ спину. Сдѣлавши такое дѣло, пьяный опомнился и убѣжалъ, а китайца нашли раненымъ и принесли въ русскій госпиталь. Дѣло происходило тогда, когда начали строго преслѣдовать всякія насилія надъ жителями. Назначенъ былъ для разслѣдованія офицеръ, который горячо взялся за дѣло. Изъ разспросовъ онъ узналъ, что такой-то былъ пьянъ наканунѣ, и кромѣ того оказалось, что у него винтовка недавно разряжена выстрѣломъ. Улики, конечно, важныя. Но обвиняемый упорно отрицалъ свою вину, и поэтому рѣшено было показать его раненому китайцу съ тѣмъ, чтобы онъ указалъ его, какъ своего убійцу. Сцена эта происходила при врачѣ (раненый былъ очень слабъ, но въ полномъ сознаніи) и при помощи переводчика. „Послушай, старикъ, —начали ему объяснять,—тебя вчера ранилъ нашъ солдатъ; мы хотимъ его найти, и ты долженъ намъ помочь въ этомъ".—„А зачѣмъ вы хотите его найти?" — спросилъ умирающій. „Какъ зачѣмъ? Его наказать надо, чтобы другимъ неповадно было!" — „А зачѣмъ же наказывать? — спросилъ китаецъ. — Онъ и такъ навѣрно мучается!"—„Ну, тамъ, мучается, или не мучается, не наше это дѣло разсуждать! Ему нужно отомстить за тебя!"— „Зачѣмъ мстить!—опять сказалъ китаецъ. — Я его простилъ". Допрашивавшіе были поражены простотой и величіемъ этихъ словъ. Тѣмъ не менѣе, подозрѣваемый въ убійствѣ былъ приведенъ и поставленъ передъ ложемъ своей жертвы:—„Что же, онъ?"— Китаецъ поднялъ на него глаза:—„Нѣтъ, не онъ!"—Тогда, желая все-таки выяснить истину, привели всю роту, и всѣ стали дефилировать передъ умирающимъ; онъ дѣлалъ только отрицательный жестъ при взглядѣ на каждое лицо. Когда виновный поровнялся съ его постелью, онъ пристально взглянулъ на него. Солдатъ не выдержалъ его взора и опустилъ глаза. Китаецъ сдѣлалъ свой отрицательный жестъ. Такимъ образомъ, онъ опять не указалъ виновнаго. „Да что ты дѣлаешь, чудакъ! Вѣдь его за тебя наказать надо".—„Зачѣмъ наказывать? Я его простилъ, и онъ знаетъ, что я его простилъ!"—Такъ и умеръ бѣдный старикъ. А солдатъ, потрясенный всѣмъ происшедшимъ, самъ сознался въ преступленіи и разсказалъ, какъ все происходило.

W.

„ВЪ СТАРОЕ ВРЕМЯ“

Діалогъ въ стихахъ, Гюи де Мопассана.

(Des vieux temps.)

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Графъ. | Маркиза.

Сцена представляетъ комнату въ стилѣ Людовика XV. Въ каминѣ яркій огонь. Зимнее время. Старая маркиза сидитъ въ большомъ креслѣ; на колѣняхъ у нея книга; она видимо скучаетъ.

Лакей—*докладываетъ.*

Его сіятельство!—*Входитъ графъ.*

Маркиза.

Ну, то-то! Наконецъ,
Пришли вы, милый графъ! Что дружескихъ сердецъ
Все-жъ не забыли вы,—спасибо отъ души.
А я ждала, ждала... Одна, въ своей тиши,
Я волновалась такъ... Увы, я каждый день
Привыкла видѣть васъ. Къ тому же грусти тѣнь,
Не знаю почему, упала на меня.
Но сядемъ здѣсь, мой графъ, поближе у огня
И побесѣдуемъ!

ГРАФЪ—*цѣлуетъ ей руку и садится.*

Увы, хандрю и я,
Какъ вы. Подъ старость насъ лишаетъ силъ тоска.
А молодежь... Мой Богъ! У ней такъ велика
Способность уповать. Неистощимъ запасъ
Веселыхъ грёзъ и думъ, которыхъ нѣтъ у насъ.
Ихъ горизонтъ на мигъ затмитъ завѣса тучъ,
Но солнца бодрый лучъ, творящій чудеса,
Уже глядитъ на нихъ, и ласковъ, и могучъ,
И вновь уже свѣтлы надъ ними небеса.
А сколько юныхъ силъ кипитъ у нихъ въ крови!
А сколько цѣлей жить, предметовъ для любви!
А намъ?.. Намъ, старикамъ, лучъ радости нужнѣй,
Чтобы хоть какъ-нибудь прожить остатокъ дней;
Печаль же насъ теперь и губитъ, и гнететъ,
И душитъ насъ какъ мохъ, которымъ обростетъ
Столѣтній дубъ. О, да, пусть мысль моя груба,
Но грусть для сердца—зло, и съ ней нужна борьба.
Къ тому же у меня сегодня былъ д'Армонъ.
Мы разболтались съ нимъ, взялись за старину,
Все грёзы юныхъ дней, мелькнувшія какъ сонъ;
Друзей старинныхъ—все, мнѣ все напомнилъ онъ.
Онъ старый другъ, ему не ставлю я въ вину.
Но съ той поры живутъ, мелькаютъ предо мной
Всѣ тѣни прошлыхъ дней. Широкою волной
Всѣ старыя мечты давно прожитыхъ лѣтъ
Мнѣ снова льются въ грудь. Увы, ихъ больше нѣтъ!
Но это все, мой другъ, разстроило меня.
И больно... больно такъ отозвалось во мнѣ,
Что я пришелъ сюда погрѣться у огня
И... и потолковать о милой старинѣ.

МАРКИЗА.

А я съ утра еще согрѣться не могу.
И цѣлый день одна, съ поникшей головой,
Сижу и слышу все лишь вѣтра злобный вой;
Смотрю, какъ снѣгъ идетъ и... все уже въ снѣгу.
Ахъ, я боюсь теперь холодныхъ зимнихъ дней:
Они такъ тяжелы; тоска еще больнѣй...
И съ первымъ зимнимъ днемъ, невольно каждый годъ,
Лишь смерти слышу я таинственный приходъ.

Да, мы поговоримъ о доброй старинѣ.
Подчасъ, лишь вспомянешь прелестный эпизодъ
Давно минувшихъ дней, вмигъ сердце оживетъ.
Воспоминанья... Ахъ! Не правда ли, онѣ
Какъ будто грѣютъ насъ? Свершаютъ чудеса,
Точь-въ-точь, какъ солнца лучъ, внезапный свѣтлый лучъ.

Графъ.

Да! но мои зимой такъ тусклы небеса,
И солнца моего не видно изъ-за тучъ.

Маркиза.

Итакъ, начните, графъ, скорѣе вашъ разсказъ
Какой-нибудь потѣхи прежнихъ лѣтъ.
Повѣрить лишь всему, что̀ говорятъ о васъ,—
Такъ были вы бреттёръ, какихъ теперь ужъ нѣтъ.
Я слышала не разъ: вы были богачемъ,
Красивы точно богъ, повѣса и храбрецъ.
И приключеній рядъ, въ которыхъ нипочемъ
Вамъ было все, дуэль, убійство... Наконецъ,
Однажды, подъ секретъ, красавица одна
Созналась мнѣ, что въ тѣ, былыя времена,
Одинъ лишь звукъ шаговъ такого храбреца
Ужъ заставлялъ дрожать всѣ женскія сердца.
И говорятъ о васъ, что съ самыхъ юныхъ лѣтъ
Вы волочились, графъ. И правда то, иль нѣтъ,—
Но ходитъ слухъ еще, что вы заключены
Тогда въ тюрьму на мѣсяцъ были, или два,
Крестьянина убивъ и, какъ гласитъ молва,
За то, что онъ былъ мужъ хорошенькой жены,
Его повѣсили вы въ собственномъ дому.
Простите, графъ, но я... я это не пойму.
Два мѣсяца въ тюрьмѣ!.. Ну, не безумецъ вы?
Хотя бы было то для знатной, для одной
Изъ нашихъ свѣтскихъ дамъ, какъ колосъ изъ травы,
Стоявшей выше всѣхъ и родомъ и красой,—
Куда бъ еще ни шло,—а то крестьянка, графъ!..
И такъ, припомнивъ все, вы разскажите мнѣ
Какой-нибудь романъ, въ которомъ весь вашъ нравъ
Сказался бы вполнѣ. Подробности... Онѣ—
Всегда, хотя чуть-чуть, похожи на тотъ шкафъ,
Гдѣ прячется, струхнувъ, влюбленный нашъ герой,

Когда его у насъ застигнетъ мужъ врасплохъ.
И тамъ, въ шкафу, лежитъ тихонько, подъ горой
Различнаго тряпья...

Графъ.

Но отчего жъ—мой Богъ!—
Вы ставите всегда условіе одно,
Чтобъ героиней дама свѣта здѣсь была?
Повѣрьте мнѣ, мой другъ, что это все равно.
Любая женщина намъ можетъ быть мила.
Вѣдь женщина у всѣхъ на то и въ міръ пришла,
Чтобъ только восхищать. Ахъ, что̀ я говорю...
Вѣдь чистой красотѣ не нуженъ древній родъ,
А граціи титулъ...

Маркиза.

Ну нѣтъ, благодарю.
Я слышать не хочу вульгарный анекдотъ.
И знаю хорошо, что въ памяти своей
Вамъ стòитъ поискать,—найдется кое-что
Иное для меня. Итакъ, прошу, скорѣй
Начните, милый графъ!

Графъ.

Коль вамъ угодно то,
Я повинуюсь вамъ. Пословица вѣрна,
Гласящая: все то, что̀ женщина велитъ,
Угодно и Творцу! Итакъ... Моя весна,
Та лучшая пора передо мной стоитъ...
Когда впервые я пріѣхалъ ко двору,
Я былъ еще такъ слѣпъ, сантименталенъ, но...
На первыхъ же порахъ мнѣ было суждено
Проснуться и прозрѣть. Я думалъ, что умру,—
Такъ я страдалъ, прозрѣвъ. Я былъ тогда влюбленъ
Безумно, всей душой, въ графиню де-Полэ.
Любилъ и вѣрилъ ей, но кратокъ былъ мой сонъ.
Однажды я ее, въ вечерней полумглѣ,
Засталъ съ другимъ. Ударъ былъ прямо въ сердце мнѣ.
Повѣрите ль теперь вы глупости моей—
Два мѣсяца подъ рядъ я слезы лилъ по ней.
И тотчасъ при дворѣ я поднятъ былъ на смѣхъ;
Вѣдь это все народъ завистливый и злой,
Готовы каждый мигъ привѣтствовать успѣхъ,
Глумиться и свистать ошибкѣ роковой.

Я проигралъ, и вотъ—я былъ и виноватъ.
Однако, вскорѣ я возлюбленной другой
Обзавелся. Увы!.. Послѣдствія гласятъ:
И въ этомъ сердцѣ былъ хозяиномъ иной.
Соперникъ мой—поэтъ, и билъ онъ прямо въ цѣль—
Въ награду за любовь онъ ей писалъ стишки
И величалъ звѣздой, цвѣткомъ, волной рѣки,
И ужъ не знаю—чѣмъ. Я вызвалъ на дуэль.
Но остроуміемъ онъ только промышлялъ,
И эту роль свою, конечно, доигралъ.
Да, драться не посмѣлъ мой струсившій поэтъ,
Но сочинилъ за то онъ пошленькій сонетъ.
И публика опять смѣялась надо мной;
Я снова проигралъ. На этотъ разъ урокъ
Открылъ мои глаза и послужилъ мнѣ впрокъ.
Я пересталъ мечтать о женщинѣ „одной"
И сталъ любить ихъ всѣхъ, девизомъ взявъ своимъ:
„Измѣнчивъ женскій нравъ; глупецъ, кто вѣритъ имъ".
И такъ удобнѣе!..

Маркиза.

Однако, въ тѣ года,
Когда клялись въ любви, вздыхали вы у ногъ,
И атмосферой думъ, вниманья и тревогъ
Вы окружали ихъ,—скажите мнѣ, тогда—
Кàкъ говорили вы съ красавицей своей?
Ужели—какъ сейчасъ?

Графъ.

Нѣтъ... Но лишь тѣмъ сильнѣй
Прекрасный слабый полъ избаловали мы.
О, столько льстили имъ влюбленные пѣвцы!
У женщинъ есть свои присяжные льстецы—
Поэты. Каждый день они строчатъ имъ тьмы
Плѣнительныхъ стиховъ, какъ будто взявъ патентъ
На ласковую ложь и тонкій комплиментъ.
И это каждый день безумно расточать
Предъ женщиной, въ такомъ количествѣ, безъ мѣръ!..
Я женщинъ не виню, что стало принимать
Воображенье ихъ чудовищный размѣръ.
Но знаютъ ли, куда ведетъ насъ этотъ путь?
Научится ль хотя она любить, жалѣть?
И станетъ ли нѣжнѣй ея душа? Ничуть.

Она, въ концѣ концовъ, не хочетъ и смотрѣть
На чистаго душой и робкаго юнца,
Хотя его порокъ лишь въ томъ и состоитъ,
Что какъ святыню онъ ее боготворитъ.
О, нѣтъ, ей подавай такого молодца,
Что опытностью взялъ. Такого, что народъ,
При встрѣчѣ, на него глядитъ, разиня ротъ,
А женщины, смутясь, поднять не смѣютъ глазъ.
А отчего? Мой Богъ! Вѣдь этотъ молодецъ
Имѣетъ реномэ губителя сердецъ,
Во Франціи изъ всѣхъ—первѣйшій ловеласъ.
Не правда ли, какой заманчивый титулъ?
При этомъ отъ него не требуетъ никто,
Чтобы онъ молодъ былъ, красивъ или блеснулъ
Хоть чѣмъ-нибудь. О, нѣтъ! Онъ милъ уже за то,
Что пожилъ онъ. И вотъ, нашъ ангелъ соблазненъ.
Когда жъ потомъ иной приходитъ къ ней бѣднякъ,
И скромный, и простой, и робко молитъ онъ,
Колѣна преклонивъ, одинъ ничтожный знакъ
Вниманья оказать—и жертвовать сейчасъ
Готовъ онъ всѣмъ за взглядъ одинъ, иль за одну
Улыбку, то она хохочетъ и тотчасъ
Велитъ съ небесъ достать ей за рога луну!..
Да что я горячусь! И развѣ я не правъ,
Такъ говоря? Къ тому жъ, все сказанное мной—
Отнюдь не приговоръ для женщины одной,—
Ихъ имя—легіонъ.

МАРКИЗА.

Какъ вы любезны, графъ!
Спасибо еще разъ. Ну, а теперь меня
Я выслушать прошу. Жила-была одна
Лисица; постарѣвъ, слабѣла день отъ дня,
Но все-жъ еще была охотница она
До свѣжаго мясца. И ночью, какъ-то разъ,
Голодная, въ тоскѣ, пошла она бродить.
И вспоминалось ей невольно въ этотъ часъ
О томъ, какъ въ старину прекрасно было жить.
И о былыхъ пирахъ, когда случалось ей
То курочку поймать, подкравшись, за крыло,
То кролика. Увы, съ годами все прошло.
И только строже постъ, да голодъ все сильнѣй.
Но и теперь, когда приноситъ вѣтерокъ

Къ ней запахъ дичи,—вновь, какъ прежде, огонекъ,
И хищный огонекъ, горитъ въ глазахъ лисы.
И вотъ, бредя вблизи курятника, она
Замѣтила цыплятъ. Уткнувъ въ крыло носы,
Спокойно спятъ они. Но высока стѣна
И труденъ доступъ къ нимъ. Досаду поборя
И голодъ подавивъ, отъ аппетитныхъ куръ
Отходитъ прочь она, съ презрѣньемъ говоря:
„На взглядъ-то хороши, да молоды чрезъ-чуръ.
Годятся лишь они, куда еще ни шло,
Лисичкамъ лишь однимъ".

Графъ.

Ахъ, это страшно зло,
Чтò вы сказали! Я... я даже принужденъ
На память привести вамъ нѣсколько именъ:
Антоній и Клеò, Далила и Самсонъ,
И Геркулесъ у ногъ Омфалы...

Маркиза.

Слышу вновь
Такой печальный взглядъ и странный на любовь!

Графъ.

Нѣтъ, вовсе нѣтъ. Но чтò такое человѣкъ?
Онъ плодъ, самимъ Творцомъ дѣленный пополамъ.
Своимъ путемъ идетъ онъ въ мірѣ весь свой вѣкъ.
Но чтобъ счастливымъ быть, найти онъ долженъ самъ
На жизненномъ пути ту половину, но...
Тутъ случай явится. Онъ слѣпъ. Не суждено
Ему найти ее, пожалуй, никогда...
Но если же найдетъ и встрѣтитъ, то тогда
Тотчасъ полюбитъ онъ. И мнилось мнѣ не разъ,
Маркиза, были вы... вы—половиной той
Моей души всегда,—что мнѣ назначилъ васъ,
Да, васъ одну—самъ Богъ! Я васъ искалъ мечтой,
Искалъ, но не нашелъ, и жизнь моя прошла.
И лишь теперь меня судьба къ вамъ привела,
Но слишкомъ поздно... Да!

Маркиза.

Ну, такъ-то лучше, графъ!
Но все-жъ проступокъ вашъ вамъ даромъ не пройдетъ.

И знаете ли вы, что нынче, васъ узнавъ,
Мнѣ въ голову пришло сравненье на вашъ счетъ:
Какъ скряга, домъ отъ всѣхъ, на потайной замокъ,
Закрыли сердце вы. И если кто-нибудь
Захочетъ иногда къ вамъ въ сердце заглянуть
И посѣтить какъ гость, отъ мысли злой далекъ,—
Ужъ мнится вамъ, что онъ ограбить хочетъ васъ.
И все, что̀ поцѣннѣй, вы прячете отъ глазъ,
Стараясь показать одинъ лишь старый хламъ.
Нѣтъ, бросьте шутки, графъ, хитрить довольно вамъ!
Я знаю хорошо: у каждаго скупца,
Въ какомъ-нибудь углу, запрятанъ сундучокъ.
И въ каждомъ сердцѣ—есть секретный уголокъ,
Съ сокровищницей въ немъ. Охъ, скрытныя сердца!..
Что̀ жъ въ вашемъ сердцѣ, графъ, на днѣ? Портретъ,
Быть можетъ, дѣвушки шестнадцати лишь лѣтъ;
Идилліи былой, невинной, но, какъ грѣхъ,
Скрываемой давно и бережно отъ всѣхъ.
Не правда-ль, иногда, хоть изрѣдка, у насъ
Является порывъ мучительный взглянуть
На образъ прошлыхъ дней. И вновь, хотя на часъ,
Припомнить эпизодъ, такъ волновавшій грудь,
Иль случай, что страдать заставилъ насъ на мигъ.
Но и страданье то—намъ дорого теперь...
И вотъ, среди ночи, запрешь тихонько дверь,
И вытащишь на свѣтъ одну изъ старыхъ книгъ,
Раскроешь и её, и сердце вмѣстѣ съ ней,
И смотришь, смотришь все, съ невольною тоской,
На высохшій цвѣтокъ, въ одинъ изъ милыхъ дней,
Когда-то данный вамъ любимою рукой,
И сохранившій все-жъ далекій ароматъ
Промчавшейся весны. А думы ужъ летятъ...
И голосъ милый тотъ, влетѣвшій на крылахъ
Воспоминаній въ вамъ, уже звучитъ въ ушахъ.
И вновь прижмешь къ устамъ невольно лепестки,
Оставившія слѣдъ и въ книгѣ, и въ груди...
Да, въ старости, когда страданья глубоки
И такъ немного дней осталось впереди,—
Намъ услаждаетъ ихъ лишь юности цвѣтовъ
Цѣлебный ароматъ.

Графъ.

Да, это правда все.
Со дна моей души уже встаетъ одно

Воспоминанье. И... пожалуй, я готовъ
Вамъ разсказать о немъ. Но также и у васъ
Прошу награды я: отбросимъ нынче ложь
И общій нашъ капризъ исполнимъ въ этотъ часъ,—
Разскажемъ о быломъ—вы мнѣ, я вамъ...

Маркиза.

Ну, что жъ,
Условье принято! Боюсь, что мой разсказъ
Ребячествомъ своимъ займетъ едва ли васъ.
Хотя не знаю я, зачѣмъ такъ суждено,
Что вспоминанья тѣхъ, почти-что дѣтскихъ дней,
Съ годами только все становятся сильнѣй,
И будто бы ростутъ и крѣпнутъ, какъ вино.
Случалось слышать вамъ навѣрное не разъ
О приключеніяхъ, составившихъ для насъ,
Для юныхъ женщинъ, все, надежды и обманъ,
Предлогъ для свѣтлыхъ грёзъ и первый нашъ романъ.
У каждой женщины ихъ было три, иль два,
А у меня одно. Быть можетъ, потому
Такъ говоритъ оно и сердцу, и уму.
Была я молода. Семнадцать лѣтъ едва
Исполнилося мнѣ, но я уже прочла
Романовъ и новеллъ старинныхъ безъ числа.
По парку часто я блуждала, вся въ мечтахъ
О будущемъ. Порой, любуюсь, какъ въ кустахъ
Прибрежныхъ ветлъ играетъ лучъ луны,
И слышится тогда мнѣ въ шорохѣ вѣтвей,
Что вѣтеръ шепчетъ имъ все о любви своей.
И бродятъ въ головѣ неясныя, какъ сны,
Все думы объ одномъ: каковъ-то будетъ онъ,
Мой суженый... Увы! Вѣдь каждая изъ насъ
Ждетъ милаго тайкомъ, зоветъ его подчасъ.
И твердо вѣритъ въ то, что Богомъ сотворенъ
Нарочно для нея герой одинъ... И вотъ,
Случилось такъ, что тотъ, о комъ мечтала я,
Мой богъ, красавецъ мой, явился въ тотъ же годъ.
Какою радостью забилась грудь моя!
Я полюбила вмигъ. Должно быть, и ему
Я нравилась тогда. Но, не пробывъ и дня,
Опять уѣхалъ онъ—и тѣмъ конецъ всему.
Пожалъ онъ руку мнѣ, поцѣловалъ меня.
Я только взглядъ одинъ послать ему могла.

Тотъ взглядъ забылъ, конечно, мой герой,
Подумалъ, можетъ быть: „О, да; она мила“...
И тотчасъ это все изъ головы долой.
А съ нашимъ сердцемъ такъ шутить—великій грѣхъ!
И вы, мой графъ, еще... вы смѣете твердить,
Что мы безчувственны, что женщинѣ—все смѣхъ,
Одна игра. И насъ вы можете винить,
Что мы одинъ капризъ мѣняемъ на другой...
Да развѣ же не вы всегда тому виной?
И женщина, она съумѣла бы любить,
Да вы—помѣха ей. Чуть первая любовь
Блеснетъ въ ея душѣ, взволнуетъ умъ и кровь,
Тотчасъ же вы ее спѣшите заглушить,
Иль вырвать съ корнемъ прочь. Бѣдняжка! Суждено
Мнѣ быть довѣрчивой всегда. Но, можетъ быть,
Все это вамъ теперь покажется смѣшно,—
Осмѣивать любовь привыкли вы всегда.
Я все ждала его, такъ долго, долго... Шли года;
Не возвращался онъ. Посватался маркизъ.
Я вышла. Признаюсь, что выйти за того
Я предпочла бы!.. Ну, исполненъ вашъ капризъ.
Открыла тайну вамъ я сердца своего,
Всю эту старую, но милую труху.
Теперь откройтесь вы!

Графъ—*съ улыбкой.*

Точь въ точь, какъ на духу!

Маркиза.

Да, да. И вамъ грѣхи не будутъ прощены,
Пока вы будете все такъ же холодны.
Бездушный человѣкъ!

Графъ.

Ну-съ, было то давно,
Въ эпоху страшную,—не даромъ ей дано
Названіе—терроръ. Тотъ годъ засталъ меня
Въ Бретани, гдѣ тогда повсюду шла рѣзня.
Я былъ вандеецъ и вступилъ въ отрядъ Стофлэ.
Все это присказка, теперь же я начну
Мою исторію. Ведя тогда войну,
Какъ партизаны, мы, въ вечерней полумглѣ,
Лишь только-что тогда Луару перешли.

Мой небольшой отрядъ изъ горсточки друзей,
Да нѣсколькихъ крестьянъ, все преданныхъ людей,
Разсыпался въ кустахъ. Отсюда мы могли,
Стрѣляя по врагу, прикрыть своихъ. И вотъ,
Когда спустилась ночь, мы тоже въ свой чередъ
Прикончили стрѣльбу и отступили внизъ
По берегу. И вдругъ, откуда ни возьмись,
Передо мной солдатъ-республиканецъ... Ахъ!
Должно быть, какъ и мы, скрывался онъ въ кустахъ.
Онъ выстрѣлилъ въ меня. Я бросился впередъ
И зарубилъ его на мѣстѣ, сгоряча
Не чувствуя еще, что раненъ въ свой чередъ,
Но кровь уже лилась изъ моего плеча.
Я былъ одинъ, и въ полутьмѣ мой взглядъ
Не находилъ своихъ. Но опытъ мнѣ помогъ:
Я, шпоры давъ коню, помчался наугадъ
Во тьмѣ, во весь опоръ, пока не изнемогъ
И не упалъ въ одну изъ вырытыхъ канавъ.
Однако, вскорѣ я услышалъ голоса,
И различить уже могли мои глаза
Какой-то свѣтъ вдали. Остатокъ силъ собравъ,
Я всталъ, побрелъ на свѣтъ. Онъ падалъ изъ окна
Избушки. Кое-какъ добравшись до нея,
Я крикнулъ: „Отворить во имя короля!"
И вновь упалъ безъ силъ. Кровавая волна
Закрыла все... Когда очнулся, я лежалъ
Въ теплѣ. Постель была мягка. Вокругъ меня
Какой-то добрый людъ усердно хлопоталъ...
И вотъ тогда, среди толпы бретонцевъ, я
Увидѣлъ дѣвочку. Ей можно было дать
На видъ шестнадцать лѣтъ. Прелестна и мила,
Какъ птичка вольная. И я не могъ понять,
Какъ въ этотъ бѣдный домъ попасть она могла.
Ахъ, еслибъ знали вы, какой прелестный взоръ,
Какая грація! Я не встрѣчалъ съ тѣхъ поръ
Подобной красоты. И какъ была она
Мила въ своемъ чепцѣ! Капризная волна,
Волна такихъ кудрей на плечи ей легла,
Что королева здѣсь любая бы могла
Отдать за нихъ легко сокровища свои.
При видѣ рукъ ея, сомнѣнія мои
Возникли вновь: ужель была она
Вотъ здѣсь, въ простой средѣ, крестьянкой рождена?

На мѣстѣ же отца, я дешево бы взялъ
За всѣ свои права... Три дня я пролежалъ,
Не двигаясь, больной, но будто бы во снѣ
Промчались эти дни. Она была при мнѣ
Все время. Каждый мигъ ее я видѣть могъ,
То молчаливую, сидѣвшую у ногъ
Постели, то въ пылу хозяйственныхъ тревогъ,
Или шептавшую молитвы... Но о комъ?
Ужели обо мнѣ, израненномъ, больномъ?..
Порой сидитъ она, на мнѣ остановивъ
Подолгу взоръ... Взоръ золотистыхъ глазъ,
Какъ у орлицы, былъ онъ чистъ и горделивъ.
И знаете, когда впервые встрѣтилъ васъ,
Маркиза, я тогда былъ страшно пораженъ,
Замѣтивъ и у васъ такой же самый взглядъ,
Какъ будто солнечнымъ лучомъ пронизанъ онъ.
Ну, словомъ, я тогда бѣдѣ своей былъ радъ
И безсознательно въ ошибку злую впалъ,
Начавъ влюбляться... Вдругъ, въ одинъ прекрасный часъ,
Я слышу выстрѣлы. Хозяинъ мой вбѣжалъ
Весь блѣдный. „Синіе!.. Сейчасъ ворвутся къ намъ!..
Спасайтесь бѣгствомъ вы!“—кричитъ онъ впопыхахъ.
Я былъ такъ слабъ еще, но мѣшкать не хотѣлъ.
Какъ добрый конь дрожитъ, почуявъ битвы страхъ,
Такъ и въ моей крови военный пылъ вскипѣлъ.
Собрался быстро я. Она ждала въ дверяхъ,
Какъ будто въ траурѣ, вся въ черномъ и въ слезахъ.
Когда же я съ трудомъ садился на коня,—
Держала стремя мнѣ, смотрѣла на меня.
Тогда, какъ рыцарь, я съ сѣдла склонился къ ней
И нѣжный поцѣлуй на лбу запечатлѣлъ.
Она отпрянула внезапно, точно ей
Обиду нанесли. И гнѣвомъ заблестѣлъ
Прекрасный гордый взоръ. Взволнована, блѣдна,—
„Вы забываетесь!“—промолвила она.
Ошибку понялъ я: крестьянкою простой
Могла ли быть она съ подобной красотой,
Съ осанкой гордою? Я недогадливъ былъ
И, не подумавши, невольно оскорбилъ
Дворянку кровную, на этотъ страшный годъ
Укрытую лишь здѣсь, покуда, въ свой чередъ,
Ея отецъ иль братъ сражался среди насъ.
Но донкихотства былъ во мнѣ большой запасъ.

Романовъ тоже я прочелъ десятка два,
И у меня отъ нихъ кружилась голова.
И потому, съ коня поспѣшно соскочивъ
И робко передъ ней колѣно преклонивъ,
Почтительно сказалъ: „Прошу меня простить.
Клянусь, я былъ далекъ отъ мысли оскорбить...
И этотъ поцѣлуй, повѣрьте, какъ женихъ
Своей избранницѣ, я далъ вамъ въ этотъ мигъ.
Прошу считать теперь, что мы обручены.
И если такъ рѣшатъ случайности войны,
Я возвращусь сюда и буду умолять
Такой же, въ свой чередъ, залогъ любви мнѣ дать".
„Пусть такъ,—въ отвѣтъ промолвила она,—
Прощайте, мой герой!"—Съ улыбкою затѣмъ
Подняться помогла и, ручкою своей
Пославши поцѣлуй, добавила: „Вина
Забыта вамъ. Теперь ступайте, но скорѣй
Вернитеся назадъ; я буду ждать". И съ тѣмъ
Уѣхалъ я.

Маркиза—*печально.*

И не вернулись никогда?

Графъ.

Нѣтъ. Почему? И самъ я не могу рѣшить.
А мысли разныя являлись мнѣ тогда:
Возможно ль, чтобъ она успѣла полюбить,
Когда я съ нею былъ лишь нѣсколько минутъ?
Да и въ своей любви я могъ ли увѣрять,
Любилъ ли я её? А годы такъ бѣгутъ...
Къ тому же я тогда боялся опоздать.
Что̀ если я вернусь, а тамъ уже другой
И любитъ, и любимъ? И, можетъ быть, она
За нимъ уже давно и мать семьи большой.
А память обо мнѣ едваль сохранена.
И если о быломъ еще хранитъ она
Воспоминаніе, то смутное, какъ сонъ.
Ея герой... Богъ вѣсть, еще найдетъ ли онъ
Свою любовь, а въ ней—все тотъ же милый нравъ.
Да, поступая такъ, я былъ, пожалуй, правъ.
Не лучше ль было мнѣ ту память сохранить
И радостной, и свѣтлой навсегда,
И вѣчно образъ тотъ въ душѣ своей носить,

Такимъ же чистымъ все, какимъ онъ былъ тогда,
Не возвращаться къ ней, свиданья не искать,
Чтобы нечаянно съ минувшаго не снять
Мечтательный покровъ?.. Но я сознаюсь вамъ,
Воспоминанье то повсюду шло за мной.
И смутную тоску я чувствовалъ порой,
И даже иногда я сомнѣвался самъ:
Не тамъ ли именно я счастье могъ найти,
Въ той милой сторонѣ, вдали отъ всѣхъ тревогъ?
И не напрасно ли на жизненномъ пути
Я обошелъ его?

МАРКИЗА—*со слезами въ голосѣ.*

Быть можетъ, и она
Уже любила васъ? То вѣдаетъ лишь Богъ.
Такъ не вернулись вы?

ГРАФЪ.

Что-жъ, развѣ ужъ вина
Моя такъ велика?

МАРКИЗА.

Нѣтъ, не виню я васъ.
Но вспомните, мой другъ, не сами ли сейчасъ
Вы говорили мнѣ, что каждый человѣкъ,
Какъ плодъ, самимъ Творцомъ разломленъ пополамъ,
Что онъ дорогою своей идетъ весь вѣкъ...
Для счастья жъ своего найти онъ долженъ самъ
На жизненномъ пути ту половину, но
Случайность—вождь его, и что не суждено
Ему найти ее почти-что никогда;
Но если же найдетъ иль встрѣтитъ, то тогда
Ее полюбитъ онъ. И говорили... Да,—
Чѣмъ я была для васъ,—что долгіе года
Меня искали вы, искали, не нашли
И обошлись всю жизнь безъ истинной любви.
И только лишь теперь, когда вся жизнь прошла,
Насъ съ вами, какъ тогда, опять судьба свела.
Но слишкомъ поздно... Да. Такъ поздно, что... Увы!..
Вы не вернулись. Но зачѣмъ же? Отчего?..

ГРАФЪ.

Мой Богъ! Вы плачете?

МАРКИЗА.

Такъ, это ничего...
Я знала ту, о комъ мнѣ говорили вы.
Печаленъ вашъ разсказъ,—ну, вотъ и плачу я...
Но это ничего.

ГРАФЪ.

О комъ я говорилъ...
Такъ, значитъ, дѣвушка, которой предложилъ
Когда-то руку я... То были вы?

МАРКИЗА.

Да, я...
(*Графъ становится на колѣни и цѣлуетъ руку графини. Онъ очень взволнованъ.*)

МАРКИЗА—*послѣ минутнаго молчанія.*

Оставимъ это все. Прошла пора для насъ.
Поблекли розы и... Мы сами не годны
Уже для этихъ чувствъ. И если-бъ кто сейчасъ
Увидѣлъ насъ... О, какъ мы были бы смѣшны!
Да, встаньте... Но, чтобъ кончить намъ тотчасъ
Съ воспоминаньями, столь поздними для насъ,
И старый нашъ романъ... Постойте, графъ... Вернуть
Хочу я вамъ залогъ, когда-то данный мнѣ.
Ужъ я не дѣвочка, мнѣ можно все теперь...
(*Она цѣлуетъ его въ лобъ и прибавляетъ съ печальной улыбкой:*)
Но какъ онъ постарѣлъ, мой бѣдный поцѣлуй!

Перев. АР. А. СЕЛИВАНОВЪ.

ЖОРЖЪ-ЗАНДЪ
и
НАПОЛЕОНЪ III

По неизданнымъ документамъ.

Окончаніе *).

Наполеонъ, въ отвѣтъ на письмо Жоржъ-Зандъ, отъ 3-го февраля 1852 г., назначилъ ей аудіенцію на 6-ое февраля. Во время аудіенціи, не ограничиваясь просьбою объ общей амнистіи, Жоржъ-Зандъ обратилась къ Наполеону III съ ходатайствомъ за тѣхъ двухъ ярыхъ республиканцевъ, на которыхъ она намекнула въ своемъ письмѣ. То, какъ отнесся Наполеонъ и къ этой просьбѣ,—съ одной стороны, заставило Жоржъ-Зандъ выразить ему величайшую признательность и дало ей смѣлость, начиная съ этого дня, приняться еще ревностнѣе хлопотать за множество лицъ и постоянно осаждать президента просьбами и письмами, а съ другой стороны—убѣдило ее, что Наполеонъ, при личныхъ добродушныхъ качествахъ, не въ силахъ справиться съ окружавшей его кликой интригановъ и карьеристовъ.

Жоржъ-Зандъ, пробывъ въ Парижѣ съ половины января до начала апрѣля, все это время, устно и письменно, неустанно хлопотала, ѣздила, просила, осаждала просьбами, умоляла, добивалась свиданій и у Наполеона, и у Персиньи, и у ми-

---

*) См. выше: май, 267 стр.

нистра юстиціи, и у министра полиціи, видѣлась и переписывалась и съ Теофилемъ де-Монто, и съ правителемъ канцеляріи министра полиціи Тьебленомъ, и съ правителемъ канцеляріи министра юстиціи Абатуччи, и съ префектомъ полиціи Карлье, и съ секретаремъ министра полиціи Фортулемъ; дѣйствовала и черезъ принца Жерома, и черезъ графа д'Орсэ, не зная ни отдыха, ни покоя, пока не добивалась того, о чемъ просила. „Я только и дѣлаю, что бѣгаю отъ Карлье къ Пьетри и отъ секретаря министра внутреннихъ дѣлъ (Каве) къ генералу Барагэ",— пишетъ она въ письмѣ къ Гетцелю, и эти слова вовсе не были преувеличеніемъ,—такъ горячо принялась Жоржъ-Зандъ за дѣло спасенія пострадавшихъ. Послѣ 2-го декабря, съ полнымъ довѣріемъ къ ней прибѣгали и знакомые, и незнакомые, засыпая ее письмами со всѣхъ концовъ Берри. Съ великимъ упорствомъ добивалась она аудіенцій, не боялась надоѣдать просьбами, хлопотала о помилованіи приговоренныхъ къ смертной казни, о замѣнѣ ссылки—въ Ламбессу или Каенну—добровольнымъ изгнаніемъ за границу, о смягченіи вѣчнаго изгнанія во временное, о замѣнѣ заключенія въ казематахъ—высылкой на поселеніе въ колоніи Африки, о полномъ освобожденіи изъ тюрьмы; спасала больныхъ отъ смерти въ тюрьмахъ, а осиротѣлыя семейства, лишившіяся своего главы,—отъ нищеты и голода; неустанно утѣшала, поддерживала, ободряла заключенныхъ и бѣжавшихъ; посылала имъ деньги, книги, письма и успокоительныя извѣстія; научала, какъ написать просьбу, какъ формулировать требуемое правительствомъ обѣщаніе „не принимать участія въ дѣйствіяхъ противъ него", но такъ, чтобы лицо, отъ котораго требовалась такая *подписка*, могло дать ее, не жертвуя своимъ достоинствомъ, не кривя душою и не поступаясь своими убѣжденіями. Она хлопотала не только за тѣхъ, о которыхъ ее просятъ или кого лично она знаетъ, или кто лично ее проситъ о помощи,—она часто хлопотала и о тѣхъ изъ друзей, знакомыхъ и *вовсе не знакомыхъ ей*, которые даже и не подозрѣвали, что у нихъ такая мужественная, могущественная и великодушная защитница, и узнавали о ея хлопотахъ тогда, когда эти хлопоты увѣнчивались неожиданнымъ для нихъ хорошимъ результатомъ—и тогда съ изумленіемъ и умиленіемъ благодарили ее. Такъ было съ семьей Марка Дюфресса, Люме и съ Ал. Ламберомъ. Не ожидая просьбъ, не зная даже, *воспользуются ли* ея помощью, — она проситъ прежде всего за Флери, который долженъ былъ скрываться послѣ 2-го декабря, потомъ бѣжалъ въ Бельгію, изъ республиканской гордости отказался отъ помилованія и запрещалъ Жоржъ-Зандъ

хлопотать о себѣ; но она все-таки выхлопотала ему заграничный паспортъ, избавила его отъ ссылки, которая для него замѣнилась добровольнымъ изгнаніемъ, и дала ему возможность перебраться въ Брюссель, снабдивъ его на дорогу и на первое время необходимыми денежными средствами, а для этого даже заняла у тестя Дюверне 6.000 франковъ. Потомъ она выхлопотала Марку Дюфрессу и Греппо съ женою освобожденіе изъ тюрьмы и разрѣшеніе уѣхать въ Брюссель; она принялась хлопотать и за Эмиля Оканта и Перигуа, посаженныхъ со многими другими въ тюрьму въ Шатору, и добилась того, что ихъ выпустили на свободу, съ обязательствомъ не отлучаться изъ извѣстнаго мѣста, и наконецъ Оканта водворили „подъ личнымъ ея поручительствомъ“ на жительство... въ Ноганъ.

Она узнала, что сидящій въ тюрьмѣ Ал. Ламберъ, редакторъ „Эндрскаго Просвѣтителя“, боленъ, и что ему предстоитъ высылка или долгое заключеніе; и вотъ она неустанно пишетъ, проситъ и хлопочетъ, пока не добивается его освобожденія и возвращенія въ родную семью, не надѣявшуюся уже видѣть его въ живыхъ. А пока онъ сидитъ сначала въ Шатору въ тюрьмѣ, а потомъ въ трюмѣ корабля, увозившаго его въ ссылку, и наконецъ въ пенитенціарномъ лагерѣ въ Африкѣ,—она помѣщаетъ его дочь въ пансіонъ и съ помощью г-жи Дюверне печется о ней, какъ о родной. Актеръ Бокажъ просилъ ее за своего пріятеля, молодого адвоката Мартэна, сидѣвшаго въ казематахъ крѣпости Иври,—и того тоже освободили и водворили въ Ноганъ. И жена Мартэна изъ Страсбурга хлопотала за разныхъ арестованныхъ въ Эльзасѣ и перевезенныхъ въ парижскіе форты знакомыхъ, и за г-жу Полину Роланъ, арестованную и посаженную въ тюрьму, и сама эта г-жа Роланъ—за сидящихъ съ нею вмѣстѣ, и какая-то г-жа М. — за цѣлую вереницу лицъ. — На столѣ Жоржъ-Зандъ накопились цѣлые вороха списковъ опальныхъ лицъ, „за которыхъ надо просить“. На цѣлой массѣ бумагъ, бумажекъ написаны синими чернилами слова: „Просила 23-го февраля“, „Посланъ“, „Передань Персиньи“, „Посланъ президенту“, и т. д., и т. д. и т. д.

Вотъ еще письмо Ж.-Зандъ къ Наполеону:

„Парижъ, 12 февраля.

„Принцъ! Позвольте мнѣ представить горестную просьбу о помилованіи: просьбу четырехъ солдатъ, приговоренныхъ къ смерти; они, въ ихъ глубокомъ невѣдѣніи политическихъ дѣлъ, избрали одного осужденнаго на ссылку своимъ посредникомъ предъ вами.

Жена этого изгнанника, которая ничего не проситъ и ни на что не надѣется въ отношеніи собственнаго несчастья, и такъ же, какъ и я, незнакома съ подписавшими эту петицію, пишетъ мнѣ нѣсколько прекрасныхъ строкъ, которыя навѣрное болѣе тронули бы васъ, чѣмъ ходатайство съ моей стороны. Бѣдная, горюющая работница, обреченная на нищету со своими тремя дѣтьми, но молчаливая и покорная, вовсе не думаетъ, что я осмѣлюсь дать вамъ прочесть ея орѳографическія ошибки. Я не хотѣла васъ безпокоить, но когда я увидѣла, что дѣло идетъ о смертной казни, а вовсе не о несчастныхъ моей побѣжденной партіи, я почувствовала, что одна минута колебанія отниметъ у меня послѣдній остатокъ сна. Я не могла также отказаться представить вамъ просьбу о помилованіи несчастнаго Эмиля Рога́, которая была мнѣ передана въ отсутствіе и отъ имени принца Наполеона-Жерома. Это и былъ тотъ принцъ, который сказалъ мнѣ, когда я въ первый разъ, трепеща, рѣшилась приблизиться къ вамъ: „О, что касается доброты,—онъ добръ! Имѣйте довѣріе!“—Это ободреніе было такъ обосновано, что я за него должна быть признательной ему. Кстати, по поводу тройной, дарованной вами мнѣ, милости, я должна бы сказать вамъ нѣчто, что̀ вамъ будетъ интересно и пріятно, я увѣрена. Я даже должна сказать вамъ нѣсколько такихъ вещей, это моя обязанность, и на этотъ разъ мнѣ не придется просить извиненія за то, что я ихъ сказала. Когда у васъ будетъ, какъ говорится въ свѣтѣ, минута, которую можно потерять, подарите ее мнѣ, я всегда буду готова воспользоваться ею съ живѣйшей признательностью.—Жоржъ-Зандъ“.

„Парижъ, 20 февраля 1852 г.

„Принцъ! Я твердо рѣшилась не безпокоить васъ болѣе, но ваша благосклонность заставляетъ меня сдѣлать это, и я должна отъ глубины души благодарить васъ за то. Г-нъ Эмиль Рога́ на свободѣ. Гг. Дюфрессъ и Греппо за границей, а четыре несчастныхъ солдата, чью просьбу я позволила себѣ переслать вамъ, помилованы, я увѣрена, не справляясь объ этомъ. Но вы мнѣ еще даровали измѣненіе наказанія Люку Дезажу, зятю г. Пьера Леру, осужденному на 10 лѣтъ ссылки за море; вы разрѣшили, чтобы онъ просто отправился въ изгнаніе, и съ вашего разрѣшенія я объявила эту добрую вѣсть его семьѣ.

„Этотъ приказъ отъ вашего имени не былъ приведенъ въ исполненіе—вѣрю, по моей винѣ! Я вамъ дала невѣрныя свѣдѣнія. Онъ былъ осужденъ военной коммиссіей департамента Лиліе, въ Муленѣ, а не въ Лиможѣ, какъ я имѣла честь ска-

зать вамъ. Принцъ, благоволите исправить однимъ словомъ мою злосчастную оплошность и еще болѣе злосчастную ошибку несправедливаго приговора.

„Ахъ, принцъ, доведите же до послѣдней степени „*мою преданность къ вашей особѣ*“—придворная фраза, которая подъ моимъ перомъ является серьезнымъ словомъ. Вашу политику я не могу любить, она меня слишкомъ ужасаетъ и за васъ, и за насъ. Но вашъ личный характеръ я могу любить, я должна его любить,—это я говорю всѣмъ тѣмъ, кого я уважаю. Совершите эту перемѣну въ бо́льшихъ размѣрахъ, въ тѣхъ границахъ, въ которыхъ совершили мое обращеніе. Это вамъ легко. Ни одна сколько-нибудь сознательная душа не перемѣнитъ свой идеалъ равенства на вѣру въ абсолютную власть. Но всякій сердечный человѣкъ, къ которому вы, не взирая на соображенія государственной важности, будете справедливымъ и милосердымъ, воздержится отъ ненависти къ вашему имени и не станетъ клеветать на ваши чувства. За это я могу ручаться относительно тѣхъ, на которыхъ имѣю кое-какое вліяніе. Итакъ, во имя вашей собственной популярности, я еще разъ молю васъ объ амнистіи; не вѣрьте тѣмъ, кому нужно клеветать на человѣчество: оно испорчено, но не окаменѣло. Если ваше милосердіе создастъ нѣсколькихъ неблагодарныхъ, то оно привлечетъ къ вамъ въ тысячу разъ болѣе искреннихъ приверженцевъ...

„И сегодня, принцъ, даруйте мнѣ то, на что вы дважды дали мнѣ серьезную надежду. Прикажите освободить всѣхъ моихъ эндрскихъ земляковъ. Между ними у меня есть нѣсколько друзей, но пусть всѣмъ будетъ оказано правосудіе; такъ какъ никто не возставалъ противъ васъ, то это лишь правосудіе. Пусть знаютъ, что сказанное мнѣ вами справедливо: „Я не преслѣдую за вѣрованія, я не караю за мысли“. Пусть эти слова, унесенныя въ моемъ сердцѣ изъ Елисейскаго дворца и почти вылечившія меня, останутся во мнѣ какъ утѣшеніе среди моего ужаса предъ политикой...

...„Ахъ, дорогой принцъ, на васъ всечасно ужасно клевещутъ, и это не мы дѣлаемъ. Простите, простите мою настойчивость, только бы она вамъ не надоѣла! Это уже не только крикъ отчаянія, это возгласъ привязанности—вы того хотѣли. Но въ ожиданіи той амнистіи, которую ваши истинные друзья намъ обѣщаютъ, пусть о вашемъ великодушіи узнаютъ въ нашихъ провинціяхъ; знайте, что народъ, избравшій васъ, говоритъ: „Онъ хотѣлъ бы быть добрымъ, но у него жестокіе слуги, и онъ не хозяинъ.

Наша воля имъ непонята,—мы хотѣли, чтобы онъ былъ всемогущъ, а онъ не всемогущъ.

„Это разногласіе между вашей мыслью и идеями чиновниковъ, которые яростно преслѣдуютъ свою добычу въ провинціяхъ, вселяетъ недоумѣніе во всѣ умы; всѣ начинаютъ думать, что власть наверху еще слаба, если она внизу такъ жестока... Я вижу настоящую войну противъ сокровенной совѣсти, возмутительное преслѣдованіе, о которомъ вы не знаете и котораго вы не хотите. Оскорбляютъ, пытаются унизить, требуютъ льстивыхъ словъ и обѣщаній со стороны тѣхъ, кого освобождаютъ. Увы, можно ли полагаться на тѣхъ, кто лжетъ, для того, чтобы выйти на свободу? Ахъ, вы не такъ прощаете вашимъ личнымъ врагамъ, и я теперь знаю, что выставить вамъ кого-нибудь въ такомъ видѣ—это значитъ быть увѣреннымъ въ его помилованіи. Но я не могу лгать, даже ради этого, и на этотъ разъ я умоляю васъ за людей, которые ждутъ отъ васъ лишь мѣры правосудія и высокаго покровительства противъ ихъ и вашихъ враговъ.

„Соблаговолите, принцъ, принять выраженія моей почтительной привязанности и скажите о моемъ бѣдномъ Берри слово, которое поможетъ мнѣ быть выслушанной, когда я тамъ буду говорить о васъ отъ всей души.—Жоржъ-Зандъ".

„Жюлю Гетцелю въ Брюссель [1]).

„Парижъ, 20 февраля.

„Я такъ же согласна, чтобы вы были тамъ, а не здѣсь, несмотря на затрудненія, тяжелыя для моего ума и здоровья, и въ которыя можетъ меня повергнуть ваше отсутствіе. Здѣсь ничто не прочно. Милости и правосудіе, которыхъ добиваешься, по большей части не приводятся въ исполненіе, благодаря противодѣйствію реакціи, которая сильнѣе президента, а также благодаря безпорядку, изъ котораго уже нельзя будетъ скоро выйти, и едва ли изъ него выйдутъ. Половина Франціи доноситъ на другую. Слѣпая ненависть и ужасное усердіе яростной полиціи удовлетворены. Вынужденное молчаніе прессы, слухи, болѣе мрачные и болѣе зловредные для абсолютныхъ правительствъ, чѣмъ свобода противорѣчія, до того сбили съ толку общественное мнѣніе, что вѣрятъ всему и ничему не вѣрятъ съ одинаковыми основаніями для того и другого. Словомъ, Парижъ—хаосъ, а провинція—могила. Когда находишься въ провинціи

[1]) Въ *Корреспонденціи* это письмо ошибочно адресовано „въ Парижъ", да и изъ первыхъ его строкъ явствуетъ, что, во-первыхъ, Гетцеля въ это время не было въ Парижѣ, а во-вторыхъ, сама Жоржъ-Зандъ писала это письмо изъ Парижа.

и видишь это умственное ничтожество, тогда приходится сказать себѣ, что всѣ жизненныя силы были въ нѣсколькихъ людяхъ, нынѣ узникахъ, изгнанникахъ или покойникахъ. Эти люди по большей части плохо распорядились своимъ вліяніемъ; ибо какъ скоро, вмѣстѣ съ ихъ пораженіемъ, исчезли матеріальныя надежды, ими внушенныя,—въ душахъ ими созданныхъ сторонниковъ не осталось никакой вѣры, никакого мужества, никакой прямоты.

„Итакъ, всякій живущій въ провинціи полагаетъ и долженъ полагать, что правительство сильно и основывается на одномъ убѣжденіи, на одной волѣ, общей для всѣхъ,—разъ противодѣйствія считаются здѣсь лишь одно на тысячу, да и то это робкія противодѣйствія, подавленныя тяжестью собственнаго нравственнаго безсилія. Пріѣхавъ сюда, я думала, что надо временно, съ наибольшимъ спокойствіемъ и вѣрою въ Провидѣніе, сносить диктатуру, наложенную на насъ за самыя наши ошибки. Я надѣялась, что такъ какъ имѣется всесильный человѣкъ, можно приблизиться къ его слуху, чтобы выпросить у него жизнь и свободу нѣсколькихъ тысячъ жертвъ (по большей части, даже въ его глазахъ—невинныхъ). Этотъ человѣкъ былъ доступенъ и гуманенъ, когда выслушивалъ меня. Онъ мнѣ предложилъ всѣ частныя помилованія, о которыхъ я захотѣла бы попросить его, обѣщая мнѣ вскорѣ всеобщую амнистію. Я отказалась отъ частныхъ помилованій, я удалилась, надѣясь за всѣхъ. Человѣкъ этотъ не рисовался, онъ былъ искрененъ, и, кажется, быть такимъ было въ его собственномъ интересѣ. Я вновь отправилась туда *второй и послѣдній разъ*, двѣ или три недѣли тому назадъ, чтобы спасти одного личнаго друга отъ высылки за море. Я сказала подлинными словами (и написала тѣми же словами, прося объ аудіенціи), что этотъ другъ *не раскаявается* въ прошломъ и ни за что не ручается въ будущемъ; что я остаюсь во Франціи въ качествѣ нѣкоего козла отпущенія, котораго можно поразить, если это нужно. Для того, чтобы добиться измѣненія кары, о которомъ я просила, и чтобы достигнуть того, не унижая и не компрометтируя лица, которое было предметомъ моихъ хлопотъ,—я понадѣялась на чувство великодушія со стороны президента, и я выдала ему этого человѣка, какъ его *личнаго и неисправимаго врага*. Тотчасъ же онъ предложилъ мнѣ его совершенно помиловать. Я должна была отказаться отъ имени того, кто былъ предметомъ просьбы, и поблагодарить отъ *своего имени*. Я поблагодарила совершенно сердечно и искренно, и съ этого дня я сочла себя обязанной не позволять снисходительно

клеветать при мнѣ на *черты характера* человѣка, которыя внушили ему этотъ поступокъ. Получивъ свѣдѣнія объ его образѣ жизни и нравахъ отъ лицъ, которыя издавна его близко видятъ и не любятъ, я знаю, что онъ не развратникъ, не воръ и не кровожаденъ. Онъ достаточно долго и съ достаточной искренностью говорилъ со мной, для того, чтобы я могла увидѣть въ немъ нѣкоторыя добрыя наклонности и стремленія къ цѣли, которая была бы и нашей цѣлью. Я ему сказала: „Желаю вамъ достигнуть ея, но не думаю, чтобы вы избрали возможный путь. Вы думаете, что цѣль оправдываетъ средства, я исповѣдую противоположное ученіе. Я бы не приняла диктатуры со стороны моей партіи. Приходится мнѣ переносить вашу диктатуру, ибо я безоружная пришла просить васъ о милости; но совѣсть моя не можетъ измѣниться, я есть и буду тою, какою вы меня знаете; если это преступленіе,—дѣлайте со мною, что̀ хотите.

„Съ этого дня—6 февраля—я его болѣе не видѣла; я ему дважды писала, чтобы попросить о помилованіи четырехъ приговоренныхъ къ смерти солдатъ и о возвращеніи изъ ссылки одного умирающаго. Мнѣ была оказана эта милость. Я просила за Греппо и за Люка Дезажа, зятя Леру, и одновременно и за Марка Дюфресса. Это исполнили. Греппо и жена его были выпущены на свободу на другой же день. Люкъ Дезажъ не былъ освобожденъ. Это происходитъ, я думаю, вслѣдствіе невѣрнаго указанія, сдѣланнаго мною президенту относительно его имени и мѣста, гдѣ его судили. Я исправила эту ошибку въ моемъ письмѣ, и въ то же время я въ третій разъ выступила адвокатомъ по дѣлу эндрскихъ узниковъ. Я говорю: *адвокатомъ*, ибо разъ президентъ, а потомъ и его министръ, не задумываясь, отвѣчали мнѣ, что они не намѣревались преслѣдовать убѣжденія и предполагаемыя намѣренія, то, значитъ, люди, заключенные по подозрѣнію, имѣли право на свободу и должны получить ее. Дважды брали списокъ; дважды на моихъ глазахъ отдали приказаніе, и *десятки разъ* въ теченіе разговора президентъ и министръ, каждый въ свою очередь, сказали мнѣ, что зашли слишкомъ далеко; что пустили въ ходъ имя президента, чтобы прикрыть частныя мщенія; что это было отвратительно, и что они этой ужасной и плачевной ярости положатъ предѣлы. *Вотъ всѣ мои сношенія со властями*; они сводятся къ нѣсколькимъ хлопотамъ, письмамъ и разговорамъ, и начиная съ этой минуты, я только и дѣлала, что бѣгала отъ Карлье къ Пьетри, и отъ секретаря министра внутреннихъ дѣлъ къ г. Барагэ, чтобы добиться исполненія того, что́ мнѣ даровали или обѣщали для

Берри, для Дезажа, потомъ для Фюльбера Мартэна, оправданнаго и все еще заключеннаго здѣсь, для m-me Роланъ, арестованной и заключенной, наконецъ, для нѣсколькихъ еще другихъ, которыхъ я не знаю, но которымъ я считала себя не вправѣ отказать въ моемъ времени и помощи, то-есть, при моемъ теперешнемъ состоянiи—въ моемъ здоровьи и жизни. Въ награду за это мнѣ говорятъ и пишутъ со всѣхъ сторонъ: „Вы компрометтируете себя, вы губите себя, вы безчестите себя, вы бонапартистка! Просите и добивайтесь для насъ, но ненавидьте человѣка, который даруетъ вамъ просимое, и если вы не станете говорить, что онъ живьемъ ѣстъ младенцевъ, то мы васъ объявимъ внѣ закона.

„Это меня ничуть не страшитъ,—я такъ разсчитывала на это! Но это внушаетъ мнѣ глубокое презрѣнiе и глубокое отвращенiе къ духу партiйности, и я отъ всего сердца подамъ въ *отставку политическую*, какъ говоритъ этотъ бѣдный Гюберъ,—не у президента, который меня объ этомъ не просилъ, а у Господа Бога, котораго знаю лучше, чѣмъ многiе другiе. Я имѣю право на то, ибо это для меня жизненный вопросъ.

„Я знаю, что президентъ говорилъ обо мнѣ съ большимъ уваженiемъ и что это разсердило его присныхъ. Я знаю, что нашли дурнымъ, что онъ мнѣ разрѣшилъ то, о чемъ я просила. Я знаю, что мнѣ тутъ свернутъ шею, если свернутъ ее ему, чтó весьма вѣроятно. Я знаю также, что вездѣ распространяютъ, что я не выхожу изъ Елисейскаго дворца, и что красные допускаютъ мысль о моей низости со свойственной имъ снисходительностью; словомъ, я знаю, что при первомъ кризисѣ меня удушитъ та или иная рука. Увѣряю васъ, что это мнѣ все равно,—до того мнѣ все и почти всѣ на этомъ свѣтѣ опротивѣли.

„Вотъ историческiй отчетъ, который дозволитъ вамъ исправить ошибки, если онѣ сдѣланы безъ задней мысли. Если же онѣ сдѣланы съ умысломъ,—не заботьтесь о нихъ, и я не безпокоюсь о нихъ. Что касается до моихъ думъ о теперешнихъ событiяхъ, на основанiи того, чтò я вижу въ Парижѣ, то вотъ онѣ: президентъ уже не хозяинъ, если даже онъ и былъ имъ хоть двадцать-четыре часа. Въ первый разъ, что я его увидала, онъ мнѣ показался посланцемъ рока. Во второй разъ я увидѣла человѣка, потопленнаго и уже не могущаго бороться. Теперь я не вижу его болѣе, но я вижу общественное мнѣнiе и изрѣдка вижу окружающихъ его; или я очень ошибаюсь, или же человѣкъ этотъ погибъ, но не система, и за нимъ послѣдуетъ власть реакцiи, тѣмъ болѣе яростной, что мягкость темперамента этого

принесеннаго въ жертву человѣка уже не будетъ служить препятствіемъ...

„Пусть тѣ, которые вѣрятъ въ элементъ противодѣйствія существующему, надѣются и желаютъ паденія Наполеона! Я или слѣпа, или же вижу, что великій виновный—это Франція, и что въ наказаніе за свои пороки и преступленія она осуждена на безполезное волненіе въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, среди ужасающихъ катастрофъ. Президентъ—я такъ и буду убѣждена въ этомъ,—несчастный, жертва заблужденія и теоріи о всеоправдывающей цѣли. Обстоятельства, т.-е. партійное честолюбіе, вознесли его въ средину водоворота. Онъ льститъ себя надеждою побороть его, но онъ уже затопленъ наполовину, и я сомнѣваюсь, чтобы въ данную минуту онъ сознательно относился къ своимъ дѣйствіямъ. Прощайте, другъ мой, вотъ и все на сегодня. Не говорите мнѣ болѣе о томъ, что̀ говорятъ и пишутъ противъ меня. Скройте это отъ меня; мнѣ и такъ все довольно противно, и я не нуждаюсь въ разворачиваніи этой грязи. Вамъ достаточно извѣстно изъ этого письма, чтобы, если нужно, защитить меня, не спрашивая меня. Но тѣ, которые нападаютъ на меня, достойны ли они того, чтобы я защищалась? Если мои друзья меня подозрѣваютъ, значитъ, они никогда не заслуживали этой дружбы; пусть они меня знать не знаютъ, а тогда и я поспѣшу ихъ забыть.

„Что до васъ касается, дорогой старина, оставайтесь тамъ, гдѣ вы есть, пока положеніе не выяснится; или же, если вы хотите пріѣхать на время, скажите мнѣ. Барагэ д'Илльe или кто-либо иной можетъ попросить пропускъ, чтобы вы пріѣхали взглянуть на свои дѣла. Но не станемъ браться за что-либо рѣшительное, пока опасность новаго потрясенія не исчезнетъ изъ воображенія.—Жоржъ-Зандъ".

Это письмо чрезвычайно замѣчательно, и одновременно является и памятной запиской для исторіи февральскихъ сношеній Жоржъ-Зандъ съ Елисейскимъ дворцомъ, и характеристикой личности Наполеона и его положенія, характеристикой, полной такой мѣткости, наблюдательности и проницательности, что ни самой Жоржъ-Зандъ, когда она черезъ двадцать лѣтъ произнесла окончательный свой приговоръ надъ императоромъ, ни самому придирчивому историку почти ничего не надо было бы къ ней прибавить; наконецъ, это письмо говоритъ о томъ по истинѣ возмутительномъ отношеніи, какое проявили къ Жоржъ-Зандъ люди той же партіи, о которой она хлопотала.

Не менѣе интересны въ этомъ отношеніи два письма ея, написанныя четырьмя днями позже къ Эрнесту Перигуа, сидѣвшему въ тюрьмѣ въ Шатору, и къ Луи Каламотта, бывшему въ Брюсселѣ. Мы приведемъ изъ нихъ лишь отрывки.

„Эрнесту Перигуа,
„въ тюрьмѣ въ Шатору.

„Парижъ, 24 февраля 1852.

„Мой дорогой другъ, благодарю васъ за ваше доброе письмо. Оно мнѣ доставило большое удовольствіе. Итакъ, между вами меня не подозрѣваютъ? Слава Богу; я за это вамъ признательна и почерпну въ этой справедливости моихъ земляковъ новое мужество. Здѣсь это не такъ. Есть люди, которые не могутъ вѣрить въ душевное мужество и безкорыстіе характера; и меня поносятъ въ корреспонденціяхъ въ иностранныхъ газетахъ. Не все ли мнѣ равно?"...

Затѣмъ, она говоритъ, что можетъ въ нѣсколькихъ строкахъ разсказать объ интересующихъ Перигуа хлопотахъ ея и прибавляетъ:

„Имя, которымъ воспользовались, чтобы сотворить эту ужасную бойню реакціи,—лишь символъ, знамя, которое свернутъ и спрячутъ или стопчутъ какъ можно скорѣе. *Орудіе это* не склонно къ вѣчной покорности. Человѣчный и справедливый отъ природы, но впитавшій ту ложную и зловредную мысль, что *цѣль оправдываетъ средства*, президентъ убѣдилъ себя, что можно дозволить сдѣлать много зла, чтобъ придти къ добру, и олицетворить власть въ лицѣ одного человѣка, чтобы сдѣлать изъ него провидѣніе для цѣлаго народа. Вы увидите, что̀ произойдетъ и что̀ уже происходитъ съ этимъ человѣкомъ. Отъ него скрываютъ реальность безобразныхъ фактовъ, творимыхъ во имя его, и онъ осужденъ не понимать ее изъ-за того, что онъ не понялъ истины въ идеѣ. Словомъ, онъ пьетъ чашу заблужденій, которую подносятъ къ его устамъ, послѣ того какъ онъ испилъ чашу заблужденій, поднесенную его уму, и, съ личнымъ желаніемъ сдѣлать добро, о которомъ онъ мечталъ, онъ обреченъ быть орудіемъ, сообщникомъ, предлогомъ для совершаемаго всѣми абсолютистскими партіями. Онъ осужденъ быть ихъ жертвой и обманутымъ ими. Вскорѣ,—таково у меня трагическое внутреннее предчувствіе,—его низвергнутъ, чтобы дать мѣсто людямъ, которые, навѣрное, не стòютъ его, но которые стараются заставить его прослыть неумолимымъ деспотомъ (подъ лицемѣрными выраженіями восхищенія), чтобы сдѣлать его память отвѣтствен-

ной за всѣ преступленія, совершенныя ими безъ его вѣдома. Мнѣ кажется, что онъ пробуетъ теперь временную диктатуру, которую онъ надѣется впослѣдствіи ослабить. Въ тотъ день, какъ онъ попытается сдѣлать это, онъ будетъ принесенъ въ жертву, и тѣмъ не менѣе, если онъ этого не сдѣлаетъ вскорѣ, нація противопоставитъ ему непобѣдимое противодѣйствіе. Мнѣ грядущее кажется очень мрачнымъ...

..."Я не знаю, что касается насъ, преслѣдуемыхъ беррійскихъ бѣдняковъ, какой будетъ постановленъ намъ приговоръ. Я защищала наше дѣло съ точки зрѣнія свободы совѣсти, и я могла сдѣлать это *по совѣсти*, ибо мы въ Берри ничего не совершили противъ личности президента со времени декабрьскихъ событій. Мнѣ было отвѣчено, что мысли, намѣренія, убѣжденія не преслѣдуются; а тѣмъ не менѣе, это дѣлается, и тѣмъ не менѣе, я не вижу исполненія обѣщаній, сдѣланныхъ мнѣ. Мнѣ говорятъ, со стороны, что это—лукавство и іезуитизмъ. Я убѣждена, что это не такъ. Это, можетъ быть, нѣчто худшее для насъ. Это—безсиліе. Принесли жертву реакціи—вырвать ее назадъ уже не могутъ... Тѣмъ не менѣе, я еще все-таки *за насъ* надѣюсь на мою защиту, и я надѣюсь *за всѣхъ* на необходимость общей вскорѣ амнистіи. Ее открыто обѣщаютъ. Легко получаешь что-либо въ качествѣ милости, но такъ какъ изъ нашихъ никто таковой не проситъ, то мнѣ остается лишь изображать искренняго адвоката и опровергать, насколько это мнѣ возможно, клевету нашихъ противниковъ.

„Прощайте, дорогой другъ. Сожгите мое письмо; я прочла бы его президенту, но какой-нибудь префектъ не прочелъ бы его безъ того, чтобы не найти въ немъ предлога къ новымъ преслѣдованіямъ"...

Того же числа Жоржъ-Зандъ пишетъ своему старому другу Каламоттѣ, въ Брюссель.

„Мой другъ! Что̀ тебѣ сказали про то, что̀ *онъ* мнѣ сказалъ,—вѣрно, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ выраженіяхъ, какъ ты мнѣ передаешь; но нечего льстить себя надеждой.

„Я не имѣю права, лично, заподозрить искренность намѣреній *этой особы*. Мнѣ кажется, что было бы большой безчестностью взывать къ этимъ ея чувствамъ, и послѣ того, что я имъ обязана спасеніемъ нѣсколькихъ лицъ, объявлять, что эти чувства лицемѣрны. Но, отложивъ въ сторону все, что̀ можно сказать *за* или противъ этой особы, мнѣ кажется доказаннымъ нынѣ, что она *ужѐ* или скоро *будетъ* приведена къ безсилію, благо-

даря тому, что послушалась лицемѣрныхъ совѣтовъ и что повѣрила, будто можно добро (цѣль) создать изъ зла (средствъ). Его дѣло проиграно, какъ и наше. Чтò изъ этого выйдетъ?—несчастье для всѣхъ! Еслибы во Франціи былъ *одинъ властитель*, можно было бы надѣяться на что-нибудь; такимъ властителемъ могла бы быть всеобщая подача голосовъ, сколько бы исковерканной и сбившейся съ пути она ни была съ самаго начала; какимъ бы слѣпымъ и принужденнымъ работать для своего матеріальнаго блага ни былъ народъ,—все-же можно было говорить себѣ: „Вотъ человѣкъ, который резюмируетъ и представляетъ собою народное противодѣйствіе противъ идеи свободы человѣка, который символизируетъ ту необходимость временной власти, которую народъ, повидимому, испытываетъ; если эти двѣ воли будутъ согласны—и фактически это станетъ диктатурой народа, диктатурой безъ идеаловъ, но не безъ будущности,—пріобрѣвъ благосостояніе, котораго онъ лишенъ, народъ по неволѣ пріобрѣтетъ образованіе и размышленіе. Мнѣ казалось, мнѣ кажется еще, хотя я *эту особу* и не видѣла болѣе послѣ 5 февраля, что избиратели и избранникъ довольно согласны въ томъ, что касается сущности вещей; но и тотъ, и другіе незнакомы со средствами, и воображаютъ, что цѣль оправдываетъ все. Они не видятъ, что дѣйствіе употребляемыхъ ими орудій и рокъ въ этомъ случаѣ оказываются болѣе точными и логичными, чѣмъ можно было ожидать. Орудія измѣняютъ, парализуютъ, развращаютъ, составляютъ заговоры и продаютъ. Вотъ чтò я думаю, и я всего ожидаю, только не близкаго торжества братскаго и христіанскаго ученія, безъ котораго у насъ не будетъ прочной республики. Мы пройдемъ еще черезъ другія диктатуры, и Богъ вѣсть какія! Когда народъ перенесетъ мучительныя испытанія, онъ увидитъ, что онъ не можетъ олицетворяться однимъ человѣкомъ, и что Богъ не хочетъ благословлять заблужденіе, которое уже устарѣло для нашего вѣка.

„Въ ожиданіи этого все-же мы, республиканцы, будемъ жертвами этихъ бурь. Вѣроятно, мы были бы умнѣе, еслибы подождали призывать народъ къ его истиннымъ обязанностямъ, пока онъ не понялъ бы своихъ заблужденій и не раскаялся бы самъ собою въ томъ, что смотрѣлъ на насъ какъ на горсть злодѣевъ, которыхъ необходимо бросить, выдать, отдать на ярость реакціи.

„Прощай, другъ мой, обнимаю тебя и сожалѣю, что ты все еще тамъ, когда я здѣсь. Мое здоровье все еще не поправляется, я очень утомилась, а до сихъ поръ добилась лишь гораздо меньшаго, чѣмъ сколько мнѣ было обѣщано; я особенно негодую на

ужасающій безпорядокъ, царствующій въ этой мрачной вѣтви управленія, и на озабоченность, въ которой выборы держатъ правительство. Я полагаю, что вслѣдъ за тѣмъ будетъ и амнистія. Если она не будетъ объявлена, я вновь примусь за мои хлопоты, чтобы вырвать у страданій и смерти столько жертвъ, сколько я могу; меня за это вознаграждаютъ клеветами; это въ порядкѣ вещей, и я не хочу обращать на это вниманіе"...

Видя, что общая амнистія что-то медлитъ, и что, между тѣмъ, коммиссіи, занятыя разсмотрѣніемъ политическихъ дѣлъ, и отдѣльные уполномоченные, присланные въ провинціи, очень небрежно отнеслись къ пересмотру обвинительныхъ актовъ и слѣдственныхъ бумагъ, относящихся до отдѣльныхъ лицъ,—Жоржъ-Зандъ вновь пишетъ Наполеону, посылаетъ ему новые списки, торопится сообщить поскорѣе о грозящихъ высылкахъ невинныхъ или умоляетъ вернуть ихъ уже съ дороги.

Вотъ самыя эти письма Жоржъ-Зандъ, а также нѣсколько писемъ другихъ лицъ, относящихся сюда же:

„Принцу Луи-Наполеону Бонапарту,
„Президенту Республики.

„Парижъ, май 1852.

„Принцъ! Они отправились въ фортъ Бисетръ, эти несчастные, высылаемые за море изъ Шатору,—отправились, закованные какъ каторжники, среди слезъ населенія, которое любитъ васъ и которое вамъ изображаютъ опаснымъ и свирѣпымъ. Никто не понимаетъ этихъ крутыхъ мѣръ. Вамъ говорятъ, что это производитъ *хорошее впечатлѣніе*; вамъ лгутъ, васъ обманываютъ, васъ предаютъ!

„Къ чему, Боже мой, обманываютъ васъ такъ? Всѣ объ этомъ догадываются и чувствуютъ это, кромѣ васъ. Ахъ, если Генрихъ V снова отправитъ васъ въ тюрьму или въ изгнаніе,—вспомните о той, которая васъ по прежнему любитъ, хотя ваше царствованіе и разорвало ея сердце, и которая, вмѣсто того, чтобы желать,—какъ, можетъ быть, то слѣдовало бы въ интересахъ ея партіи,—чтобы васъ сдѣлали ненавистнымъ подобными мѣрами, негодуетъ при видѣ той ложной роли, какую вамъ хотятъ навязать въ исторіи,—вамъ, чье сердце такъ же широко, какъ судьба. Кому же нравится эта ярость, это забвеніе человѣческаго достоинства, эта политическая ненависть, которая уничтожаетъ всѣ понятія о правѣ и справедливости, это водвореніе царства террора въ провинціяхъ, проконсульство префектовъ, ко-

торые, поражая насъ, расчищаютъ дорогу не вамъ, а другимъ? Развѣ мы не ваши естественные друзья, которыхъ вы не признали, дабы покарать увлеченія немногихъ? И развѣ люди, дѣлающіе зло отъ вашего имени, не ваши естественные враги? Эта система политическаго варварства нравится буржуазіи, говорится въ отчетахъ. Это—неправда. Буржуазія не состоитъ изъ нѣсколькихъ лицъ, властъ имущихъ, которымъ нужно удовлетворить разныя частныя ненависти или послужить разнымъ будущимъ заговорамъ. Она состоитъ изъ темныхъ людей, которые не смѣютъ ничего говорить, ибо они угнетены болѣе видными людьми, но у которыхъ есть сердце и которые опускаютъ глава отъ стыда и горя, видя, какъ проходятъ мимо эти люди, изъ коихъ дѣлаютъ мучениковъ, и какъ, закованные, подобно каторжникамъ, подъ наблюденіемъ префектовъ, они съ гордостью протягиваютъ руки въ цѣпямъ.

„Въ Ла-Шатрѣ смѣнили су-префекта, не знаю почему, но народъ говоритъ и вѣритъ, что это потому, что онъ приказалъ снять цѣпи и дать кареты узникамъ. Изумленные крестьяне приходили поближе посмотрѣть на эти жертвы... Въ Шатору имъ снова надѣли цѣпи. Жандармы, встрѣтившіе этихъ узниковъ въ Парижѣ, были удивлены такимъ обращеніемъ. Генералъ Канроберъ никого не видѣлъ. Говорили, будто онъ присланъ вами, чтобы пересмотрѣть приговоры, постановленные злобою префектовъ и трусостью смѣшанныхъ коммиссій; чтобы переговорить съ жертвами и остерегаться мѣстной ярости. Трое изъ вашихъ министровъ сказали мнѣ это; я говорила это всѣмъ, счастливая, что могу оправдать васъ. Какъ же эти „missi dominici" исполнили свою миссію? Они видали лишь судей, они посовѣтовались лишь со страстями, и въ то время какъ была учреждена коммиссія прошеній о милостяхъ и получала просьбы и заявленія, ваши мирные посланцы, ваши носители милосердія и правосудія усиливали или подтверждали эти приговоры, которые эта коммиссія, можетъ быть, отмѣнила бы.

„Подумайте о томъ, чтò я вамъ говорю, принцъ; это — истина. Подумайте объ этомъ лишь пять минутъ! Свидѣтельство истины, крикъ совѣсти, который является въ то же время крикомъ признательнаго и дружескаго сердца,—все это стòитъ пяти минутъ вниманія главы государства.

„Я прошу васъ о помилованіи всѣхъ сосланныхъ изъ департамента Эндра, я прошу о нихъ на колѣняхъ, это не унижаетъ меня. Богъ далъ вамъ абсолютную власть, итакъ—это я Бога прошу въ то же время, какъ и прежняго друга. Я знаю всѣхъ

этихъ осужденныхъ: нѣтъ ни одного, который не былъ бы честнымъ человѣкомъ, неспособнымъ на дурной поступокъ, неспособнымъ конспирировать противъ человѣка, вопреки злобамъ и яростямъ своей партіи, даровавшаго имъ правосудіе, какъ гражданинъ, и милосердіе, какъ побѣдитель.

„Принцъ, спасеніе нѣскольких безвѣстныхъ людей, сдѣлавшихся безопасными,—двадцатидвухлѣтняго префекта, старающагося свыше мѣры, какъ новичокъ, и не болѣе какъ шести толстыхъ буржуа, — развѣ это большія жертвы, когда дѣло идетъ о добромъ, справедливомъ и важномъ? Принцъ, принцъ, выслушайте женщину съ сѣдыми волосами, умоляющую васъ на колѣняхъ, женщину, на которую сотни разъ клеветали, но которая всегда выходила чистой предъ Богомъ и свидѣтелями ея поведенія изъ всѣхъ испытаній своей жизни, женщину, которая не отрекается ни отъ одного изъ своихъ вѣрованій и которая не думаетъ, что становится вѣроломной, вѣря въ васъ! Можетъ быть, ея мнѣніе оставитъ какой-нибудь слѣдъ въ исторіи. И на васъ тоже будутъ клеветать; переживу ли я васъ или нѣтъ,—у васъ будетъ голосъ, можетъ быть, единственный въ соціалистической партіи, который оставитъ въ завѣщаніе послѣ себя мысли о васъ. Итакъ, дайте мнѣ что-нибудь, чтобъ я могла оправдаться предъ своими въ томъ, что понадѣялась на ваше сердце и довѣрилась ему. Дайте мнѣ единичные факты, въ ожиданіи тѣхъ блестящихъ примѣровъ, предчувствовать которые въ будущемъ вы мнѣ позволили, и которые мое сердце, искреннее и прямое, не отвергло, какъ обманъ, какъ банальныя слова сожалѣнія къ моимъ слезамъ".

Вотъ и другое письмо:

„Принцъ! Отъ глубины души благодарю васъ за милости, которыя вы соблаговолили даровать по моему прошенію.

„Подарите, подарите самому себѣ, собственному сердцу, помилованіе тринадцати ссылаемыхъ изъ Эндра, осужденныхъ смѣшанной коммиссіей въ Шатору. Они тщетно обращали свои прошенія въ коммиссію помилованій и пишутъ мнѣ, что генералъ Канроберъ въ Шатору захотѣлъ видѣть лишь одно начальство, и это въ противность тому, что мнѣ было сказано тремя изъ вашихъ министровъ, будто бы, какъ то имъ было объявлено, онъ увидитъ ихъ въ фортѣ Бисетръ, куда ихъ перевезли. Развѣ теперь время требовать формальностей, когда эти несчастные только-что были закованы на глазахъ префекта, какъ каторжники, и въ такомъ видѣ прошли по Франціи,—они, эти почтенные люди, неспособные даже къ мысли о дурномъ поступкѣ? Эта ужасная

система, которая уподобляетъ политическое мнѣніе самымъ гнуснымъ преступленіямъ,—развѣ вы не хотите, чтобъ она прекратилась и чтобы перестали думать, что вы ее дозволили, что вы о ней знаете?

„Принцъ, покажите, что въ васъ—тонкое чувство французской чести. Не требуйте, чтобы ваши враги, — если только эти побѣжденные ваши враги, — сдѣлались недостойными того, чтобы противъ нихъ воевали. Возвратите ихъ семьямъ ихъ, не требуя, чтобы они *раскаялись*,—въ чемъ?—въ томъ, что были республиканцами. Вотъ и все ихъ преступленіе. Сдѣлайте такъ, чтобъ они васъ уважали, чтобъ они васъ любили. Это—залогъ гораздо болѣе вѣрный, чѣмъ клятвы, вырванныя страхомъ.

„Повѣрьте въ этомъ единственной соціалистической душѣ, оставшейся лично къ вамъ привязанной, несмотря на всѣ удары, поразившіе ея церковь. Это—я, которую одну не могли устрашить, и которая, найдя въ васъ лишь мягкость и чувствительность, не испытываетъ ни малѣйшаго неудовольствія, на колѣняхъ умоляя васъ за своихъ друзей“.

Послѣ этихъ писемъ, Жоржъ-Зандъ еще разъ хотѣла лично повидать Наполеона, хотя, какъ мы уже сказали, впослѣдствіи отреклась отъ того и разсказала объ этомъ *не* согласно съ документами, находящимися въ ея бумагахъ.

Въ концѣ іюня Жоржъ-Зандъ еще разъ написала Наполеону, все по поводу тѣхъ же эндрскихъ изгнанниковъ и ссыльныхъ:

„Принцу Луи-Наполеону Бонапарту,
„Президенту Республики.

„Ноганъ 27 іюня 1852.

„Ваше высочество! Вы отвѣтили принцу Наполеону, который отъ моего имени умолялъ васъ за ссыльныхъ и изгнанныхъ изъ Эндра, что вы даруете мнѣ то, о чемъ я васъ просила. Я вновь представляю вамъ списокъ помилованій, которыя вы соблаговолили пообѣщать мнѣ и которыхъ я жду, какъ новаго доказательства вашихъ милостей ко мнѣ.—Жоржъ-Зандъ“.

Почти всѣ, о которыхъ она хлопотала, были прощены, освобождены, возвращены, или, по меньшей мѣрѣ, наказаніе ихъ было смягчено.

Если относительно иныхъ Жоржъ-Зандъ не могла достигнуть исполненія просьбы, или не могла добиться полнаго освобожденія, то она пускала въ ходъ всѣ связи, всѣ личныя отношенія, чтобы устроить лучше судьбу сосланныхъ въ Алжиръ или изгнанныхъ въ Бельгію или Англію. Она писала письма генераламъ,

командующимъ войсками въ Африкѣ или занимающимъ постъ военныхъ губернаторовъ; посылала деньги высланнымъ; старалась не оставлять бѣдныхъ изгнанниковъ безъ извѣстій о домашнихъ и поддерживала этихъ послѣднихъ;—словомъ, и тутъ проявляла ту безконечную *дѣятельную любовь*, которая характеризировала ее съ начала ея жизни до конца. И эта любовь такъ свѣтилась во всемъ ея существѣ, что невольно покоряла и очаровывала всѣхъ, кто съ нею имѣлъ дѣло. Врядъ ли на долю кого-нибудь выпадали такіе гимны восторженной благодарности и умиленнаго восхищенія: „Дорогая г-жа Зандъ, превосходная покровительница политическихъ мучениковъ нашей печальной эпохи",— называютъ ее въ одномъ письмѣ. Другой корреспондентъ надѣется „на заступничество г-жи Жоржъ-Зандъ, чьи симпатіи въ пользу политическихъ осужденныхъ признаетъ весь департаментъ Крёзы". Мари Ламберъ, узнавъ отъ г-жи Флери, что̀ г-жа Зандъ сдѣлала для нихъ, горячо благодаритъ ее, а Люкъ Дезажъ называетъ ее „другомъ", хотя не знаетъ, „смѣетъ ли онъ употребить это выраженіе, но не можетъ воздержаться", ибо знаетъ, что̀ она для него сдѣлала, *кого* видѣла, и не хочетъ откладывать благодарности до окончательнаго своего освобожденія, и говоритъ о своихъ чувствахъ восхищенія и благодарности къ ней, которыя съ самаго юнаго возраста были въ немъ неизмѣнны. Коммунистъ Арнольдъ изъ Лондона, посылая къ ней какую-то даму съ рекомендательнымъ письмомъ, называетъ ее „беррійской святой"; Дюфрессъ изъ Брюсселя—„Notre-Dame du bon secours". Г-жа Люме „не проклинаетъ" всѣхъ своихъ страданій, „потому что, благодаря имъ, я съ вами познакомилась". „Ваша преданность друзьямъ и несчастнымъ, дорогой Жоржъ,—пишетъ ей Планé, помогавшій ей въ сборахъ въ пользу изгнанниковъ, — безгранична. Пусть другіе восхищаются вашимъ талантомъ; что касается меня, я прежде всего становлюсь на колѣни передъ вашимъ великимъ сердцемъ".

Самъ Маркъ Дюфрессъ пишетъ ей изъ Брюсселя 19-го февраля, что *тамъ* „бранятъ васъ немного, но я васъ очень защищаю". ...„Я знаю, вы сказали мнѣ это у Прудона, что въ ваши планы никогда не входило объявлять войну Бонапарту. Разъ нейтралитетъ съ вашей стороны безапелляціонно установленъ вами самой, я не могъ порицать ту выгоду, которую вы стараетесь извлечь изъ вашихъ предшествовавшихъ сношеній съ Луи-Наполеономъ. Я, наоборотъ, могу лишь хвалить васъ за ваше вмѣшательство, либо въ пользу общей амнистіи, либо въ пользу единичныхъ освобожденій. Я по истинѣ не понимаю тѣхъ, которые ставятъ вамъ въ преступленіе ваши хлопоты, преисполненныя

гуманности. Ваши дѣйствія въ эти дни проскрипцій составляютъ, по моему мнѣнію, одну изъ прекраснѣйшихъ страницъ вашей жизни. Конечно, я предпочиталъ бы видѣть васъ нападающей на вѣроломство, на насиліе надъ правомъ и закономъ, и своимъ женскимъ мужествомъ заставляющей мужчинъ краснѣть за свою подлость. Вы не хотите подобной славы. Можетъ быть, вы правы; можетъ быть, лучше вамъ оставаться самой собою, заступаться за Францію, за жертвъ, за своихъ друзей, чѣмъ повторять m-me де-Сталь, даже превосходя ее, и раздражать мстительный и злопамятный характеръ. Итакъ, играйте самоё себя, какъ выражаются актеры. Будьте Notre Dame du Bon Secours. Кто же среди этого всеобщаго кораблекрушенія разумнымъ образомъ упрекнетъ васъ за ваши заботы? Какое преступленіе, Богъ мой, плыть къ несчастнымъ, которыхъ заливаютъ волны!? Будьте увѣрены, что быть спасителемъ среди великихъ несчастій—дѣло благое и смѣлое. Когда сожалѣніе можетъ быть сочтено за соучастіе, тогда умолять за побѣжденныхъ—является не-ординарнымъ мужествомъ и мало распространенной добродѣтелью"...

А вотъ коллективное посланіе, которое узники въ Шатору, передъ тѣмъ, чтобы разъѣхаться въ разныя стороны, написали Жоржъ-Зандъ, когда узнали о ея хлопотахъ за нихъ и о томъ, что есть люди, осуждающіе ее за эту ея самоотверженную дѣятельность. Письмо это было отправлено въ Ноганъ, во время пребыванія Жоржъ-Зандъ въ Парижѣ; на конвертѣ стоитъ: „Сохранить и передать m-me Зандъ при ея возвращеніи", какъ о томъ ей заранѣе сообщалъ и Эрнестъ Перигуа: „Оно будетъ сохранено въ надежномъ мѣстѣ, а написано оно съ цѣлью показать вамъ, что въ нашемъ демократическомъ Берри не смогутъ затемнить клеветами то глубокое почитаніе, которое вызвано вашимъ талантомъ, а еще болѣе — благородствомъ души, которая его вдохновляетъ"... Почти въ тѣхъ же выраженіяхъ пишетъ и Окантъ о восторженномъ отношеніи къ ней всѣхъ своихъ товарищей по заключенію въ тюрьмѣ въ Шатору, въ письмѣ своемъ отъ 15-го февраля.

А вотъ и самое коллективное письмо:

„Заключенные демократы департамента Эндра узнали въ своей темницѣ о хлопотахъ, предпринятыхъ вами для того, чтобы добиться правосудія для нихъ, и о томъ, какое чистое, самостоятельное и великодушное побужденіе внушило вамъ эти хлопоты. Каковъ бы ни былъ результатъ этихъ ходатайствъ, заключенные пожелали, прежде чѣмъ разстаться, почтительно выразить вамъ свою коллективную признательность. Они непремѣнно хотѣли

сказать вамъ, что имъ будетъ отрадно быть обязанными прекращеніемъ незаслуженныхъ страданій, тяготѣющихъ надъ ними и надъ ихъ семьями,—такому посредничеству, какъ ваше. Дѣйствительно, они знаютъ, что такимъ образомъ не понесутъ никакого ущерба ни ихъ достоинство, ни неприкосновенность того дѣла, во имя котораго они съ гордостью страдаютъ, доколѣ торжество его не послужитъ на пользу святой родинѣ, а она всегда имѣетъ право требовать совершенной и безкорыстной преданности отъ всѣхъ своихъ сыновъ. Да здравствуетъ республика, что̀ бы тамъ ни было!"

Или не любопытно ли, что въ одной и той же кипѣ писемъ, рядомъ съ письмомъ наборщика Трамблэ, сообщающаго о болѣзни, а затѣмъ и о смерти Полипы Роланъ, крестьянина-винодѣла Люме, или съ письмами республиканца-простолюдина Франкёра, тоже винноградаря, написанными безъ всякихъ правилъ правописанія, но прекраснымъ языкомъ и свидѣтельствующими о необыкновенной нравственной высотѣ и развитіи и глубокомъ, природномъ умѣ этого простого винодѣла,—рядомъ съ этими письмами лежатъ три письма гр. д'Орсэ, написанныя съ изящной великосвѣтской развязностью. И всѣ они въ сущности говорятъ одно и то же; безграмотный поселянинъ и знаменитый парижскій законодатель модъ, близкій къ семьѣ Жоржъ-Зандъ, Эмиль Окантъ и ярый республиканецъ Маркъ Дюфрессъ, всѣ они наперерывъ другъ передъ другомъ говорятъ ей: „Я счастливъ назваться вашимъ другомъ, вы великая душа, — я преклоняюсь предъ вами, какъ предъ божествомъ".

„Дорогая m-me Зандъ! Вообразите, какъ я былъ счастливъ, когда Ламберъ принесъ мнѣ ваше письмо, ибо я только-что написалъ Наполеону, чтобы онъ напалъ на своего кузена,—но такъ какъ они помирились, то пришлось опять писать къ нему, чтобы избавить его отъ этого похода. Онъ пришелъ ко мнѣ, я ему показалъ ваше письмо; онъ въ восхищеніи, что вы удовлетворены. Не безпокойтесь благодарить,—я долженъ увидѣть Л. Н. черезъ нѣсколько дней. Я скажу ему все, что̀ надо, отъ вашего имени, ни болѣе, ни менѣе. Кажется, что ваша дочь—въ Безансонѣ, и мужъ ея за нею послѣдовалъ. Я очень желалъ бы узнать результатъ этого карамболяжа. Я очень радъ, что мой романъ оконченъ; надѣюсь, что вы не забудете сказать въ предисловіи, что вы меня любите. Я очень за это стою, такъ какъ я давно уже сказалъ Листу и Сю, что увѣренъ, что мы когда-нибудь будемъ большими друзьями...—Д'Орсэ".

Вотъ еще одно письмо:

„3 мая 1852.

„Дорогая m-me Зандъ! Черезъ четверть часа послѣ того, какъ я получилъ ваше письмо,—Луи-Наполеонъ держалъ въ рукахъ то, которое вы ему адресовали. Его гофъ-фурьеръ, довѣренный слуга, былъ нѣкогда моимъ слугою, и такимъ способомъ письма доставляются моментально. Я тоже пустилъ въ дѣло и Наполеона, который готовъ дѣйствовать въ качествѣ арьергарда, если вы не получите отвѣта. Итакъ, извѣщайте меня обо всемъ, и не опасайтесь за вашего протеже. Все, чтò вы мнѣ говорите о Ламберѣ, я инстинктивно угадалъ. Ахъ, Боже мой, какъ вы правы, говоря, что лишь прекрасныя натуры умѣютъ безъ смущенія принимать то, чтò идетъ отъ сердца. Я снова видѣлъ нашего безумца, который сто разъ успѣлъ забыть по дорогѣ все, чтò вы ему наказывали. Сущность дѣла заключается въ томъ, что онъ слишкомъ любитъ свою жену и что въ трезвомъ состояніи онъ не можетъ рѣшиться на разъѣздъ. Я все-таки надѣюсь, что онъ привыкнетъ къ холостой жизни, ибо еслибы они случайно опять вмѣстѣ съѣхались,—ссоры начались бы черезъ двѣ недѣли.

„Я принимаю ваше посвященіе въ какомъ угодно видѣ, и чѣмъ оно длиннѣе, тѣмъ болѣе это мнѣ пріятно. Я счастливъ остаться въ потомствѣ съ вами вмѣстѣ. А въ данную минуту—прощайте.—Д'Орсэ".

Но вся эта альтруистическая дѣятельность Жоржъ-Зандъ и сношенія ея съ Наполеономъ послужили источникомъ какъ эксплуатаціи ея имени со стороны бонапартистовъ, такъ и нападокъ со стороны республиканцевъ. Еще въ концѣ 1848 г., Жоржъ-Зандъ пришлось протестовать противъ напечатанія ея письма 1844 года къ Наполеону, въ одномъ альманахѣ и въ двухъ брошюрахъ, изданныхъ съ цѣлью бонапартистской пропаганды. Она тогда напечатала въ газетѣ Прудона „Le Peuple" протестъ, въ которомъ выразила свое неодобреніе перепечаткѣ этого письма съ такою цѣлью,—и, разумѣется, была права, ибо писала Наполеону въ то время, когда онъ былъ *побѣжденнымъ*, а Жоржъ-Зандъ, въ теченіе всей своей жизни, всегда стояла за побѣжденныхъ, за угнетенныхъ, противъ того, кто угнеталъ и производилъ насилія, къ какой бы партіи онъ ни принадлежалъ. На этомъ же основаніи она нашла нужнымъ и въ 1852 г. протестовать противъ напечатанія сначала 18-го іюня, въ „Journal de la Cour" (газетѣ, имѣвшей всего одинъ нумеръ), а потомъ въ „Indépendance Belge", въ „Estafette" и въ „Journal du Cher" и другихъ мѣстныхъ га-

зетахъ, ея письма къ Персиньи, приведеннаго нами выше. Напечатаніе этого письма сопровождалось нѣсколькими пояснительными строками. Сначала разсказывалось о томъ, что Персиньй женился и во время своего свадебнаго путешествія получилъ и передалъ Наполеону много просьбъ о помилованіи. Въ концѣ же статейки говорилось: „Это благородное и простое посланіе было увѣнчано успѣхомъ. Оно немного старо, но оно доказываетъ, что прежде, чѣмъ быть министромъ, г. де-Персиньй уже думалъ, что милосердіе —хорошая политика; оно равнымъ образомъ доказываетъ, что сношенія знаменитой писательницы съ Елисейскимъ дворцомъ продолжаются уже порядочное время (remontent un peu haut). Тѣмъ лучше, если они привели къ такимъ хорошимъ послѣдствіямъ". Тогда Жоржъ-Зандъ обратилась въ газету („La Presse"), и вотъ что̀ мы читаемъ по этому поводу въ „Прессѣ", 21 іюня 1852 г.: „Мы печатаемъ отрывокъ письма, лично къ намъ адресованнаго г-жею Зандъ, но дѣлаемъ это не безъ ея разрѣшенія,—условіе, по нашему мнѣнію, всегда налагаемое приличіями и деликатностью, особенно когда дѣло идетъ о женщинѣ:

„*Эстафета* перепечатала изъ „Indépendance Belge" отрывокъ, копію съ котораго мнѣ прислали. Или эта копія неточна, или же копія письма, мною подписаннаго, которую прислали въ „Indépendance Belge", невѣрна. Я не писала 3-го января г. де-Персиньй, съ цѣлью просить его объ освобожденіи лицъ, которыя были арестованы, или противъ которыхъ было возбуждено преслѣдованіе лишь 15-го. И съ г. де-Персиньй у меня не было сношеній до назначенія его министромъ, кромѣ какъ во времена очень отдаленныя,—вотъ уже болѣе пятнадцати лѣтъ. Не сто̀итъ протестовать противъ остальныхъ неточностей въ этой статьѣ, и я не понимаю, какое значеніе придаютъ предположенію, что у меня были сношенія съ *Елисейскимъ дворцомъ* до тѣхъ политическихъ событій, жертвами которыхъ сдѣлались мои друзья. Я не знаю и мнѣ все равно, есть ли въ этомъ утвержденіи благосклонное или непріязненное намѣреніе по отношенію ко мнѣ. Но истина обязываетъ меня сказать, что мои сношенія съ принцемъ Людовикомъ-Наполеономъ начались со времени его заключенія и возобновились лишь послѣ 15-го января 1852 года ради цѣли, относительно которой я ни передъ кѣмъ оправдываться не буду. Къ несчастью, я не получила всего, о чемъ просила для горюющихъ семей, но я не обвиняю въ моемъ безсиліи до сихъ поръ ни президента республики, обѣщанія котораго еще оставляютъ мнѣ надежду, ни г. де-Персиньй, чьимъ намѣреніямъ „Indépendance Belge" совершенно справедливо воздаетъ должное.— Жоржъ-Зандъ".

Но должно замѣтить, что Жоржъ-Зандъ если и не прямо погрѣшила тутъ противъ истины, то во всякомъ случаѣ нѣсколько софистически придралась къ словамъ и такимъ образомъ какъ бы покривила душой, очевидно, не желая, во-первыхъ, быть сопричисленной къ друзьямъ партіи побѣдителей, а во-вторыхъ, опасаясь вызвать раздраженіе тѣхъ самыхъ своихъ друзей, за которыхъ она просила. Погрѣшности же съ ея стороны противъ правды тутъ слѣдующія. Во-первыхъ, хотя дѣйствительно въ теченіе пятнадцати лѣтъ она и не имѣла постоянныхъ сношеній съ Персиньи́, съ которымъ познакомилась еще въ 1835 году чрезъ свою пріятельницу Розанну Бургоэнъ, но тѣмъ не менѣе, какъ видимъ изъ ея же писемъ къ де-Вильневу, она его „принимала у себя, когда онъ конспирировалъ въ пользу принца". Съ принцемъ она тоже была знакома *до его* заключенія въ Гамъ, ибо въ первомъ же письмѣ туда благодаритъ его за „добрую память". Затѣмъ, она, какъ бы то ни было, обратилась къ Персиньи́ до 15-го января, еще 31-го декабря, и былъ ли или не былъ онъ тогда министромъ, но очевидно, что она обратилась къ нему какъ къ всесильному рѣшителю судебъ, и не только съ цѣлью заступиться вообще за несчастныхъ республиканцевъ, но и съ прямою цѣлью въ частности составить протекцію мэру Олару. Затѣмъ, какъ мы видимъ изъ благодарственнаго письма на ея имя старика прокурора Дэгюзона,—нѣкогда выступавшаго въ ея процессѣ съ мужемъ,—она устроила назначеніе его сына товарищемъ прокурора въ Ла-Шатрѣ. Кромѣ того, она тоже постаралась „составить протекцію", но уже не въ прямомъ смыслѣ слова, эндрскому префекту, ибо хотя въ письмѣ къ Теофилю де-Монто и говорила, что „никого не назоветъ" изъ *перестаравшихся* представителей мѣстной власти, однако, въ разговорѣ съ Персиньи́, настолько успѣла характеризовать мѣстнаго „далай-ламу",—какъ его называетъ Дюверне, — что Персиньи́ назвалъ его тутъ же „скотиной и животнымъ"... Затѣмъ, и Люме, и Фюльберъ Мартэнъ, и Ал. Ламберъ, имена которыхъ приводитъ „Journal de la Cour", были арестованы *до* 15-го января; Мартэнъ сидѣлъ *съ 21-го декабря* [1]),—значитъ, Жоржъ-Зандъ вполнѣ могла начать хлопотать за нихъ и до 15-го января, еслибы была въ Парижѣ. Потомъ, какъ мы видѣли, съ 22-го января и по 27-е іюня, Жоржъ-Зандъ не одинъ разъ, а много разъ, и устно, и письменно, обращалась къ Персиньи́. Наконецъ, съ 22-го января по

---

[1]) Неизданное письмо Мартэна къ Бокажу изъ Бисетрской тюрьмы отъ 11-го февраля 1852 г., сохранившееся въ бумагахъ Жоржъ-Зандъ.

21-ое іюня уже очень многое изъ ея просьбъ было исполнено. Значитъ, она могла бы говорить не объ одной „остающейся ей надеждѣ", но и о дѣйствительныхъ результатахъ ея хлопотъ. Въ напечатанномъ въ „Journal de la Cour" письмѣ, невѣрною въ сущности была лишь дата: „3 января", да еще Александръ Ламберъ названъ Альфонсомъ Ламберомъ, но это простая опечатка или небрежность переписчика. Словомъ, Жоржъ-Зандъ вполнѣ могла бы *не* опровергать этого письма, и намъ кажется, что Жоржъ-Зандъ проявила какъ будто нѣкоторую слабость, напечатавъ свое опроверженіе 21-го іюня 1852 г., и боязнь, какъ бы не истолковали въ дурную сторону ея заступничества за друзей предъ политическими врагами, что̀ казалось унизительнымъ непримиримымъ республиканцамъ; и вотъ почему она предпочла придраться къ словамъ и даже какъ бы отречься отъ того, благодаря чему только и могла добиться чего-либо—отъ прочности личныхъ добрыхъ отношеній къ ней со стороны Наполеона и его министра. Она загладила эту слабость, какъ мы видѣли, тѣмъ, что̀ искренно и честно разсказывала въ своихъ письмахъ къ друзьямъ объ образѣ дѣйствій по отношенію къ ней со стороны Наполеона и Персиньй, также и тѣмъ, что въ „Исторіи моей жизни" помѣстила нѣсколько строкъ, якобы свидѣтельствующихъ, что еще въ 1835 г. она замѣтила необыкновенныя умственныя способности молодого Персиньй.

Однако, дѣйствительно многіе республиканцы не только косо посмотрѣли на хлопоты Жоржъ-Зандъ, не только не одобряли ея великодушныхъ усилій, но даже устно, письменно и печатно стали осуждать ее и способствовали распространенію въ иностранной печати очень унизительныхъ для нея и клеветническихъ сообщеній. Изъ приведенныхъ нами ея писемъ и изъ писемъ къ ней Перигуа̀ и Оканта изъ тюрьмы въ Шатору, и изъ писемъ Этьена Араго, Виктора Борй и Марка Дюфресса изъ Брюсселя, явствуетъ, что если большинство пострадавшихъ принимало эту помощь съ благоговѣніемъ, то нашлись и такіе, которые, пользуясь ея помощью, въ то же время позволяли себѣ рѣзко осуждать ее; были даже и такіе, которые, надѣясь на ея сношенія съ Елисейскимъ дворцомъ и прося ее устроить имъ возвращеніе во Францію, цинически заявляли, что этимъ она „сослужитъ большую службу республикѣ, ибо издали они ничего не могутъ сдѣлать, а на родинѣ начнутъ агитировать". Жоржъ-Зандъ въ концѣ одного изъ такихъ писемъ—это было письмо Марка Дюфресса, которое мы въ извлеченіи привели выше,—приписала синими чернилами своимъ твердымъ почеркомъ: „*Нѣтъ, мой другъ, я честнѣе*

васъ". Мало того, съ нѣкоторыми, еще съ юности ей дорогими людьми она почти разошлась за то, что *за нихъ же хлопотала.* Наконецъ, оказывается, что Кине [1]) до того возмутился ея благородными усиліями спасти невинныхъ людей отъ ссылки и тюрьмы, что, въ пылу своего негодованія, разомъ разлюбилъ ее и какъ писательницу, и всѣ ея прежніе шедёвры показались ему реторичными и невыдерживающими вторичнаго чтенія, послѣ того, какъ онъ узналъ, что авторъ ихъ „дожидался, снявъ шляпку, въ передней Елисейскаго дворца".

Но большинство простыхъ сердецъ принимало ея помощь, благословляя ее, и произносило ея имя съ сыновней нѣжностью. Многіе сдѣлались для Жоржъ-Зандъ дорогими именно потому, что изъ-за нихъ она перенесла столько волненій, тревогъ,—столько о нихъ хлопотала и заботилась. И она послѣ 1852 года, для большинства изъ нихъ, изъ знаменитой писательницы, которой они поклонялись, сдѣлалась безконечно близкой, родной, которую они обожали. Можетъ быть, ничто такъ не укрѣпило связь между Жоржъ-Зандъ и ея беррійскими близкими и дальними друзьями, съ цѣлою группою молодыхъ республиканцевъ и ихъ семей, какъ именно поведеніе ея въ тяжелую годину переворота и въ позднѣйшіе тревожные періоды.

Послѣ 1852 года, Жоржъ-Зандъ лично не пришлось болѣе ни видѣться съ Наполеономъ, ни писать ему. Но Жоржъ-Зандъ обращалась къ императрицѣ Евгеніи (черезъ секретаря, Дамасъ-Гинара) съ просьбою помочь старику Магю, и императрица немедленно предоставила въ ея распоряженіе 1.000 франковъ для выдачи ему, по ея усмотрѣнію, сразу или по частямъ. Къ императрицѣ же обращалась Жоржъ-Зандъ и съ ходатайствомъ за осиротѣвшую семью дочери и зятя Маріи Дарваль-Люге, оставшихся безъ куска хлѣба, и за какого-то стараго моряка „père Quiquisolles", съ которымъ она познакомилась черезъ Понси во время пребыванія ея, въ 1860 г., на югѣ Франціи, и во многихъ другихъ случаяхъ,—и всѣ эти просьбы ея не только не оставались безъ отвѣта, но, наоборотъ, служили всякій разъ лишь поводомъ къ разнымъ косвеннымъ любезностямъ по адресу Жоржъ-Зандъ со стороны императрицы Евгеніи. Такъ, по поводу Магю Дамасъ-Гинаръ пишетъ:

„Милостивая государыня! Я воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы рекомендовать вашего стараго протеже императрицѣ; я даже счелъ своею обязанностью прочесть ей

---

[1]) См. Edgard Quinet: „Lettres d'exil".

ваше письмо, заранѣе увѣренный, что она оцѣнитъ его такъ же, какъ оцѣнилъ его я самъ. Отвѣтъ ея величества былъ таковъ, какъ вы и ожидали. Спѣшу, милостивая государыня, переслать вамъ тѣ тысячу франковъ, которые вы желали получить и которыми императрица предоставляетъ вамъ распорядиться, въ интересахъ г. Магю, какъ вы найдете наиболѣе подходящимъ. Благоволите, милостивая государыня, принять увѣреніе въ моей почтительной преданности.—Дамасъ-Гинаръ".

А въ 1861 г., присылая деньги (опять 1.000 фр.) для бѣднаго моряка „père Quiquisolles", „которыя ея величество проситъ васъ лично передать вашему бѣдному протеже",—онъ прибавляетъ въ концѣ письма:

„Позвольте мнѣ теперь, chère madame, если только это не слишкомъ нескромно съ моей стороны, представить на ваше усмотрѣніе одну просьбу. Я бы очень желалъ, чтобы вы имѣли чрезвычайную доброту прислать мнѣ словечко благодарности, *для императрицы*, конечно. Что до меня касается, то я уже чувствую, что меня тысячу и тысячу разъ поблагодарили тѣмъ драгоцѣннымъ доказательствомъ вашего довѣрія, за которое я какъ нельзя болѣе признателенъ.

„Какъ вы, вѣроятно, знаете, chère madame, недавно разнесся слухъ, что вы больны. *Объ этомъ безпокоились.* Но когда прочли (ваше письмо), *то увидѣли, что вы въ полномъ здравіи, и всѣ были въ восхищеніи.*

„До свиданія, chère madame, съ новыми увѣреніями въ самой чувствительной благодарности, благоволите принять чувства моей почтительной преданности.—Что скажете вы о подпискѣ, которую вы бы открыли въ Марсели въ пользу père Quiquisolles? Мнѣ кажется, воззваніе, подписанное *Жоржъ-Зандъ*, было бы услышано самыми эгоистическими богачами".

Когда вышелъ романъ „Malgrétout"—многіе усмотрѣли въ изображенной въ немъ авантюристкѣ портретъ императрицы Евгеніи [1]), но Жоржъ-Зандъ рѣшительно опровергла это въ письмѣ къ редактору „Presse", Эмилю де-Жирардену, и еще рѣшительнѣе въ письмѣ къ Флоберу, который передалъ это письмо черезъ m-me Корню для прочтенія императрицѣ Евгеніи; и дѣйствительно, если не считать смѣлой верховой ѣзды, которою славилась дѣвица Монтихо, и страстью къ которой отличается и *вторая* героиня „Malgrétout" (нѣчто въ родѣ оперной „primadonna di carat-

---

[1]) Это мнѣніе обошло всю европейскую прессу и повторяется иногда и понынѣ въ газетахъ и статьяхъ.

tere"), а также ея испанскаго происхожденія и экзотическаго кокетства, да развѣ еще словъ дѣвицы Д'Ортова о томъ, что она въ своихъ честолюбивыхъ мечтаніяхъ заходитъ даже до проектовъ о замужествѣ съ коронованными особами, — то другихъ сходныхъ чертъ между дѣвицей Монтихо и дѣвицей Д'Ортоза и не имѣется.

Однако Жоржъ-Зандъ дѣйствительно посвятила нѣсколько страницъ императрицѣ Евгеніи, но не въ романѣ, а въ тѣхъ, чрезвычайно интересныхъ, „Воспоминаніяхъ и впечатлѣніяхъ", которыя печатались каждыя двѣ недѣли въ „Temps", съ іюля 1871 г. по январь 1873, иногда подъ разными заглавіями; нѣкоторыя изъ нихъ являются интереснѣйшими документами для исторіи ея міровоззрѣній въ послѣдніе годы ея жизни. И вотъ, тутъ именно мы находимъ слѣдующія строчки объ императрицѣ въ главѣ, помѣченной „мартомъ 1860 г.", но напечатанной въ „Temps" въ 1871 г.; она представляетъ собою мастерскую характеристику настроенія умовъ и партій, всеобщаго разочарованія въ республикѣ 1848 г. и послѣ coup d'état, и, наконецъ, эффектное и мѣткое изображеніе того радикальнаго перерожденія или, вѣрнѣе, вырожденія всѣхъ прежнихъ классовъ французскаго общества и народа; оно произошло, благодаря все-нивеллирующему дѣйствію денегъ, погонѣ за наживой и роскошью, приведшимъ къ тому, что въ данное время оставалось только два враждебныхъ другъ другу класса: имущихъ и неимущихъ, вчерашній мелкій торговецъ—сегодня богачъ, вчерашній богачъ—сегодня пролетарій; все это составляетъ поразительную картину вліянія на всю Францію той погони за наслажденіемъ, того элегантнаго разгула и мотовства, которые царили при дворѣ Наполеона и Евгеніи. „Теперь,—говоритъ она,—въ сущности классовъ нѣтъ. Прежней китайской стѣны, отдѣлявшей дворъ отъ дворянства, дворянство отъ буржуазіи, буржуазію отъ полусвѣта, отъ рабочихъ, отъ мѣщанъ, отъ крестьянъ—нѣтъ. Отъ двора и до послѣдняго рабочаго—все смѣшалось. Нравы, стремленія, обычаи, вся жизнь—вездѣ одинаковы. Деньги—вотъ что̀ всѣхъ равняетъ. Деньги и успѣхъ. Весь вопросъ теперь—въ борьбѣ двухъ классовъ: капиталистовъ и трудящихся. Въ побѣдѣ, или въ компромиссѣ, въ добровольномъ соглашеніи или въ взаимныхъ уступкахъ—весь вопросъ будущаго для Франціи, а не въ побѣдѣ той или иной партіи, не въ томъ, какую кличку будетъ носить сторона—имперіи или республики (République ou monarchie — peu importe. Le mieux serait de trouver un nom nouveau pour relier les deux antinomies qui sont là comme dans tout...).

„Я мечтала,—говоритъ она нѣсколько ранѣе,—не въ близкомъ, но и не въ слишкомъ далекомъ будущемъ, о соціальномъ, вполнѣ мирномъ переворотѣ, въ которомъ оба класса,—ибо ихъ только два и есть,—понявъ взаимныя права и обязанности, внѣ всякой политики и всякаго партійнаго духа, могли бы заключить союзъ тѣсной солидарности. Конечно, это великое дѣло случится, но имперія, которая должна была бы его подготовить, и императоръ, который говорилъ, что желаетъ этого,—сбились съ пути. Парижъ Вольтера и Руссо сталъ столицей Сарданапала... О, да! этотъ „переворотъ“, который въ рукахъ дѣйствительно логическаго человѣка могъ бы двинуть насъ впередъ, посредствомъ покорности или возмущенія, къ прогрессу, не привелъ насъ ни къ чему иному, какъ къ упадку, шумному на поверхности, а внутри прогнившему. И мы еще не дошли до конца, ибо всякій истекающій день знаменуетъ собою новую попытку къ разложенію. Безуміе ищетъ все высочайшей точки, чтобы низвергнуться оттуда. Невѣжественныя массы смотрятъ на этихъ лунатиковъ, танцующихъ на крышахъ“...

Въ этихъ строкахъ, писанныхъ въ тишинѣ кабинета въ 1860 году и напечатанныхъ въ 1871 г., поразительна характеристика эпохи, пророческое предвидѣніе головокружительнаго и трагическаго финальнаго сальтомортале имперіи.

И вотъ въ этой же статьѣ мы находимъ слѣдующую небольшую, но чрезвычайно интересную характеристику императрицы Евгеніи:

„Хотя императоръ лукаво и называетъ себя „парвеню“... но велѣлъ напечатать генеалогіи, которыя доказываютъ, что дворянское достоинство молодой графини Тэба восходитъ до временъ Сида Андалузскаго. M-lle Монтихо мало было быть прелестной и красавицей,—еще надо, чтобъ у нея были предки,—для этого монарха, который хвастается тѣмъ, что у него ихъ нѣтъ, и который самъ отъ себя отрекается, какъ и буржуазія. А эта молодая императрица?—поговоримъ о ней, ибо она играетъ уже большую роль. Она пріѣхала съ испанскимъ шикомъ, съ пристрастіемъ къ сильнымъ ощущеніямъ, съ сожалѣніемъ о боѣ быковъ —мы не хотимъ сказать: объ *аутодафэ*,—съ набожностью, очень показною, съ игрою вѣеромъ, со страстью къ нарядамъ, съ волосами, напудренными золотомъ, съ гибкой таліей, со всѣми чарами, даже съ чарами доброты, ибо она и добра, и благодѣтельна, съ граціей, словомъ, со всѣмъ тѣмъ, что поражаетъ воображеніе, чувственность, а въ случаѣ необходимости и сердце. И вотъ, всѣ мужчины влюблены въ нее; а тѣ, которые не могутъ надѣяться

даже на счастье малѣйшаго ея взгляда,—стараются сдѣлать изъ своихъ женъ императрицъ за конторкой. Эти добрыя буржуазки изощряются въ копированіи красавицы Евгеніи; онѣ посыпаютъ золотомъ и мѣдью свои настоящіе или поддѣльные волосы; онѣ притираются, онѣ становятся рыжими. У нихъ теперь тоже хорошенькая талія и маленькія ножки... И вотъ, онѣ всѣ въ опьяненіи, эти милыя и прекрасныя созданія, которыя могли бы остаться прелестными и вполнѣ женственными, воспитывая дѣтей въ уваженіи къ предкамъ-ремесленникамъ или земледѣльцамъ. Но онѣ предпочитаютъ обращаться въ чучелъ и надуваться, глядя на свою блистающую императрицу, а она насмѣхается надъ ними и съ отвращеніемъ смотритъ на свои уборы, когда онѣ ими завладѣваютъ, и изобрѣтаетъ новые, за которые мужья заплатятъ по необходимости!

„Говорятъ, что это поощряетъ промышленность. Вовсе нѣтъ; такое стремленіе слишкомъ неестественно для того, чтобъ не повлечь за собою разоренія. Мода измѣняется ежеминутно придворными указами, а потому несбытые товары загромождаютъ фабрики или вдругъ падаютъ въ цѣнѣ. Мелкіе торговцы отъ этого страдаютъ, и т. д., и т. д.

„Нѣтъ лавки, гдѣ бы вы не могли за полцѣны купить прошлогоднюю роскошь. Надѣялись на сбытъ въ провинцію. Попробуйте, можно ли теперь на этотъ счетъ обмануть даже гризетокъ изъ уѣздныхъ городковъ, даже крестьянокъ, выдающихъ замужъ своихъ „дѣвонекъ“ и покупающихъ приданое! Вѣдь скоро можно съѣздить въ Парижъ и узнать! Желѣзныя дороги сгладили всѣ мѣстные оттѣнки, равно какъ жажда наслажденій нивеллировала всѣ элементы аристократіи. Кто добылъ денегъ, тотъ и освободился, и очистился, онъ и владѣлецъ зáмка съ башенками и гербомъ, какъ это ему угодно. Итакъ, нѣтъ болѣе буржуазіи... Основались два класса: потребителей и производителей. Куда идутъ они? Богатый классъ весело идетъ на встрѣчу катастрофамъ, природу и форму которыхъ я не берусь предвидѣть, но которыя являются неизбѣжными историческими судьбами... Сáмымъ лучшимъ предположеніемъ было бы вообразить, что онъ вó-время пойметъ, на какихъ вулканахъ онъ пляшетъ“...

Въ этихъ же „Воспоминаніяхъ и впечатлѣніяхъ“ мы находимъ и портретъ Наполеона, набросанный наканунѣ или въ тотъ моментъ, когда пришла вѣсть о смерти его въ Чайлсгёрстѣ, и напечатанный въ фельетонѣ „Temps“ 30 января 1873. Второй фельетонъ былъ посвященъ характеристикамъ принца Жерома и другихъ *претендентовъ*, но, по мнѣнію Шарля Эдмона, порт-

ретъ перваго не былъ вѣренъ истинѣ, а вторыхъ редакція считала болѣе тактичнымъ не затрогивать, пока они „сидятъ смирненько“, и потому этотъ фельетонъ такъ и остался ненапечатаннымъ. Первый же фельетонъ, завершившій рядъ „Воспоминаній“ въ „Temps“, но не вошедшій въ томикъ „Воспоминаній и впечатлѣній“, и почему-то помѣщенный въ томѣ „Dernières Pages“ подъ заглавіемъ: „Dans les bois“, возбудилъ большой интересъ и, по словамъ того же Ш. Эдмона, имѣлъ величайшій успѣхъ: „всѣ газеты говорили о немъ, и въ первый разъ я видѣлъ,—говоритъ Ш. Эдмонъ,—что люди всѣхъ партій почтительно склонились передъ приговоромъ, произнесеннымъ такъ серьезно, такъ возвышенно — по поводу политической личности, о которой столько въ эту минуту спорятъ. Ничто такъ не заставляетъ умолкнуть страсти, какъ разумъ, когда онъ умѣетъ и хочетъ заговорить. Но онъ-то на этотъ разъ и говорилъ“...

„Когда я вчера прочла, что положеніе больного въ Чайлсгёрстѣ серьезно, я поняла, что въ ту минуту, когда мы читали телеграмму, онъ уже умеръ. „Развѣ онъ не умеръ уже въ Седанѣ? Зачѣмъ онъ не далъ себя тамъ убить?“—восклицали со всѣхъ сторонъ. Конечно, онъ тогда потерялъ хорошій случай умереть, но причина, по которой онъ потерялъ этотъ случай, очень проста: мертвый не можетъ стремиться къ смерти. Уже три года, какъ Наполеонъ III не существовалъ. Событія дѣйствовали на него лишь какъ Вольтовъ столбъ на трупъ. Его либеральныя поползновенія послѣдняго времени были въ томъ положеніи, въ какое онъ себя ставилъ, иллюзіями, которыми уже не управляло разсужденіе. Война съ Пруссіей не была даже и иллюзіей, ибо онъ не могъ скрыть, что призракъ пораженія явился ему и роковымъ образомъ увлекалъ его къ гибели... Впрочемъ, для того, кто вблизи изучилъ безъ всякаго предубѣжденія, всю жизнь этого человѣка, тотъ убѣдился бы въ одной вещи, новой на словахъ, но старой въ исторіи: это—что нѣкоторыя историческія лица не имѣли свободной воли и не существовали въ томъ смыслѣ, какой мы придаемъ слову существованіе, какъ сознанію жизни. Его называли химерическимъ человѣкомъ. Названіе это справедливо, если оно обозначаетъ умъ, преисполненный химерами, и еще справедливѣе, если оно изображаетъ загадочное, неуловимое для анализа существо. Я просто разскажу о впечатлѣніи, лично мною отъ него вынесенномъ.

„Въ гамскія времена, его письма и мысли обличали молодого, не-энергическаго человѣка, находящагося во власти энергическаго образа, видѣнія, сложившагося съ дѣтства и поддерживаемаго

всѣмъ окружающимъ его; давленіе этого образа онъ переносилъ съ покорной усталостью; затѣмъ,—отсутствіе истиннаго образованія, пониманія,—элементы и даже искры генія болѣе литературнаго, чѣмъ философскаго, болѣе философскаго, чѣмъ политическаго. Потерянное здоровье, колеблющаяся, неровная жизненность, временами точно прерывающаяся, съ приливами откровенности и вновь болѣзненными замыканіями въ себя. Но все-таки ни горечи, ни враждебности, отсутствіе гнѣва; слишкомъ созерцательный, чтобы быть страстнымъ; любезный, любящій, созданный, чтобы быть любимымъ въ тѣсномъ кружкѣ, безкорыстный по отношенію къ самому себѣ и все-таки—видите, какія ужасныя противорѣчія!—способный на самыя великія политическія преступленія, потому что его понятія о человѣческихъ правахъ совершенно были различны отъ нашихъ.

„Когда я говорила съ нимъ, когда я его увидѣла въ Елисейскомъ дворцѣ, дважды на одной недѣлѣ, онъ совершенно ввелъ меня въ заблужденіе, и затѣмъ, думая, что онъ обманулъ меня, я болѣе не захотѣла его видѣть. Я уѣхала изъ Парижа и пропустила свиданіе, назначенное имъ. Мнѣ не сказали: „король васъ ждалъ“. Мнѣ написали: „императоръ ждалъ“.

„Но я продолжала писать ему, когда надѣялась спасти жертву, комментировала его отвѣты и наблюдала за его дѣйствіями. Я убѣдилась, что онъ никого не хотѣлъ обмануть, но онъ всѣхъ обманывалъ и самого себя. Онъ вѣрилъ въ то, что̀ говорилъ, и смотрѣлъ на себя какъ на единственное средство къ спасенію, какъ на орудіе, которому препоручена неизбѣжная миссія; онъ не чувствовалъ въ себѣ достаточно физическихъ и моральныхъ силъ, а надѣялся въ роковомъ стеченіи обстоятельствъ найти ихъ; онъ принималъ всѣ тѣ идеи, которыя хотѣли ему внушить, за повелѣнія оракула... Пользованіе абсолютной властью помогло этой *игрѣ въ банкъ событіями*—сдѣлаться мономаніей, и терпѣливый и тихій фатализмъ принялъ внѣшній видъ силы и ловкости.

„Ловкости не было никакой. Этотъ человѣкъ былъ наивенъ при всемъ своемъ сдержанномъ и разсудительномъ видѣ. Онъ не рисовался, какъ его дядя. Онъ не научился драпироваться въ античную тогу. Онъ былъ маленькій, сгорбленный, изношенный, и не старался казаться величественнымъ. Луи Бланъ, видѣвшій его въ Гамѣ, нашелъ у него профиль и взглядъ орла въ клѣткѣ. Орлиный взглядъ пропалъ, когда я его увидала, а клѣтка осталась: что-то безпокойное, принужденное, робкое, что̀ переходило въ сердечное и грустное выраженіе. Мнѣ нечего здѣсь разсказывать, какъ мы говорили съ нимъ о роли, которую

онъ тогда игралъ. Я не хотѣла вопрошать его. Онъ, тѣмъ не менѣе, отвѣчалъ, и его обѣщанія не были сдержаны. Но я нашла въ немъ много чувствительности и внезапные порывы къ добрымъ намѣреніямъ, которые меня очень поразили. Цѣлыя двѣ недѣли я вѣрила, что онъ все устроитъ и исправитъ, и что онъ вправду станетъ для этого бороться. Я не довѣряла его энергіи, но она и оказалась ниже ожидаемаго мною. Преслѣдованія ослабились по отношенію къ нѣкоторымъ лицамъ лишь для того, чтобы еще болѣе жестоко давить на большинство. Мнимыя, ложныя государственныя соображенія сдѣлали безсильнымъ чувствительнаго человѣка, который оплакивалъ средства, употребленныя для доставленія ему власти, который точно не зналъ объ этихъ крайностяхъ, и былъ готовъ отречься отъ нихъ. Но онъ ни отъ чего не отрекся, и съ трусливымъ огорченіемъ согласился на уличныя убійства и несправедливыя преслѣдованія во всей Франціи. Онъ, безъ ненависти и злопамятности, рыцарь, когда надо было забыть личную обиду, но онъ послужилъ слѣпой враждѣ, отвратительнымъ мщеніямъ, не скажу классовымъ—это было бы неправдой; около него легіонъ тѣхъ хищниковъ, которые вездѣ и всюду стоятъ на-сторожѣ въ худыя времена, чтобы доносить, проклинать и клеветать на личныхъ враговъ или лишь противниковъ, чьего вліянія или нравственности они опасаются... Онъ не понялъ, что онъ могъ быть гуманнымъ безъ всякой опасности. Въ этомъ, какъ и во всемъ, онъ заблуждался... Наполеоновская легенда и ужасъ предъ безсильной и разъединенной республикой служили на пользу имперіи, вопреки ея беззастѣнчивымъ дѣяніямъ.

„Имперія была провозглашена, не скажу—основана; представитель ея подрывалъ самъ ея основы, ставъ подъ этотъ запятнанный стягъ, протянутый къ нему дурными страстями. Родясь честнымъ человѣкомъ, онъ дозволялъ самымъ беззастѣнчивымъ людямъ въ тріумфѣ носить себя. Все, что̀ было нечистаго во французскомъ народѣ, работало на него и дѣлало его солидарнымъ со всѣмъ содѣяннымъ или дѣлаемымъ зломъ. Франція отказалась отъ осужденія. И тогда онъ возмнилъ себя сильнымъ и великимъ. Онъ предпринялъ великія дѣла, которыя не могли ни къ чему привести. Казалось, что ему удастся все то, что̀ отвѣчало общественнымъ чувствамъ... Итакъ, лишь посредствомъ чувства могъ онъ управлять націей; на мгновеніе онъ понялъ это, желая спасти Италію. Ему не хватило увѣренности въ окончаніи дѣла, и онъ упалъ въ послѣднемъ актѣ. Съ тѣхъ поръ его звѣзда померкла, и онъ уже не видалъ ея. Можетъ быть, пере-

сталъ онъ и вѣрить въ нее; можетъ быть, этотъ иллюминатъ сдѣлался скептикомъ; умъ его не могъ вынести подобнаго превращенія. Онъ началъ умирать во время мексиканской войны.

„Франція совсѣмъ примирилась съ нимъ; она сдѣлалась химеричной, подобно ему; она раздѣлила его паденіе, ускоривъ его. Она оказалась дезорганизованной, анархической и не сознающей самоё себя. Она черезчуръ прокляла его, когда увидѣла, что сама погибла: неумолимый ея гнѣвъ не сознался, что былъ слишкомъ запоздалымъ для того, чтобы быть достойнымъ. Болѣе логичнымъ и благороднымъ былъ гнѣвъ Виктора Гюго, который, съ самаго начала, бросилъ *Наполеону Малому* самую краснорѣчивую изъ своихъ анаѳемъ. Но великій романтическій поэтъ не проявилъ тутъ достаточно пониманія реальности. Его шедёвръ останется литературнымъ памятникомъ, но не имѣетъ исторической цѣны.

„Наполеонъ III никогда не заслуживалъ „ни столько униженія, ни чести свыше мѣры" быть признаннымъ чудовищемъ. Онъ не болѣе того заслужилъ и быть униженнымъ до идіотизма. Какъ частный человѣкъ, онъ обладалъ истинными достоинствами. Я имѣла случай видѣть одну его черту, воистинну искреннюю и великодушную. Въ немъ была также грёза о французскомъ величіи, возникшая не въ здравомъ умѣ, но въ то же время родившаяся и не въ умѣ посредственномъ. Право, Франція была бы уже слишкомъ низка, еслибы она въ теченіе двадцати лѣтъ переносила всемогущество кретина, жившаго только для своекорыстныхъ цѣлей. Тогда надо было бы навѣки отчаяться въ ней. Дѣло въ томъ, что она приняла этотъ метеоръ за свѣтило и этого молчаливаго мечтателя за глубокаго человѣка. Затѣмъ, когда она увидѣла, что его сломили несчастья, которыя она могла бы предвидѣть и предупредить, она приняла его за труса. Онъ не былъ трусомъ, въ немъ было истинное холодное мужество, и я не думаю, чтобы онъ дорожилъ жизнью. Онъ почувствовалъ себя раздавленнымъ, разочарованнымъ въ своей роли, можетъ быть, надоѣвшимъ самому себѣ...

...„Онъ считалъ себя орудіемъ Провидѣнія. Онъ былъ лишь орудіемъ случая. Партія, вначалѣ крошечная, и вдругъ ставшая громадной, которая вознесла его на верхъ могущества, не была даже партіей, если подъ этимъ словомъ подразумѣвать часть націи, повинующуюся извѣстному ученію, системѣ, вѣрованію. Это была стая авантюристовъ сначала, потомъ—собраніе интересановъ, спекулирующихъ на событіи, а потомъ явилось внезапное увлеченіе массъ, которымъ опротивѣла разлагающаяся республика.

Францiя, сдѣлавшаяся промышленной при Луи-Филиппѣ, не стала вновь политической; не умѣя управлять собою, она бросилась въ неизвѣстность. Республика убила себя въ iюнѣ ужаснымъ разрывомъ между народомъ и буржуазiей. Мы не были уже достойны свободы. Незнакомецъ—странный, грустный, вѣжливый и холодный—проѣзжалъ по улицѣ на конѣ, выученномъ кланяться. Я нашла въ этотъ день, что у него профиль Донъ-Кихота. Люди, пришедшiе на это зрѣлище, чтобы освистать его,—привѣтствовали его; я никогда не могла узнать—почему. Какое-то головокруженiе охватило парижскiе бульвары, которые наканунѣ онъ обстрѣливалъ картечью. Это былъ трiумфъ! Онъ, кажется, удивился этому, и можетъ быть, такъ какъ у него бывали минуты остроумiя и скромнаго лукавства, то понялъ онъ, что онъ обязанъ этой оваціей граціи своего коня. Парижъ—художникъ. Парижъ—дитя. Парижъ великъ и глупъ, сегодня—удивителенъ, завтра—безсмысленъ. Онъ увидѣлъ это и осмѣлился, онъ, въ которомъ было такъ много природной робости. Хотѣли, чтобы онъ былъ наглымъ, и онъ сталъ имъ. Онъ заказалъ, говорятъ, императорскую мантiю. Работницы уже вышивали золотыхъ пчелъ, когда онъ все еще продолжалъ говорить тѣмъ, кто его толкалъ впередъ: „Нѣтъ, я не предамъ республику". И чудо—въ томъ, что онъ говорилъ это отъ чистаго сердца. Онъ обманывался самъ до послѣдней минуты. Его можно было убѣдить вдругъ, показавъ ему на успѣхъ, добытый вопреки его собственному бездѣйствiю, его колебанiямъ или неловкости. Онъ говорилъ тогда: „Это моя судьба, значитъ—это мой долгъ". И тогда ничто уже не существовало ни для его совѣсти, ни для его памяти. Это былъ фанатизмъ былыхъ временъ, лишь возносящiй орла въ ореолъ. Тогда онъ не зналъ болѣе угрызенiй, ибо всегда могъ сказать себѣ: „Не я захотѣлъ этого,—такъ рокъ повелѣваетъ".

„Этотъ портретъ не претендуетъ на то, чтобы навязать себя исторiи. Его станутъ опровергать, оспаривать, передѣлывать на тысячу ладовъ; я сама нахожу его не хорошо сдѣланнымъ, но похожимъ. Я возсоздала его, гуляя по лѣсу и припоминая общее во всѣхъ тѣхъ чертахъ, которыя поразили меня... Ни ненависть, ни пристрастiе не могли судить о нихъ. Великiя внѣшнiя удачи, прикрывающiя глубокiя язвы, и неизбѣжныя катастрофы, характеризуютъ царствованiя обоихъ Наполеоновъ, въ существѣ различныя. Сходство въ томъ, что звѣзда Наполеоновъ ужасна. Это—восточный фатализмъ съ французской легкомысленностью на придачу, и если мнѣ скажутъ, что я говорила о седанскомъ покой-

никѣ слишкомъ снисходительно, я отвѣчу въ заключеніе: „Великій виновникъ это—авантюристскій духъ Франціи"....

Какъ извѣстно, Жоржъ-Зандъ посвятила цѣлую статью „Исторіи Юлія-Цезаря", написанной Наполеономъ III, которую онъ прислалъ ей тотчасъ по выходѣ, съ любезной собственноручной надписью, какъ ранѣе прислалъ ей и „Idées Napoléoniennes". Статья эта, написанная необыкновенно ловко, можетъ быть названа шедёвромъ любезнаго безпристрастія и безпристрастной любезности, и дѣйствительно, отмѣчая всѣ серьезныя достоинства этого сочиненія, она указываетъ въ то же время и на нѣкоторые недостатки автора или, вѣрнѣе, на нѣкоторую его тенденціозность въ изложеніи исторіи великаго римскаго честолюбца. Вышла она въ 1865 году.

Съ другимъ Наполеонидомъ, съ принцемъ Жеромомъ и его женою, а также съ принцессою Матильдой, этой оригинальнѣйшей изъ когда-либо существовавшихъ принцессъ-дилеттантокъ и одной изъ рѣдчайшихъ по уму женщинъ, съумѣвшей сгруппировать вокругъ себя все, что было только выдающагося въ литературныхъ и художественныхъ кругахъ Франціи второй имперіи и третьей республики,—съ ними Жоржъ-Зандъ сохранила отношенія до самой своей смерти. Въ салонѣ у принцессы Матильды Жоржъ-Зандъ бывала особенно часто съ конца 50-хъ и до средины 60-хъ годовъ, причемъ, по словамъ одного изъ живущихъ еще друзей принцессы, ее туда неизмѣнно приглашали вмѣстѣ съ Мансо, ея тогдашнимъ постояннымъ спутникомъ.

Съ принцемъ Жеромомъ, который, какъ мы видѣли, первый пришелъ самъ къ ней, она познакомилась въ 1852 г., когда пріѣхала въ Парижъ хлопотать о пострадавшихъ,—вѣроятно, благодаря тому, что д'Орсэ такъ много наговорилъ ему про нее, а можетъ быть и вслѣдствіе близости его съ Соланжъ. Съ этого времени между ними завязалась и дѣятельная переписка. Принцъ Жеромъ тогда много помогъ Жоржъ-Зандъ въ ея хлопотахъ за ея политическихъ друзей (онъ же помогъ ей въ 1858 г., въ ея новыхъ хлопотахъ за Эрнеста Перигуа и Франкёра и, повидимому, способствовалъ и тому, что Морисъ Зандъ, въ томъ же 1858 году, былъ награжденъ орденомъ почетнаго легіона), а потомъ принцъ и самъ сдѣлался однимъ изъ ея друзей.

Въ 1857 г., онъ, въ началѣ сентября, даже впервые инкогнито, побывалъ въ Ноганѣ. Изъ неизданной переписки Жоржъ-Зандъ видно, что она должна была принять всѣ мѣры, чтобы оградить своего высокаго гостя отъ излишнихъ нескромностей провинціальнаго любопытства, но тѣмъ не менѣе это не вполнѣ

удалось ей, и о посѣщеніи принца немедленно сложилась легенда: такъ, напр., разнесся слухъ, что когда принцъ Жеромъ въѣхалъ во дворъ зàмка съ Шарлемъ Эдмономъ, и Жоржъ-Зандъ вышла ихъ встрѣтить, то она весьма фамильярно обратилась къ принцу со словами: „Здравствуйте, старина, наконецъ-то, давно пора!"... и это слышалъ какой-то невидимый шпіонъ, бывшій гдѣ-то тутъ же, во дворѣ. Между тѣмъ, съ этими словами Жоржъ-Зандъ обратилась... къ Шарлю Эдмону. Изъ одного письма Арну-Плесси къ Жоржъ-Зандъ мы узнаемъ, что принца очень дразнили въ Компьенѣ по поводу этого путешествія въ Ноганъ, но когда въ это самое время пришло письмо Жоржъ-Зандъ къ императрицѣ Евгеніи, то и сама императрица стала восхищаться знаменитой писательницей и вполнѣ поняла увлеченіе своего родственника.

Впослѣдствіи принцъ Жеромъ не разъ бывалъ въ Ноганѣ; такъ, онъ пріѣхалъ сюда и на протестантскія крестины маленькой Авроры въ 1866 г., не разъ пріѣзжалъ и на представленія знаменитыхъ маріонетокъ, игрывалъ и въ домино въ старой ноганской гостиной, и, наконецъ, пріѣхалъ сюда по телеграммѣ Мориса Занда 10-го іюня 1876 г., чтобы присутствовать при погребеніи своей старой пріятельницы. Въ значительной мѣрѣ дружбѣ Жоржъ-Зандъ съ принцемъ способствовала старинная дружба ея съ Сильваніей Арну-Плесси, той знаменитой и талантливой артисткой и прелестной женщиной, которая оставила по себѣ память какъ въ Парижѣ, такъ и въ Петербургѣ, и которая, какъ извѣстно, до самой женитьбы принца Жерома на принцессѣ Клотильдѣ, была его интимной пріятельницей. Жоржъ-Зандъ относилась къ молодой, сначала неизвѣстной, а потомъ знаменитой артисткѣ, какъ къ любимой дочери, а г-жа Арну просто обожала ее, какъ то видно изъ сохранившихся писемъ ея. Дружба эта продолжалась и послѣ женитьбы принца Жерома, даже усилилась и укрѣпилась, благодаря тому, что Жоржъ-Зандъ съумѣла въ эту тяжелую минуту ея жизни поддержать бѣдную Сильванію и заставить ее, чтобы отвлечь отъ постояннаго самоуглубленія, отчаянія и горестныхъ размышленій, заняться серьезно изученіемъ естественными науками, читать, словомъ, *забыть о своей личности*, — что̀ Жоржъ-Зандъ проповѣдовала неустанно въ своихъ романахъ и въ жизни. Впослѣдствіи, однако, эта дружба поколебалась, когда г-жа Арну внезапно сдѣлалась ревностной католичкой и совершенно подпала вліянію своихъ духовниковъ, особенно же знаменитаго отца Гіацинта Луазона, тогда еще не отдѣлившагося отъ господствую-

щей церкви. По этому поводу Жоржъ-Зандъ и г-жа Арну обмѣнялись чрезвычайно любопытными письмами, въ которыхъ, надо сказать, г-жѣ Арну принадлежитъ лучшая роль... Жоржъ-Зандъ, въ то время бывшая особенно настроена противъ духовенства, благодаря все усиливавшемуся во Франціи клерикализму, и весьма сильно симпатизировавшая протестантизму, съ чрезвычайной запальчивостью и въ непріятно-рѣзкихъ выраженіяхъ отзывается о новой эпохѣ въ жизни своей пріятельницы. А г-жа Арну съ чрезвычайной мягкостью и почтительностью отвѣчаетъ, что, какъ бы она ни вѣрила, какъ бы ни заслуживала осужденія со стороны Жоржъ-Зандъ, но никогда не перестанетъ ее уважать и любить. Любопытно, что и самъ отецъ Гіацинтъ Луазонъ принялъ участіе въ этой перепискѣ и написалъ Жоржъ-Зандъ почтительное письмо, въ которомъ доказывалъ, что напрасно она полагаетъ, будто онъ обуреваемъ яростнымъ прозелитизмомъ и улавливаетъ въ свои сѣти душу своей духовной дочери, и т. д., и т. д. Письма эти еще не изданы, но намеки на этотъ эпизодъ, послужившій, повидимому, къ охлажденію, если не разрыву между знаменитой артисткой и великой писательницей, мы встрѣчаемъ въ напечатанной „Корреспонденціи“ Жоржъ-Зандъ, только имена собственныя тамъ выпущены [1]). Всѣ вообще письма г-жи Арну-Плесси къ Жоржъ-Зандъ — рядъ прелестныхъ страницъ; это — нѣжныя изліянія, заслуживающія того, чтобы быть изданными цѣликомъ. Отвѣты Жоржъ-Зандъ помѣщены по большей части въ „Корреспонденціи“ и читаются съ неменьшимъ интересомъ, напоминая по тону своему ея письма къ ея племянницѣ, Огюстинѣ Бертольди. Про нихъ можно сказать, что они проникнуты чисто материнскимъ чувствомъ.

Благодаря г-жѣ Арну, а также Шарлю Эдмону, принцъ Жеромъ сталъ особенно близокъ со всей семьей Жоржъ-Зандъ и въ особенности подружился съ Морисомъ Зандомъ, который сталъ не только постояннымъ гостемъ дворца принца, но даже совершилъ съ нимъ, въ 1861 г., кругосвѣтное путешествіе на пароходѣ „Жеромъ-Наполеонъ“, описанное Морисомъ Зандомъ въ его книгѣ „6.000 верстъ подъ парами“; къ этой книгѣ Жоржъ-Зандъ написала „Предисловіе“, впослѣдствіи перепечатанное въ ея сочиненіи „Questions d'art et de littérature“. Письма Жоржъ-Зандъ къ принцу Наполеону, интереснѣйшія во всей ея „Корреспонденціи“, затрогиваютъ самые разнообразные общественные, по-

---

[1]) См. „Correspondance“, т. V, 276—77. Письмо къ Флоберу отъ 18 сентября 1868 г.

литическіе, литературные и частные вопросы и свидѣтельствуютъ о томъ, что писавшая ихъ не только забывала, что пишетъ кузену императора, или вообще лицу высокопоставленному, но говорила съ нимъ съ такой же подкупающей простотою, откровенностью и искренностью, какъ и со всякимъ изъ окружавшихъ ее въ старые годы молодыхъ друзей...

Влад. Каренинъ.

ЦЫНГА
и
ЕЯ ЖЕРТВЫ

Изъ поѣздки на мѣсто болѣзни въ 1899 г.

I.

Это было въ четвергъ, на Пасхѣ, въ самомъ концѣ девятидесятыхъ годовъ. Стояло ясное, чудное утро. Изъ глубины темносиняго неба молодое весеннее солнце сыпало на зеленѣющую степь миріады лучей яркихъ, блестящихъ, но не знойныхъ и жгучихъ, какъ лѣтомъ, а мягкихъ и ласкающихъ. Купаясь въ этихъ лучахъ, спиралью поднимаясь къ нему, жаворонки заливались звонкими ликующими трелями, точно привѣтствуя и воспѣвая эту ширь степную, это приволье и свободу... Кстати: если соловей у насъ слыветъ пѣвцомъ любви, то жаворонокъ, по всей справедливости, долженъ быть признанъ пѣвцомъ свободы...

Тройка крупныхъ, сытыхъ лошадей изъ сосѣдней помѣщичьей усадьбы мчала насъ въ татарское село Сентемиры, сильно пострадавшее отъ неурожая. Ровная, гладкая безлѣсная степь широко раскинулась передъ нами. Вокругъ—ни кустика. Только вдали чуть замѣтной лентой вилась рѣчка Черемшанъ, на берегу которой чернѣлъ лѣсъ, принадлежащій удѣлу.

— А гдѣ мы остановимся въ Сентемирахъ? — спросилъ я своего спутника, доктора Г—на, завѣдывающаго санитарнымъ бюро самарскаго губернскаго земства.

— Поѣдемъ прямо къ доктору Яблонскому. Онъ работаетъ

здѣсь съ февраля мѣсяца, и отъ него мы можемъ получить всѣ свѣдѣнія, необходимыя намъ.

Докторъ Яблонскій состоялъ „эпидемическимъ врачомъ" самарскаго земства. Такъ называются врачи, которые приглашаются земствомъ на время для борьбы съ той или другой эпидеміей.

Я уже ранѣе много слышалъ о дѣятельности г. Яблонскаго въ качествѣ эпидемическаго врача, о необыкновенной энергіи, которую онъ проявилъ, будучи командированъ на цынгу. Особенно много пришлось поработать ему и состоящимъ при немъ фельдшерицамъ на первыхъ порахъ по пріѣздѣ въ Сентемиры, когда предстояла необходимость выяснить размѣры цынги и общее состояніе здоровья населенія, а также экономическія условія и степень нужды.

Въ этихъ видахъ г. Яблонскій, вмѣстѣ съ фельдшерицами, обошелъ всѣ дворы во всѣхъ трехъ Сентемирахъ, а также въ сосѣднихъ селеніяхъ Старо-Бѣсовкѣ и Малой-Ивановкѣ,—всего болѣе тысячи дворовъ,—и лично осмотрѣлъ всѣхъ больныхъ. Ежедневно, въ 9 часовъ утра выходили они изъ дома и начинали свой обходъ крестьянскихъ избъ, чтò продолжалось до 7 час. вечера. При этомъ ими были собраны по особой программѣ, составленной врачомъ Яблонскимъ, чрезвычайно подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія, касающіяся санитарнаго и экономическаго положенія населенія.

По вечерамъ же имъ приходилось работать надъ группировкой собранныхъ свѣдѣній, приведеніемъ ихъ въ порядокъ, заниматься составленіемъ списковъ крестьянъ, нуждающихся въ усиленномъ питаніи и леченіи, приготовленіемъ лекарствъ для больныхъ и т. д. Вслѣдъ затѣмъ они должны были немедленно же приступить къ устройству и открытію безплатныхъ столовыхъ и больничекъ для цинготныхъ, нанять подходящія помѣщенія, пріискать хожалокъ, позаботиться о доставкѣ свѣжей и доброкачественной провизіи и проч. Все это требовало отъ нихъ еще нѣсколько лишнихъ часовъ труда въ день; такимъ образомъ, имъ приходилось проводить за работой по 15—16 часовъ въ сутки и даже болѣе...

Кучеръ осадилъ лошадей у крайней избы, глядѣвшей тремя окнами прямо въ степь. Изба эта отличалась отъ другихъ только тѣмъ, что она была новая, видимо недавно построенная и потому не успѣвшая еще почернѣть и загрязниться.

Насъ встрѣтилъ на крыльцѣ докторъ Яблонскій, молодой человѣкъ, крѣпкій и бодрый, одѣтый въ синюю кубовую рубаху и высокіе сапоги. Онъ пригласилъ насъ въ избу и познакомилъ

съ своей женой, молодой и цвѣтущей блондинкой съ открытымъ симпатичнымъ лицомъ, въ кофточкѣ яркаго цвѣта.

Конечно, тотчасъ же начались разспросы и толки на темы о голодовкѣ, неурожаѣ и цынгѣ.

— Плохія дѣла здѣсь у насъ,—отвѣчалъ докторъ Яблонскій на наши вопросы.—Неурожай въ Сентемирахъ (въ 1898 г.) былъ полный: не родилось ни хлѣбовъ, ни травъ. Притомъ же населеніе, за весьма рѣдкими исключеніями, совершенно не имѣло запасовъ отъ предъидущихъ годовъ. Вслѣдствіе этого къ осени народъ очутился въ крайне критическомъ положеніи: во многихъ семьяхъ хлѣба могло хватить не болѣе чѣмъ на мѣсяцъ, а у значительнаго большинства и совсѣмъ его не было. Скотъ кормить было нечѣмъ. Всѣ кинулись продавать его, конечно, за безцѣнокъ. Сельскіе базары были переполнены скотомъ; коровы, лошади, овцы, свиньи продавались чуть не за гроши,—тѣмъ не менѣе, покупателей не было.

— Почему же богатые, зажиточные крестьяне, купцы, наконецъ, не покупали скотъ?

— Очень понятно почему,—отвѣчалъ г. Яблонскій:—кормà были чудовищно дороги, а для убоя брать было нельзя, такъ какъ стояла теплая, дождливая осень. Очутившись въ безвыходномъ положеніи, крестьяне начали сами рѣзать скотъ, но и тутъ ихъ ждала, конечно, бѣда: вслѣдствіе теплой осени мясо все сгнило. Съ октября мѣсяца начали выдавать земскую ссуду, но при этомъ, какъ извѣстно, всѣ лица рабочаго возраста лишены были права на полученіе ссуды. При этихъ условіяхъ ссуда, особенно въ семьяхъ со многими работниками, оказалась болѣе чѣмъ недостаточной и отнюдь не спасала населеніе отъ недоѣданія и голодовки. Крестьяне начали продавать и закладывать все мало-мальски лишнее: болѣе цѣнную одежду, самовары, перины и т. п. Между тѣмъ, нужда съ каждымъ днемъ росла и становилась все острѣе. Нужно думать, что въ декабрѣ мѣсяцѣ появились первые случаи заболѣванія цынгой, но они оставались необнаруженными.

— А когда Красный Крестъ пришелъ на помощь?—спросилъ я.

— Въ январѣ мѣсяцѣ. Затѣмъ, съ февраля начали выдавать продовольственную ссуду и на работниковъ, но время уже было упущено, здоровье населенія было подорвано, и потому цынга начала косить, начала широко распространяться по селамъ.

Признавая, что этіологія цынги далеко еще не выяснена въ должной степени, докторъ Яблонскій тѣмъ не менѣе утверждалъ,

что главной причиной появленія и сильнаго развитія цынги слѣдуетъ считать, какъ онъ обыкновенно выражался, „недостаточное питаніе". Всѣ же остальные факторы, которымъ обыкновенно приписывается болѣе или менѣе важное значеніе, по его мнѣнію, врядъ ли играли большую роль въ дѣлѣ развитія цынги.

Внимательно слѣдя за ходомъ болѣзни, за всѣми ея проявленіями, г. Яблонскій подмѣчалъ такія явленія и факты, которые совершенно не укладывались въ общепринятыя рубрики и не поддавались объясненію съ тѣхъ точекъ зрѣнія, которыя считались болѣе или менѣе установленными.

Такъ, напримѣръ, заболѣванія цынгою встрѣчались,—хотя, разумѣется, въ гораздо меньшемъ числѣ,—и въ болѣе зажиточныхъ семьяхъ. Были случаи даже, когда цынгой заболѣвали и очень богатые люди. Впослѣдствіи, въ подробномъ отчетѣ о своей дѣятельности [1]), докторъ Яблонскій указывалъ, что ему приходилось наблюдать больныхъ цынгой „въ семьяхъ, имѣвшихъ на нѣсколько сотъ и даже тысячъ пудовъ хлѣба, много скота, въ семьяхъ, которыя ежедневно питались хорошей пищей, мясомъ въ достаточномъ количествѣ", словомъ, въ такихъ семьяхъ, на благосостояніи которыхъ неурожай и голодовка не могли отразиться въ сколько-нибудь замѣтной степени.

Съ другой стороны, „въ семьяхъ, безусловно нуждающихся, нищихъ, не наблюдалось иногда ни одного случая цынги, несмотря на видимое истощеніе членовъ этихъ семей". „Чѣмъ объяснить эти факты?"—спрашиваетъ г. Яблонскій.—„Затѣмъ далѣе,—пишетъ онъ,—если признавать цынгу за болѣзнь, (всецѣло) происходящую отъ недостаточнаго питанія, то мы должны бы, повидимому, наблюдать всегда такое теченіе болѣзни: сначала истощеніе организма въ бо̀льшей или мѐньшей степени, а затѣмъ уже тѣ или другіе симптомы цынги, и опять-таки въ извѣстной постепенности, отъ болѣе легкихъ къ болѣе тяжелымъ... Между тѣмъ, мнѣ не разъ приходилось наблюдать такіе случаи: является субъектъ самаго цвѣтущаго вида, полный, упитанный. При первомъ взглядѣ даже и не подумаешь о цынгѣ. И вдругъ, при осмотрѣ, оказывается цынга, да еще зачастую въ тяжелой формѣ, съ инфильтратами на ногахъ, съ пораженіемъ суставовъ. Какъ это объяснить?" [2])

Однако, эти отдѣльные случаи отнюдь, конечно, не могутъ поколебать того наблюденія, которое сдѣлано огромнымъ боль-

---

[1]) „Врачебная хроника самарской губерніи" 1900 г., № 2, изданіе самарской губернской земской управы.

[2]) Тамъ же, стр. 19—20.

шинствомъ врачей, работавшихъ тогда, а именно, что появленію цынги въ массѣ населенія всегда предшествуетъ извѣстный, болѣе или менѣе продолжительный періодъ хроническаго недоѣданія или же плохого, недостаточнаго и черезчуръ однообразнаго питанія. Прямая и тѣсная зависимость между развитіемъ цынги и тяжелымъ экономическимъ положеніемъ населенія, между прочимъ, наглядно и ярко выяснена и г. Яблонскимъ въ его отчетѣ цѣлымъ рядомъ статистическихъ таблицъ, показывающихъ, какъ отразилось разстройство имущественнаго благосостоянія жителей въ разныхъ селеніяхъ на большемъ или меньшемъ распространеніи цынги.

На мой вопросъ: какъ велико у нихъ число больныхъ цынгой,— докторъ Яблонскій отвѣчалъ:

— Сейчасъ у насъ, т.-е. въ Сентемирахъ и въ Старо-Бѣсовкѣ, около 400 человѣкъ цынготныхъ.

— Это ужасно!—невольно вырвалось у меня.—Но скажите, докторъ: уменьшается ли, по крайней мѣрѣ, число больныхъ?

— Я могу только сказать, что *до сихъ поръ* оно все росло. Когда я пріѣхалъ сюда, то засталъ здѣсь 60 человѣкъ цынготныхъ, которые были зарегистрированы до моего пріѣзда. Затѣмъ, въ теченіе слѣдующихъ двухъ недѣль число ихъ возросло до 200 человѣкъ. Теперь, какъ я уже сказалъ, 400 человѣкъ больныхъ... Впрочемъ, сейчасъ цынга какъ будто начинаетъ останавливаться; по крайней мѣрѣ, въ послѣдніе дни новыхъ больныхъ не прибываетъ.

Борьба съ цынгой и плохимъ питаніемъ идетъ здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, главнымъ образомъ посредствомъ столовыхъ и больничекъ.

— Сейчасъ у меня восемь больничекъ,—говорилъ г. Яблонскій,—но я долженъ сказать, что число это колеблется, такъ какъ я открываю и закрываю ихъ по мѣрѣ надобности. Какъ только зарегистровываются новые тяжело-больные, а мѣстъ въ существующихъ больничкахъ нѣтъ,—я немедленно же нанимаю подходящее помѣщеніе (часто даже у кого-нибудь изъ больныхъ), приспособляю его, нанимаю или перевожу изъ другой больницы хожалку, и на слѣдующій же день больничка готова и тотчасъ же наполняется больными... Надобность минуетъ, и больница закрывается или же переводится въ другое мѣсто.

Мы поинтересовались узнать, на какихъ условіяхъ снимаются у крестьянъ помѣщенія подъ больнички.

— Обыкновенно рубля за три въ мѣсяцъ,—отвѣчалъ докторъ Яблонскій.—Въ эту плату входитъ отопленіе, вода, самовары и

услуги хозяевъ. Не правда ли, очень недорого?.. Но въ чемъ здѣсь встрѣчается большой недостатокъ, такъ это въ русскихъ умѣлыхъ хожалкахъ. Въ виду этого приходится назначать имъ сравнительно большую (конечно, по мѣстнымъ цѣнамъ) плату, а именно, отъ 5 до 8 рублей въ мѣсяцъ на ихъ харчахъ. За эту плату почти всегда можно найти такихъ хожалокъ, которыя будутъ дорожить своимъ мѣстомъ и добросовѣстно относиться къ своимъ обязанностямъ.

Кромѣ больницъ, въ Сентемирахъ было десять столовыхъ для больныхъ цынгой и двѣнадцать столовыхъ „дѣтско-народныхъ", для дѣтей и взрослыхъ съ ослабленнымъ питаніемъ. Всего въ этихъ столовыхъ кормилось 500 дѣтей и 350 больныхъ цынгой. Ближайшимъ образомъ столовыми завѣдуютъ муллы, подъ контролемъ врача и фельдшерицъ. Дѣло ведется хорошо, никакихъ недоразумѣній не возникаетъ. Одно только крайне огорчаетъ медицинскій персоналъ: это именно уменьшеніе мясной порціи для цынготныхъ.

На первыхъ порахъ цынготнымъ больнымъ давали $^1/_2$ фунта мяса, одну чайную чашку капусты, $^1/_4$ фунта картофеля, одну или двѣ луковицы, 2 фунта хлѣба, уксусъ, перецъ и соль. Но Красный Крестъ нашелъ эту порцію слишкомъ обильной и дорого стоющей, а потому потребовалъ на половину уменьшить мясную порцію, вслѣдствіе чего пришлось давать уже не $^1/_2$ фунта мяса, а только $^1/_4$ фунта. И хотя всѣ врачи, особенно земскіе, категорически высказывались противъ такого уменьшенія, тѣмъ не менѣе, въ концѣ концовъ, они принуждены были подчиниться распоряженію, шедшему свыше,—конечно, въ тѣхъ столовыхъ, которыя содержались на средства Краснаго Креста.

Докторъ Яблонскій горячо нападалъ на порядокъ, при которомъ населеніе, до послѣдней степени изнуренное и обезсилѣвшее, кормили одной „кашицей" съ саломъ, а мясо давалось чуть не гомеопатическими дозами.

— Вездѣ,—говорилъ онъ, — гдѣ кормили этой кашицей— всегда появлялась цынга. Между тѣмъ и до сихъ поръ во многихъ столовыхъ Краснаго Креста продолжаютъ кормить одной кашицей съ саломъ. Въ этомъ, между прочимъ, нужно видѣть одну изъ причинъ, почему цынга до сихъ поръ не поддается леченію, почему она не только не уменьшается, а наоборотъ, ростетъ все болѣе и болѣе.

— У насъ, — разсказывалъ д-ръ Яблонскій, — очень часто бывали случаи, когда цынготный больной, благодаря хорошему питанію въ больницѣ, поправлялся и уходилъ изъ больницы здо-

ровымъ. Но проходилъ мѣсяцъ, и тотъ же больной возвращался снова въ больницу съ сильно развитою цынгой...

На этой почвѣ въ теченіе всей этой болѣзни происходила постоянная и упорная борьба представителей, съ одной стороны, земской медицины, съ другой—Краснаго Креста. Послѣдніе нерѣдко прямо и откровенно заявляли, что ихъ цѣль—только поддерживать населеніе, не давать ему погибать. При этомъ, въ оправданіе себѣ, они обыкновенно ссылались на крайній недостатокъ средствъ, отпускавшихся въ ихъ распоряженіе.

II.

Неурожай и голодовка 1898—99 года, какъ извѣстно, всего тяжелѣе отозвались на татарскомъ населеніи. Отсюда понятно, почему цынга главнымъ образомъ поражала татаръ. Въ Старо-Бѣсовской волости, въ районъ которой входятъ Сентемиры, больныхъ цынгою было зарегистрировано 687 человѣкъ, причемъ по народностямъ число это распредѣлялось слѣдующимъ образомъ:

	Наличныхъ душъ.	Больныхъ цынгой.	% больныхъ.
Татары	4.272	649	15%
Мордва	1.666	35	2%
Русскіе	157	3	2%
Всего . .	6.095	687	11%

Такимъ образомъ, изъ 687 человѣкъ больныхъ цынгой татаръ было 649. Рѣшающее значеніе въ этомъ случаѣ имѣли, конечно, экономическія причины,—крайняя необезпеченность татарскаго населенія въ матеріальномъ отношеніи,—но необходимо признать, что, кромѣ чисто экономическихъ причинъ, не малую роль играли здѣсь и нѣкоторыя бытовыя условія и особенности склада татарской жизни, въ числѣ которыхъ прежде всего слѣдуетъ указать на семейное и общественное положеніе татарскихъ женщинъ, ихъ затворничество и приниженное, почти рабское состояніе.

Татарки вынуждены все время проводить дома, въ тѣсныхъ и душныхъ избахъ; онѣ почти совсѣмъ не выходятъ на воздухъ, не показываются на улицѣ, не имѣютъ права даже посѣщать мечети, а должны молиться дома. Питаются татарскія женщины лишь остатками отъ трапезы мужчинъ. Г. Яблонскій разсказываетъ, что „въ татарскомъ населеніи, при постепенномъ истощеніи запасовъ, прежде всего начинаютъ не доѣдать женщины: мужчины ѣдятъ прежде женщинъ, съѣдаютъ лучшую пищу и

большее количество. Женщины питаются остатками и къ тому же дѣлятся лучшими кусочками съ дѣтьми. Съ дальнѣйшимъ истощеніемъ запасовъ, когда нужда обостряется, начинаютъ хворать уже дѣти и женщины, а за ними мужчины".

Благодаря указаннымъ условіямъ, огромный процентъ заболѣваній цынгою выпадаетъ на долю именно татарскихъ женщинъ. По вычисленію д-ра Яблонскаго, въ среднемъ выводѣ этотъ процентъ равняется 74% общаго числа больныхъ цынгою, тогда какъ относительно мужчинъ процентъ этотъ достигаетъ лишь 26. Процентъ больныхъ женщинъ колеблется по селеніямъ отъ 83, какъ напримѣръ, въ Старо-Бѣсовкѣ, до 66, какъ это было въ Старомъ-Сентемирѣ, а процентъ больныхъ мужчинъ—отъ 17 до 34. Что касается возраста больныхъ цынгою, то преобладали заболѣванія въ возрастѣ отъ 20 до 30 лѣтъ и отъ 30 до 40 лѣтъ. Слѣдовательно, наибольшее число заболѣваній падаетъ на рабочій возрастъ.

Пользуясь отчетомъ д-ра Яблонскаго, мы постараемся намѣтить здѣсь хотя краткую характеристику сентемировскихъ татаръ, ихъ культурной и экономической жизни. Какъ мы уже замѣтили, населеніе въ Сентемирахъ—сплошь татарское. Русскіе встрѣчаются здѣсь только среди торговцевъ, писарей и т. п. Разговорный языкъ—татарскій, хотя мужчины почти всѣ говорятъ или, по крайней мѣрѣ, хорошо понимаютъ по-русски. Но женщины, въ большинствѣ случаевъ, совершенно не знаютъ русскаго языка. Немногіе русскіе, проживающіе здѣсь, также предпочитаютъ говорить при сношеніяхъ съ мѣстнымъ населеніемъ по-татарски.

Во всѣхъ селеніяхъ имѣются татарскія школы не только для мальчиковъ, но и для дѣвочекъ. За обученіе нигдѣ обязательной платы не установлено,—кто сколько дастъ. Учителями являются свои же односельцы. Къ сожалѣнію, все ученіе въ татарскихъ школахъ состоитъ лишь въ заучиваніи наиболѣе важныхъ мѣстъ аль-корана и шаріата, а также въ письмѣ по-татарски. Исключеніемъ изъ этого правила является одна школа въ Среднемъ-Сентемирѣ, въ которой мулла учитъ дѣтей и счету, причемъ главнымъ образомъ даетъ разныя практическія наставленія,—напримѣръ, какъ дѣлить землю.

Школы помѣщаются въ общественныхъ зданіяхъ, обыкновенно по близости мечети, причемъ школьныя помѣщенія всегда тѣсны и антигигіеничны. Благодаря этимъ школамъ, извѣстный процентъ взрослаго населенія (даже и женщины) умѣютъ читать и писать по-татарски. Русскую же грамоту знаютъ только очень

немногіе бывшіе солдаты да муллы изъ молодыхъ, для которыхъ знаніе русской грамоты стало теперь обязательно.

Такъ какъ многіе изъ болѣе зажиточныхъ татаръ занимаются разными торговыми оборотами, для чего ѣздятъ въ Самару, Казань и другіе города, бѣднота же уходитъ на лѣто въ разныя мѣстности Россіи „бурлачить“ (такъ они называютъ отхожія полевыя работы), то народъ, благодаря такому подвижному образу жизни, отличается извѣстной развитостью, особенно по сравненію съ сосѣднимъ, болѣе осѣдлымъ, мордовскимъ и чувашскимъ населеніемъ. Въ доказательство извѣстнаго рода культурности татарскаго населенія, г. Яблонскій приводитъ слѣдующіе факты.

„Мнѣ не разъ,—говоритъ онъ,—приходилось бесѣдовать съ отдѣльными татарами о пользѣ изученія русской грамоты. Сплошь и рядомъ заводили объ этомъ рѣчь сами татары и даже муллы, и большинство изъ нихъ, особенно молодежь, выражало желательность открытія русской школы. Я не разъ слышалъ отъ другихъ обратное, что татары видятъ въ русской школѣ первый шагъ къ вѣроотступничеству, страшно падки на всякіе слухи о насильственномъ крещеніи и т. д. По своему личному опыту я не могу подтвердить этого“.

Такую перемѣну въ отношеніяхъ татаръ къ русскимъ г. Яблонскій объясняетъ слѣдующимъ образомъ: „Татарамъ за послѣднія голодовки пришлось не мало перевидать русскихъ интеллигентовъ, жившихъ съ ними долгіе мѣсяцы, кормившихъ и лечившихъ ихъ, и, разумѣется, татары, не видя никакого худа отъ этихъ пришлецовъ, видя, наоборотъ, уваженіе къ своей религіи и обычаямъ, вѣроятно уже не такъ упорно изыскиваютъ въ каждомъ русскомъ начинаніи подрывъ ихъ религіи. Напримѣръ, когда весной нынѣшняго (1899) года стали открываться въ большомъ количествѣ ясли для дѣтей, и я тоже задумалъ-было открыть ясли въ Сентемирахъ, то татары, прослышавши объ этомъ, одолѣли меня просьбами записать ихъ дѣтей въ ясли. Яслей мнѣ не удалось открыть по другимъ причинамъ, но я указываю на этотъ фактъ, какъ на доказательство извѣстнаго довѣрія къ русскому начинанію. Я самъ указывалъ просителямъ на ихъ боязнь, что дѣтей окрестятъ, но они только смѣялись надъ этимъ, а многіе вліятельные татары увѣряли меня, что никакихъ недоразумѣній по этому поводу не будетъ“ [1]).

---

[1]) „Эпидемія цынги въ Старо-Бѣсовской волости ставропольскаго уѣзда“, „Врачебная хроника самарской губерніи, 1900 г. № 2, стр. 4—5.

Эти наблюденія и факты представляютъ, по нашему мнѣнію, большую цѣнность, такъ какъ наглядно показываютъ, насколько преувеличены распространенные у насъ отзывы о татарахъ, рисующіе ихъ узкими, закоренѣлыми фанатиками, относящимися съ непримиримой враждой ко всякимъ культурнымъ начинаніямъ, разъ только эти начинанія идутъ отъ русскихъ.

Такимъ образомъ оказывается, что пока проводниками подобныхъ начинаній являются разнаго ранга чиновники — все равно, въ мундирахъ или рясахъ, — мы постоянно слышимъ о косности татаръ, о ихъ фанатизмѣ, о ихъ враждебномъ и подозрительномъ отношеніи ко всему, что̀ только исходитъ отъ русскихъ. Но вотъ къ тѣмъ же татарамъ, въ тяжелую для нихъ минуту, являются простые, нечиновные люди въ видѣ врачей, фельдшерицъ, организаторовъ столовыхъ, яслей и т. д., —и картина сразу мѣняется: тѣ же самые татары охотно и вполнѣ довѣряются этимъ людямъ, отдаютъ имъ своихъ дѣтей, выражаютъ готовность посѣщать русскія школы, просятъ объ ихъ открытіи и т. д. Словомъ, — никакихъ слѣдовъ, никакой тѣни вражды, косности и фанатизма, а совершенно напротивъ — полное довѣріе, искреннее чувство глубокой благодарности за все то, что̀ для нихъ дѣлается.

Надъ этимъ поучительнымъ контрастомъ слѣдовало бы серьезно подумать тѣмъ, кто говоритъ о невозможности для русскихъ людей оказывать культурное воздѣйствіе на татарское населеніе. Очевидно, что неуспѣхъ и неудачи просвѣтительной дѣятельности русскихъ миссій среди татаръ слѣдуетъ объяснить не закоренѣлой враждой и не фанатизмомъ этой народности, а чѣмъ-нибудь другимъ, лежащимъ въ характерѣ самихъ миссій и ихъ дѣятелей, въ тѣхъ пріемахъ и способахъ, посредствомъ которыхъ послѣдніе ведутъ свою культурную дѣятельность.

По отзыву г. Яблонскаго, близко изучившаго татаръ, послѣдніе въ общемъ весьма добродушны, гостепріимны, безпечны и довольно-таки легкомысленны. Всѣ эти черты являются, конечно, характернымъ наслѣдіемъ ихъ прежней кочевой жизни. Изъ болѣе отрицательныхъ сторонъ ихъ характера д-ръ Яблонскій указываетъ въ своемъ отчетѣ „на извѣстный узкій эгоизмъ“: крайнее нежеланіе помочь, въ случаѣ бѣды, ближнему, не только иновѣрцу, но даже и своему односельчанину-татарину. Богатые татары всегда не прочь попользоваться несчастьемъ сосѣда, принявъ отъ него въ закладъ какую-нибудь вещь, конечно, за ростовщическіе проценты.

Мы уже упоминали, что извѣстный восточный взглядъ на

женщину характеренъ для большинства татаръ, хотя, по словамъ г. Яблонскаго, ему приходилось наблюдать не мало исключеній изъ этого. „Такъ, напримѣръ, многоженство въ настоящее время значительно уменьшается: *по двѣ* жены имѣетъ меньшинство, *три* жены являются уже исключеніемъ, *четырехъ*—нѣтъ ни у кого. Этотъ фактъ ограниченія многоженства является, съ одной стороны, слѣдствіемъ тяжелыхъ экономическихъ условій (послѣдняго времени), съ другой, какъ я убѣдился изъ своихъ наблюденій, обусловливается уже чисто сознательнымъ отношеніемъ къ многоженству“.

Въ то же время „замѣтно извѣстное стремленіе къ уничтоженію нѣкоторыхъ стѣснительныхъ обрядовъ и обычаевъ. Такъ, напримѣръ, закрываніе лица женщинами почти уже не наблюдается; прикрываютъ только, да и и то не всегда, при разговорѣ съ мужчинами-татарами, ротъ рукой или кончикомъ платка, такъ что, очевидно, смотрятъ на это какъ на простую формальность“.

Въ области семейныхъ отношеній прежде всего необходимо отмѣтить „патріархальность, безпрекословное подчиненіе главѣ семьи—старшему въ домѣ. Вслѣдствіе этого семейная жизнь течетъ очень тихо, монотонно. Мало ссоръ и брани. Драки—„ученіе женъ“—являются исключеніемъ, что, съ одной стороны, объясняется легкостью развода, съ другой—отсутствіемъ пьянства“. Хотя „многіе татары, особенно изъ молодыхъ или солдатъ, при случаѣ, не прочь выпить, но это дѣлается втихомолку, въ четырехъ стѣнахъ. Пьяный татаринъ или съ папироской не рѣшится показаться на улицѣ“.

На мой вопросъ: „лѣнивы ли татары?“—г. Яблонскій отвѣчалъ:—„Совсѣмъ нѣтъ!.. Напротивъ, они считаются усердными работниками. Во многихъ экономіяхъ даже предпочитаютъ татаръ русскимъ рабочимъ. Но они безпечны; при томъ же у нихъ большую роль играетъ равнодушное, фаталистическое отношеніе къ своей судьбѣ... Этими особенностями, вѣроятно, слѣдуетъ объяснить, что земля у нихъ обработывается, въ большинствѣ случаевъ, небрежно: не удобряется, плохо пашется, яровыя не пропалываются и т. д. Огородовъ у нихъ совсѣмъ нѣтъ, отчасти потому, что нѣтъ удобныхъ мѣстъ для ихъ разведенія; отчасти же потому, что татары совсѣмъ не имѣютъ потребности въ овощахъ, обходясь безъ капусты, огурцовъ, луку и т. п. У нихъ свой особый столъ; многіе татары, напримѣръ, никогда не пробовали щей; вслѣдствіе этого, на первыхъ порахъ, въ нашихъ столовыхъ многіе изъ нихъ отказывались отъ щей. Но это только

на первыхъ порахъ, такъ какъ затѣмъ они очень быстро привыкали къ русскимъ блюдамъ".

Въ своемъ отчетѣ г. Яблонскій разсказываетъ, что такъ какъ у него въ началѣ совершенно не было интеллигентныхъ помощниковъ (единственная фельдшерская ученица была завалена чисто-медицинской работой), то по необходимости ему пришлось дѣло продовольствія возложить на мѣстное населеніе—сельское попечительство Краснаго Креста, оставивъ, конечно, за медицинскимъ персоналомъ право контроля. Дѣло продовольствія было поставлено такъ: всѣ продукты для 6-го участка, въ районѣ котораго находились Сентемиры, закупались участковымъ попечительствомъ и хранились въ центральномъ складѣ, въ Куликовкѣ. Сентемиры были раздѣлены по приходамъ и въ каждомъ былъ назначенъ завѣдующій столовыми мулла. На обязанности этого муллы было своевременно заботиться о доставкѣ продуктовъ изъ Куликовки и ежедневная выдача ихъ пекарямъ. Что же касается чая, сахара, вина и прочихъ подобныхъ продуктовъ, то они всегда выдавались медицинскимъ персоналомъ.

Во избѣжаніе злоупотребленій и для большей увѣренности въ полученіи обѣдающими всего назначеннаго сполна, въ Сентемирахъ былъ заведенъ такой порядокъ: по доставкѣ изъ центральнаго склада, продукты принимались завѣдующимъ столовыми съ вѣсу и вносились въ книги. Въ столовыя продукты выдавались ежедневно, по числу обѣдающихъ, на слѣдующій день. За правильностью выдачи должны были слѣдить и удостовѣрять особые дежурные, назначаемые на каждый день изъ болѣе уважаемыхъ крестьянъ. Эти дежурные обязаны были присутствовать при пріемѣ провизіи изъ склада и, кромѣ того, должны были слѣдить и въ столовыхъ, какъ за приготовленіемъ пищи, такъ и за правильной раздачей порцій.

„Мнѣ,—пишетъ г. Яблонскій,—не пришлось раскаяваться въ этой отдачѣ дѣла продовольствія въ руки мѣстнаго (т.-е. татарскаго) населенія. Всѣ исполняли порученныя обязанности очень добросовѣстно и внимательно. А главное, населеніе относилось съ полнымъ довѣріемъ къ такому порядку и видѣло въ немъ полную гарантію отъ злоупотребленій. Обѣдающіе не разъ выражали (чему я былъ свидѣтель) благодарности пекарямъ и дежурнымъ за ихъ добросовѣстное отношеніе къ дѣлу. Поэтому, когда впослѣдствіи персоналъ мой увеличился, я уже не рѣшился мѣнять установленнаго порядка, усиливъ только нашъ контроль" [1]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 45.

Относительно экономическаго положенія татарскаго населенія д-ръ Яблонскій приводитъ въ своемъ отчетѣ цѣлый рядъ статистическихъ таблицъ, которыя не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что даже въ селеніяхъ экономически болѣе обезпеченныхъ благосостояніе жителей находится въ самомъ безотрадномъ, самомъ вопіющемъ положеніи. Такъ, напримѣръ, въ Старомъ-Сентемирѣ, сравнительно наиболѣе богатомъ изъ всѣхъ четырехъ селеній, 41% домохозяевъ не имѣютъ *никакихъ построекъ, кромѣ избы*. Семей, не имѣющихъ ни одной лошади, въ Сентемирахъ 26%, въ Верхнемъ-Сентемирѣ—41%. Двухъ лошадей и болѣе имѣютъ 26% домохозяевъ; при этомъ необходимо имѣть въ виду, что по мѣстнымъ условіямъ одной лошади для веденія хозяйства и обработки земли совершенно недостаточно.

При такомъ состояніи хозяйства населеніе не можетъ, конечно, имѣть сколько-нибудь достаточныхъ запасовъ хлѣба. И дѣйствительно, осенью 1898 года, какъ оказалось по изслѣдованію д-ра Яблонскаго, во всѣхъ четырехъ Сентемирахъ только 13% домохозяевъ имѣли болѣе 10 пудовъ хлѣба на семью. Особенно же въ тяжеломъ положеніи оказалось населеніе Средняго и Верхняго-Сентемира, среди котораго „59% *семей не имѣли ни зерна хлѣба*“. Къ этому нужно добавить огромную задолженность населенія казнѣ, земству и частнымъ лицамъ.

На основаніи подобнаго рода данныхъ д-ръ Яблонскій слѣдующими чертами обрисовываетъ современное состояніе хозяйства самарскаго крестьянина. „Экономическое положеніе крестьянъ,—пишетъ онъ въ своемъ отчетѣ,—настолько шатко, что малѣйшій толчокъ, малѣйшее несчастіе можетъ выбить его изъ колеи самостоятельнаго работника-хозяина. Надѣлы у большинства до того малы, что и въ урожайный годъ крестьяне перебиваются, какъ говорится, съ хлѣба на квасъ; стóитъ же только не уродиться хлѣбу, и нашъ мужикъ попадаетъ сразу въ безвыходное положеніе, изъ котораго безъ посторонней помощи уже не выберется. Не окажутъ ему этой помощи—остается умирать. Ничего нѣтъ поэтому удивительнаго, что нашу деревню ежегодно посѣщаютъ всевозможныя эпидеміи: не цынга, такъ—тифъ, не тифъ, такъ—скарлатина, оспа и т. д. И всѣ эти бѣдствія мужикъ переноситъ терпѣливо: валяется въ горячкѣ на сырой, грязной соломѣ, прикрытый тряпьемъ; питается при дизентеріи огурцами и капустой съ квасомъ и ржанымъ хлѣбомъ; умираетъ сотнями въ раннемъ дѣтствѣ отъ поносовъ и т. д.

„Только въ минуты самыхъ тяжелыхъ бѣдствій, въ годы неурожаевъ, къ нему приходятъ на помощь и правительство, и

частная благотворительность. Но вѣдь это палліативы. Вѣдь этой помощью только временно спасешь мужика отъ голодной смерти: все равно онъ, награжденный всякими послѣдствіями своего хроническаго недоѣданія и своего неблагодарнаго труда—катаррами, ломотами и другими недугами,—умреть раньше времени... Развѣ не ужасно такое положеніе"?.. [1])

III.

Какъ докторъ Яблонскій, такъ и его жена отзывались самымъ лучшимъ образомъ о дѣятельности ученицъ старшихъ курсовъ самарской фельдшерской школы, командированныхъ губернской земской управой въ помощь больнымъ, за недостаткомъ фельдшерицъ, окончившихъ полный курсъ. Особенно горячо, почти восторженно отзывались они объ ученицѣ той же школы, г-жѣ Ганъ, молодой дѣвушкѣ, жившей въ Сентемирахъ въ качествѣ фельдшерицы.

— Это—замѣчательная, рѣдкая дѣвушка! — говорила г-жа Яблонская.—Вотъ ужъ кто преданъ дѣлу всей душой... Нужно видѣть, какъ она обращается съ больными, какъ ухаживаетъ за ними!.. Ея мать—бѣдная женщина, вдова, у которой на рукахъ нѣсколько человѣкъ дѣтей, въ томъ числѣ обучающихся въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Эта почтенная женщина употребляетъ всѣ усилія для того, чтобы дать своимъ дѣтямъ возможность получить образованіе. И вотъ, наша барышня, г-жа Ганъ, желая оказать помощь своей матери, высылаетъ ей почти все, что она здѣсь получаетъ. Себѣ она оставляетъ лишь три рубля, на которые и живетъ здѣсь. Можете себѣ представить, какъ можно прожить мѣсяцъ на три рубля!.. И сколько мы ни уговаривали ее, сколько ни убѣждали, что это можетъ очень вредно отозваться на ея здоровьи,—она осталась непреклонной. Она совсѣмъ не думаетъ о себѣ, не думаетъ о томъ, придется ли ей поѣсть, удастся ли ей отдохнуть...

— И замѣтьте,—сказалъ докторъ Яблонскій,—что это при постоянной работѣ, а нерѣдко и при безсонныхъ ночахъ. Между тѣмъ, она совсѣмъ не отличается крѣпкимъ здоровьемъ, скорѣе—напротивъ: слабенькая, худенькая, маленькаго роста. Я все время боюсь, что она захвораетъ, заболѣетъ цынгой,—продолжалъ докторъ.—По моему мнѣнію, это неизбѣжно при такомъ переутомленіи съ одной стороны и при такомъ питаніи—съ другой.

---

[1]) „Врачебная хроника самарской губерніи" 1900 г., № 2, стр. 26 и 27.

— А что было въ началѣ!—воскликнула г-жа Яблонская.— Когда она только-что пріѣхала сюда, мы предложили ей свои услуги относительно прінсканія для нея квартиры на селѣ. Но она наотрѣзъ отказалась поселиться на отдѣльной квартирѣ, а рѣшила жить въ самой больницѣ, чтобы быть какъ можно ближе къ больнымъ, чтобы имѣть возможность ежеминутно помогать тяжело больнымъ. Мы, конечно, всячески отговаривали ее отъ этого, пугали ее, что она можетъ заразиться, но она осталась при своемъ рѣшеніи, и дѣйствительно поселилась въ одной изъ цынготныхъ больничекъ... Вы, разумѣется, знаете эти больнички, помѣщающіяся въ татарскихъ избахъ и нерѣдко состоящія изъ одной комнаты съ перегородкой... Ганъ помѣстилась за печкой, гдѣ устроила себѣ койку изъ досокъ. А тутъ же, рядомъ—женское отдѣленіе больницы, переполненное больными. Среди нихъ были и съ тяжелыми формами, было нѣсколько дѣтей... Конечно, дѣти плачутъ, кричатъ, больные стонутъ, но она какъ будто не тяготилась всѣмъ этимъ. Съ какой любовью, съ какой нѣжностью она начала ухаживать за всѣми больными! Какъ она нянчилась съ дѣтьми! Она ихъ мыла, стригла, причесывала, одѣвала въ чистое бѣлье, кормила... И знаете, чѣмъ все это кончилось?

— Конечно, она заболѣла?—сказалъ я.

— Да, она получила страшную чесотку... заразилась ею отъ больныхъ дѣтей. И только послѣ этого удалось, наконецъ, убѣдить ее покинуть больницу и поселиться на отдѣльной квартирѣ... Да, это удивительная, необыкновенная дѣвушка!—взволнованно закончила г-жа Яблонская.

Эти разсказы глубоко забирали за-сердце. Съ невольнымъ волненіемъ слушали мы сообщеніе о подвигахъ героической дѣвушки. Мы выразили желаніе, если можно, повидать г-жу Ганъ.

— Она теперь, навѣрное, въ какой-нибудь больницѣ или же обходитъ избы, навѣщая больныхъ,—сказалъ д-ръ Яблонскій.— Мы непремѣнно встрѣтимъ ее гдѣ-нибудь, когда поѣдемъ по больницамъ.

Во время этого разговора вдругъ съ улицы послышались колокольчики и бубенчики, и къ дому съ шумомъ подкатила тройка лошадей.

Черезъ нѣсколько минутъ въ комнату вошелъ уполномоченный общества Краснаго Креста, г. А., вмѣстѣ съ сестрой милосердія, молодой и высокой блондинкой. Онъ тотчасъ же познакомилъ насъ съ своей спутницей, сестрой милосердія, и при этомъ объяснилъ намъ, что, пользуясь праздниками, она захотѣла навѣстить свою знакомую, г-жу Д—ову, жившую, также въ

качествѣ сестры милосердія, въ одномъ изъ сосѣднихъ селъ, куда онъ и взялся подвезти ее.

Это уже былъ совсѣмъ другой типъ „сестры", сравнительно съ тѣми, которыхъ мнѣ приходилось видѣть до сихъ поръ. Здѣсь прежде всего чувствовалась „барышня", съ ея заботами о туалетѣ, о „красѣ ногтей", о стройности фигуры. Неправильныя черты лица въ значительной степени скрадывались хорошимъ цвѣтомъ кожи, густыми, эффектно причесанными волосами и большими, выразительными глазами, которыми она, видимо, умѣла искусно владѣть.

Г-нъ А. сообщилъ намъ въ то же время, что онъ только-что былъ въ Шлайской волости, самарскаго уѣзда, гдѣ цынга свирѣпствуетъ съ страшной силой среди татарскаго населенія. Особенно сильно поражено цынгой татарское село Нурлаты, въ которомъ зарегистрировано 887 человѣкъ больныхъ цынгой. Затѣмъ цынга сильно распространена въ Тюгальбугахъ, хотя тамъ давно уже работаетъ медицинскій отрядъ, снаряженный на средства фонъ-Вокано, владѣльца Жигулевскаго пивовареннаго завода.

Эти свѣдѣнія производили, разумѣется, крайне тяжелое впечатлѣніе на всѣхъ насъ... Около тысячи человѣкъ больныхъ въ одномъ селѣ! Тысяча человѣкъ, опухшихъ отъ изнуренія и голода!.. Цынга явно принимала характеръ огромнаго народнаго бѣдствія. Предъ всѣми невольно вставалъ тревожный вопросъ: что̀-то будетъ дальше?

— Слава Богу, что о тифѣ пока мало слышно,—замѣтилъ кто-то. — Сыпной тифъ появился въ бугульминскомъ уѣздѣ, въ участкѣ женщины-врача, г-жи Паевской. Затѣмъ въ бугурусланскомъ уѣздѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ довольно сильно распространенъ брюшной тифъ. Изъ другихъ же уѣздовъ пока нѣтъ свѣдѣній о тифѣ.

Разговоръ, между прочимъ, коснулся вопроса о заразительности цынги, причемъ г. А. выразилъ увѣренность, что цынга заразительна.

— У насъ въ Красномъ Крестѣ, — сказалъ онъ,—цынгой переболѣли: два студента, двѣ сестры милосердія и двѣ хожалки... Чѣмъ можно объяснить ихъ болѣзнь, какъ не заразой? Питались они, конечно, хорошо и вообще жили сравнительно въ благопріятныхъ условіяхъ.

Затѣмъ онъ разсказалъ о самоотверженномъ поступкѣ одной фельдшерицы, г-жи Березовской. Она работала тамъ же и заразилась, получивъ сыпной тифъ въ тяжелой формѣ, но какъ только ей удалось оправиться отъ опасной болѣзни, она тот-

часъ же снова вернулась на свой постъ, чтобы лечить больныхъ, ходить за ними, кормить голодныхъ.

Слѣдомъ за уполномоченнымъ Краснаго Креста подъѣхалъ самарскій врачебный инспекторъ Д. П. Борейша—въ форменномъ сюртукѣ со свѣтлыми пуговицами и петличками. Маленькая изба, занимаемая докторомъ Яблонскимъ, наполнилась гостями. Молодая хозяйка радушно угощала всѣхъ чаемъ и скромной деревенской закуской, состоявшей изъ яицъ, масла и сыра.

Выпивъ наскоро по стакану чая, мы отправились по больницамъ. Докторъ Яблонскій съ г. А. и г. Г—номъ помѣстились въ тарантасѣ, а я съ врачебнымъ инспекторомъ — усѣлся въ плетенкѣ.

Въ то время, какъ мы, подъѣхавъ къ ближайшей больницѣ, вылѣзали изъ экипажей, я замѣтилъ крестьянскую телѣгу, приближавшуюся къ больницѣ съ противоположной стороны. Въ ней сидѣла дѣвушка въ свѣтломъ платьѣ и бѣломъ платкѣ на головѣ, игравшемъ, очевидно, роль шляпки и въ то же время зонтика. Легко соскочивъ съ телѣги, дѣвушка направилась къ доктору Яблонскому, держа въ одной рукѣ мѣшокъ, а въ другой—какую-то тетрадь.

— По обыкновенію, въ полномъ вооруженіи,—добродушно замѣтилъ докторъ Яблонскій, здороваясь съ пріѣхавшей:—съ лекарствами, термометромъ и дневникомъ!.. Господа!—прибавилъ онъ, обращаясь къ намъ:—позвольте вамъ представить О. Ю. Ганъ.

Предъ нами стояла молоденькая дѣвушка, лѣтъ восемнадцати, небольшого роста, брюнетка, съ блѣднымъ лицомъ и большими темными глазами, смотрѣвшими внимательно и грустно.

Съ глубокимъ уваженіемъ пожалъ я худенькую руку этой маленькой героини.

— Вотъ барышня, которая наканунѣ цынги,—сказалъ, обращаясь къ намъ, докторъ Яблонскій.

Тутъ всѣ мы заговорили разомъ, адресуясь къ „барышнѣ".

— Да, да, чего добраго!—говорилъ одинъ:—цынга шутить не любитъ.

— Вамъ необходимо обратить вниманіе на собственное питаніе,—внушательно совѣтовалъ другой.

— Вы слишкомъ рискуете своимъ здоровьемъ,—предупреждалъ третій.—Всякое переутомленіе крайне вредно отражается на организмѣ... особенно при тѣхъ условіяхъ, которыя окружаютъ васъ здѣсь.

Молодая дѣвушка, кидая на насъ смущенные взгляды, застѣнчиво объясняла, что она не отказываетъ себѣ ни въ чемъ

необходимомъ, что работа ее не утомляетъ, что она питается „какъ слѣдуетъ".

Выслушавъ эти объясненія, докторъ Яблонскій только махнулъ рукой.

Вспомнивъ, что у меня въ сакъ-вояжѣ была бутылка хорошаго портвейна, захваченная мной на всякій случай, я поспѣшилъ достать ее и, извинившись, обратился къ г-жѣ Ганъ съ убѣдительной просьбой взять это вино, такъ какъ оно можетъ быть полезно ей при ея работѣ и томъ образѣ жизни, который ей приходится вести здѣсь.

Г-жа Ганъ съ недоумѣніемъ смотрѣла на меня, не рѣшаясь взять вино.

Всѣ пріѣзжіе поспѣшили поддержать меня.

— Пожалуйста, берите, берите это вино... Это очень полезно, это необходимо для васъ...

Она колебалась. Но затѣмъ, очевидно, уступая общимъ просьбамъ, взяла бутылку, спрятала ее въ свой мѣшокъ съ медикаментами и, кивнувъ головой, проговорила: „Благодарю васъ".

Д-ръ Яблонскій, стоя въ сторонѣ и смотря на эту сцену, какъ-то загадочно улыбался.

— Готовъ держать пари, господа,—увѣренно проговорилъ онъ,—что это вино немедленно же окажется у цынготныхъ больныхъ... Я знаю это по многимъ опытамъ.

Г-жа Ганъ бросила на него взглядъ, въ которомъ чувствовалась укоризна за то, что онъ такъ скоро разгадалъ и такъ измѣннически выдалъ ея тайный замыселъ.

Тогда снова всѣ заговорили и запротестовали:

— Нѣтъ, нѣтъ, вы не должны этого дѣлать!.. отнюдь не должны... Вы непремѣнно сами должны пить это вино... Слышите!.. Это вамъ необходимо, иначе вы заболѣете.

Она, улыбаясь, кивала головой, въ то время какъ въ ея глазахъ по прежнему свѣтилась тихая грусть.

IV.

Мы входимъ въ женскую цынготную больничку. Обычная обстановка: довольно просторная крестьянская изба съ широкими татарскими нарами вдоль стѣнъ. Нары унизаны лежащими на нихъ женщинами и дѣтьми разныхъ возрастовъ. При нашемъ входѣ нѣкоторыя изъ больныхъ пытаются сѣсть, другія стараются прикрыть свое лицо, но бо̀льшая часть лежитъ неподвижно, точно окаменѣвъ отъ изнуренія и боли.

Докторъ Яблонскій обращаетъ наше вниманіе на цѣлую семью, пораженную цынгой.

Ужасный видъ имѣетъ женщина, съ распухшимъ отъ цынги лицомъ, съ тѣломъ, покрытымъ отеками. Но еще болѣе ужасенъ лежащій рядомъ съ нею ея пятилѣтній ребенокъ, страдающій воспаленіемъ спинного мозга и въ то же время обезображенный цынгой. Тутъ же рядомъ лежатъ и другія дѣти разныхъ возрастовъ, но всѣ одинаково блѣдныя, безкровныя, истощенныя и опухшія...

Нѣтъ, у докторовъ, очевидно, болѣе крѣпкіе, болѣе привычные и закаленные нервы, чѣмъ у насъ, обыкновенныхъ смертныхъ, не принадлежащихъ къ этой почтенной корпораціи. Вотъ, они подошли къ только-что упомянутой мною группѣ больныхъ и начинаютъ внимательно ощупывать худыя и дряблыя тѣла дѣтей, покрытыя опухолями и отеками.

Но намъ, простымъ смертнымъ, не привыкшимъ къ созерцанію человѣческихъ страданій въ такихъ яркихъ, кричащихъ формахъ и притомъ въ такихъ огромныхъ дозахъ,—рѣшительно не подъ силу подобныя зрѣлища. Къ тому же видъ больныхъ, страдающихъ дѣтей-крошекъ—всегда невыносимо-тяжелъ. Но еще болѣе удручающимъ образомъ дѣйствуетъ на насъ, конечно, видъ дѣтей, заморенныхъ долгимъ голоданіемъ, дѣтей, у которыхъ голодъ отнялъ ихъ свѣжесть, ихъ живость, которыхъ онъ изуродовалъ и приковалъ къ постели... Бѣдныя, несчастныя дѣтки!..

Чувствуя на себѣ неподвижно устремленные дѣтскіе взгляды, въ которыхъ свѣтится нѣмая жалоба и въ то же время какъ бы мольба о помощи, вы невольно начинаете терять присутствіе духа, начинаете задыхаться, такъ какъ слезы неудержимо навертываются на глазахъ, рыданія подступаютъ къ горлу и нѣтъ силъ побороть ихъ. Вы близки къ истерикѣ и, чтобы предупредить ея взрывъ, спѣшите выбѣжать изъ избы...

Черезъ какіе-нибудь полчаса времени врачи направляются въ другую больницу. Кое-какъ оправившись и успокоившись, вы также идете слѣдомъ за ними, хотя и знаете, что тамъ васъ ждутъ тѣ же гнетущія впечатлѣнія, которыя такъ невозможно взвинтили и расхлябали ваши нервы.

Въ одной изъ больницъ мнѣ, между прочимъ, удалось видѣть г-жу Ганъ на самой работѣ. Она смазывала іодомъ во рту больныхъ цынгой, забинтовывала ноги, на которыхъ виднѣлись язвы, массажировала опухоли и т. д. При этомъ она разспрашивала больныхъ, на половину по-татарски, на половину по-русски, о состояніи ихъ здоровья, объ аппетитѣ и проч. Чуть ли не всѣхъ

больныхъ она знала по имени,—очевидно, знала даже ихъ семьи, такъ какъ сообщала больнымъ свѣдѣнія о ихъ родичахъ, которыхъ она навѣщала при обходѣ крестьянскихъ избъ.

Я видѣлъ, какъ прояснялись лица больныхъ, когда къ нимъ подходила молодая фельдшерица. Я видѣлъ, какъ охотно, съ какимъ полнымъ довѣріемъ предоставляли они ей свои распухшія дёсны, свои сведенныя ноги, свои опухоли и болячки. Во взглядахъ, которыми они слѣдили за движеніями молодой дѣвушки, свѣтилось такое глубокое чувство благодарности и привязанности!

Это отношеніе чувствовалось и сказывалось во всемъ: очевидно, оно отражалось и на самой г-жѣ Ганъ, вызывая въ ней извѣстное чувство нравственнаго удовлетворенія. Она подходила къ нарамъ съ бодрымъ, веселымъ видомъ, который успокоительно и ободряюще дѣйствовалъ на больныхъ. Дѣти-татарченки старались протиснуться къ ней. Болѣе здоровые малыши заигрывали съ ней, ловили ее за руки, заглядывали ей въ глаза, что-то лепетали, улыбались и хихикали...

Здѣсь я позволю себѣ сдѣлать маленькое отступленіе, такъ какъ мнѣ хочется разсказать еще объ одной встрѣчѣ съ г-жей Ганъ,—встрѣчѣ, происшедшей въ Самарѣ, спустя годъ послѣ перваго моего знакомства съ нею въ Сентемирахъ. Это было какъ разъ въ то время, когда въ Самарѣ вдругъ обнаружено было нѣсколько случаевъ заболѣванія какой-то въ высшей степени серьезной, опасной и въ то же время загадочной болѣзнью. Случаи закончились смертью, которая наступила очень быстро. Мѣстные врачи, во главѣ съ земскимъ прозекторомъ, докторомъ медицины, г. К., признали болѣзнь за чуму,—настоящую азіатскую чуму.

Началась ужасная горячка. Изъ Петербурга по телеграфу получались строжайшія предписанія относительно немедленнаго принятія самыхъ рѣшительныхъ мѣръ. Между прочимъ, было предписано тотчасъ же изолировать самымъ тщательнымъ образомъ губернскую земскую больницу, въ которой умерли больные чумой, а также тѣ дома, въ которыхъ они жили передъ самой болѣзнью. Организовался особый комитетъ изъ представителей администраціи, города и земства для борьбы съ грозной эпидеміей.

Ожидался пріѣздъ предсѣдателя Высочайше учрежденной чумной коммиссіи, принца Ольденбургскаго, о необыкновенной энергіи котораго разсказывали цѣлыя легенды. Подъ вліяніемъ этихъ разсказовъ, представители губернской власти вдругъ воспрянули, утративъ свое олимпійское спокойствіе и китайскую неподвиж-

ность, засуетились, забывъ даже о послѣобѣденномъ снѣ, винтѣ и „Гражданинѣ“. О страшной заразительности азіатской гостьи, о ея смертоносности передавались безчисленные разсказы—одинъ другого ужаснѣе.

Паника все сильнѣе и сильнѣе овладѣвала обществомъ. Говорили о строжайшемъ карантинѣ, который, вотъ-вотъ, долженъ учредиться надъ Самарой. Многіе серьезно подумывали о бѣгствѣ изъ зачумленнаго города. Губернская управа работала, что называется, не покладая рукъ. Засѣданія, совѣщанія, комитеты слѣдовали одинъ за другимъ. Между прочимъ, земству предстояло организовать нѣсколько отрядовъ изъ врачей, фельдшерицъ и санитаровъ, на случай появленія страшной гостьи въ томъ или другомъ пунктѣ губерніи.

Въ пріемной губернской управы почти всегда толпился разный народъ—искатели мѣстъ, занятій, стипендій, подрядовъ и т. д. Войдя однажды въ эту пріемную (я служилъ тогда секретаремъ самарской губернской земской управы), въ числѣ разныхъ посѣтителей я замѣтилъ молодую дѣвушку, небольшого роста, одѣтую во все темное. Она скромно сидѣла на стулѣ, въ уголкѣ, въ ожиданіи очереди. Лицо и фигура показались мнѣ знакомыми, но по близорукости я не сразу узналъ. Гдѣ-то я видѣлъ эти грустные глаза,—подумалось мнѣ въ то время, какъ я проходилъ мимо. Но, вотъ, барышня поднимается со стула и направляется ко мнѣ. Сцена въ Сентемирахъ предъ цынготной больницей вдругъ ярко всплыла въ моей памяти... Это была г-жа Ганъ.

— Здравствуйте!—сказалъ я.—Очень радъ васъ видѣть... Вы имѣете какое-нибудь дѣло въ управѣ?

— У меня просьба... большая... Правда ли, что управа вызываетъ фельдшерицъ на эпидемію?—спросила она.

— Да, правда,—отвѣтилъ я.—Почему это васъ интересуетъ?

— Я желала бы поступить фельдшерицей и отправиться на эту эпидемію.

— А вы знаете, что это за эпидемія?—спросилъ я.

— Да, знаю,—спокойно отвѣчала дѣвушка.

Я замѣтилъ, какъ присутствовавшіе при этомъ разговорѣ посѣтители поглядѣли на отважную барышню и многозначительно переглянулись между собой.

— Врачи констатировали чуму,—продолжалъ я.

— Да, я слышала.

Мнѣ подумалось, что, быть можетъ, она недостаточно уяснила себѣ предстоящую ей огромную опасность.

— И вы... не боитесь?—спросилъ я.

Она отрицательно покачала головой.

— Долженъ же кто-нибудь помогать больнымъ,—просто сказала она. И затѣмъ добавила:—особенно въ такой болѣзни.— Въ этихъ немногихъ словахъ слышалось убѣжденіе, исходившее несомнѣнно изъ глубины души.

Мы помолчали.—Да это не то, что цынга,—еще разъ попытался-было я запугать смѣлую барышню.

Она какъ-то снисходительно улыбнулась и проговорила:

— Я знаю.—И тутъ же обратилась ко мнѣ съ просьбою передать предсѣдателю губернской управы о ея непремѣнномъ желаніи отправиться на эпидемію.

Я обѣщалъ ей, причемъ выразилъ увѣренность, что просьба ея навѣрное будетъ удовлетворена, тѣмъ болѣе, что желающихъ отправиться на чуму пока очень мало; между тѣмъ земство не можетъ, конечно, не принять во вниманіе ея дѣятельности въ области цынги.

— Благодарю васъ,—проговорила она, какъ нельзя болѣе довольная, и протянула мнѣ руку.

Лицо ея вдругъ оживилось, свѣтившееся въ глазахъ грустное чувство исчезло, она кивнула мнѣ головой, и легкой, быстрой походкой направилась къ выходу.

Помню, какими изумленными взглядами проводили молодую дѣвушку присутствовавшіе при этой сценѣ разные чуйки и поддевки, и какъ одинъ изъ нихъ, покачавъ головой, сказалъ:

— Ну, и смѣлая же барышня!.. На рѣдкость... Чумы, вишь, и той не страшится...

— Храбрая!—убѣжденнымъ тономъ и съ явнымъ одобреніемъ произнесъ какой-то усатый пиджакъ, и многозначительно добавилъ:—Отважная барышня!..

Видимо, они и не подозрѣвали о существованіи такихъ „храбрыхъ“ барышенъ, такихъ „смѣлыхъ“ молодыхъ людей, которые всегда готовы явиться на помощь бѣднымъ въ самыя трудныя и тяжелыя для нихъ минуты и которые не остановятся ни передъ какой жертвой, ни предъ какой опасностью.

А. Пругавинъ.

ДРУЗЬЯ ДѢТСТВА

РАЗСКАЗЪ.

I.

— Валерьянъ? Да никакъ это ты? Стой, братъ, не бѣги, такъ нельзя... Аль ужъ старыхъ пріятелей не узнаешь?

Я остановился. Передо мной стоялъ низенькій человѣкъ лѣтъ тридцати-пяти, съ широкими, крѣпкими плечами, на которыхъ твердо сидѣла большая, косматая голова, и съ темнымъ, обгорѣвшимъ отъ солнца лицомъ, украшеннымъ щетинистыми, колючими усами. Желтые глаза его, усѣянные черными крапинками, смотрѣли сумрачно и въ то же время добродушно; подъ усами пряталась немножко насмѣшливая улыбка. Онъ былъ въ синей, засаленной блузѣ, безъ пояса, въ триковыхъ сѣрыхъ штанахъ съ заплатами на колѣнкахъ и въ бурской бѣлой шляпѣ, отъ времени давно потерявшей свой первоначальный цвѣтъ. Изъ коротвихъ рукавовъ блузы торчали громадныя волосатыя ручищи съ неуклюжими, толстыми пальцами и уродливо ростущими ногтями; онѣ были покрыты густымъ слоемъ копоти и носили на себѣ многочисленные слѣды старинныхъ ожоговъ и ранъ. Я силился припомнить, гдѣ я видѣлъ это бронзовое лицо и эти горячіе глаза съ сумрачно-добродушнымъ взглядомъ, и какіе-то блѣдные образы изъ давно прошедшихъ временъ тихо всплывали въ моей памяти.

— Васька?..—вымолвилъ, наконецъ, я нерѣшительно.

Человѣкъ въ синей блузѣ усмѣхнулся, показавъ два ряда крѣпкихъ, почернѣвшихъ отъ табаку зубовъ.

— Ага, то-то и есть, что онъ самый! Погибалъ—и воскресъ; пропадалъ—и нашелся; былъ въ такихъ трясинахъ, куда и черти не лазятъ, а все-таки вотъ онъ—я, Васка Дукачевъ, какъ былъ, такъ и остался...

И, снявъ свою бурскую шляпу, онъ протянулъ мнѣ руку, желѣзное пожатіе которой сразу привело мои мысли въ надлежащій порядокъ.

Васька Дукачевъ... Ну, конечно, онъ самый! Еслибы я еще и сомнѣвался въ этомъ сколько-нибудь, то эта четырехугольная голова, покрытая жесткими, торчащими и кверху, и во всѣ стороны вихрами темно-рыжихъ волосъ, и эти желтые глаза, за которые мы, въ дѣтствѣ, называли его—„тигра африканская" и въ которыхъ всегда горѣлъ неугасимый огонь бурныхъ страстей и желаній,—всѣ эти „особыя примѣты" могли бы окончательно разсѣять мои сомнѣнія. Я сейчасъ же вспомнилъ далекое дѣтство, кривыя, немощеныя улицы Бугаёвки, поросшія травой у заборовъ, крикливую толпу ребятишекъ, и среди нихъ—маленькаго, головастаго, косматаго, похожаго на дикаго звѣреныша мальчишку, который, взгромоздившись на полѣнницу дровъ, злорадно кричалъ по моему адресу: „баринъ, баринъ, бариндокъ, дохлу кошку уволокъ!" или: „баринъ, баринъ, портки спарилъ!" А я въ это время, едва удерживаясь отъ слезъ, изо всѣхъ силъ стараюсь сохранить свое достоинство, и хотя оскорбленъ до глубины души, но все-таки чувствую, что этотъ дикій звѣренышъ мнѣ ужасно нравится, и я дорого бы далъ за то, чтобы вмѣстѣ съ нимъ рыться на улицахъ въ кучахъ навоза, пускать въ поднебесье змѣя съ трещоткой, бѣгать въ Дюковскій садъ и вообще вести ту же таинственную, но привлекательную для меня именно этой своею таинственностью жизнь, которую ведетъ мой обидчикъ. Но увы!—насъ раздѣляетъ глубокая пропасть, и я это хорошо сознаю, потому что объ этомъ мнѣ каждый день на всѣ лады твердятъ и мама, и няня, и кучеръ, и всѣ... Я—сынъ богатаго коммерсанта, а Васькинъ отецъ ни болѣе, ни менѣе, какъ грузчикъ или носильщикъ. Мой папаша ведетъ тысячныя дѣла, имѣетъ хлѣбные амбары, живетъ въ домѣ съ зеркальными окнами, ѣздитъ въ фаэтонѣ, распоряжается цѣлою толпою служащихъ, а Васькинъ отецъ, согнувшись въ три погибели, съ утра до вечера таскаетъ на своей спинѣ громадныя тяжести, ѣстъ картошку съ лукомъ и каждое воскресенье напивается пьянъ, горланитъ безобразныя пѣсни и колотитъ стекла въ своемъ домишкѣ, похожемъ на гнилой грибъ. У меня есть бонна-француженка, и одѣваютъ меня какъ модную картинку. А Васька

бѣгаетъ босикомъ, и вмѣсто бонны у него есть длинная хворостина, которою его хлещутъ иногда за шалости. Однимъ словомъ, я—барчукъ, высшее существо, созданное для того только, чтобы жить и наслаждаться жизнью, а Васька—мужикъ, невѣжа, что-то въ родѣ скота, предназначеннаго природой исключительно для грубой и грязной работы. И вотъ теперь, черезъ много лѣтъ, этотъ же самый Васька опять стоитъ передо мною, и, судя по внѣшнему виду, насъ по прежнему раздѣляетъ глубокая пропасть...

— А что̀, хорошъ молодецъ? — произнесъ Васька, щурясь на меня и посмѣиваясь.—Небось, еслибы въ Карантинной слободкѣ этакій джентльменъ, да особенно вечеркомъ, на встрѣчу попался,—пожалуй, и душа бы въ пятки спряталась, а?

— Ну!—возразилъ я.

— Не „ну“, а вѣрно! Наружность неутѣшительная. А что̀ же ты думаешь, братъ, бывало всего, врать нечего! И съ „Карантинкой“ знакомъ довольно, даже на короткую ногу.

— Ну, а теперь?—спросилъ я.

— Теперь мое дѣло на поправку пошло,—говорю: воскресъ! На макаронной фабрикѣ машинистомъ служу, шестьдесятъ цѣлковыхъ въ мѣсяцъ получаю. Ловко? Обсѣмениться думаю. Бугаёвку-то помнишь, небось? Ну, такъ вотъ, тамъ мнѣ хорошую невѣсту сватаютъ. Триста рублей деньгами, двухспальная кровать, перина, подушки, не говоря уже о прочихъ женскихъ причендалахъ. Вотъ женюсь, и тогда ужъ окончательно корни въ землю пущу. Будетъ, помытарствовалъ!

Онъ засмѣялся и, прищурившись, осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы, начиная отъ желтыхъ модныхъ ботинокъ съ пуговками и кончая элегантной, заграничной шляпой, пріобрѣтенной въ одномъ изъ лучшихъ мюнхенскихъ магазиновъ.

— А ты, другъ-Валерьяша, чай, все въ гору ползешь? — спросилъ онъ.—Небось, гдѣ-нибудь тысячъ пять отхватываешь, а?

— Нѣтъ, я нигдѣ не служу. Я—писатель.

— Писа-атель?—недовѣрчиво протянулъ Васька. — Чтой-то, я твоей фамиліи въ газетахъ не встрѣчалъ. Гдѣ же ты пишешь?

— Больше въ журналахъ, но пишу и въ газетахъ.

Тигровые глаза Васьки блеснули.

— Ну? Ежели не врешь,—это ловко! — съ оживленіемъ воскликнулъ онъ.—Это намъ съ тобой, братъ, потолковать надо. Я бы тебѣ поразсказалъ кое-что... Эхъ, Валерьянъ Борисычъ, притѣсняютъ нашего брата—тружениковъ! А куда ни сунься,

нигдѣ правды не найдешь. Вотъ я тебѣ разскажу когда-нибудь на досугѣ... Да ты что,—живешь здѣсь, или такъ, наѣздомъ?

— Наѣздомъ. За границей былъ, а теперь, вотъ, завернулъ сюда, старое пепелище посмотрѣть. Нѣсколько дней проживу.

— Гдѣ остановился?

— Въ гостинницѣ „Бристоль".

— Ого, съ шикомъ! Стало быть, и у писателей деньга водится! Ну, такъ вотъ что: я къ тебѣ какъ-нибудь зайду,—чай, не прогонишь, по старой памяти.

— Что ты, Василій Андреичъ, напротивъ, радъ буду!

— Ну, радъ, не радъ, а гостя жди. А теперь мнѣ домой надо. Ты *тудою* идешь или *сюдою?* (Васька, какъ истый, коренной одесситъ, такъ выговаривалъ слова: туда и сюда). Тудою? Ну, а я сюдою. Прощай, офъ-видерзейнъ, то-есть, по русскому, до пріятнаго свиданія. А можетъ, и ты ко мнѣ завернешь? Я живу на Старопортофранковской, домъ номеръ сто-третій!

II.

Онъ удалился своей тяжелой, самоувѣренной походкой, заложивъ руки въ карманы засаленныхъ брюкъ и посвистывая, а я пошелъ къ себѣ, размышляя объ этой неожиданной встрѣчѣ, разбудившей во мнѣ столько воспоминаній изъ далекаго прошлаго.

Мы познакомились съ Васькой значительно позже, когда я уже ходилъ въ гимназію, а онъ—въ приходское училище. Сначала мы враждовали съ нимъ, и при встрѣчахъ на улицѣ обмѣнивались язвительными замѣчаніями, а иногда и зуботычинами. Но потомъ, не помню ужъ хорошенько, при какихъ обстоятельствахъ, между нами завязались дружескія отношенія, и однажды Васька увлекъ меня на берегъ моря, гдѣ мы съ нимъ провели цѣлый день среди матросовъ, носильщиковъ, тюковъ съ товарами, визжанія лебедки и адской суеты. Здѣсь я въ первый разъ увидѣлъ толпу грязныхъ, оборванныхъ людей, съ черными, угрюмыми лицами, недобрымъ блескомъ въ глубоко-запавшихъ глазахъ и невѣроятно-широкими спинами, какъ бы нарочно созданными для того, чтобы переносить на нихъ невѣроятныя тяжести. Ихъ было много, страшно много,—цѣлая армія,—и каждый членъ этой арміи съ точностью машины исполнялъ свое дѣло, перетаскивая исполинскіе тюки съ берега на пароходъ и обратно. Мѣшки съ пшеницей одинъ за другимъ исчезали въ

черной утробѣ пароходовъ; цементъ въ боченкахъ, сахаръ, рыба, селитра, сѣра изъ Сициліи, фрукты, хлопчатая бумага, мебель— все это шло туда же, но ненасытныя чудовища съ хриплымъ ревомъ требовали еще и еще, и грязные люди, широко раскрывъ рты, обливаясь пôтомъ и осторожно переступая со ступеньки на ступеньку трясущимися ногами, носили, носили, носили безъ конца...

— А вонъ мой батька!—сказалъ вдругъ Васька, указывая на кого-то въ толпѣ.

Но я былъ такъ оглушенъ грохотомъ цѣпей, сиплымъ воемъ пароходныхъ свистковъ, лязгомъ желѣза, криками людей, ржаньемъ лошадей, что никого не могъ различить въ однородной, сѣрой толпѣ, наводнявшей пристань. Голова у меня кружилась отъ запаха гари, человѣческаго пота, ворвани, селедокъ, и всѣ люди вообще мнѣ казались похожими другъ на друга, а въ частности— на какихъ-то странныхъ двуногихъ верблюдовъ.

— Мой батька страсть сильный!—съ гордостью продолжалъ Васька. — Онъ одинъ двадцать пудовъ подымать можетъ! Вотъ, одинъ разъ, повозка съ пшеницей посередь улицы въ грязи завязла,—такъ батька мой взялъ ее за задокъ и выручилъ изъ грязи.

Я ничего не сказалъ, но посмотрѣлъ съ нѣкоторымъ страхомъ на всѣхъ этихъ людей, которые, казалось мнѣ, были такъ сильны и такъ ихъ было много, что они могли бы, еслибы захотѣли, взять за задокъ весь шаръ земной и выдернуть его изъ вселенной, какъ рѣдьку изъ грядки.

Когда носильщикамъ дали передышку, мы нашли Васькина отца среди груды тюковъ и вмѣстѣ съ нимъ вкусно пообѣдали парой помидоровъ съ громаднымъ кускомъ сѣраго, ноздреватаго хлѣба, о существованіи котораго я до сихъ поръ совершенно не подозрѣвалъ. Я увѣренъ, что еслибы моя мать узнала, что я ѣлъ такой хлѣбъ, съ нею навѣрное сдѣлалось бы дурно, но я былъ остороженъ и, возвратившись вечеромъ домой, никому не сказалъ ни слова о своихъ похожденіяхъ. Меня жестоко наказали за самовольную отлучку и строго-нà-строго запретили безъ спроса уходить изъ дома, но я уже былъ отравленъ Васькинымъ ядомъ и не могъ больше примиряться съ скучною благопристойностью и благолѣпіемъ нашего train de maison, какъ выражалась моя бонна-француженка.

Меня тянуло къ Васькѣ, какъ бабочку на огонь, и какъ только я могъ незамѣтно удрать изъ дома, такъ сейчасъ же мчался къ своему новому другу, въ міръ свободы и жуткихъ

впечатлѣній настоящей жизни. Вмѣстѣ съ нимъ мы проводили цѣлые часы среди береговыхъ рабочихъ, вмѣстѣ встрѣчали и провожали иностранные корабли, мечтая когда-нибудь уплыть въ Америку, вмѣстѣ зачитывались романами Купера и Густава Эмара, а иногда даже, потихоньку, совершали путешествія на лодкѣ или пробирались въ Дюковскій садъ, гдѣ, подъ тощими деревьями, строили себѣ вигвамы и воображали себя храбрыми и мужественными краснокожими. Однажды Васька досталъ гдѣ-то бурой краски, и мы съ нимъ, для полной иллюзіи, выкрасились ею съ ногъ до головы, за что меня продержали цѣлую недѣлю на хлѣбѣ и водѣ и каждый день отмывали въ горячей ваннѣ. Но, несмотря на эти маленькія встрёпки, до сихъ поръ съ удовольствіемъ вспоминаю то время, и иногда мнѣ кажется, что я дѣйствительно былъ когда-то краснокожимъ и велъ дикую жизнь въ пустыняхъ и лѣсахъ сказочной Америки.

Когда я перешелъ въ старшіе классы, судьба снова насъ разъединила. Я вдругъ сразу какъ-то выросъ, забросилъ Купера и мечты объ Америкѣ, началъ увлекаться литературой и живописью, а Васька, кончивъ курсъ въ своемъ училищѣ, поступилъ въ желѣзно-дорожныя мастерскія и уже заработывалъ свой собственный хлѣбъ. Мы встрѣчались съ нимъ рѣдко, а если и встрѣчались, то намъ уже не о чемъ было говорить. Я въ то время писалъ стихи въ романтическомъ родѣ и мечталъ о славѣ, а Васька толковалъ о какихъ-то винтахъ, гайкахъ, притѣсненіяхъ и тому подобныхъ скучныхъ вещахъ. Между нами снова разверзлась глубокая пропасть, и мнѣ казалось, что я стою на страшной высотѣ, гдѣ паритъ свободная и безстрастная мысль, а Васька ползаетъ гдѣ-то тамъ внизу, среди человѣкообразныхъ обезьянъ, свирѣпо рвущихъ другъ друга за горло изъ-за куска сѣраго, ноздреватаго хлѣба. Однажды я встрѣтилъ Ваську подвыпившимъ, съ гармоникой въ рукахъ и въ странно-возбужденномъ состояніи. Онъ пѣлъ какую-то скверную пѣсню, ругался скверными словами и, увидавъ меня, пронзительно засвисталъ и загородилъ мнѣ дорогу. Я съ брезгливымъ чувствомъ отстранился.

— Ого-го-го!—загоготалъ Васька, замѣтивъ мое движеніе.— Что, Валерьяша, рыло воротишь, а? Не хорошо пахнетъ? Вотъ она, дружба-то собачья... Былъ Васька хорошъ, а теперь Васька не гожъ! То съ Васькой за ручку, а то Ваську носомъ въ кучу! Эхъ ты, ляля... лайковая твоя душа!

— Что̀ это съ тобой, Василій?—спросилъ я, стараясь сохранить благородное спокойствіе.

— Что? Ничего... Гуляю! Нынче мой батька померъ!

Образъ коренастаго богатыря, такъ добродушно угощавшаго меня когда-то помидорами и ноздреватымъ хлѣбомъ, всплылъ въ моей памяти, и я на минуту спустился съ своей романтической высоты въ смрадную юдоль человѣкообразныхъ обезьянъ.

— Умеръ?—воскликнулъ я, пораженный.—Какъ-такъ? Отчего? Такой силачъ!

Васька свистнулъ и дѣланно захохоталъ.

— Тю-тю, братъ... Былъ силачъ, а теперь и на дрова не годится... Надорвался... пшеницей задавило. Помрѐ на больничной койкѣ для благоденствія человѣчества. Ахъ, вы...

Онъ страшно выругался, потомъ вдругъ взвылъ какъ-то не по-человѣчески, неистово рванулъ гармонику и, раскачиваясь, побрелъ отъ меня прочь. Я долго еще слышалъ позади себя похоронный плачъ раздираемой гармоники, но назадъ больше не оглядывался и, признаюсь, даже ускорилъ шагъ, чтобы избѣжать новаго столкновенія съ пьянымъ и озлобленнымъ Васькой. Въ душѣ моей было только чувство брезгливаго сожалѣнія,—больше ничего.

Вскорѣ я уѣхалъ въ Москву и поступилъ въ университетъ,—пути наши разошлись окончательно. Прошло два года. Разъ лѣтомъ я бродилъ съ фотографическимъ аппаратомъ по Ланжерону, вдругъ вижу на пескѣ, у самаго прибоя, знакомую фигуру съ темнорыжими кудрями, на которыя небрежно была надвинута жокейская шапочка. Васька лежалъ на животѣ, подперши голову обѣими руками, и въ его желтыхъ глазахъ, устремленныхъ на море, было столько страстной тоски и муки, что я невольно остановился.

— Василій, да это ты?—окликнулъ я его.

Онъ не сразу меня узналъ, а когда узналъ, то сейчасъ же выраженіе тоски въ его глазахъ смѣнилось холодностью и насмѣшкой.

— А, студентъ! Наше вамъ съ подковыркой! Какъ поживать изволите?

Я къ нему подсѣлъ, предложилъ ему папиросу, и мало-помалу мы разговорились. Васька смягчился, потеплѣлъ и измѣнилъ свой искусственно-ухарскій тонъ на болѣе искренній и задушевный.

— Да, братъ-Валерьянъ, вонъ ты куда пошелъ!—задумчиво сказалъ онъ, когда, я разсказалъ ему кое-что о себѣ.—Тебѣ хорошо, у батьки денегъ много,—катись себѣ прямо, словно писанка по лубку,—еще въ какіе люди выйдешь! А вотъ нашему

брату, рабочему человѣку, самъ сатана въ пятки гвозди вколачиваетъ. Ткнись направо—заборъ; ткнись налѣво—канава, а впередъ пошелъ—тамъ либо кабакъ, либо тюрьма. Такъ вотъ и качайся во всѣ стороны, какъ котъ на веревкѣ!

— А чтò, развѣ плохо живется?—спросилъ я.

Вмѣсто отвѣта Васька крѣпко выругался. Потомъ, поглядѣвъ на море, которое тоскливо шумѣло и билось въ каменистые берега, онъ сказалъ:

— Какая моя жизнь? Самая подлая жизнь, собачья! Тикать хочу.

— Куда?

— А чортъ меня знаетъ куда! Все равно, куда-нибудь. Нѣту мнѣ здѣсь покою! Вонъ, погляди на море, чего оно хочетъ? Стало быть, тоже тѣсно ему, простору мало, вотъ оно и безпокоится, и скулитъ день-деньской, ночь-ноченскую... Кинется на берегъ,—анъ, здѣсь камни лежатъ, ходу нѣту, опять назадъ подавайся. У, подлые этакіе, черти безмозглые, такъ бы и расшвырялъ куда ни попадя,—всю дорогу загородили!

Онъ привсталъ, схватилъ голышъ и изо всѣхъ силъ швырнулъ его въ груду камней; голышъ тупо ударился въ нихъ, отскочилъ и съ легкимъ шорохомъ покатился въ море. Васька проводилъ его глазами и вздохнулъ.

— Вотъ и я также...—проговорилъ онъ.—Бьюсь-бьюсь, а ходу мнѣ нѣтъ,—вездѣ камни навалены. Вотъ мнѣ ужъ тридцать лѣтъ, а я еще ничего не видалъ, ничего не знаю, сижу, какъ слѣпень въ норѣ... Это жизнь что-ль?

Онъ сѣлъ, обхватилъ колѣнки руками и, устремивъ на море взглядъ, въ которомъ загоралось что-то горячее, безпокойное, продолжалъ:

— Вотъ я недавно книгу одну читалъ... ты, небось, знаешь,—„Отверженные“ называется, Виктора Гюго. Пять дней читалъ безъ отрыву, — вотъ такъ книга! Прямо сказать, огонь, а не книга! Можетъ, оно и неправда все тамъ написано, а вѣдь какъ забираетъ—у-у! Я прямо трясся весь, какъ читалъ, а то вдругъ въ жаръ кинетъ, ажъ чуешь, какъ всѣ волосы у тебя на головѣ шевелятся. Хоть бы день одинъ такъ пожить, какъ тамъ написано!

— Ну, и повѣрь мнѣ, не обрадовался бы!—возразилъ я.—Чтò тамъ такого особеннаго, чему можно позавидовать? Каторга, тюрьма, голодъ, преслѣдованія, жестокость,—все то же, чтò и вездѣ.

— Ну, нѣтъ,—то же, да не то! Не знаю, можетъ, оно кому

и не нравится, а мнѣ подходитъ. Понимаешь ли, кипитъ все это, крутится, всякую дрянь вверхъ тормашками переворачиваетъ,—вотъ это я люблю! А люди-то, люди-то какіе... да я бы за одного этакого, кабы гдѣ встрѣтилъ, голову бы себѣ оторвалъ и подъ ноги ему бросилъ! Герои! Силачи! Гдѣ ты этакихъ вокругъ себя встрѣчалъ? Какіе у насъ здѣсь люди? Либо лайковыя души, либо живодеры, а всѣ вообще—дрянь, пепелъ, обгрызки, больше ничего! Одни норовятъ у сосѣда изъ глотки кусокъ посытнѣе вытащить, нажраться, да кверху пузомъ на перину залечь, а другіе по уголкамъ сидятъ, да лапочками отмахиваются,—дескать, я тебя не трону, и ты меня не тронь... А я какъ живу? Зачѣмъ? Для чего создала меня природа? Вотъ ты студентъ, васъ тамъ всякимъ наукамъ учатъ, милліоны денегъ на просвѣщеніе вашихъ мозговъ тратятъ,—скажи ты мнѣ, зачѣмъ я рожденъ? Помоги мнѣ разгадать эту таинственную загадку природы?

— Ну, братъ, это загадка мудреная,—сказалъ я, немножко смущенный пламеннымъ натискомъ Васьки.—Надъ этой загадкой сколько людей головы ломало, а до сихъ поръ никто ее настоящимъ образомъ не разгадалъ. Одни говорятъ, что человѣкъ созданъ для счастья, а другіе увѣряютъ, что и счастья-то никакого на свѣтѣ нѣтъ, что все въ мірѣ—призракъ, наше воображеніе, больше ничего.

— Ну, а ты-то, ты самъ какъ думаешь?—нетерпѣливо и настойчиво продолжалъ Васька.

— Да я тоже думаю, что счастья нѣтъ.

— Э, да на кой оно чортъ!—грубо оборвалъ меня Васька.—Заладилъ: счастье-счастье... Ну, нѣтъ его, и не надо, — дайте мнѣ только хоть день одинъ пожить по-своему,—развернуться, размахнуться, а тамъ хоть и въ тар-та-рары!

— Не стоитъ безпокоиться!—сказалъ я и зѣвнулъ, потому что бурные порывы Васьки начали меня немножко утомлять.—Ты думаешь, когда тебя въ тар-та-рары-то спустятъ, ты тамъ перестанешь желать? Ничуть не бывало: навѣрное опять начнешь суетиться, кричать и требовать чего-нибудь новенькаго, особеннаго, не похожаго на то, что̀ уже было... Скучно это... да и вообще жизнь—скучная штука!

— Ну, это ты, братъ, врешь!—воскликнулъ Васька.—Жить на свѣтѣ стоитъ, только дайте каждому человѣку свой настоящій ходъ! И-ихъ, дьяволы вы всѣ! Показалъ бы *я* вамъ, какъ жить надо, еслибы ходъ мнѣ найти! Но я стѣсненъ, понимаешь, со всѣхъ сторонъ заборомъ обгороженъ и куда ни сунусь, вездѣ лбомъ въ стѣну стукаюсь... Вотъ, я теперь въ мастерской рабо-

таю,—грязь тамъ, темнота, сквернословіе, притѣсненія, всякій подлецъ тебѣ можетъ въ морду дать,—а я терплю... Почему? Потому что жрать надо, сестренкамъ платьица надо, башмачки, маменькѣ маслица въ лампадку, братишкѣ, который въ школу ходитъ—тетрадки, книжки, то да сё... И терплю, зубами скрыплю, но терплю. А придешь домой, — замѣсто благодарности тебѣ, всякую кислятину подносятъ,—ѣшь, пей и веселись! Маменька пилитъ, сестренки плачутъ, братья подзуживаютъ, будто я и лѣнтяй, и лодырь, и распропьяница несчастная... Ахъ, провалитесь вы всѣ пропадомъ! Такъ бы, кажется, крышу поднялъ, раскачалъ, да и ахнулъ на все это птичье гнѣздо,—только бы перья полетѣли во всѣ четыре стороны...

III.

Онъ помолчалъ немного, хмуро глядя на перламутровые переливы моря и неба, потомъ снова началъ:

— Когда батька былъ живъ, я еще терпѣть могъ. Любилъ я батьку... Хорошій мужикъ былъ! Хотѣлъ, чтобы изъ насъ не подлецы, а люди вышли,—въ ученье отдалъ. А мать, бывало, зудѣть примется: зачѣмъ учить, да къ чему учить,—только даромъ деньги тратить... Вотъ капусты нѣту, огурцы солить надо, въ церковь выйти не въ чемъ, а тутъ книжки, да карандаши, да всякая пустяковина. Зудитъ-зудитъ, да и дозудится. Не вытерпитъ батька,—бывало, хватитъ полуштофъ—и пошелъ всю эту маменькину музыку разносить! Холсты изъ укладки повыкидаетъ, кадушки съ огурцами топоромъ порубитъ, все размечетъ, разоритъ, а самъ сядетъ посередь двора, соберетъ насъ кругъ себя, да и плачетъ. „Дѣти, говоритъ, вы мои родныя, я—человѣкъ простой, и умъ мой во мракѣ тьмы, но хочу, чтобы вы, мои дѣти, просвѣтились свѣтомъ, и чтобъ родъ мой не въ навозъ пошелъ, свиньямъ на подстилку, а всему міру на пользу“... А мнѣ всегда говорилъ: „Слышишь, Васька, я на тебя больше всѣхъ надѣюсь. Ты, братъ, правду на кислую капусту не промѣняешь. А ежели вылѣзешь когда-нибудь изъ нашей бугаёвской ямы на вольный свѣтъ,—помяни тогда и меня, стараго Андрюху Дукачева, — все-жъ-таки и я своимъ горбомъ тебя питалъ и кверху подсаживалъ“... И опять заплачетъ. А трезвый, бывало, все молчитъ,—слова отъ него не услышишь. Вотъ какой человѣкъ былъ мой батька! Я думаю, еслибы ему ходъ былъ данъ,—не простой бы изъ него человѣкъ вышелъ. Можетъ, пророкъ бы

какой-нибудь былъ или учитель... кто его знаетъ... а вотъ пропалъ—и слѣда отъ него нѣту... Сколько зерна на своей спинѣ перетаскалъ,—небось, и сейчасъ еще всего не пожрали, а подохъ,—и могила его гдѣ, ни одна сволочь не знаетъ... Неужто и мнѣ такъ?.. Эхъ, задери васъ черти!.. Пойду, напьюсь!..

Онъ вскочилъ и прежде, чѣмъ я могъ его остановить, вскарабкался на откосъ и исчезъ,—только каменья и песокъ съ шумомъ посыпались въ море. Я долго еще сидѣлъ на берегу и думалъ о Васькѣ; послѣднія слова его звучали упрекомъ въ моихъ ушахъ, и казалось мнѣ, что я тоже виноватъ передъ Васькой, потому что до сихъ поръ ѣлъ хлѣбъ, который задавилъ его отца, и никогда не думалъ о томъ, какъ дорого стоитъ этотъ хлѣбъ, меня вскормившій. Да и одинъ ли старый Андрюха Дукачевъ надорвалъ свою богатырскую спину ради того, чтобы я, Валерьянъ Селиховъ, жилъ и наслаждался жизнью? Не пропадаетъ ли изъ-за меня и Васька Дукачевъ, и какой-нибудь Мишка, Ванька, Ѳедька, и сотни другихъ, тамъ гдѣ-то, въ самомъ низу жизни, между тѣмъ какъ я стою наверху, попирая ихъ многострадальные горбы, и взглядомъ побѣдителя окидываю весь разстилающійся передо мною міръ? И чѣмъ я это заслужилъ? За что̀ мнѣ сіе? И сто̀итъ ли такъ дорого моя „лайковая душа“?

Море насмѣшливо грохотало, кидая мнѣ въ лицо клочья грязной пѣны, и камни тупо и равнодушно молчали, ни на пядь не отступая передъ свирѣпымъ натискомъ волнъ. И я самъ себѣ показался такимъ же тупымъ и ничтожнымъ, какъ эти камни, и вся моя жизнь представилась мнѣ безсмысленною и ничтожною, и захотѣлось мнѣ пойти, разыскать Ваську и вмѣстѣ съ нимъ такъ напиться, такъ напиться!..

Но, разумѣется, я никуда не пошелъ и не напился, а благополучно вернулся домой и черезъ день совершенно забылъ о Васькѣ, и о его пламенныхъ рѣчахъ, какъ и онъ, вѣроятно, забылъ обо мнѣ.

Попался онъ мнѣ еще разъ недѣли черезъ двѣ, но въ какомъ видѣ!.. Блуза на немъ была располосована отъ ворота до подола, и голая грудь, заросшая жесткими рыжими волосами, выставлялась наружу. Вихры его стояли дыбомъ, во всю щеку тянулся багровый рубецъ, глаза сверкали, точно у разъяренной кошки. Онъ летѣлъ мнѣ на встрѣчу, какъ бѣшеный, и чуть не сшибъ меня съ ногъ. Я его остановилъ.

— Василій, куда ты?

Онъ взглянулъ на меня мутнымъ взглядомъ, съ шумомъ выдохнулъ изъ себя воздухъ и захохоталъ.

— Валерьяша? Шабашъ, братъ... Я теперь со всѣхъ рельсовъ соскочилъ и прямо подъ уклонъ! Ау, прощайте, голубчики,— долго не увидимся! Сейчасъ всѣхъ раскассировалъ въ дребезги... поминайте Ваську Дукачева!

Дѣйствительно, весь видъ его свидѣтельствовалъ, что онъ соскочилъ съ рельсовъ и близокъ къ окончательному крушенію. Онъ дышалъ, какъ паровозъ, и все обезображенное лицо его дергалось судорогами.

— Постой, постой, отдохни немножко! Что̀ такое случилось? Подрался, что-ли, съ кѣмъ-нибудь? Папироску хочешь?

— Давай! А насчетъ драки—всего было! Ну-ка, огоньку!

Онъ торопливо закурилъ папироску и, весь еще дрожа отъ пережитыхъ волненій, продолжалъ:

— Вотъ какое дѣло вышло. Я ужъ давно маменькѣ говорю: „милая моя мамашенька, Богомъ данная, отпустите меня на всѣ четыре стороны просвѣтиться, а то я чего-нибудь надѣлаю"! А она мнѣ на это отвѣтствуетъ: „Не смѣть, прокляну"! И братцы тоже, потому, не хочется имъ дарового батрака изъ рукъ выпускать. Ну, думаю, погодите, устрою я вамъ фейерверкъ съ бриліантовой звѣздой! Пришелъ нынче въ мастерскую, а младшій механикъ и ну меня пудить... „Ты, говоритъ, не машинистъ, а самый распослѣдній трубочистъ! Ты, говоритъ, мнѣ всю топку засорилъ, потому каждый день съ опозданіемъ приходишь и за кочегарами не глядишь"... Я слушалъ-слушалъ, да и говорю ему: „Смотри, говорю, въ манометръ, необразованная скотина, а то неравно котелъ лопнетъ, или ужъ тебѣ, дураку, своего мѣднаго лба не жалко"? За эти за самыя слова онъ меня по щекѣ, а я его по другой... Онъ меня въ ухо, а я его въ пузо,— и пошла у насъ настоящая швейцарская игра съ мордобитіемъ! Собрался народъ,—насилу насъ другъ отъ дружки оторвали,—ну, и тутъ я ужъ ничего не помню—полное затмѣніе... Все раскидалъ, все разбросалъ,—прибѣгъ домой, кричу: „давайте паспортъ, сейчасъ бѣгу въ самую что ни на есть Среднюю Азію"! Вотъ тутъ-то маменька моя милая анаѳему мнѣ и вознесла! Сняла со стѣны образъ и ну меня клясть самыми страшными словами... Ну, я маменьку калошею по щекѣ, братьевъ—кого по загривку, кого за виски,—и убѣгъ... Теперь мнѣ наплевать на все,—либо въ стѣну лбомъ, либо кверху дномъ, назадъ никакого ходу нѣту! Прощай, Валерьяша, учись, какъ люди живутъ,—авось, поумнѣешь!

Онъ швырнулъ на земь окурокъ, свирѣпо притопталъ его ногой и опять куда-то помчался, не оглядываясь. Я смотрѣлъ ему вслѣдъ... и какъ, бывало, въ дѣтствѣ, чувствовалъ нѣчто

въ родѣ зависти къ этому человѣку, который такъ смѣло и безразсчетно рвалъ крѣпкія узы мѣщанской обыденщины. Онъ былъ уже свободенъ и самъ господинъ своей судьбы, а я... я какъ былъ, такъ и остался рабомъ птичьяго гнѣзда, и никогда у меня не хватитъ ни силы, ни желанія уйти отъ него такъ, какъ ушелъ Васька.

Больше я его не видалъ и ничего о немъ не слышалъ, потому что вскорѣ мои родные покинули Одессу, и всѣ связи у меня съ этимъ городомъ сами собою порвались. Я кончилъ курсъ, сдѣлался писателемъ довольно извѣстнымъ, исколесилъ всю Россію и Европу, успѣлъ разочароваться какъ въ той, такъ и въ другой, наконецъ даже соскучился жить... и вотъ, почти черезъ пятнадцать лѣтъ, воспоминанія дѣтства и юности встали передо мной въ образѣ неукротимаго Васьки, и эта встрѣча пробудила во мнѣ давно утраченный интересъ къ жизни и къ людямъ, которыхъ я никогда особенно не любилъ, а теперь даже выучился презирать. Но Васька... Васька былъ яркою страницей моего дѣтства, и притомъ совсѣмъ особеннымъ экземпляромъ человѣческой породы, такъ что я съ удовольствіемъ, почти съ нетерпѣніемъ ждалъ его посѣщенія. Любопытно, что-то сдѣлала жизнь изъ этой безпокойной натуры, и все такъ же ли Васька Дукачевъ мечтаетъ о необыкновенныхъ людяхъ и богатырскихъ подвигахъ? Можетъ ли онъ плакать и смѣяться такъ же, какъ плакалъ и смѣялся нѣкогда, лежа на берегу моря и посылая злобныя проклятія молчаливымъ камнямъ, въ которыхъ онъ видѣлъ символъ мѣщанской тупости и бездушія? Если да, то вдвойнѣ интересно взглянуть на него поближе потому, что я самъ давно уже разучился плакать и смѣяться, и поэтому могъ сказать о себѣ словами Лабулэ: „quand on a perdu les illusions de vingt ans, on ne prend au sérieux ni la comédie, ni les comédiens"... Но Василій Дукачевъ, признаюсь, заинтересовалъ меня серьезно.

На слѣдующій день случилось воскресенье, я только-что всталъ и собирался пить чай, какъ вдругъ въ дверь постучались, и въ номеръ просунулась крайне изумленная физіономія корридорнаго.

— Баринъ, а баринъ!—доложилъ онъ нерѣшительно.—Тамъ васъ какой-то „баринъ" спрашиваютъ...

IV.

Съ этими словами онъ отстранился отъ двери и пропустилъ въ номеръ довольно оригинальную фигуру, при видѣ которой я понялъ нерѣшительный тонъ корридорнаго, когда онъ произно-

силъ: „какой-то баринъ“. Это былъ, конечно, Васька, или, какъ я его теперь буду называть, Василій Андреичъ. Онъ былъ одѣтъ по праздничному въ новенькую пару изъ какой-то шуршащей бумажной матеріи, съ крупными клѣтками, но главную роль въ его костюмѣ игралъ не первой молодости бѣлый жилетъ, по которому змѣеобразно извивалась толстая цѣпочка изъ новаго золота. Изъ рукавовъ, представляя странный контрастъ съ новизною костюма и бѣлымъ жилетомъ, выглядывали тѣ же громадныя ручищи, коричневыя, закопченыя, покрытыя ссадинами и струпьями. Борода его была побрита, и щеки отливали густою синевой; волосы для праздника тоже были подстрижены, а подъ мышкой у него торчалъ какой-то бумажный фунтикъ, изъ котораго предательски улыбалась казенная печать полбутылки водки.

— Съ праздникомъ!—сказалъ онъ, свободной рукой встряхивая мою руку.—Вотъ я и въ гости къ тебѣ, въ полномъ парадѣ и даже при цѣпочкѣ. Руки вотъ только подгуляли немного, —никакъ не отмываются, проклятыя! Я ужъ ихъ вера-віолетомъ мылъ, ничего не подѣлаешь,—такъ въѣлась эта копоть машинная, зубами не выгрызешь. А ты, братъ, облысѣлъ здо̀рово! — воскликнулъ онъ, съ сожалѣніемъ глядя на меня. И подъ глазами у тебя не того... точно сѣть россійскихъ желѣзныхъ дорогъ нарисована! Что же это ты́ такъ?

— Жизнь, братъ, разрисуетъ!—отвѣчалъ я съ улыбкой.

— Ну, какая-такая твоя жизнь? Ваша жизнь все равно что по Александровскому парку прогуляться. Вотъ меня такъ поломало,—ой-ой-ой, какъ крутило, точно на маховомъ колесѣ проѣхался! А вотъ вѣдь ничего, гляди, еще какіе гвозди ростутъ!

И онъ не безъ гордости провелъ пятерней по своимъ густымъ и, дѣйствительно, какъ гвозди, колючимъ волосамъ.

— Ну, садись, Василій Андреичъ. Это что̀ такое у тебя?— спросилъ я, когда онъ выгрузилъ на столъ фунтики и бутылку.

— А это я съ своимъ угощеніемъ. Нельзя, такъ ужъ у насъ въ Одессѣ водится. Чай-сахаръ твой, а угощенье наше.

И, замѣтивъ, что я бросилъ тревожный взглядъ на бутылку, Василій Андреичъ успокоительно прибавилъ:

— Ничего, небось, по маленькой выпьемъ, и больше никакихъ—стопъ машина! Сказалъ—воскресъ, и воскресъ! Теперь я только передъ чаемъ по одной, да передъ обѣдомъ по одной, а больше—ни-ни! Теперь я, братъ Валерьяша, на военномъ положеніи, а въ военное время пить не полагается!

Съ этими загадочными словами, онъ аккуратно развернулъ свертки, нарѣзалъ на бумажкѣ колбасы, потомъ откупорилъ бу-

тылку и потребовалъ у коррндорнаго пару рюмокъ. Когда рюмки были принесены, онъ налилъ мнѣ и себѣ, и торжественно провозгласилъ:

— Ну, Валерьяша, со свиданіемъ!

— Я, Василій Андреичъ, не пью.

— Какъ-такъ не пьешь? Нельзя! Хоть капельку выпей,— все равно вѣдь, волосъ на головѣ не прибавится оттого, что не выпьешь!

Противъ этого аргумента я не могъ устоять, и мы чокнулись. Но прежде, чѣмъ выпить свою рюмку, Василій Андреичъ перекрестился на образъ и сейчасъ же, подозрительно прищурившись, поглядѣлъ на меня.

— Ты какъ, небось, смѣешься надъ этимъ? А? — спросилъ онъ.

— Да вовсе нѣтъ, и не думаю смѣяться.

— Ну, это ты не ври; конечно, смѣешься въ душѣ. А я признаю! Прежде тоже отвергалъ, а теперь признаю. Я даже какъ въ Одессу вернулся, такъ сейчасъ на маменькиной могилкѣ панихидку отслужилъ и заочно во всемъ у нея прощенья попросилъ. Да, братъ, есть Богъ и надъ нами, и въ насъ, да только мы сдуру не тамъ Его ищемъ, гдѣ нужно! А я нашелъ. Такіе случаи были...

— Какіе случаи?—спросилъ я.

Василій Андреичъ выпилъ водку, закусилъ и, продѣлавъ это съ нарочитою медленностью, взглянулъ на меня смѣющимися глазами.

— А что̀, любопытно? Такъ, небось, и подмываетъ Ваську Дукачева въ хроникѣ происшествій описать? Ну, что-жъ, пиши, это, братъ, ничего, можно. Я бы и самъ написалъ, да не умѣю.

— А ты попробуй.

— Пробовалъ,—не выходитъ. Этакими копытами развѣ что-нибудь напишешь? Да вотъ погоди, я тебѣ какъ-нибудь приволоку,—можетъ, тебѣ и пригодится. Ты что̀ пишешь-то? Романы или статьи?

— Больше романы.

— Ишь ты! Объ чемъ?

— Да тебѣ, пожалуй, не интересно будетъ. Пишу я о скучныхъ людяхъ, о томъ, какъ они жить не умѣютъ, любить не умѣютъ и никому ни на что не нужны, и оттого мучаются, и страдаютъ, и все-таки живутъ, — живутъ скучно, неинтересно, тоскливо.

Василій Андреичъ внимательно выслушалъ и покачалъ головой.

— Ну, ты, Валерьяша, теперь эту канитель брось! Теперь, другъ ты мой, у насъ такая каша заваривается, — лопатой не проковыряешь! Съ солью, съ перцемъ, съ нашимъ со вдовольствіемъ, какъ на Обжоркѣ перекупки выкрикиваютъ. Вотъ ты попробуй къ котлу-то поближе подойти, — небось, и про скучныхъ людей забудешь! Скучно имъ, вишь, жить! Оттого и скучно, что васъ изъ дѣтства въ хлопочкахъ держатъ. А ты, голубчикъ, вотъ что̀: будетъ тебѣ по расчищеннымъ дорожкамъ-то ходить, да подъ ножки себѣ глядѣть, кабы гдѣ не спотыкнуться! Выходи-ка ты лучше на степовой шляхъ, гдѣ всѣ дороги крестъ-на-крестъ сходятся, да погляди, да послушай, да тебя разъ пятьдесятъ колесомъ зацѣпятъ, да какой-нибудь толстомордый подлецъ тебя ни за что, ни про что вдоль спины кнутомъ огрѣетъ, —вотъ и погляжу я, какъ ты тогда заскучаешь! Эхъ, Валерьянъ Борисычъ, кто жить хочетъ, отъ того скука задеря хвостъ бѣжитъ!

Онъ разошелся, и по его бурной жестикуляціи, по о̀бразной манерѣ выражаться, не трудно было въ немъ узнать прежняго буйнаго Ваську, который нѣкогда выражалъ желаніе „хоть въ тар-та-рары провалиться, только бы день пожить по-своему". Да, это былъ онъ, Васька Дукачевъ, и никакія крушенія на его тернистомъ пути не изсушили въ немъ источника живыхъ силъ, которыя такъ и брызгали въ каждой чертѣ лица, въ каждомъ движеніи, въ каждомъ мѣткомъ словечкѣ его одесскаго жаргона. Я не сводилъ съ него глазъ, и онъ это замѣтилъ, потому что вдругъ рѣзко оборвалъ свою рѣчь и весь какъ бы насторожился. Это была въ немъ единственная новая черта.

— А ты никакъ все смѣешься?—спросилъ онъ.

— Нисколько! — возразилъ я. — Скорѣе завидую. Ты все такой же!..

— А съ чего мнѣ другимъ быть? Какъ замѣсили, такъ и испекли,—въ ротъ возьмешь, всѣ зубья переломаешь. Дукачевская порода твердая!

— Вотъ и завидно. Ты, вонъ, подъ маховымъ колесомъ былъ, да все такой же остался, а я по ровному мѣсту ходилъ и облысѣлъ...

— И все отъ скуки? Ну, и охота же тебѣ была на скучныхъ людей глядѣть! Говорю тебѣ, ступай на степовой шляхъ!

— А что̀, если я и тамъ заскучаю?

Василій Андреичъ призадумался, потомъ рѣшительно сказалъ:

— Ну, если такъ, твое дѣло—крышка! Такой человѣкъ ничего не сто̀итъ. На̀ тебѣ гвоздь, на̀ тебѣ веревку, надѣвай гал-

стукъ и ступай къ сатанѣ на свадьбу! Лучше ничего не придумаешь.

— Просто и сильно! — со смѣхомъ воскликнулъ я. — Но... немножко жестоко...

— А чего тутъ жестокаго? — съ удивленіемъ проговорилъ Василій Андреичъ. — Скучно жить, такъ и нечего жить! Чѣмъ себя да другихъ мучить,—взялъ да и похàрчился. По крайности никому свѣтъ зàстить не будешь. Я покойниковъ не люблю, а такому трухляку, еслибы на то дѣло пошло, самъ бы и ямку выкопалъ, и землей бы закидалъ. Лежи себѣ, — по крайности хоть черви сыты будутъ!

— Послушай, Василій Андреичъ, ты Ничше не читалъ?

Василій Андреичъ опять весь подобрался, и въ желтыхъ зрачкахъ его мелькнулъ недобрый огонекъ.

— Ты это чтò: спичку, что-ль, мнѣ въ глазъ вставляешь?— сухо произнесъ онъ.—Точно, читать мало читалъ, но понимать могу не хуже другихъ. Тебя книга учила, а меня—нужда; это, братъ, такой учитель, что и дуракъ умнымъ сдѣлается. Стало быть, и смѣяться тебѣ съ меня нечего.

— Фу ты, Василій Андреичъ, какой ты сталъ обидчивый! Съ тобой говорить совсѣмъ нельзя,—сейчасъ ощетинишься. Съ какой стати я буду надъ тобой смѣяться? А про Ничше я тебя потому спросилъ, что показалось мнѣ, будто ты не своими словами говоришь, а кое-что изъ него повычиталъ.

— А кто это такой былъ—Ничше?—съ любопытствомъ спросилъ Василій Андреичъ.

— Одинъ нѣмецкій философъ. Вотъ онъ тоже въ одной своей книгѣ написалъ: „Падающаго толкни"!

— Ну, и ерунду на постномъ маслѣ сказалъ, хоть и философъ! Зачѣмъ падающаго толкать, когда онъ и такъ падаетъ? Это ужъ подлость будетъ! Человѣкъ, можетъ, нечаянно споткнулся, а ты ему подножку подставляешь,—за это въ нашемъ кругу морду чистятъ.

— Ты меня немножко не понялъ,—осторожно замѣтилъ я, боясь, какъ бы опять не задѣть чувствительнаго самолюбія Василія Андреича.—Эти слова именно про твоихъ трухляковъ сказаны,—вотъ которыхъ ты давеча на съѣденіе червямъ присудилъ.

— И опять же ерунда! Падаютъ тѣ, которые ходятъ, а трухляки и ходить-то не умѣютъ. Его ковырнулъ ногой, онъ и разскочился. А кто упалъ, тотъ и подняться можетъ. Я самъ падалъ—ой-ой, какъ расшибался, а вотъ вѣдь ничего, опять на ногахъ стою!

— Да что же ты мнѣ случаи-то свои не разсказываешь, какъ ты Бога нашелъ?

Василій Андреичъ налилъ себѣ стаканъ чаю, закурилъ папиросу и началъ:

— А случаи вотъ какіе... Первый разъ было это со мной въ Африкѣ, когда я въ Портъ-Саидѣ съ парохода бѣжалъ...

— Ты въ Африкѣ былъ?—съ изумленіемъ воскликнулъ я.

— А какъ же?—спокойно отвѣчалъ Василій Андреичъ.—Я вездѣ былъ. И въ Африкѣ, и въ Индіи, и въ Китаѣ, и на островѣ Цейлонѣ, и въ Англіи. Полшара земного обошелъ, и нигдѣ себя не потерялъ, потому что во всѣхъ мѣстахъ со мною мой Богъ былъ. Говорю тебѣ: погибалъ—и воскресъ!

— Ну, ну, разсказывай!

— Ладно. Эхъ, давно это было, а помню какъ сейчасъ! Помнишь, тогда ты меня въ сумасшедшемъ образѣ встрѣтилъ? Вѣдь я тогда изъ дому-то убѣжалъ. Разломалъ стамеской маменькину шкатулку, вынулъ 25 рублей денегъ, свой пачпортъ захватилъ и—all right!—какъ говорятъ англичане. Нанялся въ кочегары на пароходъ дальняго плаванія „Азія", и въ тотъ же день мы снялись. Не могу ужъ и разсказать, что̀ тутъ со мной было, когда мы отъ береговъ-то отошли,—будто крылья у меня на лопаткахъ выросли, и лечу я, какъ птица, подъ самое небо... Однако, мнѣ эти крылышки-то скоро обрубили, и почуялъ я въ себѣ ужъ не птицу, а въ родѣ какъ-бы самаго паскуднаго червяка, на котораго всякій *бурдонъ* (онъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать: „бурбонъ") сапогомъ своимъ грязнымъ наступить можетъ. Не взлюбилъ меня старшій машинистъ Слѣпцовъ, и за что̀ не взлюбилъ — чортъ его знаетъ; должно быть, рожа моя ему не понравилась. Онъ, впрочемъ, такъ и сказалъ, когда меня въ первый разъ на вахту ставилъ,—дескать, не нравится мнѣ твоя наружность; напримѣръ, отчего у тебя желтые глаза? Ну, я ему въ такомъ же родѣ и отвѣтствовалъ, т.-е., что въ желтыхъ глазахъ еще бѣды нѣту, а вотъ ежели душа у иныхъ бываетъ черная, какъ вакса,—это не въ примѣръ опаснѣе. Съ этого и пошло. Началъ онъ меня всячески притѣснять и изнурять работой, притомъ обращеніе было самое грубое, а это мнѣ хуже самаго остраго ножа. Сроду я такой: ласковымъ словомъ меня можно въ дилижанъ запречь, а крикни погромче, — я и соломинки не подыму. Такъ вотъ и сошлись мы съ нимъ, какъ буйволъ съ носорогомъ,—уперлись другъ въ дружку рогами, и никто своего мѣста уступить не хочетъ. А служба, я тебѣ скажу, была адская: четыре часа вахты при сорока-градусной жарѣ; потъ изъ тебя льетъ,

какъ изъ пожарной кишки, — разслабнешь весь, словно банная мочалка, и вотъ-вотъ, кажется, упадешь на земь, да и капутъ! Каждый матросъ въ вахту ведро воды выпивалъ,—ей Богу, не вру, спроси кого хочешь! И при всемъ этомъ еще придирки, ругань самая мерзопакостная, и наконецъ даже и къ физіономіи началъ подъѣзжать. Я было-началъ товарищамъ говорить, что, молъ, слѣдовало бы всѣ эти издѣвательства прекратить и Слѣпцова въ настоящій ранжиръ поставить, но матросы были набраны все самая рвань, безъ всякаго собственнаго достоинства,— имъ хоть шкуру дери, только хлѣбомъ корми! Одинъ только и былъ тамъ,—славный человѣчекъ!—чухонецъ Купіяненъ—или шутъ ее знаетъ какъ, мудреная такая фамилія! Этакій маленькій, сутулый, руки длинныя, точно у обезьяны, самъ весь бѣлый, волосы тоже бѣлые, длинные,—совсѣмъ на бабу похожъ, даже и звали мы его въ насмѣшку—„Михрютка-Мареутка". Но добрый былъ—я даже и сказать не могу—до чего! Что ни попроси, бывало, все отдастъ и сейчасъ забудетъ. Многіе этимъ пользовались и обирали его до кальсонъ, особенно, если подвыпьетъ. А выпить онъ любилъ, и по такой его натурѣ нашъ механикъ, Юлій Өедорычъ, никогда ему на берегъ денегъ много не давалъ, а выдастъ столько, сколько нужно, чтобы напиться, и *фини*, какъ говорятъ французы. Подружились мы съ нимъ вплотную и задумали вмѣстѣ отъ Слѣпцовскихъ подлостей бѣжать. Несчастный онъ былъ такой же, какъ и я, не могъ обиды переносить, оттого и мыкался по свѣту, все искалъ такого мѣста, гдѣ человѣкъ своей настоящей цѣны стоитъ. А вѣдь такъ и не нашелъ, хотя весь свѣтъ, какъ свой собственный карманъ, излазилъ, и даже въ Америкѣ былъ, гдѣ, говорятъ, изъ носильщиковъ ажъ въ президенты выходятъ. Президенты-то президенты, а чуть что не такъ,—сейчасъ дегтемъ обмажутъ, перьями обсыпятъ—и за веревочку да на осинку. Бывало, разсказываетъ онъ мнѣ это, а самъ плачетъ,—ужъ очень унизительно ему было видѣть, до чего достигаетъ человѣкъ въ звѣрствѣ своемъ! Въ Финляндіи у него тамъ тоже родители были, и братья, и сестры, но онъ уже давно всѣмъ своимъ родственнымъ чувствамъ развязку сдѣлалъ, и все черезъ обиду. Ну, вотъ и обмозговали мы съ нимъ это дѣло,— съ парохода освободиться. Такъ и рѣшено было: какъ въ Портъ-Саидъ пріѣдемъ, на берегъ насъ спустятъ—и будьте здоровы! Михрютка мой понемножку на всѣхъ нарѣчіяхъ изъяснялся, стало быть, дорогу-то мы съ нимъ какъ-нибудь найдемъ, а тамъ что дальше будетъ и куда наше колесо повернется,—объ этомъ мы покуда и не гадали! Смѣлый былъ чухонецъ, ну,—я тоже ему не

уступалъ. Такое у меня тогда разсужденіе было въ смыслѣ жизни: шагай прямо, не останавливайся,—хуже смерти ничего не будетъ! Ну, и зашагалъ...

V.

Прибыли мы въ Портъ-Саидъ и, какъ водится, отправились на берегъ променажъ сдѣлать. Пошла у насъ чистка: рожи свои отмыли, нафабрились, наваксились и самые лучшіе костюмы надѣли. Я тоже изготовился,— подъ костюмъ двѣ перемѣны бѣлья надѣлъ, что̀ можно, въ карманы разсовалъ и мѣшечекъ съ деньгами на шею надѣлъ. Мой Куціяненъ пошелъ къ Юлію Ѳедоровичу свои деньги просить, а онъ уперся, не даетъ.—На что̀, говоритъ, тебѣ деньги,—все равно, пропьешь! Насилу мы его уломали, что, дескать, не на пропой ихъ беремъ, а будто бы Куціяненъ хочетъ на нихъ подарки родителямъ купить. Я даже поручился за него. Ну, Юлій Ѳедоровичъ порычалъ-порычалъ, отдалъ деньги, и видно, что никакого подозрѣнія не беретъ. Только, должно быть, у Слѣпцова сердце чуяло, потому, какъ мы съ парохода спускались, онъ такъ на насъ и выпялился, точно живьемъ слопать хотѣлъ. Но было поздно. А мы какъ слѣзли на берегъ, такъ давай цѣловаться и обниматься, а Михрютка даже шапку кверху подбросилъ и „ура“ закричалъ. И пошли мы скорыми шагами по переулкамъ вилять, покуда изъ вида не скрылись. Я въ торопяхъ даже города хорошенько не разсмотрѣлъ, — помню только, что не понравилось мнѣ: улицы узкія, кривыя, дома словно грибы другъ на друга налѣплены, вонь, грязь, толкотня,—однимъ словомъ, азіатчина полная!

Привелъ меня Михрютка въ какую-то таверну, а по нашему просто кабакъ, и первымъ дѣломъ спросили мы себѣ портеру. Я, зная Михрюткину слабость, его предостерегъ, но онъ даже осерчалъ на меня,—дескать, я человѣкъ серьезный и привыкъ себя держать серьезно въ важныхъ случаяхъ жизни. Ну, думаю себѣ, ладно! Сидимъ-пьемъ и по сторонамъ смотримъ. Народу биткомъ набито: и нѣмцы, и англичане, и французы — однимъ словомъ, кафе-интернаціоналъ! Смотрю, мой Михрютка ужъ съ нѣмцами какими-то залопоталъ и еще за портеромъ посылаетъ. Я его колѣнкой подъ столомъ—толкъ!—а онъ мнѣ: „молчи, говоритъ, тутъ серьезное дѣло начинается“... Сижу я, какъ дуракъ, ничего не понимаю, а нѣмцы чокаются, кружками по столу стучатъ, подъ конецъ пѣть начали, и чухна туда же, — подпѣваетъ. Но, однако, ничего, еще ни въ одномъ глазу и, вижу, крѣпко

себя держитъ,—больше угощаетъ, а пить много не пьетъ. Потомъ нѣмцы куда-то ушли, Куціяненъ мнѣ и говоритъ: „Ну, Васюкъ, наше дѣло повезло! Здѣсь англичанинъ одинъ стоитъ на рейдѣ, и ему люди надобны, такъ вотъ онъ насъ, можетъ быть, возьметъ".—„Что такое, говорю, за англичанинъ и какія-такія его дѣла?"—„Дѣла, говоритъ, торговыя съ Индіей и Китаемъ, судно хорошее, купеческое, а матросовъ онъ потому нанимаетъ, что у него въ пути нѣсколько человѣкъ отъ желтой лихорадки померли. Да ты, говоритъ, со мною ничего не бойся!"—„Бояться, говорю, мнѣ нечего, а все-таки не лучше ли намъ съ тобою здѣсь какого-нибудь русскаго парохода подождать? Денегъ у насъ хватитъ, если осторожно жить, а англичанинъ этотъ—шутъ его знаетъ, кто онъ такой? Можетъ, въ родѣ Слѣпцова". Опять онъ на меня осерчалъ:—„Коли такъ, говоритъ, иди къ своему Слѣпцову, а я останусь и къ англичанину наймусь. Англичане — народъ образованный и платятъ золотомъ,—имъ служить можно, а ваши русскіе—первобытные дикари и хотятъ верхомъ на кнутѣ весь шаръ земной объѣхать".—Ну тутъ ужъ и я обидѣлся за русскихъ, и въ первый разъ за все время мы съ нимъ здòрово поругались. А потомъ выпили портеру и опять помирились; онъ мнѣ и говоритъ: „Пойдемъ сейчасъ, по городу погуляемъ, а вечеромъ англичанинъ сюда придетъ. Сговоримся съ нимъ, а утромъ онъ якорь подымаетъ".

Хорошо, пошли мы въ городъ и въ разныя мѣста, на базарѣ потолкались, разсматривали дома, постройки и архитектуру, но, чувствую, неладно у меня что-то на душѣ, и впору хоть на пароходъ вертаться. Однако, представилъ я себѣ Слѣпцовскую образину—и себя преодолѣлъ, а пуще всего не хотѣлъ себя передъ Михрюткой въ трусахъ выставлять. Но въ середкѣ такъ и мутитъ, такъ и мутитъ, словно турецкой халвы объѣлся. Вечеркомъ пришли опять въ таверну,—глядь, нѣмцы ужъ тутъ и англичанинъ съ ними. Какъ глянулъ я на него,—ажъ сразу у меня животъ къ спинѣ присохъ... Ну, думаю, вотъ такъ англичанинъ! Много я всякаго народу видалъ, а этакого фрукта еще ни разу не видывалъ. Длинный, костлявый, рыжій: вмѣсто бороды, какія-то рукавицы болтаются, глаза стеклянные, а какъ оцерится,—ну, ей-Богу, зубовъ у него штукъ полтораста, да все длинные и острые, какъ гвозди! Сколько лѣтъ прошло, а я его вотъ какъ тебя вижу, и бываетъ даже, что по ночамъ снится, прòклятый... Ну, какъ только мы вошли, онъ сейчасъ глазищами въ насъ уперся и всѣ свои зубы наружу выставилъ, точно глотку перекусить собирается. Нѣмцы гвалтъ подняли, опять

пиво пошло, англичанинъ рому велѣлъ подать, насъ по колѣнкамъ хлопаетъ,—смотрю, Куціяненъ разсыропился окончательно и готовъ съ руками и съ ногами къ англичанину въ пасть влѣзть. Я его тихонько за рукавъ. „Слушай, говорю, Михрютка, и что тебѣ этотъ рыжій чортъ сдался? Плюнь ты на него, бери ноги въ зубы—и пойдемъ отсюда. Нехорошо что-то здѣсь оказываетъ“!

Обругалъ онъ меня самыми послѣдними словами, и опять къ англичанину цѣловаться полѣзъ, а, тотъ ему рому все подливаетъ и подливаетъ, да и мнѣ тоже подсовываетъ. Но я не могъ рому этого поганаго пить: выбрался я себѣ потихоньку на улицу какъ бы по своей надобности, посмотрѣлъ туда-сюда и давай лупить полнымъ ходомъ... Дралъ я такимъ манеромъ ужъ не помню, сколько времени, покуда въ какой-то заборъ лбомъ не влѣпился, и напало тутъ на меня раздумье. Да что же, молъ, это я такое дѣлаю? Вѣдь я товарища бросилъ въ самомъ опасномъ положеніи, и черезъ это, можетъ, его погибель ожидаетъ! Пойду назадъ, выручу Михрютку, а тамъ пускай хоть двадцать англичанъ всѣми своими зубами щелкаютъ. Размышляю я этакъ и хочу, стало-быть, впередъ податься,—что-жъ ты думаешь, братецъ мой, какъ насядетъ мнѣ что-то на плечи, такъ я къ землѣ и приросъ... Хочу двинуться—и ноги не могу переставить; хочу дохнуть—и духу въ груди нѣту... Батюшки, думаю, что такое,—видно, смерть пришла... Постоялъ-постоялъ на одномъ мѣстѣ,—отпустило маленько; отдышался я, руки-ноги пораспpaвилъ и опять въ ходъ наладился. Какъ оно меня притиснетъ, какъ навалится на плечи,—не могу идти, да и шабашъ! И напалъ тутъ на меня страхъ, да такой страхъ, что меня пòтомъ всего какъ бисеромъ осыпало. А ночь темная, звѣзды прямо по кулаку,—глядятъ сверху, словно въ душу тебѣ залѣзть хотятъ, и тишина кругомъ мертвѣйшая,—только гдѣ-то наверху, не то на крышѣ, не то на балконѣ, чуточку этакъ на гитарѣ тренькаютъ, будто какая-то живая душа стонетъ—на волю просится...

Василій Андреичъ на минуту остановился, вытеръ платкомъ выступившій на лбу потъ и, выпивъ залпомъ стаканъ остывшаго чаю, продолжалъ:

— Долго я этакъ промучился... Пойду впередъ—ничего; хочу назадъ, т.-е. въ таверну податься—не пускаетъ, да и только. Я ажъ заплакалъ и пошелъ ужъ прямо, самъ не знаю, куда, только бы отъ этого мѣста уйти. Плуталъ-плуталъ, крутился-крутился по разнымъ закоулкамъ, а между прочимъ ужъ и разсвѣтать начало, и стали люди на улицахъ показываться,—все

больше пьяные матросы съ бабами, да разные азіаты на ослахъ, съ корзинками, съ вьюками, стало быть, по нашему, тоже на базаръ ѣдутъ. Потомъ запахло моремъ, вышелъ я на пристань, поглядѣлъ во всѣ стороны и сѣлъ на земь,—не знаю ужъ, что мнѣ и дѣлать. „Азія“ нѣтъ, Михрютки нѣтъ,—остался я одинъ въ чужомъ городѣ и ничего не понимаю.

— Ну, и что же ты чувствовалъ тогда?—спросилъ я.—Страшно было?

— Нѣтъ, страху не было никакого,—сидѣлъ, какъ очумѣлый быкъ, и самъ себя не понималъ. Помню только, голова шибко болѣла, должно быть, съ похмелья,—все-таки я этого портеру много съ Михрюткой выпилъ.

— Ну, такъ вотъ оттого тебѣ все это и представилось, будто не пускали-то тебя!—замѣтилъ я.

— Нѣтъ, ты еще погоди,—серьезно сказалъ Василій Андреичъ.—Представилось или не представилось,—это ты потомъ обсудишь, когда я тебѣ другой случай разскажу, а этотъ случай еще удивительнѣе, и притомъ же, былъ я тогда совершенно трезвый... Вотъ, слушай...

— Постой!—перебилъ я его.—Ты сначала доскажи, что же съ тобою было дальше въ Портъ-Саидѣ?

— А ничего больше интереснаго не было. Земляка одного повстрѣчалъ, а онъ меня къ консулу направилъ.

— Какого земляка?

— Какого,—обыкновенно, россійскаго!—съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ сказалъ Василій Андреичъ.—Одинъ екатеринославскій хохолъ...

— Какъ же онъ въ Портъ-Саидѣ очутился?

— Да такъ же, должно быть, вотъ, какъ и я. Сбѣжалъ съ парохода и остался въ Портъ-Саидѣ. На пристани арбузами и всякими фруктами торговалъ. Русскій человѣкъ нигдѣ, братъ, не пропадетъ. Его, какъ кошку, о камень головой тресни,—онъ вскочитъ, отряхнется и опять побѣжитъ.

— Но какъ же ты его нашелъ?

— Да очень просто. Ходилъ я, ходилъ по пристани—никто меня не понимаетъ, и я никого не понимаю. Какъ, глядь, сидитъ какой-то человѣкъ въ бараньей шапкѣ и такъ пристально на меня смотритъ. Я къ нему,—вынулъ изъ кармана монету, показываю на арбузъ и говорю: „же ву при, мосье, комбьенъ кутъ этотъ самый арбузъ“? А онъ уставился на меня и говоритъ: „Да ты, братъ, россійскій?“—„Россійскій!“—„Какъ ты сюда попалъ?“ Тутъ я ему всѣ свои дѣла и разсказалъ.—„Ну, говоритъ онъ,

счастливъ твой Богъ, что ты отъ англичанина удралъ! Вѣдь это, навѣрное, китоловъ былъ, а китоловы—это самые первые разбойники. Свои-то къ нимъ служить не идутъ, потому что служба у нихъ проклятая, вотъ они разныхъ заблудившихъ ловятъ, ромомъ поятъ и къ себѣ на китоловное судно сманиваютъ. А тамъ ужъ, какъ попалъ къ нему въ лапы,—пиши пропало! Живой не вернешься...

Меня отъ этихъ словъ такъ и вздернуло... „Какъ же, говорю, стало-быть, мой товарищъ пропалъ?"—„Безъ всякаго сомнѣнія,—говоритъ.—Но все-таки я тебѣ совѣтую въ консульство заявить и примѣты всѣ разсказать,—можетъ, гдѣ-нибудь этого китолова и поймаютъ".—Разсказалъ онъ мнѣ всѣ обстоятельства, пошелъ я къ консулу и во всемъ чистосердечно открылся, что вотъ, дескать, ушли мы съ товарищемъ отъ притѣсненій машиниста, и вотъ какая исторія разыгралась. Ну, меня и отправили обратно въ Россію, но я къ своимъ никакъ не показался, а пошелъ въ карантинъ и тамъ почти два года безъ паспорта прожилъ,—кули таскалъ, щебень бить нанимался,—однимъ словомъ, пребывалъ во մракѣ нищеты, только бы ни передъ кѣмъ шею не гнуть и ни въ чемъ прощенья не просить. Много я тутъ бѣдствія видалъ, всякаго горя насмотрѣлся, и своего, и чужого, а униматься—не унимался и руки помощи ни у кого не просилъ...

— А Михрютка? Такъ и пропалъ?—спросилъ я.

— Михрютка пропалъ... — сказалъ Василій Андреичъ и мрачно задумался.—Вотъ передъ нимъ я себя до сихъ поръ подлецомъ чувствую и никакъ этого забыть не могу. Ужъ пропадать, такъ пропадать бы вмѣстѣ... а я его бросилъ.

— Но вѣдь ты же хотѣлъ вернуться, тебя не пустили?

— Это ужъ потомъ было, а зачѣмъ я изъ таверны убѣжалъ,—вотъ что̀ меня мучаетъ. Если уже свыше такая моя судьба была, чтобы отъ китолова избѣжать, такъ я бы, и оставшись, къ нему въ лапы не попалъ, да и Михрютку съ собой бы вытащилъ. А этакъ оно... нехорошо какъ-то вышло... Проклинаетъ меня, небось, Михрютка на томъ свѣтѣ...

— Ну, разскажи, какой еще случай у тебя былъ!—напомнилъ я ему, желая разсѣять мрачное настроеніе, въ которое онъ впалъ при воспоминаніи о погибшемъ товарищѣ.

Онъ хмуро взглянулъ на меня и вздохнулъ.

— Да, братъ, нѣтъ жизни хуже рабочаго человѣка! И не работа мучаетъ; когда силу въ себѣ чувствуешь,—работа не мученье, а удовольствіе. Пуще всего заѣдаетъ нашего брата-труженика всякая несправедливость: рабочую скотину и то хорошій

хозяинъ опасается лишній разъ кнутомъ вдарить, а рабочаго человѣка оскорбляютъ безъ всякой осторожности, такъ что ниже самой послѣдней скотины ставятъ. Вотъ этого самаго я никакъ переносить не могу, и оттого всѣ превратности жизни моей происходятъ. Но не покорялся я и не покоряюсь, и не для того меня Богъ отъ погибели сохранилъ, чтобы объ меня грязныя ноги вытирать. Загремимъ мы еще, Валерьяша, ой-ой-ой, какъ загремимъ,—на Араратѣ будетъ слышно! Помяни мое слово...

Онъ взглянулъ на меня повеселѣвшими глазами и продолжалъ болѣе спокойнымъ тономъ:

— А второй случай былъ со мной года три тому назадъ, когда я въ добровольномъ флотѣ служилъ и, благодаря подлости старшаго механика, Воробьева, опасно заболѣлъ, такъ что принужденъ былъ въ Константинополѣ въ больницу лечь.

— Стало быть, ты опять на морскую службу попалъ?—перебилъ я его.

— А какъ же, обязательно! Да, вѣдь я тебѣ не досказалъ давеча, что, пресмыкаясь въ Карантинѣ, я однажды младшаго братишку своего тамъ встрѣтилъ, и онъ съ горькими слезами въ меня обѣими ручонками вцѣпился и къ маменькѣ въ объятія приволокъ. Ну, маменька встрѣтила меня, какъ блуднаго сына, и на радостяхъ встрѣчи сейчасъ меня съ ногъ до головы окипировали, паспортъ на руки выдали. Сдѣлался я совсѣмъ свободный человѣкъ и пошелъ по свѣту своей судьбы искать. Былъ въ мореходныхъ классахъ, но по причинѣ ссоры съ начальствомъ экзамена не держалъ, и пришлось мнѣ опять свою карьеру съ кочегара начинать. Изъ кочегаровъ достигъ я машиниста второго класса, а потомъ поступилъ машинистомъ перваго класса на пароходъ Добровольнаго флота. Насчетъ этого предупреждали меня товарищи, что, дескать, не уживешься ты съ Воробьевымъ, и восемь машинистовъ ужъ отъ службы съ нимъ совсѣмъ отказались, но я подумалъ себѣ: лиха собака, да волка не съѣстъ,—и поступилъ. Но не успѣли мы изъ Одессы выйти, какъ и началась драма въ пяти дѣйствіяхъ и шести картинахъ! Нужно тебѣ объяснить, что при пробѣ и сдачѣ машины она дала только семьдесятъ-девять оборотовъ, а механики дѣлали такой машиной восемьдесятъ-два оборота и больше, отчего она страшно разбивалась, и чтобы держать ее въ исправности, приходилось работать день и ночь безъ отдыха. Затѣмъ пустоту въ холодильникѣ они вмѣсто двадцати дюймовъ держали только одиннадцать съ половиною, и поэтому черезъ отливную трубу холодильника въ трюмъ и въ машину выходилъ паръ, отъ

котораго выстоять вахту не было никакой возможности. Конечно, я этого злоупотребленія такъ не оставилъ и заявилъ объ этомъ главному механику, на что получилъ въ отвѣтъ мычаніе и приказъ идти изъ каюты вонъ. Ладно, думаю, ты такъ, а я попробую этакъ, и прямо изъ каюты пошелъ къ капитану съ просьбой уволить меня отъ службы, если такія злоупотребленія будутъ продолжаться. Капитанъ ажъ глаза на меня вытаращилъ...

— Чтò такое?—говоритъ.

Я ему все какъ есть повторилъ, и опять разсчета требую. Надѣлъ онъ пенснэ, обглядѣлъ меня всего съ макушки до пятокъ и спрашиваетъ: „Какъ твоя фамилія?"—„Дукачевъ", говорю. „Хорошо, говоритъ, я приму къ свѣдѣнію, а разсчетъ ты въ Константинополѣ получишь".

VI.

Вотъ пріѣхали мы въ Константинополь, и жду я себѣ разсчета, но вмѣсто того, смотрю, зовутъ меня къ Воробьеву въ каюту, и начинаетъ онъ на меня, какъ бѣшеная кошка, прыгать. „А, ты жаловаться? А, ты со мною служить не хочешь? Тебѣ разсчетъ надо? Хорошо, я тебѣ дамъ разсчетъ! Я изъ тебя всѣ соки выжму, я тебя по сальнымъ трюмамъ гонять буду, я тебѣ книжку замараю, и будешь ты у меня каждый день на работѣ издыхать, а когда издохнешь, я твою падаль на кораблѣ повѣшу и всѣмъ матросамъ плевать въ нее прикажу"... Выслушалъ я все это довольно хладнокровно и говорю ему: „Съ падалью моей, конечно, вы можете дѣлать, чтò вамъ угодно, ну, а живой я за себя постоять съумѣю, и работать окончательно отказываюсь". Съ этими словами вышелъ я отъ него, легъ у себя въ каютѣ и жду, чтò будетъ, а у самого въ душѣ такъ и кипитъ, такъ и кипитъ... Товарищи около меня собрались, ахаютъ, охаютъ, только пуще во мнѣ досаду растравляютъ. „Чтò ты, говорятъ, надѣлалъ; вѣдь теперь онъ тебя съ парохода не отпуститъ и живьемъ съѣстъ"...—„Ну, не съѣстъ, говорю, авось, подавится, а вотъ вы, други мои любезные, вмѣсто того, чтобы нюни-то распускать, взяли бы, да поддержку товарищу оказали, потому, не сегодня—завтра, каждый изъ васъ въ моемъ положеніи оказаться можетъ". —„Чтò ты, говорятъ, какую поддержку, мы сами—люди подневольные!"—„А вотъ, говорю, давайте всѣмъ артелкомъ соберемся, да и подадимъ капитану на Воробьева жалобу въ томъ, что онъ чинитъ надъ нами всякое насиліе и самоуправство и

позволяетъ себѣ неправильныя дѣйствія". Высказалъ я это, смотрю, а они всѣ потихоньку да помаленьку, какъ ошпаренные клопы, и поползли отъ меня въ разныя стороны... И остался я одинъ на полѣ битвы!..

Такъ прошелъ день, на берегъ меня не пустили, и лежу я себѣ, какъ медвѣдь въ берлогѣ, даже кочегары на меня косятся. Только одинъ человѣкъ изъ всей команды большое участіе мнѣ показывалъ,—это нашъ кокъ, Винтура,—толстый такой, неразговорчивый и до того, кажется, къ жизни равнодушный, что ничѣмъ его расшевелить нельзя было. Бывало, крикнешь ему въ шутку: „Винтура, пожаръ!"—онъ только глазомъ этакъ, черезъ силу, поведетъ и опять въ свои кастрюли уткнется. Одно въ немъ было очень удивительное: бурю любилъ. Какъ только, бывало, завизжитъ вѣтеръ въ снастяхъ, начнетъ пароходъ съ одной волны на другую перекидываться, такъ нашъ кокъ свой бѣлый шлыкъ покрѣпче на уши насунетъ, на палубу выкатится, руки на брюхѣ крестикомъ сложитъ—и застылъ... Волны черезъ палубу перекатываются, хлещутъ его и спереди, и сзади, и съ боковъ, а онъ стоитъ-себѣ, съ мѣста не тронется. И что̀ онъ въ это время думаетъ,—кто его знаетъ, только видать, что чувствуетъ, потому—во весь ликъ у него сіяніе и все чего-то мычитъ себѣ подъ носъ. Вотъ этотъ самый Винтура и пришелъ ко мнѣ, когда всѣ меня бросили; смотрю,—пыхтитъ, какъ добрый паровикъ, и лѣзетъ въ каюту; пришелъ, сѣлъ, трубочку закурилъ и смотритъ на меня, будто никогда не видалъ. Я даже удивился. Долго мы этакъ молчали и, вылупя глаза, другъ на дружку смотрѣли. А говорить ему трудно было; какъ начнетъ, бывало, такъ у него каждое слово-то на версту растянется. Ну, молчали, молчали, наконецъ, онъ спрашиваетъ: „У тебя съ Воробьевымъ непріятности вышли?" —„Вышли", говорю. „За что̀?" —„А вотъ за то и за то"... разсказываю ему. Глядитъ онъ на меня, а у самого глаза такъ и играютъ. „А ты, говоритъ, того... ты держись! Крѣпче держись... не поддавайся!"—„Да я, молъ, и не хочу поддаваться".—„То-то!"—похлопалъ меня по плечу и ушелъ, и что̀ ты думаешь, не много человѣкъ сдѣлалъ, а словно живой водой въ меня брызнулъ! Я тебѣ скажу,—доброе слово лучше всего на свѣтѣ...

Однако, пароходъ нашъ снялся, и время мнѣ на вахту идти, а я не иду. Присылаетъ Воробьевъ записку третьему механику, чтобы изъ старшинъ меня смѣнить,—а я старшиной у машинистовъ былъ,—и чтобы силой поставить меня на вахту. „Ну, что̀ жъ, говорю, силой такъ силой, а самъ не пойду,—пускай

всѣ этому свидѣтели будутъ". Является кочегаръ, замялся и говоритъ: „Приказано, если вы не пойдете, взять еще одного человѣка и гнать въ шею на вахту". — „Ну, въ шею, говорю, это еще у васъ руки не доросли, я и самъ долбануть могу, а ведите меня съ почетомъ, по-архіерейски!"—Взяли меня, такимъ манеромъ, подъ руки и потащили на вахту; иду я, голову поднялъ, и вижу,—стоятъ матросы, какъ быки, въ землю уставились, и у всѣхъ на душѣ мутитъ...

Отстоялъ я вахту, хлопъ!—меня въ сальный трюмъ волокутъ, машину мазать! Вижу, здорово за меня Воробьевъ принялся, слово свое держитъ, но ничего, я не покоряюсь, работаю насильно и никакого буйства не дѣлаю, чтобы всѣ видѣли, какъ онъ меня ни за что, ни про что тиранитъ. А онъ таки этого и добивался, то-есть чтобы я изъ себя вышелъ и какой-нибудь скандалъ на суднѣ разыгралъ,—тогда бы онъ себѣ во всѣхъ своихъ безобразіяхъ оправданіе нашелъ, меня бунтовщикомъ выставилъ и еще подъ судъ могъ бы отдать. Это у нихъ тактика извѣстная: измытарятъ человѣка до того, что онъ „караулъ!" закричитъ, да его же за шиворотъ и въ участокъ: дескать, примите мѣры,—бунтъ и властямъ неповиновеніе... Но я ему такого удовольствія съ своей стороны не предоставилъ, а между прочимъ, вижу, что и команда вся на мою сторону подаваться начинаетъ,—поняли, стало быть, на чьей сторонѣ правда. Про Винтуру и говорить нечего,—дай Богъ ему здоровья, если живъ,—много онъ меня утѣшалъ въ теченіе этого плаванья. Придетъ, бывало, сядетъ съ трубочкой и смотритъ на меня, какъ мать на младенца. „Чтò, Василій Андреичъ, держишься?" —„Держусь", говорю.—„Ну, держись!"

Однако, держись-то держись, а чувствую, что отъ непосильной работы весь разслабъ, и, того гляди, кверху копытами свалюсь. И, наконецъ, свалился... По выходѣ изъ Коломбо, заставилъ меня Воробьевъ идти на подвахту, помогать второму механику снимать діаграмму съ машины, и продержалъ онъ меня тамъ на верхнихъ рѣшеткахъ болѣе четырехъ часовъ, такъ что я отъ усталости и отъ невыносимой жары чуть-было въ машину не упалъ. Не помню ужъ, какъ и слѣзъ оттуда, но когда пришелъ въ каюту, почувствовалъ головокруженіе, знобъ, и потомъ сразу словно въ пропасть ввалился. Пришелъ въ себя съ пузыремъ на головѣ, и почудилось мнѣ, будто на крокодилѣ лежу—жестко, неудобно и во всѣ мѣста колетъ. Разсердился я,—пузыремъ въ стѣну хвать!—и пошелъ кулаками гвоздить, куда попало. А потомъ опять ничего не помню. Послѣ ужъ, какъ по-

правляться сталъ, фельдшеръ говорилъ, что у меня сумасшедшій тифъ былъ и что такъ я въ безпамятствѣ буйствовалъ, что меня къ койкѣ веревками привязывали. Стало быть, я такъ думаю, это изъ меня вся злость, которую я въ себѣ держалъ, черезъ болѣзнь наружу выходила.

Ну, прохворалъ я этакъ съ мѣсяцъ или больше и узнаю, что въ это время мы ужъ и Нагасаки прошли, и скоро въ Портъ-Артурѣ будемъ. Сталъ я проситься, чтобы меня здѣсь оставили, — никакого вниманія! А Воробьевъ такъ и заявилъ, лично придя во мнѣ въ лазаретъ и самодовольно ухмыляясь: „Разсчета не дамъ, на берегъ не пущу и повезу обратно, а издохнешь на пароходѣ — такая твоя участь!“—Отъ этихъ словъ ударило мнѣ въ голову и, схвативши со стола оловянную кружку, я со скрежетомъ зубовнымъ бросился на Воробьева, но больныя ноги не выдержали, и я умлѣлъ, упавши со всего розмаху на полъ. Послѣ того онъ ко мнѣ больше не приближался и даже вообще, когда видѣлъ меня, то обходилъ съ осторожностью. Но месть его ко мнѣ этимъ еще не кончилась. Когда началъ я помаленьку поправляться и съ бритой головой, точно каторжникъ, выползъ на палубу, мнѣ было объявлено, что я теперь совершенно здоровъ и могу идти на вахту. Этакой подлости я ужъ совсѣмъ не ожидалъ и во всеуслышаніе воскликнулъ, что нехай меня теперь на куски рѣжутъ, а я на вахту не пойду и служить не хочу, и требую, чтобы меня навсегда изъ-подъ команды Воробьева освободили. И вотъ, на другой день, вся команда была поставлена во фрунтъ, вышелъ старшій офицеръ и въ присутствіи всѣхъ машинистовъ и механиковъ прочелъ, что машинистъ перваго класса Василій Дукачевъ неспособенъ къ службѣ, безъ всякой причины отказывается нести свои обязанности, а кромѣ всего прочаго, грубъ и неблагонадеженъ въ смыслѣ вреднаго вліянія на товарищей, и потому изъ машинистовъ перваго класса переводится во второй, съ лишеніемъ жалованья и фондовыхъ денегъ за все время службы и съ занесеніемъ всего сказаннаго въ мою формулярную книжку. Только-что онъ это произнесъ и очки было-сталъ платочкомъ протирать, какъ загудитъ моя команда, ну, точь-въ-точь лѣсъ, когда его по верхушкамъ вѣтромъ зацѣпитъ... Офицеръ ажъ подпрыгнулъ весь, словно ему пружину придавили, и очки опять надѣлъ,—въ четыре глаза смотритъ. „Что такое?“ говоритъ. А по палубѣ такъ волной и перекатывается: „Не вѣрно!.. Не признаемъ!.. Клевета!.. Всѣ свидѣтели, что механикъ Воробьевъ Дукачева притѣснялъ... всѣ правду покажемъ... Допросить! Допросить!“... Смотрю, Воробьевъ весь си-

ній стоитъ, и губы у него ажъ къ зубамъ прилипли,—пикаетъ чего-й-то, какъ цыпленокъ, и ничего больше не слышно. Офицеръ поглядѣлъ на него, поглядѣлъ на насъ, да какъ крикнетъ вдругъ: „Молчать! Всѣ въ карцеръ!"—и ушелъ. Ну, тутъ ужъ я самъ не знаю, что̀ такое со мною было: сѣлъ я на палубу и, вѣришь, другъ-Валерьяша, сроду я не плакалъ, а тутъ—сижу и прямо навзрыдъ рыдаю. Смотрю, и Винтура тутъ же стоитъ и тоже себѣ въ фартукъ сморкается.—„Ахъ, вы, говоритъ, подлецы, ахъ, вы, молодцы!.."—ужъ и не разберешь у него, не то онъ ругается, не то—хвалитъ. Машинисты подошли, подняли меня, руки жмутъ, ободряютъ: „Ничего, говорятъ, Дукачевъ, не робѣй, всѣ за тебя,—твое дѣло правое!"—Одинъ меня утѣшаетъ, что и жалованье, и фондовыя деньги мнѣ выдадутъ, не можетъ быть, чтобы не выдали, а я ему въ отвѣтъ: „Да наплевать мнѣ и на жалованье, и на фондовыя деньги,—не деньги мнѣ дороги, а поддержка, и что я съ голоду хоть сейчасъ готовъ подохнуть, только бы еще одну такую минуту въ жизни своей пережить"...

Василій Андреичъ передохнулъ, и по глазамъ его, устремленнымъ куда-то вдаль, мимо меня, видно было, что онъ еще весь въ прошломъ, что онъ не здѣсь, въ меблированной комнатѣ гостинницы „Бристоль", а на палубѣ парохода, среди волнъ Великаго океана, и до сихъ поръ слышитъ гулъ голосовъ, ободрившихъ и поддержавшихъ его въ трудную минуту жизни. Да, такую минуту хорошо пережить, и тотъ, кто хоть одинъ разъ ее пережилъ, никогда не утратитъ вѣры въ силу и красоту человѣческой души.

VII.

Помолчавъ немного, Василій Андреичъ продолжалъ свой разсказъ.

— Ну, послѣ всей этой катавасіи началась у насъ на пароходѣ такая тишина, будто всѣ сразу онѣмѣли. Разошлись каждый по своимъ дѣламъ, и никто не жукнетъ. Одумались всѣ и ждутъ, что̀ теперь дальше будетъ? Узелъ завязали, а какъ онъ развяжется,—никто не знаетъ. Видимъ, начальство подтянулось, и око свое такъ во всѣ стороны и простираетъ, но молчитъ; матросы тоже ни гу-гу, работаютъ во всѣ поршни и виду не показываютъ, что они весь порядокъ разстроили и страшное преступленіе совершили: большому псу не дали маленькую собачку загрызть. Такъ въ обоюдномъ молчаніи и день весь про-

шелъ, а вечеромъ у насъ такая увертюра произошла, что сразу всѣ дѣла на другой оборотъ повернулись.

Былъ у насъ одинъ матросикъ—смирный такой, невзрачный и въ родѣ того какъ бы приглуповатый,—Бульонщикомъ его звали. Слыхать было, что онъ не изъ простыхъ, а дворянскаго роду, но почему отъ званія своего отбился, по бѣдности ли, или по неразумію,—кто его знаетъ; у насъ вообще объ этомъ мало любопытствуютъ,—больше глядятъ, умѣешь ли ты работать, а кто ты есть и откуда произошелъ—это ужъ вполнѣ наплевать. Но что Бульонщикъ отъ всѣхъ матросовъ отличался,—это видно было,—ни водки, ни пива въ ротъ никогда не бралъ, ругаться не ругался и кромѣ всего еще книжки читалъ,—какія книжки, ужъ не могу тебѣ сказать, но, кажется, больше божественныя. Ну, по этой причинѣ онъ у матросовъ на посмѣхушкахъ былъ, а Бульонщикомъ его прозвали потому, что онъ никакого мяса не ѣлъ,—жилъ однимъ хлѣбомъ, да чаемъ, да кашей питался. Я его, впрочемъ, совсѣмъ почти что и не зналъ, слышу только, бывало, матросы смѣются: Бульонщикъ, да Бульонщикъ! Вотъ этотъ самый Бульонщикъ и удралъ штуку... На заходѣ солнца этакъ вышелъ я на палубу и сѣлъ у праваго борта на кранцъ—поглядѣть, какъ солнышко въ море спать ложится. Погода была тихая, и вездѣ кругомъ, и на морѣ, и на небѣ, и на пароходѣ такая тишина стояла,—ну, вотъ точь въ точь какъ въ церкви передъ выносомъ св. Даровъ, когда, бывало, маленькимъ стоишь ни живъ, ни мертвъ, и ждешь, а ну какъ вдругъ занавѣсъ въ алтарѣ раздвинется и оттуда самъ Богъ-Саваоѳъ на амвонъ выйдетъ... Вотъ, стало быть, сижу я такимъ манеромъ, смотрю на море и помню, что на душѣ у меня тогда тоже очень тихо и хорошо было. И про Воробьева, и про досаду и непріятности свои, про все я забылъ,—чувствую только, что хорошо жить на бѣломъ свѣтѣ, да больше ничего и не надо. И вдругъ среди этакого-то блаженства слышу я на носу страшный крикъ... ну, такой крикъ это былъ нестерпимый, что у меня сразу сердце оборвалось, и ужъ не знаю, что̀ подумалось,—будто небо на землю падаетъ. Вскочилъ я, очертя голову, и помчался на носъ; гляжу, и всѣ туда же бѣгутъ, лица на̀косъ перекосило, волосы дыбомъ, и никакого порядка не разбираютъ. Что такое? Почему? Гдѣ? Ничего неизвѣстно; только и слышно, кричитъ кто-то не своимъ голосомъ: „Упалъ! упалъ! Въ море бросился"!.. Сгрудились мы на носу, толкаемся, смотримъ—ничего не видно, зеленая вода кругомъ—и больше ничего. Наконецъ ужъ кто-то догадался и скомандовалъ: „Кругъ

бросить! Шлюпку"!.. Но пока кругъ бросали, пока чтò,—глядимъ, у самаго борта всплеснулось море, и поплыла по зеленой водѣ красная пѣна. У-ухъ, вспомнить не могу я этой красной пѣны, ажъ и сейчасъ тошнитъ!.. Прямо, бѣдняга, на акулу нарвался... не дай Богъ никому такой смерти!

— Кто же это былъ,—Бульонщикъ?—спросилъ я.

— Онъ, сердечный! Послѣ ужъ часовой разсказывалъ, что онъ видалъ, какъ вскочилъ вдругъ человѣкъ на бортъ, махнулъ руками, словно птица, и пропалъ. А матросы говорили, что онъ во весь этотъ день ничего не ѣлъ, а какъ пришелъ съ палубы въ каюту послѣ того скандала, такъ легъ на койку лицомъ къ стѣнѣ и до самаго вечера пролежалъ. И почему такое онъ съ собой порѣшить задумалъ—кто его знаетъ! Можетъ, наказанія испугался, а можетъ, и по другой какой причинѣ, но мнѣ иной разъ думается—чудныя дѣла бываютъ на свѣтѣ! Вотъ вѣдь сколько времени мы съ этимъ Бульонщикомъ вмѣстѣ жили, каждый день его видали, а кто изъ насъ зналъ, чтò онъ за человѣкъ такой, и какія его мысли, какія дѣла, и почему его такая смерть постигла... Смѣяться всѣ смѣялись, а приласкать никто не приласкалъ,—а, можетъ, ему ласка-то нужнѣй всего была. Всякаго человѣка вò-время приласкать надо... но скупъ человѣкъ на ласку, а смѣхъ—штука дешевая, и всѣ мы съ великой охотой отдаемъ то, чтò намъ самимъ не нужно. Это, братъ, я самъ на себѣ очень хорошо испыталъ... и потому, можетъ быть, Бульонщикъ тогда сильно во мнѣ всю внутренность растревожилъ. Хожу, лежу—и все объ немъ думаю; засѣлъ онъ у меня въ башку, и ничѣмъ его оттуда не выбьешь. А къ тому мѣсту, откуда онъ въ море кинулся, такъ и тянетъ, такъ и тянетъ... Придешь, облокотишься на бортъ, да и глядишь въ воду, будто ждешь, что вотъ-вотъ онъ изъ нея вынырнетъ. И другіе матросы тоже призадумались; смотришь, то одинъ, то другой у борта торчитъ и голову внизъ свѣсилъ. Командиръ, наконецъ, строгій приказъ отдалъ,—не ходить на то мѣсто, а кого ежели застанутъ,—сейчасъ въ карцеръ. Объ моемъ дѣлѣ и помину нѣтъ, какъ будто ничего и не было: все идетъ своимъ чередомъ, вездѣ порядокъ, вездѣ тишина, а Воробьевъ даже и голосу не подаетъ, какъ будто Бульонщикъ ему ротъ завязалъ. Заболѣлъ тутъ вскорѣ еще одинъ машинистъ, и меня опять на вахту назначаютъ, но безъ всякихъ ругательствъ, безъ насилія, а въ вѣжливой формѣ, что, дескать, не могу ли я замѣнить больного. Что жъ, думаю, коли просятъ, отчего не пойти,—пошелъ. Однако, когда я въ Сингапурѣ на берегъ отпросился, меня за-

ставили уголь принимать,—должно быть, изъ боязни, что я-буду консулу жаловаться,—и такъ я проваландался съ этимъ углемъ до 12-ти часовъ ночи, и потомъ уже получилъ милостивое разрѣшеніе сойти на берегъ. Сдавъ книгу товарищу машинисту, я ушелъ и до разсвѣта скитался по улицамъ Сингапура среди рикшъ, банановъ и москитовъ, чѣмъ доставилъ большое удовольствіе Воробьеву, который встрѣтилъ меня на палубѣ съ змѣиной улыбочкой. Послѣ оказалось, что эта моя сингапурская прогулка была мнѣ въ счетъ поставлена, и Воробьевъ наклеветалъ командиру, что я, будто бы, хотѣлъ бѣжать съ парохода.

Приближаясь къ Портъ-Саиду, я опять заболѣлъ; прежняя моя болѣзнь, должно быть, худо была вылечена, потому что стала выходить по всему тѣлу нарывами, и еслибы не Винтура, который ходилъ за мною, какъ нянька, я бы подохъ обязательно и попалъ бы на закуску акуламъ, какъ нашъ бѣдный Бульонщикъ. Докторъ и фельдшеръ, считая рабочаго человѣка за ничто, не обращали на меня никакого вниманія, но Винтура замѣнялъ мнѣ и доктора, и фельдшера, и сестру милосердія. Бывало, броситъ свой камбузъ (печь) и бѣжитъ ко мнѣ съ ветошкой, съ тепленькой водицей, съ карболкой.—„Ну-ка, говоритъ, Іовъ многострадальный, давай, я тебѣ замѣсто пса раны твои тряпочкой облегчу"... И облегчитъ! Не столько тряпочкой, сколько добротой своей облегчитъ, и почувствуешь, бывало, лежа на гнойномъ одрѣ своемъ, что хорошо жить на свѣтѣ, покуда еще добрые люди водятся.

Однако, несмотря на заботливость Винтуры, здоровье мое чѣмъ ни дольше, тѣмъ все хуже становилось, и, наконецъ, въ Константинополѣ меня уволили съ парохода для леченія, но безъ уплаты жалованья, такъ какъ, будто бы, я не служилъ совсѣмъ и для собственнаго удовольствія кругосвѣтное путешествіе совершилъ. Узнавши это, товарищи изъ послѣднихъ грошей собрали мнѣ небольшую сумму и совѣтовали жаловаться начальнику порта на неправильныя дѣйствія Воробьева, обѣщая быть свидѣтелями. Но какъ мнѣ ни жалко было съ товарищами разставаться, особенно съ Винтурой, я, признаюсь, вздохнулъ отъ всей души, когда подлая образина Воробьева скрылась изъ моего зрѣнія. Много зла онъ мнѣ сдѣлалъ, и не столько тѣмъ, что я изъ-за него здоровье потерялъ и заслуженныхъ денегъ лишился, но больше всего тѣмъ, что душу мою онъ исковеркалъ и унизилъ во мнѣ самолюбіе рабочаго человѣка.

Черезъ два мѣсяца леченія въ гошпиталѣ всѣ мои раны новымъ мясомъ обросли, и могъ я, наконецъ, отправиться на ро-

дину въ Одессу. И вотъ тутъ-то на пароходѣ разыгрался у меня романъ, который чуть-было не привелъ меня къ окончательной погибели, еслибы опять не удержала меня на краю пропасти таинственная рука..

Съ начала путешествія, публика, которая ѣхала на пароходѣ, показалась мнѣ совсѣмъ не любопытная. Ѣхали все больше паломники изъ Іерусалима,—попы, купчихи, сѣрые мужички и бабы, монахи и монашки,—такой все народъ угрюмый, черный, и деревяннымъ масломъ отъ нихъ за версту пахнетъ, а я, признаться, этого деревяннаго масла не любитель. Купчихи съ попами все чай пьютъ, да балыкомъ закусываютъ и объ какихъ-то гвоздяхъ вспоминаютъ; мужики и бабы разъ двадцать въ день онучки перевертываютъ и издали смотрятъ, какъ попы съ купчихами чай пьютъ, а монахи съ монашками акафисты читаютъ и четками щелкаютъ,—просто, глядѣть тоска, не приступишься ни къ кому, такъ святостью и дышатъ! Скучно мнѣ до смерти, хожу по палубѣ взадъ и впередъ и все присматриваюсь, съ кѣмъ бы мнѣ душу отвести,—а тутъ вдругъ и примѣтилъ парочку. Сидятъ себѣ отдѣльно отъ всѣхъ, чего-то другъ дружкѣ на ухо нашептываютъ и этакъ пугливо по сторонамъ смотрятъ. Сталъ я за ними наблюдать,—что̀, думаю, за люди такіе странные? Она—маленькая, худая, черная, платочекъ бѣлый шолковый на головѣ, платьице ситцевое, кубовое, пояскомъ ременнымъ подпоясано,—ну, вотъ, совсѣмъ въ родѣ какъ наши русскія курсистки; я сначала такъ и подумалъ: курсистка или учительница... Но онъ меня совсѣмъ съ толку сбилъ,—никакъ я понять не могъ, что̀ онъ за человѣкъ такой. Худой тоже, черный, волосы длинные, кудрявые, носъ горбомъ, какъ у черкеса, и одѣтъ тоже какъ черкесъ,—бешметъ длинный съ позументами, сапоги съ носами и голова бѣлымъ башлыкомъ увязана. Подошелъ я къ нимъ поближе, слушаю,—говорятъ что-то не по-русски, ничего не поймешь, но голосокъ у нея такой нѣжный, тонкій, просто не говоритъ, а поетъ! А она замѣтила, что я на нихъ смотрю, такъ даже испугалась вся, схватила его скорѣй за руку и голову ему на плечо положила,—дескать, вы не думайте, что за меня заступиться некому... Неловко мнѣ стало, я и отошелъ, но все-таки, нѣтъ-нѣтъ, да и пройдусь мимо поглядѣть, что̀ моя парочка дѣлаетъ. Ничего, сидятъ, шепчутся и на море смотрятъ, но ни разу я не видалъ, чтобы они что-нибудь ѣли и пили. Купчихи—тѣ уже никакъ по двѣнадцатому чайнику опоражнивали; монашки тоже себѣ втихомолочку какіе-то аппетитные узелочки развязали; даже мужички—и тѣ, покушавъ, рыгали во славу

Божію,—одни мои птенчики сидятъ, обнявшись, и какъ будто бы однимъ духомъ святымъ питаются. Жалко мнѣ ихъ стало; вижу —бѣднота, должно быть, непокрытая, и куда ѣдутъ—сами не знаютъ, но ужъ навѣрное судьбы своей искать.

Между тѣмъ подошелъ вечеръ, съ моря свѣжимъ вѣтеркомъ потянуло, и начали пассажиры палубы на ночлегъ укладываться. Смотрю, моя знакомая-незнакомка платокъ съ себя стащила, своему другу шею укутала, уложила его на скамеечкѣ головой къ себѣ на колѣнки, а сама прислонилась къ борту и сидитъ. Караулитъ его, точно нянюшка,—мнѣ даже завидно стало. Подошелъ я поближе и тоже себѣ на какомъ-то тюкѣ примостился. Сидимъ—молчимъ, но вижу, что она не спитъ, все вздыхаетъ, и глаза у нея такъ и свѣтятся. А ночь была темная, сырая, и тишина кругомъ самая безмятежная,—только и слышно, какъ пароходный винтъ воду буравитъ, да богомольцы то тамъ, то здѣсь похрапываютъ. Грустно мнѣ стало; вспомнилъ я всѣ свои обиды и раздумался: и какой я есть человѣкъ неудачный, и что̀ меня теперь на родинѣ ожидаетъ—безъ копѣйки денегъ, безъ работы, съ разстроеннымъ здоровьемъ и съ замаранной книжкой... Раздумался я этакъ, да и вздохнулъ тоже и такъ вздохнулъ, что моя сосѣдка ажъ вздрогнула.

— Что̀ это вы вздыхаете?—спрашиваетъ вдругъ по-русски.

Я такъ на нее глаза и вытаращилъ.

— Развѣ вы русская?—говорю. Вижу, улыбнулась она,—въ первый разъ за весь день улыбнулась!—и зубы у нея бѣлые, какъ миндаль...

— А почему вы думали, что я не русская?—спрашиваетъ.

— Да вы на русскую не похожи.

— Я, говоритъ, и есть не русская. Я—арабка! И зовутъ меня Джемиль, а вотъ это мужъ мой, Іозефъ Зурбаръ...

Ну, тутъ ужъ я на своемъ тюкѣ не могъ усидѣть; вскочилъ, сѣлъ около нея на полъ и говорю:

— Какъ же это вышло, что вы такъ хорошо по-русски говорите, и куда вы теперь свой путь направляете?

Вздохнула она, своего Зурбара платочкомъ хорошенько укрыла и говоритъ потихоньку:

— Ахъ, это все очень просто! Училась я въ Іерусалимѣ, въ русской школѣ, кончила курсъ съ золотой медалью и поступила въ эту же школу учительницей. А Зурбаръ мой учился въ французской школѣ и по-русски ни одного слова не говоритъ. Мы съ нимъ оба бѣдные и любимъ другъ друга съ самаго дѣтства, потому что наши хижины рядомъ были и мы часто вмѣстѣ

подъ одной пальмой играли. У его отца двѣнадцать человѣкъ дѣтей, и на всю семью у нихъ одно одѣяло и одна финиковая пальма, которая ихъ кормитъ. А у меня никого нѣтъ, я сирота, поэтому мы съ нимъ и попали—онъ въ іезуитскую, а я въ русскую школу. Но когда мы съ нимъ женились, я потеряла право быть учительницей, потому что у насъ въ школѣ такой законъ,—учительницы должны быть какъ монахини, а если замужъ выйдетъ, то уже нельзя въ школѣ оставаться.

— Ну, и глупый же,—говорю,—законъ, и какой это дуракъ его выдумалъ?

Джемиль такъ строго на меня глазами сверкнула и брови свои бархатныя нахмурила.

— Не смѣйте,—говоритъ,—такъ говорить; ничуть не глупый законъ, а очень справедливый, потому что ужъ если дѣвушка выйдетъ замужъ, то она не можетъ себя чужимъ дѣтямъ посвящать, а по закону природы должна прилѣпиться къ своему мужу, и оттого, будто бы, пострадаетъ какой-то высшій интересъ, и такъ говорятъ всѣ ихъ мудрые наставники и почтенные руководители, и она ихъ глубоко уважаетъ и никому не позволитъ дурно о нихъ отзываться...

Такъ она меня словами и засыпала; вижу, словно по книгѣ вычитываетъ, до тонкости свой катихизисъ заучила,—не сталъ я съ ней спорить.

— Хорошо,—говорю,—не буду трогать вашихъ почтенныхъ наставниковъ и руководителей, позвольте только одинъ вопросикъ маленькій предложить,—что̀ ваши наставники-то тоже всѣ холостые?

— Нѣтъ,—говоритъ,—они женатые. Священникамъ нельзя холостымъ быть.

— Такъ-съ,—говорю,—а почему же въ этомъ случаѣ высшіе интересы не страдаютъ, а когда учительницы замужъ выходятъ, то страдаютъ?

Сначала призадумалась.

— Жена, а не мужъ, кормитъ грудью дѣтей и няньчитъ ихъ,—говоритъ она...

Да какъ поглядѣла на меня, видитъ, что я смѣюсь, и опять разсердилась.

— Я,—говоритъ,—давеча, какъ увидѣла васъ, подумала, что вы добрый, а теперь вижу, что вы злой, и ничего святого для васъ нѣтъ, и я даже жалѣю, что такъ откровенно съ вами говорила...

Вотъ тебѣ и разъ!.. Огорошила она меня совсѣмъ; сижу я и не знаю, что̀ мнѣ теперь продолжать и какъ бы ее опять въ свою пользу задобрить.

— Нѣтъ,—говорю,—никакой злости во мнѣ нѣтъ, и въ Бога я вѣрю такъ же, какъ и вы, но возмущаетъ меня иная несправедливость и не могу я терпѣть, когда вижу, что однимъ все можно, а другимъ ничего нельзя. Почему такъ? Развѣ Богъ людей изъ разной глины создалъ?

Поглядѣла Джемиль на небо и такъ грустно вздохнула.

— Ахъ,—говоритъ,—ничего я не знаю! Мнѣ кажется иногда, что всѣ мы на землѣ заблудились и никогда своей дороги настоящей не найдемъ... Вотъ мы съ Іозефомъ ѣдемъ въ Россію, а что тамъ будетъ?.. Не знаю, ничего не знаю, и даже думать объ этомъ боюсь.

— Зачѣмъ же вы,—говорю,—въ Россію ѣдете?

— Да потому, что мы оба бѣдные, и на родинѣ намъ нечего дѣлать. Ахъ, вы не знаете, какая наша бѣдная страна и какой бѣдный народъ! Земля у насъ твердая, какъ камень, и по цѣлымъ мѣсяцамъ не бываетъ ни капли дождя... Солнце наше жжетъ, какъ огонь, выпиваетъ всѣ источники, убиваетъ всѣ деревья, и люди страдаютъ отъ голода и жажды... Имъ надо помогать, а у насъ у самихъ ничего нѣтъ, и еслибы мы съ Іозефомъ вернулись къ его отцу, то мы бы отняли у него послѣднее. А Россія, говорятъ, страна богатая, и русскій народъ очень щедрый и гостепріимный. Если русскіе устроиваютъ школы для арабскихъ дѣтей, то сколько же, я думаю, у нихъ школъ для дѣтей своего народа? И я подумала: „мы съ Іозефомъ молодые и сильные—мнѣ девятнадцать лѣтъ, а ему двадцать; я хорошо знаю русскій языкъ и была учительницей въ русской школѣ; онъ знаетъ французскій языкъ и тоже можетъ что-нибудь дѣлать,—неужели намъ двоимъ не найдется дѣла въ такой богатой странѣ, какъ Россія“? И я сказала ему: „поѣдемъ, Зурбаръ, въ Россію“! Мы продали мою золотую медаль, выхлопотали въ русской миссіи билеты и вотъ ѣдемъ... Неужели мы тамъ ничего не найдемъ?

Тутъ Зурбаръ, должно быть, проснулся отъ нашего разговора, потому что сердито что-то заворчалъ и началъ вылѣзать изъ своего башлыка. Но Джемиль опять его укутала, приласкала, нѣжно шепнула ему что-то на ушко, и арабъ успокоился. „Эхъ, вы, бѣдные, бѣдные!—подумалъ я.—И зачѣмъ вы играли вмѣстѣ подъ своей пальмой, которая васъ даже прокормить не можетъ“...

Когда Зурбаръ засопѣлъ у себя подъ башлыкомъ, мы опять продолжали свой разговоръ.

— Куда же вы ѣдете?—спросилъ я.—Вѣдь Россія велика...

— Въ Кіевъ. Мой наставникъ далъ мнѣ письмо къ своему

родственнику, дьякону одной кіевской церкви. Кіевъ — городъ большой; тамъ, говорятъ, очень много церквей и школъ Гдѣ много церквей, тамъ вѣрно живутъ очень хорошіе люди. Я вѣрю, что намъ съ Зурбаромъ тамъ будетъ хорошо жить.

Тутъ меня чортъ и дернулъ сказать:

— А если нѣтъ? Въ Кіевѣ много народу, и работу достать трудно. Ну, а какъ вы не найдете тамъ работы?

Какъ она взглянетъ, какъ загорится вся, Боже ты мой, — я не радъ, что ввязался...

— Какъ?—говоритъ.—Вы—русскій и такъ думаете дурно о Россіи? Чтобы въ Россіи, такой богатой, такой сильной, не нашлось работы для двухъ молодыхъ, честныхъ, преданныхъ людей? Не можетъ этого быть, не вѣрю и не повѣрю! Вы не русскій,—вы хуже турка, вы клевещете на свою родину! Я люблю русскихъ; я знаю, что они—добрые, великодушные, благородные! Они не дадутъ погибнуть несчастнымъ бѣднякамъ, которые изъ пустыни пріѣхали отдать имъ свой трудъ и свои силы! Вы лжете, вы меня нарочно обманываете, вы не желаете намъ счастья...

И пошла, и пошла,—да такъ меня забила, что я сижу и не жукну! Вижу, что окончательно дѣвочку сбили съ толку премудрые наставники; наговорили ей небылицъ въ лицахъ, а она повѣрила и возмечтала. Но все-таки очень мнѣ это понравилось, что она смѣлая такая,—я смѣлыхъ люблю! Смотрю на нее и думаю: „Ишь, вѣдь, пиголица какая! Не успѣла изъ яйца выклюнуться, а ужъ и летѣть собралась. Медалишку какую-то продала,— и много ли ей за нее дали? — единственное платьице на себя натянула и, пожалуйте,—куда угодно готова, да еще и Зурбара своего тащитъ. Много ли ты у насъ такихъ найдешь, хотя бы и между нашимъ братомъ-мужчиной? Иному, глядишь, жвачку жуютъ, да въ ротъ суютъ и онъ только хнычетъ, будто его жизнь обидѣла, а тутъ дѣвочка безъ роду, безъ племени, безъ всякой поддержки, ѣдетъ себѣ въ невѣдомую сторону, къ чужимъ людямъ, да еще и не какъ-нибудь, а тоже приносить пользу... Это, я тебѣ скажу, ты не часто встрѣтишь"!

Такъ мы съ ней всю ночь напролетъ проговорили, а Зурбаръ все время храпѣлъ и хоть бы на одну минутку проснулся, да сказалъ своей любимой супругѣ,—дескать, не устала ли ты, моя милая, прилягъ, отдохни, а я посижу—покараулю... Какое тебѣ, и не повернулся ни разу, мнѣ ажъ досадно на него стало. „Эхъ, думаю, не тебѣ бы такую пару, а мнѣ,—надѣлали бы мы съ ней дѣловъ! Ты же, другъ мой любезный, не только жену,—царство небесное проспишь"... А Джемиль точно дога-

далась про мои мысли,—взяла, еще потеплѣе его укрыла и говоритъ: „Я могу всю ночь не спать, я здоровая, а Іозефъ у меня очень слабый, и ему долго сидѣть на воздухѣ вредно“... Ахъ, ты, сдѣлай одолженіе, ему вредно!..

— Понимаю!—перебилъ я моего Василія Андреича, смѣясь.— Выходитъ, что ты самъ въ эту Джемиль влюбился, да и теперь еще, кажется, влюбленъ,—не такъ ли?

Василій Андреичъ немного смутился и поглядѣлъ на меня довольно сурово.

— Это ужъ все потомъ было, ты погоди, я по порядку разскажу, а на пароходѣ про любовь никакого еще помину не было. Ѣдемъ и разговариваемъ; она мнѣ про свою жизнь разсказала, я ей про свою, и такъ мы съ ней хорошо другъ-дружку поняли, какъ будто сто лѣтъ знакомы были. Она мнѣ тогда еще сказала: „Я,—говоритъ,—какъ на ваше лицо взглянула, такъ сейчасъ увидѣла, что вы на другихъ людей не похожи. Вотъ сколько народу здѣсь ѣдетъ, а посмотришь на нихъ—всѣ они одинаковые. А вы—нѣтъ; у васъ по лицу видно, что вы другой жизни ищете“.

Я, было, ей возражать: „Все это; говорю, однѣ ваши мечты, и ничего такого на лицѣ у меня нѣту,—просто себѣ, лицо какъ лицо, видно, что человѣкъ рабочій, больше ничего.—„Нѣтъ, говоритъ, не спорьте, это ужъ я знаю! Бываютъ лица простыя, бѣлыя, какъ бумага, и ничего на нихъ не написано,—на такое лицо поглядишь и сразу отвернешься. А то есть лица особенныя; они похожи на книгу, которую какъ начнешь читать, такъ отъ нея и не отойдешь, покуда до конца не дочитаешь. Вонъ, говоритъ, поглядите на звѣзды,—вѣдь и звѣзды разныя! Однѣ тихонько свѣтятъ, ровно, спокойно, а другія такъ и блестятъ, такъ и сверкаютъ, точно огоньки. И это оттого происходитъ, что однѣ чужимъ свѣтомъ свѣтятся, а другія сами горятъ... Такъ же, говоритъ, вотъ и люди... Еслибы вы по-арабски знали, я бы, говоритъ, вамъ одно хорошее стихотвореніе сказала... да жалко, вы не знаете. Вы бы тогда все поняли и не стали надо мной смѣяться“.

И такъ она эти слова хорошо сказала, что мнѣ даже стыдно стало,—и куда, молъ, это я лѣзу съ суконнымъ рыломъ да въ калашный рядъ? Вѣдь я передъ ней словно рѣпа передъ звѣздой, а туда же оспариваю... Досадно мнѣ сдѣлалось за свою необразованность, взялъ я и замолчалъ. И она тоже замолчала, и начали мы оба на звѣзды смотрѣть.

— А вѣдь и вправду,—говорю я,—одна звѣзда на другую не

похожа: однѣ блестятъ, а другія тихонько свѣтятся. А я сколько лѣтъ живу на свѣтѣ,—въ первый разъ это замѣтилъ.

Джемиль посмотрѣла на меня и говоритъ:

— Многаго люди не видятъ, что около нихъ дѣлается! Еслибы видѣли, они бы лучше были, потому что поняли бы всю премудрость Божію, а вѣдь Богъ хочетъ, чтобы люди были добрые и счастливые...

Слушаю я ее и удивляюсь,—и откуда у нея слова берутся, такъ будто по книжкѣ и вычитываетъ! Хорошо умѣла говорить,—куда мнѣ за ней было угнаться!—я всѣхъ ея словъ и повторить-то не умѣю! Но съ своей стороны, не желая уступать, тоже ей задаю такой вопросъ:

— А какъ бы вы жизнь свою хотѣли прожить: вотъ такъ, вотъ потихонечку около чужого огонька грѣться, или самой, какъ костеръ, горѣть?

Сверкнула она на меня своими глазищами и отвѣчаетъ:

— Конечно, горѣть!

— Ну, вотъ, говорю, и я тоже: давайте горѣть!

И сразу намъ обоимъ весело стало: посмотрѣли мы другъ на друга и засмѣялись.

VIII.

Начало разсвѣтать, а у насъ сна ни въ одномъ глазу нѣту. Проснулись богомольцы; купчихи опять съ чайниками своими повылазали и нашъ Зурбаръ очухался, наконецъ. Всталъ сердитый, глаза на меня уставилъ, и видно, что недоволенъ; началъ что-то по своему на Джемиль бурчать. Она его улещаетъ нѣжными словами; гребенку вынула, кудри ему расчесала, башлыкомъ опять укутала,—сидитъ онъ, какъ идолъ египетскій, и буркалами ворочаетъ. Но красивъ, подлецъ, точно картина! Лицо длинное, щеки словно бархатъ, брови шнурочкомъ, носъ орлиный; даже я на него заглядѣлся. Купчихи тоже начали присматриваться: нѣтъ-нѣтъ, какая-нибудь и прошмыгнетъ мимо съ чайникомъ. А Джемиль его убрала, всячески обласкала и со мною знакомитъ. Ничего; подали мы другъ другу руки; я ему говорю: „авекъ боку де плезиръ",—онъ мнѣ тоже что-то по-французски лопочетъ. Однако, дѣло къ обѣдамъ подвигается, ужъ у меня подъ ложечкой засосало, а арабы мои и не думаютъ насчетъ того, чтобы покушать. Я потихонечку взялъ, да и нырнулъ въ буфетъ; заказалъ кофе, пирожковъ набралъ всякихъ, буттербродовъ, и велѣлъ на палубу подать. Какъ увидала это

Джемиль, такъ даже испугалась: „Что̀ это вы, говоритъ, надѣлали, вѣдь мы заплатить не можемъ!"—„Зачѣмъ вамъ платить, говорю, это уже вы мнѣ позвольте васъ угостить для перваго знакомства, потому вы теперь у насъ въ Россіи какъ бы въ гостяхъ, а хозяева всегда гостей угощаютъ".—„Не нужно намъ этого, говоритъ, и съ какой стати вы насъ будете угощать,—вы сами человѣкъ рабочій, вамъ тоже деньги нужны".—„А это ужъ, говорю, не ваше дѣло, и ежели вы моего угощенія не примете, то я сейчасъ ухожу отъ васъ, и больше мы незнакомы". Ну, видитъ она, что со мной шутки плохи, и замолчала; сидимъ мы, пьемъ кофей, разговариваемъ,—глядь, къ намъ ужъ и публика подлаживается. Сначала купчиха подсѣла, на шляпкѣ у нея цѣлый баштанъ, только-что воронъяго пугала не хватаетъ; потомъ батюшка подошелъ, самый этакій ласковый, ручки на животѣ сложилъ и пальчиками поигрываетъ. Ввязались они въ разговоръ и начали съ двухъ боковъ допрашивать: кто, да что, да откуда, да зачѣмъ, а Джемиль спроста̀ все имъ разсказываетъ.

— Напрасно вы,—говоритъ батюшка,—это затѣяли! У насъ и своимъ духовнымъ мѣстъ не хватаетъ, та̀къ изъ горла другъ у дружки и рвутъ, а тутъ еще чужестранцы будутъ у насъ кусокъ хлѣба отбивать. Ничего вы не добьетесь, это я вамъ вѣрно говорю, и мой совѣтъ вамъ: возвращайтесь къ себѣ на родину и живите, какъ жили. Всякій человѣкъ долженъ въ своемъ званіи оставаться, какое ему Господь отъ рожденія опредѣлилъ, и ежели онъ желаетъ стать выше того, что̀ ему назначено, это все не болѣе, какъ гордыня и вредный духъ безбожія.

Поблѣднѣла Джемиль, а глаза какъ угли сдѣлались.

— У меня,—говоритъ,—рекомендательное письмо отъ нашего настоятеля, и онъ меня самъ въ Россію послалъ и на дорогу благословилъ,—неужто онъ меня обманываетъ?

— Зачѣмъ же,—говоритъ батюшка,—такія рѣзкія выраженія? Я вашего настоятеля знаю и знаю, что онъ человѣкъ высоконравственный и доброты чрезвычайной; но, живя вдали отъ родины, онъ многое позабылъ и воображаетъ все себѣ не такъ, какъ оно есть на самомъ дѣлѣ. Еслибы онъ зналъ нынѣшній порядокъ жизни у насъ въ Россіи, я думаю, онъ бы васъ и не послалъ, и не благословилъ.

У Джемиль даже слезы на глаза навернулись. Жалко мнѣ ее, но вижу, что попъ правду говоритъ, и молчу. А она все-таки не унимается.

— Хорошо,—говоритъ,—можетъ, онъ и ошибается, а мы все-таки попробуемъ! Какъ это такъ, чтобы во всей землѣ человѣку

мѣста не было? Мы съ Зурбаромъ хотимъ работать, пользу приносить,—неужели нашъ трудъ никому не нуженъ?

Тутъ ужъ и купчиха впуталась.

— А вы,—говоритъ,—моя милая не ищите дѣла выше своего званія! У насъ, говоритъ, и благородныя барышни часто по званію своему занятія не находятъ, а вы кто такая? Бѣдная арабка, больше ничего; изъ милости васъ воспитали, грамотѣ выучили, а вы уже себѣ и возмечтали Богъ знаетъ что̀! Стирать умѣете? Стряпать умѣете? Шить умѣете?

— Умѣю!—отвѣчаетъ Джемиль.

— Ну, вотъ, и идите въ горничныя или въ кухарки, это вамъ къ лицу, а мужа вашего въ швейцары опредѣлите или въ лакеи,—онъ у васъ представительный такой,—его вездѣ съ удовольствіемъ наймутъ.

— Что же,—говоритъ Джемиль,—я не отказываюсь; если не найду дѣла по душѣ, я и въ горничныя готова пойти.

— А вотъ,—говоритъ,—и хорошо, милочка моя, что вы отъ черной работы не отказываетесь; въ этомъ, говоритъ, вамъ всякій съ удовольствіемъ поможетъ. Да вотъ, говоритъ, у меня въ Одессѣ одинъ знакомый ресторанщикъ есть, я ему васъ порекомендую! У него заведеніе богатѣйшее, ему всегда прислуга нужна; если ужъ не въ горничныя, то въ судомойки онъ васъ всегда возьметъ. А мужа вашего при отдѣльныхъ кабинетахъ оффиціантомъ поставитъ... Вотъ я вамъ и адресъ дамъ.

И сейчасъ это ридикюль свой отомкнула и карточку въ руки Джемиль суетъ. Арабы мои бѣдные только глазами хлопаютъ, растерялись совсѣмъ... Ѣхали въ Россію „пользу приносить“, а замѣсто того одну въ судомойки пхаютъ, а другого — лакеемъ при отдѣльныхъ кабинетахъ. А они, бѣдные, чисто дѣти, не понимаютъ ничего, благодарятъ,—ажъ меня зло взяло. Да какъ заглянулъ я въ карточку,—батюшки мои!—и ресторанъ-то этотъ я знаю... просто, не ресторанъ, а, съ позволенія сказать, публичный домъ, куда всякая гуляющая сволочь кутить собирается. Какъ напустился я тутъ на купчиху!

— Это,—говорю,—что̀ же вы такое имъ рекомендуете? Да я, говорю, сейчасъ же, какъ въ Одессу прибудемъ, объ васъ заявленіе сдѣлаю, что вы молодыхъ людей въ развратъ совращаете! А еще, говорю, ко „святымъ мѣстамъ“ ѣздите, ко Гробу Господню прикладывались, небось! Ахъ, вы, говорю, такая-сякая!..

Купчиху чуть было ударомъ не пришибло. „Ахъ-ахъ, дурно-дурно, воды, умираю!“—и маршъ отъ насъ въ каюты. Такъ мы ее больше и не видѣли. Батюшка тоже, позѣвалъ-позѣвалъ и

бочкомъ, бочкомъ въ сторонку отошелъ, какъ будто бы и не слыхалъ ничего. И остались мы опять одни, какъ путешественники послѣ кораблекрушенія,—никого кругомъ насъ нѣту, чисто...

— Чтò это такое,—говоритъ Джемиль,—за чтò вы ихъ всѣхъ разогнали? Эта дама намъ помочь хотѣла, а вы ее обидѣли. Она такая добрая!

А я, ни слова не говоря, взялъ у нея изъ рукъ карточку, разорвалъ и въ море бросилъ.—Эхъ, говорю, младенецъ вы новорожденный, а еще туда же про самостоятельность говорите! Всякая гадина пасть свою разинетъ, а вы сейчасъ и лѣзть туда готовы! Не смѣйте, говорю, никакихъ рекомендацій отъ незнакомыхъ людей принимать, а пуще всего вотъ отъ этакихъ добрыхъ барынь! А ежели, говорю, хотите въ горничныя поступать или въ судомойки, то на это есть въ городахъ конторы, черезъ которыя вы всегда мѣсто найдете, и всякій полицейскій вамъ туда дорогу укажетъ. Поняли?

Тутъ ужъ она, кажется, поняла, покраснѣла вся и руку мнѣ протягиваетъ.

— Спасибо вамъ, говоритъ, никогда я не забуду, что вы и меня, и Зурбара моего отъ порока спасли. Боже мой, а я-то глупая какая,—я и не знала, что такіе люди нехорошіе бываютъ!

И слезы у нея изъ глазъ—капъ-капъ,—такъ и посыпались. Я взялъ, да у нея руку и поцѣловалъ... Смотрю, у Зурбара ажъ глаза на лобъ вылѣзли... Главная вещь—не понимаетъ онъ ничего, чтò кругомъ дѣлается,—ну, ему и мерещится Богъ знаетъ чтò. Начали они между собою по своему объясняться: онъ такъ на нее и рычитъ, какъ тигръ, а она-то ему поетъ, она поетъ! Ну, разъяснила, должно быть; усмирился арабченокъ, тоже руку мнѣ пожимаетъ, себя въ грудь кулакомъ колотитъ и все кому-то грозится: „же-тю, же-тю!“ говоритъ,—десвать, я убью... Ишь ты, думаю, какъ расхрабрился, а когда изъ-подъ носа ее у тебя вытащать, ты и не замѣтишь! Но Джемиль глазъ съ него не сводитъ, не наглядится... „Ахъ, говоритъ, онъ у меня такой горячій и такъ меня любитъ, что я даже боюсь: онъ когда-нибудь изъ ревности либо меня убьетъ, либо еще кого-нибудь“.. А сама рада! Ну, думаю себѣ, очень пріятно это слышать, чтобъ чортъ его побралъ!..

В. І. Дмитріева.

ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА

и

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

I.

Политика нашего финансоваго вѣдомства за послѣднее десятилѣтіе оставила неизгладимые слѣды не въ одной сферѣ денежнаго обращенія и финансовъ, составляющихъ предметъ непосредственнаго вѣдѣнія этого вѣдомства; не менѣе сильно она отразилась и на нашей промышленности, принадлежащей, казалось бы, къ сферѣ частной, а не правительственной инициативы. Государство, конечно, можетъ оказывать весьма сильное вліяніе на экономическую жизнь въ странѣ; но вліяніе это реализируется, такъ сказать, постепенно, ибо государство, какъ общее правило, не участвуетъ въ ходѣ промышленныхъ дѣлъ непосредственно и только способствуетъ экономическому ихъ развитію, устраняя препятствія и создавая благопріятную для нихъ обстановку. Въ нашей же финансовой политикѣ за послѣднее десятилѣтіе наблюдалось нѣчто иное. Мы видимъ здѣсь государство въ роли непосредственнаго иниціатора и руководителя промышленнымъ развитіемъ страны. Помимо значенія этого факта для экономической исторіи Россіи, онъ представляетъ еще интересъ, какъ матеріалъ для сужденія о томъ, въ какой мѣрѣ энергичное и всесильное правительство можетъ въ своихъ разсчетахъ направлять такъ или иначе экономическую жизнь. Произведенный опытъ вмѣстѣ съ тѣмъ проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на вопросъ

о возможныхъ успѣхахъ и результатахъ форсированнаго развитія капиталистической промышленности въ Россіи, безъ вниманія къ прочимъ нуждамъ страны и къ конкретнымъ условіямъ ея быта.

Выясненіе всѣхъ этихъ вопросовъ можетъ быть достигнуто, конечно, лишь постепенно, путемъ послѣдовательнаго изученія отдѣльныхъ сторонъ и перипетій экономической исторіи Россіи послѣднихъ пятнадцати лѣтъ. Одной изъ сторонъ этой исторіи посвящена вторая часть труда Б. Ф. Брандта, „Торгово-промышленный кризисъ въ Западной Европѣ и въ Россіи", въ которой изслѣдуется послѣдній кризисъ въ Россіи, смѣнившій оживленное состояніе нашей промышленности въ исходѣ XIX вѣка. Книга эта даетъ мало для пониманія причинъ „небывалаго", по выраженію автора, подъема промышленной дѣятельности Россіи. Она разсматриваетъ вопросъ односторонне и не свободна отъ тенденціозности. Мы воспользуемся, однако, ею, какъ удобнымъ случаемъ коснуться одной стороны этого интереснаго предмета.

Хотя спеціальной задачей автора было изслѣдованіе кризиса, который постигъ русскую промышленность наканунѣ XX вѣка и не разрѣшился до сихъ поръ, но такъ какъ кризисъ этотъ составляетъ одно цѣлое съ предшествующимъ ему оживленіемъ промышленныхъ дѣлъ, то авторъ отвелъ нѣкоторое мѣсто въ своемъ трудѣ и этому послѣднему. Совершенно естественнымъ представляется, однако, пойти еще далѣе вглубь и показать связь новѣйшаго оживленія промышленности съ предшествующимъ ея состояніемъ. Въ видѣ вступленія къ прямому предмету своей рѣчи, г. Брандтъ даетъ, поэтому, краткій очеркъ развитія крупной промышленности Россіи отъ конца царствованія Николая I до конца 80-хъ гг. Очеркъ этотъ не отличается, однако, желательной обстоятельностью ни въ смыслѣ цифровой характеристики даннаго явленія, ни въ отношеніи разъясненія связи между различными моментами исторіи нашей крупной промышленности, ни въ смыслѣ характеристики нашего промышленнаго развитія въ отношеніи смѣны періодовъ оживленія и застоя; а это, казалось бы, должно особенно интересовать изслѣдователя подъема и упадка промышленности Россіи въ новѣйшее время, какъ интересовали г. Брандта аналогичныя явленія въ западной Европѣ въ первой части его труда. Если авторъ нашелъ умѣстнымъ предпослать описанію послѣдняго кризиса въ Германіи, Франціи или Англіи,—которое было предпринято имъ какъ введеніе въ изслѣдованіе торгово-промышленнаго кризиса въ Россіи,—историческую справку о предшествующихъ состояніяхъ оживленія и упадка, то тѣмъ болѣе надлежало сдѣлать это по отношенію

къ Россіи, составляющей главный предметъ двутомной работы г. Брандта о кризисахъ.

Предшествующая исторія промышленнаго развитія Россіи рисуется г. Брандтомъ слѣдующими чертами.

„До отмѣны крѣпостного права Россія была страной исключительно земледѣльческой и промышленная жизнь въ ней была развита весьма слабо". Къ концу царствованія Николая I производительность обработывающей промышленности опредѣляется всего въ 160 милл. рублей, а число рабочихъ въ 460 тыс. (стр. 6). „Съ уничтоженіемъ крѣпостного права Россія вступила на путь широкихъ общественныхъ реформъ, поглощавшихъ всѣ ея силы, и о преслѣдованіи какихъ-нибудь широкихъ промышленныхъ задачъ ей тоже пока нечего было и думать. Да и мудрено было задаваться такими задачами, пока недоставало главныхъ основаній для ихъ выполненія, пока не было желѣзныхъ дорогъ, ни сколько-нибудь правильнаго коммерческаго кредита. Торгово-промышленная дѣятельность страны поэтому и была направлена въ сторону желѣзнодорожнаго строительства, въ которой проявила кипучую дѣятельность,—и организаціи банковаго кредита" (стр. 7). Что же касается самой промышленности, то ея производительность въ 1870 г. не превышаетъ 318 милліоновъ рублей, а число рабочихъ — 356 тысячъ. „Въ послѣдующее десятилѣтіе, 1870—1880 гг., ознаменовавшееся съ одной стороны всемірнымъ торгово-промышленнымъ кризисомъ 1873 г., не могшимъ не оказать вліянія и на Россію, а съ другой—русско-турецкой войной, которая естественно должна была чрезвычайно неблагопріятно отразиться на экономическомъ благосостояніи страны,—обрабатывающая промышленность обнаруживала у насъ, сравнительно, очень мало успѣховъ" (стр. 9). Производительность ея составляла, въ 1879 г., 541 милл. рублей, а число занимаемыхъ ею рабочихъ—482 тысячи. „Съ половины семидесятыхъ годовъ начинается усиленное покровительство русской промышленности со стороны правительства посредствомъ строгой охраны продуктовъ этой промышленности отъ иностранной конкурренціи. Охрана эта выразилась сперва въ постановленіи о взиманіи (съ 1877 г.) пошлинъ въ золотой валютѣ, что̀ сразу повысило послѣднія на одну треть, а затѣмъ — въ постоянномъ повышеніи нашихъ таможенныхъ ставокъ на разныя привозимыя изъ-за границы издѣлія. Эти постепенныя повышенія, производившіяся разновременно и на разные товары, были потомъ объединены въ одно цѣлое въ таможенномъ тарифѣ 1891 г. Таможенное покровительство дало сильный толчокъ развитію

разныхъ отраслей промышленности, образованію многочисленныхъ акціонерныхъ компаній для эксплоатаціи природныхъ богатствъ страны... Тѣмъ не менѣе промышленность и въ этомъ періодѣ (восьмидесятые годы) не получила такого широкаго размаха, какой можно было ожидать по тѣмъ мѣрамъ, которыя были приняты правительствомъ для ея поощренія. Страна не успѣла еще освободиться отъ тяжелыхъ экономическихъ послѣдствій войны 1878 года, поглотившихъ много сотенъ милліоновъ, и оставившей въ наслѣдство огромный долгъ, легшій тяжелымъ бременемъ на рессурсы страны. Совпавшее съ этимъ временемъ обезцѣненіе зерновыхъ продуктовъ на всемірномъ рынкѣ, также не могло содѣйствовать усиленному подъему промышленности въ Россіи... Только къ концу восьмидесятыхъ годовъ положеніе измѣняется" (стр. 10—11).

Въ этихъ выдержкахъ, заключающихъ все существенное изъ того, что сказано авторомъ относительно развитія промышленности, предшествовавшаго послѣднему оживленію, исторія нашей индустріи въ теченіе цѣлыхъ тридцати лѣтъ представляется какъ бы закрашенной въ однообразный сѣрый цвѣтъ. Въ нихъ нѣтъ, напр., и намека на то, что въ этой исторіи, какъ и въ исторіи западно-европейской промышленности, наблюдаются періоды оживленія и застоя. Авторъ упоминаетъ лишь о „сильномъ толчкѣ", данномъ, будто бы, нашей промышленности таможеннымъ покровительствомъ конца семидесятыхъ годовъ и слѣдующаго десятилѣтія, и объ оживленіи промышленности въ восьмидесятыхъ годахъ, которое, однако, не приняло тѣхъ широкихъ размѣровъ, какіе, по мнѣнію автора, должны были бы явиться естественнымъ послѣдствіемъ правительственнаго покровительства, и причинъ сказаннаго онъ ищетъ во вліяніи войны 1878 г. и обезцѣненія хлѣба на всемірномъ рынкѣ.

Въ дѣйствительности, въ теченіе пятидесяти лѣтъ, предшествовавшихъ кризису, составляющему предметъ описанія г. Брандта, Россія пережила три періода оживленія съ послѣдующими застоями и, вопреки мнѣнію автора о неблагопріятномъ вліяніи войны 1878 г., какъ таковой, на развитіе промышленности, одинъ періодъ оживленія наступилъ тотчасъ послѣ этой войны, а другой совпадалъ съ окончаніемъ крымской кампаніи. „Оживленіе промышленности и коммерческихъ дѣлъ, съ окончаніемъ восточной (крымской) войны было для всѣхъ такъ очевидно, что нѣтъ надобности доказывать его,—писалъ, въ 1863 г., В. П. Безобразовъ.—Оно началось еще до заключенія мира и проявилось чрезвычайнымъ усиленіемъ фабричной дѣятельности,

необычайной бойкостью оборотовъ на ярмаркахъ и др. Апогей этого движенія внутри Россіи былъ въ 1855 и 1856 гг., о которомъ рѣшительно всѣ участники промышленной и коммерческой дѣятельности говорятъ, какъ о золотомъ времени... Послѣ промышленнаго оживленія настала другая эпоха, съ совершенно противоположными признаками: всеобщій промышленный и коммерческій застой, дающій положенію нашихъ дѣлъ съ 1858 и 1859 гг. характеръ кризиса... Крушеніе акціонерныхъ компаній излишне описывать: оно всѣмъ извѣстно... Но акціонерный кризисъ дѣйствовалъ болѣе или менѣе на поверхности общества и на верхушкахъ народнаго хозяйства. Во всемъ внутреннемъ его организмѣ произошли затрудненія гораздо болѣе глубокія, болѣе продолжительныя и болѣе опасныя". Второй періодъ оживленія и слѣдующаго за нимъ застоя промышленности обнаружился въ концѣ шестидесятыхъ и началѣ семидесятыхъ годовъ; періодъ этотъ долженъ бы былъ обратить на себя особенное вниманіе г. Брандта, такъ какъ, подобно тому времени, которое составляетъ спеціальный предметъ его изслѣдованія, оживленіе промышленности и застой связаны были съ усиленіемъ и послѣдующимъ замедленіемъ желѣзнодорожнаго строительства: тогда какъ до 1868 г. у насъ ежегодно сооружалось нѣсколько сотъ верстъ рельсовыхъ путей, въ 1868—71 гг. ихъ было выстроено болѣе восьми тысячъ верстъ, а въ теченіе трехъ слѣдующихъ лѣтъ—четыре тысячи верстъ. „Громадный оборотъ желѣзнодорожнаго строительства вездѣ вызывалъ кризисы,—писалъ внутренній обозрѣватель „Вѣстника Европы" въ 1877 году.—У насъ же, въ странѣ крайне медленнаго экономическаго развитія, онъ представлялъ нѣчто въ родѣ „золотого дождя", какой явился въ Германіи съ пятью милліардами франковъ французской контрибуціи. Вѣдь основной капиталъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ—1.544 милліона кредитныхъ рублей—также недалекъ до пяти милліардовъ франковъ. Сокращеніе строительства повліяло на возникновеніе чего-то въ родѣ краха" [1]).

Третій разъ промышленное оживленіе проявилось у насъ не въ 80-хъ гг., какъ склоненъ предполагать г. Брандтъ, а въ концѣ 70-хъ гг., и, вопреки мнѣнію на этотъ счетъ автора, это оживленіе связывалось тогда съ войною 1878 г. „Первая послѣ войны съ Турціей нижегородская ярмарка 1878 г. разыгралась необычайно блистательно во всѣхъ отношеніяхъ,—сообщаетъ В. П.

---

[1]) М. Туганъ-Барановскій, „Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ". Изд. второе, стр. 326—329.

Безобразовъ.—Подобной ярмарки не запомнять въ лѣтописяхъ Макарія... Она усилила до нельзя возбужденіе въ нашемъ промышленномъ мірѣ. Въ нѣкоторой части нашей печати раздавались даже громкіе голоса, еще болѣе подстрекавшіе это возбужденіе; говорили, что война обогатила Россію, произвела могучій подъемъ всѣхъ ея производительныхъ силъ и создала новую эру для ея промышленности и торговли. Это возбужденіе, какого давно не запомнять—необыкновенное усиленіе производства во всѣхъ прежнихъ фабрикахъ и заводахъ и размноженіе новыхъ—и достигло своего апогея въ срединѣ 1879 г., что̀ продолжалось до 1880 г." [1]). Оживленіе смѣнилось кризисомъ и застоемъ, продолжавшимся до конца восьмидесятыхъ годовъ; затѣмъ послѣдовалъ новый подъемъ и упадокъ промышленности, изученіе которыхъ составляетъ спеціальную задачу разсматриваемаго нами труда.

Изъ этой краткой исторической справки читатель можетъ усмотрѣть, что изъ ближайшаго прошлаго нашей промышленности г. Брандтъ могъ бы извлечь нѣчто большее, чѣмъ двѣ-три безцвѣтныхъ цифры и общія фразы. Онъ могъ бы прежде всего показать, что уже въ теченіе цѣлыхъ пятидесяти лѣтъ наша индустрія, какъ и западно-европейская капиталистическая промышленность, развивалась циклически, и тѣмъ предупредить естественное возникновеніе, послѣ прочтенія его книги, неправильнаго мнѣнія, будто бы смѣна оживленія и застоя характеризуетъ лишь періодъ развитія русской промышленности, составляющій предметъ спеціальнаго изслѣдованія автора. Онъ могъ бы затѣмъ указать другую черту, сближающую послѣдній циклическій оборотъ нашей промышленности съ предшествующими и наглядно выражающую вмѣстѣ съ тѣмъ силу узъ, связывающихъ Россію и Европу; указать на тотъ фактъ, что не только послѣдній, но и предшествующіе кризисы промышленности совпадали или близки были по времени съ такими же циклическими оборотами промышленности западно-европейской. Промышленное оживленіе въ Россіи во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ сопровождалось такимъ же оживленіемъ промышленности на Западѣ, а русскому кризису 1858—59 гг. предшествовалъ и кризисъ 1857 г. въ западной Европѣ. Промышленное оживленіе и послѣдующій застой въ Россіи въ началѣ семидесятыхъ годовъ совпадаетъ съ подобнымъ же циклическимъ оборотомъ на Западѣ, вызваннымъ, между прочимъ, тѣми капиталами, которые въ ка-

---

[1]) Народное хозяйство Россіи, ч. I, стр. 276—277.

чествѣ контрибуціи были получены Германіей отъ Франціи и выброшены на рынокъ. Точно также и эта эпоха циклическаго оборота русской промышленности, въ концѣ семидесятыхъ—началѣ восьмидесятыхъ годовъ, совпадаетъ съ аналогичными колебаніями промышленныхъ дѣлъ въ Англіи, Франціи, Соединенныхъ Штатахъ [1]). О параллелизмѣ хода промышленныхъ дѣлъ на Западѣ и въ Россіи въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ говорилось уже въ книгѣ г. Брандта.

Болѣе внимательное отношеніе автора къ промышленной исторіи Россіи за послѣднія 50 лѣтъ дало бы ему возможность не только указать на единообразіе общаго характера развитія русской промышленности въ важнѣйшіе моменты новѣйшей исторіи и на аналогію этого развитія исторіи капиталистической промышленности на Западѣ; оно помогло бы ему подмѣтить черты, отличающія послѣдній періодъ оживленія русской промышленности отъ предшествующихъ и лучше объяснить, такимъ образомъ, всю новѣйшую исторію нашего промышленнаго развитія.

Тѣ моменты оживленія русской промышленности, заканчивавшагося кризисомъ, о которыхъ ничего не говорится въ книгѣ г. Брандта, характеризуются тѣмъ, что это были, главнѣйшимъ образомъ, моменты оживленія промышленныхъ отраслей, приготовляющихъ предметы общаго потребленія, а не основного, такъ сказать, капитала страны. Оживленіе пятидесятыхъ годовъ, по словамъ Безобразова, „проявилось чрезвычайнымъ усиленіемъ фабричной дѣятельности, преимущественно въ *сѣверной промышленной полосѣ* (районѣ мануфактуръ), быстрымъ увеличеніемъ сбыта какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ *мануфактурныхъ товаровъ*". Главная причина упадка торговли послѣ промышленнаго оживленія начала семидесятыхъ годовъ, по словамъ Я. Гарелина, заключалась въ томъ, что „ситцевъ было наработано громадное количество и ихъ нужно было сбыть во что бы то ни стало". „Цѣны мануфактурныхъ товаровъ быстро упали,— объясняетъ отчетъ московскаго отдѣленія совѣта торговли и мануфактуръ за 1876 г.,—производство сократилось и послѣдовалъ цѣлый рядъ банкротствъ, отъ которыхъ особенно пострадали *мануфактурныя* фирмы". Оживленіе конца семидесятыхъ годовъ, по словамъ Безобразова, коснулось всего болѣе хлопчато-бумажной промышленности. Въ 1879 г. было поставлено, напр., до милліона новыхъ прядильныхъ веретенъ. „Это расширеніе, когда все количество веретенъ исчислялось у насъ до 3½ милл.,

---

[1]) Туганъ-Барановскій, l. c.

даетъ понятіе о томъ необыкновенномъ полетѣ, который приняла вся наша промышленность въ эту эпоху, хотя хлопчатобумажное дѣло превзошло въ этомъ отношеніи всѣ прочія“ [1]).

Въ связи съ указаннымъ фактомъ оживленія преимущественно отраслей, выдѣлывающихъ предметы общаго потребленія, находится другой фактъ, заслуживающій быть отмѣченнымъ: непродолжительность періодовъ промышленнаго расцвѣта. Оживленное состояніе промышленныхъ дѣлъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, въ концѣ шестидесятыхъ, началѣ семидесятыхъ годовъ и вслѣдъ за послѣдней русско-турецкой войной, продолжалось каждый разъ болѣе четырехъ лѣтъ. Если исходной точкой расширенія промышленности служитъ увеличенный спросъ на предметы непосредственнаго потребленія и если этотъ поднявшійся въ данный моментъ спросъ не поддерживается дальнѣйшимъ возвышеніемъ народнаго потребленія, открытіемъ новыхъ рынковъ сбыта и т. д., то спекуляція, привлекающая къ производству свободные капиталы, имѣетъ узкія границы для своего разгула, такъ какъ время, требующееся для того, чтобы расширить мануфактуры, сахарные заводы, сапожныя мастерскія и другія заведенія, соотвѣтственно возросшему спросу на ихъ продукты, не особенно продолжительно, и излишне затраченные на сооруженіе фабрикъ капиталы быстро приведутъ къ перепроизводству ситца, мебели, сахара и другихъ предметовъ потребленія, къ паденію на нихъ цѣнъ и къ прочимъ явленіямъ, характеризующимъ кризисъ. Иное дѣло, если первый толчокъ къ оживленію дается усиленнымъ спросомъ на строительные матеріалы; если исходнымъ моментомъ оживленія служитъ, напр., сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, для котораго требуется много кирпича, рельсовъ, локомотивовъ и т. д., приготовленіе коихъ въ требуемыхъ размѣрахъ невозможно безъ предварительнаго сооруженія новыхъ заводовъ кирпичныхъ, металлургическихъ, вагоностроительныхъ и т. д. „Пока идетъ постройка названныхъ сооруженій, до тѣхъ поръ на рынкѣ возникаетъ новый и новый запросъ какъ на рабочія руки, такъ и на различные матеріалы, машины и т. п. Этотъ новый спросъ поднимаетъ цѣны и труда, и спрашиваемыхъ товаровъ, что̀ въ свою очередь увеличиваетъ запросъ рынка на новые предметы (напр. потребленія рабочихъ) и привлекаетъ къ ихъ производству новые капиталы“ [2]). При такомъ происхожденіи промышленнаго оживленія увеличенный спросъ на предметы непосредственнаго

---

[1]) М. Туганъ-Барановскій. Русскія фабрики, стр. 326—330.

[2]) В. В. Очерки теоретической экономіи, стр. 164.

потребленія, какъ результатъ возросшихъ заработковъ рабочаго класса, играетъ, конечно, извѣстную роль въ дѣлѣ подъема промышленности; но эта роль придаточная, лишь усиливающая общее возбужденіе, питательные соки котораго истекають изъ другихъ источниковъ. Источники эти — новыя капитальныя сооруженія, для выполненія которыхъ нуженъ гораздо болѣе продолжительный періодъ времени сравнительно съ тѣмъ, въ теченіе котораго можно расширить старыя и построить новыя фабрики для удовлетворенія возросшаго почему-либо спроса на предметы общаго потребленія.

II.

Основанія промышленнаго оживленія послѣднихъ лѣтъ обрисованы у Б. Ф. Брандта слѣдующимъ образомъ.

„Таможенное покровительство промышленности, окристаллизовавшейся къ началу девяностыхъ годовъ въ прочную систему, обезпечивало предпринимателямъ вѣрный доходъ; упрочившаяся со введеніемъ металлическаго обращенія валюта устраняла рискъ, которому подвергались помѣщаемые у насъ иностранные капиталы, и послѣдніе охотно потекли въ Россію. Русскіе капиталы, „вложенные въ предшествующій періодъ въ желѣзныя дороги и находившіеся, такъ сказать, въ связанномъ состояніи, начинаютъ мало-по-малу окупаться и вступать въ оборотъ". Болѣе выгоднаго помѣщенія стали искать и многіе капиталы, затраченные въ процентныхъ бумагахъ, послѣ того, какъ, благодаря конверсіямъ истекшаго десятилѣтія, эти бумаги стали приносить меньшій доходъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ, „увеличился интересъ публики или къ непосредственному участію въ промышленныхъ предпріятіяхъ, или къ пріобрѣтенію дивидендныхъ бумагъ, обѣщающихъ бо̀льшій доходъ, чѣмъ процентныя бумаги, и частная предпріимчивость могла въ этомъ увеличившемся интересѣ найти опору для устройства многочисленныхъ новыхъ предпріятій, основанныхъ на акціонерныхъ началахъ" (стр. 14).

Указанныхъ условій, однако, еще недостаточно для того, чтобы объяснить послѣдующій „небывалый" подъемъ русской промышленности. Таможенное покровительство, само по себѣ, не можетъ вести къ такому подъему, потому что продукты иностранной промышленности привозятся къ намъ не въ особенно большомъ количествѣ (на 200—300 милл. руб. въ годъ). Иностранные капиталы охотно приливали къ намъ и ранѣе, а русскіе капиталы, искавшіе выгоднаго помѣщенія, могли быть при-

чиной скоропреходящей вспышки и спекуляціи, но не продолжительнаго подъема. Всѣ эти условія создавали лишь благопріятную атмосферу для промышленнаго оживленія; но даже богатыхъ урожаевъ второй половины 80-хъ годовъ, на которые указываетъ авторъ, недостаточно было для того, чтобы послѣдующее оживленіе промышленности можно было уподобить хотя бы подъемамъ, о которыхъ мы говорили ранѣе. Оживленіе промышленныхъ дѣлъ въ концѣ 80-хъ годовъ несомнѣнно наступало: потребленіе хлопка въ это время возросло на 2 милл. пуд. въ годъ, или на 25%; выдѣлка чугуна увеличилась на 17 милл. пуд., или на 60%; число рабочихъ въ производствахъ (кромѣ горнозаводскихъ и обложенныхъ акцизомъ) 50-ти губерній Россіи, возросло на 100 тысячъ, или на 15%; но все это не создавало еще того оживленія, которое бросается въ глаза, и оно не считалось тогда блестящимъ состояніемъ промышленности. Это признаетъ и г. Брандтъ. „Указанныя нами явленія,—говоритъ онъ,—пониженіе рыночнаго процента, широкій интересъ, проявленный публикой къ промышленнымъ предпріятіямъ, приливъ иностранныхъ капиталовъ и даже сама биржевая спекуляція—значительно содѣйствовали промышленному подъему. Но, съ другой стороны, и увлеченіе публики биржевыми цѣнностями, и приливъ иностранныхъ капиталовъ, и биржевыя спекуляціи въ особенности—сами явились результатомъ промышленнаго подъема, вліяніе котораго прежде всего должно было отразиться именно въ области кредита и биржи... Помимо указанныхъ причинъ, были многія другія, касающіяся самого производства, которыя содѣйствовали промышленному подъему“ (стр. 58—59).

Наиболѣе яркое выраженіе промышленное оживленіе истекшаго десятилѣтія нашло себѣ въ горно-заводской промышленности, и въ прославленіи успѣховъ этихъ отраслей голоса оффиціозныхъ экономистовъ сливаются съ голосами такъ нашумѣвшихъ въ свое время представителей нашего неомарксизма. Г-нъ Брандтъ считаетъ успѣхи металлургіи „громадными“, а подъемъ каменноугольной промышленности „чрезвычайнымъ“; г. Михайловскій характеризуетъ ростъ металлургіи выраженіями „колоссальный“ и „безпримѣрный“, а г. Туганъ-Барановскій—выраженіемъ „гигантскій“. Чтобы уяснить источникъ нашего промышленнаго оживленія, достаточно, поэтому, ознакомиться съ причинами, вызвавшими подъемъ названныхъ отраслей промышленности. Г-нъ Брандтъ указываетъ три такихъ причины, но изъ нихъ лишь одна имѣла вполнѣ реальное значеніе. Дѣйствительно, фактъ слабаго потребленія населеніемъ желѣза еще не

создаетъ развитія металлургіи, и утвержденіе г. Брандта, что „одно сельское хозяйство должно было представить обширный рынокъ для сбыта желѣза въ Россіи", есть только фраза, не болѣе. Не много въ данномъ случаѣ имѣетъ значенія и указаніе г. Брандта, „что въ такой молодой, сравнительно еще недавно выступившей на путь широкаго промышленнаго развитія странѣ, какъ Россія, ростъ различныхъ производствъ, по естественному ходу вещей, долженъ былъ совершиться болѣе ускореннымъ темпомъ, чѣмъ въ старыхъ промышленныхъ странахъ, гдѣ подобныя производства давно уже упрочились. Оборудованіе новыхъ отраслей промышленности машинами и аппаратами и возобновленіе производственнаго аппарата въ старыхъ, при расширеніи ихъ предпріятій и переходѣ отъ мелкаго производства къ крупному, открывали такой широкій сбытъ для желѣзныхъ издѣлій, которому, казалось, нельзя было видѣть конца" (стр. 60).

Ссылки на то, что, по молодости лѣтъ и по причинѣ сохраненія въ ней многихъ кустарныхъ промысловъ, Россія должна показывать болѣе быстрое развитіе крупной промышленности вообще и металлургіи, какъ служащей для оборудованія предпріятій, въ частности,—имѣли бы значеніе въ примѣненіи ко всему пореформенному періоду нашей исторіи и преимущественно даже къ болѣе раннимъ моментамъ этого періода, когда дѣйствительно крупная промышленность замѣняла мелкую. Но въ это время русская индустрія развивалась настолько медленно, что г. Брандтъ даже не отмѣтилъ моментовъ особеннаго ея подъема. Къ началу же періода, описываемаго г. Брандтомъ, крупное производство въ главныхъ отрасляхъ уже побѣдило мелкое, и для быстраго развитія въ послѣдующее затѣмъ время металлургіи нужно искать другихъ причинъ. Эта причина заключается въ усиленномъ желѣзнодорожномъ строительствѣ, на которое указываетъ и г. Брандтъ, но для объясненія котораго у него ничего нѣтъ, кромѣ ссылокъ на бѣдность Россіи рельсовыми путями, сравнительно съ другими государствами, и на фактъ непригодности грунтовыхъ дорогъ въ теченіе почти цѣлой половины года для правильнаго сообщенія. „При такихъ условіяхъ,—заключаетъ авторъ,—сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, какъ главныхъ, такъ и подъѣздныхъ, еще долгое время будетъ составлять насущную экономическую необходимость для страны, не уступающую по своей настоятельности другимъ важнѣйшимъ потребностямъ страны" (стр. 63).

Изъ того, что̀ г. Брандтомъ сказано о состояніи нашихъ грунтовыхъ дорогъ, слѣдовало бы ожидать, что онъ выскажется

о „насущной необходимости“ шоссированія этихъ дорогъ; было бы умѣстно коснуться здѣсь и вопроса объ улучшеніи нашихъ водныхъ путей сообщенія, находящихся въ полномъ загонѣ, несмотря на видимую заботливость власти,—насколько о томъ можно судить по форсированному сооруженію желѣзныхъ путей,—о нашихъ путяхъ сообщенія. Коснувшись этихъ предметовъ, г. Брандтъ естественно долженъ бы былъ задаться вопросомъ о томъ, почему же изъ всѣхъ путей сообщенія видимымъ фаворомъ пользуются у насъ только желѣзныя дороги; а остановившись на этомъ вопросѣ, онъ не могъ избѣжать разсмотрѣнія вопроса о томъ, чего—кромѣ оборудованія страны удобными путями сообщенія—ожидаетъ наше финансовое вѣдомство отъ желѣзнодорожнаго строительства и въ какомъ отношеніи находится это строительство къ другимъ задачамъ нашего финансоваго управленія. Такъ какъ сооруженіе у насъ желѣзныхъ дорогъ совершается или на казенный счетъ, или подъ гарантіей государства, то расширеніе рельсовой сѣти—въ противность тому, что имѣетъ мѣсто по отношенію къ другимъ отраслямъ промышленности—освободилось у насъ отъ подчиненія обыкновенному коммерческому разсчету и можетъ совершаться въ прямой убытокъ для строителя (государства): по соображенію государственной пользы (дороги стратегическія), о поддержаніи промышленности, о привлеченіи иностранныхъ капиталовъ для замѣщенія утекающаго отъ насъ золота, и т. п. Всѣ эти соображенія, какъ извѣстно, въ дѣлѣ желѣзнодорожной политики государства играли не меньшую роль, чѣмъ идея объ оборудованіи страны путями сообщенія; но г. Брандтъ о нихъ даже не упоминаетъ, равно какъ не говоритъ ничего о другихъ мѣрахъ министерства финансовъ для привлеченія иностранныхъ капиталовъ и для промышленнаго возбужденія. Это вѣдомство появляется въ книгѣ г. Брандта лишь для того, чтобы предупредить „публику о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя ее ожидаютъ отъ увлеченія биржевой игрой“ (стр. 43), разъяснить неправильность циркулировавшаго въ обществѣ мнѣнія, будто денежный кризисъ въ концѣ 90-хъ годовъ вызванъ реформой денежной валюты (стр. 115), принять „широкія мѣры къ улучшенію угнетеннаго положенія денежнаго рынка“ и т. п. Что же касается другого рода воздѣйствій хотя бы, напр., на ту же биржевую игру,—свѣдѣнія объ этомъ въ книгѣ г. Брандта отсутствуютъ. Между тѣмъ, остановиться на этомъ предметѣ необходимо уже потому, что безъ знакомства съ главнѣйшими задачами финансоваго вѣдомства нельзя понять, почему послѣднее промышленное оживленіе было у насъ и очень интенсивно, и очень продолжительно.

Наша финансовая политика послѣ Бунге преслѣдовала, главнымъ образомъ, двѣ задачи: устраненіе бюджетныхъ дефицитовъ, а когда это было достигнуто—возможное увеличеніе избытковъ государственныхъ доходовъ надъ расходами и привлеченіе въ страну иностраннаго золота для подготовки, а впослѣдствіи—для поддержанія металлическаго обращенія, введеннаго, какъ извѣстно, безъ одобренія его государственнымъ совѣтомъ, на личный страхъ министра финансовъ. Однимъ изъ средствъ удержанія золота является сокращеніе ввоза иностранныхъ товаровъ и увеличеніе вывоза русскихъ, и обѣ эти цѣли первоначально достигались непосредственно воздѣйствіемъ на вывозъ зерна всѣми мѣрами, вплоть до выколачиванія недоимокъ, и затрудненіемъ, при помощи таможенныхъ пошлинъ, ввоза товаровъ изъ-за границы. Впослѣдствіи болѣе дѣйствительнымъ средствомъ обезпеченія страны въ „золотомъ" отношеніи признано было развитіе крупной промышленности, потому что это обѣщало въ будущемъ избавить Россію отъ нужды въ иностранныхъ товарахъ и создавало въ настоящемъ рынокъ для помѣщенія иностранныхъ капиталовъ. Оно признавалось въ то же время вѣрнѣйшимъ средствомъ увеличенія достатковъ мѣстнаго населенія, а черезъ то—и государственныхъ доходовъ. Промышленное дѣло находится въ частныхъ рукахъ, и воздѣйствовать на его развитіе государство можетъ, главнымъ образомъ, косвеннымъ путемъ реформъ. Но это—путь долгій, а финансовому вѣдомству нужны были близкіе результаты. Оно обратилось, поэтому, къ тѣмъ средствамъ прямого оживленія промышленности, которыя находились въ его рукахъ, къ возбужденію желѣзнодорожнаго строительства,—и всѣми мѣрами поощряло частную промышленную иниціативу, облегчая помѣщеніе на заграничныхъ рынкахъ русскихъ фондовъ и процентныхъ бумагъ, обѣщая устроиваемымъ на иностранные капиталы предпріятіямъ заказы на рельсы и другія желѣзнодорожныя принадлежности и поощряя учредительскую горячку. Лихорадочная дѣятельность, обнаруженная на этомъ пути, совершенно понятная, когда ее проявляютъ частныя лица, стремящіяся воспользоваться для личной наживы охватившимъ общество возбужденіемъ, но которая, казалось бы, должна быть чужда государству, заботящемуся о прочныхъ экономическихъ успѣхахъ и обязанному смягчать естественныя при быстромъ движеніи потрясенія, вредно отражающіяся на благосостояніи цѣлыхъ массъ населенія,—такая лихорадочная дѣятельность финансоваго вѣдомства давала поводъ даже оффиціальнымъ лицамъ говорить о томъ, что не поощреніе промышленности, а другія цѣли непосредственно

руководили этимъ вѣдомствомъ въ его энергическихъ экономическихъ мѣропріятіяхъ.

„Съ проведеніемъ денежной реформы создалась задача, такъ сказать, *срочная*,—говоритъ П. Х. Шванебахъ, —а потому нельзя было довольствоваться въ дѣлѣ промышленности результатами, которые обнаружились бы лишь въ будущемъ. Нужны были немедленные осязательные результаты, которые послужили бы подспорьемъ для валюты въ ближайшіе уже годы. Постепеннымъ притокомъ капитала въ промышленность такихъ результатовъ достигнуть нельзя; требовалась болѣе сконцентрированная сила, очень значительныя средства, единовременно затраченныя на крупныя дѣла. Отсюда—всемѣрное поощреніе быстраго образованія акціонерныхъ компаній, а чтобы создать для этого почву, денежному рынку данъ былъ толчокъ милліардной конверсіей 1894 г.", понизившей проценты по государственнымъ займамъ и какъ бы толкавшей частныя сбереженія въ объятія банковъ и биржи, предлагавшихъ болѣе выгодное помѣщеніе свободныхъ капиталовъ въ акціяхъ промышленныхъ предпріятій. Толкователемъ мѣропріятій министерства финансовъ явился въ это время оффиціозный публицистъ, г. А. Гурьевъ, объяснившій мѣропріятія финансоваго вѣдомства такимъ образомъ, что ими русскому обществу была преподнесена „доза конверсіоннаго наркоза". „Наркозъ прописанъ былъ несомнѣнно удачно,—разъясняетъ г. Гурьевъ въ „Новомъ Времени".—Конверсіи сослужили намъ огромную службу спасительнымъ пробужденіемъ энергіи, предпріимчивости и риска" [1]).

Не оставило финансовое вѣдомство безъ вниманія и другое средство наркотизаціи общества—дѣятельность биржи. „Безъ искусственнаго подъема бумагъ, безъ общественнаго гипноза, навѣяннаго биржевой игрой, кампанія учредительства становится невозможной",—говоритъ по этому поводу г. Шванебахъ. И вотъ, закономъ 8-го іюня 1893 г. разрѣшаются срочныя сдѣлки на всѣ цѣнности, кромѣ валюты, послѣ чего наступила биржевая спекуляція и биржевые крахи, уносящіе и крупные капиталы, и мелкія сбереженія. Г. Брандтъ тоже поминаетъ о законѣ 8-го іюня, но лишь какъ о мѣрѣ, воспрещающей сдѣлки на золотую валюту, способствовавшей тѣмъ устойчивости нашего курса и повеашей къ перенесенію „преступнаго образа дѣйствій" профессіональныхъ спекулянтовъ съ поля арены воспрещенной игры на курсъ бумажнаго рубля на поле спекуляціи съ дивидендными

[1]) Денежное преобразованіе и народное хозяйство, стр. 198—9.

бумагами (стр. 38—39), не сообщая того, что сами эти спекуляціи были созданы дозволеніемъ закономъ 1893 г. срочныхъ сдѣлокъ на всякаго рода цѣнности.

Нѣсколько иное освѣщеніе въ изложеніи г. Шванебаха получаютъ и вспоминаемыя г. Брандтомъ предупрежденія министерства финансовъ о послѣдствіяхъ, ожидающихъ публику, увлекающуюся биржевой игрой. Министерство это, дѣйствительно, „съ тревогой слѣдило за развитіемъ биржевой игры и неоднократно предостерегало вовлеченную въ ажіотажъ публику оффиціальными сообщеніями". И еслибы „была только одна цѣль— создать и прочно, безъ вредной торопливости поставить на ноги металлургію и обрабатывающую промышленность, то ничто не помѣшало бы примѣненію къ акціонерному дѣлу сдерживающихъ пріемовъ". Но коль скоро за развитіемъ промышленности стоитъ другая цѣль - исправленіе иностранными капиталами платежнаго баланса, то всякая серьезная мѣра обузданія спекуляціи вызывала опасеніе пріостановки притока изъ-за границы золота и приводилась въ исполненіе наполовину. „Вслѣдъ за струей холодной воды, пущенной въ сторону спекуляціи, появлялись сообщенія успокоительнаго свойства. Ихъ цѣль состояла, разумѣется, не въ томъ, чтобы поднять, выражаясь биржевымъ жаргономъ, „самочувствіе спекуляціи"; на дѣлѣ, однако, профессіональные биржевики принимали эти сообщенія за исходную точку новой повышательной кампаніи, которая неизмѣнно заканчивалась если не прямымъ крахомъ, то рѣзкимъ паденіемъ цѣнностей" [1]).

Мы не будемъ останавливаться долѣе на этомъ предметѣ и выскажемъ только общее заключеніе, что вдохновителемъ послѣдняго оживленія нашей экономической дѣятельности было финансовое вѣдомство, поддерживавшее это оживленіе всѣми зависящими отъ него средствами, поощряя и серьезную иниціативу, и спекуляцію, и подготовляя этимъ промышленный кризисъ, который могъ бы наступить позже и сопровождаться меньшимъ вредомъ, еслибы государственное желѣзнодорожное строительство преслѣдовало исключительно экономическія цѣли и поощреніе разныхъ другихъ промышленныхъ отраслей сообразовалось съ вѣроятнымъ расширеніемъ рынка для сбыта соотвѣтствующихъ издѣлій.

---

[1]) Денежное преобразованіе, стр. 201—4.

III.

Промышленный подъемъ страны, какъ сказано выше, всего сильнѣе обнаружился въ области металлургическаго производства, а эта отрасль промышленности находится у насъ въ наибольшей зависимости отъ состоянія желѣзнодорожнаго дѣла.

Началомъ широкаго развитія нашей металлургіи можно считать 1890 г., когда выплавка чугуна поднялась съ 45 до 56 милл. пуд., т.-е. увеличилась въ одинъ годъ на 11 милл. пуд., или на 25%. Это возростаніе цѣликомъ, вѣроятно, обязано желѣзнодорожнымъ заказамъ,—судя, по крайней мѣрѣ, по тому, что производство рельсовъ увеличилось въ этомъ году на 5 милл. пуд. (съ 5 до 10 милл. пуд.), что соотвѣтствуетъ почти 7 милл. пуд. чугуна, и что параллельно съ заказами рельсовъ выросли, конечно, и заказы другихъ желѣзнодорожныхъ принадлежностей. Увеличеніе заказа рельсовъ сдѣлано было, вѣроятно, въ виду приступа къ усиленному сооруженію желѣзныхъ дорогъ, о ходѣ котораго можно составить понятіе по слѣдующимъ даннымъ относительно числа верстъ, находившихся въ постройкѣ ежегодно въ теченіе послѣдняго десятилѣтія (нужно помнить, что каждая верста рельсоваго пути строится нѣсколько лѣтъ).

Къ началу 1891 г. въ постройкѣ находилось 411 верстъ желѣзныхъ дорогъ, а къ концу его ужъ 3 тыс. верстъ. Въ слѣдующіе годы число строящихся верстъ было уже 4—6—10 тыс., и наконецъ въ 1897 г. протяженіе строящихся линій достигло максимальной цифры—12 тыс. верстъ. Послѣ того сооруженіе рельсовыхъ путей пошло на убыль. Въ 1898 и 99 гг. въ постройкѣ находилось 10 тыс. верстъ, а въ слѣдующіе три года 8—9 тыс. верстъ [1]). Всего за послѣднія 10 лѣтъ закончено сооруженіемъ 30 тыс. верстъ рельсовыхъ путей, на которые затрачено не менѣе 1,5 милліарда рублей, изъ коихъ, согласно разсчету С. А. Щепотьева [2]), на издѣлія горныхъ и механическихъ заводовъ нужно отнести около 700 милліоновъ рублей. Эта сумма повысится до 1 милліарда рублей, если принять во вниманіе, что, по счету капиталовъ, на желѣзнодорожное строительство затрачено 2 милліарда рублей. Кромѣ того, израсходовано 700 т. р. на улучшеніе казенныхъ желѣзныхъ дорогъ. Металлургическая промышленность, поэтому, прежде и больше всѣхъ

[1]) Статистическія итоги промышленнаго развитія Россіи. Изд. И. В.-Э. О., стр. 64. Ежемѣсячное изданіе М. П. С. за послѣдніе годы.

[2]) Стат. итоги промышленнаго развитія Россіи, стр. 65.

остальныхъ почувствовала оживляющую силу государственно-строительныхъ плановъ.

Въ 1889 г.,—моментъ, предшествующій усиленному желѣзнодорожному строительству,—на всѣхъ нашихъ заводахъ было выплавлено 45 милл. пуд. чугуна. Черезъ десять лѣтъ, въ разгаръ этого строительства, выплавка чугуна возросла до 165 милл. пуд., т.-е. увеличилась на 120 милл. пуд. Въ суммѣ 165-ти милл. пуд. выплавки 1899 г. находилось 72 милл. пуд. чугуна, необходимаго для удовлетворенія заказовъ желѣзныхъ дорогъ на рельсы, паровозы, вагоны и другія принадлежности желѣзнодорожнаго строительства [1]); на всѣ остальныя нужды страны остается, слѣдовательно, 93 милл. пуд., или 55% общей выплавки чугуна. Сколько чугуна употреблялось на желѣзнодорожныя принадлежности десять лѣтъ назадъ—мы сказать не можемъ. Намъ извѣстно лишь, что рельсовъ въ 1889 г. на нашихъ заводахъ выдѣлано было 5,4 милл. пуд. Полагая, что отношеніе между количествомъ заказанныхъ рельсовъ и другихъ желѣзнодорожныхъ принадлежностей въ 1889 г. было приблизительно таково же, какъ и въ 1899 г., т.-е. что рельсы составляли нѣсколько больше половины желѣзнодорожныхъ заказовъ [2]) (хотя, по причинѣ худшей оборудованности заводовъ, заказы сложныхъ частей, вѣроятно, отдавались за границу), можно принять, что въ 1889 г. желѣзнодорожныхъ металлическихъ принадлежностей приготовлялось на нашихъ заводахъ около 9 милл. пуд., что̀, въ переводѣ на чугунъ, составляло 12 милл. пуд., или 25—30% общей выплавки этого металла. Въ 1899 г. желѣзныя дороги потребляли уже, какъ мы видѣли, 72 милл. пуд. чугуна, или 45% общей добычи послѣдняго. Желѣзнодорожные заказы металлическихъ частей увеличились, такимъ образомъ, въ теченіе десяти лѣтъ абсолютно въ 6 разъ, а относительно (по сравненію съ общей добычей чугуна)—почти въ $1^3/_4$ раза. Работа металлургическихъ заводовъ въ 1889 г. распредѣлялась между заказами желѣзнодорожныхъ принадлежностей и производствомъ для прочихъ нуждъ такимъ образомъ, что на первые тратилось 12 милл. пуд. чугуна, а на вторые—33 милл. пуд. Въ 1899 г. желѣзнодорожныя нужды поглощали 72 милл. пуд., а прочія потребности страны —93 милл. пуд. Въ теченіе разсматриваемыхъ десяти лѣтъ поэтому расходъ металла на желѣзнодорожныя цѣли увеличился на 60 милл. пуд. (72 минусъ 12 милл. пуд.), а на прочія нужды

[1]) А. Матвѣевъ. Желѣзнодорожное дѣло Россіи въ 1901 г., стр. 2.

[2]) А. Матвѣевъ, Желѣзнодорожное дѣло Россіи въ 1902 г., стр. 6.

тоже на 60 милл. пуд. (93 минусъ 33 милл. пуд.). Изъ приведенныхъ разсчетовъ читатель можетъ усмотрѣть, что возростаніе въ теченіе десятилѣтія, отличавшагося форсированнымъ сооруженіемъ у насъ желѣзныхъ дорогъ, выплавки чугуна на 120 милл. пуд., распредѣляется поровну между непосредственными требованіями желѣзныхъ дорогъ и остальными нуждами страны. Потребленіе чугуна желѣзными дорогами увеличивалось въ это время, въ среднемъ, на 6 милл. пудовъ въ годъ; расходъ металла на всѣ прочія нужды страны (въ томъ числѣ и на военныя надобности) возросталъ ежегодно тоже на 6 милл. пуд. Таково непосредственное участіе желѣзныхъ дорогъ въ развитіи промышленной отрасли, обнаружившей наибольшіе успѣхи.

Но не малую долю этихъ успѣховъ слѣдуетъ отнести на счетъ тѣхъ же желѣзныхъ дорогъ, но требовавшихъ металлъ посредственно. Мы имѣемъ въ виду производство тѣхъ металлическихъ частей, какія нужны были для оборудованія новыхъ заводовъ, рудниковъ и фабрикъ, сооружаемыхъ для нуждъ желѣзнодорожнаго дѣла, т.-е. для того, чтобы дать желѣзнымъ дорогамъ, въ видѣ рельсовъ, мостовыхъ частей, паровозовъ и т. п., тѣ новые 60 милл. пуд. чугуна, какіе требовались для строящихся линій. Какъ велико должно быть это количество чугуна, видно изъ того, что все производство послѣдняго въ начальный моментъ разсматриваемаго нами періода равнялось 45 милл. пуд., а одно непосредственное потребленіе этого металла желѣзными дорогами возросло къ 1899 г. до 72 милл. пуд., т.-е. на 60% превосходило общую выплавку чугуна въ 1889 г. Можно считать, что для удовлетворенія одного желѣзнодорожнаго требованія на чугунъ нужно было удвоить число металлургическихъ приспособленій и на это оборудованіе страны пошла не малая доля того приращенія (на 60 милл. пуд.) выплавки чугуна, которое не было использовано желѣзными дорогами непосредственно. Желѣзныя дороги требовали и другихъ принадлежностей строительнаго дѣла, какъ-то кирпича, цемента, деревянныхъ частей вагоновъ, зданій и т. п. Для отвѣта на эти требованія нужно было тоже сооружать соотвѣтствующія заведенія и оборудовать ихъ металлическими частями, т.-е. предъявлять новый спросъ на металлургическія издѣлія. Крупные фабрики и заводы примѣняютъ механическую двигательную силу, т.-е. расходуютъ большія массы топлива и все болѣе и болѣе переходятъ къ употребленію минеральнаго топлива—каменноугольнаго и нефтяного. Тотъ же видъ топлива распространяется и на желѣзныхъ дорогахъ, старыхъ и новыхъ. Усиленіе желѣзно-

дорожнаго строительства — помимо сооруженія заведеній для приготовленія нужныхъ для новыхъ дорогъ матеріаловъ и другихъ принадлежностей — вызывало поэтому новое оборудованіе въ каменноугольной и нефтяной промышленности, т.-е. опять-таки новый запросъ на металлическія издѣлія и т. д.

Учесть хотя бы приблизительно размѣръ посредственнаго вліянія желѣзныхъ дорогъ на развитіе металлургической промышленности мы не можемъ. Мы должны поэтому ограничиться приведеніемъ нѣсколькихъ фактовъ, косвенно опредѣляющихъ значеніе рельсовой сѣти для этой промышленности. Желѣзныя дороги непосредственно потребляютъ 230 [1]) милл. пуд., или почти одну четвертую часть добываемаго въ Россіи каменнаго угля, и до 100 милл. пуд., или 25%, выработываемыхъ нефтяныхъ остатковъ. Южный металлургическій районъ почти цѣликомъ является дѣтищемъ послѣднихъ 10—15 лѣтъ; а какое количество металлическихъ частей понадобилось для его оборудованія, видно изъ того, что этотъ районъ выплавляетъ бо̀льшую половину чугуна Россіи. Всѣ же почти металлургическіе заводы этого района сооружались для выполненія заказовъ желѣзныхъ дорогъ.

Приведенная выше цифра желѣзнодорожныхъ заказовъ металлическихъ частей въ 1899 г. (по разсчету на чугунъ 72 милл. пуд.) является высшей за разсматриваемый періодъ. Наивысшая валовая выплавка русскими заводами чугуна (въ 1900 г.) составляетъ 178 милл. пуд., а наивысшее потребленіе страной металлическихъ предметовъ (въ переводѣ на чугунъ), считая и прибытіе изъ-за границы, имѣло мѣсто въ 1899 г. и достигало 220 милл. пуд. [2]).

Хотя максимальная потребность Россіи въ чугунѣ опредѣлялась въ разсматриваемый моментъ въ 220 милл. пуд. (полное удовлетвореніе потребности въ металическомъ товарѣ внутреннимъ производствомъ никогда, однако, не будетъ достигнуто по одному тому, что нѣкоторые предметы хорошаго качества будутъ приготовляться лишь за границей), а максимальное производство не достигало 180 милл. пуд., но, благодаря поощрительнымъ мѣрамъ и спекуляціи, ими поддерживаемой, чугуно-плавильныхъ заводовъ, въ теченіе разсматриваемаго періода, выстроено у насъ столько, что ими могло бы быть приготовляемо 260 милл. пуд. чугуна въ годъ, т.-е. на одну пятую часть больше того, что̀ потреблялось у насъ въ моментъ исключительнаго требованія на металлъ, и почти на 50% болѣе максимальной выплавки послѣд-

[1]) Вѣстн. Фин., Пром. и Торг., 1903 г., № 43.

[2]) Вѣстникъ Фин., Пром. и Торговли, 1903 г., № 30, стр. 148.

нихъ лѣтъ. Приведенныя цифры наглядно показываютъ, какъ неудержимо стремилась въ моменты расцвѣта русская металлургическая промышленность къ такому состоянію, при которомъ производство далеко обгоняетъ требованіе рынка и которое необходимо вело поэтому къ остановкѣ многихъ заводовъ и разоренію ихъ владѣльцевъ. Въ январѣ мѣсяцѣ 1900 г., напр., когда кризисъ былъ уже на носу, и южные заводы выплавили максимальное количество чугуна, спеціальная коммиссія высчитывала, что, судя по ходу новыхъ заводскихъ сооруженій, слѣдуетъ ожидать, что южный металлургическій районъ выплавитъ въ 1901 г. 125 милл. пуд., въ 1902 г. 140 милл. пуд., въ 1903 г.—150 милл. пуд. и въ 1904 г.—160 милл. пуд. [1]). Вмѣсто того районъ этотъ произвелъ въ 1901 г. 92 милл. пуд., или 75% назначеннаго количества, въ 1902 г. — 84 милл. пуд. или 60%, а въ 1903 г. ожидалась выплавка 80 милл. пуд. [2]), т.-е. всего 53% того количества чугуна, какое могло бы быть получено при существующемъ оборудованіи района. Общая выплавка чугуна достигла въ 1903 г. 148 милл. пуд., т.-е. составляла немного болѣе половины производительной способности чугуноплавильныхъ заводовъ. Считая же и привозъ чугуна, желѣза, стали и издѣлій изъ нихъ (по переводѣ въ чугунъ) изъ-за границы и сокращеніе запасовъ, можно сказать, что емкость русскаго рынка относительно чугуна не превосходила въ 1903 г. 177 тыс. пуд., т.-е. 68% возможной добычи этого металла.

Сдѣланныя сопоставленія показываютъ, какъ осторожно слѣдовало финансовому вѣдомству пользоваться находящимися въ его рукахъ средствами возбужденія промышленнаго оживленія. А ниже приводимыя данныя показываютъ, напротивъ того, какъ мало осторожно оно пользовалось этими средствами и какъ расточало послѣднія.

Хотя производство стальныхъ рельсовъ въ промышленныхъ странахъ настолько технически подвинулось впередъ, что пудъ рельсовъ въ Сѣверо-Американскихъ, напр., Штатахъ, продается по 50 коп., и хотя, при оборудованіи зà-ново южнаго металлургическаго района, слѣдовало ожидать, что заводы будутъ здѣсь сооружены съ примѣненіемъ всѣхъ новѣйшихъ усовершенствованій, такъ что расходы производства издѣлій мало будутъ отличаться отъ того, что̀ представляютъ въ этомъ отношеніи другія страны,—но до 1896 г. министерство финансовъ платило за

---

[1]) А. Матвѣевъ, Желѣзное дѣло Россіи въ 1901 г., стр. 52.

[2]) Вѣстн. Финанс., Пром. и Торг., 1903 г., № 48, стр. 357.

русскіе рельсы 1 р. 84 к. за пудъ, въ 1896—1897 г. — по 1 р. 56 к. и лишь въ концѣ 1897 г., угрозой выписать рельсы изъ-за границы, оно заставило заводчиковъ довольствоваться 1 р. 18 за пудъ. Согласно разсчету С. А. Щепотьева, переплата заводчикамъ за рельсы, до послѣдняго соглашенія съ ними о цѣнѣ въ 1 р. 18 к., составляетъ 50 милл. руб. Эта сумма поднимется до 100 милл. р., если сосчитать то, что переплачено по остальнымъ металлическимъ издѣліямъ. А такъ какъ общій расходъ строившихся въ 1891 — 97 гг. желѣзныхъ дорогъ на издѣлія горныхъ и механическихъ заводовъ, составлялъ 500 милл. р. [1]), и предприниматели покрыли бы расходы производства и получили достаточную прибыль, получивъ за исполненную работу сотней милліоновъ рублей менѣе, то эта сотня милліоновъ, или 25% стоимости произведенныхъ издѣлій, составляетъ дополнительный доходъ, полученный металлургическими заводчиками, благодаря щедрости заказчика. При такомъ золотомъ дождѣ, ниспадавшемъ на металлургическіе заводы, неудивительно, если предприниматели спѣшили какъ-нибудь соорудить заводъ и начать скорѣе загребать деньгу. Заводы неизбѣжно, поэтому, должны были строиться въ избыткѣ и безъ надлежащей заботы о совершенствѣ сооруженія.

Форсированное желѣзнодорожное строительство воздѣйствовало на металлургическую промышленность и другими, болѣе окольными путями. Давая рабочему населенію новые заработки, т.-е. новыя средства удовлетворенія его потребностей, оно увеличивало запросъ рынка на разные предметы потребленія, содѣйствовало расширенію производства этихъ предметовъ, для чего нужно было расширять старые фабрики и заводы, строить новые и оборудовать ихъ, т.-е. дать работу, въ числѣ прочихъ, и металлургическимъ предпріятіямъ. О тѣхъ доходахъ, которые получило рабочее населеніе, благодаря собственно сооруженію желѣзныхъ дорогъ, нѣкоторое понятіе могутъ дать слѣдующія цифры.

Согласно свѣдѣніямъ, собраннымъ г. Брандтомъ, въ суммѣ валового дохода донецкихъ металлургическихъ заводовъ, расходъ на заработную плату, какъ непосредственно уплачиваемую заводами, такъ и заключающуюся въ матеріалахъ, пріобрѣтаемыхъ для переработки, колеблется отъ 25 до 40% [2]). Сообразуясь болѣе съ низшей цифрой этого разсчета и основываясь на томъ, что

---

[1]) Статистическіе итоги промышленнаго развитія Россіи. Изд. Имп. Вольно-Экон. Общества, стр. 65—66.

[2]) Иностранные капиталы. Часть вторая, стр. 189—200.

на металлическія издѣлія для строящихся желѣзныхъ дорогъ истрачено въ течение послѣдняго десятилѣтія 700 милл. руб., можно положить, что въ руки рабочихъ изъ этой суммы попало около 200 милл. руб., чтò составляетъ, въ среднемъ, около 20 милл. рублей въ годъ. Согласно нормамъ г. Щепотьева [1]), изъ 1,5 милліарда рублей, затраченныхъ на постройку желѣзныхъ дорогъ,—на разные строительные матеріалы (лѣсъ, песокъ, камень, глину, цементъ) и на промысловыхъ рабочихъ пошло 380 милл. руб., а на землекоповъ и чернорабочихъ или на устройство земляного полотна — 200 милл. руб. Полагая (согласно другому разсчету г. Брандта), что заработки рабочихъ составляютъ только половину этихъ суммъ, мы получимъ еще 300 милл. руб., или 30 милл. руб. въ годъ, переходящихъ въ руки рабочихъ, занятыхъ при постройкѣ дорогъ, при выдѣлкѣ для нихъ кирпича, цемента, рубкѣ лѣса и т. п. Сооруженіе рельсовой сѣти, какъ таковое, вливало, слѣдовательно, въ рабочія массы ежегодно 50 милліоновъ рублей. Но ростущая сѣть вызывала новый расходъ на рабочую силу: для эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ. По приблизительному разсчету, въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ этотъ новый расходъ составилъ 310 милл. руб. [2]), или, въ среднемъ, 31 милл. руб. въ годъ, а новый расходъ на рабочихъ вмѣстѣ со служащими—почти 50 милл. р. въ годъ. Непосредственно желѣзныя дороги производили, слѣдовательно, новый расходъ на рабочую силу (и служащихъ) около 100 милл. р. въ годъ.

Ближайшее посредственное вліяніе желѣзнодорожной горячки послѣдняго десятилѣтія на заработки рабочаго люда обусловли-

---

[1]) Статистическіе итоги, и пр., стр. 65.

[2]) Согласно разсчету г. Щепотьева, изъ числа 200.789 постоянныхъ служащихъ и рабочихъ въ 1895 г. на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ служащихъ было 64.353, рабочихъ, слѣдовательно, 136.436, чтò составитъ 4,3 рабоч. на версту. Въ теченіе 1892—1901 гг. въ эксплоатаціи находилось, въ среднемъ, на 12 тысячъ верстъ желѣзныхъ дорогъ болѣе, нежели въ 1891 г., и употреблялось, слѣдовательно, на 51,6 тыс. постоянныхъ рабочихъ болѣе, чѣмъ въ 1891 г. Считая заработокъ одного рабочаго въ 200 руб., это составитъ лишній расходъ 10,3 милл. руб. въ средній годъ, или 103 милл. руб. за все десятилѣтіе. Расходъ на временныхъ служащихъ составлялъ въ 1891 г. 2.620 тыс. руб. Въ теченіе послѣдующихъ 10 лѣтъ по этой статьѣ израсходовано 54.500 тыс. руб., въ томъ числѣ 26.200 тыс. (2.620×10) падаетъ на долю расхода, перешедшаго отъ прежнихъ лѣтъ, а 28 милл. составляютъ новый расходъ. На поденныхъ рабочихъ въ 1891 г. израсходовано 19 милл. руб. за послѣдующія 10 лѣтъ—369 милл. руб., изъ коихъ 179 руб. (369—190) составляютъ новый расходъ. Всего за послѣднія 10 лѣтъ на рабочую силу при эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ, не считая суммъ, соотвѣтствующихъ расходу 1891 г., истрачено 310 милл. р. (103 + 28 + 179).

валось тѣмъ, что для отвѣта на возросшія требованія строительныхъ матеріаловъ и другихъ принадлежностей желѣзнодорожнаго дѣла явились новые заводы: металлургическіе, кирпичные, цементные и т. д., сооруженіе которыхъ требовало много рабочихъ рукъ. Мы приведемъ нѣкоторыя свѣдѣнія по этому предмету относительно южнаго металлургическаго района. По свѣдѣніямъ г. Брандта, изъ 15 милл. р., затраченныхъ на сооруженіе, въ срединѣ истекшаго десятилѣтія, крупнѣйшаго завода на югѣ—Петровскаго, Русско-Бельгійскаго общества, на вознагражденіе рабочихъ—непосредственно и въ цѣнѣ пріобрѣтаемыхъ матеріаловъ—издержано 3 милл. руб. [1]), или одна пятая часть всего первоначальнаго расхода. Приблизительно таково же, вѣроятно, отношеніе расхода на заработную плату къ суммѣ всѣхъ первоначальныхъ издержекъ и у другихъ заводовъ того же района, среди которыхъ находятся такіе крупные, какъ, напр., Днѣпровскій металлургическій заводъ съ основными затратами въ 20 милл. руб., Таганрогское металлургическое общество съ затратами въ 13 милл. руб., Верхне-Днѣпровское металлургическое общество, затратившее на оборудованіе своихъ заводовъ 14 милл. руб., Никополь-Маріупольское горное и металлургическое общество съ основными затратами въ 11 милл. руб., Донецкое общество желѣзнодорожнаго и сталелитейнаго производства и Генеральное общество съ затратами на обзаведеніе по 10 милл. руб., Донецко-Юрьевское металлургическое и Голубковское Берестовско-Богодуховское —съ затратами по 7 милл. руб., и т. д. Только девять названныхъ крупныхъ обществъ донецкаго района израсходовали на первоначальное обзаведеніе 110 милл. руб., изъ коихъ на вознагражденіе рабочихъ, по нормѣ Петровскаго завода, должно быть отнесено болѣе 20 милл. руб.

Кромѣ строительной работы по сооруженію желѣзныхъ дорогъ и заводовъ, выработывающихъ принадлежности желѣзнодорожнаго дѣла, проведеніе новыхъ линій и основаніе новыхъ заводовъ ведетъ къ перемѣщенію крупныхъ массъ населенія, къ устройству новыхъ поселковъ и расширенію старыхъ, къ возведенію, значитъ, опять новыхъ построекъ, къ расширенію, слѣдовательно, дѣятельности кирпичныхъ и всякихъ другихъ заводовъ, къ увеличенному спросу на рабочія руки, къ возростанію заработковъ населенія. Новыя суммы, вливаемыя въ рабочую массу сооруженіемъ желѣзныхъ дорогъ, связанныхъ съ ними промышленныхъ предпріятій и вызываемыхъ тѣми и другими жилыхъ,

---

[1]) Иностранные капиталы, ч. вторая, стр. 178.

торговыхъ и всякихъ другихъ помѣщеній, равно какъ и суммы, поступающія въ руки разнаго рода руководителей и служащихъ при строительныхъ работахъ, расходуются на различные предметы потребленія. Этотъ добавочный спросъ вызываетъ добавочное производство, для осуществленія коего требуется расширеніе фабрикъ и заводовъ, т.-е. новый спросъ на кирпичъ, цементъ, металлическія части строеній, машины и т. п. Производство строительныхъ матеріаловъ, принадлежностей и предметовъ для оборудованія желѣзныхъ дорогъ, фабрикъ, заводовъ—составляетъ, поэтому, самую выдающуюся черту послѣдняго оживленія нашей промышленности, о чемъ можно судить, между прочимъ, по даннымъ о перевозкѣ желѣзными дорогами разныхъ грузовъ.

Съ 1893 по 1897 г. количество поступавшихъ на рельсовую сѣть грузовъ увеличилось на 741 тыс. п., или на 34%. При этомъ продукты непосредственнаго потребленія возростали гораздо медленнѣе этого средняго отношенія, а грузы, состоящіе изъ строительныхъ принадлежностей и предметовъ оборудованія заводовъ и желѣзныхъ дорогъ, росли гораздѣ быстрѣе. Перевозка рельсовъ увеличилась—на 55%, металлическихъ строительныхъ принадлежностей—на 60%, строительныхъ матеріаловъ, принадлежащихъ къ группѣ керамическихъ производствъ (кирпичъ, известь и др.)—на 93%, желѣзнодорожныхъ шпалъ—на 95%, принадлежностей подвижного состава желѣзныхъ дорогъ — на 380% и т. д.

IV.

То, что̀ было изложено въ предъидущихъ главахъ, объясняетъ главныя причины и источники послѣдняго промышленнаго оживленія. Исходной точкой его служило государственное (прямо или косвенно) сооруженіе желѣзныхъ дорогъ. За нимъ слѣдовало, прямо или косвенно съ нимъ связанное, сооруженіе новыхъ фабрикъ и заводовъ. Толчкомъ къ такому сооруженію служилъ увеличенный спросъ на принадлежности строительнаго дѣла и на предметы общаго потребленія. Границы же сооруженія новыхъ фабрикъ и заводовъ опредѣлялись не размѣрами спроса, а наличностью капиталовъ, ищущихъ помѣщенія. Кромѣ того капитала, который обращается въ промышленности въ обыкновенное время, къ участію въ учредительствѣ привлечены были частныя сбереженія,—обратившіяся къ этому подъ вліяніемъ уменьшенія дохода процентныхъ бумагъ, вслѣдствіе конверсіи государствен-

ныхъ и банковыхъ займовъ и спекулятивной игры дивидендными бумагами. Привлеченію капиталовъ къ горнозаводской промышленности прямо содѣйствовало правительство, предлагая устраивающимся акціонернымъ обществамъ заказы на желѣзнодорожныя принадлежности по крайне высокимъ, какъ мы видѣли, цѣнамъ, обезпечивая имъ такимъ образомъ заранѣе извѣстный доходъ и какъ бы избавляя ихъ отъ заботы искать рынокъ для своихъ издѣлій. Этотъ способъ примѣнялся преимущественно къ иностраннымъ капиталамъ, и учредительная дѣятельность проявлялась поэтому съ удвоенной энергіей. Новая фабрика и новый заводъ сооружались, конечно, соотвѣтственно новѣйшимъ требованіямъ техники. Они поэтому оказывались крупнѣе и совершеннѣе многихъ старыхъ заведеній и побѣждали ихъ въ борьбѣ за рынки. Описываемый періодъ явился, поэтому, моментомъ промышленнаго переоборудованія страны, происходившаго въ это время быстрѣе обыкновеннаго.

Все это отразилось прежде всего на состояніи металлургической, а затѣмъ каменноугольной и нефтяной промышленности. Выплавка чугуна съ 1889 по 1900 гг. возросла съ 45 до 175 милл. пуд., т.-е. на 130 милл. пуд. или почти въ четыре раза; добыча каменнаго угля увеличилась съ 380 до 985 милл. пуд., т.-е. на 605 милл. пуд., или слишкомъ въ $2^1/_2$ раза, а добыча нефти поднялась съ 200 до 600 милл. пуд., или въ три раза. Нефть добывается у насъ преимущественно для переработки въ топливо (нефтяные остатки); развитіе двухъ послѣднихъ отраслей промышленности означаетъ, поэтому, быстрое распространеніе ископаемаго топлива. Увеличенный расходъ топлива является естественнымъ слѣдствіемъ расширенія строительной дѣятельности—будетъ ли это возведеніе фабрикъ, жилыхъ домовъ или сооруженіе желѣзныхъ дорогъ. Во всѣхъ случаяхъ, новое сооруженіе потребуетъ затраты горючаго матеріала—для отопленія домовъ, фабрикъ, желѣзнодорожныхъ станцій, для снабженія двигательной силой заводовъ, фабрикъ и локомотивовъ. Увеличеніе добычи минеральнаго топлива было у насъ, однако, послѣдствіемъ и другого явленія, а именно, сокращенія потребленія дровъ. Замѣна древеснаго топлива нефтянымъ и каменноугольнымъ наблюдается преимущественно въ области промышленности и транспорта, но она происходитъ въ нѣкоторой степени и въ сферѣ народнаго потребленія. Для иллюстраціи сказаннаго ограничимся двумя фактами: колебаніями отправленія рельсовыми путями различныхъ видовъ топлива, находящагося въ зависимости отъ ихъ производства, и развитіемъ потребленія топлива

желѣзными дорогами. Съ 1893 по 1900 г. перевозка рельсовыми путями нефтяныхъ остатковъ возросла съ 58 до 131 милл. пуд., а каменнаго угля—съ 343 до 740 милл. пуд., т.-е. увеличилась слишкомъ вдвое; отправленіе же дровъ поднялось съ 143 до 225 милл. пуд., т.-е. увеличилось всего съ небольшимъ въ полтора раза. Потребленіе желѣзными дорогами Европейской Россіи минеральнаго топлива (по переводѣ въ дровяное) возросло за послѣднія десять лѣтъ съ 1.074 до 3.234 тыс. куб. саж., или слишкомъ въ три раза, а потребленіе древеснаго топлива увеличилось съ 620 до 844 куб. саж., или всего на одну треть [1]).

Охватывая приведенныя выше данныя о развитіи металлургической, каменноугольной и нефтяной промышленности общимъ взглядомъ, мы можемъ высказать, что непосредственными источниками наиболѣе выраженнаго въ послѣдніе годы оживленія нашей промышленности были: предпринятое государствомъ форсированное сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и замѣна въ національномъ потребленіи древеснаго топлива минеральнымъ.

Косвенно желѣзнодорожное строительство должно было оказать сильное вліяніе на расширеніе и другихъ промышленныхъ отраслей.

Сооруженіе новыхъ желѣзныхъ дорогъ, фабрикъ, заводовъ вело къ значительному передвиженію населенія. Послѣднее усилилось въ описываемое время еще вслѣдствіе возростающаго разоренія земледѣльческаго класса, обостреннаго неурожайными годами, и пониженія въ 1894 г. пассажирскихъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ. О развитіи отхожихъ промысловъ въ описываемое время можно судить потому, что тогда какъ число ежегодно выдаваемыхъ паспортовъ съ 3,7 милліоновъ въ семидесятыхъ годахъ поднялось до 5 милл. въ восьмидесятыхъ,—въ девяностыхъ годахъ ежегодно выдавалось болѣе 7 милліоновъ паспортовъ [2]). Сельское населеніе стремилось преимущественно въ города, и для его пріема нужно было увеличивать размѣры послѣднихъ. Въ дополненіе къ промышленному строительству развилось, поэтому, строительство городское. Строительная дѣятельность въ городахъ была усилена еще приведеніемъ ихъ въ благоустроенное состояніе сооруженіемъ водопроводовъ, электрическаго освѣщенія, трамваевъ, чему не мало содѣйствовали иностранные предприниматели, выискивавшіе заказы повсюду и предлагавшіе городамъ свои услуги на болѣе или менѣе соблазнительныхъ условіяхъ. Сколько всего затрачено было въ Россіи въ это время ино-

[1]) Стат. Сб. Мин. Пут. Сообщ., вып. 73. Прил. къ табл. V, стр. 27.

[2]) Матеріалы по движенію благосостоянія сельскаго населенія Европейской Россіи.

странныхъ капиталовъ—сказать трудно; но, судя потому, что желѣзнодорожные займы помѣщены были за границей на сумму около 700 — 800 милл. руб., и что по разсчету Поля Лавелэ однихъ только бельгійскихъ капиталовъ затрачено было въ русскихъ промышленныхъ предпріятіяхъ 275 милл. руб., можно сказать, что приливъ иностранныхъ капиталовъ въ Россію въ теченіе послѣдняго десятилѣтія далеко превзошелъ миллiардъ рублей. Никогда раньше иностранный капиталъ не принималъ такого широкаго участія въ учредительной дѣятельности въ Россіи. Правда, желѣзныя дороги и въ прежнее время строились у насъ главнымъ образомъ на иностранныя деньги; но матеріалы для желѣзнодорожнаго строительства привозились тогда изъ-за границы, теперь они приготовлялись въ Россіи, и занятыя суммы, поэтому, почти цѣликомъ затрачивались внутри страны.

Промышленное оживленіе Россіи разсматриваемаго періода отличается отъ тѣхъ оживленій, какія наблюдались у насъ ранѣе, своей продолжительностью: вмѣсто трехъ-четырехъ лѣтъ, какъ это было въ пятидесятыхъ, шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ, цвѣтущее состояніе промышленности продолжалось у насъ чуть не цѣлое десятилѣтіе. Это было результатомъ важнаго участія въ оживленіи государства, вмѣстѣ съ тѣмъ обстоятельствомъ, что промышленная дѣятельность послѣдняго десятилѣтія направлялась, главнымъ образомъ, на оборудованіе страны, а не на приготовленіе предметовъ общаго потребленія. Пока идетъ это оборудованіе, т.-е. пока строятся заводы, фабрики, желѣзныя дороги, жилыя помѣщенія въ городахъ и т. п., до тѣхъ поръ рынокъ представляетъ живой спросъ на всѣ товары (преимущественно, конечно, на строительныя принадлежности) и на трудъ, и всѣ чувствуютъ себя хорошо. Но когда заводы и дороги построены и ихъ приходится пустить въ дѣло—оказывается, что на рынкѣ нѣтъ сбыта для всѣхъ тѣхъ товаровъ, которые могутъ быть ими произведены, нѣтъ достаточнаго количества грузовъ для питанія всѣхъ выстроенныхъ дорогъ, и наступаетъ моментъ ликвидаціи предшествующаго оживленія. Моментъ этотъ отдалялся для русской промышленности тѣмъ, что главный потребитель наиболѣе оживившихся отраслей, приготовлявшихъ матеріалы и принадлежности строительнаго дѣла,—желѣзныя дороги,—строились не по коммерческимъ соображеніямъ, а по разсчетамъ финансоваго вѣдомства, бравшаго на себя денежную отвѣтственность за результаты. Не будь этого обстоятельства—ликвидація промышленнаго оживленія наступила бы у насъ гораздо ранѣе. Г. Брандтъ не касается вопроса о скрытомъ желѣзнодорожномъ кризисѣ,

какъ будто желѣзнодорожное дѣло не представляетъ одной изъ крупнѣйшихъ промышленныхъ отраслей, и относитъ, поэтому, начало промышленнаго кризиса къ XX-му вѣку. Но если отъ общихъ итоговъ желѣзнодорожнаго строительства, поддерживаемаго суммами государственнаго казначейства, обратиться къ судьбѣ отдѣльныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ, то мы убѣдимся, что при свободномъ теченіи дѣлъ желѣзнодорожная горячка, а съ ней и общее промышленное оживленіе, остыли бы гораздо ранѣе. Два нашихъ крупнѣйшихъ и когда-то богатыхъ желѣзнодорожныхъ общества — юго-восточныхъ и рязанско-уральской желѣзныхъ дорогъ,—обреченныя стать застрѣльщиками промышленнаго оживленія, и на которыя, въ этихъ видахъ, было возложено сооруженіе 4,5 тысячъ верстъ новыхъ рельсовыхъ путей,—изнемогли подъ тяжестью этого предпочтенія, далеко еще не выполнивъ своей миссіи. Принадлежащія имъ линіи перестали почти приносить акціонерамъ доходъ съ 1898 г., да и ранѣе этого момента дивиденды получались, главнымъ образомъ, благодаря бухгалтерскому искусству, не строго отдѣлявшему эксплоатаціонные капиталы отъ строительныхъ. При свободномъ теченіи дѣлъ уже въ это время можно было ожидать рѣзкаго сокращенія желѣзнодорожнаго строительства, а за нимъ и ликвидаціи промышленнаго оживленія; но такъ какъ руководителемъ перваго было государство, то естественное наступленіе промышленнаго кризиса отлагалось до того момента, когда и государственныхъ рессурсовъ оказалось недостаточно, чтобы поглощать все болѣе и болѣе ростущую массу желѣза и другихъ строительныхъ матеріаловъ, а денежныя стѣсненія международнаго рынка не представляли возможности занимать за границей такія суммы, чтобы удовлетворять все предложеніе товаровъ поощряемой промышленности, не находящихъ себѣ мѣста на обычномъ рынкѣ. Но и при нахожденіи такихъ суммъ государство не могло безгранично расширять желѣзнодорожную сѣть для поддержанія никому не нужныхъ фабрикъ и заводовъ, по той причинѣ, что поддержаніе этихъ заводовъ, поглотивъ чистые доходы частныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ, начало грозить прямыми убытками и государственному казначейству. Желѣзнодорожное дѣло, приносившее казнѣ нѣкоторый доходъ, въ послѣдніе годы стало требовать затраты изъ бюджета для покрытія дефицита. Министерство финансовъ опредѣлило этотъ дефицитъ въ 35 милл. руб. для 1901 г., 45 милл. руб. для 1902 г., 60 милл. руб. для 1903 г. и 85 милл. руб. для 1904 года. Желѣзнодорожное строительство, однако, не прекращается, потому что остановка этого строительства воочію по-

казала бы всю необоснованность послѣдняго нашего промышленнаго оживленія. Но тѣхъ 8.000 верстъ, которыя ежегодно находятся теперь въ постройкѣ, далеко не достаточно для поддержанія промышленности на высотѣ, куда она была вскинута ради опредѣленныхъ финансовыхъ цѣлей, и главнѣйшая вѣтвь этой промышленности давала въ лучшія времена, какъ мы видѣли, всего $^2/_3$ того количества продукта, на производство котораго она разсчитана, а въ 1903 г., добыча въ Россіи чугуна едва превосходила половину того, что̀ можетъ дать страна. Значительная часть металлургическихъ приспособленій остается у насъ, слѣдовательно, въ бездѣйствіи. Въ концѣ 1903 г. въ южномъ районѣ, напр., работало всего 28 домнъ изъ 56-ти (многія домны, впрочемъ находились въ ремонтѣ). „Правда, во всѣхъ крупнѣйшихъ странахъ съ установившеюся желѣзной промышленностью число дѣйствующихъ домнъ даже въ періодъ промышленной горячки далеко не подходитъ къ числу имѣющихся въ странѣ домнъ, — говоритъ г. А. Вольскій. — Однако, разница между Россіей и этими странами велика: въ то время, какъ у насъ почти всѣ до единой домны стоятъ на уровнѣ возможности продолжать работу, въ этихъ странахъ большинство недѣйствующихъ домнъ, по отчисленіи ремонтируемыхъ, представляетъ старый хламъ, неспособный продолжать существованіе даже при улучшенныхъ условіяхъ чугуннаго рынка. У насъ домны стоятъ вслѣдствіе невозможности сбыть выплавленный чугунъ, а за границей—вслѣдствіе невозможности ими работать“ [1]).

Послѣ всего, что̀ было разъясняемо на предъидущихъ страницахъ, довольно страннымъ и неожиданнымъ должно показаться заключеніе г. Брандта о томъ, что промышленный кризисъ явился у насъ, будто бы, по причинѣ неурожаевъ послѣднихъ лѣтъ, которые „трудно было заранѣе предвидѣть и которымъ, однако, суждено было перепутать самые благоразумные разсчеты“ (стр. 71). По мнѣнію автора, хотя наша металлургическая промышленность расширялась въ послѣднее время, главнымъ образомъ, благодаря спеціальному спросу на ея продуктъ со стороны строящихся желѣзныхъ дорогъ, фабрикъ и заводовъ, тѣмъ не менѣе сооружающимся для удовлетворенія этого временнаго спроса металлургическимъ заводамъ нечего было заботиться „объ ограниченности и временномъ характерѣ этого спеціальнаго спроса, такъ какъ, во-первыхъ, этотъ спросъ изъ года въ годъ увеличивался, во-вторыхъ, въ перспективѣ виднѣлся спросъ массоваго потреб-

---

[1]) Вѣстн. Фин., Пром. и Торг., 1903 г., № 30 и 48.

ленія, который, съ уменьшеніемъ спеціальнаго спроса, выступитъ ему на смѣну и покроетъ образовавшіеся недочеты". Приближеніе къ окончанію сооруженія сибирскаго желѣзнодорожнаго пути означало сокращеніе спеціальнаго спроса на желѣзныя издѣлія. „Здѣсь-то на выручку должно было выступить массовое народное потребленіе, которое, при нормальныхъ условіяхъ, дѣйствительно могло бы обезпечивать, паралельно съ потребленіемъ казны и желѣзныхъ дорогъ, дальнѣйшее существованіе металлургической промышленности. Къ сожалѣнію, надежда на этого массоваго потребителя, вслѣдствіе совершившагося тѣмъ временемъ ослабленія покупательной способности населенія, не оправдалась... *При такихъ условіяхъ*, въ металлургической промышленности долженъ былъ наступить кризисъ, который, по самому свойству причинъ, его вызвавшихъ, долженъ былъ получить затяжный характеръ" (стр. 73—74).

Въ этомъ заключеніи г. Брандта все странно. Странно ожидать того, что народная масса будетъ сдерживать свой спросъ на желѣзныя издѣлія, пока металлургическая промышленность не нуждается въ немъ, и станетъ усиленно покупать ихъ, когда сократятся казенные заказы. Еще болѣе странно слышать мнѣніе экономиста о томъ, что неурожаи послѣднихъ лѣтъ были непредвидѣннымъ явленіемъ, а въ связи съ даваемыми авторомъ цифрами по этому предмету такое заявленіе приводитъ къ маловѣроятному подозрѣнію, что г. Брандту незнакомы ни цифры сбора хлѣбовъ за болѣе или менѣе продолжительный періодъ, ни характерная черта нашей сельско-хозяйственной жизни, заключающаяся въ частомъ чередованіи урожайныхъ и неурожайныхъ лѣтъ, — наглядномъ свидѣтельствѣ того, что, несмотря на всевозможныя восхваленія нашихъ экономическихъ успѣховъ, главная промышленность страны подчиняется всецѣло естественно-стихійнымъ, а не культурнымъ силамъ и вліяніямъ. Свои заключенія о неожиданности послѣднихъ неурожайныхъ лѣтъ и о силѣ отрицательнаго вліянія, какое эти неурожаи должны были оказать на промышленность, г. Брандтъ основываетъ на данныхъ, заимствованныхъ не изъ первичныхъ о томъ источниковъ, а изъ документа, не имѣющаго научнаго характера и приводящаго такія свѣдѣнія, какія въ данный моментъ нужны для поддержанія тѣхъ или другихъ заключеній. Приведя изъ всеподданнѣйшаго доклада министра финансовъ о государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1903 г. цифры валового сбора хлѣбовъ за время 1893—1901 г.г., авторъ утверждаетъ, что въ теченіе этого девятилѣтняго періода было четыре года (1895—98) „послѣдо-

вательныхъ неурожаевъ" и неурожайный 1901-й годъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ ни 1895-й, ни 1896-й г.г. не были неурожайными и если зачислены авторомъ въ число таковыхъ, то лишь потому, что исходной точкой для сравненія онъ взялъ 1893 и 1894 г.г., съ исключительно высокими урожаями, и не былъ освѣдомленъ о томъ, каковы были сборы хлѣбовъ въ предшествующее время. Если же мы наведемъ справку о движеніи урожаевъ хлѣбовъ за послѣднія двадцать лѣтъ, то увидимъ, что за періодъ 1883—1893 г.г. только одинъ 1887-й годъ давалъ сборъ, по разсчету на душу, выше сборовъ 1895 и 1896 г.г., [1]) и эти два года, поэтому, нужно признать не неурожайными, какъ дѣлаетъ г. Брандтъ, а скорѣе одарившими населеніе сборами хлѣбовъ выше средняго. Нельзя признать неурожайнымъ и 1898 г., а два слѣдующіе года самъ г. Брандтъ считаетъ перерывомъ въ ходѣ неурожаевъ. Въ противность г. Брандту слѣдуетъ такимъ образомъ утверждать, что сельско-хозяйственныя условія восьмилѣтія 1893—1900 г.г. сложились крайне благопріятно для нашей промышленности. Средній сборъ хлѣбовъ въ это время составлялъ 29,4 пуда на душу, между тѣмъ какъ за десятилѣтіе 1891—1900 г.г. въ пятидесяти губерніяхъ Европейской Россіи собрано 20,8 пуд. на душу, а за предшествующія десять лѣтъ —20,5 пуд. на душу. И вывозъ хлѣбовъ за границу составлялъ въ это восьмилѣтіе, въ среднемъ, 487 милл. пуд., между тѣмъ какъ во вторую половину восьмидесятыхъ годовъ, которая, по словамъ г. Брандта, „была благословлена" превосходными урожаями, обусловившими „огромный вывозъ хлѣбовъ" (стр. 11), въ среднемъ, экспортировалось 421 милл. пуд. въ годъ, и только въ одинъ годъ этого пятилѣтія было вывезено больше хлѣба, чѣмъ въ *средній* годъ восьмилѣтія 1893—1900 г.г. Мы имѣемъ всѣ основанія, поэтому, высказать совершенно обратное тому, на чемъ основываетъ авторъ свои объясненія кризиса, переживаемаго нами уже болѣе четырехъ лѣтъ. Сельско-хозяйственныя условія истекшаго десятилѣтія какъ бы нарочно сложились такимъ образомъ, чтобы поддержать финансовое вѣдомство въ его усиліяхъ гальванизировать чахлую русскую промышленность, и если тѣмъ не менѣе къ концу этого періода обнаружились явные признаки застоя, то это служитъ очевиднымъ доказательствомъ того, что кризисъ былъ, такъ сказать, предрѣшенъ заранѣе, что онъ неизбѣжно вытекалъ изъ предшествующаго оживленія. Низкій уровень

[1]) Сборникъ свѣдѣній по исторіи и статистикѣ внѣшней торговли Россіи т. I, стр. 7.

благосостоянія трудящихся массъ игралъ, конечно, огромную роль и въ происхожденіи кризиса и, еще болѣе, въ теченіи послѣдняго. Мы не можемъ до сихъ поръ переварить этого кризиса, несмотря на то, что намъ стали опять содѣйствовать стихіи, и что въ 1902 г. Россія была „благословлена" прекрасными сборами хлѣбовъ, а въ 1903 г. урожай былъ выше средняго. Но пониженіе благосостоянія массы населенія не есть, какъ думаетъ г. Брандтъ, случайный и непредвидѣнный фактъ, вызванный неурожаями. Оно есть необходимый, давно констатированный и предсказанный результатъ всей нашей экономической, политической и, такъ сказать, культурной политики, и неуклонительность этого процесса въ теченіе разсмотрѣннаго періода, исключительнаго по доходамъ и отъ земледѣлія, и отъ сторонних заработковъ, свидѣтельствуетъ лишь о томъ, какъ глубоко въ строѣ русской жизни коренятся причины бѣдности русскаго народа. Пережитый нами періодъ экстраординарныхъ усилій государства повернуть страну на путь развитія благосостоянія и богатства исправленіемъ пороковъ денежнаго обращенія и примѣненіемъ технико-финансовыхъ возбудителей въ области индустріи и перевозочной промышленности, научилъ насъ, по крайней мѣрѣ, тому, что не на этихъ основахъ слѣдуетъ закладывать прочное зданіе нашего экономическаго благополучія. Признакомъ просвѣтленія служитъ фактъ того вниманія, какое (на словахъ, конечно) отдается нынѣ главному, земледѣльческому промыслу нашего народа. Но что полученный урокъ просвѣтилъ сознаніе руководящихъ сферъ только на половину—видно изъ того, что и здѣсь, какъ и по отношенію къ индустріи, господствуетъ мысль о примѣненіи, главнымъ образомъ, техническихъ средствъ воздѣйствія, отодвигается на второй планъ общественно-культурная сторона вопроса и не придается должнаго значенія основному соціально-экономическому пороку нашего быта: бездѣятельному состоянію милліоновъ земледѣльческаго населенія въ теченіе длинныхъ у насъ зимнихъ періодовъ. Нуженъ новый тяжелый опытъ и страшный урокъ для того, чтобы мы рѣшились, наконецъ, взглянуть дѣйствительности прямо въ глаза и выступить на путь развитія, отвѣчающій задачамъ XX-го вѣка, какъ онѣ ставятся при внѣшнихъ и внутреннихъ условіяхъ эволюціи Россіи.

В. В.

НА
БАЛЕАРСКИХЪ ОСТРОВАХЪ

Путевыя замѣтки.

I.

Прибытіе изъ Барселоны въ г. Пальму на о. Мальоркѣ.—Исторія города и его замѣчательные памятники.—Предмѣстья г. Пальмы.

Еще до восхода солнца, въ одно столь обычное на свѣтломъ югѣ ясное и тихое іюньское утро, почти всѣ пассажиры испанскаго парохода „Balear“ были на палубѣ и смотрѣли на о. Мальорку, какъ бы рождавшуюся изъ изумрудныхъ волнъ Средиземнаго моря. Мягкія линіи берега уходили въ голубоватую даль. Съ неба, съ земли, съ моря неслось теплое дыханіе юга. Вотъ и стражъ Мальорки, Драгонера, высокая коническая скала, выдающаяся изъ морской пучины. Здѣсь сильное теченіе, и волны цвѣта индиго покрыты хлопьями бѣлоснѣжной пѣны. Прошли мимо башни маяка. — Уже видны башни собора,—сказалъ какой-то дальнозоркій пассажиръ. Еще полчаса нетерпѣливаго ожиданія, и „Balear“ вошелъ въ гавань Пальмы, столицы Балеарскихъ острововъ. Открылась восхитительная картина. Было уже семь часовъ утра, и яркое солнце ослѣпительно сіяло на безоблачномъ небѣ. На зеленой скатерти залива брошена длинная свѣтло-желтая лента мола, отдѣляющая собственно гавань отъ открытаго моря. Постройки Пальмы со всѣхъ сторонъ окаймляли заливъ. Тянущіяся вдоль берега средневѣковыя стѣны, оригинальная Лонха, арабская Альмудайна, нынѣ дворецъ ге-

нералъ-капитана, величественная масса собора, высокія башни многочисленныхъ церквей, средневѣковая крѣпость Бельверъ съ ея круглыми башнями,—наконецъ, безчисленное множество зданій, ярко бѣлѣющихъ подъ лучами утренняго солнца,—все это представляло несравненную картину въ рамкѣ зеленыхъ водъ залива спереди и синѣющихъ горъ сзади. Лодки всѣхъ величинъ, на веслахъ и на парусахъ, бороздили изумрудную гладь залива. Пароходы и парусныя суда всякихъ разновидностей тѣснились у внутренней стороны мола. По всему замѣтно, что Пальма—весьма важный испанскій портъ. Пароходы компаніи „Isleña Maritima“ три раза въ недѣлю совершаютъ рейсы изъ Барселоны въ Пальму; путешествіе продолжается всего двѣнадцать часовъ и стоитъ 12½ пэсетъ во второмъ классѣ (3 р. 75 к.). Изъ Марселя французскій пароходъ „Bastiais“ еженедѣльно отправляется прямо въ Пальму и проходитъ весь путь въ двадцать-четыре часа. Съ тѣхъ поръ, какъ начались пароходныя сообщенія между материкомъ и Балеарами, т.-е. уже 70 лѣтъ, не было ни одного несчастія, ни одного крушенія.

Пальма основана еще въ отдаленныя времена римской республики: ее заложилъ консулъ Квинтъ Цецилій Метеллъ, завоеватель Балеаръ. Но ни въ Пальмѣ, ни въ ея окрестностяхъ не уцѣлѣло ни одного памятника римскихъ временъ: все уничтожили сначала вандалы, а потомъ арабы. Въ мѣстныхъ музеяхъ встрѣчаются лишь вазы и медали римскихъ временъ, сохранившіяся въ землѣ. Вытѣснившіе арабовъ христіане также уничтожили архитектурные арабскіе памятники, за исключеніемъ арабскихъ бань и значительно перестроеннаго дворца Альмудайны. Въ средніе вѣка Пальма была столицей мальоркскаго королевства, находившагося въ нѣкоторомъ подчиненіи сначала у Аррагона, потомъ у Испаніи. Династія мальоркскихъ королей, обязанная своимъ происхожденіемъ внѣшнимъ политическимъ обстоятельствамъ и шедшему со стороны политическому разсчету, была несчастлива и просуществовала менѣе 150 лѣтъ—съ 1231 по 1375, когда умеръ послѣдній король, Хаймэ IV, а въ 1412 г. королевство было окончательно присоединено къ Испаніи. Аррагонскій король Хаймэ женилъ сына изгнаннаго португальскаго инфанта Педро, также Хаймэ по имени, на одной знатной дамѣ своего двора и помогъ этому Хаймэ овладѣть наслѣдствомъ, завѣщаннымъ отцомъ. Мальоркскій дворъ походилъ на дворъ южной Франціи: тамъ также раздавались пѣсни трубадуровъ, шли безконечные пиры и празднества, устроивались „суды любви“. Королевское семейство во всемъ этомъ прини-

мало живѣйшее участіе и находилось въ постоянномъ и близкомъ общеніи со своими подданными. Еще и теперь въ Пальмѣ не забыли объ этомъ золотомъ времени, и мѣстные поэты все еще воспѣвають праздники старинной Альмудайны. Въ настоящее время Пальма—одинъ изъ самыхъ большихъ и быстро ростущихъ провинціальныхъ городовъ Испаніи: въ ней почти 64.000 жителей, между тѣмъ какъ въ 1887 г. считалось всего 41½ тысячъ. Женское населеніе на 4½ тыс. превосходитъ мужское.

Улицы Пальмы, какъ и вообще всѣхъ старинныхъ испанскихъ городовъ, капризно вьются, переплетаются, переходятъ иногда какъ бы въ лѣстницы съ очень низкими и очень широкими ступенями, иногда съуживаются до того, что превращаются какъ бы въ тропинку между громадами домовъ, въ которую невозможно въѣхать ни въ какомъ экипажѣ. Широкія улицы, какъ Rambla, бульваръ Борнэ, очень рѣдки, а прямыхъ нѣтъ совершенно. Эти узенькія улицы полны пріятныхъ архитектурныхъ сюрпризовъ: то откроется какая-нибудь необыкновенно старинная и чрезвычайно занимательная церковь, или порталъ старинняго монастыря, превращеннаго теперь въ казарму или полицейскій участокъ, или затѣйливый домъ, въ которомъ живетъ какое-нибудь знатное семейство, не принимающее никакого участія въ мѣстной общественной жизни. Всюду въ архитектурныхъ памятникахъ замѣтны слѣды арабскаго и готическаго вліяній. Изящныя, тонкія готическія колонки домовъ знати представляютъ рѣзкій контрастъ съ прочностью и массивностью всѣхъ прочихъ частей этихъ зданій. Ряды маленькихъ, узкихъ и частыхъ оконъ на самомъ верху зданій такъ напоминаютъ арабскіе мирадоры. Эта причудливая архитектурная смѣсь, какъ бы освященная протекшими вѣками, не возбуждаетъ никакого чувства диссонанса.

Знаменитый соборъ, величественная масса котораго царитъ надъ Пальмой и совершенно отдаляетъ и затѣняетъ сосѣдній дворецъ бывшихъ мальоркскихъ королей, прежде всего привлекаетъ къ себѣ вниманіе своими стройными башнями, похожими на минареты, и своими массивными контрфорсами, придающими ему видъ средневѣковой твердыни. Какъ и многіе другіе испанскіе соборы, великолѣпный храмъ Пальмы созидался въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ: по преданію, король Хаимэ II Завоеватель, Карлъ Великій Балеарскихъ острововъ, былъ застигнутъ страшной бурей въ 1230 г. и далъ обѣтъ создать храмъ въ честь Дѣвы Маріи, который и получилъ свой настоящій видъ только въ самомъ концѣ XV в. Прошедшіе надъ соборомъ вѣка сообщили чудному зданію какой-то особенный

золотисто-желтоватый цвѣтъ, которому южное солнце придаетъ, въ свою очередь, теплые, ласкающіе тоны. Только время и солнце юга даютъ зданіямъ этотъ удивительный колоритъ, эти чудные оттѣнки. Лучшій входъ въ соборъ—Puerta del Mirador. Даже профанъ съ удивленіемъ останавливается передъ фигурами чистаго и высокаго стиля, украшающими порталъ. Перевитыя цвѣтами изображенія ангеловъ съ различными музыкальными инструментами—чудные образчики скульптурной миніатюры, которою такъ замѣчателенъ этотъ порталъ. Къ сожалѣнію, передъ самою Puerta del Mirador совершенно некстати выстроенъ какой-то домишко самаго жалкаго вида; деревья, ростущія между этими домишками и краемъ стѣны, сильно страдающія отъ близости моря, уже совершенно закрываютъ чудный видъ, который въ противномъ случаѣ представляла бы съ моря эта несравненная Puerta del Mirador. Первое впечатлѣніе, производимое внутренностью собора,—его необычайная громадность; здѣсь какъ бы рѣшена проблема—употребить какъ можно меньше камня, чтобы охватить какъ можно больше пространства. Сначала даже ощущается невольный страхъ, достаточно ли крѣпки эти четырнадцать колоннъ, кажущихся ничтожными сравнительно съ огромной пустотой собора, которыя поддерживаютъ необъятные своды по семи съ каждой стороны. Знакомые только съ нашими храмами не могутъ составить себѣ никакого понятія о необъятной внутренности соборовъ въ Саламанкѣ, Бургосѣ, Толедо, Севильѣ и Пальмѣ; храмъ Спасителя въ Москвѣ даетъ объ этомъ лишь слабое представленіе, а соборы Казанскій и Исаакіевскій въ Петербургѣ кажутся чуть не маленькими капеллами. Кромѣ того, разноцвѣтные мраморы, позолота, вообще новизна вчерашняго дня этихъ храмовъ—кажутся чѣмъ-то вульгарнымъ, роскошью parvenus, сравнительно съ неисчислимымъ богатствомъ благородной вѣковой скульптуры, произведенія которой въ такомъ количествѣ наполняютъ испанскіе соборы. Соборъ въ Пальмѣ имѣетъ въ длину 121 метръ, въ ширину 55, а своды его поднимаются до 44 метровъ. Вопреки обыкновенію старинныхъ храмовъ Испаніи, стѣны и колонны собора въ Пальмѣ не покрыты скульптурными изображеніями: очевидно, Балеарамъ были не подъ силу тѣ колоссальные расходы, которые требовались для этого, но для которыхъ находились средства на континентѣ. Только на сводахъ виднѣются гербы: въ старину мальоркская знать покупала у собора право помѣщать на его сводахъ свои гербовыя изображенія. Свѣтъ проникаетъ въ соборъ черезъ пять розетовъ съ цвѣтными стеклами и два узкихъ и длинныхъ рас-

писныхъ окна по обѣимъ сторонамъ главнаго алтаря. Мы бывали въ соборѣ и утромъ, когда лучи ранняго солнца освѣщали своды сквозь восточныя розетки, и вечеромъ, когда лучи заката лились съ запада,—и старые своды, словно окрашенные волшебной кистью, походили на высокое небо, раскинутое надъ темной глубиной собора. Въ знойный полдень въ соборѣ темно и прохладно. Передъ тихими, какъ бы заснувшими алтарями, тамъ и сямъ стоятъ на колѣняхъ одинокія женскія фигуры, въ полголоса творя молитвы и шелестя вѣерами. Позднимъ вечеромъ соборъ наполненъ таинственнымъ мракомъ и тишиной, и изрѣдка мерцающія одинокія лампады даютъ иллюзію безпредѣльности храма. У какого-нибудь изъ боковыхъ алтарей еще идетъ послѣдняя служба... Темныя фигуры при скудномъ свѣтѣ нѣсколькихъ лампадъ и свѣчъ кажутся группой средневѣковыхъ монашествующихъ, собравшихся на долгую ночную молитву. Соборъ имѣетъ два великолѣпныхъ готическихъ органа. Въ звонкой пустотѣ храма звуки льются то громкіе, устрашающіе, негодующіе, какъ труба страшнаго суда, то нѣжные, мелодичные, какъ журчаніе фонтана въ тихую ночь, или пѣніе серафимовъ, заканчиваясь тончайшими, почти воображаемыми нотами... Послѣ этой музыки дребезжащее, крикливое пѣніе патеровъ особенно непріятно. Главный алтарь находится какъ бы въ капеллѣ, отдѣльномъ выступѣ, похожемъ на алтари восточныхъ церквей; быть можетъ, это одинъ изъ слѣдовъ вліянія византійской архитектуры. Retablo главнаго алтаря, въ стилѣ барокко, имѣетъ очень сомнительныя художественныя достоинства, какъ и гробница короля Хаимэ II, находящаяся передъ главнымъ алтаремъ и воздвигнутая Карломъ III. Огромный хоръ собора, находящійся противъ главнаго алтаря и кажущійся небольшимъ сравнительно со всей площадью храма, украшенъ богатой деревянной рѣзьбой, представляющей переходъ отъ готики къ стилю Возрожденія. По угламъ хора, обращеннымъ къ главному алтарю, возвышаются обширныя рѣзныя каѳедры, въ родѣ амвоновъ, съ которыхъ читается евангеліе во время обѣдни. Въ сакристіи собора хранятся реликвіи, которыми вообще такъ богаты испанскіе соборы: кусокъ туники Божіей Матери и ея нижняго платья, тернъ изъ вѣнца Іисуса Христа.

Церковь св. Эвлаліи—второй храмъ Пальмы по величинѣ. Фасадъ этого великолѣпнаго и огромнаго готическаго зданія теперь реставрируется. Необыкновенной древностью и массивностью поражаетъ церковь св. Франциска, фасадъ которой представляетъ образцовое произведеніе архитектуры и скульптуры.

Оригинальная церковь іезуитовъ передѣлана изъ старой синагоги, которую король Санчо отнялъ у евреевъ, въ наказаніе за какую-то ихъ измѣну или упорство. Вообще многія церкви Пальмы древни, оригинальны и красивы.

Среди зданій на берегу выдѣляется одно, похожее на крѣпость, величественное, но вмѣстѣ съ тѣмъ изящное, даже граціозное; нигдѣ раньше въ Испаніи намъ не приходилось видѣть сооруженія подобнаго типа. Это—Лонха, „la Lonja“, служившая биржей для пальмесинскихъ купцовъ въ средніе вѣка. Торговля Пальмы въ старину была очень обширна. Въ XIV вѣкѣ городу принадлежало 300 большихъ кораблей и 600—малыхъ, съ 30.000 матросовъ. Поэтому возникла потребность въ помѣщеніи, гдѣ бы купцы могли собираться для обсужденія торговыхъ дѣлъ и заключенія договоровъ. Въ половинѣ XV вѣка „la Lonja“ уже существовала, какъ типичный образчикъ гражданской готической архитектуры въ Испаніи. Отсутствіе каменныхъ стрѣлъ, стремящихся къ небу, какъ бы указываетъ на не-церковную, а чисто гражданскую цѣль, которая имѣлась въ виду при постройкѣ этого зданія. По краямъ прямоугольника, въ которомъ ширина почти равняется длинѣ, возвышаются четыре осьмиугольныя башенки, идущія отъ самой земли. Три похожихъ на нихъ каменныхъ столба по длинѣ и два по ширинѣ дѣлятъ пространство между башнями, а наверху, вдоль почти плоской крыши, идетъ рядъ оконъ, которыя, вѣроятно, дали идею мирадоровъ въ старыхъ домахъ мальоркской знати. Внутри „Лонха“ представляетъ одну огромную залу, потолокъ которой поддерживаютъ шесть колоннъ, имѣющихъ видъ гигантскихъ спиралей. Колонны сдѣланы изъ мѣстнаго камня сантани, по своему пріятному цвѣту напоминающаго бисквитъ. Зала, съ чернымъ мраморнымъ поломъ, освѣщается четырьмя большими окнами, дающими достаточно свѣта, чтобы хорошо разсмотрѣть картины на стѣнахъ, такъ какъ „Лонха“ превращена теперь въ мѣстный музей, который, кстати сказать, содержится очень плохо: картины—въ старыхъ, плохихъ рамахъ, когда-то позолоченныхъ, нѣкоторыя—вовсе безъ рамъ; большинство картинъ развѣшано очень плохо въ отношеніи свѣта. Всѣхъ картинъ не болѣе сотни. Обращаетъ на себя вниманіе прекрасная картина Эсковаля—„Вѣнчаніе“ прелестной молодой дѣвушки съ очень старымъ и очень невзрачнымъ господиномъ. Превосходно передано выраженіе лицъ самой жертвы и окружающихъ родныхъ и любопытныхъ. Кисти монаха Паскуэля принадлежитъ великолѣпное лицо средневѣковаго монаха въ религіозномъ экстазѣ, напоминающее лица аскетовъ и визіонеровъ

у Рибейры и Сурбарана. Огромная картина Соріано Мурильо „Прощаніе мавровъ съ Гранадой“ привлекаетъ вниманіе выразительностью лицъ мавровъ, навѣки покидающихъ свою вторую родину, и вообще оригинальностью пейзажа и обстановки. Какъ образчикъ средневѣковой, чисто церковной живописи, любопытны старыя картины на деревянныхъ доскахъ, взятыя изъ упраздненнаго въ 30-хъ годахъ картезіанскаго монастыря въ Вальдемозѣ. По витой лѣстницѣ одной изъ башенокъ мы поднялись на крышу „Лонхи“. Ни желѣза, ни дерева не употреблялось при сооруженіи „Лонхи“, которая сдѣлана такъ основательно, солидно и прочно, что кажется совсѣмъ новой, несмотря на 450-лѣтнее существованіе. Храмъ торговли, очевидно, строился съ такой же заботливостью и любовью, какъ и старинные соборы. Даже перила витой лѣстницы сдѣланы изъ камня, не пострадавшаго отъ времени. Если смотрѣть сверху въ кольца спирали, образуемой поворотами витой каменной лѣстницы, то получается впечатлѣніе удивительно правильной, математически точной трубы, заканчивающейся внизу. Десять водосточныхъ трубъ у верхнихъ оконъ „Лонхи“ заканчиваются скульптурными каменными головами льва, рыбы, барана и др., бюстомъ и головами женщины и Силена; голова собаки, вновь сдѣланная вмѣсто упавшей и разбившейся, показываетъ все убожество современной пальмесанской скульптуры сравнительно съ средневѣковою. Съ башенки открывается превосходный видъ на городъ съ его ярко освѣщенными солнцемъ домами и синѣющими на заднемъ планѣ горами, съ его мрачными, сѣрыми башнями церквей, соборомъ, Бельверомъ, на изумрудный заливъ, съ пестрымъ движеніемъ по немъ, и на безпредѣльную гладь Средиземнаго моря.

Слѣва къ Пальмѣ примыкаетъ предмѣстье Санта-Каталина, а къ этому послѣднему—цѣлый городъ съ довольно широкими улицами, обставленными невысокими, двухэтажными новыми домами —это дачное мѣсто Пальмы, гдѣ каждый зажиточный пальмесанецъ имѣетъ свой лѣтній домикъ и садикъ. На горѣ надъ этимъ городкомъ возвышается зàмокъ Бельверъ, построенный королемъ Хаимэ въ концѣ XIII и въ началѣ XIV столѣтій. Суровость соединена съ изяществомъ въ Бельверѣ („прекрасный видъ“, belle vue), любопытномъ образчикѣ средневѣковой крѣпостной архитектуры: круглое сооруженіе съ двумя круглыми же высокими башнями, между которыми переброшена арка. Никакого военнаго значенія Бельверъ въ настоящее время, конечно, не имѣетъ, хотя и занятъ небольшимъ гарнизономъ, такъ что и самый доступъ туда возможенъ лишь съ разрѣшенія генералъ-капитана. Въ

прежнее время въ Бельверѣ заключали политическихъ преступниковъ; такъ, тамъ запертъ знаменитый Ховельяносъ. Географъ Араго былъ также два мѣсяца плѣнникомъ въ Бельверѣ. Онъ спокойно производилъ астрономическія наблюденія на Мальоркѣ въ то время, когда Наполеонъ, въ 1808 г., заставилъ Фердинанда VII отречься отъ испанскаго престола. Тогда фанатизированная духовенствомъ чернь хотѣла убить Араго, и онъ переодѣтымъ долженъ былъ бѣжать въ Пальму, гдѣ власти, чтобы спасти ему жизнь, заключили его въ Бельверъ. Одна изъ наиболѣе интересныхъ прогулокъ въ Пальмѣ—прогулка по стѣнѣ (Muralla), опоясывающей старый городъ, въ шесть километровъ длиною. Она построена еще въ XIV—XV столѣтіяхъ, по итальянской системѣ, предшествовавшей Вобану. Равелины, люнеты, бастіоны, замкнутыя пространства, мосты,—словомъ, всевозможныя затѣйливыя ухищренія стариннаго фортификаціоннаго искусства, дѣлаютъ эту стѣну любопытнымъ историческимъ памятникомъ. Прежде на стѣнѣ возвышалось семьдесятъ-четыре башни. Теперь тамъ играютъ дѣти, бродятъ куры, пасутся привязанные коровы и козлы. Замкнутыя пространства заросли сорными травами, которыя пробиваются и среди старой каменной кладки. Городскіе дома подходятъ почти въ плотную къ стѣнѣ, а съ ея высоты видны не только узкіе, тѣсные дворики со всей пестротой и толкотней южной жизни, но и внутренность домовъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ къ городу подходитъ желѣзная дорога, стѣна срыта на большомъ протяженіи—варварское и едва ли достаточно оправдываемое отношеніе къ четырехсотлѣтнему историческому памятнику...

II.

Институтъ Пальмы; пріемы и взгляды мѣстныхъ педагоговъ.—Прочія просвѣтительныя учрежденія города.—Circulo Mallorquin.—Мальоркское нарѣчіе и его литература.—Балеарская печать.

Познакомившись съ прошлымъ Пальмы и ея историческими памятниками, переходимъ къ современной, текущей жизни города. Въ самый день пріѣзда намъ удалось познакомиться съ директоромъ мѣстной гимназіи, г. Антоніо Местрэ, и его помощникомъ, г. Хуаномъ Бестардомъ, которые любезно предложили намъ осмотрѣть гимназію, чѣмъ мы и воспользовались на другой же день. Гимназія замѣнила собой въ 1835 г. университетъ, который былъ признанъ излишнимъ для Балеарскихъ острововъ. Она носитъ названіе „Instituto Central“, такъ какъ, кромѣ

общеобразовательной школы, заключаетъ въ себѣ курсы земледѣлія, мореходные, торговые, учительскіе и еще какихъ-то двухъ спеціальностей, и въ общемъ имѣетъ до пятисотъ учениковъ. Институтъ занимаетъ огромное зданіе бывшаго іезуитскаго монастыря, и потому располагаетъ чрезвычайно обширнымъ помѣщеніемъ: имѣетъ хорошій садъ, четыре двора (patios), верхніе и нижніе корридоры (claustros). Вопросъ о недостаткѣ помѣщенія совершенно не можетъ никогда и возникать въ этомъ институтѣ: много залъ закрыто за ненадобностью. Классы имѣютъ обычное въ испанскихъ гимназіяхъ устройство—скамьи въ нихъ расположены амфитеатромъ, столовъ нѣтъ. Учителя въ классахъ только объясняютъ и спрашиваютъ. Всѣ письменныя работы задаются только на домъ, а орѳографія и синтаксисъ родного языка усвоиваются учениками еще до поступленія въ институтъ, въ первоначальныхъ школахъ. Впрочемъ, директоръ сообщилъ намъ, что въ скоромъ времени откроется спеціальная зала для письменныхъ работъ. Испанскимъ ученикамъ неизвѣстны ранцы, которыми наши дѣти обременяютъ себя, какъ верблюды: они не берутъ съ собой никакихъ письменныхъ принадлежностей, ни атласовъ, ни досокъ, а всѣ ихъ учебныя книги имѣютъ очень малые размѣры,—это именно учебныя книжки. Скамьи—старыя, длинныя, изрѣзанныя. Классъ рисованія, какъ и чистописанія, освѣщенъ недостаточно хорошо—имѣетъ всего по одному окну, чего мало и на свѣтломъ югѣ. Въ рисовальномъ классѣ стоятъ обыкновенные длинные столы; гипсовыхъ моделей нѣтъ, копируютъ прямо съ рисунковъ, и каждый ученикъ кладетъ оригиналъ передъ собою. Каждый учитель имѣетъ свой отдѣльный классъ, такъ что, напр., непосредственнымъ продолженіемъ класса физики является физическій кабинетъ, что̀, конечно, очень удобно. Въ классѣ географіи карты не висятъ по стѣнамъ, а помѣщены въ нѣкоторомъ подобіи шкафа, изъ котораго каждая, по мѣрѣ надобности, и выдвигается на деревянной рамѣ. При такомъ устройствѣ карты не отцвѣтаютъ и не рвутся. Физическій кабинетъ, на который отпускается всего 600 пэсетъ въ годъ (170 р.), содержится въ чистотѣ и порядкѣ. Естественно-историческій кабинетъ даже очень хорошъ для средней школы; особенно обширны въ немъ коллекціи мѣстныхъ насѣкомыхъ, минераловъ и раковинъ. При химическомъ кабинетѣ, какого обыкновенно не имѣется въ нашихъ гимназіяхъ, находится особое отдѣленіе для занятій учениковъ химическими опытами. Метеорологическая станція, единственная на Мальоркѣ и существующая сорокъ лѣтъ, занимаетъ три обширныя площадки на самомъ верху института и хорошо обстав-

лена самопишущими приборами. Библіотека, занимающая шесть залъ, имѣеть до шестидесяти тысячъ названій; въ ней преобладаютъ старыя, никѣмъ не читанныя книги XVI и XVII вѣковъ, такъ какъ главнѣйшую ея часть составляетъ библіотека упраздненнаго іезуитскаго монастыря, а для пополненія отпускается всего по 600 пэсетъ въ годъ. Несмотря на ея многолѣтнее существованіе, она до сихъ поръ не приведена въ должный порядокъ. По словамъ библіотекаря, въ ней до семисотъ инкунабулъ, хотя это сомнительно, такъ какъ нѣсколько случайно взятыхъ нами книгъ изъ разряда якобы инкунабулъ—таковыми не оказались. Особой ученической библіотеки при институтѣ нѣтъ, и ученики, на равныхъ правахъ со всѣми другими (эта библіотека вмѣстѣ съ тѣмъ и публичная муниципальная) могутъ приходить въ нее и читать любыя книги. Хотя церковь находится въ самомъ зданіи института, но ему не принадлежитъ, такъ какъ іезуиты все-таки успѣли овладѣть ею и утвердиться въ ней. Посѣщеніе вообще церкви для учениковъ необязательно, равно какъ и уроковъ закона Божія, хотя и имѣется особый законоучитель, посѣщающій институтъ два раза въ недѣлю. Изъ бесѣды съ директоромъ и инспекторомъ выяснилось, что въ институтѣ нѣтъ карцера, и что ихъ педагогическая практика не допускаетъ такихъ мѣръ, которыя имѣютъ въ виду какое-либо угнетеніе личности учащихся. Ничего подобнаго нашимъ должностямъ помощниковъ классныхъ наставниковъ и самихъ этихъ наставниковъ въ пальмесанскомъ институтѣ нѣтъ: съ одной стороны, туда поступаютъ не полудикари, не лѣсные звѣрки, не имѣющіе никакого понятія о приличіи и порядкѣ, а благовоспитанные испанскіе мальчики; съ другой—нынѣ признана полная невозможность для публичной открытой школы вліять на учащихся въ воспитательномъ отношеніи: школа только учитъ, даетъ знанія, а воспитываютъ семья, общество, словомъ, окружающая обстановка. Вслѣдствіе этого, не только педагогическій персоналъ института, но и его начальство, свободны отъ всякихъ заботъ объ „образѣ мыслей“ учениковъ. Такъ какъ въ Испаніи не существуетъ оффиціальнаго, обязательнаго политическаго „credo“, и такъ какъ ученики живутъ и воспитываются въ семьяхъ и карлистскихъ, и республиканскихъ, и монархическихъ, то учащій персоналъ, eo ipso, долженъ всегда оставаться нейтральнымъ и никогда не касаться политическихъ и религіозныхъ вопросовъ въ какихъ-либо положительныхъ концепціяхъ и не выходить изъ рамокъ фактическаго содержанія предметовъ своего преподаванія. Это обстоятельство, съ своей стороны, позволяетъ самимъ пре-

подавателямъ института внѣ школы открыто исповѣдывать любыя политическія и религіозныя мнѣнія. На нашъ вопросъ, не замѣчается ли въ послѣднее время какого-либо пониженія дисциплины и добрыхъ правилъ среди учащихся, директоръ и инспекторъ отвѣтили отрицательно: школьная дисциплина у нихъ не есть что-то внѣшнее, поддерживаемое лишь страхомъ наказанія, но явленіе органическое, результатъ многовѣковаго культурнаго воспитанія личности въ извѣстныхъ традиціяхъ и нормахъ ея общественнаго поведенія.

Такъ какъ учительская служба не осложняется въ институтѣ Пальмы (и вообще въ Испаніи) различными удручающими условіями, то учителя не тяготятся ею и безъ вреда для своего здоровья и настроенія служатъ цѣлые ряды лѣтъ, не представляя ничего общаго съ нашими „футлярными людьми“, но оставаясь до конца корректными, пріятными джентльменами. Нѣкоторое художественное образованіе въ Пальмѣ можно получить въ „Academia de Bellas Artes“, находящейся въ зданіи упраздненнаго университета. Тамъ съ октября по май безплатно обучаютъ желающихъ (до 600 человѣкъ) ариѳметикѣ, геомертіи, черченію, рисованію, перспективѣ и теоріи искусства. Любители мѣстной старины группируются въ „Археологическомъ обществѣ преподобнаго (beato) Раймонда Луллія“, которое обладаетъ порядочнымъ музеемъ древнихъ предметовъ.

Мѣстами, такъ сказать, организованнаго общенія жителей въ Пальмѣ являются довольно многочисленные клубы и „circulas“— военный, морской, велосипедистовъ, экскурсіонистовъ и др., а также рабочіе. Лучшій клубъ Пальмы, ея „благородное собраніе“,—„Circulo Mallorquin“, имѣющій до тысячи членовъ исключительно изъ высшаго общества города и острова Мальорки. Теперь этотъ клубъ владѣетъ огромнымъ зданіемъ упраздненнаго монастыря доминиканцевъ, часть котораго онъ и занялъ. Монастырь въ свое время служилъ инквизиціонной тюрьмой, въ которой, между прочимъ, томилось множество либераловъ, жертвъ реакціи 1823 г. Въ этомъ монастырѣ были картины, въ каждой изъ которыхъ фигурировала какая-нибудь жертва инквизиціи, а нàкрестъ сложенныя кости подъ картиной показываютъ, что прахъ сожженнаго былъ развѣянъ по вѣтру. Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ клубъ выигралъ три милліона пэсетъ, чтò и позволило ему отдѣлать свое помѣщеніе съ необыкновенной роскошью. Непосредственно изъ прохладной галереи нижняго этажа, выходящей на Дворцовую улицу (calle del Palacio), заставленной тропическими растеніями въ огромныхъ кадкахъ,—открывается входъ въ об-

ширный, изящный салонъ, стѣны котораго украшены картинами мальоркскихъ художниковъ на сюжеты изъ мѣстной исторіи и природы. Въ салонѣ чисто, прохладно, много мягкой мебели; онъ предназначенъ—para tomar fresco, освѣжаться, отдыхать. Очевидно, этотъ же салонъ служитъ и столовой: мы нигдѣ не видѣли comedor'а, столовой, а тѣмъ болѣе традиціонной стойки—буфета съ баттареей бутылокъ, которая неизбѣжно украшаетъ наши клубы. Но при клубѣ, очевидно, существуетъ и кухня, такъ какъ однажды мы видѣли въ салонѣ двухъ обѣдавшихъ caballeros. Большая зала, превращенная изъ капеллы, очень обширна, отдѣлана въ стилѣ Возрожденія; ея высокіе своды украшены лѣпной работой и живописью, на стѣнахъ висятъ хорошія картины и огромныя зеркала — въ богатыхъ золоченыхъ рамахъ. Паркетъ застланъ холстомъ. Этотъ огромный салонъ производитъ впечатлѣніе залы какого-нибудь дворца. Для карточной игры, билліарда, шахматовъ отведены особыя комфортабельныя залы. Въ одной изъ этихъ залъ вывѣшиваются всѣ политическія телеграммы, по мѣрѣ ихъ полученія на станціи. Членскій взносъ, какъ и всюду въ Испаніи, пять пэсетъ въ мѣсяцъ ($1^1/_2$ руб.). Карты даютъ клубу значительный доходъ. Двѣ просторныхъ залы заняты библіотекой, и изъ нихъ въ одной разложены на длинномъ столѣ исключительно газеты, въ другой—журналы. Въ библіотекѣ находятся словари различныхъ языковъ, Литтрэ, Ларусса и др., рѣдкія иллюстрированныя изданія „Донъ-Кихота", Дорэ и пр., всѣ испанскіе классики и новѣйшіе беллетристы, много иностранныхъ писателей въ испанскихъ и французскихъ переводахъ. Изъ русскихъ авторовъ библіотека имѣетъ: „Тараса Бульбу" и Толстого—„Войну и Миръ", „Что такое искусство" и „Воскресеніе" въ двухъ изданіяхъ (все на испанскомъ языкѣ). Библіотека выписываетъ лучшія газеты и журналы на англійскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и итальянскомъ языкахъ, не говоря уже объ испанскихъ. Благодаря любезности инспектора института, мы получили—la papeleta de transennte, временнаго члена клуба, на цѣлые тридцать дней.

Въ Пальмѣ, какъ и вообще на Балеарскихъ островахъ, разговорнымъ языкомъ, особенно простого класса, является—мальоркское нарѣчіе, представляющее нѣкоторую разновидность каталонскаго языка. Знающіе испанскій, французскій и каталонскій языки безъ труда могутъ понимать это нарѣчіе въ его литературной, письменной формѣ. Латинскіе элементы испанскаго языка въ каталонской формѣ принимаютъ въ мальоркскомъ нарѣчіи оттѣнокъ французскаго, точнѣе—провансальскаго языка.

Короткія, точно обрубленныя окончанія, очень часто съ двумя согласными въ концѣ, и обиліе дифтонговъ какъ въ срединѣ, такъ и въ окончаніяхъ — характерная особенность мальоркскаго нарѣчія. Для иллюстраціи приведемъ нѣсколько мальоркскихъ словъ съ соотвѣтствующими французскими и испанскими значеніями: gust (goût, gusto), antich (antique, antiguo), poch (peu, poco), motiu (motif, motivo), missatje (mission, mision), terrer (terrain, terreno), dels pobles (des peuples, de los pueblos). Испанскій языкъ распространенъ на Балеарахъ гораздо больше, чѣмъ въ Каталоніи, гдѣ, напр., женщины въ деревняхъ не говорятъ на немъ; на Мальоркѣ же мы не встрѣчали никого, кто не могъ бы говорить по-испански. На Мальоркѣ преобладаютъ поэты, имена которыхъ неизвѣстны въ остальной Испаніи, кромѣ Каталоніи: Агилò, Росселлò, Фортеса, Пикò и Кампамаръ, Коста, Ллобера, и др. Просто и несложно содержаніе мальоркской поэзіи: мѣстныя историческія преданія, воспѣваніе національныхъ героевъ мѣстной старины и „трехъ наиболѣе священныхъ видовъ любви на землѣ" — любви къ Богу, родинѣ и природѣ, — пасторали, баллады. Мѣстные поэты на сборникахъ своихъ стиховъ титулуютъ себя „mestre en gay saber" (учитель веселой науки). Литературныя состязанія (certamens literaris), похожія на каталонскія „флоральныя игры", время отъ времени устраиваются въ Пальмѣ и поддерживаютъ соревнованіе мѣстныхъ поэтовъ и беллетристовъ.

Балеарская періодическая печать сосредоточивается преимущественно въ Пальмѣ. На мальоркскомъ нарѣчіи еженедѣльно выходитъ „Gazeta de Mallorca", а всѣ остальныя — на испанскомъ: „El Eco Balear", выходящій съ спеціальной цѣлью — „de la propaganda católica", „Diario de Mallorca", также съ очень замѣтнымъ клерикальнымъ оттѣнкомъ. „La Almudaina" и „Diario de Palma", выходящіе по утрамъ, и вечернія газеты: „Tarde" и „La Ultima Hora" — посвящены исключительно новостямъ всякаго рода. „El Liberal" и отчасти „La Almudaina" отражаютъ взгляды мѣстной либеральной партіи, а „La Union Republicana" — республиканской, которая на Балеарскихъ островахъ является наилучше организованной и наиболѣе дѣятельной. Мѣстное земледѣльческое общество выпускаетъ свои еженедѣльныя извѣстія; выходитъ также ежемѣсячная „Revista Luliana", названная такъ въ честь „преподобнаго учителя Раймунда Луллія", мальоркскаго уроженца, канонизованнаго и признаннаго патрономъ острова. Память его празднуется 3 іюля. Изъ педагогическихъ изданій

на Балеарскихъ островахъ намъ извѣстны два: „El Magisterio Balear“ въ Пальмѣ и „La Escuela práctica“ въ Судаделѣ на Менөркѣ.

III.

Потомки евреевъ въ Пальмѣ.—Мальоркскія женщины.—Пальмесанскія развлеченія.—Ночная поэзія мола.—Типичная „casa de huespedes“.

Среди однородной массы островитянъ мальоркцевъ выдѣляется въ Пальмѣ небольшая группа населенія еврейскаго корня—потомки евреевъ, насильно окрещенныхъ еще въ 1435 г. Они живутъ, главнымъ образомъ, въ улицахъ Хаймэ и Платеріасъ, занимаются торговлей и преимущественно ювелирнымъ дѣломъ. Остальное населеніе до сихъ поръ сторонится ихъ, называя презрительнымъ именемъ („chuetus“, свиньи), избѣгаетъ вступать съ ними въ бракъ, отчего они сохранили типъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ до нѣкоторой степени выродились.

Путешественники, посѣщавшіе Мальорку, обыкновенно съ восторгомъ отзываются о красотѣ мѣстныхъ женщинъ. Дѣйствительно, молодыя мальорки очень стройны, имѣютъ великолѣпные глаза и волосы и чудный цвѣтъ лица — матовый или смуглый, какъ бы окрашенный свѣтомъ утренней зари. Онѣ говорятъ очень пріятнымъ, пѣвучимъ голосомъ. Замѣчательно, что поселянки на Мальоркѣ красивѣе горожанокъ. Очень распространенный на Балеарахъ костюмъ еще болѣе поддерживаетъ вызывающую, пикантную красоту мальорокъ. Онъ состоитъ изъ короткой юбки и корсажа съ рукавами, не доходящими до обнаженныхъ локтей; голову до половины покрываетъ или бѣлый платокъ, завязанный подъ подбородкомъ, или прозрачный чепчикъ изъ бѣлаго тюля, съ отворотами на груди, въ родѣ короткой пелерины. Волосы заплетены въ одну косу съ черной лентой на концѣ. На плечи мальорки иногда набрасываютъ небольшой платокъ. Разсматривая лица мальорокъ въ витринахъ мѣстныхъ фотографій, нетрудно подмѣтить однообразіе, нѣкоторую шаблонность, женскаго мальоркскаго типа, отсутствіе въ немъ мягкости и нѣжности очертаній, что̀ въ натурѣ маскируется, такъ сказать, цвѣтовыми эффектами, о которыхъ говорилось выше. Предательская фотографія открываетъ и нѣкоторую жесткость очертаній, и излишнюю рѣзкость линій, и недостаточную одухотворенность этихъ лицъ, въ которыхъ очень замѣтно отраженіе преобладающей физической стороны ихъ обла-

дательницъ. Но эти недостатки пальмесанокъ, открываемые только путемъ фотографіи, не бросаются въ глаза даже при яркомъ свѣтѣ полуденнаго южнаго солнца; тѣмъ менѣе замѣтны они по вечерамъ, когда начинается, такъ сказать, праздничная жизнь города.

Въ Пальмѣ нѣтъ никакихъ загородныхъ садовъ и театровъ, а потому мѣстное общество съ семи до десяти часовъ вечера наполняетъ широкій, но короткій бульваръ Борнэ. Онъ похожъ на обширную залу съ прекраснымъ паркетомъ, залитую газовымъ и электрическимъ свѣтомъ. Въ девять часовъ, послѣ ужина, бульваръ превращается какъ бы въ десятки отдѣльныхъ салоновъ, въ которыхъ назначены—tertulias: публика разсаживается кружками на каменныхъ скамейкахъ бульвара и проволочныхъ креслахъ, которыя какой-то антрепренеръ предлагаетъ по пятнадцати сантимовъ каждое. Слышится гулъ шаговъ и разговоровъ, женскій смѣхъ, шелестъ вѣеровъ. Мальчишки выкрикиваютъ „Tarde“ и „La Ultima Hora“. Тротуары кафé по обѣимъ сторонамъ бульвара переполнены публикой. Цѣны здѣсь въ кафé нѣсколько выше, чѣмъ въ Барселонѣ, но оффиціанты вполнѣ довольны pourboir'омъ въ пять сантимовъ. Когда однажды мы дали десять сантимовъ, то впечатлительный южанинъ былъ такъ удивленъ и обрадованъ, что постучалъ монетой о мраморную доску стола и сказалъ: „bravo“! Находящееся между бульваромъ и улицой Завоевателя (Conquistador) кафé „Lírico“ привлекаетъ на свою обширную террасу многочисленную публику. По вечерамъ въ этомъ кафé распѣваетъ какой-то недурной пѣвецъ подъ аккомпаниментъ рояля. Рядомъ съ „Café Lírico“ находится небольшое зданіе „Балеарскаго кинематографа“, единственное мѣсто зрѣлищъ пальмесанцевъ въ лѣтнее время, такъ какъ театръ закрытъ. Сенсаціонная новинка—убійство Драги и короля Александра—привлекало въ кинематографъ множество публики. „Убійство“ состояло изъ трехъ картинъ. Въ первой картинѣ люди въ длиннополыхъ сѣрыхъ кафтанахъ врываются во дворецъ; вторая изображаетъ трагедію въ королевской спальнѣ: бѣлыя фигуры короля и Драги стрѣляютъ и убиваютъ двухъ или трехъ изъ ворвавшихся, но и сами падаютъ въ свою очередь; а въ третьей ихъ трупы выбрасываются на дворъ черезъ окно. Трепещущія, мерцающія тѣни кинематографа производятъ на зрителя тяжелое впечатлѣніе даже въ этомъ болѣе или менѣе фантастическомъ воспроизведеніи бѣлградской драмы.

Длинный и крѣпкій молъ, отвоевавшій отъ моря спокойное убѣжище для судовъ во время бури, служитъ пальмесанцамъ пре-

краснымъ мѣстомъ для прогулки на закатѣ солнца и „когда ночь своимъ покровомъ“ Мальорку осѣнитъ.

Пальмесанцы любятъ смотрѣть на погруженіе солнца въ морскія волны, сидя на огромныхъ камняхъ, набросанныхъ у мола со стороны моря. Вечерами они разсаживаются на парапетахъ мола, какъ птички. Каждый вечеръ здѣсь даются импровизированные концерты. Подъ аккомпаниментъ гитары кто-нибудь распѣваетъ „coplas“, полныя то колкаго народнаго юмора, то трогательной народной поэзіи. Всѣ притихли, всѣ слушаютъ внимательно—и caballeros, и señoritas, и простые рабочіе-грузчики,—всѣ погружены въ пріятныя мечтанія, которыя навѣваетъ сладкая южная ночь... Импровизированную концертную залу освѣщаютъ два газовые фонаря, выставляющіеся изъ-за окраины мола, какъ изъ-за рампы, и великолѣпная луна, сіяющая на голубовато-серебристомъ небѣ. Заснувшій рейдъ, причудливыя линіи огней Пальмы и чуть слышный плескъ волнъ Средиземнаго моря дополняютъ очарованіе картины...

„Baile, sastre!“ (танцуй, портной!)—раздаются возгласы; къ гитарѣ присоединяется гармоника, и портной начинаетъ какой-то мѣстный танецъ.

Туристы любятъ посѣщать Пальму, особенно англичане, которые уже давно засматриваются на Балеары, эти драгоцѣнныя жемчужины Средиземнаго моря. Лѣтъ двадцать тому назадъ одинъ старый русскій каммергеръ,—кажется, Балашовъ,—очарованный Мальоркой, поселился здѣсь, женившись на молодой мальоркѣ. Теперь о Балашовѣ уже нѣтъ и помина: онъ умеръ; вдова его оставила островъ, а его едва помнятъ старожилы. Въ дорогомъ и роскошномъ „Grand-Hôtel“ въ Пальмѣ туристы встрѣтятъ весь современный комфортъ и полную отчужденность отъ мѣстной жизни въ ея бытовыхъ проявленіяхъ. Кто путешествуетъ не для одной только провѣрки „Бедекера“, а интересуется также бытовыми формами мѣстной жизни, ея внутреннимъ, интимнымъ складомъ, тому, при знаніи языка, лучше всего поселиться въ какой-нибудь скромной „casa de huespedes“, совершенно не разсчитанной на иностранцевъ. Въ одной изъ такихъ „casas“ мы и остановились на улицѣ Saledad. Всюду средневѣковая простота: полы изъ огромныхъ кирпичей, голыя стѣны, скудная мебель безъ всякихъ украшеній. Зато нѣтъ пропыленныхъ ковровъ, грязныхъ цвѣтныхъ скатертей, засаленной обивки мягкой мебели, надоѣвшихъ олеографій. Часть комнатъ выходила въ „patio“, благоухавшій розами и пестрѣвшій цвѣтами гераніума; среди „patio“ возвышалась великолѣпная пальма. Общество нашей „casa“ состояло изъ слѣ-

дующихъ лицъ: двухъ комми-вояжеровъ изъ Барселоны, актрисы мѣстнаго театра и чиновника, котораго рекомендовали, какъ „перваго писаря господина губернатора" (primer escribano del señor gubernador). На верху подлѣ столовой въ одной комнатѣ жило трое рабочихъ мѣстной электрической станціи, родомъ изъ Мадрида. Они обѣдали отдѣльно, потому что пользовались сокращеннымъ столомъ. У насъ сейчасъ же можно отличить людей рабочаго класса, даже не видя ихъ: по конструкціи рѣчи, по выбору словъ, даже по самому тэмбру голоса; мадридскіе же „electricistos" говорили чистымъ и правильнымъ кастильскимъ языкомъ, вполнѣ литературно, безъ всякихъ внѣшнихъ недостатковъ рѣчи. Всѣ жили въ патріархальной простотѣ; по утрамъ въ кухню являлись въ однихъ жилетахъ „первый писарь" и коммивояжеръ: одинъ для накаливанія щипцовъ, чтобы завить усы, другой—чтобы приготовить себѣ какое-то purgativo. Наши обѣды и ужины носили непринужденный, домашній характеръ: актриса являлась почти въ закулисномъ неглижé, одинъ комми—всегда безъ сюртука. Смѣхъ, шутки и разговоры не прерываются. Интересуются Россіей.

— А сколько времени въ Петербургѣ продолжается зимняя ночь?—спрашиваетъ актриса. Прежде чѣмъ мы успѣли отвѣтить, Пакита, прислуживающая за столомъ, уже умозаключаетъ:

— Значитъ, всѣ въ это время остаются тамъ въ кроватяхъ!—Пакита, хорошенькая, молоденькая мальорка, живая и шустрая, постоянно вмѣшивается въ разговоры и доставляетъ матеріалъ для безконечныхъ шутокъ. Она очень неаккуратна, всегда что-нибудь забудетъ, и потому постоянно слышитъ шутливо-грозные оклики: „Paquita!", на которые отвѣчаетъ шутливо-почтительно: „Mande usted"! (Повелѣвайте!). Пакита знаетъ множество народныхъ пѣсенокъ и вѣчно ихъ распѣваетъ. Вотъ она поетъ въ сосѣдней комнатѣ; записываемъ ея пѣсню въ переводѣ:

„Износила башмаки я,
Не сходя совсѣмъ съ балкона:
Все смотрѣла, не плыветъ ли
Милый въ лодкѣ изъ Магона...
Смуглый Пепе въ шляпѣ новой,
Въ андалузской шляпѣ чудной,
Такъ похожъ на Божье солнце
Надъ пучиной изумрудной"...

Черезъ минуту Пакита уже восклицаетъ на лѣстницѣ:

„Pasar una vida sin amoros
Es una muerte feroz!"
(Жизнь провести безъ любви—
Это ужасная смерть!)

IV.

Цвѣтущій видъ Мальорки и ея перенаселенность.—Ллозета и ея школа. Вальдемоза, Картуха и воспоминанія о Жоржъ-Зандъ и Шопенѣ.

Не даромъ древніе называли Мальорку „Золотымъ островомъ“ и считали ее садомъ „Гесперидъ“: она не только классическая страна оливы, миндаля и апельсиновъ, но чрезвычайно богата фруктами и хлѣбными злаками; это—сплошное поле, садъ, огородъ, виноградникъ. Климатъ Балеарскихъ острововъ едва-ли не самый пріятный въ Европѣ: t^0 въ самые сильные „холода“ не опускается ниже нуля, а максимальная жара—35^0 въ тѣни и 40^0 на солнцѣ. Почти всегда лазурное небо, несравненное изумрудное море, обиліе зелени, ласкающіе глазъ пейзажи кругомъ—все это дѣлаетъ жизнь на Балеарахъ чрезвычайно пріятною. Населеніе размножается здѣсь съ поразительной быстротой; кстати сказать, мы нигдѣ не видѣли такого количества беременныхъ женщинъ, какъ на Мальоркѣ, гдѣ даже создалась пословица: „Пока рождаются дѣти, — не будетъ конца міру“. Повидимому, населеніе уже достигло своего естественнаго предѣла и начинаетъ уменьшаться путемъ выселенія: въ 1887 г. на островахъ считалось (на лицо) 312.000 человѣкъ, а въ 1902 г.—уже 311.000. Во всѣхъ большихъ городахъ, какъ Пальма, Магонъ, Феланитшъ, Сольеръ и др. (кромѣ Минакора) населеніе за это время замѣтно увеличилось. Населеніе острова (до 650 человѣкъ на квадратный километръ), повидимому, уже не находитъ себѣ достаточнаго заработка на родныхъ поляхъ, скопляется въ городахъ, наконецъ, выселяется на материкъ. Заработокъ мужчины во время сбора оливокъ, напр., упалъ до двухъ пэсетъ въ день (60 коп.), а женщины—даже до трехъ реаловъ (22—23 к.). Домашняя женская прислуга въ городахъ получаетъ отъ восьми до десяти пэсетъ въ мѣсяцъ (2 р. 40 к.—3 р.).

По обѣимъ сторонамъ желѣзнодорожной линіи, идущей отъ Пальмы въ глубь Мальорки до Алькудіи, вдаль уходятъ обработанныя поля, виноградники, фермы, селенія. По всему замѣтно, что населеніе очень густо, и что вся эта страна очень плодородна. По желѣзной дорогѣ мы отправились въ Ллозету, селеніе почти на самой срединѣ острова. Дорога казалась какой-то игрушечной, съ ея маленькими разстояніями между станціями, миніатюрными вагонами и низкими цѣнами, притомъ же неопредѣленными, колеблющимися и не отмѣчаемыми на билетахъ.

На станціяхъ дѣвочки въ широкополыхъ соломенныхъ шляпахъ предлагаютъ путешественникамъ холодную воду и пирожное.

Ллозета—типичное земледѣльческое поселеніе на Мальоркѣ, съ 3.000 жителей, не привлекающее туристовъ какими-либо мѣстными достопримѣчательностями. Прежде всего мы отправились въ школу, помѣщающуюся на чердакѣ дома мѣстнаго муниципальнаго управленія (ayuntumiento). Школа—обычнаго испанскаго типа: много учениковъ при одномъ учителѣ (60, раздѣленныхъ на 5 секцій), плохая мебель, учебники въ одной книжкѣ, хоровое пѣніе, во время котораго ученики ходятъ другъ за другомъ кругомъ класса, хорошая каллиграфія и недурное усвоеніе самаго механизма чтенія. Учитель спрашиваетъ, всегда смотря въ книгу, и на знакомый вопросъ ученики даютъ заученный отвѣтъ. Господствуетъ система заучиванія наизусть. Въ этой школѣ, какъ и всюду, проходятся элементы права. Для образца приведемъ изъ 24-го урока ученіе о „неприкосновенности", которое должно быть твердо усвоено въ школѣ: „1) Неприкосновенность личности состоитъ въ томъ, что никто не можетъ быть арестованъ и задержанъ иначе, какъ по опредѣленію судьи и при существованіи законной причины". „2) Неприкосновенность жилища заключается въ томъ, что никто не можетъ войти въ помѣщеніе другого безъ его разрѣшенія; въ жилище гражданина противъ воли сего послѣдняго могутъ проникнуть агенты власти лишь по распоряженію судьи". „3) Неприкосновенность переписки состоитъ въ томъ, что корреспонденція испанскаго гражданина можетъ быть вскрыта только по приказанію судьи". Заученныя въ дѣтствѣ, эти положенія навсегда, конечно, закрѣпляются въ сознаніи испанскаго мальчика и тѣмъ немало содѣйствуютъ культурному росту его личности. Учитель, повидимому, хотѣлъ угостить насъ географіей Россіи: его временный помощникъ (сынъ) нѣсколько минутъ постоялъ съ однимъ изъ учениковъ передъ картой восточной Европы, какъ бы что-то соображая, но ничего изъ этого не вышло. Помѣщеніе женской школы гораздо лучше мужской, такъ какъ построено на средства мѣстнаго магната, гр. Айаминса, домъ котораго—лучшее зданіе Ллозеты. При женской школѣ живутъ пять монахинь-францисканокъ; три изъ нихъ занимаются уходомъ за больными въ селеніи, а двѣ—преподаваніемъ. Мѣстный учитель, въ квартирѣ котораго мы встрѣтили и шкафъ съ книгами, и гармоніумъ, пытался-было создать въ Ллозетѣ клубъ-театръ: нашелъ помѣщеніе, самъ нарисовалъ декораціи и занавѣсъ, организовалъ кружокъ любителей, но послѣ пяти—шести спектаклей дѣло разстроилось, вслѣдствіе равнодушія

мѣстнаго населенія, которому вполнѣ достаточно шести кафé, гдѣ оно привыкло сходиться для свиданій. Ллозета отличается мягкостью нрава обитателей. Послѣднее убійство произошло тамъ болѣе трехъ лѣтъ тому назадъ. Воровство неизвѣстно, такъ что всѣ двери на ночь обыкновенно не затворяются. Религіозныя церемоніи въ мѣстной церкви и танцы на площади, на открытомъ воздухѣ, одинаково нравятся жителямъ и одинаково привлекаютъ ихъ. Плодоводство—главное занятіе жителей Ллозеты, окруженной рощами смоковницъ, оливъ и миндаля. Единственная „фабрика" для консервированія мѣстныхъ сливъ, очень любимыхъ въ Англіи, имѣетъ сельскій, домашній характеръ. Въ одной изъ комнатъ нижняго этажа обыкновеннаго дома, гдѣ помѣщается „фабрика", нѣсколько женщинъ отбираютъ и очищаютъ сливы; рядомъ, на дворикѣ подъ навѣсомъ, двѣ—три дѣвушки накладываютъ въ жестяные цилиндры сливы, которыя варятся въ котлѣ подъ открытымъ небомъ. Сидящій на низенькомъ стульчикѣ молодой человѣкъ запаиваетъ жестянки, которыя потомъ опускаются на 30 минутъ въ котелъ съ кипяткомъ. Вотъ и вся „фабрика".

Въ 17-ти километрахъ отъ Пальмы, въ горахъ, находится живописное селеніе Вальдемоза, извѣстное тѣмъ, что въ 1838 г. тамъ провела 8 недѣль Жоржъ-Зандъ съ сыномъ, дочерью и Шопеномъ. Тамъ, въ упраздненномъ монастырѣ картезіанцевъ, Жоржъ-Зандъ написала „Spiridion", вызвавшій такое негодованіе католическаго духовенства. Въ своей книгѣ „Un hiver à Mayorque" Жоржъ-Зандъ говоритъ, что дорога изъ Пальмы въ Вальдемозу очень плоха, проходитъ по пустырямъ, по невоздѣланнымъ полямъ, и что ѣхать приходится въ очень неудобномъ экипажѣ. Теперь все измѣнилось. Гладкая, превосходно шоссированная дорога, содержится въ большой чистотѣ, проходитъ среди обработанныхъ полей, виноградниковъ, оливковыхъ розъ. Всюду по сторонамъ виднѣются фермы. Вдоль дороги, по обѣимъ ея сторонамъ, течетъ вода—это водопроводъ въ Пальму. Время отъ времени встрѣчаются обширные квадратные бассейны, наполненные водой. Придорожная пыль попадаетъ, конечно, въ воду, которая въ Пальмѣ поэтому не отличается особенной чистотой и требуетъ особой фильтраціи. Когда начинаются горы, окружающіе виды становятся еще красивѣе. Земля, очевидно, страшно дорога и цѣнна: использовано всякое мѣстечко, гдѣ можно устроить террасу, выведя невысокую стѣнку и наполнивъ углубленіе землей,—и тамъ раскидывается пашня, разводится виноградникъ. Гдѣ мѣста совсѣмъ уже мало, тамъ, словно въ горшкѣ, поднимается одинокая олива съ своей ажурной, се-

ребристой, свѣтло-зеленой листвой. Зеленыя лапы кактусовъ, угрожающе протянутыя, образуютъ живыя изгороди. Мы ѣхали въ удобномъ дилижансѣ всего за два реала (15 коп.) и бесѣдовали о Вальдемозѣ съ однимъ изъ мѣстныхъ священниковъ, возвращавшихся изъ Пальмы. Но вотъ и домики Вальдемозы, какъ гнѣзда морскихъ ласточекъ пріютившіеся на просторномъ карнизѣ вѣковой горы. Вся долина напоминаетъ какъ бы амфитеатръ цирка, предназначеннаго для битвъ какихъ-то гигантовъ. Преданіе говоритъ, что здѣсь жилъ когда-то богатый мавръ Муза, у котораго мальоркскій король Санчо, страдая астмой и отыскивая спокойное и пріятное убѣжище, отнялъ это мѣсто и построилъ здѣсь зàмокъ. Это было въ 1321 г. Въ 1399 г. зàмокъ былъ отданъ картезіанцамъ, которые расширили его и превратили въ знаменитую Картуху. Въ 1835 г., Картуха поступила въ собственность испанскаго правительства, которое и рѣшило распродать ее по частямъ, съ тѣмъ, чтобы самое зданіе не подвергалось разрушенію и передѣлкамъ снаружи. Картуха представляетъ огромное зданіе типа испанскихъ средневѣковыхъ монастырей, съ внутренними дворами, окруженными claustros. Обширная церковь съ башней, имѣющей нѣкоторое сходство съ севильской Хиральдой, возвышается надъ живописно-нестройной массой монастырскихъ зданій. Съ башни открывается видъ, о которомъ можно сказать лишь словами Жоржъ-Зандъ: „Я никогда такъ не чувствовала недостатковъ человѣческой рѣчи, какъ смотря съ высоты Картухи“! Вдоль длинныхъ корридоровъ, выходящихъ окнами на дворы, заросшіе травой и деревьями, идутъ „кельи“ (celdas), принадлежащія теперь частнымъ лицамъ. Мы хорошо познакомились съ одной „кельей“, въ которой живетъ теперь мѣстный врачъ. Это—огромное помѣщеніе въ два этажа съ террасой-цвѣтникомъ, съ которой открывается великолѣпный видъ на долину. Въ старину это была келья настоятеля. Внутри она подверглась значительной перестройкѣ, и кое-гдѣ лишь уцѣлѣли старинные полы и живопись на стѣнахъ и сводахъ. Жоржъ-Зандъ съ Шопеномъ, двумя дѣтьми и гувернанткой жила въ кельѣ № 4-й, внутри которой также сдѣланы перестройки. Въ эту келью вела изъ корридора задѣланная теперь дверь, нѣсколько ближе ко входу, чѣмъ въ настоящее время. Корридоры раньше были длиннѣе, такъ какъ часть ихъ отдѣлена и обращена въ комнаты. Окна были задѣланы на двѣ трети ихъ высоты. „Поэзія этой Картухи вскружила мнѣ голову“,—пишетъ Жоржъ-Зандъ. Дѣйствительно, молчаливый, покинутый монастырь, расположенный въ чудной мѣстности, среди полутропической ра-

стительности, съ восхитительными видами на всѣ стороны, съ безконечными, таинственными корридорами, освѣщенными по ночамъ только фантастическимъ сіяніемъ луны или погруженными въ мистическій мракъ, — долженъ былъ уносить воображеніе Жоржъ-Зандъ и Шопэна въ средневѣковой туманъ и внушать имъ тѣ мысли и настроенія, которыя вылились впослѣдствіи въ образахъ и картинахъ у одной и въ звукахъ и мелодіяхъ—у другого. Дѣйствительно, романъ „Консуэло" навѣянъ Картухой въ Вальдемозѣ. Съ думами о Жоржъ-Зандъ и Шопенѣ бродили мы въ сумеркахъ по безмолвнымъ корридорамъ Картухи и позднимъ вечеромъ сидѣли на террасѣ, передъ церковью... Года два тому назадъ въ Вальдемозу пріѣзжала внучка Жоржъ-Зандъ (дочь ея сына) и старалась собрать на мѣстѣ свѣдѣнія о жизни ея бабушки въ этомъ уголкѣ Мальорки. Въ памяти мѣстнаго населенія уже исчезло всякое воспоминаніе о Жоржъ-Зандъ. Церковь Картухи отдѣлана заново и не представляетъ ничего интереснаго, за исключеніемъ нѣсколькихъ картинъ стариннаго мальоркскаго художника Хункеры. Въ новой церкви Вальдемозы хранится старинный „frontal" художественной работы (щитъ, закрывающій переднюю часть алтаря), зеленый, съ вышитыми фантастическими животными. Иностранцы предлагали за этотъ „frontal" очень большія деньги. Тамъ же стоитъ рѣзная каменная купель мѣстной святой—Каталины Томасъ, канонизація которой состоялась еще въ 1797 г. Ея домикъ превращенъ въ капеллу; верхній этажъ домика, сохранившійся въ неприкосновенности, даетъ представленіе о жилищѣ мѣстныхъ крестьянъ въ старину. Живой замѣчательностью Вальдемозы является пѣвецъ Матео Уэтамъ, кажется, басъ, 18—20 лѣтъ тому назадъ хорошо извѣстный Петербургу. Теперь Уэтамъ превратился въ сельскаго хозяина и поетъ въ мѣстной церкви лишь по большимъ праздникамъ.

Чтобы считаться райскимъ уголкомъ земного шара, Вальдемоза не имѣетъ одного очень важнаго условія—воды въ достаточномъ количествѣ, какъ декоративной части мѣстнаго пейзажа. Испанцы вообще не любятъ мыться, а въ Вальдемозѣ, должно быть, и совсѣмъ никогда не моются; по крайней мѣрѣ, мѣстный учитель сообщилъ мнѣ о своемъ воздержаніи на этотъ счетъ въ теченіе восьми лѣтъ... А Средиземное море отстоитъ отъ Вальдемозы всего въ двухъ съ половиной часахъ ѣзды. Мы видѣли этого учителя въ его школѣ. Безъ сюртука, въ разстегнутомъ жилетѣ, въ беретѣ на головѣ и съ папиросой въ зубахъ, онъ занимался преподаваніемъ пятидесяти-тремъ ученикамъ. Вечерній классъ уже заканчивался. Каждое отдѣленіе проходило или, точ-

нѣе, пробѣгало, по звонку, мимо учителя, который при этомъ покрикивалъ на нихъ, какъ пастухъ кричитъ на своихъ козъ. Позднѣе, при встрѣчѣ съ учителемъ на улицѣ, каждый ученикъ бросался къ нему и прикладывался къ двумъ перстамъ его правой руки—отголосокъ, очевидно, того времени, когда школою управлялъ патеръ....

На другой день, рано утромъ, бросивъ прощальный взглядъ на поэтическую Картуху, мы оставили Вальдемозу и незамѣтно доѣхали до Пальмы въ знакомомъ уже намъ вчерашнемъ дилижансѣ.

П. Головачевъ.

1903 г.

ВРАЖДЕБНАЯ СИЛА

РОМАНЪ.

— John-Antoine Nau. „Force ennemie". Roman (couronné par l'Académie Goncourt).' Paris, 1904.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Окончаніе.

VI *).

— Что̀ я надѣлалъ!.. О, Кмогунъ, я не только взбѣшенъ, но питаю теперь къ тебѣ холодную ненависть и хотѣлъ бы отомстить тебѣ, гнусный дикарь съ Твувры! Ирена для меня потеряна навсегда. Ирена! Ирена!—такъ упрекалъ я своего невидимаго врага, Кмогуна, сидя на постели въ своемъ новомъ помѣщеніи.

— Не разыгрывай такого дурака: ты вовсе не такъ уже глупъ!—отвѣчаетъ мнѣ Кмогунъ.—Напрасно ты изливаешь свои чувства вслухъ, какъ герой мелодрамы,—тебя никто не услышитъ; стѣны вѣдь обиты войлокомъ. И развѣ ты не понимаешь, что именно твой „гнусный поступокъ", именно испугъ и—скажемъ—негодованіе противъ тебя излечили твою „нѣжную принцессу". Ты—или, вѣрнѣе, *я*—ея благодѣтель.

— Замолчи, гнусный духъ!

— Я вовсе не духъ, ты самъ это знаешь,—я человѣкъ, какъ

*) См. выше: май, стр. 218.

ты, только съ другой планеты,—вотъ и вся разница; и моя планета выше твоей, хотя жизнь на ней столь ужасна.

— На твоей планетѣ живутъ каннибалы, знающіе только чувства ненависти и страха и незнакомые съ любовью.

— Однако, я, кажется, выказалъ достаточныя способности къ усвоенію земныхъ страстей—и сталъ даже твоимъ учителемъ. Вѣдь только благодаря мнѣ ты увлекъ Селестину Буфаръ. И развѣ ты не замѣтилъ, что строгая мадамъ Робинé, свидѣтельница твоей пылкости, тоже очень благосклонно отнеслась къ тебѣ? Тебѣ бы теперь было легко заслужить ея расположеніе... Тебя не соблазняетъ эта почтенная матрона?

— Замолчи, замолчи, животное!

— Я сейчасъ замолчу. Но будь справедливъ и сознайся, что я не заслуживаю твоего негодованія. Во всякомъ случаѣ, я хорошій товарищъ. Я не стыжусь тебя, какъ ты меня стыдишься,—я отношусь къ тебѣ какъ братъ.

— Въ такомъ случаѣ, дай мнѣ возможность забыть тебя на время.

— Хорошо, я исчезну на недѣлю или на двѣ недѣли—вотъ видишь, какой я добрый! Я посѣщу снова твой знаменитый Парижъ, гдѣ я недавно провелъ нѣсколько пріятныхъ дней и ночей, оставивъ тебя въ Васто на попеченіе очаровательнаго Бидома (я тебѣ еще этого не разсказалъ). Больше всего въ твоемъ Парижѣ мнѣ нравится театръ „Амбигю“. Тамъ я себя чувствую совсѣмъ какъ дома. А послѣ представленія я тоже пріятно проводилъ время невидимкой для всѣхъ; я являлся во снѣ хорошенькимъ „дамамъ легкаго поведенія“. Теперь бы я охотно навсегда оставилъ заведеніе доктора Фруана, чтобы кутить въ Парижѣ,— мнѣ для этого не нужно вселяться въ чье-либо тѣло. Но я еще не закончилъ свое образованіе,—и ты мнѣ нуженъ. Какъ только я усвою всѣ земныя знанія, которыя заключены въ тебѣ, и кромѣ того побываю въ мозгу у одного или двухъ императоровъ, у полдюжины королей и нѣсколькихъ президентовъ республикъ, чтобы быть вполнѣ въ курсѣ земной жизни, я уже не буду никого безпокоить и обѣщаю быть самымъ веселымъ призракомъ, навѣщающимъ сны красавицъ — низшихъ и высшихъ круговъ. Но о тебѣ я буду часто вспоминать. Я тебя люблю, несмотря на твою черную неблагодарность и на твое грубое обращеніе съ такимъ хорошимъ товарищемъ, какъ я. Я отъ времени до времени буду тебя навѣщать, чтобы поддерживать репутацію пылкости и предпріимчивости, которую я тебѣ составилъ. А

теперь прощай! Не весело мнѣ сидѣть съ тобой въ тюрьмѣ. Надѣюсь, что ты уже будешь на свободѣ, когда я вернусь.

Хотя я запертъ въ узкой, холодной камерѣ, но все-же чувствую радость отъ сознанія наступившаго одиночества. Кмогунъ исчезъ: счастливаго пути! Моя радость, однако, не долго длится. Я жду утра съ нетерпѣніемъ и страхомъ. Что-то будетъ со мной? Боюсь, чтобы Бидома не предупредили о случившемся раньше, чѣмъ доктора Фруана. И что мнѣ скажетъ Фруанъ? Несмотря на его снисходительность и на симпатіи, которыя онъ мнѣ всегда выказывалъ, не сочтетъ ли онъ меня негодяемъ или совершенно озвѣрѣвшимъ безумцемъ? Меня охватываетъ чувство стыда и отвращенія. Можетъ быть, даже лучше претерпѣть жестокое обращеніе Бидома, чѣмъ выслушивать упреки добряка Фруана. Какъ знать,—можетъ быть, истязанія, которымъ навѣрное подвергнетъ меня злой карликъ, если онъ явится первымъ, возбудятъ жалость ко мнѣ мягкосердечнаго директора? Онъ, можетъ быть, подумаетъ, что я уже достаточно наказанъ, и избавитъ меня отъ строгихъ внушеній, которыхъ я заслуживаю.

Узкая полоска холоднаго голубоватаго свѣта проникаетъ въ мою камеру черезъ слуховое окно. Она постепенно бѣлѣетъ. Мнѣ приходятъ въ голову разныя нелѣпыя и несвязныя мысли: я думаю о площади Рокеттъ, о сибирскихъ рудникахъ, о гильотинѣ, о томъ, что приблизительно въ такой же часъ, при такомъ же леденящемъ полусвѣтѣ, въ камеру для осужденныхъ входитъ человѣкъ и объявляетъ: „вамъ отказано въ помилованіи!",—думаю о несчастныхъ, забытыхъ въ шахтѣ послѣ обваловъ, объ эскимосскихъ хижинахъ, занесенныхъ снѣгомъ, о раздирающихъ уши трубныхъ звукахъ въ казармахъ, о лязгѣ оружія, о глухомъ грохотѣ ружейныхъ прикладовъ, ударяющихся объ землю, о выстроенномъ рядѣ солдатъ, о процедурѣ военнаго разжалованія. Ужасный голосъ пьянаго солдата бормочетъ глупыя и свирѣпыя слова...

Но въ дѣствительности я слышу, какъ съ грохотомъ раскрываются окованныя желѣзомъ двери, отпираются желѣзные запоры—и раздаются пронзительные горловые звуки голоса Бидома:

— Гдѣ онъ, этотъ пьяница, это распутное животное? На этотъ разъ ужъ ему достанется, проклятому негодяю!

Ну, да, я предвидѣлъ, что ненавистный карликъ скинетъ сегодня маску благовоспитанности и кротости, которую онъ носилъ послѣднее время. На меня накинется настоящій Бидомъ. Онъ яростно колотитъ ногами въ дверь и навѣрное выхватилъ

ключи у служителей; замокъ чуть ли не отрывается, и обитая желѣзомъ дверь, буквально, отброшена къ стѣнѣ.

Бидомъ бросается на меня какъ тигръ, впивается своими огромными волосатыми пальцами мнѣ въ шею, даетъ мнѣ пинки сапогами и ревετъ: „животное! животное!"—по крайней мѣрѣ десять разъ сряду. Я не могу удержаться отъ желанія ударить его изо всѣхъ силъ по головѣ; къ великому моему удовольствію онъ воетъ отъ боли и злобы, выпускаетъ меня изъ рукъ и опускается на полъ.

Мое торжество, однако, не долго длится. Бидомъ быстро вскакиваетъ, выдвигаетъ впередъ двухъ рослыхъ служителей, которые сопровождаютъ его, и велитъ схватить меня поперекъ спины и за ноги. Въ такомъ видѣ—головой внизъ—меня уносятъ, и я ни на минуту не думаю сопротивляться, также какъ не сопротивлялся вчера при подобныхъ же обстоятельствахъ. Меня самого удивляетъ только, что при всей моей ненависти къ Бидому я теперь какъ бы признаю за нимъ право наказывать меня—точно я рабъ или животное, а онъ—мой хозяинъ или укротитель. Я доволенъ тѣмъ, что далъ ему отпоръ, и все-таки внутренно считаю себя виноватымъ. Уже это одно доказываетъ, что мое психическое состояніе не улучшилось. Но все это я чувствую только очень смутно.

Бидомъ испускаетъ крики торжествующаго дикаря, и собирается ударить меня шпорами. Моимъ „носильщикамъ" приходится заступиться за меня. Одинъ изъ нихъ даже бормочетъ почти вслухъ:

— Право, я готовъ бросить больного—и поставить доктора подъ холодный душъ. Пойду предупредить директора... Я ужъ давно собираюсь это сдѣлать.

Другой отвѣчаетъ въ томъ же тонѣ:

— А вѣдь правда, что нельзя терпѣть этого дольше. Это было бы негодяйствомъ!

Оба они сразу отпускаютъ меня, ставятъ меня опять на ноги и берутъ меня съ двухъ сторонъ подъ руки.

Бидомъ ничего не слышитъ, ничего не видитъ; онъ въ восторгѣ и громко распѣваетъ, торжествуя побѣду.

Мы приходимъ въ купальный павильонъ, входимъ въ огромную комнату, гдѣ я никогда до того не былъ, и Бидомъ передаетъ меня двумъ незнакомымъ мнѣ служителямъ, очевидно недавно поступившимъ сюда на службу; это два дикихъ, коренастыхъ гнома, которые похожи на Бидома, какъ братья.

— Убирайтесь! — говоритъ Бидомъ довольно грубо привед-

шимъ меня служителямъ.—Вы мнѣ больше не нужны. У меня здѣсь есть свои люди.

Мои защитники удаляются. Теперь Бидомъ становится очень любезенъ и добродушно шутитъ со своими помощниками.

— Вотъ-то мы позабавимся теперь!—говоритъ онъ.—Живо угомонимъ его прыть. Раздѣньте его и окуните въ большой бассейнъ!

Даже со мной онъ говоритъ шутливымъ тономъ:

— Ну-съ, любезнѣйшій, вы теперь посмѣетесь. Тутъ въ рыбьемъ домѣ мѣста много—плавайте проворнѣй... Вамъ предстоятъ всѣ удовольствія сразу: васъ окунутъ, а потомъ направятъ на васъ душъ. Вотъ эти два молодца (онъ указываетъ на гномовъ) съумѣютъ съ вами справиться: я ихъ вышколилъ, еще когда служилъ въ образцовой лечебницѣ въ Baume-les Dames. На нихъ можно положиться; это настоящіе Бидомы, и они ни передъ чѣмъ не остановятся, чтобы доставить удовольствіе другу своего родственника. Впередъ, братцы, за дѣло!

Отвратительныя маленькія чудовища, сильныя какъ цирковые борцы, быстро срываютъ съ меня платье, царапая мѣстами кожу, и по командѣ Бидома бросаютъ меня головой впередъ въ большой и довольно глубокій бассейнъ. Я ударяюсь о дно бассейна, но мнѣ удается быстро принять вертикальное положеніе. Когда я становлюсь на ноги, вода доходитъ мнѣ почти до рта, но все-же я могу дышать. Это—та секунда, которой ждали мои истязатели; двѣ струи воды ударяютъ меня одна въ лицо, другая въ затылокъ. Я ослѣпленъ и задыхаюсь; мнѣ кажется, что мой черепъ разбивается на куски, и что лицо все растрескалось. Я быстро опускаюсь въ воду, но черезъ нѣсколько секундъ чувствую, что необходимо долженъ высунуться хоть на секунду, чтобы вдохнуть воздуха. Но тутъ опять на меня направляются двѣ ледяныя струи и разбиваютъ мнѣ затылокъ и лобъ. Какой ужасный шумъ у меня въ головѣ! Это ужасно, я умру... Я не могу выдержать... воздуха!.. на помощь!.. воздуха! О, эти сотрясенія... я задыхаюсь!

И какъ безконечно долго это длится! Какъ я еще въ состояніи выдерживать это? Мое спасеніе можетъ быть въ томъ, что я совершенно инстинктивно жду, прежде чѣмъ высунуть голову, чтобы струя воды упала и наступила бы секунда покоя. Тогда я жадно вдыхаю воздухъ и опускаюсь на дно, какъ свинецъ. Я чувствую, что какъ разъ въ тотъ моментъ, когда я скрываюсь подъ водой, тяжелая струя ударяется о поверхность бассейна. Это становится какой-то страшной игрой, въ которой я

пріобрѣтаю все бо́льшую и бо́льшую ловкость, и мнѣ становится легче дышать; при первой возможности постараюсь выпрыгнуть изъ воды. Ну, вотъ, я прыгнулъ выше на этотъ разъ, и ухватился за выступъ бассейна; къ счастью, онъ изъ неотесаннаго камня, и я могу держаться... Побѣда! Обѣ струи воды попадаютъ на этотъ разъ только на ноги. Легкія мои свободны болѣе полуминуты, и еще дольше и дольше... Еще одно усиліе, и я выскакиваю изъ бассейна, становлюсь на выложенный плитами полъ. Я вижу свѣтъ! У меня еще страшно болятъ глаза, но я по крайней мѣрѣ могу открыть ихъ. Теперь главное—не терять времени и бѣжать, бѣжать изо всѣхъ силъ. Я вовсе не думаю убѣжать отсюда, а только хочу какъ можно долѣе бороться за жизнь. Теперь я въ силахъ бороться цѣлыхъ полчаса, а въ это время все можетъ случиться,—даже можетъ умереть Бидомъ!

Клевреты моего палача не могутъ теперь прицѣлиться какъ слѣдуетъ. Я слишкомъ ловко убѣгаю отъ нихъ, и душъ не попадаетъ въ меня девять разъ изъ десяти, или же едва только касается меня. Бидомъ гонится за мной вокругъ бассейна. Мнѣ почти весело!

Ай!... Они, кажется, сломали мнѣ ногу, бросивъ въ меня стулъ или какой-то другой деревянный предметъ. Я падаю. Бидомъ поднимаетъ меня и сдаетъ меня на руки своимъ двумъ гайдукамъ:

— Въ воду его! Но не мѣшайте ему отъ времени до времени выскакивать изъ бассейна. Сначала топить его, а потомъ гнаться за нимъ вокругъ бассейна—вотъ это игра, такъ игра!

Три гнома покатываются со смѣху.

Но ужасная игра на этотъ разъ длится не болѣе минуты. Я еще не успѣваю скрыться въ ледяной водѣ, какъ дверь открывается и на порогѣ появляется докторъ Фруанъ. Кончено! Я могу спокойно выйти изъ воды — гномы не преслѣдуютъ меня болѣе. Голосъ директора неузнаваемъ. Онъ изступленно кричитъ:

— Ахъ, разбойники, негодяи, убійцы! Я васъ поймалъ на этотъ разъ. Вы вздумали устроивать у меня пытки!.. Слѣдовало бы васъ всѣхъ упечь на каторгу... Господинъ Бидомъ, соберите ваши вещи и уѣзжайте сейчасъ же! Если вамъ нуженъ аттестатъ, я самъ напишу вамъ его. Убирайтесь тотчасъ же, слышите? Я васъ не оставлю здѣсь ни подъ какимъ предлогомъ. Маршъ отсюда, или я позову полицію! И какъ это очутились здѣсь эти изверги, которыхъ я прогналъ годъ тому назадъ? Вонъ отсюда, негодяи, или я васъ дубиной хвачу!

Мои мучители уходятъ очень смущенные. Я стараюсь одѣться

какъ можно скорѣе. На правой ногѣ у меня рана. Опрокинутая на полъ табуретка облита кровью.

Докторъ Фруанъ не обращаетъ на меня вниманія. Онъ такъ разстроенъ, что говоритъ вслухъ самъ съ собой:

— И во всемъ этомъ я самъ виноватъ! Если человѣкъ боленъ, то ему нельзя завѣдывать лечебницей... И вѣдь меня предупреждали, что Бидомъ... а я не хотѣлъ вѣрить! Одинъ разъ только мнѣ казалось... а я даже не подвергъ его испытанію. Но онъ настолько исправился... по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ казалось... Конечно, нельзя полагаться на то, что̀ кажется, имѣя на себѣ подобную отвѣтственность. Нужно наблюдать за всѣмъ самому... Да, но вѣдь если онъ сумасшедшій, то лучше всего запереть его здѣсь. Я такъ и сдѣлаю... Какое несчастіе—старость и болѣзнь... невозможность добросовѣстно исполнять свой долгъ! Я обязанъ теперь устраниться и уступить мѣсто другому, болѣе молодому врачу.

Въ эту минуту онъ замѣчаетъ меня; я стою растерянный, не зная, что̀ дѣлать: оставаться ли здѣсь, или напротивъ, убѣжать поскорѣе. Хотя состояніе моего духа ужасное, но во мнѣ уцѣлѣла еще капля здраваго смысла, или, вѣрнѣе, эгоистическаго разсчета. Если объясненіе произойдетъ сейчасъ же, оно будетъ не такое грозное, какъ потомъ, когда докторъ успокоится.

Замѣтивъ меня наконецъ, Фруанъ подходитъ ко мнѣ:

— Господинъ Вели,—говоритъ онъ, — ваше поведеніе непростительно. Я предпочитаю думать, что вы были невмѣняемы, когда напоили негодную Селестину Буфаръ и вели себя какъ турокъ. Но теперь, конечно, не время говорить съ вами такъ, какъ вы этого заслуживаете. Вы больны—болѣе, чѣмъ когда-либо, и еще пострадали, кромѣ того, отъ истязаній этихъ разбойниковъ. Въ этомъ виноватъ я... Здѣсь теперь плохой надзоръ. Если я еще дольше останусь въ Васто, то моя лечебница будетъ похожа на знаменитый „сумасшедшій домъ доктора Гудрона и профессора Плума“: вы вѣдь знаете этотъ разсказъ Эдгара Поэ?

Онъ постепенно успокоивается, говоря со мной, и опять становится прежнимъ добрякомъ Фруаномъ, легкомысленнымъ, думающимъ о книгахъ даже тогда, когда ему грозитъ крупный скандалъ и обвиненіе въ гнусномъ попустительствѣ и въ полной неспособности продолжать свое дѣло.

Онъ продолжаетъ говорить, совершенно умиротворившись:

— И до чего все это несчастно сложилось для васъ самихъ,

другъ мой! Нужно же было вамъ продѣлать такія гнусности какъ разъ за нѣсколько часовъ до того, какъ я получилъ письмо отъ вашего брата. Въ этомъ письмѣ господинъ Юліанъ Вели извѣщаетъ меня, что пріѣдетъ за вами завтра или послѣ-завтра, проситъ отпустить васъ и утверждаетъ, что имѣетъ возможность лечить васъ у себя дома. Я послалъ ему телеграмму, въ которой просилъ его отложить свой пріѣздъ въ виду новаго обостренія вашей болѣзни; мнѣ придется написать ему о томъ, что именно произошло, и это навѣрное совершенно измѣнитъ его намѣренія. Вашего кузена я не счелъ нужнымъ извѣстить. А тѣмъ временемъ мнѣ придется, къ сожалѣнію, принять нѣкоторыя мѣры относительно васъ. Въ отдѣльную камеру я васъ больше не посажу, но у насъ въ зданіи лазарета есть одна очень удобная комната, изъ которой трудно убѣжать. Васъ помѣстятъ туда, и я могу васъ увѣрить, что вы не съумѣете взломать ни одного замка,—для этого нужна нечеловѣческая сила. Благодаря вамъ, двери во всѣхъ дортуарахъ лечебницы будутъ снабжены такими же замками. Кромѣ того, въ вашей комнатѣ будутъ постоянно находиться два служителя. Я оставляю вамъ Леонарда, къ услугамъ котораго вы привыкли, но прикомандирую къ нему еще одного служителя, силача, — для него вы не тяжелѣе соломинки...

Докторъ не кончаетъ фразы, замѣтивъ, что около меня на полу образуются пятна крови. Онъ видитъ также окровавленный табуретъ, и все становится для него яснымъ.

— Каковы негодяи!—восклицаетъ онъ.—А я говорю о мѣрахъ противъ васъ, не замѣчая, что вы ранены. Я велю васъ уложить и перевязать раны. Вы вели себя гнусно, другъ мой, но я очень, очень огорченъ подобнымъ обращеніемъ съ вами. Если мнѣ удастся поймать этихъ двухъ разбойниковъ, которые такъ истязали васъ, я обѣщаю вамъ, что упрячу ихъ обратно въ тюрьму. Васъ отсюда унесутъ...

У меня такъ болитъ нога, что я едва могу стоять.

— ... Васъ понесутъ и положатъ въ постель; потомъ я самъ перевяжу вашу рану, а затѣмъ подамъ жалобу въ судъ.

Я тщетно кричу, что не признаю ни полиціи ни суда, и что съумѣю самъ отомстить за себя, когда буду на свободѣ. Докторъ Фруанъ меня не слушаетъ и бѣжитъ изъ комнаты, насколько ему позволяетъ бѣжать его ревматизмъ.

Черезъ четверть часа я лежу, вытянувшись на постели въ моей прежней комнатѣ (пока уже и рѣчи нѣтъ ни объ отдѣльной комнатѣ съ особыми замками, ни о силачахъ-служителяхъ).

Антисептическая перевязка облегчаетъ нѣсколько боль отъ раны, и директоръ, сидя въ креслѣ, ругаетъ—не особенно, впрочемъ, строго—бѣднаго Леонарда, опущенные усы котораго выражаютъ глубокое отчаяніе.

— Мнѣ бы слѣдовало выгнать васъ,—говоритъ въ заключеніе докторъ Фруанъ,—но я всегда былъ доволенъ вами, да и кромѣ того больные иногда страдаютъ отъ перемѣны ухаживающаго за ними служителя; поэтому я вамъ на этотъ разъ прощаю. Но если я замѣчу въ будущемъ хоть малѣйшую оплошность съ вашей стороны, вамъ не сдобровать... Я тогда не ограничусь простымъ отказомъ отъ мѣста...

Что̀ онъ этимъ, собственно, хочетъ сказать? Ему удается придать очень свирѣпое выраженіе своему лицу, что̀, однако, повидимому—или я ошибся?—вполнѣ успокоиваетъ Леонарда.

Послѣ ухода доктора, Леонардъ приближается къ моей постели; лицо его выражаетъ стыдъ, раскаяніе и невинное лукавство, и онъ говоритъ мнѣ слегка взволнованнымъ голосомъ:

— Докторъ Фруанъ—хорошій человѣкъ, но мнѣ тѣмъ болѣе стыдно передъ нимъ... Знаете ли, ужъ если на васъ найдутъ ваши капризы, то вмѣсто того, чтобы обманывать мою бдительность для удовлетворенія вашихъ порочныхъ желаній,—вы лучше вонзите мнѣ ножъ въ сердце!

VII.

Черезъ двѣ недѣли, отъ раны на ногѣ остается только маленькая царапина, не причиняющая почти никакой боли. Я выхожу въ первый разъ въ сопровожденіи Леонарда и охраняемый цѣлымъ летучимъ отрядомъ надзирателей. Мой служитель идетъ рядомъ со мной; двое другихъ слѣдуютъ за нами въ нѣкоторомъ разстояніи; еще двое стоятъ у поворота на другую аллею, и отъ времени до времени насъ нагоняетъ поджигатель Озу. Я прохожу мимо окна... той, которую я ни разу не видѣлъ послѣ роковой ночи, и наталкиваюсь на доктора Фруана, выходящаго изъ женскаго отдѣленія.

— Что̀ вамъ здѣсь нужно?—спрашиваетъ онъ меня съ нѣкоторой рѣзкостью. Онъ дѣлаетъ знакъ рукой, и служители, шедшіе за мной, поворачиваютъ назадъ; Леонардъ тоже отходитъ. Озу исчезаетъ какъ тѣнь.

— Я буду говорить съ вами откровенно,—продолжаетъ докторъ,—потому что часто считаю васъ вполнѣ разсудительнымъ, несмотря на повторяющіеся припадки. Вы – одинъ изъ тѣхъ нев-

ропатовъ, болѣе многочисленныхъ, чѣмъ думаютъ, которые какъ бы сами присутствуютъ при своихъ собственныхъ безчинствахъ и раскаяваются въ нихъ, но не могутъ сдержать себя. Когда проходитъ припадокъ „извращенности", они—въ ужасѣ отъ глупостей, которыя совершили, не переставая ни на минуту видѣть себя какъ бы играющими на сценѣ роль безумцевъ; они во власти какой-то паразитной воли, которая въ продолженіе цѣлыхъ часовъ лишаетъ ихъ свободы дѣйствія. У нихъ не исчезаетъ сознаніе, и они поэтому болѣе несчастны, чѣмъ другіе. Они часто довольно умны, и я увѣренъ, что ихъ можно излечить, если не бояться говорить съ ними объ ихъ... ошибкахъ и если обращаться къ ихъ собственному здравому смыслу, котораго они вовсе не утратили окончательно.

Я слышу, какъ онъ бормочетъ про себя:

— Конечно, есть легкія мозговыя поврежденія... Но это еще не объясняетъ всего!..

— Такъ вотъ,—продолжаетъ онъ громко,—знайте, что вы не найдете здѣсь того, что̀ вы ищете. Особы, которую вы хотѣли—въ этомъ и состоитъ ваша непростительная вина—расположить къ себѣ... уже нѣтъ въ лечебницѣ. Я, можетъ быть, окажу вамъ услугу, разсказавъ о томъ, что̀ случилось. Во всякомъ случаѣ, мои слова послужатъ вамъ матеріаломъ для размышленій. Скандалъ, котораго я боялся послѣ вашего... нападенія, не разразился. Родственники Бидома предпочли, очевидно, выгоду ловкаго шантажа удовольствію предоставить даровой матеріалъ газетнымъ репортерамъ, и отправились прямо къ мужу мадамъ Летелье́, которому и разсказали о случившемся. Онъ оказался менѣе глупъ, чѣмъ я ожидалъ, и предпочелъ не дѣлать никакой огласки. У него большія связи, и онъ зналъ, къ кому слѣдуетъ обратиться въ подобномъ случаѣ. Поэтому, черезъ нѣсколько дней послѣ... несчастія, я получилъ отъ кого слѣдуетъ вѣжливое, но категорическое предложеніе какъ можно скорѣе отказаться отъ завѣдыванія лечебницей, въ которой установились слишкомъ вольные нравы. Я теперь веду переговоры съ разными лицами,—и черезъ нѣсколько дней уже пріѣдетъ новый директоръ. Я уѣду отсюда почти довольный. Хотя передача лечебницы другому врачу при подобныхъ обстоятельствахъ крайне невыгодна, но все-же у меня останется сознаніе, что я не былъ совершенно безполезенъ въ теченіе тридцати-пяти лѣтъ моей жизни. Я даже долженъ радоваться, что выхожу въ отставку именно тогда, когда недостаточность надзора, вызванная моимъ пошатнувшимся здоровьемъ, рискуетъ испортить репутацію Васто.

— Ну, такъ вотъ, въ тотъ самый моментъ, когда я вкушалъ изысканную, но горькую прелесть полученнаго мною оффиціальнаго предложенія, въ мой кабинетъ явился Летелье́ въ сопровожденіи двухъ молодыхъ психіатровъ, снабженныхъ должными полномочіями. По милости этихъ господъ и ихъ кліента, я пережилъ тогда самый тяжелый часъ моей жизни. Ихъ вѣжливость, оттѣненная жестокой ироніей, обстоятельность допроса, которому они меня подвергли, безпощадность ихъ сужденій и презрительный тонъ, ничуть не смягченный напускной почтительностью къ „переутомленному старику",—все это глубоко меня задѣло. Я бы предпочелъ грубость, пощечины, удары въ присутствіи другихъ. Когда мы очутились въ комнатѣ больной—безсознательной виновницы столькихъ... непріятныхъ событій,—мнѣ самому на минуту показалось, что я—„гнусный палачъ", и что мои трое посѣтителей—великодушные, но грозные герои мелодрамы, можетъ быть даже „ангелы мщенія", только очень ужъ прилизанные и злые.

Послѣ того какъ оба доктора поговорили минутъ двадцать съ больной, допрашивая ее самымъ оскорбительнымъ для меня тономъ, наиболѣе величественный изъ двухъ, въ золотыхъ очкахъ и съ орденомъ въ петлицѣ, обернулся ко мнѣ и сказалъ очень строго:

— Да вѣдь эта дама въ настоящее время абсолютно здорова. Двадцать лѣтъ ежедневнаго дружескаго общенія съ нею не могли бы болѣе убѣдить меня въ этомъ, чѣмъ ея нѣсколько очень характерныхъ фразъ, которыя я только-что внимательно выслушалъ. Но какъ же это вы, милостивый государь (онъ уже перестадъ называть меня директоромъ), продолжали считать ее больной? Неужели у васъ не возникло даже сомнѣній? Вѣдь она здорова не со вчерашняго дня. Я не позволю себѣ, конечно, обвинить васъ въ легкомысліи, но это очень странно. Какъ же вы не предупредили господина Летелье́ объ улучшеніи въ душевномъ состояніи его супруги? Вѣдь вы не могли не замѣтить, что она поправилась,—въ противномъ случаѣ что̀ намъ остается думать? Простите, что я говорю съ такой горячностью. Я знаю, что обязанъ уваженіемъ врачу, который такъ много лѣтъ занималъ видный постъ; я долженъ помнить, что изнуряющій трудъ можетъ привести къ переутомленію,—но подумали ли вы о своей отвѣтственности? Психіатръ не долженъ терять изъ виду ни одного изъ своихъ больныхъ. Я, конечно, никогда не осмѣлюсь упрекать васъ,—я только почтительно указываю на факты, и очень сожалѣю, что мнѣ приходится это дѣлать.

Летельé поблѣднѣлъ отъ гнѣва.

— Какъ, докторъ,—спросилъ онъ меня,—моя жена выздоровѣла, и я ничего объ этомъ не зналъ?

Потомъ онъ снова заговорилъ саркастическимъ тономъ:

— Вотъ, по истинѣ, странная, имѣющая особыя привилегіи, лечебница. Все здѣсь хорошо кончается; несчастные случаи, которые въ другомъ мѣстѣ могли бы привести къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ, вызываютъ здѣсь благотворные кризисы. Я знаю, чтò вы мнѣ скажете, докторъ Фруанъ; вы будете утверждать, что предвидѣли спасительное вліяніе этого случая, или, вѣрнѣе, этого эксперимента,—это вѣдь былъ экспериментъ, не правда ли?

Я постарался объяснить этому господину, что онъ не съумѣлъ соблюсти до конца хотя бы внѣшнюю вѣжливость, и что онъ теперь оскорбляетъ меня. Но это ни къ чему не привело. Онъ продолжалъ, хотя и въ болѣе сдержанныхъ выраженіяхъ, терзать меня изысканнымъ варварствомъ, превосходя въ этомъ отношеніи даже моихъ двухъ молодыхъ коллегъ.

На вопросъ, который онъ предложилъ больной (по моему, въ ея состояніи наступилъ временный просвѣтъ—я не вѣрю въ ея дѣйствительное выздоровленіе), она отвѣтила, что не хотѣла дольше оставаться въ лечебницѣ, но, зная, что ея мужъ боится всякаго скандала, рѣшила дождаться, не поднимая шума, пріѣзда Летельé, навѣщавшаго ее обыкновенно разъ въ мѣсяцъ. Она говоритъ, что даже не разсказала бы о томъ, чтò произошло, такъ какъ не хотѣла вредить мнѣ; она и безъ того была увѣрена, что ее сейчасъ же выпустятъ—въ виду ея полнаго выздоровленія.

Несмотря на мои сомнѣнія, которыхъ мои коллеги не захотѣли раздѣлить, хотя они видѣли больную, въ общемъ, не болѣе получаса, я принужденъ былъ тотчасъ же подписать ей отпускное свидѣтельство. —Вотъ вамъ точный отчетъ обо всемъ.

Я пытаюсь выразить доктору все мое раскаяніе въ томъ, что я невольно причинилъ ему столько зла, но онъ останавливаетъ меня и говоритъ, что въ сущности радъ избавиться отъ слишкомъ тяжелыхъ для него обязанностей. Онъ даже придаетъ своему лицу такое успокоенное выраженіе, что я почти-что вѣрю ему. Но во всякомъ случаѣ я понимаю, что продолжать говорить на эту тему было бы слишкомъ жестоко. То, чтò случилось, непоправимо. Можетъ быть, впослѣдствіи я какъ-нибудь деликатно заглажу свою вину и окажу ему благодѣяніе,—но теперь я не представляю себѣ, какъ это я смогу сдѣлать.

Вдругъ мною овладѣваетъ новое безпокойство: я не только въ отчаяніи отъ того, что Ирену увезли... по моей винѣ, но я

еще съ ужасомъ думаю о томъ, что̀ съ нею будетъ теперь, когда она во власти Летелье́. Злоупотребляя добротой Фруана, я предлагаю ему слѣдующій вопросъ:

— Скажите, докторъ, вѣдь эта бѣдная женщина, можетъ быть, очень несчастна... Я слышалъ, что мужъ ея—отвратительный человѣкъ.

— Нѣтъ, это преувеличено. Онъ очень популяренъ въ своемъ округѣ, и теперь выступаетъ кандидатомъ на ближайшихъ парламентскихъ выборахъ,—у него даже нѣтъ конкуррентовъ. Поэтому-то онъ и избѣгаетъ скандала. Онъ самъ это сказалъ. И хотя онъ былъ очень грубъ со мной, все-же я не считаю его дурнымъ человѣкомъ,—онъ вѣдь имѣлъ основаніе возненавидѣть меня. Я умѣю входить въ положеніе другихъ людей.

Онъ популяренъ въ своемъ округѣ! О, наивный Фруанъ, развѣ этимъ не все сказано? Вѣдь это значитъ, что онъ—разбойникъ!

Докторъ Фруанъ хочетъ уйти, и хотя меня преслѣдуетъ грустный образъ Ирены, измученной, доведенной до чахотки грубымъ обращеніемъ Летелье́, которому я мысленно приписываю самыя ужасныя черты характера, я не могу удержаться еще отъ одного вопроса, не имѣющаго никакого отношенія къ тому, что́ меня волнуетъ. Ужъ не вернулся ли Кмогунъ, оставившій меня было въ покоѣ? Я самъ внутренно удивляюсь произносимымъ мною словамъ.

— Скажите, докторъ,—спрашиваю я,—вашъ новый помощникъ еще не пріѣхалъ?.. А гдѣ же теперь его предшественникъ, которому вы... дали отставку?

Директору этотъ вопросъ, видимо, непріятенъ. Онъ глядитъ на меня съ минуту молча, но потомъ, какъ бы подчиняясь силѣ, которой не можетъ противостоять, говоритъ, пожимая плечами:

— Вы спрашиваете о Бидомѣ? Онъ останется здѣсь дольше, чѣмъ я, но съ этимъ его нельзя поздравить... Хотите взглянуть на него?

Въ первую минуту мнѣ хочется отвѣтить: „нѣтъ!"—но я начинаю соображать... Бидомъ еще въ Васто? Но въ такомъ случаѣ онъ... заключенъ, боленъ?

— Да,—отвѣчаю я,—мнѣ хотѣлось бы посмотрѣть на него.

— Въ такомъ случаѣ, идемте.

Докторъ Фруанъ еще колеблется съ минуту, но у него какъ бы вдругъ мелькаетъ рѣшительный доводъ, внушенный ему—кѣмъ или чѣмъ? не „враждебной ли силой"?—и онъ говоритъ почти безотчетно:

— Въ концѣ концовъ, такъ какъ именно васъ онъ осо-

бенно недолюбливалъ (слѣдовало бы сказать: болѣе всего ненавидѣлъ), то, можетъ быть, встрѣча съ вами возбудитъ его гнѣвъ и отвлечетъ его на минуту отъ его... теперешнихъ страданій; такое возбужденіе можетъ подѣйствовать на него благотворно.

Ну, вотъ, опять противорѣчіе! Возбужденіе, опасное для меня, можетъ вдругъ оказаться благотворнымъ для Бидома, котораго докторъ, слава Богу, повидимому призналъ, наконецъ, умалишеннымъ. Впрочемъ, это соотвѣтствуетъ моей собственной теоріи индивидуальнаго метода леченія. Нельзя всѣхъ лечить однимъ и тѣмъ же способомъ, какъ Бидомъ, не сообразуясь съ особенностями каждаго больного.

Мы возвращаемся въ зданіе, гдѣ я живу, но входимъ въ него съ другой стороны. Мы поднимаемся въ первый этажъ, и директоръ зоветъ:

— Машбургъ!

Одинъ изъ тѣхъ силачей, которые отнеслись ко мнѣ съ нѣкоторымъ состраданіемъ во время нападенія на меня Бидома, выходитъ къ намъ и открываетъ дверь въ большую комнату съ вылощенными деревянными панелями поверхъ обычной мягкой обшивки стѣнъ. Насъ ожидаетъ тамъ грустное и въ то же время комичное зрѣлище. Бидомъ, въ высокихъ сапогахъ, съ поддѣльными шпорами, сдѣланными изъ кожи, нарѣзанной звѣздочками, держитъ въ рукахъ хлыстъ и сидитъ верхомъ на узкомъ столѣ, воображая, что гарцуетъ на лошади. Докторъ Фруанъ подходитъ къ нему, говоритъ, что у него хорошій видъ (въ дѣйствительности у него землисто-сѣрое лицо), и освѣдомляется о его здоровьи.

— Я бы отлично себя чувствовалъ,—отвѣчаетъ Бидомъ,—если бы меня такъ не утомляла моя профессія „коннаго врача".

— Аппетитъ у васъ хорошій?

— Все, что мнѣ даютъ, съѣдаетъ моя лошадь, но это идетъ впрокъ и мнѣ. Ужасно дорого стоитъ кормить ее—она такая прожорливая. Я лучше заведу себѣ автомобиль.

— Конечно, самое лучшее. Но скажите, вамъ не скучно? Не прислать ли вамъ книгъ?

— Мнѣ некогда читать. Врачебныя обязанности отнимаютъ у меня все время: нужно возиться съ лошадью, прописывать лекарства больнымъ, давать имъ слабительныя, наказывать ихъ кнутомъ,—у меня не остается ни минуты свободной. Мнѣ поминутно по пути встрѣчается какая-нибудь женщина и требуетъ консультаціи. Я лечу ихъ, не сходя съ лошади. У жен-

щинъ всегда какія-нибудь отвратительныя болѣзни. При всей моей добротѣ и гуманности, мнѣ это противно.

— Хотѣли ли бы вы видѣть одного стараго знакомаго?

— А кто онъ... больной?

— Да.

— Въ такомъ случаѣ, приведите его. Я ему поставлю банки, у меня ихъ какъ разъ много. Можетъ быть, нужно ему сдѣлать операцію? Я обожаю этотъ спортъ, потому что ничего въ немъ не смыслю (я вѣдь не хирургъ), и, навѣрное, искалѣчу проклятаго паціента (ненавижу я ихъ!). Приведите его!

— Вотъ онъ.

— Ахъ, вотъ этотъ! Я и не замѣтилъ, какое у него отвратительное лицо, и принялъ его за служителя; но теперь я вижу, что онъ больной—онъ такой же противный, какъ всѣ они! —Да вѣдь это, кажется, негодяй Нижó, писатель,—блимъ-блумъ, механика!

— Вы ошибаетесь, это Вели.

— А, такъ это мерзавецъ Вели! (Впрочемъ, онъ славный парень). Покажите языкъ, другъ мой. Это стóитъ три франка. Мы вамъ очистимъ жéлудокъ, дитя мое, сулемой и купоросомъ.

Онъ пристально глядитъ на меня, стараясь что-то припомнить, и взглядъ его становится то изумленнымъ, то негодующимъ.

— Вели! Вели!—или, вѣрнѣе, Агеноръ Бискалью!—вы не знаете, чтò такое врачъ. Я не хотѣлъ быть врачомъ. Вы не представляете себѣ, сколько я получалъ затрещинъ въ дѣтствѣ, какъ меня колотили. Отецъ мой любилъ лекарства и хотѣлъ, чтобы я научился пичкать всѣхъ лекарствами,—онъ былъ филантропомъ... проклятое племя!—Какъ я получилъ дипломъ, не понимаю,—я вѣдь ничему не учился. Какой-то старый дуракъ, по имени Фруанъ,—не вы, докторъ Грабульо, не вы, нѣтъ! а идіотъ психіатръ Фруанъ,—обучалъ меня на свой счетъ, изъ дурацкой щедрости. Отецъ мой былъ въ восторгѣ, а я нисколько. И до чего я скучалъ въ Парижѣ, въ проклятомъ Латинскомъ кварталѣ, гдѣ нельзя никого поколотить, не угодивъ за это въ тюрьму!.. Я полюбилъ медицину только тогда, когда понялъ, что докторъ имѣетъ право мучить своихъ больныхъ, выводить ихъ изъ себя и даже понемногу отравлять ихъ, безъ всякаго протеста со стороны этихъ еле-живыхъ идіотовъ, или ихъ безтолковыхъ родственниковъ. А дуракъ Фруанъ продолжалъ платить за меня, а потомъ насильно поселилъ меня съ сумасшедшими, которыхъ я ненавижу за то, что имъ нельзя давать много лекарствъ, т.-е. химическихъ ядовъ. Но я все-таки потѣшилъ себя и отравилъ не малое число этихъ людей съ искалѣченными моз-

тами, этихъ отбросовъ человѣчества, этихъ вырождающихся, которые возвращаются къ звѣриному состоянію. Я дѣйствовалъ осторожно; никто никогда не подозрѣвалъ ничего, а Фруанъ еще менѣе, чѣмъ кто-либо,—онъ все улыбался, этотъ лицемѣрный идіотъ!

Директоръ выслушиваетъ все это совершенно спокойно и говоритъ мнѣ на ухо:

— Вы видите, онъ совершенно невмѣняемъ. Вѣдь въ нормальномъ состояніи онъ былъ такъ трогательно привязанъ ко мнѣ.

Я, можетъ быть, и сумасшедшій, но все-же я болѣе ясно вижу правду, чѣмъ добрякъ Фруанъ. Грустно въ этомъ сознаться, но несомнѣнно, что есть честные люди, заслуживающіе наказанія за свое добродушіе,—и они часто претерпѣваютъ наказаніе, сами того не подозрѣвая.

Пользуясь тѣмъ, что докторъ въ эту минуту не обращаетъ на него вниманія и занятъ своими печальными мыслями, Бидомъ знакомъ подзываетъ меня къ себѣ; я машинально повинуюсь ему, уже слишкомъ поздно понявъ свою неосторожность. Прежде чѣмъ я успѣваю отскочить, Бидомъ крѣпко хватаетъ меня за руку и шепчетъ мнѣ на ухо:

— Вели, грязное животное! Этотъ дуракъ думаетъ, что я васъ не узналъ. Такъ вотъ же вамъ! Теперь ясно, что я васъ узналъ, не правда ли?

Онъ ударяетъ меня изо всѣхъ силъ въ спину. Сильная боль придаетъ и мнѣ необыкновенную силу. Я вырываюсь отъ Бидома и, толкнувъ его ногой, опрокидываю его на полъ; онъ падаетъ и рычитъ отъ бѣшенства. Все это происходитъ такъ быстро, что докторъ Фруанъ не успѣваетъ разнять насъ.

Бидомъ, однако, сейчасъ же вскакиваетъ и, размахивая огромнымъ заржавленнымъ гвоздемъ, бросается на меня,—меня спасаетъ отъ пораненія только моя толстая куртка. На нашъ крикъ вбѣгаетъ Машбургъ и старается схватить Бидома, который сначала отбивается отъ него, а потомъ въ изнеможеніи падаетъ на полъ, кусаетъ ножки опрокинутаго имъ стола, колотитъ ногами объ полъ и изступленно кричитъ. Машбургу удается, наконецъ, справиться съ нимъ, и вмѣстѣ съ другимъ служителемъ, прибѣжавшимъ ему на помощь, онъ надѣваетъ на бѣшенаго Бидома смирительную рубашку.

Черезъ два дня, придя въ купальный павильонъ, я, къ изумленію, встрѣчаю тамъ опять Бидома, на этотъ разъ совершенно спокойнаго. Онъ отдаетъ приказанія служителямъ, которые обли-

ваютъ его водой въ очень умѣренномъ количествѣ и крайне осторожно.

— Самую маленькую струю, какъ для ребенка!—командуетъ онъ.—У меня очень чувствительныя лопатки. Осторожно, негодяи (ихъ двое)! вы сдерете мнѣ кожу. Остановитесь!—я повернусь. Лейте осторожно воду на поясницу! Теперь съ другой стороны—не слишкомъ сильно—тише, тише! мнѣ больно! А теперь потяните за веревку: пустите маленькій дождикъ на голову! Не такъ сильно, дураки,—я не велѣлъ вамъ устроивать потопъ!

Служители еще боятся грознаго карлика и не ставятъ его подъ настоящій душъ; онъ самъ распоряжается своимъ водолеченіемъ.

— Довольно! Вы дадите больному два литра бургонскаго, цѣлый ростбифъ и полдюжины персиковъ, а потомъ—кофе и ликеровъ. Вѣдь это мой любимецъ Бидомъ, очаровательный больной, котораго я вылечу въ шесть недѣль. Обращайтесь съ нимъ какъ можно лучше, не то я васъ самихъ брошу въ бассейнъ.

Онъ нѣжно похлопываетъ себя по затылку. Я тронутъ его заботливостью о самомъ себѣ, а служители не рѣшаются открыто смѣяться надъ нимъ.

...Но вдругъ дверь открывается, и входитъ человѣкъ лѣтъ сорока, худой и блѣдный, съ бритымъ лицомъ, пронырливыми маленькими глазами, острымъ подбородкомъ и крючковатымъ носомъ. Онъ держитъ подъ мышкой толстую книгу, а въ правой рукѣ у него огромная связка ключей. Онъ весь въ черномъ, отъ галстуха до суконныхъ гамашъ, изъ-подъ которыхъ высовываются кончики ярко вычищенныхъ сапогъ.

Это—новый помощникъ главнаго врача, прибывшій сегодня утромъ. Черезъ два часа послѣ пріѣзда, онъ уже зналъ всѣ порядки, побывалъ во всѣхъ отдѣленіяхъ, осмотрѣлъ больныхъ, ознакомился со штатомъ прислуги и, судя по иронической складкѣ рта, составилъ себѣ обо всемъ самое невыгодное мнѣніе.

Мнѣ онъ удѣлилъ минуты полторы (я, повидимому, считаюсь интереснымъ больнымъ) и сказалъ мнѣ краткую рѣчь:

— Слишкомъ много свободы! Я многое знаю о васъ. Слишкомъ много свободы—плохая система: мы все перемѣнимъ!

Потомъ онъ какъ бы сфотографировалъ меня своими злыми и хитрыми глазами, и увѣрившись, что знаетъ меня наизусть, повернулся ко мнѣ спиной. Подозвавъ Леонарда, онъ вышелъ съ нимъ въ корридоръ, что-то сказалъ ему въ полголоса, и Леонардъ вернулся съ озабоченнымъ лицомъ. Онъ впервые поглядѣлъ на меня съ недовѣріемъ и почти со злобой.

Теперь новый врачъ дѣлаетъ, повидимому, второй дневной обходъ,—очень ужъ онъ усердствуетъ, и, какъ видно, въ Васто наступятъ крутыя времена.

Онъ направляется прямо къ служителямъ и говоритъ ледянымъ тономъ:

— Чтò это значитъ? Тутъ, кажется, командуютъ больные? Этому я положу конецъ. Если вы будете слушаться кого бы то ни было изъ больныхъ, я васъ выгоню—и не дамъ аттестата. Поставьте больного подъ душъ!

— Но, докторъ...

— Поставьте больного подъ душъ, говорятъ вамъ. Не сюда! Поставьте его подъ новый аппаратъ, а не подъ дождикъ. Уберите эту лейку—направьте на него сильную струю воды... живо!

Происходитъ короткая борьба между служителями и Бидомомъ.

— Привяжите его веревками къ желѣзнымъ подпоркамъ,—приказываетъ докторъ.

Я быстро ухожу, чтобы не видѣть и не слышать несчастнаго Бидома. Во взорѣ его какъ бы зажигается лучъ сознанія, онъ дрожитъ всѣмъ тѣломъ и жалобно воетъ.

Докторъ Фруанъ уѣхалъ черезъ недѣлю. Во всей лечебницѣ у меня уже нѣтъ никакихъ друзей, кромѣ Леонарда; Манъ, Нижò и другіе члены клуба философовъ не идутъ въ счетъ. Они—такіе же заключенные, какъ и я, и слишкомъ на меня похожи неустойчивостью своихъ настроеній. Сегодня они разсудительны, какъ греческіе мудрецы, а на завтра въ умѣ ихъ возникаютъ самыя ребяческія бредни. Я почти не выхожу изъ комнаты, и потому все рѣже видаюсь съ ними.

Леонардъ становится подъ вліяніемъ Баружа—такъ зовутъ новаго доктора—какимъ-то карикатурнымъ тюремщикомъ; онъ относится ко мнѣ не враждебно, но какъ-то подозрительно, и постоянно слѣдитъ за мной, точно боясь предсказанной ему выходки съ моей стороны. Все противъ меня: новый директоръ, докторъ Лансье, во всемъ довѣряется Баружу. Это—толстый человѣкъ со свирѣпымъ, желтымъ лицомъ, вспыльчивый и крикливый. Онъ дѣлаетъ видъ, что всѣмъ командуетъ, но на самомъ дѣлѣ боится какъ огня своего помощника, зная, что онъ человѣкъ со связями и можетъ ему повредить.

Леонардъ разсказываетъ мнѣ, что во всемъ заведеніи царитъ паника. Новый директоръ прогналъ шестерыхъ служителей и четырехъ сидѣлокъ—въ томъ числѣ и Селестину Буфаръ; она ска-

зала кому-то, что пойдетъ „хлопнуть стаканчикъ коньяку", и докторъ услышалъ это. Бѣдная Селестина!—зачѣмъ было говорить о томъ, что̀ можно было молча сдѣлать!

На слѣдующій день Леонардъ предлагаетъ мнѣ пройтись. Онъ прибавляетъ, что докторъ строго запретилъ водить меня на прогулку, но что онъ не желаетъ слушаться его.

— Теперь,—говоритъ онъ,—„черные чулки" и „драконъ" (это—прозвища новаго директора и его помощника) заняты ревизіей женскаго отдѣленія, гдѣ обнаружилась пропажа разной одежды. Они тамъ провозятся, по крайней мѣрѣ, часа полтора или два, и этимъ временемъ можно воспользоваться для прогулки. Хотите?

Я съ удовольствіемъ принимаю его предложеніе, и мы идемъ гулять въ садъ и въ поля, гдѣ производятся теперь разныя работы больными изъ отдѣленія идіотовъ.

— Хотите вернуться черезъ буйное отдѣленіе?—спрашиваетъ Леонардъ.

— Зачѣмъ?

— Тамъ увидите кое-что интересное,—теперь тамъ много красивѣе.

— Пойдемъ.

Мы подходимъ къ мрачному зданію, но я не замѣчаю никакой перемѣны, и говорю объ этомъ Леонарду.

— Нѣтъ, теперь гораздо лучше, чѣмъ прежде,—отвѣчаетъ онъ.—Прибавилось очень интересное украшеніе.

Я широко раскрываю глаза, но ничего не вижу, кромѣ двухъ плясуновъ, которыхъ не видѣлъ полгода. Они сегодня болѣе спокойны и не дѣлаютъ головокружительныхъ прыжковъ. Одинъ ударяетъ колѣномъ о рѣшетку, что̀ не мѣшаетъ ему въ то же время отплясывать не особенно, впрочемъ, быстрый танецъ. Другой тоже пляшетъ, стоя на мѣстѣ, и тихо смѣется при этомъ.

— Взгляните же налѣво! — нетерпѣливо говоритъ Леонардъ.—Тамъ-то вы и увидите новое украшеніе.—Я пристально гляжу въ третью клѣтку. Сначала я вижу только какую-то неопредѣленную человѣческую массу: на землѣ сидитъ на корточкахъ какой-то маленькій человѣчекъ. Приглядываясь къ нему, я замѣчаю жокейскую шапочку, высокіе сапоги и разорванные въ клочья панталоны. Пигмей поднимается и дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, не замѣчая, что за нимъ слѣдятъ. У него въ рукахъ ведро, которое онъ ставитъ на землю и опускается передъ нимъ— на этотъ разъ ближе къ свѣту, такъ что его можно разглядѣть. Онъ вынимаетъ изъ ведра грязь маленькой лопаточкой, дѣлаетъ

изъ нея пирожки, какъ дѣти на морскомъ берегу изъ песка, затѣмъ падаетъ ницъ передъ своими произведеніями, очевидно, восторгаясь ими. О, Пигмаліонъ!

Мы съ Леонардомъ имѣемъ неосторожность обмѣняться нѣсколькими словами. Тогда пигмей кидается на рѣшетку—однимъ прыжкомъ, какъ обезьяны въ зоологическомъ саду, когда онѣ хотятъ броситься на посѣтителей. Онъ съ необычайной ловкостью цѣпляется за рѣшетку и пробуетъ просунуть въ нее свою голову. При этомъ онъ свиститъ и фыркаетъ, какъ разсерженный котъ. Боже, я узнаю эти щетинистые усы, эти брови, эти злые и въ то же время смѣющіеся глаза,—это Бидомъ!

Я быстро поворачиваю ему спину. Я сильно ненавидѣлъ карлика, но теперь видъ его слишкомъ ужасенъ... Не понимаю, какъ у меня хватаетъ храбрости или отвратительной жестокости снова взглянуть на него... повернуться и снова взглянуть на отвратительнаго и жалкаго заключеннаго, который прыгаетъ какъ тигръ и неистово ругается, съ налитыми кровью глазами, съ взъерошенными волосами. Онъ кидается изо всѣхъ силъ впередъ и ударяется о рѣшетку... Онъ, навѣрное, разбилъ себѣ всѣ зубы. Я бѣгу изо всѣхъ силъ...

Почему же я обернулся? Я знаю... потому что Кмогунъ снова объявился во мнѣ и страшно хохочетъ, такъ что мнѣ больно отъ его смѣха. Конечно, я убѣгу отсюда, какъ только смогу: завтра же, какъ только я оправлюсь отъ ужаса. Я знаю, какъ устроить бѣгство—это необычайно легко. Но въ эту минуту я хочу спрятаться куда-нибудь, хоть подъ столъ, или лечь въ постель и укрыться одѣяломъ,—лишь бы ничего не видѣть. Даже въ дѣтствѣ я не испытывалъ подобнаго страха...

Съ необычайнымъ непостоянствомъ больныхъ, я просыпаюсь на слѣдующій день очень бодрымъ и веселымъ. Буйство Бидома и возвращеніе Кмогуна укрѣпили меня въ моемъ рѣшеніи скорѣе бѣжать изъ этого жилища отчаянія и страха; мой долгъ—разыскать Ирену, которая воплощаетъ для меня свѣтъ, счастье, радость жизни. Политикана Летельè я не боюсь—можно дрожать передъ сумасшедшимъ Бидомомъ, въ которомъ есть что-то бѣсовское, который хуже Кмогуна, но нечего бояться будущаго депутата, жалкаго труса, который даже къ бѣднягѣ Фруану является въ сопровожденіи двухъ докторишекъ. Вѣдь такъ просто взобраться на крышу, пролѣзть черезъ широкую дымовую трубу и напасть на врага, прежде чѣмъ кто-либо узнаетъ о томъ, что

произошло... Бояться какого-то Летельѐ совершенно безсмысленно. Я спокойно убѣгу сегодня вечеромъ,—я знаю, какъ это устроить.

Но что̀ означаетъ странное чувство, закравшееся въ мое сердце, которое не хочетъ любить никого, кромѣ Ирены? Я замѣчаю въ себѣ странную и довольно глубокую нѣжность—къ... мадамъ Робинѐ! Чувство это вызвано, конечно, тѣмъ мужествомъ, съ которымъ эта изумительно добрая женщина проявляла свое непростительное расположеніе къ такому уродливому существу, какъ я. Хотя она и боится, какъ огня, Баружа и Лансье и блѣднѣетъ, когда одинъ изъ этихъ сиракузскихъ тирановъ возвышаетъ голосъ, даже не обращаясь къ ней, хотя она страшно боится нарушить малѣйшее ихъ приказаніе—она все-же ни передъ чѣмъ не останавливалась, чтобы доказать мнѣ свою непростительную страсть. Она являлась ко мнѣ въ комнату въ самыя неудобныя минуты, съ опасностью встрѣтить находящагося по близости доктора, являлась, вся дрожа, когда могла улучить нѣсколько свободныхъ минутъ. Удаляя, подъ удивительно удачными предлогами, моихъ служителей (у меня ихъ теперь два: Леонардъ и Франсуа), она осаждала меня пламенными признаніями въ любви. Увы! я не былъ жестокъ съ ней, и виноватъ передъ обожаемой Иреной: мнѣ нравятся подобныя героини, даже если онѣ не первой молодости. Къ тому же, ея волненіе и блѣдность, ея нѣжный испуганный голосъ очень молодили ее. Да она вовсе не такъ стара—напрасно Кмогунъ назвалъ ее „почтенной матроной". Что̀ мнѣ за дѣло до того, сколько ей лѣтъ: годы—очень условная вещь. Мадамъ Робинѐ—Ариси—красивая брюнетка, съ хорошимъ цвѣтомъ лица, съ прекрасными синими, блестящими глазами—правда, слишкомъ полная, но не расплывшаяся... Она очень аккуратна, проворна и умѣетъ исчезать въ минуту опасности съ поразительной ловкостью. Она стала навѣщать меня послѣ той роковой ночи, которая разлучила меня съ Иреной, и когда ее однажды мои служители попросили посидѣть часокъ у меня, пока они пойдутъ поболтать съ пріѣхавшими родственниками, она призналась мнѣ въ своихъ чувствахъ, и обнаружила даже при этомъ нѣкоторую поэтичность натуры.

Въ тотъ день, когда я рѣшилъ бѣжать, Баружъ и Лансье заняты были, какъ и наканунѣ, своей нелѣпой ревизіей въ женскомъ отдѣленіи. Они допрашивали четырехъ сидѣлокъ о пропажѣ какихъ-то бандажей, и Ариси воспользовалась этимъ для того, чтобъ придти навѣстить меня. Кмогунъ, узнавшій только теперь, послѣ своего возвращенія, о моемъ романѣ съ Ариси, разыгравшемся въ его отсутствіе, выражаетъ мнѣ свое одобре-

ніе и говоритъ мнѣ, что слѣдуетъ вознаградить ее за ея привязанность и выказать ей какъ можно больше нѣжности, прежде чѣмъ покинуть ее—не навсегда, какъ увѣряетъ меня Кмогунъ. Онъ обѣщаетъ навѣщать ее отъ времени до времени отъ моего имени, а также устроить такъ, чтобы мое астральное тѣло навѣщало ея сны.

Я, на этотъ разъ, совершенно согласенъ съ Кмогуномъ, и Ариси уходитъ отъ меня, умиленная нѣжностью моихъ чувствъ.

Около восьми часовъ вечера *мы*, я и Кмогунъ, отправляемъ Леонарда съ порученіемъ къ эконому, а въ его отсутствіе связываемъ Франсуа веревкой, которую достаемъ у него же изъ кармана. Она, очевидно, была предназначена для связыванія *насъ*, въ случаѣ неповиновенія; но *мы*, на этотъ разъ, сильнѣе. *Мы* кладемъ связаннаго сторожа подъ кровать, взявши у него предварительно ключи. Я кладу ему также въ жилетный карманъ двѣсти франковъ, говоря:—„Это для васъ и Леонарда, раздѣлитесь". Затѣмъ *мы* быстро одѣваемъ пелерину съ большимъ воротникомъ и надѣваемъ на голову фетровую шляпу сторожа. Я теперь похожъ, какъ двѣ капли воды, на сторожа Патулѐ, такого же сутуловатаго и худощаваго, какъ я, и имѣющаго такую же жидкую, острую бородку, какъ у меня. Я открываю дверь, стараясь дѣлать какъ можно менѣе шума, прохожу черезъ корридоръ, спускаюсь тихонько съ лѣстницы, нахожу, какъ я и ожидалъ, дверь въ садъ открытой, и спѣшу къ воротамъ, чтобы выйти на большую дорогу—на свободу. Сумерки уже настолько густыя, что трудно что-либо различить. Я не особенно пугаюсь поэтому, встрѣчая Леонарда, который возвращается отъ эконома, хотя я и не ожидалъ, что онъ будетъ возвращаться по этой аллеѣ. Онъ останавливаетъ меня.

— Подойди-ка сюда, старина,—говоритъ онъ.—У меня потухла трубка, дай мнѣ спичекъ.

Я отвѣчаю совершенно спокойно:

— Нѣтъ у меня спичекъ для такой рохли, какъ ты.

Я отлично подражаю Патулѐ, такъ какъ въ достаточной мѣрѣ наслушался его; я говорю въ носъ, какъ и онъ, и такимъ же грубымъ тономъ. Леонардъ совершенно спокойно продолжаетъ свой путь, и я быстро направляюсь къ воротамъ. Тамъ я застаю мадамъ Гролонъ, жену консьержа. Отлично,—справимся и съ ней! Я надвигаю шляпу на глаза.

— Это кто? вы, Патулѐ? — спрашиваетъ меня часовой въ юбкѣ.—Слѣдовало бы не открывать вамъ воротъ. Куда это вы

въ такой часъ? Вѣрно, опять къ служанкѣ Леньяна? Видно, очень ужъ она вамъ приглянулась.

— Выпустите меня, матушка Гролонъ. У Леньяна есть отличная наливка изъ черной смородины. Я принесу вамъ бутылочку, а также хорошую сигару для вашего мужа.

— Ну, ужъ идите! — говоритъ привратница и открываетъ ворота.

Я на большой дорогѣ; какъ это было легко! Но именно теперь мной овладѣваетъ страхъ. Я рѣшаю не бѣжать, а идти ровнымъ и не слишкомъ быстрымъ, военнымъ шагомъ. Я обхожу деревню и лѣсъ, потому что именно по этой дорогѣ прежде всего станутъ искать меня. Пойду лучше по тропинкѣ за кладбищемъ; она ведетъ въ Вершевиль, откуда отправляется поѣздъ въ Парижъ въ три четверти одиннадцатаго. Гораздо ближе было бы сѣсть въ поѣздъ на станціи, которая тутъ по близости; но тамъ меня могутъ поймать. Дороги въ Вершевиль часа три, но все-таки лучше идти по ней, потому что никто не подумаетъ, что я дѣлаю такой крюкъ. Я поспѣю во-время, если потороплюсь.

Становится все болѣе и болѣе темно. Я иду быстро... Ай! вотъ такъ штука! Я никогда не ходилъ по этой дорогѣ до конца, и не зналъ, какіе сюрпризы меня ожидаютъ. На одномъ изъ поворотовъ я вижу освѣщенный домъ,—потомъ еще два другихъ. Собаки поднимаютъ лай.

Я хочу свернуть съ дороги, перелѣзть черезъ заборъ и пройти въ лѣсъ, но меня уже замѣтили. Какой-то человѣкъ, съ фонаремъ въ рукахъ, окликаетъ меня, и когда я убѣгаю, не отвѣчая ему, онъ, бросается ко мнѣ и схватываетъ меня. Я отбиваюсь отъ него, но на его крикъ прибѣгаютъ другіе, и я долженъ сдаться. Черезъ нѣсколько минутъ меня приводятъ въ освѣщенную кухню, и нѣсколько крестьянъ внимательно разглядываютъ меня.

— Ба, какая смѣшная исторія!—говоритъ человѣкъ съ фонаремъ:—да вѣдь это не воръ, а служитель изъ Васто. Это вы, Патуле? Да нѣтъ, это не онъ, это только его плащъ и его шляпа. Кто же это такой?

— Я знаю, кто онъ,—говоритъ другой, котораго окружающіе зовутъ Зидоромъ.—Это какой-нибудь сумасшедшій, бѣжавшій изъ Васто.

— Не свести ли его сейчасъ же туда?

— Нѣтъ, лучше подождемъ. Гораздо выгоднѣе доставить его туда завтра; пусть поплачутъ сегодня о своемъ больномъ.

Какъ мнѣ ни грустно, но я готовъ разсмѣяться при этихъ

словахъ. Могу себѣ представить, какъ будутъ плакать обо мнѣ Лансье и Баружъ!

— А не дать ли ему поѣсть?

— Завтра поѣстъ. Чего напрасно тратиться,—мы вѣдь не получили еще награды.

— Получимъ; теперь вѣдь не такіе порядки, какъ при Фруанѣ. Новое начальство обѣщало платить за каждую поимку.

— А пока запрячемъ его въ каморку. Утро вечера мудренѣе.

Леонардъ сказалъ мнѣ правду. Новый директоръ и его помощникъ хотятъ превратить окрестныхъ крестьянъ въ гончихъ собакъ, выслѣживающихъ бѣглецовъ.

Меня бросаютъ куда-то въ темноту, и у меня захватываетъ духъ отъ зловонія. Къ счастію, я нахожу въ карманѣ восковыя спички, купленныя у эконома въ Васто. Каждая изъ нихъ можетъ горѣть минуты двѣ. Я зажигаю одну и оглядываюсь вокругъ себя.

Каморка, въ которой я очутился, завалена всякими отбросами, мокрой соломой, обломками мебели, старыми разбитыми кострюлями, заячьими шкурами и вонючими тряпками. Я усаживаюсь на грудѣ пустыхъ мѣшковъ, болѣе или менѣе сухихъ. Дверь очень основательная; очевидно, ее недавно починили—ужъ не въ виду ли обѣщаній новаго начальства въ Васто? Крыша похуже. Я замѣчаю нѣсколько подгнившихъ балокъ. Но прежде чѣмъ сдѣлать малѣйшую попытку убѣжать изъ этой зловонной клѣтки, нужно подождать, пока мои тюремщики уснутъ. Они навѣрное будутъ пьянствовать въ надеждѣ на завтрашнюю получку. Но это—къ лучшему; они потомъ крѣпче заснутъ, и я смогу вырваться на свободу прежде, чѣмъ они поднимутъ тревогу. Я курю папиросу за папиросой, чтобы очистить воздухъ. Хорошо, что я рѣшилъ переждать. Я слышу шаги, приближающіеся къ моей каморкѣ; изъ-за двери виднѣется полоска свѣта; быстро потушивъ папиросу, я укладываюсь на грязные мѣшки. Дверь скрипитъ, и яркій свѣтъ ослѣпляетъ мнѣ глаза. Я слышу глухой голосъ хозяина:

— Да онъ спитъ крѣпкимъ сномъ, какъ заяцъ въ норѣ.

Черезъ минуту меня снова окутываетъ мракъ. Проходятъ цѣлые часы. Я продолжаю курить; спать мнѣ не хочется, но я совершенно отупѣлъ и ничего не соображаю. Передо мной проносятся, какъ въ туманѣ, смутные образы Ирены, старика Фруана, Бидома, новаго директора, связаннаго Франсуа. Мнѣ представляется Парижъ, куда я, вѣроятно, скоро попаду, потомъ бѣлый холодный корридоръ въ Васто, внушающій мнѣ

какой-то смутный ужасъ. Собаки замолкли. Мнѣ страшно холодно. Я зажигаю еще одну восковую спичку и смотрю на часы: половина второго.

Кмогунъ, который все время молчалъ, начинаетъ убѣждать меня:

— Отсюда не трудно выбраться. Сломай только пять, шесть черепицъ въ самомъ низу крыши, справа, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, которое ты недостаточно внимательно осмотрѣлъ.

Я зажигаю еще одну спичку. Дѣйствительно, съ этой стороны дерево все сгнило. Очевидно, мои хозяева были слишкомъ заняты дверью и не обратили вниманія на крышу. Я, или *мы*, беремся за работу. Это гораздо труднѣе, чѣмъ представлялъ себѣ Кмогунъ. Во-первыхъ, приходится дѣйствовать въ темнотѣ. У *насъ* только двѣ руки, и какъ же я смогу работать и въ то же время держать зажженныя спички? Кромѣ того, балки хотя и отсырѣли, но не такія гнилыя, какъ я предполагалъ. Кмогунъ наэлектризовываетъ меня своей дикой энергіей, но все-же дѣло медленно подвигается. Я работаю въ темнотѣ и только отъ времени до времени зажигаю спичку, чтобы оглядѣться и удостовѣриться, что ничто не упадетъ мнѣ на голову. Я стараюсь не производить никакого шума, и это еще болѣе замедляетъ работу. Проходитъ добрыхъ два часа, пока я выламываю штукъ шесть черепицъ, и, наконецъ, блѣдный свѣтъ луны озаряетъ продѣланное мною отверстіе въ грязной каморкѣ. Теперь-то и нужно проявить ловкость. Я сажусь верхомъ на балку, которая покрѣпче, и тихонько вылѣзаю на крышу. Собаки глухо рычатъ со сна. Я болѣе десяти минутъ не двигаюсь съ мѣста, чтобы не разбудить ихъ. Потомъ я соскакиваю почти безшумно. Страхъ придаетъ мнѣ удивительную ловкость,—я ступаю мягкими кошачьими шагами, бѣгу на цыпочкахъ и пробираюсь на свободу, прежде чѣмъ просыпаются собаки.

Боже, какой теперь начался шумъ! Собаки съ ревомъ мчатся за мной, и я едва успѣваю взобраться на первое дерево. Раскрываются ставни, скрипятъ двери, раздаются голоса. Вскорѣ цѣлая процессія, освѣщенная свѣтомъ фонарей, прибѣгаетъ къ дереву, у котораго лаютъ собаки. Я вижу пять или шесть человѣкъ въ высокихъ сапогахъ, дѣтей, выбѣжавшихъ почти нагишомъ, нѣсколькихъ худыхъ и толстыхъ женщинъ, одѣтыхъ въ какіе-то грязные мѣшки. Одна изъ этихъ граціозныхъ фигуръ, высокая женщина съ длинными, худыми ногами и обрюзгшимъ тѣломъ, отвратительная въ своей порванной и слишкомъ корот-

кой рубашкѣ, бѣшено скачетъ вокругъ дерева и плаксиво кричитъ:

— Гдѣ онъ, этотъ негодяй, который хочетъ напасть на женщинъ? Я его задушу... Пусть онъ только попробуетъ приблизиться ко мнѣ, пусть попробуетъ!..—И она продолжаетъ кричать, задыхаясь отъ натуги. Одинъ изъ мужчинъ—я узнаю Зидора—приближается къ моему убѣжищу, почесываетъ затылокъ, прищуриваетъ глазъ и авторитетно заявляетъ:

— Вотъ чтò я вамъ скажу: нужна лѣстница.

Вся компанія дураковъ мчится обратно домой, и собаки, очевидно, тоже зараженныя ихъ глупостью, наперекоръ всѣмъ „собачьимъ обычаямъ“ въ подобныхъ случаяхъ, бѣгутъ за ними, виляютъ хвостами и прыгаютъ отъ радости, очевидно, гордясь своей похвальной бдительностью.

Мнѣ некогда колебаться. Подо мной, нѣсколько влѣво, очень покатая крыша, но у меня нѣтъ выбора: я отпускаю сукъ, на которомъ сижу, падаю на крутой спускъ, не имѣя, за что ухватиться, скатываюсь въ пустоту и падаю, къ счастію не разбившись, внизъ на солому. Быстро поднявшись, я пускаюсь изо всѣхъ силъ бѣжать... и попадаю—самъ не знаю, какимъ образомъ,—въ Вершивиль уже подъ утро.

Еще не оправившись отъ волненія, я прячусь въ полуразрушенную печь для обжиганія извести,—она у самаго вокзала. Тамъ я кое-какъ привожу себя въ порядокъ и чищу платье сухимъ сѣномъ, которое къ счастью нахожу здѣсь. Одежда моя почти вовсе не разорвана. Какъ это я даже не потерялъ шляпы?! Я еще разъ осматриваю себя. Костюмъ мой не очень страшенъ. Онъ грязенъ, но безъ большихъ пятенъ. У меня видъ обыкновеннаго неопрятнаго крестьянина.

Въ семь часовъ я покидаю мое убѣжище и рѣшаюсь проникнуть на станцію. Счастье мнѣ улыбается. Касса открыта: въ половинѣ восьмого идетъ поѣздъ въ Парижъ. Я требую билетъ третьяго класса, говоря съ кассиромъ на языкѣ мѣстныхъ крестьянъ. Во второмъ или первомъ классѣ на меня бы обратили вниманіе.

Такимъ образомъ, въ ясное голубое утро, я усаживаюсь, подъ гулъ огромнаго локомотива, сотрясающаго весь поѣздъ своимъ бѣшенымъ астматическимъ шипѣніемъ, на роскошной деревянной скамейкѣ, вылощенной какъ паркетный полъ, прислоняю голову къ спинкѣ, засыпаю и просыпаюсь уже въ Парижѣ, на вокзалѣ Сенъ-Лазаръ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

— Какъ! это ты?—говоритъ мнѣ мой братъ.—А я собирался какъ разъ сегодня поѣхать въ Васто, такъ какъ не получалъ отвѣта на мои послѣднія письма къ доктору Фруану.

Горничная, видимо ошеломленная моимъ страннымъ, неряшливымъ видомъ и еще болѣе пораженная, узнавъ, что я—братъ хозяина дома, только-что ввела меня въ маленькій японскій, или, можетъ быть, турецко-арабскій, или же индусскій салонъ, въ которомъ собраны самые разнообразные предметы: японскіе какемоны и издѣлія изъ китайскаго лака, люстры изъ мечетей, низенькіе турецкіе столики, пунки, коверъ изъ Амритеира, оружіе изъ Гайдерабада и множество другихъ вещей и бездѣлушекъ, загромождающихъ небольшую комнату. Нужно осторожно ступать, чтобы не натолкнуться на что-нибудь, и если хочешь вытянуть члены, то лучше выйти въ другую комнату.

Мой братъ, который писалъ, сидя у маленькаго столика изъ индійскаго дуба съ перламутровой инкрустаціей, встаетъ, радостно вскрикиваетъ при видѣ меня и бросается мнѣ на шею. Братъ мой—здоровый и сильный человѣкъ, не то что я. Высокій, съ крупнымъ лицомъ, окаймленнымъ черной съ просѣдью бородой, широкоплечій и могучій, онъ кажется гигантомъ въ этой низкой комнатѣ.

Онъ опять восклицаетъ:—Бѣдный мой Филиппъ! Какъ смѣли эти негодяи запереть тебя?! Дай взглянуть на тебя! Ну, конечно, ты ничуть не боленъ. И какъ странно поступилъ со мной твой Фруанъ! Сначала вызвалъ меня, потомъ написалъ, чтобы я обождалъ пріѣзжать, а затѣмъ совсѣмъ замолкъ. Я очень безпокоился. Я бы уже давно пріѣхалъ, еслибъ не боялся повредить тебѣ. Но теперь я окончательно рѣшился... Я хотѣлъ явиться къ твоему Фруану и переломать ему кости.

При всей своей откровенности, Юліанъ не говоритъ мнѣ всего. Бѣшено-добрый,—въ буквальномъ смыслѣ слова,—преданный, готовый отдать жизнь за каждаго изъ своихъ родныхъ, или даже за любого товарища, храбрый, какъ герой фантастическаго романа, онъ ничего на свѣтѣ не боится, ничего и никого, кромѣ своей жены. Еслибы моя невѣстка считала, что меня слѣдуетъ держать въ сумасшедшемъ домѣ, и была бы противъ вмѣшательства ея мужа въ мои дѣла, Юліанъ всѣми си-

лами старался бы переубѣдить ее, но ничего бы не предпринялъ въ мою пользу, прежде чѣмъ не измѣнилъ бы ея взглядовъ.

Я ему разсказываю по возможности кратко обо всемъ, что произошло въ лечебницѣ, гдѣ прежде насъ всѣхъ увеселялъ неистовый Бидомъ, и гдѣ теперь заведенъ чисто тюремный режимъ. Я, конечно, не упоминаю о водвореніи воинственнаго Кмогуна въ моемъ мозгу, но сознаюсь въ покушеніи, жертвой котораго была Ирена, и объясняю свой дикій поступокъ припадками эротическаго помѣшательства... Я говорю, что въ то время еще не вполнѣ излечился, и что только тогда, когда я убѣдился въ полномъ своемъ выздоровленіи, я рѣшилъ убѣжать изъ лечебницы, полной для меня такихъ мрачныхъ воспоминаній.

Мой братъ слушаетъ меня, едва сдерживая свой гнѣвъ. Я полагаю, что еслибы онъ, а не я, былъ паціентомъ Бидома, то жалкому психіатру пришлось бы отказаться отъ своихъ наѣздническихъ пріемовъ еще до пріѣзда новаго начальства. Мой братъ такъ бы отколотилъ его, что онъ не могъ бы сѣсть ни на какое сѣдло.

Я кончаю мой краткій разсказъ. Юліанъ, повидимому, внѣ себя отъ гнѣва, но въ то же время онъ пораженъ моими признаніями. Онъ нервно поглаживаетъ бороду, сжимаетъ спинку стула такъ крѣпко, что она чуть не отваливается, и потомъ смѣется нѣсколько нервнымъ смѣхомъ.

— Ахъ, ты, шалунъ этакій!—говоритъ онъ.—Я вѣдь не такой ужъ скромникъ, но все-таки... Впрочемъ это меня не касается, и я въ сущности не люблю слишкомъ добродѣтельныхъ людей. Самое главное, это—чтобы ты остался у меня. Я напишу Лансье, что ты будешь жить здѣсь, — вѣдь не пришлетъ же онъ сюда полицію за тобой? Ты не вернешься въ Васто,—развѣ только если будешь умолять на колѣняхъ, да еще со слезами,—чтобы я повезъ тебя туда.

— На этотъ счетъ будь спокоенъ!

— Ну, и отлично. А теперь пойдемъ завтракать; ты навѣрное умираешь отъ голоду.

Я прошу сначала позволенія помыться и почиститься; черезъ десять минутъ я готовъ, и мы направляемся въ столовую.

Я въ полномъ восторгѣ: корридоръ, украшенный, какъ и зала, тканями и экзотическими предметами, кажется мнѣ прекраснымъ, какъ галерея индійскаго дворца. Въ свѣтлой столовой сверкаетъ хрусталь, и все наполняетъ меня радостью. Я счастливъ сознаніемъ своей свободы, тѣмъ, что я дома, гдѣ меня любятъ и будутъ за мной ухаживать, гдѣ интересуются мной не

только какъ больнымъ. Но моя радость скоро нѣсколько омрачается: за столомъ сидитъ моя невѣстка Адріена; у нея сердитое лицо, на которомъ ясно читаются слова: „я жду и очень недовольна". Она принадлежитъ къ разряду „женщинъ съ характеромъ", которымъ чужда всякая снисходительность. Въ ней есть отдаленное сходство съ кузиной Раулей, которую она очень уважаетъ. Какъ и супруга Рофьé, она никогда не была неправой въ жизни, и всегда безукоризненна въ отношеніяхъ съ другими людьми. Но эта безукоризненность производитъ леденящее впечатлѣніе и заставляетъ желать, чтобы у нея оказался какой-нибудь симпатичный недостатокъ. У Адріены красивые сѣрые глаза, правильный профиль, округленная, но не слишкомъ полная фигура; она высокаго роста, но не слишкомъ—все въ ней очень гармонично, такъ, какъ слѣдуетъ. При этомъ она считаетъ себя очень простой и доброй, и не одобряетъ чопорныхъ людей. Но въ ея любезности есть какая-то надменность и замораживающая строгость.

Она пристально глядитъ на мужа, вошедшаго первымъ въ столовую, и говоритъ ему съ великодушіемъ, не обѣщающимъ ничего хорошаго:

— Я ненавижу дѣлать тебѣ упреки; но вѣдь ты зналъ, что я не совсѣмъ здорова сегодня.

Спина моего брата сгибается какъ бы подъ бременемъ страшныхъ угрызеній совѣсти; его опущенныя плечи выражаютъ безконечное отчаяніе.

— Я бы не простилъ себѣ моего опозданія, еслибъ не зналъ, что принесу тебѣ пріятное извѣстіе. Отгадай, кого я привелъ и кто будетъ сегодня съ нами завтракать?

Лицо Адріены нѣсколько просвѣтляется: она любитъ принимать гостей, чтобы выказывать свои таланты примѣрной хозяйки. Она вскидываетъ пенснэ на свои близорукіе глаза, чтобы разсмотрѣть пришедшаго, но я инстинктивно дѣлаю шагъ въ сторону и прячусь за спину брата.

— Чтò это за шутки, Юліанъ? — нетерпѣливо восклицаетъ Адріена.—Ты вѣдь знаешь, что своей широкой фигурой можешь заслонить, если тебѣ вздумается, конную статую.

Мой братъ отодвигается, и я появляюсь передъ взоромъ его жены, повидимому не очень обрадованной моимъ видомъ. Она снимаетъ пенснэ, и на лицѣ ея появляется выраженіе скуки. Но, въ качествѣ любезной свѣтской женщины, она изображаетъ на своемъ лицѣ привѣтливую улыбку (я въ эту минуту жалѣю, что

не отправился въ Южную Америку, какъ предполагалъ сначала), протягиваетъ мнѣ руку и говоритъ:

— А, значитъ, вы вернулись съ... дачи? Я очень рада (она подбираетъ губы) вашему возвращенію. Полина, еще одинъ приборъ... Садитесь же! Какъ мило, что вы намъ сдѣлали этотъ... пріятный сюрпризъ. Но почему же вы насъ не предупредили письмомъ?

Тонъ Адріены, при всей любезности,—очень строгій. Я чувствую, что внушаю ей отвращеніе, что—знай она о моемъ пріѣздѣ—она бы уѣхала въ деревню, чтобы не сидѣть за однимъ столомъ съ сумасшедшимъ, быть можетъ еще не вполнѣ выздоровѣвшимъ. Братъ мой, зная, что она не вернется прежде, чѣмъ я не уѣду, постарался бы отвязаться отъ меня. Она всегда слѣдовала этой тактикѣ, когда опасалась посѣщеній непріятныхъ ей людей, бѣдныхъ родственниковъ или какихъ-нибудь неудачниковъ. Сидя между Юліаномъ и Адріеной, я чувствую себя очень неловко, какъ виноватый, или, во всякомъ случаѣ, какъ обвиненный въ чемъ-то позорномъ. Я не рѣшаюсь двигаться, и всѣ мои рѣдкіе жесты—точно деревянные. Какъ всегда, когда я смущенъ, я чувствую тысячи маленькихъ физическихъ непріятностей. У меня чешется лобъ, спина и всѣ члены. Меня вдругъ мучаетъ насморкъ, но я не рѣшаюсь вынуть носовой платокъ, боясь, что буду отвратителенъ, когда поднесу его къ носу. Мнѣ страшно стыдно, и я готовъ расплакаться, какъ ребенокъ. Я чувствую себя крайне антипатичнымъ, и увѣренъ, что Адріена и мой братъ, при всей его добротѣ, думаютъ обо мнѣ слѣдующее: „Онъ нарочно не сморкается, чтобы не раздражать насъ своимъ фырканьемъ. Онъ не смѣетъ ясно обнаружить свою вражду къ намъ, и потому предпочитаетъ дѣлать мелкія непріятности—какъ всегда. И для чего это онъ сюда явился“?

Не могу же я имъ объяснить, что мой насморкъ—только слѣдствіе моего смущенія.

Завтракъ кажется мнѣ безконечнымъ, несмотря на разговорчивость Юліана, который разсказываетъ объ Индіи, о чудесахъ тамошней природы и о любопытныхъ нравахъ обитателей. Адріена, повидимому, не раздѣляетъ его восторговъ. Она слушаетъ его молча, а потомъ холодно заявляетъ:

— Что касается меня, то я больше путешествовать не буду. Я вѣдь уже десять лѣтъ не ѣздила съ нимъ, и только въ прошломъ году—сама не знаю, почему—согласилась сопровождать его. Если Юліанъ еще разъ вздумаетъ отправиться на Дальній Востокъ, пусть ѣдетъ одинъ, — я останусь здѣсь. Я ненавижу слишкомъ

голубыя небеса, слишкомъ ослѣпительный свѣтъ, чудовищную зелень и людей съ неестественнымъ цвѣтомъ кожи. Красота, по моему, только тамъ, гдѣ есть мѣра. Все чрезмѣрное не можетъ нравиться хорошо воспитанной и уравновѣшенной женщинѣ. Говоря откровенно, по моему, эти страны—не comme-il-faut.

На меня нападаетъ безумное желаніе расхохотаться, и я съ трудомъ сдерживаю себя. Мнѣ еще тяжелѣе послѣ этой выходки Адріены. Я хотѣлъ бы быть за сто миль отъ столовой, гдѣ она ораторствуетъ, и гдѣ все, кромѣ Юліана, кажется мнѣ враждебнымъ. Даже мебель какъ бы укоряетъ меня въ моемъ присутствіи здѣсь. Проникнутая буржуазнымъ духомъ моей невѣстки, она меня спрашиваетъ, какъ я смѣю пользоваться ею, не уплативъ за нее деньги? Всѣ предметы устроиваютъ мнѣ каверзы... Ложечка отъ соли падаетъ въ мою тарелку, изъ которой выплескивается соусъ на скатерть. Пробка отъ бутылки съ виномъ какъ-то попадаетъ въ мой карманъ, и когда я, наконецъ, рѣшаюсь вынуть платокъ, она выскакиваетъ изъ кармана, и весь мой платокъ оказывается въ красныхъ пятнахъ. Подставка для ножа падаетъ подъ столъ. Я еще, къ несчастью, вспоминаю какой-то монологъ на эту тему, и цитирую его, причемъ смѣюсь глупымъ смѣхомъ. Я вижу, что мой братъ непріятно пораженъ моимъ поведеніемъ, а Адріена презрительно пожимаетъ плечами. Я предлагаю самые ненужные вопросы, чтобы отклонить отъ себя вниманіе, но чувствую себя крайне неловко и вижу, что глаза брата и его жены неуклонно устремлены на меня. Я понимаю, что лицо мое имѣетъ самое глупое выраженіе, что я отвратителенъ, несносенъ. А вдобавокъ ко всему, Кмогунъ повторяетъ мнѣ черезъ каждыя пять минутъ:

— Они теперь знаютъ, что ты не излечился, что ты—сумасшедшій... сумасшедшій!..

Какое счастье, что послѣ кофе Адріена удаляется, предоставляя намъ курить на свободѣ. Но вскорѣ моя пытка возобновляется.

Мой братъ видимо взволнованъ. Онъ украдкой поглядываетъ на меня и говоритъ только ничего не значащія фразы, видимо думая о другомъ. Наконецъ ему надоѣдаетъ притворяться, и онъ говоритъ мнѣ:

— Знаешь ли, Филиппъ, я ужъ лучше тебѣ правду скажу. Я увѣренъ, что ты совершенно выздоровѣлъ, если дѣйствительно былъ когда-нибудь боленъ. Но что же произошло съ тобой между моментомъ, когда ты вошелъ въ мой кабинетъ, и концомъ завтрака? Можетъ быть, ты по дорогѣ ко мнѣ выпилъ лишнее,

и дѣйствіе алкоголя сказалось только послѣ ѣды? Когда ты явился ко мнѣ, ты повидимому чувствовалъ себя вполнѣ хорошо, а за столомъ ты велъ себя такъ, какъ бывало въ двѣнадцать лѣтъ, когда тебя насильно водили обѣдать къ старой тетушкѣ, и ты за столомъ устроивалъ разныя штуки, опускалъ пальцы въ кофе, выпивалъ воду для полосканія, и т. д. Несмотря на твои сѣдѣющіе усы, ты вдругъ помолодѣлъ на двадцать-два года и живо напомнилъ мнѣ то время. Скажи откровенно,—ты не заходилъ по дорогѣ въ кафé?

— Я пришелъ къ тебѣ натощакъ.

— Такъ въ чемъ же дѣло?

— Я тебѣ скажу правду. Я знаю, что я непріятенъ Адріенѣ, и ея строгое лицо разстроиваетъ меня.

— Ну, вотъ!.. а я думалъ, что ты будешь жить у насъ и поѣдешь со мной въ Индію, въ будущемъ году.

— Такъ какъ твоя жена не поѣдетъ туда, то я охотно присоединюсь къ тебѣ, но жить у тебя теперь выше моихъ силъ. Я постараюсь видѣться съ тобой каждый день, но долженъ поселиться отдѣльно, гдѣ-нибудь, куда не имѣютъ доступа дамы „comme-il-faut“.

А Кмогунъ, пользуясь тѣмъ, что я забылъ о немъ, заставляетъ меня прибавить:—Вотъ еслибы ты овдовѣлъ...

Юліанъ не разсердился на меня. Онъ молча смотритъ мнѣ въ глаза, и мнѣ становится не по себѣ отъ его печальнаго, кроткаго взгляда.

— Бѣдный мой братъ!—восклицаетъ онъ,—ты совсѣмъ измѣнился. Я вовсе не говорю, что эти болваны изъ Васто и гнусный Рофье́ правы, считая тебя психически больнымъ, но въ тебѣ есть что-то странное. Я буду тебя лечить здѣсь. Никакихъ лечебницъ тебѣ не нужно, у тебя только нервы не въ порядкѣ, и тебѣ нуженъ спокойный режимъ, развлеченія...

Кмогунъ мѣшаетъ мнѣ дослушать слова брата; онъ поднимаетъ во мнѣ такой шумъ, что у меня трещитъ черепъ, и ругается самыми непристойными словами; смыслъ его неистовыхъ криковъ приблизительно такой: „Безумецъ! кретинъ! развѣ ты не понимаешь всей гнусности твоего брата? — я вѣдь его вижу насквозь. Могу себѣ представить, какъ намъ будетъ весело въ этомъ... притонѣ, гдѣ твоя невѣстка будетъ натравлять на насъ сторожей, которыхъ къ тебѣ приставятъ. Твой братъ негодяй“... и т. д. Все это Кмогунъ говоритъ самыми грубыми словами, которыхъ я не хочу повторять. Я успокоиваю обитателя Ткукры, искренно обѣщая ему, что мы здѣсь недолго останемся.

Я вѣдь самъ боюсь докторовъ, которыхъ, вѣроятно, думаетъ пригласить Юліанъ; они могутъ открыть мою тайну и будутъ мучить меня, тщетно стараясь избавить меня отъ Кмогуна. Нѣтъ, я не останусь здѣсь. Я лучше выкажу себя неблагодарнымъ относительно брата...

Юліанъ продолжаетъ говорить, не замѣчая моего волненія.

— За тобой будутъ ухаживать, какъ за принцемъ. Если хочешь, ты не будешь встрѣчаться съ Адріеной. Я увѣренъ, что черезъ три мѣсяца ты совершенно оправишься, и я тогда самъ буду уговаривать тебя уѣхать. Ты уѣдешь въ Индію и будешь тамъ ждать меня,—раньше, чѣмъ черезъ годъ, я не смогу вернуться туда.

Я дѣлаю видъ, что согласенъ, но твердо рѣшаю убѣжать отъ брата,—его планы слишкомъ опасны для меня. Къ величайшему удивленію Юліана, я перевожу разговоръ на Васто, повинуясь внушенію Кмогуна, говорю о томъ, что Юліанъ знаетъ эти мѣста, и что навѣрное у него тамъ много знакомыхъ. Я упоминаю о Рофьè, но Юліанъ меня прерываетъ:

— Не говори мнѣ о нихъ!—кричитъ онъ.—Я не хочу ничего слышать про этихъ негодяевъ. Ты вѣдь не знаешь, что когда я вернулся, мнѣ даже не сообщили о томъ, что̀ произошло съ тобой. Я съ ними поссорился, хотя Адріенѣ это и было непріятно. Я ужъ тебѣ лучше разскажу объ ихъ продѣлкахъ. Они испугались, что Фруанъ напишетъ мнѣ правду, и написали письмо моей женѣ, прося ее не передавать мнѣ писемъ изъ Васто. Я тебѣ сказалъ неправду, говоря, что переписывался съ директоромъ лечебницы. На самомъ дѣлѣ, эту переписку вела Адріена безъ моего вѣдома. Она, конечно, имѣла въ виду только твое благо. Ее убѣдили, что свиданіе со мной ухудшитъ твое положеніе; вотъ почему я только недавно узналъ о томъ, что тебя заперли въ сумасшедшій домъ. Узналъ же я это во время ссоры съ моей женой — первой нашей ссоры, о которой мнѣ тяжело говорить. Правда только то, что я хотѣлъ сегодня же ѣхать въ Васто и расправиться съ докторомъ Фруаномъ. Я не зналъ о перемѣнѣ дирекціи и о несчастіяхъ старика Фруана, котораго я, какъ вижу теперь, напрасно обидѣлъ своими подозрѣніями. Можешь ли ты простить меня?

Хорошъ вопросъ! Я вижу насквозь моего добраго брата; въ своемъ благородномъ гнѣвѣ онъ готовъ переломать кости всѣмъ дѣйствительнымъ или воображаемымъ чудовищамъ въ образѣ человѣческомъ, но никогда не захочетъ признать, что его жена

[illegible] сюртукахъ. Тѣмъ лучше. [illegible] [illegible] отъ него [illegible] въ толпѣ, [illegible] [illegible] [illegible] Потомъ я отправлюсь одинъ на бульваръ [illegible] и въ какой-нибудь такой часъ, когда братъ мой не [illegible] [illegible] тамъ.

Но, что дѣлается съ моей бѣдной головой? У меня все слу-[illegible], недѣли мнѣ кажутся вѣками, а мѣсяцы мелькаютъ какъ дни. Я ошибся въ моихъ разсчетахъ на шесть мѣсяцевъ! Что же я еще узналъ? Ну, да, что Ирена дѣйствительно несчастна, [illegible] и я ошибался. Я долженъ спасти ее—другого исхода нѣтъ.

[illegible] отправляется со мной въ большой магазинъ, откуда я выхожу одѣтымъ болѣе или менѣе прилично. Потомъ мы гу-

·мъ часа два въ обществѣ нѣсколькихъ друзей моего брата, ;ого-то шведа, японца и болгарина. Мнѣ никакъ не удается рыться отъ моихъ спутниковъ—на улицахъ нѣтъ толпы. Около ти часовъ Юліанъ заявляетъ, что теперь слишкомъ поздно ти къ Летелье. „Мы завтра пойдемъ къ нему",—говоритъ онъ, ·и проситъ меня зайти съ нимъ на минуту къ одному его ›угу, который опасно боленъ.

Когда мы являемся къ этому, будто бы, умирающему госпо-чну, слуга намъ заявляетъ, что больному уже лучше, и что онъ сталъ съ постели. Насъ вводятъ въ большой кабинетъ, гдѣ мы застаемъ выздоравливающаго больного, окруженнаго его много-исленнымъ семействомъ, которое состоитъ изъ жены съ безо-разнымъ толстымъ лицомъ, рыжаго сына, худенькой, точно де-евянной дочери и старой дѣвицы съ крючковатымъ носомъ. Боль-іой довольно равнодушно здоровается съ Юліаномъ и оглядываетъ меня съ явнымъ недоброжелательствомъ. Я зналъ прежде этого господина Жагра и недолюбливалъ его. Я не понималъ симпатій моего брата къ этому вѣчно кислому, недовольному всѣмъ на свѣтѣ человѣку.

Онъ съ нѣкоторой опаской протягиваетъ мнѣ руку, и я догадываюсь, что онъ зналъ о моемъ пребываніи въ Васто. Всѣ члены его семьи тоже очевидно освѣдомлены о моемъ позорѣ и глядятъ на меня болѣе презрительнымъ, нежели сочувствующимъ взглядомъ, очевидно, рѣшая не обращать на меня вниманія. Мой братъ, не замѣтившій ихъ поведенія со мной, спокойно усаживается въ кресло и начинаетъ разговаривать и поздравлять своего друга со скорымъ выздоровленіемъ. Меня продолжаютъ не замѣчать. Одна только хозяйка дома, видя, что я собираюсь сѣсть безъ приглашенія, указываетъ мнѣ рукой на кресло, и потомъ отворачиваетъ съ ужасомъ голову.

Все въ этой семьѣ обличаетъ мелкихъ буржуа, претендующихъ на свѣтскость; они тоже помѣшаны на „бонтонности", какъ моя невѣстка, и очевидно возмущены Юліаномъ за то, что онъ нарушилъ свѣтскія приличія, приведя меня къ нимъ. Жагръ очень уклончиво отвѣчаетъ на любезности моего брата и нетерпѣливо дергаетъ усы; жена его говоритъ отрывистыми фразами, ясно доказывающими, что она сердита на Юліана; она не умѣетъ притворяться и дѣлаетъ довольно прозрачные намеки на безтактность Юліана, который привелъ такого неудобнаго гостя. Когда мой братъ говоритъ о пріятномъ сюрпризѣ, который я ему сдѣлалъ своимъ пріѣздомъ, она довольно рѣзко обрываетъ его:

такъ же отвратительно поступила, какъ Рофьé, дѣйствовавшій подъ вліяніемъ ревности и жадности.

Кмогунъ продолжаетъ внутренно возстановлять меня противъ брата, но я не поддаюсь ему и укрощаю его своею твердостью.

— Ну, хорошо,—говоритъ мнѣ Кмогунъ, — я умолкаю, но займись тѣмъ, чтò насъ касается.

Теперь уже поздно отступать—нужно довести дѣло до конца. Я говорю поэтому брату:

— Да развѣ я имѣю основаніе на тебя сердиться? Ты такъ добръ ко мнѣ. Поговоримъ лучше о другомъ.

И я спрашиваю дѣловымъ тономъ, точно наводя коммерческую справку:

— Кстати, ты, кажется, встрѣчалъ въ прежнее время у Эльзеара нѣкоего Летелье́. Его выбираютъ депутатомъ отъ девятаго округа въ Діеппѣ. Мнѣ бы нужно было его повидать по одному дѣлу, довольно пустяшному — о концессіи на табачную лавочку; я какъ разъ собирался хлопотать объ этомъ до того, какъ попалъ въ лечебницу. Чтò за человѣкъ этотъ Летельè?

— Негодяй большой руки. Я уже многіе годы не видаюсь съ нимъ. Мнѣ говорили, что онъ женился, и что жена его очень несчастна. Но почему ты полагаешь, что его только еще выберутъ въ депутаты? Онъ выбранъ полгода тому назадъ и вѣчно произноситъ рѣчи—къ величайшему неудовольствію правительства, которое онъ, будто бы, поддерживаетъ. Онъ—самый несносный обструкціонистъ, въ особенности въ колоніальныхъ вопросахъ. Говорятъ, что министерство, чтобы избавиться отъ него, хочетъ сдѣлать его губернаторомъ какой-нибудь отдаленной колоніи. Адресъ его я сейчасъ найду тебѣ у „Ботена"... Вотъ онъ: 750, бульваръ Инвалидовъ. Если хочешь, я провожу тебя туда.

Вовсе я этого не хочу. Юліанъ тогда предложилъ мнѣ пойти со мной прогуляться. Тѣмъ лучше. Я воспользуюсь этой прогулкой, чтобы отстать отъ него гдѣ-нибудь въ толпѣ, и очутиться, наконецъ, на свободѣ. Потомъ я отправлюсь одинъ на бульваръ Инвалидовъ, и въ какой-нибудь такой часъ, когда братъ мой не будетъ искать меня тамъ.

Но чтò дѣлается съ моей бѣдной головой? У меня все спуталось: недѣли мнѣ кажутся вѣками, а мѣсяцы мелькаютъ какъ дни. Я ошибся въ моихъ разсчетахъ на шесть мѣсяцевъ! Чтò же я еще узналъ? Ну, да, что Ирена дѣйствительно несчастна, какъ я и опасался. Я долженъ спасти ее—другого исхода нѣтъ.

Юліанъ отправляется со мной въ большой магазинъ, откуда я выхожу одѣтымъ болѣе или менѣе прилично. Потомъ мы гу-

ляемъ часа два въ обществѣ нѣсколькихъ друзей моего брата, какого-то шведа, японца и болгарина. Мнѣ никакъ не удается скрыться отъ моихъ спутниковъ—на улицахъ нѣтъ толпы. Около пяти часовъ Юліанъ заявляетъ, что теперь слишкомъ поздно идти къ Летелье. „Мы завтра пойдемъ къ нему",—говоритъ онъ, —и проситъ меня зайти съ нимъ на минуту къ одному его другу, который опасно боленъ.

Когда мы являемся къ этому, будто бы, умирающему господину, слуга намъ заявляетъ, что больному уже лучше, и что онъ всталъ съ постели. Насъ вводятъ въ большой кабинетъ, гдѣ мы застаемъ выздоравливающаго больного, окруженнаго его многочисленнымъ семействомъ, которое состоитъ изъ жены съ безобразнымъ толстымъ лицомъ, рыжаго сына, худенькой, точно деревянной дочери и старой дѣвицы съ крючковатымъ носомъ. Больной довольно равнодушно здоровается съ Юліаномъ и оглядываетъ меня съ явнымъ недоброжелательствомъ. Я зналъ прежде этого господина Жагра и недолюбливалъ его. Я не понималъ симпатій моего брата къ этому вѣчно кислому, недовольному всѣмъ на свѣтѣ человѣку.

Онъ съ нѣкоторой опаской протягиваетъ мнѣ руку, и я догадываюсь, что онъ зналъ о моемъ пребываніи въ Васто. Всѣ члены его семьи тоже очевидно освѣдомлены о моемъ позорѣ и глядятъ на меня болѣе презрительнымъ, нежели сочувствующимъ взглядомъ, очевидно, рѣшая не обращать на меня вниманія. Мой братъ, не замѣтившій ихъ поведенія со мной, спокойно усаживается въ кресло и начинаетъ разговаривать и поздравлять своего друга со скорымъ выздоровленіемъ. Меня продолжаютъ не замѣчать. Одна только хозяйка дома, видя, что я собираюсь сѣсть безъ приглашенія, указываетъ мнѣ рукой на кресло, и потомъ отворачиваетъ съ ужасомъ голову.

Все въ этой семьѣ обличаетъ мелкихъ буржуа, претендующихъ на свѣтскость; они тоже помѣшаны на „бонтонности", какъ моя невѣстка, и очевидно возмущены Юліаномъ за то, что онъ нарушилъ свѣтскія приличія, приведя меня къ нимъ. Жагръ очень уклончиво отвѣчаетъ на любезности моего брата и нетерпѣливо дергаетъ усы; жена его говоритъ отрывистыми фразами, ясно доказывающими, что она сердита на Юліана; она не умѣетъ притворяться и дѣлаетъ довольно прозрачные намеки на безтактность Юліана, который привелъ такого неудобнаго гостя. Когда мой братъ говоритъ о пріятномъ сюрпризѣ, который я ему сдѣлалъ своимъ пріѣздомъ, она довольно рѣзко обрываетъ его:

такъ же отвратительно поступила, какъ Рофье, дѣйствовавшій подъ вліяніемъ ревности и жадности.

Кмогунъ продолжаетъ внутренно возстановлять меня противъ брата, но я не поддаюсь ему и укрощаю его своею твердостью.

— Ну, хорошо,—говоритъ мнѣ Кмогунъ, — я умолкаю, но займись тѣмъ, что̀ насъ касается.

Теперь уже поздно отступать—нужно довести дѣло до конца. Я говорю поэтому брату:

— Да развѣ я имѣю основаніе на тебя сердиться? Ты такъ добръ ко мнѣ. Поговоримъ лучше о другомъ.

И я спрашиваю дѣловымъ тономъ, точно наводя коммерческую справку:

— Кстати, ты, кажется, встрѣчалъ въ прежнее время у Эльзеара нѣкоего Летелье. Его выбираютъ депутатомъ отъ девятаго округа въ Діеппѣ. Мнѣ бы нужно было его повидать по одному дѣлу, довольно пустяшному — о концессіи на табачную лавочку; я какъ разъ собирался хлопотать объ этомъ до того, какъ попалъ въ лечебницу. Что̀ за человѣкъ этотъ Летелье?

— Негодяй большой руки. Я уже многіе годы не видаюсь съ нимъ. Мнѣ говорили, что онъ женился, и что жена его очень несчастна. Но почему ты полагаешь, что его только еще выберутъ въ депутаты? Онъ выбранъ полгода тому назадъ и вѣчно произноситъ рѣчи—къ величайшему неудовольствію правительства, которое онъ, будто бы, поддерживаетъ. Онъ—самый несносный обструкціонистъ, въ особенности въ колоніальныхъ вопросахъ. Говорятъ, что министерство, чтобы избавиться отъ него, хочетъ сдѣлать его губернаторомъ какой-нибудь отдаленной колоніи. Адресъ его я сейчасъ найду тебѣ у „Ботена"... Вотъ онъ: 750, бульваръ Инвалидовъ. Если хочешь, я провожу тебя туда.

Вовсе я этого не хочу. Юліанъ тогда предложилъ мнѣ пойти со мной прогуляться. Тѣмъ лучше. Я воспользуюсь этой прогулкой, чтобы отстать отъ него гдѣ-нибудь въ толпѣ, и очутиться, наконецъ, на свободѣ. Потомъ я отправлюсь одинъ на бульваръ Инвалидовъ, и въ какой-нибудь такой часъ, когда братъ мой не будетъ искать меня тамъ.

Но что̀ дѣлается съ моей бѣдной головой? У меня все спуталось: недѣли мнѣ кажутся вѣками, а мѣсяцы мелькаютъ какъ дни. Я ошибся въ моихъ разсчетахъ на шесть мѣсяцевъ! Что̀ же я еще узналъ? Ну, да, что Ирена дѣйствительно несчастна, какъ я и опасался. Я долженъ спасти ее—другого исхода нѣтъ.

Юліанъ отправляется со мной въ большой магазинъ, откуда я выхожу одѣтымъ болѣе или менѣе прилично. Потомъ мы гу-

ляемъ часа два въ обществѣ нѣсколькихъ друзей моего брата, какого-то шведа, японца и болгарина. Мнѣ никакъ не удается скрыться отъ моихъ спутниковъ—на улицахъ нѣтъ толпы. Около пяти часовъ Юліанъ заявляетъ, что теперь слишкомъ поздно идти къ Летелье. „Мы завтра пойдемъ къ нему",—говоритъ онъ, —и проситъ меня зайти съ нимъ на минуту къ одному его другу, который опасно боленъ.

Когда мы являемся къ этому, будто бы, умирающему господину, слуга намъ заявляетъ, что больному уже лучше, и что онъ всталъ съ постели. Насъ вводятъ въ большой кабинетъ, гдѣ мы застаемъ выздоравливающаго больного, окруженнаго его многочисленнымъ семействомъ, которое состоитъ изъ жены съ безобразнымъ толстымъ лицомъ, рыжаго сына, худенькой, точно деревянной дочери и старой дѣвицы съ крючковатымъ носомъ. Больной довольно равнодушно здоровается съ Юліаномъ и оглядываетъ меня съ явнымъ недоброжелательствомъ. Я зналъ прежде этого господина Жагра и недолюбливалъ его. Я не понималъ симпатій моего брата къ этому вѣчно кислому, недовольному всѣмъ на свѣтѣ человѣку.

Онъ съ нѣкоторой опаской протягиваетъ мнѣ руку, и я догадываюсь, что онъ зналъ о моемъ пребываніи въ Васто. Всѣ члены его семьи тоже очевидно освѣдомлены о моемъ позорѣ и глядятъ на меня болѣе презрительнымъ, нежели сочувствующимъ взглядомъ, очевидно, рѣшая не обращать на меня вниманія. Мой братъ, не замѣтившій ихъ поведенія со мной, спокойно усаживается въ кресло и начинаетъ разговаривать и поздравлять своего друга со скорымъ выздоровленіемъ. Меня продолжаютъ не замѣчать. Одна только хозяйка дома, видя, что я собираюсь сѣсть безъ приглашенія, указываетъ мнѣ рукой на кресло, и потомъ отворачиваетъ съ ужасомъ голову.

Все въ этой семьѣ обличаетъ мелкихъ буржуа, претендующихъ на свѣтскость; они тоже помѣшаны на „бонтонности", какъ моя невѣстка, и очевидно возмущены Юліаномъ за то, что онъ нарушилъ свѣтскія приличія, приведя меня къ нимъ. Жагръ очень уклончиво отвѣчаетъ на любезности моего брата и нетерпѣливо дергаетъ усы; жена его говоритъ отрывистыми фразами, ясно доказывающими, что она сердита на Юліана; она не умѣетъ притворяться и дѣлаетъ довольно прозрачные намеки на безтактность Юліана, который привелъ такого неудобнаго гостя. Когда мой братъ говоритъ о пріятномъ сюрпризѣ, который я ему сдѣлалъ своимъ пріѣздомъ, она довольно рѣзко обрываетъ его:

такъ же отвратительно поступила, какъ Рофьé, дѣйствовавшій подъ вліяніемъ ревности и жадности.

Кмогунъ продолжаетъ внутренно возстановлять меня противъ брата, но я не поддаюсь ему и укрощаю его своею твердостью.

— Ну, хорошо,—говоритъ мнѣ Кмогунъ, — я умолкаю, но займись тѣмъ, чтò насъ касается.

Теперь уже поздно отступать—нужно довести дѣло до конца. Я говорю поэтому брату:

— Да развѣ я имѣю основаніе на тебя сердиться? Ты такъ добръ ко мнѣ. Поговоримъ лучше о другомъ.

И я спрашиваю дѣловымъ тономъ, точно наводя коммерческую справку:

— Кстати, ты, кажется, встрѣчалъ въ прежнее время у Эльзеара нѣкоего Летельé. Его выбираютъ депутатомъ отъ девятаго округа въ Діеппѣ. Мнѣ бы нужно было его повидать по одному дѣлу, довольно пустяшному — о концессіи на табачную лавочку; я какъ разъ собирался хлопотать объ этомъ до того, какъ попалъ въ лечебницу. Чтò за человѣкъ этотъ Летельè?

— Негодяй большой руки. Я уже многіе годы не видаюсь съ нимъ. Мнѣ говорили, что онъ женился, и что жена его очень несчастна. Но почему ты полагаешь, что его только еще выберутъ въ депутаты? Онъ выбранъ полгода тому назадъ и вѣчно произноситъ рѣчи—къ величайшему неудовольствію правительства, которое онъ, будто бы, поддерживаетъ. Онъ—самый несносный обструкціонистъ, въ особенности въ колоніальныхъ вопросахъ. Говорятъ, что министерство, чтобы избавиться отъ него, хочетъ сдѣлать его губернаторомъ какой-нибудь отдаленной колоніи. Адресъ его я сейчасъ найду тебѣ у „Ботена"... Вотъ онъ: 750, бульваръ Инвалидовъ. Если хочешь, я провожу тебя туда.

Вовсе я этого не хочу. Юліанъ тогда предложилъ мнѣ пойти со мной прогуляться. Тѣмъ лучше. Я воспользуюсь этой прогулкой, чтобы отстать отъ него гдѣ-нибудь въ толпѣ, и очутиться, наконецъ, на свободѣ. Потомъ я отправлюсь одинъ на бульваръ Инвалидовъ, и въ какой-нибудь такой часъ, когда братъ мой не будетъ искать меня тамъ.

Но чтò дѣлается съ моей бѣдной головой? У меня все спуталось: недѣли мнѣ кажутся вѣками, а мѣсяцы мелькаютъ какъ дни. Я ошибся въ моихъ разсчетахъ на шесть мѣсяцевъ! Чтò же я еще узналъ? Ну, да, что Ирена дѣйствительно несчастна, какъ я и опасался. Я долженъ спасти ее—другого исхода нѣтъ.

Юліанъ отправляется со мной въ большой магазинъ, откуда я выхожу одѣтымъ болѣе или менѣе прилично. Потомъ мы гу-

ляемъ часа два въ обществѣ нѣсколькихъ друзей моего брата, какого-то шведа, японца и болгарина. Мнѣ никакъ не удается скрыться отъ моихъ спутниковъ—на улицахъ нѣтъ толпы. Около пяти часовъ Юліанъ заявляетъ, что теперь слишкомъ поздно идти къ Летелье. „Мы завтра пойдемъ къ нему“,—говоритъ онъ, —и проситъ меня зайти съ нимъ на минуту къ одному его другу, который опасно боленъ.

Когда мы являемся къ этому, будто бы, умирающему господину, слуга намъ заявляетъ, что больному уже лучше, и что онъ всталъ съ постели. Насъ вводятъ въ большой кабинетъ, гдѣ мы застаемъ выздоравливающаго больного, окруженнаго его многочисленнымъ семействомъ, которое состоитъ изъ жены съ безобразнымъ толстымъ лицомъ, рыжаго сына, худенькой, точно деревянной дочери и старой дѣвицы съ крючковатымъ носомъ. Больной довольно равнодушно здоровается съ Юліаномъ и оглядываетъ меня съ явнымъ недоброжелательствомъ. Я зналъ прежде этого господина Жагра и недолюбливалъ его. Я не понималъ симпатій моего брата къ этому вѣчно кислому, недовольному всѣмъ на свѣтѣ человѣку.

Онъ съ нѣкоторой опаской протягиваетъ мнѣ руку, и я догадываюсь, что онъ зналъ о моемъ пребываніи въ Васто. Всѣ члены его семьи тоже очевидно освѣдомлены о моемъ позорѣ и глядятъ на меня болѣе презрительнымъ, нежели сочувствующимъ взглядомъ, очевидно, рѣшая не обращать на меня вниманія. Мой братъ, не замѣтившій ихъ поведенія со мной, спокойно усаживается въ кресло и начинаетъ разговаривать и поздравлять своего друга со скорымъ выздоровленіемъ. Меня продолжаютъ не замѣчать. Одна только хозяйка дома, видя, что я собираюсь сѣсть безъ приглашенія, указываетъ мнѣ рукой на кресло, и потомъ отворачиваетъ съ ужасомъ голову.

Все въ этой семьѣ обличаетъ мелкихъ буржуа, претендующихъ на свѣтскость; они тоже помѣшаны на „бонтонности“, какъ моя невѣстка, и очевидно возмущены Юліаномъ за то, что онъ нарушилъ свѣтскія приличія, приведя меня къ нимъ. Жагръ очень уклончиво отвѣчаетъ на любезности моего брата и нетерпѣливо дергаетъ усы; жена его говоритъ отрывистыми фразами, ясно доказывающими, что она сердита на Юліана; она не умѣетъ притворяться и дѣлаетъ довольно прозрачные намеки на безтактность Юліана, который привелъ такого неудобнаго гостя. Когда мой братъ говоритъ о пріятномъ сюрпризѣ, который я ему сдѣлалъ своимъ пріѣздомъ, она довольно рѣзко обрываетъ его:

такъ же отвратительно поступила, какъ Рофье́, дѣйствовавшій подъ вліяніемъ ревности и жадности.

Кмогунъ продолжаетъ внутренно возстановлять меня противъ брата, но я не поддаюсь ему и укрощаю его своею твердостью.

— Ну, хорошо, — говоритъ мнѣ Кмогунъ, — я умолкаю, но займись тѣмъ, что̀ насъ касается.

Теперь уже поздно отступать—нужно довести дѣло до конца. Я говорю поэтому брату:

— Да развѣ я имѣю основаніе на тебя сердиться? Ты такъ добръ ко мнѣ. Поговоримъ лучше о другомъ.

И я спрашиваю дѣловымъ тономъ, точно наводя коммерческую справку:

— Кстати, ты, кажется, встрѣчалъ въ прежнее время у Эльзеара нѣкоего Летелье́. Его выбираютъ депутатомъ отъ девятаго округа въ Діеппѣ. Мнѣ бы нужно было его повидать по одному дѣлу, довольно пустяшному — о концессіи на табачную лавочку; я какъ разъ собирался хлопотать объ этомъ до того, какъ попалъ въ лечебницу. Что̀ за человѣкъ этотъ Летельѐ?

— Негодяй большой руки. Я уже многіе годы не видаюсь съ нимъ. Мнѣ говорили, что онъ женился, и что жена его очень несчастна. Но почему ты полагаешь, что его только еще выберутъ въ депутаты? Онъ выбранъ полгода тому назадъ и вѣчно произноситъ рѣчи—къ величайшему неудовольствію правительства, которое онъ, будто бы, поддерживаетъ. Онъ—самый несносный обструкціонистъ, въ особенности въ колоніальныхъ вопросахъ. Говорятъ, что министерство, чтобы избавиться отъ него, хочетъ сдѣлать его губернаторомъ какой-нибудь отдаленной колоніи. Адресъ его я сейчасъ найду тебѣ у „Ботена“... Вотъ онъ: 750, бульваръ Инвалидовъ. Если хочешь, я провожу тебя туда.

Вовсе я этого не хочу. Юліанъ тогда предложилъ мнѣ пойти со мной прогуляться. Тѣмъ лучше. Я воспользуюсь этой прогулкой, чтобы отстать отъ него гдѣ-нибудь въ толпѣ, и очутиться, наконецъ, на свободѣ. Потомъ я отправлюсь одинъ на бульваръ Инвалидовъ, и въ какой-нибудь такой часъ, когда братъ мой не будетъ искать меня тамъ.

Но что̀ дѣлается съ моей бѣдной головой? У меня все спуталось: недѣли мнѣ кажутся вѣками, а мѣсяцы мелькаютъ какъ дни. Я ошибся въ моихъ разсчетахъ на шесть мѣсяцевъ! Что̀ же я еще узналъ? Ну, да, что Ирена дѣйствительно несчастна, какъ я и опасался. Я долженъ спасти ее—другого исхода нѣтъ.

Юліанъ отправляется со мной въ большой магазинъ, откуда я выхожу одѣтымъ болѣе или менѣе прилично. Потомъ мы гу-

ляемъ часа два въ обществѣ нѣсколькихъ друзей моего брата, какого-то шведа, японца и болгарина. Мнѣ никакъ не удается скрыться отъ моихъ спутниковъ—на улицахъ нѣтъ толпы. Около пяти часовъ Юліанъ заявляетъ, что теперь слишкомъ поздно идти къ Летелье. „Мы завтра пойдемъ къ нему",—говоритъ онъ, —и проситъ меня зайти съ нимъ на минуту къ одному его другу, который опасно боленъ.

Когда мы являемся къ этому, будто бы, умирающему господину, слуга намъ заявляетъ, что больному уже лучше, и что онъ всталъ съ постели. Насъ вводятъ въ большой кабинетъ, гдѣ мы застаемъ выздоравливающаго больного, окруженнаго его многочисленнымъ семействомъ, которое состоитъ изъ жены съ безобразнымъ толстымъ лицомъ, рыжаго сына, худенькой, точно деревянной дочери и старой дѣвицы съ крючковатымъ носомъ. Больной довольно равнодушно здоровается съ Юліаномъ и оглядываетъ меня съ явнымъ недоброжелательствомъ. Я зналъ прежде этого господина Жагра и недолюбливалъ его. Я не понималъ симпатій моего брата къ этому вѣчно кислому, недовольному всѣмъ на свѣтѣ человѣку.

Онъ съ нѣкоторой опаской протягиваетъ мнѣ руку, и я догадываюсь, что онъ зналъ о моемъ пребываніи въ Васто. Всѣ члены его семьи тоже очевидно освѣдомлены о моемъ позорѣ и глядятъ на меня болѣе презрительнымъ, нежели сочувствующимъ взглядомъ, очевидно, рѣшая не обращать на меня вниманія. Мой братъ, не замѣтившій ихъ поведенія со мной, спокойно усаживается въ кресло и начинаетъ разговаривать и поздравлять своего друга со скорымъ выздоровленіемъ. Меня продолжаютъ не замѣчать. Одна только хозяйка дома, видя, что я собираюсь сѣсть безъ приглашенія, указываетъ мнѣ рукой на кресло, и потомъ отворачиваетъ съ ужасомъ голову.

Все въ этой семьѣ обличаетъ мелкихъ буржуа, претендующихъ на свѣтскость; они тоже помѣшаны на „бонтонности", какъ моя невѣстка, и очевидно возмущены Юліаномъ за то, что онъ нарушилъ свѣтскія приличія, приведя меня къ нимъ. Жагръ очень уклончиво отвѣчаетъ на любезности моего брата и нетерпѣливо дергаетъ усы; жена его говоритъ отрывистыми фразами, ясно доказывающими, что она сердита на Юліана; она не умѣетъ притворяться и дѣлаетъ довольно прозрачные намеки на безтактность Юліана, который привелъ такого неудобнаго гостя. Когда мой братъ говоритъ о пріятномъ сюрпризѣ, который я ему сдѣлалъ своимъ пріѣздомъ, она довольно рѣзко обрываетъ его:

— Такіе сюрпризы дѣйствительно пріятны, но не слѣдуетъ дѣлать непріятныхъ сюрпризовъ своимъ знакомымъ.

При этомъ она искоса поглядываетъ на меня. Юліанъ краснѣетъ, понявъ ея намекъ. Онъ сначала сердито глядитъ на нее, но потомъ видимо успокоивается, и я увѣренъ, что онъ думаетъ про себя: „Какая она откровенная! на нее и сердиться нельзя. Она оригиналка—но, можетъ быть, дѣйствительно, не слѣдовало приводить Филиппа".

Чтобы умиротворить разсерженную хозяйку, онъ переводитъ разговоръ на ея дочь, Адель, и говоритъ о томъ, какая она красивая и благовоспитанная.

Барышня польщена и пріятно улыбается, но мать ея не сдается на комплиментъ и отвѣчаетъ:

— Вы очень любезны; она еще далека отъ совершенства. Къ сожалѣнію, въ наше время молодой дѣвушкѣ приходится сталкиваться съ самыми неподходящими людьми. Даже въ родительскомъ домѣ она иногда встрѣчаетъ Богъ вѣсть кого!

Презрительные и возмущенные взгляды всей семьи направляются на меня, какъ бы приказывая мнѣ исчезнуть. Видя, что мой братъ собирается подняться и, быть можетъ, устроить скандалъ, навсегда поссориться съ семьей своихъ друзей, я рѣшаюсь самъ разсчитаться съ ними и, во всякомъ случаѣ, убѣдить ихъ въ томъ, что я не боленъ. Собравшись съ духомъ, я говорю невозможную грубость, которая мнѣ самому кажется только нѣсколько неуклюжей, но любезной шуткой:

— Не безпокойтесь, сударыня. На вашу дочь никакая встрѣча не подѣйствуетъ. Вы ее достаточно вышколили, и она будетъ похожа на васъ; ее ничѣмъ не проймешь.

Я самъ въ ужасѣ... Эту шутку выдумалъ Кмогунъ—и хохочетъ теперь изо всѣхъ силъ во мнѣ. Хорошо еще, что я одинъ слышу его смѣхъ. Вся семья смотритъ на меня съ ненавистью, а самъ Жагръ, чтобы выказать свое презрѣніе, обращается къ моему брату и продолжаетъ начатый разговоръ, чтобы доказать, что я для него не существую.

Послѣ пяти минутъ натянутаго холоднаго обмѣна словъ Юліанъ собирается подняться, но мадамъ Жагръ не хочетъ допустить, чтобы онъ ушелъ по собственному желанію. Она нахмуриваетъ лицо и говоритъ глухимъ голосомъ:

— Насъ слишкомъ много въ комнатѣ. Мы утомляемъ моего мужа. Я на минуту ухожу съ дѣтьми... До свиданія, господинъ Вели.

Всѣ поднимаются, но Юліанъ всталъ раньше другихъ; онъ

кланяется, и всѣ пять Жагровъ киваютъ ему головой, какъ автоматы, не подавая руки на прощанье.

На улицѣ Юліанъ хлопаетъ меня по плечу и со смѣхомъ хвалитъ меня за то, что я отчиталъ жену Жагра. Онъ, очевидно, думаетъ, что я это сдѣлалъ нарочно, чтобъ посмѣяться надъ ними. Зачѣмъ мнѣ открывать ему печальную истину? Но я-то самъ знаю, что̀ меня теперь ожидаетъ. Отнынѣ я не смогу очутиться въ обществѣ друзей или просто знакомыхъ, не думая, что они слѣдятъ за мной съ испугомъ и недоброжелательствомъ, ожидая какой-нибудь безумной выходки...

Юліанъ входитъ въ табачную лавочку, чтобы купить сигары, и такъ погружается въ выборъ ихъ, что не обращаетъ на меня вниманія. Вотъ минута, которой я ждалъ. Я тихонько выхожу изъ лавки, иду быстрымъ шагомъ, поворачиваю за уголъ, подзываю коляску—и черезъ три четверти часа я уже сижу за обѣдомъ въ маленькомъ ресторанѣ на Place du Panthéon, около „Hôtel au Perigord“, гдѣ я рѣшилъ переночевать. Сюда мой братъ не явится за мной, а завтра или послѣ завтра, похитивъ Ирену, съ ея согласія или насильно (я это твердо рѣшилъ), взявъ деньги въ банкѣ и сдѣлавъ необходимыя покупки, я разстанусь съ Парижемъ, и какой-нибудь поѣздъ умчитъ насъ въ далекія страны.

II.

Мнѣ не удается, однако, окончательно уединиться до совершенія задуманнаго мною плана. Едва я вышелъ изъ ресторана и усѣлся пить кофе по сосѣдству, въ Café Darcourt, какъ ко мнѣ подходитъ пріятель, который сейчасъ же меня узнаетъ. Это мой старый школьный товарищъ; онъ меня много разъ выручалъ изъ разныхъ непріятныхъ обстоятельствъ, и я никогда не имѣлъ случая отплатить ему какой-нибудь услугой. Я, конечно, очень радъ встрѣчѣ съ нимъ, но боюсь, что при моемъ теперешнемъ состояніи могу сдѣлать какую-нибудь глупость, которая лишитъ меня его дружбы. Мои опасенія подтверждаются... Ему приходитъ въ голову несчастная мысль пригласить меня на слѣдующій день къ завтраку.

Какой ужасъ для меня, преслѣдуемаго мыслью о томъ, что всѣ за мной наблюдаютъ, уличая меня въ сумасшествіи,—очутиться за столомъ въ многочисленной семьѣ, состоящей изъ мужа, жены, тещи, трехъ дѣтей, двухъ кузинъ и стараго дяди! Вѣдь по одной моей манерѣ ѣсть, по малѣйшему движенію, по же-

стамъ, которые я только буду собираться сдѣлать, кто-нибудь сможетъ обо всемъ догадаться. Я не могу принять это приглашеніе. Но я не знаю, подъ какимъ предлогомъ отклонить его, и отвѣчаю нѣсколько рѣзко:

— Нѣтъ, благодарю, завтра невозможно.

— Такъ назначь какой-нибудь другой день.

Я даю самый нелѣпый отвѣтъ:

— Я не могу придти. Я буду вамъ непріятенъ.

И на всѣ доводы моего друга я отвѣчаю только этой одной фразой:

— Я буду вамъ непріятенъ.

Онъ уходитъ, видимо разсерженный,—и у меня остается на душѣ большая тяжесть... Но что же это за несчастіе! Café Darcourt, куда я пошелъ, надѣясь не встрѣтить никого изъ знакомыхъ, сдѣлался почему-то сборнымъ пунктомъ для всѣхъ, кого я зналъ въ дни студенчества.

Вотъ гаитянинъ Ремиліусъ Сентъ-Валь-Антенаксъ, котораго я считалъ навсегда уѣхавшимъ на родину—оказывается, что онъ пріѣхалъ на шесть недѣль въ Парижъ. Онъ очень веселый малый, и старается позабавить меня своими шутками; но въ отвѣтъ на всѣ его любезности и остроты, я только повторяю:—Я очень непріятенъ!

Вотъ докторъ Дюбукé, адвокатъ Грендоржъ, нѣсколько поэтовъ, художниковъ и музыкантовъ, съ которыми я прежде встрѣчался; вотъ даже судья Персиль и бывшій ученикъ нормальной школы Бигріé, ставшій моднымъ проповѣдникомъ. Какъ это священникъ попалъ въ кафé? Не во снѣ ли все это происходитъ?.. Но нѣтъ, это онъ, переодѣтый въ римскаго кардинала. Теперь ихъ цѣлыя сотни въ кафé, и въ залѣ негдѣ повернуться.

Вдругъ запираютъ двери, опускаютъ металлическія сторы и хозяинъ заведенія подаетъ знакъ: съ потолка падаетъ Ирена и начинаетъ танцовать съ вызывающимъ видомъ... Но кто-то схватываетъ меня за плечо и трясетъ меня. Я оглядываюсь и узнаю поэта Поля Нерикса, при содѣйствіи котораго стихи мои появились нѣсколько разъ въ „Revue Rouge"—единственномъ парижскомъ журналѣ, гдѣ меня соглашались печатать. Зала кафé принимаетъ свой обычный видъ; на этотъ разъ я уже не грежу.

— Что это съ вами?—восклицаетъ Нериксъ.—Вы, кажется, спите съ открытыми глазами, какъ сонамбулы, глядя съ печальной улыбкой на бутылку коньяка. Ужъ не начали ли вы курить опіумъ?

Ему-то я могу разсказать мою исторію и, конечно, пользуюсь этимъ случаемъ, стараясь быть краткимъ, чтобы не утомить его.

— Это все прекрасно,—говоритъ онъ, выслушавъ меня до конца.—Но вамъ здѣсь нечего оставаться до закрытія кафе́; не то вы будете пить до потери сознанія, и потомъ не попадете въ отель. Пойдемте лучше ко мнѣ, я живу здѣсь рядомъ. Вы проведете часокъ-другой среди разсудительныхъ людей, и это вамъ будетъ полезно; а потомъ я васъ проведу домой.

Я долго сопротивляюсь, но Нериксъ не слушаетъ моихъ возраженій и почти силой уводитъ меня съ собой; черезъ нѣсколько минутъ я—въ большой свѣтлой комнатѣ, гдѣ незнакомыя, но симпатичныя лица дружески глядятъ на меня. Но вотъ первая непріятность: у матери Нерикса—сильная мигрень. Я рѣшаю какъ можно скорѣе уйти и громко заявляю, что скоро избавлю всѣхъ отъ моего присутствія. Но, къ несчастію, мой другъ начинаетъ говорить о какихъ-то моихъ старыхъ стихахъ и хвалитъ ихъ. Это преисполняетъ меня гордостью; я начинаю воодушевляться, болтать и очень доволенъ собой, несмотря на то, что замѣчаю нѣкоторое удивленіе на лицахъ; ко мнѣ еще очень любезны, но я видимо начинаю надоѣдать, и чувствую, что пора уходить. Я собираюсь подняться, но, къ несчастію, въ это время входитъ господинъ, котораго я принимаю за гостя; я рѣшаю, что не уйду раньше его, чтобы не обидѣть этимъ пришедшаго, и продолжаю сидѣть, видимо удручая всѣхъ своей нелѣпой болтовней. Я самъ отъ этого страдаю, тѣмъ болѣе, что пришедшій послѣ меня господинъ очень милъ и остроуменъ... Но почему онъ не уходитъ? Не могу же я дать ему урокъ вѣжливости, уйдя до него? Это такъ долго длится, что, вспомнивъ о мигрени мадамъ Нериксъ, я собираюсь—изъ состраданія къ ней—быть невѣжливымъ и подняться первымъ. Но въ эту минуту упрямый гость самъ поднимается и, взглянувъ на часы, говоритъ, обращаясь ко мнѣ:

— Простите меня, пожалуйста, но теперь уже очень поздно. Моя мать, какъ вы видите, нездорова... Я даже не скрою отъ васъ, что самъ страшно усталъ и...

Какой ужасъ! Это братъ Нерикса и онъ здѣсь живетъ. Я готовъ провалиться сквозь землю—до того я стыжусь своихъ претензій на свѣтскость, изъ-за которыхъ я такъ гнусно велъ себя. Братъ Нерикса, положительно, еще слишкомъ великодушенъ: я заслужилъ, чтобы меня вытолкали изъ комнаты. Я самъ не помню, какъ я вышелъ на улицу.

Нѣтъ, я уже больше никогда не приду въ гости. Хорошо же

я воспользовался первымъ днемъ свободы! Если такъ будетъ продолжаться, то меня скоро свезутъ въ первый попавшійся сумасшедшій домъ. А я еще собираюсь похитить Ирену. Нѣтъ, это невозможно! Я спрячусь куда-нибудь подальше...

III.

Разбитый отъ усталости, я проспалъ всю ночь, какъ убитый. Только подъ утро меня разбудилъ непріятный кошмаръ: мнѣ приснился Жагръ, съ зелеными искрившимися глазами; онъ гнался за Иреной, укусилъ ее въ ухо и преслѣдовалъ ее своими отвратительными ухаживаніями. Я бросился на него, но мнѣ помѣшала мадамъ Робинѐ, появившаяся въ розовомъ дезабильѐ. Нериксъ въ это время сталъ читать вслухъ какіе-то мои нескромные стихи, и вся моя семья, среди которой я особенно ясно вижу Адріену, гналась за мной, заставляя меня сѣсть на огромный пароходъ, готовившійся отплыть на Антильскіе острова. Почему именно туда? Я предчувствую, что узнàю это въ теченіе дня.

Наконецъ, я просыпаюсь и узнаю комнату отеля... Погода мрачная и зловѣщая. Тяжелыя облака почти касаются крышъ домовъ. Но, несмотря на мою усталость и какое-то внутреннее отчаяніе, я энергично обливаюсь водой, одѣваю новое, купленное вчера платье и выбѣгаю на улицу. „Мой старый Парижъ" точно измѣнился относительно меня и какъ бы дуется или, можетъ быть, предупреждаетъ меня о чемъ-то—не знаю, о несчастіи ли, или о какомъ-нибудь простомъ затрудненіи. Я чувствую себя потеряннымъ и чужимъ среди угрюмой толпы, и вижу что-то роковое въ печальномъ видѣ улицъ, по которымъ прохожу. Очутившись на бульварѣ Инвалидовъ, я отыскиваю № 750. Это—большое зданіе въ новомъ стилѣ, съ какими-то нелѣпыми куполами, и мнѣ непріятно приблизиться къ нему. Сдѣлавъ надъ собой усиліе, я подхожу къ швейцару, одѣтому въ синюю ливрею съ блестящими пуговицами, и разспрашиваю его. Его отвѣтъ оправдываетъ мои зловѣщія предчувствія:

— Мадамъ Летельѐ? Она, дней двѣнадцать тому назадъ, уѣхала съ мужемъ, назначеннымъ губернаторомъ въ Гваделупу...

Чтò же мнѣ теперь дѣлать? Не долго думая, беру коляску и мчусь на извозчикѣ въ контору Compagnie Transatlantique. Тамъ я узнаю, что 25-го числа изъ Польяка отбудетъ пароходъ на Антильскіе острова, въ Венецуэлу и въ Колумбію. Если меня насильно не водворятъ къ Юліану, этотъ пароходъ умчитъ

меня къ моей принцессѣ. Сегодня 22-е. Уѣхавъ вечеромъ, я прибуду въ Бордо за два дня до отплытія парохода. Въ Бордо я буду въ полной безопасности, такъ какъ никто меня тамъ не будетъ искать.

На меня нападаетъ такое дѣтское безпокойство и нетерпѣніе, что я рѣшаю пробыть все время до отхода поѣзда—въ восемь часовъ вечера—по близости орлеанскаго вокзала. Я ѣду туда, и отправляюсь въ ресторанъ по близости отъ вокзала. Мнѣ нужно подкрѣпить силы для новой безсонной ночи—на этотъ разъ въ вагонѣ, и я добросовѣстно ѣмъ все, что мнѣ подаютъ, не думая о качествахъ сервированныхъ мнѣ блюдъ. Но какъ убить время, которое отдѣляетъ меня отъ счастливаго момента, когда я, наконецъ, начну приближаться къ Иренѣ? Еще нѣтъ двѣнадцати часовъ. Выпивъ кофе, я порчу съ полдюжины зубочистокъ, курю папиросы, выпиваю рюмочку отвратительнаго коньяка, дѣлаю трубочки изъ рестораннаго меню, и не знаю, что еще предпринять, чтобы убить время. Но вдругъ въ ресторанѣ появляются два господина, очень хорошо мнѣ знакомые. Они входятъ въ залу осторожными шагами, не замѣтивъ меня среди многочисленной публики, и садятся за столикъ прямо противъ меня; я скрытъ отъ нихъ листьями большого растенія, стоящаго на моемъ столикѣ. Они снимаютъ шляпы, заказываютъ завтракъ лакею, очень долго объясняя ему что-то, и начинаютъ говорить въ полголоса; но акустика залы такова, что я слышу каждое слово.

— Какъ хорошо, что мы уѣхали вмѣстѣ... но каково же будетъ безъ насъ товарищамъ по „клубу"?

— Самое лучшее... абсолютно лучшее, это... блимъ-блумъ... что мы отдѣлались отъ... механика... отъ нашихъ родственниковъ... блимъ-блумъ!

— Теперь мы можемъ основать республику дѣйствительно свободныхъ людей, и будемъ одновременно и президентами, и гражданами.

— Но что это вздумалось Лансье... механика... написать нашимъ семьямъ, что мы... блимъ-блумъ—излечились?

— Насъ держали три года, и старикъ Фруанъ потребовалъ передъ отъѣздомъ, чтобы не увеличивали платы за наше содержаніе. Лансье нашелъ способъ сдержать слово только формально. Онъ не потребовалъ прибавки за наше содержаніе у нашихъ милыхъ родственниковъ, а напротивъ того, избавилъ ихъ отъ всякихъ расходовъ, выпустивъ насъ на волю; онъ, конечно, за-

ручился до того новыми заключенными, которые будутъ платить втрое больше насъ.

— Хорошо придумано—и очень удачно для насъ! Такъ, значитъ, мы... механика... отправляемся въ Чили?

— Эта страна была намъ указана магомъ Орлемъ, который являлся мнѣ въ своемъ астральномъ тѣлѣ.

— Ну, а что же будетъ, когда мы будемъ... абсолютно тамъ?

— Мы обратимся къ какому-нибудь чилійскому адвокату, который черезъ французское консульство вытребуетъ наши капиталы у родственниковъ. Такъ какъ мы уже не психически-больные—Лансье выдалъ намъ свидѣтельство о полномъ выздоровленіи,—то мы имѣемъ право на владѣніе собственностью.

— Скажите, вы чувствуете себя... абсолютно, да... совершенно здоровымъ?

— Конечно, нужно будетъ только нѣсколько слѣдить за собой. А къ тому же, такъ какъ мы устроимъ тамъ лечебницу для душевно-больныхъ, то наши собственныя странности не будутъ никого удивлять. Мы будемъ окружены еще болѣе странными людьми. У насъ будетъ все чудесно устроено. Служителей мы будемъ брать только изъ числа людей, побывавшихъ въ тюрьмѣ, и внушимъ имъ, что главная ихъ обязанность—безпрекословно выносить всѣ побои паціентовъ.

— Вотъ такъ великолѣпіе!—восторженно и слишкомъ громко восклицаетъ Освальдъ-Норбертъ Нижо, мой собратъ и товарищъ по заключенію. Онъ быстро озирается вокругъ себя, чтобы посмотрѣть, не обратилъ ли онъ на себя вниманія своимъ громкимъ возгласомъ. Вдругъ онъ замѣчаетъ меня... весь багровѣетъ въ лицѣ, потомъ блѣднѣетъ и говоритъ что-то на ухо своему товарищу, доктору Маню, лицо котораго искажается испуганной гримасой. Онъ косится въ мою сторону, потомъ оба философа встаютъ и, повернувшись ко мнѣ спиной, садятся за другой столикъ, отдѣленный отъ меня ширмой; но и тамъ они не чувствуютъ себя въ безопасности и мѣняютъ мѣсто еще два раза. Я ясно вижу, что они не вылечились. Я гораздо здоровѣе ихъ.

— Тюр-лю-тю-тю!—напѣваетъ Кмогунъ.—Одинъ только я разсудителенъ!

Я закуриваю новую папиросу, расплачиваюсь и хочу выйти, чтобы долѣе не безпокоить моихъ прежнихъ товарищей. Но у Кмогуна—другія намѣренія; въ то время, какъ я направляюсь къ выходу, онъ заставляетъ меня повернуть въ другую сторону, и я направляюсь прямо къ философамъ, лица которыхъ выражаютъ испугъ. Я все еще дѣлаю видъ, что не замѣчаю ихъ, но Кмо-

гунъ непремѣнно требуетъ, чтобы они были наказаны за попытку избѣжать встрѣчи съ нами. Къ полному моему ужасу, я вдругъ говорю страшнымъ голосомъ Бидома слѣдующія слова:

— Ахъ, вы, бездѣльники, негодяи! Кончайте же скорѣе вашу ѣду, а то не успѣете переварить пищу; ровно въ три часа мы васъ окунемъ въ бассейнъ и поставимъ васъ подъ душъ!

Нѣкоторые изъ сидящихъ за завтракомъ людей смотрятъ на насъ съ удивленіемъ, но сейчасъ же снова принимаются за ѣду. У Нижѳ и Маня испуганные, вытаращенные глаза. Маню скоро, однако, удается подавить свой страхъ, и, состроивъ любезную гримасу, онъ протягиваетъ мнѣ руку.

— А, Вели, какая пріятная встрѣча! Подсаживайтесь къ намъ; только, ради Бога, не пугайте насъ, подражая гнусному Бидому. У меня морозъ по кожѣ пробѣгаетъ.

Нижѳ менѣе привѣтливъ. Онъ сердитъ на меня за то, что я его такъ напугалъ.

— Все такой же скверный характеръ,—бормочетъ онъ.— Напрасно выпустили такого отвратительнаго... блимъ-блумъ... поэта... Вы будете, навѣрное, издавать книги, отвратительная... механика.

Его маленькіе злые глаза загораются или, вѣрнѣе, какъ-то лоснятся, и онъ продолжаетъ горячиться.

— Я-то никогда не буду... печатать глупыя... штуки по три франка пятьдесятъ или дешевле. Идіотство! Пишу стихи для себя, можетъ быть, для Маня и двухъ буфетчицъ изъ „Folies Bergères". Только они трое кое-что понимаютъ. Прекрасные, изысканные стихи. Риѳмы, какъ далекое эхо... Не хочу звонкихъ парнасскихъ риѳмъ. Это—блимъ—точно пинки въ спину. Въ риѳмахъ нѣтъ таинственности. Богатыя риѳмы—механика, какъ говоритъ Бодлэръ. Онъ имѣлъ право (и то имъ не злоупотреблялъ) на богатыя риѳмы—только онъ одинъ. Да, не слишкомъ частые далекіе отзвуки, странные, обаятельные, грустные, нѣжные—вотъ это очаровательно. Не механическіе... не блимъ-блумъ... абсолютно нѣтъ!

Я не могу не признать, что сумасшедшій Нижѳ тысячу разъ правъ въ своей туманной, но понятной мнѣ теоріи поэзіи. Въ первый разъ онъ говоритъ нѣчто разумное. И онъ любитъ Бодлэра,—это, можетъ быть, со временемъ сдѣлаетъ этого кретина сноснымъ человѣкомъ. Вѣдь только своимъ преклоненіемъ передъ Бодлэромъ онъ и былъ мнѣ симпатиченъ въ Васто.

Но Кмогунъ не даетъ мнѣ покоя. Онъ заставляетъ меня

мучить этихъ двухъ больныхъ, которые думаютъ, что они вылечились.

— Я узналъ,—говорю я, обращаясь къ Нижѐ,—что вы ѣдете въ Чили...

— Узн... какъ вы узнали?—бормочетъ Нижѐ.—Вы подслушали нашъ разговоръ?

Лицо его покрывается красными и желтыми пятнами.

— Какая гадость!—восклицаетъ онъ. Слова—это тоже механика. Ихъ, во-первыхъ, трудно произносить—а потомъ ихъ подслушиваютъ другіе (жестокіе „другіе"!). Бѣдные „я"! (и Мань тоже „я", а вы—гнусный „другой")... Насъ вѣдь не болѣе ста-пятидесяти на всемъ земномъ шарѣ, и почему мы не можемъ сообщать другъ другу свои мысли, не произнося ихъ вслухъ... Да и все на этой гнусной землѣ механика... Нужно одѣваться, раздѣваться. Никогда нельзя оставаться въ томъ же состояніи... Какое это идіотство! Хорошо, казалось бы, лежать. Такъ нѣтъ—крахъ—нужно вставать. Всталъ, наконецъ, такъ нѣтъ же,—блимъ-блумъ,—изволь ложиться. Одѣваться, раздѣваться... какая глупая механика! До чего лучше обезьянамъ—онѣ не напяливаютъ на себя платья. Механика—противоположность мысли и благодѣтельнаго спокойствія: ходить, двигать руками, работать, подчиняясь глупости толпы, мучить самихъ себя—какая нелѣпость! Вотъ у счастливыхъ макакъ нѣтъ этой механики, имъ не нужно одѣваться. Прыгнули въ воду, когда вздумалось—и готово. А наша жизнь... всегда приходится работать—даже хотя бы застегивать дурацкія ботинки—какая скука! Когда же, наконецъ, мы попадемъ въ высшій міръ, гдѣ не нужно будетъ ничего дѣлать—будемъ летать въ тепломъ голубомъ воздухѣ, какъ... блимъ-блумъ, механика—какъ птицы—ну, да, конечно, какъ... птицы!

И это говоритъ человѣкъ, родившійся въ Сентъ-Этьенѣ, гдѣ лихорадочная дѣятельность промышленниковъ доходитъ до изступленности! Но, въ сущности, это естественно; онъ „переутомленъ отъ рожденія", какъ говорилъ про себя одинъ мой пріятель, не родившійся въ Сентъ-Этьенѣ. Во всякомъ случаѣ, Нижѐ болѣе откровененъ, чѣмъ я, который не рѣшился бы такъ просто признаться въ своей любви къ лѣни.

Но докторъ Мань прерываетъ его:

— Нижѐ, другъ мой, вы говорите пустяки. Мы отправляемся въ Чили не для того, чтобы превратиться въ макакъ или птицъ, а собираемся устроить грандіозную лечебницу... Объ этомъ мы еще съ вами поговоримъ. Кромѣ того, мы хотимъ обратить тамошнее населеніе въ созданную нами религію.

Докторъ Манъ пускается въ изложеніе какого-то страннаго, выдуманнаго имъ культа и утомляетъ меня и Кмогуна своими теоріями. Кмогунъ, который хотѣлъ, чтобъ я предложилъ двумъ философамъ поѣхать съ ними въ Чили, чтобы напугать ихъ,— хочетъ поскорѣе уйти отсюда.

Мой—или *нашъ*—уходъ очень обрадовалъ будущихъ психіатровъ-миссіонеровъ. Я имъ, очевидно, непріятенъ. Другъ друга они не стѣсняются, потому что они вмѣстѣ уѣхали изъ Васто, и судьбы ихъ соединены; я же своимъ появленіемъ напомнилъ имъ о томъ печальномъ мѣстѣ, откуда они уѣхали. Къ тому же себя они считаютъ болѣе или менѣе здоровыми, а всякій прежній товарищъ кажется имъ вырвавшимся на свободу безумцемъ. Мнѣ придется, повидимому, старательно уклоняться— если Кмогунъ это допуститъ—отъ встрѣчъ съ людьми, знавшими меня, потому что всѣмъ, душевно-больнымъ или здоровымъ, я приношу страданіе и безпокойство. Чтò, если Ирена тоже будетъ бояться меня? Но нѣтъ, она не какъ другіе. Она меня проститъ и излечитъ меня своей любовью,—вѣдь она меня любитъ, несмотря на мое уродство и на глупости, которыя я говорю. Она знаетъ, что, несмотря на мое „преступленіе", совершенное не по моей волѣ,—я люблю ее чистой и нѣжной любовью.

Мнѣ некогда предаваться сладкимъ мечтамъ объ Иренѣ; нужно сдѣлать непріятный визитъ въ банкирскій домъ Кашà и Ноттингельса и взять тамъ всѣ мои деньги и бумаги. Я хочу объѣхать съ моей принцессой весь міръ, пока мы не найдемъ какое-нибудь дивное царство въ какой-нибудь волшебно-голубой странѣ.

Я вхожу въ контору почтеннаго банкира, называю себя и, предъявивъ документы, требую, чтобъ мнѣ выдали все, чтò лежитъ въ банкѣ на мое имя. Корректный ирландецъ, къ которому я обращаюсь съ моимъ требованіемъ, наводитъ справки по разнымъ книгамъ, пишетъ на бумажкѣ маленькій счетъ, открываетъ ящикъ, вынимаетъ оттуда голубые банковые билеты, немного серебра и даже мѣди, и передаетъ мнѣ сумму въ *триста двѣнадцать франковъ сорокъ пять сантимовъ*.

Мое нѣмое бѣшенство и моя растерянность не производятъ никакого впечатлѣнія на ирландскаго финансиста. Онъ съ важностью заявляетъ мнѣ, что потому только выдалъ мнѣ эту сумму, что мой опекунъ, господинъ Рофье́, заявилъ, что я имѣю право взять ее; остальныя же деньги господинъ Рофье́ „положилъ себѣ въ карманъ" и, вѣроятно, помѣстилъ въ другомъ мѣстѣ. Ска-

завъ это, банкиръ затворяетъ окошечко у кассы: мнѣ остается уйти и предаваться моему бѣшенству на улицѣ.

Я отпускаю коляску; „мои средства" не позволяютъ мнѣ теперь разъѣзжать въ колясках, и даже омнибусъ разорителенъ для меня. Чтò мнѣ теперь дѣлать? Предположивъ даже, что у меня хватитъ денегъ на то, чтобы доѣхать до Бордо и купить пароходный билетъ третьяго класса, я пріѣду на Антильскіе острова безъ гроша. Едва ли мнѣ удастся поступить рабочимъ на пароходъ. Придется ѣхать на парусномъ суднѣ, и для этого поѣхать въ Гавръ, гдѣ ихъ множество. Я знаю, что рискую встрѣтить въ Гаврѣ Рофьé, у котораго тамъ дѣла, и навѣрное наговорю ему дерзостей при встрѣчѣ,—но чего мнѣ стѣсняться съ такимъ мошенникомъ! Если его самолюбіе будетъ оскорблено, онъ сможетъ утѣшиться обладаніемъ моего капитала, такъ какъ я не намѣренъ судиться съ нимъ. Я не признаю судовъ.

Я опять отправляюсь на вокзалъ Сенъ-Лазаръ, и черезъ нѣсколько часовъ хожу съ грустнымъ видомъ по набережной въ Гаврѣ, разглядывая готовые къ отплытію корабли. Я еще не теряю надежды. Сегодня слишкомъ поздно для переговоровъ съ кѣмъ-нибудь изъ судовладѣльцевъ или капитановъ, но и завтра еще будетъ разстилаться предо мной зеленая или синяя морская вода, и на ней будутъ стоять большія деревянныя игрушки, которыя возятъ по ней.

IV.

Одиннадцать часовъ утра. Я выхожу отъ судовладѣльца Онезима Бурдона, который направилъ меня къ капитану трехъ-мачтоваго судна, „Августина Бурдонъ", отплывающаго черезъ два дня въ Гваделупу. По пути къ набережной я вижу передъ зданіемъ почты два знакомыхъ мнѣ силуэта, которые медленно направляются мнѣ на встрѣчу... Эльзеаръ и Рауля очевидно не ждутъ такого сюрприза. Кмогунъ не даетъ мнѣ покоя:—Задай имъ какъ слѣдуетъ!—кричитъ онъ. Мнѣ самому хочется послѣдовать его совѣту, глядя на доброе и необычайно честное, искреннее лицо Эльзеара. Меня такъ и тянетъ поколотить его за его безпримѣрное лицемѣріе. У Рауля тоже отвратительное выраженіе святости на лицѣ. Она, очевидно, „благодаритъ небо" за то, что она—такая благородная и добропорядочная... Я иду къ нимъ на встрѣчу, поднявъ палку.

Узнавъ меня, они на секунду отступаютъ—очевидно, если бы

не ихъ благовоспитанность, они принялись бы удирать какъ зайцы. Но они хорошо владѣютъ собой, и такъ привѣтливо мнѣ улыбаются, что я теряюсь; я не знаю, чтò дѣлать съ поднятой палкой, и стучу ею о троттуаръ. Но я не могу сдержать словъ, которыя душàтъ мнѣ горло, и такъ какъ Кмогунъ тоже меня подзадориваетъ, то я говорю—однако скорѣе шутливымъ, чѣмъ угрожающимъ голосомъ:

— Негодяи! мошенники! разбойники! воры! наконецъ-то вы попались мнѣ на глаза...

Они понимаютъ, что можно обратить мои слова въ шутку.

— Почему ты такъ ругаешься?—говоритъ Эльзеаръ ироническимъ тономъ. — Сказалъ бы приличными словами, что сердишься на насъ за то, что мы не пришли еще разъ навѣстить тебя въ Васто. Но мы были такъ заняты, что не имѣли времени... Я очень радъ былъ узнать, что докторъ Лансье отпустилъ тебя... по моей просьбѣ.

Онъ дѣлаетъ жестъ, какъ бы для того, чтобы избѣжать пощечины, которой видимо ждетъ за свою наглость. Но я ошеломленъ его словами, и уже не думаю лѣзть съ нимъ въ драку, а только говорю ему откровенно свое мнѣніе о немъ:

— Да вѣдь ты понятія не имѣешь о томъ, чтò произошло въ Васто, негодяй! Скажи мнѣ, мошенникъ,—зачѣмъ ты ходилъ къ Кашу и Ноттингельсу въ Парижѣ!

— Ты мнѣ за это будешь благодаренъ потомъ,—отвѣчаетъ кузенъ.—Я всѣмъ, всѣмъ рисковалъ,—твоимъ гнѣвомъ, быть можетъ даже твоимъ презрѣніемъ,—чтобы защитить тебя противъ тебя же самого. Я готовъ все вынести отъ тебя за мою истинно братскую услугу.

— И мы не на-адѣемся ни на какую бла-агода-а-рность,—трагически декламируетъ Рауля.—Наша дру-у-жба имѣла въ виду только вашу по-ользу.—Уко-ряйте насъ, если хотите. Прости-и ему, Эльзеаръ!

Они меня прощаютъ! Это настолько дико, что у меня отнимаются руки. Я только бормочу.—Такой наглости я не ожидалъ! вы меня убиваете!

Бросивъ палку на землю, я поворачиваюсь и ухожу въ противоположную сторону; и тогда только Эльзеаръ, потерявъ наконецъ самообладаніе, кричитъ двумъ появившимся полицейскимъ:

— Схватите его! Это—сбѣжавшій сумасшедшій!

Съ этими словами онъ бросается бѣжать, но я бѣгу за нимъ, и онъ прячется отъ меня въ зданіе почты. Я не хочу поднимать скандала въ общественномъ мѣстѣ, потому что тогда меня

засадятъ въ тюрьму, и быстро ухожу. Теперь Эльзеаръ не будетъ преслѣдовать меня. Я озираюсь по временамъ, но не вижу никакой погони. Но я чувствую себя въ безопасности отъ полиціи и отъ родственныхъ заботъ о себѣ только тогда, когда вступаю на бортъ „Августины Бурдонъ“ и спускаюсь по лѣстницѣ въ каюту капитана. Это человѣкъ лѣтъ пятидесяти, сильно загорѣлый, съ огромной рыжей бородой; онъ сидитъ за стаканомъ ароматнаго грога. Увидѣвъ меня, онъ оглядываетъ меня очень сердито и сурово спрашиваетъ:

— Кто вамъ позволилъ ворваться ко мнѣ въ каюту?

— Меня прислалъ г. Бурдонъ.

— Ахъ, чортъ возьми, это дѣло другое. Вы любите крѣпкій?

— Что... крѣпкій?

— Да грогъ, чортъ возьми!

— Да, если позволите—и поменьше сахару.

— Хорошо, я вамъ сейчасъ приготовлю. Садитесь и объясните, чѣмъ я могу вамъ служить.

— Капитанъ, господинъ Бурдонъ сказалъ, что вы согласитесь взять меня съ собой въ качествѣ лоцманскаго ученика.

— Ишь, что вздумали! вѣдь вы слишкомъ стары для этого.

Капитанъ уже далеко не такъ любезенъ, какъ сначала, но все-таки даетъ мнѣ приготовленный стаканъ грога. Я объясняю, что мнѣ тридцать-пять лѣтъ, что я встрѣчалъ сорокалѣтнихъ лоцманскихъ учениковъ, и обѣщаю усердно работать. Капитанъ начинаетъ сдаваться. Онъ спрашиваетъ, какую плату потребовалъ съ меня Бурдонъ.

— Двѣсти франковъ въ виду моего возраста. Молодыхъ онъ беретъ за полцѣны. (Увы, я пріѣду на Гваделупу менѣе, чѣмъ съ сотней франковъ въ карманѣ!)

— Двѣсти франковъ!—это очень дешево. Вѣдь изъ-за васъ мнѣ придется отпустить настоящаго матроса, котораго я уже записалъ, а съ вами будетъ Богъ вѣсть сколько возни. Ну, что же дѣлать! Знайте только, что вамъ придется много работать,— иначе вамъ будетъ плохо. Наказанія у насъ строгія. Хотите еще стаканъ грога? Я требователенъ, но внѣ службы—добрый человѣкъ. Скажите, хотите еще грогу?

— Нѣтъ, благодарю.

— Ну, такъ убирайтесь и явитесь завтра утромъ въ семь часовъ. Купите морскіе сапоги, ваксу, фланелевыя рубахи и одѣяло. Все это принесете сюда, и одѣньте синюю холщевую блузу: это нашъ мундиръ. Вы поможете нагружать овощи.

V.

Я ничего не скажу о нашей первой остановкѣ: я былъ боленъ все время, пока длилась выгрузка. Сегодня утромъ мы прибыли на Мартинику, и я узналъ, что мадамъ Летелье́, жена губернатора Гваделупы—она тоже, бѣдняжка, больна—отправилась лечиться въ Сенъ-Пьеръ. Вотъ почему я еще остался на „Августинѣ Бурдонъ". У меня въ карманѣ всего пять франковъ, потому что я уплатилъ двѣсти франковъ капитану за мѣсяцъ. Мы пробыли въ пути отъ Гавра сюда ровно тридцать дней. Обыкновенно расплачиваются только по возвращеніи домой съ самимъ судовладѣльцемъ. Но я объявилъ капитану, что на меня нельзя положиться, что я могу надѣлать глупостей на берегу, и онъ согласился освободить меня отъ опаснаго металла. Такимъ образомъ я не надую Бурдона,—вѣдь я, конечно, не вернусь на его судно, какъ только смогу спуститься на очаровательный берегъ, который виднѣется издали. Но, къ сожалѣнію, обильная жатва колоній уже использована другими судами, и едва-ли мнѣ здѣсь удастся разбогатѣть, чтобы похитить съ достаточными средствами мою принцессу. И въ то время, какъ капитанъ злится на врача, задержаннаго осмотромъ рыболовныхъ судовъ, на которыхъ свирѣпствуютъ инфекціонныя болѣзни, я вспоминаю подробности моего страннаго плаванія и восторгаюсь вмѣстѣ съ Кмогуномъ невѣроятной красотой пейзажа, зеленыхъ береговъ на фонѣ прозрачнаго голубого воздуха, дивной растительностью, высокими кокосовыми пальмами, прелестью пестраго города, виднѣющагося вдали.

Да, это было странное путешествіе! Я нагружалъ овощи и уголь для повара, чистилъ ручки въ каютахъ, мылъ палубу, взбирался на мачты, причемъ смѣшилъ матросовъ своей трусостью. Я понемногу научился матросскому дѣлу, и только капитанъ все еще не признавалъ моихъ талантовъ. Онъ отчаявался сдѣлать изъ меня настоящаго моряка, и потому поручалъ мнѣ самыя грязныя работы на суднѣ. Но я не могу пожаловаться на обращеніе его со мной. Наградивъ меня разными бранными эпитетами въ сердитыя минуты, онъ потомъ угощалъ меня грогомъ и дружелюбно разговаривалъ со мной. Я сохраню о немъ навсегда хорошее воспоминаніе.

Наконецъ къ намъ является докторъ, осматриваетъ экипажъ, даетъ разрѣшеніе сойти на берегъ. Спускаютъ шлюпки, и на нихъ капитанъ и четыре матроса, въ томъ числѣ и я, прича-

ливаемъ къ берегу и сходимъ на рыночную площадь. Тамъ очень жарко, но не душно; воздухъ наполненъ ароматомъ плодовъ и цвѣтовъ. Посреди площади звонко плещется фонтанъ, и вѣтеръ съ моря колеблетъ зелень высокихъ деревьевъ. Стройныя и томныя женщины, съ ласковыми темными глазами, съ матовымъ смуглымъ цвѣтомъ лица, въ длинныхъ и пестрыхъ одеждахъ, съ яркими тюрбанами на головѣ, расхаживаютъ по рынку, гдѣ грудами выложены зеленые лимоны, красный перецъ, томаты, бананы и всевозможные антильскіе плоды. На другихъ прилавкахъ сверкаютъ на солнцѣ рыбы съ золотистой, серебристой и перламутровой чешуей. Все искрится ослѣпительнымъ свѣтомъ, а вдали, въ золотистомъ голубомъ воздухѣ, виднѣются золотистыя верхушки пальмъ.

Мы закупаемъ мѣшки хлѣба, овощи и плоды, мясо и рыбу, и тащимъ все это на шлюпки, чтобы перевезти на судно. Я изнемогаю отъ усталости и отъ жары, и думаю только о томъ, какъ бы воспользоваться суетой на рынкѣ, чтобы скрыться въ маленькой зеленой улицѣ, между двумя большими деревянными домами съ обвитыми цвѣтами верандами. Къ несчастію, капитанъ не отпускаетъ меня ни на шагъ. Не думаю, чтобы онъ не довѣрялъ мнѣ, но онъ просто въ хорошемъ настроеніи: ему хочется болтать, и онъ почему-то выбралъ именно меня своимъ собесѣдникомъ. Но у меня уже создается новый планъ побѣга, очень легко выполнимый. Нужно только подождать до вечера.

Мы возвращаемся на бортъ, завтракаемъ подъ парусиннымъ шатромъ, что̀ необходимо подъ слишкомъ жгучимъ тропическимъ солнцемъ, и смотримъ, что̀ дѣлается на судахъ, стоящихъ на якорѣ по близости отъ насъ. Теперь хорошо на рейдѣ, откуда открывается волшебный видъ на сосѣдній островъ.

Вскорѣ я узнаю очень радостную для себя новость: такъ какъ въ портѣ Сенъ-Пьеръ нечѣмъ больше поживиться, то „Августина Бурдонъ“ снимется съ якоря завтра утромъ, чтобы отплыть въ Мирагоанъ (Гаити). Я навѣрное найду случай бѣжать сегодня вечеромъ, а завтра, когда я буду бродить подъ тѣнью манговыхъ деревьевъ, экипажъ трехмачтоваго судна будетъ слишкомъ занятъ приготовленіемъ къ отплытію, чтобы искать меня.

Я не ошибся. Поставщики и любопытствующіе спортсмэны разнаго рода, для которыхъ палуба судна—самая удобная арена дѣйствія, не довольствуются днемъ, а готовы до поздней ночи приходить со своими дѣлами на судно.

Во время обѣда, около половины восьмого, до восхода луны,

снова раздается съ берега крикъ, столько разъ повторявшійся въ теченіе дня:

— „Августина Бурдонъ"!.... Го-о!

Какъ я и ожидалъ, никто на этотъ разъ не хочетъ отвѣчать на зовъ; всѣ, отъ матроса и до капитана, заняты ѣдой и не хотятъ ѣхать на берегъ. Къ удивленію капитана, я поднимаюсь съ рѣшительнымъ видомъ и заявляю, что поѣду узнать, въ чемъ дѣло. Меня всѣ считаютъ лѣнтяемъ, и поражены моимъ неожиданнымъ рвеніемъ. Капитанъ даже говоритъ, что не стоитъ выѣзжать на зовъ, потому что навѣрное это какой-нибудь бездѣльникъ, которому просто хочется побывать ночью на рейдѣ.

— А вдругъ онъ зоветъ по какому-нибудь важному дѣлу?— говорю я.—Лучше ужъ поѣду узнать.

Я сажусь на шлюпку и быстро плыву къ берегу, гдѣ вижу стараго, смуглаго господина съ почтеннымъ, добрымъ лицомъ. Онъ привѣтливо улыбается мнѣ при свѣтѣ звѣздъ. Я снимаю передъ нимъ шапку и говорю необыкновенно вѣжливо:

— Могу ли я васъ попросить обождать меня пять минутъ? Капитанъ поручилъ мнѣ пойти купить два литра рома у мадамъ Шамбизъ, противъ зданія береговой стражи.

— Идите, идите, милый мой, но только возвращайтесь скорѣе. Мнѣ нужно видѣть вашего капитана по важному дѣлу,—говоритъ старикъ низкимъ басомъ.

Я быстро прохожу по площади, поднимаюсь вверхъ по зеленой улицѣ... и перестаю думать о довѣрчивомъ старикѣ. Какое счастье—быть свободнымъ и очутиться въ колоніи, гдѣ моя принцесса живетъ для поправленія своего здоровья. Непріятно только, что у меня такъ мало денегъ въ карманѣ, и я не знаю, гдѣ переночевать. Провести ночь подъ открытымъ небомъ нельзя— въ виду множества змѣй, которыя всегда выползаютъ въ свѣтлыя ночи. Поэтому я продолжаю идти, выхожу на большую дорогу и, совершенно разбитый отъ усталости, думаю только о томъ, чтобы попроситься куда-нибудь на ночлегъ. Вскорѣ я вижу привѣтливый съ виду домикъ, крыша котораго утопаетъ въ зелени, и съ низкой галереей, тоже обросшей цвѣтами. Обитатели домика — славные негры, съ открытыми, привѣтливыми лицами— принимаютъ меня какъ товарища. Жители Мартиники, повидимому, очень гостепріимны, и меня радушно угощаютъ кофеемъ съ ромомъ, великолѣпной ухой и овощами. Меня не спрашиваютъ, откуда я и куда я иду, а устроиваютъ удобно на ночь, и я засыпаю въ то время, какъ мои хозяева что-то напѣваютъ въ полголоса и тихо разговариваютъ между собой.

Утромъ меня угощаютъ завтракомъ. Замѣтивъ мой высунувшійся изъ кармана ножъ, хозяинъ принимаетъ таинственный видъ, и что-то говоритъ мнѣ на креольскомъ нарѣчіи. Видя, что я его не понимаю, онъ призываетъ на помощь весь свой запасъ ломаныхъ французскихъ словъ, и произноситъ слѣдующую маленькую рѣчь:

— Ножъ этотъ болтунъ! Говоритъ,—вы удрали съ судна. Но не бѣда:—вы не флотскій—потому жандармы-высокіе сапоги не будутъ ловить васъ. Но денегъ у васъ, конечно, нѣтъ,—я не богатъ, но десять су есть для товарища.

Послѣ нѣкоторой борьбы мнѣ приходится принять пятьдесятъ сантимовъ, и я чувствую глубокую благодарность къ этимъ добрымъ людямъ. Меня заставляютъ выпить глотокъ рома на дорогу, и, пожавъ руку хозяевамъ, я снова отправляюсь въ путь.

Послѣ короткаго колебанія, я рѣшаюсь не идти дальше къ Форъ-де-Франсъ, а вернуться въ Сенъ-Пьеръ. Ирена, навѣрное, здѣсь—зачѣмъ ей было ѣхать дальше, когда здѣсь такъ очаровательно? Я останавливаюсь и гляжу на сверкающее сапфировое море, и въ эту минуту какъ-разъ замѣчаю снимающееся съ якоря судно „Августина Бурдонъ". Ура! я теперь свободенъ и могу вернуться въ Сенъ-Пьеръ, искать тамъ мою принцессу. Я спускаюсь самымъ краткимъ путемъ къ берегу, иду по главнымъ улицамъ съ чистыми деревянными домиками, прохожу мимо театра, мимо церкви, и выхожу за городъ, туда, гдѣ расположены самыя аристократическія виллы. Предо мною лѣсъ кокосовыхъ пальмъ, расположенный на берегу, на который набѣгаютъ голубыя волны съ серебристой пѣной. Вотъ большая вилла, сверкающая своей бѣлизной среди окружающихъ ее кустовъ пышныхъ розъ. Предчувствіе, воспоминанія о томъ, что̀ я видѣлъ во снѣ, говоритъ мнѣ, что Ирена здѣсь, по близости отъ меня...

Люди всевозможнаго цвѣта кожи, отъ смуглаго румянца нормандцевъ до лоснящейся черноты негровъ, ходятъ по галереѣ и въ тѣни зелени, окружающей виллу. Я не рѣшаюсь обратиться ни къ кому изъ нихъ съ вопросомъ, но увѣренъ, что я достигъ цѣли. Я долго стою, спрятавшись въ чащѣ апельсинныхъ деревьевъ, высокихъ, какъ кедры, и уже отчаяваюсь въ томъ, что мнѣ удастся увидѣть сегодня мою принцессу, какъ вдругъ вижу передъ собой Шапителя, бывшаго слугу Рофьѐ, перешедшаго теперь, какъ я узнаю отъ него, на службу къ губернатору Летельѐ.

— Какъ, господинъ Вели! Вы здѣсь — и въ такомъ костюмѣ?

Узнавъ отъ меня о томъ, что̀ произошло, онъ продолжаетъ:

— Такъ, значитъ, Леонардъ изъ Васто былъ правъ, говоря, что вы сильно любите нашу госпожу,—вѣдь путь изъ Парижа сюда не легкій! Но я не могу не сказать вамъ, что у васъ счастье на женщинъ;—вѣдь и жена вашего кузена питала къ вамъ нѣжныя чувства. Я слышалъ, какъ она разъ говорила, оставшись одна: — „Ахъ, Филиппъ Вели! Филиппъ Вели! Ты меня совсѣмъ не любишь, несмотря на всѣ мои жертвы. Ну, такъ я не буду тебя спасать отъ происковъ канальи Эльзеара“.

Мнѣ противно слушать эти разсказы про ненавистную Раулю, и я прерываю Шапителя, прося его сообщить мнѣ о здоровьи Ирены.

— Ей гораздо лучше,—говоритъ онъ.—Все ея сумасшествіе какъ рукой сняло. И теперь она командуетъ своимъ мужемъ. Вначалѣ онъ ругалъ ее разными скверными словами и оскорблялъ ее, но теперь все перемѣнилось; говорятъ, что какая-то старая негритянка дала ей питье, которымъ она околдовала мужа. Теперь онъ очень хорошо съ ней обращается, и она тоже старается не показать виду, что онъ ей противенъ и что ей хотѣлось бы быть подальше отъ него... Но онъ понимаетъ это и худѣетъ отъ горя.

Я вижу, что не добьюсь никакого толка отъ Шапителя, и еще разъ прерываю его.

— Она выходитъ когда-нибудь днемъ?

— Конечно, и теперь скоро выйдетъ. Она всегда въ этотъ часъ, когда съ моря дуетъ свѣжій вѣтерокъ, идетъ гулять по аллеѣ кокосовыхъ пальмъ и манговыхъ деревьевъ, по направленію къ Сенъ-Пьеру.

Я спѣшу поскорѣе отдѣлаться отъ Шапителя, говоря, что долженъ вернуться на бортъ до вечера, потому что собираюсь ѣхать въ Венецуэлу, на золотые пріиски... Потомъ я дѣлаю большой крюкъ и прохожу по другую сторону виллы, на узкую тропинку, гдѣ могу скрыться въ зеленомъ полумракѣ густой тропической зелени. Тамъ меня никто не найдетъ, и я могу слѣдить оттуда за всѣми выходящими изъ ослѣпительно-бѣлой виллы...

Проходятъ часы... или, быть можетъ, невѣроятно долгія минуты... Наконецъ, съ крыльца спускается женщина, которую я узнаю—и въ то же время не узнаю... Сердце мое бьется быстрыми, глухими ударами. Она—въ розовомъ кисейномъ платьѣ и идетъ одна. Она ли это?—конечно, она, но что-то особенное въ ней поражаетъ меня. Она идетъ вдоль берега, потомъ пово-

рачивается въ мою сторону и подходитъ все ближе и ближе... Въ пяти шагахъ отъ моей тропинки она останавливается и долго стоитъ, точно ее притягиваетъ и въ то же время отталкиваетъ темная аллея съ широкой, свѣшивающейся листвой. Я вижу ее, всю залитую свѣтомъ, и жадно гляжу на нее. Но что̀ жъ это значитъ? Боже мой! Издали я сейчасъ же ее узналъ, но, увидѣвъ ее вблизи, я не чувствую той безграничной радости, которой я ожидалъ, которой боялся...

Это—Ирена, и это—не Ирена. Неужели я такъ низко палъ, что могу разлюбить ее потому, что на лицѣ ея—слѣды большихъ страданій? Она все еще прекрасна, но какъ-то по иному, чѣмъ тогда, когда любовь къ ней владѣла всѣмъ моимъ существомъ. Волшебный блескъ ея темныхъ глазъ все тотъ же. Цвѣтъ лица сталъ болѣе блѣднымъ, но зато еще болѣе нѣжнымъ;—она похожа на чайную розу съ легкимъ золотистымъ налетомъ. Губы ея такія же свѣжія, всѣ черты лица сохранили свою чистоту. Все это то же самое, но общая гармонія не та. Въ ней нѣтъ никакихъ замѣтныхъ перемѣнъ,—а между тѣмъ это не та женщина. Хотя въ красотѣ ея нѣтъ ничего болѣзненнаго (напротивъ того, Ирена кажется болѣе сильной, энергичной; въ глазахъ ея появилось незнакомое мнѣ выраженіе гордой воли) и хотя ея красота имѣетъ торжествующій видъ, я все-же чувствую, что она много страдала, и что отъ этого измѣнился весь ея внутренній обликъ. И я знаю, что моя любовь относилась къ той, прежней Иренѣ. Она и теперь обаятельна, но на меня ея обаяніе дѣйствуетъ иначе; я уже не чувствую страсти, которая наполняла меня тревожнымъ и неизъяснимымъ счастьемъ. Нечего обманывать себя—я люблю не эту женщину, а ту Ирену, которая исчезла. Все кончено,—я люблю женщину, которая не существуетъ! У меня не остается даже надежды встрѣтиться съ ней въ иной жизни, потому что теперь измѣнилась ея сущность,—она перестала быть сама собой, и никогда уже не будетъ такой, какъ была... Какой смыслъ имѣетъ теперь мое существованіе?.. Я чувствую не горе, а мрачное равнодушіе къ ней. Ничто болѣе не будетъ меня интересовать. Все кончено!

Я громко смѣюсь, и Ирена, изумленная—ничуть не испуганная,—идетъ прямо къ маленькой тропинкѣ, приподнимаетъ завѣсу вьющихся растеній и замѣчаетъ меня. Это, дѣйствительно, другая женщина. Ничего не осталось отъ пугливой женственности маленькой принцессы. Лицо ея стало энергичнымъ, почти

угрожающимъ; голосъ, еще мягкій, но болѣе внушительный, чѣмъ прежде, грозно звучитъ въ тишинѣ чащи.

— Какая глупая шутка!—говоритъ она.—Вы меня хотѣли, очевидно, напугать? Вамъ это не удалось, но самое ваше намѣреніе гнусно. Убирайтесь сейчасъ же, слышите!

Эти слова зажигаютъ во мнѣ бѣшеный гнѣвъ, который еще болѣе разжигаетъ во мнѣ Кмогунъ. Я чувствую, что онъ тоже взбѣшенъ противъ этой женщины, которая позволяетъ себѣ предстать предъ нами совершенно иною и которая послѣ всего, что произошло въ ту роковую ночь, грубо обращается съ нами. Внѣ себя отъ злобы, *мы* бросаемся на Ирену; я схватываю ее за локти и бросаю ее на траву. Во мнѣ говоритъ уже не любовь, а только дикое желаніе мучить эту обманувшую меня женщину, грубо побить ее,—какъ дикарь наказываетъ за измѣну свою подругу. Возмущаясь самъ своей грубостью, я жестоко бью ее, и тогда происходитъ то, что я смутно предчувствовалъ: она меня узнала и не хочетъ кричать, чтобы не прибѣжали на помощь и не убили меня, какъ дикаго звѣря. Она считаетъ меня своей собственностью въ виду всего, что произошло въ Васто, и защищаетъ меня своимъ молчаніемъ. Мнѣ это еще тѣмъ болѣе обидно, что я думалъ, что я владѣю ею, а не она мною, и потому я наслаждаюсь ея мученіями, ломаю ей руки, кусаю ее, и хочу выхватить ножъ—не для того, чтобы убить ее, а только чтобы слегка поцарапать и наслаждаться ея страхомъ и ея муками... Ирена увидѣла ножъ, глаза ея выражаютъ безконечный ужасъ и нѣжную мольбу. Но что это,—не сошла ли она опять съ ума?.. Она обвиваетъ мнѣ шею рукой и крѣпко цѣлуетъ меня. Я понимаю... она хочетъ этимъ спастись. Мое бѣшенство ростетъ, и я кусаю до крови ея губы...

Но вдругъ весь мой гнѣвъ падаетъ. Настоящая, безграничная жалость охватываетъ, сокрушаетъ меня, и я начинаю рыдать отъ остраго чувства состраданія... Зловѣщій Кмогунъ, страшный призракъ съ „Красной Звѣзды“, съ далекой планеты, гдѣ царитъ ненависть, вылетѣлъ изъ меня, освободилъ меня отъ своего присутствія „навсегда“ (мнѣ кажется, что я на этотъ разъ услышалъ его послѣднія слова явственно для слуха, а не только для внутренняго сознанія).

Исчезъ ли онъ, довольный тѣмъ, что довелъ меня до того, чего хотѣлъ—до величайшей гнусности,—или же я привелъ его въ ужасъ тѣмъ, что совершилъ величайшее преступленіе, отвѣ-

тивъ злобой на поцѣлуй,—преступленіе, быть можетъ, безпримѣрное въ исторіи міровъ?..

VI.

У меня почти нѣтъ силъ писать дальше, признавшись въ самомъ ужасномъ поступкѣ всей моей жизни... Кажется, что я бросился къ Иренѣ съ нѣжными словами и рыданіями... Да, это навѣрное такъ было. Она даже еще разъ поцѣловала меня своими израненными губами, простивъ мнѣ то, чему нѣтъ прощенія.

Но Ирена потеряла сознаніе. Я думалъ, что она умерла. Раздались шаги—на мой крикъ прибѣжали люди. Меня охватилъ снова ужасъ и отчаяніе, и я убѣжалъ, какъ дикій звѣрь.

Чтò произошло послѣ того? Я, кажется, скрывался въ лѣсахъ, среди волшебной листвы, питался странными плодами, спалъ на деревьяхъ... Потомъ меня схватили, когда я вышелъ на морской берегъ... Я помню портъ, домà, городъ... Насколько я помню, меня унесли, какъ обезьяну, пойманную живой, и помѣстили въ маленькую, темную комнату. Я по всей вѣроятности попалъ опять въ какой-нибудь сумасшедшій домъ, потому что часто слышалъ тамъ такіе же крики женщинъ, какъ въ Васто. Сколько времени я тамъ оставался? Какъ мнѣ удалось убѣжать оттуда—не помню. Потомъ я опять очутился на кораблѣ, потомъ—на другихъ, машинально совершалъ всѣ работы, представляя изъ себя скорѣе идіота, чѣмъ сумасшедшаго,—иначе меня не взяли бы. Я, кажется, былъ въ Гвіанѣ, въ Ла-Платѣ, на югѣ Чили, потомъ—въ Вальпарайзо...

Гдѣ-то въ Южной Америкѣ я попалъ, послѣ припадка горячки, сопровождаемой бредомъ, въ образцовую лечебницу для умалишенныхъ и встрѣтилъ тамъ моихъ бывшихъ товарищей, Нижò и Маня. Ихъ изгнали изъ Чили за слишкомъ шумную религіозную пропаганду и помѣстили въ сумасшедшій домъ. Тамъ ихъ считали совершенно безвредными, и они свободно ходили по садамъ и заламъ, благословляя всѣхъ встрѣчныхъ и воображая, что они творятъ чудеса. Они увѣрились, что стали богами, и считали себя освобожденными отъ тѣла, вслѣдствіе чего были крайне неопрятны, но вполнѣ счастливы.

Тамъ же, въ этой южно-американской республикѣ, я узналъ новость, преисполнившую меня глубокаго отчаянія. Мнѣ сообщили, что нѣкій Летельè, бывшій губернаторъ Гваделупы, пере-

мѣнившій административный постъ на дипломатическій, обвиняется въ томъ, что онъ лишилъ свободы свою жену...

Я пробылъ въ образцовой лечебницѣ всего нѣсколько недѣль; послѣ долгихъ наблюденій, врачи заявили, что я боленъ только неизлечимымъ кретинизмомъ, безвреднымъ для всякаго, у кого есть въ рукахъ палка, и меня выпустили на свободу.

Я ушелъ изъ лечебницы утромъ, чтобы отплыть изъ порта въ Маядеросъ. Дорога въ портъ вела по тропическому лѣсу, сверкавшему послѣ недавняго дождя. На одномъ изъ поворотовъ, откуда я съ восторгомъ гляжу на большія деревья, покрытыя розоватыми, нѣжными цвѣтами, и вдыхаю райскіе ароматы, я вдругъ вижу двухъ людей, похожихъ на разбойниковъ или шпіоновъ; они выходятъ изъ рва, въ двухъ шагахъ отъ меня, и несутъ обнаженный и мѣстами покрытый кровью трупъ прекрасной, худой женщины, волосы которой волочатся по землѣ. Какой странный бредъ снова овладѣваетъ мною? Мнѣ кажется, что я знаю этихъ людей, что это—служители той больницы, изъ которой я вышелъ. Они бросаютъ трупъ въ какой-то фургонъ, котораго я еще не замѣтилъ, и прежде чѣмъ я успѣваю очнуться, лошадь мчится галопомъ по дорогѣ, покрытой грязью... Комки грязи обрызгиваютъ зловѣщій фургонъ... и все исчезаетъ.

Я лежу много часовъ, не трогаясь съ мѣста, въ припадкѣ дикаго отчаянія, потому что когда тѣло проносили мимо меня и когда я, въ остолбенѣніи, не могъ пошевелиться, я узналъ, несмотря на грязь, покрывавшую волосы, несмотря на страшное исхуданіе... нѣкогда столь любимый образъ Ирены, моей принцессы...

Я не знаю, какъ я вернулся во Францію. Я снова увидѣлся съ братомъ, но, несмотря на всѣ его доводы, настоялъ на томъ, чтобы меня снова водворили въ Васто, откуда я никогда больше не уѣду. Эти большія бѣлыя зданія и тѣнистые сады навсегда священны для меня воспоминаніемъ о любимой Иренѣ прежнихъ временъ. Теперь она приняла свой прежній образъ и часто является мнѣ въ ореолѣ солнечныхъ лучей и нѣжнаго розоваго свѣта, такою, какою она улыбалась мнѣ, стоя у окна, гдѣ я ее увидалъ въ первый разъ.

Леонардъ попросилъ, чтобъ его по прежнему сдѣлали моимъ служителемъ. Онъ снова почувствовалъ ко мнѣ уваженіе, особенно когда онъ узналъ о причинѣ моего побѣга. Я не разсказалъ ему конца моихъ приключеній.

У него теперь есть великолѣпная свѣтло-лиловая шляпа —

подарокъ молодого пансіонера, родомъ изъ Либеріи. И Леонардъ уже не довольствуется бензиномъ для чистки этой шляпы; онъ началъ учиться писать акварелью у одного изъ больныхъ, получившаго когда-то медаль за свои работы,—и все это только для того, чтобы, въ случаѣ надобности, возстановить свѣжесть своей великолѣпной шляпы—уже при помощи кисти.

Я не засталъ больше мадамъ Робинè; она вышла замужъ за учителя... Жалѣю учениковъ ея мужа!

Съ франц. З. В.

КВАНТУНЪ

и

ЕГО ПРОШЛОЕ

1894—1899 г.

По личнымъ воспоминаніямъ.

I.

Ляодунскій полуостровъ, какъ извѣстно, составляетъ юго-западную оконечность Манджуріи. Омывается онъ Ляодунскимъ и Корейскимъ заливами Желтаго моря. Самая узкая конечная часть этого полуострова называется Гуань-Дунъ, или, въ передѣлкѣ на европейскіе языки, Квантунъ. По срединѣ этого Квантунскаго полуострова тянутся продольныя, довольно возвышенныя горы, полого спускающіяся къ берегамъ Ляодунскаго и Корейскаго заливовъ. Наибольшая высота этого горнаго кряжа достигаетъ до 2.300 фут. надъ уровнемъ моря, и онъ на югѣ заканчивается холмомъ, высотой въ 1.500 фут., отъ котораго глубоко въ море выдвинулся мысъ Ляотэ-Шань [1]).

По обѣ стороны Квантунскаго полуострова имѣются бухты, болѣе или менѣе пригодныя для стоянки судовъ. Самыя большія изъ нихъ—это въ Корейскомъ заливѣ бухта Таліенванская, или, по-китайски, Даляньваньская, и бухта Портъ-Артурская вблизи

---

[1]) Подъ защитой этого массива японская эскадра и обстрѣливала нынѣ Портъ-Артуръ.

мыса Ляотэ-Шань, закрытая возвышенными холмами и съ очень узкимъ въ нее проходомъ (150 саженъ).

Кромѣ этихъ бухтъ давно уже были извѣстны европейцамъ и другія. Напримѣръ, бухта „Луиза“, „Голубиная“, или „Pigeon-bay“, бухта „Société-bay“, сѣвернѣе ея бухта Портъ-Адамсъ, а въ южной части Таліенванской бухты еще бухта подъ названіемъ „Victoria-bay“.

Англичане, прибывшіе впервые въ эту послѣднюю бухту, и не подозрѣвали тогда, что въ началѣ XX-го вѣка будетъ заложено въ этой „лужицѣ“ основаніе всемірному городу на Тихомъ океанѣ.

Воды, омывающія берега Квантуна, изобилуютъ рыбой, и рыбный промыселъ служитъ хорошимъ подспорьемъ мѣстнымъ жителямъ. Поверхность Квантуна безлѣсна, кое-гдѣ попадаются небольшія рощицы.

Населеніе Квантуна состояло вначалѣ главнымъ образомъ изъ особаго рода военнаго сословія, подобнаго нашимъ окраиннымъ казакамъ. Владѣніе землей у нихъ было на правахъ вѣчнаго пользованія, но не на правѣ собственности.

Повсюду залегаетъ мощный слой красноватаго лёсса, откуда и получилось названіе Гуань-Дунъ, т.-е. красная земля. И дѣйствительно, общій тонъ мѣстности красноватый.

Но, несмотря на неблагопріятную почву, усердіе китайскаго землепашца при помощи грядовой обработки и удобренія полей вознаграждается сносными урожаями. Бобы, майза, огородные овощи при влажномъ лѣтѣ и почти тропическомъ солнцѣ, произрастаютъ здѣсь успѣшно, а индійское просо, или гаолянъ, кромѣ зерна, даетъ еще матеріалъ, подобно нашему камышу, для топки и построечныхъ сооруженій. Скотъ здѣсь почти не разводится: вмѣсто лошадей—мулы и ослы. Кормовыхъ травъ также почти не встрѣчается, а кормомъ для животныхъ служатъ бобовые жмыхи. Свиньи и домашняя птица усердно разводятся жителями, а рыболовство, какъ мы сказали выше, служитъ населенію немалымъ подспорьемъ въ земледѣльческомъ хозяйствѣ.

Кромѣ коренного населенія, на Квантунъ переселилось значительное количество китайцевъ изъ сосѣдней густо населенной провинціи Чифу, съ которой квантунцы имѣли постоянныя сношенія, сбывая туда продукты земледѣлія и получая оттуда разные товары иностранной фабрикаціи и предметы домашняго обихода.

Каково количество населенія было въ то время, мы сказать не можемъ, за неимѣніемъ свѣдѣній, но думаемъ, что особой скученности здѣсь не было. Населеніе и теперь разбросано привольно, простору больше, чѣмъ въ остальной части южной Манджуріи.

Изъ большихъ городовъ въ сѣверной части Квантуна—городъ Кинджоу, мѣстечко Даляньвань, а до 1883 года было на югѣ еще крупное рыбное мѣстечко Люй-Шунь-Коу, въ бухтѣ около мыса Ляотэ-Шань, гдѣ собирались на зимовку и исправлялись рыбачьи суда. Но въ 1883 году китайское правительство обратило вниманіе на эту бухту и рѣшило устроить здѣсь портъ для военныхъ судовъ своей сѣверной эскадры. Въ 1884 году были приглашены туда французскіе инженеры, которые и принялись за устройство порта.

Бухта эта имѣетъ въ длину двѣ версты и въ ширину полторы версты, но бо̀льшая часть ея въ западной части мелка и во время отливовъ, которые здѣсь громадны, обсыхаетъ. Инженеры углубили восточную часть, защищенную отъ моря большой горой, получившей почему-то названіе Золотой-Горы, и въ этомъ бассейнѣ соорудили большія портовыя мастерскія, одинъ докъ для судовъ крупнаго калибра и докъ маленькій для миноносцевъ. На вершинахъ окружающихъ бухту горъ возникли форты и другія крѣпостныя сооруженія. Телеграфная проволока соединила этотъ портъ черезъ города Нью-чжуань и Шанхай-Гуань съ Тянь-Дзиномъ и Пекиномъ. И мало извѣстная до тѣхъ поръ деревушка Люй-Шунь-Коу превратилась въ укрѣпленный военный портъ, которому и дали названіе Портъ-Артуръ, по имени, какъ говорятъ, главнаго французскаго инженера, подъ руководствомъ котораго здѣсь все и сооружалось.

Такимъ образомъ, сѣверная китайская эскадра получила небольшую, но удобную военную гавань для отстаиванія и ремонта военныхъ судовъ. Но недолго пришлось пекинскому правительству пользоваться своей новинкой. По сосѣдству, на островахъ, выросъ и скоро возмужалъ предпріимчивый сосѣдъ, который и обратилъ свое вниманіе на материкъ. Съ первыми лучами „Восходящаго Солнца" нагрянулъ онъ на западный берегъ Квантуна и почти безъ сопротивленія, въ 1894 году, занялъ Портъ-Артуръ.

Съ окончаніемъ японско-китайской войны, Портъ-Артуръ по Симоносекскому договору долженъ былъ перейти къ японцамъ. Для нихъ этотъ городъ имѣлъ громадное стратегическое значеніе, такъ какъ въ планахъ японскаго правительства царила мысль завладѣть въ недалекомъ будущемъ и Кореей.

Но европейскія державы усомнились: имъ показалось, что Японія еще слишкомъ молода для захвата такихъ кусковъ; довольно, пока, съ нея и того, что ее приняли въ общую семью культурныхъ націй. Россія, Германія и Франція протестовали

противъ Симоносекскаго договора. Японія должна была оставить Портъ-Артуръ и удовлетвориться о. Формозой.

Качества Портъ-Артурской бухты превозносились тогда на всѣ лады, а главное—у всѣхъ составилось убѣжденіе, что бухта эта *не замерзаетъ*. Многимъ было желательно получить ее. Послѣ цѣлаго ряда дипломатическихъ переговоровъ и состязаній было признано, что Портѣ-Артуръ по справедливости долженъ перейти къ Россіи, которая давно стремится къ выходу въ теплое море, давно нуждается въ незамерзающемъ портѣ на Тихомъ океанѣ. Изъ обширной береговой территоріи Китая нашелся кусокъ для Германіи [1]), клочокъ для Франціи, Вэй-хай-вей заняла Англія, а Портъ-Артуръ достался Россіи, которая въ то время уже начала вести Китайско-Восточную желѣзную дорогу черезъ сѣверную Манчжурію въ направленіи на Владивостокъ, портъ превосходный, но замерзающій на три мѣсяца.

До того времени русская тихоокеанская эскадра принуждена была пользоваться для зимнихъ стоянокъ чужими гаванями, главнымъ образомъ Нагасакской бухтой, что являлось не совсѣмъ удобнымъ въ виду задуманнаго усиленія тихоокеанскаго флота.

Въ 1897 году, осенью, русская эскадра заняла покинутый японцами Портъ-Артуръ, а 15-го марта 1898 г. представители русскаго и китайскаго правительствъ въ Пекинѣ подписали договоръ объ отдачѣ въ аренду на двадцать-пять лѣтъ Россіи не только Портъ-Артура, но и всего Квантунскаго полуострова.

Тогда явилась потребность соединить Портъ-Артуръ съ магистралью желѣзной дороги, проводимой по сѣверной Манчжуріи, а потому тогда же китайское правительство заключило съ Обществомъ Китайско-Восточной желѣзной дороги дополнительный договоръ на проведеніе по южной Манчжуріи новой вѣтви, соединяющей г. Харбинъ съ Портъ-Артуромъ.

Такимъ образомъ, въ теченіе 14-лѣтняго существованія Портъ-Артура на вершинѣ Золотой-Горы перемѣнилось три флага. „Драконъ“ уступилъ „Восходящему Солнцу“, а на смѣну послѣднему взвился Андреевскій флагъ съ двуглавымъ орломъ.

Портовыя сооруженія французскихъ инженеровъ оказались хороши; пришлось только расширить кое-что, да устроить еще одинъ большой докъ въ томъ же восточномъ бассейнѣ, но только на противоположномъ его берегу. Китайскія постройки въ городѣ были приспособлены для европейскаго жилья на время, до бу-

[1]) Въ чудной бухтѣ Кяо-Чао, никогда не замерзающей, нѣмцы выстроили городъ-игрушку, подъ названіемъ Цинтау, и когда будетъ окончена желѣзная дорога, соединяющая его съ магистралью Пекинъ—Ханькоу, Цинтау получитъ громадное значеніе.

дущей перестройки города. Принялись тотчасъ энергично за укрѣпленія и за углубленіе западной части бухты. Внѣшній же рейдъ представлялъ собою обширную, окаймленную съ двухъ сторонъ горами стоянку, шириною въ отверстіи до 12 верстъ. Все это пространство находится подъ прикрытіемъ крупныхъ береговыхъ батарей.

Отпущены были крупныя суммы, и закипѣла энергичная работа для созданія на Желтомъ морѣ крѣпости.

Прошелъ годъ, и явилось какъ бы нѣкоторое разочарованіе. Стали ходить слухи, что бухту углубить нельзя: дно скалистое, а безъ углубленія она слишкомъ мелка. Внѣшнимъ рейдомъ, оказалось, не всегда можно пользоваться, такъ какъ онъ очень бурный. Сдѣлать Портъ-Артуръ въ одно время и коммерческимъ портомъ, говорили, нельзя по недостатку какъ береговыхъ мѣстъ, такъ и по тѣснотѣ бухты. А въ заключеніе—совсѣмъ неожиданность,—бухта, которую всѣ считали незамерзающей, самымъ предательскимъ образомъ замерзла въ тотъ годъ, чуть не на такой же срокъ, какъ и Владивостокская.

Но изъ всѣхъ перечисленныхъ недостатковъ порта только одинъ былъ несомнѣненъ—это возможность замерзанія бухты. Остальнымъ же препятствіямъ мало вѣрили, и принялись энергично за дѣло.

Въ то время и во главѣ нашего министерства финансовъ стояло лицо, тоже не признававшее препятствій для достиженія намѣченной цѣли. С. Ю. Витте преслѣдовалъ, надобно думать, безкровное завоеваніе на Востокѣ. Для него коммерческій портъ, который получилъ бы міровое значеніе на Тихомъ океанѣ, былъ важнѣе грознаго военнаго порта. Онъ, вѣроятно, надѣялся завоевать рынокъ Востока не пушками и броненосцами, а устройствомъ грандіозной гавани, куда должны были собраться флаги всѣхъ націй. Замѣна же долгаго и неудобнаго морского сообщенія Европы съ Востокомъ быстрымъ и удобнымъ рельсовымъ путемъ должна была совершить цѣлый переворотъ въ международныхъ сношеніяхъ. Предоставивъ Портъ-Артуру грозить Тихому океану, предполагалось найти другую, настоящую теплую бухту, откуда можно будетъ мирнымъ путемъ завоевать Востокъ, и исполнителемъ такого замысла явился инженеръ Кербедзъ: въ 60 верстахъ отъ Портъ-Артура, немного къ сѣверу, въ Корейскомъ заливѣ, въ южномъ углу Таліенванской бухты нашлось именно такое мѣсто. „Victoria-bay“, которую не на всякой картѣ можно отыскать, и оказалась такимъ желаннымъ пунктомъ—съ никогда не замерзающей бухтой. Это и будетъ—городъ Дальній.

Между тѣмъ настойчивость, энергичное новое разслѣдованіе

мѣстныхъ условій и упорная вѣра въ будущее Портъ-Артура сдѣлали свое дѣло. Сухопутнаго пространства оказалось вполнѣ достаточно не только для военно-морскихъ надобностей, но и нашлась площадь въ сторонѣ для сооруженія торговаго города, какъ для европейскаго, такъ и для китайскаго населенія. Планировка мѣстности не потребовала особенныхъ затратъ. Бухта въ западной части совершенно неожиданно оказалась доступной вычерпыванію. Поставленныя землечерпалки успѣшно заработали, и къ 1905 г. вся бухта должна была быть вычерпана до надлежащей глубины. Береговая полоса по западному бассейну, гдѣ отведено мѣсто для торговаго города, представляетъ прекрасную спокойную гавань, и, кромѣ того, нашелся другой выходъ изъ этой бухты въ открытое море: стóитъ только провести каналъ въ нѣсколько верстъ. Тогда торговый городъ можетъ имѣть особый выходъ въ море, а проходъ между Золотой-Горой и Тигровымъ-Хвостомъ останется исключительно для военныхъ судовъ [1]).

Событія 1900 года на время затормазили работы, но затѣмъ все снова закипѣло, несмотря на недостаточность отпущенныхъ средствъ. Въ виду того, что милліоны понадобились на новое предпріятіе въ бухтѣ „Victoria-bay“, Портъ-Артуру отпускали деньги только на портовыя и крѣпостныя сооруженія.

На очистку бухты можно было поставить лишь четыре черпалки, а проведеніе канала отложено было до болѣе благопріятнаго, въ денежномъ отношеніи, времени. А также, и въ виду сильныхъ надеждъ на успѣхъ города Дальняго въ бухтѣ „Victoria-bay“, считали естественнымъ не тратиться на созданіе торговаго города въ Портъ-Артурской бухтѣ.

И вотъ, пришлось изыскивать средства портъ-артурскимъ дѣятелямъ, чтобы съ незначительными суммами достигнуть своей цѣли и подъ защитой сильной крѣпости мало-по-малу начать создавать особый торговый уголокъ.

Въ теченіе трехъ лѣтъ совершался какъ бы спортъ, кто кого пересилитъ. И въ то время, когда выполнялись грандіозныя работы по сооруженію великаго въ будущемъ г. Дальняго, портартурцы понемногу планировали площади подъ поселенія, содѣйствовали временному устройству хлынувшему въ Портъ-Артуръ населенію, кое-какъ устроивали причалъ торговымъ судамъ и т. п.

Въ то время, когда въ бухтѣ „Victoria-bay“, какъ нѣкоторые

---

[1]) Даже замерзаніе бухты не особенно огорчало. Если Владивостокъ при одномъ небольшомъ ледоколѣ въ настоящее время остается доступнымъ всю зиму для торговыхъ судовъ, то Портъ-Артуръ находится еще въ лучшихъ условіяхъ. У него зима менѣе продолжительна и морозы слабѣе.

говорили, „раскупоривали каждый новый милліонъ на созиданіе будущаго порта", въ Портъ-Артурѣ устроители города скромно, „за стаканомъ чая, обсуждали, гдѣ бы достать, откуда бы урвать новый десятокъ тысячъ на неотложныя нужды".

Городъ Дальній еще былъ только въ проектѣ, а уже былъ изданъ раскрашенный и съ описаніями на двухъ языкахъ планъ его, а въ Портъ-Артурѣ городское управленіе въ концѣ 1903 г., когда уже городъ почти былъ выстроенъ, не могло выдѣлить изъ своихъ скудныхъ средствъ на отпечатаніе самаго простого плана города.

Городъ Дальній, какъ видно, былъ любимымъ дѣтищемъ, а Портъ-Артуръ казался пасынкомъ, притомъ—появившимся какъ бы противъ желанія своихъ родителей.

Но публика, торгово-промышленный классъ, несмотря на всѣ авансы и обѣщанія въ будущемъ выгодъ со стороны Дальняго, какъ-то потянулась больше въ Портъ-Артуру, а не къ Дальнему.

„Если бы,—говорили намъ портъ-артурцы,—намъ отпустили половину того, что̀ затрачено на г. Дальній, то теперь былъ бы уже совершенно устроенъ городъ и гавань съ собственнымъ для торговыхъ судовъ выходомъ въ море". Этимъ словамъ мы охотно вѣримъ.

Перейдемъ теперь къ описанію созиданія и устройства Портъ-Артура, какъ города гражданскаго и коммерческаго. Основаніемъ къ этому описанію служатъ наши собственныя наблюденія, свѣдѣнія, собранныя отъ лицъ, близко стоявшихъ къ дѣлу, и бывшіе въ нашемъ распоряженіи оффиціальные документы. Мы будемъ говорить лишь о гражданскомъ городѣ. Что же касается Портъ-Артура, какъ военно-морского порта, его укрѣпленій и стратегическаго его значенія, то это не входитъ въ задачу нашей статьи. По отзыву же людей компетентныхъ, Портъ-Артуръ настолько укрѣпленъ съ моря и съ суши, что его можно считать неприступнымъ.

Портъ-Артуръ въ настоящее время состоитъ изъ трехъ частей: 1) старый городъ, выстроенный еще китайцами; 2) новый европейскій, и 3) новый китайскій городъ.

Старый городъ расположенъ вокругъ восточнаго бассейна бухты, гдѣ сгруппированы всѣ портовыя сооруженія. Это сохранившійся китайскій городъ, съ узкими, грязными улицами, неуклюжими низенькими каменными домами, крытыми черепицей. Вблизи самаго порта имѣются нѣсколько построекъ причудливо-китайскаго стиля съ воротами, террасами, двориками и т. п.

Это—помѣщенія бывшихъ властей, учрежденій, храмовъ и кумиренъ.

Всѣ же остальныя постройки, кольцомъ обхватывающія небольшой холмъ,—обыкновеннаго китайскаго типа полутемныя фанзы. Вдали за этимъ поселеніемъ, на другомъ холмѣ высится полуразрушенное укрѣпленіе, такъ называемая „импань". Здѣсь была резеденція китайскаго коменданта, а за ней,—огражденное стѣной и рвомъ,—тоже военное поселеніе, китайскій арсеналъ. За восточнымъ бассейномъ находится большая котловина, наполненная прѣсной водой,—она и называется Прѣснымъ озеромъ. До сихъ поръ это озеро служитъ запаснымъ резервуаромъ для наполненія водою судовыхъ котловъ, хотя невзыскательные китайцы берутъ съ этого озера воду и для питья.

Русскимъ, занявшимъ Портъ-Артуръ, пришлось приспособлять существующія фанзы для своего жилья. Началась чистка, передѣлка, настилка половъ и потолковъ, увеличеніе оконъ и т. п. При помощи разныхъ ухищреній и кое-какой обстановки фанзы превращались въ жилье нѣсколько сносное, но наружный видъ этихъ жилищъ оставался неважный.

Такъ какъ весь старый городъ рѣшено было сломать и застроить его площадь по совершенно другому плану, то новыхъ построекъ здѣсь не разрѣшали возводить, за исключеніемъ единичныхъ случаевъ. А потому жителямъ, кромѣ непривлядности и тѣсноты помѣщеній, приходилось еще подвергаться и стѣсненію. Народъ все прибывалъ и прибывалъ сюда.

Кромѣ военнаго населенія, въ Портъ-Артуръ сразу хлынули купцы, подрядчики, разные промышленники и ремесленники. Открылись конторы, магазины, рестораны, гостинницы, кафе-шантаны и другія увеселительныя заведенія. Жизнь закипѣла ключомъ; торгово-промышленный классъ не успѣвалъ удовлетворять потребностямъ населенія. Крупныя портовыя сооруженія, военно-инженерныя постройки потребовали массу рабочихъ рукъ и огромное количество строительныхъ матеріаловъ.

На какихъ условіяхъ выселили туземныхъ владѣльцевъ этихъ фанзъ, мы затрудняемся сказать, такъ какъ разсказы объ этомъ—самые разнорѣчивые. Несомнѣнно, многіе жители удалились изъ города въ деревни или въ г. Чифу, а оставшіеся какимъ-то образомъ уступили свои домашніе очаги русскому населенію.

Занявъ для военныхъ и административныхъ надобностей извѣстное количество построекъ, преимущественно поближе къ порту, администрація предоставила право нахлынувшему въ городъ люду устроиваться въ остальныхъ фанзахъ по своему усмо-

трѣнію. Вообще, этотъ періодъ экспропріаціи жилищъ не сохранилъ точныхъ указаній или какихъ-либо документовъ, какъ все это произошло. Были ли отчужденія, были ли договорныя условія или другія какія-либо права, мы точно не могли выяснить даже отъ старожиловъ, піонеровъ Портъ-Артура.

Надо было гдѣ-нибудь поселиться, надо было гдѣ-нибудь приткнуться, и каждый старался устроиться сообразно своей „энергіи и сообразительности“.

Вскорѣ первые жители почувствовали себя господами положенія и владѣльцами занятыхъ ими помѣщеній. Сдѣлавъ перестройки, передѣлки, они начали отдавать помѣщенія внаймы вновь прибывающимъ. Такъ какъ мѣста было мало, а прибывающихъ достаточно, то арендная плата поднялась до баснословныхъ размѣровъ. Въ тѣсныхъ дворикахъ нагромоздили каютокъ, какихъ-то курятниковъ, будочекъ, и все это расхватывалось по высокой цѣнѣ. Десятки тысячъ рабочихъ китайцевъ поселилось въ шалашахъ вблизи мѣста своихъ работъ.

Все это продолжалось недолго. Разработали планъ устройства поселеній въ цѣломъ районѣ; началось распредѣленіе и отводъ участковъ для морскихъ, инженерныхъ и военныхъ надобностей. Удовлетворивъ эти нужды въ первую голову, начали отводить площади для поселеній гражданскихъ.

Затѣмъ образовалось городское управленіе на особыхъ началахъ, которое и принялось за приведеніе въ порядокъ занятаго европейцами стараго китайскаго города. Работы было по горло. Надо было очистить грязь, шоссировать и вымостить на скорую руку непроходимыя до того времени улицы, поставить коекакое освѣщеніе и обезпечить населеніе здоровой водой, недостатокъ которой сильно ощущался. Масса колодцевъ—оказалось—загрязненныхъ, заваленныхъ трупами и т. п.

А городъ все росъ и росъ. Наплывъ въ него не прекращался, и эксплоатація жилыми помѣщеніями дошла до безобразія. Пришлось на это обратить вниманіе начальству.

Въ 1901 году жизнь въ Портъ-Артурѣ приняла уже значительные размѣры, и явилась настоятельная потребность въ организаціи городского благоустройства и въ правильномъ городскомъ хозяйствѣ.

15 сентября 19[illegible] главный начальникъ Квантунской области, вице-адмиралъ Алексѣевъ [1]), утвердилъ временныя правила о городскомъ управленіи Портъ-Артура. Въ силу этихъ правилъ

[1]) Нынѣ намѣстникъ края и генералъ-адъютантъ.

образовался портъ-артурскій городской совѣтъ, состоящій изъ предсѣдателя и представителей отъ военнаго, морского вѣдомства, министерства финансовъ, Общества Китайско-Восточной желѣзной дороги, городского врача и полиціймейстера; кромѣ того, отъ трехъ до шести обывателей города, какъ членовъ совѣта.

Перечисленныя выше должностныя лица назначаются въ составѣ совѣта начальникомъ области, безъ указанія срока, а въ члены изъ обывателей выбираются совѣтомъ изъ общественныхъ дѣльцовъ, которые и утверждаются начальникомъ области на одинъ годъ, причемъ къ нимъ еще назначаются три кандидата.

Городскому совѣту принадлежитъ общая распорядительная власть по городскому управленію, надзоръ за исполнительными ѳрганами и рѣшеніе дѣлъ, примѣнительно къ ст. ст. 62 и 63 Город. Полож. Кругъ дѣятельности ограничивается предѣлами городского поселенія и отведенныхъ городу земель.

Засѣданія совѣта назначаются предсѣдателемъ по мѣрѣ надобности. Для законнаго состава совѣта требуется не менѣе двухъ третей общаго числа членовъ.

Члены совѣта несутъ свои обязанности безвозмездно, а предсѣдателю совѣта положено жалованье 5.000 руб., помощнику его—3.000 руб., городскому секретарю и казначею—по 2.400 р. въ годъ каждому. Причемъ всѣмъ имъ полагается готовая отъ города квартира съ отопленіемъ.

Большинство постановленій городского совѣта представляется на утвержденіе главному начальнику области.

Городскому совѣту предоставлено право издавать для жителей обязательныя постановленія по предметамъ, указаннымъ въ ст. 108 Город. Полож., и всѣ эти постановленія также требуютъ утвержденія главнаго начальника области.

Исполнительную часть городского управленія составляетъ предсѣдатель совѣта съ состоящими при немъ исполнительными ѳрганами. На обязанности его лежитъ веденіе городского хозяйства, текущихъ дѣлъ, исполненіе постановленій совѣта и всѣ прочія распорядительныя функціи по городскому управленію. Таково городское управленіе, учрежденное на отдаленномъ отъ предѣловъ имперіи Квантунѣ.

Изъ состава городского совѣта семь человѣкъ—чины военно-гражданскаго вѣдомства и только пока три частныхъ обывателя. Предсѣдатель совѣта—обязательно военное лицо.

Вотъ этому городскому управленію и были выдѣлены изъ общей территоріи Портъ-Артура площади для городскихъ поселеній и прочихъ нуждъ городского устройства. Ему предостав-

лено право эксплоатировать площади отдачей въ аренду, а на пространствѣ, назначенномъ для постройки европейскаго города, продавать городскіе участки частнымъ лицамъ.

Здѣсь мы должны сдѣлать маленькое поясненіе, какимъ образомъ городскому управленію предоставлено право продажи городскихъ участковъ, когда весь Квантунъ не составляетъ собственности русскаго государства, а находится лишь въ арендѣ. Арендный договоръ съ Китаемъ предоставляетъ право Россіи возводить на Квантунѣ не только военные порты, но и торговые города. Для успѣшнаго же заселенія и долговѣчности торговыхъ пунктовъ разрѣшено нашему правительству продавать городскіе участки частнымъ лицамъ, и актъ продажи и право владѣнія купившаго участокъ признаются Китаемъ даже въ томъ случаѣ, еслибы по окончаніи арендного срока Россія вздумала отказаться отъ Квантуна и сооруженныхъ ею укрѣпленій.

Получивъ въ свое распоряженіе извѣстную территорію, городское управленіе Портъ-Артура приступило къ ея устройству. Такъ какъ старый городъ предоставленъ былъ частнымъ лицамъ лишь временно, до постройки новаго, то городское управленіе произвело рядъ мѣропріятій къ благоустройству и оздоровленію этого поселка.

Чтобы прекратить эксплоатацію разныхъ аферистовъ, захватившихъ жилыя помѣщенія, всѣ дома были приведены въ извѣстность и объявлены собственностью города. Помѣщенія были распредѣлены между торгово-промышленными лицами, ремесленниками и вообще лицами, желательными и полезными для города. За аренду этихъ помѣщеній установлена была нормальная плата въ пользу города, соотвѣтственно тому, для какой надобности потребовалось помѣщеніе. Каждое лицо, которому отводили помѣщеніе, должно было пользоваться имъ само, безъ права отдавать въ наймы излишекъ помѣщенія другимъ лицамъ. Всѣ аферисты, захватившіе помѣщенія ради эксплоатаціи, были выселены, разъ они не занимались другимъ какимъ-либо благовиднымъ и полезнымъ дѣломъ. Дѣлать разныя перестройки и необходимый ремонтъ въ помѣщеніяхъ разрѣшалось, но возводить новыя безусловно воспрещалось.

Наконецъ, было объявлено, что къ 1 іюля 1904 г. всѣ жители должны будутъ оставить старый городъ и переселиться въ новый, такъ какъ къ этому сроку будетъ приступлено къ окончательному сносу всѣхъ построекъ, и городъ этотъ, предназначенный лишь для военно-морскихъ сооруженій, будетъ застроиваться по совершенно новому плану.

Частныхъ построекъ здѣсь не должно быть, и только нѣкоторымъ торгово-промышленнымъ учрежденіямъ, имѣющимъ непосредственную связь съ военно-морскимъ вѣдомствомъ, можетъ быть разрѣшено возведеніе постройки на условіяхъ аренды.

Въ 1901 году началась усиленная застройка новаго европейскаго города. Кромѣ того, выстроено на военныхъ и морскихъ участкахъ достаточно помѣщеній для нуждъ этихъ вѣдомствъ. Въ 1902 году была отведена площадь для новаго китайскаго города, которая быстро застроилась и заселилась. А потому въ старомъ городѣ, по мѣрѣ освобожденія помѣщеній, сейчасъ и приступали къ сломкѣ ихъ.

Получивъ отъ казны небольшое пособіе,—кажется, тысячъ триста,—городское управленіе изыскивало и другія средства на свои нужды. Арендная плата за помѣщенія въ старомъ городѣ, сборы за право торговли и промысловъ, арендная плата за участки въ новомъ китайскомъ городѣ и за отдѣльныя оброчныя статьи подъ разныя промышленныя заведенія, суммы, полученныя за проданные участки въ новомъ европейскомъ городѣ, и разные сборы,—все это дало возможность кое-какъ устроиваться и удовлетворять насущныя потребности города.

Къ 1903 г. городъ имѣлъ прекрасную усадьбу въ сторонѣ отъ жилыхъ мѣстъ съ нѣсколькими корпусами для городской больницы; выстроилъ хорошее зданіе школы, паровую прачешную, торговые ряды, чумные бараки, питомникъ и общественную гостинницу. Были проложены и шоссированы улицы между поселеніями и спланированъ—съ разбитіемъ на участки—новый европейскій городъ. Двѣ-три улицы были вымощены, а остальныя шоссированы.

Новый китайскій городъ, гдѣ участки отдавались въ аренду на двѣнадцать лѣтъ, съ обязательствомъ строить дома только изъ камня и кирпича и по указанному плану, съ соблюденіемъ строительнаго устава,—къ 1904 г. застроился весь. Не только рабочій и ремесленный людъ, но и богатый классъ—купцы, промышленники и подрядчики—возвели по европейскому типу дома, магазины, склады и жилыя помѣщенія. Наплывъ въ Портъ-Артуръ китайцевъ таковъ, что отведенной для ихъ поселенія площади не хватило, и городское управленіе принялось изыскивать другія мѣста для отвода подъ новое поселеніе. Въ 1903 году постоянныхъ жителей въ китайскомъ городѣ насчитывалось выше двадцати-тысячъ человѣкъ.

Благодаря существующему режиму, новый китайскій городъ не похожъ на обыкновенные китайскіе города.

Нѣтъ обычной грязи, специфической вони и прочихъ прелестей китайскаго поселенія.

Наконецъ, перейдемъ къ третьему и къ самому главному поселенію — новому европейскому городу, расположенному по берегу западной бухты, верстахъ въ двухъ отъ стараго города. Часть участковъ расположена на самомъ берегу на ровной площади, а часть—на склонахъ сосѣднихъ холмовъ.

На этой площади отведены участки для гражданскаго управленія, учрежденій министерства финансовъ, городского управленія, судебнаго вѣдомства, реальнаго училища и женской гимназіи, театра, общественной гостинницы и гостинаго двора. Въ центрѣ города ближе къ берегу бухты разбитъ паркъ. Всѣ остальные участки предоставлены для нуждъ частныхъ обывателей и для торгово-промышленныхъ предпріятій. Здѣсь участки, какъ мы уже говорили, продаются съ торговъ городомъ въ полную собственность на слѣдующихъ условіяхъ.

Купившій участокъ на торгахъ вносить лишь пятую часть покупной суммы, а остальныя деньги обязуется уплатить въ теченіе трехъ лѣтъ съ процентами. Постройки должны возводиться лишь каменныя или кирпичныя, крытыя желѣзомъ или другимъ несгораемымъ матеріаломъ.

Въ настоящее время почти всѣ участки проданы, и на каждыхъ послѣдующихъ торгахъ цѣны на участки все повышались и повышались.

Особенно въ 1903 г. явился большой наплывъ покупателей. Нѣкоторые все надѣялись на г. Дальній, никто не зналъ, какой городъ восторжествуетъ, но въ этомъ году для всѣхъ стало яснымъ, что будущее г. Дальняго проблематично, а потому и бросились покупать участки въ Портъ-Артурѣ.

Въ новомъ европейскомъ городѣ разрѣшается пріобрѣтать участки и китайцамъ [1]), но съ тѣмъ, что возведенныя ими зданія могутъ быть заняты лишь европейцами и магазинами. То-есть, китаецъ можетъ строить дома для эксплоатаціи ихъ европейцами, но сами владѣльцы должны жить въ новомъ китайскомъ городѣ.

По берегу бухты отведены участки для сооруженія пакгаузовъ, складовъ и т. п. учрежденій.

По городу проводится водопроводъ и проектируется электрическое освѣщеніе. Телефонное сообщеніе уже установлено.

Единственный въ этомъ городѣ храмъ заложенъ немного въ

---

[1]) Иностранные подданные могутъ пріобрѣтать участки, но только съ разрѣшенія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ главнаго начальника края

сторонѣ отъ города на возвышенномъ холмѣ, куда проложенъ винтообразный подъемъ. Смѣта на этотъ храмъ составлена на сумму около двухъ милліоновъ, и одна планировка холма обошлась свыше трехъ сотъ тысячъ рублей.

Постройка этого храма на уединенномъ холмѣ объясняется желаніемъ, чтобы при входѣ въ Портъ-Артурскую бухту прежде всего представлялся взору храмъ. А для этой цѣли какъ разъ и подходитъ означенный холмъ. Кромѣ того, этотъ храмъ будетъ виденъ прежде всего и съ другой стороны—ѣдущимъ въ Портъ-Артуръ съ сѣвера по желѣзной дорогѣ.

Весной 1903 года въ новомъ городѣ было выстроено десятка два зданій частными лицами, а къ августу того же года на всѣхъ почти участкахъ кипѣла работа, и зданія росли, какъ грибы. Еще неоконченныя зданія уже арендовались жильцами, и публика понемногу переселялась изъ фанзъ стараго города въ новыя помѣщенія европейскаго типа.

Возведены и капитальныя, двухъ- и трехъ-этажныя, зданія съ центральнымъ отопленіемъ и другими европейскими приспособленіями. Арендная плата неимовѣрно высока, но платить надо, дѣваться некуда. И кто успѣлъ закончить постройку, тотъ собираетъ обильную жатву.

Вначалѣ многіе не рѣшались строить дома въ Портъ-Артурѣ, выжидая, что̀ выйдетъ изъ г. Дальняго. Послѣдніе же два года ясно показали полное тяготѣніе торговаго міра къ Портъ-Артуру, а не къ Дальнему. Торговыя суда предпочитали заходить въ тѣсную бухту Портъ-Артура и избѣгали простора Дальнинской бухты съ ея молами и волноломами. Всѣ иностранныя фирмы основали свои дѣла въ Портъ-Артурѣ, а не въ Дальнемъ.

Наконецъ, пріостановка въ маѣ 1903 года работъ въ Дальнемъ окончательно разрѣшила сомнѣнія колеблющихся, и такія крупныя фирмы, какъ Кунстъ и Альберсъ, Чуринъ и К° и др., въ іюнѣ 1903 года приступили къ возведенію большихъ построекъ подъ склады и магазины; за ними послѣдовали и другіе предприниматели, какъ русскіе, такъ и иностранцы.

Другая причина начавшейся строительной горячки—это открытіе въ 1903 году въ Портъ-Артурѣ операцій ярославско-костромского земельнаго банка.

Земельные банки нижегородско-самарскій и ярославско-костромской работаютъ въ Приамурскомъ краѣ съ 1896 года и сильно способствовали застройкѣ многихъ городовъ. Такъ, г.г. Благовѣщенскъ-на-Амурѣ, Хабаровскъ и особенно Влади-

востокъ возвели на своихъ пустыряхъ въ очень короткое время, при помощи полученныхъ изъ банковъ ссудъ, хорошіе дома. Несмотря на невыгодныя условія получаемой подъ дома ссуды и низкій курсъ закладныхъ листовъ, настоятельная потребность въ помѣщеніяхъ, высокая доходность домовъ прельщала домовладѣльцевъ обращаться въ эти банки за ссудой. Вотъ и портъартурцы, накупившіе участковъ, стали мечтать о такомъ же банкѣ. Достать краткосрочный кредитъ деньгами или строительными матеріалами всегда возможно, но оплатить въ короткое время этотъ кредитъ не каждому доступно. А потому, выстроивши домъ, получить подъ него долгосрочную ссуду съ постепеннымъ ея погашеніемъ считалось весьма желательнымъ.

Начались хлопоты; приняло участіе въ этихъ хлопотахъ городское управленіе, и даже главный начальникъ края возбудилъ ходатайство о разрѣшеніи какому-нибудь земельному банку открыть въ Портъ-Артурѣ операціи и по выдачѣ ссудъ.

Долго тянулись переговоры; банки не рѣшались вкладывать свои капиталы въ городъ съ неизвѣстнымъ будущимъ, да и уставы банковъ не вполнѣ подходили къ данной мѣстности, но въ концѣ концовъ ярославско-костромской земельный банкъ въ началѣ 1903 года рѣшился попытать счастья, выговоривъ себѣ на случай непредвидѣнныхъ обстоятельствъ нѣкоторыя гарантіи. Къ тому же министръ финансовъ, несмотря на то, что въ это время создавался почти рядомъ городъ Дальній, имѣющій подавить значеніе всѣхъ сосѣднихъ торговыхъ городовъ, пришелъ тоже на помощь Портъ-Артуру. Онъ исходатайствовалъ для Портъ-Артура и Дальняго Высочайшее разрѣшеніе снять узду съ земельнаго банка, которая въ послѣднее время сильно сдерживала всѣ земельные банки отъ увлеченія выдачами ссудъ подъ городскія недвижимыя имущества.

Условія, на которыхъ ярославско-костромской земельный банкъ рѣшилъ открыть свои операціи по выдачѣ ссудъ портъ-артурцамъ, были тяжелы, а именно: ссуды выдаются лишь подъ недвижимыя имущества въ новомъ городѣ, составляющія полную собственность владѣльца; срокъ выдачи—десять лѣтъ изъ $5^1/_2$% роста и 8% погашенія въ годъ [1]). Въ случаѣ неплатежа срочныхъ взносовъ и назначенія въ продажу банкомъ этого имущества не будетъ выручень долгъ банку, то и этотъ долгъ принимаетъ на себя городское управленіе, которое или уплачиваетъ слѣдуемую

[1]) Въ Приамурскомъ же краѣ ссуды выдавались тѣмъ же банкомъ на срокъ $20^7/_{12}$ лѣтъ при условіи платежа $5^1/_2$% роста и 3% погашенія.

банку сумму, или же продолжаетъ вносить ежегодные платежи до полнаго погашенія выданной ссуды. Кромѣ того, размѣръ предложенной къ выдачѣ ссуды опредѣлили въ 40%—50% противъ оцѣнки, вмѣсто 60%, установленныхъ уставомъ банка.

Принимая во вниманіе доходность домовъ въ 25—30% и все возростающій спросъ на помѣщенія, портъ-артурцы не только не смутились высокими платежами, которые, вмѣстѣ со страховкой и потерей на курсѣ закладныхъ листовъ, должны были дойти до 16%, но очень обрадовались и принялись энергично за постройку домовъ.

Явились подрядчики, которые брались возвести зданіе въ кредитъ, съ тѣмъ, чтобы изъ полученной ссуды погасить этотъ кредитъ. Къ тому же стало извѣстно, что тотъ же банкъ нашелъ преждевременнымъ открытіе операцій своихъ въ г. Дальнемъ, и это обстоятельство тоже заторопило публику къ возведенію построекъ въ Портъ-Артурѣ.

Въ августѣ 1903 года, въ Портъ-Артурѣ было открыто агентство банка, и около девяноста-тысячъ рублей было выдано ссуды подъ законченныя постройки, да тысячъ на сто представлено на утвержденіе. Публика возликовала, но не надолго. На политическомъ горизонтѣ Востока появилось зловѣщее облачко, предвѣщающее штормъ, и осторожный банкъ пріостановилъ не только пріемъ новыхъ, но и выдачу уже разрѣшенныхъ ссудъ. Домовладѣльцы, начавшіе постройки въ кредитъ, ошиблись. Кредиторы, понадѣявшіеся на ссуды банка, остались ни-при-чемъ. Мелькала лишь надежда, что облако—только ложная тревога, и горизонтъ скоро станетъ чистымъ.

Никто вѣрить не хотѣлъ, что начавшаяся такъ дружно на далекой окраинѣ жизнь можетъ быть прервана въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, и столь заманчивыя надежды на будущее могутъ быть разрушены лилипутомъ Дай-Ниппона. Всѣ здѣсь чувствовали себя какъ дома и вполнѣ были увѣрены, что японцы не рискнутъ нарушить спокойствіе. О японской арміи и флотѣ говорили не иначе какъ со снисходительной улыбкой.

А потому всѣ укоряли московскаго банкира въ трусости и негодовали на него за преждевременное бѣгство. Надѣясь, что банкъ скоро пойметъ свою ошибку, начатыя постройки продолжали заканчивать, кое-какъ устроили пересрочку временного кредита, какъ вдругъ, 26 января сего года, грянулъ непріятельскій выстрѣлъ, отсрочившій выдачу ссудъ на неопредѣленное время. И этотъ выстрѣлъ настолько былъ неожиданъ и всѣми здѣсь считался невѣроятнымъ, что кредитъ на постройку домовъ от-

крытъ былъ въ крупныхъ размѣрахъ не только частными лицами, но и русско-китайскій банкъ выдавалъ солидные авансы, прекрасно зная, что этотъ авансъ только и можетъ быть покрытъ ссудой, полученной изъ земельнаго банка.

Въ заключеніе можемъ сообщить изъ оффиціальныхъ источниковъ рессурсы портъ-артурскаго городского управленія въ 1903 году.

I. *Капиталъ города состоялъ* (копѣйки отброшены):

Наличность денежная на 1 іюня 1903 г. . .	201.494	р.
Долги за казенными учрежденіями.	67.058	„
„ „ проданные участки частн. лицамъ.	443.470	„
„ „ частными арендаторами	22.936	„
Причиталось за леченіе въ городск. больницѣ .	4.636	„
	739.694	„

Недвижимыя имущества—земельныя угодья:

а) непроданные участки на сумму	376.875	р.
б) участки, оставленные для городскихъ нуждъ	176.887	„
в) „ отдаваемые въ аренду, свыше 177 тыс. кв. саж. на сумму	2.772.000	„
	3.325.762	„

Городскія зданія:

а) больница.	55.000	р.
б) гостинница городская	209.000	„
в) паровая прачешная	19.000	„
г) бараковъ и складовъ на	28.500	„
	311.500	„

Кромѣ того, торговые ряды и рынки временные, стоимость которыхъ не опредѣлена, но арендная плата за нихъ въ 1903 году была 70.901 руб. Движимаго имущества, разныхъ инвентарей, телефонной сѣти, пожарной команды и т. под. на сумму . . . . 89.074 р.

А всего капитала 4.465.930 „

II. *Доходы города въ 1903 году* (въ круглыхъ числахъ):

а) сборы съ недвижимыхъ имуществъ.	5.400	р.
б) „ съ торговли и промысловъ	84.000	„
в) „ по арендамъ земельныхъ статей . .	154.800	„
г) „ съ городскихъ предпріятій	32.480	„
д) „ за аренду торговыхъ рядовъ и рынки	70.771	„
е) Пособія городу отъ казны.	13.159	„
ж) Разныхъ поступленій	1.750	„
Итого	362.360	„

Бюджетъ для начинающаго города, на половину недостроеннаго, не имѣющаго еще многихъ обложеній: пристаньскаго, съ нотаріальныхъ актовъ, больничнаго сбора и т. п., довольно сносный. При этомъ слѣдуетъ пояснить, что сборъ съ недвижимыхъ имуществъ въ 1903 г. только начался, а съ торгово-промышленныхъ предпріятій установленъ самый низкій.

До настоящаго времени, существованіе разныхъ торгово-промышленныхъ предпріятій обусловливалось исключительно удовлетвореніемъ нуждъ и потребностей арміи, флота и другихъ правительственныхъ учрежденій, какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ предѣлахъ Квантуна и въ районѣ южной вѣтви китайско-восточной желѣзной дороги. Только нѣкоторыя китайскія фирмы вели обширную торговлю съ Манджуріей.

Ограничилась ли бы дѣятельность портъ-артурцевъ на этомъ, или впослѣдствіи приняла бы болѣе обширные размѣры—въ настоящее время трудно сказать, но пока всѣ предпріятія русскихъ въ Портъ-Артурѣ, какъ и въ остальной Манджуріи, носили характеръ мало солидный. Безъ войска, съ прекращеніемъ всякихъ дальнѣйшихъ сооруженій правительства, какъ русскому предпринимателю, такъ и всему трудящемуся въ этихъ предпріятіяхъ люду, отъ служащаго до простого рабочаго включительно, здѣсь было бы нечего дѣлать. Для того, чтобы русскіе предприниматели могли развернуть въ Манджуріи свою дѣятельность, пришлось бы оградить ихъ отъ конкурренціи иностранцевъ, закрыть туда доступъ иностранцамъ, оцѣпить весь районъ таможеннымъ надзоромъ, т.-е. сдѣлать то, что̀ въ половинѣ 1900 г. сдѣлано съ Приамурскимъ краемъ. А все это сдѣлать можно только при условіи, чтобы вся Манджурія стала собственностью Россіи. Слѣдовательно, пока этого не произошло, всѣ затраты Россіи на этотъ край могутъ приносить пользу лишь иностранцамъ, съ которыми наши предприниматели не могутъ конкуррировать безъ правительственнаго покровительства.

Такія мысли высказывались и участниками портъ-артурскаго съѣзда, созваннаго въ октябрѣ 1903 г. для выработки положенія о намѣстничествѣ въ краѣ. Созидатели же г. Дальняго, какъ пункта международнаго, руководились другими соображеніями. У нихъ не было намѣренія покровительствовать исключительно нашимъ предпринимателямъ, а было желаніе создать на Востокѣ торговый пунктъ, гдѣ бы соединились интересы всего міра, а затѣмъ каждому предоставить право самостоятельно, полагаясь лишь на свое умѣніе, на свою энергію, завоевать себѣ видное мѣсто среди міровыхъ предпріятій.

И еслибы это удалось устроить, тогда всѣ затраты по проведенію дороги, устройству новыхъ городовъ и сопряженныя съ этимъ дѣломъ другіе многомилліонные расходы могли бы вполнѣ окупиться.

Такъ неожиданно прервалась жизнь на далекой окраинѣ, жизнь бойкая, жизнь кипучая, когда не задумываются о завтрашнемъ днѣ, а лишь торопятся сегодня все, что̀ можно получить, или же пожить безъ стѣсненія, безъ ограниченія своихъ пожеланій.

Ни семейной, ни общественной жизни здѣсь пока не было мѣста: обстановка къ тому еще не располагала.

Но оставимъ прошлое и возложимъ лучше надежду, что по окончаніи дней испытанія жизнь въ Портъ-Артурѣ возродится болѣе правильная, болѣе солидная, способная внести свѣтлыя стороны европейской культуры въ окружающую насъ „желтую" расу. И какъ только мы признаемъ желтолицаго за равноправнаго намъ человѣка, тотчасъ же всякая „желтая опасность" исчезнетъ какъ дымъ, какъ предразсвѣтный туманъ.

II.

Непреодолимое наше стремленіе во что бы то ни стало выйти къ берегамъ Тихаго океана и отыскать себѣ незамерзающую бухту вызвало необходимость затратить массу энергіи и матеріальныхъ средствъ сначала на пріобрѣтеніе и устройство Владивостокской гавани, а затѣмъ и Портъ-Артурской. Но такъ какъ ни та, ни другая не дали вполнѣ желанныхъ результатовъ, то пришлось сдѣлать, какъ мы уже видѣли, еще одну попытку къ отысканію настоящей *теплой* бухты. Такимъ желаннымъ мѣстомъ сочли южную часть Таліенванскаго залива, носившей названіе „Victoria-bay". На берегу этой бухты и рѣшено было заложить портовый городъ съ незамерзающей гаванью.

„Плодотворная мысль создать на оконечности величайшей въ свѣтѣ желѣзнодорожной линіи и при томъ на берегу *незамерзающаго* Желтаго моря первоклассный коммерческій портъ,— говорилъ бывшій министръ финансовъ С. Ю. Витте,—возникла еще при заключеніи въ 1898 г. съ китайскимъ правительствомъ договора относительно уступки намъ въ арендное пользованіе Квантунской области и нашла себѣ выраженіе въ самомъ текстѣ договора... Въ то же время русское правительство объявило черезъ „Правительственный Вѣстникъ" во всеобщее свѣдѣніе о

своемъ намѣреніи основать... обширный портъ для торговыхъ и промышленныхъ предпріятій *иностранныхъ державъ* на Дальнемъ Востокѣ. Послѣ того, какъ занятіе Квантуна стало совершившимся фактомъ и сооружена желѣзная дорога, соединяющая центръ Желтаго моря съ русской желѣзнодорожной сѣтью, было бы прямо вопреки насущнымъ интересамъ Россіи отказываться отъ созданія коммерческаго порта на оконечности этой дороги, по берегу теплаго, *незамерзающаго* моря, къ которому исторически неудержимо стремилась Россія" [1]).

Высочайшій указъ, данный на имя министра финансовъ 30-го іюня 1899 г., предоставилъ право Обществу Китайско-Восточной желѣзной дороги соорудить въ Таліенванскомъ заливѣ городъ Дальній и право этому городу порто-франко и свободнаго доступа коммерческимъ судамъ всѣхъ націй, причемъ на министра финансовъ возложено было ближайшее попеченіе какъ о постройкѣ города, такъ и его коммерческаго порта.

И г. Дальній, по мнѣнію министра финансовъ, долженъ быть крупнымъ международнымъ торговымъ пунктомъ на Востокѣ, въ которомъ всѣ націи міра чувствовали бы себя какъ дома [2]).

„Для достиженія намѣченной цѣли, обращенія Дальняго въ оживленный центръ международной торговли,—говорится въ томъ же докладѣ министра финансовъ,—существенно необходимо, чтобы въ немъ были установлены такія нормы гражданской, торговой и вообще культурной жизни, которыя, насколько возможно, были бы сходны съ порядками, привычными для населенія въ наиболѣе устроенныхъ центрахъ Дальняго-Востока, отнюдь не *стѣсняли бы торговой и промышленной дѣятельности и возможно менѣе ограничивали бы свободу пребыванія и населенія въ Дальнемъ* какъ иностранныхъ, такъ и русскихъ подданныхъ"... „Принимая мѣры,—говорится далѣе въ докладѣ,—къ привлеченію русскаго купечества, нельзя забывать, что Дальнему предстоитъ быть пунктомъ не *внутренней русской*, а международной торговли, и что именно въ широкомъ участіи его въ этой послѣдней и заключается главный залогъ его будущности".

Вотъ какія широкія задачи были предначертаны въ малоизвѣстной дотолѣ бухтѣ „Victoria-bay", и вотъ для какой гран-

---

[1]) Всеподданн. докладъ министра финансовъ о поѣздкѣ на Дальній-Востокъ. Прилож. къ № 40 „Торгово-Пром. Газеты" за 1903 г. Курсивъ вездѣ нашъ.

[2]) Для г. Дальняго сдѣлано важное исключеніе. Въ то время, когда по всему Квантуну воспрещено жительство евреямъ, въ Дальнемъ евреямъ разрѣшено не только жить, но и пріобрѣтать недвижимость.

діозной цѣли рѣшено было создать г. Дальній. Выборъ мѣста для выполненія этихъ предначертаній и достиженія задуманной цѣли, надо полагать, былъ обоснованъ на вѣскихъ данныхъ, тщательно провѣренныхъ, а потому затратить десятки милліоновъ на созданіе такого города и порта вовсе не представлялось нецѣлесообразнымъ, какъ утверждали тогда нѣкоторые скептики, называя г. Дальній городомъ „Лишній“.

По заявленію министра финансовъ, отъ одной продажи городскихъ участковъ, считая по низкой цѣнѣ (25 руб. за кв. сажень), можно было выручить 15 милліоновъ рублей. При этомъ надо замѣтить, что въ первую очередь намѣчено къ отчужденію въ частныя руки лишь 600.000 кв. саж., т.-е. 1/4 часть всей территоріи Дальняго.

Слѣдовательно, въ будущемъ, когда устремятся націи всего міра въ быстро развивающійся городъ, можно выручить всѣ 60 милліоновъ за отчужденные участки, не говоря уже о томъ, что въ послѣднемъ случаѣ цѣна за квадратную сажень несомнѣнно поднимется до значительной высоты.

Будущее Дальняго представлялось потому заманчивымъ, величіе красоты не только Желтаго моря, но и всего Востока, считалось несомнѣннымъ, а потому быстро и энергично Общество Китайско-Восточной дороги, подъ наблюденіемъ и покровительствомъ министра финансовъ, принялось за дѣло, и на пустынномъ дотолѣ берегу закипѣла лихорадочная работа. Десятки тысячъ людей съ ранняго утра до поздняго вечера трудились надъ разными грандіозными по замысламъ сооруженіями на сушѣ и на морѣ.

Каждый руководитель работъ, отъ главнаго инженера до простого служащаго, находился въ приподнятомъ настроеніи, твердо вѣруя въ успѣшность задуманнаго предпріятія. Каждое критическое замѣчаніе со стороны, каждое высказанное кѣмъ-либо сомнѣніе принималось какъ личное оскорбленіе,—до того вся семья строителей Дальняго сплотилась дружно и прониклась общимъ стремленіемъ поскорѣе завершить великое дѣло на берегу Желтаго моря.

Представители почти всѣхъ націй побывали здѣсь и съ интересомъ слѣдили за зарождавшейся жизнью будущаго города. Одни одобряли, другіе сомнѣвались, но всѣ вообще терпѣливо ждали, что̀ изъ этого можетъ выйти.

23 февраля 1903 года, въ 6 час. 40 мин. утра, могучій и протяжный свистокъ собралъ дальнинскую публику на площадкѣ, предназначенной для будущаго вокзала. И красавецъ восьми-ко-

лесный компаундъ, съ пятью роскошными и блестящими пульманами, плавно подкатилъ къ крутой каменной лѣстницѣ административнаго городка.

Это пришелъ первый съ Запада „Orient Express“, а черезъ нѣсколько часовъ отъ набережной широкаго мола одновременно отвалили два роскошныхъ по наружному виду крейсера-экспресса: „Манджурія“ и „Монголія“, принадлежащіе Обществу Морского Пароходства китайско-восточной дороги и направились прямымъ рейсомъ—одинъ въ Нагасаки, а другой—въ Шанхай, увозя на Востокъ прибывшихъ на „Orient Express“'ѣ иностранцевъ.

Этотъ знаменательный день, отпразднованный дальнинцами на славу, можно считать днемъ конфирмаціи города Дальняго. Телеграфъ оповѣстилъ всему міру о происшедшемъ событіи.

Только 15 сутокъ удобнаго парового пути отдѣляло г. Дальній отъ Парижа и Лондона!

Мѣсяцъ спустя, вышло curriculum vitae Дальняго [1]), а вскорѣ затѣмъ началось испытаніе на аттестатъ зрѣлости и дальнѣйшей жизнеспособности его.

Разсмотримъ, что было сдѣлано и какіе получились результаты затраченныхъ трудовъ и денегъ къ серединѣ 1903 года. Оффиціальныя данныя будемъ брать изъ упомянутаго „Обзора“, остальное—изъ личныхъ наблюденій и изслѣдованій.

Таліенванскій заливъ омываетъ часть восточнаго побережья Квантунскаго материка и глубоко изрѣзываетъ берега его, образуя десятки небольшихъ мелкихъ бухточекъ и извилистыхъ полуострововъ. Наибольшіе изъ нихъ далеко выдаются въ Корейскій заливъ, съ сѣвера и съ юга, и служатъ какъ бы входомъ въ Таліенванскій заливъ изъ Корейскаго. Въ сѣверной части этого полуострова расположенъ китайскій городъ Таліенванъ, а на южномъ полуостровѣ, въ глубинѣ небольшой бухты „Victoria-bay“,—городъ Дальній.

Эта территорія, какъ часть Квантунской области, арендуется русскимъ правительствомъ у китайскаго по пекинскому договору 15 марта 1898 г., но Общество Китайско-Восточной желѣзной дороги, задумавъ выстроить г. Дальній, рѣшило основаться здѣсь посолиднѣе, не какъ арендаторъ, а какъ собственникъ. Съ этою цѣлью оно предложило туземнымъ жителямъ продать Обществу въ полную собственность намѣченную территорію, которая представляетъ

[1]) „Обзоръ Дальнинскаго градоначальства за 1902 г.“, Портъ-Артуръ, 1903 г.

собой обширную равнину, полого спускающуюся отъ горнаго хребта къ сѣверу, къ берегамъ бухты, а на западѣ — къ долинѣ р. Меланхэ. Предположено было пріобрѣсти площадь въ 100 квадр. верстъ, но пока пріобрѣли лишь 75 квадр. верстъ. На этомъ пространствѣ было разбросано десятка три китайскихъ деревушекъ, населеніе которыхъ занималось главнымъ образомъ земледѣліемъ и отчасти рыболовствомъ.

Собрали представителей населенія и предложили за каждый *му* (1/18 часть нашей десятины) по 7 рублей, причемъ имъ было сказано, что, продавъ землю, жители могутъ оставаться на своихъ мѣстахъ, какъ арендаторы, и только живущіе на площади, намѣченной для самого города, должны будутъ уйти со своихъ мѣстъ.

Въ тѣ еще смутныя времена, когда китайцы безропотно уходили съ насиженныхъ мѣстъ, разъ эти мѣста требовались для европейцевъ, такая деликатность со стороны Общества К.-В. Ж. Д. [1]) поразила ихъ, и они охотно согласились уступить землю, получивъ за нее причитающуюся сумму, т.-е. 126 рублей за десятину.

Кромѣ того, Общество, снося нѣкоторыя китайскія деревни, предложило жителямъ перенести гробы своихъ покойниковъ, и платило за переносъ каждаго покойника нѣсколько рублей (не помнимъ точной цифры).

Словомъ, все устроилось миролюбиво, по домашнему. Сюда не только не вмѣшалась военная сила, но даже дипломатовъ не побезпокоили.

Такимъ образомъ, Общество К.-В. Ж. Д. пріобрѣло себѣ усадьбу въ 75 кв. верстъ за 600.000 рублей, считая здѣсь и плату за перенесеніе покойниковъ. И вся эта территорія получила наименованіе Дальнинскаго градоначальства въ силу Положенія, Высочайше утвержденнаго 16 августа 1899 г., состоящаго въ вѣдѣніи министерства финансовъ, и съ подчиненіемъ этого градоначальства главному начальнику Квантунской области. Въ административномъ отношеніи градоначальство дѣлится на собственно городскую территорію и двѣ волости: Лоухутонскую — съ шестью сохранившимися китайскими деревнями, и Сахакоускую — съ девятнадцатью такими же деревнями.

Туземные жители, получивъ за проданную землю деньги, остались на своихъ мѣстахъ и уплачивали Обществу К.-В. Ж. Д. ежегодно аренду за пахотную землю въ размѣрѣ 5% отъ той суммы, какую они получили при отчужденіи этой земли.

---

[1]) Для сокращенія, вмѣсто Китайско-Восточной желѣзной дороги, будемъ означать К.-В. Ж. Д.

Подчинившись же установленному русскими властями мѣстному управленію, они тѣмъ самымъ какъ бы стали и подданными русскаго государства, такъ какъ никакой администраціи китайскаго правительства здѣсь не имѣлось.

Выбравъ на самомъ берегу бухты площадь для устройства города, строители раздѣлили ее на три части: европейскій городъ, китайскій городъ и административный городокъ. Европейскій городъ, пространствомъ въ 4 квадратныхъ версты, расположенъ у самаго порта. Площадь его почти ровная, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пересѣкается оврагами, глубиною до 3—7 саженей. Съ юга окружаетъ эту площадь горный хребетъ, съ котораго въ дождливое время года стремятся потоки по существующимъ оврагамъ; съ запада она отдѣляется отъ административнаго городка глубокой желѣзнодорожной выемкой, а отъ китайскаго города—паркомъ, разбитымъ на мѣстѣ бывшей китайской деревни Сичинъ-Минуа. Проектъ китайскаго города еще не былъ разработанъ, и просторъ его заселенія пока не ограниченъ. Разбито только нѣсколько кварталовъ вблизи парка, а все остальное пространство остается въ предначертаніяхъ.

Административный городокъ занимаетъ площадь въ 40 десятинъ, съ запада примыкаетъ къ берегу бухты, а съ востока окруженъ желѣзнодорожными мастерскими, заводами и товарной станціей. Этотъ городокъ предназначенъ лишь для жилья служащихъ на желѣзной дорогѣ, на заводахъ и въ морскомъ пароходствѣ Общества К.-В. Ж. Д.

Проектъ европейскаго города разработанъ детально, съ самыми широкими задачами создать вполнѣ благоустроенный городъ на подобіе европейскихъ „сетлеменовъ", существующихъ въ разныхъ торговыхъ пунктахъ Дальняго Востока,—городъ, до мелочей удовлетворяющій привычкамъ и вкусамъ коммерческаго класса европейцевъ. А потому на четырехъ квадратныхъ верстахъ было распредѣлено все по рубрикамъ и рангамъ. Непосредственно къ порту должна прилегать коммерческая часть города. Здѣсь предположены торговыя заведенія, магазины, банки, разныя конторы, агентства и т. д. Тутъ должна кипѣть исключительно торговопромышленная, финансовая жизнь. Здѣсь должны вершиться дѣла всего Востока, здѣсь главный нервъ торгово-промышленной предпріимчивости всего міра.

Къ югу отъ этой кипучей жизни предположено устроить тихую гражданскую часть. Тутъ площадь разбита на болѣе мелкіе участки, на которыхъ должны быть выстроены жилые дома съ небольшими квартирами для небогатыхъ людей и мелкихъ слу-

жащихъ въ торгово-промышленныхъ учрежденіяхъ, банкахъ, магазинахъ и т. д. Правда, эта часть города, какъ ближе примыкающая къ сосѣднимъ высотамъ, сильнѣе изрѣзана оврагами, но овраги предположено частью засыпать, а частью утилизировать при возведеніи построекъ, какъ подвальныя помѣщенія. Здѣсь пойдетъ тихая, семейная жизнь, куда къ вечеру будутъ собираться труженики для отдыха послѣ дневной, нервной и напряженной сутолоки.

Для людей богатыхъ и обезпеченныхъ тоже отведено мѣсто вблизи парка. Здѣсь, вдали отъ городской суеты, вдали отъ портового и заводскаго шума, на лонѣ природы, представители крупныхъ предпріятій, распорядители судебъ торговаго міра, построятъ себѣ особняки, дворцы, отдѣльные коттэджи, разведутъ сады и будутъ отдыхать послѣ дневныхъ заботъ и хлопотъ. Здѣсь ни слухъ, ни взоръ не будетъ омраченъ житейской невзгодой, сюда не дойдутъ жалобы вѣчно недовольнаго своей судьбой трудящагося люда, будь то простой рабочій или мелкій служащій.

Не забыты и мѣста для благородныхъ и высшихъ культурныхъ увеселеній. На высокомъ берегу моря, противъ корня рейдоваго мола, отведено мѣсто для „Recreation Ground".

Тутъ построятся павильоны для ресторана и музыки, устроятся площадки для европейскихъ игръ: крокетъ, тэннисъ и друг. Въ долинѣ же р. Меланхэ предполагается устройство гипподрома, какъ самой необходимой принадлежности, по мнѣнію строителей Дальняго [1]), всякаго благоустроеннаго европейскаго города на Дальнемъ Востокѣ.

Кромѣ всего этого, отведены мѣста для разныхъ городскихъ, административныхъ и судебныхъ учрежденій. Для этого предназначена Николаевская площадь, откуда по всѣмъ направленіямъ радіонально расходятся десять проспектовъ. Подъ базарную площадь назначено пространство въ 100 саж. длиною и 70 саж. шириною.

На берегу моря, около деревни Сан-лью-цзяо, отведено мѣсто для боенъ, сообщеніе съ которыми будетъ сухопутное и моремъ. Намѣчены также мѣста для церквей разныхъ вѣроисповѣданій и учебныхъ заведеній:

Но къ концу 1903 года исполнено лишь слѣдующее—по европейскому городу.

Распланирована площадь, проведены улицы и проспекты, изъ которыхъ мѣньшая часть шоссирована, а бо́льшая—ждетъ шос-

[1]) „Обзоръ Дальн. Градон. за 1902 г.". Портъ-Артуръ, 1903 г.

сировки, разбиты участки для постройки домовъ. Устроенъ питомникъ съ теплицей и оранжереей, разбитъ городской паркъ съ зоологическимъ садомъ, состоящимъ пока изъ чахоточной дикой козы, облѣзшаго оленя и меланхолическаго бураго медвѣдя. Посажены по главнымъ улицамъ деревья.

Заканчивались постройкой гостиница „Кіевское Подворье“ и полицейскій участокъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ засыпаны овраги для проложенія и шоссированія улицъ, но ливни въ августѣ 1903 года размыли снова эти овраги и превратили будущія улицы въ непроходимыя дебри съ бушующими потоками.

На проданныхъ участкахъ выстроено постоянныхъ домовъ десятка полтора, большей частью подрядчиками по постройкѣ г. Дальняго, китайскими купцами Тайхо и Тифонтаемъ. На остальныхъ участкахъ, вдоль главныхъ проспектовъ, построена масса временныхъ лачугъ и далеко не европейскихъ сооруженій преимущественно китайцами. Эти зданія заняты лавками, харчевнями, пивными, трактирами, гостинницами низменнаго характера и всякаго рода русскими и китайскими притонами.

Всѣ эти постройки разрѣшено возвести временно, до продажи участковъ. Онѣ были вызваны громаднымъ количествомъ китайскихъ рабочихъ, производящихъ работы въ порту и по сооруженіямъ на сушѣ. Ихъ надо накормить, одѣть и дать увеселенія, въ родѣ театра, опіекурильни, азартной игры въ „банковку“. И за все это взялись китайскіе предприниматели; они-то и понастроили временно на мѣстахъ будущихъ дворцовъ и отелей грязныя и вонючія лачуги. Для служащихъ и пріѣзжаго разнаго рода люда тоже создались временные деревянные дома съ гостинницами и т. под.

Хотя въ Дальнемъ и выстроена центральная электрическая станція, но освѣщаются только административный городокъ и желѣзнодорожныя помѣщенія; въ городѣ же кое-гдѣ мерцаютъ керосиновые фонари. Водоснабженіе пока въ зачаточномъ состояніи, и жители Дальняго берутъ воду изъ колодцевъ.

Странное впечатлѣніе производитъ *европейскій* г. Дальній. Представьте себѣ широкіе, красивые проспекты, по срединѣ шоссированные, по бокамъ усаженные деревцами, а по обѣ стороны— жалкія временныя постройки. По проспектамъ снуютъ китайскіе рикши и движутся толпы грязнаго, неопрятнаго, со специфическимъ запахомъ китайскаго люда. Какъ-то не вяжется подобная обстановка на приготовленной для европейскаго населенія площади. Когда видишь подобную обстановку на улицахъ какого-

либо Нью-чуанга, Мукдена, на улицахъ узкихъ, грязныхъ и зловонныхъ, то это понятно,—но здѣсь это выходитъ какъ-то странно. Вѣдь назначена особая площадь для китайскаго города. Но тамъ все еще только въ мечтахъ, а пока загрязняютъ и заражаютъ европейскую площадь.

Часть, называемая „административный городокъ", начала застроиваться сразу жилыми помѣщеніями самаго причудливаго стиля и архитектуры. Рядъ надстроекъ, башенъ, балконовъ и террасъ, всевозможнаго типа крыши, начиная съ готическаго и кончая закругленными китайскими, усѣянныя высокими шпицами или рѣзными драконами,—все это придаетъ поселку какой-то оригинальный видъ. Кажется, какъ будто тутъ собраны модели самыхъ прихотливыхъ построекъ, причемъ строители какъ будто бы только и заботились, чтобы на этой площадкѣ не оказалось двухъ домовъ, похожихъ другъ на друга.

Но не видно заботы объ удобствѣ жилья, его уютности, приспособленности къ семейной жизни, но все бьетъ на эффектъ, на наружный видъ; почти каждое зданіе производитъ впечатлѣніе, какъ будто оно выстроено для временнаго, не то дачнаго помѣщенія, не то—курортнаго [1]).

Узкія улицы здѣсь шоссированы, вокругъ домовъ—заборы изъ кирпича ажурной кладки; кое-гдѣ встрѣчаются и желѣзныя рѣшетки; въ центрѣ поселка, на площади, высится громадное зданіе дальнинскаго градоначальства; далѣе разбитъ скверъ съ площадками для великосвѣтскихъ игръ; выстроены общественная гостинница, церковь-школа, больница, палаццо для главнаго строителя города и порта; затѣмъ—дома для разныхъ учрежденій желѣзной дороги и морского пароходства, зданіе для клуба и собранія старшихъ агентовъ дороги и особое зданіе для младшихъ агентовъ, телеграфная станція, почтово-телеграфная контора и общежитія для служащихъ на дорогѣ и въ порту.

Всюду электрическое освѣщеніе въ домахъ и на улицѣ, водопроводъ и канализація. Дома высшихъ агентовъ отдѣланы роскошно, на учрежденія общественныя также денегъ не жалѣли. Словомъ, получился почти сказочный городокъ, небольшой семейный уголокъ, гдѣ вся жизнь пошла по разъ заведеннымъ часамъ. Въ часы занятій на улицахъ—ни души, точно на школьномъ дворѣ. Въ часы досуга можно встрѣтить обывателей, гуляющими въ скверѣ, ѣздящими на велосипедахъ, а вечеромъ—въ соотвѣтственномъ рангу каждаго клубѣ, гдѣ время проводится за игрой въ карты и т. под.

[1]) Какой-то зоилъ обидѣлъ строителей этого города, задавъ вопросъ: „Вѣдь это все скворешницы какія-то,—гдѣ же жилища для людей"?

Правда, иногда устроиваются любительскіе спектакли, концерты, но все это имѣетъ домашній, семейный характеръ, и репетиціи, считки вносятъ лишь разнообразіе и нѣкоторый интересъ въ клубное времяпрепровожденіе.

Всѣ здѣсь живущіе, отъ самыхъ старшихъ до самаго маленькаго агента, проникнуты сознаніемъ, что они призваны на пустынномъ берегу создать великій городъ, насадить высшую культуру и цивилизацію, преподать восточнымъ азіатамъ, какъ нужно пользоваться земными благами и устроивать общественную жизнь.

Стремленіе жить широко, не задумываясь о завтрашнемъ днѣ и о послѣднемъ затраченномъ сегодня рублѣ, у всѣхъ одинаково было сильно развито, а потому годы сооруженія Дальняго промелькнули передъ нашими глазами, какъ сплошной праздникъ, который скрашивалъ на далекой окраинѣ трудовую жизнь по созданію города и порта.

И дѣйствительно, работы не останавливались: какъ по мановенію волшебнаго жезла выросъ этотъ административный городокъ. Строили заводы, мастерскія, молы, пристани, волноломы. Землечерпалки съ раздирающими душу звуками углубляли бухту; рабочіе поѣзда съ пронзительными свистками бороздили территорію по всѣмъ направленіямъ; нѣсколько десятковъ тысячъ желтокожихъ рабочихъ оглашали воздухъ гортаннымъ говоромъ, копошась на мѣстахъ производимыхъ ими работъ. Словомъ, работа кипѣла, несмотря на развлеченія, и къ 1903 году были устроены въ порту гавань рабочая и набережная для судовъ каботажныхъ, широкій, грандіозный молъ, далеко выдающійся въ море съ желѣзной пристанью и пакгаузами на немъ; выстроенъ небольшой докъ въ 380 футовъ длиною, засыпана часть (мелкой) портовой территоріи и вычерпана часть бухты, большей частью на глубину до 18 футовъ. Выстроены заводы: чугуно-литейный и кирпично-черепично-известковый и желѣзнодорожная вѣтка протяженіемъ пятнадцать верстъ до ст. Нангалинъ, соединяющая г. Дальній съ линіей Китайско-Восточной желѣзной дороги, проложенной къ Портъ-Артуру.

Затративъ на всѣ эти сооруженія свыше двадцати милліоновъ (точныхъ отчетовъ, кажется, еще не опубликовано), строители рѣшили, что настало время допустить частныхъ лицъ всѣхъ національностей къ покупкѣ городскихъ участковъ и къ застройкѣ подготовленной для города территоріи. Выработаны были правила для продажи участковъ и назначили торги по продажѣ ихъ.

При назначеніи въ продажу участковъ въ г. Дальнемъ руководились другими соображеніями, чѣмъ въ Портъ-Артурѣ. Тамъ

прежде всего пустили въ продажу центральные участки, а въ Дальнемъ—окраинные. На первыхъ порахъ цѣна не можетъ быть велика; вотъ почему въ Портъ-Артурѣ первые участки въ центрѣ города ушли по 7—8 рублей за квадратную сажень, а на послѣдующихъ торгахъ за окраинные участки платили по 25 рублей за сажень. Дальнинцы же пожелали избѣжать подобной ошибки и начали продажу съ участковъ, отдаленныхъ отъ центра.

При покупкѣ участка въ г. Дальнемъ вносится не менѣе $^1/_5$ покупной суммы, а остальныя деньги могутъ быть разсрочены на 20 лѣтъ и 7 мѣсяцевъ, съ ежегоднымъ погашеніемъ долга, съ начисленіемъ $4^1/_2$% въ годъ.

Первые торги состоялись при торжественной обстановкѣ 1 ноября 1902 г., и продано было 49 участковъ, мѣрою 16.843 кв. саж., за сумму 425.179 рублей, изъ которыхъ внесли лишь $^1/_5$ часть, а остальная сумма разсрочена на 20 лѣтъ и 7 мѣс. Покупателями были 21 русскихъ подданныхъ, главнымъ образомъ, служащіе, строители и т. п., затѣмъ 4 еврея и 6 китайцевъ, имѣющіе близкое отношеніе къ сооруженію города и порта. Въ полной увѣренности, что число желающихъ купить участки будетъ велико, у многихъ явилась мысль нажить капиталъ.

Затрачивая вначалѣ небольшую сумму, купившій мечталъ не строиться, а современемъ перепродать купленный участокъ за высокую цѣну.

И дѣйствительно, на первыхъ торгахъ служащіе сильно набивали цѣны на участки, догнавъ до 25 рублей за квадр. сажень.

Вторые торги, назначенные на 1 мая 1903 года, закончились печально. Изъ 40 участковъ, назначенныхъ въ продажу, продано лишь 7 въ первый день; на второй же день желающихъ торговаться не явилось вовсе, а купившіе наканунѣ почесывали затылки и поговаривали, что лучше лишиться внесеннаго залога (5% оцѣночной суммы) и уйти по добру-здорову:

Къ тому же всѣмъ стало извѣстно, что на дальнѣйшее сооруженіе порта пріостановленъ отпускъ денегъ, и въ скоромъ времени ожидалась коммиссія для ревизіи произведенныхъ работъ.

Широкій молъ, выдвинутый далеко въ море для болѣе удобной стоянки океанскихъ пароходовъ, оказался ненадежнымъ убѣжищемъ. Благодаря тому, что дальнинская бухта совершенно открыта сѣверо-восточнымъ вѣтрамъ, на этотъ молъ обрушивались бушующія волны, и кораблю, ошвартованному у мола, грозила опасность разбиться объ него.

И дѣйствительно, одинъ иностранный пароходъ, довѣрчиво ошвартовавшійся у мола, чуть-чуть не погибъ во время разыгравшагося тайфуна.

Когда открылась такая непріятность со стороны мола, то рѣшили израсходовать еще милліонъ и соорудить волноломъ передъ моломъ. Но выстроенный волноломъ принесъ новый сюрпризъ. Пока не было его, то постоянные вѣтры мѣшали замерзанію бухты, и она только на нѣсколько тихихъ дней покрывалась тонкимъ слоемъ льда. Когда же образовалось, благодаря молу, затишье, бухта замерзла самымъ неожиданнымъ образомъ.

Вообще, уже въ маѣ 1903 года у многихъ дальнинцевъ начало появляться разочарованіе и сомнѣніе въ будущемъ величіи г. Дальняго. Образовались двѣ партіи: „дальнинцы" и „портъартурцы". Шли нескончаемые споры за будущность того и другого города. Китайско-Восточная желѣзная дорога направленіемъ поѣздовъ, льготными для г. Дальняго и запретительными для Портъ-Артура тарифами поддерживала свой городъ, а публика все-таки тяготѣла къ Портъ-Артуру, заѣзжая по необходимости [1]) въ административный городокъ полюбоваться причудливыми постройками, взглянуть на пустырь съ проложенными раціонально проспектами будущаго великаго города.

Къ этому времени рушилась надежда на долгосрочный кредитъ подъ дома, такъ какъ земельный банкъ рѣшительно отказался выдавать ссуды, находя такую операцію преждевременною.

На торгахъ 1-го мая собрался почти весь заинтересованный Портъ-Артуръ.

Назначенные на 1-е іюня 1903 года торги были отмѣнены, какъ сообщило дальнинское градоначальство, въ виду того, что въ настоящее время участки могутъ быть проданы по дешевой цѣнѣ, тогда какъ въ будущемъ предвидится получить за нихъ болѣе высокую плату. А потому продажа участковъ откладывается до болѣе благопріятнаго времени [2]).

Затѣмъ въ г. Дальнемъ настало затишье. Отпускъ денегъ на дальнѣйшее сооруженіе почти прекратили, работы пріостановились. Разсчеты съ подрядчиками начали задерживаться, а въ октябрѣ самые пламенные поклонники и защитники г. Даль-

---

[1]) Поѣзда такъ направлялись, что хочешь, не хочешь, а заѣзжай въ г. Дальній сначала, а затѣмъ ужъ изъ Дальняго въ Портъ-Артуръ.

[2]) Такимъ образомъ, вмѣсто предполагавшихся выручить отъ продажи участковъ 15 милліоновъ, получили около 500 тысячъ, да и то разсроченными на 20 лѣтъ и 7 мѣсяцевъ.

няго соглашались съ тѣмъ, что дѣла Общества не такъ блестящи, какъ предполагали раньше.

Въ заключеніе слѣдуетъ сообщить объ одномъ вопросѣ, возникшемъ въ послѣднее время на юридической почвѣ.

Какъ мы уже сказали, Общество Китайско-Восточной желѣзной дороги купило въ собственность отъ мѣстныхъ жителей дальнинскую территорію, хотя эти жители и не состояли собственниками проданной земли, а лишь были пожизненными пользователями ея. Въ виду этого юристы считаютъ актъ покупки недѣйствительнымъ, такъ какъ настоящаго владѣльца не спросили о согласіи на продажу.

И если Общество Китайско-Восточной желѣзной дороги пожелало основать г. Дальній, то оно могло это сдѣлать въ силу общаго договора 16 марта 1898 г., по которому весь Квантунъ отданъ въ распоряженіе Россіи, и продавать городскіе участки частнымъ лицамъ могло бы на тѣхъ же основаніяхъ, какъ продавали ихъ въ Портъ-Артурѣ. А потому непонятно, къ чему Общество уплатило туземцамъ 600.000 рублей за непринадлежащую имъ землю.

Мы слышали, что портъ-артурскій окружный судъ затруднялся вначалѣ отмѣчать данныя по покупкѣ участковъ частными лицами у Общества Китайско-Восточной желѣзной дороги какъ крѣпостные акты. Правда, купленные участки еще не оплачены и ими владѣютъ по временнымъ свидѣтельствамъ, но вопросъ этотъ долженъ быть выясненъ компетентными лицами, во избѣжаніе разныхъ конфликтовъ въ будущемъ...

П. Надинъ.

ВЕСНОЙ

1.

Еще безмолвенъ лѣсъ и дремлющія воды
Не скинули холодныхъ, ледяныхъ оковъ,
Еще блѣдны небесъ синѣющіе своды
Подъ дымкой легкою прозрачныхъ облаковъ.
Но въ воздухѣ тепло струится лаской зыбкой,
Даль снѣжная полей туманится слегка
И юная Весна съ несмѣлою улыбкой
Глядитъ ко мнѣ въ окно, застѣнчиво кротка.
Ужъ близокъ день, когда, въ права свои вступая,
Она надѣнетъ свой блистательный уборъ
И, солнечныхъ лучей сіяньемъ залитая,
Разбудитъ пѣснями зазеленѣвшій боръ;
Тогда воспрянетъ міръ, восторгомъ упоенный,
И, нѣги трепетной и счастія полна,
Заглянетъ въ сердце мнѣ съ улыбкою влюбленной,
Царицей властною—волшебница-Весна.

2.

Даже въ городѣ душномъ, гдѣ словно бронёю
Грудь земли оковали осколки камней,
Воцарилась весна лучезарной красою,
Каждый день расцвѣтая пышнѣй и пышнѣй;

Часъ за часомъ игрою причудливой тѣни,
Измѣняясь, по плитамъ скользятъ мостовой.
Нерасцвѣтшія кисти лиловой сирени
На заборахъ нависли узорной каймой.
Сквозь рѣзную рѣшотку сосѣдняго сада
Изумруднымъ ковромъ зеленѣетъ трава,
Такъ заманчива старыхъ деревьевъ прохлада,
Такъ воздушно-легка молодая листва!
Минетъ день, стихнетъ шумная жизнь городская,
Свѣтло-синей, прозрачной какъ дымъ, пеленой
Все окутаетъ ночь, лишь вдали, догорая,
Долго, долго не гаснетъ закатъ надъ рѣкой.

3.

Блѣднаго сѣвера дочь,
Тихая бѣлая ночь
Встала надъ сонной Невою.
Волны безшумно скользятъ,
Ярко алѣетъ закатъ
Неугасимой зарею!

Глуше и глуше звеня,
Шумъ суетливаго дня
Гдѣ-то вдали замираетъ,
Только порой прозвучитъ
Стукъ равномѣрный копытъ
И, удаляясь, смолкаетъ.

Въ свѣтлую бѣлую ночь
Сну мнѣ предаться не въ мочь.
Грустью томлюсь непонятной,
Манитъ тревожная даль
И такъ мучительно жаль
Счастья поры невозвратной!

4.

Я не могу молчать, когда цвѣтутъ цвѣты,
Когда вокругъ меня такъ много красоты,
Когда такъ ароматно воздуха дыханье,
Когда въ поляхъ журчитъ извилистый ручей,
Когда поетъ всю ночь немолчно соловей
И всюду разлито весны очарованье.

Я не могу молчать: мнѣ столько дивныхъ грёзъ
Нашептываетъ шелестъ трепетный берёзъ
И вешнихъ водъ шумящіе разливы.
Ласкаетъ и манитъ мой восхищенный взоръ
Раскинутыхъ луговъ пестрѣющій узоръ
И радуютъ зари янтарные отливы.

5.

Давно, давно, на утрѣ юныхъ лѣтъ,
Одна весна меня заворожила
И глубоко̀ неизгладимый слѣдъ
Рукою властной въ сердцѣ начертила.

Какъ вихрь уноситъ легкій прахъ земли,
Такъ и года, промчавшись чередою,
Тотъ свѣтлый мигъ блаженства унесли
Въ нѣмую даль минувшаго съ собою.

Но съ этихъ поръ я молодой весны
Расцвѣтъ всегда съ волненіемъ встрѣчаю
И прежніе плѣнительные сны
Душой смятенной вновь переживаю.

Л. Кологривова.

СОРОКЪ ЛѢТЪ
ТОМУ НАЗАДЪ

По личнымъ воспоминаніямъ.

I.

Литературныя знакомства.

Въ половинѣ марта 1862 года, будучи еще очень молодымъ человѣкомъ, только начинающимъ самостоятельную жизнь, первый разъ въѣзжалъ я въ Москву. Ѣхалъ я на почтовыхъ съ юга Россіи, но такъ какъ по дорогѣ мнѣ понадобилось сдѣлать изрядный крюкъ въ сторону, то направлялся я къ Москвѣ съ запада, по тому самому пути, которымъ въ давнія времена двигались литовскія, польскія и французское полчища на центръ Россіи, вслѣдствіе чего одинъ пунктъ за другимъ возбуждали историческія воспоминанія. Прошли уже предо мною памятникъ сраженію подъ Краснымъ, Смоленскъ съ его массивными Годуновскими стѣнами, Вязьма, деревня Царево-Займище, Бородинское поле,—и все это поддерживало напряженный интересъ къ тому, какъ откроется наконецъ сама древняя и многострадальная столица.

Было ясное морозное утро. Снѣгъ лежалъ еще довольно прочно, только зимній путь былъ сильно испорченъ ухабами и раскатами, которые при тогдашнемъ господствѣ гужевыхъ путей составляли спеціальное бѣдствіе для проѣзжихъ, а особенно—

для тянувшихся длинными вереницами обозовъ. Подмосковная же мѣстность по почтовой дорогѣ съ этой стороны и безъ того была волниста. Значительныя возвышенія и спуски чередовались между собою. Мои сани то ныряли въ глубокіе ухабы, то взбирались наверхъ, то съ размаху быстро скатывались направо или налѣво, отлетая далеко въ сторону по скользкой поверхности выглаженнаго проѣзжими снѣга, отчего не разъ встрѣчалась надобность выходить изъ саней и поправлять послѣдствія встряски. Отъ волнистаго свойства пути видъ Москвы безпрестанно то показывался, то исчезалъ. Тронувшись отъ послѣдней предмосковной станціи Перхушково, находившейся въ 31-й верстѣ отъ города, можно было видѣть впереди на горизонтѣ только неясныя очертанія какихъ-то лѣсковъ, но когда я проѣхалъ дальше верстъ двѣнадцать или около того—вдругъ съ этого же горизонта блеснулъ золотой лучъ, брошенный изъ Москвы куполомъ новаго храма Христа Спасителя, который въ ту пору былъ уже готовъ снаружи, только далеко еще не отдѣланъ внутри. Другихъ же признаковъ города замѣтно еще не было. Спустились мы затѣмъ въ долину—и лучъ исчезъ, заслоненный слѣдующимъ возвышеніемъ. Поднялись на это возвышеніе—лучъ уже ярче и вмѣстѣ съ нимъ выступаютъ сбивчивые образы какихъ-то другихъ зданій. А такъ какъ по пути безпрестанно приходилось спускаться и подниматься, то панорама Москвы возникала и пропадала періодически, только съ каждымъ новымъ появленіемъ становилась шире, отчетливѣе, разнообразнѣе, эффектнѣе. Съ западной стороны видъ Москвы всего великолѣпнѣе, и нельзя было не залюбоваться имъ, когда онъ открылся уже на близкомъ разстояніи. Наконецъ, въѣхали въ городъ чрезъ Дрогомилово, и я очутился среди городского шума. Прошли мимо меня Арбатъ, бульвары, Тверская, и мои сани остановились у гостинницы Бекетова, бывшей на углу Тверской и Георгіевскаго переулка.

Я пріѣхалъ съ цѣлью поселиться въ Москвѣ и пріискать себѣ тамъ какія-нибудь занятія. Денегъ у меня было очень мало (за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ отецъ мой совсѣмъ разорился), рессурсовъ въ запасѣ никакихъ, протекцій тоже не имѣлось, и пробиваться изъ такого положенія надо было исключительно собственнымъ трудомъ. Пристроиваться къ какой-нибудь казенной службѣ у меня тогда намѣреній не было, тѣмъ болѣе, что и для этого возникла бы надобность въ протекціяхъ, но и выжидать долго безъ занятій тоже было нельзя, за неимѣніемъ средствъ. При такихъ обстоятельствахъ, моя мысль останавливалась главнымъ образомъ на отысканіи литературной работы, которая, при

ея особомъ интересѣ, казалось, и отыщется скорѣе. Я надѣялся, что при моихъ крайне скромныхъ требованіяхъ она меня поддержитъ хоть на время, пока я успѣю подыскать себѣ какой-нибудь болѣе постоянный источникъ. Мнѣ уже раньше пришлось помѣстить въ разныхъ газетахъ не мало статеекъ, въ томъ числѣ въ московскихъ изданіяхъ: „Современной Лѣтописи Русскаго Вѣстника", Каткова, и „Днѣ" Аксакова. Читалъ же я съ ранней юности много, и журналовъ, и газетъ. А время тогда было богато надеждами на широкое развитіе печати и на расширеніе частной дѣятельности вообще. Къ литературному міру меня тянуло, и много привлекательнаго въ немъ было въ ту пору.

Начало 1862 года было для этого міра однимъ изъ особо интересныхъ моментовъ. Всюду чувствовалось движеніе впередъ, всюду слышалась рѣчь объ обновленіи, оживленіи, о скорѣйшей развязкѣ съ огромнымъ запасомъ общественныхъ золъ близкаго и мрачнаго прошлаго, о выводѣ русской жизни на новый, благотворный путь. Крестьянская реформа только-что прошла законодательно, и во всѣхъ губерніяхъ шли горячія работы по ея фактическому осуществленію, а въ ближайшемъ будущемъ ожидались: уничтоженіе тяжкаго зла винныхъ откуповъ, избавленіе отъ стараго неправеднаго и взяточнаго суда, исправленіе административныхъ порядковъ, и т., д. и т. д. Участливость печати ко всѣмъ вопросамъ улучшенія не могла не возвышать ея авторитета и не вызывать къ ней живѣйшихъ симпатій. Тому же, кто въ молодости, подобно мнѣ, вдоволь успѣлъ наглядѣться и наслушаться въ провинціи беззаконій, произвола, проявленій жестокости и др. жизненныхъ неправдъ дореформеннаго времени, у кого эти неправды накопили много протестующаго чувства,— тому печать, возстающая противъ нихъ, даже особенно казалась могучею силою движенія впередъ. Тогда и между органами печати не было еще такой рѣзкой розни, какая скоро послѣ того начала выступать съ большою рельефностью. Движеніе впередъ чувствовалось, но въ литературномъ мірѣ не ощущалось остраго запаха ретроградныхъ мотивовъ, за исключеніемъ развѣ двухъ-трехъ изданій, на которыя и смотрѣли какъ на современные курьёзы. Напротивъ, и дѣятели стараго времени старались подделываться къ новому движенію. Кто не заглядывалъ поглубже, туда, гдѣ таились зародыши будущей борьбы направленій,—тому казалось, что почти всѣ идутъ согласно къ отысканію лучшихъ, болѣе свободныхъ условій жизни и расходятся развѣ въ частностяхъ, въ способахъ этого отысканія. Словомъ, довольно вспомнить, что это былъ моментъ послѣ начатія крупныхъ реформъ,

но—до петербургскихъ пожаровъ и раньше крайняго обостренія польскаго вопроса и другихъ событій, вызвавшихъ проявленія реакціоннаго духа вмѣстѣ съ мотивами угодливости и частныхъ выгодъ, которые стали потомъ раздѣлять міръ печати на рѣзко обособленные лагери.

Московскій литературный міръ имѣлъ самостоятельную и симпатичную физіономію. Въ немъ особенно выдавались двѣ группы: „Русскаго Вѣстника" и славянофильская, державшаяся около газеты „День". Катковъ представлялся тогда крупною прогрессивною силою, пользуясь въ лучшей части общества большою популярностью, пріобрѣтенною шестилѣтнимъ изданіемъ „Русскаго Вѣстника", который впервые заговорилъ о коренныхъ русскихъ вопросахъ серьезно, по новому, съ непривычною до того свободою и достоинствомъ сторонника дѣйствительныхъ общественныхъ интересовъ, хотя и вызывалъ замѣчанія своимъ увлеченіемъ англоманствомъ. Аксаковъ же, издававшій въ это время еженедѣльную газету „День", смѣнившую кратковременно просуществовавшій до своего запрещенія „Парусъ", привлекалъ къ себѣ горячностью и искренностью своей рѣчи, въ которой чувствовалось живое стремленіе къ правдѣ, соединенное съ наступательнымъ характеромъ. И не соглашавшіеся съ его славянофильствомъ, доводившимъ иногда до большихъ увлеченій, очень цѣнили его глубокую убѣжденность и прямоту. — Были еще двѣ большія ежедневныя газеты. „Московскія Вѣдомости" издавались отъ университета и имѣли общій либеральный характеръ, но велись довольно вяло, потому что ихъ редакція доживала свой последній годъ; въ это время уже предполагалась сдача „Московскихъ Вѣдомостей" въ аренду, редакторъ Коршъ готовился къ переѣзду въ Петербургъ для изданія „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", а помощнику его Щепкину предстояло только доредактировать газету въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Другую газету представляло „Наше Время", но она отличалась уже инымъ характеромъ. Издавалъ ее Н. Ф. Павловъ, имѣвшій въ литературномъ мірѣ очень незавидную репутацію; его газета и виляла, и подслуживалась внѣшнимъ силамъ, и проводила антипатичныя сословныя тенденціи, хотя все это нисколько ей не помогло: „Наше Время" быстро зачахло отъ возроставшаго нерасположенія публики.—Издавалась еще еженедѣльная газета „Русская Рѣчь" графини Саліасъ, представлявшая отпрыскъ „Русскаго Вѣстника", но она прекратила свое существованіе въ началѣ 1862 года. Остальныя изданія были мелки или спеціальны.

По пріѣздѣ въ Москву, приступилъ я къ завязкѣ литератур-

ныхъ знакомствъ, начавъ съ Каткова. Адреса я его не зналъ, такъ какъ на книжкахъ „Русскаго Вѣстника“ означались только его контора и типографія, и потому сначала направился къ этой послѣдней, въ Армянскій переулокъ. Здѣсь мнѣ сказали, что Катковъ живетъ довольно далеко отъ городского центра, близъ Ивановскаго монастыря, въ Трехсвятительскомъ переулкѣ, въ домѣ Клевезаль. Подъѣхавъ къ этому дому, я нашелъ дверь съ улицы запертою, а на ней билетикъ съ означеніемъ, что по случаю какихъ-то передѣлокъ ходъ въ редакцію временно назначенъ со двора. Но на дворѣ ни души, а входовъ нѣсколько. Сунулся я въ одинъ входъ, но неудачно, и здѣсь меня отослали къ другому. Тутъ попалъ я въ какія-то сѣни или корридоръ и нашелъ боковую дверь, при которой не было звонка—признакъ тогдашней московской простоты. Направившись сюда наугадъ и отворивъ уже вторую дверь, попалъ я въ почти темную комнату, гдѣ трудно было сразу оглядѣться. Окна были плотно завѣшены сторами, словно въ спальнѣ, на столѣ стояла горящая свѣча, и въ эту минуту какой-то вполнѣ одѣтый господинъ, подойдя къ свѣчѣ, зажигалъ сигару. Оглянувшись, онъ обратился ко мнѣ, и на мое заявленіе, что я желалъ бы видѣть редактора, отвѣтилъ приглашеніемъ пройти вмѣстѣ съ нимъ въ другую комнату. Мы вошли въ просторный и свѣтлый кабинетъ, и здѣсь этотъ господинъ объявилъ, что онъ-то и есть редакторъ, Катковъ. Я назвалъ себя, онъ отвѣтилъ, что помнитъ мое имя по статьямъ, мы подали другъ другу руки, усѣлись возлѣ стола, и начался между нами разговоръ.

Внѣшность и манера моего новаго знакомца расположили меня къ нему. Предо мною былъ человѣкъ лѣтъ около сорока, средней полноты, съ продолговатымъ лицомъ, прямымъ носомъ, короткою бородою, темнорусыми приглаженными волосами и умными глазами. Голосъ не громкій, рѣчь плавная, но настолько сдержанная, какъ будто слова отпускались счетомъ, а манера—очень любезная. Послѣ ординарныхъ объясненій о томъ, откуда я, давно ли пріѣхалъ въ Москву и съ какою цѣлью и т. под., а также нѣсколькихъ словъ о текущихъ литературныхъ дѣлахъ, я высказалъ Каткову, что, начиная самостоятельную жизнь, рѣшился поселиться въ Москвѣ; а такъ какъ мнѣ очень нужна работа, то я и ищу ее въ журнальной сферѣ, причемъ надѣюсь на возможность пристроиться къ чему-нибудь и въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Катковъ отвѣтилъ предложеніемъ доставлять статьи на общемъ основаніи, но на это я замѣтилъ, что мнѣ нужна не случайная, а сколько-нибудь постоянная работа, почему мнѣ

интересно узнать—могу ли я найти ее при редакціи. Соображая, что Катковъ видѣлъ меня только первый разъ и къ нему, вѣроятно, подобно мнѣ, обращаются многіе, я, конечно, готовился и къ отрицательному отвѣту; однако пріемъ оказанъ былъ мнѣ болѣе сочувственный. Катковъ вступилъ въ болѣе подробныя объясненія и пошелъ на встрѣчу моему предложенію. Мы поговорили еще какъ на эту тему, такъ и о другихъ предметахъ, а въ заключеніе онъ высказалъ, что хотя сразу не можетъ предложить мнѣ чего-либо вполнѣ опредѣленнаго, но надобность въ литературныхъ работахъ при редакціи дѣйствительно встрѣчается нерѣдко, только для выбора мнѣ подобныхъ занятій надо бы намъ познакомиться ближе.—„У меня,—сказалъ онъ,—по пятницамъ, вечерами, собираются сотрудники и др. знакомые; милости просимъ и васъ посѣщать наши вечера. Вотъ тутъ я познакомлю васъ съ моимъ товарищемъ, профессоромъ Леонтьевымъ, и мы вмѣстѣ подумаемъ, какъ бы васъ пристроить. Вѣроятно и вамъ могутъ быть интересны тѣ, кого вы у насъ встрѣтите".

Въ концѣ нашего разговора, вошелъ секретарь редакціи, и Катковъ напомнилъ ему о необходимости разсчитаться со мною по гонорару за напечатанныя мои статьи, такъ что я тутъ же получилъ небольшое подкрѣпленіе своихъ рессурсовъ.

Общее впечатлѣніе, произведенное на меня, провинціальнаго новичка, этою первою встрѣчею съ столичною литературною силою, было благопріятно. Катковъ до извѣстной степени очаровалъ меня своимъ любезнымъ отношеніемъ, показался мнѣ очень симпатичнымъ человѣкомъ, и въ эту минуту едва ли я могъ бы повѣрить, что въ будущемъ придется относиться къ его общественной дѣятельности такъ, какъ пришлось потомъ относиться въ дѣйствительности.

Вслѣдъ затѣмъ отправился я къ Аксакову, на Спиридоновку, гдѣ редакція „Дня" помѣщалась въ небольшомъ домѣ Вечéслова. Но здѣсь мнѣ пришлось поговорить только въ конторѣ, такъ какъ Аксаковъ, сильно занятый предъ выпускомъ газетнаго нумера, въ этотъ день никого не принималъ. Побывалъ я также у предсѣдательницы „Общества распространенія полезныхъ книгъ", извѣстной московской общественной дѣятельницы А. Н. Стрекаловой, къ которой имѣлъ рекомендательное письмо отъ давней ея пріятельницы изъ провинціи. Она приняла меня до того любезно, что тутъ же оставила у себя обѣдать и пригласила посѣщать ея домъ зàпросто, обѣщая литературныя и другія интересныя встрѣчи. Случайно пришлось сдѣлать еще нѣкоторыя знакомства, и вообще въ Москвѣ какъ-то сразу стали открываться предо мною двери литературныхъ круговъ.

Послѣ первыхъ московскихъ встрѣчъ пришла мнѣ въ голову мысль сдѣлать еще кратковременную экскурсію въ Петербургъ, благо подобная поѣздка стоила въ ту пору дешево: проѣздъ въ третьемъ классѣ, хотя очень неудобный, тридцатичасовой и въ нетопленныхъ вагонахъ, оплачивался всего четырьмя рублями. Но въ Петербургѣ знакомствъ я успѣлъ сдѣлать немного. Первымъ моимъ литературнымъ знакомцемъ здѣсь былъ П. И. Вейнбергъ, только-что прекратившій тогда редакторство въ еженедѣльной газетѣ „Вѣкъ", издававшейся немного болѣе года, при сотрудничествѣ Дружинина и Кавелина, и въ которой я тоже успѣлъ въ предъидущемъ году кое-что помѣстить. Другое же знакомство у меня состоялось съ редакціею журнала „Основа", посвященнаго исторіи, литературѣ и вообще интересамъ Малороссіи. Редактировалъ этотъ журналъ В. М. Бѣлозерскій, а помогалъ ему въ редакціонныхъ трудахъ—Кистяковскій, впослѣдствіи кіевскій профессоръ. Заѣхавъ въ редакцію, бывшую у Круглаго рынка, я засталъ тамъ обоихъ и встрѣтилъ еще болѣе привѣтливый пріемъ. Мы оживленно разговорились, преимущественно о знакомомъ мнѣ югѣ и малороссійской исторіи; кстати оказалось, что у насъ есть общіе знакомые, и я съ удовольствіемъ засидѣлся у Бѣлозерскаго часа полтора, а въ заключеніе получилъ приглашеніе на вечеръ слѣдующаго дня, на который приходилось еженедѣльное, понедѣльничное собраніе сотрудниковъ „Основы" и знакомыхъ редакціи.

Отъ этого вечерняго собранія, однако, у меня осталось немного впечатлѣній, да и тѣ сильно сгладились, потому что почти со всѣми встрѣченными тамъ людьми мнѣ потомъ не пришлось видѣться ни разу. Помню, что собраніе было многолюдно, но хотя вечеръ отличался національнымъ характеромъ, однако составъ участниковъ былъ довольно смѣшанный. Были двѣ-три дамы, были великоруссы и малороссы, и даже нѣсколько сербскихъ студентовъ; различны были и одежды. На ряду съ сюртуками и фраками, встрѣчалось не мало народныхъ малорусскихъ костюмовъ. Одинъ, помню, одѣтъ былъ въ широкую и длинную халатообразную чуйку и подпоясанъ длиннымъ, толстымъ и пестрымъ крестьянскимъ поясомъ, обертывавшимъ его два или три раза. Изъ писателей припоминаю только Кулиша. Разговоръ шелъ оживленно по кружкамъ, но была и рояльная музыка. Чувствовалось, что большинство здѣсь—горячіе приверженцы всего малороссійскаго; слышалось не мало о правѣ, достоинствѣ и важномъ значеніи народнаго языка, но меня отчасти удивляло, что при всемъ томъ говорившіе мало имъ пользовались. Даже

въ тѣсныхъ кружкахъ земляковъ рѣчь шла, главнымъ образомъ, на языкѣ общерусскомъ, литературномъ. Выдвигались среди бесѣдъ отдѣльныя малорусскія фразы, поговорки, отрывки народныхъ пѣсенъ, иной начнетъ и разговоръ по-малорусски, а тамъ — опять сведутъ на общую русскую рѣчь.

Въ Петербургѣ я пробылъ всего три дня, успѣвъ лишь самымъ поверхностнымъ образомъ ознакомиться съ его внѣшностью, а затѣмъ опять вернуться въ Москву, гдѣ обратился къ продолженію литературныхъ знакомствъ. Направясь снова въ редакцію „Дня", я на этотъ разъ уже засталъ Аксакова въ свободное для него время и поговорилъ съ нимъ довольно долго. Тутъ впечатлѣніе получилось совсѣмъ не такое, какъ при встрѣчѣ съ Катковымъ.

Ни по внѣшности, ни по манерѣ, ни по содержанію рѣчи не замѣтно было ничего общаго между Аксаковымъ и Катковымъ. Тогда какъ послѣдній, при всей наружной привѣтливости, отличался большою сдержанностью рѣчи, словно отсчитывалъ слова, нерѣдко прималчивалъ и не обнаруживалъ внутренней живости, такъ что отъ него отдавало холодкомъ,—Аксаковъ сразу производилъ впечатлѣніе очень живого человѣка и рѣчь его, можно сказать, била ключомъ. Выше средняго роста, полный, съ открытымъ лицомъ, откинутыми назадъ длинными русыми волосами и переходящею въ рыжій цвѣтъ бородою, большимъ горбатымъ носомъ, живыми глазами — онъ съ перваго взгляда казался силою, а разговоръ его еще увеличивалъ это впечатлѣніе. Какъ только мы начали говорить, бесѣда сразу стала живою. Аксаковъ не дожидался вопросовъ, а самъ бралъ на себя иниціативу по отношенію къ предметамъ разговора, разспрашивалъ о крестьянскомъ дѣлѣ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ я былъ въ послѣднее время, о русско-польскихъ отношеніяхъ на югѣ, затѣмъ перешли къ рѣчи о тогдашнемъ украинофильствѣ, коснулись распространенія школъ, дѣятельности духовенства и т. д., причемъ Аксаковъ горячо и образно выражалъ свои воззрѣнія на тѣ или другія стороны дѣла. Вопросовъ перетрогано было не мало и къ нимъ у него сказывалось не просто живое, а въ извѣстной степени даже страстное отношеніе, выражавшееся какъ въ тонѣ рѣчи, такъ и въ соотвѣтствующихъ жестахъ. Когда разговоръ перешелъ къ моему положенію въ Москвѣ, Аксаковъ, предложивъ мнѣ писать для „Дня", участливо замѣтилъ, что мнѣ надобно войти въ хорошія знакомства, бывать въ кругу серьезно мыслящихъ людей, и затѣмъ нашъ разговоръ окончился приглашеніемъ на его еженедѣльные вечера, тоже по пятницамъ. „Въ субботу,—объяснилъ онъ, — выходитъ нумеръ „Дня", наканунѣ

редакціонная работа затихаетъ и вечеръ этотъ—самое удобное время для нашихъ собраній".

Мнѣ оставалось устроиться въ Москвѣ нѣсколько основательнѣе. Жизнь въ гостинницѣ была не по средствамъ. Литературные заработки только начинали открываться,—значитъ, на нихъ не очень-то можно было разсчитывать. Послѣ недолгихъ исканій, нашелъ я около Малаго театра меблированныя комнаты, гдѣ за рубль въ сутки мнѣ предложили: небольшую, но чистую и удобную комнату, обѣдъ въ три блюда и самоваровъ сколько угодно. Здѣсь я помѣстился и сталъ до нѣкоторой степени чувствовать себя уже москвичемъ.

II.

Редакціонные кружки.

Посѣщенія московскихъ литературныхъ собраній началъ я съ ближайшей пятницы. У меня были приглашенія на два собранія въ недѣлю, но неудобство состояло въ томъ, что оба они приходились на одно и то же время—пятничный вечеръ. Поэтому надо было или поочередно пользоваться только однимъ приглашеніемъ, или дѣлить вечеръ на-двое, а это послѣднее сильно затруднялось дальностью разстоянія между редакціями „Дня" и „Русскаго Вѣстника". Тащиться нѣсколько верстъ, изъ-за Покровки, съ Трехсвятительскаго переулка на Спиридоновку, на тогдашнихъ влекомыхъ клячами извозчичьихъ дрожкахъ, да еще при московской кривизнѣ улицъ и крутизнѣ подъемовъ и спусковъ, значило терять изъ недолгаго вечерняго времени цѣлый часъ, если не больше. Однако, на первый разъ мнѣ захотѣлось побывать на обоихъ вечерахъ, и я направился сначала къ Каткову.

Этотъ вечеръ у Каткова былъ одинъ изъ ординарныхъ, великопостныхъ, но, тѣмъ не менѣе, не лишенъ былъ нѣкоторой парадной внѣшности. Гости появлялись во фракахъ, и первымъ изъ нихъ приходилось дожидать хозяина. Когда ихъ набралось уже нѣсколько, тогда вышелъ къ нимъ Катковъ, тоже облачившійся во фракъ. Затѣмъ стали подъѣзжать другіе, и мало-по-малу составъ общества опредѣлился. Всего было человѣкъ около двѣнадцати; дамъ не было видно,—онѣ принимались въ другой комнатѣ и, какъ показали послѣдующіе вечера, выходили только къ ужину. Катковъ познакомилъ меня съ присутствовавшими, въ числѣ которыхъ были: Леонтьевъ, поэтъ Алмазовъ, Лонгиновъ и близкій сотрудникъ редакціи—Щербань. Остальныхъ не припомню, да они, кажется, и не представляли особаго интереса.

Разговоръ шелъ не общій, а больше по маленькимъ группамъ: двое-трое усядутся у стола, другая группа помѣстится на диванѣ, третьи заберутся въ уголокъ и бесѣдуютъ тихо, чуть не въ полголоса. Говорили о петербургскихъ журнальныхъ новостяхъ, объ извѣстіяхъ изъ губерній, о ходѣ уставныхъ грамотъ, объ обострявшемся польскомъ движеніи, о выплывавшемъ тогда на горизонтъ вопросѣ имущественнаго ценза въ будущемъ мѣстномъ управленіи, о новомъ сатирическомъ стихотвореніи Алмазова „Похороны Русской Рѣчи", и т. д., только вообще говорили какъ-то вразбросъ, съ паузами прималчиванья, отчего содержаніе бесѣдъ этихъ мало оставалось въ памяти.

Самъ Катковъ то подходилъ къ отдѣльнымъ группамъ, то усаживался среди двухъ-трехъ собесѣдниковъ, но говорилъ очень мало. Здѣсь только послушаетъ, прималчивая; тамъ кинетъ, какъ бы свысока, нѣсколько малозначащихъ словъ, выразитъ односложное подтвержденіе или сомнѣніе по поводу чужой рѣчи, вообще же больше держалъ свои уста замкнутыми, что невольно напоминало бывшія въ ходу шутки объ его олимпійскомъ величіи. Казалось даже, будто и другіе, въ его присутствіи, были сдержаннѣе обыкновеннаго, словно ихъ подавляла его величавая замкнутость. Немного отличался отъ него въ этомъ отношеніи и Леонтьевъ, фигура и манера котораго представляли характерный образецъ безстрастія. Небольшого роста, бритый, съ горбомъ за плечами и какъ бы прижатою къ туловищу головою, онъ казался очень невзрачнымъ, а въ сквозившихъ черезъ очки глазахъ его тоже незамѣтно было никакой живости. Говорилъ онъ очень сдержанно, изрѣдка подавая собесѣднику короткія реплики, и въ рѣчи его не легко было улавливать его собственное, достаточно опредѣленное мнѣніе. Идетъ у него, напримѣръ, съ кѣмъ-нибудь разговоръ, и очень замѣтно, что Леонтьевъ совершенно не раздѣляетъ взгляда своего собесѣдника, рѣчь тянется долго, но Леонтьевъ все молчитъ, повидимому внимательно слушая, и не дѣлаетъ возраженій, лишь кое-гдѣ вставляя наводящій сомнѣніе вопросъ или легкое замѣчаніе. Казалось, расшевелить, вывести изъ сосредоточеннаго спокойствія его безстрастную, выдержанную натуру—очень мудрено. Говорливѣе всѣхъ въ этомъ обществѣ былъ крупный толстякъ Лонгиновъ, голосъ котораго гремѣлъ далеко вокругъ. Этотъ будущій начальникъ россійской цензуры, проживая въ Москвѣ и состоя секретаремъ „Общества любителей россійской словесности", числился тогда въ либералахъ и извѣстенъ былъ преимущественно какъ авторъ историческихъ монографій, что замѣтно отражалось и въ его рѣчахъ. Онъ разсказывалъ историческіе анекдоты, приводилъ справки

давно прошедшихъ временахъ, строго критиковалъ современные административные порядки, возставалъ противъ стѣсненій печати, говорилъ о необходимости развитія самоуправленія, — словомъ, высказывался какъ разъ противъ того, что самъ примѣнялъ впослѣдствіи, когда получилъ власть, — а вмѣстѣ съ тѣмъ сильно негодовалъ на неисправность отбыванія крестьянами повинностей въ пользу помѣщиковъ, въ чемъ, конечно, былъ искреннѣе. Онъ такъ настаивалъ на этомъ послѣднемъ предметѣ, что скоро „Современная Лѣтопись“ украсилась полемикою о крестьянскихъ повинностяхъ въ имѣніи самого Лонгинова, занявшею мѣсто наряду съ государственными и общественными вопросами того времени.

Разнесли чай, всѣмъ въ чашкахъ; гости присѣли съ ними за разные столики, и это, въ свою очередь, заняло разговорныя паузы. Тутъ зашелъ у меня отдѣльный разговоръ съ Леонтьевымъ. Онъ сказалъ, что Катковъ уже передавалъ ему о нашемъ предъидущемъ объясненіи, и что въ данное время наиболѣе подходящею будетъ такая комбинація: кромѣ того, что я могу доставлять для „Современной Лѣтописи“ статьи по собственной иниціативѣ, редакція, время отъ времени, будетъ давать мнѣ накопляющіеся у нея матеріалы по отдѣльнымъ предметамъ, а я буду составлять по нимъ статьи, обзоры, очерки и т. п., причемъ оплачиваться эта работа будетъ за каждый напечатанный трудъ особо. Пока, по словамъ Леонтьева, надо было остановиться на этомъ, потому что другія роли при редакціи заняты; однако онъ прибавлялъ, что впереди предвидится для меня возможность болѣе широкаго и постояннаго участія въ редакціонныхъ работахъ, такъ какъ у редакціи имѣются нѣкоторые виды на расширеніе дѣятельностей въ будущемъ. Какъ впослѣдствіи выяснилось, Катковъ съ Леонтьевымъ тогда уже задумывали изданіе ежедневной газеты.

Выждавъ еще немножко, я ускользнулъ изъ этого общества и, взявъ извозчика, потянулся къ Аксакову, на Спиридоновку, куда поспѣлъ уже незадолго до полуночи.

Еще снимая верхнюю одежду въ прихожей, я уже слышалъ громкіе голоса изъ внутреннихъ комнатъ, показывавшіе, что тамъ идетъ очень оживленный разговоръ. Гости располагались въ двухъ комнатахъ — залѣ съ мягкою мебелью и редакторскомъ кабинетѣ. Аксаковъ не былъ еще въ ту пору женатъ и проживалъ съ матерью и сестрами, которыя на своей половинѣ принимали своихъ гостей, такъ что пятничные посѣтители дѣлились на двѣ части, причемъ, разумѣется, гости самого Аксакова составляли преобладающее большинство. Лишь нѣкоторые, болѣе

близкіе къ ихъ семейству, заходили изъ мужской половины и на женскую. Я вошелъ въ кабинетъ въ самый разгаръ какого-то разговора, среди котораго Аксаковъ, стоя въ одной изъ группъ, что-то горячо доказывалъ. Составъ присутствовавшихъ былъ замѣтно больше, чѣмъ на только-что покинутомъ мною Катковскомъ вечерѣ, и Аксаковъ сейчасъ же сталъ знакомить меня съ нѣкоторыми изъ нихъ. Тутъ были люди самыхъ разнообразныхъ положеній, отъ московскихъ тузовъ до бѣдныхъ студентовъ, соотвѣтственно чему варьировались и одежды: между сюртуками и пиджаками встрѣчались и поддёвки.

Были здѣсь университетскіе профессора: старикъ Ив. Дм. Бѣляевъ, хромой отъ поврежденія ступни ноги, выдвинувшійся незадолго предъ тѣмъ вышедшимъ историческимъ сочиненіемъ „Крестьяне на Руси“, которое охватывало положеніе русскаго крестьянства съ древнѣйшихъ временъ до Екатерининской эпохи; пріѣзжій изъ Петербурга В. И. Ламанскій и недавно перешедшій на каѳедру философіи московскаго университета изъ кіевской духовной академіи Юркевичъ, изъ-за котораго около того времени возникла острая полемика между „Современникомъ“ и московскими органами; это былъ добродушный съ виду малороссъ, отличавшійся рѣзкимъ южнымъ выговоромъ, но очень далекій отъ всякаго украинофильства и скорѣе тяготѣвшій къ традиціонному консерваторству. Изъ коренныхъ представителей славянофильскаго общества присутствовали: бывшій недавно членомъ редакціонныхъ коммиссій по крестьянскому дѣлу кн. Черкасскій; бывшій профессоръ Ѳ. В. Чижовъ, занимавшійся въ то время крупными промышленными дѣлами, руководившій предпріятіемъ московско-ярославской желѣзной дороги и издававшій газету „Акціонеръ“; а также —двое Самариныхъ,—братья извѣстнаго Юрія Ѳедоровича, который находился тогда въ Самарѣ, будучи членомъ тамошняго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Тутъ же находились: вращавшійся въ славянофильскомъ кругу и писательствовавшій богачъ Кошелевъ — крупный помѣщикъ разныхъ губерній и московскій домовладѣлецъ, округлившій въ былое время свое состояніе участіемъ въ откупахъ,—а впослѣдствіи короткое время занимавшій видный постъ по финансовому управленію Царства Польскаго; редакторъ памятниковъ народнаго творчества „Калики Перехожіе“, а впослѣдствіи харьковскій профессоръ Безсоновъ,—наружность котораго отличалась высокимъ ростомъ и совсѣмъ лысою головою; занимавшійся вопросами русской исторіи профессоръ семинаріи Ил. Вас. Бѣляевъ; одинъ изъ редакторовъ „Православнаго Обозрѣнія“ священникъ Преображенскій, поэтъ Плещеевъ, московскій судебный дѣятель

и писатель Лопатинъ и горный полковникъ Пфейферъ. Этотъ послѣдній, не представляя никакой литературной физіономіи, писалъ иногда по финансамъ, а тогда усердно занимался изученіемъ англійской парламентской дѣятельности; по какому-то случаю московскій университетъ получилъ разъ изъ Англіи пожертвованіе въ видѣ обширнаго собранія парламентскихъ актовъ; узнавъ о томъ, Пфейферъ, будучи знатокомъ англійскаго языка, попросилъ доступа къ этому матеріалу, долго корпѣлъ надъ нимъ и въ результатѣ выпустилъ подъ псевдонимомъ книгу „Парламентское дѣлопроизводство“. Было еще нѣсколько лицъ изъ литературнаго міра, но такъ какъ я сразу ихъ не запомнилъ, а узнавалъ ихъ ближе уже впослѣдствіи, то боюсь перепутать, кто изъ нихъ находился именно на этомъ вечерѣ. Присутствовала еще цѣлая группа русскихъ и болгарскихъ студентовъ. Между послѣдними помню: Живзифова, Каравелова, Станишева и Камбурова.—На одномъ изъ столовъ лежалъ только-что отпечатанный нумеръ „Дня“, подлежавшій выпуску на слѣдующее утро.

Очутившись въ Аксаковскомъ обществѣ сейчасъ послѣ Катковскаго, я какъ-то сразу почувствовалъ значительное различіе между ними. Тогда какъ въ Катковскомъ шли чинные, словно дисциплинированные разговоры, у Аксакова пришлось ощутить себя въ болѣе живой средѣ. Ничего похожаго на натянутость тутъ не замѣчалось; разговоры шли громкіе, оживленные, иногда горячіе, какъ по кружкамъ, такъ и общіе, и нерѣдко возникали споры. Вотъ одинъ кружокъ, центръ котораго представляютъ Бѣляевы, сильно заинтересовался вопросомъ о выдвинутыхъ тогда Костомаровымъ гипотезахъ относительно этнографическаго единства древнихъ новгородцевъ съ малоруссами и происхожденія великорусскаго племени, причемъ всѣ относятся къ этимъ мнѣніямъ отрицательно, находя, что они и предвзяты, и тенденціозны, и не обоснованы, такъ что собесѣдники распространяются только о тѣхъ или другихъ недостаткахъ пріемовъ петербургскаго историка. Въ другомъ мѣстѣ идетъ оживленный разговоръ о ходѣ крестьянскаго дѣла, главнымъ образомъ о только-что начатомъ введеніи уставныхъ грамотъ, которое встрѣчало еще большія затрудненія, частію въ недоразумѣніяхъ по поводу примѣненія „Положеній“, частію же въ крестьянскомъ недовѣріи, побуждавшемъ уклоняться отъ какихъ-либо соглашеній съ помѣщиками, вслѣдствіе чего возникали въ помѣщичьей средѣ желанія и обязательнаго перевода крестьянъ съ издѣльной повинности на оброкъ, и допущенія выкупа въ издѣльныхъ имѣніяхъ. Здѣсь слышатся разсужденія по поводу современныхъ дворянскихъ собраній въ губерніяхъ, причемъ въ рѣшительной формѣ ставится

вопросъ объ измѣненіи, послѣ крестьянской реформы, всего значенія дворянства среди устанавливающагося новаго общественнаго строя и о томъ, какъ необходимо дворянству правильно сознать это измѣненіе, стать вполнѣ солидарнымъ съ народными интересами и формально выступить съ соотвѣтствующими заявленіями. У Аксакова и идетъ споръ съ Кошелевымъ о примѣнимости имущественнаго ценза къ будущей нашей общественной организаціи, причемъ первый рѣшительно нападаетъ на самый принципъ этого ценза, а послѣдній отстаиваетъ политическое значеніе имущественныхъ различій въ дѣлѣ представительства. Затрогивается длившееся уже больше года польское политическое броженіе, причемъ выражается мысль, что нужно точнѣе выяснить, насколько простирается сущность польскихъ притязаній, и установить такое отношеніе къ нимъ, при которомъ мы опирались бы на авторитетъ справедливости и можно было, не сводя всего дѣла къ прежнимъ способамъ механическаго давленія, вести съ поляками нравственную борьбу словомъ, опираясь на русское общественное сознаніе. Съ горячимъ сочувствіемъ откликаются проявленіямъ начинавшагося тогда народнаго движенія въ Герцеговинѣ; упоминается болгарскій церковный вопросъ; Аксаковъ громитъ „Петербургъ" съ его ненаціональными тенденціями, не прерывающимися отъ Петровской эпохи, и т. д., и т. д. Отдѣльныя группы, подъ вліяніемъ интереса разговорныхъ темъ, часто сливаются, а временами устанавливается и общая бесѣда. Если можно было соглашаться или не соглашаться съ тѣми или другими изъ высказывавшихся мнѣній, то во всякомъ случаѣ интересъ къ этой бесѣдѣ сильно поддерживался тѣмъ, что бо̀льшая часть говорившихъ высказывала мысли солидно продуманныя, прочувствованныя и относилась къ обсуждаемымъ предметамъ съ живымъ участіемъ; а такъ какъ вопросы затрогивались все живые, касавшіеся ближайшихъ злобъ дня, то рѣчи шли неумолкаемо, почти безъ перерывовъ. Все это вызывало желаніе послушать и тамъ, и здѣсь, и время летѣло незамѣтно.

Къ концу вечера накрытъ былъ въ залѣ длинный столъ, на которомъ выставили закуски, огромную рыбу, жареную дичь и вина. Гости размѣстились вокругъ этого стола, часть—за отдѣльные столики; тутъ бесѣда обратилась въ общую, и отъ говора участниковъ образовался гулъ. Главнымъ ораторомъ здѣсь былъ самъ Аксаковъ, обладавшій большимъ даромъ слова. Говорилъ онъ горячо, часто увлекательно, и его можно было заслушиваться. У него была очень живая аргументація, въ которой умственные доводы соединялись съ большимъ элементомъ чувства, и если она не чужда бывала иногда крайностей, одно-

сторонности соображеній и нѣкотораго пристрастія въ выводахъ, то вообще ей придавали не малую силу очевидная убѣжденность и страстность, при которыхъ и крайности являлись слѣдствіемъ добросовѣстнаго увлеченія. Притомъ въ значительной части присутствовавшихъ замѣтно было духовное единство съ Аксаковымъ, и если нѣкоторые временами расходились съ нимъ въ частностяхъ, то основы взглядовъ и симпатій у нихъ видимо были однѣ, такъ что въ данномъ обществѣ представлялось какъ бы ядро тогдашняго московскаго славянофильства; молодые же люди, внимательно прислушиваясь, втягивались въ сферу вліянія этой школы. Только сама редакція „Дня“ была дѣломъ не кружка, а лично Аксакова. Хотя были вліятельные сотрудники, но и номинальнымъ, и фактическимъ редакторомъ онъ былъ одинъ, имѣя подъ рукою только конторщика для исполненія порученій, и лишь изрѣдка давалъ приходившія статьи для просмотра и замѣчаній кому-либо изъ болѣе близкихъ сотрудниковъ, спеціализировавшихся по особымъ вопросамъ.

За столомъ засидѣлись довольно долго и расходиться стали уже послѣ двухъ часовъ ночи, почти всѣ разомъ, такъ какъ уѣхавшихъ раньше было развѣ нѣсколько единицъ. Выйдя на улицу, мы направились въ разныя стороны: одни поѣхали въ собственныхъ экипажахъ, другіе потянулись на извозчикахъ, остальные поплелись пѣшкомъ, кто въ одиночку, а кто — группами, продолжая между собою разговоры.

Совокупность впечатлѣній, вынесенныхъ въ этотъ вечеръ, была довольно значительна, такъ что они улеглись у меня не скоро. Но, разбираясь между ними невольно,— приходилось отдавать предпочтеніе Аксаковскому обществу, гдѣ чувствовалось больше жизни, иниціативы и даже свободы, да и людей съ самостоятельнымъ внутреннимъ содержаніемъ встрѣчалось больше, и это сильнѣе расположило меня къ славянофильскому міру, къ которому и прежде были у меня вынесенныя изъ чтенія симпатіи. Теоріи теоріями, содержаніе высказываемаго само по себѣ, но много значитъ и вліяніе личнаго общенія съ людьми разной степени живости, прямоты и участливости къ жизненнымъ требованіямъ людей и времени. Вслѣдствіе того, у меня сложилось намѣреніе, въ будущія пятницы, или проводить весь вечеръ у Аксакова, или заглядывать на нѣкоторое время къ Каткову, а оттуда спѣшить къ Аксакову, чтобы досиживать тамъ вечеръ до конца. И послѣдующія встрѣчи и впечатлѣнія давали мнѣ чувствовать, что въ этомъ отношеніи я не ошибся.

Славянофильство въ ту пору переживало одинъ изъ лучшихъ

періодовъ своего существованія. Въ немъ тогда выступали на первый планъ наиболѣе симпатичныя его черты: горячая любовь къ родинѣ и русскому народу; защита правъ народностей; стремленіе къ свободѣ духовнаго развитія населенія, выражаемаго и въ широтѣ общественной дѣятельности, и въ общей свободѣ совѣсти и слова, и въ просторѣ собственно народному творчеству; живое участіе къ экономическимъ нуждамъ народа и сильное сочувствіе положенію угнетенныхъ заграничныхъ славянъ. Притомъ, у представителей славянофильства было больше связи съ внутреннею жизнью разныхъ русскихъ мѣстностей, больше знанія этой жизни; у нихъ сильнѣе было, такъ сказать, чутье ея нуждъ и свойствъ,—почему послѣднія въ ихъ рѣчахъ и отражались удачнѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ означенную пору, представители славянофильства свободнѣе были отъ тѣхъ пристрастій, нетерпимости и узкихъ увлеченій, какія, въ ущербъ чувству справедливости и критикѣ существующаго, стали болѣе и болѣе овладѣвать ими впослѣдствіи, частію подъ вліяніемъ разжигавшихъ страсти позднѣйшихъ событій, частію даже просто отъ дѣйствія возраста. Если были у нихъ зародыши такихъ мотивовъ, то въ описываемый моментъ означенные зародыши значительно затушевывались лучшими свойствами этой общественной группы, что̀ и содѣйствовало успѣху славянофильскихъ о̀рrановъ. Самъ я увѣренъ, что названные недостатки истекали не изъ основы воззрѣній представителей группы, а были дѣломъ личныхъ характеровъ, чѣмъ-то скорѣе московскимъ, нежели славянофильскимъ. Не мало живого сохранялось въ упомянутой группѣ и съ появленіемъ позднѣйшихъ увлеченій, хотя большее и большее обращеніе этихъ увлеченій къ узкимъ цѣлямъ, вовлекая въ ошибочныя представленія и ложные шаги, скоро стало подрывать и общественныя симпатіи къ школѣ, и ея жизненное значеніе вообще. Лѣтъ двадцать спустя въ обществѣ уже послышалось: такъ вотъ какихъ плодовъ дождались мы отъ этого дерева, когда оно стало рости свободнѣе! Остатокъ славянофильской школы забрелъ въ какой-то тупикъ, очутился въ незавидной компаніи — и наконецъ сошелъ съ горизонта, не давъ преемниковъ. — Однако, возвращаюсь къ тому, что̀ было въ 1862 году.

Ѳ. Ѳ. Воропоновъ.

слѣднее время, часто повторяющіеся случаи административнаго неутвержденія лицъ, выбранныхъ на важнѣйшія земскія должности. Неудобства, сопряженныя съ нарушеніемъ обычнаго хода земской жизни, чувствуются и сознаются не только тѣми, кто отъ нихъ непосредственно страдаетъ, но и болѣе широкими сферами. Въ Вологдѣ всеобщее сожалѣніе возбудилъ уходъ В. А. Кудряваго, бывшаго предсѣдателя губернской земской управы, вновь избраннаго на эту должность, но не утвержденнаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. По свидѣтельству лицъ, близко знакомыхъ съ его дѣятельностью, она существенно измѣнила къ лучшему положеніе земскаго дѣла. „До послѣдняго времени", —читаемъ мы въ „Сѣверномъ Краѣ"—„вологодское губернское земство принимало очень слабое, чисто пассивное участіе въ развитіи народнаго образованія, ограничиваясь лишь выдачей небольшихъ субсидій уѣзднымъ земствамъ. При В. А. Кудрявомъ картина измѣнилась. Губернское земство начало энергично работать во всѣхъ областяхъ школьнаго и внѣшкольнаго народнаго образованія, путемъ воздѣйствія на уѣзды и прямо, своимъ непосредственнымъ участіемъ. Основано школьное бюро, выработанъ проектъ всеобщаго обученія въ губерніи. Начало функціонировать санитарное отдѣленіе, благодаря работамъ котораго далеко подвинулось впередъ обезпеченіе народа медицинской помощью. Въ послѣднюю сессію было постановлено организовать агрономическое отдѣленіе. Дѣятельность прежде существовавшихъ отдѣленій—напр. статистическаго, кустарнаго—получила широкое развитіе. Роль управы при В. А. Кудрявомъ этимъ не ограничивалась. Она выступила въ земскихъ собраніяхъ съ цѣлымъ рядомъ докладовъ по вопросамъ земскаго хозяйства, занимающимъ теперь всю земскую Россію. Стоитъ только сравнить журналы засѣданій губернскаго земства за послѣдніе годы съ журналами прежнихъ лѣтъ, чтобы увидѣть, насколько интенсивнѣе и энергичнѣе стала работа вологодскаго земства во всѣхъ областяхъ". А между тѣмъ, В. А. Кудрявому приходилось считаться съ большими затрудненіями, предстоящими, повидимому, и его преемнику. „Отдѣленіе по народному образованію"—говоритъ вологодскій корреспондентъ „Русскихъ Вѣдомостей" — „почти не дѣйствуетъ, вслѣдствіе отсутствія въ немъ служащихъ. Промысловое бюро находится въ переходномъ состояніи, книжный складъ—также. Повидимому, подборъ служащихъ для управы въ настоящее время составляетъ весьма трудную задачу. Вотъ уже второй годъ, какъ ей приходится подыскивать агронома. Представляемыя на утвержденіе лица не утверждаются. Любопытенъ слѣдующій фактъ: управа представила на утвержденіе избранное ею лицо для завѣдыванія страховымъ дѣломъ, и несмотря на то, что мѣсяца два тому назадъ это лицо было допущено къ завѣдыванію пенсіоннымъ столомъ, въ должности завѣ-

дующаго страховымъ дѣломъ оно не было утверждено". Порядокъ, при которомъ возможны подобныя явленія, едва ли можетъ быть признанъ желательнымъ.

Еще сильнѣе впечатлѣніе, произведенное неутвержденіемъ Д. Н. Шипова въ должности предсѣдателя московской губернской земской управы — настолько сильнѣе, насколько Москва крупнѣе Вологды, насколько московское губернское земство опередило всѣ или почти всѣ другія. Д. Н. Шиповъ состоялъ предсѣдателемъ губернской управы болѣе десяти лѣтъ; раньше онъ много работалъ въ волоколамскомъ уѣздѣ, занимающемъ, въ особенности по постановкѣ земской агрономіи, едва ли не первое мѣсто во всей губерніи. Устройство образцовой психіатрической лечебницы, подготовка и, отчасти, осуществленіе общедоступнаго начальнаго обученія, расширеніе врачебной помощи и постановка на очередь вопроса о ея общедоступности, разработка основъ общественнаго призрѣнія, цѣлый рядъ мѣропріятій по улучшенію крестьянскаго земледѣлія и кустарныхъ промысловъ, быстро законченное подворное статистическое изслѣдованіе губерніи, проложеніе новой сѣти шоссейныхъ дорогъ, приведеніе въ порядокъ земскихъ финансовъ—вотъ главные результаты, достигнутые московскимъ земствомъ подъ руководствомъ Д. Н. Шипова. Его заслугъ не отрицаютъ, впрочемъ, и самые ожесточенные его противники. „Гражданинъ" называетъ его однимъ изъ самыхъ выдающихся земскихъ дѣятелей, „по обширнымъ размѣрамъ его творчества въ области земской инициативы". „Московскія Вѣдомости" признаютъ „хозяйственно-административныя способности" Д. Н. Шипова и „отдаютъ справедливость его трудамъ по земскому хозяйству губерніи". Правда, похвала немедленно ослабляется указаніемъ, съ одной стороны, на несложность земскаго хозяйства, съ другой—на „эксплоатацію" города Москвы, доставляющую московскому земству такія средства, какими не располагаютъ другія земскія губерніи. Несостоятельность этихъ оговорокъ очевидна: хозяйство, главныя составныя части котораго перечислены нами выше, ужъ конечно не отличается простотою, а привлеченіе Москвы къ крупнымъ затратамъ на земское дѣло, будучи вполнѣ справедливымъ, оправдывается самымъ характеромъ затратъ, далеко не безполезныхъ для столицы. Чѣмъ правильнѣе поставлена земствомъ дорожная, медицинская, учебная часть, тѣмъ лучше для центральнаго пункта, находящагося въ постоянномъ живомъ общеніи съ окружающей его губерніей, испытывающаго на себѣ и пониженіе, и подъемъ ея благосостоянія.

Вынужденныя похвалы—или полупохвалы—Д. Н. Шипову скоро уступаютъ мѣсто, на страницахъ реакціонныхъ газетъ, повторенію старыхъ обвинительныхъ мотивовъ. „Г-нъ Шиповъ"—восклицаетъ „Гра-

жданиръ" — „все съ бо́льшею, такъ сказать, остентаціей и наглядностью" проявлялъ стремленіе вести свою дѣятельность „не только не въ общеніи съ административною властью, но, напротивъ, обособляясь отъ нея и подчасъ противодѣйствуя ей... Около г. Шипова начала образовываться цѣлая школа земской оппозиціи... Эта оппозиція, введенная г. Шиповымъ въ систему, слишкомъ мѣшала земскому дѣлу въ его полезности для народа". „Д. Н. Шиповъ"—читаемъ мы въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" — „не ограничивался въ своей служебной дѣятельности предѣлами своей губерніи, а систематически стремился раздвинуть ихъ весьма широко, вопреки точному и ясному смыслу закона... Пользуясь центральнымъ положеніемъ Москвы, онъ дѣлалъ многократныя попытки къ созданію совершенно-непредусмотрѣнной закономъ особой организаціи, объединяющей собою нѣкоторыя или даже всѣ земскія губерніи. Съ этою цѣлью имъ созывались въ Москвѣ съѣзды предсѣдателей губернскихъ управъ и велись дѣятельныя сношенія съ земствами другихъ губерній—сношенія закономъ не дозволенныя, а потому и прямо запрещенныя правительствомъ. Шагъ за шагомъ, гдѣ только можно было, Д. Н. Шиповъ не упускалъ случая созывать въ Москвѣ *земскіе соборики* по самымъ безобиднымъ, повидимому, предлогамъ, лишь бы укрѣпить за ними сперва *обычное*, а потомъ, при случаѣ, и *законное* право. Такъ, въ послѣднее время, не успѣлъ онъ созвать и организовать такой именно незаконный *соборикъ* съ безусловно симпатичною цѣлью помощи раненымъ, какъ, подъ шумъ повсемѣстныхъ одобреній, организовалъ уже другой *общеземскій* съѣздъ въ Москвѣ, на которомъ фигурировали представители не менѣе четырнадцати губерній". Совершенно фантастическій характеръ соображенія московской газеты прин маютъ тамъ, гдѣ она разбираетъ общее значеніе мѣры, принятой по отношенію къ Д. Н. Шипову. Утверждая, что „даже лица, въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ заявлявшія себя явно некорректнымъ образомъ дѣйствій въ предпринятой ими организаціи борьбы земства противъ правительства, оставлялись въ покоѣ и изъ трехлѣтія въ трехлѣтіе безпрепятственно утверждались въ должностяхъ", „Московскія Вѣдомости" восклицаютъ: „это породило въ земской оппозиціи слѣпую увѣренность въ томъ, будто въ отношеніи ко главарямъ земской борьбы, несмотря на ихъ явно-антиправительственный образъ дѣйствій, правительство никогда не посмѣетъ воспользоваться своимъ правомъ неутвержденія... Повидимому, мѣра терпѣнія истощилась и наступило время, когда, при утвержденіи выборныхъ должностныхъ лицъ, у насъ будутъ руководствоваться не разными побочными соображеніями о популярности кандидата, о нежелательности раздражать партіи большинства, о полезности даннаго дѣятеля для мѣстнаго хозяйства и т. п., а исключительно соображе-

ніемъ тѣхъ интересовъ, которые только и приличествуетъ имѣть въ виду государственной власти, то-есть интересовъ государственныхъ".

Откинемъ, сначала, все явно преувеличенное или прямо невѣрное въ аргументаціи реакціонной печати. Не было такого „ряда лѣтъ", когда бы оставалось безъ примѣненія дискреціонное право утвержденія или неутвержденія выборныхъ должностныхъ лицъ; не могло, слѣдовательно, и возникнуть предположеніе, что администрація отказалась, фактически, отъ пользованія такимъ правомъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить тверскую губернію, гдѣ въ теченіе послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ только одно трехлѣтіе функціонировала всецѣло выборная губернская земская управа. Никакого смысла не имѣетъ, дальше, обвиненіе предсѣдателя губернской земской управы въ „обособленіи" отъ администраціи. Отношенія исполнительныхъ органовъ къ администраціи опредѣлены положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ. Устранить основанное на законѣ воздѣйствіе администраціи земская управа не можетъ, но соглашаться съ нею всегда и во всемъ она не обязана. Разногласіе не слѣдуетъ смѣшивать съ противодѣйствіемъ; для послѣдняго у земской управы—и, тѣмъ болѣе, у ея предсѣдателя—нѣтъ ни путей, ни средствъ. „Государственный интересъ" не расходится съ мѣстнымъ: если земскій дѣятель полезенъ для мѣстнаго хозяйства, то онъ тѣмъ самымъ полезенъ и для государства... Остается, затѣмъ, только одинъ вопросъ, заслуживающій обсужденія. Газетные обвинители ставятъ въ пассивъ Д. Н. Шипова „дѣятельныя сношенія съ земствами другихъ губерній, закономъ не дозволенныя, а потому и прямо запрещенныя правительствомъ". Отсутствіе дозволенія—таково элементарное начало права—вовсе не равносильно запрещенію. Для междуземскихъ сношеній правительственное разрѣшеніе можетъ считаться необходимымъ только тогда, когда они облечены въ оффиціальную форму и направлены къ достиженію соглашенія, обязательнаго для участвующихъ въ немъ учрежденій: таковы, напримѣръ, съѣзды представителей нѣсколькихъ земскихъ губерній, вызванные борьбою съ эпидеміями или эпизоотіями. Совершенно иной характеръ имѣютъ частныя совѣщанія, ничего не постановляющія и не рѣшающія, служащія только для обмѣна мыслей, для выясненія вопросовъ, одновременно, подъ вліяніемъ требованій жизни, возникающихъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Правда, такія совѣщанія вызывали иногда неодобреніе высшей администраціи; осуждались даже письменныя сношенія между земскими управами различныхъ губерній—но частныя распоряженія, обусловленныя, быть можетъ, случайными обстоятельствами, не замѣняютъ собою закона. Скажемъ болѣе: бываютъ минуты, когда сами собою раздвигаются рамки точныхъ, опредѣленныхъ постановленій.

Пожертвованія земствъ и городовъ на надобности военнаго времени не предусмотрѣны положеніями земскимъ и городовымъ—и тѣмъ не менѣе они вошли въ обычай, не встрѣчая протеста со стороны администраціи. Та же сила вещей привела и къ общеземскому устройству помощи больнымъ и раненымъ воинамъ, участіе въ которомъ „Московскія Вѣдомости" не могутъ простить Д. Н. Шипову. Подозрительность самозванныхъ охранителей порядка не знаетъ и не хочетъ знать никакихъ предѣловъ.

Вдоволь наговорившись по поводу неутвержденія Д. Н. Шипова, реакціонная печать пытается наложить молчаніе на тѣхъ, кто не раздѣляетъ ея восторговъ. Во главѣ угла ставится положеніе, что „право общественныхъ собраній шире права правительственныхъ органовъ, такъ какъ собранія эти могутъ остановить свой выборъ на любомъ кандидатѣ въ предѣлахъ имущественнаго и образовательнаго цензовъ, тогда какъ правительственному органу предоставляется лишь утвердить или не утвердить въ должности одного или нѣсколькихъ изъ ограниченнаго числа кандидатовъ, уже прошедшихъ на общественныхъ выборахъ". Отсюда выводится заключеніе, что именно въ данномъ случаѣ проповѣдникамъ законности и защитникамъ общественныхъ учрежденій необходимо было показать примѣръ уваженія къ праву. „И право выбора, и право утвержденія—продолжаютъ „Московскія Вѣдомости" —дискреціонныя права; какъ извѣстное общественное собраніе не обязано никому отчетомъ, почему оно предпочло одного кандидата другому, точно такъ же и правительственный органъ никому не обязанъ объяснять, почему онъ утвердилъ или не утвердилъ избраннаго кандидата. Представьте себѣ, что какой-нибудь правительственный органъ позволилъ бы себѣ вліять на общественное учрежденіе въ смыслѣ избранія какого-нибудь кандидата. Конечно, это было бы незаконнымъ и „общество" подняло бы громкіе крики протеста. Совершенно очевидно, что какая бы то ни было общественная агитація съ цѣлью повліять на правительственный органъ въ смыслѣ утвержденія извѣстнаго кандидата является точно такъ же совершенно незаконнымъ вмѣшательствомъ въ чужую компетенцію". Всѣ эти разсужденія—одинъ сплошной софизмъ. Сущность дискреціоннаго права заключается въ томъ, что распоряженіе, на немъ основанное, не подлежитъ обжалованію и отмѣнѣ. Отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы *пользованіе* дискреціоннымъ правомъ не допускало критики. Дискреціонною властью облечены, напримѣръ, земскіе начальники—но это никогда не мѣшало печати обсуждать ея проявленія, и никому не приходило въ голову видѣть въ такомъ обсужденіи неуваженіе къ закону. Сожалѣніе, выраженное нѣкоторыми органами печати—и нѣкоторыми общественными учрежденіями—по

поводу неутвержденія Д. Н. Шипова, не имѣетъ ничего общаго ни съ сомнѣніемъ въ *законности* этой мѣры, на принятіе которой министръ внутреннихъ дѣлъ беаспорно уполномоченъ земскимъ положеніемъ, ни съ требованіемъ отчета о ея мотивахъ. Московская газета проводитъ параллель между правомъ избранія, принадлежащимъ земскому собранію, и правомъ неутвержденія, принадлежащимъ администраціи. Но развѣ изъ свободы выбора кто-нибудь выводилъ незаконность его обсужденія? А между тѣмъ, дальше обсужденія не шелъ никто изъ тѣхъ, въ чьихъ глазахъ устраненіе Д. Н. Шипова отъ земской дѣятельности—большая потеря для земства и, слѣдовательно, для всего русскаго общества. Попыткой повліять на администрацію такое обсужденіе нельзя считать уже потому, что оно явилось post factum, когда распоряженіе состоялось и на взятіе его назадъ не могло быть никакой надежды. Все сказанное московской газетой по адресу ея противниковъ обрушивается, въ сущности, ни на кого другого, какъ на нее и на ея единомышленниковъ. И до избранія Д. Н. Шипова, и въ особенности послѣ него, въ ожиданіи рѣшенія администраціи, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" и въ „Гражданинѣ" шла ожесточенная агитація противъ Д. Н. Шипова, образцы которой приведены въ нашей апрѣльской общественной хроникѣ. Мы не знаемъ, способствовала ли эта агитація неутвержденію Д. Н. Шипова; но что такова была, между прочимъ, ея цѣль—въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. Нужна очень большая безцеремонность, чтобы выступать, послѣ того, съ проповѣдью уваженія къ закону и съ изобличеніемъ вмѣшательства въ чужую область. Не мѣшало бы помнить, по меньшей мѣрѣ, ту простую истину, что гдѣ возможно одобреніе, тамъ возможно—или должно быть возможно—и неодобреніе.

А вотъ еще маленькій фактъ, показывающій наглядно, какъ реакціонная печать практикуетъ проповѣдуемое ею невмѣшательство въ область чужого права. „Какъ слышно"—читаемъ мы въ № 115 „Московскихъ Вѣдомостей",—„московская городская управа приглашаетъ въ помощь члену управы Г. А. Пузыревскому для завѣдыванія учебнымъ дѣломъ въ городскихъ начальныхъ училищахъ г. Чехова, завѣдующаго хозяйствомъ учебнаго дѣла въ тверскомъ земствѣ. Если этотъ слухъ вѣренъ, то нельзя не выразить полнаго недоумѣнія по поводу выбора управы. Неужели нѣтъ въ Москвѣ достойныхъ лицъ и почему именно понадобилось выписывать на важную должность наблюдателя народнаго образованія лицо изъ *тверского земства*, о дѣятельности котораго въ области народнаго образованія достаточно извѣстно?". Назначенія по земскому и городскому общественному управленію совершаются не иначе, какъ съ согласія администраціи. Средствъ ознакомленія съ кандидатами у нея болѣе чѣмъ достаточно; въ содѣйствіи

добровольцевъ она едва ли чувствуетъ потребность. Гдѣ работало раньше то или другое лицо, приглашаемое на должность—это извѣстно кому слѣдуетъ помимо газетнаго доклада. Слишкомъ поспѣшно, слишкомъ легковѣсно,—чтобы не сказать болѣе,—и самое заключеніе докладчика, основанное на принадлежности г. Чехова къ числу служившихъ въ тверскомъ земствѣ. Мы знаемъ изъ правительственнаго сообщенія, что нѣкоторые изъ учащихъ въ земскихъ школахъ новоторжскаго уѣзда навлекли на себя подозрѣніе въ антигосударственной и антирелигіозной пропагандѣ—но никакихъ общихъ сужденій о дѣятельности тверского земства въ области народнаго образованія изъ этого факта выводить, очевидно, нельзя... Взявшись не за свое дѣло, московская газета исполнила его, въ добавокъ, съ нарушеніемъ самой элементарной добросовѣстности.

Повторяясь систематически и упорно, газетныя обвиненія и заподозриванія не всегда проходятъ безслѣдно. Нелегко, конечно, установить съ точностью внутреннюю связь между ними и распоряженіями администраціи; но едва ли можно отрицать, что эта связь иногда существуетъ. Общеземская организація помощи больнымъ и раненымъ воинамъ, сначала не встрѣчавшая на своемъ пути никакихъ оффиціальныхъ препятствій, теперь подвергается ограниченіямъ, значительно съуживающимъ ея кругъ дѣйствій. Вотъ что мы читаемъ въ московской корреспонденціи „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" (№ 127): „2-го мая состоялось совѣщаніе представителей двѣнадцати губернскихъ земствъ, участвующихъ въ объединенной организаціи помощи больнымъ и раненымъ воинамъ на Дальнемъ Востокѣ. Ему было доложено распоряженіе московскаго губернатора о томъ: 1) чтобы обо всѣхъ безъ исключенія предположеніяхъ совѣщанія, предварительно приведенія ихъ въ исполненіе, представлялось начальнику губерніи; 2) чтобы ни въ какомъ случаѣ не допускались дальнѣйшія соглашенія совѣщанія съ земствами, до настоящаго времени не присоединившимися къ организаціи, и 3) чтобы списки лицъ, входящихъ въ организованные уже и имѣющіе быть комплектованными земствомъ отряды, предварительно допущенія такихъ лицъ до отправленія обязанностей, представлялись на утвержденіе начальника губерніи. Совѣщаніе, принявъ во вниманіе, что всѣ постановленія его и ранѣе, по установившейся практикѣ, сообщались начальнику губерніи, постановило: сохранить этотъ порядокъ и на будущее время. Далѣе, имѣя въ виду выраженное Государемъ Императоромъ сочувствіе предпринятому земствами дѣлу и принимая въ соображеніе, что отъ двухъ губернскихъ управъ, олонецкой и пермской, имѣются извѣстія о возможности присоединенія этихъ земствъ къ общеземской санитарной организаціи и что вполнѣ возможно ожидать еще подобныхъ же заявленій отъ дру-

гихъ земствъ, а между тѣмъ вышеприведеннымъ предложеніемъ московскаго губернатора воспрещается дальнѣйшее присоединеніе новыхъ земствъ къ числу уже объединившихся, совѣщаніе постановило: просить А. Н. фонъ-Руцена доложить исполнительной коммиссіи Краснаго Креста и ея предсѣдателю о затрудненіяхъ, которыя встрѣтило земство къ дальнѣйшему расширенію и развитію дѣла организаціи врачебно-продовольственной помощи арміи. Вмѣстѣ съ тѣмъ совѣщаніе просило А. Н. фонъ-Руцена довести до свѣдѣнія исполнительной коммиссіи о тѣхъ затрудненіяхъ, въ которыя ставитъ земство требованіе о представленіи на утвержденіе мѣстной губернской власти персонала санитарныхъ отрядовъ, въ виду того, что отряды организуются спѣшно и во многихъ случаяхъ можетъ даже понадобиться приглашеніе тѣхъ или другихъ лицъ персонала не въ томъ городѣ, гдѣ находится управа, а въ томъ мѣстѣ, откуда отрядъ отправляется, или даже на пути его слѣдованія. Сверхъ того, требованіе это не согласуется съ правиломъ, принятымъ къ исполненію всѣми земствами о представленіи именныхъ списковъ персонала на утвержденіе исполнительной коммиссіи Краснаго Креста". Нужно надѣяться, что обращеніе совѣщанія къ исполнительной коммиссіи Краснаго Креста приведетъ къ желанной цѣли. Слишкомъ было бы печально, еслибы прекрасно задуманное и устроенное общеземское дѣло было остановлено въ своемъ развитіи чисто формальными преградами. Достаточной гарантіей правильнаго его веденія служитъ, помимо гласности рѣшеній и исполнительныхъ дѣйствій, тѣсная связь, существующая между земской организаціей и Краснымъ Крестомъ. Если возможно было допустить соглашеніе между двѣнадцатью земствами, то нѣтъ, повидимому, никакой причины налагать запретъ на присоединеніе къ нему и другихъ земскихъ губерній. Объединенныя и согласованныя между собою усилія отдѣльныхъ земствъ неизбѣжно достигнутъ болѣе крупныхъ результатовъ. Съ громадною важностью цѣли не гармонируютъ стѣсненія въ выборѣ средствъ, вызываемыя недовѣріемъ къ общественной инціативѣ—недовѣріемъ, въ основаніи котораго едва ли лежатъ какія-либо опредѣленныя данныя.

Въ земскихъ собраніяхъ закончено обсужденіе вопроса о пониженіи избирательнаго ценза, почти вездѣ коснувшееся и другихъ сторонъ земской избирательной системы. Многія земскія собранія высказались за существенныя перемѣны въ земскомъ строѣ, отчасти являющіяся возвращеніемъ къ земскому положенію 1864-го года, отчасти выходящія за его предѣлы. Особенною полнотою отличается постановленіе московскаго губернскаго собранія. Въ основу организаціи земскаго представительства предполагается положить не различіе сословій,

а различіе имуществъ и соединенныхъ съ ними интересовъ. Отсюда слѣдующее дѣленіе на группы при избраніи гласныхъ въ уѣздныя земскія собранія: 1) частные землевладѣльцы всѣхъ сословій, 2) владѣльцы неземельныхъ недвижимыхъ имуществъ, находящихся внѣ городскихъ поселеній, 3) городскія общества и 4) сельскія общества. Гласные отъ городовъ выбираются городскими думами, гласные отъ сельскихъ обществъ—волостными сходами [1]). Земельный цензъ опредѣляется въ сто десятинъ, неземельный—остается безъ пониженія. Лица женскаго пола могутъ лично участвовать въ избирательныхъ собраніяхъ, но безъ права быть выбранными въ гласные. Лица, получившія высшее образованіе, могутъ участвовать въ выборахъ по достиженіи совершеннолѣтія, остальные—по достиженіи двадцатипятилѣтняго возраста. Представительство распредѣляется между избирательными группами въ соотвѣтствіи съ цѣнностью имущества и числомъ избирателей, но съ тѣмъ, чтобы ни одна группа не имѣла болѣе представителей, чѣмъ всѣ другія, взятыя вмѣстѣ.—За соединеніе всѣхъ личныхъ землевладѣльцевъ въ одномъ избирательномъ собраніи высказались, между прочимъ, губернскія собранія казанское, саратовское, новгородское, курское, за избраніе гласныхъ отъ крестьянъ непосредственно волостными сходами — губернскія собранія казанское, новгородское, ярославское, за пониженіе земельнаго ценза—земскія собранія ярославское и владимірское, за увеличеніе числа гласныхъ отъ крестьянъ—пермское губернское земское собраніе [2]). Чтобы показать наглядно, до какой степени устарѣли главныя основы дѣйствующей избирательной системы, приведемъ нѣсколько цифръ относящихся къ обѣимъ столичнымъ губерніямъ. Въ московской губерніи дворянамъ принадлежало въ 1865 г. 92%, въ 1900 г.—44% всей частновладѣльческой земли. Число землевладѣльцевъ дворянъ понизилось, за то же время, съ 67% до 16% (въ абсолютныхъ цифрахъ—съ 2785 до 1443, т.-е. почти на половину); число землевладѣльцевъ, вносимыхъ теперь въ избирательные списки по второму собранію, повысилось съ 16 до 39%. Крестьяне-частные собственники (по положенію 1890-го года вовсе не имѣющіе, какъ таковые, права голоса) составляли въ 1900 г. 35% всѣхъ личныхъ землевладѣльцевъ. Не менѣе сильно измѣнилась относительная доходность различныхъ родовъ имуществъ: въ 1872 г. для земель, фабричныхъ заведеній и жилыхъ помѣщеній соотвѣтствующія цифры были 60%, 28% и 12%, въ 1902 г.—22%, 62% и 16%.

Изъ всего этого, а также изъ уменьшенія числа гласныхъ отъ сель-

---

[1]) Само собою разумѣется, что здѣсь идетъ рѣчь объ избраніи прямо въ гласные, а не въ кандидаты, изъ которыхъ потомъ становятся гласными только нѣкоторые, по усмотрѣнію губернатора.

[2]) Этотъ перечень—не исчерпывающій, а только примѣрный.

скихъ обществъ, вытекаетъ крайне неравномѣрное распредѣленіе земскаго представительства. Въ среднемъ, по всей губерніи каждый гласный, избранный въ первомъ избирательномъ собраніи, является представителемъ 1,806 дес. земли, гласный отъ второго избирательнаго собранія—4,815 дес., а гласный отъ крестьянъ—16,189 дес. Еще неравномѣрнѣе представительство по отношенію къ неземельнымъ имуществамъ: по первому избирательному собранію на каждаго гласнаго приходится 39,861 р. цѣнности имущества, по второму—2.714,535 руб. Дворяне выбираютъ по одному гласному изъ каждыхъ пяти лицъ, внесенныхъ въ избирательные списки, тогда какъ за каждымъ гласнымъ другихъ сословій стоятъ 70 лицъ, пользующихся избирательнымъ правомъ. Логическимъ выводомъ изъ всѣхъ этихъ данныхъ является проектъ реформы, изложенный нами выше. Не то мы видимъ въ петербургской губерніи. Свѣдѣнія, собранныя петербургскою губернскою земскою управою, не отличаются полнотою, но все-же содержатъ въ себѣ достаточно указаній на недостатки нынѣ дѣйствующаго порядка. Въ теченіе тридцати лѣтъ (1868—97) землевладѣніе дворянъ, чиновниковъ и офицеровъ уменьшилось въ с.-петербургской губерніи на 781 тысячъ десятинъ, землевладѣніе сельскихъ обывателей разныхъ наименованій увеличилось на 286 тыс. десятинъ. Крестьянъ, владѣющихъ, на правѣ частной собственности, землею въ размѣрѣ полнаго ценза, оказалось въ губерніи 127. Избирательные съѣзды (мелкихъ землевладѣльцевъ) и избирательныя собранія посѣщаются весьма слабо. Въ 1901-мъ году, напримѣръ, въ гдовскомъ уѣздѣ изъ 45 лицъ, внесенныхъ въ списки перваго (дворянскаго) избирательнаго съѣзда, явилось на съѣздъ *два*, изъ 347 лицъ, внесенныхъ въ списки второго (не-дворянскаго) съѣзда—*семь*; изъ 64 лицъ, внесенныхъ въ списки перваго избирательнаго собранія, явилось въ собраніе 14, изъ 41, внесенныхъ въ списки второго избирательнаго собранія—*четыре*. Для лужскаго уѣзда соотвѣтствующія цифры—107 и 0, 245 и 0, 135 и 21, 86 и 8; для новоладожскаго—69 и 2, 114 и 6, 74 и 16, 97 и 3; для царскосельскаго—158 и 9, 305 и 16, 45 и 11, 43 и 7; для шлиссельбургскаго—9 и 0, 56 и 19, 41 и 12, 39 и 11; для ямбургскаго—32 и 1, 273 и 0, 56 и 16, 37 и 10 [1]) Эти цифры какъ нельзя болѣе характерны. Онѣ доказываютъ, во-первыхъ, что избирательные съѣзды—т.-е. предварительныя собранія, избирающія не гласныхъ, а только избирателей въ гласные,—не возбуждаютъ никакого интереса среди мелкихъ собственниковъ, равнодушіе которыхъ выражается иногда въ полнѣйшемъ абсентеизмѣ. И это понятно: чтобы явиться на съѣздъ, каждый членъ котораго обладаетъ,

[1]) По петергофскому уѣзду свѣдѣній нѣтъ, а с.-петербургскій уѣздъ, какъ подстоличный, по составу избирателей слишкомъ рѣзко отличается отъ всѣхъ другихъ.

въ сущности, не голосомъ, а только какою-то неопредѣлимою заранѣе частью голоса, нужно много энергіи, доходящей иногда почти до самоотверженія. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что многіе изъ тѣхъ, кто имѣетъ теперь только право участія въ избирательномъ *съѣздѣ*, отнеслись бы совершенно иначе къ своимъ земскимъ функціямъ, еслибы сдѣлались полноправными участниками избирательнаго *собранія*.

Второй выводъ изъ вышеприведенныхъ цифръ—необходимость усилить составъ избирательныхъ собраній, путемъ пониженія избирательнаго ценза. Теперь число лицъ, являющихся на избирательное собраніе, въ лучшемъ случаѣ едва превышаетъ число гласныхъ, подлежащихъ избранію (въ лужскомъ уѣздѣ, напримѣръ, первое избирательное собраніе, въ составѣ 21 лица, избираетъ 18 гласныхъ), иногда (напр., въ уѣздахъ гдовскомъ, новоладожскомъ, шлиссельбургскомъ, ямбургскомъ) не доходитъ и до этого числа, а иногда настолько незначительно, что гласными признаются, безъ выборовъ (на основаніи ст. 45 Полож. о земск. учр.), всѣ явившіеся въ собраніе. Вопреки столь яснымъ указаніямъ опыта, с.-петербургское губернское земское собраніе, соглашаясь съ мнѣніемъ губернской управы, отклонило, значительнымъ большинствомъ голосовъ, предложенное однимъ изъ гласныхъ пониженіе избирательнаго ценза до ста десятинъ. За сохраненіе нынѣшняго ценза высказалось и большинство уѣздныхъ земскихъ собраній с.-петербургской губерніи. Объясняется это, съ одной стороны, убѣжденіемъ, что и при нынѣшнемъ цензѣ земское дѣло идетъ нехудо, съ другой стороны—опасеніемъ, что пониженіе ценза приведетъ къ нежелательному усиленію вліянія мало интеллигентнаго элемента. Указывалось также и на то, что уѣзды, нуждающіеся въ увеличеніи числа избирателей, могутъ ходатайствовать о томъ прямо отъ себя, пользуясь правомъ, которое возвратилъ уѣзднымъ земствамъ законъ 2-го февраля нынѣшняго года. Намъ кажется, что подобныя ходатайства, юридически, бесъ сомнѣнія, возможныя, едва ли могутъ привести къ желанной цѣли. Въ основаніи избирательнаго ценза должны лежать тѣ или другія общія начала, измѣняемыя въ силу общихъ, а не частныхъ, мѣстныхъ соображеній; именно потому министерство внутреннихъ дѣлъ, задумавъ пониженіе цензовыхъ нормъ, и приступило къ одновременному опросу всѣхъ земскихъ собраній. Изъ того, что земское дѣло въ с.-петербургской губерніи идетъ нехудо, еще не слѣдуетъ, что оно не могло бы идти лучше, и гораздо лучше. Фактическое сосредоточеніе его въ рукахъ небольшихъ, почти неподвижныхъ группъ, едва ли способствуетъ его развитію. Интеллигентныхъ людей найдется немало и между мелкими землевладѣльцами. Образованіе полезно вездѣ и всегда —но это еще не значитъ, что плодотворно работать на земской почвѣ могутъ только одни образованные люди. Лучшее доказательство про-

тивнаго — высокая цѣнность, которую имѣетъ участіе въ земскомъ дѣлѣ гласныхъ-крестьянъ... Отъ систематическаго консерватизма с.-петербургское губернское земское собраніе отступило только по одному вопросу: согласно съ ходатайствомъ лужскаго уѣзднаго земства, оно признало желательнымъ возвращеніе къ тому порядку выбора гласныхъ отъ сельскихъ обществъ, который существовалъ при дѣйствіи положенія 1864-го года. Нельзя не пожалѣть, что неуваженными остались два другія ходатайства того же уѣзднаго собранія: о предоставленіи права голоса личнымъ землевладѣльцамъ изъ среды крестьянъ и объ увеличеніи числа гласныхъ отъ крестьянъ. Въ пользу первой мѣры говоритъ приведенная выше цифра крестьянъ-собственниковъ, въ пользу второй — крайне незначительное мѣсто, предоставленное положеніемъ 1890-го года гласнымъ отъ сельскихъ обществъ. При дѣйствіи положенія 1864-го года сельскія общества с.-петербургской губерніи имѣли въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ 69 представителей; теперь общее ихъ число—64, но въ нѣкоторыхъ уѣздахъ ихъ стало меньше въ полтора раза (въ лужскомъ уѣздѣ, напримѣръ, ихъ число понизилось съ 13 до 9, въ гдовскомъ—съ 15 до 9), совершенно не отвѣчая, иногда, числу волостей (въ лужскомъ уѣздѣ, напримѣръ, 9 гласныхъ отъ крестьянъ приходятся на 25 волостей, вслѣдствіе чего избранники 16 волостей не попадаютъ въ гласные; въ гдовскомъ уѣздѣ волостей 18, т.-е. вдвое больше чѣмъ гласныхъ отъ крестьянъ). Понятно, что чѣмъ меньше гласныхъ отъ сельскихъ обществъ, сравнительно съ представителями другихъ сословій, тѣмъ труднѣе имъ занять въ земскомъ собраніи то мѣсто, на которое они имѣютъ право по численности крестьянъ, по количеству принадлежащей имъ земли, по значенію ихъ для земства—и земства для нихъ. Положеніе гласныхъ-крестьянъ и безъ того крайне тягостно, вслѣдствіе ихъ неполноправности, вслѣдствіе принижающей ихъ зависимости отъ земскихъ начальниковъ. Существенно измѣнить его къ лучшему можетъ только общій подъемъ всего крестьянства—но небольшимъ шагомъ впередъ было бы и увеличеніе ихъ числа, вмѣстѣ съ отмѣной порядка, въ силу котораго они являются теперь какъ бы ставленниками администраціи.

Къ числу наиболѣе интересныхъ работъ Особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности принадлежитъ та, которая посвящена земельной арендѣ. Въ значительной степени этотъ интересъ обусловливается мнѣніями ученыхъ изслѣдователей предмета, выслушанныхъ Особымъ совѣщаніемъ: А. А. Чупрова (доцентъ с.-петербургскаго политехническаго института, сынъ А. И. Чупрова), А. С. Посникова (деканъ экономическаго отдѣленія того же института,

извѣстный авторъ „Общиннаго землевладѣнія"), А. А. Мануилова (профессоръ московскаго университета) и Л. I. Петражицкаго (профессоръ с.-петербургскаго университета). Единогласно была признана ими широкая распространенность въ Россіи такъ называемой *продовольственной* аренды, рѣзко отличающейся отъ *предпринимательской*. По опредѣленію проф. Мануилова, продовольственною арендою является та, которая служитъ средствомъ восполненія пищи для съемщика и корма для его скота, и не только не даетъ чистой прибыли, но даже не всегда оплачиваетъ трудъ съемщика по нормальной стоимости его въ данной мѣстности; между тѣмъ, главнымъ признакомъ предпринимательской аренды служитъ полученіе прибыли на затраченный капиталъ. Преобладаніе продовольственной аренды вытекаетъ изъ совокупности бытовыхъ и экономическихъ условій нашего крестьянства. Вслѣдствіе привычекъ и традицій крестьянина, привязывающихъ его къ землѣ, и крайней затруднительности занятій какими-либо посторонними промыслами, для большинства сельскаго населенія Россіи земледѣльческій трудъ является единственно доступнымъ, и изъ него крестьянинъ принужденъ извлекать всѣ средства для своего существованія. Не получая съ собственной земли достаточнаго количества жизненныхъ продуктовъ и не имѣя возможности, за недостаткомъ капитала и знаній, сдѣлать земледѣльческій трудъ болѣе производительнымъ, крестьяне вынуждены прибѣгать къ расширенію культурной площади путемъ аренды чужихъ земель. При такомъ положеніи дѣла утрачивается самая основа предпринимательской аренды—ея свобода: наши аренды недостаточно регулируются общимъ закономъ спроса и предложенія, такъ какъ крестьянинъ, въ виду приведенныхъ выше условій, является, обыкновенно, вынужденнымъ къ заключенію арендного договора на условіяхъ, предложенныхъ ему владѣльцемъ. Вынужденный характеръ арендъ наблюдается, по словамъ проф. Посникова, не только у безземельныхъ или недостаточно надѣленныхъ крестьянъ, но и у тѣхъ, которые получили земельные надѣлы по высшей нормѣ. Въ составѣ этихъ надѣловъ, большею частью, не имѣется угодій, безъ которыхъ невозможно успѣшное веденіе хозяйства—выгоновъ и сѣнокосовъ; кромѣ того, вслѣдствіе неправильной конфигураціи надѣльныхъ земель, чрезполосности и другихъ причинъ, во многихъ крестьянскихъ хозяйствахъ возникаетъ необходимость арендованія земли спеціально для прогона скота къ водопою, къ чрезполоснымъ участкамъ надѣла, окруженнымъ владѣльческою землею, и т. п. При такихъ условіяхъ является возможнымъ устанавливать за сдаваемыя въ аренду земли монопольныя цѣны, высота которыхъ опредѣляется исключительно волею собственника земель, окружающихъ крестьянскій надѣлъ. Этимъ, вѣроятно, объясняется указанный

г. Чупровымъ фактъ, что во многихъ мѣстностяхъ сумма платежей, которые несетъ ежегодно крестьянство за аренду пашенъ и луговъ, значительно превышаетъ сумму налоговъ и повинностей, какъ по выкупной операціи, такъ и по всѣмъ государственнымъ, земскимъ, мірскимъ и прочимъ сборамъ.

Все это вмѣстѣ взятое предрѣшаетъ, по мнѣнію названныхъ нами лицъ, характеръ тѣхъ мѣръ, которыми можетъ быть достигнуто нѣкоторое улучшеніе существующихъ у насъ арендныхъ отношеній. Въ то время, какъ для предпринимательской аренды центральнымъ интересомъ является обезпеченіе затраченнаго капитала, для съемщика, арендующаго землю съ продовольственными цѣлями и ради поддержанія хозяйства на собственной надѣльной землѣ, главный интересъ заключается въ возможно продолжительномъ удержаніи въ своемъ пользованіи арендуемой, безусловно ему необходимой земли и въ противодѣйствіи чрезмѣрному возвышенію арендныхъ цѣнъ. Поэтому и заботы объ улучшеніи нынѣ существующихъ арендныхъ отношеній должны идти именно въ указанномъ направленіи: возможномъ обезпеченіи продовольственному арендатору болѣе прочнаго и устойчиваго пользованія землею и стремленіи къ установленію болѣе нормальныхъ и соотвѣтствующихъ дѣйствительной доходности земли арендныхъ цѣнъ. Совокупность этихъ мѣръ, направленныхъ къ улучшенію положенія съемщиковъ, тѣмъ самымъ будетъ служить и интересамъ сдатчиковъ, для которыхъ единственно надежнымъ обезпеченіемъ является именно благосостояніе съемщика.

Иначе отнесся къ вопросу проф. Петражицкій. Признавая продовольственную аренду зависящею отъ современной экономической слабости крестьянскаго населенія, онъ считаетъ ее явленіемъ ненормальнымъ и находитъ, что всѣ мѣры должны быть направлены не къ поддержанію этого вида арендныхъ отношеній, а, напротивъ, къ скорѣйшему ихъ переходу въ нормальныя условія, создаваемыя единственно арендой на предпринимательскихъ началахъ. Продовольственная аренда должна уступить мѣсто арендѣ предпринимательской и потому, что она сопряжена съ крайне нераціональнымъ веденіемъ хозяйства на снимаемой землѣ, истощеніемъ почвы и общимъ разореніемъ имѣній, сдаваемыхъ въ аренду. Въ этомъ направленіи должно идти и законодательное вліяніе на арендныя отношенія, съ предоставленіемъ сторонамъ необходимой свободы въ опредѣленіи условій аренды. Существенно важнымъ при этомъ, въ интересахъ сельскаго хозяйства, является установленіе раціональныхъ правилъ о возмѣщеніи вреда, причиненнаго собственнику неисправнымъ или недобросовѣстнымъ арендаторомъ, и о возмѣщеніи издержекъ, понесенныхъ арендаторомъ для приведенія имѣнія въ надлежащее состояніе.

Всякое иное воздѣйствіе законодательства на арендныя отношенія, въ смыслѣ установленія арендныхъ цѣнъ, сроковъ, расширенія площади арендуемыхъ земель и проч., представляется невозможнымъ, такъ какъ всѣ эти условія должны исходить изъ принципа собственности и свободы договорнаго соглашенія.

Что распространенность продовольственной аренды состоитъ въ тѣснѣйшей связи съ экономическою слабостью крестьянскаго населенія—это безспорно; но едва-ли можно согласиться съ заключеніемъ, которое выводитъ отсюда проф. Петражицкій. „Экономическая слабость“ массы не можетъ исчезнуть быстро. Пока она существуетъ, необходимо поддерживать все то, что̀ смягчаетъ ея вліяніе, уменьшаетъ ея вредные результаты. Въ продовольственной арендѣ русскіе крестьяне перестанутъ нуждаться еще нескоро [1]); весьма важно, поэтому, сдѣлать ее болѣе доступною, менѣе обременительною для арендатора. Чѣмъ невыгоднѣе условія продовольственной аренды, тѣмъ тяжелѣе положеніе съемщиковъ—тѣмъ труднѣе для нихъ, слѣдовательно, переходъ къ болѣе правильному, болѣе разумному хозяйству. Пассивное отношеніе законодательства къ продовольственной арендѣ не приблизитъ, а отдалитъ наступленіе момента, о которомъ говоритъ проф. Петражицкій. Законодательныя мѣры не должны считаться только съ далекимъ и неопредѣленнымъ будущимъ: онѣ должны, прежде всего, имѣть въ виду настоящее, въ особенности когда нѣтъ надежды на скорое его измѣненіе. Возможно ли это, однако, въ данномъ случаѣ? Осуществима ли, фактически и юридически, та регламентація продовольственной аренды, за которую стоятъ проф. Посниковъ и Мануиловъ? Проф. Петражицкій отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно; онъ думаетъ, что всѣ условія аренды—цѣна, срокъ, пространство—должны исходить исключительно изъ принципа собственности и свободы добровольнаго соглашенія. Этотъ взглядъ кажется намъ слишкомъ безусловнымъ. Многочисленныя и постоянно растущія ограниченія права собственности, особенно земельной, показываютъ съ достаточною ясностью, что абсолютнаго значенія это право не имѣетъ. Въ исторіи западно-европейскаго права нетрудно найти примѣры ограниченій, вытекающихъ именно изъ арендныхъ отношеній. Нѣчто аналогичное порядкамъ, существующимъ въ Ирландіи съ 1881-го года, профессоръ Мануиловъ [2]) считаетъ возможнымъ ввести и у насъ. Помимо принудительнаго выкупа тѣхъ участковъ,

[1]) Доказательствомъ этому служитъ, между прочимъ, тотъ указанный проф. Мануиловымъ фактъ, что аренда продовольственнаго типа встрѣчается до сихъ поръ и въ Западной Европѣ—въ Бельгіи, Голландіи, Франціи, южной Германіи, Италіи, Ирландіи, Шотландіи и даже въ Англіи.

[2]) См. статью его въ № 353 „Русскихъ Вѣдомостей“ за 1903 г.

аренда которыхъ является вынужденною, подневольною, онъ намѣчаетъ три цѣли, къ которымъ можетъ стремиться законодательство въ области продовольственной аренды: предоставленіе съемщику, даже погодному, права на возобновленіе договора еще, напримѣръ, на три года, съ тѣмъ, чтобы собственникъ, отказывающій съемщику, безъ уважительныхъ причинъ, въ осуществленіи этого права, обязанъ былъ уплатить ему извѣстное вознагражденіе,—обезпеченіе за съемщикомъ права на вознагражденіе за неиспользованныя улучшенія,—регламентація арендныхъ цѣнъ, путемъ опредѣленія (судомъ или особою коммиссіею) такъ называемой *справедливой* арендной платы, соотвѣтствующей мѣстнымъ условіямъ и обстоятельствамъ даннаго случая. Недостижимой у насъ въ Россіи, въ настоящее время, проф. Мануиловъ признаетъ только послѣднюю цѣль—и мы думаемъ, что онъ совершенно правъ. Иначе отнеслось къ вопросу Особое совѣщаніе: оно признало, что улучшеніе существующихъ условій аренды и, въ частности, установленіе болѣе нормальныхъ арендныхъ цѣнъ, будучи недоступно прямому воздѣйствію правительства, должно явиться косвеннымъ результатомъ обще-экономическихъ мѣропріятій, направленныхъ къ уменьшенію спроса на землю со стороны крестьянъ, путемъ поднятія интенсивности крестьянскаго хозяйства на надѣльныхъ земляхъ, облегченія крестьянамъ выхода изъ общества и общины, болѣе широкой организаціи переселенія и разселенія крестьянъ и устраненія чрезполосности владѣнія.

Въ Москвѣ приближаются выборы въ городскую думу. Одно время можно было ожидать, что они будутъ произведены на основаніи новыхъ началъ, аналогичныхъ съ тѣми, которыя установлены въ 1903 г. для С.-Петербурга; но общая городская реформа состоится, повидимому, еще не скоро. Вполнѣ понятно, поэтому, стремленіе московской городской управы устранить хотя нѣкоторые недостатки дѣйствующей системы. Съ самаго введенія городового положенія 1892-го года городскіе выборы въ Москвѣ ни разу не давали полнаго комплекта думы: въ 1892 г. было недоизбрано 21, въ 1896 г.—40, въ 1900 г.—27 гласныхъ. Въ 1900 г. изъ числа 7.252 избирателей принимали участіе въ выборахъ лишь около 1.900 (въ томъ числѣ 921 изъ среды торгово-промышленнаго класса, 380 дворянъ и чиновниковъ, 297 мѣщанъ и цеховыхъ и 296 крестьянъ). Достигнуть болѣе удовлетворительныхъ результатовъ можно, по мнѣнію управы, увеличеніемъ числа избирательныхъ участковъ, теперь слишкомъ обширныхъ и многолюдныхъ, съ трехъ до шести, организаціей (по примѣру Петербурга) предварительныхъ совѣщаній избирателей и отмѣной правила, въ силу котораго избираемы въ гласные могутъ быть только

избиратели даннаго участка. Особенно цѣлесообразной, какъ намъ кажется, была бы послѣдняя мѣра; ноябрьскіе выборы прошлаго года въ Петербургѣ показали еще разъ, насколько ограниченіе круга избираемыхъ затрудняетъ избирателей, не только безъ всякой пользы, но съ прямымъ ущербомъ для дѣла. Дѣятельность избирателя не всегда пріурочивается къ той части города, въ которой онъ пользуется избирательнымъ правомъ; сплошь и рядомъ онъ гораздо болѣе извѣстенъ въ другихъ частяхъ, жители которыхъ не въ правѣ подать за него свой голосъ. Распредѣленіе избирателей по участкамъ оправдывается практическимъ неудобствомъ сосредоточенія слишкомъ большой массы лицъ въ одномъ избирательномъ помѣщеніи, а также затрудненіями, съ которыми сопряжено для избирателя пріисканіе большого числа кандидатовъ—но для такого же распредѣленія избираемыхъ нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній. Нужно надѣяться, что порядокъ, объ установленіи котораго ходатайствуетъ московское городское общественное самоуправленіе, будетъ введенъ повсемѣстно еще раньше общаго пересмотра городового положенія.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюня 1904.

Военныя событія въ Манчжуріи.—Общее международное положеніе въ Европѣ.—Политическія дѣла въ Австро-Венгріи и Германіи.—Разрывъ между Ватиканомъ и французскимъ правительствомъ.

Военныя дѣйствія въ Манчжуріи начались энергическимъ наступленіемъ первой японской арміи, занимавшей лѣвый берегъ рѣки Ялу, на границѣ Кореи, подъ руководствомъ генерала Куроки. Съ 13-го (26) апрѣля японцы готовились къ переправѣ, при содѣйствіи японскихъ канонерскихъ лодокъ и миноносцевъ, обстрѣливавшихъ съ рѣки передовыя русскія позиціи; къ 17-му числу были наведены въ двухъ мѣстахъ понтонные мосты, и въ этотъ же день совершился переходъ японскихъ войскъ въ предѣлы Манчжуріи, вопреки всѣмъ геройскимъ усиліямъ нашей артиллеріи и нашихъ казаковъ. Русскій отрядъ, имѣвшій своею задачею по возможности препятствовать попыткамъ японцевъ перейти черезъ рѣку Ялу, исполнилъ свое назначеніе; онъ сдѣлалъ все, что̀ отъ него зависѣло при данныхъ условіяхъ, но не могъ, конечно, помѣшать наступательному движенію цѣлой непріятельской арміи. Однако, задержавъ на нѣсколько дней переправу японцевъ черезъ Ялу и причинивъ имъ огромныя потери, нашъ обсерваціонный корпусъ не удовольствовался этимъ и не отошелъ къ главнымъ силамъ, тотчасъ послѣ успѣшной переправы непріятеля, а на слѣдующій день, 18-го апрѣля, вступилъ подъ Тюренченомъ въ упорный самостоятельный бой съ противникомъ, при крайне неблагопріятной для себя обстановкѣ.

По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, въ распоряженіи командовавшаго своднымъ корпусомъ у рѣки Ялу генерала Засулича состояло въ день боя всего пять полковъ и пять батарей: изъ нихъ полкъ и двѣ батареи, находившіеся у Шахедзы, или Андуня, „не приняли участія въ бою, ибо японцы съ этой стороны атаки не вели". Въ битвѣ участвовали только три стрѣлковыхъ полка—12-й и 22-й, и затѣмъ подоспѣвшій позднѣе 11-ый, а также двѣ батареи 6-ой артиллерійской бригады. Въ дѣлѣ 18-го апрѣля, какъ видно изъ телеграммы генералъ-адъютанта Куропаткина отъ 24-го числа, „девятый и десятый стрѣлковые полки и баталіонъ 24-го полка, составлявшіе правый флангъ и часть общаго резерва, принимали лишь незначительное участіе, почему девятый полкъ и баталіонъ 24-го полка потерь не имѣли, а десятый стрѣлковый полкъ, прикрывая движеніе при отступленіи, потерялъ

всего шесть нижнихъ чиновъ. Вся тяжесть боя легла на одиннадцатый и двѣнадцатый стрѣлковые полки, а также на двадцать-второй. Вслѣдствіе крайне ожесточеннаго боя, нашимъ полкамъ приходилось дѣлать нѣсколько контръ-атакъ въ штыки и пробиваться штыками противъ окружавшаго ихъ противника силою въ три дивизіи, не считая резервныхъ частей. Атакованныя части имѣли противъ себя противника, въ пять разъ сильнѣйшаго и поддержаннаго весьма многочисленною артиллеріею". Непосредственный начальникъ войскъ, участвовавшихъ въ бою, генералъ Кашталинскій, предполагалъ отступить своевременно. „Уже утромъ 17-го апрѣля,—пишетъ онъ въ своемъ донесеніи,—японцы стали тѣснить мой лѣвый флангъ, занявши наканунѣ съ боя Хасанскія высоты, почему мною было приказано батальонамъ 22-го полка, занимавшимъ Хусанъ, отойти черезъ рѣку Эйхо (притокъ Ялу) на позицію у Потентынцзы. Въ этотъ же день съ утра началась необычайно жестокая и продолжительная бомбардировка всей Тюренченской позиціи отъ Ичжу. Чувствовалось, что японцы послѣ этой бомбардировки, когда было выпущено свыше двухъ тысячъ снарядовъ, предпримутъ наступленіе въ ночь на 18-ое апрѣля. Я получилъ приказаніе генерала Засулича принять бой, оставаясь на прежней позиціи". Произошло кровопролитное сраженіе, исходъ котораго можно было предвидѣть заранѣе. Японцы начали наступленіе въ пять часовъ утра, направивъ на броды черезъ Эйхо не менѣе дивизіи пѣхоты, которая въ колоннахъ, понеся огромныя потери, перешла броды и атаковала позицію, обстрѣливаемую во флангъ отъ Ичжу полевыми и осадными орудіями. Вскорѣ японцы сбили баталіонъ 22-го полка и стали обходить лѣвый флангъ русскаго расположенія; къ часу дня подошли два батальона 11-го полка и батарея подполковника Муравскаго, выдвинутые изъ резерва генераломъ Засуличемъ, съ приказаніемъ держаться до отхода 9-го и 10-го полковъ изъ Шахедзы. Между тѣмъ, японцы придвинулись къ тыловой позиціи 11-го полка, такъ что 3-я батарея не могла пройти на дорогу, обстрѣливаемую перекрестнымъ огнемъ, и, ставъ на позицію въ близкомъ отъ японцевъ разстояніи, осталась на ней до конца боя, потерявъ командира Муравскаго. Командиръ пулеметной роты, видя трудное положеніе батареи подполковника Муравскаго, по своей инициативѣ занялъ позицію, потерялъ половину личнаго состава и весь конскій, сдѣлалъ попытку протащить пулеметы по горамъ на людяхъ, разстрѣливаемый перекрестнымъ огнемъ. Пулеметы выпустили около 35 тысячъ пуль. Части 12-го полка пробились и вынесли знамя; 2-ая батарея 6-ой бригады, попытавшись пройти къ резерву по другой дорогѣ, не могла подняться на горы съ половиною конскаго состава и, выѣхавъ вновь на позицію, поддержала атаку 11-го полка. Одиннадцатый полкъ держался на позиціи еще

два часа и съ значительными потерями пробился въ штыки черезъ перевалъ, вынеся знамя; при этомъ погибъ командиръ полка, полковникъ Лаймингъ. По словамъ генерала Засулича, „японцы, поражаемые нашимъ огнемъ, производили безпрерывныя атаки все свѣжими войсками, но не рѣшались бросаться въ штыки. У переправъ образовался валъ изъ ихъ труповъ. Наши резервы, нѣсколько разъ вливаясь въ передовую линію, дали возможность долго держаться на позиціи, но затѣмъ они слились съ передовыми частями, а изъ главнаго резерва, за большимъ его удаленіемъ, нельзя было во-время поддержать войска. Наши отошли съ главной позиціи на тыловую за Тюренченомъ спокойно, преслѣдуемые лишь сильнымъ огнемъ японцевъ...“ По нашей новой позиціи противникъ открылъ сильный артиллерійскій огонь и сталъ обходить ея лѣвый флангъ; выдвинутые изъ резерва два баталіона 11-го полка были въ свою очередь обойдены съ обоихъ фланговъ и съ тыла, такъ что имъ приходилось нѣсколько разъ съ музыкою бросаться въ штыки, чтобы пробиться. „Впереди полка шелъ полковой священникъ съ крестомъ, раненый двумя пулями. Только штыковая работа дала 11-му полку возможность пробиться до прихода батальона 10-го полка, подъ прикрытіемъ котораго всѣ части отошли“. Двѣ батареи 6-ой бригады, потерявъ большую часть людей и лошадей, не были въ состояніи вывезти орудія и оставили ихъ на позиціи, предварительно приведя ихъ въ негодность; по той же причинѣ не могли быть вывезены съ позиціи шесть орудій третьей бригады и восемь пулеметовъ, которые также приведены въ негодность. Генералъ-адъютантъ Куропаткинъ свидѣтельствуетъ, что вслѣдствіе огромныхъ потерь въ батареяхъ людьми и лошадьми, среди малодоступной, внѣ дорогъ, мѣстности, „увезти орудія и пулеметы дѣйствительно не было возможности“. Въ числѣ убитыхъ было два батарейныхъ командира, три баталіонныхъ, одинъ полковой командиръ и двадцать оберъ-офицеровъ; ранено два штабъ-офицера и тридцать-шесть оберъ-офицеровъ, въ томъ числѣ одинъ командиръ артиллерійской бригады и одинъ баталіонный командиръ; въ одномъ 12-мъ полку выбыло изъ строя девять ротныхъ командировъ; нижнихъ чиновъ убито 564, ранено 1.081, осталось на полѣ сраженія или пропало безъ вѣсти 679 человѣкъ. Всего выбыло у насъ изъ строя въ дѣлѣ 18-го апрѣля подъ Тюренченомъ семьдесятъ офицеровъ и 2.397 нижнихъ чиновъ. До ближайшаго города раненые доставлялись съ большими затрудненіями, при помощи конныхъ охотничьихъ командъ и нанятыхъ китайцевъ-носильщиковъ; но „большинство шли пѣшкомъ, поддерживаемые товарищами, и въ теченіе сутокъ добрались до Фынхуанчена“. Само собою разумѣется, что и потери японцевъ были очень тяжки: „на переправахъ черезъ

Эйхо, на внутренней сторонѣ Тюренченской позиціи и на высотѣ, гдѣ занимали позицію два баталіона 11-го полка, лежало труповъ, по показанію участниковъ боя, не менѣе трехъ-четырехъ тысячъ". Послѣ этой битвы при Ялу первая японская армія двинулась къ Фынхуанчену, который и занятъ былъ ея передовыми отрядами и конницею 23-го апрѣля.

Одновременно съ началомъ наступательныхъ дѣйствій японскихъ войскъ въ Манчжуріи произведено было съ моря новое нападеніе на Портъ-Артуръ, съ цѣлью заградить входъ въ гавань пароходами-брандерами, чтобы обезпечить безпрепятственную высадку второй японской арміи для предположенной осады Портъ-Артура съ суши. Попытка загражденія была успѣшно отбита въ ночь на 20-е апрѣля, подъ личнымъ руководствомъ намѣстника, адмирала Алексѣева, причемъ потоплено восемь пароходовъ-брандеровъ и два непріятельскихъ миноносца; тѣмъ не менѣе, входъ въ гавань былъ повидимому стѣсненъ двумя брандерами, потонувшими у самаго входа, и адмиралъ Того считалъ себя въ правѣ утверждать, что русская эскадра не можетъ уже выйти въ море. Подъ вліяніемъ этой увѣренности японцы на слѣдующій день, 21-го апрѣля, приступили къ высадкѣ на восточномъ побережьѣ Ляодунскаго полуострова, у селенія Бицзыво, и дѣйствительно не встрѣтили при этомъ никакого противодѣйствія съ нашей стороны. Въ оффиціальныхъ телеграммахъ сообщалось только, что „наши посты отошли отъ берега, документы почтово-телеграфной конторы въ Бицзыво вывезены, и русское населеніе покинуло городъ". Къ вечеру 22-го числа высадилось уже около десяти тысячъ непріятельскихъ войскъ, которыя расположились по квартирамъ въ китайскихъ деревняхъ близъ пунктовъ высадки. Желѣзнодорожное сообщеніе съ Портъ-Артуромъ вскорѣ прекратилось, и самая крѣпость была уже отрѣзана отъ внѣшняго міра. Численность японскихъ силъ постепенно увеличивалась дальнѣйшими высадками, и въ началѣ мая японцы стали готовиться къ атакѣ важнѣйшей изъ русскихъ позицій къ сѣверу отъ Квантунскаго полуострова, близъ узкаго перешейка, открывающаго доступъ къ Портъ-Артуру. Мѣстечко Цзин-чжоу, превосходно укрѣпленное генералами Стесселемъ и Фокомъ, выдерживало натискъ японской арміи въ теченіе цѣлыхъ шести дней, подвергаясь отчаянной бомбардировкѣ и съ суши, и съ моря; занимавшая мѣстность русская дивизія съ отрядомъ морской артиллеріи много разъ отражала штурмовыя непріятельскія колонны, постоянно обновлявшіяся свѣжими войсками, но наконецъ къ вечеру 13-го мая вынуждена была отступить послѣ непрерывнаго шестнадцатичасового боя. Со стороны Таліенвана успѣшно обстрѣливала японцевъ канонерская лодка „Бобръ", высланная изъ Портъ-Артура,—изъ чего можно заключить, что выходъ изъ

гавани остается свободнымъ или вновь открытъ для нашихъ судовъ. Русскія войска сражались, какъ всегда, съ полнымъ самоотверженіемъ и держались до послѣдней возможности подъ убійственнымъ напоромъ трехъ дивизій генерала Оку; однако громадный численный перевѣсъ непріятеля, не останавливавшагося ни предъ какими жертвами, долженъ былъ сказаться въ конечномъ результатѣ. Насколько можно судить по японскимъ оффиціальнымъ сообщеніямъ, взятіе цзин-чжоускихъ укрѣпленій обошлось японцамъ чрезвычайно дорого и потребовало отъ нихъ неимовѣрныхъ кровавыхъ усилій; успѣхъ послѣдняго штурма отчасти зависѣлъ отъ неудачныхъ для насъ случайностей, благодаря которымъ японцамъ посчастливилось найти и обрѣзать проводы минныхъ загражденій, устроенныхъ съ цѣлью взорвать на воздухъ занятую непріятелемъ позицію въ надлежащій моментъ. До сихъ поръ обстоятельства благопріятствовали японцамъ; военные планы ихъ выполняются аккуратно и послѣдовательно, съ неуклонною методичностью, тогда какъ намъ положительно не везетъ. Единственная серьезная неудача Японіи за послѣднее время—это потеря крупнѣйшаго ея броненосца, „Хацусе", попавшаго на русскую мину недалеко отъ Портъ-Артура, 2-го (15) мая, вслѣдъ за гибелью другого судна, крейсера „Іошино", столкнувшагося въ густомъ туманѣ съ крейсеромъ „Кассуга". Если оставить въ сторонѣ эти отдѣльные факты и эпизоды, то нельзя не признать, что активныя военныя дѣйствія ведутся пока еще одними японцами; съ нашей стороны соблюдается чисто оборонительная пассивная тактика, въ терпѣливомъ ожиданіи того времени, когда численность русскихъ войскъ на театрѣ войны будетъ доведена до опредѣленной заранѣе нормы.

Спеціалисты военнаго дѣла, вѣроятно, понимаютъ причины и условія тѣхъ военныхъ событій, которыя такъ сильно волнуютъ общественное мнѣніе; но профаны невольно задаютъ себѣ цѣлый рядъ вопросовъ и легко впадаютъ въ уныніе по поводу каждой крупной неудачи, которая, можетъ быть, съ спеціальной точки зрѣнія есть только замаскированный положительный успѣхъ. Наша публика вообще никогда не чувствовала недостатка въ томъ цѣнномъ качествѣ, которое рекомендовалъ ей генералъ-адъютантъ Куропаткинъ передъ своимъ отъѣздомъ въ Манчжурію; терпѣніе принадлежитъ къ числу привычныхъ особенностей русскаго народа, и оно нисколько не ослабѣваетъ при настоящихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ. Всякій можетъ понять, что въ борьбѣ противъ втрое или впятеро сильнѣйшаго непріятеля нельзя разсчитывать на побѣду; никто также не сомнѣвается въ томъ, что русскіе солдаты умѣютъ сражаться и умирать какъ герои. Даже враждебный намъ лондонскій „Times" отозвался съ горячею похвалою о русскихъ войскахъ, сражавшихся при Тюренченѣ. Но когда русская

серьезная газета хочетъ увѣрить читателей, что тюренченская битва была для насъ истинною побѣдою, выставивъ въ полномъ блескѣ великія качества русскаго солдата, то это есть только злоупотребленіе печатнымъ словомъ. Чтобы выяснить достоинства русскаго солдата и дать имъ правильную оцѣнку, можно было довольствоваться болѣе легкими и доступными способами, чѣмъ опыты неравнаго боя противъ впятеро сильнѣйшаго непріятеля; достаточныя свѣдѣнія о качествахъ и традиціяхъ русской арміи можно было бы почерпнуть изъ любого очерка русской военной исторіи, или, напримѣръ, изъ какого-нибудь популярнаго описанія походовъ Суворова. Между тѣмъ наши газетные патріоты изображаютъ событія настоящей войны въ такомъ видѣ, какъ будто вся задача и весь смыслъ этой войны заключаются въ доказательствѣ способности русскаго солдата постоять грудью и лечь костьми за отечество; а такъ какъ подобное доказательство является наиболѣе краснорѣчивымъ и убѣдительнымъ при безусловномъ превосходствѣ непріятельскихъ силъ, то самоотверженныя битвы, кончающіяся пораженіемъ или гибелью, признаются наиболѣе цѣлесообразными. Фальшивый тонъ разсужденій нашей лже-патріотической печати, восторгающейся геройскими неудачами на театрѣ войны, соотвѣтствуетъ общему характеру этой своеобразной печати; но, къ сожалѣнію, и въ органахъ другого типа повторяются иногда тѣ же слащавыя, самодовольныя фразы по поводу фактовъ, которые заслуживали бы вполнѣ безпристрастнаго серьезнаго разбора. Въ „Русскомъ Инвалидѣ", отъ 22 апрѣля, при описаніи „перваго боя на сушѣ", несчастное кровопролитное дѣло подъ Тюренченомъ характеризуется какъ „подвигъ несокрушимой русской мощи"; наши войска имѣли, будто бы, неудачу только въ одномъ,—они не успѣли заставить противника принять штыковой ударъ и сойтись въ рукопашную, такъ какъ японцы предпочитали громить наши позиціи страшнымъ артиллерійскимъ огнемъ. Вслѣдствіе коварной (?) уклончивости непріятеля не удалось дождаться „страстно желаннаго момента" штыковой работы; „постепенно таявшія передовыя линіи нашихъ стрѣлковъ,—пишетъ сотрудникъ военной газеты,—безтрепетно продолжали ждать штыковую схватку; наконецъ, резервы изсякли; изъ главнаго же резерва ожидать своевременной поддержки нельзя было, въ виду его большого удаленія; наши потери все увеличивались...; надо было очистить позицію, не дождавшись штыкового удара". По этому отчету можно бы подумать, что задачей боя было совершеніе извѣстныхъ военныхъ эволюцій, до штыковой и рукопашной схватки включительно, и что послѣдній пунктъ программы былъ пропущенъ не по нашей винѣ, а по винѣ японцевъ; фактическій же результатъ дѣла считается какъ будто безразличнымъ или несущественнымъ. Выходитъ, что мы должны быть очень до-

вольны: „славнымъ боемъ восьми или девяти тысячъ русскихъ съ запальчивымъ и стойкимъ противникомъ, не только превышавшимъ въ шесть разъ наши силы, но и имѣвшимъ въ своемъ распоряженіи огромнѣйшій перевѣсъ въ числѣ и силѣ своей артиллеріи". Обыкновенная публика не понимаетъ этихъ спеціально-военныхъ или псевдопатріотическихъ толкованій; для нашего національнаго чувства нѣтъ ничего обиднаго въ томъ, что въ данный моментъ мы не располагаемъ еще достаточными военными силами въ южной Манчжуріи для надлежащаго своевременнаго отраженія всѣхъ собранныхъ тамъ японскихъ армій, и скрывать или замалчивать этотъ простой и естественный фактъ было бы съ нашей стороны совершенно излишне. Сраженія на Ялу и въ другихъ мѣстахъ происходили вовсе не для того, чтобы доказать міру превосходство русскаго солдата посредствомъ вынужденныхъ, крайне тяжелыхъ и кровопролитныхъ отступленій, принимаемыхъ во всемъ мірѣ за неудачи, хотя, быть можетъ, и временныя. Цѣлью нашихъ военныхъ дѣйствій вовсе не должно быть представленіе новыхъ наглядныхъ доказательствъ русскаго героизма; намъ приходится на Дальнемъ Востокѣ рѣшать вопросъ не о достоинствахъ русскаго солдата сравнительно съ японскимъ и не о значеніи штыкового удара для обѣихъ сторонъ, а о сохраненіи или частичной потерѣ пріобрѣтенныхъ нами позицій въ Китаѣ, у Тихаго океана.

Въ ходѣ военныхъ событій для насъ важно только одно,—приближаютъ ли они насъ къ окончательному успѣху, или, напротивъ, отдаляютъ его или дѣлаютъ его проблематичнымъ. Съ этой точки зрѣнія можно бы вполнѣ мириться съ рядомъ предварительныхъ отступленій, совершаемыхъ по извѣстному плану, безъ значительныхъ потерь людьми и безъ отдачи орудій непріятелю; но профанамъ трудно понять тюренченское дѣло 18 апрѣля, устроенное уже послѣ перехода японскихъ войскъ черезъ Ялу и поставившее наши полки въ необходимость сражаться противъ впятеро сильнѣйшаго непріятеля, безъ всякихъ шансовъ на успѣхъ, съ огромными кровавыми жертвами и съ весьма чувствительною потерею орудій. Конечно, спеціалисты военнаго дѣла могутъ утверждать, что эта битва входила въ общій планъ кампаніи, и въ этомъ отношеніи нельзя не вѣрить спеціалистамъ; но профаны все-таки недоумѣваютъ, почему въ столь крупномъ и важномъ сраженіи, подготовлявшемся всѣми стычками и дѣлами предыдущихъ дней, участвовала только часть русскихъ войскъ, расположенныхъ у рѣки Ялу. Если наши силы почему-либо не могли сосредоточиться, то отступленіе должно было бы совершиться безъ битвы; а принять бой только для того, чтобы проявить свою неустрашимость, не было никакой надобности. Профаны привыкли думать, что на войнѣ

выигрываютъ не тѣ, которые геройски жаждутъ встрѣчи своихъ отдѣльныхъ отрядовъ съ цѣлыми непріятельскими арміями, а тѣ, которые въ моментъ боя располагаютъ въ надлежащемъ мѣстѣ наибольшимъ количествомъ баталіоновъ. Въ этомъ умѣніи сосредоточивать свои силы и пользоваться ими въ нужномъ мѣстѣ и въ нужный моментъ именно и заключается сущность военнаго искусства, съ общепринятой точки зрѣнія. Если мы будемъ систематически противопоставлять японскимъ арміямъ и дивизіямъ наши разрозненные полки, то мы найдемъ, конечно, много случаевъ для проявленія необыкновенной храбрости и мужества русскихъ солдатъ и офицеровъ; но при такомъ самоотверженномъ способѣ войны мы рисковали бы потерять кампанію,—и потому, вопреки увѣреніямъ нашихъ мнимыхъ патріотовъ, подобная система никакъ не можетъ входить въ намѣренія высшаго военнаго начальства. Отдѣльныя неудачи и разочарованія неизбѣжны на войнѣ, и наша публика относится къ нимъ настолько здраво, что замазывать ихъ пустымъ и ходульнымъ фразерствомъ совершенно излишне; нельзя еще судить о шансахъ ближайшаго будущаго, но въ обществѣ и народѣ господствуетъ твердая надежда на то, что все будетъ сдѣлано для скорѣйшаго доведенія войны до благополучнаго конца.

Русско-японская война не произвела пока замѣтной перемѣны въ общемъ политическомъ положеніи и настроеніи Европы. Англичане по прежнему относятся къ намъ враждебно и высказываютъ въ своей печати такія рѣзкія общія заключенія о Россіи по поводу военныхъ неудачъ на Дальнемъ Востокѣ, какъ будто бы сами они никогда не испытывали крупныхъ пораженій во время продолжительной войны съ малочисленными отрядами буровъ. Событія въ Манчжуріи даютъ британскимъ патріотамъ новый матеріалъ для подтвержденія и укрѣпленія традиціонной политики недовѣрія и непріязни относительно Россіи, и безполезно было бы надѣяться на какой-либо поворотъ въ этомъ отношеніи, даже при болѣе благопріятномъ для насъ ходѣ дѣлъ на театрѣ войны. Франція, несмотря на соглашеніе съ Англіею, остается вѣрною русскому союзу, и французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Делькассé, нѣсколько разъ категорически отвергалъ всякія сомнѣнія по этому предмету. Въ Австро-Венгріи оффиціальныя и парламентскія сферы, сверхъ ожиданія, усиленно заботятся о сохраненіи русской дружбы, и даже въ венгерскомъ парламентѣ, обыкновенно не скрывающемъ національной непріязни къ Россіи, министръ-президентъ Тисса предостерегалъ мадьяръ отъ увлеченій временными японскими побѣдами, которыя, по его мнѣнію, ни-

сколько не ослабляютъ русскаго вліянія и авторитета на Балканскомъ полуостровѣ. Очевидно, въ значительной части Европы преобладаетъ увѣренность, что наша война съ Японіею должна рано или поздно принять другой оборотъ, болѣе соотвѣтствующій относительнымъ силамъ обѣихъ сторонъ, и намъ остается лишь принять мѣры къ тому, чтобы эта увѣренность оправдалась въ дѣйствительности, безъ ненужныхъ и чрезмѣрныхъ жертвъ.

Въ Австро-Венгріи обращаютъ на себя вниманіе два обстоятельства, указывающія на возможность обостренія кризиса на Ближнемъ Востокѣ въ недалекомъ будущемъ: во-первыхъ, угрожающій тонъ заявленій австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, графа Голуховскаго, по адресу Турціи, и во-вторыхъ, неожиданное требованіе чрезвычайнаго кредита на армію и флотъ, въ размѣрѣ около четырехсотъ милліоновъ кронъ, съ распредѣленіемъ этой суммы на срокъ отъ двухъ до трехъ съ половиною лѣтъ. Въ коммиссіи австрійской делегаціи, засѣдавшей въ Пештѣ, графъ Голуховскій произнесъ, 16 (3) мая, свою обычную пространную рѣчь о внѣшней политикѣ, причемъ съ наибольшею подробностью остановился на вопросѣ о турецкихъ реформахъ. „Отношенія съ союзными, а также съ другими державами, особенно же съ Россіею,—по словамъ министра,—могутъ быть названы превосходными"; безусловный нейтралитетъ всѣхъ культурныхъ націй относительно прискорбной борьбы на Дальнемъ Востокѣ долженъ считаться обезпеченнымъ, и ничто не предвѣщаетъ дальнѣйшихъ международныхъ осложненій по поводу русско-японскаго конфликта. „Можно признать благопріятными,—продолжалъ графъ Голуховскій, —и тѣ успѣхи, которые достигнуты въ послѣднее время въ дѣлѣ введенія реформъ въ балканскихъ земляхъ. Несмотря на постоянныя затрудненія, возникавшія на каждомъ шагу со стороны Турціи и требовавшія отъ насъ большого запаса терпѣнія и выдержки, намъ удалось, послѣ упорной напряженной работы въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, поставить наконецъ на почву практическаго примѣненія одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ мюрцштегской программы, относящійся къ организаціи жандармеріи... Съ неменьшею настойчивостью и энергіею намѣрены мы преслѣдовать полное осуществленіе всѣхъ другихъ пунктовъ программы, не останавливаясь передъ преградами, которыя могутъ встрѣтиться на принятомъ нами пути. Мы точно такъ же, какъ Россія, признаемъ долгомъ чести исполнить до конца возложенную на насъ великими европейскими державами миссію, и можно надѣяться, что Турція не будетъ впредь затруднять намъ эту задачу, какъ она, къ сожалѣнію, слишкомъ часто дѣлала до сихъ поръ, въ противность своимъ собственнымъ интересамъ. Въ Константинополѣ не должны уже болѣе

предаваться иллюзіямъ насчетъ возможности ограничить наши требованія при помощи обычныхъ кляузъ. Наша дѣятельность не ослабнетъ, и мы не успокоимся до тѣхъ поръ, пока мюрцштегская программа не будетъ введена въ жизнь во всѣхъ своихъ деталяхъ и пока не будетъ обезпечено правильное дѣйствіе вновь созданныхъ учрежденій. Если Порта желаетъ поскорѣе избавиться отъ этого давленія, то она обязана съ своей стороны искренно и честно, вмѣстѣ съ нами, способствовать скорѣйшему оздоровленію существующихъ условій и порядковъ въ области, для которой предназначены выработанныя реформы. Если же Порта не сдѣлаетъ этого, то она должна будетъ себѣ самой приписать отвѣтственность за дальнѣйшее наше прямое вмѣшательство и за тѣ серьезныя опасности, которымъ она неминуемо подвергнется при упорномъ слѣдованіи указанной самоубійственной тактикѣ; этой тактикою она давала бы оправданіе тѣмъ, которые считаютъ Турцію неисправимою и готовы произвести надъ нею гораздо болѣе рѣшительную операцію, чѣмъ мѣры, составляющія сущность мюрцштегской программы и разсчитанныя на соблюденіе принципа неприкосновенности Оттоманской имперіи".

Австрійскій министръ полагаетъ, что „нельзя болѣе терять времени" въ дѣлѣ проведенія реформъ на Балканскомъ полуостровѣ, и это рѣшительное указаніе на неизбѣжныя серьезныя опасности при уклончивомъ образѣ дѣйствій Порты звучитъ чѣмъ-то новымъ и необычнымъ въ устахъ руководителя иностранной политики Австро-Венгріи. Публика невольно связываетъ съ этими скрытыми угрозами поднятый теперь вопросъ о крупныхъ экстренныхъ кредитахъ на военныя надобности, хотя, по увѣренію австро-венгерскаго военнаго министра, предположенные военные расходы не имѣютъ никакой политической подкладки и объясняются лишь настоятельною заботою объ общей боевой готовности имперіи при современныхъ международныхъ обстоятельствахъ. Очень можетъ быть, что вѣнскій кабинетъ и не думаетъ воспользоваться русско-японскою войною для осуществленія какихъ-либо смѣлыхъ плановъ относительно балканскихъ дѣлъ, при явномъ или скрытомъ содѣйствіи Англіи,—но совпаденіе рѣчи графа Голуховскаго съ требованіями новыхъ военныхъ кредитовъ представляетъ во всякомъ случаѣ фактъ мало утѣшительный съ точки зрѣнія интересовъ общаго мира въ Европѣ.

Интересныя пренія происходили въ германскомъ имперскомъ сеймѣ, 9 мая, при обсужденіи бюджета. Передовой застрѣльщикъ оппозиціи и въ то же время первый ораторъ парламента, Бебель, подвергъ жестокой критикѣ общую политику правительства. Бебель обратилъ

вниманіе на противорѣчіе между обычнымъ оптимизмомъ канцлера, графа Бюлова, и недавнею воинственною рѣчью императора въ Карлсруэ; изъ этой рѣчи можно заключить, что положеніе Германіи относительно другихъ державъ и особенно Франціи далеко не столь благопріятно, какъ утверждалъ канцлеръ. Печатные органы всѣхъ партій указываютъ на то, что въ сущности Германія остается изолированною; это ярко выразилось въ восторженномъ пріемѣ президента Лубè въ Италіи.

„Я лично нахожу,—говорилъ Бебель,—что непріязненное настроеніе великихъ иностранныхъ націй противъ Германіи замѣтно усиливается. Когда спрашиваютъ о причинахъ, то у насъ обыкновенно отвѣчаютъ, что германская имперія возбуждаетъ зависть другихъ народовъ своимъ могущественнымъ положеніемъ на міровомъ рынкѣ. Я не отрицаю роли Германіи въ этомъ смыслѣ; но не зависть, а ненависть другихъ народовъ вызывается постоянными вооруженіями Германіи на сушѣ и на морѣ,—вооруженіями, заставившими всѣ культурныя націи слѣдовать по тому же пути. Это взаимное соперничество въ военномъ дѣлѣ все болѣе раздражаетъ широкіе круги всѣхъ культурныхъ націй. Тягости этого соперничества слишкомъ непомѣрны, и ихъ не въ состояніи долго выносить даже богатѣйшая страна Европы, Англія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ области умственнаго движенія Германія не можетъ уже служить образцомъ для другихъ странъ, какъ оплотъ свободы; напротивъ, мы стоимъ теперь во главѣ всѣхъ реакціонныхъ стремленій. Изъ Италіи пришло извѣстіе, что послѣ гибели броненосца „Петропавловскъ" была послана въ Петербургъ изъ одного сицилійскаго города телеграмма, заявляющая, что „скорбь Россіи есть также скорбь Германіи". Эта императорская телеграмма—продолжалъ ораторъ—не соотвѣтствуетъ настроенію нѣмецкаго народа. По моему мнѣнію, нѣмецкія симпатіи склоняются болѣе на сторону японцевъ, чѣмъ русскихъ. Конечно, мы сожалѣемъ о всѣхъ этихъ тяжелыхъ потеряхъ человѣческихъ жизней, но у насъ нѣтъ сочувствія къ Россіи. Къ такому положенію въ этомъ вопросѣ мы приходимъ и въ силу нашего интереса къ русскому народу... Я думаю, мы всѣ имѣемъ сильнѣйшее основаніе желать, чтобы солнце современной культуры наконецъ когда-нибудь проникло въ русскую жизнь. Кто не знаетъ, какую пользу принесли Пруссіи пораженія при Іенѣ и Ауэрштедтѣ! Эти пораженія возродили и возвеличили Пруссію. Если вспомнить, что̀ означали для Австріи событія 1866 года, а для Франціи 1870-ый годъ, то можно надѣяться, что и Россія сдѣлается наконецъ культурнымъ государствомъ благодаря своимъ неудачамъ. Имперскій канцлеръ заявилъ при первомъ чтеніи бюджета, что въ Манчжуріи мы не имѣемъ никакихъ интересовъ. Но купечество нашего крупнѣй-

шаго торговаго города, Гамбурга, находитъ, что торговля Германіи погибнетъ, если Россія сохранитъ за собою Манчжурію, а въ этомъ отношеніи можно болѣе довѣрять гамбургскимъ купцамъ, чѣмъ имперскому канцлеру. Надѣюсь, что Германія не воспользуется теперь обстоятельствами, какъ въ 1895 году, чтобы вмѣстѣ съ другими державами вести политику захватовъ. Если Германія не имѣетъ въ виду домогаться чего-либо на Дальнемъ Востокѣ, то она обязана придерживаться строгаго нейтралитета. Въ случаѣ пораженія Россіи мы можемъ только поздравить себя и западныя націи, ибо тогда исчезнетъ наконецъ страхъ передъ этимъ глинянымъ колоссомъ и устранятся поводы къ требованіямъ новыхъ вооруженій"...

По словамъ Бебеля, непрерывно возростающіе военные и колоніальные расходы приводятъ къ пагубному сокращенію необходимыхъ производительныхъ затратъ на культурныя цѣли; такъ одинъ изъ старѣйшихъ нѣмецкихъ университетовъ—въ Іенѣ—не могъ бы существовать, еслибы не получалъ великодушной и щедрой поддержки отъ частнаго оптическаго института, вносящаго въ его бюджетъ по восьмидесяти тысячъ марокъ въ годъ и въ томъ числѣ тридцать тысячъ на жалованье профессорамъ. Въ такомъ же стѣсненномъ положеніи находятся и многіе другіе маленькіе университетскіе города, бывшіе нѣкогда центрами германской духовной жизни. Недавно еще саксонскій министръ финансовъ заявлялъ въ мѣстномъ парламентѣ, что „въ виду рѣшеній имперскаго сейма отдѣльныя нѣмецкія государства вынуждены будутъ еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ до сихъ поръ, ограничить выполненіе культурныхъ задачъ". А между тѣмъ нѣмецкій народъ такъ гордится и дорожитъ высокимъ уровнемъ своей духовной культуры! Но въ другихъ областяхъ,—продолжалъ Бебель,—мы можемъ выбрасывать деньги, какъ напримѣръ на наши колоніальныя дѣла. Когда я говорилъ здѣсь, что возстаніе въ юго-западной Африкѣ обойдется намъ въ пятьдесятъ милліоновъ марокъ, то съ разныхъ сторонъ раздались насмѣшливые возгласы; теперь же никто не сомнѣвается въ справедливости моего утвержденія, и многіе даже опасаются, что дѣло будетъ стоить еще дороже". Самое возстаніе, по мнѣнію Бебеля, возникло подъ вліяніемъ глубокой ненависти, которую съумѣли внушить къ себѣ надменные и корыстолюбивые колонизаторы, не признававшіе за туземцами никакихъ человѣческихъ правъ. Не даромъ одинъ изъ старѣйшинъ племени гереро совѣтовалъ населенію щадить англичанъ и миссіонеровъ, но не давать пощады нѣмцамъ. Столь же печально положеніе нѣмецкой колоніи въ Камерунѣ. „Вообще, еслибы нашелся покупатель для нашихъ колоній, готовый возмѣстить намъ всѣ затраченные на нихъ капиталы и расходы съ процентами, то мы должны были бы тотчасъ же согласиться на продажу: мы совершили бы тогда

блестящую сдѣлку. Къ сожалѣнію, никто не захочетъ откупить у насъ наши колоніи". Бебель закончилъ свою рѣчь указаніемъ на нѣкоторыя странныя особенности соціальной политики графа Бюлова, въ связи съ „неслыханнымъ" прусскимъ законопроектомъ относительно карательныхъ мѣръ для сельскихъ рабочихъ за нарушеніе договоровъ съ нанимателями: „Этотъ проектъ рѣзко противорѣчитъ торжественнымъ обѣщаніямъ правительства и имперскаго канцлера, который отъ имени императора заявлялъ о необходимости заботиться объ интересахъ рабочихъ. Графъ Бюловъ сказалъ, что Пруссія идетъ впереди Германіи. Но это только фраза, красное словцо, и больше ничего. Мы идемъ не впереди, а позади"...

Графъ Бюловъ, по обыкновенію, отвѣчалъ оппозиціонному оратору довольно пространно и краснорѣчиво. Онъ прежде всего объяснилъ, что телеграмма по случаю гибели „Петропавловска" не имѣла приписываемаго ей смысла и выражала лишь чувство теплаго участія къ чужому горю: „Я убѣжденъ, что это человѣческое чувство раздѣляется не только большинствомъ въ парламентѣ, но и большинствомъ всего народа. Можно только пожалѣть о томъ, что часть нѣмецкой печати и особенно сатирическія изданія занимаются ядовитымъ высмѣиваніемъ несчастій, выпавшихъ на долю сосѣдней и дружественной намъ страны". Откровенное заявленіе Бебеля о желательности пораженія Россіи представляется канцлеру несовмѣстимымъ съ тѣмъ честнымъ, строгимъ и добросовѣстнымъ нейтралитетомъ, который должна соблюдать Германія относительно настоящей восточно-азіатской войны. Что касается антипатіи или ненависти другихъ народовъ къ нѣмцамъ, то, по мнѣнію графа Бюлова, именно эта незаслуженная вражда—если она дѣйствительно существуетъ—должна оправдывать дальнѣйшія германскія вооруженія, ибо „противъ вражды не найдено еще другого средства, кромѣ остраго меча". Другими словами: ненависть къ Германіи, вызываемая ея разорительнымъ для всѣхъ милитаризмомъ, должна быть сдерживаема дальнѣйшимъ ростомъ того же милитаризма. Болѣе содержательно и дѣловито возражалъ Бебелю представитель колоніальнаго вѣдомства, д-ръ Штюбель, сообщившій палатѣ подробныя фактическія свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ нѣмецко-африканскихъ колоніяхъ. Изъ этихъ свѣдѣній, между прочимъ, выяснилось, что нѣкоторыя важныя злоупотребленія и увлеченія въ германскихъ колоніяхъ могли быть устранены единственно лишь благодаря своевременнымъ указаніямъ оппозиціонной печати и нападкамъ парламентскихъ ораторовъ, и такимъ образомъ непріятныя для правительства рѣчи Бебеля приносятъ иногда существенную реальную пользу государству.

Политика папства имѣетъ свои законы и принципы, непонятные обыкновеннымъ смертнымъ. Суровыя правительственныя мѣры противъ клерикализма во Франціи, преслѣдованіе и упраздненіе многихъ религіозныхъ конгрегацій, неустанная борьба французскихъ прогрессивныхъ партій противъ оффиціальнаго положенія римско-католическаго духовенства въ государствѣ,—все это не оказывало замѣтнаго воздѣйствія на умы высшихъ представителей и руководителей римской церкви; святѣйшій престолъ относился безучастно къ судьбѣ католичества во Франціи и не заботился о возстановленіи и поддержаніи своего нравственнаго авторитета среди великой республиканской націи, но съ неожиданной энергіею устроилъ формальный разрывъ съ французскимъ правительствомъ по поводу пріѣзда президента Лубè въ Римъ для посѣщенія „узурпатора", Виктора-Эмануила III. Папскій протестъ, составленный въ весьма рѣзкихъ выраженіяхъ относительно Италіи и подписанный статсъ-секретаремъ кардиналомъ Мерри-дель-Валь, отъ 28 апрѣля, былъ разосланъ правительствамъ всѣхъ католическихъ странъ и случайно попалъ въ руки извѣстнаго французскаго дѣятеля, Жорèса, который тотчасъ же напечаталъ его текстъ въ своей газетѣ „Humanité". Въ этомъ документѣ оказалась прибавленною одна фраза, которой не было въ нотѣ, непосредственно врученной въ свое время министру Делькассé папскимъ нунціемъ въ Парижѣ, Лоренцелли,—фраза о „спеціальныхъ причинахъ" временнаго оставленія нунція во Франціи; а такъ какъ въ Ватиканѣ не отрицали подлинности этого протеста, адресованнаго къ другимъ державамъ, то французскій посланникъ при папскомъ престолѣ, Низаръ, былъ немедленно отозванъ съ своего поста. Чѣмъ объяснить рѣшимость папы Пія X внезапно порвать отношенія съ Франціею и оттолкнуть отъ папства общественное мнѣніе Италіи—неизвѣстно; но этотъ инцидентъ можетъ имѣть весьма серьезныя послѣдствія для римско-католической церкви.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюня 1904.

I.

— Доступность начальной школы въ Россіи. А. Н. Куломзина. Спб. 1904.

Книга г. Куломзина касается вопроса, въ высшей степени важнаго, и который дѣйствительно съ давняго времени волнуетъ всѣхъ друзей народнаго просвѣщенія. Потребность въ широкой, т.-е. болѣе или менѣе здраво, а не формально, поставленной и доступной народной школѣ стала особенно сознаваться именно съ „эпохи великихъ реформъ“, когда съ освобожденіемъ крестьянъ само собою возникло въ обществѣ желаніе, чтобы освобожденные юридически освободились морально и умственно отъ мрака невѣжества, пріобрѣли съ нѣкоторой долей просвѣщенія болѣе сознательную нравственную жизнь, а также и улучшеніе своего труда. Было бы очень любопытно прослѣдить сполна исторію постоянно развивавшагося въ нашемъ обществѣ интереса къ народному просвѣщенію, или въ частности къ народной школѣ. Этотъ интересъ безъ сомнѣнія представлялъ собою одно изъ лучшихъ, благороднѣйшихъ общественныхъ движеній за послѣднее время. Его проявленія, въ идеалистическихъ порывахъ и практическихъ опытахъ, сказывались и въ средѣ частныхъ лицъ, у отдѣльныхъ ревнителей, и въ общественныхъ группахъ: вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ, началось движеніе воскресныхъ школъ; труды отдѣльныхъ лицъ, ревнителей народной школы, какъ К. Д. Ушинскій, баронъ Н. А. Корфъ; писатель, уже извѣстный, а вскорѣ потомъ знаменитый, гр. Л. Н. Толстой основалъ свою особенную школу въ Ясной-Полянѣ; основался комитетъ грамотности, разсылавшій массу учебныхъ книгъ и популярнаго чтенія въ деревенскія школы; являлись ревнители народной литературы, издававшіе книжки „дешевле пятака“, какъ Н. Ѳ. Фанъ-дэръ-Флитъ, и т. д., и т. д. Съ учрежденіемъ земства, городского

положенія, для народной школы явилось такое расширеніе дѣла, какого никогда прежде не было видано.

Съ начала этого движенія и до послѣдняго времени происходило и происходитъ не мало разнаго рода столкновеній, теоретическихъ и практико-общественныхъ, исторія которыхъ также еще не составлена,—между тѣмъ она могла бы быть весьма поучительна... Наша народно-общественная жизнь еще далеко не вышла изъ того періода броженія, который открыто заявился въ эпоху „великихъ реформъ". Тогда весьма недвусмысленно высказались двѣ прямо противоположныя точки зрѣнія: за и противъ освобожденія крестьянъ. Споръ отразился и во взглядѣ на школу: нужна ли вообще народу школа, или нѣтъ, и если даже нужна, то какого сорта? Нѣкогда, еще въ пятидесятыхъ годахъ извѣстный „знатокъ народности" Даль съ большой смѣлостью („достойной лучшаго дѣла", какъ говорится) утверждалъ, что народу — главнымъ образомъ, конечно, деревенскому — грамота вовсе не нужна, даже вредна, потому что изъ грамотниковъ выходятъ обыкновенно только сутяги и кляузники; никакой другой роли для грамоты Далю не видѣлось. Мысли Даля, конечно, вызвали тогда отпоръ: грамота, хотя бы не весьма совершенная, все-таки могла сообщить народному читателю свѣдѣнія, которыя были бы ему не безполезны; рѣшенія Даля имѣли и ту несимпатичную сторону, что во взглядахъ „знатока народности" какъ будто былъ отголосокъ дворянско-бюрократическаго пренебреженія къ народу, въ которомъ многіе еще видѣли тогда только грубую массу („Записки Охотника" были еще вновѣ). И въ самое новѣйшее время, еще недавно мы читали, что народъ учить незачѣмъ, что „невѣжественнымъ народомъ управлять легче"...

Съ другой стороны развивалось, среди народолюбцевъ, убѣжденіе не только въ необходимости широко распространенной народной школы, но убѣжденіе въ томъ, что эта школа есть „долгъ интеллигенціи народу". Были писатели, которые въ существованіи этого „дòлга" не сомнѣвались, и даже осыпàли общество укорами, что оно этого долга не уплачиваетъ,—за рѣдкими исключеніями. Наличность „дòлга" доказывалась очень первобытными аргументами, въ такомъ родѣ: „интеллигенція" учится въ гимназіяхъ и университетахъ, существующихъ на деньги, собранныя съ народа; поэтому „интеллигенція" въ долгу у народа—и обязана, по крайней мѣрѣ, устроивать для народа элементарныя школы, писать для него популярныя книжки, и т. п. Рачители народнаго интереса могли бы за-одно вспомнить, что на деньги, собранныя съ народа, существуетъ, кромѣ гимназій и университетовъ, множество всякихъ другихъ учрежденій, представители которыхъ опять были бы должны уплачивать народу свой „долгъ", и т. д. Изъ такихъ

разсужденій, проведенныхъ нѣсколько дальше, получился бы наконецъ настоящій хаосъ... Эти рачители народнаго блага забыли одно—что гимназіи и университеты, при своемъ основаніи и дальнѣйшемъ существованіи, не имѣли съ „народомъ" никакого дѣла, не получали отъ „народа" ровно ничего, и вслѣдствіе того, на нихъ не лежитъ никакого подобнаго „долга". Между „народомъ" и такими учрежденіями нѣтъ никакого непосредственнаго отношенія, никакихъ даровъ и никакого слѣдующаго отсюда „долга". Сложное дѣйствіе государственнаго механизма эти защитники народнаго блага смѣшали въ прямое отношеніе „народа" къ „интеллигенціи"... Построеніе—фантастическое, но на днѣ лежало здоровое, хотя неумѣло формулированное, сознаніе необходимости поднять народную школу, желаніе увлечь къ интересу народной школы сознательные элементы общества, направить и его возможныя усилія къ дѣлу настоятельной потребности, пока еще слишкомъ мало удовлетворяемой.

Вопросъ народной школы все болѣе выросталъ въ сознаніи общества, и не однажды былъ заявленъ въ попыткахъ теоретическаго разъясненія и даже практическаго выполненія. Однажды въ самомъ министерствѣ просвѣщенія начата была рѣчь о возможности обязательнаго первоначальнаго обученія; нѣкоторыя земства ставили себѣ задачу полнаго удовлетворенія школьной потребности размноженіемъ земскихъ школъ; нѣкоторыя городскія управленія стремились къ полному обезпеченію школой городского населенія. Ставилась какъ идеалъ всеобщая обязательность первоначальнаго обученія.

Очевидно, что эта желаемая обязательность сводилась прямо къ финансовому вопросу.

Книга А. Н. Куломзина прямо и ставитъ дѣло на эту точку зрѣнія. Немыслимо требовать отъ народной массы обязательнаго обученія, если фактически нѣтъ достаточнаго количества школъ. А. Н. Куломзинъ и сдѣлалъ удареніе именно на вопросѣ о „достаточности" народной школы.

Книга чрезвычайно поучительна. Во введеніи приведены указанія на положеніе цѣлаго вопроса въ глазахъ высшей правительственной власти. „Поднятіе уровня народнаго образованія въ Россіи—одна изъ задачъ, поставленныхъ на очередь непосредственными указаніями нынѣ благополучно царствующаго государя императора". Цѣлый рядъ Высочайшихъ резолюцій, постановленныхъ въ послѣдніе годы о желательномъ развитіи народной школы, дѣйствительно сопровождался возростаніемъ школьнаго бюджета: „съ первыхъ же годовъ царствованія ассигнованія на начальное образованіе стали быстро возростать: съ одной стороны ежегодныя ассигнованія земствъ возвысились съ 7.648.140 р. (въ 1895 г.) до 14.696.800 (въ 1902); съ другой—ежегод-

ные же расходы казны увеличились съ 1895 по 1903 г. на 15.700.386 р. по двумъ вѣдомствамъ — министерству народнаго просвѣщенія и духовному вѣдомству". Въ результатѣ, число училищъ по двумъ послѣднимъ вѣдомствамъ возросло на 49%, а число учащихся—на 71%. Цифры весьма значительныя, но въ подробностяхъ открывается чрезвычайная неравномѣрность: когда въ однихъ мѣстахъ процентъ повышался очень сильно, въ другихъ онъ оставался ничтоженъ: видимо, въ развитіи школы было отсутствіе „планомѣрности".

Правительственныя вѣдомства уже давно помышляли о размноженіи школъ. „Дважды за послѣднія 40 лѣтъ, при министрахъ народнаго просвѣщенія Е. П. Ковалевскомъ и гр. Д. А. Толстомъ, правительство поднимало вопросъ о выработкѣ общедоступной сѣти школъ, и оба раза отступало передъ трудностями задачи. Чисто практическія соображенія заслоняли всѣ остальныя; трудности были или казались такъ велики, расходы представлялись такими громадными, что за препятствіями забывалась, блѣднѣла необходимость такъ или иначе, *хотя бы постепенно и съ ограниченіями*, но все-же приступить къ планомѣрному осуществленію великой задачи".

Были уже предложены нѣкоторые планы достигнуть всеобщаго обученія; г. Куломзинъ, не соглашаясь съ ними, дѣлаетъ не мало справедливыхъ замѣчаній и настаиваетъ на желательной равномѣрности распространенія школъ. Онъ не допускаетъ обязательности обученія на томъ простомъ основаніи, что „нельзя принудить ходить въ школу, которой нѣтъ": „въ большинствѣ западно-европейскихъ странъ обязательность обученія введена сравнительно очень недавно: тамъ обязательность обученія явилась скорѣе *результатомъ* фактической всеобщности обученія, а не причиной этой всеобщности... У насъ при малочисленности школъ, тѣснотѣ ихъ для желающихъ, при громадныхъ школьныхъ районахъ, при бездорожьѣ, странно говорить о введеніи обязательнаго обученія".

Весьма справедливы замѣчанія о томъ, чтобы общая школа не смѣшивалась со школой ремесленной: „необходимо, чтобы преподаваніе ремеслъ и сельско-хозяйственной техники было отдѣлено отъ обученія грамотѣ и составило особый дополнительный курсъ начальной школы",—на подобіе того, какъ учреждены недавно „ремесленныя отдѣленія" при городскихъ школахъ, какъ пермское земство устроило при сельскихъ школахъ дополнительныя „четвертыя отдѣленія", посвященныя занятіямъ въ садахъ, огородахъ и ремесленныхъ мастерскихъ.

Книга г. Куломзина посвящена именно разъясненію условій, при которыхъ можетъ быть получена „доступность начальной школы", послѣ чего только и была бы возможна ея „обязательность". Само

собою разумѣется, что при этомъ должны окончательно отпадать ребяческіе толки о „долгѣ интеллигенціи“ и т. п. Вопросъ ставится, и долженъ конечно ставиться, прямо на государственную точку зрѣнія. Средства, какія потребуются для установленія „доступной“ школы, такъ громадны, что смѣшно ожидать ихъ отъ какой-то (сравнительно очень малочисленной, раздѣленной и безправной) „интеллигенціи“: эти средства могутъ быть доставлены только, во-первыхъ, государствомъ, во-вторыхъ, мѣстными источниками,—какъ земства, сельскія общества, частныя пожертвованія, плата за ученье и пр.

Изслѣдованіе сводится такимъ образомъ къ разсмотрѣнію финансовыхъ условій дѣла и къ статистикѣ.

Во-первыхъ, разсматриваются общія основанія плана: школьный возрастъ, обученіе дѣвочекъ, школьный районъ, типъ начальной школы, программы, учащіе, разсчетъ общихъ расходовъ на содержаніе полной школьной сѣти, школьныя помѣщенія, раскладка необходимыхъ затратъ—между разными источниками, наконецъ, соображенія о томъ, въ какой срокъ слѣдуетъ завершить дѣло.

Этотъ послѣдній вопросъ рѣшается, на нашъ взглядъ, совершенно правильно, а именно, что никакого единаго для всей имперіи и опредѣленнаго срока ставить нельзя и не слѣдуетъ — потому что въ разныхъ частяхъ имперіи школьное дѣло стоитъ весьма различно, и по тѣмъ средствамъ, какія были положены на него ранѣе, и по разнымъ мѣстнымъ условіямъ (рѣдкость населенія, инородческій элементъ и т. п.). Но вообще по разнымъ районамъ предполагается возможнымъ, для довершенія школьной сѣти, срокъ отъ 10 до 25 лѣтъ съ 1 янв. 1905.

Далѣе — примѣрный порайонный разсчетъ, по городамъ и селеніямъ имперіи.

Наконецъ, почти половину книги составляютъ обширныя таблицы статистическихъ цифръ, въ которыхъ собрано множество важныхъ свѣдѣній для сужденія о настоящемъ положеніи школы и предвидимыхъ ея потребностей въ ближайшемъ будущемъ.

Для тѣхъ, кому близки интересы народной школы, книга г. Куломзина по истинѣ драгоцѣнна: она даетъ желанную перспективу и исходный пунктъ для обработки и освѣщенія вопроса въ частностяхъ. Авторъ самъ указываетъ необходимость дальнѣйшей разработки и провѣрки плана: въ настоящемъ случаѣ ему пришлось, напримѣръ, довольствоваться уже нѣсколько устарѣлыми статистическими данными (1898 г.), потому что новѣйшихъ цѣльныхъ и однородныхъ данныхъ не было. Изслѣдованія мѣстныя должны сообщить бо́льшую точность въ подробностяхъ; могутъ стать предметомъ обсужденій и общія основанія плана: школьный возрастъ, районы, типы школы, и т. д.

Авторъ, какъ и подобаетъ, придаетъ великое значеніе школѣ для улучшенія экономическаго положенія народа. Онъ признаетъ, что въ непосредственныхъ практическихъ вопросахъ объ экономическихъ улучшеніяхъ школа есть слишкомъ общее, слабое и далекое средство; но,—„безспорно далекое и слабое въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, народное образованіе съ общегосударственной точки зрѣнія—существенный и важный рычагъ, безъ котораго поднять хозяйственный строй деревни едва-ли возможно... „Заколдованный кругъ" бѣдности и невѣжества слѣдуетъ пробивать съ той и съ другой стороны—мѣрами и экономическими и просвѣтительными".

Очень важно и значеніе школы политическое.

„Если спорно (?), — грамотность или невѣжество народа опаснѣе въ политическомъ отношеніи, то не можетъ быть никакого спора о томъ, что,—разъ народъ получаетъ грамотность,—то лучше, если онъ получаетъ ее въ правильно поставленной правительственной школѣ, а не гдѣ-нибудь случайно, на сторонѣ. Между тѣмъ, именно въ этомъ отношеніи у насъ наростаетъ крупная политическая опасность; она заключается въ томъ, что грамотность растетъ у насъ быстрѣе, чѣмъ число школъ". „Въ губерніяхъ Привислинскихъ % учащихся мальчиковъ съ 1885 по 1898 г. уменьшился, а % грамотныхъ новобранцевъ въ 1½ раза увеличился... Въ Муромскомъ уѣздѣ Владимірской губ. на 100 грамотныхъ мужчинъ болѣе половины—55—получили домашнее образованіе и лишь 45 обучались въ школахъ"... „Не говоря уже о достоинствѣ полученнаго „случайно" образованія, за пріобрѣтеніемъ знаній въ школѣ можетъ быть установленъ правильный контроль; преподаваніе соединяется здѣсь съ религіозно-нравственнымъ воспитаніемъ, съ изученіемъ догматовъ вѣры, въ которой родился обучаемый, даетъ ему зачатки извѣстной дисциплины ума и характера"... „При опросѣ грамотныхъ рабочихъ на отдѣльныхъ фабрикахъ выяснилось, что 67% получили грамотность въ школѣ и 33% внѣ школы. Таковы результаты тѣсноты школъ и отказовъ въ пріемѣ".

Вопросъ о школѣ есть громадный вопросъ въ народной жизни. „Спорность", упоминаемая авторомъ, можетъ быть, относится къ извѣстному изреченію „Гражданина", что „невѣжественнымъ народомъ легче управлять"... Съ другой стороны, „тѣснота" есть не одно изъ бѣдствій школы. Несомнѣнно, что извѣстная, весьма значительная часть населенія не идетъ и въ просторную школу: это—цѣлая масса старообрядства и различныхъ формъ раскола.—Какъ съ ней быть?

Но еще фатальнѣе вопросъ о спорности невѣжества и грамотности, т.-е. вообще нѣкотораго образованія. Друзья „невѣжества" и не подозрѣваютъ всего ужаса столь легко принимаемаго ими рѣшенія

противъ школы. Вопросъ народнаго образованія или невѣжества есть вовсе не одинъ вопросъ административнаго удобства или неудобства: это—вопросъ цѣлаго національнаго самосознанія. Наше время, кажется, больше чѣмъ когда-нибудь выдвигаетъ явленіе не только политическаго соперничества (еще недавно надѣялись помочь дѣлу заботами о „равновѣсіи"), но громадной конкурренціи цѣлыхъ племенъ, которая простирается на жизнь народовъ экономическую, торговую и промышленную, а затѣмъ переходитъ на политическую почву, и наконецъ грозитъ очень мудреными столкновеніями. Очевидно, что въ этой конкурренціи народовъ,—наконецъ, какъ видимъ теперь, цѣлыхъ расъ („желтая опасность"),—необходимо для нихъ собрать всю энергію, не только физическую, но нравственную и умственную: народъ „невѣжественный", которымъ будто бы легче управлять, только рискуетъ тяжелыми пораженіями въ той или другой формѣ. И здѣсь, кажется, не можетъ быть „спорнаго" вопроса — нужна или нѣтъ школа.

Въ послѣднихъ словахъ „введенія", указавъ общее состояніе нашей начальной школы, г. Куломзинъ говоритъ: ...„При такомъ положеніи *важнѣйшаго* у насъ государственнаго дѣла невольно напрашивается вопросъ, *не наступило ли время* внести въ дѣло развитія у насъ начальнаго образованія необходимую во всякомъ крупномъ государственномъ мѣропріятіи планомѣрность и возможно ли безъ большого напряженія финансовыхъ силъ страны достигнуть такого расширенія школьной сѣти, чтобы начальное образованіе сдѣлалось доступнымъ бо́льшему числу дѣтей школьнаго возраста, при условіи равномѣрнаго развитія этой сѣти въ разныхъ мѣстностяхъ нашего обширнаго отечества, и въ случаѣ утвердительнаго отвѣта—сколько на это потребуется лѣтъ при поступательномъ, хотя и постепенномъ, но неуклонномъ движеніи къ опредѣленной, заранѣе начертанной цѣли?"

Для огромнаго числа друзей просвѣщенія и друзей народа, конечно, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что это время наступило. Это ихъ давняя мечта и ожиданіе, согласныя съ насущными интересами и народа, и самаго государства,—и еслибы высшая власть поставила, наконецъ, эту задачу, это была бы великая мѣра, которая своимъ нравственнымъ національнымъ достоинствомъ равнялась бы мудрымъ рѣшеніямъ „эпохи реформъ". — А. П.

II.

— В. Н. Линдъ. Учить ли мужика или у него учиться? М. 1904.

Странно переходить отъ книги здраваго реальнаго содержанія къ вопросамъ г. Линда. Но эти вопросы опять напоминаютъ о смутномъ еще недавно пониманіи задачи народной школы и средствахъ ея рѣшенія. Книжка г. Линда переноситъ насъ во времена перваго развитія такъ называемаго народничества. Это было недолго спустя послѣ освобожденія крестьянъ: великая реформа произвела сильное и многообразное впечатлѣніе въ русскомъ обществѣ; неизбалованное свѣтлыми явленіями общественнаго характера, общество, въ лучшей его части, исполнилось большого одушевленія, видя въ реформѣ залогъ благотворнаго дальнѣйшаго развитія внутренней народной жизни. Умы болѣе спокойные остерегали отъ преждевременныхъ ожиданій; но, особенно въ молодыхъ поколѣніяхъ, общественное одушевленіе породило цѣлую атмосферу такихъ ожиданій, а также и готовности работать для этого будущаго благополучія народа, въ томъ или другомъ направленіи. Все это вмѣстѣ создавало особаго рода настроеніе, которое тогда же отмѣчено было названіемъ народничества. Это былъ своего рода романтизмъ, своя теорія и своя фантастика: возвеличеніе „народа", который долженъ былъ открыть обществу новыя начала жизни, исцѣлить общество отъ его испорченности, сообщить ему здравыя стремленія и т. д. Въ „народничествѣ" было не мало очень симпатичнаго, какъ, напр., прежде всего, стремленіе изучать народную жизнь безъ всякой тѣни прежде существовавшаго высокомѣрнаго снисхожденія (т.-е., въ сущности, пренебреженія) къ низшему классу и его невѣжеству,—напротивъ, съ готовностью не только признать, но преувеличить хорошія стороны быта и понятій, даже прикрыть то, что бывало не совсѣмъ ладнаго; изученіе народнаго быта, безъ сомнѣнія, не мало было обязано этимъ народническимъ стремленіямъ. Но бывали въ нихъ и свои наивныя заблужденія: народники выдумали „опрощеніе" — переодѣванье подъ народные нравы, конечно, совершенно безплодное и нелѣпое; противоположеніе народа и „интеллигенціи" и т. п. Люди, болѣе недовѣрчиво смотрѣвшіе на жизнь, не раздѣляли такихъ увлеченій и безъ всякаго удовольствія ожидали пришествія „чумазаго"; знаменитый писатель, самъ извѣстнымъ образомъ послужившій народничеству, далъ жестокую картину „Власти тьмы", господствующей въ средѣ, которая столь привлекательна для народниковъ.

Въ „народничествѣ" былъ несомнѣнно нѣкоторый осадокъ стараго

славянофильства. Нѣкогда славянофилы противопоставили „публику“ и „народъ“; новѣйшіе народники также принялись противопоставлять „народъ“ и „интеллигенцію“: послѣдняя оторвалась отъ народа, плохо его понимаетъ; между тѣмъ она обязана ему, между прочимъ потому (какъ выше указано), что училась въ гимназіяхъ и университетахъ, содержимыхъ—не для народа, но на деньги народныя. „Народники“ признавали, что хотя интеллигенція и оторвалась отъ народа, она все-таки имѣла нѣкоторыя свои достоинства,—она занята общественными интересами, въ своихъ лучшихъ представителяхъ помышляетъ о народномъ благѣ,—но ея стремленія мало достигають цѣли между прочимъ потому, что не находятъ поддержки въ народѣ, съ которымъ она взаимнаго пониманія не имѣетъ.

Объ этомъ скорбитъ между прочимъ и г. Линдъ.

Намѣренія автора наилучшія: онъ сожалѣетъ, что при оторванности интеллигенціи отъ народа между ними нѣтъ взаимнаго пониманія и, слѣдовательно, для нихъ нѣтъ возможности сплоченнаго дѣйствія на общую пользу обоихъ. Фактъ „оторванности“ для г. Линда непререкаемъ, и онъ старается только объяснить ее отчасти историческими, отчасти психологическими основаніями. Послѣднія между прочимъ таковы: „интеллигенція“, проживающая по мнѣнію автора преимущественно въ Петербургѣ, не можетъ видѣть народной жизни; кромѣ того, она выростаетъ въ искусственной атмосферѣ, воспитывается на книгахъ и оттого получаетъ особую складку самаго мышленія, теоретическую и отвлеченную, тогда какъ народъ живетъ не въ Петербургѣ, а въ деревнѣ, среди самой земли и практической жизни, и потому пріобрѣтаетъ совсѣмъ иной складъ мысли, не сбитый теоріями, но прямой, здравый и реальный. Когда такая противоположность дана, очевидно, что интеллигенціи и народу нечего и разговаривать; но обоимъ предстоитъ важнѣйшее общественное дѣло, и имъ надо все-таки сговориться, — и г. Линдъ очень озабоченъ тѣмъ, чтобы они сговорились. Необходимы уступки: кто же уступитъ (т.-е. постарается что-нибудь понять новое для него)? Очевидно, народъ— съ его здравымъ, прямымъ, реальнымъ (и т. д.) складомъ мысли— уступать не можетъ, т.-е. не можетъ бросать своего здраваго, прямого, реальнаго (и т. д.) взгляда на вещи. Уступить должна „интеллигенція“, т.-е. она должна покинуть свою книжную, отвлеченную (и т. д.) точку зрѣнія и постараться понять „народъ“. Для этого г. Линдъ имѣетъ очень простое средство: пусть „интеллигенція“ покидаетъ, когда можно, злосчастный Петербургъ, поживетъ среди народа и попользуется его мудростью...

Все это чрезвычайно благожелательно, но и чрезвычайно наивно и нелѣпо.

Можно посовѣтовать г. Линду, — если онъ желаетъ разсуждать о внутреннихъ дѣлахъ нашей народно-общественной жизни, прежде всего выбросить изъ своего словаря слово: „интеллигенція". Прежде всего это слово (какого-то семинарско-репортерскаго сочиненія) совершенно нелѣпо по тому произвольному смыслу, который ему придали и котораго оно по существу своему не имѣетъ. Во-вторыхъ, и понятіе, которое ему придаютъ (образованнаго слоя общества), такъ неопредѣленно, что пользоваться имъ для *соціологическаго* разсужденія, какъ дѣлаетъ г. Линдъ, совершенно невозможно. Это слово такъ испошлилось въ рукахъ фельетонныхъ репортеровъ, что его вообще слѣдовало бы выбросить изъ литературнаго языка, а тѣмъ паче изъ соціологическаго. Авторъ самъ могъ бы убѣдиться въ непригодности слова изъ собственной книжки. Слово: „интеллигентный" означаетъ у него всякую всячину. На 3-й страницѣ книжки (на 1-й стр. текста) читаемъ, что: „...благосостояніе крестьянства въ значительной степени зависитъ отъ мѣръ, принимаемыхъ въ отношеніи его людьми *интеллигентнаго класса*, играющими главную роль въ *правительствѣ*, *земствѣ* и т. п."; стр. 4: „удовлетвореніе требованій *интеллигенціи*, не имѣющихъ поддержки въ народѣ, всецѣло будетъ зависѣть отъ личностей и случайностей, всегда измѣнчивыхъ, вслѣдствіе чего въ людяхъ *интеллигентнаго* класса образуется сознаніе своей безпочвенности"..., стр. 5: „въ большинствѣ случаевъ народъ относится къ *интеллигенціи* съ недовѣріемъ; ...люди же образованнаго класса, даже искренно желающіе пользы народа, большею частію не знаютъ, какъ и съ какой стороны къ нему подойти. Мы говоримъ о представителяхъ русскаго *либеральнаго* направленія въ серьезной честности значенія этого слова"...; стр. 6: „...въ *либеральномъ*, *интеллигентномъ* дѣятелѣ мужикъ не видитъ своего союзника", и т. д.; стр. 25: „что касается до правильности и ясности понятій, существующихъ въ умѣ мужика и образованнаго человѣка, то въ этомъ отношеніи очень трудно сказать, на чьей сторонѣ будетъ перевѣсъ"; но, по соображенію обстоятельствъ, авторъ все-таки думаетъ: „весьма вѣроятно", что рѣшеніе будетъ „болѣе благопріятно для мужика, чѣмъ для большинства образованныхъ людей"; стр. 29—31: „Взгляды (образованнаго человѣка)... распредѣляются по заученнымъ книжнымъ рубрикамъ: одинъ становится позитивистомъ, потому что прочелъ Литтре, другой—утилитаристомъ, потому что прочелъ Милля, третій — соціалистомъ, вслѣдствіе чтенія Маркса или Лассаля (нельзя, конечно, сказать, чтобы убѣжденія, пріобрѣтенныя такимъ путемъ, были слабы, нерѣшительны)... однако, когда эти рѣшительныя убѣжденія изъ области мысли переходятъ въ жизнь, то онѣ почти всегда оказываются несостоятельными передъ ея требованіями и условіями"... Совсѣмъ иное и противоположное

видимъ мы въ крестьянской средѣ. Съ самаго ранняго дѣтства крестьянскій ребенокъ непосредственно соприкасается со всѣми тѣми предметами, которые составляютъ жизненную среду его семьи... Передъ нимъ открытъ весь необширный, но цѣльный кругъ крестьянской жизни; пріобрѣтаемыя имъ постепенно новыя понятія не выходятъ изъ этого круга и занимаютъ совершенно опредѣленное мѣсто въ ряду уже бывшихъ у него понятій"..., и такъ далѣе.

Такъ тянется эта канитель, гдѣ старинное славянофильство сливается съ новѣйшими народническими противопоставленіями „интеллигенціи" и народа (изъ послѣдняго приводится даже „дядя Прокофій", который самолично видывалъ лѣшихъ), приплетается нѣчто изъ гр. Л. Н. Толстого. И, какъ мы видѣли выше, путается самое представленіе „интеллигенціи": что̀ это такое—люди, „играющіе главную роль въ правительствѣ"; люди „самаго честнаго либеральнаго направленія"; люди, потерявшіе способность понимать народъ, потому что учились только Марксу и Лассалю, и т. д.? Словомъ, какая-то чепуха.

Въ высшей степени сложный и трудный вопросъ народно-общественнаго благосостоянія, очевидно, требуетъ и весьма сложнаго разслѣдованія: въ немъ играютъ великую роль, и должны быть приняты во вниманіе, условія экономическаго быта, правовое состояніе массы и привилегированныхъ сословій, степень *просвѣщенія* массы, и т. д. Обо всемъ этомъ нашъ авторъ даже не заикнулся, повидимому какъ будто не подозрѣваетъ. Дѣло представляется ему съ какой-то очень простой, чувствительно-домашней точки: пусть „интеллигентъ" покинетъ хоть на время Петербургъ, поселится въ деревнѣ (забросивши свои дѣла), поговоритъ по душѣ съ дядей Прокофіемъ, и все чудесно устроится.

„Учить ли мужика?"—очевидная мысль автора: конечно, не учить, а учиться у дяди Прокофія. Самъ дядя можетъ ли прочесть книжку г. Линда (по крайней мѣрѣ, чтобы знать, чему онъ долженъ учить „интеллигенцію"); разумѣется, не можетъ.

Чѣмъ люди утѣшаются!—Р.

III.

— Модестовъ, В. И. Введеніе въ римскую исторію.—Вопросы до-исторической этнологіи и культурныхъ вліяній въ до-римскую эпоху въ Италіи и начало Рима. Части I и II. Спб. 1902—1904.

Авторъ смотритъ на свой обширный трудъ, какъ на первый опытъ построенія римской исторіи на основаніи непосредственныхъ, „видимыхъ глазами и осязаемыхъ руками" памятниковъ самой жизни. Свое-

временность его доказывается тѣмъ убѣжденіемъ автора, что разрушительная въ римской исторіи работа кончила свое дѣло, и пора начать работу созидательную.

Изслѣдованіе г. Модестова вводитъ читателя въ эпоху глубокой древности. Чтобы „войти въ городъ Римъ" не съ одними только миѳическими и легендарными сказаніями, служившими источникомъ безконечныхъ домысловъ новѣйшихъ историковъ,—авторъ начинаетъ древнѣйшую исторію Рима съ первыхъ слѣдовъ появленія человѣка въ долинѣ рѣки Тибра. Опровергая заявленіе Моммзена объ отсутствіи каменнаго вѣка въ Италіи, авторъ посвящаетъ первыя три главы своего труда обзору раскопокъ и изслѣдованій итальянскихъ археологовъ, установляющихъ огромное количество и поразительное разнообразіе памятниковъ каменнаго вѣка. „Если нельзя сказать, что Италія переживала всѣ тѣ періоды каменнаго вѣка, какіе установлены Габріэлемъ де-Мортилье въ его знаменитомъ „Le Préhistorique" для Франціи, то все-таки тщательными изслѣдованіями цѣлаго ряда ученыхъ теперь сдѣлано несомнѣннымъ, что человѣкъ жилъ въ Италіи еще въ четвертичную эпоху, что онъ охотился еще за пещернымъ медвѣдемъ и первобытнымъ быкомъ, былъ современникомъ пещерной гіены, мамонта и другихъ животныхъ этой геологической эпохи". Неолитическій періодъ, непосредственно примыкавшій къ наиболѣе древнимъ памятникамъ и относимый приблизительно за четыре тысячи лѣтъ отъ нашего времени, былъ важнѣйшимъ періодомъ доисторической жизни Италіи. „Это былъ, — такъ опредѣляетъ его авторъ,—вѣкъ развитія той многосторонней и доведенной до извѣстнаго въ своемъ родѣ совершенства культуры, которая досталась латинскому (въ обширномъ смыслѣ слова) племени въ наслѣдство отъ предшествовавшаго ему населенія на Апеннинскомъ полуостровѣ съ прилегающими къ нему островами. Культура эта обнимала всѣ стороны жизни и при своей опредѣленности не могла не обнаружить вліянія на пришельцевъ съ сѣвера и съ сѣверо-востока, которые были окружены ею съ перваго момента своего поселенія. Бытъ домашній, бытъ экономическій и соціальный, даже бытъ религіозный прибывшихъ на полуостровъ арійцевъ испыталъ на себѣ то самое вліяніе, какому подверглось русско-славянское племя, занявшее въ до-историческое время значительную часть территоріи восточной Европы, которая раньше его была обитаема племенами — чудскимъ на сѣверѣ, сѣверо-западѣ, сѣверо-востокѣ и въ центрѣ нынѣшней Россіи и тюркскимъ—на юго-востокѣ. Самые языки народностей умбро-сабелло-латинскаго племени подверглись въ своемъ составѣ коренному перевороту отъ соприкосновенія съ обитателями неолитической культуры, съ которыми пришельцы современемъ смѣшались органически". Главнѣйшими памят-

никами этого періода являются памятники могильные, но рядомъ съ ними есть не мало памятниковъ и бытового характера, какъ хижины, искусственные гроты, мастерскія для выдѣлки каменныхъ орудій, всевозможныя издѣлія изъ камня, кости и глины,—свидѣтельствовавшія объ извѣстной высотѣ промышленной и вообще культурной производительности.

Въ связи съ вопросомъ объ измѣненіи культуры въ концѣ неолитическаго періода въ Сициліи подъ раннимъ вліяніемъ иноземной культуры, г. Модестовъ, подобно нѣкоторымъ ученымъ, выдвигаетъ значеніе острова Кипра,—„культура котораго по своимъ раннимъ проявленіямъ уходитъ въ такую даль, что вся средиземноморская культура, начиная съ перваго поселенія на Гиссарликѣ, представляется сравнительно позднею. То, что̀ такъ рано выдвинуло этотъ островъ на сцену исторіи, было богатство его мѣдныхъ копей, то богатство, которое и привлекло къ нему вниманіе Вавилона и завоеваніе его Саргономъ I и сыномъ его Нарамъ-Синомъ, оставившими на немъ свои слѣды въ клинообразныхъ надписяхъ". Что же касается Италіи, то въ концѣ упоминаемаго періода въ ней, судя по памятникамъ, стало замѣчаться вліяніе съ сѣвера, изъ-за Альпъ, что̀ знаменовало вторженіе новыхъ племенъ на Апеннинскій полуостровъ и начало бронзоваго вѣка. Новые обитатели, которымъ принадлежали на мѣстѣ ихъ прежней жизни свайныя постройки, внесли неизвѣстную до тѣхъ поръ систему обитанія въ селахъ, обрядъ сожженія труповъ, а также новый языкъ индо-европейскаго корня... Съ большимъ интересомъ читаются и дальнѣйшія главы книги, посвященныя распространенію первыхъ арійскихъ пришельцевъ по Италіи, вопросу о латинянахъ въ долинѣ рѣки Тибра и связи ихъ съ умбро-сабельскими племенами, и характеристикѣ перваго желѣзнаго вѣка.

Второй томъ посвященъ изслѣдованію объ этрускахъ, причемъ г. Модестовъ одинаково отвергаетъ какъ теорію происхожденія этрусковъ изъ Ретійскихъ Альпъ (Нибуръ), такъ и теорію тождества этрусковъ съ италиками (Швеглеръ). Вслѣдъ за многими учеными авторъ, основываясь на лингвистическихъ, культурныхъ и археологическихъ данныхъ, держится мнѣнія о восточномъ происхожденіи этрусковъ, именно, что они прибыли въ Италію моремъ, которое греки впослѣдствіи назвали Тирренскимъ. Въ девятомъ — восьмомъ вѣкѣ до Рождества Христова этруски, какъ народъ-завоеватель, поработитель умбровъ, появились въ Италіи и внесли восточный характеръ въ погребальные памятники, начавъ строить большіе конусообразные курганы съ каменными основаніями, громадные мавзолеи съ башнями и пирамидами, служившіе могильными склепами; памятники металлургической и ювелирной работы свидѣтельствуютъ о высокой степени матеріальной культуры.

Признавая большое значеніе въ культурномъ отношеніи за колонизаціей этрусковъ, г. Модестовъ, однако, далеко выдвигаетъ впередъ вліяніе греческой культуры: тамъ преобладало вліяніе матеріальной культуры, здѣсь огромное вліяніе оказала культура духовная. Въ главѣ о колонизаціи юго-восточнаго угла Италіи авторъ такъ выясняетъ эту разницу: „Послѣ этрусковъ, иммиграція которыхъ въ Италіи произвела огромный переворотъ въ культурѣ Апеннинскаго полуострова, именно въ средней и сѣверной его части, слѣдовала изъ той же восточной части бассейна Средиземнаго моря иммиграція греческихъ племенъ, охватившая южную Италію и Сицилію. Какъ для исторіи Италіи вообще, такъ въ частности для исторіи Рима, это было событіе такой важности, передъ которымъ блѣднѣютъ всѣ культурныя вліянія, какія до тѣхъ поръ происходили въ судьбахъ Апеннинскаго полуострова въ до-историческую эпоху. Если значеніе этрусковъ въ ходѣ самой римской культуры и во вліяніи ея на бытъ государственный, религіозный и экономическій, особенно въ первыя столѣтія римской исторіи, и было велико и безспорно, то при особенностяхъ этрусскаго характера, носившаго печать азіатской склонности къ пышности въ частной и общественной жизни, равно какъ къ чрезмѣрному ритуализму и суевѣрію въ религіи, вліяніе ихъ старой культуры было больше внѣшнее, было такое, которое не захватывало глубоко духовной жизни римлянъ, не измѣняло существенно ни ихъ чувствъ, ни вѣрованій. Римлянинъ узналъ отъ этрусковъ, какъ нужно строить городскія стѣны, каменные дома и храмы, какъ проводить подземные каналы для стока воды и нечистотъ, какъ устроивать роскошныя гробницы; научился отъ нихъ излишней обрядности въ культѣ, перенялъ роскошныя одѣянія для правящихъ лицъ и, вѣроятно, даже народное одѣяніе простыхъ гражданъ, тогу; перенялъ вкусъ къ кровавымъ зрѣлищамъ; получилъ, наконецъ, первый урокъ театральныхъ представленій, да и то лишь религіознаго характера. Вообще говоря, въ культурномъ отношеніи римлянинъ узналъ и усвоилъ себѣ отъ этрусковъ, какъ своихъ ближайшихъ сосѣдей, много; но, считая это культурное вліяніе значительнымъ и безспорнымъ, мы должны твердо помнить, что это вліяніе именно было гораздо больше внѣшнее, чѣмъ внутреннее, и потому я не могъ бы сказать того, что̀ сказалъ Марта́, заявляя, что этрусскій народъ a fait en grande partie l'éducation de Rome. Иное дѣло греческое вліяніе. Греческое вліяніе, совершенно преобразовавшее Сицилію и южную Италію отъ Тирренскаго до Іоническаго и Адріатическаго морей и начавшее проникать въ Римъ также съ ранняго времени, отразилось не только въ сферѣ внѣшней культуры, въ которой почти исключительно отразилось этрусское, но и главнымъ образомъ въ сферѣ образованности идейной, литературной и художественной.

Оно преобразовало религіозныя представленія римлянъ; оно внесло законодательныя и философскія идеи, пробудило литературную дѣятельность, указавъ ей извѣстныя формы и нормы, въ которыхъ потомъ римская литература и двигалась; повело къ установленію теоретическихъ основъ для разработки языка и стихосложенія, къ облагороженію понятій въ общемъ складѣ жизни и вывело италійскую культуру на широкій путь общечеловѣческаго развитія Греціи, и прежде всего греческимъ колоніямъ южной Италіи и Сициліи Римъ обязанъ той высокой школой образованности, которая сдѣлала изъ него, земледѣльческаго и военнаго государства, одно изъ самыхъ важныхъ звеньевъ всемірной культуры, той могучей культуры, которая затѣмъ была передана Римомъ новой Европѣ и поставила послѣднюю во главѣ всѣхъ частей свѣта".

Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ устанавливаетъ мнѣніе о критскомъ происхожденіи предшественниковъ грековъ — мессаповъ, отождествляемыхъ имъ съ япигами, и опредѣляетъ результаты столкновенія мессапской культуры съ культурой древнѣйшихъ арійскихъ поселенцевъ. Изслѣдованіе объ иллирійскихъ элементахъ въ юго-восточномъ углу Италіи авторъ относитъ къ дальнѣйшимъ частямъ своего труда.

Оба тома иллюстрированы многочисленными фототипическими таблицами и рисунками въ текстѣ, что̀ значительно облегчаетъ изученіе книги. Не совсѣмъ благопріятное впечатлѣніе производитъ рѣзкая полемика съ проф. Ю. А. Кулаковскимъ; она обращаетъ на себя вниманіе, какъ выходящая за предѣлы научнаго спора. Она помѣщена во введеніи ко второму тому, поражая читателя своимъ несоотвѣтствіемъ съ тономъ ученаго трактата.

IV.

— Полное собраніе сочиненій И. А. Крылова. Редакція, вступительныя статьи и примѣчанія В. В. Каллаша. Томъ I. Драматическія сочиненія. Спб. 1904.

Товарищество „Просвѣщеніе" предприняло весьма полезное изданіе, рѣшивъ дать полное собраніе сочиненій Крылова съ необходимыми поясненіями и статьями. Въ самомъ дѣлѣ, несмотря на то, что „дѣдушка Крыловъ" чуть не сто лѣтъ тому назадъ пріобрѣлъ значеніе и эпитетъ классическаго и имя его стало извѣстно каждому грамотному человѣку, мы не имѣемъ до сихъ поръ ни сколько-нибудь удовлетворительной фактической біографіи его, ни сравнительно полнаго собранія сочиненій. Настоящее изданіе въ значительной степени вос-

полняетъ этотъ пробѣлъ, задаваясь цѣлью представить широкому кругу читателей „настоящаго Крылова". Редакторъ не включаетъ сюда черновыхъ набросковъ, мелкихъ несущественныхъ варіантовъ и первоначальныхъ редакцій, мѣсто которымъ, по его справедливому замѣчанію, не въ общедоступномъ, но въ спеціальномъ изданіи. Тѣмъ не менѣе, во вступительныхъ статьяхъ и замѣткахъ редакторъ указываетъ все то, что̀ нужно, по его мнѣнію, для пониманія самыхъ произведеній, условій ихъ возникновенія и ихъ историко-литературнаго значенія; мелкія же примѣчанія, необходимыя для непосредственнаго пониманія текста и разсчитанныя на менѣе подготовленнаго читателя, помѣщены подъ текстомъ. По вопросу объ особенностяхъ Крыловскаго правописанія г. Каллашъ придерживается того взгляда, который обусловленъ важностью сохранить индивидуальный отпечатокъ рѣчи писателя, безъ увлеченія, такъ сказать, фотографическою точностью воспроизведенія изучаемаго текста; изъ словъ г. Каллаша видно, что имъ оставлены были всѣ тѣ особенности правописанія, которыя указывали на извѣстные признаки произношенія и образованія формъ, отличія же чисто орѳографическія опускались.

Г. Каллашъ предполагаетъ раздѣлить весь матеріалъ на три отдѣла: драматическія произведенія, проза (въ томъ числѣ и письма), лирическія произведенія и басни. Стремленіе выдержать хронологическій порядокъ встрѣтило затрудненіе въ отсутствіи данныхъ для нѣкоторыхъ произведеній; такія произведенія отнесены къ особому отдѣлу, какъ и произведенія, приписываемыя Крылову.

Таковъ общій планъ изданія; нѣкоторыя отступленія отъ него, впрочемъ, „по типографскимъ условіямъ" уже обѣщаны въ предисловіи къ первому тому. Въ этомъ томѣ находимъ біографическій очеркъ, весьма любопытный по привлеченному матеріалу и соображеніямъ историко-біографическаго свойства, но недостаточно, можетъ быть, выработанный: интересныя сами по себѣ частности не вездѣ связаны между собой, благодаря чему проигрываетъ общее впечатлѣніе этого въ высшей степени содержательнаго очерка. Особенно любопытны собранные г. Каллашемъ факты относительно перваго періода литературной дѣятельности Крылова, его увлеченія карточной игрой, жизни въ домахъ у разныхъ частныхъ лицъ и т. д. Разсказывая о годахъ службы Крылова въ Публичной библіотекѣ, г. Каллашъ привлекаетъ воспоминанія библіотекаря Собольщикова, весьма своеобразно рисующія Крылова. „И. А. Крыловъ,—разсказываетъ Собольщиковъ,—былъ толстъ и важенъ. Когда онъ приходилъ получать жалованье, то на поклонъ мой онъ отвѣчалъ только улыбкой. Кланяться онъ мнѣ не могъ по двумъ причинамъ: 1) онъ давно былъ статскій совѣтникъ, а я свѣжій коллежскій регистраторъ, и 2) для

тучнаго человѣка одно киваніе головой есть уже трудъ, а у Крылова голова-то была очень большая. ...Впрочемъ, со мной онъ всегда былъ любезенъ и обращался всегда со словами: „мой милый". Въ то время всѣ статскіе совѣтники такъ говорили, обращаясь къ канцелярскому чиновнику. Крыловъ являлся за жалованьемъ каждый мѣсяцъ очень аккуратно, но скоро ему это надоѣло, и онъ попросилъ меня приносить ему жалованье на квартиру. Онъ жилъ въ казенной квартирѣ... Наконецъ, ему надоѣло расписываться каждый мѣсяцъ, и онъ попросилъ, чтобы вносили его въ списокъ по третямъ. Случилось однажды, что казначей куда-то отлучился, оставивъ у меня на рукахъ довольно большую сумму денегъ для раздачи жалованья чиновникамъ, а въ томъ числѣ и Крылову. Отсчитавъ слѣдующую ему порцію, я, по своей вѣтренности, ошибся, и когда, расписавшись, онъ взялъ у меня деньги и бросилъ ихъ на столъ, не сосчитавъ, вѣроятно, также по вѣтренности, тогда я сказалъ ему: „И. А., вы, который пустили въ ходъ столько новыхъ пословицъ, не внемлете совѣту старой: „деньги любятъ счетъ".—Эхъ, мой милый, вы не станете меня обманывать!"— „Умышленно не стану, но я могу ошибиться и обмануть васъ такъ же, какъ и себя".

— „Ну, ну, хорошо!"

Онъ пересчиталъ деньги, и оказалось, что я не додалъ ему 100 р. Старикъ сконфузился, а я еще больше. Кажется, послѣдовало даже рукопожатіе, въ первый и въ послѣдній разъ въ моихъ съ нимъ отношеніяхъ".

Вступительныя замѣтки заключаютъ въ себѣ необходимѣйшія свѣдѣнія о драматическихъ произведеніяхъ, которыя размѣщены хронологически въ слѣдующемъ порядкѣ: первою идетъ „Кофейница", написанная Крыловымъ на шестнадцатомъ году своей жизни; затѣмъ слѣдуютъ—„Филомела", „Бѣшеная семья", „Сочинитель въ прихожей", „Проказники", „Трумфъ" (Подщипа), „Пирогъ", „Лѣнтяй". Общую оцѣнку дѣятельности Крылова перваго періода г. Каллашъ даетъ въ слѣдующей формѣ: „У Крылова было больше увлеченія театромъ, чѣмъ призванія къ нему. Талантъ его былъ слишкомъ громаденъ, чтобы не сказаться—вспышками—въ отдѣльныхъ мѣстахъ пьесъ или въ одной изъ пьесъ. Но въ общемъ его драматическія сочиненія ниже его сатирическихъ статей и въ особенности басенъ.

„Они, однако, очень характерны для его личности, самаго процесса развитія его таланта, круга умственныхъ и нравственныхъ интересовъ его молодости.

„Мы видимъ, какъ онъ бьется въ сѣтяхъ ложной литературной теоріи. Имѣя благое „намѣреніе забавлять, трогая сердца", онъ постоянно впадаетъ въ шаржъ, каррикатуру, холодную разсудочную ре-

торику или ложную чувствительность. Среда не дала ему образованія, которое могло бы быть большимъ подспорьемъ при тяжелой внутренней борьбѣ и болѣзненномъ развитіи дарованія. Тогда уже началось обновляющее вліяніе „мѣщанской драмы", Шекспира, испанскихъ и итальянскихъ драматурговъ. Вліяніе Дмитревскаго и вообще актеровъ, воспитанныхъ Сумароковымъ, отклонило Крылова отъ самобытной, хотя бы и наивной „Кофейницы", и направило по торному пути— французскаго классицизма, хотя онъ не соотвѣтствовалъ ни особенностямъ таланта, ни условіямъ образованія Крылова.

„Въ безсознательномъ стремленіи къ реализму и народности онъ мало встрѣчалъ вокругъ поддержки—скорѣе даже препятствія. Онъ шелъ впередъ ощупью, наталкиваясь и спотыкаясь, но въ концѣ концовъ вышелъ на свою дорогу и повелъ за собою другихъ...

„Эту борьбу особенно хорошо можно прослѣдить на пьесахъ, въ чемъ и заключается ихъ большой историко-литературный интересъ, весь глубоко-поучительный ихъ смыслъ.

„Въ пьесахъ Крылова мало самостоятельной художественной цѣны, но все-же она есть.

„Помимо этого онѣ—драгоцѣнный матеріалъ для исторіи его творчества, доказывающій удивительную устойчивость многихъ его интересовъ, настойчивое возвращеніе къ нѣкоторымъ темамъ въ разныя времена и въ разныхъ формахъ...

„Крыловъ—драматургъ скорѣе всего—сатирикъ, взявшійся за дѣло хотя бы и близкое къ его природнымъ дарованіямъ, но выходящее все-же за ихъ предѣлы"...

Изданіе снабжено рядомъ иллюстрацій, весьма оживляющихъ книгу: это—портреты Крылова и его факсимиле (письмо Крылова съ баснями и припиской Оленина, 1821 г.), затѣмъ снимокъ съ извѣстной картины Чернецова: „Гнѣдичъ, Жуковскій, Пушкинъ и Крыловъ на гуляньи". Въ типографскомъ отношеніи мы замѣтили нѣсколько мелкихъ промаховъ, но въ общемъ изданіе производитъ вполнѣ благопріятное впечатлѣніе.

V.

— Личковъ, Л. С. Очерки изъ прошлаго и настоящаго Черноморскаго побережья Кавказа. Кіевъ, 1904.

Литература Черноморскаго края по численности можетъ быть названа уже довольно значительной, хотя серьезныхъ работъ, посвященныхъ подробному изученію и важнѣйшимъ общественнымъ вопросамъ, связаннымъ съ колонизаціей побережья, сравнительно не много:

однако можно назвать работы гг. Клингена, Воейкова, Пастернацкаго, Сергѣева, Краснова, Васюкова, Альбова и др. Между тѣмъ Черноморское побережье Кавказа съ каждымъ годомъ привлекаетъ къ себѣ все больше и больше вниманія. Колыбель древней Колхиды, куда отважный Язонъ отправлялся за золотымъ руномъ,—край этотъ еще въ недавнее время, до завоеванія его русскими у горцевъ, славился своей вѣковой интенсивной культурой, но затѣмъ, подъ вліяніемъ неумѣлаго управленія и невѣжественныхъ попытокъ искусственной колонизаціи, одичалъ и заглохъ, и только въ послѣднее время сталъ оживляться, благодаря даровой раздачѣ такъ называемыхъ культурныхъ участковъ и устройству курортовъ. Чиновники, спекулянты, труженики-засельщики, больные,—всѣ устремились на побережье, стараясь извлечь изъ него пользу въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ. Создались и создаются новыя, небывалыя прежде условія жизни, опредѣляемыя сложными и самыми разнообразными интересами, ради которыхъ пріѣзжають многочисленные посѣтители этого богатаго и своеобразнаго края.

Въ дѣлѣ знакомства съ этими условіями, книга г. Личкова можетъ сослужить серьезную службу. Она не представляетъ собой ученаго трактата, но содержитъ въ себѣ рядъ весьма цѣнныхъ очерковъ, основанныхъ на знакомствѣ съ литературой и вдумчивой наблюдательности образованнаго и непредубѣжденнаго туриста. Въ наше время, когда вопросы колонизаціи и переселенческаго движенія въ широкомъ смыслѣ играютъ такую видную роль въ заботахъ общества и правительственной власти, далеко не безполезно прислушиваться къ мнѣніямъ людей, обсуждающихъ эти вопросы съ широкой общественной точки зрѣнія, выводящей предметъ обсужденія за предѣлы ближайшихъ экономическихъ интересовъ или спеціальныхъ взглядовъ того или другого вѣдомства. Такъ, прежде всего много поучительнаго разсказываетъ г. Личковъ въ исторической части своего труда, гдѣ рисуетъ яркую картину того, къ какимъ печальнымъ недоразумѣніямъ приводили первыя поспѣшныя распоряженія о заселеніи края. Когда по вызову правительства почти не находилось охотниковъ переселяться на Кавказъ и отвоевывать на жизнь и на смерть у горцевъ ихъ родныя земли, тогда рѣшили примѣнить—это было во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ XIX в.—принудительное переселеніе части кубанскихъ казаковъ, части азовскихъ и, неизвѣстно по какимъ соображеніямъ, нѣкотораго числа матросовъ и разночинцевъ г. Николаева. Авторъ приводитъ хватающій за душу разсказъ одного изъ мѣстныхъ старожиловъ, испытавшаго на себѣ всю прелесть этого переселенія. Вкратцѣ сказать, новоселы одновременно должны были и защищаться отъ горцевъ, и строиться, и разрабаты-

вать землю, а главное—приспособляться къ новымъ условіямъ. Они понятія не имѣли ни о тѣхъ культурахъ, которыя только и могли имѣть успѣхъ въ этой странѣ, ни о тѣхъ орудіяхъ, пріемахъ и способахъ хозяйства, которые только и возможно было примѣнить въ новыхъ условіяхъ. Они принимались за работу такъ же, какъ они привыкли дѣлать ее въ родной знакомой степи. Легкую почву, требующую поверхностной разработки, они пахали тяжелымъ плугомъ, сѣяли хлѣбъ на землѣ, пригодной только для винограда или табака, сады разводили въ мѣстахъ, незащищенныхъ отъ губительнаго нордъ-оста, рубили лѣса не тамъ, гдѣ слѣдуетъ,—словомъ, поступали вопреки обычаямъ горцевъ и наперекоръ стихіямъ. Къ тому же жестокая малярія выхватывала жертву за жертвой, лишала людей возможности работать и уносила иногда въ могилу цѣлыя семьи. Неудивительно, что при всѣхъ этихъ обстоятельствахъ хозяйство не шло, новоселы только разорялись и, убитые горемъ, разбѣгались—кто домой, кто на заработки, кто въ безвѣстную отлучку... Принимавшіяся правительствомъ мѣры носили лишь палліативный характеръ.

Большого вниманія заслуживаютъ, какъ намъ кажется, соображенія автора относительно совершавшагося, если не ошибаемся, и въ послѣдующее время порядка заселенія края. Но едва ли этотъ порядокъ существуетъ безъ значительнаго корректива. Много земель уже роздано, а какъ онѣ раздавались въ недавніе годы, объ этомъ можно судить изъ цѣлаго ряда справокъ, ставшихъ уже историческимъ матеріаломъ. Большое участіе въ раздачѣ этихъ земель принималъ покойный гофмейстеръ Абаза, бывшій предсѣдатель коммиссіи „заселенія и оживленія“ края. „Розданы онѣ,—говоритъ г. Личковъ,—какъ здѣсь принято говорить, „петербургскимъ генераламъ“ и такъ или иначе извѣстнымъ покойному Абазѣ лицамъ. Мѣщанамъ, ремесленникамъ и торговцамъ доступа не было, такъ какъ получить участокъ подъ усадьбу обыкновенному смертному было невозможно. Не даромъ же по побережью ходитъ анекдотъ, что Н. С. Абаза на просьбу одного простого смертнаго дать участокъ земли въ Хостѣ, отвѣтилъ, что у него тамъ будутъ поселены „только сенаторы да губернаторы“... Немудрено, конечно, что въ Хостѣ, говоря словами Щедрина, „народа нѣтъ, помпадуръ есть—чисто“!..“

Понятно, что такіе и имъ подобные принципы раздачи земель не могли и не могутъ привести къ желательному успѣху, тѣмъ болѣе, что для изученія сложныхъ и разнообразныхъ условій возможнаго на побережьѣ хозяйства сдѣлано, повидимому, еще и теперь немного, а прежде и того не было. „Главнѣйшею причиною неуспѣха колонизаціи побережья,—говоритъ авторъ,—путемъ созиданія частнаго землевладѣнія—причиною уже не общею съ крестьянскимъ хозяйствомъ,

а относящеюся только къ частновладѣльческому—надо, разумѣется, считать раздачу земель въ частное владѣніе не тѣмъ, кому слѣдуетъ, не людямъ, знающимъ мѣстныя условія, уже фактически занимающимся хозяйствомъ и живущимъ въ краѣ, и даже и не собирающимся жить въ немъ, а по преимуществу людямъ совершенно чуждымъ краю, постоянно живущимъ внѣ его и даже не имѣющимъ надлежащаго понятія ни о какомъ сельскомъ хозяйствѣ. „Прежде розданныя крупныя владѣнія—пишетъ объ этомъ И. Н. Захарьинъ—естественнымъ порядкомъ попали въ руки людей съ большимъ общественнымъ положеніемъ и огромными средствами, т.-е. людей очень занятыхъ, очень высоко стоящихъ, очень озабоченныхъ другими серьезнѣйшими интересами, а потому не имѣвшихъ ни времени, ни охоты посвятить много вниманія своимъ новымъ пріобрѣтеніямъ въ какой-то далекой и полудикой, хотя прекрасной пустынѣ. Забота о нихъ либо откладывалась съ года на годъ, либо принимала характеръ забавы, иногда очень недешевой. Были, конечно, счастливыя исключенія, но ихъ немного. Поэтому розданные участки въ лучшемъ случаѣ разрабатывались достаточно неумѣло и безъ толку, а въ худшемъ—лежали нетронутыми"...

„Вотъ эта причина—раздача земель въ частное владѣніе чуждымъ, не понимающимъ хозяйства и не желающимъ заниматься имъ людямъ—эта причина только и объясняетъ факты, указанные въ докладѣ генералъ-лейтенанта Старосельскаго, что изъ 63 участковъ, отведенныхъ въ частную собственность въ Черноморскомъ округѣ, устроено только 7, или показанія И. Н. Клингена, что изъ 103 обслѣдованныхъ имъ крупныхъ частныхъ владѣній въ 78 еще не приступлено даже къ устройству этихъ имѣній, потому что владѣльцы ихъ смотрѣли на свою покупку только какъ на спекуляцію; приступило же къ устройству своихъ имѣній только 23 (но и то многіе, можетъ быть, лишь съ цѣлью скорой и выгодной продажи?). Этою только причиной объясняется не разъ отмѣчавшійся мною выше фактъ почти сплошного мѣстами пустованія частновладѣльческихъ земель на весьма большихъ пространствахъ (въ предѣлахъ одной только черноморской губерніи пустуетъ приблизительно около 90 тыс. десятинъ частновладѣльческихъ земель).

„Такимъ образомъ, раздача земель въ частную собственность имѣла однимъ изъ главныхъ своихъ слѣдствій запустѣніе и одичаніе пространствъ, предназначенныхъ для насажденія культуры (и въ прежнее время культивировавшихся горцами), т.-е. раздача эта на громаднѣйшемъ пространствѣ не только не привела къ осуществленію главнаго своего назначенія—распространенія культуры въ завоеванномъ краѣ, но напротивъ, явилась элементомъ, задержавшимъ ея распро-

страненіе. Даже г. Захарьинъ, такъ деликатно выражавшій (въ предъидущей цитатѣ) свое мнѣніе о роли „высоко стоящихъ“ владѣльцевъ пустующихъ земель, не могъ не замѣтить (въ другомъ, впрочемъ, мѣстѣ своей книги), что „въ прежнее время раздавались такіе участки и въ нѣсколько сотъ десятинъ величиною, и это было большимъ зломъ, порождавшимъ лишь аферы и злоупотребленія, выражавшіяся, между прочимъ, и въ хищническомъ истребленіи мѣстныхъ дорогихъ породъ: пальмы, дуба и краснаго дерева“.

Мы не касались описанія Новороссійска съ окрестностями и побережья, занимающаго центральныя главы книги; читатели, интересующіеся этимъ „моднымъ“ побережьемъ и создаваемыми имъ земельными вопросами, найдутъ и въ этихъ главахъ не мало полезныхъ свѣдѣній и соображеній.

VI.

— *Л. Г.* (Сост.). Иностранная критика о Горькомъ (Сборникъ статей). М. 1904.

Въ критической литературѣ о Горькомъ этотъ сборникъ восполняетъ значительный пробѣлъ, такъ какъ даетъ русской читающей публикѣ возможность познакомиться со взглядами европейскихъ писателей, которые могли объективно отнестись, какъ къ художественному и идейному содержанію сочиненій писателя, такъ и къ причинамъ его успѣха. Послѣднее особенно важно и по отношенію къ Горькому, на извѣстность котораго, при всѣхъ неотъемлемыхъ достоинствахъ его дарованія, оказали несомнѣнное вліяніе обстоятельства, ничего общаго съ литературой въ тѣсномъ смыслѣ не имѣющія.

Какъ видно изъ предисловія, составитель руководился при выборѣ статей не ихъ отрицательной или положительной оцѣнкой Горькаго, но достоинствомъ, именемъ автора и отчасти значеніемъ органа, въ которомъ оцѣнка появилась. Этотъ взглядъ, безспорно справедливый самъ по себѣ,—хотя и вносилъ извѣстную степень субъективности при выборѣ, — естественно устранялъ вопросъ о такъ называемой „полнотѣ“, совершенно ненужной въ подобнаго рода сборникахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ избавлялъ читателя отъ необходимости разбираться самому въ массѣ повтореній, пересказовъ и обыкновенной газетной болтовни.

Безъ повтореній не обошлось, правда, и въ этомъ сборникѣ, но въ общемъ онъ выдержанъ и матеріалъ подобранъ умѣло. Сравнительно съ тѣми сужденіями, которыя высказывались въ русской печати, отзывы иностранцевъ не отличаются оригинальностью или новизной. Можно сказать даже болѣе: въ нихъ чувствуется прямое воз-

дѣйствіе русской критики, особенно въ тѣхъ частяхъ, гдѣ разборъ причинъ успѣха, интересный главнымъ образомъ для русскаго читателя, заслоняетъ безпристрастную и наиболѣе важную для европейскаго читателя оцѣнку художественныхъ достоинствъ. Такая оцѣнка безъ пышныхъ и крикливыхъ фразъ, шаблонныхъ указаній на біографію, безъ нелѣпыхъ сопоставленій съ гр. Л. Н. Толстымъ и Достоевскимъ, встрѣчается сравнительно у немногихъ писателей; переживая періодъ болѣзненной реакціи въ сферѣ художественной мысли, европейская критика раздѣлила, повидимому, неумѣренные восторги критики русской, при появленіи молодого даровитаго писателя. Зато въ нѣкоторыхъ статьяхъ находимъ страницы, продиктованныя глубокимъ уваженіемъ къ достоинству русской литературы и трезвой и вмѣстѣ благожелательной оцѣнкой Горькаго, чуждой преднамѣренныхъ цѣлей порицанія или хвалы.

Книга открывается сжатымъ пересказомъ хорошей работы Е. Диллона („Maxim Gorkyi, His life and writings". L., 1900), гдѣ есть много такихъ мыслей, надъ которыми было бы полезно подумать и писателю, и его горячимъ поклонникамъ. Авторъ отдаетъ все должное прекрасному дарованію писателя; онъ называетъ его талантливѣйшимъ импрессіонистомъ, который, какъ никто, съумѣлъ дать изящныя, красивыя и мѣткія описанія природы. „Перемѣшивая звуки, краски, запахи и формы, онъ объединяетъ и природу, и людей, и развертываетъ передъ читателемъ чудныя, величавыя картины... Въ этомъ вѣрномъ пониманіи близости и единенія людей съ природой Горькій превзошелъ всѣхъ своихъ предшественниковъ. Люди, животныя, деревья, вода, свѣтъ и тьма, благодаря его горячей фантазіи, сливаются въ единую, какъ бы міровую душу; и отъ времени до времени его обездоленные странники, нищіе босяки, бросившіе все изъ любви къ свободѣ, предвкушаютъ блаженство Нирваны. Эти пасынки общества— любимцы природы: она тихо нашептываетъ имъ на ухо свои тайны"... Но, отмѣчая основныя черты его творчества, критикъ указываетъ, среди нихъ, на неуравновѣшенность послѣдняго, на то, что преобладаніе субъективнаго элемента въ сочиненіяхъ Горькаго и влеченіе къ сильнымъ драматическимъ положеніямъ ведутъ къ стремленію усиливать впечатлѣніе чрезмѣрнымъ нагроможденіемъ сенсаціонныхъ подробностей. „Всѣ его босяки—философы, и ихъ открытія въ области метафизики и этики ни въ чемъ не уступаютъ аналогичнымъ открытіямъ Ницше или Шопенгауера; къ тому же эти неграмотные и невѣжественные люди говорятъ изысканнымъ языкомъ, прекрасно иллюстрируя оригинальныя мысли изящными сравненіями, доступными въ дѣйствительной жизни лишь поэтамъ".

„Горькій отлично сознаетъ всѣ свои недостатки,—говоритъ г. Дил-

лонъ далѣе,—тѣмъ болѣе, что и русскіе критики указывали на нихъ. Но вмѣсто того, чтобы стараться отдѣлаться отъ нихъ, онъ лишь пытается оправдываться и утверждаетъ, что самые обыкновенные люди, потерпѣвшіе пораженіе въ борьбѣ за существованіе, становятся мудрецами, въ силу этого пораженія. Еслибы эта теорія подтверждалась въ жизни, то это было бы въ высшей степени утѣшительно.

„Къ сожалѣнію, подобное утвержденіе ни на чемъ не основано, а недостатокъ, которому онъ долженъ служить оправданіемъ, портитъ лучшія сочиненія Горькаго. Дѣло въ томъ, что въ искусствѣ, какъ и во всемъ остальномъ, Горькій не терпитъ никакихъ ограниченій, и преднамѣренно стремится къ цѣлямъ очень возвышеннымъ, но достичь которыхъ легче при помощи публицистики или проповѣди, нежели литературы. Весь содрогаясь отъ страсти, онъ теряетъ необходимое для художника спокойствіе и самообладаніе, начинаетъ какъ поэтъ, кончаетъ какъ памфлетистъ, преувеличиваетъ, превращая своихъ дѣйствующихъ лицъ въ какихъ-то пророковъ, которые высказываютъ его теоріи и протесты. Не дѣлая даже попытки овладѣть собой, онъ отбрасываетъ въ сторону все, что такъ или иначе стѣсняетъ его, надѣясь такимъ образомъ усилить качество количествомъ, не жалѣетъ красокъ и старается убѣдить читателя, что его герои—величественные орлы, парящіе надъ облаками, за которыми скрывается солнце".

Общія причины успѣха Максима Горькаго авторъ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ: „Какъ ни богата Россія людьми, вышедшими изъ низшихъ слоевъ общества и благодаря энергіи и упорному труду проложившими себѣ путь къ высшимъ сферамъ искусства, науки или дипломатіи, однако никто еще не достигалъ такъ быстро и такой громкой славы, какъ молодой писатель, называющій себя „Максимомъ Горькимъ". Для многихъ критиковъ причина такого необыкновенно быстраго успѣха и небывалой популярности остается до сихъ поръ необъяснимой тайной, такъ какъ они едва ли соотвѣтствуютъ истинному значенію его книгъ. Къ тому же причины эти очень многочисленны и очень разнообразны. Во-первыхъ: романтизмъ его жизни, продолжительныя скитанія съ мѣста на мѣсто, тяжелая борьба за существованіе, которую ему съ самыхъ раннихъ лѣтъ приходилось вести, холодъ, голодъ, все это имѣло рѣшающее вліяніе какъ на отношеніе къ нему читающей публики, такъ и на свойство его таланта и даже философское міровоззрѣніе, и Россія, конечно, единственная страна въ мірѣ, гдѣ мыслима такая необыкновенная карьера, какова карьера Горькаго; нигдѣ больше общественныя перегородки не подаются такъ легко натиску необработаннаго таланта парія, нигдѣ двери не растворяются такъ широко передъ нимъ, когда онъ стучится въ нихъ

во имя науки или искусства. Здѣсь каждая искра таланта, загорѣвшаяся въ дикихъ степяхъ или грязныхъ трущобахъ, привѣтствуется какъ чистое золото, такъ какъ гуманное сочувствіе ко всѣмъ униженнымъ—основная черта русской интеллигенціи и русскаго народа, и каждый готовъ даже на жертвы, лишь бы облегчить имъ путь. Съ этой точки зрѣнія никто послѣ Ломоносова не имѣлъ столько правъ на вниманіе и уваженіе своихъ соотечественниковъ, какъ Алексѣй Максимовичъ Пѣшковъ, злосчастный сынъ нижегородскаго обойщика. И дѣйствительно, имя Максима Горькаго сдѣлалось извѣстно много раньше, чѣмъ его сочиненія появились отдѣльной книгой. Молодой писатель сталъ предметомъ самыхъ горячихъ споровъ: его талантъ сравнивали съ талантомъ Толстого или Достоевскаго, его направленіе и вліяніе сравнивали со струей свѣжей ключевой воды среди стоячаго болота; публика собиралась толпами въ аудиторіяхъ, чтобы прослушать отрывки его произведеній, привѣтствуя ихъ громкими оваціями; критики исписывали цѣлыя страницы, разсыпаясь въ похвалахъ его таланту. Такое восторженное отношеніе почти всѣхъ слоевъ общества къ молодому писателю вызывалось, однако, надеждами и стремленіями, ничего общаго съ литературой или искусствомъ не имѣющими. Въ Горькомъ чествовали главнымъ образомъ пророка, предвѣщающаго наступленіе новой эры и новыхъ порядковъ. Русское общество вообще смотритъ на своихъ писателей не только какъ на представителей искусства, но и какъ на своихъ политическихъ вождей, обязанность которыхъ принять близкое и горячее участіе въ общественномъ движеніи. Такимъ образомъ, русскому писателю приходится быть не только умственнымъ, но и общественнымъ руководителемъ своихъ современниковъ, а такъ какъ Горькій—горячій поборникъ свободы во всѣхъ ея видахъ, то онъ удовлетворялъ этой общественной потребности больше, чѣмъ кто-либо другой".

Любопытны и нѣкоторыя сужденія нѣмецкихъ критиковъ. Г. Порицкій, авторъ книги „Гейне, Достоевскій и Горькій", высказываетъ одно замѣчаніе, не лишенное интереса. „Горькаго заставила,—говоритъ онъ,—взять въ руки перо не одна только потребность творить, потому что въ сущности фантазіи у него мало. Но все необыкновенное, что ему пришлось видѣть, всѣ ужасы, которые самъ испыталъ, приключенія, которыя пережилъ, нуждались въ огласкѣ, мучительно рвались на свѣтъ Божій; такимъ образомъ возникли „Бывшіе люди". Въ этомъ разсказѣ еще виденъ писатель, не имѣющій ни малѣйшаго понятія о композиціи, необходимости сжатой формы, о тонкостяхъ техники, незнакомаго съ фразой, чуждой паѳоса, не обладающаго ни малѣйшимъ опытомъ, словомъ, писателя, для котораго существуютъ какіе бы то ни было законы художественности и навѣрное ни разу

еще не наслаждавшагося чтеніемъ эстетики; зато у него изумительное богатство оригинальныхъ мыслей, въ которыя онъ умѣетъ вдохнуть жизнь и воплотить".

Представляется намъ справедливымъ и слѣдующій „итогъ", подведенный г. Поритцкимъ своему разбору сочиненій Горькаго: „Произведенія Горькаго тамъ, гдѣ онъ остается самимъ собою, т.-е. разсказываетъ лично пережитое и перечувствованное, дышатъ рѣдкой силой, и часто, хочется прибавить, рѣдкой красотой—и это несмотря на отвратительные сюжеты. Только тамъ, гдѣ авторъ пускается въ болѣе подробный разборъ психологическихъ вопросовъ, какъ въ „Ѳомѣ Гордѣевѣ", у него не хватаетъ силы, или же онъ нисходитъ, какъ напр. въ „Варенькѣ Олесовой", на уровень грязныхъ и безнравственныхъ французскихъ романовъ нравовъ. А это жаль. Гдѣ Горькій остается самобытно русскимъ, онъ даетъ намъ если не болѣе, такъ хоть вполнѣ вѣрную картину низшихъ слоевъ и даже самыхъ подонковъ русскаго общества".

Августъ Шольцъ задумывается, по поводу успѣха Горькаго, о судьбѣ русскихъ писателей вообще: „Причина такого успѣха станетъ вполнѣ понятной, если припомнить, что въ Россіи слово „писатель" имѣетъ совершенно иное значеніе, чѣмъ въ наше время у насъ въ Германіи. Русская муза — воинственная женщина, и кто хочетъ служить ей, долженъ быть отважнымъ воиномъ, готовымъ пасть на полѣ сраженія, когда пробьетъ его часъ. И въ настоящее время тамъ смотрятъ еще на народъ, какъ на безгласное стадо, удѣлъ котораго терпѣніе и покорность (подобный взглядъ господствовалъ и въ эпоху Ивана Грознаго); писатель является единственнымъ истолкователемъ того, что̀ происходитъ въ душѣ народа, и чѣмъ талантливѣе и живѣе даетъ онъ выраженіе подавленнымъ чувствамъ порабощенныхъ милліоновъ, чѣмъ глубже затрогиваетъ назрѣвшія потребности времени, тѣмъ радостнѣе будутъ привѣтствовать его, но съ тѣмъ большею вѣроятностью можно ожидать, что онъ падетъ жертвой мести и настойчивыхъ преслѣдованій. Исторія русской литературы читается какъ собраніе жизнеописаній мучениковъ. Висѣлица, тюрьма, сибирскіе рудники играютъ большую роль въ судьбѣ русскихъ писателей. Одни изъ нихъ кончили сумасшествіемъ, другіе умерли съ голоду, третьи насильственнымъ образомъ отданы въ солдаты, иные же предались съ отчаянія пьянству или умерщвлены на дуэли, являясь жертвой низкихъ интригъ. И только немногіе покинули міръ „естественнымъ" путемъ, — умерли съ горькимъ чувствомъ печали и скорби о судьбѣ своего народа, для котораго такъ горячо билось ихъ сердце, и которому они тщетно старались помочь". Авторъ такъ опредѣляетъ творчество писателя. „Страстная любовь,—говоритъ онъ,—къ людямъ

и природѣ, красоты которой Горькій умѣетъ описывать съ законченнымъ совершенствомъ, непримиримая ненависть ко всякаго рода притѣсненіямъ и несправедливости, проницательный взглядъ на сущность и самое важное въ жизни, смѣлый, широкій взмахъ кисти въ изображеніи ея, рядомъ съ удивительной яркостью и наглядностью въ описаніи деталей, при этомъ богатый запасъ личнаго опыта и поразительное трудолюбіе, — вотъ тѣ художественныя данныя, которыя снискали этому поэту-пролетарію и сыну народа пальму высшаго успѣха".

Много правды заключается и въ общей оцѣнкѣ Горькаго, сдѣланной Гуго Ганцемъ въ краткой, но весьма содержательной статьѣ. Охарактеризовавъ этого писателя, какъ философа пресыщенія цивилизаціей съ ея неизбѣжнымъ стѣсненіемъ свободы и невыносимыми шаблонами, авторъ приходитъ къ такому заключенію объ его творчествѣ. „Не слѣдуетъ,—говоритъ Гуго Ганцъ,—переоцѣнивать Горькаго, какъ поэта и художника. Большею частью своего вліянія онъ обязанъ современному состоянію общества, а также новизнѣ изображенной имъ среды. Но не слѣдуетъ и умалять его достоинствъ, какъ писателя. По жизненности образовъ и мѣткой наблюдательности его можно поставить на ряду прежде всего съ Мопассаномъ; правда, онъ не можетъ сравниться съ послѣднимъ въ изяществѣ изложенія, но зато превосходитъ теплотой и непосредственностью. Вообще всѣ произведенія Горькаго читаются съ одинаковымъ интересомъ; нѣкоторая растянутость и обиліе разсужденій искупаются вѣрностью изображенія типовъ бродягъ, проходящихъ передъ нашими глазами, какъ живые, а это до нѣкоторой степени примиряетъ насъ съ ними. Какъ самобытны его сужденія и свободны отъ какого бы то ни было нравственнаго догматизма, такъ же самобытна и оригинальна его способность творчества. Онъ натуралистъ и какъ таковой любитъ объектъ своихъ наблюденій. Онъ полонъ бодрости, энергіи и совершенно не похожъ на измученныхъ, усталыхъ нашихъ писателей эскизовъ, которымъ лучше было бы вовсе не выступать. Въ общемъ надо признать въ Горькомъ явленіе весьма характерное и вмѣстѣ съ тѣмъ оживляющее для нашего времени. Но ставить его рядомъ или выше Толстого, какъ это дѣлали нѣкоторые критики въ порывѣ преувеличеннаго восторга, было бы, конечно, преступленіемъ. Это все равно, что поднести къ глазамъ мизинецъ и закрыть имъ Монбланъ".

Не мало въ сборникѣ и статей, внушенныхъ почти исключительно пламеннымъ увлеченіемъ художественными достоинствами произведеній Горькаго; авторы ихъ высказали тонкія и мѣткія сужденія, раскрывающія различныя стороны разлитой въ этихъ произведеніяхъ чистой красоты, непосредственнаго поэтическаго воодушевленія. Изъ

такихъ статей нельзя не отмѣтить восторженной, изящно написанной статьи Мельхіора Вогюэ. Для сопоставленія съ мнѣніями, высказанными выше, не лишенъ значенія отзывъ одного изъ итальянскихъ журналовъ. „Горькаго многіе упрекаютъ въ томъ,—говорится здѣсь,—что онъ фантазируетъ, описывая своихъ бродягъ, идеализируетъ ихъ, изображаетъ болѣе умными и интересными, нежели они есть на самомъ дѣлѣ. Пусть это такъ, но вѣдь это не важно. Важно то, что Горькій даетъ намъ картину здороваго, полнаго жизненныхъ соковъ человѣчества, страстно, отважно стремящагося къ осуществленію своихъ желаній, живущаго полной, свободной жизнью. Пусть эта жизнь дикая,—блѣдная, худосочная ординарность нуждается въ такой прививкѣ горячей, красной, грубой крови, чтобы возродиться физически и морально. Въ этомъ отношеніи Максимъ Горькій нѣсколько напоминаетъ мнѣ французскаго поэта Ростана. „Сирано де-Бержеракъ", несмотря на всю дѣланность, на всю неправдивость, чаруетъ и привлекаетъ насъ тѣмъ, что вызываетъ желаніе вернуться къ временамъ, когда жизнь была такъ прекрасна! Горькій, подобно Ростану, даетъ настроеніе жизненной красоты и привлекательности".

„Возбуждается еще вопросъ о томъ, насколько эта „литература настроенія" имѣетъ общественное значеніе. Въ Россіи до сихъ поръ господствуетъ предвзятая мысль, что для того, чтобы имѣть общественное значеніе, писатель непремѣнно долженъ сказать какое-нибудь „новое слово" или пропагандировать какую-нибудь „новую идею".

„Мнѣ кажется, что въ настоящее время для Россіи новыя идеи и новые идеалы излишни—потребуется не малое количество времени для того, чтобы осуществить всѣ господствующіе, признанные своевременными и правильными идеи и идеалы. Великая заслуга Максима Горькаго состоитъ именно въ томъ, что онъ первый призываетъ воспрянуть застывшую, инертную мысль, отбросить дешевый скептицизмъ, призываетъ къ работѣ плодотворной, къ осуществленію намѣченныхъ общественной совѣстью идей и идеаловъ".

По количеству отзывовъ наиболѣе представлена, какъ и слѣдовало ожидать, нѣмецкая критика; кое-что дано изъ сужденій шведской, датской и испанской критики. Съ интересомъ прочтутся и нѣкоторыя статьи въ приложеніи.—Евг. Л.

VII.

— **Алланъ Кларкъ. Фабричная жизнь въ Англіи. Съ англійскаго перевелъ А. Н Коншинъ. Съ предисловіемъ академика И. И. Янжула. Москва, 1904.**

Въ первой половинѣ истекшаго вѣка въ передовыхъ государствахъ западной Европы появлялось много сочиненій и памфлетовъ, направленныхъ противъ господствующаго промышленнаго строя и горячо осуждавшихъ гибельныя, по мнѣнію авторовъ, физическія, моральныя и интеллектуальныя вліянія фабричной системы на рабочіе классы. Въ послѣднее время такія огульныя нападенія на существующіе порядки почти прекратились. Улучшеніе положенія рабочихъ классовъ вслѣдствіе дѣятельности правительствъ, муниципалитетовъ и организацій самихъ рабочихъ, распространеніе между ними образованія и открывшаяся возможность вліять на условія своего быта черезъ посредство законодательства—примирило рабочіе классы съ существующей организаціей общества и умягчило остроту отношенія къ ней идеологическихъ противниковъ этой организаціи, уже не стремящихся къ быстрому насильственному измѣненію этого строя, а ожидающихъ чего-то въ родѣ его самоуничтоженія въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Но въ самые послѣдніе годы въ странѣ классическаго индустріализма,—гдѣ получили начало и первые протесты противъ капиталистическаго режима,—стали появляться литературныя работы о радикальномъ преобразованіи послѣдняго. Годъ назадъ на страницахъ нашего журнала излагалось содержаніе одной изъ такихъ работъ („Земледѣліе, фабрично-заводская и кустарная промышленность и ремесла"), принадлежащей перу соціаль-философа. Въ настоящей замѣткѣ мы укажемъ на страстную филиппику противъ „фабричной" системы лица, вышедшаго изъ среды рабочихъ и не разорвавшаго съ ними связей,—учителя Аллана Кларка, работа котораго названа въ заглавіи нашей рецензіи. Его книжка посвящена отрицательнымъ проявленіямъ „великаго зла" англійскаго народа, обреченнаго проводить жизнь въ замкнутомъ пространствѣ фабрики, жилища и узкихъ улицъ города, безъ мысли о природѣ и ея жизни, безъ понятія о чистомъ воздухѣ и здоровой пищѣ, безъ правильной умственной пищи и здоровыхъ умственныхъ возбужденій.

„Посмотримъ сначала, насколько фабрики преобразовали или испортили природу?—пишетъ авторъ.—Подъ дымнымъ небомъ грязные, скученные города, соединенные лязгающими цѣпями безобразныхъ желѣзныхъ дорогъ съ небольшими пространствами запачканной травы и тощими деревьями, сохраненными для того, чтобы показать, что и

здѣсь когда-то улыбалась веселая природа... Вездѣ шипитъ паръ, дымится уголь, вездѣ кузницы, печи, трубы, надшахтныя постройки, загрязненные отбросами химическихъ заводовъ ручьи... Жители такого города не имѣютъ почти никакого понятія о птицахъ и цвѣтахъ. Дѣти ихъ никогда не видѣли веселыхъ полей, зеленой травы, красивыхъ деревьевъ; они думаютъ, что земля существуетъ исключительно для фабрикъ и заводовъ, и что она потеряна, если на ней ростутъ овощи. Родители ихъ засмѣютъ того, кто имъ скажетъ, что земля потеряна именно съ того времени, когда на ней начали строить фабрики. Рабочіе не замѣчаютъ, что ихъ городъ безобразенъ и печаленъ, такъ какъ не привыкли къ лучшему. И я самъ лишь недавно убѣдился въ томъ, насколько омерзителенъ мануфактурный городъ. Съ рожденія до тридцати лѣтъ я прожилъ безвыѣздно въ Болтонѣ (фабричный городъ въ Ланкаширѣ), но потомъ мнѣ посчастливилось проѣхаться моремъ въ Фильдъ. Я гулялъ по полямъ, по песчаному берегу, и въ первый разъ въ жизни имѣлъ возможность любоваться свѣжими цвѣтами, чистымъ небомъ и незапачканной зеленью. Разузнавая названія полевыхъ цвѣтовъ и деревьевъ,—что̀ я долженъ бы знать съ раннихъ лѣтъ,—научаясь различать птицъ по ихъ чириканью и пѣнію,—что̀ должно было бы служить утѣхою младенческихъ лѣтъ,—я думалъ, что очутился въ какомъ-то новомъ мірѣ красоты, и чувствовалъ себя, какъ родившійся и выросшій въ тюрьмѣ человѣкъ, котораго внезапно вывели на волю" (стр. 33). Послѣ того онъ не могъ уже оставаться въ обстановкѣ, къ которой привыкъ съ дѣтства, и оставилъ профессію фабричнаго. Книжка его является какъ бы обоснованіемъ его отвращенія отъ фабричной системы. Вполнѣ признавая измѣненіе къ лучшему въ этой системѣ, осуществившееся въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ, Алланъ Кларкъ, тѣмъ не менѣе, остается страстнымъ ея противникомъ, потому что оцѣниваетъ ее съ точки зрѣнія, такъ сказать, нормальныхъ или естественныхъ потребностей человѣка, какъ существа физическаго, моральнаго и интеллектуальнаго. Онъ разсматриваетъ вліяніе современнаго режима на здоровье, нравственность и умственное развитіе рабочихъ, иллюстрируя данныя статистики живыми картинами изъ собственнаго опыта и наблюденія. Невысокую оцѣнку въ его изложеніи получаютъ и умственные результаты вліянія фабрики, которые склонны идеализировать новѣйшіе авторы по этому предмету. Алланъ Кларкъ приводитъ мнѣніе на этотъ счетъ извѣстнаго русской публикѣ нѣмецкаго экономиста Шульце-Геверница,—мнѣніе о томъ, что увеличеніе машинъ и быстроты ихъ хода требуетъ, будто бы, постояннаго возростанія умственной силы рабочихъ. Кларкъ не согласенъ съ этимъ мнѣніемъ и полагаетъ, что въ дѣйствительности „дѣло обстоитъ совершенно иначе". „Всякій, кто приходитъ въ

частное общеніе съ фабричными, скоро убѣждается въ недостаткѣ ихъ умственной силы. Они не способны на умственныя усилія и предпочитаютъ легкое и возбуждающее чтеніе, не выказывая ни малѣйшей склонности ни къ поэзіи, ни къ избранной литературѣ. Умъ ихъ ослабѣлъ такъ же, какъ ихъ тѣло, и требуетъ возбуждающихъ пустяковъ, подобно тому, какъ каждый глотокъ ихъ пищи долженъ быть приправленъ пикулями, уксусомъ или другимъ щекочущимъ языкъ средствомъ... Изъ пятидесяти домовъ рабочихъ (рѣчь идетъ о Ланкаширѣ) ни въ одномъ не найдется книгъ, а изъ ста человѣкъ ни одинъ не имѣетъ даже первоначальныхъ свѣдѣній о лучшихъ авторахъ современной литературы. Конечно, рабочіе читаютъ газеты; но чтеніе это возбуждаетъ мое негодованіе, такъ какъ преимущественно обращено вниманіе на убійства, разводы, войны и т. п., и объявленія читаются прежде передовой статьи". „Механическія улучшенія подавляютъ умъ рабочихъ", — говоритъ другой, цитируемый авторомъ фабричный (стр. 55—60). О малолѣтнихъ фабричныхъ рабочихъ авторъ (самъ учитель въ общественныхъ элементарныхъ школахъ) говоритъ слѣдующее: „Ранняя привычка къ труду способствуетъ развитію ихъ ума, но, какъ все развитое преждевременно, онъ скоро слабѣетъ, и умственныя способности дѣтей пріобрѣтаютъ тотъ же характеръ, какъ у взрослыхъ: они совершенно не способны къ серьезному обученію... Часто, жалѣя дѣтей, я прощалъ имъ незнаніе уроковъ. Я видѣлъ, что они дремали надъ книгами послѣ пятичасовой утренней работы на фабрикахъ. Вообще же они были тупы и сонны, и было жестоко заставлять ихъ готовиться къ повѣрочному экзамену, требуемому закономъ... Фабричныя дѣти всегда тормозятъ остальной классъ". Ланкаширскіе учители не любятъ, поэтому, имѣть дѣло съ фабричными дѣтьми (стр. 69—70).

Ярый противникъ фабричной системы, Алланъ Кларкъ мечтаетъ объ ея исчезновеніи, но представляетъ себѣ будущее въ довольно неопредѣленномъ идиллическомъ видѣ. „Я бы желалъ,—пишетъ онъ,—чтобы Ланкаширъ состоялъ изъ маленькихъ городовъ и деревень, чтобы ихъ жители сами обработывали землю, сами пряли и ткали на себя, чтобы въ каждомъ посёлкѣ былъ театръ, мѣсто для физическихъ упражненій, свои школы, книжные магазины, ванны—все, что потребно для тѣла и души" (стр. 113). О соединеніи промысла и земледѣлія, физическаго и умственнаго труда, работы и наслажденія говорятъ теперь, впрочемъ, не только философствующіе самоучки, какъ А. Кларкъ, но и лица, вполнѣ овладѣвшія современнымъ знаніемъ. А огромное развитіе техники въ новѣйшее время почти уничтожаетъ матеріальныя препятствія для осуществленія всеобщаго достатка и высокаго умственнаго развитія. На пути къ этому осуществленію стоятъ, глав-

нымъ образомъ, факторы интеллектуальные и моральные и покоящіяся на нихъ соціальныя учрежденія и привычки. Преодолѣть эти препятствія, кроющіяся въ самомъ человѣкѣ, гораздо труднѣе, чѣмъ вооружить послѣдняго дѣйствительными средствами для сокрушенія преградъ къ его счастію, поставляемыхъ внѣшней матеріальной природой.

VIII.

— Очеркъ санитарно-экономическаго положенія грузчиковъ на Волгѣ. Санитарнаго врача А. Ф. Никитина. Спб. 1904.

Массовыя экономическія изслѣдованія въ Россіи послѣднихъ десятилѣтій почти не коснулись одной отрасли труда — по нагрузкѣ и выгрузкѣ товаровъ на водныхъ и желѣзныхъ путяхъ сообщеній; а между тѣмъ такое изслѣдованіе имѣло бы очень важное значеніе въ виду хотя бы безобразной обстановки труда тысячъ этихъ работниковъ, скопляющихся въ періодъ навигаціи на главнѣйшихъ пристаняхъ и въ портахъ и образующихъ очаги разныхъ заболѣваній. Положеніе рѣчныхъ грузчиковъ, равно какъ и другихъ (судовыхъ) рабочихъ, занятыхъ на нашихъ длинныхъ водяныхъ путяхъ, начало изучаться въ деталяхъ лишь въ самые послѣдніе годы, благодаря оживленію работъ по изученію министерствомъ путей сообщенія санитарнаго состоянія внутреннихъ водныхъ путей сообщенія (см. „Матеріалы для изученія санитарнаго состоянія внутреннихъ водныхъ путей").—Спеціальной работой, посвященной грузчикамъ на р. Волгѣ, является указанный въ заглавіи нашей замѣтки трудъ санитарнаго врача министерства путей сообщенія, А. Ф. Никитина. Трудъ этотъ разсматриваетъ вопросъ о положеніи грузчиковъ съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ; но, будучи основанъ на непосредственномъ наблюденіи небольшого, сравнительно, числа рабочихъ, онъ не столько рѣшаетъ, сколько ставитъ вопросы для дальнѣйшихъ изслѣдователей и намѣчаетъ болѣе или менѣе вѣроятные отвѣты на нихъ. Сказанное относится особенно къ вопросамъ о вліяніи работы грузчиковъ на ихъ организмъ и о болѣе интимныхъ, такъ сказать, результатахъ вліянія на рабочихъ обстановки ихъ труда; что же касается общихъ видимыхъ условій этой работы, она достаточно ярко рисуется и тѣми наблюденіями, какія уже произвелъ авторъ.

Работа грузчиковъ очень тяжела. Обычный вѣсъ переносимыхъ однимъ человѣкомъ тяжестей сами грузчики опредѣляютъ отъ пяти до десяти пуд.; но нерѣдко имъ приходится перетаскивать и вдвое болѣе тяжелые предметы. Тяжесть работы усиливается еще весьма не-

удобною формою и объемомъ переносимыхъ товаровъ, придаваемыми имъ товароотправителями, вовсе, повидимому, не помышляющими о тѣхъ затрудненіяхъ, какія они создаютъ этимъ несчастнымъ рабочимъ. „Большое количество грузовъ,—говоритъ д-ръ Никитинъ,—упаковывается безъ всякой нужды въ такіе громадные тюки или ящики, которые совершенно не соотвѣтствуютъ человѣческимъ силамъ, истощаютъ человѣка и, благодаря своей тяжести и громаднымъ размѣрамъ, затрудняющимъ движеніе, дѣлаютъ работу опасной для здоровья и жизни грузчика. Такая безсмысленная упаковка стоитъ жизни многимъ. Конечно, упаковка восемнадцати пуд. въ одинъ тюкъ будетъ дешевле, чѣмъ въ три, но этотъ грошовый разсчетъ сопоставляется лицомъ къ лицу со здоровьемъ и жизнью человѣка" (стр. 68). Очень тяжелые и громоздкіе предметы переносятся нѣсколькими, число которыхъ доходитъ до двадцати и выше, отчего неудобство и опасность работы, при внѣшней обстановкѣ на пристаняхъ, увеличиваются еще болѣе.

Главнѣйшими орудіями работы грузчика служатъ его собственныя руки, спина и плечи. Механическія приспособленія встрѣчаются весьма рѣдко. Тачки употребляются мало; употребленіе крюка, нѣкогда составлявшаго необходимую принадлежность грузчика, запрещается во избѣжаніе порчи товара. „На время навигаціи поэтому грузчикъ превращается въ вьючное животное, въ буквальномъ смыслѣ слова". Животное это представляетъ ту выгоду для предпринимателя, что оно соглашается исполнять работу при такой обстановкѣ, при какой не допустилъ бы къ работѣ хозяинъ свое четвероногое животное, и можетъ работать безъ праздничныхъ передышекъ въ теченіе всей навигаціи. Обстановку и приспособленія для работы грузчиковъ г. Никитинъ описываетъ слѣдующимъ образомъ.

При разгрузкѣ барки нужно прежде всего вынести товаръ на берегъ по мосткамъ, длиною въ нѣсколько десятковъ шаговъ или нѣсколько десятковъ саженей. Мостки эти сплошь и рядомъ весьма неудовлетворительны по устройству. Они бываютъ такъ непрочны, что проламываются подъ грузчикомъ: „не одна жизнь погибла изъ-за непрочности мостковъ. Будучи очень низки и имѣя въ длину нѣсколько десятковъ саженей, баржевые мостки очень часто не имѣютъ перилъ", вслѣдствіе чего грузчики сплошь и рядомъ тоже падаютъ въ воду и тонутъ. Выйдя на пристань, грузчикъ несетъ тяжелую ношу иногда на очень длинномъ разстояніи въ нѣсколько сотъ шаговъ; и такъ какъ набережная только въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ вымощена камнемъ, то работа на пристани послѣ дождя „становится положительно опасной для жизни: каждый шагъ по скользкой грязи можетъ вызвать потерю равновѣсія и паденіе грузчика подъ ношей. Особенно

опасно это при всходѣ или спусканіи съ берега хотя бы и незначительнаго уклона. Опасна ходьба съ грузомъ и по мосткамъ, которые тоже покрываются липкой грязью. Никакихъ мѣръ предосторожности, въ родѣ хотя бы опилокъ, никогда не примѣняется" (стр. 98). Можно себѣ представить, какъ тяжелъ и опасенъ подъемъ, при такихъ условіяхъ, грузчика на нагорный берегъ Волги, съ выбоинами и буграми, скользкій отъ покрывающей его послѣ дождя грязи, не посыпанный пескомъ и ничѣмъ не огражденный! По крутому берегу иногда прокладываютъ мостки съ поперечными перекладинами для упора ноги. Но идти по этимъ перекладинамъ „не только съ грузомъ, но и безъ всякаго груза затруднительно и опасно". Лѣстница съ палубы парохода въ трюмъ, для спуска товаровъ, устроена весьма неудобно и тоже грозитъ грузчику многими опасностями. Нѣкоторые товары спускаются въ трюмъ по доскѣ, поддерживаемые крючкомъ или обхватывающими грузъ веревками. Это тоже весьма опасная операція. „Нельзя безъ страха смотрѣть, какъ летятъ внизъ по доскѣ громадныя тяжести, угрожая увѣчьемъ тѣмъ рабочимъ, которые внизу принимаютъ ихъ. Сплошь да рядомъ приходилось видѣть здѣсь преступную небрежность подрядчика. Больше всего подвергаются риску временные рабочіе, въ родѣ золоторотцевъ, или арестантовъ: имъ, напр., не даютъ спускного крючка. И съ крючкомъ работа опасна, а безъ него еще опаснѣе: нижніе рабочіе должны удерживать летящій по доскѣ сверху внизъ грузъ своими руками. Вмѣсто работы происходитъ положительно спортъ на увѣчье" (стр. 93).

Условія, заключаемыя грузчиками съ подрядчиками, въ отношеніи игнорированія интересовъ первыхъ, находятся въ полномъ соотвѣтствіи съ описанными выше условіями работы. Неудивительно, что подрядчики считаютъ заключенное ими условіе тайной, скрываемой ими даже отъ должностныхъ лицъ. „Вишь, чего захотѣли!—сказалъ одинъ подрядчикъ надзирателю рѣчной полиціи на требованіе условія (обязательнаго, сказать кстати, по закону).—Вы бы еще жену мою потребовали!". Рабочіе, согласно условію, не имѣютъ права оставить подрядчика до истеченія срока найма, даже въ томъ случаѣ, если нѣкоторое время онъ имъ не даетъ работы, не оплачивая, конечно, безработные дни. Въ эти дни грузчики не имѣютъ даже права брать стороннюю работу. Самъ же подрядчикъ можетъ уволить любого грузчика по своему усмотрѣнію. Въ противность этому отсутствію обязательства со стороны подрядчика объ обезпеченіи грузчикамъ минимума заработка, грузчики находятся въ этомъ отношеніи въ полномъ распоряженіи нанимателя: „работа должна производиться во всякое время дня и ночи, въ будни и праздники и во всякую погоду". На грузчикахъ лежитъ расходъ и на дополнительныхъ рабочихъ въ слу-

чаяхъ скопленія грузовъ, съ которыми артель собственными силами справиться не въ состояніи. Хотя вознагражденіе грузчики получаютъ по количеству нагруженнаго товара, но такъ какъ дополнительнымъ рабочимъ въ горячее время приходится платить дорого, то на это иногда уходитъ чуть не весь суточный заработокъ артели. Система штрафовъ вполнѣ гармонируетъ съ указанными пунктами условій. Рабочіе же не обезпечиваются хозяиномъ ни въ отношеніи квартирнаго довольствія, ни со стороны врачебной помощи и т. под. Неудивительно, если, по отзывамъ санитарныхъ врачей, „въ отношеніи жилищнаго бѣдствія грузчики превосходятъ даже ночлежниковъ Хитровскаго рынка“.

Изъ приведенныхъ данныхъ читатель можетъ усмотрѣть, насколько представляются необходимыми систематическія мѣропріятія по регулированію труда и быта грузовыхъ рабочихъ при посредствѣ корпоративной организаціи послѣднихъ и правительственнаго надзора. Проектомъ послѣдняго и заканчивается интересная работа д-ра Никитина.—В. В.

IX.

— Китай или мы. Курскъ, 1904 г., стр. 93.

Эта небольшая брошюра, въ нѣсколько страницъ, вовсе не заслуживала бы вниманія, такъ какъ она, повидимому, есть произведеніе больного ума и разстроеннаго воображенія: однако, она можетъ быть переведена на иностранные языки и крайне удивить заграничную печать; кто-нибудь, по наивности, можетъ даже, пожалуй, принять ее за отголосокъ существующихъ теченій въ нашемъ общественномъ мнѣніи. „Волей-неволей—такъ начинается брошюра—намъ предстоитъ борьба на жизнь и смерть съ желтой расой, и если мы будемъ побѣдителями, то неминуемо должны завладѣть частью Китая; если же мы будемъ побѣждены, то попадемъ (!) сами въ монгольское рабство... Прямой, здравый смыслъ говоритъ намъ, чтобъ избѣжать этого бѣдствія, надо теперь, пока не поздно, взять и подѣлить Китай съ народами бѣлой расы“. За симъ авторъ приступаетъ къ составленію плана, какъ устроиться съ тою частью, которая достанется на нашу долю... Но тутъ здравый смыслъ, на который авторъ сослался выше, оставляетъ его совсѣмъ, какъ то видно изъ подробностей самаго „плана“.

„Положенія для этого плана—говоритъ авторъ—должны быть слѣдующія:

„При взятіи части Китая, его населеніе переселить въ губерніи

Европейской Россіи, гдѣ живетъ сплошное православное русское народонаселеніе, на слѣдующихъ основаніяхъ:

„Во всѣхъ вышеупомянутыхъ губерніяхъ (великороссійскихъ) въ каждомъ уѣздномъ городѣ устроить казенныя конторы, въ которыхъ бы можно было заказывать и получать китайскихъ рабочихъ.

„2) Всякій русскій православный крестьянинъ, владѣющій, сверхъ надѣльной, своей собственной землей въ количествѣ до 40 десятинъ, имѣетъ право купить (!) у казны одно китайское семейство, а владѣющій сверхъ 40 десятинъ—на каждыя 50 десятинъ можетъ покупать еще по одному семейству.

„*Примѣчаніе.*—Каждый православный русскій крестьянинъ, владѣющій менѣе 40 десятинами земли на правахъ частной собственности, можетъ покупать и не полное китайское семейство, но только обязательно равное количество какъ мужского, такъ и женскаго пола китайцевъ.

„3) Всякій русскій князь, графъ, а также потомственный дворянинъ православнаго исповѣданія, родъ котораго записанъ въ дворянскихъ родословныхъ книгахъ не менѣе какъ въ трехъ предъидущихъ поколѣніяхъ его предковъ и владѣющій до 21 десят. земли, имѣетъ право купить у казны одно китайское семейство" и т. д.

Въ заключеніе авторъ назначаетъ и покупную цѣну съ души: „казенная цѣна мужчинъ-китайцевъ младшаго возраста — 100 рублей; средняго—400 р., и старшаго возраста—100 рублей, а женщинъ младшаго возраста 50 р., средняго—200 р., старшаго—50 р. Итого стоимость полнаго китайскаго семейства—900 рублей".

Сначала можно было подумать,—не пародія ли это на извѣстнаго публициста, воздыхающаго по нашимъ патріархальнымъ временамъ, до начала 60-хъ годовъ, но скоро мы должны были убѣдиться въ противномъ: авторъ не шутитъ и думаетъ говорить весьма „серьезно", не подозрѣвая одного—что онъ доставляетъ матеріалы для безошибочнаго сужденія о степени его душевнаго разстройства.—А.

Въ маѣ мѣсяцѣ, въ Редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Арцимовичъ, Викторъ Антоновичъ.—Воспоминанія — Характеристики. Съ портретомъ В. А. Спб. 904. Стр. 824. Ц. 3 р. 50 к.

Астонъ, В. Г.—Исторія японской литературы. Съ англ. В. Мендринъ, п. р. проф. Е. Спальвина. Владивост. 904.

Бальмонтъ, К. Д.—Собраніе стиховъ. Т. II: Горящія зданія.—Будемъ какъ солнце. М. 904. Ц. 3 р.

Баранцевичъ, К. С.—Свободные сны и другіе разсказы. 18 разсказовъ. Спб. 904. Ц. 1.

Беконъ, Алиса.—Женщина въ Японіи. Перев. съ 10-го америк. изданія, съ „Очеркомъ современнаго образованія въ Японіи". Н. П. А. Спб. 904. Цѣна 1 руб. 30 коп.

Беневитскій, Ил.—Стихотворенія. Каз. 904.

Бессараба, И. В.—Матеріалы для этнографіи Сѣдлецкой губерніи. Спб. 903.

Беэръ, А. В, изд. — Уткинскій Сборникъ. I. Письма. В. А. Жуковскаго. М. А. Мойеръ и Е. А. Протасовой. Съ 4 портр. Подъ ред. А. Е. Грузинскаго. М. 904. Ц. 2 р.

Богуславскій, Н. Д., полковн. генеральн. штаба.—Японія. Военно-географическое и статистическое обозрѣніе. Изд. 2-е. Спб. 904. Ц. 3 р.

Божеряновъ, Н. Н.—Русскимъ людямъ о войнѣ. Спб. 904. Ц. 20 к.

Борнъ, Георгъ.—Изабелла, изгнанная королева Испаніи, или Тайны Мадридскаго Двора. Историч. романъ. Т. I и II. Спб. 904. Ц. 2 р. 50 к.

Буличъ, Н.—Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета. Разсказы по архивнымъ документамъ. Ч. I. Изд. 2-е. Спб. 904. Ц. 3 р.

Бѣлый, Андрей.—Золото въ лазури. М. 904. Ц. 2 р.

Вандервельде, Эм.—Бѣгство въ города и обратная тяга въ деревню. Съ франц. Л. Никифоровъ. М. 904. Ц. 1 р.

Вашингтонъ, Букеръ.—Отъ рабства къ славѣ. Перев. З. Журавской. Спб. 904. Ц. 45 к.

Водовозова, Е. — Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Нѣмцы. Спб. 904. Цѣна 40 к.

Воморгъ, Вл.—Слезы ангела. Житейскія миніатюры. Сборникъ разсказовъ. М. 904. Ц. 75 к.

Данъ, Феликсъ.—Борьба за Римъ. Историческій романъ. Съ нѣм. Д. Котляръ. Спб. 904. Ц. 1 р. 30 к.

Де-Морсье, А. — Права женщины. Вопросы соціальнаго воспитанія. Съ франц. перев. Эльтъ. Спб. 904. Ц. 50 к.

Дигамма.—Зло всей прессы. Газетное ростовщичество, обиженіе трудящейся бѣдноты и скрытое взяточничество. Спб. 904. Ц. 20 к.

Елпатьевскій, С.—Разсказы. Т. I, II и III. Спб. 904. Ц. 3 р.

Залшупинъ, А., и *Гессенъ*, М.—Энциклопедія банковаго дѣла. Руководство для банковыхъ дѣятелей и лицъ, прибѣгающихъ къ услугамъ банковъ. Спб. 904. Ц. 3 р.

Заринъ, Ф.—„Рагуэада" (Послѣдній ударъ). Спб. 904.

Іоллосъ, Г. Б.—Письма изъ Берлина. Библіотека „Общественной Пользы". Спб. 904. Ц. 2 р.

Ивановъ, Вяч.—Прозрачность. Вторая книга. Лирика. Спб. 904. Ц. 1 р. 50 к.

Ивановъ, Д. Д.—Объяснительный Путеводитель по художественнымъ собраніямъ Петербурга. Спб. 904. Ц. 1 р. 50 к.

И., Н. А.—Букварь жизни. Мысли въ афоризмахъ Стараго Капрала. Ч. I. Спб. 903. Ц. 50 к.

——— Хищники труда. Разсказъ Стараго Капрала. Изд. 2-е. Спб. 903. Цѣна 20 к.

——— Божія правда. Повѣсть изъ современной жизни, въ 2 ч. Спб. 902.

——— Студентъ и ростовщикъ, разск. Стараго Капрала. Спб. 903. Ц. 30 к.

Карѣевъ, Н.—Монархіи древняго Востока и греко-римскаго міра. Очеркъ политической, экономической и культурной эволюціи древняго міра подъ ру-

ководствомъ универсальныхъ монархій. Съ картографической таблицей. Спб. 904. Ц. 1 р. 75 к.

——— Бесѣды о выработкѣ міросозерцанія. Изд. 5-е. Спб. 904. Ц. 50 к.

——— Письма къ учащейся молодежи о самообразованіи. Изд. 3-е. Спб. 904. 50 к.

——— Работы русскихъ ученыхъ по исторіи французской революціи. Спб. 904.

Комбъ, А., д-ръ.—Дѣтская нервность. Четыре конференціи. Съ франц. 2-го изданія. Спб. 904. Ц. 50 к.

Костомаровъ, Н. И.—Собраніе сочиненій. Историческія монографіи и изслѣдованія. Книга третья: т. VII и VIII—Сѣвернорусскія народоправства во времена удѣльно-вѣчевого уклада (Исторія Новгорода, Пскова и Вятки). Изд. Литературнаго фонда. Спб. 904. Ц. 2 р. 50 к.

Красильниковъ, М. П.—Скотокрадство въ Уфимской губерніи. Уфа. 904.

Кузьминъ-Караваевъ, В. Д. — Земство и Деревня. Статьи, рефераты, доклады и рѣчи. Спб. 904. Ц. 2 р.

Куперникъ, Л. А.—Еврейское царство. 1898—1903 г. Кіевъ. 904. Ц. 20 к.

Лавровъ, Николай.—Разсказы „Въ Нефти“. Спб. 904. Ц. 1 р.

Леклеръ, А., фонъ.—Къ монистической гносеологіи. Съ нѣм. А. Ремизовъ. Спб. 904. Ц. 50 к.

Лемке, Мих.—Эпоха великихъ реформъ 1859—1865 г.г. Съ 4 портрет. Спб. 904. Ц. 3 р.

Лоджъ, Оливеръ.—Электроны. Перев. съ англ. В. М. Филипповъ. Спб. 904. Цѣна 40 к.

Локоть, Т.—Классицизмъ и реализмъ. Основные вопросы реформируемой школы. М. 903. Ц. 40 к.

Любичъ, Е. Н.—Пѣсни жизни. Разсказы и наброски. Од. 904. Ц. 50 к.

Любовичъ, Н. Н., проф. — Хозяйство и финансы нѣмецкихъ городовъ въ XIV и XV вѣкахъ. Варш. 904. Ц. 60 к.

Мейстеръ, А. К.—Геологическая карта Енисейскаго золотоноснаго района. Спб. 904.

Миропольскій, В. Ф.—Къ вопросу о тренирующемъ дѣйствіи горячихъ ваннъ на теплообмѣнъ. Диссерт. на степ. д-ра мед. Спб. 904.

Мигулинъ, П. П., проф.—Выкупные платежи. Къ вопросу о ихъ пониженіи. Харьк. 904. Ц. 50 к.

——— Русскій государственный кредитъ (1769—1903). Опытъ историческаго обзора. Т. III: Министерство С. Ю. Витте и задачи будущаго. Вып. IV: Банковая политика и ипотечный госуд. кредитъ. Харьк. 904. Ц. 1 р. 30 к.

——— Наша банковая политика (1729—1903). Харьк. 904. Ц. 3 р.

Муравей.—Повѣсти: „Свѣтитъ да не грѣетъ“. „Борьба“. Т. II. Каз. 903. Ц. 1 р.

Петровъ, М. Н., проф.—Лекціи по Всемірной исторіи. Т. III: Исторія новыхъ вѣковъ (реформаціонная эпоха) въ переработкѣ проф. В. П. Бузескула. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Первое изд. б. удостоено мин. н. просв. большой преміи Петра В. Спб. 904. Ц. 1 р. 75 к.

Потапенко, И. Н.—Здравыя понятія. Разсказы. Т. IV. Спб. 904. Ц. 1 р. 50 к.

——— Побѣда. Повѣсти и разсказы: Генеральская дочь—Не герой—Задача—Смыслъ жизни—Кусокъ хлѣба—Семейная исторія — Клавдія Михайловна. Спб. 904. Ц. 1 р. 50 к.

Пшибышевскій, Станиславъ. — Homo sapiens. Ром. въ 3 ч. Перев. М. Семенова. Изд. 2-е. Обложка (?) работы Н. Ѳеофилактова. М. 904. Ц. 2 р. 40 к.

Растеряевъ, Н.—Путевые очерки и замѣтки по Европѣ. Спб. 904. Цѣна 1 р. 25 к.

Риманъ, Г.—Музыкальный Словарь. Перев. съ 5-го нѣм. изд. Б. Юргенсона, п. р. Ю. Энгеля. Вып. 17. М. 904. Ц. за полное изд. 8 р.

Рукавишниковъ, Ив.—Стихотворенія. Кн. III. Спб. 904. Ц. 1 р. 80 к.

Смирновъ, Е.—Очеркъ теоріи цѣнности. Спб. 904.

Спальвингъ, П. А.—Къ вопросу объ измѣненіяхъ газообмѣна у животныхъ подъ вліяніемъ различныхъ ядовъ. Диссерт. на степень д-ра мед. Спб. 904.

Сѣверова, Н. Б.—Крестъ материнства, романъ. Спб. 904. Ц. 1 р.

Танъ.—Очерки и разсказы. Т. III. 2-е изд. Спб. 904. Ц. 1 р.

Твэнъ, М.—Томъ Соуэръ. Ром. Съ англ. М. Н. Дубровина. Спб. 904. Ц. 30 к

Фаресовъ, А. И.—Противъ теченій. Н. С. Лѣсковъ, его жизнь, сочиненія, полемика и воспоминанія о немъ. Съ рѣдкимъ портретомъ. Спб. 904. Ц. 1 р. 50 коп.

Чеховъ, М. П.—Очерки и разсказы. Спб. 904. Ц. 1 р.

——— Синій чулокъ. Повѣсть. Спб. 904. Ц. 50 к.

Щербатовъ, кн. М. М.—Исторія Россійская отъ древнѣйшихъ временъ. Т. VI и VII, ч. 1. Подъ ред. И. П. Хрущова и А. Г. Воронова. Спб. 904. Ц. 4 р. и 3 р. 50 к.

Языковъ, Дм.—VIII. Августѣйшій поэтъ (К. Р.). Критико-біографич. очеркъ. М. 903.—IX. О. А. Туманскій. Его жизнь и поэзія. Истор.-литер. очеркъ, съ прилож. всѣхъ его стихотвор. и библіограф. о немъ. М. 903.—X. Кн. В. Ѳ. Одоевскій, его жизнь и дѣятельность, М. 903.—XI. Кн. П. А. Вяземскій. Очеркъ. М. 904. Ц. кажд. вып. 20 к.

— Historicka Biblioteka ridi Jor. Goll a Jos Pekar. C. VI: Slovienske Starožitnosti sepsol L. Niederle. V Praze. 904.

Voynich, E. L.—Olive Latham. Lond. 904.

— Библіотека Ѳемелиды. Художники и мыслители разныхъ временъ и народовъ. Ихъ литературная эпоха, жизнь, труды и мысли. XIX вѣкъ: Франція: Викторъ Гюго. Од. 904. Ц. 2 р.

— Врачебная Хроника Харьковской губерніи. 1904 годъ. Годъ VIII. Харьк. 904.

— Извѣстія Спб. Политехническаго Института. 1904. Т. I, вып. 1 и 2. Съ 8 табл. Спб. 904.

— Изданіе Товарищества „Знаніе": 1) Эврипидъ, „Медея", съ греч. перев. Д. Мережковскаго, въ стихахъ, съ портр. Эврипида. Ц. 40 к. 2) Его же, „Ипполитъ", съ греческ. перев. Д. Мережковскаго. Ц. 40 к. 3) Эсхилъ, „Скованный Прометей", съ греч. перев. Д. Мережковскаго. Ц. 30 к. 4) Софоклъ, „Эдипъ въ Колонѣ", съ греч. перев. Д. Мережковскій. Ц. 40 к. 5) Его же, „Антигона", съ греч. пер. Д. Мережковскаго. Ц. 40 к. 6) Его же, „Эдипъ-царь", съ греч. пер. Д. Мережковскаго. Ц. 40 к. 7) Гауптманъ, „Роза Берндъ", др. въ 5 д. Ц. 50 к. 8) Шелли, „Освобожденный Прометей", съ англ. пер. К. Бальмонта. Ц. 50 к. 9) Красинскій, „Иродіонъ", съ польск. пер. А. Успенскаго. Ц. 60 к. Спб. 904. 10) Сборникъ Товарищества „Знаніе" за 1903 годъ, кн. I. Ц. 1 р. 11) Чириковъ, Евг., Пьесы, т. IV. Спб. 904. Ц. 1 р.

— За сто лѣтъ, 1800 г.—1900 г., Экономическое и политическое развитіе всѣхъ странъ свѣта. Составлено французскими академиками и др. извѣстными авторами. Перев. съ франц. Н. Растеряевъ. Спб. 904. Ц. 1 р. 50 к.

— Китай или мы. Курскъ, 904.

— Научно-образовательная Библіотека: 1) Е. Бутми, Развитіе государственнаго и общественнаго строя Англіи. Перев. съ франц. М. Покровскій. Ц. 40 к. 2) Фостеръ, Физіологія, съ 19 рис. Перев. Д. Кашкаровъ. М. 903. Цѣна 30 к.

— Общество попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ. Отчетъ Отдѣла защиты дѣтей за 1903 г. Спб. 904.

— Отчетъ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ за 1903 г. М. 904.

— Отчетъ по Главному Тюремному Управленію за 1901 годъ. Спб. 903.

— Отчетъ Правленія Николаевскаго Православнаго Братства, основан. въ Спб. въ 1876 г. въ память Цесаревича и В. Кн. Николая Александровича— за 1903 г. Спб. 904.

— Отчетъ Спб. Ссудной Казны (Казеннаго Ломбарда) за 1903 г. Спб. 904.

— Памяти проф. В. В. Докучаева — Кружокъ любителей естествознанія, сельскаго хозяйства и лѣсоводства при Ново-Александрійскомъ Институтѣ. Спб. 904.

— Протоколы Бердянскаго очередного уѣзднаго земскаго собранія. Бердянскъ. 904.

— Сельско-хозяйственный обзоръ Нижегородской губерніи — за 1902 г. Вып. III. Н.-Новг. 904. Ц. 50 к. Вып. I—за 1903 г. Ц. 50 к.

— Статистическій Ежегодникъ Московской губерніи за 1903 годъ. М. 904.

— Третій годъ дѣятельности Спб. Комитета содѣйствія молодымъ людямъ въ нравственномъ и физическомъ развитіи („Маякъ"). Литейный пр., д. 30. Спб. 904.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Gabriele d'Annunzio. La Figlia di Iorio. Tragedia pastorale. Стр. 166. Milano, 1904. Fratelli Freves, editori.

Новая драма д'Аннунціо, „Дочь Іоріо", носитъ названіе пастушеской трагедіи и переноситъ читателя въ Абруццы, населенныя суевѣрными крестьянами и пастухами, первобытно грубыми, но и обладающими первобытной свѣжестью чувствъ и стихійными въ своихъ религіозныхъ экстазахъ. Дѣйствіе происходитъ „много лѣтъ тому назадъ" (molti anni fa); этимъ д'Аннунціо придаетъ сказочный характеръ своей драмѣ, т.-е. возсоздаетъ близость человѣческой души къ стихіямъ, ту отзывчивость къ воздѣйствію свѣтлыхъ и мрачныхъ силъ природы, которая притупляется культурой и разсудочностью. Уже въ предыдущихъ своихъ пьесахъ д'Аннунціо стремился показать въ современныхъ людяхъ, или въ тѣхъ, которые жили во времена особой напряженности страстей и воли, ихъ стихійность, скрывающуюся за однообразной сѣростью культурной жизни, ихъ близость къ міровому трагизму. Въ „Мертвомъ городѣ" онъ сводитъ своихъ современныхъ героевъ лицомъ къ лицу съ воскресающей для нихъ греческой древностью, и передъ открытыми гробницами греческихъ царей они познаютъ свою связь съ первобытными и вѣчными силами, управляющими міромъ: древняя трагедія рока повторяется и въ ихъ жизни. Въ „Франческа да Римини" любовь, гнѣвъ и смерть царятъ полновластно въ душахъ, покорныхъ своимъ стихійнымъ влеченіямъ.

Въ „Дочери Іоріо" д'Аннунціо могъ тѣмъ ярче обрисовать „трагедію стихійной жизни человѣка", что изображаетъ наивно вѣрующихъ, испуганныхъ жизнью людей, мнящихъ себя въ непосредственномъ общеніи съ Богомъ и съ діаволомъ. Драма написана въ обычной манерѣ д'Аннунціо, очень декоративно, крайне изысканно въ лирическихъ мѣстахъ, съ истиннымъ паѳосомъ въ нѣкоторыхъ трагическихъ моментахъ; она изобилуетъ поэтическими подробностями, написана красивыми стихами, но манерна и мѣстами риторична, какъ все, что̀ пишетъ д'Аннунціо.

Сказочностью фабулы, тѣмъ, что она не прикрѣплена къ опредѣленному мѣсту и времени, и дѣйствіе происходитъ „когда-то" и „гдѣ-то" въ Абруццахъ,—какъ въ сказкахъ,—д'Аннунціо избавляетъ себя отъ реальнаго изображенія крестьянъ, которые въ дѣйствитель-

ности навѣрное и когда-то, какъ теперь, жили бѣдно, грязно и тяжело. Въ драмѣ д'Аннунціо, напротивъ того, жизнь ихъ торжественна, наполнена, помимо землепашества и пастушескихъ трудовъ, безконечными церемоніями, которыми они надѣются снискать себѣ расположеніе Мадонны и святыхъ (главные предметы культа у католиковъ), и въ особенности предотвратить козни нечистой силы—этого они больше всего боятся въ своемъ суевѣріи. Въ примитивно торжественной жизни всякая будничная подробность труда или досуга принимала священный характеръ и казалась проникнутой непосредственной близостью благословляющаго или карающаго божественнаго начала, и это представлено въ драмѣ д'Аннунціо со свойственной ему декоративной поэтичностью и съ большимъ лиризмомъ. Во всѣхъ этихъ описаніяхъ праздничнаго строя жизни сказочныхъ крестьянъ, конечно, больше красивости, чѣмъ дѣйствительной красоты, больше нарядности, чѣмъ мистической глубины, но виртуозность мелодичнаго стиха, яркость красокъ и живописность поэтическихъ созданій фантазіи автора производятъ сильное впечатлѣніе. Чистый, вѣчно испуганный ожиданіемъ зла и бѣдствій, юноша-пастухъ, его мать, твердо вѣрящая въ несокрушимую силу обрядовъ и величественная въ скорби и въ безуміи, когда горе и преступленіе губятъ ея семью, ея три невинно радостныя, „милосердныя и сильныя въ испытаніяхъ" дочери, и, наконецъ, сама героиня, трагическая „дочь Іоріо", съ чистой душой и тяготѣющимъ на ней проклятіемъ, дочь-волшебница, приносящая горе грѣхъ всюду, куда она является,—все это поэтическія фигуры, которыя остаются въ памяти, какъ созданія мастеровъ ранняго Возрожденія на старыхъ итальянскихъ фрескахъ. Ими-то въ сущности и вдохновляется д'Аннунціо, и становится манернымъ, желая уподобить свою поэзію старо-итальянской живописи. Подражательность въ немъ чувствуется очень ясно; она вноситъ декоративность даже въ изображеніе сильныхъ страстей, но сила д'Аннунціо—въ художественности этихъ возсозданій наивной жизни, также какъ и въ богатствѣ фантазіи и неподдѣльной страстности въ изображеніи страстей.

Въ „Дочери Іоріо", какъ и въ „Мертвомъ городѣ", д'Аннунціо увлеченъ античной идеей рока, и оригинальность его „пастушеской трагедіи"—въ томъ, что разрушительное дѣйствіе „злого начала" проявляется у него именно въ чистыхъ до экстаза душахъ. Этотъ контрастъ и вызванная имъ борьба составляютъ паѳосъ его трагедіи. Мила ди-Кодра, дочь волшебника Іоріо, цѣломудренна и жаждетъ торжества чистой духовности, но въ ней живетъ злая сила ея отца, и она зажигаетъ во всѣхъ плотскія страсти, хотя помыслы ея чисты и она боится зла. Въ трагедіи изображена гибель семьи Лазаря ди-Ройо, въ которую входитъ при роковыхъ обстоятельствахъ несчастная

и приносящая несчастіе Мила. И дѣйствіе злого рока, воплощеннаго въ ней, тѣмъ трагичнѣе, что оно обрушивается на семью пастуховъ, живущихъ всегда какъ бы передъ лицомъ Господнимъ и занятыхъ предотвращеніемъ гнѣва небеснаго. Разрушительное зло тамъ, гдѣ всѣ помыслы направлены къ добру, преступныя и гибельныя страсти, принимающія образъ аскетическаго экстаза,—въ такихъ рѣзкихъ и производящихъ сильное впечатлѣніе контрастахъ воплощается для д'Аннунціо трагизмъ человѣческой жизни. Дѣйствіе драмы—очень напряженное; оно построено на столкновеніяхъ необузданныхъ страстей съ аскетической религіозностью и обставлено очень эффектными картинами народныхъ обрядовъ.

Первое дѣйствіе изображаетъ семью поселянъ въ праздничной обстановкѣ, проникнутой благочестіемъ и главнымъ образомъ суевѣрнымъ страхомъ передъ нечистой силой, отъ которой они оберегаются разнообразными и сложными обрядами. Надъ дверью висятъ пучки ржаныхъ колосьевъ, охраняющихъ семейный очагъ отъ зла, и всякое дѣйствіе сопровождается обращеніемъ къ какому-нибудь святому за его благословеніемъ. Семья празднуетъ совершившееся бракосочетаніе сына дома, пастуха Алиджи, съ прекрасной Віендой; ждутъ прихода родни—женщинъ, которыя, по свято соблюдаемому обычаю, должны явиться съ дарами, съ корзинами хлѣбныхъ зеренъ, и благословить новобрачныхъ, осыпая ихъ зернами. Хозяина, Лазаря ди-Ройо, нѣтъ дома; онъ на полѣ вмѣстѣ со всѣмъ мужскимъ населеніемъ деревни. Это—день Ивана Купалы (San Giovanni), праздникъ жнецовъ, которые, связавъ снопы, предаются разгулу, и жены ихъ молятъ, чтобы святой угодникъ уберегъ ихъ отъ безумія подъ вліяніемъ знойнаго солнца и вина. Въ ожиданіи прихода родни, жена Лазаря, Кандія делла-Леонеса, вмѣстѣ съ дочерьми и новобрачными совершаютъ рядъ обрядовъ; Кандія благословляетъ Алиджи и его жену хлѣбомъ и молится объ отвращеніи злыхъ чаръ; три дѣвушки, дочери Кандіи, цѣлуютъ землю для подкрѣпленія моленій и благословеній матери, затѣмъ, съ пѣснями, идутъ одѣвать новобрачную въ зеленыя одежды, соотвѣтствующія лѣтнему празднику; онѣ смущены тѣмъ, что новобрачная въ слезахъ, и просятъ мать утѣшить ее. Все кажется дурнымъ предзнаменованіемъ наивной вѣрѣ этихъ испуганныхъ жизнью людей. Больше всѣхъ во власти смутныхъ страховъ самъ новобрачный, юноша Алиджи, который живетъ какъ бы во снѣ, чуждый мірскихъ радостей, потерянный въ жизни. Его оторвали отъ мирнаго одиночества на горахъ, куда онъ выходилъ со стадами; мать выбрала ему жену, и онъ покорился ей, но несчастенъ и боится мірского зла. Онъ крестится, заклиная нечистую силу, креститъ сестеръ, и говоритъ матери о своихъ вѣщихъ снахъ въ эту ночь; къ ужасу Кандіи онъ говоритъ, что

долженъ вернуться въ горы, и проситъ дать ему пастушескій посохъ, украшенный цвѣтами по случаю праздника, и тревожно справляется о томъ, исполнены ли всѣ обряды, охраняющіе отъ бѣдствій. Мать всячески его успокоиваетъ, и когда приходитъ родня, Алиджи вмѣстѣ съ Віендой садятся на обозначенныя мѣста, благоговѣйно подчиняясь священному обряду. Женщины приходятъ; сестры новобрачнаго загораживаютъ имъ путь вилами и прялками, и пропускаютъ ихъ только за выкупъ, обмѣниваясь шутливыми рѣчами, какъ полагается по ритуалу; женщины, одна за другой, осыпаютъ новобрачныхъ зерномъ. Но среди мирной церемоніи чувствуется близость трагическихъ событій, уже подготовленныхъ тревогой Алиджи, слезами Віенды и дурными предзнаменованіями: Віенда уронила хлѣбъ, которымъ благословила ее мать Алиджи, и въ ужасѣ даже не подняла его,—это сдѣлала за нее младшая сестра ея мужа, Орнелла. Въ то время, какъ первая изъ пришедшихъ женщинъ призываетъ всѣ блага на новобрачныхъ, слышатся издали пѣсни и крики толпы жнецовъ; они, очевидно, уже охвачены безуміемъ праздничной оргіи подъ жгучимъ солнцемъ, и обрядъ благословенія прерывается по срединѣ,—что конечно, предвѣщаетъ несчастіе. Въ домъ Кандіи вбѣгаетъ, моля о защитѣ, чужая женщина. Это Мила ди-Кодра, дочь колдуна Іоріо,—та, по слѣдамъ которой всегда идутъ горе и преступленіе. Съ нею врывается въ богобоязненную семью духъ зла. Она бѣжитъ къ очагу, прячется въ уголъ и молитъ спасти ее отъ преслѣдованій толпы опьяненныхъ косарей, обезумѣвшихъ отъ солнца и вина. Она называетъ себя „creaturo di Cristo" и молитъ спрятать ее отъ расходившихся страстей ея преслѣдователей. Всѣ въ ужасѣ, но Орнелла участливо подходитъ къ ней, предлагаетъ утолить ея жажду, за что незнакомка благодаритъ и благословляетъ ее. Но толпа жнецовъ подходитъ къ дверямъ; они требуютъ, чтобы выдали имъ спрятавшуюся въ домѣ женщину, говорятъ, кто она такая, осыпаютъ ее ругательствами и смѣются надъ Кандіей, которая оскверняетъ свой очагъ, укрывая завѣдомую распутницу, на которую они, какъ и всѣ, имѣютъ право. Мила тщетно клянется, что они лгутъ, что она чиста; толпа убѣждаетъ Кандію выдать ее, говоря, что изъ-за нея мужъ Кандіи, Лазарь, подрался съ другимъ жнецомъ и теперь возвращается домой раненый. Узнавъ, что незнакомка—дочь Іоріо, всѣ женщины убѣждаютъ Кандію скорѣе выгнать ее, отдать ее толпѣ, чтобы отвратить несчастіе отъ дома, уже оскверненнаго ея присутствіемъ, и которому она уже принесла несчастіе тѣмъ, что прервала священный обрядъ. Орнелла пытается спасти несчастную, повѣривъ въ ея чистоту: она говоритъ черезъ дверь съ жнецами, старается убѣдить ихъ, что здѣсь никого нѣтъ дома, что она одна сидитъ за пряжей. Но одинъ изъ жнецовъ заглядываетъ въ окно, видитъ, что

Орнелла ихъ обманываетъ, и настаиваетъ на выдачѣ бѣглянки. Кандія, во имя материнскаго долга, хочетъ нарушить долгъ гостепріимства, несмотря на заклинанія Милы, которая говоритъ ей, что Богъ можетъ все простить, кромѣ того, чтобы обречь на позоръ чистую, крещеную душу. Кандія, испуганная настояніями родственниковъ, убѣждающихъ ее, что Мила злая колдунья, требуетъ отъ Алиджи, чтобы онъ открылъ дверь и выдалъ бѣглянку толпѣ. Онъ подходитъ къ ней, отвѣчая матери несвязными, безумными словами. Мила заклинаетъ его не касаться ея, угрожая проклятіемъ Господнимъ, и проливаетъ вино на священный очагъ, чѣмъ возбуждаетъ негодованіе родни. Всѣ кричатъ, что она осквернила домъ, и требуютъ, чтобъ ее выдали. Алиджи хочетъ силой вывести ее, несмотря на ея угрозы и мольбы, но вдругъ отступаетъ, говоря, что увидѣлъ за ея спиной плачущаго ангела и увѣрился въ ея чистотѣ. Онъ считаетъ, что совершилъ тяжкій грѣхъ, и говоритъ, что уйдетъ изъ дому, въ горы, чтобы очистить свою душу. Открывъ дверь, онъ убѣждаетъ жнецовъ уйти, защищая свой порогъ освященнымъ восковымъ крестомъ, и толпа въ страхѣ удаляется. Въ это время входитъ домой раненый Лазарь, и Кандія встрѣчаетъ его съ горькимъ плачемъ. Она видитъ, что горе вошло въ ея домъ.

Весь ужасъ злого рока, воплощеннаго въ Милѣ ди-Кодра—и виновницы, и жертвы приносимаго ею зла—драматично изображенъ во второмъ дѣйствіи. Алиджи живетъ въ горной пещерѣ, гдѣ онъ пріютилъ также святого старика-отшельника, Козимо, и собирательницу цѣлебныхъ и чудодѣйственныхъ травъ, старуху Анну. Онъ оставилъ родительскій домъ и свою жену, чтобы очиститься на горахъ отъ своего грѣха передъ невинной Милой, за спиной которой онъ увидѣлъ плачущаго ангела. Мила—подлѣ него: онъ встрѣтилъ ее сидящею на камнѣ, когда шелъ въ горы; она „неслышно плакала" („la straniera—che sa piangere senza farsi udire"), и онъ взялъ ее съ собой. Алиджи далъ обѣтъ вырѣзать изъ дерева подобіе плачущаго ангела, какимъ онъ сохранился въ его памяти, совершить паломничество „туда, куда ведутъ всѣ дороги", въ Римъ, и принеся въ даръ церкви свой благочестивый трудъ, изображеніе ангела, вымолить отпущеніе грѣха у папы, а также просить о расторженіи брака съ Віендой; какое-то предчувствіе отстранило его отъ нея въ самый день свадьбы, и онъ считаетъ предназначенной ему Богомъ женой Милу ди-Кодра. Она завладѣла его душой, когда онъ хотѣлъ выдать ее толпѣ и, понявъ свою вину при видѣ ангела, хотѣлъ сжечь себѣ руку на огнѣ очага. Она напомнила ему, что нужно идти спасаться въ горы, сказавъ: „какъ же ты будешь пасти стада, если у тебя не будетъ руки". Съ этой минуты онъ полюбилъ ее. Но любовь ихъ чиста, и та, ко-

торая слыветъ злой колдуньей, для Алиджи—только нѣжная и преданная сестра. Все это юноша разсказываетъ святому старцу и тревожно спрашиваетъ, можетъ ли онъ надѣяться на спасеніе души и на милость папы. Старецъ укрѣпляетъ его въ добрыхъ чувствахъ и поддерживаетъ въ немъ надежду, а Мила убѣждаетъ его пойти на встрѣчу проходящимъ по дорогѣ пилигримамъ и послать съ ними привѣтъ матери, женѣ и сестрамъ. Она говоритъ, что скоро тоже соберется въ путь и пойдетъ туда, „куда ведутъ всѣ дороги", но не съ нимъ, а одна и другимъ путемъ. Алиджи не хочетъ ее отпускать, и уходитъ на большую дорогу, прося Милу подождать его и влить масла въ вѣчную лампаду, чтобы она не угасла. Передъ уходомъ Алиджи, отуманенный на минуту своей любовью, страстно цѣлуетъ свою подругу, и она отвѣчаетъ на его первый поцѣлуй. Они оба въ ужасѣ, но Алиджи успокоиваетъ Милу надеждой на прощеніе за этотъ невольный грѣхъ и уходитъ. Оставшись одна, Мила въ молитвѣ къ Святой Дѣвѣ называетъ себя „попраннымъ источникомъ" (una fonte calpestata), говоритъ, что ее преслѣдуетъ вѣковое проклятіе грѣховной плоти, и взываетъ къ Дѣвѣ Маріи, которая видитъ чистоту ея помысловъ. Но она еще не искупила проклятія:—дочери колдуна Іоріо, носительницѣ злого рока, предстоитъ еще принести великія бѣдствія другимъ и себѣ, и свершить послѣдній подвигъ самоотверженной любви, прежде чѣмъ найти въ мученичествѣ радость искупленія. Погруженная въ молитву, она забываетъ подлить во-время масла въ вѣчную лампаду, потомъ въ попыхахъ проливаетъ то масло, которое есть у нея. Въ это время въ пещеру входитъ женщина подъ покрываломъ, съ корзиной разныхъ припасовъ въ рукахъ, и даетъ Милѣ сосудъ съ масломъ. Но несчастная Мила разбиваетъ нечаянно и этотъ сосудъ; масла больше нѣтъ, и лампада тухнетъ — благословеніе не почіетъ на дочери колдуна. Неизвѣстная женщина оказывается Орнеллой, сестрой Алиджи, которая пришла умолять Милу снять злыя чары съ ея семьи,—она и ея сестры не только утратили брата, ушедшаго въ горы, но и мать ихъ, съ рокового дня свадьбы, впала въ безуміе. Милѣ удается убѣдить Орнеллу въ своей невинности; она говоритъ, что еще до ночи уйдетъ одна въ невѣдомое скитаніе, и Орнелла, успокоенная, уходитъ на встрѣчу брату. Мила умоляетъ старуху Анну дать ей ядовитый корень,— она хочетъ умереть. Старуха не соглашается. Ихъ споръ прерывается приходомъ отца Алиджи, Лазаря ди-Ройо, который не вѣритъ въ добродѣтель Милы; онъ увлеченъ грубой страстью къ ней,—ея проклятіе въ томъ, что она порождаетъ всюду грѣхъ и страданія,—и онъ хочетъ силой овладѣть ею. Ее спасаетъ приходъ Алиджи, который нарушаетъ сыновній долгъ, вступая въ борьбу съ отцомъ; слуги Лазаря, являющіеся на его зовъ, связываютъ Алиджи и выносятъ его

изъ пещеры. Но его выручаетъ сестра Орнелла, развязывающая его путы. Онъ снова вбѣгаетъ въ пещеру, бросается на отца, чтобы защитить Милу, и убиваетъ его,—къ полному ужасу и своему и Орнеллы; она въ отчаяніи, тѣмъ болѣе, что сама освободила его отъ путъ и этимъ содѣйствовала отцеубійству.

Въ послѣднемъ дѣйствіи—бѣдствія, постигшія семью Лазаря ди-Ройо, достигаютъ апогея. Отцеубійца приговоренъ къ смерти; его зашьютъ въ кожаный мѣшокъ и бросятъ въ воду; но передъ казнью его, по установленному обычаю, ведутъ къ матери, чтобы она дала ему „чашу утѣшенія" (la tazza del consolo). Но Кандія ди-Леонеса лишилась разсудка отъ горя, и не понимаетъ того, что̀ происходитъ; она говоритъ о страстяхъ Господнихъ, вспоминаетъ о вѣщихъ снахъ сына и трагически плачется о томъ, что „изъ одной кудели прядется столько холста, изъ одного источника исходитъ столько рѣкъ, и отъ одной матери рождается столько живыхъ созданій". Сцена появленія преступника подъ чернымъ покрываломъ, обращенія къ нему плакальщицъ, его покаянная рѣчь къ матери и сестрамъ,—все это на фонѣ безумія матери и торжественности обрядовъ, сопровождающихъ трагизмъ событій, очень ярко и сильно въ драмѣ д'Аннунціо. Но Алиджи не суждено умереть позорной смертью. Въ минуту прощанія появляется Мила ди-Кодра и заявляетъ, что не Алиджи, а она убила Лазаря. Алиджи опровергаетъ ея слова, но она убѣждаетъ и его, и другихъ въ своей виновности, и говоритъ, что это было завершеніемъ всѣхъ ея злыхъ чаръ надъ погубленной ею семьей, и что всѣ слухи о томъ, что она колдунья,—вѣрны. Всѣ ей вѣрятъ, даже Алиджи, когда она говоритъ, что ангелъ, котораго онъ видѣлъ за ея спиной, и подобіе котораго онъ вырѣзалъ изъ дерева, былъ нечистый духъ. Алиджи, почти въ бреду отъ выпитой имъ „послѣдней чаши" вина съ дурманомъ, говоритъ о невозможности забыть околдовавшую его Милу, и требуетъ, чтобы ее не сожгли, какъ колдунью, а чтобы она умерла отъ его руки: онъ призоветъ всѣхъ своихъ предковъ, спящихъ многіе вѣка подъ землей, чтобы проклясть ее. Въ этихъ словахъ—указаніе на вѣковое проклятіе грѣховной плоти, тяготѣющее надъ людьми. Его слова вызываютъ невольный крикъ отчаянія у Милы:—Ты, Алиджи, не долженъ проклинать меня!—восклицаетъ она. Ей тяжелѣе всего, что онъ не понялъ ея подвига великой любви. Но Алиджи падаетъ, потерявъ сознаніе, на руки матери, и Мила идетъ на костеръ, куда ее влечетъ разъяренная толпа; она въ экстазѣ восклицаетъ:—Прекрасно пламя! прекрасно пламя! (La fiamma é bella!) Подвигъ ея совершенъ до конца, и въ немъ—искупленіе ея трагической вины. Такъ кончается эта трагедія рока, жертвами котораго являются наивно вѣрующіе, послушные божественнымъ велѣніямъ

простые люди; а носительница его — чистая душа, отягощенная вѣками грѣховныхъ помысловъ и дѣяній. Этими контрастами д'Аннунціо углубляетъ свой сюжетъ и приближаетъ его къ сложной психологіи современныхъ людей.

II.

Camille Mauclair. La Ville-Lumière. Roman contemporain. Стр. 316. Paris, 1904 (Librairie Ollendorf).

Новый романъ извѣстнаго художественнаго критика и романиста, Камилля Моклэра, посвященъ психологіи современнаго Парижа, что̀ видно и по самому заглавію „Ville-Lumière" („Городъ-Свѣточъ"). Такъ зовутъ Парижъ и гордые своей столицей французы, и попадающіе туда, ослѣпленные его блескомъ иностранцы. Книга Моклэра не совсѣмъ вѣрно названа романомъ. Личныя переживанія дѣйствующихъ лицъ, любовь молодого художника Рошеса къ женщинѣ, привлекающей его своей правдивостью и благородствомъ души, играютъ въ книгѣ лишь второстепенную роль. Кромѣ того, наряду съ вымышленными лицами въ романѣ изображены нѣкоторые современные художники и поэты,—знаменитый скульпторъ Роденъ, недавно умершіе поэты Роденбахъ и Альберъ Самэнъ, а подъ вымышленными именами другихъ парижскихъ знаменитостей, представленныхъ въ довольно непривлекательномъ видѣ, парижане, навѣрное, узнаютъ опредѣленныхъ любимцевъ парижской публики. Мы, кажется, не ошиблись, узнавъ въ живописцѣ де-ла-Годъ портретиста парижскихъ mondaines, Ла-Гандера, въ итальянскомъ портретистѣ Луцолли—извѣстнаго моднаго живописца Больдини, и т. д. Это сочетаніе вымысла съ дѣйствительностью и, главное, преобладаніе критики парижской дѣйствительности надъ беллетристическимъ вымысломъ, придаетъ роману Моклэра особый характеръ. Это—страстная филиппика противъ кумира современной Франціи—„паризіанизма". Моклэръ показываетъ, что̀ таится за этимъ понятіемъ, рисуетъ закулисную сторону парижскихъ успѣховъ, пытается дать философскую формулу психологіи парижанъ. Созерцаніе современнаго Парижа приводитъ его къ самымъ пессимистическимъ выводамъ, но — и въ этомъ оригинальность книги—Моклэръ не довольствуется обличеніемъ того, что̀ есть, а указываетъ путь къ новой правдѣ, которая должна воскресить ослѣпленныхъ суетными цѣлями парижанъ; въ концѣ романа онъ выводитъ на сцену молодое поколѣніе искреннихъ и серьезныхъ служителей общему благу, и заканчиваетъ такимъ образомъ свой обличительный романъ проповѣдью грядущаго обновленія.

Психологіи современнаго Парижа посвящено не мало книгъ; нравы различныхъ классовъ парижскаго населенія описываются во всѣхъ романахъ изъ парижской жизни; есть также много попытокъ обобщенія духа парижской жизни, формулировки ея основныхъ чертъ. На первомъ планѣ стоитъ, конечно, романъ Зола „Парижъ", въ которомъ городъ составляетъ не однѣ только рамки дѣйствія, а становится центромъ всего, подчиняя всякую индивидуальную волю своимъ законамъ. Съ этимъ романомъ и приходится сравнивать книгу Моклэра. Какъ романъ, т.-е. какъ изображеніе многообразной живой дѣйствительности, „Парижъ" Зола, конечно, выше „Ville-Lumière" Моклэра; въ немъ больше жизни, больше выдумки, больше разнообразныхъ и интересныхъ парижскихъ типовъ, но по философскому освѣщенію парижской дѣйствительности, по мѣткимъ характеристикамъ „паризіанизма" и освѣщенію жалкой пустоты и непрочности парижскихъ успѣховъ—книга Моклэра, во всякомъ случаѣ, не менѣе интересна, чѣмъ романъ Зола. И Зола—безпощадный обличитель Парижа, но онъ изображаетъ гнилость буржуазнаго духа, проникающаго всѣ сферы общества, отъ рабочихъ до аристократовъ; этимъ развѣнчивается то, чтò всегда составляло контрастъ стремленіямъ и идеаламъ интеллектуальнаго, живущаго духовными радостями, меньшинства. Обличенія же Моклэра направлены на болѣе сложное явленіе, на болѣе печальные признаки духовнаго паденія страны. Онъ изображаетъ людей, стоящихъ во главѣ идейной жизни, среду талантливыхъ художниковъ, задающихся, будто бы, широкими цѣлями выражать душу своего времени, или, вѣрнѣе, душу „Города-Свѣточа", заполонившаго ихъ,—и показываетъ, къ чему сводится „душа Парижа" и жизнь служителей искусства. Хотя Моклэръ болѣе разсуждаетъ, чѣмъ изображаетъ, болѣе останавливается на выводахъ, чѣмъ на самыхъ явленіяхъ, въ ущербъ художественности романа, но, какъ яркая и убѣдительная критика французской современности, книга его представляетъ большой интересъ. Онъ высказываетъ много нелицепріятныхъ истинъ, чѣмъ, судя по отзывамъ прессы, возбудилъ большое неудовольствіе; дѣйствительно, во Франціи рѣдко появляются книги, не только искренно и безпощадно обличающія нравы буржуазнаго и свѣтскаго общества,—это не обидно для мыслящей Франціи,—а затрогивающія самое больное мѣсто современной французской культуры, ея внутреннюю идейную безсодержательность. Французы гордятся сложной и пряной изысканностью „паризіанизма", пренебрегающаго пошлыми требованіями морали и здоровыми естественными вкусами во имя рѣдкостныхъ ощущеній и эстетизма, недоступнаго грубому вкусу толпы. Но именно это новосозданіе Парижа Моклэръ и подвергаетъ разъѣдающему анализу, и доказываетъ его мишурность и буржуазность. Стремясь „épa-

ter le bourgeois“, самонадѣянные художники, также какъ жрецы и жрицы эстетизма, незамѣтно заразились тѣми же буржуазными аппетитами, и въ погонѣ за ними забыли всякую духовность, пуская въ коммерческій оборотъ свой талантъ. Эта истина болѣе жестока, чѣмъ всякое возмущеніе по поводу свѣтскихъ адюльтеровъ и разныхъ модныхъ пороковъ парижскаго общества, и, раскрывъ ее, Моклэръ, очевидно, сильно задѣлъ самолюбіе парижанъ.

Фабула романа—очень несложная. Молодой художникъ, Жюльенъ Рошесъ, покидаетъ свою родину, южную Францію, по настоянію друга, который доказываетъ ему, что только въ Парижѣ онъ сможетъ вполнѣ развить свой талантъ и понять „душу современности“. На югѣ Рошесъ увлекался красками пышной природы, жилъ и работалъ съ полной непосредственностью въ общеніи съ своимъ учителемъ и другомъ, живописцемъ Бриньономъ,—но и его увлекаетъ перспектива Города-Свѣточа, гдѣ онъ надѣется попасть въ центръ артистической жизни, пріобщиться къ идейной жизни мастеровъ, которымъ онъ поклонялся издали. Онъ чуждъ честолюбія, не ищетъ ни рекламы, ни успѣховъ, и ждетъ отъ Парижа откровеній, которыя помогутъ ему подняться на возможно большую высоту въ своемъ искреннемъ служеніи искусству. Исторія разочарованій провинціала Рошеса и составляетъ содержаніе романа. Въ первый же день его другъ Морсанъ ведетъ его въ кафе на Place Pereire, въ часъ, когда тамъ можно видѣть почти всѣхъ извѣстныхъ художниковъ, отправляющихся въ свои мастерскія или совершающихъ утреннюю прогулку; Рошесъ проникается благоговѣніемъ, видя во очію всѣхъ этихъ „жрецовъ искусства“, которымъ онъ приписываетъ высокія мысли и смѣлыя стремленія. Послѣ того, введенный въ общество художниковъ, узнавъ ихъ жизнь и закулисную сторону ихъ успѣховъ, присутствуя на вечерахъ и обѣдахъ въ роскошныхъ домахъ знаменитыхъ maître'овъ, онъ научается понимать основы „паризіанизма“, которымъ они всѣ такъ гордятся: онъ все болѣе и болѣе разочаровывается, и начинаетъ ненавидѣть ослѣпительный городъ, губящій души и таланты. Онъ готовъ сейчасъ же уѣхать, боясь задохнуться въ отравленной атмосферѣ, но онъ встрѣчаетъ нѣсколькихъ единомышленниковъ; въ ихъ обществѣ онъ не чувствуетъ себя одинокимъ, и рѣшается смотрѣть на свое пребываніе въ Парижѣ какъ на искусъ, черезъ который онъ долженъ пройти, чтобы узнать жизнь и потомъ вернуться къ искреннему и безкорыстному служенію искусству вдали отъ Парижа. Онъ сходится съ критикомъ де-Незомъ, мечтающимъ о духовномъ и нравственномъ возрожденіи французскаго искусства и вышучивающимъ духъ рекламы и „arrivisme“'а, затѣмъ еще съ нѣсколькими самостоятельными и свободными отъ стяжательства художниками, но главной его поддержкой служитъ молодая

художница, датчанка по происхожденію, Люси Эльтенъ. Она поражаетъ его сразу своей правдивостью и своимъ протестомъ противъ взглядовъ и жизненныхъ правилъ общества, въ которомъ она живетъ. Онъ становится ея другомъ; эта дружба переходитъ въ любовь, и Люси отвѣчаетъ ему взаимностью. Но, несмотря на просьбы Жюльена, она не соглашается тотчасъ же стать его женой и уѣхать съ нимъ, а убѣждаетъ его остаться въ Парижѣ и познать до конца то, отъ чего онъ хочетъ навсегда отрѣшиться. Она точно ждетъ какой-то перемѣны, наступленія новаго порядка вещей и банкротства того рекламнаго искусства, которое ее столь же печалитъ, какъ и ея друга. Поворотъ этотъ наступаетъ. Возмущаясь интригами и сложной системой взаимной поддержки художниковъ, критиковъ и торговцевъ, Жюльенъ присутствуетъ при крушеніи вздутыхъ искусственными средствами репутацій и видитъ зарю новой эры: нѣсколько искреннихъ и серьезно думающихъ художниковъ начинаютъ пропагандировать искусство для народа, примыкая къ общему соціалистическому движенію; они находятъ опору въ рабочихъ, служащихъ искусству безъ болѣзненно обостреннаго честолюбія, безъ жажды славы, т.-е. ремесленниковъ, въ области прикладныхъ искусствъ,—собираютъ ихъ на лекціи въ народныхъ университетахъ и проповѣдуютъ имъ служеніе искусству во имя общаго блага и красоты, нужной для жизни какъ воздухъ. Иниціаторы новаго движенія мечтаютъ возродить искусство въ той же чистотѣ, какая отличала его въ эпоху Возрожденія, когда соборы и другіе памятники искусства созидались общими усиліями, когда рабочіе были художниками и никто не эксплуатировалъ своего таланта для личной славы и не продавалъ его, преслѣдуя буржуазный идеалъ раскоши и блеска. Въ современномъ Парижѣ, какимъ онъ развертывается передъ глазами Рошеса, талантъ какъ бы освобождаетъ отъ нравственнаго долга и оправдываетъ низость и интригантство. Противъ этого и ополчаются проповѣдники „art social", доказывающіе, что служеніе искусству должно быть непремѣнно связано съ благородствомъ помысловъ и любовью къ безкорыстному добру, что оно должно быть идейнымъ, а не только внѣшне-декоративнымъ. Эти идеи не новы; Моклэръ не вдается въ утопію, а только переноситъ на французскую почву движеніе, давшее столь блестящіе результаты въ Англіи. Проповѣдники новаго искусства въ его романѣ повторяютъ мысли Рёскина и другихъ представителей прерафаэлитизма, создавшаго въ Англіи яркій расцвѣтъ во всѣхъ областяхъ художественнаго творчества. Нравственное оздоровленіе особенно нужно для Франціи, какъ во всѣхъ отрасляхъ ея духовной жизни, такъ въ особенности въ искусствѣ, включая сюда и литературу; эстетизмъ, замѣна всякихъ идей и нравственныхъ стимуловъ однимъ только развитіемъ художественнаго вкуса довели совре-

менное французское искусство и литературу до извращенности и внутренней пустоты, уничтожающей и красоту, на алтарь которой все приносится въ жертву. Противодѣйствіе этому, желаніе вдохнуть новое идейное содержаніе въ прекрасныя, но пустыя рамки—несомнѣнная заслуга со стороны автора „Ville-Lumière". Быть можетъ, его пониманіе „art social", какъ союза художниковъ съ соціальнымъ движеніемъ, невѣрно; быть можетъ, оздоровленіе искусства и цѣли соціализма слишкомъ противоположны, чтобы служить поддержкой одно другому, но, во всякомъ случаѣ, важно исканіе исхода изъ существующей деморализаціи. Можетъ быть, искусству нужно слиться съ философскими движеніями, а не приспособляться къ утилитарнымъ соціальнымъ цѣлямъ,—на эту тему можно спорить, но важно, повторяемъ, исканіе исхода, и это придаетъ особый интересъ роману Моклэра, его обличеніямъ артистической жизни Парижа. Герой романа, Рошесъ, только тогда уѣзжаетъ изъ Парижа вмѣстѣ съ Люси Эльтенъ, ставшей его женой, когда доводитъ до конца свой искусъ, т.-е. можетъ покинуть принесшій ему столько разочарованій городъ съ надеждой на лучшее будущее, обезпеченное успѣхомъ пропаганды „art social".

Наиболѣе интересна въ романѣ его обличительная сторона, изображеніе закулисной жизни художниковъ, ослѣпляющихъ Парижъ своими успѣхами, роскошью своихъ отелей и своихъ пріемовъ. Моклэръ описываетъ исключительно среду художниковъ, вскользь упоминая и о нѣсколькихъ модныхъ романистахъ, принадлежащихъ къ тому же типу arriviste'овъ, не стѣсняющихся никакими средствами для рекламнаго успѣха и губящими свой талантъ въ погонѣ за буржуазнымъ идеаломъ внѣшней роскоши. Но, конечно, то, что̀ говорится въ романѣ о художникахъ съ ихъ идеалами извращенной красоты, создающейся на почвѣ полнаго скептицизма и душевнаго холода, вполнѣ примѣнимо и къ другимъ областямъ современной французской жизни. Въ романѣ Моклэра нѣсколько разъ повторяется одно сравненіе, символизирующее жизнь современнаго Парижа, и оно дѣйствительно очень вѣрно: Рошесъ попадаетъ за кулисы маленькаго бульварнаго театра, въ которомъ танцуетъ знаменитая Лои Фюлэръ. Онъ видитъ танцовщицу въ ея жалкой уборной, съ гладко причесанными черными волосами, когда она собирается надѣть свой пышный бѣлокурый парикъ; она носитъ темные очки; у нея болятъ глаза отъ слишкомъ яркихъ электрическихъ лампъ, при которыхъ она танцуетъ, чтобы достигнуть необычайныхъ свѣтовыхъ эффектовъ; рѣсницы у нея выжжены этимъ свѣтомъ, и вся она жалкая, больная, съ трудомъ укладываетъ складки широкихъ одеждъ, нужныхъ ей для ея замысловатыхъ танцевъ; она жалуется на страданія отъ ослѣпительнаго свѣта, подъ которымъ ей приходится двигаться на сценѣ, говоритъ измученнымъ голосомъ, вы-

дающимъ всю тяжесть ея жизни. А уйдя отъ нея и войдя въ залу, Рошесъ видитъ, какъ она появляется на сценѣ, ослѣпительная, чарующая всѣхъ граціей своихъ движеній, сіяніемъ своего озареннаго счастливой улыбкой лица. „Мы видѣли внутренность маяка, — говоритъ Рошесу пріятель, который провелъ его въ уборную артистки,—а теперь видимъ съ моря красоту его свѣта“. Это сравненіе поражаетъ Рошеса своей вѣрностью, и онъ часто вспоминаетъ о немъ, наблюдая уродство закулисной жизни художниковъ, которыхъ публика видитъ только въ ореолѣ ихъ славы, добытой компромиссами съ совѣстью, интригами и униженіями.

Нападки Моклэра—онъ произноситъ ихъ устами своего героя Рошеса—направлены прежде всего противъ самаго идеала парижскихъ художниковъ, противъ модернизма, которымъ они такъ гордятся. Глядя на картину своего друга Морсана, сосредоточившагося исключительно на изображеніи въ разныхъ позахъ своей возлюбленной, бездушно порочной Ирены Леноръ, Рошесъ жалѣетъ художника, прикованнаго къ этой Эгеріи, уродующей его душу. Повтореніе одного и того же женскаго типа у современныхъ художниковъ кажется ему пагубнымъ для искусства, потому что это превращается въ какое-то ремесленное изображеніе манекеновъ, переодѣваемыхъ въ различные модные туалеты. Портретъ Морсана обнаруживаетъ всю поверхностность его манеры. Художникъ выдвигаетъ какую-нибудь одну подробность, создавая только иллюзію цѣльности, но выдавая строгому взгляду безсодержательность, незаконченность торопливой работы. Морсанъ старается убѣдить его въ соотвѣтствіи его модели духу современности: „Самое главное въ живописи,—говоритъ онъ,—передать характеръ, не углублять, писать то, что замѣчаешь съ перваго взгляда, передать мимолетное впечатлѣніе... И все это есть въ Иренѣ. Она очень разнообразна, всегда мѣняется; въ ней воплощена „душа Парижа“, нашъ современный идеалъ, противоположный прежнему тяжелому искусству, слишкомъ опредѣленному, не дающему простора капризу или мечтѣ взора, который останавливается на картинѣ“. Но Рошесъ видитъ пустоту притязаній модернистовъ. Онъ видитъ, что ихъ мнимая сложность и изысканность—самообманъ. Презрѣніе къ старымъ мастерамъ, увѣренность въ превосходствѣ своего ума, въ томъ, что ихъ, „не проведешь на Микель-Анджело“, по выраженію какого-то остряка, кокетничанье своимъ скептицизмомъ, тѣмъ, что ихъ ничѣмъ нельзя удивить,—и, съ другой стороны, культъ новаго фетиша—характерности, весь этотъ бездушный снобизмъ парижскихъ художниковъ кажется Рошесу провинціализмомъ. И это убѣжденіе въ немъ все болѣе укрѣпляется по мѣрѣ того, какъ онъ видитъ на выставкахъ картины, свидѣтельствующія о большой, но совершенно бездушной виртуозности,

и когда онъ знакомится съ художниками, которые его поражаютъ своей особой нервной тревожностью. Ни у кого изъ нихъ нѣтъ выраженія спокойствія на лицѣ. Всѣ они съ болѣзненной напряженностью стараются сохранить избранную ими позу, какъ бы готовясь къ оборонѣ. А на лицахъ всѣми признанныхъ знаменитостей чувствуется неудовлетворенность, слѣды судорожныхъ усилій для достиженія славы, или же скучающее выраженіе людей, которымъ уже не за что бороться; ни въ комъ не чувствуется примиренности съ самимъ собой.

Раскрывая жизнь художниковъ, добившихся славы и богатства, и другихъ, пробивающихъ себѣ путь, Моклэръ показываетъ причину болѣзненно напряженнаго выраженія лицъ парижанъ, захваченныхъ круговоротомъ отравленной жизни „Города-Свѣточа". Онъ раскрываетъ очень любопытныя стороны артистическаго міра. Интересенъ типъ живописца Алкьé, очень талантливаго, но губящаго свой талантъ перепроизводствомъ, повтореніемъ однѣхъ и тѣхъ же ничтожныхъ картинъ, имѣющихъ крупный сбытъ на художественномъ рынкѣ и доставляющихъ художнику возможность вести княжескій образъ жизни, ослѣплять Парижъ роскошью своихъ пріемовъ. Но ему не даромъ достается его блескъ. Жизнь его полна безконечныхъ мелкихъ заботъ. Онъ въ коалиціи съ критиками, рекламирующими его; онъ подкупаетъ ихъ, даря имъ свои картины, такъ какъ именно этимъ путемъ они составляютъ себѣ цѣнныя картинныя галереи и обогащаются спекуляціями на рыночную цѣну того или другого художника; торговля картинами, установка рыночныхъ цѣнъ интригующими критиками—производятъ впечатлѣніе настоящихъ биржевыхъ спекуляцій. Алкьé также на откупу у разныхъ продавцовъ, и потому обязанъ работать безъ мѣры и вдохновенія, пока „на него держится цѣна", и всячески изворачиваться для предупрежденія интригъ, которыя могутъ убить его, выдвинуть на его мѣсто другого. Онъ пользуется минутой успѣха для удовлетворенія своихъ грубыхъ аппетитовъ, и собранія въ его домѣ поражаютъ Рошеса пустотой бесѣдъ, которыя ведутся людьми съ громкими именами, но очевидно занятыми только своими мелкими житейскими дѣлами. Буржуазность рѣчей и принциповъ этой аристократіи духа приводитъ Рошеса въ отчаяніе. Онъ видитъ, что въ лицѣ этихъ людей искусство не вознеслось надъ буржуазностью, а напротивъ того, подчинилось ея духу. Алкьé печально кончаетъ жизнь. Коалиція критиковъ и торговцевъ ополчается противъ него; ему противопоставляютъ другого художника, де-ла-Года,—онъ разоренъ, въ рукахъ своихъ кредиторовъ, и несчастіе его завершается потерей его единственной дочери, ради которой онъ копилъ богатство и губилъ свой талантъ. Цѣлый рядъ другихъ типовъ проходитъ передъ глазами читателя въ романѣ: художниковъ, старающ-

щихся жить выше средствъ, принимающихъ у себя весь Парижъ, но оставляющихъ послѣ смерти семью почти въ нищетѣ; бездарностей. добивающихся славы и денегъ интригами, безстыдствомъ и умѣньемъ эксплоатировать другихъ; художниковъ, ослѣпленныхъ любовью къ Парижу, думающихъ, что только тамъ возможно искусство, и между тѣмъ погибающихъ отъ тяжкихъ условій парижской жизни; талантливыхъ натуръ, доходящихъ до безумія,—какъ учитель Рошеса, Бриньонъ, помѣшавшійся на своей любви къ оргіи красокъ,—какъ другой, молодой символистъ-художникъ съ блестящими замыслами, но недостаточнымъ талантомъ. Все это типы, порожденные лихорадочной жизнью Парижа, ослѣпленные своей любовью къ нему, сгорающіе на его огнѣ. И рядомъ съ ними выступаютъ холодные, разсчетливые люди, какъ критикъ Элено, который эксплоатируетъ тщеславіе художниковъ для личныхъ выгодъ и спокойно относится къ скандальному поведенію жены, извлекая и изъ него выгоды, какъ и другіе его коллеги, дѣйствующіе столь же или даже болѣе неблаговидными средствами. Женщины этого круга живутъ столь же лихорадочно и столь же поглощены удовлетвореніемъ своихъ суетныхъ цѣлей. Моклэръ изображаетъ и исключенія изъ общаго правила, отдѣльныхъ, самостоятельныхъ и сильныхъ художниковъ, какъ Роденъ и другіе, которые живутъ высокими помыслами, держатся вдали отъ общества,—и затѣмъ, какъ мы уже сказали, авторъ романа выводитъ на сцену новое поколѣніе искреннихъ и безкорыстныхъ служителей искусства, стремящихся очистить атмосферу артистическаго Парижа. Все это изображено очень сильно и интересно и придаетъ книгѣ Моклэра серьезное значеніе. — З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 іюня 1904.

Общественная дисциплина и общественная инициатива. — Ограниченія и самоограниченія. — Первое полугодіе засѣданій новой с.-петербургской городской думы: медленность движенія городскихъ дѣлъ; неправильность производства сверхсмѣтныхъ расходовъ; неудовлетворительное составленіе докладовъ управою; необезпеченное положеніе городскихъ служащихъ; неправильности въ способѣ баллотировокъ. — Предсѣдатель думы и предсѣдатель управы, онъ же и городской голова. — Вопросъ объ участіи дѣтей въ сценическихъ представленіяхъ.

Съ тѣхъ поръ какъ русское общество вышло изъ состоянія апатіи и индифферентизма, ему—или, говоря точнѣе, значительной его части—всегда казалось, что у насъ слишкомъ много власти и дисциплины, слишкомъ мало—самодѣятельности и свободы. Съ особенною ясностью это чувствуется въ моменты подъема народнаго духа, когда все совершающееся кругомъ указываетъ на важность общественной мысли и иниціативы. Такой моментъ мы переживаемъ теперь—и именно его нѣкоторые органы печати выбираютъ для сѣтованій на недостатокъ того, что на самомъ дѣлѣ имѣется въ избыткѣ. Правительство приглашается „подать примѣръ строго дисциплинированной организаціи", „ясно формулировать опредѣленный принципъ и *прямолинейную* программу". Стòитъ только послѣдовать этому совѣту—и со всѣхъ сторонъ „явятся дѣльные кандидаты на самые трудные и отвѣтственные посты", сама собою создастся отсутствующая теперь „общественная дисциплина". „Твердая правительственная воля"—таковы заключительныя слова этого призыва—„тѣмъ и хороша, что она сразу вызываетъ къ себѣ полное сочувствіе въ народѣ и въ обществѣ". Какая клевета на общество и народъ! Сочувствіе вызывается и обусловливается не *твердостью* воли, а ея *направленіемъ*, цѣлями, которыя она себѣ ставитъ. Твердость—качество чисто формальное; она одинаково возможна при самомъ различномъ содержаніи. Благотворная въ однихъ случаяхъ, она далеко не полезна въ другихъ; все дѣло въ томъ, къ чему она примѣняется, чего стремится достигнуть. И откуда взяла газета, что правительственная организація была до сихъ поръ недостаточно „дисциплинирована", правительственная программа—недостаточно „прямолинейна"? Различнымъ òрганамъ администраціи уже давно вмѣнено въ обязанность избѣгать „междувѣдомственнаго антагонизма"; въ общемъ ходѣ правительственныхъ мѣропріятій уже давно не происходитъ колебаній. Если, тѣмъ не менѣе, у насъ слишкомъ мало „дѣльныхъ кандидатовъ на трудные и отвѣт-

ственные посты", если нѣтъ такой отрасли управленія, въ которой не замѣчалось бы крупныхъ недочетовъ, то всего меньше это зависитъ отъ причинъ, такъ настойчиво, такъ назойливо подчеркиваемыхъ реакціонною печатью. Рекомендуя еще бо̀льшее напряженіе струны, безъ того уже натянутой до nec plus ultra, она идетъ въ разрѣзъ съ самыми ясными указаніями дѣйствительности.

Если все спасеніе—въ дисциплинѣ, еще разъ въ дисциплинѣ, исключительно въ дисциплинѣ, то ненужно или даже вредно всякое, хотя бы самое незначительное расширеніе свободы. Къ этому логическому выводу и приходятъ сторонники безконечнаго и безпардоннаго подтягиванья. Дать что̀ бы то ни было—значитъ, съ ихъ точки зрѣнія, уступить рѣшительно все. Злоупотребляя историческими параллелями, они подставляютъ одно понятіе на мѣсто другого: чтобы доказать, напримѣръ, опасность *свободы* печати, они ссылаются на результаты, къ которымъ приводила ея *разнузданность*. Самая скромная попытка затронуть вопросъ, считающійся недоступнымъ для обсужденія, вызываетъ съ ихъ стороны обращеніе къ бдительности власти. Въ ихъ глазахъ даже „постепенность" въ родѣ той, о которой недавно говорили „С.-Петербургскія Вѣдомости", равносильна злѣйшему радикализму. И рядомъ съ этой полицейской защитой безнадежнаго застоя раздаются по истинѣ кощунственныя въ такихъ устахъ широковѣщательныя рѣчи о „призваніи Россіи"! Когда объ этомъ призваніи говорили первые славянофилы, можно было не раздѣлять ихъ убѣжденій, слишкомъ похожихъ на увлеченія, но нельзя было не отдавать справедливость чистотѣ ихъ намѣреній, искренности и глубинѣ ихъ энтузіазма. Теперь старые мотивы, разобщенные съ доктриной, въ которой они занимали законное мѣсто, звучатъ, несмотря на весь напускной паѳосъ, холодно и сухо; за ними чувствуется внутренняя пустота. Повторяются тѣ же слова, но смыслъ вкладывается въ нихъ совершенно иной. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить, какъ относились къ вѣротерпимости основатели славянофильства—и какъ относятся къ ней его эпигоны, заимствовавшіе его обрывки изъ рукъ Каткова.

Особымъ искусствомъ доводить модную реакціонную тему до той черты, за которою она становится не только возмутительною, но и смѣшною, обладаетъ, какъ извѣстно, „Гражданинъ". Исходя изъ той же мысли о всеобъемлющемъ господствѣ дисциплины, онъ договаривается до вопроса: „имѣетъ ли вѣрноподданный дворянинъ и предводитель или не имѣетъ права *думать* (!) и писать" что-либо такое, что̀ можетъ быть воспроизведено нелегальною русскою печатью — и отвѣчаетъ на него отрицательно. Поводомъ къ вопросу и отвѣту послужила извѣстная статья М. А. Стаховича, попавшая, безъ его вѣдома и согласія, на страницы „Освобожденія". Чтобы оцѣнить по достоин-

ству выходку „Гражданина“, нужно имѣть въ виду, что статья М. А. Стаховича побывала въ двухъ петербургскихъ редакціяхъ, изъ которыхъ одна отклонила ее по соображеніямъ не политическаго характера, а другая не нашла возможнымъ ее напечатать. Итакъ, когда М. А. Стаховичъ писалъ свою статью, онъ предназначалъ ее для легальной прессы, т.-е. не видѣлъ въ ней ничего несовмѣстнаго съ условіями русскаго печатнаго слова. Такія статьи въ правѣ писать и направлять въ печать всякій русскій гражданинъ, хотя бы онъ принадлежалъ къ дворянскому сословію и даже былъ предводителемъ дворянства. Болѣе чѣмъ странной представляется претензія создать, рядомъ съ оффиціальной, еще интимную, авторскую цензуру, строгость которой находилась бы въ прямомъ отношеніи къ сословнымъ правамъ и общественному положенію писателя. Ограниченій мысли у насъ такъ много, что болѣе чѣмъ излишне было бы прибавлять къ нимъ еще самоограниченія... Статья „Гражданина“ написана, впрочемъ, pro domo sua: ея конечная цѣль—уговорить М. А. Стаховича прекратить уголовное дѣло, начатое имъ противъ кн. Мещерскаго. Въ высокой степени комична аргументація, пытающаяся предупредить „процессъ-скандалъ, въ которомъ можетъ пострадать имя Россіи и ея дворянства“, процессъ, особенно неумѣстный въ нынѣшнее военное время. „Всѣ мысли и чувства лучшихъ людей“—тамъ, на театрѣ войны; „нелегко думать о судѣ людскомъ, когда идетъ судъ Божій, судъ народовъ“. Но вѣдь война шла и въ то время, когда появились инсинуаціи кн. Мещерскаго противъ М. А. Стаховича; почему же нельзя, изъ-за войны, отвѣчать на инсинуаціи, доказывать ихъ злостную неправду? Ни Россіи, ни дворянства дѣло о клеветѣ, возбуждаемое М. А. Стаховичемъ, затронуть не можетъ; Россія стоитъ безконечно высоко надъ пигмеемъ, дерзающимъ иногда говорить отъ ея имени—а дворянство, устами своихъ лучшихъ людей, не разъ отталкивало отъ себя газету, навязывающую ему свои услуги...

Съ тѣхъ поръ, какъ мы говорили въ послѣдній разъ о новой с.-петербургской городской думѣ, прошло два мѣсяца; наступило лѣтнее время, въ теченіе котораго засѣданій думы не будетъ—а положеніе дѣлъ все еще существенно не измѣнилось: важнѣйшіе изъ очередныхъ вопросовъ городского хозяйства все еще остаются неразрѣшенными. Изъ числа давно намѣченныхъ крупныхъ предпріятій нѣсколько подвинулось впередъ, и то благодаря энергичнымъ усиліямъ подготовительной коммиссіи [1]), только дѣло объ устройствѣ электрическихъ

[1]) Подготовительныя коммиссіи, какъ по прежнему городовому положенію, такъ и по нынѣшнему, дѣйствуютъ совершенно независимо отъ городской управы и ея предсѣдателя.

трамваевъ, главныя черты котораго одобрены думой и представлены на утвержденіе министерства внутреннихъ дѣлъ. И здѣсь, однако, была сдѣлана попытка затормазить движеніе: было заявлено, что, вслѣдствіе спеціальности вопроса, думѣ трудно высказаться о немъ по существу, а надлежитъ лишь внести его на разсмотрѣніе высшей инстанціи. Согласиться съ этимъ мнѣніемъ, значило бы идти на встрѣчу отвѣту такого рода: рѣшеніе по дѣлу, относящемуся къ области городского хозяйства, принадлежитъ думѣ; а пока его нѣтъ, ничего не можетъ сказать и высшая инстанція, отъ которой зависитъ лишь *утвержденіе* — или неутвержденіе — состоявшагося уже рѣшенія; необходимо, слѣдовательно, новое разсмотрѣніе дѣла. Потерянными оказались бы, такимъ образомъ, нѣсколько мѣсяцевъ: вновь назначено къ слушанію дѣло не могло бы быть раньше осени. Къ счастію, большинство думы не вступило на ложный путь. Въ техническихъ вопросахъ положеніе органовъ самоуправленія совершенно аналогично съ положеніемъ суда. И тамъ, и тутъ необходимо выслушать заключеніе свѣдущихъ людей; но разъ что оно дано, разъ что, при наличности спора, спрошены представители противоположныхъ взглядовъ, ничто не мѣшаетъ коллегіи — хозяйственной или судебной—остановиться на томъ рѣшеніи, которое она найдетъ наиболѣе правильнымъ. Столичная дума, въ этомъ отношеніи, поставлена даже въ болѣе выгодныя условія, чѣмъ судъ: она имѣетъ въ своей средѣ спеціалистовъ по разнымъ отраслямъ знанія, всегда готовыхъ дать ей всѣ нужныя разъясненія. Такъ было и въ данномъ случаѣ: помимо отзыва техниковъ, участвовавшихъ въ работахъ подготовительной коммиссіи, дума выслушала рѣчи нѣсколькихъ гласныхъ-инженеровъ, возражавшихъ другъ другу и освѣщавшихъ при этомъ всѣ стороны вопроса. Еслибы она отказалась, затѣмъ, отъ права имѣть „свое сужденіе", это было бы равносильно признанію неспособности справиться съ ввѣреннымъ ей дѣломъ.

Меньше, чѣмъ трамваямъ, посчастливилось другимъ дѣламъ первостепенной важности: ничего не слышно ни о канализаціи, ни о мѣрахъ къ предупрежденію наводненій; ничего не предпринято для упорядоченія пожарной части; не рѣшена судьба исполнительныхъ коммиссій, игравшихъ и продолжающихъ играть видную роль въ городскомъ общественномъ управленіи. Образовано нѣсколько подготовительныхъ коммиссій (для пересмотра больничной и санитарной организаціи, для выработки новой системы общественнаго призрѣнія, для пріисканія способовъ къ уменьшенію числа дѣлъ въ столичныхъ мировыхъ учрежденіяхъ), но, бо̀льшею частью, такъ поздно, что онѣ еще не успѣли или едва успѣли приступить къ своимъ занятіямъ. Весьма медленно исполняются, а иногда и вовсе не исполняются управою порученія думы, даже когда для исполненія ихъ назначенъ

опредѣленный срокъ. Въ засѣданіи 21-го января управѣ, съ участіемъ исполнительныхъ коммиссій, было поручено составить, въ мѣсячный срокъ со времени вступленія этого постановленія въ законную силу, проекты требуемыхъ новымъ положеніемъ инструкцій о порядкѣ производства дѣлъ въ думѣ и въ управѣ. Мѣсячный срокъ давно прошелъ, наступило каникулярное время—а проекты инструкцій все еще не представлены думѣ!!... Не представлены также слѣдующіе доклады, неотложность которыхъ признана думой: 1) о томъ, куда поступаетъ плата за пользованіе пожарными сигналами (постановленіе думы отъ 20-го февраля); 2) о реорганизаціи изданія „Извѣстій С.-Петербургской городской думы" (постановленіе отъ 23-го февраля); 3) о расширеніи дѣятельности городской посреднической конторы (постановленіе отъ 27-го февраля). Единственнымъ извиненіемъ такой медленности могло бы служить чрезмѣрное обремененіе дѣлами —но, повидимому, управа его не чувствуетъ, потому что иногда безъ всякой надобности стремится къ расширенію своего круга дѣйствій. Яркимъ примѣромъ этому служитъ попытка ея присвоить себѣ завѣдываніе постройкой двухъ новыхъ училищныхъ домовъ (такого же типа, какъ существующіе на Васильевскомъ Острову и на Пескахъ). Вполнѣ естественнымъ и согласнымъ съ прецедентами представлялось возложеніе этой обязанности на коммиссію по народному образованію, которою, съ участіемъ спеціалистовъ, и были выработаны строительные проекты и смѣты; но городской голова и его товарищъ старались доказать, что дальнѣйшій ходъ дѣла долженъ перейти въ руки управы. Ни въ законѣ, ни въ инструкціи не нашлось, однако, подтвержденія для такого взгляда, и дума почти единогласно постановила оставить постройку въ вѣдѣніи подготовившей ее коммиссіи.

Рядомъ съ медленностью, отличительною чертою городской управы, стоитъ наклонность ея къ превышенію власти. Съ особенною ясностью это обнаружилось при разсмотрѣніи докладовъ о сверхсмѣтныхъ расходахъ, произведенныхъ въ 1903-мъ году на содержаніе городскихъ больницъ. Главной причиной перерасхода, превысившаго (при бюджетѣ въ 2.443 тыс.) 138 тыс. рублей, было выставлено значительно бо̀льшее, сравнительно съ предположеннымъ, число сверхштатныхъ кроватей. На самомъ дѣлѣ, однако, собственно на сверхштатныя кровати было истрачено гораздо меньше ассигнованной по смѣтѣ суммы (6.618 рублей изъ 180 тысячъ). Если и отнести сюда, отчасти, передержки на пищу, прислугу и медикаменты, то уже во всякомъ случаѣ не увеличеніемъ числа больныхъ можно объяснить сверхсмѣтныя строительныя работы, на сумму свыше 73 тыс. рублей. Положимъ, что всѣ эти работы были неотложны: но что̀ же мѣшало своевременно представить о нихъ городской думѣ, которая одна только компетентна выходить за пре-

дѣлы утвержденной смѣты? Со стороны управы, во время преній, было объяснено, что о необходимости сверхсмѣтныхъ работъ она узнала лишь передъ самымъ наступленіемъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, когда прекращаются засѣданія думы; испросить согласіе думы было невозможно—и управа поневолѣ должна была взять на себя разрѣшеніе работъ. Не говоря уже о томъ, что не могли же *всѣ* вышеупомянутыя работы оказаться нужными въ одинъ и тотъ же моментъ, совпадающій съ началомъ каникулярнаго времени,—невыясненнымъ остается вопросъ: почему же управа не представила о нихъ думѣ прошлой осенью, вслѣдъ за возобновленіемъ думскихъ засѣданій? Этого мало: одинъ изъ старыхъ гласныхъ вспомнилъ, что лѣтомъ 1903-го года послѣднее засѣданіе думы состоялось 25-го іюня, чѣмъ и могла воспользоваться управа, чтобы заручиться согласіемъ думы на производство сверхсмѣтныхъ работъ. Дальнѣйшій ходъ преній показалъ, что значительные сверхсмѣтные расходы по больничной части, утверждаемые думой *послѣ* ихъ производства—явленіе обычное, повторяющееся чуть ли не изъ года въ годъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе несоотвѣтствія первоначальной смѣты дѣйствительнымъ потребностямъ больничнаго дѣла. Много разъ дума высказывалась противъ подобнаго порядка—или безпорядка,—много разъ требовала, чтобы сверхсмѣтные расходы производились не иначе, какъ съ ея разрѣшенія—но постановленія ея забывались, и все шло по прежнему [1]). Возстановить нормальное теченіе дѣла можетъ лишь твердая рѣшимость думы не выпускать изъ своихъ рукъ распорядительную власть въ области городскихъ финансовъ. Стоитъ только хоть одинъ разъ отказать въ утвержденіи неправильно произведеннаго сверхсмѣтнаго расхода—т.-е. оставить его на отвѣтственности учрежденія или лица, его допустившаго,—и можно быть увѣреннымъ въ томъ, что превышеній власти встрѣчаться больше не будетъ.

Доклады городской управы страдаютъ съ одной стороны многословіемъ и повтореніями, съ другой—недостаточною опредѣленностью и точностью. Больше чѣмъ гдѣ-либо эти послѣднія качества необходимы въ обязательныхъ постановленіяхъ, которыя, представляя собою какъ бы мѣстный законъ, должны удовлетворять всѣмъ условіямъ, требуемымъ отъ закона. О проектахъ постановленій, составляемыхъ управою, этого сказать никакъ нельзя, вслѣдствіе чего они нерѣдко возвращаются думой въ управу, для изложенія въ другой, болѣе правильной формѣ. Приведемъ одинъ примѣръ, особенно характерный. На разсмотрѣніе думы былъ внесенъ докладъ „объ изданіи обязательнаго постановленія по опредѣленію мѣстностей внѣ черты города, гдѣ могутъ быть учреждены новые фабрики и заводы". Самое заглавіе до-

[1]) Изъ доклада о постройкѣ городского дома для санитарной квартиры слѣдуетъ заключить, что передержки противъ смѣты допускаются не одною только больничною коммиссіею.

клада не соотвѣтствовало его содержанію: въ проектѣ обязательнаго постановленія шла рѣчь о мѣстностяхъ въ чертѣ города, а не внѣ городской черты. Редактировано постановленіе было до крайности небрежно: попадались фразы, прямо грѣшащія даже противъ грамматики (напр. окончаніе пун. 2-го и 3-го). Еще бо́льшаго оставляло желать содержаніе постановленія. Фабрики и заводы раздѣлены закономъ на три категоріи, по степени вреда, которымъ они грозятъ населенію. Понятно, что для заведеній второй категоріи, болѣе опасной чѣмъ первая, должны быть установлены и болѣе стѣснительныя правила; между тѣмъ, проектъ управы дозволялъ устройство заведеній второй категоріи и въ такой мѣстности (3-мъ участкѣ Нарвской части), гдѣ не допускалось устройство заведеній первой категоріи. Весьма можетъ быть, что такая явная несообразность зависѣла отъ неудачнаго изложенія правилъ—но вѣдь жителямъ мѣстности, гдѣ появился бы нежелательный сосѣдъ, отъ этого было бы не легче. Что касается до заведеній третьей категоріи, то, по закону, ихъ вовсе не должно быть въ населенныхъ частяхъ города. Въ Петербургѣ населено или вскорѣ будетъ населено все пространство, обнимаемое городскою чертою. Всего правильнѣе, поэтому, совсѣмъ не допускать въ городѣ заведеній третьей категоріи — а проектъ управы отводилъ для нихъ немало мѣста въ частяхъ Васильевской, Александро-Невской и Нарвской.

Доклады, представляемые городскою управою, пишутся, какъ мы слышали, не столько членами управы, сколько ея дѣлопроизводителями и ихъ помощниками. Весьма возможно, поэтому, что одна изъ причинъ неудовлетворительности докладовъ—невысокій, говоря вообще, образовательный уровень служащихъ въ канцеляріи управы, да и отъ членовъ управы законъ требуетъ болѣе, чѣмъ скромный цензъ—курсъ четырехклассныхъ училищъ. На первое обстоятельство обратила вниманіе ревизіонная коммиссія, а вслѣдъ за нею и дума, постановившая (23-го февраля), что должности дѣлопроизводителей, ихъ помощниковъ и имъ равныя должны быть замѣщаемы лицами съ образованіемъ не ниже средняго, и признавшая желательнымъ, чтобы должности дѣлопроизводителей и имъ равныя предоставлялись лицамъ съ высшимъ образованіемъ. Какъ ни важна эта мѣра, она недостаточна, сама по себѣ, для привлеченія на городскую службу наиболѣе желательныхъ элементовъ; необходимы еще нѣкоторыя гарантіи противъ произвольнаго и безпричиннаго увольненія. Что въ настоящее время такихъ гарантій не существуетъ — въ этомъ убѣждаетъ судьба жалобы одного изъ городскихъ техниковъ, занимавшаго видное мѣсто въ управленіи конножелѣзными дорогами. Поводомъ къ жалобѣ было увольненіе отъ должности, состоявшееся, по объясненію жалобщика, безъ соблюденія надлежащаго

порядка и безъ серьезныхъ основаній. Громаднымъ большинствомъ голосовъ, составившимся, на этотъ разъ, не изъ однихъ только членовъ „старой“ партіи (95-ти), дума признала жалобу не подлежащею разсмотрѣнію, такъ какъ увольненіе служащихъ въ городскомъ управленіи по найму при дѣйствіи городового Положенія 1892 г. составляло дискреціонное право городской управы и городского головы (а теперь, за силою ст. 96-ой Положенія 1903 года, составляетъ дискреціонное право одного городского головы). Но такое толкованіе закона едва ли правильно. Нарушеніемъ предѣловъ власти со стороны думы была бы только *отмѣна* распоряженія управы (или городского головы), относящагося къ назначенію или увольненію кого-либо изъ служащихъ. Дума не можетъ ни предписать, ни запретить управѣ — или головѣ — опредѣлить на службу данное лицо, не можетъ требовать увольненія того или другого изъ служащихъ или, наоборотъ, оставленія его на службѣ; но она имѣетъ полное право входить въ обсужденіе пріемовъ, употребляемыхъ при назначеніи или увольненіи, и высказывать по этому поводу одобреніе или неодобреніе дѣйствій городской управы или городского головы. Указомъ сената, состоявшимся 19 января 1901 г., разъяснено, что „принадлежащіе городскимъ думамъ общая распорядительная власть и надзоръ за исполнительными органами и возложенная на нихъ обязанность разсмотрѣнія жалобъ на управу обязываютъ думы входить въ разсмотрѣніе и такихъ дѣйствій управъ, въ случаѣ принесенія на нихъ жалобъ, которыя касаются увольненія принятыхъ на городскую службу лицъ, причемъ въ подобныхъ случаяхъ обсужденію думы можетъ подлежать вопросъ о правильности и закономѣрности дѣйствій управы, а не самые мотивы, послужившіе основаніемъ увольненія“. По точному смыслу этого указа (не потерявшаго силу и при дѣйствіи Положенія 8-го іюня 1903-го года, такъ какъ въ немъ повторены, съ небольшими лишь измѣненіями, соотвѣтствующія статьи городового Положенія 1892 г.) дума не только была въ правѣ, но должна была войти въ разсмотрѣніе жалобы городского техника, насколько она касалась формальной стороны дѣла, т.-е. самой процедуры увольненія. Столь же несомнѣнно, въ нашихъ глазахъ, и право городской думы—право, равносильное обязанности,—установить общія начала, которыми должны руководствоваться управа и городской голова при увольненіи служащихъ. Отъ городского головы зависитъ, наравнѣ съ увольненіемъ, и назначеніе служащихъ—а между тѣмъ, какъ мы уже знаемъ, дума нашла возможнымъ указать, какимъ условіямъ должны соотвѣтствовать назначаемыя лица. Аналогичныя указанія должны быть даны и относительно увольненія служащихъ; иначе не удастся привлечь и удержать на городской службѣ достаточный контингентъ способныхъ и образованныхъ людей, въ кото-

рыхъ городъ больше чѣмъ когда-либо нуждается именно теперь, въ виду постоянно прогрессирующаго расширенія городского хозяйства. Мы слышали, что необходимость правилъ, опредѣляющихъ положеніе городскихъ служащихъ, сознана уже давно: много лѣтъ тому назадъ исполненіе этой задачи было возложено на особую подготовительную коммиссію—но затѣмъ о ней какъ-то забыли, нѣкоторые члены коммиссіи выбыли изъ состава коммиссіи, и теперь дѣло придется начать съизнова. Этотъ случай, повидимому—не единственный въ своемъ родѣ; въ недавнемъ прошломъ с.-петербургской городской думы можно найти и другія коммиссіи, безслѣдно и безрезультатно сошедшія со сцены. Нужно надѣяться, что иначе отнесется къ дѣлу новая дума.

На основаніи ст. 65 Положенія 8-го іюня 1903 г., составляющей почти буквальное повтореніе ст. 73 городового Положенія 1892 г. и ст. 76 земскаго Положенія 1890 г., закрытая баллотировка обязательна при выборѣ на общественныя должности и при разрѣшеніи вопросовъ объ отвѣтственности должностныхъ лицъ и о назначеніи содержанія или денежныхъ пособій служащимъ; всѣ прочія дѣла, по усмотрѣнію думы, могутъ быть рѣшаемы и открытою подачею голосовъ. Въ земской практикѣ, насколько она намъ извѣстна, закрытая баллотировка примѣняется почти исключительно тамъ, гдѣ она положительно требуется закономъ. Въ новой с.-петербургской думѣ, наоборотъ, она пускается въ ходъ очень часто, безъ всякой надобности или даже вопреки смыслу закона. Баллотируется шарами, напримѣръ, назначеніе пенсій и пособій *служившимъ* въ городскомъ общественномъ управленіи или ихъ семействамъ—и вслѣдствіе этого въ концѣ иныхъ засѣданій гласнымъ приходится шествовать вереницей мимо множества баллотировальныхъ ящиковъ, съ трудомъ вспоминая обстоятельства каждаго отдѣльнаго случая и, быть можетъ, смѣшивая одинъ съ другимъ. При такихъ условіяхъ закрытая баллотировка только излишня и неудобна; но совершенно неправильна она тогда, когда *слѣдуетъ* за открытой подачей голосовъ, другими словами—когда одинъ и тотъ же вопросъ подвергается голосованію двумя способами. Если предсѣдатель собьется въ счетѣ голосовъ, поданныхъ открыто, онъ можетъ повторить его, можетъ, для бо́льшей вѣрности, пригласить тѣхъ, кто въ первый разъ сидѣлъ, встать, и наоборотъ: но, однажды объявивъ результатъ голосованія, онъ не въ правѣ приступить къ его повѣркѣ путемъ закрытой баллотировки. Это элементарное правило было нарушено предсѣдателемъ въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій думы. Въ данномъ случаѣ закрытая баллотировка подтвердила рѣшеніе, постановленное при открытой подачѣ голосовъ; но вѣдь исходъ могъ быть и другой—и тогда въ теченіе какой-нибудь четверти часа получились бы два противоположныя постановленія думы. Цѣлесообразная для личныхъ вопросовъ, закрытая баллотировка кажется намъ

наименѣе желательнымъ способомъ рѣшенія вопросовъ общихъ: она уменьшаетъ сознаніе отвѣтственности, благопріятствуетъ сдѣлкамъ съ совѣстью, отступленіямъ отъ громко провозглашаемыхъ убѣжденій. Желательно, поэтому, чтобы при опредѣленіи вновь порядка разрѣшенія дѣлъ въ засѣданіяхъ петербургской думы не было повторено нынѣ дѣйствующее правило, по которому закрытая баллотировка производится каждый разъ, когда того потребуютъ *пять* гласныхъ.

Наблюдателю, хорошо знакомому съ ходомъ дѣлъ въ земскихъ собраніяхъ, не можетъ не показаться страннымъ многое изъ того, что происходитъ въ с.-петербургской городской думѣ. Въ земскомъ собраніи, при преніяхъ, наиболѣе выдающаяся роль почти всегда принадлежитъ предсѣдателю губернской земской управы: онъ отстаиваетъ главнѣйшіе доклады, мотивируетъ предложенія, отвѣчаетъ на запросы и нападенія, объясняетъ намѣренія и планы управы. Ему усердно помогаютъ члены управы, каждый по своей спеціальности. Предсѣдатель собранія, если онъ земецъ по призванію и по любви къ дѣлу, принимаетъ иногда активное участіе въ преніяхъ, но не прерываетъ ораторовъ возраженіями по существу и останавливаетъ ихъ только тогда, когда они уклоняются отъ вопроса или переносятъ споръ на личную почву. Не то мы видимъ въ нашей думѣ. Предсѣдатель городской управы, т.-е. городской голова, говоритъ очень рѣдко и очень мало, не всегда нарушая молчаніе даже тогда, когда на управу возводятся серьезныя обвиненія. Почти такъ же пассивно держитъ себя и товарищъ городского головы. Между членами городской управы есть совершенно безмолвные — и нѣтъ ни одного, объясненія котораго могли бы восполнить пробѣлъ, оставляемый молчаніемъ городского головы и его товарища. Эту задачу нерѣдко беретъ на себя предсѣдатель думы, выходя тѣмъ самымъ, за предѣлы своихъ функцій. Не довольствуясь произнесеніемъ рѣчей — на что онъ, какъ гласный, имѣетъ полное право,—онъ вставляетъ иногда свои замѣчанія въ рѣчи другихъ гласныхъ, ограничивая этимъ принадлежащую каждому изъ нихъ свободу рѣчи... Разъ что управа такъ мало стоитъ сама за себя, ея защитниками всего естественнѣе было бы выступать тѣмъ гласнымъ, которые раздѣляютъ ея взгляды—но это случается сравнительно рѣдко. Объясняется ли это тѣмъ, что такихъ гласныхъ немного даже въ средѣ группы, голосовавшей за нынѣшній составъ управы, или тѣмъ, что единомышленники управы больше разсчитываютъ на численную свою силу, нежели на убѣдительность своихъ доводовъ—не знаемъ; несомнѣнно только то, что равновѣсіе между нападеніемъ и защитой нарушено не въ пользу управы. И въ этомъ отношеніи велика разница между с.-петербургской думой и большинствомъ земскихъ собраній, въ которыхъ борьба мнѣній проходитъ при условіяхъ гораздо болѣе нормальныхъ. Всего печальнѣе то, что въ близкомъ будущемъ не

предвидится выхода изъ этого положенія: срокъ полномочій городской управы—шестилѣтній, а составъ гласныхъ хотя и долженъ, по закону, обновиться на половину черезъ три года, но при дѣйствіи нынѣшней избирательной системы трудно ожидать существенныхъ въ немъ измѣненій.

„Положеніе" 8 іюня 1903 г., между прочими преобразованіями и исправленіями недостатковъ продолжающаго дѣйствовать во всѣхъ прочихъ городахъ имперіи городового Положенія 1892 г., предоставило с.-петербургской городской думѣ весьма существенное право избранія для себя особаго предсѣдателя (ст. 49), и тѣмъ самымъ отмѣнило прежній порядокъ, когда одно и то же лицо, назначенное городскимъ головою, предсѣдательствовало и въ управѣ, подчиненной думѣ, и въ думѣ, которой подчинена управа, а слѣдовательно и ея предсѣдатель, обязанный исполнять постановленія думы. Такимъ образомъ, выходило, что городской голова, какъ предсѣдатель управы, находился какъ бы въ подчиненномъ положеніи по отношенію къ предсѣдателю думы, т.-е. къ самому себѣ. Послѣдствія такого ненормальнаго положенія были весьма тяжелы и слишкомъ очевидны; ими могла отчасти объясняться неурядица въ общемъ ходѣ городского общественнаго управленія. Казалось бы, новый, вполнѣ раціональный порядокъ долженъ былъ вполнѣ оправдать возлагавшіяся на него надежды и облегчить ходъ дѣлъ городской думы. Изъ всего сказаннаго нами выше видно, однако, что эти надежды не осуществились. Между прочими причинами такого прискорбнаго явленія мы поставили бы на первомъ мѣстѣ то обстоятельство, что „Положеніе" 1903 года, сохранило изъ прежняго отжившаго порядка чисто-архаическое [1]) званіе „городского головы", тогда какъ городская дума и городская управа нуждались только въ предсѣдателяхъ; вѣдь обходятся же земскія учрежденія безъ должности земскаго головы. Сохраненіе званія городского головы вызвало далеко не праздный вопросъ о томъ, кто представляетъ городъ: тотъ ли, кто предсѣдательствуетъ въ собраніи лицъ, избранныхъ этимъ самымъ городомъ, т.-е. предсѣдатель думы, или тотъ, кто предсѣдательствуетъ въ управѣ, избранной не городомъ, а думою? Этотъ вопросъ, поставленный такъ естественно и просто, не допускаетъ двухъ отвѣтовъ: конечно, городъ можетъ считать своимъ представителемъ только то лицо, которое предсѣдательствуетъ въ собраніи избранниковъ города, т.-е. городскихъ гласныхъ, а никакъ не въ засѣданіи членовъ управы, которые при извѣстныхъ обстоятельствахъ (ст. 109) могутъ быть даже назначены администраціею. Но такое,

[1]) Въ московскомъ государствѣ было много головъ: засѣчный, кабацкій, козацкій, татарскій и мн. др., но отъ нихъ не осталось теперь и слѣдовъ.

повидимому, простое устройство городского общественнаго управленія въ Петербургѣ породило въ средѣ самой думы вопросъ о городскомъ представительствѣ, благодаря исключительно тому обстоятельству, что новымъ „Положеніемъ“ былъ удержанъ, безъ видимой надобности пережитокъ старыхъ временъ, не имѣющій для себя корня въ настоящее время; притомъ, титулъ городского головы былъ связанъ съ должностью предсѣдателя городской управы, подчиненной городской думѣ. Въ средѣ самой думы былъ поднятъ вопросъ о томъ, кто же можетъ считаться представителемъ города: предсѣдатель думы, или предсѣдатель управы, который называется вмѣстѣ съ тѣмъ городскимъ головой. Въ печати появилось извѣстіе о томъ, будто управа изготовила докладъ въ думу въ томъ смыслѣ, что представителемъ города долженъ считаться городской голова, который есть вмѣстѣ и предсѣдатель управы; между тѣмъ, какъ мы объясняли выше, онъ можетъ быть скорѣе представителемъ администраціи, но никакъ не города, избирающаго своими представителями членовъ думы, а не управы. Если это извѣстіе о докладѣ управы вѣрно, то, очевидно, управа смѣшала нынѣшняго постояннаго предсѣдателя думы съ временнымъ предсѣдателемъ думы, по 120 ст. город. Полож. 1892 г., который предсѣдательствовалъ при разсмотрѣніи только извѣстныхъ дѣлъ ревизіоннаго отчета, назначенія жалованья и т. д.). Этотъ послѣдній былъ, дѣйствительно, предсѣдателемъ, пока оставался на своемъ креслѣ и пока длилось засѣданіе, — затѣмъ онъ возвращался на свое мѣсто гласнаго. Совершенно иначе поставленъ предсѣдатель думы по новому „Положенію“; то обстоятельство, что онъ отправляетъ свои обязанности, не совсѣмъ легкія, безмездно, тогда какъ предсѣдатель управы (онъ же и городской голова) получаетъ 15.000 руб. жалованья, конечно, не ставитъ его ниже послѣдняго—скорѣе наоборотъ. Даровою службою предсѣдателя думы объясняется и то, что онъ избирается лишь на годъ, такъ какъ нельзя требовать отъ принявшаго на себя такую обязанность слишкомъ большихъ жертвъ—а предсѣдательствованіе въ думѣ можетъ быть разсматриваемо именно какъ жертва. Предсѣдателю управы обезпечено жалованье на цѣлыхъ шесть лѣтъ, но это не можетъ быть разсматриваемо какъ выгода для городского общественнаго управленія: предсѣдатель думы можетъ быть уже по прошествіи года замѣненъ другимъ лицомъ, а городской голова лишается своего мѣста только вслѣдствіе проступка, всякіе же другіе его недостатки должны быть выносимы въ теченіе шести лѣтъ! Но вотъ и положительныя черты закона, которыми характеризуется нынѣшній предсѣдатель думы, какъ лицо, облеченное властью внѣ мѣста и времени засѣданій, которой вовсе не имѣлъ временный предсѣдатель думы по „Положенію 1892 года“: отъ предсѣдателя думы, по новому „По-

ложенію", зависитъ исключительно ходъ дѣлъ въ думѣ; по ст. 56, онъ своею властью назначаетъ дѣла, подлежащія въ каждомъ собраніи думы, если не встрѣтитъ законныхъ къ разсмотрѣнію этихъ дѣлъ препятствій, послѣдовательно по мѣрѣ ихъ поступленія къ нему отъ городского головы (т.-е. предсѣдателя управы); порядокъ постановки дѣлъ на повѣстку долженъ быть опредѣленъ инструкціею думы, чего, однако, къ сожалѣнію, не сдѣлано и до сихъ поръ. Отъ предсѣдателя думы зависитъ въ томъ же порядкѣ (ст. 59) ставить на повѣстку предложенія гласныхъ, обращенныя къ думѣ. По ст. 67 предсѣдатель облекаетъ всѣ рѣшенія думы въ краткую письменную форму въ самомъ ея засѣданіи, и они тутъ же подписываются предсѣдателемъ (чего дума никакъ не можетъ добиться отъ своего предсѣдателя до сихъ поръ); подробные журналы засѣданія составляются городскимъ секретаремъ въ семидневный срокъ и должны быть подписаны предсѣдателемъ думы и скрѣплены городскимъ секретаремъ. Ничего подобнаго не предоставлялось временно предсѣдательствовавшему въ думѣ по „Положенію" 1892 г.: только въ стѣнахъ зала собранія думы и въ часы собранія онъ несъ свои обязанности и пользовался правами должности; не онъ ставилъ на повѣстку дѣла, по закону подлежащія разсмотрѣнію подъ его предсѣдательствомъ, не онъ потомъ составлялъ журналъ и, слѣдов., внѣ залы собранія и по окончаніи засѣданія какъ бы вовсе не существовалъ по званію предсѣдателя думы. Вслѣдствіе своего новаго положенія, нынѣшній предсѣдатель думы не только составляетъ повѣстку, но, на основаніи ст. 56, возлагаетъ на городского голову исполненіе обязанности увѣдомлять членовъ о назначенномъ имъ времени открытія очередного засѣданія думы или его продолженія. Но и помимо всего этого, предсѣдатель подчиненнаго органа не можетъ стоять выше предсѣдателя того органа, которому подчинена предсѣдательствуемая имъ управа. Если въ истекшее первое полугодіе дѣйствія новой думы предсѣдательство особо избраннаго думою лица на практикѣ мало отличалось отъ предсѣдательства городского головы, по „Положенію 1892 г.", то только потому, что новый предсѣдатель, какъ мы видѣли выше, часто бралъ на себя защиту управы противъ гласныхъ, указывавшихъ на недостатки ея докладовъ и являлся какъ бы помощникомъ городского головы и ставленникомъ управы, а не думы.

Къ числу весьма немногихъ полезныхъ рѣшеній, которыя успѣла постановить новая дума, принадлежитъ, въ нашихъ глазахъ, возбужденіе ходатайства о недопущеніи дѣтей, не достигшихъ пятнадцатилѣтняго возраста, къ участію въ сценическихъ представленіяхъ. Въ думѣ это рѣшеніе не встрѣтило возраженій, но противъ него возсталъ въ „Но-

вомъ Времени" г. Скальковскій. Аргументы, имъ приводимые, очень сходны съ тѣми, которыми оспаривалась, въ свое время, законодательная регламентація дѣтскаго труда на фабрикахъ и заводахъ. Ничего-молъ особенно предосудительнаго на сценѣ и за кулисами дѣти не видятъ; танцы и другія упражненія не утомительны и не вредны для здоровья; дѣтскій заработокъ увеличиваетъ скудныя средства ихъ родителей: ergo—нужно предоставить дѣло естественному его теченію. Одну только уступку дѣлаетъ г. Скальковскій, да и то не безъ оговорокъ: „если,—восклицаетъ онъ,—нужны, *можетъ быть*, дополнительныя полицейскія мѣры, чтобы не калѣчить дѣтей, воспитывая ихъ для акробатизма, то нельзя же отрицать, что только практика вырабатываетъ артиста". Еслибы даже, вслѣдствіе запрещенія дѣтской „практики", „акробатизмъ" исчезъ совершенно, то потеря отъ этого, право, была бы не велика; сбереженное здоровье одного ребенка драгоцѣннѣе самыхъ великолѣпныхъ tours de force, хотя бы ихъ производили такіе „артисты", какъ Гонкуровскіе братья Земганно. Небольшой ущербъ понесетъ искусство и отъ того, что дѣти перестанутъ пѣть пѣсни въ балаганахъ или фигурировать „грибами" и „огурцами" на сценѣ Зоологическаго сада. Для болѣе серьезныхъ сценическихъ профессій едва-ли можно считать запоздалой практику, начинающуюся по достиженіи пятнадцати лѣтъ. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, Рашель, Дузе, Вольнисъ и другія знаменитыя актрисы, называемыя г. Скальковскимъ, достигли совершенства только потому, что уже дѣтьми выступали на театральныхъ подмосткахъ? Мало ли извѣстно случаевъ, когда громкая сценическая слава доставалась на долю лицъ, шедшихъ сначала по совершенно другимъ дорогамъ (назовемъ, для примѣра, Маріо, Самойлова, Росси)? Противъ правильно организованныхъ театральныхъ училищъ не возражаетъ, притомъ, и коммиссія по народному образованію, докладъ которой послужилъ основаніемъ для рѣшенія думы; вся тяжесть ея аргументаціи направлена противъ условій, въ которыя ставитъ дѣтей „работа" въ балаганахъ, садахъ, кафе-шантанахъ и театрахъ низшаго сорта. Что за кулисами, въ такихъ мѣстахъ, идутъ не одни только „разговоры генераловъ и полицейскихъ офицеровъ съ артистками", что дѣти знакомятся тамъ со многимъ, чего лучше было бы до поры до времени не знать, и даже сами становятся иногда участниками нежелательныхъ развлеченій—въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. По мнѣнію г. Скальковскаго, еще хуже то, что̀ дѣти изъ бѣдныхъ семей видятъ и слышатъ иногда у себя дома. Допустимъ, что онъ правъ: но развѣ одно и то же впечатлѣніе получается отъ грубой, ничѣмъ не прикрытой распущенности и отъ болѣе утонченной, вставленной въ красивую, блестящую рамку? Г. Скальковскій смѣется надъ коммиссіей, называющей *богатою* обстановкой „грошовый хламъ"

сценическаго убранства; но онъ забываетъ прибавить, что къ эпитету *богатая* въ докладѣ коммиссіи прибавлена оговорка: *съ виду*. И дѣйствительно, важно не то, богата ли обстановка на самомъ дѣлѣ; важно то, что она *кажется* богатою ребенку, видѣвшему до тѣхъ поръ только бѣдность чердака или подвала—и именно потому импонируетъ ему, внушаетъ ему восхищеніе, сквозь призму котораго онъ смотритъ и на то, что̀ среди нея происходитъ. Скученъ и тягостенъ становится для него, затѣмъ, будничный его трудъ въ мастерской или школѣ— а отсюда уже недалеко до привычки къ праздности и до стремленія къ легкой наживѣ. Совершенно очевидно, съ другой стороны, что продолжительное, иногда до поздней ночи, пребываніе въ саду или въ сырыхъ, холодныхъ закулисныхъ помѣщеніяхъ не можетъ не отражаться на здоровьѣ дѣтей. Уравновѣсить всѣ эти печальныя явленія небольшой—сплошь и рядомъ *очень* небольшой—въ докладѣ коммиссіи этому приведено не мало примѣровъ—дѣтскій заработокъ, конечно, не можетъ. Гораздо значительнѣе былъ доходъ, получавшійся нѣкогда родителями отъ дѣтской фабричной работы; много говорилось тогда о невознаградимомъ ущербѣ, который причинитъ бѣднѣйшему классу фабричное законодательство. Ничего подобнаго, однако, не случилось: запрещеніе дѣтской работы на фабрикахъ и заводахъ вездѣ вошло въ силу, скорѣе поднявъ, чѣмъ ухудшивъ матеріальное положеніе рабочихъ (дѣтскій трудъ пришлось замѣнить другимъ, лучше оплачиваемымъ). Отъ удовлетворенія ходатайства, возбужденнаго думой, можно ожидать только полезныхъ послѣдствій. Единственный недостатокъ доклада коммиссіи по народному образованію, а слѣдовательно и основаннаго на немъ постановленія думы, заключается въ томъ, что въ немъ только намѣчены, а не опредѣлены съ точностью границы испрашиваемаго запрещенія; но этотъ недостатокъ легко можетъ быть исправленъ тѣми учрежденіями, на разсмотрѣніе которыхъ поступитъ ходатайство думы. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что дѣйствіе ограничительныхъ мѣръ—если онѣ будутъ одобрены въ принципѣ—будетъ распространено не только на Петербургъ, но на всю имперію. Придется, поэтому, собрать подробныя свѣдѣнія о всѣхъ видахъ публичныхъ представленій, въ которыхъ выступаютъ дѣти—и затѣмъ, сообразно съ ихъ характеромъ и устройствомъ, раздѣлить ихъ на категоріи, указавъ тѣ изъ нихъ, въ которыхъ, при соблюденіи извѣстныхъ условій, можетъ быть допускаемо участіе дѣтей.

ИЗВѢЩЕНІЯ

Изъ доклада исполнительной коммиссіи Главнаго Управленія Россійскаго Общества Краснаго Креста общему собранію членовъ общества 4-го апрѣля 1904 года объ организаціи помощи раненымъ и больнымъ воинамъ на Дальнемъ Востокѣ.

Чрезвычайному общему собранію членовъ общества, 22-го февраля сего года, исполнительной коммиссіей Главнаго Управленія доложенъ былъ разработанный исполнительной коммиссіей и одобренный Августѣйшей Покровительницей общества планъ дѣйствій и все то, что по 22-е февраля было въ осуществленіе этого плана предпринято.

Сегодня имѣетъ быть представлено все, выполненное Россійскимъ обществомъ Краснаго Креста за время съ 22-го февраля по 4-е апрѣля, и итогъ поступленія и расходовъ общества по организаціи помощи больнымъ и раненымъ воинамъ по настоящее число.

Придавая огромное значеніе самому широкому участію всего русскаго общества въ дѣятельности Краснаго Креста, исполнительная коммиссія продолжала принимать мѣры въ этомъ направленіи. Дабы привлечь всѣ общественныя живыя силы къ непосредственному участію въ трудахъ Краснаго Креста и для объединенія сборовъ и заготовочной дѣятельности на нужды больныхъ и раненыхъ воиновъ во всѣхъ окружныхъ и мѣстныхъ управленіяхъ, существующихъ въ губернскихъ городахъ, по преимуществу, рѣшено образовать мѣстныя исполнительныя коммиссіи изъ избранныхъ окружными и мѣстными управленіями членовъ сихъ управленій, съ приглашеніемъ къ участію въ нихъ губернскихъ предводителей дворянства, предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ, городскихъ головъ, предсѣдателей биржевыхъ комитетовъ, купеческихъ старостъ. Въ случаѣ невозможности для кого-либо изъ этихъ лицъ участвовать въ работахъ мѣстныхъ исполнительныхъ коммиссій Краснаго Креста, ихъ замѣняютъ избранныя дворянствомъ, земской и городской управами и купечествомъ лица. Въ Москвѣ такимъ объединяющимъ всѣ слои общества органомъ Краснаго Креста является особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ Великой Княгини Елисаветы Ѳеодоровны. Во всѣхъ уѣздныхъ городахъ, гдѣ уже существуютъ мѣстные комитеты, къ участію въ нихъ приглашаются уѣздные предводители дворянства, предсѣдатели уѣздныхъ земскихъ управъ, городскіе головы и представители купечества; въ тѣхъ же уѣздныхъ городахъ, гдѣ комитетовъ нѣтъ, уѣздные предводители дворянства не откажутся взять на себя заботу объ ихъ открытіи, пригласивъ къ участію въ нихъ всѣхъ лучшихъ мѣстныхъ людей, сочувствующихъ дѣлу Краснаго Креста. Сверхъ того, въ волостяхъ постепенно открываются, при участіи мѣстныхъ помѣщиковъ, священниковъ, уважаемыхъ крестьянъ, волостныя попечительства Краснаго Креста; всѣ мѣстные органы Краснаго Креста циркулярно приглашены озаботиться созданіемъ такихъ попечительствъ-кассъ для сбора пожертвованій, денежныхъ и матеріальныхъ. Число

учрежденій общества, къ началу войны достигавшее 460, нынѣ, по поступающимъ свѣдѣніямъ, быстро во всей Россіи увеличивается.

Полагая необходимымъ рядомъ съ участіемъ всего общества въ дѣятельности Краснаго Креста осуществить и общественный контроль, исполнительная коммиссія, какъ объ этомъ уже докладывалось общему собранію членовъ общества 22-го февраля, образовала особый наблюдательный комитетъ. Основныя задачи наблюдательнаго комитета и составъ его удостоились Высочайшаго Государя Императора одобренія, причемъ составъ этотъ имѣетъ и впредь пополняться представителями отъ учрежденій, вносящихъ на дѣло Краснаго Креста крупныя пожертвованія. Выработанныя наблюдательнымъ комитетомъ „Временныя правила" его дѣятельности, одобренныя исполнительною коммиссіею, утверждены Августѣйшею Покровительницею общества Государынею Императрицею Маріею Θеодоровною.

Мѣстнымъ органамъ Краснаго Креста предоставляется постепенно учреждать такіе же наблюдательные комитеты, какъ только притокъ пожертвованій и мѣстная заготовительная дѣятельность примутъ крупные размѣры.

Какъ было уже доложено предшествовавшему общему собранію, первою задачею исполнительной коммиссіи было заготовить и отправить на театръ военныхъ дѣйствій хорошо снабженные на три мѣсяца всѣмъ необходимымъ лазареты. Исполнительная коммиссія воспользовалась для быстраго осуществленія этого плана широкимъ развѣтвленіемъ органовъ общества и наличностью общинъ сестеръ милосердія съ лечебными при нихъ заведеніями, уже въ мирное время постоянно производящими хозяйственныя заготовки. Это распредѣленіе работы и помогло Красному Кресту быстро выполнить намѣченную задачу. Существенно помогъ ему въ этомъ важномъ дѣлѣ и горячій общественный порывъ—предложенія дворянства, земства, многихъ городовъ и купечества за свой счетъ устроить и содержать лазареты Краснаго Креста. Какъ спѣшно шла работа, видно изъ того, что, уже два мѣсяца спустя послѣ наступившаго неожиданно для всѣхъ въ Россіи открытія военныхъ дѣйствій со стороны японцевъ, десять госпиталей Краснаго Креста, 6 летучихъ отрядовъ, 6 этапныхъ лазаретовъ и два санитарныхъ поѣзда, снаряженныхъ Краснымъ Крестомъ, уже дѣйствуютъ на театрѣ военныхъ дѣйствій; госпитальное же судно „Монголія", полное снаряженіе котораго и весь персоналъ заготовленія отправлены исполнительною коммиссіею Главнаго Управленія Краснаго Креста изъ Петербурга, открыло свои дѣйствія 28-го февраля, т.-е. мѣсяцъ спустя послѣ начала военныхъ дѣйствій. Несмотря на крайнюю затруднительность передвиженія, трудность полученія вагоновъ и остановки въ пути, рядъ госпиталей и отрядовъ уже прибылъ на мѣсто и развернулся; еще большее число находится въ пути, быстро приближаясь къ мѣсту назначенія, и почти всѣ остальные заказанные исполнительною коммиссіею за первый мѣсяцъ ея дѣйствія отряды и лазареты ждутъ только очереди отправки. Здѣсь, очевидно, сказались результаты широкаго развѣтвленія уже въ мирное время органовъ Краснаго Креста и рѣшенія исполнительной коммиссіи сразу же воспользоваться этою организаціею въ новомъ для нея дѣлѣ—формированія лазаретовъ и отрядовъ. Тѣмъ же путемъ, но

еще при болѣе широкомъ участіи всего общества, исполнительная коммиссія полагаетъ идти и далѣе въ своей заготовительной для обслуживанія театра военныхъ дѣйствій дѣятельности.

Современное положеніе снабженія арміи и ея тыла лазаретами и отрядами Краснаго Креста лучше всего иллюстрируется слѣдующимъ распредѣленіемъ лазаретовъ и отрядовъ, уже прибывшихъ на мѣсто или на мѣстѣ сформированныхъ, а также находящихся въ пути, готовыхъ и уже предназначенныхъ къ отправкѣ и вновь формирующихся, по районамъ главноуполномоченныхъ, къ которымъ они направляются.

Въ Портъ-Артурѣ, въ районѣ главноуполномоченнаго И. П. Балашова, дѣйствуетъ плавучій госпиталь „Монголія" на 300 кроватей и лазареты портъ-артурской и кронштадтской общинъ на 250 кроватей, а всего 3 лазарета на 550 кроватей.

Въ районѣ маньчжурской арміи—главноуполномоченнаго С. В. Александровскаго—уже находятся на мѣстѣ, развернуты въ разныхъ пунктахъ и дѣйствуютъ—принимаютъ больныхъ: лазареты на 200 кроватей Евгеньевской, Георгіевской, Иверской, Елисаветинской и Крестовоздвиженской общинъ, 7 летучихъ отрядовъ и 5 лазаретовъ по 25 кроватей; а всего 10 лазаретовъ на 1.125 кроватей; въ пути для этого района находятся лазареты въ 200 кроватей дамскаго лазаретнаго комитета, владимірскій, ярославскій; въ этотъ же районъ слѣдуютъ тамбовскій и на 100 кроватей воронежскій, а всего уже идутъ въ районъ маньчжурской арміи 5 лазаретовъ на 900 кроватей; кромѣ того, туда же направлены 3 летучихъ отряда, отрядъ князя Ширинскаго-Шихматова и летучій отрядъ Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны и два дезинфекторскихъ отряда. Предназначены въ ближайшемъ будущемъ къ отправкѣ лазареты на 200 кроватей: дворянскій, самарскій и юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ, на 100 кроватей—евангелическій, бѣлостокскій, на 50 кроватей—тульскій и астраханскій и на 25 кроватей—новороссійскій, ростовскій-на-Дону, кинешемскій, екатеринбургскій, царскосельскій, петербургскій, херсонскаго дамскаго комитета, калужскій городской, тобольскій, аккерманскій, всего 17 лазаретовъ на 1.170 кроватей. Кромѣ того, туда же направляются въ ближайшемъ будущемъ еще три летучихъ отряда: шталмейстера Родзянко и два московскихъ. Всего такимъ образомъ въ районѣ маньчжурской арміи будетъ въ непродолжительномъ времени сосредоточено 32 лазарета Краснаго Креста на 3.200 кроватей, 15 летучихъ отрядовъ и 2 отряда дезинфекторскихъ. Въ районъ сѣверо-восточнаго тыла арміи Никольскъ-Уссурійскъ, Владивостокъ, Хабаровскъ, Благовѣщенскъ, къ князю Васильчикову уже прибыли лазареты: на 225 кроватей московской городской, на 200 кроватей—лазареты Александровской и Кауфманской общинъ и на мѣстѣ дѣйствуетъ лазаретъ владивостокской общины на 100 кроватей, а всего уже имѣется въ этомъ районѣ 4 лазарета Краснаго Креста на 725 кроватей. Въ пути въ районъ кн. Васильчикова находятся варшавскій лазаретъ на 200 кроватей, на 100 кроватей 2 нижегородскихъ и на 25 кроватей—псковскій, а всего приближается къ этому району 4 лазарета Краснаго Креста на 425 кроватей и предположены къ отправкѣ туда на 200 кроватей лазареты — саратовскій, эстляндскій,

харьковскій, курляндскій и таврическій, на 100 кроватей, каждый виленскій и симбирскій, всего 7 лазаретовъ на 1.200 кроватей. Кромѣ того, въ распоряженіе кн. Васильчикова имѣютъ быть въ непродолжительномъ времени отправлены два московскихъ летучихъ лазарета и два дезинфекторскихъ отряда. Такимъ образомъ въ этомъ районѣ имѣетъ быть сосредоточено уже въ ближайшемъ будущемъ 15 лазаретовъ на 2.350 кроватей, два летучихъ отряда и два дезинфекторскихъ. Въ западномъ тылу арміи, отъ Харбина до озера Байкала и Срѣтенска, въ районѣ генералъ-лейтенанта Трепова имѣется иркутскій лазаретъ и отрядъ гр. Бобринскаго, всего на 100 кроватей и въ пути въ этотъ районъ находятся вятскій, одесскій и кіевскій лазареты на 200 кроватей каждый, пензенскій и черниговскій—на 100 кроватей, иваново-вознесенскій—на 50 кроватей и лазаретъ графа Шувалова—на 25 кроватей, всего 9 лазаретовъ на 875 кроватей, и предназначенъ пока въ этотъ районъ изъ формированныхъ нынѣ лазаретовъ лифляндскій на 200 кроватей, а всего въ ближайшемъ уже будущемъ въ этотъ районъ сосредоточится 10 лазаретовъ на 1.175 кроватей и одинъ дезинфекторскій отрядъ.

Слѣдуетъ замѣтить, однако, что это распредѣленіе нельзя еще считать окончательнымъ; необходимость, напр., немедленнаго на пути развертыванія лазарета или сосредоточенія въ какомъ-либо районѣ по обстоятельствамъ большаго числа лазаретовъ могутъ въ будущемъ измѣнить распредѣленіе лазаретовъ.

Всего частью уже прибыло на мѣсто, частью заготовлено и готовится лазаретовъ Краснаго Креста всякаго типа 107 на 9.125 кроватей, не считая госпиталей для диссеминаціи больныхъ въ Западной Сибири и Европейской Россіи, коихъ теперь уже насчитывается на 1.000 слишкомъ кроватей и 17 летучихъ отрядовъ, 5 дезинфекторскихъ отрядовъ и 2 санитарныхъ поѣзда.

Кромѣ собственныхъ всѣхъ видовъ лазаретовъ, отправляемыхъ на театръ военныхъ дѣйствій, Красный Крестъ снабжаетъ персоналомъ, преимущественно сестрами милосердія, всѣ военно-врачебныя заведенія и санитарные поѣзда.

Всего отправлено на театръ военныхъ дѣйствій санитарнаго персонала 1.409 человѣкъ и имѣетъ быть въ теченіе первой половины апрѣля отправлено еще 383 человѣка, а всего во второй половинѣ апрѣля будетъ санитарнаго персонала Краснаго Креста на театрѣ военныхъ дѣйствій и въ пути 1.792 человѣка.

Всѣ усилія исполнительной коммиссіи въ первый мѣсяцъ ея дѣятельности были направлены на то, чтобы сформировать и двинуть на театръ военныхъ дѣйствій лазареты, вполнѣ готовые и снабженные персоналомъ и всѣми необходимыми предметами снаряженія госпиталей, съ запасомъ, по крайней мѣрѣ, на 3 мѣсяца.

Изъ изложеннаго выше усматривается съ достаточною очевидностью, насколько исполнительной коммиссіи въ теченіе 2-мѣсячнаго періода ея дѣятельности удалось осуществить эту первую ея задачу, несмотря на крайнія затрудненія въ передвиженіи по сибирской желѣзной дорогѣ. Хотя со всѣми лазаретами шелъ грузъ всего необходимаго на 3 мѣсяца впередъ, хотя въ смыслѣ обезпеченія хлѣбомъ и другими предметами довольствія были приняты мѣры закупкою этихъ

предметовъ главноуполномоченными на мѣстѣ чрезъ посредство переселенческой организаціи, мѣстныхъ дѣятелей Краснаго Креста и другихъ агентовъ, исполнительная коммиссія тѣмъ не менѣе не оставляла безъ вниманія и второй существенной своей задачи—заготовки и отправки всего необходимаго для складовъ на театрѣ военныхъ дѣйствій. Склады эти, какъ извѣстно общему собранію, изъ представленнаго уже исполнительною коммиссіею 22-го февраля отчета, были намѣчены въ Иркутскѣ, Читѣ, Харбинѣ, и Никольскѣ-Уссурійскомъ. Къ этимъ складамъ пришлось прибавить мукденскій, ляоянскій, срѣтенскій, и не подлежитъ сомнѣнію, что на громадномъ протяженіи театра войны будутъ возникать все новые и новые склады.

Заготовочное дѣло такъ разростается, что объединеніе въ одномъ лицѣ ближайшаго завѣдыванія какъ перевозками грузовъ, такъ и заготовками стало немыслимо, и въ составѣ исполнительной коммиссіи образованъ новый заготовительный отдѣлъ, во главѣ котораго сталъ графъ В. А. Мусинъ-Пушкинъ, а все дѣло передвиженія, являющееся первомъ снабженія, руководится генералъ-лейтенантомъ Н. К. Шведовымъ.

Если съ февраля не удавалось отправлять транспорты Краснаго Креста ежедневно, то съ марта отправки начались ежедневно, а въ иные дни и съ нѣсколькими поѣздами. Всего отправлено по первое апрѣля груза 342 полныхъ вагона и съ 1-го по 21 апрѣля предназначено къ отправкѣ Краснымъ Крестомъ по соглашенію съ управленіемъ военныхъ сообщеній 124 вагона груза. Харбинскій и никольскъ-уссурійскій склады постепенно пополняются бѣльемъ, медикаментами, перевязочными средствами, питательными продуктами, виномъ и т. п.

Кромѣ того, при исполнительной коммиссіи учрежденъ особый хозяйственный комитетъ, при участіи и съ вѣдома котораго будетъ впредь вестись и все дѣло матеріальнаго заготовленія и снабженія складовъ и отрядовъ.

Для иллюстраціи отмѣтимъ, что, независимо отъ грузовъ, вывезенныхъ съ лазаретами Краснаго Креста, доставлено въ харбинскій складъ 21.150 пудовъ питательныхъ продуктовъ и въ никольскъ-уссурійскій 5.500 пудовъ, консервовъ въ оба склада 57.000 жестянокъ, вина 1.500 бутылокъ и т. п.

Заготовка хлѣба и мяса поручена переселенческой организаціи. Рядомъ съ этимъ, въ виду невысокихъ пока на эти продукты цѣнъ въ Маньчжуріи и затруднительности доставки муки по желѣзнымъ дорогамъ, разрѣшено главноуполномоченнымъ пріобрѣтать ихъ на мѣстѣ въ мѣрѣ надобности впредь до подвоза хлѣба, заготовленнаго переселенческимъ управленіемъ. Въ дѣлѣ заготовки стерилизованнаго молока, масла и нѣкоторыхъ овощей исполнительной коммиссіи пришло на помощь Министерство Земледѣлія. Министерство Финансовъ по просьбѣ исполнительной коммиссіи безплатно предоставило Красному Кресту изъ своихъ сибирскихъ складовъ 100 ведеръ спирта въ 95 градусовъ, а Министерство Императорскаго Двора и Удѣловъ отпустило безплатно 9.500 бутылокъ краснаго вина и портвейна.

Въ цѣляхъ самой широкой гласности обо всемъ, что̀ дѣлаетъ исполнительная коммиссія по оказанію помощи больнымъ и раненымъ воинамъ, ею рѣшено устроить особое бюро прессы. Въ задачи этого

бюро входитъ правильное освѣщеніе путемъ печати всѣхъ мѣропріятій по оказанію помощи больнымъ и раненымъ. Бюро это состоитъ въ завѣдываніи В. С. Кривенко.

Въ заключеніе исполнительная коммиссія считаетъ необходимымъ доложить общему собранію свѣдѣнія о приходѣ и расходѣ средствъ на дѣло оказанія помощи больнымъ и раненымъ.

По даннымъ отчета Главнаго Управленія, къ 1-му января во всѣхъ учрежденіяхъ общества Краснаго Креста состояло всѣхъ капиталовъ 12.014.098 р., изъ коихъ 5.999.300 рублей запаснаго на надобности военнаго времени капитала, всѣ же прочіе капиталы суть спеціальные —на оказаніе пособій увѣчнымъ воинамъ, на содержаніе санитарныхъ учрежденій общества и проч., которые ни на что, кромѣ предметовъ прямого ихъ назначенія, расходуемы быть не могутъ.

Пожертвованій на нужды войны въ кассу Главнаго Управленія всего поступило по 2-е апрѣля 1.238.397 рублей, а въ мѣстныя учрежденія общества по поступившимъ къ 15-му марта даннымъ—2.518.196 рублей. Общій итогъ пожертвованій опредѣлился въ 3.756.593 рубля. Израсходовано по 2-е апрѣля по главному управленію 1.162.983 рубля, а по мѣстнымъ учрежденіямъ общества къ 15-му марта—491.680 рублей. Всего израсходовано 1.654.663 рубля.

Сюда входятъ частью и цифры воскреснаго церковнаго сбора, по ходатайству исполнительной коммиссіи разрѣшеннаго Святѣйшимъ Синодомъ; завѣдываніе и организацію этого дѣла принялъ на себя членъ Государственнаго Совѣта графъ Толь.

Въ распоряженіи общества Краснаго Креста на надобности военнаго времени остается, такимъ образомъ, пожертвованій 2.101.930 руб., а съ запаснымъ на надобности военнаго времени капиталомъ всего свыше 8.000.000 рублей. Хотя этотъ итогъ, къ счастію, оказывается уже болѣе благопріятнымъ, чѣмъ тотъ результатъ, который былъ доложенъ общему собранію 22-го февраля, когда вслѣдствіе малаго притока пожертвованій по центральной кассѣ расходы приходилось производить частью изъ запаснаго капитала, а сумма пожертвованій по мѣстнымъ учрежденіямъ была еще неизвѣстна, но тѣмъ не менѣе и эти болѣе благопріятныя данныя не должны приводить къ оптимистическимъ выводамъ. Война собственно еще только начинается, госпитали Краснаго Креста еще только развертываются, требованія къ складамъ Краснаго Креста только начинаютъ предъявляться, а уже израсходовано 1.650.000 рублей, причемъ далеко еще не все заготовленное оплачено.

Исходя изъ разсчетовъ, которые были доложены прошлому общему собранію, общій итогъ расходовъ только на содержаніе кроватей исчислялся приблизительно въ 4.500.000 рублей на 6 мѣсяцевъ. Въ настоящее время число кроватей, отправляемыхъ на театръ военныхъ дѣйствій, уже значительно возросло, съ 6.400 до 13.000, т.-е. слишкомъ вдвое; въ связи съ тѣмъ и общая сумма расходовъ только за полгода увеличилась тоже вдвое. Постоянно же возникающія новыя требованія—устройство прачешныхъ, покупка ледодѣлательныхъ машинъ, постройка собственныхъ бараковъ, закупка лошадей, муловъ, повозокъ для обоза и т. д., все это должно значительно повысить вышеприведенную сумму расходовъ, приблизительно исчисленную на полгода. Опытъ войны 1877—1878 г.г., когда израсходовано Краснымъ

Крестомъ $16^{1}/_{2}$ милліоновъ, говоритъ за предстоящіе Красному Кресту громадные расходы. Изъ этого вытекаетъ необходимость озабочиваться широкимъ привлеченіемъ пожертвованій, дабы дать Красному Кресту возможность справиться съ лежащимъ на немъ великимъ дѣломъ помощи жертвамъ войны.

ПОПРАВКА.

Выше, на страницѣ 450, строка 3-ья снизу, напечатано: Александровича, слѣдуетъ: Николаевича.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ
ТРЕТЬЯГО ТОМА

МАЙ — ІЮНЬ, 1904.

Книга пятая. — Май.

Книга шестая. — Іюнь.

